П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

с Н. Ф. фон МЕКК

1876 – 1881

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

Тип. им. Котлякова, 4 — 7 500 000. 1985 г. ЛГ-087-01-589.
Цена 0 р. 58 к. за 1000 шт.

МУЗЫКА

Под общей редакцией
А. К. Дживелегова

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

ACADEMIA
Москва — Ленинград

П. И. Чайковский

С фотографии 1879 г.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

ПЕРЕПИСКА

с Н. Ф. фон-МЕКК

II

1879—1881

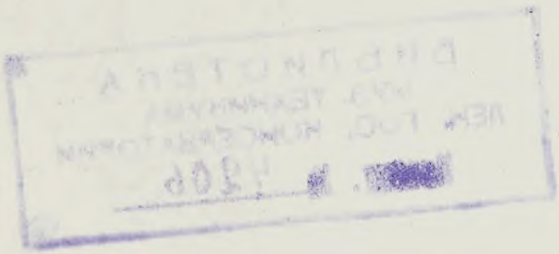
Редакция и примечания
В. А. Жданова и Н. Т. Жегина

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инв. № 4206

ACADEMIA
1935

Труды Дома-Музея П. И. Чайковского

Супер-обложка и переплет по рисункам А. Толоконникова



ОТ РЕДАКЦИИ

Второй том переписки П. И. Чайковского с Н. Ф. фон-Мекк охватывает период в три года: 1879—1881. Корреспонденция велась, особенно в первый год, с прежнею интенсивностью, но в тематике можно заметить некоторое отличие.

Кончился тревожный период, вызванный женитьбой Чайковского, и потеряли свою остроту мучительные переживания. Окончены три капитальных произведения («Евгений Онегин», Четвертая симфония, «Орлеанская дева»), и композитору потребовался отдых, чередовавшийся с работами над мелкими музыкальными сочинениями. Но перерыв в работе происходил не только от переутомления. Порой Чайковский терял веру в свои творческие силы и горько жаловался: «Я влачу теперь жизнь серенькую, без вдохновений, без радостей, но физически здоров совершенно и даже принялся за работу... Пока еще не чувствую ни малейшего поползновения написать что-нибудь своего собственного. Иногда мне приходит на мысль, что песенка моя спета, что источник вдохновений иссяк... Мне в эту минуту чудятся со всех сторон угрожающие и мне самому и всем, кто мне дорог, несчастия»*. Душевное состояние Чайковского в эти различные по внутреннему содержанию периоды, как это отразилось в переписке, крайне важно для углубленного изучения психологии художника, процессов его творчества.

Эти годы, годы отдыха, дали сравнительно не много в области творчества, но зато они были значительны в отношении роста популярности Чайковского. После успеха на Всемирной выставке 1878 г. Чайковский занял прочное место в программах европейских и американских концертов. Так, например, в конце 1879 г. за одну неделю произведения Чайковского исполнялись четыре раза в Берлине, затем в Пеште, Нью-Йорке; парижское Общество св. Цецилии посвятило Чайковскому целый концерт, французский музыкальный журнал в одном номере поместил о композиторе четыре заметки**. Рост популярности Чайковского за границей был несомненен. И в России интерес к нему значительно увеличился. Именно

---

* Письмо от 17 мая 1881 г., № 360.

** Все это сообщил Чайковскому П. И. Юргенсон в письме от 5 декабря 1879 г.

в эти годы, не раньше, стало обычным помещать Чайковского в программы симфонических собраний, в программы концертов знаменитых виртуозов. Первое исполнение новых его произведений (а в эти годы опубликовано их было несколько, в том числе две оперы) стало рассматриваться как большое событие в музыкальном мире, и если не всегда, скорее очень редко, публика и критика оказывались на высоте понимания и справедливой оценки, то все же об этих произведениях много говорилось и писалось, чего прежде не было. Приведенные в комментарии выдержки из забытых давно газетных статей достаточно убедительно показывают уровень популярности композитора в то время.

Не малый интерес представляет выступающий в переписке образ Чайковского как автора семейной хроники Давыдовых. Совсем не случайно, не ради предлога заполнить обязательный листик почтовой бумаги, с исчерпывающей, порой утомительной подробностью сообщает он будничные и праздничные события семейства сестры. Его письма к братьям полны теми же интересами, радостями и тревогами. Навсегда лишенный собственной семьи, Чайковский с большим усердием расточал свое внимание на племянников и племянниц.

Наконец, несколько слов о взаимоотношениях Чайковского и фон-Мекк. Отношения продолжали оставаться в прежней плоскости, но с некоторым оттенком большего спокойствия. Необычность знакомства приняла устойчивую форму, постоянный обмен письмами почти превратился в привычку. С ее стороны сохранились беспредельная заботливость об его популярности и материальном благополучии, восторженное преклонение. С его—благодарность, дружеская расположенность, учтивость, обязательность, а временами некоторая стесненность. В жизни Чайковского ничего исключительного за эти годы не произошло, и невозможно было изо дня в день заполнять письма содержанием; летопись стала несколько расплывчатою. Но все же именно эта переписка продолжала быть летописью Чайковского. Она хранит в себе богатейший материал для изучения жизни и творчества композитора.

В этом томе письма Мекк печатаются с сокращениями и петитом. Выпущены главным образом сообщения о природе, погоде, здоровье, семейная хроника, обязательные в каждом письме поклоны, пожелания и т. п. Сохранены однако все политические высказывания Мекк (так же как и Чайковского, письма которого вообще не подвергались никаким сокращениям). Эти высказывания обоих корреспондентов способны вызвать только возмущение и негодование, но убрать их значило бы прикрасить Чайковского и его корреспондентку. А это никак не входит в задачи нашего издания. Печатаемая переписка постольку и ценна, поскольку вскрывает правду о великом музыканте, больном человеке и безнадежно отсталом мыслителе. Всего сокращено около четверти текста писем фон-Мекк. Перерывы отмечены четырьмя точками.

Второй том переписки печатается по подлинникам, хранящимся в Музее Чайковского в Клину. Все письма написаны собственноручно (ни одного конверта к ним не сохранилось). Чайковский писал на почтовой бумаге с его монограммами П. Ч. и Р. Т. (французский алфавит). Фон-Мекк писала на бумаге различных форматов с разнообразными заголовками: дворянский герб, монограммы разных размеров, рисунка и цвета, тисненный золотом ее московский адрес (по-французски) и больше всего мелкие акварельные рисунки работы какого-то французского художника (среди рисунков цветы, фигуры, жанровые сценки, восточные мотивы и проч.). Обычно Мекк начинала письмо на бумаге большого формата, в следующих листах размер постепенно уменьшался, и оканчивалось письмо на небольшой карточке.

В интересах сохранения однообразия издания в этом томе тексты представлены так же, как и в первом, в котором письма напечатаны по сохранившимся копиям. Из особенностей письма Чайковского, нами не передаваемых, можно отметить следующие. Названия дней недели, названия месяцев пишутся с прописной буквы. И в таких словах, как: Дирекция, Консерватория, Каменский дом, Римский климат, Февральская сумма, Чайковский употреблял прописные буквы. Почти во всех словах он подчеркивал произношение их: Лёв Васильевич, Алёша, всё, тётка, бо́льший, большо́й, по́черк, во́-время, са́мый, весёлый, принёс, давно я не́ был, и т. п. Соблюда́лись Чайковским некоторые особенности, свойственные эпохе: и так (вместо: итак), предъидущий, еслиб, фортепьяно, матерьяльный, пиэса и т. п. Пунктуация Чайковского довольно точная. Можно отметить такие отступления. Необоснованные тире в середине фразы; иногда этот знак заменяет также красные строки. Чрезмерное выделение запятыми собственных имен и якобы вводных слов. В ряде случаев вместо необходимой точки ставится точка с запятой. В нашем издании все эти особенности не сохранены, за исключением тех, которые не противоречат установленной орфографии и заключают в себе звуковые отличия, как то: до свиданья и до свидания, если б и если бы, чтобы и чтоб, окончание слов ею и ей и т. п. Сохранен разнобой в собственных именах, (например Симаки и Снамаки), воспроизводится неправильное употребление иностранных слов вместе с русским окончанием, вроде: Colonn'y (надо: Colonne'y) и т. д. Вообще в отношении текстов писем и комментария применен тот же метод, что и в первом томе. В комментарий введены те же условные сокращения. Иллюстрации воспроизводятся по фотографиям и подлинникам, находящимся в Музее Чайковского.

Ни одно из писем фон-Мекк за эти годы не было опубликовано. Отрывки из писем Чайковского публиковались во втором томе его биографии, составленной М. И. Чайковским. Почти полностью опубликованы были №№ 12, 15, 136, 145, 147, 149, 153, 170, 180, 192, 194, 195, 199, 205, 207, 210, 211, 214, 232, 235, 243, 263, 285, 303, 315, 324, 325, 335, 344, 423, 426; в значительных отрывках №№ 5, 10, 13, 16, 20, 35, 48, 59, 60, 69, 81, 93, 102, 138, 174, 176, 177, 182, 184, 189, 198, 215, 218, 225, 227, 264, 268, 274, 283, 293, 297, 299, 307, 313, 317, 318, 327, 328, 330, 336, 338, 340, 379, 392, 396, 415, 425, 428; и в небольших цитатах №№ 3, 27, 30, 34, 40, 70, 75, 77, 99, 101, 110, 112, 123, 125, 128, 135, 144, 165, 188, 200, 229, 246, 249, 254, 259, 266, 267, 269, 278, 289, 331, 334, 337, 353, 356, 360, 366, 420, 422.

В редактировании музыкальных текстов и в комментаторской работе принимал участие Н. М. Шеманин. В комментаторской работе помогала Е. С. Серебровская, в выверке текстов—В. Т. Жегина. Ряд материалов для аннотированного указателя получен от Н. П. Чулкова и из архива Государственного академического Большого театра через О. С. Попову.

Том просмотрен в рукописи М. М. Ипполитовым-Ивановым, за что редакторы приносят ему глубокую благодарность.

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ
ПЕРЕПИСКА
с Н. Ф. фон-МЕКК

1879 год

1. Мекк—Чайковскому

Вена,
2 января 1879 г.
½9-го часа утра.

Милый, несравненный друг мой! Первый человек, которому я пишу в 1879 году, это Вы, поэтому еще раз поздравляю Вас с этим Новым годом и от глубины души желаю Вам нового счастья, свободы, здоровья и забвения всех прошлых мук! Ваша телеграмма вчера меня очень обрадовала. Я хотела сама Вам телеграфировать мое поздравление, но была почти уверена, что Вас еще нет в Clarens, и очень обрадовалась, когда увидела, что Вы наконец добрались туда и, вероятно, здоровы. Я очень боялась, чтобы Вы не простудились в этом ужасном переезде от Парижа до Dijon. Но какая зима в нынешнем году, положительно природа имеет ко мне личности. Как раз в том году, в который я для опыта решилась провести зиму за границею, порядок пошел au rebours*; в России тепло и нет снега, а на Западе свирепствует зима со всеми северными атрибутами: снегами, мятелями, заносами железных дорог и всеми предосудительными вещами, от которых мы не знаем куда деваться и на севере. Бог с нею, эта природа, я на нее очень сердита, тем более, что в настоящее время плачу жестокую дань ее милым шалостям: как только мы покинули милую нашу Флоренцию, с ее благодатным климатом, как только я попала в снег и холод, как простудилась самым безжалостным образом. Целую неделю просидела в комнате, наконец попробовала выехать, но схватила такую ужасную боль в боку, что слегла совсем в постель. Боль эта не новое явление в моем здоровье, я подвержена ей уже года три—должно быть, это ревматизм—но в этот раз она была особенно сильна от резкого перехода от тепла к холоду. Третьего дня я встала с постели, и хотя боли еще продолжаются понемногу, но мне гораздо лучше....

В опере мы были один раз в «Фаусте». Исполнение слабое, но я люблю здешний театр. Но как мне было скучно, что я не видела Вас внизу, мой дорогой, бесценный друг. Как я вспоминаю нашу Viale dei Colli[1], что за роскошная жизнь была там. Она чувствовалась каждую минуту, каждую секунду, и как хорошо было это сознание такой жизни. Как я была там здорова, там все было хорошо, а здесь только то и хорошо, что мои мальчики со мной, да и это так коротко....

Получили ли Вы нашу сюиту, мой милый друг? [2] Как я боюсь за нее. Какие известия из Петербурга? Что поделывают Анатолий и Модест Ильичи?

---

* наоборот

В каком настроении первый? Принялся ли опять за свою повесть второй? [3] В Петербурге ли еще Александра Ильинишна? Весело ли проводит время Mademoiselle Таня? Мне очень интересно знать о всех их....

Сегодня концерт Иоахима. У меня есть билеты, и мне очень бы хотелось поехать, не знаю, как будет мое здоровье вечером. Погода сегодня теплая: один градус тепла.

Чем Вы занимаетесь теперь, милый друг мой? Продолжаете ли оперу?

Сейчас получила Ваше письмо из Clarens. Очень рада, что Вы с удовольствием начинаете Вашу жизнь там; дай бог, чтобы и дальше Вам пожилось там хорошо, чтобы Вы отдохнули и с удовольствием принялись опять за работу.

Как бы я охотно проехалась на санях. До свидания, мой дорогой, бесценный мой. Будьте здоровы и не забывайте безгранично любящую Вас

Н. фон-Мекк.

P. S. Пахульский просил передать Вам его нижайшее почтение и поздравление с Новым годом.

Милочка Вам—un baiser* и поручила сказать que ce n'est pas mal à Vienne**.

2. Чайковский—Мекк

Clarens,
3/15 января 1879 г.

Очень был я обрадован ответной телеграммой Вашей, милый друг мой. Я получил ее замечательно скоро после отсылки моей. Всего от отправки моей телеграммы до получения Вашей прошло часов шесть, не более.

Теперь уже порядок дня у меня установился очень твердо. Он отличается от того, который был на незабвенной Viale dei Colli только тем, что обед бывает тогда, когда там был завтрак, а ужин приблизительно тогда, когда был там обед. В сумме я очень доволен здешней жизнью.

На другой же день после приезда я стал прилежно заниматься каждое утро писанием оперы, а после второй прогулки, которая бывает тотчас после обеда, составлением либретто [1]. То и другое значительно подвинулось вперед. Насколько я охотно и радостно принимаюсь за музыкальное сочинительство, настолько трудно дается мне литературное. Но я радуюсь тому, что план сценариума уже теперь вполне обрисовался в моем воображении; остается только шить по канве, но правда, что это далеко не так легко, как шить шерстью. Число слогов, стоп и в особенности р и ф м а там, где поневоле приходится делать стихи рифмованные, все это меня очень затрудняет и утомляет.

---

* поцелуй
** что в Вене не плохо

Прогулки теперь далеко не так приятны здесь, как это бывает весной и осенью. Высоко в горы подниматься страшно, ибо, того и смотри, случится снежный обвал, а внизу особенной прелести нет. Зима здесь стоит совсем так, как это бывает в России. Говорят, что с 1842 г. ничего подобного не было. Хозяева отелей и пансионов очень жалуются на недостаток приезжих. И в самом деле, я замечаю на улицах такую пустоту, которой прежде не было. Villa Richelieu, в которой всегда бывает мало народу, на этот раз совсем пустая, и я царю в ней безраздельно. Очень комично, что в час обеда и ужина раздается все-таки звонок к t a b l e d'h o t'y, на котором я восседаю solo. Это очень забавно. Комфортабельностью помещения, столом, услужливостью и крайней любезностью моей хозяйки я совершенно доволен. Книги у меня есть, каждое утро мне приносят номер «Г о л о с а»; ну, словом, соединились всевозможные условия для того, чтобы покойно, приятно и не праздно провести предстоящий месяц. Засим, если Вы не раздумали ехать в Париж к февралю, и я с удовольствием туда отправлюсь; если же нет, то я начну подумывать о возвращении в Россию. Париж для меня очень привлекателен, но там я бесконечно менее буду наслаждаться Вашею близостью, чем на Viale.

Воображаю, сколько у Вас было шумного веселья все это время! Хорошенько раздумав, я прихожу к заключению, что Пахульский немного теряет от того, что не нашлось в Вене учителя. Пусть занимается приложением к практике тех некоторых сведений о форме, которые он получил, занимаясь со мной. Чем больше будет тратить нотной бумаги, тем лучше: это набьет ему руку. Фуга же от него не уйдет. Не могу без смеха вспомнить изречение Д о о р а насчет того, что безумно хотеть пройти в два месяца то, что о н проходил полтора года [2]. Несмотря на эти полтора года, он все-таки не может написать даже плохой фуги. Дело не в продолжительности занятий, а в природной музыкальности, которой у него нет.

До свидания, мой друг.

Ваш П. Чайковский.

3. Чайковский—Мекк

Clarens,
5/17 января 1879 г.

Получил Ваше письмо, милый друг мой! Мне очень грустно, что Вы все недомогаете и что зима причиняет Вам столько физических страданий! Но я опять-таки не могу удержаться,

чтобы не выразить сожаления, что Вы не поселились на зимние месяцы где-нибудь около Ниццы! Буду утешать себя надеждой, что Вы скоро совсем поправитесь и что ко времени переезда в Париж Вы будете вполне здоровы. У нас здесь стоит упорно зима, но погода чудесная; солнце светит приветливо, и в воздухе такая чудесная свежесть. Гулять очень приятно и, пока движешься, не чувствуешь холода, но зато в комнатах приходится постоянно топить камин и садиться к нему поближе. Я на себя наклепал в посланном Вам стихотворении: я очень люблю т л е ю щ и х п о л е н в к а м и н е т и х и й т р е с к [1]. Ничто так не располагает к мечтам и сладким грезам, как пылающий камин.

Сообщу Вам, друг мой, о приятном сюрпризе, порадовавшем меня вчера вечером. Совершенно неожиданно явился почтальон и вручил мне — что бы Вы думали? — с ю и т у! Я просто глазам не верил, когда эти дорогие для меня клочки грязной нотной бумаги очутились, наконец, в моих руках. Оказалось, что Юргенсон послал их не по почте, а б о л ь ш о ю с к о р о с т ь ю, как товар. Я совершенно доволен, однакож никоим образом не могу теперь приняться за оркестровку. Нет возможности оторваться от оперы, которая теперь завладела всеми моими помыслами. Я должен кончить, по крайней мере, два действия прежде, чем примусь за сюиту. Быть может, я займусь ею в Париже в виде отдыха от работы над оперой.

Из Петербурга я имею самые приятные известия. Старик мой совершенно здоров и безмерно счастлив вследствие присутствия там сестры, которую он любит еще более, чем нас. Сестра уже более месяца находится там с двумя старшими дочками. Она немножко тоскует по младшим детям, но зато племянницы ужасно довольны. Старшая, Таня, несколько раз танцовала и обратила на себя внимание обществ, в которых находилась: оно и неудивительно. Она замечательно красива и при этом немножко... к о к е т к а, впрочем, очень немножко, т. е. без всякого жеманства и тонких ухищрений. Elle se fait valoir *—не более. Жизнь они ведут самую разгульную: театры, балы, пикники,—все это следует одно за другим непрерывной цепью. Оба брата весьма довольны присутствием в Петербурге этих трех милых личностей, но у обоих несколько страдают занятия вследствие участия во всех увеселениях, которые устраиваются по случаю приезда сестры. Модест несколько запустил свою повесть, а Толя—свои обвинительные

---

* Она умеет показать себя

акты. Последний в хорошем настроении и почти не хандрит. Про Панаеву он пишет мне, что убедился окончательно, что любовь прошла. Осталась только симпатия к ее таланту. Зато он увлечен теперь разом певицей Мариинского театра Е л и н с к о й и актрисой С а в и н о й. Необыкновенно влюбчивый молодой человек!

«Е в г е н и й О н е г и н» будет исполняться в одном великосветском обществе, а именно, у М-me Абаза [2]. Распределение ролей следующее: Татьяна—Панаева, няня—Абаза, Ольга—Лавровская, Онегин—Прянишников (артист Мариинского театра), Ленский—Лодий (то же). Аккомпанировать будет великий князь Конст[антин] Конст[антинович]. Я не могу только понять, как это будет исполняться: на сцене и в костюмах или просто в зале. Репетиции уже начались. В Москве шли полтора акта в консерватории, но как?—об этом я не знаю [3]. Никто ни единого слова мне оттуда не написал.

До свиданья, милый и добрый друг. Дай Вам бог быть совсем здоровой. Когда придется Вам целовать Милочку, то поцелуйте лишний раз за меня.

Ваш П. Чайковский.

4. Мекк—Чайковскому

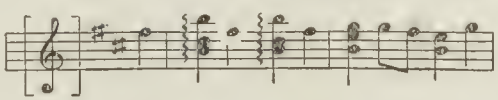
Вена.
7 января 1879 г.
8 часов утра.

Мне скучно, и я пишу к Вам, мой милый, добрый друг. Мои мальчики уехали, слезы выступают мне на глаза каждый раз, как я об этом подумаю; мне грустно самой, мне жаль их, бедных—опять за это скучное, убивающее жизнь ученье. Время их пребывания здесь промелькнуло, как один день: приехали, пошумели, оживили весь дом и опять улетели, и теперь так тихо, так пусто без них.

Благодарю Вас очень, очень, мой дорогой друг, за Ваши стихи; они прелестны, и сюжет их очень оригинален. Какие у Вас однако разносторонние таланты; если бы я не боялась за музыку, то я сказала бы, что Вам непременно следует заняться поэзией, но первое я еще больше люблю, чем второе. Если Модест Ильич не преклонится теперь перед ландышем, то, во всяком случае, Ваше стихотворение подстрекнет его также воспеть стихами свою фиалку [1]. Что, Модест Ильич живет в Петербурге с семейством Конради и каждую зиму или только нынешнюю? Вы сказали в Вашем последнем письме, дорогой друг мой, что если я не поеду в Париж, то Вы думаете уехать в Россию, то, пожалуйста, мой бесценный, повторяю опять мою усердную просьбу, не стесняйтесь нисколько моим желанием быть с Вами вместе в Париже, уезжайте прямо из Clarens в Россию. Я понимаю, что Вам это может быть даже очень нужно, в виду желания и з в е с т н о й о с о б ы освободить Вас от себя [2]. Я еще не изменила намерения поехать отсюда в Париж и даже сегодня буду писать туда о квартире. Мой проект есть такой: 1 февраля быть в Париже, пробыть там до 15 марта (все это

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 4206

по нашему стилю) и тогда в Россию через Петербург, где пробыть дня три-четыре, взять своих мальчиков к святой и поехать в Москву; там пробыть недели две-три и отправиться в Браилов как можно раньше; пробыть там до августа приблизительно и тогда опять за границу, но на самое короткое время....

Теперь расскажу Вам о своих музыкальных впечатлениях, мой милый друг. Были мы это время в двух концертах Иоахима; один был от Музыкального общества в большой зале, другой, его собственный, в малой зале дома Музыкального общества. Во-первых, скажу, что залы эти, в особенности большая, великолепны, отделано все, знаете, этою общею заграничною работою—позолоченным деревом с золочеными фигурами у колонн,—одним словом, очень красиво. Публикою было переполнено, дамы очень были нарядны, мужчины во фраках; на хорах (галлерее) было очень мало народу. Иоахим, как исполнитель, восхитителен, пение у него такое, что дрожью пробегает по нервам, о технике и говорить нечего, что она изумительна. Выбором пьес я недовольна. Первое он играл концерт Виотти, который хотя и очень хорош, но скучно уже теперь, неинтересно слушать такое старье; второе было совсем новое сочинение—концерт Брамса, который мне совсем не понравился. Во-первых, какого-то симфонического характера; первой темы я никак не могла поймать, она так запутана, что вся кажется интродукцией. Вторая тема ни с того, ни с сего, без всякого побуждения в предыдущем является в о и н и с т в е н и о ю, наконец после Cadenza наступает какой-то сон; оркестр и solo играют ppp, и публике также хочется заснуть. Andante совсем уже бессодержательно: все ждешь, что автор вот-вот что-нибудь скажет, и так до самого конца ничего не дождешься. Последняя часть несколько живее предыдущих, но также нечистая и несвоеобразная: характер вроде венгерского, но не выдержан и производит впечатление разведенного водою вина. В общем этот концерт ничего не стоит, но публика была ему рада, вытребовала своего Brahm'а и хлопала ему, не жалея перчаток. Иоахима также приняли отлично. Во втором своем концерте Иоахим устроил квинтет, за что я была очень сердита, потому что такого солиста, как он, интересно и слушать solo; сыграл бы он Ваш концерт, вот была бы прелесть! В квинтете участвовали два Helmesberger'а—папенька и сынок. Я не знаю, друг мой, имеете ли Вы понятие об этих личностях. Папенька—это завистливый интриган, и, попросту говоря, свинья ужаснейшая—так у него и на физиономии написано. Сын—пустейший, смешной фатишка, который носит женскую прическу и всегда и везде заботится только о своем лице. То один вид таких двух личностей уже возбуждает тошноту, а когда еще все время старый Helmesberger топал такт ногою, и когда в одном месте виолончелист одним тактом рано вступил, то он сорвался с своего места и чуть не выцарпал ему глаза,—то уже совсем гадко стало. К тому же, играли квинтет Бетховена прескучнейший—Quintetto C-dur из четырех частей, и, вообразите, друг мой, все части мажорные и, кажется, все в C-dur —может ли быть что-нибудь несноснее этого? Но зато второе он играл Баха Sarabande et bourrée для одной скрипки, и этот восхитительный Gavotte Баха[3], знаете, с вариациями:

и, наконец, сыграл Fantasia Schumann'a, op. 131. Это прелестная и дьявольски трудная вещь для скрипки, и сыграл он ее изумительно.

Теперь у меня лежат билеты на два концерта флорентийского квартета (Jean Becker et C-ie). Я не знаю, знаете ли Вы этого артиста, милый друг мой? Он отличный исполнитель-солист и очень милый писатель, хотя не отличающийся оригинальностью и самобытностью, но в обыкновенном духе он пишет очень мило, но очень мало.

Потом у меня приготовлены места на представления с Луккою; от этой певицы я также всегда прихожу в восторг....

Читали ли Вы в «Голосе», дорогой мой, музыкальные очерки Ларош, в которых он говорит о Вашем «Евгении Онегине»?[4] Как мне жаль Вас, что Вы должны сами писать либретто к Jeanne d'Arc—это мучительно. Во скольких актах предполагаете Вы ее сделать и как Вы решили насчет замены Lionel'я—Mongomery? Что делается с нашею сюитою?

До свидания, мой милый, несравненный друг. Жму Ваши обе руки. Всем сердцем горячо вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Безгранично благодарю Вас, бесценный друг мой, за участие и внимание к моему приемышу Пахульскому; я все это принимаю как выражение Вашей дорогой дружбы ко мне. Я ему каждый [день] повторяю Ваши слова, чтобы он марал побольше бумаги.

5. Чайковский—Мекк

Clarens,
8/20 января 1879 г

Милый и дорогой друг!

Жизнь моя продолжает итти тем же строго установленным порядком. Я очень доволен своей музыкальной работой. Что касается литературной, т. е. либретто, то этот труд наверно отнимет у меня хотя несколько дней жизни. Трудно передать Вам, до чего я утомляюсь. Сколько перьев я изгрызу, прежде чем вытяну из себя несколько строчек! Сколько раз я встаю в совершенном отчаянии оттого, что рифма не дается, или не выходит известное число стоп, или оттого, что недоумеваю, что в данную минуту должно говорить то или другое лицо. Что касается собственно рифм, то я нахожу, что было бы большое благодеяние, если бы нашелся кто-нибудь, взявший на себя издать словарь рифм. Если не ошибаюсь, такой словарь есть у немцев. Быть может, и русский есть, да мне неизвестный.

Так как необходимо себя от времени до времени освежать и развлекать от работы, то я намерен на этой неделе съездить в Женеву. Там, между прочим, даются от времени до времени симфонические концерты. Не думаю, чтобы они были очень хороши, но я все-таки постараюсь съездить так, чтобы попасть на концерт. Кроме того, мне нужна нотная бумага, которой здесь не достанешь.

Зима продолжает стоять очень упорно, и Вы бы очень страдали здесь от холода. Я же этого не боюсь, и чем холоднее

в комнате, тем лучше сплю. Но Алексей мой поплатился. Ему приходится обедать в очень холодной комнате у окна, он простудился и уже три дня болен флюсом, соединенным с маленьким лихорадочным состоянием. Сегодня однако ему гораздо лучше. Часто, гуляя, я вспоминаю Сан-Ремо, в котором как раз в это время был в прошедшем году. Какая огромная разница в климате! В это время, если Вы помните, я собирал там фиалки и посылал их Вам. Днем там бывало так же тепло, как в мае в России. Но, как местность, Сан-Ремо не оставил во мне приятного воспоминания, и я безусловно предпочитаю берега Лемана пресловутым прелестям Riviera Ponente. Зато Модест мой бедный в каждом письме с грустью вспоминает прошлый год. Ему ужасно нравилось и Сан-Ремо и в особенности Флоренция. Вообще вся поездка оставила в нем неизгладимо приятные воспоминания. Дело в том, что он был там со мной, а это для него бесконечно приятнее, чем жизнь с родителями его воспитанника, с которыми он никак не может сойтись по душе. Впрочем, внешние их отношения хороши теперь, и вообще он не жалуется, но пишет, что без стеснения сердца не может вспомнить прошлый год. Мое авторское сердце преисполнено гордости. Модест пишет, что мое стихотворение очень нравится и ему и всем, кому он его читал. О, если б столь же удачно вышло мое либретто!

С большим нетерпением жду известий от Вас, о Вашем здоровье, о том, как проводите время и много ли слышите музыки. Пожалуйста, друг мой, не принуждайте себя писать мне большие письма. Я буду вполне доволен коротенькими, лишь бы знать, здоровы ли Вы и что делаете.

До свиданья.

Ваш П. Чайковский.

Уехали ваши мальчики! Воображаю, как Вам кажется теперь пусто без них!

6. Чайковский—Мекк

Clarens.
10/22 января 1879 г.

Получил Ваше письмо, бесценный и милый друг мой! Как я понимаю тоску Вашу по сыновьям! В ней разве только то хорошо, что ценою этой тоски получается радость свидания. А до свидания Вам ведь не особенно далеко!

Я оттого гадательно и условно писал Вам о Париже, что у меня в голове давно уже сидела следующая мысль: «А что,—

думал я,—если Н[адежде] Ф[пларетов]не не хочется ехать в Париж, а между тем она, может быть, по своей бесконечной доброте и деликатности несколько стесняется обещанием, данным мне, пожить там в одно время со мною?» Угнетаемый этой мыслью я и написал о Париже в таком смысле, чтобы Вы вывели заключение о моем равнодушии к этому городу и вследствие того вовсе бы не принимали меня во внимание. Теперь, когда я вижу, что Вы во всяком случае едете в Париж, я могу без всяких увертюк сказать Вам, что я поеду туда же с в е л и ч а й ш и м у д о в о л ь с т в и е м и что мне этого у ж а с н о х о ч е т с я. В настоящее время, когда у меня такая трудная, такая утомительная работа, мне удобнее всего жить в таком городе, как Париж, но, разумеется, i n c o g n i t o, не якшаясь с музыкантами или соотечественниками, коих там не мало. Дело в том, что, целый день сидя за работой, к вечеру ощущаешь потребность в развлечении, способном совсем отвлечь мысли от «Иоанны д'Арк», со всеми ее атрибутами. А в Париже такому театралу и такому фланеру, как я, есть масса доступных и вполне подходящих развлечений. Я и здесь посредством разнообразного чтения умею по вечерам развлечь и освежить себя, но чтение есть все-таки деятельность мозга и напряжение, и хотя я себя отлично чувствую, хотя я ранее конца месяца отсюда и не желал бы уехать, но все-таки заранее знаю, что в Париже работа пойдет у меня еще быстрее. Знаете ли, мой дорогой друг, что у меня первое действие уже совсем готово, что первая половина второго действия через неделю тоже будет готова, и таким образом, вместе с тем, что мной написано во Флоренции, я буду на-днях иметь д в а п о л н ы х д е й с т в и я!!! А уеду из-за границы, имея в своем портфеле добрых три четверти целого! Ну, как мне не быть благодарным и преданным Вам до последнего издыхания? Ведь я В а м обязан этими результатами! Впрочем, с моей стороны несколько самоуверенно радоваться появлению на свет и быстрому росту нового детища. Я всегда увлекаюсь и даже иногда восхищаюсь своим последним чадом и потому совершенно неспособен теперь сказать решительно, есть ли оно крупный шаг вперед. Но мне кажется, что д а!

Вы спрашиваете, сколько действий в опере. Если позволите, я Вам, вкратце, расскажу сценариум.

Д е й с т в и е I. Крестьянки украшают венками заветный дуб Domremi и поют хор. Входит Иоанна, ее отец и ее prétendu *. Отец говорит, что не время петь и веселиться,

---

* жених

когда Франция погибает. «В такие тягостные времена,—говорит он,—для женщины необходим мужественный защитник», и он предлагает Иоанне выйти за ее prétendu, который ее любит. Она не отвечает; он усиливает просьбу; жених просит его не принуждать ее. Трио. Наконец Иоанна говорит, что ей богом дано другое назначение. Старик гневается и подозревает (по Шиллеру), что она вошла в сношение с нечистой силой. Он осыпает ее упреками и угрозами. На небе показывается зарево пожара, и слышен набат. Являются бегущие от англичан поселяне с женами и детьми, ищущие спасения и пристанища. Один из прибежавших в кратком рассказе описывает, что случилось и в каком положении Франция. Все считают себя обреченными на погибель. Тут выступает Иоанна и в экстазе пророчествует, что Орлеан будет освобожден и Франция спасена. Все изумлены, и хор говорит, что «в наше время чудес уж не бывает». «Есть чудеса,—отвечает она,—и одно чудо уж свершилось!» Салисбури (главный и самый страшный вражескпй вождь) убит. Никто не смеет верить. Является воин, пробившийся через вражеский стан, и подтверждает известие. Ансамбль и молитва. Все уходят. Иоанна остается одна. Она решает, что час настал и пора исполнить свое призвание. Но вдруг на нее нападает страх и тоска разлуки с родиной. Хор ангелов подтверждает ей повеление. Она просит, чтобы чаша миновала ее. Ангелы внушают ей решительность и мужество. Она приходит опять в свой религиозный экстаз и решается.

Действие II. В замке Шинон у короля. Слабый, но добродушный король занимается, сидя со своей Агнесой, слушанием пения менестрелей. По окончании пения он изъявляет свое удовольствие и велит певцов угостить и «каждому по цепи золотой». Дюнуа говорит ему, что не только золотых цепей, но ничего нет в казне. Король огорчен. Агнеса уходит, чтобы собрать все свои драгоценности и отдать их на общее дело. Дюнуа внушает королю его долг стать во главе войска и итти сражаться. Король готов и сражаться, но он влюблен в Агнесу, и ему тяжело расстаться с ней. Дюнуа в резких выражениях говорит ему опять о его обязанностях. Дуэт. Король воодушевляется и решается «обратить двор в военный стан». В эту минуту является один из рыцарей, раненный, и говорит, что сражение проиграно и он пришел умереть в ногах короля и показать ему, что теперь не до песен, а нужно умирать за родину. Но король, потеряв всякую надежду на успех, хочет бежать за

Луару. Дюнуа упрекает его и уходит. Король остается один в мрачной задумчивости. Является Агнеса. Она старается ободрить его. Любовное объяснение. Вдруг прибегают Дюнуа, архиепископ, рыцари и рассказывают, что свершилось чудо: появилась чудесная дева, и сражение выиграно. Вслед за тем слышны восторженные клики народа, и затем является Иоанна. Король, чтобы испытать ее, велит на свое место стать Дюнуа, но она не поддается обману и обращается прямо к королю. Потом она рассказывает историю своих видений и как ей было сказано, что она спасет Францию, но с условием, чтобы никакая земная любовь не закралась к ней в душу. Все уверовали в нее. Поется ансамбль и громкий финал.

Действие III. Картина 1. Эту картину я еще не вполне обдумал. Тут она должна встретиться (по Шиллеру) с Лионелем или Монгомери (это все равно) и влюбиться, вследствие чего она не может до конца исполнить свое призвание.

Картина 2. Коронация в Реймсе. Марш. Король всенародно признает заслуги Иоанны и веру в вложенную в нее силу свыше. Является отец ее и говорит, что она всех ввела в заблуждение, что она посланница не неба, а ада, что она колдунья и т. д. «Пусть, если я ошибся, скажет она всенародно, что она безусловно чиста сердцем»,—говорит он. Все требуют, чтобы она оправдалась, но она, считая себя преступной, молчит. Архиепископ троекратно спрашивает ее, и каждый раз вместо ее ответов слышатся удары грома. Все поражены и уходят. Иоанна остается одна. К ней подходит Лионель (или Монгомери), который из любви к ней перед этим перешел на сторону короля * и хочет следовать за ней повсюду. Она убегает от него.

Действие IV. Картина 1, тоже еще не обдуманная. Она происходит в лесу. Лионель преследует бегущую от него Иоанну. Он влюбился в нее. Когда она проклинает и гонит его, как своего злейшего врага, он, чтобы отомстить, предает ее в руки англичан.

Картина 2. В Руане. Иоанну ведут на костер. Лионель умирает в ногах эшафота, пораженный небесным гневом. Иоанна входит на костер. Народ тут начинает понимать, что взведенные на нее обвинения—клевета, и начинает протесто-

---

* В этом нет натяжки, потому что у Шиллера, согласно с историей, герцог Бургундский, бывший на стороне англичан, переходит к королю. (*Прим. Чайковского.*)

вать. Тогда распорядители поспешают с казнью. Ее возводят на эшафот. Она падает духом, но хор ангелов поддерживает ее. Показывается внизу пламя. Общий крик ужаса, и занавес падает.

Вся эта сцена хорошо обработана у Барбье, и я возьму ее оттуда.

Простите, дорогой мой друг, за то, что я несколько небрежно написал письмо это. Дело в том, что я немножко устал.

В субботу хочу съездить в Женеву, быть вечером в концерте или в театре, ночевать там и возвратиться сюда в воскресенье.

Будьте здоровы, драгоценный друг мой.

Ваш П. Чайковский.

7. Мекк—Чайковскому

Вена.
12 января 1879 г.
½ 9-го утра.

Милый, дорогой друг мой! Как я рада, что наша сюита отыскалась, но сколько беспокойств доставил этот лудак Юргенсон своим способом посылки, хотя теперь, когда она дошла до назначения, ему можно простить это. Очень меня также радует, что Ваш «Евгений Онегин» будет исполняться в великосветском кругу, радует вдвойне и то, что «Евгений Онегин» имеет такой успех и что наше общество развивается в музыкальном отношении до того, что сумело оценить сейчас и отечественное произведение. Обыкновенно это не в свойствах великосветского общества, оно привыкло восхищаться чужим и не сразу, а после составленной европейской известности. Дал бы бог, чтобы это общество и в интеллектуальном отношении вообще развивалось. А я думаю, лучшей Татьяны, как Melle Панаева, и придумать нельзя.

Я послала Вам, милый друг мой, одну книжку «Русской старины» и еще одно сочинение, которое я выписала из Москвы в двух экземплярах (один специально для Вас), потому что я думаю, что это интересно, — это Военные рассказы о минувшей войне. Если мы съедемся в Париже, я привезу Вам другие русские журналы, а теперь прилагаю здесь в письме статью Бюлова с отзывом об Вас[1]. Я отметила карандашом и самую статью и место, относящееся к Вам. Мне ужасно приятно, что он умеет Вас ценить.

Как мне Вас жаль, дорогой мой, что Вам приходится самому составлять либретто. Это ужасная работа, и я очень боюсь, что Вы слишком утомитесь, быть может, для этого Вам было бы лучше уехать в Россию и заказать там?

Я была в первом концерте флорентийского квартета. Беккер — выдающийся квартетист и скрипач, и я очень жалела, что он не играл solo. Играли они очень миленький квартет Bazzini, такой, как я от него не ожидала, и очень хороший квартет Riemann'a. Я хотела его купить, но его еще нет в печати. Сегодня второй концерт это[го] квартета. Мы едем опять....

До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем глубоко Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

8. Чайковский—Мекк

Clarens.
13/25 января 1879 г.

Благодарю Вас от всей души, милый друг мой, за посылку «Сборника военных рассказов» и относящихся к нему рисунков*. И в этом случае, как всегда, Вы по какому-то предчувствию исполнили мою мечту. Я уже несколько времени мечтал об этой книге и собирался хлопотать в Петербурге о присылке ее, как вдруг получил посылку Вашу. Не ошибаюсь я, предполагая, что почерк, которым обыкновенно пишутся адресы посылаемых мне Вами книг, принадлежит руке Юлии Карловны? Если да, то потрудитесь, дорогой друг, передать Вашей милой и доброй дочери мою живейшую благодарность.

В прошлом письме я забыл сказать Вам следующее. Вы пишете, что, может быть, мне следует пораньше быть в России, на случай, если пойдет, на сей раз не шутя, дело касательно моей свободы. Но я Вам скажу, что имею основание предполагать, что серьезного и теперь ничего не выйдет. Во всяком случае, я со своей стороны не начну ничего, наученный опытом прошлого года, что никакие втолкования не могут вразумить известную особу и заставить ее понять, в чем состоит ее роль. Она продолжает желать развода, но своим совершенно своеобразным способом. Между тем, тут необходимо с обеих сторон совершенно сознательное отношение к делу, иначе может разыграться очень опасная и неприятная история. Таким образом, я теперь дошел до того, что хотя, говоря абсолютно, для меня развод был бы неоцененным благом, но, говоря относительно, в применении к обстоятельствам и характеру действующего лица,—он меня пугает и страшит, и я только с крайней осторожностью вступлю в это дело, если, повторяю, инициатива будет взята той стороной. Во всяком случае, торопиться ради этого в Россию нечего. Я желал бы быть в Петербурге не ранее 1 марта. Что касается той попытки, о которой мне писал Анатолий в Париж, то, судя по тому, что человек, являвшийся к нему, говорил лишь одни несообразности в p e n d a n t ** ко всему тому, что о разводе говорила и з в е с т н а я о с о б а,—на это нельзя смотреть серьезно. Я полагаю, что это скорее всего результат раскаяния о потере десяти тысяч, которые предлагались летом, и робкая попытка узнать, что поделывают эти деньги. Но денег этих она не получит ни в каком случае.

---

* а также за «Русскую старину». (*Прим. Чайковского.*)
** дополнение

Хотел написать об этом обстоятельстве два слова, а вышли две страницы. Простите.

Ничего нового в моей жизни не совершилось. Все, что не докончено во втором действии, скоро, дня через два, будет готово. Свою поездку в Женеву я отложил до того дня, когда вполне конченные два действия уже будут лежать в моем портфеле. Я намерен провести в Женеве день или два, чтобы хорошенько отдохнуть и освежиться.

Сегодня день чудесный. Снег тает, в воздухе пахнет весной, и вид на озеро и горы ясный, без тумана. Очень красивый уголок земли вся эта местность, хотя я решительно не понимаю, почему сюда посылают на зиму чахоточных. Здесь климат, относительно говоря, суровый. В прошлом году весна началась в конце марта.

У меня теперь набралось много материала для чтения. Я нашел несколько хороших русских книг в здешней библиотеке. Кроме того, я перечитываю один из любимых своих романов «К р о ш к у Д о р р и т» Диккенса, и перечитываю с наслаждением [1]. Как выдохлась «Русская старина»! Что может быть менее интересного, как состав первой книжки на 1879 год? [2]

Алексей мой стал заниматься по О л л е н д о р ф у французским языком. Я ему немного помогаю, и дело идет очень изрядно. Будьте здоровы, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

Не писал ли Вам кто-нибудь из Москвы о том, как шел «Е[вгений] Онегин»? Я ничего не знаю кроме того, что было напечатано в «Голосе» [3].

9. Мекк—Чайковскому

Вена.
15 января 1879 г.
½ 9-го часа утра.

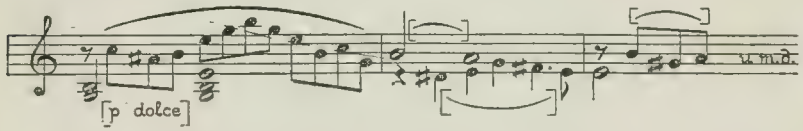
Как я рада, мой милый, бесценный друг, что Вы и сами непрочь приехать в Париж, а то я также боялась, чтоб это не было с Вашей стороны только баловством для меня, а быть балованною хотя и очень приятно, но ведь надо и честь знать....

Я была на-днях во втором концерте квартета Беккера. Играли очень красивый квартет Rauchenecker'a и виолончельную сонату А. Рубинштейна. Играли ее виолончелист из квартета, имя его не помню, должно быть, венгерец, и какая-то М-me Франк. Оба они играли посредственно. Эта соната очень милая, но не по силам исполнительнице, хотя у нее техника довольно развитая, mais elle manquait des nerfs*, которой требует эта соната

* по ей недоставало темперамента

в разработке тем, и того решительного гордого тона, которого требует сама первая тема. Зала была полна народом, аплодировали очень много. Вчера я была утром в филармоническом концерте Musikfreund Gesellschaft, знаете, под управлением Richter'a. Из всей программы я больше всего хотела слышать «Carnaval» Berlioz'a и только его и прослушала и вернулась домой, потому что ездила без Юли, так как трех билетов нельзя было достать. Публики бывает очень много в этих концертах, но концерты чрезвычайно редки, теперь следующий будет только 2 марта. Увертюра Берлиоза очаровательна. Я нахожу в ней только тот недостаток, что она слишком коротка. Оркестр великолепный, капельмейстер превосходный....

Теперь я играю с большим удовольствием и между прочими сочинениями разных авторов и симфонию Goldmarck'a «Ländliche Hochzeit», которую играли в Петербурге и о которой говорил в своей рецензии Ларош. Мне ужасно нравится этот автор (Goldmarck) и эта симфония, и я совсем не согласна с одним замечанием Ларош о ней, что музыка одного номера, именно, «Im Garten», с л и ш к о м мечтательна, поэтична для мужицкой свадьбы,—то, во-первых, неужели музыка, которая изображает крестьянскую свадьбу, должна быть вульгарна и тривиальна, как она есть в действительности? Художник, хотя бы и реалист, но поэт-реалист, всегда и все передает изящно и грациозно. Я нахожу, что характер н а и в н о с т и сохранен отлично, а тривиальности и быть не должно. Это что касается общего характера. Теперь, говоря о частности, на которую указывает г. Ларош, находя ее слишком мечтательною для сюжета, я смотрю на это так: каждый композитор, который изображает в своей симфонии какую-нибудь к а р т и н у, имеет полное право передать слушателю и свое собственное впечатление, ощущение при виде ее. Так я понимаю эту тему в «Океане» Рубинштейна:



Ведь это не океан, а чувство человека при виде этого бесконечного пространства, этих неумолкаемых волн, этой неизмеримой глубины, в которой так легко и безвозвратно можно схоронить всякое горе, всю тоску разбитой жизни, обманутых верований, невозможного счастья... В этом мотиве такая же г л у б о к а я тоска, как пучина в океане горе так же безысходно, как его волны, но это человеческое чувство — собственность автора. Так я понимаю и поэтическую задумчивость у Гольдмарка при виде картины, которую он рисует перед слушателем; много, много дум могут пройти в голове человека при этом виде. Эта симфония мне так нравится, что я посылаю ее Вам, мой дорогой. Она в четыре руки, но ведь для Вас это ничего не значит, когда Вы целые партитуры играете на фортепиано à livre ouvert*. Еще посылаю Вам мелкие пьесы Grieg'a; он умно пишет, хотя натянуто. Также посылаю «Die Königin von Saba» Гольдмарка и «Carnaval in Paris» Svendsen'a, также игранную в Петербурге в симфоническом собрании. Все эти сочинения я прошу Вас, милый друг мой, н е присылать мне назад, потому что у меня есть вторые экземпляры.

Очень, очень Вам благодарна, мой бесценный, за сообщение мне сценариума Вашей оперы. Но, боже мой, как у Вас кипит работа—это порази-

---

* с листа

гельно! А только я все-таки и за свое детище — племянницу — хочу у Вас похлопотать, друг мой; не покидайте и а ш у сюиту, а то уж я начинаю Вас ревновать к опере,—а ведь сюита должна быть очень хороша! До свидания, милый, драгоценный мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

10. Чайковский—Мекк

Clarens.
15/27 января 1879 г.

Ровно месяц тому назад в этот день Вы уехали из Флоренции, милый и дорогой друг! Милая вилла Bonciani! [1]. Очень часто я переношусь мысленно в эти уютные комнаты, где мне чувствовалось так хорошо и покойно!

Получил сегодня письмо Ваше. Вы спрашиваете, друг мой, не лучше ли было бы заказать либретто в России? Во-первых, два действия у меня уже вполне готовы, а остальные два намечены и обдуманы. Во-вторых, я не знаю ни одного человека, которому я бы охотно заказал либретто. Наиболее талантливые стихотворцы гнушаются подобной работой, а если и берут ее на себя, то за огромное вознаграждение, которое далеко не соответствует достоинству вещи, потому что недостаточно быть стихотворцем; нужно знать сцену, а эти господа театром никогда не занимались. Кроме того, каждый свой стих они считают святыней и сердятся, когда музыкант по собственным своим соображениям изменяет, дополняет и сокращает *, без чего невозможно обойтись при сочинении оперы. Но, разумеется, найдется не мало посредственных писак, которые возьмут на себя за небольшую плату этот труд, но дело в том, что я сделаю наверное не хуже их. Вообще составление либретто самим автором музыки имеет и свои хорошие стороны, ибо он совершенно свободен располагать сцены, как ему угодно, брать те размеры стиха, которые потребны ему в том или в другом случае, но зато такому музыканту, как я, т. е. затрудняющемуся в технике стиха, дело это представляет большие трудности. Трудности эти однакож не непоборимые, и доказательством этому служит то, что мои первые два действия я сделал же в конце концов!

«Сборник военных рассказов» я не прочитал, а проглотил. Правда, что зато я три ночи сряду ложился очень поздно. Нечего и говорить, до какой степени в них много самого жгучего, но зато и болезненно действующего на душу

* Я это знаю по опыту, ибо два раза писал на тексты Полонского. (*Прим. Чайковского.*)

и сердце интереса. Когда читаешь про столько вынесенных мук и когда вспомнишь, какие ничтожные результаты достигнуты ценою их, делается грустно, обидно и больно. Мало того, война эта теперь кажется какой-то донкихотскою нелепостью, ибо что бы ни говорили патриотические и шовинистские газеты, а главный результат все-таки не достигнут, ибо Болгария все-таки не вполне свободна. Вы и я были счастливы в том отношении, что никого не потеряли на войне из близких. Но я часто думаю: а что если бы брат Анатолий был не товарищем прокурора, а штабс-капитаном какого-нибудь армейского полка и был бы на войне убит и, вдобавок, изрезан в куски башибузуками? Как бы я тогда рассуждал о целесообразности войны, последним результатом которой — унижение России, падение ее кредита и кичливое торжество Биконсфильда? Нет, война—ужасное дело!

Я сегодня начал отдыхать. Два действия оперы кончены. Вчера вечером я сыграл все второе действие сполна и имел нескромность восхищаться произведением своей музы. Это, разумеется, еще ничего не доказывает. Кто знает, может быть, это самое второе действие через два-три года будет вызывать на мои щеки краску стыда! Со мной это бывало! Но как бы то ни было, а я остался собой очень доволен, но, как это всегда бывает со мной, стал думать о том, сколько еще предстоит труда, сколько хлопот и стараний, чтобы добиться постановки (опера, не поставленная на сцене, не имеет никакого смысла), сколько мук и разочарований на репетициях от неимения подходящих артистов, упорной тупости дирекции театров и т. д. и т. д. Вследствие всех этих страхов и беспокойств сильнейшим образом расстроил себе нервы и провел плохую ночь [2]. Сегодня утром проиграл вполне первое действие и тоже остался доволен, но так как утро меньше ночи имеет свойство внушать грустные мысли, то расположение духа самое приятное, и большая охота ревностно продолжать начатое.

Завтра я хочу подготовить себе материал, т. е. написать текст первой сцены третьего акта (капитальной по своему значению), в среду уехать в Женеву, быть там в концерте (мне говорили, что симфонические концерты бывают по средам), в четверг вернуться и снова приняться за работу.

Мне будет очень приятно, милый друг, если Вы напишете мне, когда думаете выехать из Вены. Вероятно, и я соберусь в Париж в одно время с Вами.

Вероятно, из Женевы я напишу Вам.

Будьте здоровы, мой милый, добрый друг.

Ваш П. Чайковский.

Милочке передайте, пожалуйста, приветствие. Что делает Пахульский?

11. Мекк—Чайковскому

Вена,
17 января 1879 г.

Вчера получила Ваше письмо, дорогой друг мой, в котором Вы спрашиваете меня, не имею ли я из Москвы известий о «Евгении Онегине»— то из Москвы я не имею никаких, а вчера прочла в фельетоне «Голоса», что он совсем не шел, и объясняются причины этому; то я и спешу послать Вам этот фельетон, милый друг мой,—быть может, Вы еще его не читали[1]. Вы увидите в нем заступничество за Н. Г. Рубинштейна, и меня очень радует, когда я слышу голоса за него....

Вы спрашиваете, милый друг мой, Юлею ли надписываются посылки к Вам,—то вы совершенно угадали, что это ее рука. У нее очень дурной почерк, и мой покойный муж всегда бывал в отчаянии, что она так дурно пишет, и хотел, чтобы она брала уроки чистописания, но она так мало придает значения всякой в н е ш н о с т и , что отпросилась от этого обучения. Я передала ей Ваше поручение, она посылает Вам поклон и говорит, что ей очень приятно сделать для Вас хотя самую маленькую услугу. Скажу Вам при этом, милый друг мой, что изо всего моего семейства она о д н а знает о моей переписке с Вами и моей горячей дружбе и уважении к Вам и вполне сочувствует им, другие же все знают меня только как страстную поклонницу Вашего таланта....

А каков молодец Ваш Алексей—по-французски учится! Какая любознательность и желание образования. В добрый час, это очень приятно видеть. Моя прислуга не так прогрессивна. Иван Васильев очень любит читать газеты, но русские, и другим языкам не чувствует желания поучиться; горничные, те совсем отсталые; француз, ну, этот по-итальянски научился скоро, а немецкий не идет. Я, вероятно, возьму здесь еще одного лакея, венгерца, который уже служил у меня в прошлом году. Я также взяла его из Вены, но не поладил с одним из людей и ушел, а теперь просит, чтобы я его опять взяла; он порядочный человек. Простите, милый друг мой, что я надоедаю Вам такими неинтересными для Вас предметами, как мои хозяйственные дела, а мне приятно говорить с Вами обо всем à livre ouvert *.

До свидания, дорогой мой, милый. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк

P. S. Милочка поручила мне передать Вам, qu'elle Vous envoie un bon baiser **.

12. Чайковский—Мекк

Clarens,
18/30 января 1879 г.

Дорогой друг мой!

Вчера перед самым отъездом в Женеву получил письмо Ваше. Как мне благодарить Вас за вечные заботы обо мне? Я несказанно радуюсь нотам, посылаемым Вами мне, ибо они попали как раз в то время, когда мне захотелось, чтобы от-

---

* откровенно

** что она посылает Вам нежный поцелуй

влечься от собственной музыки, поиграть что-нибудь интересное и новое. Одно только досадно, что нет никого, с кем бы можно было поиграть в четыре руки. Придется читать глазами симфонию Гольдмарка и увертюру Свендсена. Как я завидовал Вам, читая про Ваши музыкальные впечатления от квартета Беккера и оркестра Рихтера. Последний есть именно тот, который два года назад исполнял мою увертюру «Ромео и Юлия» и был за эту смелость наказан, ибо увертюра была дружно ошикана [1]. В прошлом году этот же Рихтер хотел играть мою третью симфонию и на репетиции пробовал ее, но члены Филармонического общества протестовали. Почему? Не знаю. Как бы то ни было, но в душе моей я питаю невыразимую благодарность к граждански мужественному капельмейстеру, пытавшемуся бороться с предубеждением Европы против всего идущего из ненавистной России.

Поездка моя в Женеву не доставила мне ни малейшего удовольствия. Концерт, на котором я присутствовал, мало интересный по программе (симфония Шпора, танцы из оперы Спонтини «Эвриданта»), произвел на меня, по исполнению и по всей обстановке, впечатление чего-то очень комического. Особенно смешон был капельмейстер, приходивший в такой азарт, что местами с телом его делались какие-то конвульсии. Самый оркестр очень плох. Вообще, насколько я люблю берег Женевского озера, начиная от Вевеи кончая Вильневом, настолько мало мне симпатична хорошенькая, но наводящая уныние Женева. В отеле, где я остановился, со мной поступили по-разбойнически, т. е. с горя, что в этот сезон у них мало постояльцев, они набросились на меня с усердием, достойным лучшей цели. Цены непомерные. Я вернулся сюда с новым наплывом любви и привязанности к вилле Ришелье, где мне так хорошо и где между тем так дешево. Я не могу достаточно нахвалиться деликатностью, добросовестностью моей милой хозяйки.

По поводу нашей сюиты я должен у Вас просить прощение, добрый друг! Но клянусь Вам, что я ее окончу и приведу в полный порядок не позже этой весны. Теперь же, ради бога, позвольте мне продолжать оперу. Мне в высшей степени было бы трудно оторваться от нее. Я слишком разбежался, так сказать, и остановить этот бег было бы даже нехорошо для оперы. Я хотел бы не отрываться от нее, пока не напишу двух капитальных и труднейших любовных сцен (первые картины третьего и четвертого действий), но как только я с ними справлюсь, то тотчас же примусь за сюиту. Ради бога, простите меня, дорогая моя, за то, что я решаюсь немножко отложить ее.

В Женеве мне попалась в руки статья «Нового времени», где опять нападают на Н. Г. Рубинштейна. Юргенсон пишет мне, что он до крайности раздражен. Я решился со своей стороны сделать что-нибудь для него и с этой целью написал сейчас письмо к Стасову (музыкальному сотруднику), прося его разъяснить редактору Суворину что нельзя с таким упорством и такой злобой преследовать человека, во всяком случае оказавшего и оказывающего большие услуги русскому искусству [2].

До свиданья, милый друг мой. Познакомившись с присланными Вами нотами, я выскажу Вам об них свое мнение.

Тысячу раз благодарю Вас.

П. Чайковский.

13. Чайковский—Мекк

Clarens,
20 января/1 февраля 1879 г.

Мне доставила огромное удовольствие статейка «Голоса», которую Вы мне прислали, добрый друг мой! Это случилось как раз в то время, когда я находился под впечатлением новой сплетни и новой нападки на бедного Н[иколая] Г[ригорьевича] в «Новом времени» по поводу певца Зильберштейна. Дело в том, что Рубинштейн хотел выгнать этого еврея за то, что он ходил пробовать голос в школу г. Шостаковского. Фельетонисту, конечно, легко выдать этот случай за проявление бесчестного злоупотребления властью, но он не рассказывает читателям того, что этот Зильберштейн уже несколько лет сряду содержится Н[иколаем] Г[ригорьевичем], т. е. кормится, одевается, отопляется, освещается и т. д. на его деньги. Согласитесь, что нельзя не возмутиться подобной неблагодарностью. Как жаль, что единственный тенор в консерватории—личность столь дрянная, как этот жидок! Между прочим, интересно следующее обстоятельство. Когда я в нынешнем году в конце августа был в Петербурге, то Давыдов (директор) сообщил мне, что Зильберштейн приезжал в Петербург и был у него, предлагая себя в стипендиаты Петербургской консерватории. Давыдов (несмотря на свою распрю с Н[иколаем] Г[ригорьевичем]) был так добросовестен, что решительно отказал ему. Выслушав эту историю, я просил его не распространять ее, дабы Н[иколай] Г[ригорьевич] не выгнал нашего единственного тенора. Приехавши в Москву, я вызвал однажды его из класса, и, сказав ему, что история его поездки мне известна, я объяснил ему всю неблаговидность и низость его поступка и дал слово не говорить ни-

чего Н[иколаю] Г[ригорьевичу], с тем чтобы он оставил свои попытки предательства. Сначала он старался уверить меня, что все это неправда!!! Потом признался и умолял не говорить никому. Таким образом этот негодный лгунишка по моей милости остался попрежнему в консерватории и продолжал жить на деньги Н[иколая] Гр[игорьевича]. Каков же был мой гнев, когда я прочел в «Новом времени» рассказ о его новой предательской попытке, причем Руб[инштейн] поносится самым наглым образом! Не обидно ли и не глупо ли, что столько различных, действительно несправедливых поступков Н[иколая] Г[ригорьевича] не вызывали ничего, кроме всеобщего сочувствия (сколько было случаев, когда без ругательств написанная статейка могла бы в свое время вполне кстати побичевать его за неумеренный деспотизм), а теперь на него всячески клевещут по поводу таких случаев, где он является с своей самой сочувственной стороны. Возмущенный всем этим и узнав из письма Юргенсона, что Руб[инштейн] очень убит и огорчен этим газетным преследованием, я решил, что следует что-нибудь предпринять в его защиту. Так как я раз навсегда отказался от всякой газетной полемики, ибо по опыту знаю, что от этого дело только пошло бы еще хуже, то я придумал другое средство. При «Новом времени» состоит сотрудником Стасов. Этот человек чрезвычайно противен как музыкальный критик: он очень запальчив, пристрастен, односторонен и даже туп, но как личность Стасов—человек, в сущности, добрый и порядочный. Я говорю это потому, что знаком с ним лично и имел случай на себе самом испытать, что его музыкальная враждебность к той или другой личности не мешает ему быть готовым на дружеские услуги для этой же личности. Я написал этому Стасову большое письмо, в котором стараюсь доказать ему, что в качестве музыкального сотрудника он не должен терпеть, чтобы в его газете систематически поносился человек, во всяком случае оказавший русской музыке огромные заслуги; что ему нужно пойти к Суворину и потребовать от него прекращения этих бесчинств. Что из этого выйдет, не знаю. Получивши ответ Стасова, я сообщу Вам, милый друг, содержание его. Это письмо успокоило мою совесть. Я чувствовал себя обязанным хоть что-нибудь сделать для защиты человека, который часто наносил мне огорчения, но которому вместе с тем я все-таки много обязан, ибо он не мало сделал для пропаганды моих сочинений и для упрочения моей репутации.

Из присланных Вами нот я покамест сыграл только вещицы Грига и два действия оперы Гольдмарка[1]. Не знаю, говорил

ли я Вам в свое время, что в Париже я заинтересовался оперой Massenet «Le roi de Lahore» и приобрел ее себе [2]. Таким образом, в моих руках теперь две оперы двух композиторов новейшей школы. Скажу Вам, дорогой друг, что я отдаю безусловное преимущество Massenet. Я знаю, что Вы его недолюбливаете, и я сам до сих пор не особенно сочувствовал ему. Но его опера пленила меня необычайною прелестью фактуры, простотой и в то же время свежестью стиля и мыслей, богатством мелодий и особенною изящностью гармонии, причем нигде нет придуманности, оригинальничанья. Опера Гольдмарка мне нравится очень мало, как раз настолько, что ее можно проигрывать с интересом, ибо она написана все-таки хорошим немецким мастером. Но все современные немецкие мастера пишут тяжело, с претензией на глубину, с какой-то неумеренно колоритной кистью, которая тщетно старается скрыть бесконечной мазней поразительную бедность мыслей. Например, любовный дуэт второго акта? Как это невокально! Как мало простора певцу, какие бесцветные темы! А между тем у Massenet любовный дуэт хотя гораздо проще, но зато в тысячу раз свежее, изящнее, мелодичнее. Гольдмарк (как оперный композитор) оказывается исчадием Вагнера, т. е. не в смысле проведения принципов Вагнера, а в смысле чисто музыкальном. Massenet такой же эклектик, как Гуно, т. е. у него нет поразительной оригинальности, но зато он никому не подражает в особенности. Пожалуйста, милый друг, приобретите эту оперу и, проигравши, скажите Ваше мнение. Относительно Грига я вполне разделяю Ваше мнение.

До свиданья, милый друг! Занятия идут успешно. Пишу первую картину третьего действия. Будьте здоровы! Тронут и польщен поцелуем Милочки. Прошу Вас передать поклон Юлье Карловне и Пахульскому.

Ваш П. Чайковский.

14. Мекк—Чайковскому

Вена.
21 января 1879 г.
8 часов утра.

Мой милый, дорогой друг! Я эти дни опять нездорова, опять простудилась, сижу в комнате и хандрю. Я вижу, что мне по силам только итальянский климат, да что делать—человек семейный не может брать только то, что ему хорошо: пришлось подняться на север, а тут и простуды и недуги.

Вы спрашиваете, милый друг, когда я предполагаю...[1] Если ничего не случится, т. е..., то я предполагаю выехать отсюда в конце этого месяца, но у меня в Париже квартира еще не решена, хотя это не может задержать—можно первоначально приехать в Hôtel. Но мне досадно, что я не в Париже уже теперь, чтобы приготовить для Вас помещение, мой дорогой. Я бы устроила опять так, как на Viale dei Colli, чтобы я могла каждый день ходить гулять около Вашей квартиры. Это такое счастье! Я была как-то бодрее, смелее, мне казалось, что со мною ничего дурного не может случиться при Вашей близости. Ах, как было хорошо!

Недавно мы были на «Sigfried'e» Вагнера, и он мне надоел ужасно, потому что Вы знаете, как этот великий немец растягивает все свои сцены: представление шло с половины седьмого до трех четвертей одиннадцатого, но все-таки в музыке есть замечательные вдохновения.

Петр Ильич, мне бы ужасно хотелось, чтобы Бюлов познакомился с Вашим «Евгением Онегиным». Пошлите ему, голубчик, он умеет ценить Вашу музыку, а «Евгений Онегин» — такой перл, от которого он будет, наверно, в восторге. Я все это время думала об этом. Если у Вас нет, то я сейчас могу выписать по телеграфу из Москвы. У меня здесь есть два экземпляра, но они в постоянном употреблении. Купила я на днях скрипичный концерт Раффа[2]. Но что это за гадость, так трудно себе представить. Я вообще Раффа терпеть не могу, а этот концерт подтверждает мою антипатию; я Вам пришлю его в Париже.

Пахульский марает бумагу по Вашему приказанию. От восьми часов до одиннадцати играет на скрипке. Не знаю, что он пишет, потому что я ничего не видела. Он говорит, что очень недоволен тем, что выходит из-под пера. Я все твержу ему, чтобы писал сонаты, пусть набивает руку, как Вы приказываете. До свидания, милый, бесценный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

15. Чайковский—Мекк

Clarens,
23 января/4 февраля 1879 г.

Какие грустные вести из России, дорогой друг мой! Едва лишь горизонт начал разъясняться, а с ним вместе подыматься и курс наш, как небо послало нам чуму. Если даже она и будет локализирована, если кордоны и карантины помешают ей весной распространиться, то все-таки значительный вред уже нанесен и теперь нашей торговле и промышленности. Страшно и подумать о том, что будет с Россией, если эпидемия разыграется не на шутку. Читали ли Вы в газетах, что с 10 февраля русские путешественники будут пропускаться через прусскую границу не иначе, как с паспортом, визированным в посольстве или консульстве, которые в свою очередь будут давать свой visa t не иначе, как по засвидетельствованию полицией, что едущий не находился в местах, где свирепствует чума? Кроме того, и путешественники и багаж будут

подвергаться обкуриванию и карантинным мерам. При этих затруднениях разве одна только необходимость заставит русских ехать в чужие края. Чтение русской газеты (я получаю теперь ежедневно «Новое время») наводит уныние,— только и разговора, что про чуму. Да и есть об чем говорить. Слава богу, что меры принимаются очень энергические. По поводу газет еще скажу следующее. Я ежедневно читаю здесь одну русскую газету, одну французскую и одну швейцарскую. Знаете, что всякий раз, когда после французских я перехожу к нашей, мне не только грустно, ибо читаешь грустные известия, но и немножко стыдно. Оттого ли, что у нас нет политической жизни, оттого ли, что наша публика этого требует, но только в каждом номере газеты непременно кто-нибудь и с кем-нибудь ругается. «Новое время» ведет теперь полемику по поводу поднятого некоторыми литераторами вопроса о литературной чести и суде из литераторов над провинившимися литераторами же. Боже мой, как они ругаются, какие уличные, грязные, бранные эпитеты и выражения они сыплют друг на друга! И при этом непременно л и ч н о с т и, т. е. попрекания такими обстоятельствами частной жизни, которые к предмету полемики никакого отношения не имеют. Во вчерашнем номере «Нов[ого] вр[емени]» есть статейка Бурейнна, в которой неприличие тона, сальность и мерзость выражений переходит решительно за границы всякого приличия! [1] Как это противно. Возьмите самую банальную и пустую парижскую газету (например, «Figaro»), Вы никогда ничего подобного не найдете. Там спорят, но не бранятся. Правда за то, что наши газеты в своих политических отделах не так нагло глумятся и клевещут, как глумятся и клевещут в некоторых иностранных газетах на Россию. В этом отношении особенно ненавистна венская пресса и особенно «N e u e F r e i e P r e s s e», которую нельзя в руки взять, чтобы тотчас не напасть на какую-нибудь ложь и клевету против России и русских. Если не ошибаюсь, в Вене нет ни одной газеты, относящейся к России сочувственно.

Я теперь достаточно хорошо изучил оперу Гольдмарка, чтобы произнести свой приговор над ней. Я думаю, что я лучше всего объясню Вам свой взгляд на эту оперу, если скажу следующее. Когда я играю «L e r o i d e L a h o r e», то думаю: «В о т б ы м н е т а к у ю о п е р у н а п и с а т ь»; когда играю Гольдмарка, то думаю: «Д а й б о г, ч т о б м о я о п е р а б ы л а н е т а к с к у ч н а, н а т я н у т а и с у х а п о м у з ы к е, к а к э т а!» Ни одного слова этот автор не говорит спроста, все у него как-

то замысловато, сложно, неудобопонятно, а между тем разберите хорошенько, и Вы не найдете ни одной свежей и округленной мысли. Поразительная бедность мелодическая, поразительное отсутствие оригинальности в стиле (по-моему, Гольдмарк состоит из смешения Вагнера с Брамсом), но претензий бездна. Впрочем, я должен оговориться. Гольдмарк сам виноват, если его опера производит такое впечатление по клавираусцугу. Очень может быть, что на сцене все это гораздо ярче и светлее. Дело в том, что его клавираусцуг так же неудобоисполним, труден и тяжеловесен, как, например, мой клавираусцуг «Вакулы». Это большая ошибка. Я теперь пришел к тому убеждению, что опера вообще должна быть музыкой наиболее общедоступной из всех родов музыки. Оперный стиль должен так же относиться к симфоническому и камерному, как декорационная живопись к академической. Из этого, конечно, не следует, что оперная музыка должна быть банальнее, пошлее всякой другой. Нет! дело не в качестве мыслей, а в стиле, в способе изложения. Если не ошибаюсь, Гольдмарк в своей опере так же точно погрешил против принципа декоративности, как я в «В а к у л е». Не думаю, чтобы его опера могла нравиться публике, и если она имела успех, то думаю, что это благодаря эффектному либретто, хотя эффектность чисто внешняя. Для меня в этом сюжете нет ничего пленительного: его королева, его Ассад, его Соломон—все это такие м а н е к е н ы, такие казенно стереотипные оперные фигуры!

Я окончил первую картину третьего акта и завтра принимаюсь за первую же картину четвертого. Очень смущаюсь предстоящими трудностями. Мне бы очень хотелось уехать отсюда в Париж с этой сценой в моем портфеле.

До свиданья, милый, добрый, нежно любимый друг!

Ваш П. Чайковский.

16. Чайковский—Мекк

Clarens,
25 января/6 февраля 1879 г.

Вчера получил письмо Ваше, дорогой друг! Меня весьма огорчает, что Вы нездоровы. Если б не то обстоятельство, что, может быть, в эту минуту Вы уже связали себя наймом помещения в Париже, то я бы посоветовал Вам согласиться на предложение М-me Левис и в самом деле отправиться в Рим, где Вы очутились бы в совершенно подходящем для Вас климате и притом в самое лучшее время, т. е. в начале весны

Весьма жаль, что Вам так мало пришлось пользоваться благотворным климатом Италии!

А у нас здесь в последнее время совсем весенняя погода, и хотя перепадают дожди, но очень тепло, и я гуляю с большим наслаждением. Относительно своего парижского устройства я решился так. В «Hôtel de Hollande» мне не хочется жить, ибо там темно до того, что заниматься очень трудно иначе, как со свечками. С другой стороны, мне хочется быть поближе к Вам, и поэтому я решился сначала остановиться в первом попавшемся отеле, а потом уже поискать в Вашем соседстве. Корреспондентов же моих я просил пока адресовать мне в poste restante.

Я непременно воспользуюсь Вашим советом и напишу Юргенсону, чтобы он выслал экземпляр «Онегина» Бюлову [1]. Вообще говоря, я не люблю по собственной инициативе знакомить музыкальных тузов с моими писаниями, но Бюлов составляет единственное исключение, ибо он в самом деле интересуется русской музыкой и мной. Это едва ли не единственный немецкий музыкант, допускающий возможность, чтобы русские люди могли тягаться с немцами в композиции. По поводу предубеждения немцев к нашему брату я вспоминаю, что, кажется, не писал Вам о fiasco *, которое этой зимой потерпела моя «Франческа» в Берлине. Бильзе играл ее два раза, и второе исполнение было с его стороны подвигом гражданского мужества, так как после первого раза газеты единодушно выбранили эту несчастную фантазию, а публика хотя не шикала, но отнеслась с холодным и слегка враждебным равнодушием [2]. Отлагая скромность в сторону, скажу, что это в самом деле не что иное, как предубеждение. Я сам был свидетель, как очень плохая фантазия St.-Saëns у того же Бильзе производила взрыв восторга. Это была «La jeunesse d'Hercule», необыкновенно плоская вещь, которую я без всякого затруднения могу считать более слабой и менее интересной, чем моя фантазия. Но St.-Saëns — западноевропеец, и поэтому его допустить следует; русскому же неприлично украшать своим именем немецкие программы. Впрочем, все это очень мало меня смущает. Я верю, что придет и мое время, хотя, конечно, гораздо после того, как я уже буду на том свете.

Работа моя все подвигается. Очень может быть, что в Париже я для отдыха займусь сюитой, а недостающие две картины напишу уже в России.

---

* неудаче

Я надеюсь, что в Париже Пахульский будет посещать меня так же, как и во Флоренции, и поэтому весьма было бы желательно, чтобы он приготовил что-нибудь для меня, например, целую сонату, которую я разберу по косточкам, и мы общими силами сонату эту доведем до возможной степени совершенства формы. Это будет большой шаг вперед во всяком случае, ибо человек, у которого есть хоть одна вполне законченная вещь, приобретает веру в себя, а вера в себя—главный стимул для писания.

До свиданья, дорогой друг! Главное, будьте здоровы.

Ваш П. Чайковский.

17. Чайковский—Мекк

Clarens,
26 января/7 февраля 1879 г.

Спешу ответить Вам, дорогой друг, на сегодняшнее письмо Ваше [1]. Я могу сказать самым положительным образом, что все до одного Ваши письма я получил. Письмо со вложением музыкального журнала получено мною в свое время, и я виноват, если Вы могли заподозрить его пропажу. Дело в том, что я, значит, забыл поблагодарить Вас за него. Пожалуйста, извините меня, милый и добрый друг! Я вообще довольно рассеян, но теперь голова моя до того полна оперой, что я сделался еще рассеяннее. Отзыв Бюлова обо мне был мне весьма приятен. Он уже не первый раз пишет обо мне весьма сочувственно. Когда он был в Америке (три года тому назад), мы вели с ним целую переписку, и даже однажды я должен был заплатить пятнадцать рублей за ответную телеграмму в десять слов, которую должен был послать, чтобы отплатить учтивостью за учтивость. Он там везде играл мой концерт, и по поводу успеха этого концерта и затеялась переписка [2]. В письмах своих он расточал мне такие восторженные похвалы, в сравнении с которыми его теперешний отзыв ничего не значит. Бюлов вообще очень увлекающийся человек, но говорят, что его увлечения непрочны. Некоторые его отзывы очень странны. В одном из своих писем он сообщил мне, что, по его мнению, существуют пять человек, на которых зиждется вся будущность музыки, и эти пять следующие: Рафф, Брамс, St.-Saëns, Рейнбергер (!) и я [3]. Мне было очень лестно очутиться в обществе первых трех, но соседство Рейнбергера изумило меня. Что он мог найти в Рейнбергере? Я не большой охотник ни до Раффа, ни до Брамса (я его даже вовсе не люблю и лишь только

уважаю), ни даже до St.-Saëns, но это все-таки тузы, тогда как Р е й н б е р г е р есть самый абсолютный нуль; это такой автор, коим в Германии имя легион. Но как бы то ни было, а увлечения Бюлова искренни, а что касается его симпатии к русской музыке, то он доказал ее постановкой «Ж и з н и з а ц а р я» в Ганновере и всеми своими статьями и статейками. То, что Вы пишете об отношении Руб[инштейна] к ученикам консерватории, совершенно справедливо, к сожалению. У него есть одно оправдание. Он рассказывает, что Антон и он прошли в детстве жесточайшую школу побоев и розог, и так как они оба вышли т у з а м и, то он совершенно искренно думает, что железная рука, бьющая по щекам, но в то же время и ласкающая, есть символ истинной педагогики. Впрочем, я никогда не видел его бьющим, а слышал, что это бывало, и, признаться, не верил.

До свиданья, милый друг, будьте здоровы.

Ваш П. Чайковский.

Я думаю, что в Вену больше писать Вам уже не буду. Полагаю выехать отсюда тридцать первого.

18. Чайковский—Мекк

Clarens,
30 января/11 февраля 1879 г.

Милый и дорогой друг! Я, кажется, сделал большую глупость. Не знаю, почему я воображал, что получу от Вас здесь в Clarens известную сумму. Между тем, Вы, если не ошибаюсь, совершенно основательно предположили, что я буду в ней нуждаться лишь в Париже. Мне следовало предупредить Вас и попросить прислать деньги сюда. Дело в том, что я истратился и что не могу уехать отсюда, не заплатив по счету около двухсот франков, которых у меня нет, так же, как нет средств для проезда в Париж. Очень жаль, что я не догадался раньше сказать Вам о положении моих финансов и почему-то вообразил, что здесь еще получу обычную сумму. Мне кажется, судя по Вашей телеграмме, что Вы не выслали мне l e t t r e c h a r g é e *. Итак, простите, милый друг, за беспокойство и потрудитесь прислать мне сюда часть денег, а именно, шестьсот франков. Ради бога, простите мою глупость. Опера совсем сбила меня с толку и отшибла память.

* денежное письмо

Мне крайне неприятно, что Вы так часто недомогаете. Как я жалел в последнее время, что Вас здесь нет! Погода стояла изумительная, и тепло, как летом. Не думаю, чтобы в Вене было так же хорошо, как здесь. Сегодня хотя очень тепло, но льет дождь. Я покончил сегодня все, что предполагал сделать. Теперь у меня готовы первое и второе действия вполне, а также обе первые картины остальных двух действий. Все самое трудное уже сделано. Надеюсь, что в Париже справлюсь с остальными недоделанными частями и что отправлюсь в Россию с утешительным сознанием не даром проведенного времени.

Я получил ответное письмо от Стасова [1]. Оно настолько характерно, что я посылаю его Вам, милый друг. Замечательно то, что Стасов высказывает ко мне большую симпатию. Между тем, в статьях своих он по большей части относится ко мне весьма несочувственно. Если Вы читали его корреспонденции из Парижа, то, вероятно, помните прелестный и наделавший в Петербурге не мало шума эпизод о будто бы моем «з о л о т у ш н о́ м и д р я н н о м» подражании Шопену, исполненном Н. Г. Руб[инштейном] в Париже, тогда как это был знаменитый Des-dur-ный ноктюрн Шопена [2]. Любопытна также та преувеличенность, с которой он характеризует Н[иколая] Гр[игорьевича]. Всего более в письме этом меня рассердило, что даже как пианиста он старается унизить предмет своей ненависти. С другой стороны, я усмотрел из письма его, что в Петербурге никто не знает о недоразумении, в последнее время отдалившем меня от Руб[инштейна]. Там попрежнему думают, что мы близкие друзья, тогда как, в сущности, мы никогда не были очень тесно дружны. Я очень боялся, чтобы не разглашали, что я ушёл от деспотизма Н[иколая] Г[ригорьевича].

До свиданья, милый друг.

П. Чайковский.

19. Мекк—Чайковскому

Париж,
2 февраля 1879 г.

Милый, бесценный друг! Только что приехала, голова так расстроена, что я не могу наклониться над столом, чтобы писать Вам, а пишу стоя, держа бумагу в уровень с головою, и потому карандашом. Простите тысячу раз, мой дорогой, что не догадалась послать в Clarens lettre chargée, но так как я предполагала, что мы оба соберемся 1 февраля в Париже, то я пришлю Вам через Ивана Васильева, но очень глупо рассудила. Посылаю Вам тысячу франков, потому что у меня сейчас нет мелких.

Я уехала из Вены полубольная и к тому еще устала страшно. Для меня квартира нанята около Champs Elysées в Avenue du Roi de Rome, но

еще не совсем устроена, потому я приехала в Hôtel. Для Вас же, дорогой мой друг, у меня есть в виду две квартиры, которые я сегодня же осмотрю и решу, которую взять, только я боюсь, что Вы не будете довольны местом, но, по-моему, и для прогулки и для воздуха это очень хорошее место. Да я и не сказала, что это в наших же местах; большая часть квартир все около Arc de l'Etoile, Champs Elysées.

До скорого свидания, милый друг мой, приезжайте скорее и, пожалуйста, телеграфируйте мне о дне Вашего приезда. Квартира будет готова, и Пахульский приедет Вас встретить и проводить. Писать больше не могу. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

20. Чайковский—Мекк

Clarens.
2/15 февраля 1879 г.

Благодарю Вас тысячу раз, мой милый друг, за телеграмму, которую я получил от Вас сегодня утром. Хотя в моем невольном сидении здесь нет ничего особенно неприятного, но мне все-таки досадно на свою беспечность. К тому же, мне очень совестно, что Вы принимаете на себя заботу о приискании мне помещения. Мне жаль также, что не пришлось приехать в Париж в одно время с Вами. Полагаю, что деньги я получу завтра и в таком случае в воскресенье я могу выехать. Если же по случаю воскресенья, которое здесь празднуется до того, что даже почта не доставляется, деньги придут лишь в понедельник, то вряд ли ранее вторника можно будет выехать. Во всяком случае, я извещу Вас согласно Вашему желанию телеграммой. При сем случае еще раз прошу извинения за лишние хлопоты, которые я причинил Вам, и благодарю за квартиру. Разумеется, приехать на отысканную квартиру будет для меня в высшей степени удобно и приятно, но я боюсь, мой добрый друг, что Вы прикажете приготовить мне столь же роскошное помещение, как во Флоренции, тогда как я могу быть вполне доволен гораздо меньшим и менее роскошно обставленным помещением.

В заключение скажу, что мне все-таки досадно, что все это так случилось. Сейчас я прочел в «Figaro» программу концерта Pasdeloup. Жаль, что мне не придется на нем быть. Интересно знать, как французы отнесутся к «Камаринской» Глинки.

Погода здесь испортилась, и бесконечный дождь внушает тоскливое чувство. Стало опять зимой пахнуть. Занятия мои идут своим порядком. Я кончил еще в понедельник все, что предполагал сделать здесь в Clarens. Теперь пошел дальше

и написал большой коронационный марш, которым начинается вторая картина третьего акта. Я решился не отрываться от этой работы и постараться окончить в Париже всю оперу. Это не будет особенно трудно, так как мне, в сущности, осталось не особенно много, т. е. всего недели на три работы. Я было хотел в Париже отдыхать и заняться инструментовкой сюиты, но теперь изменил намерение. То утомление, которое я чувствовал на прошлой неделе, прошло, и рвения опять вполне достаточно, чтобы с успехом кончить труд. Зато как мне приятно и легко будет на душе, когда я поеду в Россию с готовыми эскизами оперы. Ведь инструментовка—дело второстепенное и легкое. Бог знает, буду ли я в России в таких благоприятных условиях для сочинения, как здесь. Нужно ими воспользоваться.

Как хорошо, что известия из России стали утешительнее! И мир заключен [1], и чума, повидимому, перестала угрожать своим распространением. Из Москвы мне решительно никто и ничего не пишет. Очень радуюсь, что благодаря Вам буду опять читать «Моск[овские] вед[омости]». Любопытно знать, какой успех имел Саразате в Москве [2].

В Grand Opéra теперь часто дают «Ф р е й ш ю ц а», и я заранее предвкушаю наслаждение услышать эту чудную оперу. Как было бы хорошо, если б дали «L e r o i d e L a h o r e».

До свиданья, дорогой друг.

Ваш П. Чайковский.

21. Чайковский—Мекк

Clarens,
4/16 февраля 1879 г.

Благодарю Вас, милый, добрый друг, за деньги и письмо. Как мне больно было читать, что, отвечая мне, Вы так сильно страдали головною болью. Я знаю по опыту, до чего мучительно это состояние, и потому я до-нельзя тронут тем, что Вы, несмотря на боль, все-таки написали мне целое письмо! Боже мой, до чего Вы добры!

Вы изъявляете предположение, что мне может не понравиться местность, в которой я буду жить? Во-первых, мне уже то в высшей степени приятно, что это будет близко от Вас, а во-вторых, чем дальше от центра города, чем ближе к парку и к лесу, тем лучше.

Я телеграфировал Вам сегодня, прося Вас дать мне знать адрес моего будущего жилища. Дело в том, что существует

только один прямой поезд отсюда в Париж. Он выходит отсюда в три часа дня и в пять часов утра приходит в Париж, при этом от Лозанны до Парижа идет вагон без пересадки. Можно, впрочем, оставшись в Дижоне на три часа, попасть на другой поезд, который приезжает в Париж в одиннадцать часов утра. Но признаюсь, что мне очень не хотелось бы ночью три часа сидеть на станции. Вот почему я полагаю ехать в Париж безостановочно, а так как совершенно невозможно, чтобы в пять часов ночи Пахульский приехал меня встретить, то я и решился беспокоить Вас просьбой о телеграмме.

Представьте, милый друг, что, уезжая отсюда, я повергаю в большое горе мою хозяйку и прислугу. Дело в том, что во всю зиму я был единственным жильцом, и им ужасно скучно, когда никого нет и нечего делать. Кроме того, вообще мы, т. е. я и моя хозяйка, симпатизируем друг другу. Она в высшей степени добрый, милый и внимательный человек, а так как я жилец не требовательный и никогда никаких неудовольствий не изъявлял, то она очень довольна мной, и сегодня в разговоре со мной, говоря о моем предстоящем отъезде, она прослезилась. Не могу Вам передать, до чего это меня тронуло. Дело в том, что они—люди очень достаточные и оплакивают не те маленькие деньги, которые я им платил, а самого меня. Я уеду отсюда с самыми приятными воспоминаниями. Тем не менее очень рад, что скоро буду в Париже и вблизи Вас [1].

Ваш П. Чайковский.

22. Чайковский—Мекк

1879 г. февраля 6. Париж.

Париж,
8 часов утра.

Благодарствуйте, милый друг, за чудную квартиру, за то, что я был так приветливо встречен милым Пахульским, за то, что так приятно было мое первое парижское впечатление, благодаря этой встрече и уютной квартирке, в которой я нахожусь. Только теперь я осмотрелся и увидел, до чего эта квартирка соответствует моим потребностям в отношении спокойствия и изолированности. Она составляет совершенно самостоятельное помещение, и работать ничто мешать не будет. Что касается роскошной обстановки, то об этом и говорить нечего. В этом отношении квартира моя далеко превосходит мои скромные потребности.

Насколько я во время пути тяготился мыслью, что меня будут встречать, настолько же был тронут необыкновенно милой приветливостью Пахульского. Очень, очень благодарен ему.

От души желаю, чтобы поскорее Вы устроились по возможности покойно и удобно, и желаю этого не только для Вас, но и эгоистически для себя, ибо до тех пор мне будет совестно пользоваться благоустройством своего помещения, пока Вы будете находиться в своем временном и, вероятно, малоудобном помещении.

Расставание мое с хозяйкой виллы Ришелье было положительно трогательно. Очень приятно мне знать, что есть уголок Западной Европы, где я всегда буду принят с радостью, заботливостью и дружелюбием, где мои привычки и потребности хорошо известны, где умеют устроить всегда так, что я чувствую себя там как дома.

Вообще, дорогой и милый друг, я не помню, чтобы в жизни моей когда-либо была такая чудная полоса счастья и благоденствия, как в эту поездку мою за границу. Жизнь во Флоренции вблизи Вас, жизнь в Швейцарии, где так удачно я работал, теперешний мой приезд под Ваше теплое крылышко, все это целый ряд счастливых, привольных и покойных дней. Часто думаю я о странностях судьбы, которая из самых лютых и тяжелых жизненных катастроф переносит человека в сферу ничем не смущаемого счастья. Я часто боюсь п р и в ы к н у т ь, о ч е р с т в е т ь, п е р е с т а т ь с о з н а в а т ь вследствие привычки всю неизмеримость тех благ, которыми я теперь пользуюсь и которыми всецело я обязан, Вы знаете, кому.

Я пишу, сидя у окна. К моему счастью, даже солнце сегодня светит приветливо и не мало содействует ощущению благоденствия, которым я переполнен. Сегодня я буду бездействовать и предаваться лености. Завтра полагаю безотлагательно начать свои занятия. Пахульский так добр, что взялся отыскать мне фортепиано.

Тысячу раз благодарю Вас, милый друг, за все.

Ваш П. Чайковский.

23. Мекк—Чайковскому

1879 г. февраля 6. Париж. Вторник.

Как я рада, что Вы наконец приехали, мой милый, бесценный друг, но простите мне, бога ради, мою несостоятельность на этот раз. Я так много и утвердительно наобещала Вам насчет квартиры и так мало исполнила, но, право, я не виновата, потому что и сама бедствую в ужаснейшем помещении

в этом гадком Hôtel du Louvre и некуда уйти отсюда. Мой комиссионер приготовил мне такую квартиру, в которую я не решилась переехать, и, вообразите, стоит 3000 francs в месяц, и все деньги за месяц уже отдал, так что я потеряла и 3000 francs, и квартиры у меня нет. Теперь все эти дни искали, неумолкаемо искали квартиры, пересмотрели около двадцати, но довольно просторной для меня не нашлось. Поэтому я со вчерашнего дня нищу помещения в Hôtel'е в этих же местах, и для Вас я взяла это помещение как временное, потому что оно довольно высоко. Но прошу Вас, милый друг мой, сказать мне, когда Вы осмотритесь и ознакомитесь с квартирою, б е з в с я к и х ц е р е м о н и й, желаете ли Вы переменить ее или Вы довольны и этою, не желаете ли в другой местности,—ну, словом, прошу Вас, мой дорогой, сказать мне вполне откровенно все Ваши желания насчет помещения, и я постараюсь устроить Вам вполне по Вашему желанию, потому что предупреждаю Вас, мой милый друг, что я не уступлю Вам и и з а ч т о моего законного права устроить Вам п о м е щ е н и е в Париже. Я не буду вмешиваться ни в какие другие Ваши расходы, но п о м е щ е н и е должно быть на моем попечении, и этого я Вам не уступлю, дорогой друг мой, потому что Вы приехали для меня, ко мне в гости, и я хочу, чтобы у Вас было такое помещение, какого м н е хочется. Моя голова все не может притти в порядок, я боюсь, что мне придется совсем отказаться писать пером, а довольствоваться только карандашом, и то понемногу. Да кстати при этом, так как я не могу теперь писать много или часто, то прошу Вас, друг мой, писать мне раз в неделю, а если уже хотите побаловать меня, то иногда два раза в неделю и уже никак не больше, иначе мне будет совестно получать Ваши письма, и я не выдержу, чтобы самой не писать чаще, а я не должна себе этого позволять.

На этом месте моей записки я получила Ваше письмо, мой несравненный друг. Я очень счастлива, что эта квартирка Вам понравилась, но все-таки я буду ждать, что дня через два Вы мне скажете окончательно, желаете ли Вы переменить ее или остаться в ней.

От всего сердца жму Вам руку. Безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

24. Чайковский—Мекк

Париж,

Дорогой друг! . 7/19 февраля 1879 г.

Прежде всего позвольте Вас у с и л е н н о просить писать мне как можно реже и как можно меньше до тех пор, пока Вы вполне не поправитесь. Мне, разумеется, очень приятно получать и читать Ваши письма, но еще более мне приятно думать, что Вы бережете свои глаза и свою голову. Если бы Вы ограничивались теперь изредка коротенькими записками, писанными карандашом, то это было бы прекрасно. Дабы не вызывать Вас на ответы, я буду писать Вам тоже реже и именно так, как Вы говорили: от одного до двух писем в неделю.

Очень радуюсь при мысли, что Вы теперь уже перешли в более удобное и покойное помещение. Дай бог, чтобы Вам было хорошо и покойно.

История с нанятой Вами квартирой и с потерянными тремя тысячами франков привела меня в содрогание. Неужели нет никакой возможности получить их обратно? Простите за вопросительный знак и не думайте, что я буду ждать на него ответа. Пахульский расскажет мне, чем кончится это дело.

Теперь скажу Вам, милый друг, что я сделал то же, что и Вы. Я переехал. Дело в том, что только сегодня утром я узнал сумасшедшую цену моей первой квартиры: тридцать пять франков в день! Это привело меня в изумление. Я попросил l e c h e f d u b u r e a u * показать мне несколько других помещений и среди них нашел одно, которое мне понравилось. Оказалось однакоже, что и оно стоит дорого, т. е. двадцать два с половиной франка в день. Тогда я решился пойти и искать в другом отеле. Но, когда я выходил из ворот, меня догнал вышеупомянутый c h e f и так усиленно приставал ко мне, что я начал колебаться. И переезжать хлопотно, и фортепиано я ожидал с минуты на минуту, и адрес свой уже телеграфировал братьям, и, наконец, как-то совестно мне было на все любезности и приставания назойливого француза отвечать отказом. Увидя, что я начал колебаться, он нанес мне решительный удар, т. е. решился сбавить два с половиной франка и отдать за двадцать ту квартиру, которая мне понравилась. Я решился и тотчас же перешел. Теперешнее мое помещение имеет одно огромное преимущество перед первым: оно на заднем дворе, и поэтому я не слышу шума экипажей, который с непривычки вчера сильно действовал на мои нервы и причинил отвратительно бессонную ночь. У меня очень теперь покойно, хотя, может быть, менее светло и весело, менее роскошно, чем в первой квартире.

Я не буду оспаривать и протестовать против Вашего намерения принять на себя сверх всего остального, чем я Вам обязан, еще плату за мое помещение. С того момента, как я узнал, что Вам придется ранее меня приехать в Париж, я знал, что это так будет, т. е. что Вы примете на себя заботы о моем помещении и захотите уменьшить мои здешние расходы. Невыразимо благодарен Вам, друг мой, но раскаиваюсь, что наделал целый ряд глупостей! Зачем я не написал Пахульскому о том, чтобы он не нанимал мне помещения в таком дорогом отеле? Зачем я изменил своему Hôtel de Hollande, где гораздо дешевле, чем здесь, и не приготовил себе там письменно поме-

---

* начальника конторы

щения? Мне предлагали там очень милую квартирку (только несколько темную) за более дешевую цену, чем здесь!! И как я заранее не сообразил, что те квартиры, где солнце и свет, непременно сопряжены с шумом экипажей, который я переносить решительно не могу ни при занятиях, ни ночью во время сна. Но уж нечего делать. Останусь в Hôtel de Meurice, где дороговизна возмутительна. Вообще после швейцарской дешевизны здешние цены поражают меня.

Ни вчера, ни сегодня я не приступал к своим занятиям. Не знаю отчего, только покамест еще не чувствую к этому никакого влечения. Вообще (чтобы быть вполне откровенным) то розовое настроение, в котором я находился вчера, когда писал Вам письмо утром, мало-по-малу перешло в довольно серое, если не черное. Оттого ли, что мне очень неприятно было узнать о Ваших здешних неудачах, от шума ли, который, как я сказал выше, действовал мне на нервы, но только я провел очень скверную ночь и вследствие этого сегодня дурно себя чувствую. Знаете ли, милый друг, что я себя обвиняю немножко в том, что Вы теперь в Париже, который, если не ошибаюсь, совсем не подходит к т е п е р е ш н и м требованиям Вашего здоровья. Ведь это я своими восторгами от Парижа надоумил Вас переехать из Вены сюда? Было бы в тысячу раз умнее, если б я как можно более рисовал перед Вашими глазами все прелести Италии, в которой Вы всегда хорошо себя чувствуете? Пожалуйста, не отвечайте на этот вопросительный знак, как и на все мои вопросительные знаки. Надеюсь, что когда я начну заниматься, то примирюсь со всеми своими преувеличенными сегодняшними сомнениями и сожалениями, но сегодня мне с утра все кажется, что не только для Вас, но и для меня было бы лучше, если б вместо Парижа мы очутились где-нибудь в более тихом и более роскошно обставленном в отношении климата и красот природы месте. С каким сожалением я думаю сегодня о незабвенной Viale dei Colli!

Я взял себе место на пятницу в Grand Opéra, а также в концерт Châtelet, где будет итти чудеснейший «Фауст» Берлиоза. Пожалуйста, дорогая моя, поезжайте в этот концерт. Усыпление Фауста и следующий за тем танец сильфов есть о д н а и з г е н и а л ь н е й ш и х м у з ы к а л ь н ы х страниц всех веков и народов. Я с лихорадочным нетерпением буду ожидать воскресенья.

Потрудитесь передать Пахульскому, что теперь мой номер не 164, а 140. Я буду ожидать его в пятницу в два часа.

Ваш П. Ч.

25. *Мекк—Чайковскому*

Среда,
1879 г. февраля 7. Париж. 9 часов вечера.

Совсем напрасно, мой дорогой, милый друг, Вы обвиняете себя в моем приезде в Париж. Я приехала сюда потому, что о ч е н ь люблю Париж (мои домашние даже трунят над моею страстью к нему), и теперь, когда мы имеем хорошее помещение, я вполне довольна и рада, что нахожусь здесь, да еще в двадцати шагах от Вас, мой несравненный друг. О потерянных трех тысячах я и не думаю, также как прошу и Вас забыть о них. Без неудач жизнь не бывает, и если бы все неудачи в жизни были д е н е ж н ы е, то она была бы очень легка и хороша. Нехорошо вот мне только то, что Вам неудобно, мой хороший, милый друг, и я прошу Вас *убедительно* сходить с Нахульским взглянуть помещение на place Vendôme. Это самое тихое место в центре Парижа, и помещение должно быть недурно, а о цене, пожалуйста, мой дорогой, не думайте и не беспокойтесь. Как бы ни была велика цена, но расход на одного человека при моем огромном семействе всегда будет вздором, ничтожеством, следовательно, прошу Вас, сделайте мне удовольствие, отбросьте этот вопрос в сторону и устройте только так, чтобы Вам было хорошо и покойно заниматься.

На воскресенье в Châtelet и у меня есть билет, хочу достать и на пятницу в Grand Opéra, но в кассе мало дают надежды.

Очень благодарю Вас, милый друг, за присылку письма Стасова. Оно занимательно, но по письму мне не нравится человек. Посылаю газеты и книги, какие есть. Как мне хочется, чтобы Вы повеселели и устроились хорошо и уютно. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк

26. *Чайковский—Мекк*

[Париж]
8/20 февраля 1879 г.

Благодарю Вас, милый друг, за вложенное в письмо и за самое письмо. Я вполне доволен своим помещением и вчера провел очень приятный вечер благодаря тишине и вполне достаточной комфортабельности. Радуюсь от всей души, что Вам хорошо. Сегодня начну заниматься.

За книги премного благодарен.

Ваш П. Чайковский.

27. *Чайковский—Мекк*

Париж,
10/22 февраля [1879 г.]
Суббота, 5 часов.

Уж я вчера порывался писать Вам, милый друг, но удержался. Сегодня же мне очень захотелось побеседовать с Вами.

Не знаю еще, пошлю ли Вам письмо завтра, но, когда бы Вы ни прочли то, что теперь пишу, все равно. Прежде всего мне хочется сказать Вам, что я очень хорошо устроился, очень доволен своей квартиркой и завел известные порядки, так что образовался уже правильный строй жизни. Занимаюсь я утром. В двенадцать часов отправляюсь завтракать и делаю небольшую прогулку. Возвращаюсь домой и опять занимаюсь. В шесть часов иду обедать, гуляю и около девяти прихожу домой, чтобы читать, писать письма, иногда пить чай. Вчера был в театре и тщетно искал Вас среди лож. Сегодня от Ивана Васильева узнал, что Вы не были, но здоровы. Подозреваю, что Вам не хотелось облачаться в бальные туалеты, которые здесь в ложах d e r i g u e u r *. Как это глупо, что у них слушание оперной музыки сопряжено с фраком, белым галстухом, платьями décolleté и т. д. «Фрейшюц» доставил мне большое удовольствие. В некоторых местах первого действия, которое я люблю больше всего, я испытал глубокое наслаждение. Конец у них скомкан, и, бог знает почему, выпущена роль пустынника. К р а у с с была очень хороша и чудную арию второго действия спела очень увлекательно. Я видел также первые две картины японского балета, который показался мне очень скучен, и ушел я, не дождавшись конца. Кроме этого спектакля я нигде не был, хотя сбираюсь посетить некоторые театры и в особенности интересуюсь знаменитым «A s s o m o i r'ом». Но, вообще говоря, сверх ожидания в театр меня тянет очень мало, и я предпочитаю вести здесь жизнь такую же тихую, как во Флоренции и Швейцарии. В конце концов я прихожу к заключению, что моя любовь к Парижу зиждется на воспоминаниях. В первой молодости мне случилось особенно приятно провести здесь два месяца (это было в 1861 г.), и с тех пор я испытываю всегдашнее тяготение к Парижу [1]. Но если разобрать хорошенько, то выходит, что моим потребностям и вкусам гораздо более отвечают такие тихие приюты, какими изобилуют Италия и Швейцария. Словом, я здесь нисколько не скучаю, мне приятно иметь возможность бывать в театрах и концертах, но... я гораздо счастливее был на Viale dei Colli. Нечего и сравнивать!

Занятия мои идут успешно. Я занят в настоящую минуту большим ансамблем третьего действия (септет с хором), который представляет большие технические трудности. Первая часть этого септета уже готова. Если я не ошибаюсь, она уда-

* обязательны

лась. Прогулки по блестящему, шумному Парижу имеют очень благоприятное свойство. Разнообразием предметов и впечатлений они развлекают и заставляют забывать на время главный предмет забот, т. е. отделку подробностей той или другой музыкальной мысли. От этого, может быть, мне так легко далась вещь, от которой я ожидал большого утомления. За книги и ноты усердно благодарю Вас. Опера Г о ф м а н а мне нравится весьма мало. Чистая техника, кажется, ее единственное абсолютное достоинство. Остальные чисто отрицательного свойства: она не длинна, не имеет претензий, не тяжеловесна, как опера Гольдмарка, не пошла.

Вчерашней работой Пахульского я доволен. Во всяком случае, она—большой шаг вперед в сравнении с той неумелостью, которою отличались его прежние опыты. Но все-таки я ожидал несколько большего, т. е. в количественном отношении, и рассчитывал на целую сонату, тогда как он принес мне лишь одну часть. Обещается здесь написать остальные.

Вечером. 10 часов.

Проиграл третье действие оперы Гофмана и остаюсь при первом мнении. Если опера имеет успех, то думаю, что это благодаря легкости стиля и милому либретто.

Не спрашиваю у Вас ничего и не жду ответа. Знаю, что Вы здоровы. Письмо это пошлю завтра утром. Думаю, что Вы будете завтра в C h â t e l e t. Очень рекомендую Вам «Ф а у с т а». Будьте здоровы, дорогой друг.

Ваш П. Чайковский [2].

28. Мекк—Чайковскому

Париж,
11 февраля 1879 г.

Милый, бесценный друг! Я очень соскучилась так долго не получать от Вас никаких известий и также хотела сегодня писать Вам, но какой-то тайный голос говорил мне, что, должно быть, я получу сегодня от Вас весточку, и как я обрадовалась Вашему письму!

В пятницу я не была потому, что не достала билета, и Пахульский ошибся, сказав Вам, что мы будем, потому что он видел билет, взятый на воскресенье, и принял, что это на пятницу. Таким образом, мы будем сегодня в Grand Opéra и утром в Châtelet. Туалетом я никогда и нигде не стесняюсь и одеваюсь по своему расположению и соображению. Как я радуюсь, что мы будем сегодня в одной зале. Берлиоз меня очень восхищает.

Видали ли Вы когда-нибудь, милый друг, игру актрисы Pasca? Если нет, то съездите в Vaudeville и посмотрите ее. Это отличная артистка; мы на-днях были в Vaudeville.

Я очень рада, дорогой мой, что Вы устроились, но мне все-таки жаль, что Вам тут не очень нравится, а я очень люблю Париж, люблю его кипу-

чую жизнь, люблю видеть на каждом шагу, как работает здесь ум, руки, все существо человека; люблю видеть прелестные результаты этой неустанной, усидчивой работы....

До свидания, мой драгоценный. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

29. Чайковский—Мекк

Париж,
12/24 февраля [1879 г.]
Понедельник.

Давно я так не наслаждался музыкой, как вчера в Châtelet. Что за беспримерно чудные вещи есть в этом «Фаусте»! Знаете ли, друг мой, что вообще я далеко не безусловный поклонник Берлиоза. У него в его музыкальном организме была какая-то неполнота, ему чего-то недоставало в умении чутко выбирать гармонии и модуляции. Есть в нем, одним словом, какой-то элемент угодливости, с которым я никак не могу помириться. Но это не мешало ему иметь душу самого высокого и тонкого художника, и иногда он достигал недосягаемой высоты. Некоторые места «Фауста», и особенно эта поразительно чудная сцена на берегу Эльбы, принадлежат к перлам его творчества. Я с трудом сдерживал вчера во время этой сцены подступавшие к горлу рыдания. Что за прелесть этот речитатив Мефистофеля перед усыплением Фауста и следующий за ним хор духов и танец сильфов! Чувствуешь, слушая эту музыку, как охвачен был писавший ее поэтическим вдохновением, как он глубоко был потрясен своей задачей. Есть много других чудесных подробностей, но знаменитый l e m e n u e t d e s f e u x f o l l e t s * я не особенно люблю. Конец немножко скучен, и в апофеозе нет ничего особенного. Исполнение было, по-моему, если не превосходное, то во всяком случае хорошее и не портившее впечатления. Видно, что все исполнители полюбили эту вещь и приложили к своим обязанностям много любви. В иных местах оркестр звучал превосходно. Это почти четырехчасовое слушание чудесной, но требующей большого напряжения музыки меня ужасно утомило [1].

Мне весьма приятно было прочесть, что Вам нескучно и что Вы хорошо себя чувствуете в Париже. То, что Вы говорите о прелести Парижа, совершенно верно. Это, без сомнения, самый чудный город из всех существующих, и в нем все-

---

* менуэт блуждающих огней

гда ощущаешь какое-то неопределенное сознание изящного комфорта, полноты удовлетворения всех потребностей цивилизованного общества. Тем не менее, я не могу не заметить, что для моих теперешних душевных склонностей деревня или вообще жизнь в тихих и уединенных уголках более подходит, чем все бесчисленные преимущества Парижа перед другими городами. Я с большим удовольствием брожу по Парижу, любуюсь им и этой блестящей жизнью, но в тайне души вздыхаю о деревенской тишине, о Viale dei Colli, о Clarens и т. д. Кстати, Надежда Филаретовна. Если случится Вам быть опять за границей зимой, как хорошо бы было, если б Вы пожили несколько времени в той местности, а я бы в это время поселился у своей милой кларенской хозяйки? Hôtel Byron, в котором Вы живали, мне очень нравится тем, что он отдален от массы отелей и пансионов.

Сегодня я увидел на афише «Le gendre de M-r Poirier» в Comedie Française и соблазнился—взял себе билет. Это очень умная и милая комедия. Три года тому назад я видел ее здесь с братом Модестом и вынес от чудной игры актеров этого театра удивительно приятное впечатление. Вы спрашиваете, друг мой, видел ли я Pasca? Видел много раз и здесь, и в Петербурге, и даже в Москве, куда она раз, постом, приезжала. Это действительно превосходная актриса.

Читали ли Вы в «Вестнике Европы» «Специалист»? Если нет, то, пожалуйста, прочтите. Это — картина, верно схваченная и имеющая для меня по известным Вам причинам огромный интерес [2].

30. Чайковский—Мекк

[Париж]
13/25 февраля 1879 г.

Вчера я был в Comedie Française и видел три пьесы: 1) «Le mariage forcé» Мольера, 2) «Le petit Hôtel»—новая, очень миленькая пьеска и 3) одну из капитальнейших пьес французского репертуара, «Le gendre de M. Poirier». Как мне досадно, что я не написал Вам, друг мой, что нужно было бы Вам посмотреть на эту превосходную пьесу в столь чудном исполнении, каково оно в Comedie Française. Наслаждение было полнейшее. Особенно поразительно хорошо играет в этой пьесе Got, исполняющий роль Poirier. Это не игра, а просто une incarnation*.

* воплощение

Этого же актера я видел на рождестве в другой роли («Les Fourchambault»), где он является до такой степени другим человеком, что я даже подумал: уж не два ли G o t в труппе? Вот истинное торжество актерского искусства—вложить в зрителя подозрение в тождестве одной и той же личности! Я позволю себе посоветовать Вам посетить этот театр, когда будут давать на-днях «Le fils naturel» Дюма. Пьеса недурная и тоже превосходно исполняемая.

Я о ч е н ь доволен сегодняшними работами Пахульского. Про него можно сказать, что это молодой человек с т о л к о м. С такими юношами приятно иметь дело. Приятно видеть, что он с каждым разом идет вперед. Если он слегка исправит и почистит свою сонату, то тогда ему можно будет наслаждаться сознанием того, что у него уже есть одна вполне удовлетворительно оформленная вещь. Сознание это придаст ему много веры в себя и рвения. Впрочем, рвения у него и без того не мало. Сейчас проигрывал «Etienne Marcel». Про эту оперу можно сказать, что это совершенно ничтожное, даже бездарное произведение. Плоско, сухо, скучно, бесстильно, бесхарактерно. Мне кажется, что он хотел посредством преднамеренной простоты подслужиться публике, но не все то хорошо, что просто. Что может быть проще «Дон-Жуана», «Жизни за царя»! Но дело в том, что эти оперы не только просты, но и удивительно хороши, ибо в них положено много вдохновения и гениального творчества! Ни того, ни другого у Сен-Санса нет. У него есть ловкость, знание, вкус. Этих трех качеств достаточно для тех маленьких симфонических картин, из которых некоторые очень удались ему. Но на оперу у него не хватило материалу! Особенно поразительна мелодическая бедность.

Однако я заболтался, и письмо выходит длинное. Ответа я не жду и не прошу. Но если в конце этой недели Вы мне напишете письмецо, милый и добрый друг, то попрошу Вас вкратце ответить только на следующие вопросы: 1) как было на этой неделе Ваше здоровье? 2) понравился ли Вам «Фауст»?

Юргенсон сообщает мне, что Рубинштейн не хочет в нынешнем году давать концерта ни в Москве, ни в Петербурге. В будущем же году он в ноябре поедет с концертной tournée по Европе. Он ангажирован известным антрепренером Ульманом на один месяц за пятнадцать тысяч франков. В сезоне 1880/81 г. тот же Ульман предложил ему путешествие в Америку за пятьдесят тысяч франков. И то и другое предложение он принял. Так как, по словам Юрг[енсона], это секрет, то прошу Вас, милый друг, никому не сообщать этого изве-

стия. Еще раз повторяю, что не жду ответа. За книги и газеты очень, очень благодарен.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Ваш П. Чайковский.

31. Мекк—Чайковскому

Париж,
15 февраля 1879 г.
8 часов утра.

Простите, мой милый, бесценный друг, что я не написала Вам вчера же при получении Вашего письма, но я от этого не меньше ему обрадовалась и благодарна Вам, но это был не мой час для писания, а я такой несчастный человек, что ничего не могу себе позволить безусловно.

«Фауст» Берлиоза мне чрезвычайно понравился, в особенности восхитил меня балет сильфов и вообще усыпление и сон Фауста, на что и Вы указываете, друг мой. Я нахожу только, что в этой легенде у Берлиоза слишком слабо очерчена фигура Мефистофеля: он не рельефен, не характер[ен],—это не ужасный гетевский демон, презрительно смеющийся над людскою добродетелью, а просто un pauvre diable* с парижских бульваров. У Гуно эта фигура гораздо характернее воспроизведена.

Я так же, как и Вы, милый друг, устала ужасно в этом концерте, но все хотелось дослушать....

То, что Вы мне пишете о Н. Г. Рубинштейне, меня очень опечаливает. Очень будет обидно, если и другой брат покинет Россию, но я скажу, что со стороны Н[иколая] Г[ригорьевича] в этом все-таки будет un peu de cochonnerie**. Москва его так любит, так превозносит, поддерживает и выручает в разных житейский невзгодах, а он ее хочет бросить из-за лая каких-нибудь петербургских м о с е к. Это значит, что его не хватило быть с л о н о м. Schande, Schande ***, как мои дети говорят.

Кстати о детях. Милочка имеет большое желание к Вам пойти, узнавши от меня, что Вы здесь. Она несколько раз мне говорила: «Si nous étions allées chez lui?»****, на что я ей внушала, что так как у Вас нет маленьких детей, то она не может пойти к Вам.

Статью в «Русском вестнике» ***** «С п е ц и а л и с т» я прочитала раньше и исключительно для Вас ее отложила, но забыла написать Вам об этом, но думала, что, быть может, Вам из нее пригодятся какие-нибудь сведения.

Благодарю Вас, милый друг, за указание мне пьесы в Théâtre Français, постараюсь ее посмотреть. Я Pasca также знаю по Петербургу и Москве и всегда езжу ее смотреть и в Париже. Вместе с нею теперь играет и петербургский Dieudonné, а в Comédie Française—Worms. Скажите, друг мой, где Вы сидели в Châtelet? Я Вас искала, искала и не нашла.

---

* бедный малый
** маленькое свинство
*** стыдно, стыдно
**** если бы мы пошли к нему
***** Мекк ошиблась; в «Вестнике Европы».

Мне кажется, насколько я понимаю, что Colonne отличный капельмейстер? В это воскресенье мне хочется попасть к Pasdeloup.

Были ли Вы в Palais Royal, милый друг мой? Видели ли там великолепные работы из бриллиантов и серебра? Между ювелирами отличается роскошью и работою м о й ювелир Boucheron, от которого я, впрочем, прячусь, потому что он ужасно пристает ко мне: он думает, что я могу закупить в Париже в с е, что есть хорошего. Я пришлю Вам через Пахульского посмотреть несколько серебряных вещей замечательной работы.

Благодарю Вас опять от всего сердца и безгранично, дорогой мой, за Вашу доброту и внимание опять к моему protégé. Ваш отзыв о нем меня чрезвычайно радует, тем более, что ему ведь очень мало времени для занятий. Вы понимаете, что заниматься делами при таком большом хозяйстве, как у меня, не легко и надо много времени употреблять. Пахульский говорил мне, что Вы нашли здесь хорошие папиросы по семи франков за сотню. Скажите мне, милый друг мой, где Вы их купили; мне хочется достать для себя.

Что, Ваш Алексей делает успехи по-французски? Говорит сколько-нибудь и продолжает заниматься или надоело? Меня очень интересует такой пример жажды познания.

Тепло ли у Вас в комнатах, друг мой? У нас очень хорошо, тепло, просторно, светло, уютно. На-днях я ожидаю приезда моего сына Володи с женою и маленьким сыном. Это будет большая радость для меня.

Саразате все еще сидит в Москве. Мне вчера писали, что Безекирский объявил свой концерт в зале Дворянского собрания с участием Саразате[1]. Когда Рубинштейн будет уезжать за границу, кто же может и будет вместо него править консерваторией?

Я не прошу ответа сейчас на мои многочисленные вопросы, а когда будете писать мне, друг мой, то попрошу ответить. Премного благодарна за оперу «Le Roi de Lahore». Я еще не проигрывала ее и купила себе здесь французское издание.

А ваша «Л ю б о в ь м е р т в е ц а» чудное произведение. В особенности интродукция и первый мотив потрясающе хороши.

До свидания, бесценный мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

32. Чайковский—Мекк

1879 г. февраля 16—17. Париж.

16/28 февраля 1879 г.
Пятница.

Отвечу на Ваши вопросы, милый друг. 1) В концерте Châtelet я сидел в так называемых f a u t e u i l s d e b a l c o n *. Это самые удобные и приятные места. Они находятся во всяком театре здесь, в Париже, над партером и под тем рядом лож, в котором Вы находились. Мое кресло приходилось как

---

* местах на балконе

раз против сцены, и Вы все время были в виду у меня. Мне кажется, что Colonne — не первоклассный, но хороший капельмейстер. Он должен быть очень добросовестен и трудолюбив, но в нем мало огня, во всей его фигуре нет того престижа, той повелительности, которая порабощает оркестр до того, что все они делаются как бы одной душой, одним колоссальным инструментом. Впрочем, во всей своей жизни я видел только одного такого капельмейстера: это был Вагнер, когда в 1863 г. он приезжал в Петербург давать концерты, причем продирижировал несколько симфоний Бетховена [1]. Кто не слышал этих симфоний в исполнении Вагнера, тот не вполне их оценил и не вполне постигает все их недосягаемое величие. Между второстепенными хорошими капельмейстерами мне чрезвычайно нравится Рихтер в Вене, и потом нужно отдать справедливость Н. Г. Руб[инштейну], который имеет огромные дирижерские достоинства и, между прочим, способность без всякой подготовки, в одну репетицию, разучить какую угодно трудную вещь. Я поставлю Colonne'а во всяком случае ниже этих двух капельмейстеров. Мне кажется, что хорошее исполнение «Фауста» зависело не столько от капельмейстера, сколько от одушевления самих музыкантов. Ведь теперь того же Берлиоза, которого при жизни знать не хотели, всякий французский музыкант чтит как предмет национальной гордости. Движения Colonne'а слишком мягки, деликатны, не достаточно энергичны, чтобы возбудить вдохновение в оркестре.

2) В Palais Royal я бываю ежедневно, ибо я там завтракаю в одном ресторане, где мне очень нравится. Так как я не особенный знаток и любитель в ювелирстве и в драгоценных камнях, то до сих пор не особенно внимательно рассматривал выставленные там в' окнах вещи. Но вчера и сегодня вследствие Вашего письма заинтересовался и действительно видел много прелестных вещей. То, что Пахульский мне сегодня показывал, мне чрезвычайно понравилось. Благодарю Вас, милый друг, за удовольствие, которое Вы мне этим доставили.

3) Алексей продолжает заниматься Оллендорфом с необычайной усидчивостью и охотой. Он сделал большие успехи и немножко говорит; понимает очень многое, но меня приводит в совершенное отчаяние его выговор. Каждый день я его спрашиваю урок и каждый раз выхожу из себя по поводу тщетных попыток добиться хорошего произношения. Однакож, сравнительно с первым временем, все-таки и в этом отношении есть некоторый успех.

4) В комнатах моих очень тепло, несмотря на то, что я единственный жилец той стороны дома, в которой обретается моя квартира. Вообще с этой стороны я чрезвычайно доволен моим отелем. Мысль, что, когда я играю, никто меня не слышит и никаких соседей я не беспокою, чрезвычайно мне приятна. Вечером я наслаждаюсь ничем не нарушаемой тишиной. Даже вследствие отсутствия жильцов на заднем дворе не слышно беготни слуг, ну, словом, так тихо, как в деревне, а это для меня потребность весьма важная. Недоволен я только мыслью, что все эти удобства оплачиваются столь дорогой ценою.

5) Сколько мне известно, Руб[инштейн] не намерен вовсе покидать консерваторию. В будущем сезоне он уедет всего на один месяц, в сезоне же 1880/81 г.—на три месяца. Следовательно, обе эти поездки не помешают ему остаться во главе консерватории.

Меня ужасно огорчило сегодня известие о смерти молоденького вел. кн. Вячеслава Константиновича. Этот милый мальчик был страстный любитель музыки, и мне самому однажды пришлось присутствовать на музыкальном утре у его отца, где он с величайшим усердием и любовью исполнял партии второй скрипки в разных morceaux d'ensemble *. Ему тогда было двенадцать лет, теперь только шестнадцать!!

Вчера я телеграфировал в Каменку [2], но ответа до сих пор не получил. Дело в том, что сестра уехала из Петербурга недели две с половиной тому назад совершенно благополучно, но в Москве вторая ее дочь, Вера, заболела корью. Так как по давнишнему знакомству с И. Г. фон-Дервизом она имеет возможность всегда от самой Каменки до Москвы ездить в его собственном вагоне, то сестра рассудила, что лучше увезти больную поскорее домой в этом вагоне. Но, к несчастью, случилось, что Ив. Гр. фон-Дервиза не было в Москве, и вследствие неточного распоряжения она могла ехать в его вагоне только до Киева. В Киеве пришлось бедную больную девочку переносить в отвратительные вагоны Киево-Брестской дороги; в Фастове новая пересадка. И результатом всего этого было то, что Вера простудилась, и болезнь приняла очень острый и опасный характер. В тот день, когда сестра писала мне, Вера была вне опасности, но зато слегла старшая, Таня, и сестра делает в письме предположение, что переболят все дети, не исключая чудного маленького Юрия. Мысль, что все дети больны, что весь их веселенький домик превратился в мрач-

* пьесах для камерного ансамбля

ную больницу, очень расстроила меня, и я поспешил телеграфировать, прося ответной депеши, которой однакож до сих пор нет. Я знаю, что в кори нет ничего опасного, но все как-то мне невыносимо тяжело думать, что мой любимец Володя и что крошка Юрий лежат в жару и страдают. К тому же, я два дня нахожусь под сильным впечатлением повести Достоевского «Братья Карамазовы». Третьего дня вечером я прочел первые главы этой повести в Вашем «Русском вестнике». В ней, как и всегда у Достоевского, являются на сцену какие-то странные сумасброды, какие-то болезненно нервные фигуры, более напоминающие существа из области горячечного бреда и сонных грез, чем настоящих людей. Как всегда у него, и в этой повести есть что-то щемящее, тоскливое, безнадежное, но, как всегда, минутами являются почти гениальные эпизоды, какие-то непостижимые откровения художественного анализа. Здесь меня поразила, потрясла до рыданий, до истерического припадка одна сцена, где старец Зосима принимает страждущих, пришедших к нему искать исцеления. Между ними является женщина, пришедшая за пятьсот верст искать у него утешения. У нее перемерли по очереди все дети. Похоронивши последнего, она потеряла силы бороться с горем, бросила дом, мужа и пошла скитаться. Простота, с которой она описывает свое безысходное отчаяние, поразительная сила безыскусственных выражений, в которых изливается ее бесконечная тоска о том, что она никогда, никогда, никогда уж больше не увидит и не услышит его, и особенно, когда она говорит: «И не подошла бы к нему, не промолвила, в углу бы притаилась, только бы минутку едину повидать»,—все это меня и до сих пор еще невыразимо хватает за сердце [3]. Да, друг мой! Лучше тысячу лет ежедневно по двадцать четыре раза умирать самому, чем лишаться тех, кого любишь, и искать утешения в гадательной мысли, что на том свете увидимся! Увидимся ли? Счастливы те, которые могут в этом не сомневаться.

Но я останавливаюсь, а то охота изливаться перед Вами увела бы меня слишком далеко. Простите, дорогой друг, что пишу Вам так длинно, но, право, я при этом ни единой секунды не имею в виду вызвать и Вас на длинные письма. Напротив, мне было бы неприятно, если б Вы вышли теперь из пределов коротеньких писем. Пожалуйста, берегите себя. Пишу Вам сегодня так длинно, ибо повинуюсь непреодолимому влечению беседовать с Вами. Я совершенно здоров, и мне нет надобности укрощать свое эпистолярное рвение.

Сегодня утром я, может быть, вследствие неспокойного состояния души работал с большим трудом и усилием, но все-таки работал.

Взял себе билет в Concert Pasdeloup. Окончу этот листок завтра и пошлю Вам письмо мое в воскресенье. Работа Пахульского не вполне удалась, но в ней все-таки много хорошего, и если он переделает ее согласно моим указаниям, то в результате получится очень чистая, хорошая работа. Я хочу после сонаты заставить его написать романс! Кажется, чего проще, как романс, а, между тем, я заранее знаю, что он наткнется на тысячу маленьких трудностей вокальной музыки. Пусть испытает свои силы и в этом роде музыки.

Суббота, 12 часов ночи.

Я получил сейчас телеграмму из Каменки. Обе больные выздоравливают, garçons pas encore malades *, из чего следует заключить, что все-таки и им предстоит поболеть. Телеграмма кончается словами: «attendons pour Pâques» **, т. е. в Каменке ожидают меня к пасхе, но вероятнее, что я пасху встречу еще в Петербурге и тотчас после нее поеду. Я в Петербурге в о ч т о б ы т о н и с т а л о должен окончить с ю и т у, при мысли о которой я каждый раз краснею, вспоминая, что я обещал Вам, милый друг, клавираусцуг. Простите меня, пожалуйста! Я решительно теперь не могу заняться ничем, кроме «О р л е а н с к о й д е в ы», которая однакоже близится к концу. Я н а д е ю с ь, что через неделю все будет готово.

Опера С е н-С а н с а мне решительно не нравится. Она поразительно ничтожна по качеству музыкальной изобретательности.

Когда Вам случится целовать сегодня милую Милочку, то поцелуйте ее, друг мой, лишний раз за меня.

Ваш П. Чайковский.

Будем сегодня вместе слушать симфонию Берлиоза, которую я, впрочем, не особенно люблю.

33. Мекк—Чайковскому

Париж,
19 февраля 1879 г.
8 часов утра.

Не знаю, как и благодарить Вас, мой дорогой, несравненный друг, за Ваше д л и н н о е письмо. Ничто не может доставить мне такого удоволь-

---

* мальчики еще не больны
** «ждем к пасхе»

ствия, как Ваши письма вообще, а длинные в особенности, а Вы еще извиняетесь за таковое,—уж это Вам грешно, мой дорогой!...

А мне очень понравилась вчерашняя симфония Берлиоза; как картинно она написана. Этот человек умеет удивительно живо передавать музыкою все, что захочет, и говорит музыкою и рисует, где надо. Какой прелестный вальс на балу, как фантастична последняя часть. Слушаешь от начала до конца все с живым интересом, утомляешься временем, но никогда не музыкою. Премилый писатель!

А вот что мне не понравилось, это вся фигура Pasdeloup и весь entourage* его концертов. Эта публика—глупая, бессмысленная, нахальная, как все французы: сверху полирована, а внутренно груба, цинична, безнравственна. Заметили ли Вы, друг мой, сколько развелось нищих в Париже при республике? Точно в Италии, тогда как прежде не бывало видно ни одного. Вообще французы, как народ, для личных сношений с людьми, весьма антипатичны. Заметьте, как они отвратительно грубы по натуре. Это свойство у них имеет даже гражданское право существования, и употребление un bon coup de pied** есть непременная принадлежность каждого супружества и, конечно, всегда от сильнейшего к слабейшему; они изучают, étudient***, совершенствуют эту благотворную манипуляцию как предмет искусства, как живопись, как музыку, как работу на серебре, и в большей части уголовных преступлений в супружестве. Вы увидите, что муж поднес жене такой coup de pied, которым убил ее, и только при таком последствии он и наказывается законом, а вообще практикуется усердно и безнаказано почти во всех слоях общества. По крайней мере, я встречала много француженок здесь, в Париже (в России уже они стыдятся об этом говорить), весьма нарядных и пользующихся полным благосостоянием, которые без всякого стыда говорят, что их мужья бьют каждый день. Это мне приходилось узнавать при найме здесь гувернанток.

Пожалуйста, милый друг мой, не беспокойтесь нисколько о сюите. Мне хотелось бы, чтобы вообще она была окончена, но это все равно, когда бы это сделалось. А мне было жаль вчера уехать от сюиты Lachner'а, но я боялась давки в таком некомфортном помещении.

Как Вы поразительно скоро работаете, мой милый друг,—опера через неделю уже будет готова. Да ведь это просто мановением жезла Вы творите, да и как творите! Шел ли в Петербурге Ваш «Евгений Онегин», как предполагалось, в аристократическом салоне? Отчего умер Вячеслав Константинович, я об этом не читала?

Сегодня у нас, русских, знаменательный день: освобождение крепостных, восшествие на престол доброго и гуманного царя и заключение мира с Турциею[1]. Первое несомненно и во всех отношениях хорошо, второе в большей части отношений хорошо, а третье только отрицательно хорошо. Спасибо и за это.

Как Вы думаете, Петр Ильич, получим мы контрибуцию от Турции? А курс наш не поднимается и теперь 237.

Как мне жаль бедной Александры Ильиничны, что у нее дети хворают. Хуже этого ничего на свете нет, как видеть больных детей, а она, должно быть, очень любящая мать.

Зачем Вы, друг мой, читаете Достоевского, это Вам не по нервам. Я после его «Преступления и наказания» дала себе слово не читать больше ни одного его сочинения и держу слово. Он замечатель-

---

* обстановка
** хорошего пинка
*** изучают

ный психолог и выбирает для своих сочинений самые тяжелые состояния ума и сердца для того, чтобы больше блеснуть своим изумительным психическим анализом и искусством представления. Он не для нас с Вами.

Я вчера опять Вас не могла найти, милый друг,—были ли Вы? У меня лежит билет на концерт Риттера в четверг в Salle Pleyel и на будущий вторник в Salle Erard какой-то концерт.

Как странно, что у M-me Viardot-Garcia ни одна дочь не вышла в нее вокальным талантом; я слышала двух, и ни одна не первоклассная.

Что Вы не бываете здесь у нашего Тургенева? Ведь Вы, вероятно, знаете, что он женат на M-me Viardot-Garcia.

Будьте здоровы, мой дорогой. Всем сердцем Ваша

Н. фон-Мекк.

34. Чайковский—Мекк

1879 г. февраля 19—20. Париж.

19 февраля/3 марта 1879 г.
Понедельник.

Вы спрашиваете меня, друг мой, почему я не бываю у Тургенева. Вопрос этот вызывает меня на очень обстоятельный и подробный ответ. Но так как мне кажется, что Вы и без того уже достаточно меня знаете, и так как многое из того, что я бы хотел сказать Вам по этому поводу, Вам понятно более, чем кому-либо, то отвечу коротко.

Всю мою жизнь я был мучеником обязательных отношений к людям. По природе я дикарь. Каждое знакомство, каждая новая встреча с человеком незнакомым была для меня всегда источником сильнейших нравственных мук. Мне даже трудно объяснить, в чем сущность этих мук. Быть может, это доведенная до мании застенчивость, быть может, это полнейшее отсутствие потребности в общительности, быть может, ложный страх показаться не тем, что я есть, быть может, неумение без усилия над собой говорить не то, что думаешь (а без этого никакое первое знакомство невозможно),—словом, я не знаю, что это такое, но только, пока я по своему положению не мог избегать встреч, я с людьми встречался, притворялся, что нахожу в этом удовольствие, по необходимости разыгрывал ту или другую роль (ибо, живя в обществе, нет ни малейшей возможности обойтись без этого) и невероятно терзался. Повторяю, что об этом пришлось бы рассказывать и говорить ужасно много и ужасно много смешного. Единый бог знает, сколько я страдал от этого, и если я теперь так покоен, так счастлив, то это именно потому, что могу жить, по крайней мере здесь и в деревне, не видя никого, кроме тех, перед которыми я могу быть самим собою. Н и р а з у в ж и з н и я не сделал ни единого шага, чтобы сделать знакомство с тою или

другою интересною личностью, а если это случалось самособою, по необходимости, то я всегда выносил только разочарование, тоску и утомление. Чтоб не ходить далеко за примером, расскажу Вам только, что два года тому назад писатель граф Л. Н. Толстой выразил желание со мной познакомиться. Он очень интересуется музыкой. Я, конечно, сделал слабую попытку спрятаться от него, но это не удалось. Он приехал в консерваторию и сказал Руб[инштейну], что не уедет, пока я не сойду и не познакомлюсь с ним. Толстой—громадный и в высшей степени симпатичный мне талант. Не было возможности отделаться от знакомства, которое, по общим понятиям, лестно и приятно. Мы познакомились, причем, конечно, я сыграл роль человека очень польщенного и довольного, т. е. сказал, что очень рад, что благодарен, ну, словом, целую вереницу неизбежных, но лживых слов. «Я хочу с Вами поближе сойтись,—сказал он,—мне хочется с Вами толковать про музыку». И тут же, после первого рукопожатия, он изложил мне свои музыкальные взгляды. По его мнению, Бетховен бездарен. С этого началось. Итак, великий писатель, гениальный сердцевед, начал с того, что с тоном полнейшей уверенности сказал обидную для музыканта глупость. Что делать в подобных случаях! Спорить! Да—я и заспорил. Но разве тут спор мог быть серьезен? Ведь, собственно говоря, я должен был прочесть ему нотацию. Может быть, другой так и сделал бы, я же только подавлял в себе страдания и продолжал играть комедию, т. е. притворялся серьезным и благодушным. Потом он несколько раз был у меня, и хотя из этого знакомства я вынес убеждение, что Толстой — человек несколько парадоксальный, но прямой, добрый, по-своему даже чуткий к музыке (он при мне расплакался навзрыд, когда я сыграл ему по его просьбе Andante моего первого квартета), но все-таки знакомство его не доставило мне ничего, кроме тягости и мук, как и всякое знакомство [1].

Но я чувствую, что увлекаюсь, вдаюсь в подробности, и потому обобщу то, что хочу сказать. Обществом человека можно наслаждаться, по-моему, только тогда, когда вследствие долголетнего общения и взаимности интересов (особенно семейных) можно быть при нем самим собой. Если этого нет, то всякое сообщество есть тягость, и мой нравственный организм такой, что я этой тягости выносить не в силах.

Вот почему, милый друг, я не иду ни к Тургеневу, ни к кому бы то ни было. Мало ли к кому я бы мог пойти здесь?

Здесь есть, например, С е н-С а н с, который, бывши в Москве, взял с меня слово, что, когда бы я ни был в Париже, я у него буду [2]. Всякий другой на моем месте познакомился бы с здешними музыкантами. И весьма жаль, что я этого не делаю,—я много теряю вследствие своей нелюдимости. О, если б Вы знали, как я боролся с этим недостатком и сколько я переносил от этой борьбы с своей исключительной натурой, как меня это мучило, как я трудился над своим исправлением!

Теперь я успокоился. Я убедился окончательно, что бесполезно продолжать попытки своего перевоспитания в мои годы. Случись мне, положим, три года тому назад провести некоторое время в Париже, я бы, вероятно, как и теперь, в конце концов ни к кому не пошел бы, но это меня мучило бы, я бы упрекал себя. Тургенев несколько раз выражал к моей музыке много симпатии, Виардо пела мои романсы. Казалось бы, следовало бы пойти к ним, и, вероятно, это принесло бы мне даже пользу [3]. Теперь я уже примирился с мыслью, что успехи мои парализируются моей нелюдимостью, и совершенно успокоился.

Зато уверяю Вас, мой друг, что когда мне случается говорить Вам, что я никогда не был так счастлив, как теперь, то слова эти г л у б о к о п р о ч у в с т в о в а н ы м н о й.

Да! я очень счастлив с тех пор, как могу прятаться в своей норке и быть всегда самим собою, с тех пор, как книги, ноты составляют мое всегдашнее и почти исключительное общество. Что касается собственно знакомства с з н а м е н и т ы м и людьми, то я еще прибавлю, что по опыту додумался до следующей истины: и х к н и г и, и х н о т ы гораздо интереснее их самих. Мне кажется, что все это я Вам пишу en pure perte *, ибо Вы отлично все это понимаете и без моих объяснений.

Позвольте исправить одно Ваше заблуждение, разделяемое, впрочем, очень многими. Т у р г е н е в не женат и никогда не был женат на Виардо. Она замужем за Louis Viardot, здравствующим и теперь. Этот M. Viardot очень почтенный писатель и, между прочим, переводчик Пушкина. Т у р г е н е в а с В и а р д о соединяет очень трогательная и совершенно ч и с т а я дружба, превратившаяся уже давно в такую привычку, что они друг без друга жить не могут. Это факт совершенно несомненный.

Был я сегодня в театре. Так как в последние дни я немножко расстроил себе нервы и стал плохо спать, то, дабы

---

* напрасно

рассеяться, решил пойти в самый веселый театр, т. е. в Palais Royal. Видел пьесу «Le mari de la débutante». Забавно, но я все-таки до конца не досидел.

Теперь поздно, час пополуночи, и хотя спать не хочется, но ради соблюдения порядка пойду лечь в постель. Покойной ночи Вам, милый друг! Я чувствую, что сказал Вам хотя много, но все-таки не сумел объяснить Вам свою странную натуру. Баснословно трудно объяснить ее. Впрочем, повторяю, Вы и без моих объяснений понимаете все, что я не сумел сказать [4].

Вторник.

Концертом Паделу я остался доволен. Симфония Берлиоза слушается с большим интересом. Однакож я не скажу, чтобы это была одна из любимых моих вещей его. В ней много эффектов антихудожественных, чисто внешнего свойства: например, изображение грома посредством одних литавр. Но вальс и марш прекрасны. Что касается главной темы, проходящей через всю симфонию и изображающей любимую женщину:

то согласитесь, друг мой, что она слаба!.. [5]

Вчера я хотел побывать в каком-нибудь очень веселом театре и пошел в Palais Royal, где дается теперь с огромным успехом пьеса «Le mari de la débutante». Однакож я не нашел ничего особенно забавного и ушел, не дождавшись конца. А сегодня в Comédie Française опять «Le gendre de M. Poirier». Были ли Вы, друг мой?

Все, что Вы говорите о французских нравах и их цивилизованности, скрывающей в сущности страшную грубость, совершенно верно. Знаете, что для меня загадка Тургенев, который сделал себе из Парижа вторую родину! Весь свой век жить среди этого сонмища нахалов, самоуверенных рутинистов, презирающих глубоко все, что не Париж и не Франция, это для меня непостижимо! Такова сила его дружбы с Виардо. Оно странно, но трогательно!

Я ничего не могу сказать Вам, милый друг, о том, шел ли «Евгений Онегин» у М-me Абаза. Братья об этом мне ничего не писали, и я заключаю из этого, что, вероятно, не шел, а почему—не знаю.

Я сегодня удивительно удачно работал и написал столько, сколько иногда и в три дня не напишешь. Для меня теперь

несомненно, что если ничто не помешает, то опера через неделю будет вся готова. Я ее написал действительно скоро. Весь секрет в том, что я работал ежедневно и аккуратно. В этом отношении я обладаю над собой железной волей, и когда нет особенной охоты к занятиям, то всегда умею заставить себя превозмочь нерасположение и увлечься.

Соната Пахульского кончена. Я очень радуюсь, что у него есть вполне порядочное и цельное сочинение. Если не все темы особенно хороши, то есть несколько весьма недурных, но, главное, в общем много музыкальности и чутья формы. Теперь буду ждать от него романса.

В концерте Паделу я сидел прямо против Вас, но только двумя рядами выше. Я тоже не дождался сюиты Лахнера. Она мне известна, и хотя вещь очень изрядная, но утомление взяло верх над ее достоинствами.

Дочь Виардо мне понравилась. Она действительно не первоклассная, но ведь она, должно быть, очень молода. Может быть, и выйдет первоклассная. Впрочем, история искусства служит положительным доказательством, что у гениальных родителей никогда не бывают гениальные дети, и скорей наоборот. Известно, что сын Моцарта и сын Гете были полуидиоты.

Мне осталось пробыть здесь около недели. Братья, особенно Анатолий, ждут меня с горячим нетерпением.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Ваш П. Чайковский.

35. Чайковский—Мекк

Париж,
24 февраля/8 марта 1879 г.

Милый и бесконечно дорогой мой друг! Прежде всего сообщу Вам, что опера кончена. Это совершилось еще три дня тому назад для меня самого неожиданно. Дело в том, что в последние два дня работы я был в необыкновенно благоприятном расположении духа, и дело шло с замечательной быстротой. Третьего дня, вчера и сегодня я занимался просмотром и отделкой некоторых подробностей как в опере, так и в сюите. Теперь, в ту минуту, как пишу Вам, у меня готово все до мельчайших подробностей, и стоит только присесть, вооружиться пером и начать уписывание партитуры. Но само собой разумеется, что я дам себе отдых до Петербурга и буду все по-

следние дни моего парижского пребывания предаваться прогулкам и фланерству. Еду же я в среду вечером, даже заручился местом в спальном вагоне на этот день. Скажу Вам откровенно, что меня собственно очень мало привлекает матушка-Русь и что я не без некоторого страха думаю о предстоящей слякоти в любезном отечестве. Но я рад буду видеть братьев и отца. Братья очень обо мне соскучились, особенно Анатолий, поэтому я решился не засиживаться здесь, хотя признаюсь, что в виду чудной погоды последних дней Париж сделался очень приятен, и я бы ничуть непрочь остаться или еще здесь или провести недели две в моем милом Clarens до наступления решительной весны. Как бы то ни было, но в среду я еду.

Благодарю Вас за сообщение афиши Châtelet. Я и рад и не рад исполнению «Бури». Рад потому, что мне приятно, что я понемножку начинаю завоевывать себе местечко на иностранных программах. Не рад, ибо заранее предвижу разные свои терзания. Вероятно, исполнение будет недостаточно хорошее. Ему будет недоставать той любви и одушевления, которое музыканты прикладывают к исполнению вещей уже с установившейся репутацией. Да и в Colonne'a я не питаю слепую веру. Словом, было бы лучше, если б это совершилось без меня. С другой стороны, для меня будет совершенно новое ощущение: слышать свою вещь среди публики, не подозревающей моего присутствия. Ощущение это могло бы быть необыкновенно приятно, если бы исполнение оказалось хорошим. Что касается успеха или неуспеха, то уверяю Вас, что об этом я даже и не думаю: до такой степени я заранее уверен в неуспехе. Французская публика—самая закоснелая в музыкальном рутинизме, и если она своих собственных музыкантов решается признать только через много лет после их смерти, то чего же могут ждать иностранцы. Меня нисколько не удивит и очень мало огорчит неуспех. Я в этом отношении стреляная птица.

Вчера я видел «Assomoir» и скажу Вам про него свое мнение. Пьеса смотрится во всяком случае с интересом, ибо всякому любопытно видеть, как во второй картине прачки стирают белье, в шестой картине все действующие лица пьяны и предаются обжорству, в восьмой пьяница умирает от delirium tremens* и корчится в ужаснейших судорогах. Все это имеет своего рода интерес, но, тем не менее, пьеса «Assomoir» есть двойное оскорбление присущего поря-

* белой горячки

дочному человеку чувства изящного. Во-первых, она взята из романа, написанного человеком даровитым, но циником, любящим копошиться во всякой человеческой мерзости, нравственной и физической. Во-вторых, для большего эффекта, при переделке романа в пьесу, в сюжет вмешали ради удовлетворения потребностей бульварной публики совершенно неправдоподобный мелодраматический элемент. Так что «A s s o m o i r» потерял на театре свое единственное достоинство, т. е. необычайную верность изображения жизни.

Но каков M-r Z o l a, этот жрец культа реальности, этот строгий критик чужих произведений, не признающий никакой литературы, кроме себя, на том основании, что он один р е а л е н! Он не погнушался введением в свою пьесу эпизодов совершенно нереальных и личностей вполне невозможных ради получения поспектакльной платы. Особенно он мне стал противен, когда я прочел его корреспонденцию в «Вестник Европы» по поводу «A s s o m o i r». Как он благодушно относится к искажению р е а л ь н о с т и ради потакания дурному вкусу публики! Как наивно он дает чувствовать между строчками свое удовольствие от успеха пьесы, где вполне искажена сущность его романа, последствием чего будут хорошие доходы! Ох, эти жрецы р е а л и з м а, эти пустые фразеры, притворяющиеся героями своих убеждений и готовые за лишний франк отказаться от своих теорий при применении их к практике! [1]

Знаете ли, друг мой, что сегодня очень интересный фестиваль в Г и п п о д р о м е, посвященный сочинениям Берлиоза? Отправляетесь ли Вы? Я нарочно посылаю письмо теперь, чтобы напомнить Вам об этом фестивале. Программа очень интересна.

Пахульский говорил мне, что Вы чувствуете себя лучше. Дай бог!

Ваш П. Чайковский.

36. Мекк—Чайковскому

Париж,
25 февраля 1879 г.
8 часов утра.

Как мне грустно, мой милый, несравненный друг, что Вы уже уезжаете. Я еще так мало пользовалась Вашим пребыванием здесь, что мне кажется, что Вы только что приехали, и хотя Вы мне писали раньше, что пробудете здесь только до 1 марта, но я все надеялась, что как-нибудь нечаянно и незаметно Вы уедете одновременно со мною, но, конечно, глупые

мечты не сбываются. А как жаль, теперь, когда Вы окончили оперу, я без упреков совести могла бы наслаждаться перепискою с Вами, а тут и ехать надо. Но говоря вообще, я завидую Вам, милый друг, что Ваш срок уже пришел вернуться в Россию: я так соскучилась по ней ужасно, но надо докончить программу.

Поздравляю Вас, дорогой мой, с новым произведением, с новым детищем, о прелестях и достоинствах которого, конечно, не может быть и речи, но которому все-таки, дай бог, составить быструю и блестящую карьеру, так как не всегда бывает с к о р о оценено то, что хорошо. Но как быстро Ваше семейство увеличивается, так это поразительно! Кажется, Вы меньше двух месяцев писали эту оперу? Теперь Вы, конечно, отдохнете продолжительное время. С каким удовольствием я жду сегодня слушать Вашу «Бурю», хотя также буду волноваться против публики....

Все, что Вы мне объясняете, друг мой, насчет Вашего небывания у разных знаменитостей, мне не только понятно, но близко, тождественно с моими собственными свойствами до такой степени, что мы могли бы соперничать друг с другом, за кем есть больше анекдотов по части дикости с людьми, и я уверена, что у меня нашлось бы их больше, чем у вас, потому что, во-первых, я старше Вас, а во-вторых, я с о в е р ш е н н о разошлась с людьми до такой степени, что я ни в Hôtel'ях, ни в магазинах не разговариваю ни с одним человеком, везде я прикидываюсь, что не понимаю того языка, на котором ко мне относятся. Мне случалось на вопрос ко мне (по-русски и в России), я ли г-жа фон-Мекк, отвечать, что нет, что тот ошибается, кто меня спрашивает об этом. К несчастью, моя Юля так же дика, как и я, поэтому нам всегда необходим кто-нибудь, кто бы защищал нас от набегов людских.

Дочь Виардо мне понравилась, что касается до музыкального исполнения, но мне кажется, что она первоклассною никогда не может быть, потому что и голос слишком ничтожен для этого, хотя по тембру очень приятен. Что касается ее молодости, то, вероятно, л е т а м и она молода, но лицом совсем не молода, несмотря на белила и румяна....

На фестиваль вчера я не предполагала ехать, потому что там в память Б е р л и о з а играли В е у е г'а. Я не люблю такого нахальства.

Что касается Zola, то я его терпеть не могу. В парижских égouts* чище, чем в его реализме. Он самый бесцеремонный циник, как, к сожалению, очень многие из тех, которые величают себя реалистами, между ними и наш Писемский. Ведь реализм можно брать в какой угодно области. Это— реалисты грязной руки из помойных ям, и в них вполне логично их продажничество, у них нет нравственной стороны. А вот противно, что наша журналистика и публика превозносит Zola. Русские люди созданы лучше, чем эта нация, которую всю можно назвать одним именем Zola....

Так как Вы уезжаете, милый друг мой, то позвольте Вас просить расплатиться за меня в Hôtel Meurice за помещение, так как мне не совсем удобно сделать это самой....

До свидания, бесценный мой. Безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* притонах

37. Чайковский — Мекк

Париж,
25 февраля/9 марта 1879 г.

Не могу удержаться, чтоб не сообщить Вам своего впечатления по поводу «Бури». Исполнение было не особенное, но недурное. Тощие аплодисменты и некоторые свистки, приветствовавшие мое творение, ни мало не удивили меня: я их ожидал. Но меня удивляет то, что это меня довольно сильно уязвило. Я ожидал от себя большего мужества, т. е. полнейшего равнодушия к неуспеху. Волновался я невыразимо. Этого тоже я не ожидал. И знаете ли, милый друг, что я даже не особенно упрекаю французскую публику. Мне самому сегодня «Буря» не понравилась. Форма ее слишком длинна, эпизодична, неуравновешенна. Эффект отдельных эпизодов парализован некоторою несвязностью. И вот именно от того-то мне и грустно, что я не могу свалить вину неуспеха ни на исполнение, ни на непонимание публики. Мне кажется, что для первого знакомства парижан с моей музыкой «Буря» не годится. Конечно, многие подробности не удались в исполнении, но в общем я не могу пожаловаться на Colonn'a. Много усердия, много старания, должно быть, положено было на изучение, но музыкантам недоставало доверия и любви к исполняемой музыке. Они как будто заранее предчувствовали приговор публики. Некоторые как-то странно и многозначительно улыбались, как бы говоря: «Извините, что мы преподносим вам столь странное кушанье, но мы не виноваты».

Тотчас после «Бури» я ушел и должен был совершить огромную прогулку, чтобы успокоить себя. Теперь я испытываю некоторую грусть, но убежден, что к завтраму мое маленькое огорчение совсем уляжется.

Colonn'y я во всяком случае очень благодарен и хочу сейчас написать ему письмецо, в котором придется прибегнуть к лжи, чтоб объяснить, почему я не благодарю его de vive voix *. Скажу, что приезжал на самый короткий срок и что нездоров [1].

Благодарю Вас, милый друг, за присланные деньги. Вы слишком добры, но я и на этот раз злоупотреблю Вашей добротой, т. е. с величайшею благодарностью приму эту сумму. Она даст мне возможность сделать серьезное обновление моего гардероба, несколько устаревшего и обедневшего. Хочу сегодня пойти в театр, чтобы рассеяться. До свиданья! Я еще раз напишу Вам отсюда перед отъездом.

Ваш П. Чайковский.

---

* лично

P. S. Я забыл благодарить Вас за книгу Листа о Шопене. Я ее знал прежде, и она мне не нравится. Изобилие фраз, пустых многоглаголаний и руготни на русских.

38. Чайковский—Мекк

1879 г. февраля 27. Париж.

Может быть, Вам небезынтересно будет прочесть, милый друг, телеграмму, которую я получил сейчас. Курьезно то, что она написана французскими буквами, но по-русски. Если окажется возможным присутствовать, сохранивши безусловное и н к о г н и т о на этом представлении, то я, вероятно, съезжу в Москву [1].

Ваш П. Чайковский.

39. Мекк—Чайковскому

1879 г. февраля 27. Париж. Вторник.

Как я завидую Вам, мой бесценный друг, боже мой, как завидую, что Вы поедете в Москву, услышите «Евгения Онегина». Как бы мне хотелось его слышать, и бог знает, придется ли когда. Я бы сейчас полетела вслед за Вами, но боюсь вернуться в Россию в самое опасное время в санитарном отношении.

Благодарю Вас очень, дорогой мой, за присылку мне телеграммы. Она для меня весьма интересна, а такой способ передачи телеграмм я употребляла сама для пробы, когда жила в Пиренеях. Это очень удобно. Надеюсь еще получить от вас весточку. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

40. Чайковский—Мекк

Париж,
27 февраля/11 марта 1879 г.

Итак, я уезжаю завтра по направлению к России. Я унесу с собой самое отрадное воспоминание об этих месяцах, проведенных так несказанно приятно и вместе с тем с такою пользою. Уже давно в моей жизни не выдавалась такая длинная полоса ничем не нарушенного благополучия. Благодарю Вас,

дорогой друг, от всей души за эти чудные месяцы. Оглядываясь назад, я с особенною любовью останавливаюсь на воспоминаниях о Viale dei Colli. Там мне было особенно хорошо. И ваша близость, и чудный климат, и местоположение, и мое симпатичное помещение, и образ жизни,—все это придавало дням, проведенным в ресторане Bonciani, неоцененную прелесть. Но и Clarens и Париж оставят во мне хорошую память о себе.

Я намерен остановиться на один или два дня в Берлине. Приеду в Петербург четвертого или пятого, а пятнадцатого, вероятно, отправлюсь в Москву, хотя еще не знаю, останусь ли там до отъезда в Каменку или снова возвращусь в Петербург, прослушавши «Онегина». Сначала я сомневался, поеду ли в Москву по этому случаю, но теперь мне до того захотелось увидеть сценическое воплощение своей мечты (особенно в виду того, что, судя по телеграмме, опера идет недурно), что моя поездка в Москву не представляет никакого сомненья.

Не могу ли я быть Вам полезен в Петербурге? Не хотите ли поручить мне наем для Вас помещения, вообще не нужно ли что-нибудь устроить там для Вас? Уверяю Вас, милый друг, что мне доставило бы огромное удовольствие быть Вам полезным.

Я еще не знаю, где помещусь в Петербурге. Брату Анатолию я поручил устроить мне помещение, но, во всяком случае, у него остановиться я не могу, ибо для меня с Алексеем места нет, притом же для занятий его жилище совершенно не подходит к моим требованиям. Но если Вам вздумается написать мне отсюда, то попрошу Вас адресовать по адресу Анатолия: Новая улица, на углу Невского проспекта, дом 2/75, квартира № 30.

По поводу этого предупреждаю Вас, милый друг, что я решительно не буду ждать от Вас писем до тех пор, пока не устроитесь в своем московском доме. Я знаю, что скоро Вам предстоят сборы, потом самое путешествие и что Вам будет не до писем. Прошу Вас в случае, если все-таки захотите написать мне, ограничиваться коротенькими записочками, из которых я мог бы знать, что Вы здоровы и где находитесь. Я же, если позволите, буду продолжать писать Вам в тех размерах, как это было в Париже.

До свиданья, друг мой! Еще раз горячо благодарю Вас за все счастье, которое я испытывал в эту поездку и которым я обязан Вам.

Ваш П. Чайковский.

P. S. Я в первый раз в жизни читаю «Les Confessions» Руссо. Мне неловко рекомендовать Вам эту книгу, если Вы ее не читали, ибо рядом с ежеминутными проблесками гения в ней множество очень цинических признаний, которые делают эту книгу почти недоступной для женщин. Но я не могу не изумляться, во-первых, поразительной силой и красотой его стиля и, во-вторых, глубиной и правдивостью анализа человеческой души. Кроме того, я испытываю невыразимое наслаждение, когда нахожу в его признаниях черты своей собственной натуры, которых ни в каком литературном произведении я не встречал описанными с такой непостижимой тонкостью. Например, я сейчас прочел его объяснение, почему, будучи умным человеком, он в обществе никогда не производил впечатления умного. По этому поводу он распространяется о нелюдимости своей натуры и о невыносимой тяжести поддерживать по обязанности разговор, причем ради поддержания разговора приходится говорить пустые слова, не прочувствованные и не выражающие никакого действительного умственного процесса или душевного движения. Боже мой! до чего он тонко и глубоко верно рассуждает об этом биче общественной жизни! Недавно я хотел в моем письме к Вам выразить эту самую мысль, но до чего слабо я ее высказал, и до чего сильно и рельефно развил ее Руссо!!

41. Мекк—Чайковскому

Париж,
28 февраля 1879 г.
8 часов утра.

Мой милый, бесценный друг! Благодарю Вас от всего сердца, глубоко и горячо благодарю за все, что Вы для меня делали в мое зимнее пребывание за границею, за то безграничное удовольствие, которое мне доставляла Ваша жизнь вблизи меня, за Ваше милое, доброе участие, по моей просьбе, и к моему protégé Пахульскому. Я уверена, что никогда и ничто другое в жизни не принесет ему такой пользы, как эти занятия с Вами. Они просветлили его; до сих пор он бродил в тумане, теперь же у него есть ясное сознание, есть точка опоры для его фантазии. Для меня же Ваше пребывание вблизи меня было не только бесконечным источником блаженства, но и огромною пользою для здоровья. Я такой человек, что мое здоровье главным образом зависит от душевного состояния. Если у меня есть какая-нибудь радость на душе, я и здоровее себя чувствую и другое дурное легче переношу. А вот тяжело мне, когда ничего радостного нет, потому что дурного-то всегда много, а ничто не поддерживает переносить его. Такого же глубокого удовольствия, какое я ощущала в особенности на Viale dei Colli, я давно не имела, да вряд ли и буду когда-нибудь иметь. Благодарю Вас, благодарю, мой дорогой, добрый, хороший, никогда я не забуду этого счастливого времени.

Я также стараюсь придвинуть время своего возвращения в Россию, мечтаю теперь, как бы выехать 11 марта, потому что мне, вероятно,

ехать на Варшаву и остановиться там дня на два. Я написала туда приглашение к одному управляющему поступить ко мне в Браилов, и если его ответ будет утвердительный, то мне надо окончательно переговорить с ним, потому что у меня в Браилове все безобразничают, нет возможности выносить дальше такой порядок или, вернее, беспорядок вещей, хотя прежний управляющий все-таки останется на моем попечении, но я его возьму в Москву....

Какое сокровище везете Вы с собою из Парижа, мой милый друг! Ваше новое, последнее детище! Но как грустно подумать, что нам, бедным людям, не скоро еще придется его услышать или увидеть хотя бы в печати. Это ужасно досадно такие медленные издания. Так хотелось бы поскорее насладиться, а тут надо ждать, долго ждать. Подгоните Юргенсона, дорогой мой! Но однако сколько ни говори, а надо прощаться, но я не люблю слово «п р о щ а й», а до свидания, мой милый, горячо любимый друг, счастливого Вам пути, доброго здоровья, много радости в кругу родных, а среди всего этого не забудьте сердца, которое бьется самою искреннею, беззаветною любовью к Вам. Не забудьте человека, который всегда и везде думает о Вас, ждет от Вас известий, как единственной н е о м р а ч и м о й радости, которому в с е интересно знать о Вас, которого заботит все, касающееся Вас. Одним словом, не забудьте меня, мой милый, добрый друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

42. Мекк—Чайковскому

1879 г. февраля 28. Париж. Среда.

От всей души благодарю Вас, мой несравненный друг, за Ваше милое предложение приготовить мне помещение в Петербурге. С особенным удовольствием воспользовалась бы им, но это повело бы к вопросам, которых я избегаю, и потому должна отказаться от Вашей милой любезности.

У Милочки вся рожица смутилась, когда я ей сказала, что Вы уезжаете, и она сейчас спросила, приедете ли Вы в Москву.

Юля очень благодарит Вас за память и посылает Вам сердечный поклон и желание доброго пути. Благодарю Вас очень, очень, мой дорогой, за обещание писать мне, это облегчит мне разлуку с Вами.

До свидания. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

43. Чайковский—Мекк

1879 г. февраля 28. Париж. Среда.

Ваше письмо мне вдвойне трогательно, друг мой. Кроме того, что я с величайшею благодарностью и радостью читаю в нем выражения Вашей дружбы, мне почему-то кажется, что в нем звучит какая-то грустная нотка. Как часто при малейшей маленькой невзгоде я жаловался Вам на неполноту счастья, и как редко Вы жалуетесь, а между тем сквозь строки писем Ваших иногда проскальзывает та грустная нотка, которую читаю в нем и сегодня. О, как я желал бы Вам принести хоть десятую долю того счастья, которым я Вам обязан!

И Вы еще меня благодарите!

Я очень радуюсь предстоящей перемене правления в Браилове. Дай бог, чтобы это случилось как можно скорее и чтобы летом Вы могли утешаться созерцанием полного порядка в администрации.

Желаю Вам, милый друг, благополучного и приятного возвращения в Россию.

Потрудитесь передать мой поклон Юлье Карловне и нежный поцелуй Милочке.

В моем вчерашнем письме, если не ошибаюсь, есть вопросительные знаки. Я уже нашел на них ответы в Вашем письме. Ради бога, не беспокойтесь отвечать.

П. Чайковский.

44. Чайковский—Мекк

Берлин,
4/16 марта 1879 г.

Вы, вероятно, удивитесь, дорогой друг, что я все еще в Берлине. Случилось обстоятельство, рисующее меня с очень смешной стороны, но тем не менее я Вам раскрою его по привычке говорить Вам все, что со мной случается. Я так умно распорядился своими суммами в Париже, что, совершив перед самым отъездом все свои уплаты, очутился с деньгами, которых не вполне доставало, чтобы доехать до Петербурга. Когда же я приехал в Берлин, то оказалось, что мне нельзя тронуться отсюда, пока не явится вспомогательная сумма. Я телеграфировал тотчас же Юргенсону (который мне должен), чтобы он послал мне по телеграфу недостающие деньги, но почему-то до сих пор не получаю их. Сейчас телеграфировал еще раз. Нет никакого сомнения, что сегодня же вечером или же завтра утром я получу ожидаемое. Причина моей ошибки заключается главнейшим образом в том, что ни с того ни с сего я увлекся в последние дни в Париже манией франтовства, чего со мной никогда до сих пор не было, и имел глупость приобресть себе совершенно излишнее количество предметов по части платья и белья. Мне тем более совестно говорить Вам об этом, что Вам слишком хорошо известно, как много у меня было денег и как я ребячески глупо обошелся с ними [1]. Впрочем, поспешаю прибавить, что, несмотря на этот случай, мои финансы находятся в самом блестящем положении, ибо я должен получить от Юргенсона порядочную сумму заработанных денег.

Во всем этом не было бы ничего неприятного, если б Берлин не показался мне в этот приезд таким противным городом и если б мне не было совестно перед Вами и самим собой за свою непростительную небрежность, беспечность и расточительность. Берлин удивительно кажется скверным, жалким и скучным после Парижа. К тому же, я застал здесь лютый мороз с ветром, и до сих пор погода продолжает быть отвратительной. По части музыки я, как всегда, оказался здесь несчастливым. Как нарочно, в опере даются «М а р т а», балет «Э л л и о р» и тому подобные вещи, а концертов интересных никаких нет. Правда, что здесь каждый вечер можно слышать отличный оркестр и хорошую программу у Б и л ь з е, и я был там два вечера сряду, но я никак не могу помириться с обычаем немцев, слушая симфонии Бетховена, пить пиво, кофе, есть сосиски с капустой и т. п. прелести, вследствие чего к концу, в особенности в зале, образуется атмосфера совершенно невозможная. Многое можно сказать в оправдание этого странного обычая и прежде всего то, что во время исполнения музыки вся эта шумная публика умолкает, и тишина распространяется абсолютная. В первом вечере исполняли, между прочим, A n d a n t e из моего Первого квартета, и слушание этой вещи доставило мне большое удовольствие. Весь струнный оркестр играл ее, но с таким ансамблем и таким изяществом, как будто каждая партия исполнялась одним колоссальным инструментом. Оркестр вообще отличный, но все-таки жаль, что, слушая его, приходится дышать воздухом, пропитанным табачным дымом и запахом капусты и жареного мяса.

Сегодня в опере дают «Ф е р а м о р с а». Это опера Рубинштейна, написанная им в ту эпоху, к которой относятся все его лучшие вещи, т. е. лет двадцать тому назад. Я довольно сильно люблю ее, и мне очень хотелось попасть на сегодняшнее представление, но не оказалось ни единого билета. Сам Рубинштейн провел здесь два месяца и только вчера уехал в Петербург.

Представьте, Надежда Филаретовна, что я уже начинаю тяготиться своей праздностью и горю желанием скорее приступить к инструментовке сюиты.

Какова-то у Вас погода? Здоровы ли Вы? Беспрестанно думаю о Вас, добрый, милый, бесценный друг! Вспоминаю с стеснением сердца о чудных днях, проведенных во Флоренции, и о всем этом очаровательном четырехмесячном периоде времени. Я даже предаюсь иногда неопределенным мечтам о том, что, может быть, все это когда-нибудь еще повторится. У меня есть к Вам большая просьба, друг мой! Не найдете ли Вы возможным,

чтобы и в нынешнем году я мог провести несколько дней в Браилове перед Вашим переездом туда? Мне этого страстно хочется, и если Вы найдете возможным удовлетворить мою просьбу, то я буду безгранично счастлив и благодарен Вам. Но само собой разумеется, что если Вы найдете этому какие бы то ни было препятствия, то мне хотелось бы, чтобы Вы нисколько не стеснялись отказом. Я очень понимаю, что могут найтись причины, вследствие которых это желанное пребывание в Браилове представит неудобства или неловкости. А покамест я буду лелеять себя надеждой, что мечта моя осуществится. Я прошу Вас об этом потому, что, несмотря на всю мою любовь к жителям Каменки, я ощущаю иногда совершенно непобедимую потребность пожить несколько дней без всякого общества, и, разумеется, нигде для меня одиночество не представляет столько прелести, сколько в Браилове.

Я продолжаю с невыразимым интересом читать «Les confessions» Руссо. Как жаль, что эта книга недоступна для женщин! С одной стороны, мне бы хотелось, чтобы Вы прочли ее, с другой стороны, я возмущаюсь мыслью, что Вы будете читать описание в ней многочисленных его любовных похождений, рассказанных во всей циничесной наготе их. Это ужасно досадно. Интерес этой книги состоит в том, что не знаешь, чему больше удивляться: симпатичным сторонам личности Руссо или отвратительным. Человек этот при всех своих нравственных превосходных качествах совершал иногда поступки, внушающие мне к нему ненависть и презрение. Самый возмутительный его поступок состоит в том, что пятерых детей своих, прижитых от любимой и прекрасной женщины, он отдал в воспитательный дом в качестве enfants trouvés*, и целые десятки лет прожил, нисколько не мучась, повидимому, этим и не пытаясь узнавать о судьбе их!!! В этом поступке есть что-то до того меня оскорбляющее и возмущающее, что я целые часы провожу в размышлении, стараясь совместить столь феноменальное бессердечие с очевидными доказательствами доброго и любящего сердца, являющимися в других случаях его жизни. Вообще книга эта делает на меня поразительно сильное впечатление. Иногда я встречаю в ней описание таких его душевных проявлений, которые мне знакомы, но которых до этой книги я не встречал ни в одном литературном произведении! Так как многое в «Confessions» мне все-таки непонятно, то мне хочется прочесть целый ряд книг, посвященных описанию этого странного, непостижимого XVIII века. Постараюсь в Петер-

* найденышей (подкидышей)

бурге найти удовлетворение сильно затронутого любопытства. Мне хочется теперь знать, как смотрели на Руссо его современники, и из сравнения его автобиографии с другими отзывами найти ключ к уразумению этой необыкновенной личности, заинтересовавшей меня тем, что некоторые слабости ее поразительно тождественны с моими. Разумеется, сходство это не касается ума, который в нем хотя парадоксален, но велик, на что я решительно не имею и не могу иметь претензий.

До свиданья, милый, дорогой друг. Главное, будьте здоровы.

Ваш П. Чайковский.

45. Чайковский—Мекк

Берлин.
6/18 марта 1879 г.

Надеюсь, милый друг мой, что Вы получили письмо мое отсюда, написанное два дня тому назад. В нем я рассказал Вам, как вследствие своей глупости, неряшества, нерасчетливости, беспечности я очутился в Берлине почти без денег и в невозможности продолжать дальнейшее путешествие и как я тщетно дожидаюсь ответа Юргенсона. С тех пор прошло двое суток, и ответа никакого нет, несмотря на несколько телеграмм. Ничем иным я объяснить этого не могу, как болезнью или отсутствием Юргенсона. Между тем, время проходит, братья, наверное, обо мне беспокоятся, по всевозможным причинам мне страшно здесь скучно и неприятно. В довершение всего, я поселился в дорогом отеле, денежный запас приходит к концу, и неизвестность начинает меня сильнейшим образом терзать и расстраивать. В этой крайности я решился телеграфировать Вам сегодня и просить прислать мне восемьсот франков, если возможно, посредством телеграфического перевода на банкира.

Мне несказанно совестно перед Вами, т. е. мне совестно не то, что я прошу у Вас денег, а то, что беспокою Вас и что выказываюсь столь резко в самом своем невыгодном свете, т. е. в качестве человека, никогда не умевшего и не умеющего умно распределять свои средства, как бы блестящи они ни были. То, что Вы теперь мне пришлете, дорогой друг, будет частью той суммы, которую Вы прислали бы мне к 1 апреля. Я не выхожу, следовательно, из своего бюджета и, в сущности, не совершаю особенно неделикатного поступка, и тем не менее мне безгранично совестно и мучительно было решиться сегодня обеспокоить Вас моей телеграммой. Для меня совершенно непостижимо, каким образом Юргенсон не отвечает мне ничего. Или он болен,

или он отсутствует. Как бы то ни было, но ждать более нет сил. Очень может быть, что теперь, когда крайность заставила меня решиться обеспокоить Вас, ответ Юргенсона придет; тем не менее я буду ожидать здесь Вашего ответа. О, как мне противен Берлин и как мне противен пишущий сии строки.

Ради бога, простите меня, милый друг мой, за беспокойство.

Ваш П. Чайковский.

В субботу, как я узнал из газет, Ауэр будет играть в Петерб[урге] мой концерт, и мне было бы очень приятно услышать. Но поспею ли? [1]

46. Мекк—Чайковскому

Париж,
7 марта 1879 г.
8 часов утра.

А я на Вас очень сердита, мой милый, бесценный друг. Вы обещали мне, и я очень держусь за это обещание, что при каждой надобности какой-нибудь денежной суммы Вы обратитесь к о м н е, и вдруг теперь, когда Вам была такая крайняя необходимость в деньгах, Вы телеграфируете Юргенсону, а мне ни словечка, ай, ай, ай... Schande, Schande. Ведь поверьте, что никто из Ваших друзей не любит Вас так горячо и искренно, как я.—за что же забывать обо мне в минуту беды? Пишу Вам, не имея еще никаких сведений о том, получили ли Вы переведенные мною тысячу франков, но думаю, что Вы уже их получили, потому что я сейчас, по получении Вашей телеграммы, послала к своему банкиру, и все было сделано....

Я не жалею, милый друг мой, что не могу читать «Confessions» Руссо, потому что я этого человека терпеть не могу. Это был самый безнравственный циник, какого только я могу себе представить, животное с умом человека, и его безнравственность тем более непозвинительна ему, что он был очень умен, и вся нравственность в нем сводилась только к тому, чтобы незаслуженно не брать чужих денег. А ведь это не высокой пробы принцип и есть гораздо больше продукт самолюбия, чем действительной нравственности.

В прошлом году, когда в Женеве было это огромное празднование столетнего юбилея Руссо, тамошняя журналистика очень восставала против этого чествования и говорила, что безнравственно воздавать такие почести р а з в р а т и т е л ю ю н о ш е с т в а, и я с этим согласна. По моему мнению, у м не оправдывает б е з н р а в с т в е н н о с т и, а, наоборот, обязывает к н р а в с т в е н н о с т и, конечно, не считая, что она состоит в общественных любезностях и пустой болтовне; но ведь на то и ум у человека, чтобы всему отвести свое место. Одним словом, я к Руссо питаю отвращение и ни капли уважения....

Как меня радует, мой милый, бесценный друг, Ваше желание побывать в Браилове, и это очень легко устроить, потому что я, вероятно, попаду туда не раньше 10 мая, следовательно, если бы Вы захотели пробыть там от 15 апреля до 10 мая, то я буду бесконечно рада, дорогой мой, а там уж очень хорошо и в апреле, а в мае, уж Вы знаете, под самыми Вашими окнами соловьи поют, и сирень цветет,—прелесть! Итак, мой несравненный, все будет готово к Вашему приезду 15 апреля.

До свидания дорогой, милый друг. Крепко жму Вам руку. Горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

47. Чайковский—Мекк

Берлин,
7/19 марта 1879 г.

Милый и добрый мой друг!

Вчера утром, написавши Вам мою телеграмму и письмо и отправив то и другое, я пошел убивать время в том предположении, что ответ Ваш никак не получу ранее следующего дня. Возвратившись домой около шести часов, я был крайне удивлен, поражен и тронут, получив Вашу телеграмму. Непостижимо скоро все это сделалось! Швейцар сообщил мне, что уже ко мне приходили из банкирского дома Мендельсона. Дабы иметь возможность уехать в тот же вечер, я поспешил к Мендельсону. К сожалению, я забыл взять с собой паспорт. Меня продержали, по крайней мере, полчаса и в заключение сказали, что без паспорта или, по крайней мере, визитной карточки (которой у меня не нашлось) денег выдать не могут. Я просил прислать их мне вечером. Они отвечали, что утром пришлют во всяком случае, а м о ж е т б ы т ь вечером. Пришлось просидеть весь вечер в своей комнате, и, только когда уже было поздно собраться, деньги действительно принесли. Приходится таким образом уехать сегодня.

Не нахожу слов, чтоб благодарить Вас, мой бесконечно добрый и милый друг, а главное, чтобы выразить Вам, до какой степени мне совестно, что я причинил Вам беспокойство. Спасибо Вам, и, пожалуйста, простите! Присланная Вами сумма составляет по теперешнему курсу около четырехсот рублей, которые и прошу Вас вычесть из следующей Вашей присылки. В заключение еще раз благодарю Вас!

Когда я отправил Вам телеграмму, то был уверен, что, как всегда бывает в подобных случаях, тотчас же явится ответ Юргенсона. Однакож я ошибся: до сих пор нет никакого ответа. Решительно не знаю, как это объяснить. Мне остается предположить, что он или очень болен или уехал. Погода здесь вчера была, наконец, ясная, но попрежнему дует холодный, резкий ветер. Мне чрезвычайно приятно узнать из телеграммы Вашей, что у Вас тепло и что Вы здоровы.

Из всего, что я видел в Берлине, всего более мне нравится здешний а к в а р и у м. Вчера я присутствовал при кормлении крокодилов, а сегодня будет кормление змей и удавов, и мне хотелось бы сходить посмотреть, но я боюсь впечатления, производимого удавами, когда им дают живых кроликов. Однажды мне случилось это видеть, и зрелище это произвело на меня

Первое представление оперы «Евгений Онегин» в 1879 г., в исполнении учеников Московской консерватории

(2-е действие. 4-я картина. Сцена Ленского с Онегиным)

ужасное впечатление. Если Вы остановитесь в Берлине, посетите аквариум, милый друг!

До свиданья, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

Я кончил «Confessions». Под конец Руссо делается мелочным и просто желчным сплетником. Я несколько разочаровался в нем.

48. Чайковский—Мекк

1879 г. марта 13—19. Петербург.

Петербург,
13 марта 1879 г.

Я собирался Вам писать как раз в то утро, когда получил Вашу телеграмму, милый мой друг! Хотя теперь я еще не знаю, когда и куда буду адресовать Вам это письмо, но ощущаю сильное желание побеседовать с Вами и потому берусь за перо. Путешествие мое от Берлина до Петербурга было чрезвычайно приятно. Здесь был встречен милыми своими братьями. На другой день мне пришлось испытать очень грустное впечатление. У одной очень близкой мне особы, а именно, у сестры моего зятя Давыдова, М-me Бутаковой умер сын, прелестный пятилетний ребенок, которого она страстно любила и которого в октябре я еще видел цветущим и здоровым. В первый день моего пребывания происходили похороны. Вид убитой горем матери глубоко поразил меня. И какая мучительная, долгая процедура—отпевание и погребение!

В этот же день я получил письмо от Юргенсона, объяснившее мне странное его молчание. Оказалось, что его берлинский банкир п о п р и н ц и п у не выдает денег по телеграммам, ибо бывают обманы, и потому он по почте просил у Юргенсона письменного подтверждения. Тогда Юргенсон выслал деньги, но я в это время уже ехал в Россию. Напрасно, милый, бесценный друг, Вы укоряете меня за то, что я не обратился прямо к Вам, и у ж д а я с ь в деньгах. В том-то и дело, что я не и у ж д а л с я, ибо у Юргенсона есть мои деньги, мной заработанные и на которые я рассчитывал. Когда же оказалось, что я и у ж д а ю с ь, то я тотчас же и обратился к Вам, хотя, признаюсь, очень неохотно, ибо, во-первых, мне было неприятно причинить Вам беспокойство, а во-вторых, обнаружить перед Вами мою расточительность. Собственно говоря, благодаря Вам я нахожусь в таком положении, что никогда и нигде не должен и у ж-

д а т ь с я. Если же и у ж д а ю с ь, то это значит, что я бестолково и расточительно трачу свои огромные средства. Они именно о г р о м н ы, и я никогда даже не мечтал о подобном богатстве, и если в мои годы я все-таки не умею иногда остаться в пределах своего бюджета, то это совсем нехорошо рекомендует меня. Надеюсь, что подобный случай уже не повторится никогда. А Вас еще раз благодарю, благодарю и благодарю, моя милая, благодетельная и добрая фея!

Получив Вашу телеграмму, я несколько испугался за Вас. Здесь стоит з и м а в самом настоящем виде, и как Вас ни тянет сердце в Россию, но мне кажется, что Вам следовало бы подождать, пока будет теплее.. Я хотел телеграфировать Вам об этом, но подумал, что Ваши петербургские дети, вероятно, держат Вас au courant* здешней погоды. Я надеюсь, впрочем, что очень скоро должна же наступить, наконец, весна.

Не буду Вам подробно описывать своих петербургских впечатлений, скажу только, что, несмотря на отца, на братьев, свидание с которыми глубоко радует меня, я положительно и е с ч а с т н е й ш и й человек, пока живу в этом отвратительном городе. Все мне здесь противно, начиная от климата и кончая безалаберностью здешней жизни. Но всего мучительнее и всего невыносимее для меня это совершенное бессилие и невозможность не видеться и не встречаться с массой людей, для меня неинтересных, несимпатичных или, по крайней мере, индифферентных, но с которыми нужно говорить, сообщаться, стараясь при этом скрыть свою тоску и недовольство. К тому же, перед братьями я стараюсь скрыть свою тоску, и это постоянное насилье над собой убийственно действует на мою нервную систему. Я каждый день страдаю сильными мигренями вследствие этого, так что даже физическое мое благосостояние отравлено. Одно только меня спасает. Я засыпаю с вечера мертвым сном и к утру являюсь освеженным и готовым переносить тягость жизни в обществе, от которой успел отвыкнуть за границей. Не могу выразить Вам, с каким умилением я вспоминаю теперь минувшие месяцы! В Каменку меня очень тянет, и я полетел бы туда тотчас же, если б можно было. Но и у ж и о подождать. В пятницу я еду вместе с братьями в Москву слушать «Онегина» и вместе с ними вернусь в Петербург, где проживу до пасхи, которую мой милый старичок-отец непременно хотел бы со мной встретить. Я нашел его очень слабым. Пребывание здесь сестры моей, вследствие которого ему часто приходилось нарушать свой порядок жизни, очень утомило его. Он до такой степени слаб,

* в курсе

что не вполне понимает, что ему говорят. Если до лета с ним ничего не случится, то можно с большим основанием надеяться, что он опять поправится и освежится. Но теперь, смотря на его тусклый взгляд и исхудалое лицо, сердце сжимается при мысли о близости конца!

Вероятно, в половине светлой недели я направлюсь в Каменку. Так как мне будет несколько неловко, едва приехавши туда, тотчас же опять уехать в Браилов, то я попрошу Вас, дорогой друг, позволить мне приехать к Вам около 1 мая и пробыть до десятого. Это очень мало, но все-таки достаточно, чтобы испытать наслаждение одиночества среди столь милой и симпатичной мне местности. Может быть, осенью еще раз удастся погостить у Вас. Невыразимо благодарен Вам за позволение опять побывать в Вашем милом Браилове.

Петербург, 19 марта.
Понедельник.

Только что вернулся из Москвы. Вместо пятницы я уехал в среду. Это произошло оттого, что накануне вечером получил телеграмму от Юргенсона, в коей он возвещал мне, что желателен мой приезд к этой репетиции. Я тем охотнее согласился на это, что предвидел, до какой степени самое представление будет для меня отравлено присутствием публики. Приехал в Москву перед самым началом репетиции. Она происходила при костюмах и полном освещении сцены, но зала не была освещена. Это дало мне возможность сесть в темном уголке и без всякой докуки прослушать свою оперу. Я ощутил большое удовольствие. Исполнение в общем было очень удовлетворительное. Хор и оркестр исполняли свое дело прекрасно. Солисты, разумеется, оставляли желать весьма многого. О н е г и н—Г и л е в пел очень старательно, но его голос так ничтожен, так сух и лишен прелести! Т а т ь я н а—К л и м е н т о в а более приближается к моему идеалу, особенно благодаря тому обстоятельству, что у ней, несмотря на большую сценическую неумелость, есть теплота и искренность. Л е н с к о г о пел некто М е д в е д е в, еврей, с очень недурным голосом, но еще совершенный новичок и плохо выговаривающий по-русски. Из второстепенных ролей хорошо были исполнены роли Трике и князя Гремина. Постановка была весьма хорошая, и, по-моему, некоторые картины (в особенности картина деревенского бала) в этом отношении были безукоризненны. То же самое можно сказать о костюмах. Эти часы, проведенные мной в темном уголке театра, были единственными приятными из всего моего пребывания в Москве. Во время антрактов я виделся со всеми бывшими товарищами.

Мне было весьма приятно заметить, что все они без исключения необыкновенно сильно полюбили музыку «Онегина». Ник[олай] Григ[орьевич], который очень скуп на похвалы, сказал мне, что он в л ю б л е н в эту музыку. Т а н е е в после первого акта хотел мне выразить свое сочувствие, но вместо того разрыдался. Не могу выразить Вам, до чего это меня тронуло. Вообще все без исключения выражали мне свою любовь к «Онегину» с такою силою и искренностью, что я был радостно удивлен этим. В субботу (день представления) утром приехали братья и некоторые другие лица, и в том числе А н т о н Р у б и н ш т е й н и предмет любви Анатолия, А. В. Панаева. Весь этот день я находился в очень тревожном состоянии духа особенно потому, что по неотступным просьбам Ник[олая] Григ[орьевича] я должен был согласиться на выходы на сцену в случае вызовов. Во время представления это беспокойство достигло крайних размеров и дошло до степени мучительных терзаний. Перед началом Ник[олай] Григ[орьевич] позвал меня на сцену. Когда я пришел, то, к ужасу своему, увидел всю консерваторию и во главе профессоров Ник[олая] Григ[орьевича] с венком, который был мне поднесен им при громких и всеобщих рукоплесканиях. Я должен был сказать несколько слов в ответ на его речь. Чего это мне стоило, единому богу известно! Во время антрактов меня много вызывали. Впрочем, особенного восторга в слушателях я не заметил. Заключаю это из того, что публика вызывала только меня, а не исполнителей, и что сильные рукоплескания раздались среди представления только два раза: после куплетов Т р и к е и после арии Г р е м и н а. Было заметно, что Онегин и Ленский не нравились. Климентову встречали с бо́льшим радушием. Еще сильно аплодировали хору после двух хоровых нумеров в первом действии.

После представления был ужин в Эрмитаже, на котором присутствовал Ант[он] Рубинштейн. Я решительно не знаю, понравился или н е понравился ему «О н е г и н». По крайней мере, он не сказал мне ни слова. Ник[олай] Григ[орьевич] был вначале очень не в духе. Он был видимо недоволен тем, что публика очень мало оценила трудов, положенных им и всеми исполнителями на эту музыку. Говорились спичи, и я принужден был со своей стороны тоже встать и сказать несколько слов. Можете себе представить, милый друг, как это мне было приятно! Произнесение спичей на обедах и ужинах—одно из самых неприятных для меня дел. Под конец все развеселились, и Антон Рубинштейн несколько раз говорил. Я пришел домой в четыре часа с головною болью и провел очень мучительно остальную часть ночи. Мы решились ехать в Петербург с почтовым поездом, чтобы

избегнуть путешествия с А. Рубинштейном и другими приезжими. К счастию, места нашлись хорошие. Всю дорогу я проспал и приехал сегодня в Петербург совершенно освеженный. Хочу попробовать эти две недели провести по возможности дома и заняться серьезно инструментовкой сюиты.

Где Вы теперь, добрый, дорогой мой друг? Не в Петербурге, во всяком случае, ибо, вероятно, если б Вы были здесь, Вы бы известили меня о своем приезде. Не в Берлине ли? Здоровы ли Вы? Меня очень беспокоит то, что здесь еще зима и что Вы будете страдать от холода.

Забыл сказать, что «О н е г и н» на репетиции шел бесконечно лучше, чем на спектакле. На сем последнем случился даже очень неприятный казус. В квартете первого акта Ольга сбилась, остальные спутались, замолчали, и, наконец, заиграл один оркестр, причем певцы имели очень смущенный вид и запели, наконец, при конце в различных тонах. Это была ужасная минута. Были и еще промахи [1].

49. Чайковский—Мекк

1879 г. марта 20—21? Петербург.

Меня так беспокоит один вопрос, что я решаюсь Вас побеспокоить, прося ответить мне лишь одно слово: д а или н е т, а именно,—я не знаю, получили Вы первое мое большое письмо, посланное в первый день Вашего пребывания здесь. В письме этом были подробности об «О н е г и н е» и многое другое. Ради бога, извините, милый друг, за беспокойство. Счастливого путешествия.

Ваш П. Чайковский.

50. Чайковский—Мекк

1879 г. марта 20—21? Петербург.

Благодарю Вас, милый друг мой! Пакет я получил. Напишу Вам обстоятельнее завтра. Вчера я целый день пролежал. Сегодня мне лучше. Как Ваше здоровье?

Ваш П. Чайковский.

51. Чайковский—Мекк

1879 г. марта 22. Петербург. Четверг, 22 марта.

Безмерно радуюсь Вашему возвращению и благополучному путешествию, но сокрушаюсь, что Вы не вполне здоровы. По-

жалуйста, милый друг, не пишите мне до тех пор, пока в Москве не отдохнете вполне от дороги. Я продолжаю ненавидеть Петербург и ждать с болезненным нетерпением минуты отъезда в деревню. Понемножку работаю над сюитой.

Будьте здоровы, милый друг, дай Вам бог хорошенько отдохнуть в Вашем чудном московском доме.

Ваш П. Чайковский.

52. Чайковский—Мекк

1879 г. марта 24. Петербург. Суббота, вечером.

Хочу Вам рассказать, милый друг, про сцену, которую неожиданно разыграла сегодня утром и з в е с т н а я о с о б а. Едва ушел Ваш посланный, как позвонила и спросила меня какая-то дама. Так как дама эта, по объяснению швейцара, еще вчера приходила несколько раз и бродила около подъезда в ожидании меня, то я предчувствовал, что это может быть не кто иной, как известная особа. Поэтому, войдя в кабинет брата, где она меня ожидала, я некоторым образом был приготовлен к этому свиданию и даже был уверен, что все произойдет так, как произошло. Едва я показался, как она бросилась ко мне на шею и тотчас безостановочно начала говорить, что она во всем свете только меня любит, что она без меня жить не может, что она согласна на какие угодно условия, лишь бы я жил с ней, и т. д. Ну, словом, она, вероятно, хотела растрогать меня и посредством излияний нежности добиться того, чего не могла добиться своим отказом от развода. Невозможно рассказать обстоятельно всю последовательность целого ряда сцен, которыми она промучила меня в течение, по крайней мере, двух часов. Брат Анатолий, который из другой комнаты слушал наш разговор, говорит, что я держал себя с тактом. Я старался как можно хладнокровнее объяснить ей, что как бы я ни был виноват перед ней и как бы ни желал ей всякого благополучия, но ни в каком случае и никогда не соглашусь на сожительство. Признаюсь, что мне стоило невероятного усилия над собой, чтоб не высказать ей чувства отвращения, которое она мне внушает. Разумеется, при этом, как всегда, она внезапно отвлекалась в сторону и начинала то распространяться о коварстве моих родных, имевших на меня в этом деле пагубное влияние, то говорить о музыке к «О н е г и н у», которую она находит превосходной. Потом опять слезы, уверения в любви и т. д. Я решительно не

знал, как прекратить эту несносную сцену, и, наконец, видя, что, несмотря на твердое высказыванье моего решительного нежелания жить с ней, она все-таки старается тронуть меня своими нежностями, я попросил ее прекратить объяснение и обдумать все, что я ей сказал, в течение нескольких дней, после которых она получит от меня или письмо или личное свидание в Москве. При этом я вручил ей экстраординарную сумму в сто рублей на обратную поездку в Москву. Тут она внезапно сделалась весела, как ребенок, рассказала несколько случаев о мужчинах, которые в течение этой зимы были влюблены в нее, пожелала видеться с братьями, которые явились и которых она осыпала нежностями и уверениями в любви, несмотря на то, что за полчаса перед тем называла их своими врагами. При этом она имела такой вид, как будто мы все счастливы лицезрением ее. Наконец она ушла и, прощаясь, спросила меня, где мы с ней увидимся сегодня и завтра, как будто предполагая, что свидания с нею для меня очень желательны. Я должен был сказать ей, что здесь видеться с ней не могу, и просил уехать сегодня же в Москву, что она и обещала мне.

Сцена эта потрясла меня довольно сильно. Она доказывает мне, что только за границей и в деревне я обеспечен от приставаний известной особы. Что касается р а з в о д а, то об этом и думать нечего. Повидимому, ничто в мире не может искоренить из нее заблуждения, что в сущности я влюблен в нее и что рано или поздно я должен с ней сойтись. Она и слышать не хочет о разводе, а про того господина, который зимой приезжал к брату от ее имени предлагать мне развод, выражается, что это подлый интриган, который в нее влюблен и действовал помимо ее желания[1].

Модест выражается про нее, что она не человек, а что-то совсем особенное. И в самом деле, никакие общечеловеческие соображения не прилагаются к этому жалкому и в то же время невообразимо отталкивающему субъекту.

Душевно благодарю Вас, дорогой друг, и за пакет и за книги.

Я ужасно радуюсь тому, что погода благоприятствует Вашему пребыванию в Петербурге.

Потрудитесь передать Пахульскому, что если он бы пожелал навестить меня, то я буду очень рад. Я буду дома в понедельник и вторник утром от одиннадцати до двенадцати. Что будет за счастье, когда я попаду, наконец, в деревню!

Ваш П. Чайковский.

53. Чайковский—Мекк

[Петербург]
31 марта [1879 г.]

Вчера получил Вашу депешу, лежа в постели и думая о Вас, мой милый друг! Я мысленно упрекал себя за то, что сверх обычая так долго не писал Вам. Но Вы поверите мне, если я скажу Вам, что с самого Вашего отъезда я тщетно искал свободной минутки для беседы с Вами. Ко всем неприятностям моего пребывания в Петербурге присоединилась еще одна к а п и т а л ь н а я. Известная особа, получив от меня средства для обратного проезда в Москву, заблагорассудила однакож остаться в Петербурге, и в одно прекрасное утро я встретил ее гуляющею вблизи нашего дома. Оказалось, что она поселилась даже в этом самом доме. Я опять повторил ей мое желание, чтобы она уехала в Москву, и предупредил ее, что если она ищет здесь свиданий со мной, то это напрасно, ибо я не найду времени. Она ответила, что не может жить теперь вдали от меня и что уедет в Москву в одно время со мной. Засим я получил от нее длинное письмо с изъяснением ее страстной любви ко мне[1]. На письмо это я не отвечал. Приходится просто бегать от ее неожиданного преследования, и с этой целью я решился уехать отсюда ранее, чем предполагал, а именно, в первый день пасхи. Я останусь в Москве три дня. В четверг туда прибудет Модест со своим Колей и с племянницей моей Анной, после чего мы будем продолжать вместе путешествие до Каменки.

В результате всех моих здешних треволнений и суеты получилось довольно дурное состояние здоровья. Хотя я, к счастью, не слег, но постоянно чувствую себя скверно, и были дни, когда я чувствовал такое сильное ослабление, сопряженное с особого рода нервной болью обеих ног, что едва двигался. Разумеется, это нездоровье пройдет тотчас после того, как я попаду, наконец, в свою сферу, т. е. в деревню.

Что касается преследованья известной особы, то оно неприятно только теперь, когда я чувствую ее в двух шагах от себя. В Каменке я буду вполне обеспечен от ее нападений по новой системе. Кроме того, она получит обещанное ей письмо, в котором я еще раз и окончательно разрушу все ее надежды.

Мне очень приятно будет уехать отсюда, но уеду все-таки с грустным чувством. Или я очень ошибаюсь, или мое свидание с милым моим стариком-отцом грозит быть последним. Он очень, очень слаб и с каждым днем все слабеет. Есть, впрочем, надежда, что летом он оживится, как это было с ним в прошлом году.

Христос воскресе, милый, добрый друг мой! Пишу к Вам мало, но думаю о Вас много, много и часто! Жду с нетерпением известий о Вашем здоровье.

Ваш П. Чайковский.

Если случится так, что я разъедусь с письмом Вашим, то мне его тотчас же отправят в Москву.

54. Мекк—Чайковскому

Москва,
2 апреля 1879 г.
8 часов утра.

Дорогой, несравненный друг! Как мне тоскливо, что я не могу писать Вам много и часто, как прежде, но мои нервы и моя голова пришли в такое расстройство, что это сделалось для меня совсем невозможным. Как я ни рада, что нахожусь, наконец, в своей милой, близкой мне Москве, но я начинаю бояться за свои силы. С первого моего шага в Россию на меня нахлынула такая масса дел и, конечно, много неприятностей, волнений, что я боюсь, что моя голова не выдержит этого напора.

Что до Вас, мой бесценный, то я так и предчувствовала, что Вас не оставят в покое, потому так и беспокоилась, не получая долго от Вас известий. Бедный Вы, бедный, какое тяжкое положение Вам послала судьба; как трудно бывает возвратить себе раз потерянную свободу. Да пошлет Вам бог силы и здоровья переносить это несчастье, но мне кажется, что все-таки надо бы стараться освободиться из этого положения, а теперь пока, конечно, бежать подальше от этого кошмара....

Будьте здоровы, мой дорогой, бесценный, неизменно любимый мною друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

55. Чайковский—Мекк

[Москва]
3 апреля 1879 г.
Вторник.

Пожалуйста, мой добрый друг, никогда не смущайтесь своим редким или малым писанием мне писем. Я даже убедительно прошу Вас воздерживаться от писем и до тех пор не возобновлять Вашей прежней, т. е. деятельной и частой переписки, пока Вы вполне не отдохнете, пока не наступит время для Вас более покойное и удобное. И если для этого потребовалось бы несколько лет, то мне никогда и на ум не придет сетовать на Вас. Ведь я отлично представляю себе, до какой степени Вы теперь заняты и как трудно Вам при не вполне добром здоровье находить время и силы для подробной переписки. Я так много останав-

ливаюсь на этом предмете потому, что очень боюсь, чтобы когда-нибудь, хоть мимолетно, я не сделался для Вас предметом тягости или докуки. Что касается до меня, то позвольте писать Вам по-старому, с тою разницей, что я постараюсь не вызывать Вас на длинные и утомительные ответы.

Впрочем, в эти три дня моего московского пребывания, конечно, я не напишу Вам ни одного обстоятельного письма. Откладываю это до Каменки. Вообще душа моя неудержимо стремится отсюда, из городов, в деревню. Приключение с и з в е с т н о й о с о б о й сообщило всему моему пребыванию в Петербурге очень противный характер. Однакож я объясню Вам (уже из Каменки), что собственно из этого столкновения с ней выйдут скорее хорошие для меня результаты.

Какое счастье, что государь наш остался жив и что убийца схвачен!! [1] До следующего письма, мой дорогой, бесценный друг! Главное, будьте здоровы. Сердечный поклон Юлье Карловне, Милочке, Пахульскому. Последний, может быть, навестит меня завтра или послезавтра утром? Следующее письмо мое будет из Каменки.

56. Чайковский—Мекк

Москва.
6 апреля [1879 г.]

По случаю болезни Коли Конради брат на один день отложил свою поездку. Уезжаю сегодня. У ж а с н ы й месяц, проведенный мной в обеих столицах, завершился вчера достойным ф и н а л о м . Известная особа опять подвергла меня вчера преследованию. Из Каменки напишу Вам, в чем состоял мой вчерашний разговор с ней.

Уезжаю с чувством величайшей радости. Меня терзает мысль, что я в Москве ни разу не мог написать Вам путного письма. Приходится ограничиться этим коротеньким листочком. Будьте здоровы, драгоценный, милый друг! Да будут успешны все Ваши дела. До свиданья!

Ваш П. Чайковский.

57. Чайковский—Мекк

Каменка,
9 апреля [1879 г.]

Милый друг мой! Я, наконец, в Каменке. Путешествие было для меня истинной пыткой вследствие пустого, но весьма мучи-

тельного болезненного припадка, а именно, к р а п и в н о й л и х о р э д к и. Здешний доктор говорит мне, что это в настоящем случае чисто нервное явление. Оно и неудивительно. В последний день моего пребывания в Москве я был совершенно неожиданно посещен и з в е с т н о й о с о б о й. Не буду Вам передавать подробности этого свидания. Скажу лишь, что из области трогательных любовных излияний она неожиданно перешла к ц и ф р а м и вступила в торг. Она желает капитализировать свою пенсию, говоря, что это даст ей возможность покинуть Россию, где все на нее как-то особенно смотрят, и поэтому она не может работать. Развода она не желает. Я очень волновался во время ее пребывания и говорил с излишней резкостью, ибо не имел силы сдерживать себя. Отвечал, что капитализировать пенсию не могу, ибо даже если бы и нашлись подобные деньги, то ничто не может обеспечить меня от новых попыток с ее стороны выманивать у меня деньги. Впрочем, окончательный ответ обещал дать письменный отсюда. Мне стоило большого труда выдержать до конца и не перейти в бешенство. Наконец она ушла, на этот раз уже не бросаясь в мои объятия и не пытаясь на нежные выражения чувств. В тот же день я получил от нее письмо с просьбой об экстраординарной субсидии.

В сущности, я имею скорее основания радоваться всему случившемуся. Более, чем когда-либо это непостижимо странное человеческое существо обнаружило свое пристрастие к презренному металлу. Сегодня я написал ей письмо, в котором выяснил, что 1) капитализация пенсии невозможна, ибо нет возможности без формального развода раз навсегда покончить с ее приставаниями, и 2) так как развода она или не хочет или не может понять его формальной стороны, то, следовательно, все остается по-старому. Писать письма я запретил ей и предупредил, что всякое ее письмо будет возвращено ей нераспечатанным [1].

Вообще же говоря, я могу жить совершенно спокойно, пока я не в Москве и не в Петербурге, и, следовательно, теперь, когда уже не скоро отсюда уеду, мне нечего беспокоиться. В случае, если по музыкальным делам придется все-таки бывать в Петербурге или в Москве, нужно будет просто обставить себя так, чтобы она не могла врываться ко мне неожиданно, как это случилось теперь.

Простите, друг мой, что я докучаю Вам этими скучными сторонами моей жизни. В сущности, я несу не особенное тяжелое наказание за свое безумие и не имею причин жаловаться, если после целого ряда счастливых дней, недель и месяцев случилось несколько минут неприятных и тяжелых. Если здоровье мое

несколько и пострадало от этих неприятностей, то я здесь очень быстро поправлюсь. Погода стоит чудная. Соловьи и жаворонки поют, в саду много фиалок, солнце приветливо греет. Все мои ближние здоровы, завтра примусь за работу, и всего этого вполне достаточно, чтобы забыть маленькие невзгоды. Простите, что пишу мало сегодня. Я еще недостаточно покоен для беседы по душе.

Будьте здоровы, бесценный друг.

Ваш П. Чайковский.

58. Мекк—Чайковскому

Москва.
11 апреля 1879 г.
8 часов утра.

Как я давно об Вас ничего не знаю, мой милый, несравненный друг, и как постоянно вспоминаю и сожалею о том времени, когда мы жили так близко на нашей милой Viale dei Colli, когда я вполне чувствовала и пользовалась Вашим присутствием вблизи меня. Боже мой, какое это было несравненное и незабвенное время! Повторится ли оно когда-нибудь? Едва ли. А здесь на меня свалилось столько неожиданных тяжелых неприятностей, что я все еще не могу вполне очнуться от них, вполне усвоить себе их и тем более, когда возвращаюсь мыслью к Италии, к Villa Oppenheim[1] и Villa Bonciani, то они представляются мне каким-то Эдемом, в котором всегда светит солнце, всегда тепло и покойно, хотя в действительности там было очень мало солнца. Но такова сила душевного впечатления, она освещает и согревает....

В каком положении Ваша опера, Петр Ильич? Скоро ли будет печататься, и чем Вы занимаетесь теперь? Что поделывает наша сюита? Хорошо ли Вы устроились в Каменке? Здоровы ли все Ваши? Природа, я думаю, еще не хороша? Что повесть Модеста Ильича не печатается ли уже? Посоветуйте ему, чтобы он написал что-нибудь антисоциалистическое. Как меня огорчают и пугают эти внутренно-политические смуты, как хорошо, что стали принимать крутые меры против этих безнравственных пропагандистов. Страшно ехать в провинцию, в особенности на юг.

До сих пор я не могла собраться ответить Вам, дорогой друг мой, по поводу чтения Вами Rousseau. Я его терпеть не могу, я считаю его человеком без сердца, циником и развратителем юношества, и меня очень радовало, когда прошлое лето в Женеве, во время празднеств по случаю его юбилея, почти все журналисты восставали против этого hommage* ему и повторяли об нем то же, что я в нем нахожу. Вся его честность сводилась только к тому, чтобы не брать даром чужих денег, а он и понять не мог, что существует честность гораздо выше этой, а это есть только потворство своему самолюбию, самоугождение. Я не поклонница д е н е ж н о й честности, потому что это есть принцип расчета, а не сердца, а я выше всего ставлю в человеке сердце.

Заметьте, милый друг, как мои листки все идут diminuendo**, и все-таки это не удерживает моего увлечения.

---

* благоговения
** уменьшаясь

Пахульский без умиления и благоговения не может вспоминать о Вас. Он занимается теперь у Гржимали на дому уроками скрипки, а композиторство пока отложил. На это лето кроме его я беру еще и Данильченко в Браилов. Вообще у меня будут с собою, вообразите, друг мой, шесть учителей: англичанин, француз, немец, русский, поляк и хохол!!? Какая смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний [2]...

Но однако довольно же. До свидания, мой бесценный, безгранично любимый друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

59. Чайковский—Мекк

Каменка,
12 апреля 1879 г.

Хоть иногда и приходится жаловаться на Каменку за ее неприглядность, за то, что она недостаточно деревня, но я все-таки совсем ожил здесь. Погода стоит чудная. Весна наступила окончательно. Фиалки отцветают, лес понемножку зеленеет, соловьи запели. По временам на меня находят те чудные минуты экстаза, которые может доставить одна природа. В такие минуты думаю о Вас, милый друг мой, и сожалею, что Вы в Москве, где еще едва снег стаял! Как жаль, что Вы не в Браилове! Воображаю, как там должно быть хорошо теперь!

Кстати о Браилове. Если позволите, друг мой, я бы очень желал попасть туда около 1 мая и остаться до Вашего приезда, который, если не ошибаюсь, состоится между десятым и пятнадцатым. Если Ваши планы изменились, то потрудитесь вкратце меня о том уведомить.

Мне устроили здесь постоянную маленькую квартирку. Зять мой был так добр и мил, что нарочно для меня перевел прачешную в другое место, а из этой бывшей прачешной вышли три очень миленькие комнатки, которые останутся моим постоянным pied à terre* до тех пор, пока семейство сестры будет жить в Каменке. Жилище мое состоит из маленького кабинета, небольшой комнатки для Алексея и моей спальни. Вчера сюда пришли все мои вещи, т. е. книги, ноты, портреты, и в настоящую минуту новая моя квартира получила довольно кокетливый вид. Сидя у окон своих, я сожалею, что они не открывают мне никакого вида,—но что же делать? Зато я окружен здесь такими милыми, сердечными и в то же время изящными существами! Все они так ласковы ко мне! Мне очень хорошо, и на душе покой, и ощущение тихого, мирного счастья!

---

* местопребыванием

Со второго дня своего пребывания здесь я стал заниматься, и моя пресловутая многострадальная сюита быстро подвигается к концу. Так как я хочу сам сделать фортепианное переложение в четыре руки, то полагаю, что проспку над сюитой до конца апреля. В Браилове, если мне придется быть там около 1 мая, хочу предаться праздности и хорошенько надышаться воздухом, отдохнуть от всех испытанных мною в последнее время треволнений. Период времени от возвращения из-за границы до приезда в Каменку представляется мне тяжелым, отвратительным кошмаром!

Не жду от Вас письма, дорогая моя, но жду кратких известий о Вашем здоровье. От всей души желаю, чтобы Вы поскорее могли вырваться из Москвы и от хлопотных дел Ваших. Будьте здоровы!

Ваш П. Чайковский.

60. Чайковский—Мекк

Каменка,
14 апреля 1879 г.

Сегодня утром получил письмо Ваше. Удовольствие, испытанное мною по этому случаю, трудно выразить. Мне приятно было не только читать это письмо, но просто, до чтения, ощущать его в своих руках, видеть знакомый милый почерк, чувствовать себя, наконец, вполне удовлетворенным, потому что до сих пор я еще все чего-то ожидал, чего-то недоставало для моего счастья. Это что-то было письмо Ваше, мой друг! Я очень избалован Вами. От времени до времени мне нужно для моего спокойствия и благополучия читать Ваши строки, получать Ваши письменные ласки, словом, сообщаться с Вами. И, пожалуйста, не думайте, что мне нужно много! Хотя бы несколько строк, из которых я бы знал, что Вы делаете и здоровы ли Вы.

Вы говорите о приятных воспоминаниях, оставленных Вам Флоренцией. Ах, друг мой, если бы Вы знали, как велико для меня наслаждение вспоминать этот как сон промелькнувший месяц! У меня, кстати, сохранилось много вещей, находившихся в вилле Bonciani. Я пишу пером, купленным Вами или по Вашему приказанию, беру чернила из чернильницы, находившейся там на моем столе; перочинный ножик, резинка, колокольчик и разные другие милые вещицы постоянно во время моих занятий напоминают мне незабвенную Viale dei Colli! К счастию моему, теперь, в Каменке, где я очень хорошо себя чувствую, воспоминания эти не сопряжены с горечью. В Петербурге и Москве они дразнили и терзали меня.

Очень благодарен Вам за позволение побывать в милом Браилове, дорогой друг! Я об этом мечтаю ежечасно и предвкушаю уже теперь безграничное удовольствие от предстоящей поездки. Но, к сожалению, мне нельзя будет там пробыть долго. Теперь, только что приехавши в Каменку, мне как-то неловко тотчас же покинуть милых родных, так нетерпеливо меня ожидавших и с такой заботливостью приготовивших мое милое теперешнее жилище. К тому же, здесь собираются праздновать 23 апреля именины сестры, а двадцать пятого—день моего рождения. Проектируются разные сюрпризы и удовольствия, в которых и мне необходимо участвовать. Наконец, брат Модест проживет в Каменке до конца месяца, и мне не хочется с ним расставаться. Ну, словом, не хочу отравлять своей чудной браиловской жизни никакими укорами совести и сожалениями и потому предполагаю отправиться в самых последних числах апреля. Останусь же до десятого, если это не противоречит Вашим планам. Как ни тяжело мне было бы отказаться от наслаждения провести в гостях у Вас несколько дней, но в случае, если Вы почему-либо захотели ехать в Браилов раньше, чем предполагали прежде, то надеюсь, что Вы ни минуты не будете стеснять себя нежеланием расстроить мои надежды. Не удастся теперь, побываю в Браилове осенью, но во всяком случае мне бы до крайней степени было бы неприятно служить помехою Вашим планам. Согласно Вашему приказанию, я буду телеграфировать М а р с е л ю о дне моего приезда.

Опера моя покамест покоится в моем портфеле. Теперь я работаю над сюитой. Сегодня кончил партитуру и завтра принимаюсь за четырехручное переложение. Я решился сделать его сам, так как опыт показал, что дело затягивается очень долго, когда поручается эта работа другому. Так же точно поступлю и с оперой. Я уговорился с Юргенсоном, что сюита в течение лета будет напечатана 1) в виде партитуры, 2) в виде голосов, 3) в виде четырехручного переложения, так что ко времени ее исполнения она будет находиться в продаже. Это удобно и для меня, и для Юргенсона, и для публики. Знаете ли Вы, например, отчего так затянулось печатание н а ш е й с и м ф о н и и? Оттого, что, прежде чем печатать, ее переписывали для исполнения в Москве, потом партитура попала к Танееву, который очень долго ее перекладывал, и покамест Юргенсон не мог печатать ее; потом она была потребована в Петербург, и Танеев ждал ее возвращения, потом она была в Париже, где Руб[инштейн] хотел ее играть, и т. д. и т. д. Словом, она вела кочующую жизнь и переходила из рук в руки, а время пропадало. Между тем, Юргенсон и из России и даже из-за границы получал значительное число требова-

ний на нее, и приходилось отказывать. Отныне уже этого не будет. Мои вещи будут исполняться не ранее того, как выйдут из печати во всех трех видах.

Я проработаю над сюитой еще недели две. В Браилове хочу отдаться безраздельно все увеличивающейся любви моей к природе. Нет места во всем мире, которое бы давало мне в этом отношении так много простора. Жить в Вашем доме, чувствовать себя у Вас, быть безусловно свободным и одиноким, иметь возможность каждый день быть в лесу, целый день находиться среди зелени и цветов, ночью слушать под окнами соловья и ко всему этому еще пользоваться Вашими книгами и инструментами, бродить по милому дому и думать о Вас, все это—сочетание таких небывало благоприятных условий для наслаждения, какого мне не найти нигде. Если в довершение всего я дождусь расцветания сирени, которая у Вас составляет роскошнейшее украшение парка, то, кажется, нельзя себе и представить более соблазнительного существования. Никогда не забуду, как в прошлом году я был счастлив в Браилове, особенно в первую поездку.

Одно из удовольствий деревенской жизни то, что находишься вдали от чудовищных безобразий, творящихся теперь в столицах и городах. Без ужаса не могу взять газету в руки! Дай бог, чтобы вышел прок из предпринимаемых решительных мер [1]. Радуюсь, что они предпринимаются, но з л о мне представляется столь глубоким, что я далеко не вполне им доверяю. Мне кажется, что это паллиативы, притом тяжело отзывающиеся на массе людей, ни в чем не повинных. Я, может быть, очень мало сведущ, но мне кажется, что существуют против этой болезни радикальные меры, хотя боюсь о них распространяться. Мне кажется, что как ни добр наш государь, как ни воодушевлен он хорошими намерениями и желанием нам блага, но о д и н он ничего не может сделать. Пусть призовет он на помощь всех нас, т. е. людей, преданных и России и ему, и только тогда прольется свет, и все дрянные, зловредные букашки спрячутся в такие норки, из которых вредить они никому не в состоянии.

Модест понемножку работает над своей повестью, но ей еще очень далеко до конца. Нельзя на него сетовать. Его обязанности в отношении Коли отнимают у него от повести все время. В следующем письме я хочу с некоторою подробностью поговорить с Вами об окружающих меня близких людях и о нашей жизни.

Нежный поцелуй Милочке, поклон Юлье Карловне и Пахульскому.

Ваш П. Чайковский.

61. Мекк—Чайковскому

Москва.
18 апреля 1879 г.

Милый, несравненный друг мой! Вчера получила Ваше письмо, и так мне стало хорошо, тепло на душе, как давно уже не было, и Вам, Вам, мой бесценный друг, я обязана такими моментами счастья, которые заставляют забывать все горькое, тяжелое в жизни. Какою любовью, какою признательностью к Вам наполнено все мое существо, Вы мирите меня с людьми, с жизнью. За одно такое сердце, как Ваше, можно простить всему человечеству его бессердечие, пошлость, корысть и обманы. Встречаешь их там, где они до поры до времени так ловко маскировались, что совершенно убаюкивали человека, и поражают его тогда, когда доверие его вполне сформировалось, и им-то и пользуются для проведения своих гнусных целей. У меня это время так наболело сердце и так еще тяжело на душе еще и теперь, что Ваше письмо было особенною благодатью для меня. Как Вы счастливы, мой милый друг, что не имеете семейства, Вы не знаете самого глубокого, терзающего, непоправимого горя!

Как мне знакомы Ваши ощущения экстаза, я испытываю их также от природы, от музыки и—от Вас. И если бы не такие моменты, то и жить невозможно было бы. Весна приводит меня в восторг, и я, как заяц, почуявши ее, хочу в лес, на волю, на воздух...

Прошу Вас, мой дорогой, нисколько не беспокоиться насчет моего приезда в Браилов. Я по своим делам никак не могу поехать раньше десятого, и то, вероятно, я только выеду отсюда десятого, следовательно, приеду в Браилов четырнадцатого или пятнадцатого, так как я всегда останавливаюсь в Киеве. Для меня будет особенным наслаждением приехать в Браилов п о с л е В а с. Ходить опять в Ваши комнаты и стараться себе представить, где Вы сидели, чем Вы занимались, и везде, и на балконе и в своем отделении, думать, что Вы там находились, что я сажусь на тот стул, на котором, быть может, Вы сидели, смотрю на те же предметы, на которые и Вы смотрели. Часто, быть может, я думаю то же самое, что Вы думали, а чувствую и отношусь ко многому наверное точно так же, как и Вы.

Меня ужасно возмущают приставания к Вам известной особы, потому что ведь это все только проведение спекуляции, и мне кажется, милый друг мой, что Вам ни за что не следует соглашаться на капитализацию ее особы, потому что она несколько раз захочет брать с Вас таких капиталов, а если хочет уехать из России, то пусть возьмет р а з в о д, получит за него капитал и тогда делает, что захочет, а теперь ведь расчет ее ясен—брать с Вас контрибуцию во всяких видах: и в нежностях, и в пенсии, и в капиталах, хотя первые нужны только как право вытягивать последние, но ведь не существует никаких б е з г р а н и ч н ы х п р а в. Так Вам необходимо, друг мой, ограничивать эти права, а уже никак не расширять их, тем более, что тогда уже и думать о разводе будет нечего. Бедный мой, дорогой, хороший друг!

Меня очень радует, что Вы занимаетесь теперь н а ш е ю с ю и т о ю, но только, пожалуйста, отдыхайте, мой милый друг, берегите здоровье прежде всего. Как мне приятно, что Вам служат еще вещи, которые я сама выбирала и покупала для Вас во Флоренции. В этом акте для меня сливаются и чувство к Вам, и дорогое воспоминание Villa Bonciani, и удовольствие, что Вы не бросили этих вещей. И так хорошо, так радостно становится.

Как идет изучение французского языка у Вашего юноши Алексея, продолжается или уже брошено, насколько он подвинулся? Как он вспоминает заграничную жизнь, с удовольствием или нет?

Сирень в Браилове уже начинает цвести, но, вероятно, дождется и Вас. Я написала в Варшаву управляющему, с которым начала переговоры при возвращении из-за границы, чтобы он сейчас приехал сюда для отправления в Браилов.

Позвольте мне опять попросить Вас, милый друг мой, сделать несколько вопросов Льву Васильевичу по предмету свекловичного производства, а именно:

1) Как он кладет удобрение под свекловицу—прямо под нее или под хлеб, после которого сеется свекловица? У меня в Браилове десятипольная система хозяйства, и свекловица идет после пшеницы, и удобрения кладут под пшеницу, а другие, я знаю, кладут прямо под свекловицу.—то как он делает, и какая система хозяйства у него?

2) Хорошо ли удабривать минеральным туком? Меня уверяют в Браилове, что нехорошо, а я знаю, что мой муж хотел им удабривать и уже начал приводить в исполнение эту мысль, так как натурального удобрения хватает только на четыреста десятин, а сеется каждый год больше шестисот.

Пожалуйста, дорогой мой, расспросите его об этом и не откажите сообщить мне ответы [*конец письма не сохранился*].

62. Чайковский—Мекк

Каменка.
21 апреля 1879 г.
8 часов утра.

Я хотел в моем последнем письме сказать Вам, друг мой, о тревоге, которую иногда внушает мне состояние здоровья моей сестры. Я нашел ее в этот приезд в каком-то возбужденно-нервном состоянии, вследствие которого она совершенно потеряла сон. Кроме того, по временам у нее возвращаются боли печени, которая давно у нее не в порядке. Хотя она большею частью на ногах, но видно, что она перемогается и что в сущности очень утомлена и слаба. Утомление ее очень понятно. Это одна из тех женщин, которые ни одной минуты дня не могут провести без дела и без забот, а забот у нее очень много. Она так приучила всех домашних, что ни одного гвоздя нельзя вколотить без ее вмешательства. Дети часто бывают нездоровы, и тут опять-таки ее вмешательство необходимо ежеминутно. В нынешнюю зиму она провела два месяца в Петербурге и, чтобы веселить своих двух старших дочерей, предавалась иногда через силу вихрю светской жизни. После того все дети без исключения переболели корью, и это продолжалось долго. Все это чрезвычайно утомило ее. Мы все очень бы желали, чтобы она предприняла серьезное леченье и даже чтобы съездила в Карлсбад пить воды. Но как ей уехать? Двухмесячное ее отсутствие зимой отозвалось разной неурядицей в ведении младших детей. Если б она и решилась уехать, то не была бы спокойна и постоянно терзалась бы забо-

тами об оставленных детях. Между тем, всем нам до очевидности ясно, что ей нужно лечиться и, главное, отдыхать. Теперь случилось обстоятельство, которое, быть может, повлияет на ее решимость. Она искала уже несколько времени французскую гувернантку. Четыре дня тому назад ей написали из Киева, что гувернантка нашлась. Сестра тотчас же собралась, и, как мы ни уговаривали ее поручить это дело другому, она поехала в Киев одна. На другой день, т. е. третьего дня, пришла от нее депеша. Она сообщает, что заболела и что не может возвратиться одна и поэтому просит мужа поехать за ней. Он уехал в тот же вечер. Мы провели вчерашний день в жестокой тревоге. Особенно тосковала и терзалась старшая племянница Таня, питающая к матери страстное обожание. Тщетно поджидали мы вчера целый день телеграмму от Льва Вас[ильевича], который обещался дать нам знать о состоянии здоровья сестры. Наконец сегодня утром телеграмма явилась. Ей лучше, но ранее сегодняшнего вечера они выехать из Киева не могут. Ожидаем их с величайшим нетерпением, а покамест Таня, Модест и я решились во что бы то ни стало уговорить сестру поехать в Карлсбад. Пусть возьмет одну из дочерей, пусть отдохнет. Нужно непременно добиться этого. Главное затруднение в том, как устроить, чтобы во время лечения она была покойна и не мучилась мыслью об оставленных детях. Решительно еще не знаю, что мы придумаем, но только несомненно то, что если она младших возьмет с собой, то пользы от лечения не будет никакой!

2 часа.

Получил Ваше дорогое письмо. Позвольте немножко попенять Вам, милый друг, за длинноту письма. Длинnота эта, конечно, для меня большое наслаждение, но мне бы так хотелось, чтобы Вы отдохнули и чтобы из-за меня Вы не утомляли себя! Очень боюсь, чтобы письмо ко мне не вызвало хоть на единую минуту возобновления Ваших головных болей! Но вместе с тем не скрою, что для меня величайшая отрада читать Ваши строки и принимать ласки Ваши! Если моя дружба, моя безграничная любовь и преданность к Вам могут хоть сколько-нибудь утешать Вас в горестные минуты, то я глубоко счастлив. Мне очень горько бывает, когда я читаю в письмах Ваших сообщения об испытанных Вами тяжелых минутах и при этом сознаю свое полное бессилие уберечь и оградить Вас от повторения их! Да! Вы правы. Как ни велики радости, доставляемые детьми, но они не могут вознаградить за все заботы, горести и мучения, причиняемые семейством! И здесь, в Каменке, это для меня более понятно, чем где-либо. Я вижу на сестре, что значит быть

главою семейства. Кроме того, я имею здесь, на глазах, одну из самых светлых личностей, встреченных мной в жизни: мать моего зятя, и мне хорошо известно, чего натерпелась эта старушка вследствие семейных забот!

Не буду Вам сегодня отвечать на вопросы Ваши касательно хозяйства. Я мог бы и помимо Льва Вас[ильевича] собрать нужные Вам сведения, но предпочитаю дождаться его. Завтра он вернется.

Мой Алексей немножко забросил свой французский язык, но теперь начал опять заниматься аккуратно. Кроме того, я посылаю его в здешнюю школу к учителю, с которым он занимается русским языком. Ему предстоит в будущем году отбытие рекрутской повинности, и я хочу, чтобы он выдержал экзамен, дающий права на сокращенный срок службы. Он с величайшим удовольствием вспоминает заграничную жизнь и особенно Флоренцию и Париж. Нужно отдать ему ту справедливость, что избалованность, сопряженная с заграничною обстановкой его жизни, не портит его. Он отлично исполняет здесь обязанности слуги, и сестра с зятем очень довольны помощью, оказываемою им здешней прислуге. Вообще это очень милый человек, и мне будет очень тяжело, если он не вынет счастливого жребия и попадет в военную службу. Не без страха помышляю о приближении этого времени. Его призовут в ноябре 1880 года.

Pegli, где находится Лидия Карловна, мне очень памятно. Это первая станция на пути из Генуи в Ниццу. Я знаю, что там очень приятно жить и что весьма достойна осмотра Villa Pallavicini, но мне не случалось никогда там останавливаться. Самую Геную я посещал несколько раз и очень люблю ее. Особенно приятное воспоминание оставила во мне церковь, названия которой не припомню, но с колокольни которой открывается несравненный вид на город и окрестности.

Здесь весна делает с каждым часом исполинские успехи. Сирени начинают распускаться, и ландыши (!!!) уже появляются. У меня на столе стоит букет, среди которого красуются два моих любимых цветочка, сорванных однако ж еще не в лесу, а в саду. Вчера они попали ко мне еще в виде бутонов, а сегодня в воде распустились! Вообще теперь наступило самое чудное время года: ландыши, сирени, соловьи и в довершение всего этого чудная погода и лунные ночи! С нетерпением, с невыразимо сладким стеснением сердца помышляю о предстоящей поездке в мой чудный, милый Браилов.

Сегодня надеюсь кончить переложение на фортепиано последней части сюиты. Мне кажется, что если не все, то неко-

торые части этой вещи Вам понравятся, милый друг мой, и эта мысль услаждает меня во время работы. Между прочим, скажу, что переложение с оркестра на фортепиано есть одна из самых трудных, утомительных и скучных работ. Как я рад, что она близится к концу. Будьте здоровы, друг мой, будьте покойны и насколько возможно счастливы. Весна обязывает быть счастливым.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Потрудитесь передать Юлье Карловне мое почтение, Милочке поцелуй и Пахульскому поклон.

63. Чайковский—Мекк

Каменка,
23 апреля 1879 г.

Сегодня день именин сестры, но мы проводим его довольно грустно. Она серьезно нездорова. В Киеве с ней случился жестокий нервный припадок с обмороками, обмираниями, страшною болью в обеих ногах и т. п. Теперь она очень слаба, не спит, мучится постоянною болью ног, и только наркотизация посредством морфина успокаивает ее. Мы все единогласно решили, что ее следует заставить лечиться серьезно во что бы то ни стало, а главное—нужно ехать. Я по собственным нервным страданиям знаю, до чего важно в таком положении спокойствие. Здесь при большом семействе и при довольно тесном помещении оно невозможно. Она сама начинает понимать, что требуется на время удалиться, и хотя поездка в Карлсбад ее пугает, но она сегодня с удовольствием говорила о Крыме. Может быть, мы уговорим ее отправиться хоть туда недель на шесть. Все это разъяснится и разрешится, когда она несколько поправится, а покамест необходимо добиться, чтоб она, наконец, начала спать здоровым и естественным сном.

Теперь, милый друг, отвечу Вам на Ваши вопросы о каменском хозяйстве.

1) В прежнее время удобрение клали прямо под свекловицу, теперь уже несколько лет сряду поступают так же, как у Вас, т. е. кладут его под пшеницу, потом год поле отдыхает, и тогда уже сеется свекловица.

2) Относительно минерального тука зять говорит, что по истечении трехлетнего опыта над ним он может сказать положительно только то, что тук способствует улучшению качества

пшеницы. Он воздерживается покамест от окончательного суждения о достоинстве этого удобрения.

3) Порядок севооборота в каменском хозяйстве следующий:

1-й год . . . . . пар с навозом.
2-й » . . . . . пшеница.
3-й » . . . . . пар.
4-й » . . . . . свекловица.
5-й » . . . . . яровой хлеб.
6-й » . . . . . пар без навоза.
7-й » . . . . . рожь.
8-й » . . . . . яровой хлеб и трава однолетняя.

Кроме того, на отдельных полях сеются многолетние травы, преимущественно эспарцет и люцерна. Лев Вас[ильевич] называет свой севооборот восьмипольным, следовательно, в этом отношении порядок здесь не такой, как у Вас. Боже мой! чего бы я ни сделал, чтобы Ваш новый управляющий оказался дельным и знающим человеком! Говорят, что Браилов соответствует как нельзя более всем требованиям самой лучшей доходности.

Сегодня наступил здесь значительный холод, и есть основание опасаться сегодняшней ночью мороза. Это было бы ужасно! Все фруктовые деревья теперь в цвету; все это погибнет, если ртуть опустится ниже нуля.

Я кончил сюиту. Завтра посылаю ее в Москву. В течение лета она будет напечатана [1].

До свиданья, неоцененный мой друг! Будьте здоровы.

Ваш П. Чайковский.

P. S. Минеральный тук получается в Фастове у Р а т ы н с к о г о. Цена его 1 р. 35 к. за пуд.

64. Чайковский—Мекк

Каменка.
26 апреля [1879 г.

Ваша вчерашняя телеграмма была для меня большой радостью! Благодарю Вас за нее, милый друг мой. Но меня несколько огорчает, что письма не всегда доходят к Вам. Одно письмо пошло к Вам отсюда в воскресенье 22-го утром, а другое во вторник 24-го, и первое из них должно было быть в Москве в то время, когда Вы телеграфировали мне. Надеюсь, что оба письма все-таки дойдут до Вас. Во втором из них я ответил Вам

на Ваши вопросы касательно каменского хозяйства. В случае, если бы это письмо не дошло до Вас, то я снова дам Вам интересующие Вас сведения. День моего рождения мы отпраздновали очень приятно, а именно, ездили в лес и провели там почти весь день. После нескольких очень холодных дней и ночей, грозивших побить морозом все фруктовые и иные деревья, вчера наступила дивная погода и, что в особенности приятно, не было ветра, который в Каменке свирепствует почти постоянно. Прогулка эта была очаровательна. Как хорошо теперь в лесу! Как много прелести в весенней нежной зелени листвы! Какая бездна цветов! Я люблю безразлично и все без исключения лесные цветы. Но пора лапдышей, т. е. царя всех лесных цветов, еще не наступила,—они только приготовляются к своему появлению.

Здоровье сестры гораздо лучше. Как всегда бывает с очень нервными людьми, она поправилась необыкновенно быстро, и мы должны употреблять всевозможные усилия, чтобы удерживать ее от возвращения к своей лихорадочно-суетливой деятельности. Одно из наиболее утомляющих ее занятий—это лечение больных крестьян. Ей положительно воспретили теперь продолжать свою медицинскую практику, но, будучи необыкновенно доброй и сострадательной, она решительно не в силах отказывать приходящим к ней за помощью. Сегодня пришли сказать, что один ребенок умирает от дифтерита, и она, воспользовавшись отсутствием зятя, полетела спасать ребенка. Она очень удачно лечит, но с ее ли больными нервами ежедневно проводить часа два у одра страдающих, особенно когда медицина оказывается бессильной, что весьма часто случается! Здесь свирепствует с ужасной силой дифтерит. Эта ужасная болезнь унесла огромное множество крестьянских детей, но многие спаслись благодаря сестре. Как бы то ни было, но в принципе решено, что в течение лета она поедет лечиться или за границу или в Крым.

С ю и т а н а ш а уже путешествует по направлению к Москве, а я приступил сегодня к инструментовке оперы. Труд этот очень большой, но очень приятный, нисколько не тягостный и не требующий напряжения. Надеюсь к концу осени окончить его. Я поеду в Браилов, вероятно, 1 мая. С величайшим удовольствием помышляю об этом.

До свиданья. Вероятно, еще раз напишу Вам отсюда. Будьте здоровы, дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

65. Чайковский—Мекк

1879 г. апреля 29—30. Каменка.

Каменка,
29 апреля 1879 г.

День своего отъезда отсюда в Браилов я назначил 2 мая. 1 мая будет день рожденья брата Модеста, и в этот день предполагается большая поездка в далекий лес на целый день. Так как мне хочется провести этот день с Модестом, с которым мы теперь расстаемся надолго, то я и принял решение отправиться в Браилов на другой день. Молю бога, чтоб погода благоприятствовала мне в те дни, которые я проведу у Вас. Здесь стоит погода самая скверная, какая только может быть, а именно: ясная и теплая, но с жестоким ветром, дующим непрерывно от раннего утра до вечера. В воздухе носятся тучи пыли, ею приходится дышать, она садится на все предметы в комнате,—это в высшей степени скучно. Впрочем, в Каменке погода без ветра—очень редкая вещь. Зато я торжествую по случаю ландышей, которые поспели и которыми я не могу достаточно налюбоваться и нанюхаться. Сирени тоже в полном цвету, ну, словом, соединились все условия для наслаждения, и только эта несносная, отвратительная пыль отравляет жизнь. Приходится заниматься в душной комнате с затворенными окнами.

Я останусь в Браилове приблизительно до двенадцатого числа? Не правда ли, дорогой друг, что до этого дня я могу пробыть у Вас, не рискуя помешать Вам? Если Вы остановитесь в Киеве, то, без всякого сомнения, ранее четырнадцатого числа не попадете в Браилов. Меня очень интересует будущая деятельность Вашего нового управляющего. От Марселя я, вероятно, узнаю все подробности его вступления в свои новые обязанности.

Я, кажется, ни разу не писал Вам, друг мой, о младшем моем племяннике Юрии, том самом, который так понравился Вам по прошлогодней карточке. Ах, что это за невыразимо чудный ребенок! В прошлом году он еще едва начинал говорить и потому далеко не был так обаятельно прелестен, как теперь, когда он целый день без умолку болтает. Нрав его замечательный. Он необыкновенно кроткий и покорный мальчик, всегда весел, ласков и мил. Воображение у него необычайно живое, и он постоянно рассказывает о невероятных каких-то своих приключениях и удальских подвигах, совершенно искренно веря, что все, что он рассказывает, действительно было. Когда по поводу его курьезных речей смеются, он сохраняет самый серьезный вид. Вообще он совершенно невозмутим, исполнен чувством своего собственного достоинства, повелителен и важен. Впрочем, нет возмож-

Семья Давыдовых

... Юрий Львович, Дмитрий Львович;

ности передать словами и описаниями его прелесть, но мы бесконечно им наслаждаемся. Я заговорил об нем по поводу того, что он сегодня снимался и что, как только его карточка будет готова, я пришлю Вам ее.

Вообще мои племянницы и племянники такие редкие и милые дети, что для меня большое счастие пребывание среди них. Володя (тот, которому я посвятил детские пьесы) делает успехи в музыке и обнаруживает замечательные способности к рисованию. Вообще это маленький поэт. Он не любит обычных мальчишеских игр. Все свободное время он посвящает или рисованию, или музыке, или цветам, к которым он питает страсть. Это мой любимец. Как ни восхитителен его младший брат, но Володя все-таки занимает самый тепленький уголочек моего сердца. Вообще цветы, музыка и дети составляют лучшее украшение жизни. Не странно ли, что такому любителю детей, как я, судьба не судила иметь своих собственных? Кстати о детях. Вчера мои племянницы восторгались прелестной физиономией Милочки, ее чудными глазками и общим выражением симпатичности. Скажите ей, милый друг, что не только я, но и мои милые племянницы, и все, кто только увидит ее на карточке, проникаются к ней чувствами симпатии.

30 апреля.

Только что воротился из леса. Погода была сегодня так хороша, что, несмотря на предстоящую завтра поездку в лес на целый день, мы отправились и сегодня и воротились с огромным запасом ландышей.

Вчера Анатолий прислал мне адресованное к нему письмо известной особы, в коем она сообщает, что требует развода и что пришлет к нему поверенного. При этом она говорит, что ей надоели бесчисленные оскорбления, наносимые ей! Впрочем, знаете ли что? Не будет ли Вам интересно, милый друг, чтобы получить верное понятие об этой непостижимой личности, прочесть два письма ее? Одно писано в Петербурге месяц тому назад, другое—теперь к Анатолию. Письма эти во всяком случае курьезны.

Я поручил Анатолию сказать ей, что на развод согласен, но с тем, 1) чтобы от ее доверенного получить серьезное удостоверение в том, что на этот раз дело серьезно, а не один из ее капризов, и 2) с тем, чтобы она не рассчитывала на прошлогодние десять тысяч; я объявил ей решительно, что этих денег у меня нет. Я взял на себя только расходы по делу. Очень может быть, что из всего этого опять ничего не выйдет и что при первом шаге в ведении дела она, подобно тому как в прошлом

году, опять начнет усматривать оскорбления там, где только формальности дела...

Что она не понимает дела, это видно из того, что она говорит о какой-то снисходительности, как будто она вправе чего-либо от меня требовать!!!

Мне стыдно признаться в моем малодушии, но я должен сказать Вам, что всю эту ночь я не спал и сегодня чувствую себя совсем расклеенным только оттого, что видел почерк руки известной особы!

Следующее письмо я напишу Вам из Браилова. До свиданья, мой дорогой и милый друг.

Ваш П. Чайковский.

66. Мекк—Чайковскому

Москва.
30 апреля 1879 г.

Милый, дорогой друг! Очень, очень благодарю Вас за все сведения, которые Вы мне дали на мои вопросы. В тот же день, как я послала Вам телеграмму, вечером получила и Ваше письмо, затем через день второе, а вчера и третье.

Адресую Вам это письмо в Браилов и от души желаю, чтобы оно там и нашло Вас. Мне невыразимо приятно представлять себе Вас в Браилове.

Как бы я желала, чтобы погода была все время хорошая. У меня назначен выезд на 10 мая, следовательно, я приеду в Браилов четырнадцатого, и мне будет чрезвычайно приятно, если вы пробудете там до самого этого времени и я войду в дом тотчас после Вашего пребывания в нем....

Вы напрасно цените мне за длинноту письма, милый друг мой. Вам как будто кажется, что я принуждаю себя писать длинные письма, тогда как, совсем наоборот, мне трудно удерживать себя писать еще длиннее....

Как я рада, что Вы окончили сюиту, друг мой, так как это была утомительная работа, и к тому же она теперь скоро появится в печати. Я очень буду рада, если Вы в Браилове будете предаваться абсолютному отдыху.

У нас погода нехорошая. Мы часто ездим в Сокольники к себе на дачу и играем там в крокет; я очень люблю эту игру. Деревья только теперь начинают распускаться.

Что, известная особа оставляет Вас пока в покое? Дай бог, чтобы и навсегда...

На-днях я послала Вашу оперу «Евгений Онегин» для русского музея, который устраивает один господин в Pilsen, в Богемии, и который обратился ко мне с просьбою пожертвовать русских предметов для этого музея; при указании вещей, какие особенно приятно получить, были указаны и музыкальные сочинения русских композиторов. А кого же лучше можно найти, как не нашего дорогого автора «Евгения Онегина»,—я его и послала в сообществе со многими другими вещами. Мне очень нравится эта мысль устроить русский музей в Чехии.

Петр Ильич, пошлите Бюлову «Евгения Онегина». Хотя он увлекается и многими, но все же он умеет ценить и Вас.

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

67. Чайковский—Мекк

Браилов.
4 мая 1879 г.

Я приехал сюда вчера вечером. Рассчитывая выйти в Жмеринке, я преспокойно сидел у окна, когда мы проезжали полустанок Браилов, наслаждаясь видом на Ваш дом, монастырь, Марпенгай, как вдруг увидел на дворе полустанка знакомое лицо Ефима с лошадьми и около поезда М а р с е л я. Я тотчас же выскочил, отыскал Алексея, получил багаж и через полчаса был уже дома. Погода вчера была очень неблагоприятная, накрапывал мелкий дождичек и выл меланхолически ветер. Тем не менее я испытывал глубокое наслаждение, сознавая себя в милом доме, где в прошлом году я проводил такие чудные дни. Марсель тотчас же угостил меня превосходным ужином и чаем, после чего я долго бродил по комнатам, предвкушая всю прелесть предстоящих мне дней. В музыкальной комнате я нашел вновь присланные Вами ноты, сложенные в порядке. В зале я обратил внимание на чудесный портрет Ваш, в прошлом году тут не находившийся, но вообще говоря: в с е п о-с т а р о-м у, в с е н а с в о е м м е с т е до малейших подробностей, и в этом я нахожу большую прелесть. Когда возвращаешься в место, где испытал счастье, хочется, чтоб все было, как прежде, и малейшая перестановка предметов наводит грусть. Мне так приятно было быть встреченным тем же Марселем, быть везомым тем же Ефимом и, если не ошибаюсь, теми же лошадьми, увидеть у ворот знакомое лицо сторожа, войдя в дом, ощутить тот же характеристический в каждом доме запах, увидеть ту же мебель, те же цветы и предметы!

Спал я превосходно и, к величайшему своему удовольствию, отдернувши занавеску, усмотрел голубое небо и солнце. Погода улучшается, но еще немножко холодно. После кофе исходил во всех направлениях сад и зашел в мой милый Марпенгай, где нашел ту же роскошную растительность и те же уютные уголки, в приютной тени которых я проводил в прошлом году незабвенные минуты общения с природой. Как различны почвенные и климатические условия Браилова и Каменки! Я нахожу, что растительность здесь несравненно роскошнее и жирнее. Раз-

ные крапивы, цикории и вообще обычные в садах и парках произрастания достигают у Вас необыкновенной величины и высоты. Здесь трава почти по пояс. Там все это гораздо мельче. Но зато сирени там уже давно в полном цвету, тогда как здесь они едва-едва начинают распускаться. Я очень радуюсь последнему обстоятельству, так как мне предстоит наслаждаться созерцанием их расцвета. Но знаете ли, милый друг, что меня удивляет? Марсель утверждает, что ни в Браилове, ни вообще во всей этой стороне вовсе нет ландышей. Неужели это правда? Между тем, я припоминаю, что в прошедшем году, блуждая по Вашим чудным лесам, я нигде не видел листьев уже отцветшего тогда ландыша. Если это так, то не прикажете ли Вы в течение нынешнего лета пересадить откуда-нибудь или посеять у Вас в парке и в Марпенгай как можно более этих чудных цветов? Впрочем, я все еще надеюсь, что Марсель ошибается и что в лесу где-нибудь да есть ландыши.

Получил вчера письмо Ваше, пришедшее еще накануне. Разумеется, приехавши, я прежде всего прочел дорогие строки Ваши. Я воспользуюсь Вашим предложением остаться здесь как можно дольше с несказанным наслаждением, т. е. уеду отсюда тринадцатого числа. Пребывание в Браилове уже начинает оказывать на меня свое благодетельное влияние. Я ехал сюда с довольно сильно расстроенной нервной системой по известной Вам причине. Сегодня я уже понимаю, что с моей стороны чистое ребячество по поводу всякой строки от известной личности приходить в расстройство. В сущности, следует бесконечно радоваться, ибо теперь для меня очевидно, что дело должно в более или менее отдаленной будущности разрешиться самым желанным концом, т. е. разводом и свободой [1].

Я не взял сюда никакой работы и намерен лениться, мечтать, думать, набираться сил. Как мне благодарить Вас, о мой лучший друг, мой добрый гений, за все благо, которое Ваша дружба приносит мне! Нет слов, чтоб изобразить всю силу той отдохновительной и восстанавляющей силы, которую имеют для меня несколько дней, проведенных так, как я живу у Вас в Браилове. В ту минуту, как я Вам пишу, уже в душу ко мне снизошло такое чудное и ни с чем не сравнимое ощущение мира и счастья!

До свиданья, милый друг! Завтра напишу Вам еще раз в Москву, а затем буду писать Вам свой остальной браиловский дневник, чтобы оставить его здесь в ожидании Вас.

Ваш П. Чайковский.

68. *Мекк—Чайковскому*

Москва.
5 мая 1879 г.

Милый, несравненный друг! Я только что освободилась от периода трехдневной головной боли и пишу Вам это письмо через нового управляющего, г-на Тарашкевича, которого я наконец посылаю в Браилов....

Благодарю Вас очень, дорогой мой друг, за присылку писем и з в е с т н о й о с о б ы. Мне было очень интересно их прочесть, в своем роде они образцовы, классичны, но вызывают такую критику, высказывать которую я лучше воздержусь, а при этом прошу Вас, мой милый, бесценный друг, сделать в с е, чтобы освободиться от нее в п о л н е. Не останавливайтесь перед неприятными сторонами развода; лучше раз пройти сквозь грязную, удушающую атмосферу и затем очутиться на чистом свежем воздухе, чем всю жизнь периодически глотать такие миазмы. А если Вы не получите развода, то н и к о г д а не будете знать покоя, и в е ч н о е б е г с т в о ведь невыносимо. Не останавливайтесь также перед денежною стороною, заплатите ей десять-пятнадцать тысяч,—ведь Вы знаете, что я с радостью их выдам, лишь бы Ваше спокойствие было обеспечено, а теперь и я постоянно за Вас боюсь. Пожалуйста, поведите это дело энергичнее. Второе, вот что бы мне хотелось, но это совсем в другом роде,—это устроить в Браилове жизнь à nous deux*, вроде жизни на нашей милой Viale dei Colli—и это очень легко, зависит только от Вашего согласия. Есть у меня при Браилове фольварк** Спамаки, на котором одно лето жила моя Саша с семейством. Это фольварк очень миленький, лежит в тенистом саду, в конце которого идет река, в саду поют соловьи. Комнаты хотя очень низенькие, но для лета миленькие; там есть шесть комнат. Отстоит от Браилова этот фольварк в четырех верстах. Если Вы там не были, милый друг мой, то, пожалуйста, съездите теперь, как только г-н Личков оттуда уедет, и прикажите Вам приготовить там чай на балкончике, который выходит в сад. Я уверена, что Вам понравится. Это такое уединенное, поэтичное место, то если бы Вы согласились приехать туда на целый месяц или еще больше, во время моего пребывания в Браилове, то я была бы несказанно счастлива. Для меня отчасти повторилось бы самое восхитительное время моей жизни на Viale dei Colli. Хотя, конечно, в Браилове я не могла бы каждый день ходить гулять около Вашей квартиры, но я также каждый день чувствовала бы, что Вы близко, и от этой мысли мне так же было бы хорошо, весело, покойно, смело; мне также казалось бы, что, когда Вы близко меня, то ничто дурное ко мне не подступится. Подумайте, мой милый, хороший, дорогой, и тогда съездите в Каменку для того, чтобы сказать, что Вы переезжаете в Браилов, т. е. в Спамаки, да и проживемте все лето вместе. Боже мой, как бы это было хорошо! Я бы вам послала лодочку легкую, прелестную, Алеша Вас возил бы кататься на ней. Лес там есть в десяти шагах очень миленький, красивые места около реки, в лунные ночи восхитительно! Милый, дорогой, приезжайте. Для здоровья там очень полезный воздух, для занятий—вдохновляющая природа, а ведь Вы свободны жить, где захотите, а там ни один человек Вас не беспокоил бы. Если бы Вы согласились переехать, то к 15 июня я все приготовлю, и если я не поеду за границу, что очень вероятно, то мы прожили бы вместе до 15 сентября. Если бы Вы согласились, мой добрый, хороший друг!...

---

* нам вдвоем
** хутор

До свидания, мой горячо любимый друг. Обрадуйте меня хорошим ответом на мое желание. Всем сердцем безгранично любящая Ва-

П. ф.-Мекк.

Я своему новому управляющему внушала, чтобы он Вас не беспокоил, но если бы он все-таки вздумал к Вам показаться, то Вы без всякой церемонии через Марселя откажитесь его принять.

69. Чайковский—Мекк

Браилов.
5 мая 1879 г.

По поводу Ваших браиловских дел я хотел сказать Вам следующее, дорогой друг мой. Мне очень досадно, что еще за границей, когда я узнал от Вас о предстоявшей отставке Личкова и о Вашем намерении пригласить нового управляющего, я не вспомнил о том, что именно в то время мой зять Лев Васильевич мог быть Вам чрезвычайно полезен. Я питаю неограниченное доверие к его компетентности в сельском хозяйстве вообще и в свеклосахарном в особенности. Если б он мог когда-нибудь приехать в Браилов, вооруженный Вашим полномочием, и произвести осмотр и ревизию хозяйства, нет сомнения, что он бы раскрыл перед Вами настоящее положение вещей и указал бы Вам, что нужно сделать для поправления дела. Не думайте, мой друг, что я увлекаюсь пристрастием родственности. Его дела и доказательства его умения налицо. Каменское хозяйство во всей Киевской губернии славится как образцовое, а то, что он сделал из своего собственного маленького имения Вербовки, положительно достойно удивления. Боже мой! зачем обо всем этом я не подумал во-время! Теперь, когда новый управляющий уже приглашен, я вполне понимаю всю невозможность вмешательства зятя в это дело. Но крайней мере, позвольте попросить Вас, милый друг, всегда рассчитывать на услуги Льва Васильевича, если когда-нибудь Вы найдете возможным дозволить ему вмешаться в дело. Он со своей стороны весьма заинтересован Браиловом и теряется в догадках, чтобы разъяснить причины недоходности имения, обладающего всеми условиями доходности. Поэтому он не только в виде дружеского одолжения Вам и мне занялся бы обстоятельным ознакомлением с здешним хозяйством, но это было бы для него удовлетворением крайне возбужденного любопытства. Кто знает, может быть, когда-нибудь он бы сделался даже Вашим управляющим! Признаюсь, что в тайне души я даже мечтаю об этом! Я ни минуты не сомневаюсь,

что если б это случилось, то процветание Браилова было бы навсегда обеспечено.

Вчерашний день был проведен следующим образом. После написания писем Вам и брату Анатолию я занялся чтением партитуры «Л о э н г р и н а», которую взял с собой. Знаю, что Вы небольшая охотница до Вагнера, да и я далеко не отчаянный вагнерист. Вагнеризм мне мало симпатичен как принцип, сам Вагнер, как личность, возбуждает во мне чувства антипатии, но я не могу не отдать справедливости его огромному музыкальному дарованию. Дарование это, по-моему, нигде не проявилось так ярко, как в «Л о э н г р и н е». Эта опера останется венцом вагнеровского творчества; после «Лоэнгрина» началось падение его таланта, загубленного сатанинскою гордостью этого человека. Он лишился чувства меры, начал хватать через край, и все, что написано после «Лоэнгрина», представляет образцы музыки неудобопонимаемой, невозможной и не имеющей будущего. Меня, собственно, теперь занимает «Л о э н г р и н» с точки зрения о р к е с т р о в к и. В виду предстоящей мне работы я захотел основательно изучить партитуру «Л о э н г р и н а», чтобы посмотреть, не надо ли присвоить себе кое-что из его оркестровых приемов. Мастерство у него необычайное, но по причинам, которые потребовали бы технических разъяснений, я однакож не намерен заимствовать у него ничего. Скажу Вам только, что оркестр В а г н е р а слишком с и м ф о н и ч е н, слишком у н и т а и п т я ж е л для вокальной музыки, а я чем становлюсь старше, тем более проникаюсь убеждением в том, что эти две отрасли, т. е. с и м ф о н и я и о п е р а, составляют во всех отношениях две крайние противоположности. Итак, знакомство с «Лоэнгрином» не заставит меня изменить свою манеру, но оно, во всяком случае, и интересно и отрицательно-полезно.

В час пополудни был подан великолепный, роскошный обед. После обеда я сидел у Вас в гостиной и спальне и гулял по саду. Где сделан новый портрет Милочки с красками, украшающий Вашу гостиную? Портрет этот я нахожу прелестным. «Jeanne d'Arc» лежит на среднем столе в той же гостиной, и мне очень приятно было ее увидеть.

В четыре часа я поехал на с к а л у. Погода была ясная, но дул сильный и довольно холодный ветер, немножко портивший прелесть прогулки. Тем не менее удовольствие было большое. Внизу строится мост и близится к окончанию. Какая чудная мысль соединить посредством моста две прогулки в одну!

Возвратившись, гулял по саду, читал очень милую книгу, найденную в шкапу в гостиной, около моей комнаты («Р а с-

сказы из польской старины» Карновича), в девять часов ужинал, потом играл Шумана и скрипичный концерт Гольдмарка, ходил по балкону, наслаждался слушанием соловья, ходя по балкону, и в одиннадцать часов лег спать, предварительно, впрочем, посидевши на милом красном диванчике с книгой в руках. Спал чудно. Сегодня по обычаю совершил утреннюю прогулку в Мариенгай. Как там хорошо! Теперь пишу Вам, буду писать Модесту и затем обедать. Это письмо я отошлю в Москву, а после того буду вести дневник, который оставлю здесь до Вашего приезда.

Какая чудная жизнь!

Вчера, когда я рассматривал цветы перед домом, ко мне подошел небольшого роста немец и рекомендовался Вашим садовником. Поспетничаю на него. Немец принял меня за влиятельное лицо в браиловской администрации и разразился жалобами на леность рабочих, на климат, кажется, ну, словом, на что-то такое, чем он желал как бы оправдать себя в моих глазах. Между тем оправдываться нечего: кажется, все у него в порядке. Про управляющего он сказал: «Der alte Mann ist zu gut» *, но вообще отнесся к нему с большой симпатией.

Будьте здоровы, милый и добрый друг.

Ваш П. Чайковский.

70. Чайковский—Мекк

1879 г. мая 6—13. Браилов.

Браилов,
6 мая.
Воскресенье.

Совершил вчера чудесную прогулку в Тартаки. Если Вы помните, милый друг, это моя самая любимая из всех здешних прогулок. Особенно люблю я одну тропиночку, идущую вдоль глубокого оврага среди густой и сочной растительности, пребывающей в своей первобытной свежести постоянно, так как ветер не заносит сюда пыли, а прохожих тут почти не бывает. Ветви кустарников сплелись здесь так густо, что местами нужно пролезать под ними. Цветов здесь всегда множество, и чудная лесная тишина нарушается только птичками. Чудные ощущения навевает эта лесная тишина и прохлада. Один из столпов современной музыки, Р а ф ф, пытался изобразить пре-

* «Старик слишком добр»

лесть и раздолье леса в симфонии «Im Walde», и местами это ему очень удалось. Особенно в первой части есть три раза повторяющийся великолепный гармонический ход с перекликающимися валторнами, который всегда переносит меня в лес со всеми его очарованиями. Многие деревья еще не распустились. Давно не было дождя, почва очень суха, и потому все же лес вообще еще не имеет той полной прелести, какою я наслаждался там в прошлом году. Вообще для полей, для леса, да и для людей теперь очень был бы желателен дождь, который освежил бы воздух и дал бы сильный толчок растительности. К сожалению, барометр упорно поднимается, на небе нет ни единого облачка, и весьма может статься, что бездождие еще продолжится.

Чай пил на Вашем месте, около большого дерева, весьма удачно защищавшего и от солнца и от ветра, все-таки не перестающего дуть. Возвратившись домой, еще долго ходил по парку и вслушивался в концерт, который задают теперь по вечерам соловьи. Их необыкновенно много в нынешнем году. За ужином Марсель сообщил мне о предстоящем приезде управляющего. Дай бог, чтобы он оказался полезным человеком! После ужина играл Шумана, а именно, его чудную G-moll'ную сонату.

Понедельник, 7-го.

Сейчас прочел Ваше письмо, посланное с г. Т а р а ш к е в и ч е м! Ваше предложение пожить в С и а м а к а х невыразимо взволновало меня, мой добрый друг! С одной стороны, подобная жизнь составляет идеал того, что я могу желать, и у меня нет сил отказаться от этого. С другой же стороны, передо мной встает целый ряд препятствий, смущающих меня.

1) Это нанесет чувствительное разочарование и огорчение к а м е н с к и м родным, твердо рассчитывавшим на то, что почти все лето я проведу у них. Для младшего поколения особенно мое отсутствие будет большим горем. Живя в Каменке, я олицетворяю собою хроническое стремление как можно чаще уезжать из нее на чистый воздух, в лес, и во всех наших общих прогулках я играю самую влиятельную роль. Кроме того, Лев Васильевич рассчитывал на меня, что, в случае если сестра решится поехать в Крым, я буду сопровождать ее.

2) У Анатолия летом бывает двухмесячный отпуск, который он всегда проводит со мной в Каменке. Положим, что Вы бы, конечно, позволили мне взять его в С и а м а к и, но мне опять-таки совестно отнимать его от Каменки и таким образом вдвойне огорчить каменских жителей.

3) Очень может быть, что дело по поводу развода примет, наконец, серьезный характер, и тогда—кто знает! — придется, может быть, часть лета провести в Москве или в Петербурге.

4) И самое неважное из препятствий то, что я обещал провести недели две у старого своего товарища К о н д р а т ь е в а в Харьковской губернии. С незапамятного времени я проводил там ежегодно несколько недель летом. Меня прельщает там чудесное купанье. Я сговорился с Анатолием, что мы съедемся там, когда он получит свой отпуск, и, проведя несколько дней вместе, отправимся в Каменку.

Вот, милый друг, обстоятельства, которые заставляют меня грустно поникать головой и не решаться на предложение Ваше ответить сейчас же, как того требует мое сердце: «Д а! с в о с т о р г о м! с б л а ж е н с т в о м!» Быть может, если б я знал раньше, что подобная комбинация возможна, я бы сумел устранить все эти препятствия. Досаднее всего то, что я нахожусь в неизвестности относительно того, когда будет отпуск Анатолия, когда и будет ли вообще иметь ход дело о разводе, поедет ли сестра в Крым и нужен ли я ей.

Но вместе с тем то, что Вы мне предлагаете, есть такое полное осуществление моих самых заветных желаний, что я решительно не в состоянии окончательно отказаться от надежды хоть один месяц провести в гостях у Вас. Поэтому, милый, добрый друг, позвольте мне, ради бога, отложить свой ответ на чудное предложение Ваше до возвращения в Каменку. Мне необходимо сначала получить недостающие сведения, необходимо сообразить свое время с разными побочными обстоятельствами, и тогда я, может быть, в пределах между 15 июня и 15 сентября найду хоть один месяц, который можно будет отдать для осуществления страстного желания моего пожить вблизи Вас, в уютном домике, среди тенистого сада, вблизи леса, на берегу чудесной речки! Боже мой! да ведь это полнейшее осуществление самых идеальных моих мечтаний! [1] Я не был в Спамаках, но очень хорошо помню, что проезжал мимо по направлению от завода к Браилову, помню холмистый лесочек вблизи фольварка и помню, что Ефим сообщал мне о том, что тут жила одно лето графиня Беннигсен. С сегодняшнего дня это место получило в моих глазах новую прелесть. Дело в том, что Марсель сегодня утром принес ко мне чудный душистый букет великолепнейших ландышей. Я вскрикнул от неожиданного сюрприза и удовольствия. Оказалось, что ландыши произрастают из всей здешней местности только в одном уголку, и именно, в саду Спамакского ф о л ь в а р к а!!!

Я ездил вчера в лес около пасеки. Погода все-таки не совсем хорошая, т. е. ветер не умолкает, сухость воздуха непомерная и дождь все более и более желателен. Тем не менее в лесу все-таки очаровательно хорошо.

Вчера я имел с Марселем разговор по случаю разрешения правительством достроить к о с т е л, который начат стройкой очень давно и не мог быть окончен вследствие запрещения правительством достраивать. Теперь разрешение вышло, и ксендз имеет средства довести постройку до конца, но тут являются затруднения, которые Вы один можете разрешить. Около стен костела находятся в настоящее время экономические строения, которые необходимо перенести. Я был в прошлом году в часовне, где происходит католическая служба, и должен сказать совершенно искренно, что был немножко неприятно удивлен доказательством явного гонения католиков. Нельзя себе представить ничего более жалкого, как эта мизерная часовня, не вмещающая в себе и десятой части всех прихожан. Между тем, я в душе всегда был самым решительным поборником полнейшей свободы совести. Нельзя мешать людям молиться по какому бы то ни было обряду. Вот почему я весьма радуюсь, что ксендз добился разрешения достраивать костел. А так как Марсель сообщил мне, что ксендз не решается беспокоить Вас просьбами, то я возгорелся желанием помочь ему, и поэтому (быть может, очень некстати) беру на себя смелость предупредить Вас, что брайловские католики рассчитывают на Вашу доброту и робко надеются на дозволение перенести экономические строения, мешающие костелу, в другое место. Если окажется, что это невозможно, то простите мне, добрый друг, за неуместность моего адвокатства в пользу католиков.

Вторник, 8-го.

Не знаю, почему чувствую маленькое нездоровье: легкий озноб и неохоту что бы то ни было делать. Вчера никуда не ездил, совершил большую пешую прогулку, а чай просил устроить в Мариенгай. Погода вечером была чудесная, и так как мне сказали, что для бураков дождь теперь совсем не нужен, то я примирился с безоблачным небом и бездождием. Сегодня погода сероватая и пахнет дождем, но барометр стоит неподвижно на beau-fixe *. Ежеминутно думаю о С и м а к а х (так называет этот фольварк Марсель) и о прелести предстоящего мне, может быть, гощения там. Очень раздражаюсь от неизвестности касательно тех обстоятельств, от которых зависит решение вопроса: когда

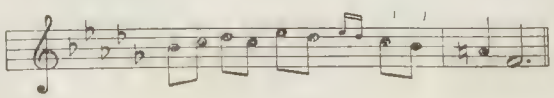
* хорошей погоде

и надолго ли мне будет можно поселиться в милом уединении вблизи Вас. Сейчас перечитывал Ваше письмо и умилялся. Вы как бы у п р а ш и в а е т е меня согласиться на предложение, в котором заключается для меня столько ни с чем не сравнимой прелести! Можно подумать, что Вы просите меня о принесении какой-либо жертвы! Ах, милый друг, более соблазнительных условий летней жизни я и представить себе никогда не мог! Но дело в том, что подобная форма жизни требует полного мира на душе, и я только тогда решусь попросить Вас сделать распоряжение о приготовлении для меня этого помещения, когда устраню все, что могло бы смущать то счастье, которое жизнь у Вас, вблизи Вас и при столь благоприятных условиях местности, должна причинять мне.

По правде сказать, я немножко побаивался нового управляющего, т. е. страшился мысли, что он, в качестве учтивого поляка, навестит меня. Но, слава богу, он как бы не замечает моего существования рядом с ним и оставляет меня попрежнему безгранично свободным.

Среда, 9 мая.

Несмотря на маленькое нездоровье, ездил вчера во Владимирский фольварк. Дубы в лесу стоят еще голые, и поэтому я пил чай не на прошлогоднем Вашем месте близ реки, а под березами, на прежнем месте. Лег спать очень рано. Мой Алексей тоже нездоров; у него был вчера сильный жар. Это результат непослушания. Я говорил ему, что купаться еще рано, но он меня ослушался и теперь наказан. Впрочем, нам обоим сегодня гораздо лучше. Я ощущаю только какую-то слабость, лень и ломоту в теле. Погода сегодня чудесная: тепло, ясно, но дождя все-таки не было и не предвидится. Ефим предлагает сегодня поехать в какой-то далекий лес за Симаками, говоря, что там отлично. Мы поедем ранее обыкновенного, т. е. в три часа. Сейчас я был в церкви, в монастыре. Народу как в церкви, так и на монастырском дворе, многое множество. Слушал лирное пение слепых. Оно называется лирным по названию аккомпанирующего инструмента—л и р а, которая, впрочем, с античной лирой ничего общего не имеет. Замечательно, что все слепые певцы в Малороссии поют один и тот же вечный напев и с тем же напгрышем, Я отчасти воспользовался этим напевом и в первой части моего фортепианного концерта [2]:



Теперь сижу на балконе и пишу Вам. Передо мной букет ландышей, доставленных Ив[аном] Ив[ановичем] из Симаков. Не наглядюсь я на это очаровательное произведение природы!

Четверг, 10 мая.

Вчера я был настолько нездоров, что должен был воздержаться от прогулки. Утром мне было совсем хорошо, но к обеду я опять почувствовал себя больным и слабым. Пробыл весь день на диэте. Улегся спать очень рано. Спал великолепно и сегодня могу, кажется, считать себя окончательно выздоровевшим. Погода стоит чудная, и я совершу большую поездку в лес.

Пятница, 11 мая.

Ничто не может быть очаровательнее той поездки, которую я совершил вчера. Мы ехали через Людавку. Уже подъезжая к этому селу, я замечал, что встречные мужики имеют какой-то не хохлацкий внешний вид. Но удивлению моему не было пределов, когда, въехавши в село, я увидел настоящих русских мужичков в красных рубашках и высоких ямщицких шляпах. Так как был праздник, то все население наслаждалось бездействием и или ходило по улице, или сидело около изб и кабака. Красный цвет в одеждах как мужчин, так и женщин, преобладал. Лица оказались совсем не хохлацкого типа. Наконец Ефим мне объяснил, что это старообрядцы и что они не крестьяне-собственники, а Ваши арендаторы. Так как я с детства питаю особенное сочувствие к великорусскому элементу, то вид этой колонии старообрядцев чрезвычайно обрадовал меня и в то же время заинтересовал. Мне очень бы хотелось знать краткую историю этой колонии. Ни Ефим, ни Марсель не могли мне дать по этой части никаких точных сведений. Замечательно, что в том же селе живут и туземцы и что никакого слияния не последовало; и великорусс и хохол сохранили, живя рядом, во всей неприкосновенности свои характеристические черты. Когда переселились эти люди сюда? Добровольное или насильственное было переселение? Как мне ни совестно предлагать Вам вообще вопросы, но на сей раз любопытство берет верх, и я решаюсь побеспокоить Вас, милый друг, прося сообщить мне хотя бы самые краткие сведения по этому предмету.

Потом Ефим свез меня в Людавский лес. Восторгу моему при въезде в этот чудный, тенистый, густой и ароматный лес не было границ. Часа два я бродил вместе с Алешей и если б не страх заблудиться, то, не чувствуя ни малейшей усталости, мог бы еще несколько часов рыскать по всем направлениям в этом дивном и необычайно разнообразном лесу. Пришлось од-

нако воротиться к Леону, ожидавшему меня с самоваром. Сидя в густой тени и услаждая себя любимым напитком, я возымел мысль последний день перед отъездом, т. е. субботу, провести весь в Людавском лесу и, сообщив сие желание Леону, Ефиму и Алеше, встретил с их стороны живейшее сочувствие. Вообще по этому случаю я должен заметить, что Леон и Ефим чрезвычайно приятные компаньоны при моих лесных поездках. Видно, что они при этом не только исполняют возложенную на них обязанность, но и сами наслаждаются. На возвратном пути я пожелал проехать через С п а м а к и и, насколько возможно, осмотреть место, дом и сад. Так мы и сделали. В дом я не входил, так же как и в сад, ибо жена Ивана Ивановича была дома. Но объехал двор, заглянул в сад, и этого беглого осмотра было вполне достаточно, чтобы оценить всю прелесть моего будущего жилища. Ах, друг мой, дорогой, если б Вы только знали, как пленяет меня надежда на осуществление Вашей чудной мысли! Это такой милый, уютный и тихий уголок!

Поздним вечером вдали где-то шумела сильная гроза. Но до нас туча не дошла. Сегодня день серенький, но так как барометр упорно стоит на месте, то не думаю, чтоб был дождь.

Суббота, 12 мая.

Погода к вечеру разгулялась. Я ездил на с к а л у. Мост готов, и таким образом две чудесных прогулки соединились в одну. Возвратившись, долго ходил по парку и наслаждался дивным заходом солнца. К счастью, удалось избегнуть немца-садовника, который не упускает случая, завидевши меня, чтобы пристать со своими разговорами. Я воспитал в своем сердце лютую антипатию к этому маленькому, гаденькому немцу. Может быть, он хороший садовник, но должен быть премерзкой личностью. Он вечно на всех и на все жалуется, выхваляя свое усердие и способности. Нет никакого сомнения, что если он не осмелится приставать во время прогулок к Вам, то у него хватит наглости обратиться со своими сплетнями к другим членам Вашего семейства, и потому, друг мой, предупреждаю Вас, что нужно отдать ему приказание, чтобы он занимался своим делом, а не сплетнями и жалобами на всех и все.

Сейчас отправляюсь на целый день в Людавский лес. День удивительный. Вчера опять где-то вдали гремело, но до нас не дошло. А жаль! Дождь нужен для хозяйства, но даже и для прогулки хорошая гроза с ливнем, если б она случилась ночью, была бы нелишнею. Она бы довершила прелесть этих ни с чем не сравнимых майских дней. Как я рад, что Вы еще застанете в полном цвету сирени!

Воскресенье, 12-го.

Не вполне удалась моя вчерашняя дневная поездка в лес. Сначала было удивительно хорошо, но вскоре после обеда начала ползти грозовая туча, которая наконец разразилась сильной грозой. Пришлось уехать. Ливень был весьма значительный, но он попал только на лес и отчасти на Людавку. В Браилове же, как оказалось, не было ни капли дождя.

Через полчаса я уезжаю. Я сохраню и об этом пребывании в Браилове такое же светлое воспоминание, как и о предыдущих. Благодарю Вас, милый, добрый друг! Принимая меня к себе в Браилов, Вы доставляете мне не только ни с чем не сравнимое удовольствие, но положительное б л а г о для моего физического и нравственного благосостояния.

Дай Вам бог хорошо провести лето. Из Каменки вскоре напишу Вам. Еще раз благодарю Вас, дорогой друг мой.

Ваш П. Чайковский.

Я и забыл поблагодарить Вас и Юлью Карловну за «Русскую старину». Потрудитесь передать ей мое приветствие, Милочке нежный поцелуй и Пахульскому поклон. Что он делает?

71. Мекк—Чайковскому

Браилов,
15 мая 1879 г.

Мой дорогой, несравненный друг! Благодарю Вас бессчетно раз за дорогой дневник Ваш, который я нашла в Браилове и который читала с неописанным наслаждением. Мне очень, очень печально, что я не могу сейчас же устроить для Вас резиденцию в Симаках. Ехавши из Москвы, я так мечтала об этом, так восхищалась при мысли, что это, быть может, состоится и потому благодарю Вас еще от всей души, бесценный мой. за то, что Вы не отнимаете у меня надежды на осуществление такой роскошной мечты. Но, конечно, я прошу об этом только в том случае, если это н и к о м у и н и м а л е й ш е г о горя не доставит, тогда я буду счастлива.

Как я рада, что нахожусь в своем милом Браилове, да еще и сейчас послэ Вашего пребывания в нем. С каким невыразимо приятным ощущением я вхожу в Ваши комнаты, милый друг мой, мне кажется, что в них все еще полно Вами. Я смотрю на кушетку и наслаждаюсь мыслью, что т о л ь к о ч т о Вы на ней лежали: подхожу к кровати и думаю, что две ночи назад Вы на ней с п а л и и х о р о ш о спали, как Вы мне говорите, а мне всегда так хочется, чтобы Вам было в с е хорошо в Браилове. Мой новый управляющий, как действительно вежливый поляк, наверное сделал бы Вам визит, если бы я не предупредила его очень обстоятельно, что Вас беспокоить нельзя. Садовника я прикажу рассчитать, потому что таких личностей в нравственном отношении я терпеть не могу да и в

его специальном деле я им недовольна. Денег тратит больше всех своих предшественников, а погубил померанцевые деревья и декорировать совсем не умеет....

Как мне жаль, что я не могу исполнить Вашего желания, дать Вам сведения о старообрядской колонии. Я сама об них ничего не знаю, но спрошу Ив[ана] Ив[ановича] и еще кого-нибудь и тогда сообщу Вам.

Портрет Милочки акварелью, о котором Вы спрашивали, милый друг мой, сделан в Париже фотографом Touranchy. Он сделал мне портреты всех детей, т. е. четверых маленьких, и все сделал великолепно. Если Вы будете жить в Симаках, я пришлю Вам показать Сонин портрет, он очень хорош.

Благодарю Вас искренно и глубоко, мой дорогой друг, за Ваше желание помочь мне по Браилову посредством советов Льва Васильевича и сейчас же попрошу Вас сделать ему вопрос, если можно это узнать, почем ему обходится самому пуд сахару на заводе.

Мне было бы очень приятно, чтобы Анатолий Ильич погостил с Вами в Симаках, мне чрезвычайно симпатично все Ваше семейство.

Ваши ландыши стоят и теперь в Вашей гостиной, и я прихожу к ним вдыхать аромат их.

По поводу Вашего ходатайства о к о с т е л е, дорогой мой, мне очень приятно, что я могу угодить Вашему желанию, и сделаю все, что от меня зависит.

Как мне жаль, что Вы хворали в Браилове, мой милый друг; а Monsieur Алеша достойно наказан, как непослушный ребенок; в мае еще очень опасно купаться.

Я хотела Вам написать несколько слов и не заметила, как написала три листка.

До свидания, дай бог, чтобы до скорого. Жду с нетерпением Вашего ответа, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

72. Чайковский—Мекк

Каменка,
16 мая 1879 г.

Насколько приятно проводить время в Вашем милом Браилове, дорогой друг мой, настолько же неприятно путешествие оттуда сюда, и наоборот. Это оттого, что нужно полтора часа сидеть в Казатине и переходить там в другой вагон и затем ш е с т ь ч а с о в в Фастове! Это сиденье в грязном, полном жидами вокзале в высшей степени противно. В довершение неприятности случилось, что на этот раз шел дождь, так что нельзя было, по крайней мере, пользоваться чистым воздухом. Зато я был вознагражден тем, что в течение двадцати минут стоял рядом с Вами, когда пришел киевский поезд. Я тотчас же узнал Ваш вагон по буквам Л. Р.* и по тому, что все занавески были

* Либаво-Роменская [жел. дорога]

спущены. Вы, вероятно, уже спали в это время. Я надеялся, что из вагона выйдет Пахульский, с которым мне очень приятно было бы увидеться и узнать от него о Вашем здоровье, но он, вероятно, тоже уже спал. После Вашего отъезда пришлось еще около часу ждать. Дождь лил и наводил уныние. Но когда я проснулся станции за четыре от Каменки, то наступило уже чудное, ясное и безветреное утро. Приехавши домой, узнал, что у нас не все благополучно. У маленького Юрия была сильнейшая гастрическая лихорадка. Сестра имела вид опять усталый и изнуренный. Теперь и Юрий уже выздоравливает, и она оправляется. В мое отсутствие перепадали частые дожди, и цветы в садике, в насаждении которых и я принимал участие, сделали огромные успехи. Но, увы! сирени отцвели, и ландышей больше нет! Некоторым утешением могут служить белые акации, которые теперь в полном цвету и упитывают воздух своим чудным ароматом. В хозяйстве здесь ужасное бедствие. Серые жучки, которые к Вам в Подольскую губернию еще не перебирались, здесь с каждым годом появляются в увеличивающейся пропорции, и в нынешнем году их до того много, что в канавках, вырытых около поля, их собирают лопатами. К счастью, теплые дни и частые дожди так благоприятны для растительности, что, несмотря на изуродованные и почти целиком объеденные листья, бураки все-таки растут, но качество их от недостатка листьев сильно пострадает. Во многих местах пришлось делать пересев. Бедный Л[ев] Вас[ильевич] в большом горе. Обыкновенные меры против жучков, т. е. собирание их детьми, на этот раз не помогают, так как их слишком много.

Вчера я принялся за работу и хочу трудиться с большим рвением, дабы к осени партитура была вполне готова. Кто знает, может быть, удастся в нынешнюю же зиму добиться постановки! По крайней мере, Юргенсон намерен усиленно хлопотать об этом. Живо представляю себе то оживление, которое царит в браиловском доме. Если погода при Вашем въезде в Браилов была так же хороша, как здесь, то воображаю, как было приятно Вам, милый друг мой, увидеть дом Ваш и сад со столь роскошно цветущей в нем сиренью!

Еще раз благодарю Вас, Надежда Филаретовна, за чудные дни, проведенные в Браилове. Как я хорошо отдохнул у Вас! Как благотворно на меня всякий раз действует жизнь в Вашем доме! Спасибо Вам, друг мой. Дай бог, чтоб Вам было хорошо, чтоб Вы были здоровы и веселы.

Ваш П. Чайковский.

Если позволите, я буду Вам писать еженедельно раз. Я вообще хочу теперь на время, пока кончу оперу, распределить свои занятия и между прочим переписку самым правильным образом. Я буду писать Вам каждую среду.

Кланяйтесь, милый друг, Ю[лье] К[арловне], Милочке, Пахульскому и вообще Брандову. Не знаю, писал ли я Вам в моем брандовском письме, что не могу достаточно нахвалиться ласковою услужливостью, которую, как всегда, оказывал мне Марсель.

73. Чайковский—Мекк

1879 г. мая 17—18. Каменка.

Каменка,
17 мая.

Сегодня утром я послал к Вам письмо, милый друг мой, но тотчас после этого получил Ваше и спешу ответить Вам.

Относительно Симаков скажу Вам следующее. Конечно, Вы не сомневайтесь, друг мой, что, помимо крайней соблазнительности предлагаемого Вами, я ни за что на свете не хотел бы итти наперекор какому бы то ни было желанию Вашему. Я отлично знаю, что, приглашая меня в Симаки, Вы руководитесь желанием доставить мне возможность пожить и поработать при самой симпатичной для меня обстановке. Нужно ли говорить, как я ценю Ваши бесконечные заботы обо мне! Но не правда ли, что Вы не рассердитесь на меня, если я и теперь все-таки еще не решусь попросить Вас приказать приготовить мне помещение? Дело в том, что, если б я сейчас же сообщил моим сожителям намерение мое вскоре опять надолго уехать, я бы причинил им очень чувствительное огорчение, а мне этого крайне не хочется. Именно теперь, именно летом, мое присутствие здесь особенно ценится, и так как все рассчитывали на меня, то мой отъезд был бы неприятным сюрпризом для всего семейства. Я все жду, чтоб обстоятельства хорошенько разъяснились. Поедет ли сестра в Крым? Когда получит свой отпуск брат Анатолий, и как сделать, чтоб пробыть все свободное его время с ним, не отнимая его вместе с тем от Каменки? Все это до сих пор еще неизвестно. Откровенно Вам скажу, милый друг, что меня тревожит то обстоятельство, что я не вполне сообразуюсь с выраженным Вами желанием, не отвечая решительно на предложение Ваше. Знаю, что Вы не будете сердиться на меня, и все-таки мне нужно, чтобы Вы были так добры и сказали бы мне это, иначе я буду смущаться и беспокоиться. Еще я попрошу Вас разъяснить мне следующее. Все ли лето домик в Симаках будет свободен?

Боюсь, что если я теперь еще не могу указать времени, когда займу его, то этим стесняю Вас, и что Вы могли бы дать ему другое назначенье? Совсем отказаться от мысли пожить у Вас я теперь не в силах, а выбрать удобное время не могу до тех пор, пока не разъяснятся смущающие меня обстоятельства, и вот, чтобы примирить все это, мне хочется, чтобы Вы только сказали мне, что я свободен относительно выбора времени и что во всяком случае Вы не будете сетовать на меня!

18 мая.

Я не мог отправить вчера этого письма, так как Л[ев] В[асильевич] возвратился поздно, и я только сегодня мог получить разъяснение насчет Вашего хозяйственного вопроса. Впрочем, прямого ответа он дать не мог, так как расчет еще не выведен. Но вот сведения, которые могут заменить прямой ответ: р а с х о д п р о и з в о д с т в а н а о д и н п р и н я т ы й в з а в о д б е р к о в е ц (п р и н и м а е т с я с п о л я в 12 пуд.) в 1877/78 г. составлял 1 р. 64 к., не считая цены свекловицы, и при цене дров в 20 р. сажень. За известь платят 35 к., за кости 35 к. При тех же условиях у Бобринских расход на берковец составлял 1 р. 60 к.

До свиданья, милый друг.

Ваш П. Чайковский.

74. Мекк—Чайковскому

Браилов,
21 мая 1879 г.
Духов день.

Сегодня цветочный праздник, у меня на столе стоит великолепный букет ночных фиалок и распространяет аромат по всей комнате. Я не знаю, знаете ли Вы эти цветы, мой милый друг? Это белый цветок на высоком стебле с чудным ароматом. Я не знаю его ботанического имени, но популярное его название есть н о ч н а я ф и а л к а. Мой букет вчера собрали мне дети во Владимирском лесу, куда мы ездили пить чай. Везде, где мы гуляем, катаемся, пьем чай, я непрерывно думаю о Вас, мой дорогой, несравненный друг. Вообще Браилов служит между нами такою связью, как никакое другое место; здесь более, чем где-либо, я чувствую нашу духовную близость и наслаждаюсь ею несказанно. Комнаты, которые Вы занимаете, утверждены уже в звании с п а л ь н и П е т р а И л ь и ч а и г о с т и н о й П е т р а И л ь и ч а. Деревья, под которыми мы оба пьем [чай] в Тартанском и Владимирском лесах, скамьи на скале, где мы оба сидим, те же соловьи, которых мы оба слушаем, все, все есть н а ш е о б щ е е, все связывает нас, все делает нас еще ближе друг к другу. Боже мой, сколько в этом счастья!

Вы обещаете, милый друг, писать мне каждую среду, я буду этим очень счастлива, но прошу Вас, дорогой мой, если для Ваших занятий удобнее писать реже этого, то, пожалуйста, не стесняйтесь так поступить.

Я все-таки буду надеяться, что хотя Вы и пишете мне реже, но все же не забываете меня.

Вчера с почты привезли на Ваше имя с довольно оригинальным адресом письмо, которое я здесь и прилагаю. Если это не секрет, то скажите мне, от кого оно....

Как мне жаль Льва Васильевича, что у него опять явились жучки. Я теперь знаю, каково это, когда производится опустошение в полях.

Не знаете ли Вы, друг мой, неподалеку от Вас имение Браницких Белая Церковь? На меня напала фантазия купить это имение, хотя, я думаю, оно и не продается, потому что это родовое имение Браницких, и они, вероятно, не выпустят его из рук, а я все-таки мечтаю, что как было бы хорошо находиться еще ближе к Вам и в такой хорошей усадьбе. Пожалуйста, милый друг мой, если найдете возможность узнать у кого-нибудь, не продается ли оно и за сколько, примерно, то сделайте это для меня. Напишите мне, пожалуйста, дорогой мой, каким способом я могу послать Вам бюджетную сумму, по почте или с нарочным, т. е. с Иваном Васильевым.

Как жаль, что я не знала, что наши поезда скрестились в Казатине и что двадцать минут мы находились рядом. Я бы хоть в щелочку сквозь занавеску посмотрела на Вас. А я предполагала, что Вы выедете из Браилова тринадцатаго вечером. Сегодня мы едем в Спамаки пить чай, я очень люблю этот фольварочек. Мы очень часто после завтрака отправляемся в Мариенгай и сидим там до обеда. Я особенно люблю ездить во все те места, в которых Вы больше бывали. В Тартакском лесу мы также на-днях пили чай и гуляли по Вашей тропинке, милый друг мой. Во всех этих местах я до того чувствую Вас, что мне кажется, что Вы невидимо находитесь около меня, я ощущаю Ваше присутствие и мне сладко, хорошо невыразимо!...

Дети мои отдыхают вполне, еще не принимались за ученье. Пахульский играет на скрипке, но я ему также советую отдохнуть некоторое время. Он просил меня передать Вам его глубочайшее почтение. На-днях должен приехать Данильченко, в, как его называет мой швейцар в Москве; двадцать четвертого у него кончаются экзамены и двадцать пятого он должен выехать. Между прочими занятиями он будет аккомпанировать Юле для пения и уже начал это в Москве, причем затруднялся Вашими аккомпаниментами к романсам, но в конце концов справляется с ними. Он добрый, но во многом очень смешной хохол. До свидания, мой милый, горячо любимый друг. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Юля посылает Вам сердечный поклон.

75. Чайковский—Мекк

1879 г. мая 22—23. Каменка.

Вторник. 22 мая. 10 часов вечера.

У нас здесь настоящий лазарет. Дня четыре тому назад из Одессы приехал брат мой Ипполит на самый короткий срок и в тот же день заболел дифтеритом. Теперь ему лучше, но он выдержал очень тяжелый болезненный припадок и сильно изменился. Кроме того, больна племянница Вера, племянница Наташа и племянник Митя. У первой невралгия, у двух послед-

них жаба. Во всем этом ничего серьезного нет, но это заставляет мою бедную сестру быть постоянно на ногах. Она имеет опять крайне истомленный вид. Было предположение отправиться ей с двумя старшими дочками в Одессу и там пить воды, так как дома ей почти невозможно вести серьезное леченье, требующее покоя, которого она ни на минуту здесь не имеет. Теперь этот проект по разным причинам оставлен, и идет речь о найме дачи на южном берегу. Говорят, что это в нынешнем году представляет огромную трудность, что дачи очень дороги, неудобны да и мало их. Бог знает, как это все решится, но только с каждым [днем] все очевиднее делается, что сестре необходимо в течение лета уехать и отдохнуть.

Я стал заниматься очень усердно. Инструментовка оперы—занятие очень приятное, не требующее сильного напряжения, и могло бы приносить мне много удовольствия, если б я не имел слабости вечно торопиться и приходить в отчаяние от ограниченности времени и способностей. Хотелось бы кончить все в один миг, а между тем нужно несколько месяцев упорного труда, чтоб написать большую оркестровую оперную партитуру. Однакож первое действие дней через десять будет у меня готово.

Сейчас я приехал с Льв[ом] Вас[ильевичем] из Вербовки. Как жаль, что мы не переедем туда! Там сравнительно с Каменкой так хорошо, так тихо! Он не решается в нынешнем году перевозить семейство туда, так как это требует перевозки из Каменки всего дома и сопряжено вообще с большими хлопотами, а между тем сестра, по всей вероятности, все-таки куда-нибудь уедет. Бич здешней местности, с е р ы е ж у к и, и в Вербовке наделал много вреда свекловице, но не в той степени, как в Каменке, где пришлось все поля пересеять, и все-таки даже на пересеве это отвратительное животное упорно держится и уничтожает только что высунувшиеся из земли листочки. Одно спасение—необыкновенно благоприятная погода, способствующая бураку расти, несмотря на изуродованные и объеденные листочки. Говорят, что граф Бобринский предлагает значительный капитал тому, кто укажет средство уничтожить зловредное насекомое. Знаете ли, милый друг, что в 1875 г. серый жук и засуха погубили вконец свекловицу в Смеле у Бобринского и здесь, в Каменке, так что в том году производства на фабрике не было вовсе!

Среда, 23-го.
8 часов вечера.

Сегодня утром получил Ваше дорогое письмо, милый друг мой. Мне весьма приятно думать, что брапловские комнаты,

сад и леса напоминают Вам меня. Я же, со своей стороны, очень часто думаю о всех этих милых моему сердцу местах!

Я спрашивал Льва Вас[ильевича] насчет Белой Церкви. Он не слышал, чтоб она продавалась, но я наведу более точные справки и сообщу Вам о них. Лев Вас[ильевич] в прошлом году был там и рассказывал нам о необычайной красоте усадьбы и парка.

Письмо, которое Вы послали мне, написано не ко мне, но я его все-таки на всякий случай распечатал. Оно по-польски, и я не понимаю, в чем заключается. Прилагаю Вам его. Пусть прочитает Пахульский. Может быть, в нем заключаются какие-нибудь интересные для моего однофамильца сведения. В последнем случае, не правда ли, друг мой, следует возвратить его в Жмеринку, где, может быть, г. Виктор Чайковский сыщется. Между поляками моих однофамильцев очень много. Вероятно, я и сам польского происхождения, но в точности решительно не знаю, кто были мои предки[1]. Мне известно только, что мой дед был врач и жил в Вятской губернии, а засим мое генеалогическое древо теряется во мраке неизвестности. Очень может быть, что и г. Виктор Чайковский и тот однофамилец, который ежедневно публикует в «Моск[овских] вед[омостях]» об изобретенном им пластыре для мозолей[2],—мои отдаленные родственники.

Ночные фиалки, о которых Вы пишете, мне очень известны. Они очень обильно растут на севере; в июне и в Московской губернии их очень много. Их аромат очень приятен, но несколько притореи. Зато они чрезвычайно красивы, и так как растут тотчас после отцвета ландышей, то, когда случалось живать летом на севере, я утешался ими, и их белый цвет отчасти даже напоминал мне несравненный весенний цветочек, об отцвете которого я очень сокрушаюсь.

Если я не ошибаюсь, в Марпенгай, в самом конце, стоя лицом к дому, по правой стороне, у Вас есть великолепные белые акации. Цветут ли они теперь? Здесь они уже отцвели. Вообще в Каменке в нынешнем году все отцвело необыкновенно скоро; теперь в полном цвету жасмины, но я их не особенно люблю. Роз здесь очень мало.

Брату Ипполиту сегодня опять хуже, и он должен опять отложить свой отъезд, а между тем служебные обязанности призывают его в Одессу. Племянник и племянницы выздоравливают.

Относительно бюджетной суммы попрошу Вас, милый друг, прислать ее по почте (адрес: по Фаст[овской] жел. дор. на ст. Бобринскую, в Смелянскую

почтовую контору, оттуда в Кам[енку], П. И. Ч.), но только в том случае, если это не причиняет никаких затруднений. Во всяком случае, прошу Вас, друг мой, не посылать сюда Ив[ана] Вас[ильева]. Я совсем не желал бы отнимать его услуги от Вас хотя бы и на короткий срок. Ждать я могу сколько угодно. Если Вы найдете более удобным теперь не посылать мне денег, а подождать удобного случая, то, ради бога, не стесняйтесь тем соображением, что я, может быть, нуждаюсь. Еще раз повторяю, что ждать могу сколько угодно.

Засим, попросив Вас передать почтительный поклон Юлье Карловне, поцелуй Милочке и дружеское приветствие Пахульскому, остаюсь горячо Вас любящий

П. Чайковский.

Пожалуйста, побывайте в Людавском лесу. Что за роскошь!

76. Мекк—Чайковскому

Браилов,
23 мая 1879 г.
8 часов утра.

Я так же, как и Вы, только что послала свое письме к Вам на Жмеринку, как par retour du courier* получила Ваше, мой милый, дорогой друг, и спешу написать Вам, чтобы относительно меня Вы были совершенно спокойны и не смущались ничем: домик в Симаках ни для кого и ни для чего другого не предназначается, и Вы совершенно свободны в выборе времени обитания в нем. Одно только обстоятельство относительно времени меня немножко смущает, это то, что если я поеду за границу, то это будет 1 августа, и потому, если Вы согласитесь погостить у меня в Симаках, то я бы, конечно, желала, чтобы это было за достаточно длинный срок до моего отъезда, т. е. чтобы это исполнилось между 1 июня и 1 августа, хотя повторяю при этом, что вопрос о заграничной поездке далеко не решенный, и я предпочитаю, чтобы она не состоялась. Поэтому опять-таки ничем форсировать для этого не надо....

Если Вы приедете в Симаки, мой милый друг, я пришлю Вам прочитать это сочинение Буша «Бисмарк и его люди за время войны с Францией». Это особенно интересно читать теперь, пока почти еще все герои книги находятся на жизненной арене, существуют и действуют еще.

До свидания, несравненный, дорогой мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

---

* с обратной почтой

77. *Чайковский—Мекк*

1879 г. мая 29—30. Каменка.

Каменка,
29 мая 1879 г.

Какое благодатное лето стоит в этом году! Оно одинаково благоприятно и для хозяйства и для прогулок. Жучки, которые одно время грозили серьезной опасностью для свекловицы, внезапно исчезли, и хотя во многих местах листья сильно попорчены, но это не мешает буракам расти превосходно.

Вообще урожай во всех отношениях будет превосходный. Пшеница великолепная, рожь тоже. По поводу хлеба мне хочется сказать Вам, милый друг, следующее. Я внимательно читал речи Бисмарка по случаю пошлины на хлеб, а также все, что писалось об этом предмете в газетах [1]. Очень много говорят теперь о том значении, которое должна получить Либава как порт, которому суждено вследствие пошлины заменить Кенигсберг и другие немецкие порты. Бисмарк толкует, что Либава не опасная соперница прусским торговым портам, так как в ней нет крупного купечества и соответственного капитала. Другие говорят, что его возражение неосновательно и что купцы и капиталы явятся. Но мне очень интересно знать, как Вы на это смотрите и имеет ли Ваша Либ[аво]-Ром[енская] дорога шансы вследствие нового порядка разбогатеть. Мне очень приятно было бы узнать от Вас, что Вы об этом думаете и как отразится, по Вашему мнению, боевая пошлина Бисмарка на Ваших частных делах. Как я желал бы, чтоб Бисмарк ошибался, чтоб Россия ничего не проиграла от его выдумки и чтоб ему же пришлось раскаяться в своих каверзах против русской торговли и промышленности! Я мало смыслю в этих делах, но мне кажется, что теперь следовало бы наложить самые тяжкие пошлины на немецкие товары. Я вообще протекционист, и с моей дилетантской точки зрения мне кажется, что мы только можем выиграть от самой строгой запретительной системы.

Дня четыре тому назад здесь появились тучи мошек, значительно отравляющие прогулки. Утверждают, что они исчезнут дней через пять-шесть и что это случается довольно часто, хотя и не каждый год. Когда мы сидим в лесу, приходится зажигать костер для защиты от этих назойливых насекомых.

Насчет Белой Церкви я могу сказать Вам самым положительным образом, что она не продается. По крайней мере, никто здесь об этом никогда не слышал. Граф Браницкий, которому она принадлежит, почти каждое лето сам живет в своем великолепном замке. Я и рад и не рад, что Вы не можете

приобрести это имение. Разумеется, очень приятно было бы видеть в Ваших руках такое великолепное имение, притом близкое к Каменке, но мне жаль было бы Браилова, которое сделалось для меня чем-то родным и близким. Если б Вы приобрели Б е л у ю Ц е р к о в ь, то уж не стали бы, вероятно, жить в Браилове! Марсель говорил мне как-то, что Карл Федорович имел в виду когда-то соединить Марпенгай с садом. Вот это было бы крайне желательно, хотя, к сожалению, я понимаю, что план этот имеет много неудобств, и прежде всего это затруднило бы сообщения, так как пришлось бы уничтожить дорогу, идущую параллельно с парком.

Сегодня я окончил первое действие оперы. Партитура вышла объемистая. Какое наслаждение рассматривать свою уже вполне готовую партитуру! Для музыканта партитура не только коллекция разнообразных нот и пауз, а целая картина, среди которой ясно выделяются главные фигуры, побочные и второстепенные, и, наконец, фон. Для меня всякая оркестровая партитура— не только предвкушение будущих удовольствий органов слуха, но и непосредственное наслаждение органов зрения. Поэтому я педантически соблюдаю чистоту в партитурах своих и не терплю в них поправок, помарок, чернильных пятен. Нужно мне будет непременно когда-нибудь похвастать перед Вами, милый друг, моим нотным чистописанием, и я при первом удобном случае покажу Вам одну из своих партитур. Если, как я думаю, мне удастся побывать в Симаках, то непременно пошлю Вам посмотреть партитуру оперы.

30 мая.

На меня во время прогулки сегодня напало стадо мошек. Ничего подобного я еще не испытал в жизни. Целая черная туча их летала над моей головой, садилась в волоса, уши, глаза, нос и рот. Напрасно я курил три папиросы сряду, напрасно бежал, вертел платком и махал руками. Это было что-то ужасное. Целые сотни их остались у меня в волосах, на шее, на спине. Наконец я должен был спрятаться в пшеницу и укрыться с головой до тех пор, пока они, наконец, не оставили меня. Говорят, что если случится сильный дождь, то они исчезнут. Я приговорен теперь для своих прогулок оставаться в пределах сада, который здесь имеет мало прелести, до тех пор, пока опасность от мошек минует.

Юргенсон пишет мне, что вел. кн. Константин Николаевич просил Рубинштейна дать ему случай прослушать «Е в г е н и я О н е г и н а» и что Н[иколай] Г[ригорьевич] обещался устроить все представление 13 июня[2]. Из этого следует, что всю

бедную консерваторию, по крайней мере, тех, которые участвуют в исполнении оперы, задержат до 13 июня. Вероятно, и Данильченко не попадет к Вам раньше 15 июня. Сегодня я принялся за второе действие, но работал мало, так как мы ездили все в Вербовку. Как мне жаль, что мы живем не в Вербовке. Там так тихо, воздух так чист, так пахнет деревней!

До свиданья, дорогой, милый, добрый друг! Дай бог Вам всяких благ и, главное, здоровья.

Ваш П. Чайковский.

Юлье Карловне сердечный поклон, Милочке поцелуй, а также и ее новой кукле. Пахульскому дружеский поклон.

78. Мекк—Чайковскому

Браилов.
3 июня 1879 г.

Я давно Вам не писала, мой милый, несравненный друг, и случилось это потому, что это время я имела так много писанья по делу, что уже не в состоянии была писать для удовольствия. Благодарю Вас очень, очень за Ваши дорогие письма; я теперь с нетерпением жду субботы,—дня, когда они приходят. Я очень радуюсь, что Ваша работа с оркестровкою оперы идет так успешно, и очень было бы мне интересно видеть Вашу рукописную партитуру в ее парадном виде. Ужасно мне хотелось бы получить ее визит из Симаков. Мы теперь очень часто ездим туда: то вечером чай [пить], то в двенадцать часов завтракать. Там очень мило, садик такой тенистый, с балкона вид очень далекий, комнаты низенькие, уютненькие, в саду есть беседка совсем закрытая — там-то мы и завтракаем. Аллеи такие тенистые, что когда там жила Саша, то мы забавлялись делать пробу храбрости, чтобы в черную южную ночь пройти одному по этим аллеям, конечно, в то время, когда вся публика еще в сборе и в доме зажжены огни, и эту пробу не все выдерживали. Приезжайте, мой милый, дорогой, там только и недостает Вашего присутствия, чтобы оживить осветить это миленькое местечко.

В Людавский лес, который Вам понравился, друг мой, мы также всегда ездим и, вероятно, на то же самое место, в котором и Вы были; это большая поляна, окруженная лесом. Теперь еще мы не были, я жду Коли и Саши для этой прогулки. Вчера мы ездили на лодке до жидовского кладбища, там подъехали к берегу в тень, ели фрукты, на лодках же и вернулись домой к чаю. Мне бы очень хотелось развить в Вас охоту к катанью на лодке, друг мой. Вы не боитесь воды? Если Вы будете жить в Симаках, то я поставлю там для Вас прелестную, легонькую, как перышко, лодочку, и надеюсь, что Вам понравится это движение. Алексей умеет грести? Что, его общее образование продолжается?...

Вы как-то писали мне, Петр Ильич, что для Льва Васильевича служит загадкою, почему Браилов не даст дохода, то для меня-то это совсем ясно, потому что р а с х о д превышает доход. Вы не можете себе представить, как они здесь ищут, куда бы деньги истратить,—и это даже теперь, тогда, когда я уже значительно подтянула вожжи. Я привела Браилов к тому, что в прошлом году я все-таки имела чистого двадцать семь

тысяч рублей. Это, конечно, смешно и сказать, потому что очень мало, но ведь в первый же год после смерти моего мужа я приложила к браиловским расходам с в о и х д в е с т и т ы с я ч р у б л е й?!! Теперь же сахарный завод дает абсолютный доход, из которого экономия еще поглощает часть: так, в прошлом году фабрика дала дохода пятьдесят семь тысяч рублей, из которых экономия поглотила тридцать тысяч рублей. В нынешнем году фабрика даст сорок три тысячи дохода, из них экономия истребит до двадцати тысяч, а быть может, и ничего, потому что мой настоящий управляющий очень заботится об экономии, чем я и очень довольна, и к тому же он человек, получивший специальное агрономическое образование и знает очень хорошо свой предмет. А для образчика расточительности браиловской я расскажу Вам, что в настоящее время г-н Тарашкевич (новый управляющий) хлопочет уничтожить одно условие на работу, а именно: придумали они вычистить Новоселицкий пруд, и работа эта, как Вы думаете, сколько должна стоить?—от трех до трех с половиной тысяч рублей! Я спрашиваю, для чего же это надо? Мне отвечают: д а т а к, ч т о б ы в о д ы б о л ь ш е б ы л о, к р а с и в е е. И это на фольварке, на котором мы даже не каждый год бываем. Из этого Вы можете заключить, сколько тратят на те работы, которые действительно нужны. Там уже денег не считают (и при всем этом у меня и свекловица и пшеница в нынешнем году очень плохи), но я приведу это в порядок, в особенности, если управляющий окажется во всем удачным.

Письмо к г-ну Виктору Чайковскому я приказала послать ему. Оказывается, что на Жмеринке живет такое лицо, а они на почте все письма к нему шлют сюда, в Браилов. Насчет приведения в исполнение нашего бюджета скажите мне, милый друг мой, совсем без церемонии, можете Вы обойтись до того времени, когда Вы, бог даст, приедете в Симаки? Мне бы не хотелось посылать по почте, но только, пожалуйста, скажите, нисколько не стесняясь.

Что Ваш брат Ипполит уехал из Каменки? Это женатый и без детей? Где он служит?

Вы желаете знать мое мнение, милый друг мой, насчет тарифных изобретений ж е л е з н о г о к а н ц л е р а? Я их нисколько не боюсь и считаю, что они глупее его самого, хотя я вполне понимаю побуждение. Бисмарк — помещик и очень любит, очень няньчится с своим Ферзеном и хочет поднять доходность имений в Пруссии. Известно ли Вам, друг мой, что за границею вообще, кроме Англии, имения приносят не больше четырех процентов дохода? У моего зятя Беннигсена и его брата есть большой майорат, который они должны получить после смерти дяди, восьмидесятилетнего старика, в Ганновере и вблизи города Ганновера. Это отличное большое имение тысяч в триста талеров, которым всегда занимался старший из наследников, и оно приносит три и в редкий год четыре процента дохода. В числе наследников на это имение находится и Беннигсен, бывший председатель палаты депутатов Берлинского рейхстага и б ы в ш и й вожак партии национал-либералов. Он друг и товарищ по университету Бисмарка и, как Вы видели, изменил своей партии pour seconder les projets de son ami*. Этот Беннигсен очень умный человек, но родные его не любят. Ганноверский старик, дядя, не любит за то, что он пошел служить в Пруссии, т. е. изменил своему законному королю ганноверскому. А этот старик—легитимист, он был министром у покойного ганноверского короля и по его низложении не хотел иметь

* чтобы оказать содействие проектам своего друга

никакого дела с прусским правительством, хотя его очень приглашали там на службу, но il lui garde rancune jusqu'à présent*, и мой зять также всегда водил дружбу с ганноверским королем. Мы жили однажды в Биарице, где был также и этот король, и мой зять все ходил к нему в гости, чем тот, бедный старик, был очень доволен. Фамилия Беннигсенов есть германская, именно, ганноверская, но прадед моего зятя был на русской службе генералом и за храбрость и отличие в 1812 г. получил русское графское достоинство. Поэтому русские Беннигсены—графы, а прусские нет, хотя этому старику, дяде, ганноверский король предоставлял титуловаться графом, но тот этим не пользовался.

Но это все entre parenthèse**, а теперь я возвращаюсь к изобретениям Бисмарка и Либавскому порту. Замечание первого о безопасности для Пруссии Либавского порта весьма недальновидно, потому что Либавский порт есть р у с с к и й порт, а не местный Либавский. Туда повезут хлеб все торговцы северной и средней полосы России, потому что Либавский порт имеет то огромное преимущество перед всеми русскими портами, что он н и к о г д а не замерзает и круглый год открыт для судов. Либавский порт может совсем убить торговлю Кенигсберга или, правильнее сказать, порт Пиллау. Тарифная же мера г-на Бисмарка будет иметь одно только печальное последствие, это вздорожание самого необходимого продукта для народа — хлеба, так что он с своею выдумкою относительно страны попадает носом в чернильницу, а для своего Ферзена или Фарцена отчасти достигнет цели.

Для России же, что касается х л е б н о й торговли, я ничего не боюсь. Она всегда будет иметь сбыт по двум простым и ясным причинам: 1) Россия производит хлеба б о л ь ш е, чем потребляет, по малочисленности народонаселения, а 2) Западной Европе своего хлеба с каждым годом все больше и больше не хватает по многочисленности народонаселения, не пропорциональной относительно пространства земли. Следовательно, пусть Россия только старается побольше производить хлеба, а уж сбыт ему всегда будет, и как пункт отправления отлично удовлетворяет Либавский порт. Теперь, что касается выгод нашей дороги, то ей несомненно устройство порта принесет огромные выгоды, если он будет хорошо устроен, за что именно я очень боюсь, а чтобы объяснить Вам мой страх, необходимо изложить маленький тéхнический вопрос. Либавский порт имеет необыкновенно сильное волнение, вследствие чего и не замерзает, но это же волнение для обеспечения как работ во время сооружения порта, так и стоянки судов впоследствии, требует устройства так называемого préquator'a или волнолома. Сооружение это должно обойтись в два с половиной миллиона рублей, причем вся постройка порта обошлась бы казне в пять миллионов рублей. А так как наши правительственные деятели больше всего придерживаются системы подслуживаний и личных угождений, а не государственной пользы, то каждый министр и хлопочет больше всего о том, чтобы отличаться экономией в своем министерстве. Поэтому министр путей сообщения Посьет и оставил постройку préquator'a вопросом, а разрешил только устройство порта без этого сооружения, с тем чтобы во время работ наблюдать, есть ли в нем необходимость или можно обойтись и без него. Так вот теперь Вы и понимаете, милый друг мой, в каком я постоянном страхе за работы, которые уже производятся, и за благоустройство порта, от которого зависит будущность нашей дороги. Работы в одну несчастную бурю может

---

* он до сих пор сердится на него

** в скобках

все разметать, а в порт никто ничего не повезет, если безопасность судов не будет обеспечена. Как жаль, что министр Посьет не управляющим у меня в Браилове; здесь так надо экономию загонять.

Что касается протекционизма, то я не поклонница ему. Я предпочитаю брать хорошее там, где оно есть, и это не удивительно. Кто так много занимается и постройкою и эксплоатациею железных дорог, как я, тот отрешится от протекционизма и лучше пожертвует будущими выгодами своей страны от развития фабричной промышленности для сбережения в настоящем голов, рук и ног пассажиров железных дорог. Надо Вам сказать, что правительство также в видах протекционизма обязывает нас, железнодорожных строителей и эксплоататоров, брать русские рельсы и русский подвижной состав, тогда как английские рельсы и берлинские локомотивы в десять раз лучше наших и дешевле много. Но еще теперь и у нас стали лучше работать эти предметы, а десять лет назад они были никуда не годны, так что их было опасно употреблять, а правительство требовало известный процент брать с русских заводов,— так с тех пор я и пришла к такому вкусу, чтобы брать хорошее там, где оно уже есть, а не там, где когда-нибудь может быть.

Боже мой, сколько я Вам наговорила, у Вас не хватит терпения все прочитать.

Напишите мне скорее, мой милый, бесценный друг, что в такой-то день Вы приезжаете в Симаки. Господи, как я буду рада!

Ах, было и забыла сказать Вам свою радость. У Саши сын родился 1 июня; имени его еще не знаю. А второе, что на-днях Лида приедет сюда, возвращаясь из-за границы.

Насчет Данильченко Вы угадали, милый друг мой, что он приедет только в половине июня. Я очень рада, что великий князь так интересуется Вашими сочинениями. Данильченко написал мне об этом.

К сожалению, соединить сад с Мариенгаем совсем невозможно, потому что между ними лежит деревня, которую некуда убрать, а было бы это, конечно, очень хорошо.

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

79. Чайковский—Мекк

1879 г. июня 2—6. Каменка. 2 июня.

Сестра продолжает беспокоить меня. Начала она пить воды и через четыре дня должна была остановиться. Ее начали терзать ужаснейшие мигрени. Оказывается, что вследствие малокровия она не может переносить вод. Больна она постоянно, ежедневно и ежечасно. То печень, то удушье, то мигрень, то боль в боку вследствие болезни, называемой «reins flottants»*, то дурнота, нервные припадки и т. д. Бог знает, чем все это кончится! Сюда приехала сестра моего зятя из Крыма и

---

* блуждающая почка

уговорила сестру решиться переехать месяца на два в Крым, в Я л т у, где имеется в виду дача. Написали туда, и если дача свободна, то, вероятно, в июле совершится переселение в Крым. С какой охотой я отдал бы ей часть моего здоровья, которое в настоящее время находится, слава богу, в самом цветущем виде. Только бессонницей я немножко страдаю, как всегда летом.

Я получил от брата А н а т о л и я сведения относительно дела о разводе. Поверенный известной особы, тот самый, который посещал его зимой, был у него. Брат говорил ему, что нельзя вести дело с женщиной, которая упорно отказывается понимать, об чем с ней говорят (она написала недавно Анатолию письмо, которое, по совершенно полному отсутствию человеческого смысла, превосходит все прежние ее писания) и сегодня не хочет того, что хотела вчера. Поверенный этот, почему-то скрывающий свое имя и адрес, обещал, что известная особа подчинится всем формальностям и будет говорить и делать по его наущению все, что потребуется. Брат находит этого господина почти столь же тупым и непонимающим, как его доверительница. Они пришли к тому результату, что дело начнется осенью. А покамест он передал просьбу и з в е с т н о й о с о б ы об увеличении ее пенсии до разрешения дела. Я намерен отказать, ибо не следует потакать ее вымоганьям. Я, разумеется, сделаю со своей стороны все возможное, дабы добиться желанной цели, но почти уверен, что из всего этого опять ничего не выйдет [1].

4 июня.

От брата А н а т о л и я я получил известие, что, по всей вероятности, он получит отпуск на один месяц с 1 июля. Но это еще не совсем верно. В следующем письме он обещает дать мне положительное сведение. Сестра поедет в Крым 1 августа. Теперь, чтобы составить план распределения времени на лето, мне бы еще очень хотелось узнать наверное, едете ли Вы за границу и если едете, то 1-го ли августа.

С сегодняшнею почтой я посылаю Вам, милый друг мой, напечатанные скрипичные пьесы, посвященные Брандову. Очень может быть, что у Вас их еще нет в печатанном виде. Напечатано весьма изрядно. На этих днях я делал корректуру н а ш е й симфонии,—ч е р е з д в а г о д а п о с л е е е с о ч и н е н и я! Переложение, сделанное Танеевым, мне очень нравится. Оно нетрудно, т. е. насколько можно переложить нетрудно столь сложную оркестровую вещь. Только первая часть (с а м а я л у ч ш а я) покажется Вам, вероятно, не вполне удобоисполнимой, но Танеев не виноват: он сделал все, что мог. Это одно из тех сочинений, которые не поддаются удобной пере-

делке и теряют все свое значение, будучи лишены красот оркестровой звучности. Хотя два раза делал корректуру Танеев и два раза Кашкин, но я все-таки нашел еще много ошибок. Какое ужасное для меня бедствие, что в Москве и вообще в России нет хороших корректоров! Решительно ни на кого положиться нельзя, а сам я — очень плохой корректор. Это очень грустно! Нет почти ни одной моей вещи, которая не была бы обезображена крупными опечатками. К счастью, нашу сюиту Юргенсон послал гравировать в Лейпциг, где ее и корректировать будут, и можно быть вполне уверенным, что опечаток в ней не будет.

Сейчас только мы приехали из леса. Чудесная вещь лес! Часто вспоминаю я Ваши чудные леса, милый друг мой, и в особенности Людавский, который теперь сделался до такой степени моим фаворитом, что я даже Тартакам изменил!

Среда, 6 июня.
7 часов утра.

Вчера вечером я получил письмо Ваше, полное самых интересных сведений. Бесконечно благодарен Вам за него, дорогой друг! Но, несмотря на наслаждение, испытанное мною при чтении этого письма, мне было немножко неприятно думать, что столь длинным писанием Вы могли утомить себя, следствием чего могло быть нездоровье, головная боль! Утешаю себя надеждой, что, быть может, ничего этого не было.

Не скрою от Вас, что Симаки были причиною совершенно бессонной ночи, проведенной мною сегодня. Дело в том, что я не в состоянии изобразить Вам, до чего мне тяжело было бы отказаться от наслаждения пожить там, а между тем я решительно не могу найти в предстоящих месяцах такой период времени, который я мог бы провести у Вас в гостях, не смущаемый никакими помехами. Вчера же я получил известие от брата Анатолия, что прокурор назначил ему отпуск с 1 июля по 1 августа, следовательно июль я должен пробыть в Каменке, дабы не лишить каменских обитателей сообщества брата, который со своей стороны ни за что не проведет своего короткого отдыха иначе, как со мной. Таким образом оказывается, что всего удобнее мне было бы побывать в Симаках в августе или сентябре, когда Анатолий будет уже в Петербурге, а сестра с семейством—в Крыму. Но в августе Вы, может быть, поедете за границу!

Таким образом, соображая все эти обстоятельства, я тщетно верчусь в этом cercle vicieux *, не находя из него удобного выхода.

---

* порочном круге

Я бы мог часть текущего июня месяца посвятить Симакам, но тут я опять встречаю препятствия. Во-первых, теперь уж поздно, и если предположить, что 15 июня я бы мог выехать, то мне пришлось бы провести в Симаках всего две недели, а этого мало! Во-вторых, в конце июня я собирался съездить в Сумы, Харьк[овской]губернии, где я обещал побывать хотя бы на самый короткий срок и где мне нужно быть, чтобы устроить на предстоящий год того племянника моего зятя, которого в прошлом году мне удалось поместить в Сумскую гимназию и которому приходится остаться там еще на один год. Кроме того, Модест усиленно просит меня побывать в течение лета в деревне, где он живет и откуда ему в нынешний раз нельзя будет вырваться, как в прошлом году. Хотелось бы удовлетворить его желанию, и тоже не знаю, в какое время.

В результате я прихожу к тому, что могу быть в Симаках или 1) от 15 июня до 1 июля, или 2) в августе или сентябре. В первом случае я бы постарался обойтись без поездки в Сумы, которая, в конце концов, не необходима, и провел бы у Вас ровно две недели. Во втором случае я мог бы остаться дольше, и мне это было бы более по душе, тем более, что начало осени после весны самое приятное для меня время года. Будьте так добры, дорогой друг мой, помогите моей нерешительности и произнесите резолюцию. Если же оказалось бы, что и то и другое почему-либо неудобно, то, нечего делать, пришлось бы отложить столь горячо желанное гощение у Вас до будущего года[2].

Очень радуюсь, что Вы довольны г. Тарашкевичем и что есть надежда на улучшение Вашего хозяйства. Дай бог, чтоб все дела Ваши устраивались как можно лучше.

Брат мой Ипполит служит в «Обществе пароходства и торговли», у Чихачева. Он командует пароходом, делающим рейсы по Черному морю. В настоящее время с ним случилось очень благополучное обстоятельство. Он вместе с дядей своей жены пустились в одну аферу, обвенчавшуюся полным успехом, и на долю его досталось пятьдесят тысяч. Так как служба его трудная и плохо вознаграждаемая, то для него это большое счастье. Детей у него нет, но есть воспитанница, очень милая девочка, которую он взял из Воспитательного дома и вполне адоптировал* ее.

Алеша мой продолжает ходить к здешнему учителю народной школы и очень успешно занимается теми предметами, из которых ему придется держать экзамен для получения льготы по воинской повинности.

---

* Adopter (*фр.*)—усыновлять.

Поздравляю Вас с новым маленьким Беннигсеном. Зятя Вашего я помню маленьким правоведиком. Я знал, что он происходит от полководца, но не знал, что он его правнук. Я думал, что он внук его. Прадед его — тот генерал, которому Наполеон после Фридланда, в Тильзите сказал: «Vous avez été méchant à Austerlitz»*.

Относительно бюджетной суммы прошу Вас, милый друг, не беспокоиться. Я получу ее, когда к тому представится удобное обстоятельство. Спасибо Вам за память и непрерывные заботы обо мне!

До свиданья, милый, добрый друг.

Ваш П. Чайковский.

80. Мекк—Чайковскому

Браилов.
10 июня 1879 г.
Воскресенье.

Сколько радости Вы мне доставили, милый, бесценный друг мой, присылкою напечатанных пьес Ваших, посвященных Браилову, с каким наслаждением я, так сказать, вдыхала в себя слова, которые были у меня перед глазами: «dédié à B. . . . . Souvenir d'un lieu cher» et tout ça venant d'un homme qui m'est si cher, à moi!** Благодарю Вас, мой дорогой, бессчетно раз. Под впечатлением того чувства, которое я испытывала, глядя на Ваше сочинение, я всю прошлую ночь видела Вас во сне, Вы были такой славный, мое сердце так рвалось к Вам!

Я также хочу завести порядок, милый друг мой, писать Вам каждое воскресенье, но вот сегодня у меня второй день голова болит, и для того, чтобы иметь возможность написать Вам, я целый час прикладывала ко лбу лед, и стало легче.

Я вижу и признаю вполне, дорогой друг мой, что ни в июне, ни в июле Вам приехать ко мне невозможно, поэтому прошу Вас, мой милый, хороший, подарить август месяц, но, пожалуйста, никак не меньше месяца. Одним словом, я желала бы, чтобы Вы приехали не позже 1 августа и уехали не раньше, как я уеду из Браилова, что, вероятно, произойдет около 10 сентября. Хорошо? Так можно? Я за границу, по всей вероятности, не поеду, а если что-нибудь неожиданное заставит меня, тогда я Вам сообщу, милый друг мой, и Вы вместо Симаков поживете в Браилове до сентября, потому что в сентябре предполагает приехать сюда мой Володя охотиться.

Итак, мой дорогой, несравненный друг, если Вы хотите меня утешить, обрадовать до глубины сердца, то приедете 1 августа в Симаки и погостите у меня до моего отъезда из Браилова. Zgoda?***— как говорят поляки.

---

* «Вы были злы в Аустерлице».

** «Посвящено Б[раилову]. Воспоминания о дорогом месте» и все это идет от человека, который мне так дорог!

*** Согласны?

А мой бедный учитель польского языка, а Ваш ученик Пахульский третью неделю мучится глазною болезнью, и теперь дошло до того, что доктор запретил ему совсем из комнаты выходить, и ничего делать не может и только мечтает о композиторстве.

С каким нетерпением я жду появления н а ш е й симфонии, но как это долго все у нас делается; пожалуй, сюита будет раньше готова?

Что это бедная Александра Ильинишна так упорно хворает? Сохрани ее господь, таким людям надо жить, долго жить на благо другим; пошли ей бог облегчение.

Мы с Юлею почти все приготовили для Вас в Симаках. Не так хорошо, как бы я желала, но комнаты уже испорчены, так что и поправить их нельзя, очень низки, но я все-таки очень люблю этот флигелек.

Я очень желала бы, милый друг мой, чтобы Вы устояли на том, чтобы н е увеличивать пенсии и з в е с т н о й о с о б ы, потому что тогда она будет сговорчивее насчет развода, а в противном случае ей будет выгоднее в е ч н о получать от Вас пенсию, поэтому будьте тверды, дорогой мой, не дайте у Вас выпросить, ведь ни за что Вы ничем не обязаны ей ни одною счастливою минутою.

У меня теперь дом переполнен. В среду приехали мои правоведы, а в пятницу Лида с семейством, так что стол в столовой занимает комнату буквально во всю длину, потому что кроме своего семейства у меня в нынешнем году шесть учителей, но, впрочем, Данильченко еще не приехал. Коля служит мне теперь чтецом газет, пока Пахульский болен. Дети Лидины подросли, но такие немцы, что ни слова по-русски не понимают. У них две няни немки, вследствие этого и родители говорят с ними по-немецки, и теперь почти целый год были за границею, так что и забыли по-русски.

Вы пишете, друг мой, что знали моего зятя Беннигсена правоведиком, но он не кончил в Правоведении, а ушел в Гейдельберг в университет и там прошел курс на камеральном отделении естественных наук. Саша, слава богу, поправляется. Маленького назовут Юрием. Лида также в ожидании такой же расправы.

Погода у нас эти дни очень жаркая. Мы эти дни никуда не ездили по случаю приезда Лиды. Хлеба у меня нехороши: ни пшеница, ни свекловица не обещают много. У меня в этом месяце много семейных праздников: 1 июня Лидино рожденье, 6-го—Сашонкино, 15-го—Володино и 29-го—Ваши именины, милый друг мой.

Скажите, пожалуйста, Петр Ильич, Вашему Алеше, что я поручаю ему напоминать своему барину о приезде в Симаки и что для него там также комната готова. Он, должно быть, славный мальчик; желаю ему очень успеха в науках.

Юля передает Вам сердечный поклон....

До свидания, мой милый несравненный друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

P. S. Забыла еще попросить Вас, друг мой, спросить Льва Васильевича, где можно доставать минеральных туков для удобрения и почем за пуд.

Извините, мой дорогой, что беспокою Вас.

81. Чайковский—Мекк

1879 г. июня 12—13. Каменка.

Каменка,
12 июня.

У нас здесь на бураки новое бедствие и еще гораздо более ужасное, чем жучки. Появился червь на всех плантациях, пожирающий свеклу до-тла. Если вследствие какого-нибудь нового атмосферического влияния он вскоре не исчезнет, то опасность для каменского хозяйства очень большая. Бедный Лев Васильевич ходит мрачный и задумчивый.

Про себя скажу Вам, милый и добрый друг мой, что я мог бы назвать себя совсем счастливым и благополучным, если б только не страдал по ночам бессонницей. Впрочем, это всегда бывает со мной летом.

Работа моя подвигается довольно быстро. Она немножко утомляет меня, особенно теперь, вследствие жары и несносного приставания мух, но зато сколько и удовольствия она доставляет мне! Трудно передать наслаждение, которое испытываешь, когда отвлеченная музыкальная мысль принимает вследствие передачи тому или другому инструменту или группе инструментов реальную форму. Это если не самая приятная, то одна из самых приятных минут в процессе сочинения. Если, к тому же, как это теперь и есть, инструментуется вещь, про которую знаешь, что она составляет шаг вперед в своей деятельности, то удовольствие сугубое. Но кроме всего этого «И о а н н а д'А р к» имеет для меня еще ту прелесть, что каждая нотка ее напоминает мне ту или другую минуту из последней заграничной поездки, которая была для меня все время удивительно приятна. Дня через два я буду перенесен на V i a l e d e i C o l l i, так как примусь за сцену, с которой я начал сочинение оперы во Флоренции.

Среда. 13 июня,
6 часов утра.

Еще очень рано, а я успел уже совершить прогулку. Утро великолепное, но будет очень жаркий день, потому что уже теперь жарко. На столе своем я нашел депешу, принесенную, вероятно, еще поздно вечером. Она от Юргенсона, который сообщает, что дело его с Бахметевым, директором придворной капеллы, выиграно. Я, вероятно, в свое время сообщал Вам, что вследствие распоряжения, сделанного по просьбе Бахметева, весной у Юргенсона конфисковали все экземпляры моей обедни [1]. Дело в том, что капелла имеет привилегию с о ч и н я т ь церковную музыку и ради своих выгод, которые состоят в том, чтоб покупались исключительно произведения Бортнянского и

Львова, принадлежащие ей, она ревниво оберегает эту привилегию. Петь в церквах и распространять в продаже дозволяется только сочинения, одобренные капеллой, а она ничего не одобряет, если не заплатишь большой взятки. Вот почему до сих пор никто из русских музыкантов не писал для церкви. Юргенсон решился напечатать мою литургию без одобрения капеллы, в том предположении, что если возникнет дело, то, вероятно, оно послужит к разъяснению совершенной несостоятельности бахметевской монополии. И вот после ареста издания он начал иск против Бахметева об удовлетворении его за убытки, претерпенные вследствие ареста, и теперь дело выиграно. Это важно не столько по отношению к моей литургии, которая, может быть, и не представляет особенных достоинств, а по отношению к торжеству принципа свободы сочинения духовной музыки. Я очень рад этому решению суда.

При этом письме я приложу Вам карточку мою, кажется, не особенно удачную. Она была снята два года тому назад в Москве. Теперь все участвовавшие в «О н е г и н е» просили дать им мои карточки. Так как я с тех пор ни разу не снимался, а теперь в Москве сняться было некогда, то я написал к Дьяговченке, чтобы в случае сохранения негатива он прислал мне дюжину. Не правда ли, что карточка неважная?

5 часов.

Ровно двадцать пять лет тому назад в этот день умерла мать моя. Это было первое сильное горе, испытанное мною. Смерть эта имела громадное влияние на весь оборот судьбы моей и всего моего семейства. Она умерла в полном расцвете лет, совершенно неожиданно, от холеры, осложнившейся другой болезнью. Каждая минута этого ужасного дня памятна мне, как будто это было вчера [2].

Получил письмо Ваше, мой добрый друг. Само собой разумеется, что я с величайшим удовольствием проведу август у Вас в гостях. Благодарю Вас за заботы о моем помещении. Ради бога, друг мой, не очень беспокойтесь о комфортабельности симаковского домика. Я в этом отношении очень не избалован. Буду с нетерпением ожидать августа!

Над Каменкой уже несколько дней носятся тучи, и в ту минуту, как я Вам пишу, где-то далеко гремит, но дождя давно уже нет, и все грозовые тучи пролетают мимо. Между тем, это единственный якорь спасения. Только сильный ливень может помочь бедным свекловичным плантациям. Барометр не опускается, из чего следует, что опять ничего не будет. Ради утешения, пойду пешком в лес.

Очень жаль, что бедный Пахульский страдает глазами. Пожалуйста, милый мой друг, передайте ему мои пожелания поскорей поправиться. Я передал моему Алеше, что Вы были так добры поинтересоваться его занятиями, и он был невыразимо польщен этим. Он действительно необычайно хороший мальчик по сердцу и уму, и для меня большое счастье такой слуга. К сожалению, воинская повинность угрожает мне отнять его от меня надолго. Он очень усидчиво и прилежно занимается, чтобы выдержать экзамен на льготу.

Бедный Loulou! Жаль юношу, погибшего такой скверной смертью, да еще в жертву коварному Альбиону[3].

Читали ли Вы в «Вестнике Европы» начало повести Данилевского «Мировичъ»? Весьма недурно.

До свиданья, милый, дорогой друг.

Ваш П. Чайковский.

P. S. Юлье Карловне нижайший поклон и Милочке поцелуй.

82. Мекк—Чайковскому

Браилов,
17 июня 1879 г.
½ 9-го часа утра.

Милый, несравненный друг мой! Вчера вечером я получила Ваше письмо и Ваше дорогое изображение. Я нахожу фотографию очень недурною, главное, глаза Ваши, бесподобные глаза вышли вполне хорошо. Тысячу раз благодарю Вас, дорогой мой.

Как мне жаль бедного Льва Васильевича в его бедствиях с свекловицею. Это действительно большое горе, но я надеюсь, что последнею бурею, дождем и холодом уничтожило этого отвратительного червяка; дай бог. Я ужасно боюсь, чтобы эти бедствия не перебрались к нам в Подольскую губернию.

А мне тоже явилась большая неприятность. Делают мне придирку за то, что управляющий поляк, тогда когда я знаю, что, например, у князя Кочубея в нашей же губернии управляющий и вся администрация поляки, и много где еще, и не знаю, за что их никто не тревожит, а мне запрещают, а это делает мне большое расстройство, потому что я не имею другого в виду. Вызываю опять Ивана Ивановича; не знаю, как дальше сделаю.

Лида еще здесь, но на-днях уезжает. Она много поет мне, я советую ей побольше петь Ваших романсов, но аккомпанименты затрудняют ее. Сама она никогда не аккомпанирует себе, а муж, который исполняет эту должность, слишком плохой музыкант для Ваших аккомпаниментов. Скажите, друг мой, не были ли Вы знакомы в Петербурге с Жуковскою, дочерью поэта Жуковского и бывшею фрейлиною императрицы, а потом женою вел. кн. Алексея Алек[сандровича]? Вы, вероятно, знаете, что ее развели с великим князем, а теперь она замужем за двоюродным братом моего зятя Левиса и живет в Дрездене. Теперь Лида, бывши в Дрездене, познакомилась с нею, и она спрашивала Лиду, не поет ли она Ваших романсов, и говорила, что она очень любит их. Мне всегда приятно это слышать....

Вчера приехал Данильченко, но я его еще не видела....

В «Вестнике Европы» я ничего не читала, потому что сама не могу читать из-за своей головы, а лектор мой болел глазами. Теперь ему лучше, но на воздух не может еще выходить, и читать не скоро можно будет. Его весьма трогает Ваша доброта к нему....

Я написала сегодня в Москву, чтобы мне выслали Вашу обедню. Меня также очень радует успех Юргенсона относительно Бахметева. Я терпеть не могу этих взяточников, рутинеров-тормазов. Буду ждать с нетерпением «Иоанны д'Арк». Любимая книга Вашего друга, Милочки, есть, как она называет, «Album de Jeanne d'Arc», т. е. то сочинение о ней, которое было у Вас во Флоренции. Она каждый день приходит в мой кабинет и смотрит эту книгу, всю с начала до конца.

Я не скажу, чтобы мне особенно было жалко L o u l o u, но я крайне возмущена поступком г о с т е п р и и м н о й Англии. Это она продала этого несчастного юношу за дружбу принца Уэльского с Гамбеттою. Вообще Англия фатальна для Бонапартов, пора бы им понять это. Но бонапартисты не смущаются, устроили престолонаследие; Кассаньяк может продолжать свою бурную деятельность. А мне нравится его бесцеремонность, потому что, во-первых, я люблю энергию везде, а во-вторых, я не поклонница республики, а у него она не выходит из эпитета i n f â m e*. Это премило.

Я уже несколько дней никуда не езжу, потому что сильный ветер, а я его не выношу. Погода хмурится, похоже на дождь. До свидания, мой милый, [бесценный друг. Всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

83. Чайковский—Мекк

[Каменка]
20 июня 1879 г.
Среда, 5 часов утра.

Сегодня, милый друг мой, я отправляюсь из Каменки и совершу мою поездку по следующей программе. Выезжаю сегодня вечером, завтра утром буду в Киеве. Проведу там весь день и приобрету разных нужных мне вещей, как-то: нотной бумаги, папирос, книг и т. п. Завтра же вечером по Курско-Киевской и после по Сумской линии съезжу в Сумы и в деревню к моему приятелю Кондратьеву. 1 июля или около этого приедет туда брат Анатолий, с которым вместе отправимся тотчас же в деревню, где живут Конради и Модест. Последняя поездка довольно затруднительна, так как придется ехать днем восемьдесят верст по степи. Решился же я побывать у Модеста теперь потому, что получил от него письмо, в тоне которого заметил хандру и горячее желание повидаться со мной. Бедный Модест! чем более и более он привязывается к своему

* гнусная.

воспитаннику, тем глубже и глубже обнаруживается полный разлад между ним и родителями Коли. Г-н Конради — человек дельный и умный, но в семействе является черствым эгоистом и деспотом, а также с а м о д у р о м. Жена его — женщина очень пустая, неровная нравом, капризная и взбалмошная. Видимые отношения Модеста к ним обоим хорошие, но с о й т и с ь с ними он не может и очень тяготится положением своим в доме, дух и направление которого ему крайне антипатичны. По временам он падает духом и тоскует. Да и есть с чего! Ради нежной любви к своему ученику и чувства долга, ему надо еще много лет прожить в среде несимпатичной, а исхода никакого нет!

Проезжу я всего дней около пятнадцати и хочу полениться. Я устал от работы, и нервы мои немножко расходились. Вообще я чувствую себя хорошо, но страдаю бессонницей, и по временам на меня находит то ощущение физического и нравственного утомления, доходящего до совершенного изнеможения, на которое я жаловался Вам прошлым летом. Но это чистейшие пустяки. Нужно только немножко рассеяться, отдохнуть и собраться с силами. Теперь у меня готовы два полных действия оперы и притом самые большие.

Если Вы в следующее воскресенье будете с о в с е м з д о р о в ы и вздумаете обрадовать меня письмом своим, то попрошу Вас, дорогой друг, адресовать так: С у м с к а я л и н и я, с т а н ц и я С ы р о в а т к а, Н и к о л а ю Д м и т р и е в и ч у К о н д р а т ь е в у, д л я п е р е д а ч и П. Ч.

По этому поводу скажу Вам еще раз, что уж говорил несколько раз прежде. Ради бога, милый и добрый друг мой, не делайте над собой никакого насилия ради поддержания нашей корреспонденции. В прошедшем письме Вы сообщили мне, что с большим трудом написали мне письмо вследствие головной боли. Мне очень тяжело думать, что Вы из-за меня усугубили свои страдания. Убедительнейше прошу Вас писать мне только тогда, когда Вы совсем здоровы, когда это нисколько не затруднительно для Вас. Я могу ждать сколько угодно, лишь бы мне знать, что все у Вас благополучно, а об этом можно, в случае большого антракта между двумя письмами, телеграфировать. Мне и в голову никогда не приходит ожидать, чтоб на каждое письмо мое Вы непременно тотчас же ответили мне! Ведь если я пишу Вам аккуратно, то это потому, что не страдаю, как Вы, частыми мигренями и что для меня писать Вам не только всегда приятно, но и всегда легко. Вовсе или очень подолгу не получать Ваших писем было бы для меня ничем не вознаградимым лишением, но на частые письма от

Вас я не могу и не хочу рассчитывать, ибо знаю очень хорошо, как должна быть огромна Ваша корреспонденция и деловая и семейная, а Вы между тем так часто страдаете мигренями.

7 часов утра.

Мне принесли сейчас письмо Ваше. Радуюсь, что все у Вас благополучно, но сокрушаюсь по поводу неприятностей, причиняемых Вам за Тарашкевича. Это возмутительно глупо. Я еще допускаю, что, например, в Киевской губернии запрещено полякам приобретать недвижимую собственность. Но какой смысл в том, чтоб в Подольской губернии поляку нельзя было управлять именьем? Это уж прямо отзывается притеснением.

С Жуковской я незнаком и никогда ее не видел, но слышал о ней.

Червяк начинает исчезать с бураков, но вреда наделал много. Вообще в нынешнем году свекловица будет плохая. В некоторых экономиях плантации имеют самый жалкий вид, так как сначала их ел жук, потом пришлось пересеять, потом опять жук ел и этот пересев, потом засуха, наконец червяк. Слава богу, буря с ливнем, бывшая на прошлой неделе, оказала на все поля самое благодетельное влияние.

Я получил на-днях из-за границы три письма с приятными известиями по поводу моих сочинений. Бюлов играл мой концерт на фестивале в Висбадене и в Лондоне [1]. Фитценгаген имел на Висбаденском фестивале большой успех с моими вариациями [2]. Третье же письмо от Colonn'a, капельмейстера концертов в Châtelet. Письмо необыкновенно для меня лестное, милое и полное симпатии к моей музыке, которую он хочет энергически пропагандировать, несмотря на слабый успех «Бури» [3].

Но что меня невыразимо радует, так это то, что я узнал из газеты «Киевлянин», что там в университетской церкви несколько раз пелась моя полная литургия [4]. А я ведь думал, что, пожалуй, она обречена на вечное игнорированье!

Как мне жаль, что Вы принуждены обходиться без чтения. От души желаю Пахульскому скорейшего выздоровления. Вас и Юлию Карловну благодарю от души за «Русскую старину».

Будьте здоровы, милый друг мой!

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

84. Мекк—Чайковскому

Браилов,
24 июня 1879 г.

Мне очень скучно, что Вы уехали из Каменки, мой милый, бесценный друг, да еще и так далеко, да и к людям, которые мне совсем несимпатичны. Г. Кондратьев, должно быть, по меньшей мере, бабоват, когда советовал Вам в материальном трудном положении м о л и т ь с я б о г у?[1] Это уже бабье отношение к делу. Вам, вероятно, друг мой, известен анекдот, как одной старушке-даме советовали купить пятипроцентный билет с выигрышами, и она отвечала: «и н а ч т о т а м б и л е т; к о г д а б о г з а х о ч е т, т а к и б е з б и л е т а в ы и г р а е ш ь». Ну, а ведь мужчина должен знать, что из небесной канцелярии ни выигрышей, ни пособий не посылают. Господ Конради я не люблю за Модеста Ильича. То ли дело в Каменке—там одна Александра Ильинишна чего стоит, а если обставить ее такими милыми существами, как ее дети, такими благородными личностями, как ее братья, муж, то получается такая прелестная картина, на которую любуешься и глазами и сердцем. Какой очаровательный ансамбль, какая прелестная группировка. Такое семейство—благо для человека, который много ошибался, много разочаровывался в жизни: на такой картине успокаивается больное сердце, раздраженное воображение...

Несказанно радуют меня успехи Вашей музыки за границею, милый друг мой, и очень я люблю этого Colonn'а за то, что он ценит Вашу музыку. Пошлите Бюлову и ему по экземпляру Вашего «Онегина» и из Ваших сочинений посвятите что-нибудь Колонну. Знаете, эти иностранцы ужасно чувствительны к таким внешним выражениям, и такое сочинение должно быть оркестровое, для того чтобы каждый из артистов его оркестра видел, что это ему посвящено. Это будет доставлять ему огромное удовольствие, а он хороший человек. Бюлову Вы посвятите Ваш фортепианный концерт, а Colonn'у надо оркестровую пьесу.

Сегодня такой холод, что не знаешь, что и думать о беспорядках в природе; везде революционные стремления.

С управляющим у меня я не знаю еще, как устроится. Я буду его держать, если не потребуют его увольнения.

Пахульский не знает, как и благодарить Вас за Вашу память об нем. Его глаза теперь лучше, но читать еще не может... Данильченко говорил, что великому князю очень понравился «Евгений Онегин». Но больших подробностей я от него не могла узнать, он не знает сам.

Я предполагаю скоро съездить в Одессу для разнообразия и для того, чтобы накупить каких-нибудь вещей для лотереи к 15 июля; этот день св. Владимира, киевского патрона, и именины моего Володи, и мы всегда празднуем этот день...

Какое ужасное это убийство, сделанное в Петерберге Ландсбергом[2]. Мне кажется, что и тут принимала участие социалистская пропаганда. Нехорошие дела на свете делаются.

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем горячо любящая

Н. ф.-Мекк.

85. Чайковский—Мекк

Низы,
Милый и дорогой мой друг! 27 июня 1879 г.

То сочувствие, с которым Вы в письме Вашем говорите о каменских обитателях, мне в высшей степени приятно. Вы совершенно справедливо называете всю каменскую обстановку «прелестной картиной». Редко где можно встретить кучку людей столь прекрасных, как в доме сестры и зятя, и я всегда чувствую себя глубоко счастливым, живя у них. Тем не менее, я не раскаиваюсь, что приехал сюда на несколько дней. Во-первых, мне нужно было устроить дело с племянником зятя, которого в прошлом году я поместил в Сумскую гимназию; во-вторых, я довольно люблю место, где нахожусь теперь. Это долина чудесной речки Псёл. Она протекает рядом с домом, в саду, обросшем вековыми деревьями, очень старом и красиво расположенном. Здесь я в старые годы живал и работал. В 1874 г. здесь в течение трех летних месяцев я написал всего «Кузнеца Вакулу» [1]. Наконец, не претендуя восстановить в Вашем мнении моего амфитриона *, который действительно, по выражению Вашему, несколько бабоват, я все-таки скажу, что он человек во многих отношениях недурной и приятный. Жену же его я положительно люблю. Если еще прибавить к этому, что здесь есть множество великолепнейших прогулок, которые ничто не мешает мне ежедневно посещать, то в результате выходит времяпрепровождение довольно приятное. А все-таки я скучаю по Каменке и всей душой стремлюсь туда. Все жду известий от брата Анатолия и ответа на письмо мое, от которого будет зависеть разрешение вопроса: поеду ли я отсюда вместе с Анатолием к брату Модесту, или прямо возвращусь в Каменку. Во всяком случае, в начале июля я возвращусь к себе домой. Чтобы хорошенько отдохнуть, я не взял сюда никакой работы и предаюсь полному бездействию.

Вчера я получил очень приятное известие от Юргенсона. Дело в том, что я непомерно тяготился предстоявшей мне ненавистной работой над клавираусцугом оперы. Вы не поверите, друг мой, как невыносимо тяжело по написании объемистой партитуры снова приниматься за ту же работу в другой только форме! С целью избавиться от этой тягости я просил Юргенсона поискать в Москве, не найдется ли кто-нибудь, кто бы за умеренное вознаграждение взял на себя эту черную ра-

---

* гостеприимного хозяина *(из греческой мифол.)*.

боту. Такой человек нашелся, и вчера Юргенсон мне об этом телеграфировал. Это некто М е с с е р, музыкант мне известный, очень добросовестный и усердный. Я ликую и торжествую при мысли, что сбросил с себя тяжелую обузу. Сейчас написал в Каменку, чтобы партитуру (первых двух действий) немедленно отправили в Москву.

До свиданья, бесценный друг! Желаю Вам приятного путешествия в Одессу. Скоро опять напишу Вам.

Ваш П. Чайковский.

86. Чайковский—Мекк

Низы,
30 июня 1879 г.

Вот уже неделя, что я здесь. Праздность начинает тяготить меня, и мысль, что часы летят, а партитура не двигается, все более и более терзает мое сердце. Наконец вчера вечером я открыл и сознал в себе ощущение довольно сильной тоски по Каменке и скуки. Мне захотелось д о м о й и захотелось до того сильно, что ночь провел бессонную, а сегодня болит голова, нервы расстроены, и хочется убежать отсюда. Как пророчески Вы отнеслись к моему пребыванию здесь! Вы совершенно правы. Я могу жить счастливо или в Каменке или в одиночестве, и середины между этим нет. В первые дни мне здесь не было скучно. Чудесная река, милая природа, воспоминания о прежних посещениях этого места, все это мне было довольно приятно. Но продолжалось это очень недолго. Но я все-таки рад, что был здесь, так как это послужит мне уроком. Пропасть, образовавшаяся в последние годы между мной и всем остальным человечеством, за исключением нескольких близких, расширилась настолько, что нечего больше пытаться переходить ее. К тому же, частое созерцание той нравственной красоты, среди которой живут каменские обитатели, избаловало меня. Я сделался требователен и раздражителен, когда встречаюсь с проявлениями нравственного убожества и пошлости. Мне становится несколько душно...

Не знаю, случалось ли мне говорить Вам, что сестра моя одарена поразительною способностью лечить. Практика ее очень значительна, и леченья до того успешны, что слава ее врачеваний зашла далеко за пределы Каменки. Что касается меня, то я питаю большое доверие к ее леченьям, ибо сам несколько раз был свидетелем, как в Каменке и Вербовке она спасала людей, приговоренных к смерти. Я нашел у Конд-

ратьева одного старого знакомого, приехавшего к нему погостить [1]. Человек этот вынес нынче зимой о с п у и притом самую ужасную — черную. Стал он было поправляться и приехал сюда еще слабым, но уже здоровым. Вдруг стал он слабеть, худеть, терять аппетит, между тем живот у него сильно вздулся, и ноги распухли. Оказалось, что это в о д я н а я. Лечили его здесь два доктора один за другим, но положение ухудшалось, а слабость увеличивалась, и я застал его в отчаянном положении. Вспомнив, что сестра удачно вылечила нескольких больных этой болезнью, я тотчас же написал ей письмо с подробным изложением хода болезни, всех ее признаков и проявлений. Третьего дня получился ее ответ. Она предписала строжайшее молочное лечение (молоко по нескольку стаканов в день с известковой водой), микстуру из ipecacuana и еще чего-то и два приема хинина в небольшом размере. В тот же день мы начали это леченье, и, к моему величайшему удовольствию, вчера уже больному было легче настолько, что вечером он с помощью других дошел до балкона и просидел целый час на воздухе и охотно разговаривал с нами. Я вполне надеюсь на его выздоровление. Сестра просила постоянно уведомлять ее о ходе болезни, и по моем отъезде Кондратьев будет сноситься с ней письмами.

Брат Анатолий пишет, что второго или третьего будет здесь. Тотчас по его приезде отправимся к Модесту и, пробыв там дня три, возвратимся в Каменку. Невозможно выразить Вам, до чего мне хочется поскорей домой!

Будьте здоровы, милый, добрый друг!

Ваш П. Чайковский.

87. Мекк—Чайковскому

Браилов,
30 июня 1879 г.

Вчера получила Ваше письмо, милый, дорогой друг мой, и хотя вполне примиряюсь с Вашим пребыванием в Низах, потому что, во-первых, Вам там нравится, а во-вторых, письма Ваши оттуда приходят скорее, но все-таки я буду очень рада, когда Вы вернетесь в Каменку. Здесь ближе, и я понять не могу, как это выходит так, что оттуда письма идут скорее.

Поздравляю Вас еще раз, дорогой мой, с днем Вашего ангела. Желаний моих Вам так много, что всех их перечислить невозможно, поэтому я привожу их к одному знаменателю—полнейшему безмятежному счастью...

Пишу Вам накануне своего отъезда в Одессу. Я с удовольствием предпринимаю эту поездку, потому что мои нервы не выносят долгого сиденья на одном месте, мне необходимо бывает освежиться новыми впечатлениями, новыми видами, а там к тому же есть море, которое я вообще так люблю...

Я также очень радуюсь, что Вы не будете сами трудиться над клавираусцугом. Вам надо беречь свои силы на то, чего никто не в состоянии сделать, кроме Вас. Я еще не получила Вашей обедни и жду ее с нетерпением. Она уже выслана мне.

Читали ли Вы, друг мой, статью какого-то г. Васильева в «Московских ведомостях» по поводу запрещения Вашей обедни?[1] Кто такой этот г. Васильев? Он пишет дельно.

Недавно я играла с Данильченко, с виоленчелем, Andante из Вашего первого квартета. Что это за прелесть! Если слушать его каждый день, то и тогда он не перестанет охватывать все сердце, доводить человека до слез. Боже мой, сколько силы и власти Вы имеете над человеческими организмами. Завидная доля!*....

Пахульскому надо кончать курс в консерватории, а мне без него ехать не с кем. Мы сами, т. е. Юля и я, никак не можем справиться одни, а он, во-первых, расторопен и сообразителен, а во-вторых, за два года привык ко всем порядкам моим. Относительно же моих младших мальчиков я именно в нынешнем году могла бы осень прожить за границею. Относительно же Пахульского если смотреть хладнокровно, то консерваторский аттестат ему не улучшит жизнь... Но, по рутине, я боюсь ему, т. е. Пахульскому, мешать кончать, хотя, быть может, мне все-таки будет необходимо поехать за границу. А Вы, милый друг мой, как думаете насчет заграничной поездки?

Если я поеду, то не ранее 1 сентября.

До свидания, мой милый, бесценный. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Есть дети у г. Кондратьева? Из кого состоит семейство?
Приехал ли Анатолий Ильич?

88. Чайковский—Мекк

Низы,
3 июля [1879 г.]

Прежде всего, мой милый, добрый друг, позвольте поблагодарить Вас за телеграмму Вашу, полученную мной на другой день после именин моих, а также за чудное письмо Ваше, полученное вчера. Потрудитесь поблагодарить от меня и Пахульского за его телеграмму.

Сегодня я получил телеграфическое известие от брата Анатолия. Он будет здесь в три часа, а завтра мы едем с ним к Модесту. Мне очень хочется повидаться с Модестом, но я не без страха думаю о путешествии (придется девяносто верст ехать на лошадях) и не без укоров совести помышляю о моей бедной опере, покоящейся в Каменке в ожидании меня. Вообще все последние дни я провел невесело; меня обуяло нестерпимое желание поскорей вернуться домой, в Каменку, и дошло до того, что нервы мои сильно расшатались. К счастью, сегодня увижусь

---

* В подлиннике следующий лист утрачен, текст его неизвестен.

с братом Анатолием, что меня несказанно радует, и завтра же можно будет отправиться в дальнейший путь.

Отвечу на Ваши вопросы.

1) У Кондратьева есть дочь четырнадцатилетняя, очень миленькая девочка.

2) Г. Васильева, статью которого я читал, я не знаю, и о его социальном положении мне ничего не известно [1].

3) Вы спрашиваете, хочется ли мне зимой побывать за границей? Очень хочется, и я об этом часто мечтаю. Но увы! могу ли я теперь загадывать о том, что буду делать зимой, когда осенью мне предстоит дело с и з в е с т н о й о с о б о й? Я почти убежден, что путного из этого ничего не выйдет, но все же осенью мне нужно будет (как это было решено между Анатолием и поверенным известной особы) отправиться в Москву и начать дело. Если я увижу, что на этот раз можно будет ожидать решительного исхода, то, вероятно, придется долго прожить в Москве. Если же окажется, что начинается новое т о л ч е н и е воды, то тотчас же уеду за границу или в Каменку. Во всяком случае, я покамест не свободен и не могу располагать будущим. Вообще я стараюсь теперь не думать о д е л е с и з в е с т н о й о с о б о й, так как оно во всяком случае для меня очень тягостно. Если оно ничем не кончится, то жаль будет, что мое окончательное освобождение опять отдалилось или стало совсем невозможным. Если же оно будет серьезно, то все-таки я буду страдать нравственно по многим причинам, из коих главная та, что нужно будет злоупотреблять Вашей бесконечной добротой и щедростью.

Мне бы очень хотелось помочь Вам разрешить Ваши сомнения относительно Пахульского. С одной стороны, я, подобно Вам, не придаю большого значения получению или неполучению диплома из консерватории, с другой стороны, я боюсь, чтоб когда-нибудь он не раскаялся, что не прошел полного курса и не приобрел известных прав, сопряженных с дипломом. Нельзя ли разрешить вопрос так? П а х у л ь с к и й сделался для Вас человеком нужным, и Вы можете посредством частных уроков за границей и в Москве заменить посещение им консерваторских классов. Затем через два или три года он может держать экзамен на д и п л о м в той же консерватории. Таким способом от него не уйдет конечная цель консерваторского учения, а Вы будете иметь возможность без всякого беспокойства пользоваться его услугами во время Ваших заграничных поездок. Вообще мне х о ч е т с я, чтоб Вы побывали осенью за границей. Я чувствую, что если Вы этого не сделаете, то будете немножко томиться от бесконечного зимнего сидения

в Москве. Вам нужно набраться приятных впечатлений где-нибудь на юге Е в р о п ы.

Наш здешний больной (я называю его нашим, потому что он пациент сестры) очень слаб, но, повидимому, дело идет к облегчению. Он еще далек от выздоровления, но не чувствует большой тягости, как прежде, и расположение духа менее угнетенное.

Письмо это Вы получите уже по возвращении из О д е с с ы. Надеюсь, что поездка Ваша доставила Вам удовольствие и развлечение.

Юлье Сергеевне нижайшее почтенье, Пахульскому дружеский поклон и Милочке поцелуй.

Будьте здоровы, милый друг.

Ваш П. Ч.

89. Чайковский—Мекк

Каменка,
8 июля [1879 г.]

Милый и добрый друг мой!

Я уже в Каменке. В последние дни перед отъездом из Низов я до того тяготился своей праздностью, так тосковал о Каменке, что по приезде Анатолия не решился предпринять с ним долгое и сопряженное с большими неудобствами путешествие к Конради. И в самом деле, стоило ли ехать более суток по железной дороге, потом целый день на лошадях для того, чтобы только три дня провести с Модестом, продолжая все-таки томиться от бездействия? Поговорив обстоятельно с Анатолием, я отложил свою поездку в деревню к Конради до осени. Они будут жить в деревне до ноября, и, следовательно, мне можно будет впоследствии отправиться к ним недели на две с работой, или же тогда, когда работа будет совсем окончена. Написавши к Модесту о том, что предпочитаю увидеться с ним позже и приехать на более продолжительное время, я поспешил домой и вчера вечером приехал сюда. Как неудобны расписания поездов. Пришлось сидеть пять часов в Харькове и шесть часов в Знаменке, так что путешествие продолжалось более полутора суток. Я нашел здесь всех здоровыми, и свидание с дорогим семейством сестры доставило мне несказанное удовольствие. Меня ожидало здесь много писем, на которые нужно ответить сегодня, и поэтому мое письмо к Вам будет весьма кратко и необстоятельно. Пришлось также телеграфировать в Москву к Юргенсону, из писем которого мне известно, что еще две недели тому назад он отправил ко мне в Каменку кор-

ректуру второго издания «Онегина», а между [тем] здесь я не нашел ее. Пришлось потребовать новый оттиск.

Больного, о котором я Вам писал, я оставил в Низах в отчаянном положении. Сейчас я имел о нем большой разговор с сестрой и с здешним доктором. Оба находят, что надежды нет. Это очень сокрушает меня, так как одно время было заметно значительное облегчение.

Думаю, что Вы уже вернулись из Одессы. Теперь снова буду писать Вам каждую среду.

До свиданья, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

90. Мекк—Чайковскому

Браилов,
8 июля 1879 г.

Милый, несравненный друг! Вчера я вернулась из Одессы и нашла Ваши два письма, за которые премного благодарю Вас. Еще при выезде из Одессы я надеялась уже найти известие от Вас и всю дорогу радовалась этою мыслью.

Не зная точно, где Вы находитесь, я адресую это письмо в Каменку. Получили ли Вы, друг мой, посланные Вам «Военные рассказы» Мещерского?

Я надеюсь, что теперь уже Вам опять весело и спокойно на душе. Тысячу раз благодарю Вас, мой бесценный друг, за совет, который Вы даете мне насчет Пахульского. Мне кажется, что так устроить будет очень хорошо, тем более, что то, для чего в особенности надо иметь диплом оконченного курса, т. е. военная повинность, не угрожает ему, так как он уже два года назад вынул жребий на ополчение, которое, как Вы знаете, созывается только в случае войны и распускается по окончании ее, так что он теперь находится с красным билетом. Что же касается его музыкального образования, то я всегда желала, чтобы он окончил его как можно полнее, но я нахожу, что это можно сделать и без Московской консерватории, и Вашу мысль я нахожу превосходною. Очень, очень благодарю Вас, дорогой мой.

В Одессе я пробыла четыре дня... Между прочим мы осматривали пароход Добровольного флота «Россия», сделанный в Америке, великолепной работы и роскошного устройства, но я все-таки не желала бы провести на нем два месяца сряду, как эти несчастные моряки. Я не выношу тесноты и неволи, мне необходимы простор и свобода.

А Вы до сих пор не сказали мне, милый друг мой, любите ли Вы катанье на лодке...

Скажите, Петр Ильич, кто была из окружающих Вас личностей в Низах Юлия Сергеевна? Я спрашиваю это потому, что, посылая поклон моей Юле, Вы назвали ее Юлиею Сергеевною,—так мне хочется знать, кто это Юлия Сергеевна. Я все Данильченко называю Петром Ильичем, а его зовут Петром Антоновичем.

Пахульского глаза лучше, понемногу принимается за скрипку, но еще не читает... Я в полнейшей нерешительности насчет заграничной поездки. С одной стороны, вернуться в Москву слишком рано, засесть в ней с сентября. До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

91. Чайковский—Мекк

10 июля.
1879 г. июля 10—11. Каменка. Вторник.

Я и забыл поблагодарить Вас в последнем письме за «В о е н н ы е р а с с к а з ы». Спасибо Вам, дорогой друг мой! Я еще не принимался за них. После долгой праздности я набросился на работу с таким усердием, что даже читать не успеваю. Какое наказанье—жара и сопряженные с нею мухи, мухи и мухи без конца! Не будь их, работа была бы для меня теперь истинным наслаждением. Вообще лучшее время из belle saison для меня прошло. Я люблю до страсти весну и осень в начале. Середина же лета мне тягостна по причине жары, которую ненавижу.

11 июля.

Сестра продолжает сильно беспокоить меня. Может быть, никто лучше меня не понимает то, что с ней делается, так как состояние ее мне очень знакомо. Это высшая степень нервного раздражения, когда человек переходит беспрестанно от неестественной экзальтации и возбуждения к полному упадку сил. Ей нужен безусловный покой, а где его найти при таком огромном семействе и при столь тесном помещении? Поездка в Крым все еще не решена, да и бог знает, состоится ли? Для четвертой своей дочери, Наташи, сестра взяла гувернантку, девушку, повидимому, довольно хорошую и милую, но бог знает почему с первого же дня между ней и ученицей сказалась непобедимая антипатия, которая все растет и доходит до ежедневных тяжелых сцен. Сестре невозможно уехать, пока это положение вещей не изменится. Третью племянницу, Анну, нужно будет отвозить в институт, где она находится уже третий год. Между тем по поводу ее отпуска возникли недоразумения, которые требуют поездки сестры в Петербург. Все это помехи. А между тем только покой и отсутствие забот могут дать облегчение. Бог знает, что из всего этого выйдет! Я очень, очень беспокоюсь.

Вы несколько раз спрашивали меня насчет катания по воде в лодке, и я по непростительной рассеянности до сих пор ни разу не ответил Вам. Нет, друг мой, я до этого удовольствия не большой охотник. Вообще я люблю только такую прогулку, которая, во-первых, сопряжена с движением и, во-вторых, с возможностью бродить произвольно, уклоняясь от избитых путей и тропинок, останавливаясь когда хочется и погружаясь в мечтания или обдумывания своих сочинений. Поэтому любимая форма прогулки для меня это п е ш а я и притом

в одиночестве. Мне кажется, что я охотно мог бы кататься по воде только по очень большой реке или озеру и притом один. Но так как этого мне никогда не приходилось делать, то я и не знаю, приятно ли это. Знаю только, что тесное пространство лодки и обязательное с и д е н и е для меня вообще тягостны, и поэтому я никогда не искал случая испытывать удовольствие плавать в лодке. Но я весьма согласен постараться войти во вкус катанья по воде, когда попаду в Симаки, что случится в начале августа. Брат Анатолий имеет отпуск до первых чисел этого месяца, и, как только он уедет, я, если позволите, приеду погостить к Вам. Едете ли Вы за границу? Решено ли это? Если да, то когда?

Убедительно прошу у Вас и Юлии Карловны извинения за рассеянность. Решительно не могу объяснить, почему я назвал ее С е р г е е в н о й. Разве только потому, что у меня есть одна знакомая—Юлия Сергеевна, но, впрочем, такая, которую я вижу два раза в десять лет.

Воображаю, как весело пройдет у Вас день с в. В л а д и м и р а! Дай бог, чтоб погода была благоприятна, а главное, чтоб Вы были здоровы.

До свидания, добрый, милый друг.

Ваш П. Чайковский

92. Мекк—Чайковскому

Браилов,
17 июля 1879 г.

Милый, дорогой друг мой! Простите, что не писала Вам ни в воскресенье, ни в понедельник, и теперь могу написать только несколько слов, но у меня такие передряги в хозяйстве, что голова кругом идет. С утра до вечера я пишу, считаю, соображаю, собираю сведения, требую выборки из бухгалтерских книг, толкую с служащими, так что к вечеру уж я нахожусь совсем в законе невменяемости и могу только лечь спать, а происходит это все потому, что я уволила г. Тарашкевича вследствие того, что он заявил мне, что при таком посеве свекловицы не только не может быть дохода, но непременно должен быть дефицит. Поэтому я в тот же день, как получила это заявление, раскланялась с ним и теперь решила отдать все фольварки, кроме главного браиловского, в аренду, а для этого именно мне надо много соображать, считать, говорить. В настоящее время я составила у с л о в и я а р е н д ы, с м е т у п р е д с т о я щ и х р а с х о д о в п р и р е ф о р м и р о в а н н о м х о з я й с т в е, ш т а т ы с л у ж а щ и х и проч. и вызвала брата Александра из Москвы, для того чтобы он привел в исполнение все, что я себе предположила. Вчера он приехал, поэтому я сегодня могу Вам хоть немножко написать.

Третьего дня т. е. 15 июля, у меня было очень шумно. Лотерея чрезвычайно забавляла всю публику, катанье на лодках было весьма эффектно: ехали на шести лодках, разукрашенных флагами, пассажиры все в

костюмах, гребцы—молодые люди, служащие на сахарном заводе—также в матросских очень красивых костюмах. Погода была великолепная, иллюминация и фейерверк вполне удачны, и публика очень веселилась.

Я очень рада, милый друг мой, что Вы опять находитесь в милой каменской обстановке и еще в сообществе Анатолия Ильича. Я воображаю, как и у Вас весело. Скажите, друг мой, чем окончилась повесть любви одной из demoiselles Давыдовых к Анатолию Ильичу? Вышла ли она замуж за прежнего жениха или нет, и в каком состоянии ее сердце? [1] Меня это интересует не только абстрактивно, в психологическом отношении, но и в практическом применении относительно браков.

Как мне жаль бедную Наташу, что у нее гувернантка, к которой ее сердце не лежит. Зачем держать ее, я уверена, что детские инстинкты верны, и, к тому же, зачем ребенка мучить ежедневными сношениями с немилым ему человеком. Ведь это портит характер ребенка и несомненно говорит не в пользу гувернантки. Я буду рада, если Александра Ильинишна решится ее отпустить. Уговорите Вы ее поехать отдохнуть. Ведь здоровье для матери семейства, да еще такой заботливой, как Александра Ильинишна, важнее всего, и ни перед чем не следует останавливаться, чтобы сберечь. Не можете ли Вы, друг мой, взять с собою в Симаки маленьких мальчиков, трех, если, быть может, и они вносят долю затруднения поездке в Крым, а здесь Вы передадите их мне на руки, и я надеюсь их сберечь, потому что буду беречь как своих. Гувернеров у меня много и они без присмотра никогда бы не были. Устройте это, милый друг мой. я буду очень рада, и моим мальчикам будет очень весело, а к Вам они будут приезжать в гости в Симаки. Я жду с нетерпением Вашего приезда, Отдача в аренду фольварков нисколько этому не помешает, потому что до своего отъезда отсюда не пущу ни одного арендатора. За границу я, вероятно, поеду. Паспорта берут для меня, и будет это, вероятно, между пятым и десятым сентября.

Погода все дурная.

В одиннадцать часов ко мне должен явиться директор завода граф Сципио, поэтому до свидания, милый, бесценный друг мой. Всем сердцем Вас неизменно любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Скажите, пожалуйста, друг мой, Льву Васильевичу, что в нынешнем году у меня вышло сахарного песку с каждого берковца по одному пуду полтора фунта. Не правда ли, что этим можно похвастаться?

Я думала о том, что Вам надо проводить Александру Ильинишну в Крым,—то ведь Вы могли бы, друг мой, отвезти ее туда, оставить там и тогда приехать в Симаки, а потом опять поехать за нею и привезти обратно, или все это поручить сделать Анатолию Ильичу; это было бы еще лучше.

93. Чайковский—Мекк

[Каменка]
17 июля 1879 г.

Живо представлял себе я праздник 15 июля. Воображаю, как было хорошо, весело в Браилове! Только в тесном кругу семьи можно веселиться от души. Мы тоже собираемся устроить веселье, а именно, спектакль, который состоится в конце месяца. Я, как в прошлом году, буду суфлером. Вскоре после этого

дня брат Анатолий уедет в Петербург, а я отправлюсь к Вам. С величайшим наслаждением помышляю об этой поездке.

В последние дни здоровье сестры стало лучше. Ей очень помогли железные пилюли. Жаль то, что, как только она становится здоровее, она сама и все окружающие перестают говорить о необходимости ей куда-нибудь съездить, тогда как, по-моему, это имеет весьма серьезное значение. Но правда то, что при таком семействе, где каждый член его привык за всякой малостью обращаться к ней, не легко решиться уехать надолго.

В настоящее время я сижу за очень трудным местом оперы, именно, за второй картиной третьего действия. Если Вы помните, милый друг, это то место, где на площади перед собором в Реймсе происходит самый сильный трагический момент в судьбе моей героини, т. е. когда с апогея славы и почестей она внезапно падает и делается предметом гонения. Тут большие хоровые массы, множество лиц и сильное драматическое движение. Ежеминутно приходится задумываться над различного рода трудностями, с которыми и либреттисту и композитору хотелось бы справиться как можно лучше. Приходится напрягать все свои силы, и в результате каждый вечер большое утомление. К счастью, сон у меня стал в последнее время хороший (я приписываю это охлаждению температуры), и утром я бодро и охотно снова принимаюсь за труд. Да! написать сложную, большую оперу—дело нелегкое, особенно, когда подумаешь о судьбе ее. Для чего я надрываюсь над работой, когда в числе русских певиц я не знаю ни одной, которая сколько-нибудь подходила бы к моему идеалу Иоанны? А пока такой певицы не найдется, нельзя думать о постановке оперы. Остается надеяться, что такая певица явится. Я помню, что, когда Серов писал «Юдифь», он приходил в отчаянье от мысли, что некому исполнить эту роль. На его счастье вдруг явилась певица, как будто созданная для Юдифи. Может быть, и мне посчастливится!

Я с грустью смотрю на перышко, которым пишется это письмо. Оно последнее из тех, которые я взял с собой из Villa Bonciani. Чем далее уходит в прошедшее мое житье рядом с Вами во Флоренции, тем дороже становится воспоминание об этом незабвенном времени. Нередко строю я воздушные замки о жизни в Италии зимой. Случится ли это в нынешнем году? Увы! не знаю. Вернее, что мне придется томиться довольно долго в постылой Москве.

Будьте здоровы, мой дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

94. Чайковский—Мекк

[Каменка]
19 июля 1879 г.

Только что я отправил к Вам письмо мое, милый друг мой, как получил Ваше, и спешу на него ответить. За приглашение моих племянников очень благодарен Вам, но они нисколько не препятствуют сестре совершить поездку. Ей только тяжело с ними на время расставаться, особенно с младшим, которому еще очень нужны постоянные материнские заботы. В случае ее отъезда они останутся дома с отцом, с англичанкой, которая уже пять лет находится при двух старших, и при высшем надзоре бабушки и теток, живущих рядом с нами и питающих к ним самую нежную любовь. Да и есть за что! Это совершенно необыкновенные дети по уму и сердцу. Я питаю особенно сильную любовь к среднему, Володе, поэту, музыканту, страстному любителю цветов, птичек и бабочек. Более кроткого ребенка я не видал в жизни. Самый младший, Юрий, очарователен своей детской роскошной красотой и забавностью его ежеминутных курьезных выходок. Еще раз от души благодарю Вас, милый друг, за предложение Ваше!

Я рад и не рад Вашему решению отдать в аренду Браилов. Рад потому, что тяжелая обуза сходит с плеч Ваших, не рад потому, что боюсь, что Вы уже не будете чувствовать себя так д о м а, как прежде, в Браилове, даже несмотря на то, что главный фольварк остается в Вашем распоряжении. Дай бог, чтоб все устроилось как можно лучше для Вас! От души радуюсь Вашей заграничной поездке. Я чувствую, что, только побывавши несколько времени на чужбине, Вы с удовольствием вернетесь в свой чудный московский дом. Вам необходимо набраться и т а л ь я н с к и х впечатлений и воспоминаний для того, чтобы не томиться от долгой московской зимы. Вы спрашиваете про девицу, питавшую в прошлом году слабость к Анатолию. Она в конце мая вышла замуж за своего жениха и теперь совершенно счастлива. Анатолий несколько раз был у них в Павловске, где они живут, и очень сошелся с ее мужем, очень милым молодым человеком. За будущее поручиться нельзя, и при легкомысленности этой особы можно усумниться в прочности их счастья, но теперь la lune de miel* лучезарно блистает на ее горизонте, тем более что она была очень бедной девушкой, а он очень богат и, следовательно, балует ее роскошью.

---

* м е д о в ы й м е с я ц

От всей души желаю благополучного исхода задуманного Вами дела. Как я желал бы, чтобы будущий арендатор Ваш не был ж и д.

До свиданья, добрый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

95. Чайковский—Мекк

[Каменка]
20 июля 1879 г.

Как Вы бесконечно добры, милый друг мой! Не знаю, как и благодарить Вас за участие и заботу о здоровье сестры. Я передавал Саше и Льву Васильевичу о Вашем приглашении детей в Браилов. Они оба очень тронуты и поручили мне от всей души поблагодарить Вас за теплое сочувствие [1]. Во вчерашнем письме моем я уже объяснил Вам, что в случае отъезда сестры надзор за ними будет самый внимательный, так как, кроме отца, при них останутся английская няня, живущая в доме с 1874 г. и внушающая к себе полное доверие, а у Юрия есть почтенная старушка-няня, находящаяся в этой должности с самого рождения его. Кроме того, здесь же, в Каменке, живут их бабушка и три старые девицы-тетки, которые с величайшей любовью и заботливостью будут печься о них. Вообще затруднение не в том, что не будет за детьми хорошего надзора, а в том, что сестра б о и т с я быть больной вдали от дома и страстно любимых детей. Взять же их с собой значило бы только усилить и увеличить то утомление, от которого ей и нужно отдохнуть. Кроме того, ее очень заботят отношения Наташи к гувернантке. Вы говорите, что следовало бы удалить эту француженку, но как это сделать, когда поведение ее совершенно безупречно, и антипатия, которую питает к ней ученица, собственно говоря, ни на чем не основана. В сущности, она происходит из очень хорошего источника. Наташа была глубоко привязана к англичанке, под веденьем которой находилась вместе с братьями в течение пяти лет, и страдает от этой перемены. Бедная француженка делала все, что могла, чтобы привязать к себе свою ученицу, но тщетно. Та постоянно плачет и стремится душой к своей англичанке. Неудивительно, что самолюбие воспитательницы несколько оскорблено и что она, наконец, потеряла терпение и в свою очередь стала жаловаться и плакать. Впрочем, дело идет теперь на лад. Что касается А н и ы, то скажу Вам, что сестра ни минуты бы не задумалась взять ее из института совсем, если б не сознание, что домашнее учение удовлетворить ее не может. Нужно Вам сказать, что Аня—девочка

необыкновенных способностей и с страшным стремлением учиться. Она три года была в превосходной женевской женской гимназии и была там всегда самой блестящей ученицей. Когда сестра переехала снова в Россию, то оказалось, что девочка стала страдать от сознания неоконченности своего учения, а между тем в деревне невозможно было удовлетворить ее потребностям. Вот почему именно ее отдали в институт, тогда как Вера, учившаяся с ней вместе в Женеве, осталась дома вследствие слабого здоровья и совершенного отсутствия любви к учению. Вы совершенно правы, милый друг мой, говоря, что не следует принуждать девочек к учению, но нельзя, мне кажется, и мешать им, если они хотят и любят учиться. Сестра моя смотрит на женское образование совершенно так же, как Вы. Поэтому вторую дочку, В е р у (олицетворенную кротость, мягкость и женственность), она учила как раз насколько это необходимо, а Анну поместила в хороший институт, где она сразу сделалась первой ученицей, и теперь ее даже без экзамена перевели в класс с наградой. К тому же, А н н а хочет сама пройти полный институтский курс. Она очень самолюбива, и положение самой блестящей ученицы института льстит ей. Теперь все затруднения относительно ее возвращения в институт (из которого сестра взяла ее по случаю свирепствовавшей там скарлатины) устранены письмом от директрисы, которое пришло на-днях. Отвезет же Анну в Петербург Анатолий.

Собственно говоря, теперь все устроилось так, что сестра могла бы без особенного затруднения уехать, но она сама в себе вследствие крайнего нервного расстройства не находит силы решиться на разлуку с домом, с мужем и детьми. Чем это кончится, не знаю. Очень может быть, что если все пойдет благополучно, то она и дома мало-по-малу оправится. Ей нужно рассеяние, и вот с этой целью мы и выдумали спектакль. К сожалению, я не могу сказать, чтоб в последние дни она совсем стала оправляться. Дня четыре все шло хорошо, но вот уже две ночи, как она в о в с е н е с п и т, опять очень слаба и тревожна. План отъезда все-таки неокончательно покинут, и я надеюсь, что в августе он состоится.

Что касается денежной помощи, которую Вы так бесконечно деликатно и сочувственно предлагаете, то у меня не найдется слов, чтоб благодарить Вас за это, мой добрый друг. Но дело в том, что финансовых затруднений никаких не представляется. Лев Вас[ильевич] человек небогатый, но и далеко не бедный. Дела их идут теперь великолепно. В прошлом году они имели с Вербовки очень хороший доход, и деньги на поездку у них

есть. Спасибо, бесконечное спасибо Вам, друг мой, за безграничную доброту Вашу и за все, что Вы хотели бы сделать для блага милой сестры моей.

Дай бог, чтобы она поскорее оправилась. Жизнь и благополучие ее так нужны!

Потрудитесь передать от меня низкий поклон Юлье Карловне, Пахульскому тоже прошу Вас поклониться от меня, а Милочке передать поцелуй.

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

96. Мекк—Чайковскому

Браилов,
22 июля 1879 г.

Милый дорогой мой друг! Я очень рада, что Александра Ильинишна чувствует себя лучше, но нахожу так же, как и Вы, что ей отдых все-таки необходим, и остаюсь при своих желаниях и просьбе к Вам устроить ее поездку по тому образцу, как я Вам писала раньше. Я надеюсь на днях получить ответ от Вас по этому предмету...

У нас все холодно, и все дожди, очень неприветливое лето.

Я думаю, что теперь Вы уже окончили инструментовку второй картины третьего действия в «Иоанне д'Арк»? Я вздохну свободнее, когда узнаю, что это уже сделано, а то я прихожу в беспокойство, когда знаю, что Вам трудно.

Сегодня мне снилось, что Вы написали трио с участием флейты, и партия флейты была до того хороша, что мне и до сих пор слышатся ее звуки, в особенности при окончании трио, которое делает флейта и которое имеет характер какой-то мечты, сновидения. Эти звуки льются, отделяясь понемногу, превращаются в шопот и, наконец, замирают совсем; боже мой, как это было хорошо! А приснилось мне это под влиянием того, что вчера вечером мы играли отрывки из trio Beethoven'a и Andante из трио Рубинштейна, знаете, посвященное графине Апраксиной. Andante в нем прелестное; я восхищалась играя. Как красиво переплетаются голоса, сколько тоски в какой-нибудь единичной нотке... Вообще меня очень пробирало этою музыкою и под этим впечатлением мне приснился Ваш trio с флейтою. А флейта очень поэтичный инструмент, и вообще духовые инструменты у Вас в руках очаровывают слушателя...

С нетерпением я жду Вашего приезда, бесценный друг мой. Извините заранее, если Вы найдете сад неблагоустроенным, т. е., главное, без цветов, но у меня и по этому предмету междуцарствие. Того немца я прогнала, а наняла теперь француза M. Dubois, но этот еще при месте и поступит только с 1 сентября, то мне некому и поручить устроить Вам сад в Симаках. Но я ужасно люблю этот хуторок, мне кажется, что в нем и так хорошо, а люблю я его потому, что там жила моя Саша, там встречала меня всегда Манюша, то мне дорого это место, очень мне жаль было отдавать его в аренду, да больше придумать ничего нельзя.

Вообще я с стесненным сердцем и с большою жалостью отдаю свое хозяйство в чужие руки. Вы знаете, милый друг, как хорошо все устроено на фольварках, какие постройки отличные. Я боюсь, что все это изведут, но я не надеюсь больше найти человека, который сумел бы повести хозяйство с хорошим результатом. Арендаторы лезут, как мухи к меду.

Я беру со всех залог в размере годовой арендной платы. Цена аренды от шести до семи рублей за пахотную и луговую десятину.

До свидания, милый, дорогой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

97. Чайковский—Мекк

1879 г. июля 24—25. Каменка.

Каменка.
24 июля.

Получил дорогое письмо Ваше, милый друг мой. Вы жалуетесь на погоду. У нас она также очень неприятна: холодно, ветрено и пыльно. Дождей нет, а между тем каменские поля в них очень нуждаются. На прошлой неделе кругом нас постоянно ходили тучи, но обходили Каменку. Я боюсь за свекловицу, которая стала было поправляться, и теперь очень необходим дождь для ее поддержки. Брат Анатолий часто ходит на охоту, но весьма неудачно, я же совершенно охладел к этому роду удовольствий. Охотиться я стал три года тому назад здесь, в Каменке, и сначала мне нравилось хождение с ружьем, выжидание дичи, разные волнения, испытываемые при стрелянии. Но стрелок я оказался ужасно плохой, да к тому же я никогда не мог привыкнуть равнодушно проливать кровь хотя бы и уток. В прошлом году я стал уже менее часто ходить на охоту, а теперь она наводит на меня невыносимую тоску. Собственно говоря, я жалею об этом. Охота—очень полезное для здоровья препровождение времени.

Нет, друг мой, я еще не окончил бесконечной второй картины третьего действия и просижу над ней, вероятно, еще с неделю, а может быть, и того более. Может быть даже, что и в Симаках я буду ее оканчивать. Кстати о Симаках. Я не могу еще до сих пор определить точного времени приезда к Вам. Дело в том, что мне не хотелось бы уехать отсюда, пока Анатолий в Каменке. Теперь устроилось так, что отпуск его немного продлился и что он повезет Анну в институт. Я выеду и буду ехать до Фастова вместе с ними, а случится это во всяком случае не позже 10 августа. Не правда ли, друг мой, что Вы не будете сердиться за то, что я появлюсь не к назначенному сроку? О саде в Симаках, ради бога, не беспокойтесь. Хотя я очень люблю цветы, но старый тенистый сад имеет всегда бесконечную прелесть, даже если он слегка и запущен. Вообще пребывание в Симаках мне очень, очень улыбается.

25 июля.

Получено грустное известие о нашем отце. Он был очень серьезно болен. Теперь ему лучше. Но в такие года можно ли

рассчитывать на прочное улучшение. 20 июля ему минуло восемьдесят четыре года! Сестра загорелась теперь желанием съездить к нему. Очень может быть, что она сама отвезет Анну в институт, да и мне хотелось бы взглянуть на него. Быть может, я съезжу в Петербург в сентябре. Бедный старичок очень скучает о детях; с отъезда Анатоля при нем никого из нас нет.

До свиданья, мой милый и дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

98. Мекк—Чайковскому

Браилов,
29 июля 1879 г.
Воскресенье. 8 часов утра.

Простите меня еще раз, милый, дорогой друг мой, за мои неуместные проекты и желания по поводу поездки Александры Ильиничны в Крым, но Вы знаете, что побуждением к этому было самое искреннее, горячее участие и симпатия к ней, следовательно, и извините меня.

Очень мне жаль, милый друг мой, что Вы приедете еще не скоро, но претензии я за это, конечно, иметь не буду, а по этому случаю только вот что спрошу Вас: не страдает ли Ваш бюджет от моей неисправности и не надо ли сейчас прислать то, для чего я ждала Вашего приезда сюда, так как он отсрочивается? Напишите, пожалуйста, дорогой друг мой, без всякой церемонии....

Предполагаю я ехать в начале сентября. Проект маршрута следующий: Краков, Мюнхен, Париж, Биарриц или Аркашон, Марсель, Тулон, Riviera ponenta для проезда, затем Генуя, Рим и Неаполь, оттуда обратно в Россию к рождеству....

До свидания, милый, бесценный друг, жду Вас с нетерпением. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. фон-Мекк.

99. Чайковский—Мекк

1879 г. июля 30—31. Каменка.

Каменка.
30 июля.

Милый, дорогой друг!

Несчастье продолжает преследовать мою бедную сестру и всех нас. Едва она стала несколько спокойнее, веселее и бодрее, как вдруг третьего дня заболел маленький Юрий и так серьезно, что мы все жестоко перетревожились. У него сделался сильнейший жар и диссентерия. Бедный мальчик в несколько часов осунулся, изменился и ослабел. Доктор вот уже третий день почти не выходит из его комнаты. Можете себе представить, в каком страшном беспокойстве находится сестра и как это снова расстроило ее. Вчера ему было однакоже лучше, и к вечеру жар ослабел значительно.

Его можно считать уже вне опасности, но пройдет, вероятно, много времени, пока он совсем оправится. М и т я тоже нездоров и лежит в постели, хотя ничего серьезного нет. В начале письма я сказал, что нас преследует в это лето несчастие. Беру это слово назад. Нельзя, конечно, назвать серьезными несчастиями эти постоянные заболевания детей, да и самое нервное расстройство сестры не грозит, слава богу, никаким трагическим исходом, но нельзя все-таки удержаться, чтобы не роптать немножко на судьбу, которая вот уже несколько месяцев преследует семейство сестры маленькими невзгодами. Едва кончится одна, как тотчас наступает другая, и бедная сестра никак не может провести хоть несколько дней совершенно покойных, а между тем только один покой ей и нужен. По случаю болезни Юрия мы забыли и думать про наш спектакль, который, по всей вероятности, и не состоится. Что касается проектированных поездок сестры, то вот как это все разрешилось. Ей захотелось во что бы то ни стало повидаться с отцом, который, как я писал Вам, был недавно очень болен. Кроме того она решилась отдать Н а т а ш у в институт, так как ребенок этот имеет странное свойство не уживаться ни с какими гувернантками, а учиться нужно. Вследствие этих двух причин сестра решилась ехать в Петербург около 10 августа. Многое можно сказать против этой поездки, но желание ее повидаться с отцом и самой отвезти дочерей в институт так сильно, что невозможно удержать ее. Самое путешествие ее, впрочем, будет покойно. Благодаря старой дружбе с И. Г. фон-Дервизом она во всех своих поездках в Петербург пользуется всегда его собственным вагоном от Каменки до самой Москвы, и на этот раз вагон этот опять ей уже обещан. Брат Анатолий будет сопровождать ее. Выезжают они 10 августа. Вместе с ними выеду и я в Фастово, а оттуда к Вам, в Ваши страны. О дне выезда я буду в свое время телеграфировать.

Я чувствую себя в последнее время нехорошо; стал опять очень нервничать и испытывать совершенно непостижимое постоянное утомление всего организма, доходящее до того, что иногда я не в состоянии сделать ни единого движения и сообразить какой бы то ни было мысли. Все это делает для меня мое одинокое отдохновение в Симаках, вблизи Вас, среди симпатичной местности не только желательным, но н е о б х о д и м ы м. Поэтому я не иначе, как с величайшим наслаждением помышляю о предстоящей поездке к Вам в гости. Буду я в Симаках, вероятно, одиннадцатого числа вечером.

31 июля.

У меня новая забота. Чтоб объяснить, в чем дело, скажу прежде, что брат Анатолий уже давно живет не в ладу с своим непосредственным начальником. У них отношения вроде тех, которые образовались между Наташей и ее француженкой, т. е. взаимное нерасположение, чтоб не сказать, антипатия. Прокурор этот, некто г. Сабуров, не упускает ни единого случая, чтобы сделать Анатолию маленькую неприятность. Перед отъездом брата Сабуров ему сказал, что если особенной надобности не будет, то он может захватить своим отпуском несколько дней из августа. Так как Анатолию он ничего не дал знать, то тот и распорядился своим временем, т. е. взялся играть в спектакле, который состоится 2 августа, и отвезти сестру, которая выедет десятого. Но четыре дня тому назад пришла депеша от Сабурова, требующая Анатолия немедленно на службу. Он тотчас же ответил, что по семейным обстоятельствам не может явиться ранее 15 августа и просит разрешения продлить отпуск. Вчера пришел ответ: его ходатайство не уважено, и требуют, чтобы он 1 августа был в Петербурге. Это похоже на насмешку. Нельзя же в один день из Каменки перелететь в Петербург! Бедный брат ужасно огорчен этим. Он решился выехать отсюда 3 августа и попадет в Петербург шестого. Нет никакого сомнения, что ему угрожает неприятность. Вообще ему бы очень хотелось переменить службу и отделаться от Сабурова, а это не так легко. Меня все это тем более беспокоит, что я совершенно бессилен помочь ему найти себе другой род службы. Хочу обратиться к одному бывшему товарищу по училищу, сделавшемуся важной особой, и просить его протекции. Ох, уж эта казенная служба!

Вследствие перенесения дня отъезда брата с десятого на третье и я выеду отсюда в Симаки раньше, т. е. пятого и ни в каком случае не позже шестого, о чем в свое время извещу Вас телеграммой. Насчет моего бюджета прошу Вас, милый друг мой, не беспокоиться. Я устроился так, что без всякого затруднения дождусь до своего поселения в Симаках.

Я мог бы выехать третьего, в один день с братом, но мне не хочется уехать, пока не окончу вполне всего третьего действия, а это не может случиться ранее пятого числа. В Симаках я надеюсь сделать все четвертое и последнее действие, которое впрочем недлинно, и я надеюсь, что недели три будут вполне достаточны для этой работы.

Ю р и ю гораздо лучше, т. е. жара у него почти уже нет, и силы возвращаются, но отправления все-таки в высшей сте-

пении неправильны, и пройдет еще немало времени, пока он совсем оправится.

Спектакль наш состоится 2 августа. Сейчас была репетиция, и я очень устал от усердного суфлированья. Какой превосходный план путешествия Вы придумали, друг мой! Как я рад, что Вы едете за границу! Как я понимаю в Вас потребность уезжать, неспособность долгого сидения на одном месте и всегдашнее стремление dahin, wo die Citronen blühn![1] Я тоже всей душой стремлюсь туда и не теряю надежды побывать и нынешнею зимой в этой милой чужбине.

Как можете Вы, милый друг, извиняться за Ваши заботы об успокоении сестры? Это дало только мне случай в тысячный раз видеть проявление Вашей бесконечной доброты.

До свиданья, милый друг мой!

Ваш П. Ч.

100. Мекк—Чайковскому

Браилов,
7 августа 1879 г.
Вторник. 8 часов утра.

Здравствуйте, мой милый, дорогой гость, поздравляю Вас с приездом, с новосельем, желаю очень, чтобы Симаки Вам понравились, чтобы Вы их полюбили так же, как и я. Вчера мы были там, чтобы устроить, что возможно для Вашего пребывания, и я смотрела с особенным чувством смешанной радости с горем. В воспоминаниях этого места есть и то и другое: в настоящем его есть радость при мысли, что Вы будете там обитать, в будущем предстоит опять печаль лишиться его, потерять возможность видеть, хотя до сих пор именно на Симаки нет еще арендатора. Вчера я подписала три контракта с арендаторами, так что теперь розданы четыре фольварка, затем остаются Тартаки и Симаки; на первые есть претендент, а на вторые еще нет. Я бы хотела все это кончить до моего отъезда за границу....

Последние два вечера была прелестная погода, и в Симаках было очень мило. Пахульский Вам укажет, Петр Ильич, все миниатюрное жилище Ваше, а также и передаст ключи от садовой калитки, которая ведет к купальне. Последняя также очень маленькая, но там хорошо плавать в самой реке, она широка в том месте, и на берегах никого нет. Вообще прошу Вас усердно, бесценный друг мой, если только что-нибудь Вам понадобится или захочется, прикажите только кому-нибудь из Вашей свиты, и все будет исполнено. При Вас будет состоять Ваш обыкновенный штат. Я надеюсь, что Вы будете ездить, как обыкновенно, гулять и пить чай во всех лесах. Их так много, что мы никак не можем друг другу мешать, а к тому мы можем сговариваться, в какое место кто из нас поедет, но так как я знаю, как Вы церемонитесь, то я буду каждый день сообщать Вам, куда мы намерены ехать на следующий день.

До свидания, мой милый, дорогой, жму Вам обе руки. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. В Вашем письменном столе Вы найдете принадлежности для писанья.

101. Чайковский—Мекк

Симаки,
8 августа 1879 г.
9 часов вечера.

1879 г. августа 8—9. Симаки.

Только что уехал Пахульский. Я просил его передать Вам, милый друг мой, мою благодарность, но кроме того я ощущаю потребность тотчас по приезде написать Вам несколько слов, чтобы сказать, что я счастлив, что я в восторге, что нельзя придумать ничего лучшего той обстановки, в которой я нахожусь здесь! Я уже успел вместе с Пахульским взглянуть на сад, который далеко превзошел все, что я представлял себе. Что касается дома, то это такое прелестное, такое чудное убежище. Если б Вы знали, как я нуждаюсь в эту минуту во всех тех благах, которые доставит мне жизнь у Вас, в этом несравненном уголке! Я о ч е н ь, о ч е н ь устал и серьезно нуждаюсь в отдохновении, именно, в таком, как здесь. Боже мой, до чего хороша эта тишина, этот чистый воздух, проникающий до меня через открытую дверь балкона, этот уютный, милый домик!

Я просил Пахульского передать Вам, друг мой, что мне очень не хотелось бы отрывать Ваших слуг от их обычного дела. Я думаю, что Алексей мог бы исправлять все те обязанности, которые потребны для содержания моего жилища в порядке. Мне очень приятно было увидеть знакомые лица Марселя Карловича и Леонтия, но я несколько стеснялся бы, если бы первый из них часто посещал меня. Я знаю, что он очень и очень нужен у Вас.

Благодарю Вас, друг мой, за книги, за ноты, за инструменты, за все, одним словом, что украшает мое бесподобное жилище.

Я намерен здесь инструментовать последнее действие моей оперы и завтра же примусь за работу. Я хочу здесь сбыть с плеч своих эту несколько утомившую меня ношу; здесь я поставлю точку к большому и сложному труду, на который возлагаю большие надежды. Здесь вздохну свободно и испытаю ни с чем не сравнимое наслаждение сознания окончености трудного дела.

Я ничего не передал Вам о последних днях моей каменской жизни. Наш маленький праздник прошел благополучно. Сестра в этот день была очень больна, и с ней было несколько обмороков, но к вечеру она почувствовала облегчение, и спектакль наш состоялся. Я был суфлером и очень волновался за брата Анатолия, который не знал своей роли. На другой день он

уехал в очень мрачном состоянии духа вследствие неприятностей, ожидаемых им в Петербурге. Его служебное положение очень заботит меня. Чтобы ободрить его, я дал ему слово осенью побывать в Петербурге, где кстати мне очень хочется повидаться с отцом. Очень может быть, что прямо отсюда я поеду в Петербург.

9 августа.
8 часов утра.

Провел чудесную ночь. Как жаль, что погода такая грустная! Я все-таки пойду сейчас походить по саду.

Я хочу Вас просить, милый друг, не утруждать своих глаз частым писанием мне. Несмотря на близкое расстояние, разделяющее нас, я бы желал, чтобы Вы писали мне не более одного раза в неделю. Если Вы позволите, я буду писать Вам два раза, по средам и субботам, а Вас попрошу писать мне только в воскресенье. Я знаю, как Вы заняты теперь делами, знаю, как велика Ваша переписка, и вместе как неблагоприятно отзывается на Вас писание писем,—поэтому-то я бы и хотел, чтобы моя близость к Вам не была бы для Вас поводом к усложнению Ваших писаний. Что касается меня, то я буду писать Вам здесь в форме дневника и отсылать его два раза в неделю.

Мне решительно нечего просить у Вас; мне не остается решительно ничего желать,—напротив, я нахожу, что Вы слишком меня балуете, что всего слишком много! Безгранично благодарен Вам, милый, чудный, добрый друг, за все это.

Никакими словами нельзя передать то наслаждение, которое я испытываю среди этой тишины, и как благотворно на меня действует вся обстановка моего очаровательного уединения!

Когда погода установится, я с удовольствием побываю во всех тех местах, где бывал прежде с ч а е м. Теперь придется ограничиться садом и ближайшими окрестностями дома. Но этого для меня покамест вполне достаточно. Я совершенно очарован садом. Попробую перед обедом сходить купаться.

До свиданья, милый друг мой!

Благодарю Вас бесконечно за все очарования, которыми я здесь буду пользоваться.

Ваш П. Чайковский.

102. Чайковский—Мекк

Симаки.
9 августа.
7 часов вечера.

1879 г. августа 9—11. Симаки.

Сижу на балконе, наслаждаюсь чудным вечером, мысленно обращаюсь к виновнице моего благополучия и благодарю ее.

Опишу этот первый день с некоторою подробностью. Спал превосходно. После кофе тотчас же сел заниматься и не заметил, как время прошло до обеда. Совершив эту необходимую церемонию с величайшим удовольствием, опять сел заниматься и проработал до четырех часов. Так как погода начала разгуливаться, то я решился совершить большую пешую прогулку. Сошел вниз, потом через огороды поднялся до маленькой березовой рощицы, перешел канаву, очутился в поле и по разным дорожкам и межам шел до тех пор, пока не очутился в лесу. Не могу с точностью определить, какой это лес; знаю только, что, стоя на опушке, я имел перед собой вдали Мариенгай и верхнюю часть монастырской церкви, а несколько правее— крышу завода, казарму и аллею, ведущую в Симаки. Не встретил и и д у ш и, что составляет для меня всегда главную прелесть прогулок, и, употребив на это путешествие ровно два с четвертью часа скорой ходьбы, возвратился в свой несравненный уголочек. Написал четыре письма, потом перенес столик на балкон и, упиваясь чудным чистым деревенским воздухом (чего я лишен совершенно в Кэменке), пишу Вам эти строки. Нельзя передать словами, до чего я хорошо, легко, бодро себя чувствую. Спасибо Вам, друг мой. До завтраго! [1]

10 [августа]
7 часов вечера.

Только что вернулся из леса. Не знаю, как этот лес называется. Ефим на мой вопрос не дал точного ответа: и Симацкий и в то же время Новоселицкий. Вы иногда бываете там с чаем на опушке, близ березовой рощицы; это очень недалеко отсюда, и нужно ехать туда тем самым яром, от которого начинается аллея, ведущая в Симаки. Прогулка чудесная и тем более доставившая мне удовольствие, что нашлось очень много грибов, а я великий охотник по части искания грибов. Теперь пишу Вам, сидя под балконом у столика, и радуюсь, смотря на молодой месяц, предвещающий ряд лунных ночей. Перед обедом купался и выплывал из купальни в реку. Купанье превосходно. Видел лодку и намерен завтра прокатиться на ней. Занятия мои идут очень успешно. Если так пойдет дальше то через две недели я могу рассчитывать окончить всю работу. Не могу удержаться, чтоб не сказать и сегодня, что я испытываю ощущения полнейшего блаженства, что жизнь моя здесь похожа на чудесное сновидение, что это воплощение самых заветных, идеальных мечтаний моих. Только в одиночестве и на лоне симпатичной природы можно испытать минуты дей-

ствительного счастья. Даже искусство не может дать тех моментов экстатического восторга, которые дает природа.

11 августа.
8 часов вечера.

Пахульский сказал мне, что в следующее свое посещение он привезет мне Милочку. Я очень люблю Милочку; подолгу люблю я засматриваться на ее очаровательное личико на карточках; я знаю, что она чудесный, милый, симпатичный ребенок; детей я очень люблю и, следовательно, на подобное предложение следует отвечать: «Да, я очень рад» и т. д. Так я и сделал с Пахульским, ибо я не мог сказать ему того, что скажу Вам. Простите меня, милый друг, посмейтесь над моим маниячеством, но я Милочку к себе не приглашаю и вот отчего. Мои отношения к Вам, таковы, как они теперь, составляют для меня величайшее счастье и необходимое условие для моего благополучия. Я бы не хотел, чтоб они хоть на одну ноту изменились. Между тем, я привык относиться к Вам как к моему доброму, но невидимому гению. Вся неоцененная прелесть и поэзия моей дружбы к Вам в том и состоит, что Вы так близки, так бесконечно дороги мне, а между тем мы с Вами незнакомы в обыденном смысле слова. И незнакомость эта должна распространиться на ближайших к Вам лиц. Я хочу любить Милочку так, как любил ее до сих пор. Если б она ко мне явилась, le charme serait rompu *. Все лица Вашего семейства мне близки и дороги, Милочка в особенности, но пусть, ради бога, все останется так, как было! И что бы я ответил Милочке, которая бы стала спрашивать меня: почему я не бываю у мамá? Пришлось бы начать знакомство с лжи, конечно, очень невинной, но все-таки лжи. Это мне было бы тяжело. Простите, милый, чудный, родной мой друг, за откровенность.

Я ездил сегодня в тот же лес, где был вчера. Продолжаю ощущать несказанно отрадные ощущения в этом милом уголке. Работа идет превосходно. Еще несколько дней я хотел бы остаться совсем один и поэтому еще не приглашаю Пахульского, которого очень люблю и очень рад буду повидать, когда достаточно упьюсь наслаждением одиночества.

Будьте здоровы, друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Если у Вас есть сонаты Бетховена, то будьте так добры, пришлите их!!!

---

* очарование было бы нарушено.

103. Мекк—Чайковскому

Браилов,
12 августа 1879 г.
Воскресенье. 8 часов утра.

Какое счастье, вставая каждое утро, чувствовать, что Вы находитесь так близко от меня, мой милый, бесценный друг, представлять себе Вас в так знакомом и так дорогом мне жилище, думать, что, быть может, в эту минуту Вы любуетесь тем же видом с балкончика на деревню, который и я так люблю, быть может, гуляете в той широкой тенистой аллее, которою я всегда восхищаюсь; чувствовать, что Вы находитесь у м е н я, que je Vous possède*, как говорят французы,—все это есть наслаждение, которым я пользуюсь в настоящее время и за которое я Вам безгранично благодарна, мой несравненный, добрый друг.

Как вы находите купанье, Петр Ильич, не надо ли сделать больше купальню? Пробовали ли Вы прокатиться на лодочке? Если Вы войдете во вкус этого удовольствия, то прокатитесь от Вашей пристани до Тартаков, т. е. до лесу, где Вы и мы обыкновенно чай пьем, это премилая прогулка. А какая прелестная погода: вокруг меня все пищат о жаре, а мне только что не холодно.

Посылаю Вам, друг мой, посмотреть разные фотографии: из них одни интересны, как маскарад, другие (портрет Сашонка), как образец того, как дети быстро меняются, третьи (фотография Сони), как не по летам взрослый вид. Можно ли поверить, что ей 10 сентября исполнится двенадцать лет? По фотографии, это двадцатилетняя барышня. Наконец, Юлин портрет интересен, как замечательная акварельная работа; обратите внимание, Петр Ильич, какая нежность кисти, как тщательно выработана отделка платья. Это московская работа, и только Сонин портрет парижской работы Fourauchet Заметьте также и акварельную работу на маскарадных фотографиях; в особенности, кружева у Макса восхитительно сделаны....

Мне очень хочется, дорогой мой друг, чтобы в какой-нибудь день Вы прокатились сюда в Браилов. Я бы хотела Вам показать много новых картин, которых Вы еще не видели, и вообще мне бы очень хотелось связать н а ш е пребывание в Браилове, а то теперь оно как будто оторвано,—то если бы на это соизволили, милый друг, то это устроить очень легко, так как мы уезжаем обыкновенно из дому часа на четыре. Я накупила в Одессе много хорошеньких вещей из мебели, мне бы хотелось, чтобы Вы видели все, все, что у меня есть. Напишите словцо, возможно ли это.

Ваша приятельница Милочка мечтает о том, чтобы поехать к Вам в гости. Я ей сказала, что отпущу ее тогда, когда она вырастет, и она довольна этим ожиданием. На другой день Вашего приезда в Симаки она объявила мне: «Sais-tu, j'ai rêvée de Петр Ильич; je l'ai tirailléе partout» **. А приснилось ей это потому, что она накануне была с нами в Симаках, очень усердно помогала приготовлять для Вас комнаты, очень много говорила об Вас и под этим впечатлением увидела и во сне.

В одном из моих писем я спрашивала Вас, друг мой, сколько лет Наташе, но не получила ответа. Скажите мне теперь. Когда Александра Ильинишна повезет ее в Петербург?

---

* что я владею Вами

** «Знаешь, я видела во сне Петра Ильича; я его тормошила»

Не надо ли Вам чего-нибудь, дорогой Петр Ильич? Пожалуйста приказывайте как бы у себя дома. Я боюсь, что сегодня Вам опоздал хлеб к кофею. Я узнала об этом поздно.

Как нравится Алексею в Симаках? Продолжает ли он еще свои занятия или забастовал? Разрешите ему, друг мой, ездить в Браилов в гости к его знакомым. Я хотя лично с ним не знакома, но чувствую к нему симпатию.

До свидания, дорогой мой. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

104. Мекк—Чайковскому

1879 г. августа 12. Браилов.

Только что я послала Вам свое письмо, как получила Ваше, мой бесценный Петр Ильич. Насчет Милочки Вы отчасти получите мой ответ в том письме. Совершенно так же, как и Вы, я чувствую наши отношения, так же, как и Вы, не хочу ничего в них изменить. Я внутренно посмеялась над наивностью Пахульского, который думал, что Милочка в самом деле пойдет к Вам, потому что она все к нему приставала, чтобы с ним поехать. Ему же я сказала, что нельзя, чтобы Милочка беспокоила Вас и мешала заниматься. Вы совершенно угадываете, что ее интересует мое незнакомство с Вами и возбуждает вопросы. Так, она на-днях спрашивала меня: «Est il vrai que tu ne connais pas du tout Петр Ильич?»* (Не знаю, кто и при каком случае ей сказал, что я с Вами совсем не знакома.) Я отвечала ей: «Au contraire, je le connais très bien et surtout je l'aime beaucoup»**. Этим ответом она вполне удовлетворилась. Итак, милый друг мой, это вопрос, в котором наши чувства и взгляды совершенно одинаковы.

Сонаты, какие есть, посылаю. Лес, о котором Вы пишете, друг мой, я хорошо знаю, и он мне очень нравится, а в особенности его очень любит Юля. Это есть Симакский лес, но там же скоро начинается и Новоселицкий, поэтому Ефим и затруднялся определить.

Меня ужасно радует, что работа Ваша идет успешно. Извините, друг мой, что сонаты в таком плачевном виде, это мой Сашок их теребит, хотя они у меня и в двух экземплярах. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

105. Чайковский—Мекк

[Симаки]
12 августа 1879 г.

Получил сейчас от Ивана Васильева письмо Ваше со вложением, книги и портреты. За все это бесконечно благодарен Вам. Позвольте мне, милый друг, отвечать Вам на письмо сегодня вечером. Письма наши разошлись. В то время, как я читал Ваше, Вы, вероятно, читали мое. Портреты тоже я бы хотел оставить себе на один день.

До свиданья, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Благодарю Вас за часы, за все!

---

* «Правда ли, что ты совсем не знаешь Петра Ильича?»

** «Наоборот, я его хорошо знаю и, главное, я очень его люблю».

106. Чайковский—Мекк

Симаки,
12 августа [1879 г.]
8 часов вечера.

Буду отвечать на Ваши вопросы.

1) Купальней, как и всем остальным, я не только доволен, но совершенно восхищен. Она так кокетлива и мила! Размеры ее более чем достаточны. Я умею хорошо плавать, и простора в реке много, а для одевания ничего большего и лучшего нельзя придумать.

2) На лодке в первый раз я катался сейчас, а именно, ездил в Тартаки. Гребцами были Ефим и Алексей. Было очень приятно, но еще приятнее было в лесу. Что за прелесть этот лес! Я исходил его вдоль и поперек. Пил чай, привезенный в лодке, на обычном месте. Назад я предпочел итти пешком. Против самого дома я остановился, дождался лодки и был перевезен на наш берег.

3) Я с величайшим удовольствием побываю в Браилове. В один из дней, когда Вы предпримете поездку в лес, потрудитесь, милый друг, предупредить меня, и я приеду. Я предпочел бы, чтобы это случилось не на предстоящей неделе, а на следующей, и вот почему. Работа моя подвигается так необычайно быстро, что все главное, т. е. партитуру, я надеюсь окончить к концу недели. Тогда мне останутся разные второстепенные работы, которые нисколько не будут уже тяготить и утомлять меня, и я стану работать уже не так усидчиво. Мне приятно будет побывать в Браилове уже с совершенно облегченным сердцем.

4) Простите, что в свое время не ответил Вам на вопрос о Наташе. Ей минуло на-днях одиннадцать лет. Сестра должна была выехать сегодня. Она берет в Петербург, кроме Анны и Наташи, двух сыновей, Митю и Володю, которых очень желает видеть дедушка.

5) Алексей в последнее время немножко ленится. Это произошло оттого, что каменский школьный учитель, с которым он занимался, уехал в отпуск, и таким образом для него устроились каникулы. Французский он покамест отложил в сторону. Впрочем, нужно отдать ему ту справедливость, что он никогда не сидит сложа руки и если ничего не пишет, то читает. До чтения он страстный охотник. Какой симпатичный человек Ефим! Он очень мне нравится. Леон тоже весьма предупредителен и услужлив. Кормят меня здесь превосходно. Вчера и сегодня у меня были грибы. Вообще, милый, добрый друг, как могу я желать еще чего-либо. Всего слишком много! Если бы Вы знали, как мне мил этот домик, этот чудный сад, эта дорожка к реке,

эти калиточки, вход в которые в моем исключительном распоряжении! Я совсем не говорю фразу, когда сравниваю мою теперешнюю жизнь с сновиденьем. Целую жизнь я всегда мечтал именно о таком образе жизни и о такой обстановке.

С величайшим интересом я рассматривал присланные Вами портреты. Премного благодарю Вас за них, милый друг мой! Меня поразило, до чего возмужал и изменился Саша! Знаете ли, что его лицо, хотя менее красивое, было мне всегда более симпатично, нежели лицо Коли? Отчего это? Вообще в чем заключается симпатичная внешность? Акварельные работы превосходны. В следующем Вашем письме, будьте так добры, напишите мне, друг мой, кто из Ваших сыновей имеет способности к музыке? Порядочно ли играют мои коллеги [1] Коля и Саша? Мне очень понравилось, что последний растеребил немножко сонаты Бетховена. Коля теребит, значит, играет и притом часто. Еще попрошу Вас сказать мне, решен ли день Вашего отъезда за границу, и когда именно Вы думаете отправиться. На всякий случай прибавлю, что не жду скорого ответа. Пожалуйста, милый друг, берегите голову и глаза свои и пишите как можно меньше. Как ни счастлив я, получая и читая Ваши строки, но не устану повторять Вам, что быть виновником Вашего утомления было бы мне крайне тяжело.

Меня немножко беспокоит, что я до сих пор не получаю писем от Анатоля. Иногда мне бывает немножко совестно быть так счастливым и так наслаждаться, когда столь милый мне человек, быть может, томится и тоскует!

Я все хочу набрать такое количество грибов и таких хороших, чтобы можно было послать их Вам, но до сих пор не удается. Сегодня их было крайне мало. Завтра хочу попробовать поискать во Владимирском лесу, где в прошлом году их было много.

До свиданья, милый друг. Буду продолжать вести свой дневник. Следующее письмо пошлю Вам в четверг утром.

Ваш П. Чайковский.

107. Чайковский—Мекк

Симаки.
13 августа.
7 часов вечера.

1879 г. августа 13—15. Симаки.

День грустный. Сегодня я получил известие о смерти того больного старичка, который приехал погостить к Кондратьеву с тем, чтобы там окончить дни свои. Известие это произвело на

меня довольно сильное впечатление. Покойник—мой очень старый знакомый. Это был один из тех людей, которые никогда не могут примириться с мыслью о смерти. Он никогда даже не произносил этого слова. Замечательно, что даже во время болезни он, повидимому, совсем не допускал и мысли о возможности смертного исхода. В последние дни он, несмотря на отчаянную слабость, хотел ехать в Москву, велел уложить свои вещи и именно в день смерти собирался выехать. За два часа до смерти он умирающим голосом сказал Кондратьеву: «Сегодня в два часа, бог даст, я выеду». Очень замечательно также то, что покойник родился, учился и шестьдесят лет безвыездно жил в Москве. В первый раз в жизни он выехал так далеко и уже не вернется в Москву! А он ее беспредельно любил.

Погода сегодня хмурая в p e n d a n t к моим грустным ощущениям. Но я все-таки совершил большую пешую прогулку, видел невдалеке работающие паровые плуги и вернулся устрашенный огромной тучей, которая однакож почти ничем не разразилась. От брата Анатолия получил очень утешительные известия. Оказалось, что его прикомандировали к комиссии, производящей следствие над политическими преступниками, и только поэтому потребовали скорого возвращения. В этом назначении есть кое-что лестное для его служебной амбиции. Прокурор судебной палаты сказал ему, что признает его из всех товарищей прокурора наиболее подходящим к важности дела. Одним словом, из письма его видно, что он хотя и грустит о деревне, но доволен обстоятельствами, касающимися его официального положения.

Работал менее обыкновенного.

14 [августа]
8 часов вечера.

Только что возвратился. Извините, ради бога, Надежда Филаретовна, что, нехорошо рассчитав время, я попал как раз навстречу Вам и вызвал по этому случаю, вероятно, новые расспросы Милочки, а для Вас новые затруднения разъяснять ей, почему таинственный обитатель Симаков не бывает в Вашем доме, хотя и пользуется Вашим гостеприимством. Оказалось, что я выехал не в четыре часа, а несколько ранее [1]. Прогулка была очень приятная. Был я и на скале, но, к моему величайшему огорчению, грибов ужасно мало, и они плохи. Соединенными усилиями моими, Алексея, Ефима и Леона едва набралось с треть корзинки, которую посылать Вам совестно. Когда усталый я пришел к чайному столику, то нашел на нем, к величайшему удовольствию, письма и газету. Как мне отблагодарить Вас, дорогой друг, за это милое внимание! Одно из

писем от племянницы Тани. Она пишет, что вагон Дервиза уже пришел в Каменку и что на другой день сестра должна была уехать. Таня описывает радость, которую сестра причинила Мите и Володе, когда объявила им, что берет их с собой. Володя совершенно обезумел от радости и очень долго плакал от избытка счастья. Теперь они должны быть уже в Москве, а завтра утром будут в Петербурге. Меня мало беспокоит это путешествие сестры; при тех удобствах, которыми снабжен вагон Дервиза, путешествие не утомит ее.

Как прелестна Милочка!

Работал так усердно, что почти кончил первую половину действия.

15 августа.

Был в лесу, еще мне незнакомом и до того прекрасном, что я почти готов отдать ему первенство перед всеми. Это дубовый лес, принадлежащий, должно быть, Симацкой экономии. По крайней мере, ехать нужно через Симаки. Приходится он как раз против Тартаков. Мне известно, что в этом году Вы в нем ни разу не были. А жаль! Для прогулки нельзя ничего лучше выдумать. К сожалению, гроза помешала остаться там, сколько бы хотелось. Относительно грибов весьма неудачно.

В ту минуту, как я Вам пишу, минула ровно неделя моему пребыванию в Симаках. Дни пролетели совершенно незаметно. Какое неизмеримое благо для меня это отдохновение!

А дождь продолжает лить. Это жаль для бураков. Если не ошибаюсь, им теперь нужно тепло и бездождие. На вид Ваши свекловичные плантации очень недурны и во всяком случае лучше каменских. Я слышал, что явился охотник для аренды Симаков. Дай бог, чтобы все уладилось согласно Вашим желаниям!

Надежда Филаретовна, потрудитесь передать Владиславу Альбертовичу, что я очень буду рад, если завтра, в четверг, он побывает у меня вечером. Если ему это удобно, то лучше всего было бы приехать между семью и восьмью часами. Если же по случаю приезда брата ему сегодня неудобно, то пусть изберет какой угодно день.

Будьте здоровы, милый и добрый друг!

Ваш П. Чайковский.

108. Мекк—Чайковскому

1879 г. августа. 16 Браилов. Четверг.

Вы извиняетесь, дорогой друг мой, за то, что мы встретились, а я в восторге от этой встречи. Не могу передать, до чего мне стало мило, хорошо

на сердце, когда я поняла, что мы встретили В а с, когда я, так сказать, почувствовала действительность Вашего присутствия в Браилове. Я не хочу никаких личных сношений между нами, но молча, пассивно находиться близко Вас, быть с Вами под одною крышею, как в театре во Флоренции, встретить Вас на одной дороге, как третьего дня, почувствовать Вас не как миф, а как живого человека, которого я так люблю и от которого получаю так много хорошего, это доставляет мне необыкновенное наслаждение; я считаю необыкновенным счастьем такие случаи. При встрече с Вами я не сразу это поняла, потому что мы часто встречаем экипажи, часто я получаю и отдаю поклоны, не зная кому, так и тут я не смотрела ни на кучера, ни на лошадей, сбоку увидела чей-то поклон (Вашего Алеши, как я узнала позже), ответила на него и, только когда перенесла глаза на едущего позади Леонтия, я поняла, к о г о мы встретили, и мне сделалось так радостно, так хорошо, что слезы у меня подступили к глазам, и я сама спросила Милочку, знает ли она, кого мы встретили, но она, так же как и я, не знала этого, и, действительно, у нас пошел большой разговор об Вас, но не думайте, милый друг мой, чтобы меня когда-нибудь стесняли ее расспросы и желания. Когда она меня спрашивает, почему мы не ездим к Вам и Вы к нам, я ей говорю, что потому, что Вы заняты, что Вы сочиняете прекрасную музыку, что Вас беспокоить нельзя, и она этим вполне убеждается и тогда расспрашивает, что Вы сочиняете теперь. При нашей встрече она вспоминала, как она встретила Вас на улице во Флоренции, и прибавила: «mais lui, il ne nous a pas vu»*. Сообщила мне, что ее няня-немка все спрашивает, отчего мы теперь не ездим в Спамаки, «et moi, говорит, je m'enfuis pour ne pas lui dire pourquoi»**; она очень умеет хранить секреты. Когда мы вернулись, то она взяла Пахульского (с которым она в очень хороших отношениях), отвела в сторону и, обхвативши за шею, на ухо сообщила ему, что мы В а с встретили, хотя в комнате была одна я.

Сегодня я пишу Вам экстренно, Петр Ильич, для того, чтобы сказать Вам, что именно сегодня в восемь часов вечера приезжает Генрих Пахульский, и Влад[ислав] Альберт[ович] в отчаянии, как он акцентирует, что не может поехать к Вам, и просит покорнейше указать ему другой день, в который он может приехать, потому что, говорит, он не смеет сам выбирать. Его глаз сегодня хуже....

В воскресенье надеюсь писать Вам и тогда дам ответы на Ваши вопросы.

До свидания, бесценный друг.

Ваша Н. ф.-Мекк

109. Чайковский—Мекк

[Спамаки]
16 августа 1879 г.

Милый друг! Так как Пахульский, вероятно, охотно проведет первые вечера после приезда брата с ним вместе, то я не буду его беспокоить до воскресенья. В этот же день, если здоровье ему дозволит, я буду ожидать его вечером между семью и восьмью часами. Будьте здоровы!

Ваш П. Чайковский.

---

* «но он, он нас не видел»

** «но я, говорит, я убегаю, чтобы не сказать ей: отчего»

110. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 16—17. Сиамаки.

16 августа.
Четверг.

Как ни многочисленны книги, которыми Вы меня снабдили, милый друг мой, но вследствие пагубной привычки не читать, а поглощать их, мой запас уже истощается. Впрочем, я должен сказать, что из «Русского вестника» мне незнакома была только июльская книжка; «Р у с с к и й а р х и в» я тоже уже читал в Каменке; книгу о Бисмарке я прочел уже давно, так что нового для меня были только остальные журналы и в том числе «Д е л о», в котором я сверх ожидания нашел очень много хорошего. Я бы попросил Вас, если это возможно, дать мне полное собрание Т о л с т о г о (Льва) и Д о с т о е в с к о г о. Если случайно имеется какой-нибудь роман Диккенса в русском или французском переводе, то весьма бы желал получить таковой. Вы, вероятно, спросите: когда я успеваю читать? Читаю я исключительно вечером и иногда зачитываюсь довольно долго. Это дурно для глаз, но что же делать? Днем я читаю только во время моих г е р а s*. Это я ужасно люблю, хотя где-то читал, что будто это нездорово.

В лес я сегодня не ездил, но зато ходил пешком в любимый лесок Юльи Карловны. Это очень порядочная прогулка. Сейчас виделся с Марселем. Этот любезный чудак спрашивает меня, не нужно ли мне чего-нибудь, не недоволен ли я чем-нибудь. Решительно не могу себе представить, чего еще может мне здесь недоставать!

Знаете ли Вы, друг мой, что у нас здесь живет целое стадо кроликов? Я очень люблю этого милейшего зверька. На крыше у меня поселилось целое семейство кошки с многочисленными котятами. Им я тоже весьма рад; во-первых, кошки сами по себе милы, во-вторых, это противуядие против моего злейшего врага: м ы ш е й и к р ы с. Признаться, я в первое время побаивался, что меня станут навещать эти ненавистные гости; во-первых, время такое, когда они с полей возвращаются, во-вторых, дом старый. Но, к моему величайшему счастью, я ни разу не видел и не слышал ни малейшего намека на их присутствие. Ну, как не любить мой очаровательный уголок! Бесчисленное количество качеств и ни одного недостатка.

---

* еды

18[17] [августа].
Пятница.

Вчера Марсель передал мне от имени ксендза благодарность за мое ходатайство перед Вами по поводу костела. Кроме того, тот же ксендз обращается к Вам через меня с новою просьбой. Марсель, передавая мне ее, все спрашивал: «н е о б и д н о л и м н е» это беспокойство и «н е о б и д н о л и В а м», что он просит. Я сказал, что «о б и д н о г о» тут ничего нет, что просить всегда можно, но, разумеется, не всякая просьба удобоисполнима. В настоящем случае дело состоит в том, что имеется около к о с т е л а какой-то дом, в котором режут, кажется, скот; и вот этот-то дом ксендз желал бы получить для костельной прислуги. Марсель бесчисленное число раз извинялся за то, что «б е с п о к о и т» меня этой просьбой, но ксендз очень его упрашивал передать мне ее. Итак, милый друг, позвольте опять ходатайствовать перед Вами об удовлетворении желания ксендза, если к тому представляется возможность. Не знаю, вполне ли точно передал я Вам, в чем дело. Кроме того, ксендз мне же поручает передать Вам его бесконечную благодарность за все, что Вы для костела сделали. Вот никогда не думал, что мне придется хлопотать о постройке католического храма!

Ездил в Новоселицкий лес. Я узнал от Марселя, что Вы любите грибы, и это удесятерило мою г р и б н у ю страсть. Леон уверил меня, что в Новоселицком лесу их много, и вот мы отправились. Но оказалось, что на этот раз мы были несчастнее, чем когда-либо, и нашли всего один гриб. Вчера я решился послать Вам то ничтожное количество, которое имелось. Очень совестно, что так мало.

Чем больше моя работа подвигается к концу, тем нетерпеливее я делаюсь и тем непреодолимее хочется, наконец, совсем отдохнуть. Но, увы! все-таки еще осталось порядочно. Я принужден сам сделать фортепианное переложение четвертого действия — это всего скучнее! Кроме того, я навалил себе на плечи еще новую, хотя небольшую и наполовину уже сделанную работу. Дело в том, что я вдруг недавно вспомнил, что все части и а ш е й сюиты в двухдольном ритме. Это привело меня в смущение, и я нашел необходимым вместо одной из пяти частей (наименее удачной) написать новую в ритме менуэта [1]. Третьего дня вечером этот менуэт я написал, и теперь, когда совсем покончу с оперой, придется оркестровать и аранжировать ее. Нельзя откладывать, так как сюита уже печатается. Юргенсону я об этом уже написал.

111 Мекк—Чайковскому

Браилов,
18 августа 1879 г.
Суббота.

Пишу Вам сегодня, дорогой друг мой, для того, чтобы сказать, что мы едем в Симакскую Дубину, а кстати при этом сказать кое-что по поводу Ваших писем.

Вы говорите, что находите лицо Сашонка симпатичнее, чем Колино,—то у него и натура симпатичнее, хотя я скажу, что для жизни Коля пригоднее, полезнее, но Сашок всем больше нравится, потому что это мечтатель, отвлеченный от жизни....

Вы спрашиваете, друг мой, о их музыкальных способностях, то, к сожалению, ни один не подает больших надежд. У Сашонка большая охота к музыке, но нет совсем слуха и механической способности, а играет часто и усердно, но вообще вкус в музыке очень не развит. У Коли великолепный слух, но нет охоты к музыке, т. е. он любит ее слушать, но не любит учиться, хотя и продолжает свои уроки на скрипке, но очень небрежно.

Благодарю Вас, друг мой, за сообщение мне возраста Наташи. Меня это интересовало вследствие особенной мысли,—угадайте какой? Если не угадаете, то я все-таки Вам скажу, но мне бы хотелось, чтобы Вы угадали.

Вчера мы ездили на лодке при лунном свете, и я почти все время думала о Вас, я была уверена, что Вы также наслаждались этим очаровательным вечером, но мне хотелось угадать—где и как.

Меня очень радует, что Вы успокоились за Анатолия Ильича. Должно быть, и сегодня Вам есть письмо от него то, которое написано на тонкой бумаге. Дай бог, чтобы были хорошие вести.

Тысячу раз благодарю Вас, мой дорогой, за грибы, которые я уничтожала с величайшим наслаждением. Я их очень люблю есть, а собирать не умею, потому что близорука. Вчера приехал Генрих Пахульский. Трудно, конечно, что-нибудь основательного сказать о нем по внешности; он молодой человек вполне приличный, хороший пианист, но вообще мне больше нравится мой воспитанник Владислав. Завтра он явится к Вам, Петр Ильич, согласно Вашему приказанию.

Меня зовут завтракать, поэтому оставляю письмо до завтра, если ничто не помешает.

Ваша Н. ф.-Мекк.

112. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 18—19. Симаки. Суббота, 18.

Мне кажется, что я отгадал Вашу мысль о Наташе, милый друг мой. Вы хотели знать, не подходит ли по годам сия будущая девица в подруги жизни для хорошо известного Вам юноши? Так или нет? О, если б что-нибудь подобное действительно случилось! Как бы это хорошо было!

Сейчас пришел пешком из ближайшего леса. Грибов собралось порядочно, и завтра утром я посылаю Вам целую корзину.

Письмо, о котором Вы предположили, что оно от Анатолия, не от него, а от Кондратьева.

Я, как и Вы, друг мой, бесконечно наслаждаюсь чудными ночами и долго, долго сижу на балконе или хожу около дома. Я вчера именно думал о том, что Вы катались на лодке. Сегодня и я покатаюсь.

Я могу сказать без всякого преувеличения, что я по чутью, по выражению лиц именно так себе и представлял характеры Ваших правоведов, как Вы их описываете. Хотя личность Коли очень интересна и тоже в своем роде симпатична, но Саша решительно становится моим любимцем, и после прелестного портрета, который Вы мне нарисовали, я почувствовал к нему особенную нежность!

Воскресенье.

Сегодня ходил пешком в Тартаки, туда и назад; переезжал в лодке только на противуположный берег. Как мне стыдно перед этим моим прежним любимцем за то, что я изменил ему. Нет! остаюсь верен Тартакам. Удивительно хорошо было сегодня!

Провел очень приятно время с Пахульским. По поводу его музыки попрошу Вас, друг мой, настаивать, чтоб он занялся игрой на фортепиано. Это имеет для него о г р о м н о е значение.

До свидания! Безгранично любящий и благодарный

П. Чайковский.

113. Мекк—Чайковскому

Браилов,
19 августа 1879 г.
Воскресенье, 8 часов утра.

....Вчера по возвращении с прогулки я посадила Ген[риха] Пахульского играть нам Вашу баркароллу. Что это за прелесть, сколько поэзии, какая нежность мечты—очаровательно!.. Потом он играл этюд Листа, очень блестящий, но я не люблю Листа; он не м у з ы к а н т, а п и а н и с т. Играл из Kreisleriana Шумана два номера, ну, это, в особенности пятый номер, уж и сказать нельзя,—можно только слушать и слушать... Как идет Ваша работа, дорогой друг мой?

Вчера я с особенным чувством смотрела на Симаковский домик и сердцем проникала в него,—была с Вами, бесценный друг мой.

Сегодня мои мальчики уехали на охоту, и я думаю, что утром мы никуда не поедем, а быть может, вечером на скалу.

День моего отъезда еще не назначен. Я хотела бы уехать около 5 сентября, но может случиться, что дела меня задержат до половины сентября....

До свидания, мой милый сердечный друг. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

114. Мекк—Чайковскому

1879 г. августа 19. Браилов.

Воскресенье.
½10-го утра.

Только что я окончила свое письмо к Вам, как получила Вашу посылку, превосходные грибы, за которые тысячу раз благодарю Вас, мой дорогой, милый Петр Ильич. Это удивительно, как Вы умеете находить белые грибы. Мои барышни во всех лесах ходят собирать их, ищут очень усердно и втроем изредка едва найдут один гриб и уж тогда бывают в восторге.

Ваш Алеша какой набожный, это хорошо. Мои младшие девочки и мальчики также каждое воскресенье бывают у обедни в монастыре, и сейчас Милочка прибежала за деньгами в кошелек класть. У нас предполагается также постройка русской церкви. Я, сколько могу, стараюсь помочь этому делу, мне хочется, чтобы православная церковь не уступала католической....

Отчего Ваш Алеша не приезжает в Браилов в гости к своим знакомым, ведь он до четырех часов у Вас свободен, Петр Ильич?

Еще раз благодарю Вас, дорогой мой, за Ваше милое внимание.

Ваша Н. ф.-Мекк.

115. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 21—23. Сиамаки.

21 августа.

Сегодняшняя поездка в лес у пасеки ознаменовалась тем, что, отправившись один бродить по лесу, я заблудился. К несчастию, со мной не было pince nez, так что когда я вышел в поле, то не мог осмотреться и решить, по какому направлению итти. Очень долго кричал с невероятным напряжением до тех пор, пока Ефим не услышал и не направился в мою сторону.

Весь день посвятил с ю и т е, т. е. тому маленькому номеру, который должен посредством трехдольного ритма спасти все сочинение от ритмического однообразия. Сюита теперь много выиграла! Что касается оперы, то мне осталось еще немало работы, но все трудное уже свалено с плеч, и я начинаю уже предвкушать предстоящее счастье окончания этой египетской работы.

Что за дни стоят чудные!

22 августа.

Испытал сегодня довольно раздражившее меня недоумение. Нужно Вам сказать, что фортепианное переложение первых двух актов оперы взял на себя некто г. М е с с е р в Москве. Так как он с величайшей охотой и старательностью работал и так как музыкант он по репутации хороший, то я и был совершенно покоен. Между тем он прислал мне на просмотр первое действие, которое я и получил в день выезда из Каменки, но до сих пор не имел времени рассмотреть. Сегодня утром стал рассматривать,

и, к удивлению моему, оказалось, что переложение до такой степени с л а б о, б е з д а р н о, н е у м е л о, что мне придется переделывать почти каждый такт. Это очень досадно! Правда, что этого рода работа очень нелегка и требует не только знания и понимания, но даже и таланта. Но всего этого я мог ожидать, судя по компетентным отзывам, от г. М е с с е р а. Между тем оказывается, что ему сильно недостает всех вышеупомянутых качеств. Надеюсь, что переложение третьего акта, которое я поручил Котеку, будет удачнее, хотя он сильно затрудняется и беспрестанно требует письменных разъяснений, но я не сомневаюсь, что работа будет по меньшей мере порядочная. Что касается четвертого действия, то я его сделал сам. Вчера вечером я занимался сверх программы и так удачно, что новую часть сюиты в один день положил на оркестр и переложил на фортепиано, а сегодня все это уже стремится в почтовом вагоне в Москву.

Утром погода хмурилась, но под вечер сделалось ясно, и я пошел пешком в ближайший лес. Был довольно неприятный ветер, но в лесу было чудно. Проходил два часа.

Получил известие о том, что сестра благополучно доехала до Петербурга. Зато из Каменки неприятное известие: Ю р и й опять заболел диссентерией. Бедная Таня провела несколько бессонных ночей и пролила много слез. Но есть уже значительное улучшение. Модест ужасно хандрит и ждет меня. Отсюда я поеду прямо к нему, потом в Петербург, где столь же нетерпеливо ожидает меня Анатолий. В Москве меня тоже ждет Юргенсон для переговоров о печатании оперы и для целой массы ожидающих меня корректур. А мне, признаться сказать, так еще не хочется думать об отъезде из милого, несравненного убежища моего.

23 августа.

Ездил в лес около зверинца. Ефим надеялся, что там много грибов будет, но ошибся. Я сегодня с утра чувствую себя не совсем здоровым и поэтому меньше обыкновенного наслаждался прогулкой. Зато было необыкновенно весело и забавно слушать во время чая разговор, происходивший между Ефимом, Леоном и Алешей. Последний прослыл у них либералом, атеистом и даже, кажется, социалистом. Разговор начался с того, что я похвалил здание к о с т е л а, мимо которого мы проезжали. По этому поводу Леон сообщил мне, что здесь большой приход, что сюда приезжают за несколько сот верст и что в кладбищенской капелле имеется чудотворный с т а т у й. Меня это заинтересовало, и Леон вместе с Ефимом сообщили мне подробности о невероятных чудесах, производимых этой статуей: как одна дама

приводила к ней на излечение собаку, как эта дама разлетелась в куски за кощунство, как у статуи росли волоса и т. д. Последнее обстоятельство возбудило в либерале Алексее целый поток сарказмов, насмешек и эпиграмм, жертвами которых были Леон и Ефим. Последний был необыкновенно комичен в серьезности, с которой он поддерживал действительность чудес статуи, и в упреках, которыми осыпал Алешу за и е в е р и е. Это было необыкновенно забавно!

Кстати об Алексее. Вы спрашивали меня, милый друг, нравится ли ему здесь. Не только нравится, но он в совершенном восторге. Лицо его здесь озаряется вечной улыбкой удовольствия и счастия. Да и может ли быть иначе? Ведь куда неказиста и непоэтична обстановка каменская! Мы живем там в самой неприглядной местности, рядом с целой массой жидовских хат, без сада (сад есть, но он в другом месте и очень противный), в дурном воздухе. Симаки рай в сравнении с Каменкой. Можете себе представить, милый друг, до чего должны быть дороги для меня каменские жители, если я добровольно провожу там большую часть года!

Мне очень приятно было проехать сегодня мимо Вашего дома. Вы, вероятно, были дома. На возвратном пути, проезжая через мост, я видел кого-то из Ваших в лодке.

Каждый вечер между десятью и одиннадцатью часами я катаюсь в лодке с Алешей. Кажется, я делаю успехи в этом отношении и начинаю входить во вкус.

Будьте здоровы, дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

Тысячу благодарностей за книги.

116. Мекк — Чайковскому

Браилов,
21 августа 1879 г.
1879 г. августа 21—23. Браилов. ½11-го утра.

Как Вы проницательны, мой милый друг, насчет Наташи. Вы совершенно угадали, и я скажу Вам теперь, почему я пришла к этой мысли, но прежде того оговорюсь вот в чем. Если Вы помните, что я Вам как-то говорила, что я з а к л я т ы й в р а г браков[1], то Вы, быть может, подумаете, что я изменила свой взгляд на этот предмет, или Вы найдете нелогичным с моей стороны, при моих убеждениях насчет браков, заботиться об них для моих детей,—то я скажу Вам, милый друг, что я ни на йоту не изменила своего отношения к бракам и что именно вследствие моего взгляда на них я и забочусь по этому предмету для моих детей. Я своих убеждений не навязываю никому. Перед своими старшими детьми я хотя и выражала свой взгляд на брак, но так как детей воспитывает гораздо больше о б щ е с т в о, чем р о д и т е л и, то и мои три дочери вышли

замуж, и сын женился. Наученная теперь этим опытом, я вижу, что о д и н в п о л е н е в о и н и что я о д н а против всего общества бессильна даже на то, чтобы уберечь своих детей от зла и горя, поэтому перед младшими детьми я уже и не развиваю своих теорий насчет брака, и так как убеждена, что они не избегнут этого зла, то мне хочется, по крайней мере, оградить их от большего несчастья своею опытностью, отсутствием пустого рутинного увлечения,—одним словом, р а з у м н ы м в ы б о р о м. Вот почему я, милый друг, так рано начинаю заботиться об этом предмете, и почему мне пришла в голову мысль и вследствие ее и желание с о е д и н и т ь н а ш и х д е т е й — В а ш у Н а т а ш у и м о е г о К о л ю!!?.. Я убеждена, что у такой достойной женщины, примерной семьянинки, как Александра Ильинишна, и дочери будут таковы же, как она. Мой Коля также сын прекрасного отца. Теперь, если бы я хотела соблюдать п р и л и ч и я (к которым вообще чувствую антипатию), то я сказала бы, что... конечно, я не знаю... п о н р а в и т с я л и мой Коля Наташе... Но я именно для них и хотела бы отвратить эту пошлую принадлежность браков: п о н р а в и т ь с я, в л ю б и т ь с я; мне бы хотелось, чтобы они оценили друг в друге нравственные достоинства и за них полюбились бы. Я вообще больше всего на свете презираю в с я к у ю в и д и м о с т ь, потому что она есть л о ж ь и т ь м а, а я поклонница света, истины, правды, естественности, д е й с т в и т е л ь н о с т и, с у т и, потому что я реалистка, и всякое поклонение виду, внешности не только мне не свойственно, но противно, но зато никто не может так горячо, так страстно поклоняться д е й с т в и т е л ь н ы м достоинствам, как я. Я не у м о м поклоняюсь им, а в с е м с е р д ц е м я люблю, обожаю все д е й с т в и т е л ь н о прекрасное. Быть может, Вам странно слышать такое увлечение от р е а л и с т к и, Петр Ильич. Вообще с понятием о реализме соединено представление холодности, бессердечия, но это потому, что те, которые себя называют реалистами, сами не понимают, в чем состоит их и д е я, отправляют ее в помойные ямы и роются там во имя реализма. Да это гадость, профанация самой ч и с т о й идеи. Так же, как унижают и профанируют нынешние социалисты высокое учение действительного социализма, так же поступают и так называемые реалисты: Писемские, Зола и т. п. циники. Я же хотя и не пропагандирую, но и в душе и всею своею жизнью и деятельностью — страстная, экзальтированная р е а л и с т к а и социалистка, хотя в то же время не терплю социалистов и реалистов и нигилистов, не жалею нисколько о тех, которых теперь вешают: это уличные мазурики, а не люди идеи. Я не могу простить им того, что они пятнают, грязнят такую прекрасную, благородную идею, как та, на которой должно быть построено все социальное учение. Вот был единственный благородный социалист, это Чернышевский; как я его люблю, и как мне его жаль!

Но виновата, милый друг мой, я с Вами ужасно увлекаюсь и, вероятно, очень надоедаю Вам этим. Возвращаюсь к н а ш и м детям.

При этом вопросе есть одна статья, которая меня смущает: это моя н е л ю д и м о с т ь,—на тот случай, если бы я дожила до этого. Вы мне говорите иногда о Вашей мизантропии и думаете, что я ее не понимаю, а если я скажу Вам о м о е й, то боюсь, что Вы ей не поверите. Знаете ли, милый друг мой, что я н е з н а к о м а и н е в и д а л а н и к о г д а ни мать моего зятя Левиса, ни мать моего зятя Полшина, ни мать моей belle fille * M-me Попову? Мне было нелегко отделаться от этого, ни одна из них не была в состоянии п о н я т ь или, вернее сказать, с н и с х о д и т ь моей дикости, и все они, конечно, за это несколько враждебно

* невестки (жены сына)

относятся ко мне, но что делать, это не первое, не единственное и, главное, не очень большое горе моей жизни, но дело в том, что я не знаю, как бы отнеслись к этому Александра Ильинишна, Лев Васильевич и все их семейство. Вы также, быть может, не поверите, Петр Ильич, что я не была на свадьбе ни моей дочери Лиды, ни сына Володи, потому что на той и другой были родные зятя моего и невестки,—а между тем, это факт [2]. Я не считаю это никакою помехою для счастья соединяющихся. Теперь, быть может, Вы скажете, почему же я намечаю для этого К о л ю, а не Сашонка, который Вам больше нравится,—то это потому, что насколько сильно я желаю счастья моему Коле, настолько же сильно и Наташе, а я думаю, что с Колею его можно иметь больше, чем с Сашонком; этот при всем своем милом, симпатичном характере есть с л и ш к о м отвлеченная натура, с л и ш к о м м е ч т а т е л ь для того, чтобы доставить действительное счастье, а Коля при всей своей практичности обладает очень теплым, любящим сердцем. К тому же, Сашок, быть может, совсем убережется от женитьбы, а Коля уже никак, так же, как и Соня непременно вылетит замуж, и в настоящее время это есть мои две заботы: приготовить невесту Коле и жениха Соне. Это все немножко рано, но я именно боюсь нечаянных выборов, основанных на в л ю б л е н и и.

23 августа.

Сейчас получила Ваше письмо, дорогой друг мой. Вчера, когда Вы проезжали по мосту, на лодке ехали я, Сашок и Милочка, и мое сердце так и вспрыгнуло, когда Сашок сказал своим мерным, ровным голосом: «Вот и Петр Ильич едет по мосту».—«Где?»—переспросила я и повернулась к мосту, но, по своей близорукости, могла видеть только, что едет экипаж с людьми. Милочка также встрепенулась и полезла через плечи брата, чтобы увидеть Вас.

По поводу описываемого Вами разговора, милый друг мой, я попрошу вот о чем Вашего Алешу. Я уверена, что он имеет большой авторитет между моими браиловскими людьми, то пусть он употребит его на то, чтобы в их понятиях поднять достоинство православной церкви, а то они совсем окатоличились, и мне это о ч е н ь неприятно. Статуя, о которой они Вам рассказывали, стоит и поныне и действительно творила чудеса до тех пор, пока в один прекрасный день правительство запретило ей делать чудеса и отращивать волосы,—тогда все это прекратилось.

Милый друг мой, если Вы еще остаетесь при согласии посетить Браилов, то не сделаем ли мы этого завтра или послезавтра? Если погода будет хорошая, то в таком случае мы поедем в В а ш л е с, который Юля любит, а Вы приедете к нам, и я попрошу Вас назначить мне, в какое время дня это для Вас удобнее сделать. Если Вы приедете в Браилов, то, пожалуйста, посмотрите все новые картины и разные новые вещи в обстановке комнат, в особенности обратите внимание на две картины в м о е й п е р в о й комнате. Для этого я попрошу Вас сесть на диван, на тот конец, который ближе к входной двери, и посмотреть оттуда в особенности на верхнюю из двух картин — голубую; Вы увидите, что это восхитительно. Эту картину я купила в Interlaken'е, и у меня есть еще картины этого же художника Sprino. Заметьте также в м о е м кабинете новый письменный столик с фарфоровыми фигурами и миниатюрный портрет Милочки. Вообще, посмотрите все мои комнаты и все, что в них есть нового.

А в воскресенье мы собираемся сделать предварительное празднование Сашонкиных именин и повторить маскарад с катаньем на лодках. Для сего приглашаю Вас, милый друг, с Вашего берега, с какого-нибудь

места, которое Вам удобнее, посмотреть на нашу маскарадную экскурсию. Я думаю, что это должна быть красивая картина.

Вы как-то хвалили кучера Ефима. Я его также люблю, и он есть исключительно м о й к у ч е р в Браилове, но не подумайте, милый друг, чтобы мне составляло лишение не иметь его в настоящее время,— нет, никакого, потому что нынешнее лето я прислала сюда из Москвы своего кучера с двумя парами рысаков, с которым я обыкновенно в Москве езжу. Оба эти кучера, Ефим и московский лейб-кучер Иван, страстные охотники и руководят Колею и Сашею на охоте.

По до свидания, мой милый, дорогой. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф-Мекк.

Извините, друг мой, за беспорядочность письма, мне все мешают писать, да и устала.

117. Чайковский—Мекк

Симаки,
24 августа [1879 г.]

Я нисколько не задумывался над кажущимся противоречием между Вашей враждебностью к браку по принципу, с одной стороны, и планами о брачных союзах детей—с другой. Я очень понимаю, что Вы смотрите на брак как на необходимое зло, устранить которое невозможно, и поэтому остается только хлопотать, чтобы выбор был удачный. Мне до бесконечности приятно, мой милый друг, что Ваша мысль остановилась на Наташе. Вы правы, говоря, что такая женщина, как сестра моя, не может иметь безнравственных и дурных детей. Если б Ваша мысль когда-нибудь осуществилась, то нужно ли говорить, что я был бы глубоко осчастливлен этим родственным сближением с Вами. Что Коля будет превосходный человек, то в этом нет сомнения. Его нравственная личность уже обрисовалась, и можно с уверенностью сказать, что его жена будет счастливая женщина. Но, к сожалению, милый друг, я не могу взять на себя теперь уже рекомендовать Наташу для человека, который в качестве Вашего сына мне очень близок и дорог. Дело в том, что Наташа (которую позвольте мне называть Т а с е й, как все ее всегда зовут), во-первых, до такой степени ребенок, что нельзя предвидеть, что из нее выйдет. Что она не будет д у р н ы м ч е л о в е к о м, в этом я не сомневаюсь, во-первых, потому, что она дочь своих родителей, во-вторых, потому, что у нее сердце необычайно любящее. Ее привязанности имеют какой-то странный, исключительный характер. Она не любит, а о б о ж а е т, зато очень немногие пользуются ее расположением, и антипатии ее так же сильны, как и ее страстные привязанности. Но, во всяком случае, я не могу скрыть от Вас, что c'est un enfant bien

difficile à manier *, что ни с кем так не трудно было ладить, как с ней, что сестре много слез она стоила, что все гувернантки, имевшие с ней дело (не исключая и той англичанки, которую она любит какой-то исключительно сильной привязанностью) всегда жаловались на ее взбалмошный, неровный характер, на ее неподатливость к просьбам и приказаниям, на непослушание и т. д. Вместе с тем ее все-таки все любят за удивительно доброе сердце и особый ей свойственный юмор. Как бы то ни было, но, зная все затруднения, которые встречала сестра в воспитании этой девочки, я не могу взять на себя предсказание, что она сумеет осчастливить своего мужа. Мне кажется, что с годами, когда сгладятся все шероховатости этого интересного маленького субъекта, из нее должна выйти чудесная женщина. По крайней мере, таково мое скорее инстинктивное, чем продуманное отношение к ней. Я ужасно люблю эту девочку, так как и самые недостатки ее имеют, как мне кажется, источник скорее симпатичный. Она не терпит никакого пассивного подчинения чужой воле, в ней есть какая-то страсть к свободе, стремление к самостоятельности. Но как поручиться за то, что из всего этого будет? До тех пор, пока с годами характер ее не определится ясно, мне невозможно поддерживать Ваш проект, несмотря на всю его соблазнительность. Итак, милый друг, будем ждать. А в конце концов, я все-таки еще раз скажу Вам, что буду лелеять эту мечту, а Вас бесконечно благодарю за это новое проявление Вашей дружбы ко мне! Ваша нелюдимость не может служить препятствием к осуществлению задуманного плана. Можете ли Вы сомневаться, что близкие мои знают и бесконечно любят Вас и что им не нужно личного знакомства для того, чтобы дорожить сближением с Вами! [1]

А покамест сообщу Вам об Тасе довольно грустные известия. Из полученного сегодня письма Анатолия я узнаю, что в тот день сестра отвезла ее в Annenschule (женский пансион, в котором сестра когда-то сама училась), что Тася имела вид глубокого уныния, что отвозила ее туда сестра в два приема. В первый раз, к удивлению брата, сестра с Тасей воротились. Оказалось, что бедная девочка не плакала, но так тряслась, когда ее ввели в школу, что сестра должна была привезти ее домой, и только к вечеру она успокоилась настолько, что можно было отвезти. Меня все это очень беспокоит. Во-первых, я даже прослезился, когда прочел про нервную дрожь, испытанную Тасей. Она страдала ужас-

* это трудный ребенок

но, я это знаю! Она мать свою любит больше всего на свете, и это расставание для нее принимает трагические размеры. Во-вторых, я знаю, что во всяком случае не менее, если не более, страдает от этого сестра! Невольно при этом думается, что, может быть, совершенно напрасно переносятся эти страдания, что, быть может, жертва эта совершенно не нужна! Очень трудно сказать по этому поводу что-нибудь решительное. Но стоят ли премудрости, изучаемые в Annenschule, тех тайных слез, страданий и тоски, которые будут испытываемы с обеих сторон? Кто знает?

Вы не рассердитесь на меня, милый друг, если я позволю себе сказать, что, несмотря на всю убедительность Ваших доказательств в пользу того, что Вы реалистка, я скорее назову Вас идеалисткой, но в лучшем смысле слова. Вы реалистка в том только смысле, что ненавидите всякую фальшь и ложь, всю ту мишуру благородных и умилительных чувств, под которой и в обществе и в искусстве скрывается очень часто всякая мерзость. Но тот, кто, утратив надежду сталкиваться с людьми без неизбежного страдания, так бережно себя от них охраняет, как Вы, кто только в природе и в искусстве умеет находить радости и удовлетворение своих моральных потребностей, кто ни в грош не ставит внешность и ищет одной нравственной красоты,— тот, по-моему, идеалист!

Самый удобный час для посещения Браилова — три часа пополудни. Потрудитесь, милый друг, сказать мне, когда Вы находите удобнее, чтобы я приехал: сегодня или завтра? Буду ждать ответа.

Ваш П. Чайковский.

Непременно буду на Сашином празднике.

118. Мекк—Чайковскому

Браилов,
24 августа [1879 г.]

Как я рада, милый друг мой, что Вы согласны приехать в Браилов. От трех до семи часов мы не будем дома; Коля и Сашок едут на охоту в Людавский лес и просят нас приехать туда же с обедом, что мы и исполним. Выедем отсюда в три часа и вернемся не ранее семи, и на все это время я Вас усердно приглашаю к нам в Браилов. Здесь будет приготовлен чай, отдано приказание, чтобы ни одна человеческая душа не смела Вас беспокоить во всем доме, и мне будет невыразимо приятно вернуться домой после Вашего посещения его.

Чрезвычайно мне радостно видеть, что Вы сочувствуете моему проекту соединения наших детей. Все, что Вы мне пишете о милой Тасе, меня лично к ней привлекает и располагает. До сих пор я относилась к ней только как к ребенку женщины, которую я глубоко уважаю, теперь же она и сама возбуждает во мне симпатию и интерес. Скажу Вам,

друг мой, что я больше всего не люблю и боюсь всяческого н и ч т о ж е с т в а, всяких о т р и ц а т е л ь н ы х достоинств; пусть будет хоть дурное, да б у д е т ч т о - н и б у д ь, чем совсем ничего, как это бывает особенно часто у женщин, и чего я ужасно не хотела бы в своей невестке. Шероховатости, если они у нее есть в характере, обточатся с летами и с жизнью, а свое *я* должно существовать и сохраняться. Ужасно мне жаль, что ее хотят оставить в Петербурге, бедное дитя; я ни за что не в состоянии была бы выдержать на месте Александры Ильиничны. Меня упрекают, что я очень балую своих детей; быть может, — но за что же и мучить их, в жизни и так хорошего мало. Но во всяком случае я н е м о г у видеть слез ни в ком, я всякую слабость, всякую глупость сделаю, лишь бы люди не плакали.

Я скажу так же, как и Вы, дорогой друг мой: б у д е м ждать, а если я не дождусь этого, то буду завещать свой проект Юле, потому что ей вообще после своей смерти я поручаю все свои симпатии, привязанности, желания, думы, намерения, и уверена, что все это будет в хороших руках.

Мою любовь и дружбу к Вам я также передаю ей, а Вам, бесценный друг, завещаю перенести на нее Ваши дорогие для меня отношения. Но об этом я еще напомню Вам в с в о е в р е м я.

До свидания, дорогой друг. Всем сердцем неизменно Ваша

Н. ф.-Мекк.

P. S. Забыла было Вам сказать, Петр Ильич, что Ваше желание по поводу просьбы ксендза я исполнила.

У меня это время все зубы болят. Это очень расстраивает нервы.

Насчет Вашего замечания о моем реализме я скажу, что, конечно, р е а л и с т есть и д е а л и с т, потому что он человек идеи, и я — идеалистка в реальном направлении. Я и идеализм понимаю не так, как п р и н я т о его понимать. Вообще и д е а л ь н о с т ь ю называют какие-то утопические, небесные идеи, недосягаемые для исполнения, невозможные для человека. Я же называю идеализмом преследование всякой и д е и. Реалист, социалист есть идеалист; только нигилист не есть идеалист, т. е. нигилист не пропагандист, а нигилист по натуре, потому что именно у него нет идей, и живет он только по инстинктам.

Приехал мой директор фабрики, иду толковать с ним о делах.

Н. М.

119. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 25. Симаки.

Приеду между тремя и семью часами и заранее радуюсь.

Ваш П. Чайковский.

120. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 26. Симаки.

Милый друг! Я слышал, что, кажется, Саша собирает коллекции бабочек и насекомых. У нас здесь, в Симаках, есть никогда мной не виданный род ос необыкновенной величины,

которые летают вечером. Как только стемнеет, и зажгут свечи, эти страшилища с превеликим гудением начинают тыкаться об стекла, и если дверь или окно отворены, то влетают и в комнату и страшно шумят. Не знаю, кусаются ли они? Вчера их залетело штук пятнадцать в залу, и мы всех их перебили. Одну из них я уморил табачным дымом и посылаю в том предположении, что, может быть, она пригодится Саше.

Потрудитесь, пожалуйста, написать мне, когда и где маскарадная процессия поедет завтра.

Я провел у Вас вчера чудесных два часа[1]. Подробности пришлю в следующем письме.

Ваш П. Чайковский.

Сейчас нашли гнездо этих ос и их уничтожают.

121. Мекк—Чайковскому

Браилов,
26 августа 1879 г.

Прежде всего, друг мой, поздравляю Вас с дорогою именинницею Тасею, желаю ей от души всевозможного счастья на земле, а в настоящее время прежде всего — возвращения из Петербурга прямо домой, минуя всякие Schule и институты.

Теперь насчет нашего праздника скажу Вам, милый друг, что если дождь не помешает, то ровно в два часа мы будем на реке у Вас в Симаках, где сделаем маленький маневр, на случай если бы Вы еще не находились на берегу; оттуда мы поедем в Тартаки. Очень Вам благодарна, дорогой мой Петр Ильич, что Вы не отказываете мне взглянуть на наши забавы и этим доставляете мне невыразимое удовольствие. Хотелось бы мне очень, чтобы Вы посмотрели и нашу иллюминацию; Коля так с нею хлопочет, и ему было бы очень лестно, если бы Вы ее увидели. Не приедете ли, милый друг, часов в восемь вечера к нам в сад? В это время мы пьем вечерний чай, и я обещаю Вам, что Вы не встретите никого из нас. Если там и будет народ, то это посторонние зрители; я же прикажу у ворот, чтобы нам сейчас доложили, как Вы приедете, и от той минуты в продолжение часа никто из нас не выйдет в сад. Сделайте так, мой милый, хороший.

Пишу Вам сегодня только по делу, следующее письмо будет длиннее. До свидания, бесценный мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Сашок тысячу раз благодарит Вас, Петр Ильич, за осу, которую Вы ему прислали. Его главным образом восхищает то, что это Вы ее прислали ему.

Он сейчас пришел ко мне в комнату с сеточкой en vrai naturaliste * поймать бабочку, которая залетела ко мне в окно.

А с осами будьте осторожны, милый друг, они очень больно кусаются. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

---

* как настоящий естествоиспытатель

Скажите, милый друг мой, что Николай Григорьевич Рубинштейн поедет концертировать по этому ангажементу, который он принял, как Вы мне писали давно, и в каких это месяцах будет? Не откажите написать мне это.

Я вспомнила, Петр Ильич, что наши часы расходятся с Вашими на полчаса, и поэтому посылаю Вам на сегодня мои часы, по которым покорнейше прошу Вас соображать время наших увеселений, так как свои часы Вы, вероятно, не любите переставлять.

Еще раз до свидания, несравненный друг.

122. Чайковский—Мекк

[Спамаки]
27 августа [1879 г.].

Милый друг! Непременно в два часа ровно буду на реке. Вечером я, вероятно, приеду, но ни в каком случае не хотел бы, чтобы из-за меня Вы и все Ваши прятались. Если я приеду, то увижу в с е, никого не побеспокоивши.

Мегсі за память о Тасе!

Завтра напишу Вам.

Ваш П. Чайковский.

123. Чайковский—Мекк

Симаки,
25 августа.

1879 г. августа 25—27. Симаки. 8 часов вечера.

Провел у Вас два часа, мой добрый и милый друг! Очень непривычно и вместе очень приятно было мне видеть столь хорошо знакомые комнаты непустыми, как я их знал до сих пор, а жилыми. Как я люблю этот дом и особенно крайние аппартаменты нижнего этажа, т. е. Ваши комнаты и мою! Больше всего я сидел у Вас, и трудно высказать, как мне приятно было чувствовать себя в помещении, которое Вы только что покинули и которое так полно Вами! Новые Ваши картины мне тем более нравятся, что все они изображают или J u n g f r a u, или местности, как мне кажется, очень близкие к ней! А я ужасно люблю I n t e r l a k e n, Jungfrau, долину Lauterbrunnen'a, Scheinnige Platte и вообще всю эту сторонку. Лучшая из всех этих картин, разумеется, та, которую и Вы любите больше других, в первой Вашей комнате. Мне приятно также было в гостиной, находящейся рядом с Вашим кабинетом, увидеть вместо висевших там над диваном итальянца с итальянкой, копию с Мурильевской мадонны, одной из картин, которые я наиболее люблю. Новые шкапики, столик—все это прелестно. Как хороши старинные часы с ры-

царями, на большом столе в кабинете! А знаете, милый друг, что я очень люблю две из старых Ваших вещей, а именно: 1) вышитого бандита в моей комнате (совершенно не понимаю, почему этот страшный человек мне мил,—ведь, в сущности, нет в мире ничего антихудожественнее, как вышитые человеческие фигуры!) и 2) малороссийскую девушку в маленькой гостиной, рядом с моей комнатой. Эта девушка вовсе не напоминает действительных крестьянских девушек—это, скорей, переодетая русская барышня, но лицо это мне что-то, кого-то напоминает, ну, словом, я не знаю почему, только оно мне удивительно симпатично. Впрочем, то и другое я люблю не как художественные произведения, а как неопределенно симпатичные вещи. Артистическое же наслаждение доставляет «Спящий мальчик» в Вашем кабинете. Нельзя наглядеться на эту прелесть!

Я поиграл на Вашем пианино и на рояле, посидел в каждом уголке Ваших комнат, напился чаю, видел во флигеле помещения моих коллег и Пахульского, был наверху, прошелся по парку и уехал в самом приятном расположении духа. Последнему не мало содействовало еще одно обстоятельство. В альбоме, в гостиной, среди карточек Ваших близких я увидел свою в двух экземплярах. Это меня у ж а с н о тронуло и обрадовало. Спасибо Вам за это, друг мой! Мне именно приятно то, что из лиц, не принадлежащих к Вашему семейству, я там о д и н.

По поводу того, что Вы написали мне сегодня, скажу только одно. Я очень хотел бы жить еще долго, ибо мне нужно еще много лет, чтобы достигнуть кульминационного пункта моего восходящего движения. Но мысль о том, что я могу пережить Вас, мне невыносима. Раз что об этом зашла речь, позвольте, милый друг, высказать одну вещь, которую я уже давно собирался сказать Вам при удобном случае. Если Вам придется пережить меня, то возьмите к себе в дом моего А л е к с е я ! Дело в том, что я очень его люблю, но будущность его беспокоит меня. В течение многолетней своей службы у меня он привык к тому, что я, нисколько не ставя его выше того положения, на которое судьба навела его, обращаюсь с ним не только как с слугой, но и как с другом. В случае моей смерти ему было бы очень тяжело попасть в такой дом, где бы принято было с слугами суровое обращение. Слуга он очень хороший, и я не обинуясь могу сказать, что он будет полезен. Но довольно! Давайте жить, милый, добрый, дорогой друг мой! Умереть всегда успеем.

26 августа.

Как ни неприятно думать уже об отъезде, но, к сожалению, нужно. Есть множество обстоятельств, иные из которых свойства

столь неприятного, что и говорить не хочется (д е л а с и з в е с т н о й о с о б о й), которые призывают меня в Москву и Петербург. Но прежде того мне, согласно обещания, хоть несколько дней нужно провести у брата Модеста. Поэтому я сегодня уже назначил день отъезда, а именно это будет 1 сентября, в будущую пятницу. Работы мои в с е я надеюсь вполне окончить дня через два, т. е. к вторнику я буду свободен с о в с е м и намерен провести последние три дня пребывания в Симаках в самом безусловном dolce far niente*. Вы спрашивали меня о том, поедет ли Н[иколай] Гр[игорьевич] концертировать? Я об нем решительно ничего не знаю, кроме того, что недавно он предпринимал вместе с братом Антоном поездку в Крым и в Константинополь. Теперь он должен быть уже в Москве.

О с ы, о которых я писал Вам утром, жили, как оказалось, в доме под водосточной трубой, как раз над окном, около которого стоит рояль. Теперь только я понимаю, почему при полнейшей тишине я всегда слышал какие-то странные звуки над своей головой. От одиннадцати часов до самого обеда этих злющих насекомых выводили посредством обкуривания, и бо́льшая часть уже не существует. Говорят, что они очень сильно кусаются. Один из рабочих, принимавших участие в их погублении, так их бо́ится, что было очень забавно смотреть, как он от них бегал и, наконец, совсем ушел.

27 августа.

Вы приехали по Вашему хронометру к Симакам без четверти два, когда я только что сбирался сойти вниз. Картинка была прелестная, но, к сожалению, я забыл попросить у Вас бинокль и поэтому не мог в подробности рассмотреть, кто где сидел, костюмы и лица. Очень это досадно!

Вечером был с чаем на с к а л е и оттуда отправился к Вам на иллюминацию. Я видел отлично и вензель и фейерверк. Мне было удивительно приятно находиться так близко от Вас и от Ваших, слышать голоса и, насколько позволяло зрение, видеть Вас, мой милый друг, и Ваших. Вы два раза прошли очень близко от меня, особенно второй раз, после фейерверка. Я находился все время близ беседки на пруде. Но удовольствие было все время смешано с некоторым страхом. Я боялся, чтоб сторожа не приняли меня за вора; трещотка приводила меня в ужас. Не малый страх я испытал также, когда очень близко от меня пробежала Ваша чудная большая собака. Я боялся, чтоб она тоже не приняла меня за вора. Милочка, кажется, все время пошали-

* блаженной праздности

вала, ибо на каждом шагу укоризненно произносилось ее имя (т. е. не М и л о ч к а , а В а ѣ у), и голосок ее беспрестанно до меня доносился. Я слышал, как Соня упрекала Юлию Карловну, за то что она поехала на лодке, а ее искали, причем я имел случай заметить, что Соня чудесно выговаривает по-французски. Я так искусно сумел все увидеть, не быв никем замеченный, что даже мой Алексей, все время меня искавший, нашел меня, уже когда я садился, чтоб ехать.

Правда ли, что К о л я и С а ш а сегодня уезжают? Вы будете грустить, милый друг, и я так хорошо чувствую, насколько дом опустеет, когда они уедут, что даже мне г р у с т н о. Какие они милые юноши! После фейерверка Коля, проходя мимо каких-то посторонних, спросил: «Ч т о, х о р о ш о?» Мне это ужасно понравилось, и я чуть было не закричал ему из своего убежища: «Д а, о т л и ч н о!». (Впрочем я не знаю наверно, был это Коля или Саша, ибо слышал только голос и видел фигуру, но не лицо.)

До свиданья, друг мой! Будьте здоровы. Благодарю Вас за все сегодняшние удовольствия. Простите, что я, кажется, заставил Вас ждать на реке, но я не виноват.

Ваш П. Чайковский.

124. Мекк—Чайковскому

Браилов,
28 августа 1879 г.
Вторник. $^1/_2$ 8-го утра.

Бесконечно благодарю Вас, мой милый, несравненный друг, за все то наслаждение, которое Вы мне доставили Вашим н е в и д и м ы м присутствием на наших увеселениях. Именно ходивши вечером по саду, я думала, что, быть может, где-нибудь я прохожу совсем близко от Вас, и сердце мое билось так радостно от этой мысли, мне было так хорошо, что я не знаю, как и благодарить Вас за эти минуты счастья. Коля просил меня также очень, очень благодарить Вас за снисходительный отзыв о его труде; он был в восторге, когда узнал, что Вы были в саду. Спрашивавший публику: «хорошо ли?» — был именно он, и это совсем в его характере, а Сашок, тот мало интересуется сам такими меркантильностями и не интересуется знать, как их находят другие. А эта Соня, она такая кокетка, что была бы в отчаянии, если бы узнала, что Вы ее видели закутанною в несколько шалей, а это она научилась от своей наставницы Юлии Францевны так кутаться в платки, как она была в саду. По-французски и по-немецки она говорит отлично, а вот по-русски говорит как иностранка. Вообразите, друг мой, что она не может выговорить твердого *л*, везде вместо л а она говорит л я, но я надеюсь, что это пройдет.

Простите, милый друг, что я была так неточна и приехала на лодках в Спамаки раньше, чем назначила, но я так боялась заставить Вас ж д а т ь, что всех торопила, и поэтому приехали слишком рано. Благодарю Вас еще раз, мой бесценный друг, но боже мой, как грустно после столького

счастья узнать, что Вы уезжаете, что нам надо расстаться. Скажите, дорогой мой, что н е н а д о л г о, что скоро мы опять поживем так же близко друг от друга, приезжайте в Arcachon в половине октября или в Неаполь в половине ноября ко мне в гости, и я опять буду счастлива, опять радостно з а б ы е т с я в о с к р е с ш е е с е р д ц е. Скажите, что, быть может, и приедете, дайте надежду....

Не могу не сообщить Вам, мой несравненный друг, того глубокого, невыразимого чувства благодарности, которое вызвала во мне одна Ваша фраза, а именно: «Н о м ы с л ь о т о м, ч т о я м о г у п е р е ж и т ь В а с, м н е н е в ы н о с и м а». Боже мой, как я Вам благодарна за такое выражение, как мила, как невыразимо дорога мне эта фраза. Когда б Вы знали, как я сама люблю Вас. Это не только любовь, это обожание, боготворение, поклонение. Как бы ни было мне тяжело, горько, больно что-нибудь, несколько Ваших добрых слов заставляют меня все забыть, все простить. Я чувствую тогда, что я не совсем одна на свете, что есть сердце, которое чувствует как я, есть человек, который понимает меня, сочувствует мне, так добро, так человечно относится ко мне,—о, боже мой, как я Вам благодарна, и как Вы мне дороги! Я десять раз в день перечитывала э т у ф р а з у и невольно прижимала письмо к сердцу от избытка благодарности....

Кстати о Коле. Так как Вы мне указывали, милый друг мой, на недостатки Таси, то я считаю должным сказать Вам и о пороках Коли, но, искренно говоря, я не нахожу м н о г о чего указать. Могу сказать об в р е м е н н о м недостатке его: он отчасти испорчен, вернее сказать, избалован своею обстановкою, своим положением; он любит р а с п о р я ж а т ь с я, п о в е л е в а т ь, хочет быть старше своего возраста, чему немало способствует его внешность. Он так велик ростом, что со всеми окружающими говорит, наклоняя голову; очень хорошо сложен, очень статен, вообще il est né pour commander*, и я нахожу его стремление к этому недолжным только теперь, потому что оно н е с в о е в р е м е н н о, слишком рано. В свое же время j'aime mieux les hommes, qui sont nés pour gouverner, que ceux qui se laissent trop gouverner par les autres**. Я сама разошлась с обществом потому, что не у м е ю п о д ч и н я т ь с я тому, чего не уважаю. Больших же пороков мне кажется, что я могу сказать без всякого пристрастия, в нем не проявляется, дай бог только не сглазить.

Теперь немножко о делах, милый друг мой. Если пойдет в ход Ваше дело с и з в е с т н о ю о с о б о ю, то, я думаю, оно не будет двигаться так быстро, чтобы дошло до окончательной развязки раньше моего возвращения из-за границы, т. е. раньше рождества, и понадобилась бы та сумма, которая будет финалом Ваших сношений с нею? Напишите мне, пожалуйста, милый друг мой, как Вы рассчитываете это время. Второе, не позволите ли Вы мне послать Вам теперь же по сроку 1 октября, потому что я всегда предпочитаю делать это н е п о с р е д с т в е н н о? Извините, дорогой мой, что я беспокою Вас этими вопросами, но я бы не хотела сделать что-нибудь Вам неудобное. До свидания, мой бесценный, несравненный. Горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* он рожден, чтобы повелевать

** я больше люблю людей, которые рождены, чтобы управлять, чем тех, которые позволяют управлять собою

125. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 27—28. Симаки.

Симаки,
27 августа.

Сегодня утром ездил в Жмеринку, чтобы получить от Котека третье действие оперы в партитуре и переложении. Трудно передать словами, какое тяжелое впечатление произвела на меня суета и грязь и т. п. свойства железнодорожной станции, и с каким ни с чем не сравнимым удовольствием я возвращался в Симаки! Приближающийся срок моего отъезда наводит на меня грусть, и я все думаю, как бы оттянуть хоть один денек. Мне кажется, что я не уеду раньше субботы.

Только что окончил исправление клавираусцуга первого действия, сделанного неким г. Мессером так, что пришлось почти каждый такт переделать [1]. Теперь я почти уже могу сказать: к о н ч е н о. Итого я работал над «О р л е а н с к о й д е в о й» с конца н о я б р я (Ф л о р е н ц и я) до конца а в г у с т а (С и м а к и), следовательно, ровно девять месяцев! Замечательно, что начал и окончил я эту оперу в гостях у моего милого, бесценного друга!

28 августа.

Какую бесконечную радость доставило мне письмо Ваше, друг мой. Как ни крепко я уверен в прочности тех дружеских чувств Ваших, которые составляют все счастье моей жизни, но всякое проявление их в дорогих письмах Ваших наполняет меня новою радостью. Мне только иногда жутко бывает думать, что дружба Ваша гораздо выше меры моих действительных достоинств. В таких случаях приходится утешать себя мыслью, что зато достоинства моей музыки (про которую я во всяком случае могу с уверенностью сказать, что она всегда искренна и всегда прочувствована) до некоторой степени могут возвысить меня до Вас. Говорю это я не для того, чтобы п о с к р о м н и ч а т ь. Вы такой чудный, такой и с к л ю ч и т е л ь н ы й представитель всех хороших качеств человеческого рода! Рядом с Вами я кажусь себе так далеким от того идеала ч е л о в е ч н о с т и, который я нашел в Вас!

Вот, милый друг, что я скажу Вам насчет Вашего приглашения меня к Вам за границу. С тех пор, как я узнал, что Вы будете в Н е а п о л е, я постоянно грезил и мечтал об том, чтобы попасть туда в одно время с Вами. Судите же, до какой степени я обрадован тем, что Вы предупреждаете меня и зовете меня приехать в Неаполь, когда я только что собирался высказать Вам мою мечту. Итак, милый друг мой, отвечаю Вам на приглашение Ваше: д а! с восторгом! Случилось, что в одно

время с Вашим письмом пришло письмо от брата Анатолия, из которого я вижу, что мне незачем будет оставаться в России зимой. Он сообщает мне, что получил письмо от и з в [е с т н о й] о с [о б ы], которое не хочет посылать, дабы не нарушить моих мирных здешних радостей. Письмо это, как он говорит, есть венец бессмыслицы и безумия. Оказывается, что н е ч е г о и д у м а т ь (по выражению брата) о серьезном ведении дела, по крайней мере теперь. То лицо, которое являлось несколько раз от ее имени к брату, она теперь лишает своего доверия и называет его н е г о д н ы м ч е л о в е к о м. А так как переговоры шли через него, то, следовательно, все условленные предположения насчет начатия дела канули в воду. Цель ее письма— в ы м а н и в а н и е д е н е г. Об разводе она опять и слышать не хочет. Чем это все кончится, бог весть, но одно ясно, что до окончательной развязки еще далеко, и едва ли это когда-нибудь состоится.

Вы видите из этого, дорогой друг, что не только в течение нынешней зимы, но вряд ли и когда-нибудь понадобятся те экстраординарные суммы, о которых Вы пишете.

Вот мои планы. Отсюда я еду к брату Модесту (быть может, я остановлюсь на несколько часов в Киеве, где мне нужно будет купить p i n c e n e z и некоторые другие необходимые вещи), потом через Москву, где остановлюсь на один день, в Петербург. Здесь нужно будет пробыть недели две, а потом в Каменку, из коей я выеду 15 ноября и, надеюсь, п р я м о в Н е а п о л ь.

Напрасно я вчера сказал Вам, что почти все к о н ч е н о. Сегодня я еще очень упорно трудился над изменением переложения третьего действия. Оказалось, что оно сделано хорошо, но слишком трудно. Все это урок мне! Нужно самому делать переложения, как это ни скучно.

Все, что Вы пишете о К о л е, заставляет меня проникаться к нему величайшей симпатией. Вы совершенно верно говорите, что в мужчине п а с с и в н а я н а т у р а—недостаток огромный. Сколько мне кажется, то, что в Коле Вы называете слабостью, есть, скорее, признак избранной и сильной натуры. Ведь в его характере нет с а м о д у р с т в а? Он, по всей вероятности, оттого и несколько свысока смотрит на человеческий род, что инстинктивно чувствует свою будущую силу. Я чувствую, что не только в материальном смысле, но и в нравственном он будет выше уровня. Его лихорадочная и стремительная деятельность—очень многозначительный признак. Мне бы очень хотелось знать, милый друг, в каких классах Коля и Саша. Кто их классные воспитатели? При случае скажите мне об

этом. Теперешний директор Училища правоведения И. С. Алопеус был моим воспитателем. Это очень ограниченный, но очень хороший, т. е. добрый человек.

Если Пахульский навестит меня в четверг вечером, то я буду очень рад. Не захватит ли он скрипку и не сыграет ли мне чего-нибудь? Впрочем пусть Влад[ислав] Альбертович не стесняется этой просьбой.

Е д у я в с у б б о т у у т р о м.

Относительно октябрьской суммы поступите, друг мой, как Вам угодно.

Что-то давно я не кланялся Ю л ь е К а р л о в н е. Однакож из этого не следует, что я не думаю о ней. Напротив! очень часто. Ее значение в ряду других членов Вашего семейства часто занимает меня. Потрудитесь, милый друг, передать Ю[лье] К[арловне] мое почтение.

Какие чудные дни стоят на мое счастье!

Ваш П. Чайковский.

126. Мекк—Чайковскому

Браилов,
30 августа 1879 г.
½ 9-го утра.

Мой милый, бесподобный друг! Ваше письмо привело меня в неописанный восторг. Мысль пожить с Вами некоторое время в Неаполе до того меня восхищает, что мне хотелось бы ехать туда с е й ч а с, с и ю м и н у т у, а до этого времени я неохотно ехала за границу, но только, милый, дорогой, пожалуйста приезжайте т у д а н е п о з ж е 15 ноября, потому что я могу прожить там только до 10 декабря, так как я к рождеству должна вернуться в Россию к своим мальчикам, а ехать из Неаполя надо долго, и к тому же мне надо не позже 22 декабря быть уже в Петербурге, к тому времени, как их распускают из училища. По моим расчетам я должна приехать в Неаполь 7 ноября, а вы пятнадцатого, не правда ли? Но, во всяком случае, я горячо и глубоко благодарю Вас, мой несравненный, обожаемый друг. Вы не знаете сами, сколько блага Вы мне доставляете.

В котором часу Вы уезжаете в субботу, друг мой? Как ни тоскливо мне расстаться с Вами теперь, но когда есть золотая надежда впереди, то это все-таки много утешает в настоящем горе.

У меня вчера весь день и прошлую ночь невыносимо болели зубы, поэтому извините, друг мой, что письмо неопрятно....

Как мне жаль, милый друг мой, что Вы имеете так много хлопот с фортепианными переложениями Вашей оперы. От этого Мессера я и не ожидала ничего хорошего, потому что мне это имя совсем неизвестно, а я постоянно окружена музыкантами, [так] что знаю имена всех х о р о ш и х музыкантов, да и по большей части сама имела с ними дела. Скажите, друг мой, отчего Вы не поручили сделать клавираусцуг Галли? Ведь он хороший музыкант и по специальности пианист, и последнее,— о ч е н ь х о р о ш и й. Он для меня очень много играл в Москве, и я

всегда восхищалась его игрою и в то же время недоумевала, как это человек такой дюжинный, пустой и даже глупый может играть с таким вкусом, изяществом, экспрессиею, и все это объясняла себе замечательным д а р о м п о д р а ж а н и я. Он и сочиняет о ч е н ь мило и все по тому же свойству.

Вчера вечером по случаю страдания от зубной боли я просила Генриха Пахульского поиграть для меня и первое назначила сыграть Scherzo, op. 2. Что это за оригинальная, прелестная вещица, я просила его повторить ее несколько раз. Он не знает еще его твердо, только здесь прочитал раза два. Скажу Вам свое мнение об этом молодом музыканте.... Теперь, и при более близком ознакомлении с ним, я остаюсь при том же убеждении, что мой воспитанник гораздо более богатая натура, чем старший брат. Мой очень умен, впечатлителен, энтузиаст, увлекающаяся натура, тогда как старший, это варшавский джентльмен, похожий больше на англичанина, чем на поляка, нигде не выходящий из своего масштаба. Владислав сделает десять глупостей в один день, и все они мне будут гораздо симпатичнее безукоризненности его брата, потому что все происходят от искреннего, неудержимого увлечения. Это бесшабашный энтузиаст, натура бесконечно добрая и безгранично увлекающаяся, а Генрих, этот родился в виц-мундире, консерватор и рутинер. Который Вам больше нравится, друг мой?

Однако я опять без конца болтаю с Вами, а тут сейчас зазвонят к завтраку, а я еще свой туалет не кончила.

До свидания, дорогой мой, бесценный. Юля также очень радуется тому, что Вы приедете в Неаполь. Она видит, какое благодетельное действие Вы на меня производите, и сама умеет ценить Вас. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

127. Чайковский—Мекк

Симаки,
30 августа [1879 г.]

Милый друг! Я уезжаю в субботу в десять часов утра. Поезд отходит в одиннадцать часов десять минут из Жмеринки. По этому поводу я хотел просить Вас сказать мне, м о ж н о л и н а Б р а и л о в с к о м п о л у с т а н к е б р а т ь б и л е т ы и с д а в а т ь б а г а ж. Потрудитесь мне ответить не письменно, а через Пахульского.

Теперь к Вам большая просьба. Так как я отсюда еду к Модесту, у которого останусь, быть может, дней десять, а Алешу мне нужно отправить в Каменку, а между тем мне бы хотелось, чтобы мои работы как можно скорее были отправлены в Москву, то я хотел бы послать все мои писания по почте на имя Юргенсона. Для этого нужно хорошо завернуть и зашить их в клеенку, а в Симаках этого никто не сумеет сделать. Не будете ли Вы столь добры приказать устроить мне это в Браилове, где в конторе, вероятно, умеют делать посылки? Если да, то я сегодня вечером вручу Влад[иславу] Альбертовичу все мои писания и

его попрошу завтра сделать на посылке надпись. Затем буду просить Вас приказать, если можно, завтра же отправить все это. Простите, милый друг, что беспокою Вас.

Еще прибавлю, что если на посылке будет сказано: из Жмеринки от Чайковского, то Юргенсон не узнает, что я гощу у Вас, а я, как и Вы, конечно, не желаю, чтобы он это знал. Я писал ему отсюда, не называя местности, и он и не подозревает о том, что я Ваш гость[1].

Потрудитесь на это ответить мне, не давая себе труда писать, а тоже через Влад[ислава] Альбертовича.

Как меня бесконечно огорчает Ваша зубная боль! Я по опыту знаю, что это такое.

Более обстоятельно буду писать Вам сегодня вечером и завтра, т. е. продолжать свой дневник.

Ради бога, будьте здоровы.

Ваш П. Чайковский.

Простите небрежность писания!

128. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 29—31. Симаки.

Симаки,
29 августа.

Наконец сегодня, когда я окончил исправление клавираусцуга третьего действия и сделал корректуру печатающейся теперь партитуры известного Вам Сербо-русского марша, оказалось, что уже ровно нечего делать, если б даже мне и вздумалось заняться. И тотчас же после этого, несмотря на все удовольствие чувствовать себя имеющим право на праздность, я сознал все благодетельное значение серьезного, поглощающего мысли и чувства труда. Он по временам утомляет и раздражает, но зато имеет свойство отвлекать от неудовлетворительных сторон действительности, от беспокойств и забот насчет благополучия ближних. Как будто обрадовавшись, что я свободен и место опустело, тысяча разных тревожных мыслей осадила меня. И пошатнувшееся здоровье сестры, и Ваши частые головные боли, и служебные обстоятельства Анатоля, и некоторые неудобства в положении Модеста в доме г. Конради, и Ваше до сих пор еще не устраивающееся браиловское хозяйство, и Тася, и судьба моей оперы, которая, бог знает, когда и как состоится,—все это нахлынуло сразу. А тут еще страх и грусть по поводу отъезда из Симаков настолько сильные, что я чуть не прослезился и не кинулся в объятия входившего в комнату

Леона! Одним словом, нервы мои, заметив, что я не нуждаюсь в напряжении их для работы, изволили расшалиться. Чтобы покончить с ними, я предпринял громадную пешеходную прогулку один в далекий лес, где еще ни разу не был. Разумеется, средство отлично помогло, и в эту минуту, возвратившись и севши писать Вам, я только ощущаю радость при мысли, что нахожусь еще в Симаках и что пишу к Вам не далее, как за четыре версты. Буду эти последние дни наслаждаться своим правом на праздность. Завтра Сашины именины. Как странно подумать, что он уже в Петербурге! Поздравляю Вас, дорогой, милый друг.

31 августа.

Любите ли Вы такие серенькие деньки, как сегодня? Я их люблю ужасно. Да и вообще начало осени по прелести можно сравнить только с весной. Мне кажется даже, что сентябрь с его нежно-меланхолической окраской природы имеет преимущественное свойство наполнять мою душу тихими и радостными ощущениями. В Симаках кроме ближайших к дому мест есть поблизости очаровательные места, которыми наслаждаться можно или вечерком во время заката или в такой бессолнечный день, как сегодня; например, если выйти из сада направо мимо колодца и огородов на дорогу, идущую низом вдоль заросшего тростником болота параллельно с деревней. Я очень люблю эти места. Днем в солнечный день солнце мешает смотреть на живописно раскинувшуюся деревню, вечером же или в такой день, как сегодня, очень приятно усесться где-нибудь повыше (например, около крошечной березовой рощицы, у канавы, отделяющей усадьбу от поля), и смотреть на необыкновенной величины старые ивы *, растущие внизу вперемежку с тополями, на село с скромной церковью (какую прелесть придает всякому сельскому виду скромная деревенская церковь), на дальний лес. Я просидел около часу сейчас на этом месте и испытал одну из тех чудных минут, когда всякие заботы и треволнения куда-то скрываются. Вместо них предаешься самым разнообразным и отрывочным мыслям и фантазиям. Над головой кружатся тучи ласточек, и тотчас начинаешь соображать, зачем они собираются, не хотят ли уже лететь, куда они полетят и т. д. Смотришь на вековые деревья и стараешься определить их возраст и т. д.

Меня прервал Иван Васильев с письмом Вашим. Продолжаю.

Вчера вечером я был в Симацкой Дубинеи на таком чудном новом месте, открытом Ефимом, что мы все единогласно

* Я не вполне уверен, ивы это или вербы. (*Прим. Чайковского*).

решили очень рекомендовать Вам это место и предложить съездить на него в первый раз, как Вы захотите побывать в лесу. Потом я провел очень приятный вечер с Влад[иславом] Альбертовичем. Вы спрашиваете меня, милый друг, какой характер мне симпатичнее: увлекающийся—Владислава, или деревянный—его брата. Разумеется, первый. Но я выскажу Вам откровенно мою мысль относительно Владислава. Полнота молодой жизни, которою он проникнут и которая сказывается в каждом его слове, как всякое проявление кипучей молодости, имеет большое обаяние, но тут есть и опасность. Непременно нужно, чтобы он увлекался не только на словах, но и на деле. Не знаю отчего, мне кажется, что в Пахульском есть черты какого-то т у р г е н е в с к о г о г е р о я, т. е. человека очень способного, имеющего совершенно искреннее и пылкое стремление к выполнению самых широких замыслов, но...

На этом месте я получил телеграмму от брата Анатолия, которую при сем прилагаю. В эту минуту я так расстроен, что не могу писать. Еду сегодня вечером прямо в Петербург.

Через час.

Я значительно успокоился. Бывают несчастия хуже. Кто знает, может быть, все к лучшему? Тем не менее, Вы простите меня, милый друг, если я уже не буду так обстоятельно писать к Вам, как собирался.

Я хотел сказать про Пахульского, что я хотел бы в нем видеть признаки энергии в труде. Конечно, мне, может быть, это только кажется, но я боюсь, как бы не вышел из него человек, вечно готовый к упорному труду, но не имеющий выдержки. Итак, он в настоящую минуту хочет приняться за контрапункт. Пусть примется н е п р е м е н н о и, несмотря на скуку, сопряженную с этим занятием, пусть выдержит до конца. Пусть к моему приезду в Неаполь (который, я надеюсь, состоится, хотя в эту минуту меня обуял какой-то неопределенный страх за будущее) он приготовит мне для просмотра побольше этой скучной, но полезной материи. Я бы сам ему высказал мое сомнение в его энергии, если б был уверен, что не ошибаюсь. Я еще недостаточно хорошо знаю его. Дай бог, чтоб у него намерения и приведение их в исполнение шли всегда рядом. Я уверен, что если мое подозрение сколько-нибудь и справедливо, то Ваше влияние спасет его от природного недостатка.

Ах, боже мой! зачем нельзя двигаться с быстротой телеграфической депеши! Как я бы хотел быть теперь уже в Петербурге!

О многом я хотел поговорить с Вами сегодня, милый друг.

но, простите, чувствую, что до самого приезда в Петербург, до тех пор, пока не узнаю, в чем дело, не в состоянии написать Вам ничего путного.

Кончаю это письмо выражением моей благодарности к Вам! Но как выразить Вам ее? Лучше я положусь на Вашу проницательность. Я обязан Вам всеми счастливыми минутами жизни, и если нужна будет твердость для перенесения несчастий, то и ее я почерпну в моей дружбе к Вам.

Кончая, я скажу: до свиданья в Неаполе. Хотя я мог бы писания мои взять с собой, но предпочитаю оставить их почте. В том расстройстве, в каком я буду находиться все эти дни, я боюсь потерять рукописи.

А ведь не даром третьего дня я ощутил неопределенное беспокойство!

Ваш благодарный и безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

129. Мекк—Чайковскому

[Браилов]
31 августа 1879 г.

Боже мой, как меня огорчает дурное известие, которое Вы получили, мой милый, бесценный друг, но, пожалуйста, старайтесь успокоиться, ведь это только неприятность, а не несчастие. Для молодого, а главное, одинокого человека не так трудно [переменить] одно место на другое, одну службу на другую. Бог даст, перемелется и будет мука, все устроится, все успокоятся, и не надо расстраивать теперь своего здоровья таким сильным беспокойством. Пожалуйста, милый друг мой, как только узнаете в Петербурге, в чем состоят неприятности для Анатолия Ильича, напишите мне сейчас хоть несколько слов об этом сюда. А главное, дорогой, милый, успокойтесь, все будет хорошо, все делается к лучшему. Вы хотите, вероятно, выехать с почтовым поездом, но, я думаю, Вам будет выгоднее в Киеве пересесть на курьерский, тогда Вы гораздо скорее приедете в Петербург.

Еще раз благодарю Вас горячо, от всего сердца, дорогой мой Петр Ильич, за все счастие, которое Вы мне доставили близким пребыванием около меня, за Вашу дружбу, доброту ко мне, за все, за все. Пусть Вам бог пошлет столько хорошего, сколько Вы мне его доставляете. До свидания в Неаполе, милый, несравненный друг! Всем сердцем горячо и неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Пахульский приедет Вас проводить на станцию.

130. Чайковский—Мекк

[Сиамаки]
31 августа [1879 г.]

Серенький денек, который мне утром так понравился, обратился в очень грустный осенний дождливый день. Это удваивает

мою грусть. Припоминаю, как весело и тепло было у меня на душе, когда я сюда приехал. Вы совершенно правы, друг мой, говоря о случае с братом. Это, конечно, не несчастие, а только неприятность, хотя и очень большая. Но теперь, в эту минуту, для меня мучительнее всего неизвестность. Не могу понять, что могло случиться. В последнем письме он пишет: «По службе все идет ладно; отношения с Муравьевым отличные, дела немного.»! Я так радовался этому известию после всех недоразумений и мелких неприятностей, которые случились в прошлом году. И вдруг отставка!

Тем не менее и в этом случае я вижу, как и в целой массе других за последнее время, какое-то провидение, оберегающее меня от ударов судьбы или, по крайней мере, ослабляющее их. Что бы я теперь выстрадал, если б работа моя была не кончена! Не удивительно ли, что огорчительное известие пришло, когда, по крайней мере, у меня никакой другой заботы нет?

А еще я задумываюсь над темным и неопределенным предчувствием, которое в последние дни постоянно преследовало меня. Даже не далее, как сегодня утром, когда я смотрел на ивы и ласточек и наслаждался прелестью мирной картины, что-то говорило мне, что нет прочных радостей. В конце концов, мне остается только радоваться тому, что на меня свалилось не несчастье, а лишь неприятность.

В заключение всего я беспрестанно натыкаюсь на мысль о Вас, мой друг. Что бы я выстрадал и вытерпел, если б покровительствующее мне провидение не послало мне Вас! Господи, скольким я Вам обязан!

Я еду не с почтовым, а с курьерским поездом, и очень досадую, что Ваш посланный приезжал, когда меня не было дома, и не дождался. Я хотел посылать к Вам нарочного, чтобы предупредить Пахульского, что я еду не с почтовым поездом, но Алексей меня успокаивает, говоря, что он объяснил Влад[иславу] Альб[ертовичу], когда я еду. Так как поезд выходит в пять часов утра, то я решился выехать в двенадцать часов и ждать на станции, где можно будет отправить несколько телеграмм и где вообще ждать мне будет не так грустно, как здесь. Уж лучше поскорее перенестись в мир суеты и движения.

Так как Влад[ислав] Альберт[ович], вероятно, не увидит меня сегодня, то попрошу Вас поклониться ему от меня и поблагодарить за намерение проводить меня. Если Вы сообщили ему высказанную мною сегодня мысль, то я желал бы, чтобы он не сетовал на меня, если я ошибаюсь. Я очень полюбил Пахульского и искренно желаю ему успеха.

Еще раз спасибо Вам за все!

Юлье Карловне почтительный поклон, Милочке тысячу нежностей.

Грустно, грустно, смертельно грустно!

До свиданья.

Ваш П. Чайковский

131. Чайковский—Мекк

[Симаки]
31 августа [1879 г.]

Письмо Ваше с заключающейся в нем октябрьской суммой я сейчас получил[1]. Оно пришло в ту минуту, когда я писал к Вам, милый друг. Пишу к Вам эту записочку, только чтоб сказать, что письмо Ваше я получил, и поблагодарить за согласие отправить мою посылку. Н а с т о я щ е е же письмо пошлю к Вам завтра утром или сегодня вечером. У ж а с н о грустно расставаться с Симаками!

Ваш П. Чайковский.

132. Чайковский—Мекк

1879 г. августа 31. Симаки. 10 часов вечера.

Надежда Филаретовна! Какой я неблагодарный. Чуть было и не забыл сказать Вам, что я непмоверно доволен услугами: 1) добродушного, типичного, оригинального в своем роде Леона, 2) умного, симпатичного Ефима, 3) молодцеватого русачка Михайлы, который (как Вам засвидетельствует Влад[ислав] Альбертович) в самом деле превосходно кормил меня, и 4) дворника и девиц, находящихся при доме.

Марсель сообщил мне, что Вы будете завтра здесь обедать! Как я радуюсь этому! Душой и сердцем буду среди Вас. В эту минуту я чувствую себя очень покойным.

П. Чайковский.

А д р е с м о й: Новая улица, на углу Невского проспекта, дом 2/75, кв. 30.

Я не прошу Вас, милый друг, писать мне сейчас, но, если через несколько дней получу от Вас известие, буду до крайности рад.

Марсель уговорил меня остаться дома до трех часов. Я согласился ввиду того, что, как он говорит, в Жмеринке на ночь все заперто и негде сидеть.

П. Ч.

133. Чайковский—Мекк

Петербург,
4 сентября [1879 г.]

Милый, дорогой друг! Пишу Вам это письмо при обстоятельствах, мешающих обстоятельному и точному описанию всего совершившегося, и поэтому буду краток. Путешествие совершил совершенно благополучно с внешней стороны, но в самом адском и несносном состоянии духа. К счастию, мог устроиться так, что до самого Петербурга ехал один в отдельных купе. Неизвестность и беспокойство насчет брата, жгучая и совершенно неописанная тоска по Симакам преследовали меня и терзали с невыразимой силой. Приезжаю в Петербург в страшном волнении и ищу среди встречающей публики брата или его слугу, но не вижу никого. Это было для меня непостижимо, так как я два раза телеграфировал о приезде. Еду к брату, воображая себе его больным или посаженным под арест за какое-нибудь политическое дело, одним словом, рисуя себе самые невероятные бедствия, сразу на меня напавшие, и оказывается, что все довольно благополучно. Я перепутал в телеграмме дни и возвестил, что приеду во вторник,—вот отчего никто меня не встретил. История с братом состояла в том, что его прямой начальник, некто г. Плеве, назначенный недавно прокурором палаты, призвал его к себе и к р и ч а л на него в самых резких выражениях, говоря, что он работает как гимназист первого класса и что совестно читать его обвинительные акты. Так как все это было столь же грубо, сколь и несправедливо, то Анатолий решил подать в отставку. На другой день г. Плеве призывал его к себе и косвенно и з в и н я л с я, поручив ему дело первостепенной важности и сказав при этом, что он не сомневается в превосходном исполнении. С другой стороны, весь судебный мир Петербурга, в котором Анатолий очень любим, в ужасном негодовании против поступка Плеве, и со всех сторон он получает такие выражения сочувствия и дружбы, что, по всей вероятности, все кончится хорошо. О, какая ужасная вещь с л у ж б а!

Вчера же происходило очень измучившее меня нравственно расставание сестры с Тасей. Сестра уехала в Каменку усталая, измученная и истерзанная, а бедная Тася так жестоко плакала и тосковала, что было истинным терзанием смотреть на нее.

Ночь провел скверную. Встал с сильнейшей головной болью. Погода отвратительная. Мне кажется, что все совершающееся вчера и сегодня—какая-то мрачная фантасмагория. Переход от б л а ж е н с т в а, испытанного мною в Симаках, ко всем

этим треволнениям приводит меня в состояние какой-то тупой тоскливости.

Сейчас был у Таси. Заведение и начальница, у которой Тася пансионеркой, мне понравились. Тася о т н о с и т е л ь н о весела. Спала хорошо. Это меня очень утешает.

До свиданья, друг мой. Следующее письмо будет обстоятельнее.

Мысленно переношусь в Симаки, и как-то не верится, что я в ненавистном Петербурге.

134. Мекк—Чайковскому

Браилов,
8 сентября 1879 г.
Суббота. 8 часов утра

Милый мой, бесценный друг! Как скучно, скучно без Вас, не только стало пусто, но мне как-то страшно, мне кажется, что без Вас вот-вот что-нибудь случится, что никто меня не охранит, что я как будто совсем одна, на Симаки я даже сердита, что Вас там нет. Вчера мы были на скале и во Владимирском лесу. Погода была восхитительная, я долго сидела под деревом на прелестном месте и, любуясь природою, я думала, думала о Вас без конца. Чем скучнее мне без вас, тем нетерпеливее я жду Неаполя, этой о б е т о в а н н о й з е м л и, где мне опять засветит мое солнце....

У нас погода так хороша, что мы каждый день куда-нибудь ездим. Как мне жаль, мой дорогой, что Вы не пользуетесь такою редкою осенью; тепло, как в июле.

Мой бедный секретарь все страдает глазами, воспаление опять усилилось. Привозили доктора из Винницы. Он сидит в комнате безвыходно и ничем заниматься не может....

Боюсь, что мне не удастся выехать шестнадцатого отсюда, потому что у меня еще двух паспортов для прислуги нет, а они там в Москве все головы потеряли от пожара, который был в доме. К тому же, у брата Александра семейная забота второго сына поместить в Институт путей сообщения; он теперь с ним в Петербурге также. Мальчик держал экзамены из пяти предметов и получил из алгебры, геометрии и тригонометрии по 5 баллов, а из арифметики и физики по $4^3/_4$. Отметки великолепные, как Вы видите, друг мой, но на шестьдесят вакансий четыреста пятьдесят желающих поступить, все держат экзамены хорошо. 10 сентября будет известен результат всех экзаменов, и после того брат уедет в Москву, а Иван Иванович с женою переселится в Петербург к моим мальчикам, теперь он в Москве еще оставлен при доме.

Симаки, вероятно, не удастся отдать в аренду до киевских контрактов, а тогда, мне говорят, наверно найдется арендатор. В хозяйстве у меня идет копка свекловицы, но очень неуспешно; законтрактованные рабочие еще не все собрались, так что работа идет очень медленно, и сахарный завод все должен откладывать день за день начало кампании. Это очень досадно, потому что я хотела при себе иметь первые результаты переработки свекловицы....

Я каждый день играю в четыре руки, и вчера, между прочим, играли

trio Рубинштейна, который я только из вежливости относительно своего partner'a докончила, а внутренно бесилась. Это такое ничтожество, такое шарлатанство, которое только Рубинштейну может сходить с рук так благополучно, что даже восхищаются им. Это есть его Second trio, op. 15, № 2—не тот, который посвящен Апраксиной, в том Andante очень красиво, а это другой, g-moll'ный. Итальянщина, приторная до тошноты, повторяется невыносимо, аккомпанементы в фортепианной партии точь-в-точь такие же, как и в его виолончельной сонате, дешевенькие эффекты на каждом шагу, а пищи для ума ни на волос нигде. А Генрих Пахульский большой поклонник сочинений Рубинштейна и обижается, что я говорю, что я Антона Рубинштейна ставлю гораздо выше как и с п о л н и т е л я, чем к о м п о з и т о р а.

Интересна увертюра Svendsen'a «Carnaval de Paris». Но однако долой с музыки, это предмет слишком эластичный.

До свидания, мой бесценный, несравненный. Не забывайте всем сердцем горячо Вам преданную

Н. ф-Мекк.

135. Чайковский—Мекк

Милый, добрый друг мой! Петербург, 8 сентября [1879 г.]

Мне очень трудно изобразить Вам то смутное состояние души моей, которое ни на единый миг здесь не проясняется, до того, что мне нужно сделать над собой напряженное усилие, чтобы написать самое простое письмо. Точно будто меня ударили ухватом по голове, и мои умственные способности помутились. Так действует на меня этот резкий переход от деревенской жизни к петербургской суматохе. Одна мысль безраздельно занимает мою голову, и одно желание охватило всю мою душу, это к а к б ы п о с к о р е й у е х а т ь о т с ю д а! Мне совестно признаваться в этом не только перед Вами, но и перед самим собой. Здесь у меня отец, брат, которых я люблю горячо, но ненависть к Петербургу превозмогает мои самые теплые душевные привязанности. Тяжелее же всего то, что я должен по возможности скрывать мои тайные помыслы, чтобы не огорчить близких и дорогих людей. Я до сих пор еще не решаюсь произнести слово о т ъ е з д,—так не хотелось бы наводить на них чувства грусти! А между тем мне становится совершенно невыносимо! Думаю однако, что через н е д е л ю можно будет уехать.

Я писал Вам о благополучном обороте дела Анатолия. Все кончилось для него самым лестным образом. С этой стороны я совершенно доволен и утешен. По секрету Вам скажу, что брат с а м н е м н о ж к о в и н о в а т, или, лучше сказать, виновата его крайняя раздражительность и нервность. Это свойство

его, с годами делающееся все сильнее и выражающееся резче, беспокоит меня!

Т а с я, которую я навещаю ежедневно, ободрилась и начинает свыкаться с новым положением. Нужно отдать справедливость заведению, в котором она находится. Повидимому, начала, которыми руководствуются начальница и остальные служащие, очень гуманны и не похожи на те, которые замечаются в некоторых казенных заведениях. Вчера она была отпущена домой, и я отвез ее к приятельнице сестры, Норовой, а сегодня она проводит день у дедушки, т. е. моего отца.

Брат Анатолий переехал теперь на новую квартиру, и мы живем среди невообразимого хаоса. Это обстоятельство еще более расстраивает меня. Я так непривычен к такой неровной, беспорядочной жизни.

Вчера я ездил в Павловск на симфонический вечер. Меня заинтересовало С к е р ц о нашей симфонии, стоявшей на программе. Исполнение было посредственное, но мне все-таки было приятно услышать его.

Здоровье отца хорошо, но силы его, как физические, так и умственные, все больше и больше клонятся к упадку. Он едва может сделать несколько шагов и с трудом понимает то, что ему говорят. Спит попрежнему хорошо и вообще кроме слабости никаких старческих тягостей не ощущает.

Не могу описать Вам чувства, которое я испытал, прочтя Вашу телеграмму. Точно луч света проник в постоянный мрак всего моего здешнего существования. Симаки мне иначе не представляются, как сладким сновидением. А слова Ваши о Неаполе! Неужели эта чудная мечта сбудется и в таком недалеком будущем! Чувствую, что̀ пишу Вам бестолково и бессвязно, но я здесь в буквальном смысле с а м н е с в о й; я не узнаю себя, не могу войти в самого себя.

У Анатолия я нашел целый ворох писем и з в [е с т н о й] о с [о б ы], служащих несомненным доказательством ее безумия. Я прихожу только к тому заключению, что нужно предпринять меры строгости против нее. Я и все мои близкие слишком долго деликатничали в отношении ее.

Погода стоит великолепная, и это большое для меня утешение.

Вот, милый, безгранично любимый друг, какие мои планы: 1) приблизительно через неделю уехать отсюда, 2) день или два провести по крайней необходимости в Москве, 3) оттуда съездить к брату Модесту, 4) потом в Каменку и 5) в первых числах ноября выехать за границу.

Вздохну свободно только, когда выеду из Москвы. Поскорей бы, поскорей пришел этот вожделенный день!

Жду с нетерпением письма Вашего. Дай бог Вам устроиться с делами поскорее. Новый мой адрес: Надеждинская, д. № 4, кв. № 4. Но я думаю, что здесь после следующего письма мне уже нечего будет ожидать от Вас еще письменных известий.

Беру смелость просить Вас, чтобы Вы мне только телеграфировали о дне Вашего выезда за границу. Если Вы найдете время написать мне словечко к Модесту, то буду очень счастлив. Адрес его: Екатеринославской губ. Новомосковского уезда, почтовая ст. Перещепино, оттуда в Гранкино, П. И. Ч. Полагаю однакоже, что по случаю сборов к отъезду Вам будет не до писем, и поэтому проще всего, если к концу месяца Вы мне адресуете письмецо в Каменку, где я буду к началу октября.

Засим до свиданья, дорогой друг. Посылаю привет Вам, всем близким Вашим и всем местам, где я проводил такие чудные дни и часы!

Чего бы я не дал, чтобы хоть на один час перенестись в Симацкий домик!

Будьте здоровы, счастливы и покойны.

Ваш П. Чайковский.

136. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
13 сентября [1879 г.]

Получил вчера письмо Ваше, милый и добрый друг мой! Как я невыразимо завидовал Вам, читая про чудную осеннюю погоду, которой Вы наслаждаетесь. Здесь она также хороша, но что мне до этого? Я бы лучше желал, чтобы небо было пасмурно и начались осенние дожди и ненастье! Я бы тогда менее страдал от тоски по лугам и лесам, по милому Симацкому домику и привольной жизни, которой я наслаждался под теплым Вашим крылышком.

Жизнь моя здесь попрежнему состоит из томительного ожидания минуты отъезда. Не только ничего не делаю, ничего ровно не читаю, но даже ни о чем не думаю—я пронзрастаю самым прозаическим образом. Очень часто навещаю Тасю, а праздники провожу вместе с нею. Она переносит с большим мужеством свою тоску и горе, говорит, что в школе, пока есть занятия, она не успевает скучать, но, просыпаясь рано утром, каждый день плачет в постели. Эта часть дня для

нее самая несносная. Кроме того, она ненавидит, когда их всех водят гулять, для нее несносна эта прогулка в стаде (по ее выражению) и при пастухе в виде классной дамы. У Анны в институте тоже бываю очень часто. Из Каменки известия утешительные: сестра, слава богу, совсем здорова!

По вечерам часто посещаю оперу, но испытываю мало удовольствия. Совершенная невозможность укрыться от бесчисленного количества людей, меня знающих, смущает и тяготит меня. Как я ни прячусь, а всегда находятся услужливые люди, отравляющие удовольствие слушания музыки своими любезностями, своим скучным разговором и обычными расспросами: «что Вы делаете? что пишете? куда едете?» и т. д. Но всего несноснее приглашения! Нужно много мужества, чтобы отделываться от них.

В одном из последних Ваших писем, в Симаках, Вы спрашивали меня, милый друг, как происходит процедура постановки оперы. Отвечаю Вам на это теперь. Нужно представить партитуру и клавираусцуг в дирекцию императорских театров при докладной записке, в коей излагается просьба о постановке. Затем для успеха просьбы следует хлопотать и просить. Вот этого я и не умею. Обе мои первые оперы были поставлены по настоянию вел. кн. Конст[антина] Ник[олаевича], питающего сочувствие к моей музыке. Не знаю, что будет на сей раз, но хлопоты я поручу Юргенсону. Два дня тому назад я виделся с Направником (это одна из самых достойных уважения личностей в музыкальном мире), который выразил большое участие к судьбе моей оперы, но сказал, что в этом сезоне она итти не может, представить же партитуру в дирекцию советовал как можно скорее.

Если б не г. Мессер, из-за которого клавираусцуг еще не скоро будет готов, я бы мог представить оперу сейчас же. Во всяком случае я имею основание надеяться, что в будущем сезоне оперу дадут.

Получил сейчас Вашу телеграмму. Спасибо! До меня дошло покамест только первое письмо Ваше. Не забудьте, милый друг, назначить мне, куда писать Вам.

Как мне жаль бедного Влад[ислава] Альберт[овича]. Шлю ему дружеское приветствие.

Юлье Карловне, Милочке и всему Браилову поклон.

О, Неаполь! Неужели это сбудется?

П. Чайковский.

137. Мекк—Чайковскому

Браилов,
14 сентября 1879 г.
Пятница. 8 часов утра.

Мой милый, обожаемый друг! Пишу Вам в состоянии такого упоения, такого экстаза, который охватывает всю мою душу, который, вероятно, расстраивает мне здоровье и от которого я все-таки не хочу освободиться н и з а ч т о, и Вы сейчас поймете п о ч е м у. Два дня назад я получила четырехручное переложение н а ш е й симфонии, и вот что приводит меня в такое состояние, в котором мне и б о л ь н о и с л а д к о. Я играю— не наиграюсь, не могу наслушаться ее. Эти божественные звуки охватывают все мое существо, возбуждают нервы, приводят мозг в такое экзальтированное состояние, что я эти две ночи провожу без сна, в каком-то горячечном бреду, и с пяти часов утра уже совсем не смыкаю глаза, а как встаю на утро, так думаю, как бы скорее опять сесть играть. Боже мой, как Вы умели изобразить и т о с к у о т ч а я н и я, и л у ч н а д е ж д ы, и горе, и страдание, и все, все, чего так много перечувствовала в жизни я и что делает мне эту музыку не только дорогою как музыкальное произведение, но близкою и дорогою как выражение моей жизни, моих чувств. Петр Ильич, я стою того, чтобы эта симфония была моя: никто не в состоянии ощущать под ее звуки то, что я, никто не в состоянии так о ц е н и т ь ее, как я; музыканты могут оценять ее только у м о м, я же слушаю, чувствую и сочувствую всем своим существом. Если мне надо умереть за то, чтобы слушать ее, я умру, а все-таки буду слушать. Вы не можете себе представить, что я чувствую в эту минуту, когда пишу к Вам и в это же время слышу звуки н а ш е й божественной симфонии.

Скажу к этому, что я также в таком восторге от переложения г. Танеева, что я не знаю, чего бы я не дала ему из благодарности за него. Это удивительно, чтобы при таком удобстве и легкости исполнения суметь так сберечь, сохранить все прелести, всю сложность произведения, так ясно, отчетливо все распределить; я играю и восхищаюсь, не могу нарадоваться, что я в п о л н е и без всякого затруднения могу исполнять ее. Я была бы очень рада, если бы г. Танееву что-нибудь понадобилось от меня и я могла бы ему отслужить за такое огромное наслаждение, какое он доставил мне, дав возможность играть это так дорогое мне произведение; по мне, это самое лучшее переложение из всех Ваших сочинений, мой милый друг.

Я посылаю это письмо в Екатеринославскую губернию, боюсь только, найдет ли оно Вас там, а мне так хочется делиться с Вами моими дорогими ощущениями. Пожалуйста, мой бесценный друг, напишите мне, дойдет ли до Вас это письмо.

Я еще не знаю, когда выеду из Браилова, потому что у меня еще двух паспортов для прислуги недостает, так что, вероятно, не ранее восемнадцатого, а быть может, и позже. Телеграфировать Вам непременно буду, мой дорогой, с обозначением своих адресов. Погода у нас продолжает быть ясною, но холодною. Мы мало ездим, зато я много играла в четыре руки.

Бедный Пахульский все мучается с своим глазом, так что я его посылала в Киев к окулисту на два дня; оттуда он привез много наставлений, но еще не выздоровление.

Как мне жаль, мой милый, дорогой, что Вам было так тяжело в Петербурге, но в то же время, простите, мой бесценный, я радовалась, что Вы скучаете об Симаках. Я не знаю, можете ли Вы понять ту ревность, которую я чувствую относительно Вас, при отсутствии личных сношений между

нами. Знаете ли, что я ревную Вас самым непозволительным образом: как женщина — любимого человека. Знаете ли, что, когда Вы женились, мне было у ж а с н о тяжело, у меня как будто оторвалось что-то от сердца. Мне стало больно, горько, мысль о Вашей близости с этою женщиною была для меня невыносима, и, знаете ли, какой я гадкий человек,—я радовалась, когда Вам было с нею нехорошо; я упрекала себя за это чувство, я, кажется, ничем не дала Вам его заметить, но тем не менее уничтожить его я не могла — человек не заказывает себе своих чувств. Я ненавидела эту женщину за то, что Вам было с нею н е х о р о ш о, но я ненавидела бы ее еще в сто раз больше, если бы Вам с нею было х о р о ш о. Мне казалось, что она отняла у меня то, что может быть только м о и м, на что я о д н а имею право, потому что л ю б л ю В а с, как никто, ценю выше всего на свете. Если Вам неприятно все это узнать, простите мне эту невольную исповедь. Я проговорилась,—этому причиною симфония. Но я думаю, и лучше Вам знать, что я не такой идеальный человек, как Вам кажется. К тому же, это не может ни в чем изменить наших отношений. Я не хочу в них н и к а к о й перемены, я именно хотела бы быть обеспеченною, что н и ч т о не изменится до конца моей жизни, что н и к т о... но этого я не имею права говорить. Простите меня и забудьте все, что я сказала, у меня голова не в порядке. Сегодня отличный день, я пойду на воздух, освежусь. Писать я больше не буду, потому что я говорю глупость за глупостью. Простите и поймите, что т е п е р ь мне хорошо, что мне ничего больше не надо. До свидания, дорогой друг, забудьте это письмо, но не забывайте всем сердцем любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Пожалуйста не забудьте помянуть о получении этого письма, если получите его.

138. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
15 сентября [1879 г.]

Полагаю, что это письмо дойдет еще до Вас в Браилове, милый и дорогой друг!

Приближается день моего отъезда, и я начинаю быть несколько бодрее духом. Но уеду я во всяком случае и не без грустных мыслей. Нужно Вам сказать, что брат Анатолий хотя и остался на службе, но переживает во всяком случае неприятный эпизод своей служебной карьеры. Дело в том, что его назначили наблюдать над следствиями, производящимися в жандармском управлении по политическим делам. В сущности, поручение это довольно лестного для него свойства, но при его крайней чувствительности и нервности ему ежедневно приходится переживать очень тяжелые минуты. Бывают весьма часто сцены раздирающие, и после каждой такой сцены он возвращается совсем расстроенный и больной. Не знаю, долго ли это продолжится, но не предвижу, чтобы он мог в близком будущем вернуться к прежней деятельности. Он очень хандрит, и так как мое присутствие для него большая нравственная поддержка,

то, может быть, мне следовало бы остаться здесь подольше. Иногда мне кажется, что я поступаю несколько эгоистически, убегая из Петербурга в деревню, и это немножко терзает меня. Но, с другой стороны, я чувствую себя совершенно неспособным хоть один день еще остаться здесь долее назначенного срока, и если б я принужден был отложить свой отъезд, то неминуемо предался бы убийственной хандре, и тогда вряд ли мое присутствие служило бы брату утешением. Вообще вопрос, как примирить мою любовь к отцу и братьям с колоссальным отвращением к Петербургу, постоянно тревожит и мучит меня. Каждый час, проводимый мной здесь, отнимает у меня очень много из запаса жизненных сил, и грустнее всего то, что во всем мире, кроме Вас, никто не может понять сущность тех страданий, которые я здесь испытываю. Тот же брат Анатолий не может постигнуть, что меня нужно не удерживать здесь, а гнать отсюда поскорей. Все мои умственные и душевные силы тупеют, когда я живу в Петербурге. Не только думать и соображать, но даже в с п о м и н а т ь я здесь не умею. Знаете ли, что я не могу отчетливо припомнить подробности жизни в Симаках. Мне б о л ь н о обращаться мысленно к этому времени: счастье, которое я там ощущал, представляется мне невозможным. Точно так же не могу поверить, что через два месяца я буду в Неаполе! Неужели в самом деле эта мечта осуществится?

А погода между тем стоит более чем великолепная. Совершенно небывалая. Боже мой, сколько радостей я испытал бы, если б еще был в Симаках!

Второго письма Вашего я до сих пор еще не получил.

Отец мой, слава богу, здоров. Т а с я очень весела, т. е. насколько это возможно в ее положении. Завтра проведу с ней целый день и вечером повезу в театр.

До свиданья, бесценный, несравненный, милый, добрый друг! Счастливого Вам пути.

Ваш П. Чайковский.

Каждый праздник, ходя по улицам или находясь в театре, я ищу глазами Колю и Сашу. Мне бы невыразимо приятно было увидеть их. Но не удается.

139. Мекк—Чайковскому

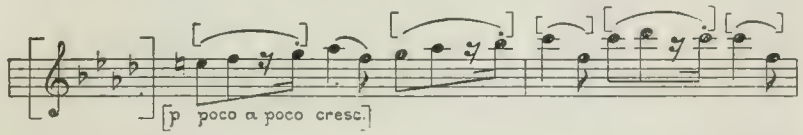
Браилов,
19 сентября 1879 г.
½ 8-го часа утра.

Дорогой мой, несравненный друг! Простите, ради бога, что я только беспокою Вас своими фантазиями, переменами проектов, вопросами, телеграммами и т. п....

Так как я знала уже, что в ноябре-то Вы можете приехать в Неаполь то и решила ехать теперь же, как предполагалось раньше.... Теперь, мой милый, дорогой друг, попрошу Вас очень написать мне в Париж, poste restante, потому что еще я не знаю, где сойду там, и очень, очень прошу Вас держать меня как можно подробнее au courant.* Ваших местопребываний.

Мой предполагаемый marche route я Вам здесь прилагаю....

Ах, кстати, чуть было не забыла сказать. Знаете, дорогой мой, что Симаки я никому не отдаю в аренду, а беру с а м а, для того чтобы иметь наслаждение быть еще хозяйкою моего несравненного, бесценного гостя, а я надеюсь, что он не откажет мне в этом счастье на будущее время. Не правда ли, милый мой?

Я продолжаю упиваться музыкою, как опиумом, и оправдываю себя тем, что в е д ь м ы ж е с к о р о у е д е м, и тогда надолго музыки не будет, а последствия ее Вы можете видеть, милый друг мой, на этом письме, переполненном ошибками, но я не могу оторваться от этого очарования. Четвертая симфония охватила меня всю, а эта Coda, эти

с ума меня сводят. Я ночью слышу эти звуки, я не могу даже глазами их видеть равнодушно. Вся симфония удивительна, но первая часть... это последнее слово искусства, дальше этого нет дороги, это предел гения, это венец торжества, это точка божества, за нее можно отдать душу, потерять ум, и ничего не будет жаль...

Ну, уж теперь ни о чем другом я говорить не в состоянии больше. До свидания, мой обожаемый друг, мой бог, моя любовь, мое счастье.

Ваша Н. ф.-Мекк.

140. Мекк — Чайковскому

Браилов,
24 сентября 1879 г.
8 часов утра.

Дорогой, несравненный мой друг! Сажусь написать Вам несколько слов, потому что сегодня начинаю укладываться, а это доставляет много суеты....

Расставаться с Браиловом жаль, но тем не менее я рвусь в п е р е д, в п е р е д! Все мои помыслы, стремления, ожидания, желания обращены к Неаполю — туда, где з а б ь е т с я о п я т ь в о с к р е с ш е е с е р д ц е, засветит солнышко, пригреет, оживит своими лучами. О, жизнь сердца, это только и жизнь!

Вчера я играла опять и а ш у симфонию. Завтра, накануне отъезда, сыграю еще и уеду с этим дорогим, сладким впечатлением, с Петром Ильичем в сердце, с его речами в голове, с своим горячим чувством к нему во всем существе, и мне долго, долго будет хорошо, а там придет Неаполь, эта обетованная земля. Дай бог дожить до этого.

---

* в курсе

Хочется мне очень спросить у Вас одну вещь, мой бесценный друг, но я боюсь, чтобы Вы не церемонились ответить мне совсем искренно, как Вы относитесь к этому, но так как мне очень хочется этой вещи, то я все-таки Вас спрошу и попрошу убедительно нисколько не стесняться о т к а з а т ь мне, если Вы этого не захотите. Приступаю. Мне очень хочется поставить н а ш у симфонию в Париже на оркестр C o l o n n'a, в Châtelet.

Позволите ли Вы мне сделать так: выписать из Москвы все партии оркестра, партитуру и в Париже послать это Colonn'у и сказать, что я, русская женщина, поклонница моего дорогого друга г. Чайковского, зная, что г. Колонн также ценит высоко нашего великого композитора, покорнейше его прошу поставить на мой счет новое произведение этого несравненного maestro, а мне только сообщить, к о г д а она будет в первый раз сыграна и с у м е л а ли публика оценить ее.

Вот теперь выговорила все свое желание и весь свой проект. Решите, мой бесценный, как я могу с ними поступить, и в случае если Вы мне позволите осуществить их, то не откажите т е́ л е г р а ф и р о в а т ь мне об этом в Париж на poste restante....

Знаете, милый друг мой, что мне очень бы хотелось как-нибудь познакомить наших юношей — Тасю и Колю. Мне бы очень нравилось, если бы они могли расти и воспитываться, зная, что они предназначены друг другу, но этот отвратительный свет с его правилами и п р и л и ч и я м и совсем ставит меня втупик, я ничего придумать не могу там, где надо соприкасаться с его требованиями. Но во всяком случае, не придет ли Вам какая-нибудь мысль на способ, которым было бы можно их познакомить, конечно, не беспокоя тут Вас ни на волос, совсем à part de vous?* Нельзя ли было бы, чтобы Вы дали мне какое-нибудь поручение к Тасе, которое я исполню посредством Коли? Ему, вероятно, начальница дозволила бы визиты к Тасе, так как он приезжал бы, по моему распоряжению, н е и н а ч е как с Иваном Ивановичем, человеком почтенных лет и внешности. Как вы думаете об этом, милый друг? Пожалуйста, только говорите мне Ваши мнения так же откровенно и искренно, как я говорю Вам каждую свою думу, каждое желание. Если бы такое знакомство между этими детьми завязалось, то я, конечно, просила бы Вас узнать и сообщить мне, какое впечатление произведет мой юноша на Вашу девицу, чтобы знать, чего держаться дальше. Ведь мы с Вами не будем друг с другом в приличия играть, не правда ли, мой дорогой?

В эту минуту в моем [воображении] поднялся полный и ясный проект на все это дело. Первым актом нашего романа должно быть знакомство молодежи, т. е. только д в у х г е р о е в; затем, если jeune premier ** произведет хорошее впечатление на нашу барышню, мы пока оставим их продолжать свое знакомство и перейдем ко второму акту. В этом мы должны заняться зондировкою мнения на этот предмет Александры Ильиничны и Льва Васильевича. Если таковое окажется б л а г о п р и я т н ы м для моих намерений, то мы попросим разрешения при удобном случае представить им моего prétendant ***, а сделать это можно в следующем виде. Если на будущий год мы будем в Браилове, то я пошлю своих правоведов, по праву полученного позволения и под предлогом знакомства Коли с Тасею, в Каменку с визитом, конечно, в то время, когда Вы не будете там. Я уже говорила им здесь, когда

---

* помимо вас
** юный герой
*** претендента

зашла речь о знакомствах, которые я имела им разрешать, что вот семейство, в котором мне было бы очень приятно, если бы они были приняты, это семейство Давыдовых, сестры Петра Ильича, и Коле очень понравилась эта мысль — он у меня не дикарь.

Затем, если бы и после визита Коли и Саши в Каменку родители Таси сочувствовали моему проекту, то в третьем акте я бы сообщила Коле о своем желании, о своем выборе, и если бы встретила, на что я очень надеюсь, с его стороны к этому сочувствие, то указала бы ему, что он сам должен стараться приобрести себе хорошее мнение и расположение Таси и ее родных, и время, которое он имеет до осуществления этого проекта, он должен употребить на то, чтобы приготовить в себе хорошего семьянина, умеющего любить и уважать свою жену, всегда заботиться об ней и уметь переносить лишения и труды, неотразимо соединенные с семейною жизнью, одним словом, понять, что point de droits sans devoirs *—девиз моей жизни [1].

Что Вы скажете, мой дорогой, на все эти мечты? Я, вероятно, не доживу до реализации их, если таковой и суждено быть, но я хотела бы при себе положить зерно в землю, а там уж оно вырастет и без меня.

Но однако décidément ** я не могу Вам писать несколько слов. Как только взялась за перо, у меня делается такой наплыв мыслей, ощущений, что я едва успеваю писать.

До свидания, мой дорогой, безмерно любимый друг. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

141. Чайковский—Мекк

1879 г. сентября 17—25. С.-Петербург,
Петербург—Москва—Граккино. 17 сентября.

Только что собрался послать Вам поздравительную телеграмму, как получил Вашу, адресованную брату. Милый друг! само собой разумеется, что я поеду в Неаполь, когда Вы этого захотите. Но весьма может статься, что за границу я отправлюсь несколько ранее. Впрочем, ничего верного я еще не знаю. Знаю только, что завтра выезжаю отсюда в Москву, где останусь не более одних суток, и потом поеду к Модесту, а затем уже в Каменку. Неописанно радуюсь при мысли о Неаполе!

19 сентября.

Приехал сегодня утром в Москву. Остановился в гостинице Кокорева и очень доволен тишиной. Хочу остаться здесь дня два, чтобы покончить с исправлением клавираусцуга и уехать, уже окончательно развязавшись с работой. Выехал под очень грустным впечатлением. Во-первых, Тася при прощании со мной так плакала, обнаружила признаки такой сильной тоски, что я решился хлопотать, чтобы сестра или

---

* нет прав без обязанностей
** решительно

взяла ее домой или сделала приходящей. Оказывается, что она после отъезда сестры только оттого была относительно весела, что я часто с ней виделся, а я, кроме родственной любви, оказывал еще ей ту нравственную поддержку, что напоминал д о м. Прощание было ужасно трогательно. Во-вторых, брат Анатолий хандрит жестоко. В-третьих, отец показался мне при прощании очень слабым и близким к концу. Увидимся ли с ним, бог знает. Сейчас у меня были Юргенсон и Рубинштейн. Последний показался мне очень веселым, бодрым и довольным.

Гранкино,
25 сентября.

Расскажу Вам вкратце, милый друг, все, что произошло в последние дни. В Москве мне было точно так же томительно и скучно, как и в Петербурге, даже хуже. Странная вещь! Мои московские друзья из музыкального мира всегда принимают меня с изъявлениями большой радости, и я сам в первую минуту рад их видеть, но как только прошли первые минуты и с обеих сторон мы друг друга расспросили о здоровье, о том, что делается, наступает скука и какая-то неловкость. Между нами образовалась пропасть, которая делается все глубже и глубже. Их образ жизни, сходный с тем, который и я вел с ними прежде и в котором обильным излияниям Бахусу отведено слишком большое место, их мелкие личные интересы и отношения, пререкания и недоразумения, все это сделалось для меня так чуждо!

Между тем я многих из них искренно люблю и уважаю. Мне кажется, что взаимное смутное чувство отчуждения друг от друга объясняется тем, что хотя все они мои д р у з ь я в будничном смысле слова, но никогда никто из них не был моим действительным д р у г о м, не был действительно б л и з к и м мне человеком. Интимность наша была чисто внешняя, и теперь, когда судьба развела наши пути, отсутствие действительной дружбы дает себя чувствовать.

Второй день моего пребывания в Москве я проболел, но через силу целый день работал над клавираусцугом. Мне хотелось уехать, окончательно покончивши с оперой. Познакомился я с М е с с е р о м. Оказалось, что это очень добросовестный, старательный, терпеливый музыкант, к тому же питающий к моей музыке искреннюю склонность, но, увы, человек безнадежно бездарный. Он очень благодушно перенес мои замечания и порицания, и расстались мы друзьями. Он с величайшей охотой взялся переписать всю свою работу со всеми моими бесконечными перечеркиваниями и исправлениями.

Я навестил консерваторию, которая приняла в течение лета очень кокетливый вид. Проведен газ, перестроены лестницы и классы, устроены электрические звонки, из бывшей музыкальной залы сделан чудесный театр с удобными местами для зрителей, ну, словом, по внешности консерватория сделала огромный шаг вперед. Очень желательно, чтобы и по составу учеников она бы разбогатела. Надо правду сказать, что, несмотря на всю энергию Рубинштейна и на очень порядочный состав преподавателей, консерватория до сих пор произвела удивительно мало даровитых музыкантов. Уровень дарований был необыкновенно низок. Почему это? Почему Петербург в этом отношении далеко опередил матушку Москву, этого я не понимаю.

Выехал я из Москвы в субботу двадцать второго. Когда поезд тронулся и я ощутил себя вне города, в одно мгновение спала с меня та черная завеса, сквозь которую мне представляется весь мир, когда я нахожусь в наших столицах. Я снова почувствовал себя свободным и счастливым.

В Харькове мне пришлось остаться несколько часов, чтобы попасть на тот поезд, к которому должны были выслать лошадей. В первом часу ночи я выехал, побывавши в Харьковской опере, которая мне очень понравилась. На станцию Алексеевку я приехал в четыре часа утра. Было ужасно холодно, но светло, как днем. Вследствие недоразумения или, лучше, неаккуратности телеграфа лошади меня не ожидали. Пришлось ехать сорок верст в тележке до села Цыглеровки, где управляющий (находящийся в подчинении у Конради) дал мне фаэтон, и к обеду я приехал в Гранкино. Модест и Коля не ожидали меня, и тем радостнее было свиданье. Гранкино находится в местности чисто степной и лишенной красот. Но осенью степь имеет много прелести, и теперь, после моих петербургских и московских терзаний, я был так счастлив очутиться в настоящей деревенской трущобе, что мирюсь с неприглядностью местоположения.

Меня ожидали два письма Ваши! Невозможно передать, до чего я был рад увидеть Ваши строки, почувствовать себя опять с Вами. О том, что симфония наша наконец вышла, я узнал только из Вашего письма. Рассеянный Юргенсон забыл сообщить мне об этом. Я бесконечно счастлив, что Вы довольны переложением, которое, действительно, очень ловко и хорошо сделано. Что касается музыки, то я знал заранее, что Вы должны полюбить ее, это не могло быть иначе. Когда я писал эту музыку, я постоянно думал о Вас. Тогда отношения мои к Вам были еще далеко не столь близки, как

теперь, но и тогда уже я чувствовал, хотя и смутно, что нет во всем мире души, более чутко способной отозваться на самые глубокие и сокровенные движения моей собственной души, чем Ваша. Никогда посвящение музыкального произведения не имело более серьезного и действительного смысла, чем в этом случае. Я высказывался и изливался в ней не только от себя, но и от Вас; это, в самом деле, не моя, а наша симфония. Только Вы одни можете понять и прочувствовать все, что я сам понимал и чувствовал, когда писал ее. Она навсегда останется моим любимым сочинением, так как она памятник той эпохи, когда после долго зревшей душевной болезни и после целого ряда невыносимых мук тоски и отчаяния, чуть было не приведших меня к совершенному безумию и погибели, вдруг блеснула заря возрождения и счастья в лице той, кому посвящена симфония. Я содрогаюсь при мысли о том, что бы со мной было, если б судьба не столкнула меня с Вами. Я обязан Вам всем: жизнью, возможностью итти вперед к далекой цели, свободой и такою полнотою счастья, которую прежде считал невозможной.

Письма Ваши я прочел с ощущениями такой бесконечной благодарности и любви, которую сумею выразить только музыкально и для которой слов нет.

Милый друг! простите, что я ощутил эгоистическую радость по поводу того, что отдача Симаков в аренду отложена на неопределенное время. Значит, можно надеяться опять испытать то счастье, которое Вы дали мне, приютив меня в этом милом уголке! Я бесконечно радуюсь надеждой в будущем году снова погостить у Вас!

Не менее радуюсь я, что Ваша поездка за границу совершится в первоначально предположенное время. Хотя мне одинаково возможно и удобно было бы приехать как в ноябре, так и в декабре, но ноябрь ближе, а я, как ребенок, ожидающий дня именин и подарков, тороплюсь дожить как можно скорее до Неаполя!

Через три дня я еду в Каменку вместе с Модестом и Колей и проживу там месяц. В начале ноября поеду или прямо за границу или заеду все-таки в Петербург. Последнюю, весьма мало улыбающуюся мне поездку, я ставлю в зависимость от того состояния, в котором будет находиться брат Анатолий. Во всяком случае 15 ноября буду в Неаполе. Паспорт себе и Алеше я взял уже.

День сегодня чудесный. Тепло, как летом, и я не могу достаточно надышаться чудным степным воздухом и наслушаться деревенской тишины. Какое это наслаждение!

Милый друг! б у д ь т е з д о р о в ы. Этого для Вас и для себя я желаю больше всего. Читая в Вашем письме о бессоннице, которую причинила Вам н а ш а симфония, мне ущемило сердце. Хочу и впредь, чтобы моя музыка была для Вас источником радостей и утешения, но хочу также всеми силами души, чтобы Вы были з д о р о в ы и п о к о й н ы.

Ваш П. Чайковский.

Мой адрес: Каменка.

В случае, если б Вам нужно было телеграфировать мне, не забудьте, милый друг, что в Каменку французская депеша не дойдет. Нужно адресовать депешу в С м е л у.

Russie, gouvernement Kieff, Smela, Каменка.

142. Чайковский—Мекк

Каменка,
30 сентября 1879 г.

Милый и дорогой друг!

Прежде всего отвечу Вам на Ваши мысли по поводу Коли и Таси. Мне кажется, что ни в каком случае не следует ни тому, ни другой знать о наших планах. Тасе нельзя дать понять, что для нее предназначается мужем Коля, потому что, будучи совершенным ребенком, она вообразит себе, что учиться нечего. Мечты о предстоящем счастии (она с самых ранних лет мечтает о муже и детях) могут отвлечь ее и без того рассеянную головку от уроков и занятий, могут внушить ей высокое о себе мнение, ну, словом, сбить с толку. Но еще менее я нахожу возможным указать теперь Коле на Тасю как на будущую его жену. Не забудьте, милый друг, что в шестнадцатилетнем юноше и притом таком развитом, как Коля, уже наверное пробудились инстинкты мужчины, что несложившаяся, некрасивая, ребячески наивная девочка не может теперь ему нравиться, что юношам, только что вышедшим из отроческого возраста, по большей части брак представляется скучной обузой, и поэтому он даже может проникнуться невольной антипатией к девочке, которая будет ему предназначена в супруги. Вообще чувство, которое может впоследствии связать Колю и Тасю, если суждено осуществиться нашему проекту, должно вырасти совершенно свободно, не иметь характера обязательности. Нет никакого сомнения, что из любви к Вам Коля поступит согласно Вашему желанию, но что может выйти хорошего из брака, который устроился т о л ь к о в угоду нежно любимой матери? Что, если указанная ему Вами подруга жизни не будет для него

представлять ничего, кроме Вашей избранницы? Могут ли быть прочны подобные супружеские сочетания?

Между тем я не сомневаюсь в том, что из Таси должна выйти чудесная и обаятельно симпатичная девушка. Я уверен, что она б у д е т одарена способностью внушать действительную любовь и что она впоследствии б у д е т достойна Вашего сына. Только тогда, когда, сделавшись женщиной и перестав быть ребенком, она сумеет возбудить в Коле живое чувство симпатии, т о л ь к о т о г д а, мне кажется, можно будет открыть ему и ей, что соединение их составляло предмет давнишних желаний и надежд их родителей.

Я говорил сегодня с сестрой и зятем о задуманных нами планах. Нужно ли говорить Вам, что осуществление этих планов представляется им величайшим счастием. Они знают, как я чту Вас, они давно всей душой Вас любят, и Ваш сын не может не быть для них желанным зятем.

Вот что я предлагаю Вам, милый друг мой. Зимой сестра с дочерьми и с мужем будет жить в Петербурге. Они были бы до-нельзя рады, если б Коля и Саша познакомились с ними. Для этого не нужно никакого предлога, никакого искусственно придуманного повода. Пусть Коля и Саша в одно прекрасное утро побывают у сестры, адрес которой я впоследствии сообщу Вам. Я почти уверен, что общество сестры и ее семейства не будет неприятно для Ваших сыновей; я уверен, что в течение нескольких месяцев знакомство это обратится в короткое и интимное. Коля будет встречаться с Тасей... и мало-по-малу будет созревать желанное нами соединение. Но ни в каком случае ни тому, ни другому из двух будущих супругов не следует открывать замышляемое их соединение. Пусть все это сделается с а м о с о б о й, а я уверен, что это сделается. Вот, дорогой, милый друг, откровенно изложенные мною мысли касательно этого предмета.

Касательно исполнения у C o l o n n ' a н а ш е й симфонии прежде всего позвольте поблагодарить Вас, мой бесконечно добрый друг, за Ваши заботы о моей славе. Мне, конечно, очень было бы приятно, чтобы C o l o n n e сыграл мою симфонию, хотя я почти заранее уверен в неуспехе ее у французской публики. Но я решительно не предвижу, что может ответить Вам C o l o n n e. Дело в том, что попасть на программу в его концерты вообще считается большой честью и что есть множество местных парижских композиторов, тщетно добивающихся этой чести. Очень может быть, что C o l o n n e будет затрудняться принять в программу целую новую симфонию иностранного автора. С его стороны уже и то большое гражданское мужество, что он

решился исполнить мою «Бурю», которая всего из одной части. Имеет ли для него значение то обстоятельство, что Вы предложите ему за это деньги? Решительно не знаю. Во всяком случае, дорогой друг, если Вы решитесь обратиться к Colonn'y, я предупреждаю Вас, чтобы Вы не удивлялись, если он учтивым образом отклонит Ваше предложение.

А я еще раз благодарю Вас!

Надеюсь, что письмо мое из Гранкина дошло до Вас. Я остался у Модеста четверо суток, и вместе приехали сюда. Коля тоже вместе с нами. Какие успехи делает этот мальчик! Я не могу достаточно надивиться его уму и феноменальной памяти. Вообще у меня сохранилось к нему самое горячее чувство симпатии. Я с величайшим удовольствием увиделся со всеми каменскими. Сестра здорова, но ей прибавилась новая забота. Может быть, Вы помните, друг мой, что два года тому назад, когда я был в Сан-Ремо, у нас умерла старшая сестра Зинаида. Сестра эта была гораздо старше нас и от другой матери; жила она всегда далеко, в Сибири, так что я мало ее знал. После нее остались круглыми сиротами пятеро детей, из которых старшей теперь двадцать три года. Тотчас после смерти старшей сестры сестра Саша обратилась к двум племянницам с предложением поселиться у нее. Они отказались и поселились одни в Казани. Теперь вторая из племянниц оказалась такой взбалмошной и непорядочной, что старшая обратилась к сестре Саше с просьбой взять ее к себе на исправление, на что та, как и следовало ожидать, согласилась. Я нашел их вчера здесь. Странное чувство испытываешь при встрече с лицами, близкими по крови, но чуждыми по обстоятельствам жизни! Они не понравились мне, и, к стыду моему, я не могу победить в себе в отношении их чувство некоторой враждебности. До сих пор они упорно не хотели поддаваться на авансы, которые делала им сестра Саша, чтобы сблизиться с ними. А теперь, когда пришлось плохо, и вторая из них чуть не погибла от недостатка материнского присмотра, старшая привезла ее сюда, сбыла с рук моей бедной, истомленной от забот сестре и уезжает совершенно довольная, что освободилась от тяжелой обузы. Мне до боли жаль бедной сестры моей!

Я проживу здесь месяц и в начале ноября отправлюсь в обетованную землю. Неаполь! Как сладко думать об этом.

Будьте здоровы, милый, добрый друг мой!

Ваш П. Чайковский [1].

143. Мекк — Чайковскому

Мюнхен.
1 октября 1879 г.

Милый, дорогой, несравненный друг! Хочу воспользоваться одною свободною минутою, чтобы написать Вам несколько слов, но в комнате так холодно и перо так дурно, что боюсь, что Вы не разберете мое чистомаранье.

Остановились мы в Мюнхене на три дня, как Вам известно из моего маршрута....

Начало нашего путешествия соединено все с мелкими неприятностями: то вещи остаются в вагоне и не получаются уже обратно, то у меня зубы болят, то вчера у Юли пропало бриллиантовое кольцо, и при этом моя горничная, искавши его со свечкою, сделала пожар в Hôtel'e, подожгла драпировку на окне, которая вся сгорела, ковер залили водою, тушивши пожар,—и все что-нибудь да неприятное. Дай бог только, чтобы этим кончилось.

Все мои мысли, желания стремятся dahin, dahin, wo die Citronen blühn—в Неаполь, в ноябрь, навстречу моему милому, безмерно любимому другу. Из Браилова я уехала вся полная впечатлением н а ш е ю с и м ф о н и е ю. Я сыграла ее накануне отъезда вечером, для того чтобы унести с собою надолго эти дорогие звуки. Здесь я не играю, хотя стоит пианино в зале, но некогда....

Я надеюсь, мой милый, дорогой, в Париже получить от Вас весточку, я уже очень давно от Вас ничего не получала. В Браилове я все ждала, ждала письма еще из Петербурга, в ответ на мое второе, но так и не дождалась, а мне очень тяжело, когда я долго от Вас ничего не получаю и когда мне вкрадывается гадкая мысль в голову, что Вы меня забываете. Простите, милый, если я ошибаюсь, но мне что-то щемит на сердце, плакать хочется....

До свидания, мой милый, несравненный, обожаемый друг, мысленно обнимаю Вас горячо, как люблю. Всем сердцем всегда Ваша

Н. ф.-Мекк.

144. Чайковский—Мекк

Каменка,
1879 г. октября 5—7. Каменка. 5 октября 1879 г.

Милый, добрый друг! Сажусь писать к Вам и недоумеваю, куда адресовать: в Париж или Аркашон. Думаю, что вернее будет, если дождусь Ваших указаний и не буду отсылать письма, пока не получу от Вас известий. Кто знает, может быть маршрут Ваш изменится, и Вы из Парижа прямо проедете в Италию? Погода сегодня нехорошая, меланхолически тоскливая, и я с радостью думаю, что Вы находитесь под более чистым небом и согреваетесь более горячим солнцем. Но всего радостнее мне будет, когда я узнаю, что Вы уже там, «г д е з о л о т о й л и м о н н а с о л н и ц е р д е е т»! Не знаю отчего, я нахожусь теперь в периоде какого-то особенно неудержимого стремления в Италию. Как-то светло и радостно мне делается, когда подумаю, что и я в скором времени буду

там вместе с Вами. Неаполь, Помпея, Везувий... как все это обаятельно, волшебно-прекрасно в моем воображении!

Давно мне не случалось находиться в состоянии такого полнейшего права на праздность, в каком нахожусь теперь. Мне буквально нечего делать. Приехавши сюда, я нашел давно ожидавшую меня корректуру сюиты. В три дня я ее сделал, отослал, и теперь, пока не начну чего-нибудь нового, могу вести абсолютно праздную жизнь, т. е. читать, гулять, играть, мечтать сколько угодно. Надолго ли, не знаю, но, во всяком случае, в Неаполе, по крайней мере в первое время, не хочу налагать на себя никакого обязательного труда. Не правда ли, что в этом своеобразном городе, в отечестве lazzaroni *, нельзя не быть ленивым?

У нас здесь все здоровы, и все вообще благополучно. Какая непостижимая вещь нервность. У сестры прибавилось хлопот и забот; от разлуки с тремя дочерьми (старшая, Таня, гостит в Ялте у тетки), казалось бы, она должна страдать очень заметно, между тем давно я не видел ее такой здоровой, бодрой и даже веселой, как теперь. Отчасти я объясняю себе это тем, что она очень довольна письмами Тани. Нужно сказать Вам, что эта девушка, одаренная большими способностями, чудным сердцем и замечательной красотой, страдает одним довольно несносным недостатком: она вечно и всегда скучает. Натура ее какая-то надломленная, полная мучительных сомнений и недоверия к себе, беспокойная, проникнутая преждевременною разочарованностью. Созерцание этой вечной беспричинной и неестественной в молодой девушке хандры имеет свойство на всех наводить уныние и убийственно действует всегда на сестру, сознающую свое полное бессилие помочь горю. Случилось, что тетка (сестра Льва Васильевича) пригласила ее к себе в Ялту, и вдруг совершилось неожиданное превращение. Письма ее наполнены изъявлениями радостных ощущений и полнейшего счастья. Отчего это произошло, совершенно непонятно. Ей и прежде случалось бывать среди роскошной природы, до сих пор не имевшей никакой целебной силы на нее; к тому же теперь, как видно из ее писем, в Ялте льет беспрерывный дождь, способный не радовать, а, напротив, наводить уныние, и между тем наша милая Таня ожила, сделалась тем, чем подобает быть молодой, умной и всеми любимой девушке. Непостижимо! Но как бы то ни было, а мы все, и сестра в особенности, бесконечно радуемся этой неожиданной перемене.

---

* тунеядцев

Модест, пробывший с нами четверо суток, третьего дня уехал в Петербург. Бедный Модест! его ненависть к Петербургу почти столь же сильна, как моя.

Ах, милый друг, как бы хотелось мне дать Вам понятие об том, что такое мой младший племянник Юрий! Я еще в жизни не видал более восхитительного ребенка! В нем какой-то яркий свет, так что ему стоит появиться, чтобы все сознавали себя счастливыми и просветленными. И свет этот исходит не только из его чудных голубых глаз, но из каждого его движения, из каждого слова! Все, что он говорит, до того умно; в нем такое отсутствие ребяческого непостоянства нрава и капризности, такое ничем не смущаемое спокойствие, уверенность и твердость, что на каждом шагу приходится изумляться и восторгаться. Я почти уверен, что из этого ребенка выйдет нравственно сильный и возвышающийся над общим уровнем человек. Мальчик он крепкий и здоровый, и мне кажется, что и физическая сторона его натуры будет соответствовать нравственной силе.

Воскресенье, 7 октября.

Получил одну за другой две Ваши телеграммы. Спасибо Вам за них, милый друг! А я ведь, отвечая Вам на предложение по поводу симфонии, совсем упустил из виду, что ни партитура, ни голоса не напечатаны. Не подождать ли до тех пор, пока не состоится печатание?

Продолжаю наслаждаться своим законным dolce far niente, но в голове начинают носиться новые музыкальные планы. Не буду себя принуждать, и если настроение будет благоприятное, воспользуюсь им и кое-что набросаю.

Погода стоит ясная, но ветряная. Милый друг, пожалуйста напишите мне, куда адресовать следующее письмо и не изменился ли Ваш маршрут. Писать ли мне в Аркашон?

Это письмо я решаюсь отправить в Париж. Если Вы и уедете, оно Вас догонит. Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

145. Чайковский—Мекк

Каменка,
9 октября 1879 г.

Третьего дня я отправил к Вам письмо в Париж, милый друг мой, а сегодня получил Вашу депешу, из которой усматриваю, что письмо это уже не застанет Вас. Думаю, что его перешлют Вам. Как мне благодарить Вас за заботы о нашей симфонии? Я очень, очень радуюсь тому, что Colonne ее

сыграет. Нет никакого сомнения, что она в публике успеха иметь не будет, но, наверное, наберется с десяток людей, в душу которых она заронит искру сочувствия, а это уже большой шаг вперед. Когда я получу Ваше письмо и узнаю, как совершилось Ваше соглашение с Colonn'ом, то войду с ним в письменное сношение, чтобы указать на некоторые технические трудности исполнения и на средства обойти эти трудности. Одно только беспокоит меня. Неужели Colonne берет за исполнение симфонии деньги? Буду отменно доволен, если окажется, что его готовность исполнить симфонию основана не на корысти.

Как грустно мне думать, что Вы нездоровы. Ради бога, дорогой друг, не принуждайте себя писать мне, если нездоровье Ваше не совсем прошло. Частые переезды должны очень утомлять Вас. Я буду совершенно доволен, если до поры до времени Вы ограничитесь одними телеграммами.

У нас стоят чудные дни. Каждое утро я отправляюсь на далекую прогулку, отыскиваю где-нибудь уютный уголок в лесу и бесконечно наслаждаюсь осенним воздухом, пропитанным запахом опавшей листвы, тишиной и прелестью осеннего ландшафта с его характеристическим колоритом. Вообще я здесь отдыхаю самым приятным образом, но... начинаю понемножку тяготиться праздностью и, кажется, не утерплю, чтобы немного не поработать. А втихомолку считаю дни и часы, которые мне остались до 15 ноября, ибо как мне ни хорошо, а там будет еще гораздо, гораздо лучше...

До свиданья, друг мой!

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Юлье Карловне и Пахульскому поклон. Милочке поцелуй.

146. Мекк—Чайковскому

Париж,
Октябрь 1879 г.

1879 г. октября 9—10. Париж. Вторник, а числа не знаю.

Милый, дорогой, несравненный друг! Как только почувствовала себя немножко лучше, спешу написать Вам и благодарить Вас очень, очень за дорогие письма Ваши, которых я получила в Париже два. Меня начало уж очень беспокоить, что я так долго не получала от Вас ничего, и я обрадовалась н е с к а з а н н о, когда мне, наконец, подали письмо от Вас; я увидела из него, что Вы и здоровы и не забыли меня.

Теперь скажу о том, что меня чрезвычайно интересует, это об испол-

нении н а ш е й симфонии у Colonn'а. Во-первых, Вы благодарите меня за желание распространить Вашу славу совсем незаслуженно. Ваша слава не нуждается ни в чьих заботах о ней, и я хочу доставить ч е л о в е ч е с т в у, в особенности с т р а ж д у щ е м у, возможность услышать такую музыку, в которой больное сердце и страждущий ум найдут минуты такого наслаждения, такой отрады, такого счастья, каких не находит в жизни. Вот моя забота, милый друг.

Теперь о деле. Постановку н а ш е й симфонии на оркестре Colonn'а я считаю п о ч т и несомненною, а потому п о ч т и, что ниже я Вам скажу, какую процедуру это должно пройти, а сперва по порядку все расскажу Вам.

Как только я получила Ваше письмо, сейчас послала Пахульского в знакомый мне Magasin de Musique Durand взять адрес Colonn'а. Там дали адрес и при этом посоветовали отправиться по нем в девять часов утра и просить Monsieur Colonn'а, чтобы он назначил, когда может дать аудиенцию, потому что он очень занят и о ч е н ь трудно добиться возможности с ним говорить. Так и было сделано. Но когда Пахульский приехал к Colonn'у в девять часов, с ним вместе вошел еще какой-то, вероятно, музыкант. К ним вышла какая-то дама и объявила, что Monsieur Colonne n'est pas visible* и что у него прием бывает только в среду от одиннадцати до часу и что исключений ни для кого не бывает. Это было воскресенье, первый концерт Colonn'а в Châtelet. У нас был уже билет на ложу. Мы поехали туда, и Пахульский перед концом отправился в комнаты артистов ждать выхода г-на капельмейстера. Мы уехали, а он остался. После долгих хождений, расспросов, поисков, ему, наконец, указали коридор, в котором он может дождаться выхода великого визиря. Через несколько времени он, т. е. Colonne, действительно показался с одною дамою и одним мужчиною в сообществе. Пахульский подошел к нему и объявил ему qu'il est un étranger, qui vient de la part d'une dame russe pour une affaire importante **, и спрашивал его, когда он может говорить с ним об этом деле. Тот, раскланявшись с ним очень вежливо, отвечал, что «с е й ч а с». На это Пахульский ему ответил, что он не может говорить с ним о д е л е в присутствии посторонних слушателей. Тогда М-г Colonne отвел его в какой-то закоулок и сказал ему, что там он может говорить свободно. Тогда Влад[ислав] Альб[ертович] объяснил ему qu'il y a *** на свете одна русская дама, большая поклонница таланта г-на Чайковского, а что так как она знает, что г. Колонн также умеет ценить нашего великого Maestro и это ей, т. е. этой русской даме, в е с ь м а приятно, то она хочет познакомить М-г Colonn'а с одним из лучших произведений г-на Чайковского, его Четвертою симфониею; но так как ей известно, что постановка новой и в особенности такой большой пьесы на оркестр стоит очень дорого, то она хочет помочь М-г Colonn'у в этом деле. Когда Пахульский произнес Ваше имя, то Колонн вставил: «Ah, oui, oui, je connais bien M. Tschaikowsky, j'ai été en correspondance avec lui» ****.

Вообще в этом первом свидании Colonne хотя был вежлив, но отчасти важничал, и когда Пахульский сказал, что ему ассигнуется известная сумма на расходы постановки, то он спросил его конфиденциально: «ч т о,

---

* не принимает

** что он иностранец, приехал по поручению одной русской дамы по важному делу

*** что есть

**** «А, да, да, я хорошо знаю г. Чайковского, я был с ним в переписке»

э т у с у м м у д а е т E d i t e u r?»*, и когда Пахульский ему ответил qu'au contraire, Editeur ** сам получит плату за свою партитуру, тогда он совсем разгладился и просил Пахульского для окончательных переговоров приехать к нему на следующее утро в половине девятого. Когда Пах[ульский] приехал, он тотчас же вышел к нему и был весьма мил, expansif и симпатичен в этом свидании. Пахульский разъяснил ему, что я увидела его, т. е. Colonn'a, симпатию к Вашей музыке в прошлую зиму, когда бывала в его концертах и слышала Вашу «Бурю»; что мне, как русской и большой поклоннице Вашей музыки, чрезвычайно это приятно, и я признательна за это М-г Colonn'y,—потому и хочу сделать ему удовольствие. Что же касается его первоначального предположения, что известную сумму предлагает ему Editeur, то что ни Editeur des oeuvres de M. Tchaikowsky, ni M. Tschaikowski lui même *** не нуждаются ни в каких искусственных средствах для сбыта Ваших сочинений, что слава Ваша так велика, что издатели могут спорить за право издавать Ваши сочинения, et que sauf cela, M. Tschaikowsky est un homme de bonne naissance et jouissant d'une très belle position dans le monde ****.

Monsieur Colonne с своей стороны говорил с большою симпатиею о Вас, спрашивал о Вашем здоровье, говорил, что он скоро намерен исполнить опять какой-то fragment ***** из Ваших сочинений. Он не сказал, что именно и из какого сочинения, но я думаю, что это будут танцы из «Опричника». Говоря о Вас, он выразился,—его точные слова: «n o u s e s t i m o n s b e a u c o u p l e b e a u t a l e n t d e M. T s c h a i k o w s k y» ******.

Насчет постановки симфонии, он, конечно, очень рад это сделать, но говорит, как бы извиняясь за это, что необходимо пройти известную процедуру. Когда все будет переписано и готово на бумаге, артисты должны разучить, сделать две репетиции, и тогда симфония пойдет на решение комитета музыкантов, которые определят, допускается ли ее исполнить публично или нет. Конечно, я не сомневаюсь нисколько, что решение будет утвердительное, тем более, что голос Colonn'a будет иметь огромное значение, а он всею душою за исполнение ее. Ему дали четырехручное переложение для просмотра.

Кончился визит тем, что он дал своих две фотографии, одну Пахульскому, другую прислал мне, с весьма любезными надписями. Я уже телеграфировала в Москву, чтобы как можно скорее переслали партитуру и чтобы мой брат выслал ее прямо по адресу Colonn'a в Париж, а я буду с Colonn'ом переписываться и постоянно сообщать ему мой адрес, так с ним условлено. Пока останавливаюсь. Голова у меня очень слаба, и я с трудом пишу. Если буду в состоянии, буду продолжать письмо завтра, если нет, то пошлю его так. Нездоровье мое произошло от сильнейшей простуды.

До свидания, мой бесценный, всегда милый и дорогой мне Петр Ильич. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

---

* издатель

** что, наоборот, издатель

*** [ни] издатель сочинений г. Чайковского, ни сам г. Чайковский

**** и что помимо этого г. Чайковский хорошего происхождения и пользуется в свете хорошим положением

***** отрывок.

****** «мы очень ценим высокий талант г. Чайковского»

Среда.

Голова моя очень нехороша, но я не могу послать это письмо, не выразив Вам, мой дорогой друг, как глубоко я благодарна Александре Ильинишне и Льву Васильевичу за их доброе отношение ко мне и моему Коле. Меня чрезвычайно радует их сочувствие к нашему проекту, и я от всего сердца благодарю их за позволение моим сыновьям посещать их в Петербурге. Вы находите, что не следует сообщать Коле о наших планах. Я так и сделаю, но хочу объяснить Вам, почему, я хотела ему указать на нашу мысль. Во-первых, Коле не только брак не представляется обузою, но, напротив, у него есть большая наклонность к семейной жизни. Он очень любит приходить к сестре, посидеть и поговорить с нею, читать ей, помогать в хозяйстве, устраивать домашние дела, следовательно, такая, так сказать, локализация его симпатии могла бы уберечь его от многого дурного, к чему его будут тянуть разные добрые люди. Во-вторых, мальчикам его возраста всегда больше нравятся барышни старше его, и легко может случиться, что, попавши в семейство к Александре Ильинишне, он влюбится, насколько это возможно в шестнадцать лет, в Mademoiselle Таню, а мне бы этого не хотелось, потому что перемещение симпатий, в особенности в одном и том же семействе, всегда бывает довольно трудно, тогда как, наоборот, теперь он не обратит никакого внимания на Тасю, как на маленькую девочку, такую же взбалмошную, как Соня, которую он постоянно останавливает и распекает. Но если бы он знал, что эта маленькая девочка предназначается ему в жены, у него явилось бы к ней совсем иное внутреннее отношение, которое выражалось бы и во внешнем обращении, а ведь надо же, чтобы он заслуживал расположение Таси. В-третьих, я была бы свободнее в своих внушениях и наставлениях ему об обязанностях мужа. Но Вы находите, милый друг, что лучше не говорить ему, и я ни одной минуты не настаиваю на своих соображениях, а сделаю так, как Вы находите лучшим, потому что Вы, конечно, лучше меня и знаете, как надо поступать с мальчиками. Как мне жаль бедненькую Тасю, так я и сказать не могу.

Также мне ужасно жаль Александру Ильинишну в той обузе, которую она взяла на себя в виде племянницы, и зачем Лев Васильевич не удерживает ее от этих слишком добрых порывов. Нельзя так жертвовать собою, имея семейство, и к тому же сообщество такой барышни ведь должно же быть очень неприятно и для дочерей Александры Ильинишны. Жаль, жаль мне ее ужасно.

Но однако голова моя совсем трещит. Сегодня вечером мы уезжаем в Arcachon. Адрес наш там: Grand Hôtel. Напишите мне туда, мой милый, бесценный друг. Ваши письма мне счастье.

Погода очень дурна.

До свидания, дорогой, горячо любимый друг. Не забывайте всем сердцем всегда и везде Вас любящую безгранично

Н. ф.-Мекк.

147. Чайковский—Мекк

Каменка.
12 октября [1879 г.]

Представьте, милый друг, что только сегодня утром я получил письмо Ваше от 1 октября из Мюнхена. Совершенно непостижимо, почему оно так долго сюда ехало! Юлия Карловна так точно и обстоятельно написала адрес! Письмо это проникнуто

грустью. Видно, что, когда Вы писали его, душа Ваша была полна тревоги. Утешаю себя тем, что причины Вашего расстройства заключались в тех бесчисленных маленьких дорожных невзгодах, о которых Вы пишете. Дай бог, чтобы в Италии Вы хорошенько отдохнули от утомления, сопряженного с частыми переездами.

Я продолжаю вести тихую, покойную, счастливую жизнь. Очень много гуляю, очень много читаю и даже понемножку пописываю [1]. Более чем когда-либо я теперь убедился, что жить без работы я долго не могу. Несколько дней тому назад я начал в тайне души ощущать какое-то неопределенное недовольство самим собой, мало-по-малу начинавшее переходить в скуку. И чтение, которое я люблю страстно, и прогулки, которые я люблю не менее страстно, недостаточно наполняли мое время и стали менее привлекательны, чем тогда, когда они служат мне отдыхом. Я понял, что мне недостает труда, и принялся понемногу работать. Тотчас же прошла скука, и на душе стало легко. Я начал писать концерт для фортепиано. Буду работать не торопясь, не напрягаясь и нисколько не утомляя себя.

Читали ли Вы, милый друг, философские статьи Влад[имира] Соловьева (сына покойного ректора и историка) в «Русском вестнике»? [2] Они отлично написаны в том отношении, что совершенно доступны для не специалиста и изложены с большим талантом и остроумием. Не знаю, к каким окончательным выводам придет автор, но в последней (августовской) книжке он с замечательной убедительностью и остроумием доказывает несостоятельность позитивизма, отрицающего умозрение, называющего метафизику вымыслом, но бессильного обойтись без философии. Соловьев удивительно метко высказывает заблуждение материалистов, думающих, что они, отрицая метафизику, имеют дело только с действительно сущим, т. е. с материей, тогда как материя не имеет объективного существования и есть только явление, т. е. результат действия наших чувств и ума. Действительно же существует только наша познающая сила, т. е. разум.

Я только плохо излагаю его мысль. Когда Вы почувствуете себя совсем отдохнувшей, советую Вам, мой дорогой друг, прочесть эти статьи, если Вы их еще не читали. Кроме того, я принялся теперь за еще весной купленную мной книгу Чичерина «Наука и религия». Как видите, я пустился в философию. Склад головы у меня совсем не философский, и такого рода чтение достается мне не без труда, но в такие

периоды времени, когда у меня нет трудной, поглощающей все внимание работы, я люблю пофилософствовать.

Вчера получил письмо от брата Анатолия. На этот раз он не жалуется на тягости службы, и вообще письмо отзывается порядочным расположением духа. Между прочим, он пишет мне про представление «В а к у л ы», бывшее на прошлой неделе. Театр был совершенно полон, но публика холодна попрежнему. Анатолий приписывает это отвратительному исполнению. Я же с поразительной ясностью вижу в этой холодности публики последствие своих г р у б ы х ошибок. Мне приятно думать, что «О р л е а н с к а я д е в а» уже свободна от прежней ложной моей оперной манеры, которая состояла в том, что я утомлял слушателя излишним обилием деталей, сложностью гармонии и отсутствием чувства меры в оркестровых эффектах. Кроме того, я не умел д а т ь о т д о х н у т ь слушателю, я давал ему сразу слишком много пряной музыкальной пищи. Оперный стиль должен отличаться шириной, простотой и некоторой декоративностью. Стиль «В а к у л ы» не оперный, а симфонический и даже камерный. Следует удивляться, что эта опера совсем не провалилась и продолжает не только держаться, но и привлекать много публики. Очень может быть, впрочем, что со временем публика даже и полюбит ее. Что касается моего собственного отношения к «Вакуле», то скажу Вам, что, отлично сознавая недостатки его, к а к о п е р ы, я все-таки ставлю его в первом ряду между своими вещами. Я писал эту музыку с любовью, с наслаждением, так же как «О н е г и н а», Ч е т в е р т у ю с и м ф о н и ю, В т о р о й к в а р т е т.

Что за чудные дни стоят теперь! Теплые, без ветра (это такая редкость в Каменке!), светлые! Как хороша осень! Как хорош лес с пожелтевшими, но еще не опавшими листьями! В саду еще цветут резеда, вервены, настурции, и на моем столе красуется великолепный букет из них.

Копка бураков во всем разгаре. В общем урожай бураков оказывается посредственным. Говорят, что цена на пшеницу идет все crescendo *; Лев Вас[ильевич] очень досадует, что свою продал раньше. Как-то идут брайловские дела, и каковы результаты копки? Будьте здоровы, дорогой, добрый друг!

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Юлии Карловне нижайшее почтение. Что поделывает Пахульский?

---

* увеличиваясь

148. Мекк—Чайковскому

Arcachon,
15 октября 1879 г.

Милый, бесценный друг! Пишу Вам совсем разбитая, истомленная до помрачения: зубная боль мучит меня каждую ночь, так что я могу спать только три-четыре часа, и это продолжается больше месяца. Нервы мои приведены в самое ужасное состояние, но это, конечно, когда-нибудь пройдет....

Получили ли Вы, милый друг мой, мою телеграмму из Парижа о постановке н а ш е й симфонии? Теперь Вы уже, конечно, получили и мое письмо об этом предмете. Здесь прибавлю еще дополнение. Когда я писала Вам первое письмо, дело стояло так, что я дала Colonn'у четырехручное переложение для просмотра, после которого он должен был уведомить меня, выписывать ли мне партитуру или нет. Через три дня после этого он прислал записку Пахульскому, которую я в подлиннике посылаю Вам, и вчера я сама написала ему, что партитуру я выписываю из Москвы и что она будет послана прямо ему в Париж, и просила его, чтобы он уведомил меня, когда получит ее.

Как меня восхищает эта мысль, что нашу симфонию будут слушать тысячи людей и что найдутся сотни людей, которые будут восхищаться и преклоняться перед этою божественною музыкою. Я говорю о тех, которые поймут ее, а сколько будет таких, которые, и не понимая ее, почувствуют божественное ощущение, для которых она облегчит горе, страдание, откроет небо, подаст надежду. Боже мой, какое же имя дать В а м за это все!.. О, музыка, когда она находится в т а к и х руках, какое это благо для человечества, з а м е н а с ч а с т и я она... Играла я это время также несколько раз Ваш Второй квартет. Этот Andante повертывает мне сердце внутри; да что уж и говорить....

Пишу Вам сегодня немного, дорогой мой, потому что очень утомлена бессонными ночами.... [*Конец не сохранился.*]

149. Чайковский—Мекк

Каменка,
1879 г. октября 15—16. Каменка. 15 октября 1879 г.

Ровно месяц осталось до Неаполя! Я жду дня этого, как институтка ждет дня выпуска или как малый ребенок ждет дня именин и подарков. А покамест мне и здесь живется хорошо. Новое музыкальное детище мое начинает подрастать, и черты его характера мало-по-малу определяются. Пишу с большой охотой, но понемножку и стараясь воздержаться от обычной лихорадочной спешности, которая всегда нехорошо отзывается на моих работах.

У нас здесь все здоровы, и все благополучно. Только старушка Ал. Ив. Давыдова, мать Льва Васильевича, в последнее время часто недомогает; c'est le commencement de la fin *, но

---

* это начало конца

дай бог, чтобы конец наступил как можно менее скоро. Все многочисленное семейство Давыдовых питает к главе семейства обожание, которого вполне достойна эта поистине святая женщина. Она—последняя, оставшаяся в живых жена декабриста, из последовавших за мужьями в каторгу. Некоторых из своих детей она родила на Петровском заводе, в о с т р о г е[1]. Вообще много горя пришлось ей перенести в молодости, зато старость ее была полна тихого семейного счастия. И какое чудное это семейство! Я считаю себя счастливым, что судьба столкнула меня с ними и так часто дает мне случай видеть в лице их душевное совершенство человека. Вообще судьба балует меня в этом отношении. Я мизантроп не в смысле ненависти к людям, а в смысле тягости, испытываемой от соприкосновения с о б щ е с т в о м людей. Но есть зато отдельные человеческие индивидуальности, мне близкие (например, тот л у ч ш и й д р у г, которому посвящена моя Четвертая симфония), которые заставляют меня любить человека и удивляться совершенству, до которого может доходить его нравственная красота.

Погода начинает хмуриться.

16 октября

Сейчас получил Вашу телеграмму. На этот раз слова так перепутаны, что я не вполне понимаю. К счастью, адрес обозначен верно. Вы остаетесь в Arcachon до двадцать пятого? Так ли? Далее я разобрал слово marche route, но относящиеся к нему выражения непонятны: m a r c h e r o u t e u n e c h a u t e p a r e n v o y é *. Сбивчивость депеши тем более удивила меня, что первые три дошли совершенно верно. Заключаю из продления Вашего пребывания в Arcachon, что он Вам понравился. Слава богу.

Будьте здоровы и веселы, л у ч ш и й д р у г м о й!

Ваш П. Чайковский.

150. Мекк—Чайковскому

Arcachon.
18 октября 1879 г.

Милый, несравненный друг! Пишу Вам за несколько часов до отъезда в Париж, куда еду с величайшим неудовольствием, но зубная боль до того меня замучила, что я решаюсь сегодня поехать к зубному доктору. А так жаль уезжать отсюда....

В Париже я хочу пробыть дня два и вернусь опять в Arcachon....

---

* Непереводимо. *Ред.*

То, что Вы пишете, милый друг, о маленьком очаровательном Юрии, совсем видно на его портрете; у него и личико и выражение совсем необыкновенные и восхитительные.

А зубы у меня все болят да болят. Если вернусь с успехом, то напишу Вам опять, дорогой мой, а теперь до свидания. Будьте здоровы, бесценный друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

151. Чайковский—Мекк

Каменка,
18 октября 1879 г.

Милый и дорогой друг! Получил сейчас Ваше большое письмо из Парижа. Благодарю Вас от всей души за заботы о нашей симфонии. Потрудитесь и В л а д и с л[а в у] А л ь б е р т[о в и ч у] передать мою живейшую благодарность за его хлопоты. Я буду очень рад, если исполнение симфонии осуществится, но очень может быть, что Colonne, несмотря на готовность, окажется бессильным удовлетворить наше желание. Он в самом деле не исключительный распорядитель относительно выбора пиес, и, ввиду огромного множества местных композиторов, добивающихся чести попасть на программу, ему трудно будет заставить принять иностранную симфонию, особенно если уже назначен к исполнению тот отрывок, о котором он говорил Влад[ославу] Альбертовичу.

Милый друг! Вам, конечно, лучше моего знать, следует или не следует говорить Коле о наших планах, и если Вы найдете нужным и удобным сообщить ему о них, то могу ли я быть против этого? Но все-таки я остаюсь при прежнем мнении, что до тех пор, пока Тася — не что иное, как неуклюжая, угловатая и еще совсем умственно неразвитая девочка, притом с таким характером ребяческой взбалмошности, который требует очень близкого знакомства, чтобы ценить ее в сущности чудесную натуру, она н е м о ж е т внушить ему серьезной симпатии и р а з в е т о л ь к о из повиновения, уважения и любви к матери он примирится с мыслью, что она—его будущая жена. Вы говорите, друг мой, что, если ему не указать на Тасю, как на будущую подругу жизни, он может влюбиться в старшую сестру. Опасность эта действительно есть и может быть не столько от Тани, сколько от Веры, которая в последнее время распустилась невыразимо прелестным цветком и от обаяния которой никто не может освободиться. Совершенно н е м ы с л и м о, чтобы юноша столь развитый, как Коля, видя Тасю рядом с старшими сестрами, мог по непосредственному влечению склониться в сторону первой. А хорошо ли для счастья наших молодых людей, если

в сердце его не сразу заронится искра симпатии к н е й? Другое дело—чрез два, три, четыре года, когда Т а с я в свою очередь начнет расцветать и физически и умственно, а сестры ее уже сделаются по возрасту совершенно неподходящими для м а л ь ч и к а, каковым Коля все еще будет в то время.

Вообще, милый, чудный друг мой, меня до-нельзя трогает и радует Ваше увлечение нашими проектами, но, ради бога, не будем торопиться; мы этим можем только испортить дело. Я, со своей стороны, не могу серьезно относиться к этому делу, пока Тася не подрастет, пока ее моральная и материальная физиономия не определится окончательно. Вам, быть может, это непонятно, милый друг, потому что Вы смотрите на возможность и осуществимость нашего плана только с точки зрения К о л и, который, несмотря на свои почти детские годы, уже успел обрисоваться. Я же, в свою очередь, смотря на наше дело с точки зрения Таси, которая, как я Вам писал в Симаках, мне очень симпатична к а к р е б е н о к, но составляет вопросительный знак к а к ч е л о в е к, должен и могу повторить только то, что писал Вам в Симаках: н у ж н о п о д о ж д а т ь. Что Тася не будет н е х о р о ш и м ч е л о в е к о м, это я и теперь знаю, ибо из такого любящего сердца не может с годами сделаться дурное. Но будет ли она женщина, способная осчастливить мужа, этого ни я и никто из близких не знает. Характер ее очень с т р а н н ы й, н е р о в н ы й, и воспитание ее стоило много труда, много слез всем, кто руководил ею, начиная с матери. Я надеюсь, что все шероховатости сгладятся со временем, но когда идет речь о том, чтобы уже теперь связать ее судьбу с сыном Вашим, то моя обязанность сказать: п о д о ж д е м.

Я уезжаю отсюда двадцать четвертого на один день в Москву по делу печатания оперы и на неделю в Петербург. Очень неблагоразумно и нерасчетливо делать этот страшный крюк на пути в Италию, но это необходимо. Брат Анатолий жестоко хандрит и желает меня видеть, да и я уехал бы за границу не с легким сердцем, если б не повидался с отцом и с братьями. В Москве мне быть нет необходимости, но все же я один день там проведу, чтобы посмотреть, что делается с оперой и сюитой.

Если найдете возможным, милый друг, что-нибудь написать или телеграфировать мне, то прошу адресовать: С.-П е т е р б у р г. Н а д е ж д и н с к а я, д о м № 4, к в. № 4. Пятого или шестого ноября я выеду за границу и буду останавливаться в Вене, Венеции, Флоренции.

Будьте здоровы, милый, добрый друг!

Ваш П. Чайковский.

152. Чайковский — Мекк

1879 г. октября 21—22. Каменка.

Каменка.
21 октября.

Милый друг! Я в большом беспокойстве. Две недели тому назад сестра сказала мне, что она, кажется, беременна. Неделю тому назад это подтвердилось несомненно, а вчера днем она почувствовала родовые боли, и это сопровождалось явлениями, которые указывают, что она должна выкинуть. Зародыш м е р т в. Между тем боли вчера к вечеру прекратились, и сегодня она чувствует себя хорошо, но ежеминутно следует ожидать возобновления болей и преждевременных родов. Мы все очень боимся за последствие. Она должна потерять много крови, а крови у нее и без того очень мало. Неизвестность эта очень мучительна. Думаю, что в среду двадцать четвертого я уеду. Дошло ли до Вас мое второе письмо в Аркашон? Надеюсь, что да!

22 октября.

Сестре вчера было гораздо лучше. Мы начинаем сомневаться в утверждении доктора, что она должна наверное выкинуть. Она сама теперь надеется, что ребенок останется жив.

Получил сегодня Ваше письмо из Аркашона. Как мне досадно и грустно, что Вы так страдаете от несносной зубной боли! Бедный мой друг! Я по опыту знаю, до чего мучительно это состояние. Поскорее в Италию! Мне чувствуется, что Вы будете там совсем здоровы.

Сейчас получил телеграмму из Москвы о том, что Рубинштейн превосходно играл вчера мою сонату и что публике она понравилась[1].

У меня завелась очень любопытная переписка с одним молодым человеком. Недели две тому назад я получил от неизвестного мне г. Ткаченко из Полтавы письмо, в котором он сообщает, что, питая страсть к музыке и желая посвятить себя изучению ее, но не имея никаких средств, он желал бы быть моим лакеем и обещает при этом исполнять со всевозможным усердием должность слуги, лишь бы я дал ему возможность хоть немножко познакомиться с теоретическими музыкальными сведениями. Так как письмо было написано очень грáмотно и было проникнуто искренностью, то я отвечал ему, что хотя не могу принять его услуги в качестве лакея, но могу содействовать ему в способах приобрести музыкальное образование, если из следующего письма узнаю, что он достаточно способен и достаточно молод, чтоб ученье к чему-нибудь привело. Вчера получил его ответ. Ему двадцать два года, и музыкальные сведения его так же ничтожны,

как сильно его желание сделаться музыкантом. Письмо написано так, что внушает к этому юноше большую симпатию. Видно по всему, что он умен и способен. Но что можно сделать с человеком, который в двадцать два года только любит музыку, но кроме подбирания по слуху ничего не умеет? Пришлось написать в ответ мое откровенное мнение, что он о п о з д а л и что года, в которые ученье может принести плод, прошли. Очень жаль его.

Хотя все эти дни я занимался очень понемножку, но с таким успехом, что у меня уже вполне готова вчерне первая часть фортепианного концерта. Теперь опять предамся праздности.

Занимается ли Влад[ислав] Альберт[ович] контрапунктом, как хотел? Надеюсь, что в Неаполе он мне покажет результаты своих трудов. Впрочем, я и забыл, что у него все глаза болели!

Из приложенной к Вашему письму записки C o l o n n' a к Пахульскому я вижу, что еще подлежит большому сомнению вопрос, будет ли исполнена там наша симфония. Весьма может случиться, что комитет отвергнет ее. Спасибо Вам, дорогой мой друг, за Ваши заботы. Увенчаются ли или нет они успехом, но благодарность моя будет одинаково бесконечна.

Юргенсон сообщает мне, что, как видно из музыкальных газет, Сарасате очень часто играет мою скрипичную серенаду и что она нравится. Очень радуюсь этому.

Адресую это письмо в Рим, это всего вернее. Если сестра окажется вне всякой опасности, то в среду двадцать четвертого, как раз накануне Вашего выезда из A r c a c h o n, я отправлюсь в Москву, Петербург и оттуда в Италию. Попрошу Вас, дорогой друг, в случае, если Вы найдете нужным что-либо сообщить мне по телеграфу, адресовать в Петербург (Н а д е ж д[и н с к а я] 4, [кв.] 4), где я останусь до пятого во всяком случае.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Мне кажется, что некоторые мои письма не дошли до Вас. Я писал никак не менее двух раз в неделю.

153. Чайковский—Мекк

Каменка.
24 октября [1879 г.]

Сейчас получил письмо Ваше с известием, что Вы едете в Париж! Бедный и милый друг мой! Боюсь, что Вы утомите себя всеми этими частыми переездами!

Я еду сегодня вечером.

У сестры оказалось, как думают теперь, л о ж н а я б е р е-

м е н н о с т ь. По крайней мере так решил доктор. Она чувствует себя хорошо.

Чувствую себя совершенно неспособным продолжать это письмо,—мысли у меня путаются, и перо выпадает из рук. Я нашел вчера у сестры громадные связки м о и х писем к отцу и матери, писанных когда-то из Петербурга, когда мне было десять и одиннадцать лет и я очутился совершенно одиноким в большом чуждом городе [1]. Трудно передать, какое волнующее впечатление произвело на меня чтение этих писем, перенесших меня почти за тридцать лет, напомнивших мне живо мои детские страдания от тоски по матери, которую я любил какой-то болезненно-страстной любовью... Уж двадцать пять лет прошло со дня ее смерти!..

Результатом этого чтения была совершенно бессонная ночь. Теперь я ощущаю невыразимое утомление...

Будьте здоровы, милый, чудный, добрый друг мой.

Посылаю это письмецо тоже в Рим.

Ваш П. Чайковский.

Простите за бессвязность писания. Из Петербурга напишу.

154. Чайковский—Мекк

Петербург,
29 октября [1879 г.]
2 часа ночи.

Милый и дорогой друг!

Сегодня утром приехал в Петербург, где меня уже второй день ожидала Ваша телеграмма. Я бы солгал, если б сказал, что Аркашон прельщает меня столько же, сколько и Неаполь, однакож и в Аркашон поеду с в е л и ч а й ш и м у д о в о л ь с т в и е м и заранее чувствую, что он мне понравится хотя бы оттого, что Вы в нем хорошо себя чувствуете. Но что меня очень беспокоит, так это Ваше здоровье. С величайшим нетерпением буду ожидать письма Вашего, из коего надеюсь узнать, какие обстоятельства могли заставить Вас отказаться от поездки в Италию, которую Вы так любите! Я написал Вам из Каменки в Рим (poste restante) два письма. Нельзя ли, милый друг, написать туда, чтобы их Вам прислали?

Путешествие мое было совершенно благополучно. В Москве я провел почти двое суток, сделал огромное множество корректур, виделся со всеми консерваторскими и между прочим был у Н. Г. Рубинштейна, просившего меня прослушать, как он играет мою сонату. Играет он ее п р е в о с х о д н о. Как жаль,

что Вам не пришлось ее слышать в этом исполнении! Я был просто поражен художественностью и изумительной силой, с которыми он играет эту несколько сухую и сложную вещь [1].

Здесь был встречен милыми братьями и испытал большое удовольствие, увидевшись с ними. Анатолий счастливым образом отделался от политических дел; он опять возвратился к прежним занятиям и очень рад этому. У Модеста не совсем благополучно. К о л я в последнее время стал худеть, бледнеть и слабеть. По всей вероятности, Модест поедет с ним за границу. Последнее обстоятельство мне очень приятно. После того, как Вы уедете в Россию, я, вероятно, соединюсь с Модестом и буду жить с ним где-нибудь около Ниццы, вероятно не в С а н-Р е м о, а в Бордигере или в Ментоне.

Страшно устал. Нужно итти спать!

Будьте, ради бога, здоровы—это главное. В том предположении, что поеду в Неаполь, я сговорился с Алешей съехаться седьмого числа в В а р ш а в е, куда он должен был проехать из Каменки. Теперь я телеграфировал ему, чтобы ехал немедленно сюда. Выеду, вероятно, через неделю.

Ваш П. Чайковский.

155. Чайковский—Мекк

Петербург.
1 ноября 1879 г.

Милый, дорогой друг! Часто, очень часто думаю о Вас, беспокоюсь о Вашем здоровье и нетерпеливо жду разъяснения причин, которые принудили Вас отказаться от поездки в Италию. Дай бог, чтобы Вы были здоровы! А я, как всегда в Петербурге, чувствую себя нехорошо и только и мечтаю, как бы уехать поскорее. Мне очень отрадно видеть отца и братьев, но эти радости не искупают чувства постоянной тоски и тревоги, которое я испытываю вследствие городского образа жизни, вследствие необходимости все куда-то отправляться, с кем-нибудь видетьсб. куда-то торопиться и не иметь возможности жить самому с собой. Что делать! Нужно немножко потерпеть.

Здоровье отца недурно и во всяком случае лучше, чем оно было осенью. Брат Анатолий успокоился с тех пор, как ему удалось устраниться от политических следствий. Модест сокрушается о здоровье Коли, с которым действительно происходит что-то странное: он худеет, бледнеет, часто подвергается то обморокам, то истерикам, ну, словом, нервы у него сильно расстроены. Сегодня его будет осматривать знаменитый дет-

ский доктор, и будет решен вопрос относительно леченья. По всей вероятности, Модест поедет с ним за границу.

Племянниц своих видел. Тася здорова, учится хорошо, но я немножко сердит на нее. Уезжая в Каменку, сестра поручила наблюдение за Тасей своей приятельнице, г-же Норовой, к которой по праздникам Тася ходила. Сначала все шло очень хорошо, но в один прекрасный день она без всякой причины взбунтовалась, обнаружила неповиновение, капризность, взбалмошность... и в результате вышла серьезная ссора. Вот эта непостижимая неровность характера Таси и заставляет меня часто задумываться!

Простите, милый друг, что пишу мало и бессвязно. У меня, здесь, как всегда, голова не на месте.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

156. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 2. Париж.

[Телеграмма]

Ecris pas lettre par suite indisposition, garde le lit. Prie télégraphier jour de votre arrivée Paris et hôtel où vous désirez descendre, préparerai tout. Reçu vos deux lettres de Rôme.

Meck*.

157. Чайковский—Мекк

Петербург,
3 ноября [1879 г.]

Получил вчера вечером Вашу телеграмму, мой милый друг. Отвечал Вам депешей, а теперь пишу, но недоумеваю, куда адресовать, в Аркашон или Париж. До сих пор я писал в Аркашон, но сколько времени Вы останетесь в Париже? Попробую это письмецо адресовать в Париж. Меня к р а й н е беспокоит Ваша болезнь. Как хотелось бы узнать подробности! Если Ваше нездоровье продлится, то не будет ли Юлия Карловна или Пахульский так добры, чтобы в нескольких словах дать мне точные сведения о состоянии Вашего здоровья?

Я выезжаю отсюда в четверг восьмого числа и в Берлине останусь сутки или самое большее двое,—следовательно, двенадцатого вечером или тринадцатого утром буду в Париже. Так

* Не пишу письма по болезни, нахожусь в постели. Прошу телеграфировать день Вашего приезда Париж и гостиницу, где желаете остановиться, приготовлю все. Получила оба Ваши письма из Рима. Мекк.

как Вы хотите, милый друг, велеть нанять мне помещенье, то я рещаюсь просить Вас приказать выбрать какую-нибудь гостиницу из небольших и так, чтобы окна выходили на двор, а не на улицу.

Мне приходит в голову, что в виду Вашего нездоровья, может быть, было бы лучше, чтобы Вы остались все это время в Париже. В Аркашоне, вероятно, нет порядочных медиков?

Я, с своей стороны, был бы очень рад жить несколько времени в Париже.

Вчера Модест с Колей и с его матерью были у здешней знаменитости по части нервных болезней, и он решил, что Коле необходима Италия. Вследствие этого Модест едет на всю зиму в Рим. В декабре и я присоединюсь к ним. Я донельзя счастлив, что буду опять жить с милым братом. Вообще все было бы хорошо, лишь бы только Вы, дорогоя моя, были здоровы.

Я остановлюсь в Берлине в Hôtel St.-Petersbourg, куда и прошу Вас уведомить меня о Вашем здоровье и о моем помещении. Бесконечно благодарю за заботы. Если получу в Берлине известие от Вас, буду очень счастлив.

158. Мекк—Чайковскому

1879 г. Ноября 3. Париж.
[Телеграмма]

Reste Paris temps ind fini, partirai aussitôt santé permet, prie adresser ici. Reserverai pour vous Meurice si cela ne vous contrarie. A Arcachon aurez Villa Monaco. Attends lettre impatiemment.

Meck *.

159. Мекк—Чайковскому

Париж,
3 ноября 1879 г.

Милый, бесценный друг! Как давно уже я не писала Вам. Теперь мне немного лучше, и я спешу написать Вам хоть несколько слов, чтобы глубоко благодарить Вас за Ваше участие к моему здоровью и дорогие письма Ваши, которые постоянно служат мне бальзамом как для душевных, так и физических ран.

Болезнь моя все есть зубная, но вследствие такого продолжительного страдания мои нервы и голова пришли в ужаснейшее раздражение.... Теперь мне лучше, но я все еще не могу ничего есть, потому что воспаление десен ужаснейшее, но, слава богу, по крайней мере, боли нет.

---

* Остаюсь Париже неопределенное время, поеду, когда позволит здоровье, прошу адресовать сюда. Приготовлю для вас Мерис, если вы не против. В Аркашоне у Вас будет Вилла Монако. С нетерпением жду письма. Мекк.

Вчера я получила телеграмму из Москвы, что партитура н а ш е й симфонии выслана второго числа, и вчера же Влад[ислав] Альб[ертович] ездил к Colonn'у сообщить ему об этом. Тот был так любезен, что хотел сейчас приехать ко мне с визитом, но Пах[ульский] сказал ему, что я больна, так он просил его передать мне много любезностей и сказать, что симфония н е п р е м е н н о пойдет, но что едва ли раньше февраля. А я хотела, чтобы она пошла при мне, но он говорит, что у него готовятся теперь несколько пьес с хорами и что их необходимо исполнить скорее, чтоб освободить хоры, но что он будет хлопотать, чтобы н а ш а симфония исполнилась как можно скорее. В позапрошлое воскресенье у Pasdeloup в концерте исполнялся Ваш фортепианный концерт, п[артию] рояля какой-то Breetner, но я не видела рецензии об этом.

Письма Ваши я все получаю аккуратно, дорогой друг мой. В Париже я еще не знаю, сколько пробуду, но, вероятно, не меньше недели. Через день ко мне приезжает доктор. До свидания, милый, бесценный, дорогой мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

160. Чайковский—Мекк

Петербург,
4 ноября 1879 г.

Милый друг! Мне очень досадно, что я не догадался адресовать первые два письма мои прямо в Париж. Впрочем, ничего достойного любопытства в них не заключалось. Как всегда, я здесь хандрю, несмотря на присутствие близких и дорогих людей, и желаю поскорей отсюда выбраться. Какая для меня радость, что брат Модест поедет в Италию! Из Аркашона после Вашего отъезда я отправлюсь в Рим и соединюсь там с братом и Колей. Дорогая моя! как мне благодарить Вас за то, что, будучи нездоровы, Вы все-таки заботитесь обо мне и даже о моем помещении в Париже! Я очень рад остановиться в H ô t e l M e u r i c e, но меня стесняет то, что там очень дорого, а я боюсь, что Вы и в Париже захотите, чтобы я был Вашим гостем. Есть очень миленькие, менее дорогие и покойные H ô t e l'и, где я бы отлично мог поместиться. Что касается виллы, в которой Вы хотите поместить меня, когда мы приедем в Аркашон, то она положительно пугает и смущает меня. Целая вилла,— когда я превосходно могу устроиться в трех покойных комнатках какого-нибудь отеля! Простите меня, но я решаюсь просить Вас, если это еще не поздно, отменить соглашение с хозяевами виллы и велеть нанять для меня просто помещение в гостинице. Я боюсь, что устройство моего помещения в вилле будет сложно и затруднительно, а меня будет тяготить мысль, что я причина этих затруднений! Не забывайте, милый друг, что я совсем не избалован и что каких-нибудь трех чистеньких и покойных комнат для меня вполне достаточно. Впрочем, повинуюсь Вашим распоряжениям, какие бы они ни были.

Можете себе представить мою радость! Вчера вечером я был в цирке, и так как было много правоведов по случаю субботы, то стал искать среди них глазами Колю и Сашу. Какова же была моя радость, когда они оказались передо мной в ложе у барьера, вместе с Вашим племянником и еще каким-то юношей, должно быть, тоже Фроловским. Мне так давно хотелось хорошенько рассмотреть лица Ваших милых сыновей, а тут на счастье пришлось сидеть так, что я совершенно свободно мог предаваться этому удовольствию, так как оба они меня не узнавали. Не могу Вам выразить словами, какое отрадное ощущение я испытал, видя перед собой два столь близких Вам существа. Оба они, каждый в своем роде, очень симпатичны. Коля очень живо интересовался зрелищем и часто говорил с соседями, Саша молчал и как будто мало обращал внимания на происходившее. Я заметил у Коли привычку слегка подергивать мускулами лица, совершенно так это делает мой брат Анатолий. Вам покажется это странным, но мне показались симпатичными даже эти нервные движения. Рядом с ним в ложе сидел Ваш старший сын с женой и еще с кем-то. Он почему-то не так близок моему сердцу, как его младшие братья, и все мое вниманье было поглощено последними. Ошибаюсь я или нет? Мне кажется, что Коля и Саша ближе и дороже Вашему сердцу, чем Влад[имир] Карлович? Простите за это нескромное и, быть может, неуместное вмешательство в тайники материнского сердца. Как бы то ни было, но, находясь так близко от Ваших сыновей, мне казалось, как будто и Вы были недалеко от меня, и я не в состоянии изъяснить Вам, как это было мне приятно. Как меня смущает Ваше нездоровье!

Милый друг, не потрудитесь ли Вы телеграфировать мне в Берлин (H ô t e l S t.-P e t e r s b o u r g) о том, каково к тому времени будет Ваше здоровье, скоро ли едете в Аркашон, а также о том, где Вам угодно будет велеть приготовить мое парижское помещение. Хотя меня до крайности трогает Ваша бесконечная доброта и заботливость, но я просил бы Вас много об моих удобствах не думать и не затрудняться выбором.

До свиданья, милый и дорогой друг! Ради бога, будьте здоровы,—это самое главное условие для счастья многих людей.

Безгранично благодарный и любящий Вас

П. Чайковский.

161. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 8—11. Париж.

Париж,
8 ноября 1879 г.
3 часа дня.

Дорогой, несравненный друг мой! Сейчас получила Ваше письмо от 4 ноября и первым движением моим было отвечать Вам на него в Берлин, но боюсь, что письмо мое разойдется с Вами. Поэтому оставляю его до приезда Вашего в Париж.

Как невыразимо приятно мне было читать о Вашей встрече с моими мальчиками, как благодарна я Вам за то, что они понравились Вам. Вы спрашиваете меня, дорогой друг мой, насчет моей привязанности к трем сыновьям и извиняетесь за этот вопрос. Да мне же несказанно приятно увидеть, что Вас интересуют мои семейные отношения, и я скажу Вам всегда в с е, в с е, потому что убеждена, что это не пойдет никуда дальше Вас, а В а м мне приятно говорить обо всем, что близко мне. И теперь скажу Вам, милый друг мой, что мой Володя н е м е н ь ш е дорог мне, чем Коля и Саша, даже, быть может, б о л ь ш е, потому что кроме того, что я л ю б л ю его, но я и ж а л е ю его постоянно; он так молод, а у него так много врагов и ни одного друга. А люблю я его очень, очень. У него такое славное любящее сердце. Общество и люди употребляли и употребляют и теперь все средства, чтобы портить его, но сердца не могут в нем уничтожить никак.... Это такая всепрощающая душа, что его невозможно не любить. Он трудится, работает как вол, и кроме меня и своей сестры Юли ни от кого оценки на получает. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы имели к нему доброе чувство, милый друг мой. Из взрослых моих детей самые добрые и заботливые ко мне есть Володя и Юля.

Что касается Вашего помещения в Arcachon, милый друг мой, то Вы очень ошибаетесь, думая, что виллы там роскошны, наоборот, они совсем простенькие... Для Вашего хозяйства все готово, но только нам надо быть там немножко раньше Вас для того, чтобы мне и Юле пустить все в ход, каждой из нас по своей части.

10 ноября.

Чем ближе приходит день Вашего приезда, дорогой мой Петр Ильич, тем нетерпеливее я его жду. Мне кажется, что тогда я сделаюсь окончательно здорова и весела и покойна, а теперь пока мое положение очень печально. Есть все еще не могу, на воздух не выхожу, нервы расстроены до высшей степени и поправлять их ничем нельзя, сидя в четырех стенах; слава богу, что хотя боли нет. Ну, да вот Вы приедете, мой бесценный, тогде все пойдет хорошо, как на Viale dei Colli....

Меня чрезвычайно радует, что Вы все-таки будете зимой жить в Италии, да еще и с братом. Быть может, Вы хотели бы, милый друг мой, теперь же соединиться с ним, а только для меня делаете жертву, приезжая в Arcachon, то, ради бога, дорогой мой, не делайте этого. Как ли ни дорога мне Ваша заботливость обо мне, но, с другой стороны, меня также заботит Ваше здоровье и хорошее расположение духа, и я не хотела бы, чтобы Вы в ущерб себе делали мне удовольствие. Я ужасно боюсь, чтобы в это время в Arcachon не сделалась зима; здесь вчера выпал снег, но сегодня, конечно, стаял.

Прилагаю здесь вырезку из «Gazette Musicale» о Вашем концерте, милый друг мой. В Варшаве его, т. е. Ваш концерт, будет исполнять также Schlötzer, профессор Варшавской консерватории. Варшавские газеты

говорят об Вас также с большим почтением. Что Ваш Второй концерт, милый друг мой? Угадаю ли я, если скажу, что он будет посвящен Н. Г. Рубинштейну? Мне кажется, что это было бы вполне правильно; он умеет ценить Вашу музыку и восхищается ею искренно. Я прочла в «Моск[овских] вед[омостях]» объявление от Юргенсона, что скоро выйдет в печати и а ш а сюита;с нетерпением жду ее.А кто перекладывал ее в четыре руки?...

Воскресенье. 11 ноября.

Вчера получила письмо от Коли, из которого вижу, что дама, бывшая с Володею в ложе в цирке, когда Вы их видели в Петербурге, дорогой друг мой, и е была его жена, а сестра жены. Лиза, Володина жена, совсем молоденькая, ей теперь восемнадцать лет....

162. Мекк—Чайковскому

Париж,
13 ноября 1879 г.

Наконец пришел день, в который я могу Вас ждать, мой дорогой, бесподобный друг. Третьего дня я получила Вашу телеграмму, и мне стало грустно, что Вы не приедете в понедельник, как я надеялась, а во вторник, но теперь это все назади.

Я надеюсь, что Алеша к Вам присоединился в свое время.

Получили ли Вы мое письмо в Берлине?

Мне хочется уехать в Arcachon завтра или послезавтра, если только я опять не заболею, потому что сегодня и десны болят, и голова.

Если Вам скучно, друг мой, что Пах[ульский] приедет к Вам навстречу, то прошу на это Вашего снисхождения. Я спросила его, что он, быть может, не поедет на станцию встречать Вас,—он отвечал мне: «Боже мой, если бы я был на два часа от смерти, и тогда бы поехал на встречу Петру Ильичу!» После этого ответа мне уже было жаль отнимать у него такое удовольствие.

До свидания, мой бесценный.

163. Чайковский—Мекк

Париж,
Вторник.
12 часов ночи.

1879 г. ноября 13. Париж.

Очень приятный вечер! Встреча Пахульского доставила мне величайшее удовольствие. Мне приятно было видеть его и ради него, и ради Viale dei Colli, и Симаков, которые он мне напоминает, и, наконец, главное, ради сообщенных им известий об относительном благосостоянии Вашего здоровья. По уходе его я прочел Ваше дорогое письмо, из коего усматриваю, что Вы далеко еще не совсем поправились. Это значительно портит мне полноту удовольствия, ощущаемого вследствие пребывания в милом Париже, в нескольких шагах от Вас, милый и бесконечно дорогой друг! Во всяком случае, из всего, что мне рас-

сказал Влад[ислав] Альберт[ович], я вывожу заключение, что Вы, по крайней мере, на пути к выздоровлению.

Милый друг! Хорошо ли Вы делаете, что возвращаетесь в Аркашон? Не забудьте, что теперь ноябрь, что, вероятно, начнутся туманы и дожди, что Аркашон все-таки не Италия, где солнце и в ноябре бывает приветно и ласково, что Вы дорогой можете простудиться, что там все-таки нет под рукой таких медицинских средств, как здесь, и что, наконец, при том раздраженном состоянии нервов, в коем Вы находитесь, Вам лучше всего как можно дольше сидеть на одном месте! Ради бога, не думайте, что все это я говорю руководимый недоверием к прелестям Аркашона и нежеланием расставаться с Парижем. Во-первых, из Ваших слов я вижу, что Аркашон должен быть в моем вкусе; во-вторых, мне хорошо везде, где покойно и тихо, а, в-третьих, я рад быть где бы то ни было, если чувствую себя под Вашим теплым крылышком. Нет! я говорю все это единственно ввиду требований Вашего здоровья. Вы велите мне откровенно сказать насчет того, не стремится ли мое сердце в Рим, к брату. Буду Вам отвечать откровенно. Модесту очень трудно одному с Колей, так как он ни на единую минуту не может его оставить одного и, следовательно, связан по рукам и ногам, пока меня и Алеши не будет около него, и я с радостью готов помогать Модесту беречь мальчика, которого люблю горячо. Но я предварил его, что раньше 15 декабря в Риме не буду, и с совершенно покойною совестью могу позволить себе до Вашего отъезда в Россию наслаждение жить вблизи Вас. Теперь позвольте мне в свою очередь просить Вас нисколько не стесняться Вашим обещанием побаловать меня в Аркашоне, и если Вы встретите хоть малейшее затруднение в приискании для меня помещения в Аркашоне, то, ради бога, милый друг, напишите мне без всяких церемоний, что места для меня не нашлось. Я буду здесь ожидать Ваших распоряжений из Аркашона и, как бы Вы ни решили, подчинюсь им. Вы не сомневаетесь, конечно, что для меня будет величайшим удовольствием жить в милом месте, поблизости от Вас, но, если бы это оказалось затруднительным, я помирюсь с невозможностью.

Хорошо ли Вы делаете, милый друг, оставаясь при решении ехать в декабре в Россию? [1] Не лучше ли для Вашего здоровья остаться на зиму на юге? Какое было бы счастие, если б приблизительно после рождества Вы бы могли понемножку добраться до Рима и там провести месяца три! Ведь н е н е в о з м о ж н о́ было бы на праздники, по примеру прошлого года, выписать Колю и Сашу хоть бы в Париж, а уж потом переселиться в Италию? Если б это случилось? Как это было бы хорошо!

То, что Вы пишете о Влад[имире] Карл[овиче], доставило мне величайшее удовольствие. До сих пор я не имел об нем никакого понятия, и так как Вы никогда ничего мне об нем не говорили, то я и вообразил, что он как бы отрезанный ломоть от семьи Вашей и что он менее близок Вашему сердцу, чем Коля и Саша! Как симпатичен он мне сделался с сегодняшнего дня, и как крепко я полюбил его! Радуюсь, что случай привел к разъяснению для меня его характера и настоящих отношений к Вам!

Не приберу слов, чтобы как следует поблагодарить Вас за устройство дела касательно исполнения нашей симфонии. Я радуюсь, что Colonne ее сыграет, хотя нисколько не заблуждаюсь насчет степени успеха. Успеха, наверное, на первый раз не будет, но это ничего ровно не значит: пусть бранят, но пусть слушают. Это во всяком случае большой шаг вперед в деле ознакомления иностранных публик с моей музыкой.

Вы не поверите, милый друг, как мне приятно очутиться в тех самых комнатках, где я так счастливо провел месяц в прошлом году. Точно будто и не выезжал отсюда!

В Берлине я порядком проскучал. Какой в сравнении с Парижем жалкий город! И на мое несчастье не случилось ни интересного концерта, ни интересной оперы.

Здесь в воскресенье у Паделу пойдет «La prise de Troie» Берлиоза. Мне очень хочется ее услышать.

Завтра днем буду еще раз писать Вам и отвечу на Ваши вопросы. А Вас прошу, милый друг, не утруждать себя писанием ко мне в случае, если Вы не абсолютно будете здоровы. Спасибо Вам за все!

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Я с большим удовольствием гулял сейчас по бульварам.

164. Мекк—Чайковскому

Париж,
14 ноября 1879 г.

С каким восторгом я проснулась сегодня утром при мысли, что Вы так близко от меня, мой дорогой, боготворимый друг. У меня болят десны, я дурно провела ночь, но все это не пугает меня, мне кажется, что при Вас не случится ничего дурного, а еще вчера утром эта боль меня совсем обескураживала, делала tout à fait abattue*.

Насчет переезда в Arcachon, напротив, мой милый, заботливый друг, мне гораздо полезнее переехать на юг.... Я нисколько не сомневаюсь

* совершенно разбитой

найти помещение для Вас, мой дорогой друг, в Arcachon. Там масса дач, я хочу только сама выбрать; хотя там уже одна готовится, но решение остается до моего приезда. Я собираюсь выехать завтра, если мое здоровье позволит, и оттуда буду телеграфировать Вам, милый друг, когда все будет готово. Пожалуйста, мой дорогой, не заставляйте себя слишком часто писать мне, пишите р а з в н е д е л ю, и я Вам буду бесконечно благодарна. До свидания, мой бесценный Петр Ильич. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

165. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 14—15. Париж.

Париж,
14 ноября.

Отвечаю на вопросы, заключавшиеся в письме Вашем. Концерт мой остановился на той точке, на которой я оставил его в Каменке. Надеюсь в Arcachon позаняться им. Вы угадали, мой друг! Я хочу посвятить его Н. Г. Рубинштейну, за то, что он так великолепно играл мой Первый концерт и сонату, исполнение коей я слышал в Москве и остался в совершенном восторге. Сюита наша печатается. Переложение на четыре руки сделал я сам еще весной.

Вот краткая история, случившаяся с Тасей. Уезжая из Петербурга, сестра поручила ее, до возвращения с дачи моей мачихи и кузины (которых тогда еще не было в Петербурге), своему другу, г-же Н о р о в о й, находящейся со всем семейством сестры в самых близких отношениях, так как все мои племянницы и племянники росли на глазах у нее в Ж е н е в е, где оба семейства долго жили вместе. Пока я был в Петербурге, Т а с я была очень довольна бывать у Норовых и обнаруживала самую сильную привязанность к другу своей матери. Но на другой же день после моего отъезда произошла ссора из-за того, что Тася не послушалась и во время дождя не х о т е л а взять зонтика. M-me Норова сделала ей замечание, Тася обиделась, сделала сцену и тотчас же воспылала к M-me Норовой лютой ненавистью; написала матери, что та ее обижает, наговорила много неправды и самым решительным образом отказалась бывать у Норовой. В свою очередь и эта огорчилась не на шутку. В Каменку полетели со всех сторон письма. Сестра поручила брату А н а т о л и ю разрешить дело и по возможности примирить враждующих. Последнее до приезда сестры (который состоится в декабре) оказалось невозможно. Теперь Тася покамест на попечении у моей кузины. Когда я ее там теперь видел и стал укорять в непостоянстве и маленьком вероломстве по отношению к Норовой,

то она расплакалась и обнаружила такую закоренелую ненависть к той самой женщине, которую еще в сентябре она горячо любила, что я был поражен. Это очень, очень странный ребенок, в котором несомненно хорошие качества сердца с проявлениями злобы и крайней капризности так перемешаны, что становишься иногда втупик. К разлуке с домом она привыкла. Ее очень балуют в Петербурге многочисленные дяди и тетки, по праздникам веселят; к тому же, она имеет в виду на-днях свидание с сестрой Таней, а в декабре с матерью. Учится очень хорошо, своим положением в школе довольна.

Письмо Ваше в Берлине я получил. Как мне досадно, что боль Ваша все еще не оставляет Вас. Когда же это, наконец, совсем кончится? Так как из всего, что Вы говорите об Аркашоне, видно, что Вам хорошо там, то теперь мне остается только желать, чтобы как возможно скорей совершился переезд Ваш, а за сим буду ожидать извещения, когда и мне туда отправиться. Допишу это письмо завтра утром.

Сколько хлопот Вам стоит, милый друг, поместить меня в Аркашоне! Меня это немножко терзает.

15 ноября.

Как холодно! Воображаю, как это дурно на Вас действует, и страдаю за Вас.

Милый друг! Алексей просил меня выразить Вам его живейшую благодарность за прелестный подарок, который Вы ему сделали. Нужно было видеть его счастье вчера, и до какой степени он был тронут и безмерно польщен Вашим вниманием к его скромной личности. Радость его была так велика, что сообщилась и мне.

Я провел вчерашний день настоящим фланером. Целый день бегал по Парижу и вечером был в театре. Видел в Palais Royal очень забавную пьесу: «Le mari de la débutante». На воскресенье объявлен очень интересный концерт у Pasdeloup. Идет никогда и нигде не игранная опера Берлиоза «La prise de Troie». Я хорошо ее знаю по фортепианному переложению и очень люблю ее. Бедный Берлиоз! Он не дожил до исполнения этой оперы! Если я получу от Вас депешу до воскресенья, то выеду в воскресенье после концерта, вечером.

Желаю Вам счастливого пути, милый друг! Писать, если Вы позволите, я Вам буду раза два в неделю, не дожидаясь ответов и прося Вас ими вовсе не стесняться. По-моему, пока Вы совсем не поправитесь, Вам не следует писать ничего.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

2¼ часа.

Только что пришел домой и уже не застал Влад[ислава] Альбертовича. То, что он сказал Алеше, не согласно с тем, что говорится в Вашем письме. Любопытство обуяло мою душу до такой степени, что я убедительно прошу Влад[ислава] Альб[ертовича] зайти ко мне завтра утром на минуточку. Если я не ошибаюсь, Вы решились остаться здесь. Если это так, то я о ч е н ь р а д и за Вас и за себя отчасти. В такой холод совершать ночной переезд Вам решительно неудобно.

Несказанно Вам благодарен, милый друг мой, за присланный счет. Если Вы здесь остаетесь, а следовательно, и я, то долее воскресенья в Hôtel Meurice я жить не буду и найду себе поблизости другое помещение. Причины я объясню Пахульскому при свидании завтра.

Ваш П. Чайковский.

166. Мекк—Чайковскому

Париж,
15 ноября [1879 г.]
Четверг.

Дорогой мой! Сегодня я еду в Arcachon.... Я хочу ехать как можно медленнее, чтобы больше отдыхать и не слишком быстро перейти от юга к северу. У меня есть проект отсюда поехать в Браилов и там провести рождественские праздники....

В Москве вследствие пожара я получила от страхового общества сорок тысяч рублей, а потеряла тысяч сто, но я довольна, что и столько получила.... Отделка комнат в доме будет возобновлена точь-в-точь так, как было до пожара. Работа идет деятельно, но будет готова не раньше святой недели. Это для меня очень печально, что не к моему возвращению. Здесь я купила хорошенькие акварели.

До свидания, милый, дорогой друг. Будьте здоровы и не забывайте безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. А десны так все болят.

167. Мекк—Чайковскому

Париж,
16 ноября 1879 г.

Бесценный друг! Пахульский объяснит Вам, почему я решила остаться здесь. Не скажу, чтобы я радовалась этой перемене, но во всяком случае я очень довольна тем, что не надо делать двух ночных переездов по железной дороге в такой холод. В нынешнем году мне очень не везет в моем путешествии....

Я очень рада, если доставила удовольствие Вашему Алеше моим гостинцем, тем более, что это доказывает, что он умеет ценить хорошую работу. Эти кошельки мне ужасно нравятся в парижских произведениях; я купила для себя и для Юли золотые такие же, а вот серебряный приберегла для Вашего Алеши, которого я очень люблю.

Я очень рада за Вас, что Вы соединитесь с Модестом Ильичем, но отчего они выбрали Р и м? Для жизни ведь это очень н е з д о р о в о е м е с т о в Италии, уж лучше бы в Неаполь.

До свидания, мой дорогой. Не соберетесь ли на-днях в Comédie Française, нельзя ли Вам прислать билет тогда, когда и мы поедем?

168. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 16. Париж.

Милый друг! Я очень радуюсь Вашему решению остаться в Париже. Это самое благоразумное, что Вы могли сделать в виду Вашего нездоровья. Что касается меня, то мне приятно пожить немножко здесь, хотя, конечно, Париж—не С и м а к и, не V i a l e d e i C o l l i, не Н е а п о л ь! Буду надеяться, что когда-нибудь повторится то счастье, которым я наслаждался в прошлом году в это самое время на незабвенной, несравненной Viale dei Colli.

В Comédie Française я, конечно, рад буду отправиться, когда это Вам будет угодно. За чудесный инструмент Эрара благодарю Вас от всей души!

Будьте здоровы и дай бог, чтоб эти последние парижские дни прошли благоприятно для Вашего здоровья.

Ваш П. Чайковский.

Я решаюсь остаться в Meurice.

169. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 18. Париж.

Милый друг! У нас есть билет на сегодня в Comédie Française, но судьба безжалостно преследует меня. Вчера я немножко выезжала и простудилась comme d'habitude* и теперь нахожусь в полнейшей нерешительности, поехать ли мне в Française или нет. Очень может быть, что и побоюсь ехать. Для Вас билет прилагаю здесь, боюсь только, будет ли Вам удобно это место....

Вчера я играла в четыре руки Ваши танцы из «Воеводы». Что за прелестная вещь!

Знаете ли Вы, милый друг, вероятно, недавно написанный Paraphrase на очень простенькую тему двадцатью четырьмя вариациями Римским-Корсаковым. Бородиным и Кюи, за которые вариации Лист написал им похвальное письмо?[1]. Да впрочем я прилагаю Вам здесь номер «Signale», в котором Вы об этом найдете [2]. До свидания, дорогой мой, у нас подан обед. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

---

* как обычно

170. Чайковский—Мекк

Париж,
18 ноября 1879 г.

Как досадно, что Влад[ислав] Альберт[ович] не застал меня вчера. Я бы с радостью воспользовался билетом в Comédie Française.

Вариации Римского-Корсакова и С⁰ мне известны. Произведение это, конечно, в своем роде оригинально и обнаруживает в авторах замечательные способности к гармонизации, но мне оно несимпатично. Как ш у т к а, это слишком тяжело, объемисто и непереваримо вследствие назойливости бесконечного повторения темы. Как художественное произведение, это нуль. Неудивительно, что несколько талантливых людей ради своего удовольствия задались задачей изобрести всевозможные вариации к кабачно-пошлой фразе, но удивительно то, что эти дилетантские безделки печатаются и предаются гласности. Только дилетанты могут думать, что каждый пикантно придуманный аккордик достоин публичности. Что касается Листа, то этот старый иезуит на всякую присылаемую к августейшему его просмотру вещь отвечает преувеличенно восторженными комплиментами. Человек он в душе добрый и один из немногих выдающихся художников, в душе которых никогда не было мелкой зависти, склонности мешать успехам ближнего (Вагнер и отчасти А. Рубинштейн обязаны ему своими успехами; Берлиозу он тоже оказал много услуг), но зато он слишком иезуит, чтобы быть правдивым и искренним. Возвращаясь к вариациям, скажу, что, во всяком случае, это пикантный музыкальный курьез, обнаруживающий в авторах большие таланты, к сожалению, односторонние, т. е. направленные исключительно к г а р м о н и и. Если вещь эта будет в Ваших руках, то обратите особенное внимание на «R e q u i e m» Бородина. Это замечательно удачный фокус [1].

В л[а д и с л а в] А л ь б [е р т о в и ч] сообщил мне содержание письма Colonn'a. Как я радуюсь! Благодарю Вас, милый друг, за это новое изъявление Вашей симпатии к моей музыке. Услуга, которую Вы оказали распространению моей музыки вне России, громадна. Я заранее знаю, что симфонию нашу будут много бранить. Но она возбудит и н т е р е с, а теперь только это и нужно.

Спасибо Вам, дорогая моя!

Надеюсь, что Ваше нездоровье окончательно пройдет теперь и что последние парижские впечатления будут Вам приятны.

Я начал вчера заниматься своим концертом, но пока еще без особенного увлечения.

Ваш П. Чайковский.

Алексей ушел в церковь, и письмо это я посылаю с комиссионером.

171. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 19. Париж. Париж.

Бесценный друг мой! Влад[ислав] Альбер[тович] мне говорил, что Вы предполагаете писать Colonn'у, то не найдете ли Вы возможным сказать ему в этом письме, что Четвертая симфония посвящена мне, хотя мое имя не выставлено на ней, но это потому, что я не люблю, чтобы мое имя фигурировало печатно и официально, и что мы с Вами большие друзья. Я думаю, что если об этом узнает Colonne, то в Москву от него не дойдет, я же желала бы этого для того, чтобы разъяснить ему, почему я такое особенное значение придаю Четвертой симфонии, хотя я столько же буду хлопотать на будущее время и о всех других Ваших творениях,—так, чтобы он понял, почему это, и уже совсем выкинул бы из головы всякую мысль о том, что тут принимает участие издатель. Но если, милый друг, Вы найдете почему-либо неудобным помянуть о нашей дружбе, то не делайте этого, ради бога, потому что он, вероятно, и теперь уже не думает ни о каких издателях.

Я вчера целый день пролежала в кровати. Сегодня мне немного лучше. Я послала сейчас письмо Colonn'у с благодарностью за извещение о решении комитета. Посылаю Вам газету. Я опять должна сидеть [дома]. До свидания, дорогой мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

172. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 19. Париж.

Непременно исполню так, как Вы хотите, и очень рад, что Вы позволите мне сказать Colonn'у то, что и мне хотелось ему сказать.

Опять Вы нездоровы! Это ужасно.

Ваш П. Чайковский.

173. Мекк—Чайковскому

Париж.
20 ноября 1879 г.
Вторник.

Дорогой друг мой! Посылаю Вам книги, которые забыла послать вчера. Должно быть, это очень интересные записки г-жи Пассек; я их еще не читала, но мне говорила Юля и советовала послать их Вам.

Мое здоровье лучше, но я боюсь выезжать, тем более что мне о ч е н ь бы хотелось попасть в воскресенье в Châtelet; будут играть «La Troyenne» Берлиоза, и мне также очень хочется ее слышать.

Как Вы проводите время в Париже, милый друг мой? Хорошо ли Вам, весело ли? Здоровы ли Вы, до какого времени предполагаете остаться здесь?...

Вы мне ничего не писали, по чьей инициативе Вы выбрали Рим для зимнего пребывания, Петр Ильич. А меня это о ч е н ь беспокоит из-за Вашего здоровья. Чем больше я хвораю сама, тем больше боюсь, чтобы не захворали близкие и дорогие мне люди, а против Рима я имею основательное недоброжелательство.

Очень Вам благодарна, милый друг мой, за объяснение мне насчет вариаций Римского-Корсакова и К°. На-днях я получила из Москвы Вашу «С н е г у р о ч к у» в ч е т ы р е р у к и и сонату, но по случаю болезни не играла еще, а только так читала и удивлялась, милый друг, что Вы назвали Вашу сонату с у х о ю. Насколько мое музыкальное чутье может определять, то мне кажется, что она очень интересна и красива: Andante как хорошо смотрит, последняя часть как затрагивает.

Пожалуйста, дорогой мой, напишите мне Ваше мнение о работе моего приемыша Пахульского. Мне интересно знать, подвигается ли он вперед.

До свидания, бесценный мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Прилагаю здесь бюджетную сумму по сроку 1 декабря. Как я боюсь, что у нас скоро будет война с Пруссиею.

174. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 19—20. Париж.

Париж,
19 ноября/1 декабря.

Был вчера в концерте П а д е л у. Играли два действия из «La prise de Troie» Берлиоза. Восторг публики был неописанный, каждому номеру аплодировали с бешенством. Удивительные эти французы! У них теперь что ни играй с именем Берлиоза на афише, и все будет приниматься с одинаковым восторгом. Между тем, по правде сказать, «L a p r i s e d e T r o i e»—вещь очень слабая, скучная, и в ней более, чем где-либо, проявились все важнейшие недостатки Берлиоза, т. е. некрасивость и бедность мелодии, натянутость гармонизаций и несоответствие сильной и богатой фантазии с недостаточностью изобретения. У него были великолепные намерения и высокое настроение, но не хватило силы исполнить задуманное. Исполнение было п о с р е д с т в е н н о е и, скорее, даже плохое, но это нисколько не мешало публике бесноваться от восторга. Кроме Б е р л и о з а играли еще хорошенькую увертюру M a s s e n e t «Phèdre».

Вечером писал письма к родным. Меня немножко удивляет молчание брата Анатолия. Вероятно, в А р к а ш о н е есть его письмо, и я надеюсь, что оно еще дойдет.

Как жаль, что Вы не можете сегодня ехать в Comédie Française! Дают «L e g e n d r e d e M. P o i r i e r»—великолепная комедия, великолепно исполненная.

20. Вторник, утром.

Получил сейчас Ваше письмо со вложением бюджетной суммы, за которую много, много благодарю Вас.

Знаете, дорогой друг, что Вы обладаете какой-то сверхъестественной способностью инстинктивно предугадывать мои нужды и желания. Не далее, как вчера, я думал о «Воспоминаниях» Пассек и о том, что приятно было бы иметь в руках эту книгу, и Вы сегодня посылаете мне ее! Мои денежные запасы теперь истощились почти совсем, и сегодня я хотел Вас просить о присылке бюджетной суммы,—а Вы предупреждаете меня! Мало того, что я обязан Вам всеми благами, которые делают мою жизнь счастливою, но еще Вы предупреждаете и разрешаете все мелочные затруднения мои! Очень часто меня терзает мысль, что я не умею достаточно выразить Вам всю мою благодарность, боюсь привыкнуть и перестать как следует ценить всю неизмеримость благ, которыми, благодаря Вам, пользуюсь! Но ведь если бы я стал поверять бумаге все чувства, которые Вы возбуждаете во мне, то я бы должен был ежечасно и ежеминутно утомлять Вас своими излияниями, ибо нет минуты дня, когда бы, сознавая себя свободным, а следовательно, и счастливым, я бы мысленно не благословлял Вас.

Вы спрашиваете, отчего я выбрал Рим. Выбрал не я, а Модест. Доктор Мержеевский (петербургская знаменитость) не назначил для Коли специального местопребывания и только сказал, что ему нужны солнце и воздух, и когда Модест спросил о Риме, то Мержеевский сказал: «Все равно». И Модест, которого давно влечет этот город богатствами живописи, которую он смертельно любит, избрал Рим.

Третьего дня, после Вашего указания на нездоровость римского климата, я написал Модесту на poste restante о том, что ради здоровья его воспитанника нам нужно поселиться где-нибудь на Riviera Ponente. Теперь буду ждать его ответа. Он должен был вчера вечером быть в Риме, и, следовательно, дня через два я могу ожидать ответа. Я сделаю все возможное, чтобы уговорить Модеста ехать в другое место.

Тотчас по разрешении вопроса о нашем местопребывании, что должно случиться приблизительно к тому времени, когда Вы отсюда уедете, соберусь и я в то место, которое мы с Модестом изберем.

Я живу здесь фланером и сибаритом, т. е. занимаюсь пока очень мало и целый день брожу по улицам, засматриваюсь на магазины, захожу то в Louvre, то в Palais de Justice [я очень люблю бывать на заседаниях Tribunal

correctionnel, где ежедневно можно видеть водевильные сцены самого забавного свойства), то в какой-нибудь театр и т. п. Жизнь эта до поры до времени очень приятна, но, разумеется, долго так жить я бы не мог. Мне уж теперь начинает хотеться очутиться где-нибудь в уютном и тихом уголке и, если б это от меня зависело, я бы с наслаждением дней через десять отправился бы в мой милый Clarens или, что еще лучше, устроился бы на Viale dei Colli у того же Bonciani, где так несказанно хорошо мне было в прошлом году. Вообще из итальянских городов всего охотнее я бы избрал Флоренцию, и, если б она подходила бы под требования Колиного здоровья, я бы уговорил Модеста там поселиться.

Вы в воскресенье собираетесь в Châtelet, а я в начале настоящего письма неодобрительно отзываюсь об опере Берлиоза и охлаждаю Ваше любопытство. Это вышло немножко не кстати, но все-таки, милый друг, я бы очень советовал Вам, если здоровье позволит, быть в Châtelet. У такого композитора, как Берлиоз (болезненного и несовершенного музыканта, но гениального поэта), всегда найдутся и хорошие минуты. Меня же лично будет интересовать сравнительное достоинство исполнения Pasdeloup и Colonn'a, да, кроме того, хочется проверить свои первые впечатления. Я непременно буду.

Соната моя, может быть, небезынтересна, но это во всяком случае одно из мало любимых мною детищ моих. Как жаль, что Вам не пришлось слышать ее в исполнении Рубинштейна!

Сонату Влад[ислава] Альб[ертовича] я прочел с интересом и удовольствием. Она—шаг вперед в его совершенствовании. Подробнее я поговорю о ней с Вами в другом письме. Покамест скажу только, что общее впечатление очень приятно.

Позвольте рекомендовать Вам и Юлье Карловне очень интересное чтение: «Mémoires de M-me de Remuzat», печатавшиеся в «Revue des deux Mondes», а теперь вышедшие отдельной книгой.

Я счастлив, что Вам лучше. Ради бога, будьте здоровы, друг мой!

До свиданья!

Безгранично любящий Вас
П. Чайковский.

Потрудитесь прислать мне с Влад[иславом] Альб[ертовичем] нашу симфонию на один день.

175. Мекк—Чайковскому

Париж,
21 ноября 1879 г.

Милый, дорогой мой! Как невыразимо приятны и дороги мне выражения, заключающиеся во вчерашнем письме Вашем. Если я умею к с т а т и прислать Вам книгу, то Вы себе и представить не можете, до какой степени к с т а т и бывает всегда Ваше д о б р о е с л о в о ко мне, каким врачующим средством оно является для меня....

Мое здоровье сегодня недурно, только я жмусь от холода ужасно. У меня в комнате десять градусов,—это немножко мало.

Вчера я получила письмо от Colonn'a в ответ на мое, в котором я его благодарила за уведомление о решении комитета, выражала сожаление, что я не могу присутствовать при исполнении симфонии, просила его уведомить меня телеграммою в Москву, как примет публика симфонию, и выражала уверенность, что она будет исполнена вполне хорошо (que l'exécution sera parfaite), и вот выписываю Вам его т о ч н ы е слова в ответ на эту уверенность:

«Soyez assurée, que j'apporterai à l'exécution de notre symphonie tous les soins qu'elle mérite et que je serais doublement heureux de pouvoir être agréable à la fois à vous, Madame, qui encouragez si noblement les arts et au Maître qui porte si haut le drapeau musical de la Russie» *.

Не правда ли, что это очень мило? Вообще его письмо написано весьма мило и изобличает в нем очень порядочного человека. Я очень рада, что у т а к о г о человека в руках находится н а ш а симфония. А Вы заметили, друг мой, что он также говорит «n o t r e s y m p h o n i e»?**

Как мне досадно, боже мой, как досадно, что я не могу быть при ее исполнении. О д и н р а з только услышать такую вещь и больше, вероятно, никогда, а теперь, когда я ее хорошо изучила, мне еще интереснее слышать на оркестре. Бедный я человек, никогда не могу делать того, что бы хотелось...

Дорогой мой, Вы мне ничего не написали, б у д е т л и у н а с в о й н а с П р у с с и е ю, а меня это очень беспокоит.

Как я боюсь предстоящего мне переезда в Россию. Я уже столько времени не бываю на воздухе и вдруг сделать такой огромный переезд.

До свидания, мой милый, бесценный друг. Горячо Вас[любящая

Н. ф.-Мекк.

176. Чайковский—Мекк

Париж,
21 ноября/3 декабря 1879 г.

Сегодня Алеша по случаю праздника был у обедни и, возвратясь, сообщил мне, что там был вел. кн. Николай Николаевич в мундире и весь состав посольства в полной форме. Я не знал,

---

* «Будьте уверены, что я приложу к исполнению нашей симфонии все старания, которые она заслуживает, и что я буду вдвойне счастлив угодить сразу и вам, милостивая государыня,—кто так бескорыстно поощряет искусство.—и композитору, который так высоко держит в России музыкальное знамя».

** «наша симфония»

чем это объяснить, пока за завтраком в ресторане мне не попалась газета «Gaulois», в коей я прочел известие о том, что в Москве было покушение на жизнь государя. В газете «Globe» я даже прочел подробности, а именно, что будто бы под рельсы была подложена адская машина, которая в момент подхода поезда лопнула, но государь остался невредим [1]. Сейчас я купил газету «Temps», в коей Вы прочтете еще новые подробности, если только все это Вам уже не известно.

Я не думаю, милый друг, чтобы нам угрожала в близком будущем война с Пруссией. Война эта неминуема, но, пока живы оба императора, она невозможна. До войны ли теперь, когда такие ужасы творятся у нас, в сердце России? Газета «Temps» справедливо замечает, что обращение государя к родителям, которое он сделал в своей речи, не есть средство искоренить зло, подтачивающее силы России [2]. Мне кажется, что государь поступил бы хорошо, если б собрал выборных со всей России и вместе с представителями своего народа обсудил меры к пресечению этих ужасных проявлений самого бессмысленного революционерства. До тех пор, пока нас всех, т. е. русских граждан, не призовут к участию в управлении, нечего надеяться на лучшую будущность.

Я подверг сонату Вл[адислава] Альб[ертовича] очень обстоятельной критике. Она задумана талантливо, в ней мысли серьезнее, чем в прежних работах, но ему нужно много работать, чтобы освоиться с формой. Пусть как можно больше пишет и как можно больше предает свои опыты критическому разбору музыкантов. Где бы я ни был, он всегда может, не дожидаясь личного свидания, переслать мне для просмотра свои работы, а я буду рад своей опытностью помогать ему в достижении цели. Особенно мне понравилось Andante; в нем есть поэтические вспышки и красивость. Если поработает над Скерцо, то и оно может быть миленькой вещью.

Благодарю Вас, дорогой друг, за сообщение письма Colonn'a. Оно прелестно.

Будьте здоровы!

Ваш П. Чайковский.

177. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 22—23. Париж.

Париж.
22 ноября.

Какова погода, милый друг! В самом деле, в эту поездку Вас преследуют неудачи, но нет худа без добра. Не правда ли, что,

если Вы отправитесь за границу в будущем году, Вы прямехонько проедете в Италию и, заняв какую-нибудь прелестную виллу около Флоренции или Неаполя, проживете покойно там бо́льшую часть зимы, а в Париж уж отправитесь не ранее весны!

Я очень доволен, что получил сейчас письмо от Анатолия. Он, бедный, все жалуется на свою службу. И в самом деле, с его крайне раздраженной нервной системой, куда как не весело присутствовать, например, как это случилось на-днях, на освидетельствовании тридцати двух сумасшедших! Он пишет, что дней пять после того был под тяжелым впечатлением. От Модеста ничего не получаю. По моему расчету, он должен быть теперь в Риме.

Финал моего концерта подвигается, но очень туго. Но я не хочу делать над собой усилий и терпеливо жду, чтобы р а с п о л о ж е н и е к работе пришло само собой. Знаете, милый друг, что́ я о ч е н ь неохотно еду в Рим. Последний раз, что я там был (это было в ноябре 1877 г.), мне было там очень скверно: я чувствовал себя совершенно разбитым нравственно и физически, и, может быть, от этого тогда Рим, несмотря на все свои сокровища, показался мне мрачным и тоскливым [1]. Но что делать? Я думаю, что во всяком случае мне придется съездить туда. Дело в том, что если я начну письменно обсуждать с Модестом вопрос об изменении нашего плана переселиться в Рим, то пройдет очень много времени. Я полагаю, что умнее всего будет ехать в Рим и, осмотревшись и обсудивши этот вопрос, ехать дальше, в Неаполь, или же отправиться по направлению к Ницце. Думаю, что вскоре после Вашего отъезда уеду.

Предсказываю Вам, что Вы с величайшим удовольствием проведете у себя в Браилове несколько времени. Вы будете себя чувствовать д о м а, н а м е с т е, и я думаю, что даже в Москву не скоро Вам захочется переехать. Поклонитесь незабвенному Симацкому домику, если увидите его!

23 ноября.

Сейчас возвратился с прогулки. Погода великолепная. Как жаль, что в такой день Вам нельзя выехать, чтобы прокатиться и подышать свежим воздухом. Впрочем, кататься не очень-то удобно. На многих маленьких улицах проезду вовсе нет. Я доволен, что мне пришлось видеть Париж в таком виде. Массы снегу, лежащие на улицах и тротуарах, тишина, царствующая повсюду, вследствие снежного слоя, заглушающего шум карет, все это придает Парижу совсем особенный вид. Особенно странно было вчера вечером, когда сообщение на лошадях прекратилось совсем, а на тротуарах было пусто. Плохо при-

нилось вчера театрам; в газетах пишут, что выручки были совсем ничтожные.

Сегодня утренняя работа моя была очень успешна. Финал мой близится к концу; после окончания его напишу Andante, которое в голове уже есть, и затем примусь уже в Италии за переделку некоторых своих старых вещей и прежде всего за Вторую симфонию.

За газеты премного благодарен.

Вам решительно нельзя думать об отъезде, пока движение на железных дорогах не восстановится вполне. Теперь на многих линиях проезду вовсе нет. Мне кажется, что должна наступить оттепель.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

178. Мекк—Чайковскому

Париж,
23 ноября 1879 г.

Милый, дорогой друг!.. Какую ужасную новость Вы сообщили третьего дня. Когда я ее прочла, у меня лихорадка сделалась. Я втайне так радовалась, что в Москве не бывало подобных случаев, а тут вдруг и не выдержали. Боже мой, как это все страшно! По указанию Апокалипсиса, конец мира приближается.

Посылаю Вам газеты, друг мой, в них заметьте начало разбирательства дела Мирского [1]. Там поминается про его bien- aimée*—красавицу, то, если Вы помните, это жидовка, та, которая от страха в истерическом припадке выдала его....

Тысячу раз благодарю Вас, дорогой мой, за сообщение мне о работе моего protégé и позволение ему присылать к Вам свои произведения на просмотр. Я принимаю это, милый друг мой, за выражения Вашей дружбы ко мне и л и ч н о е для меня одолжение. До свидания, мой бесценный. Безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

179. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 24. Париж.

Сегодня Екатеринин день. Нет ли у Вас именинниц, Петр Ильич? Если есть, то поздравляю Вас с ними. А, кажется, сегодня училищный праздник, мои мальчики свободны. Я очень радуюсь, когда они имеют праздники.

Посылаю Вам, милый друг, билет на концерт в Châtelet завтра, потому что думаю, что завтра Вы и не достали бы, так как идет в первый раз и вся сполна «La prise de Troie». Для нас также не могли достать ложу бельэтажа, пришлось взять baignoire**. Но мне, вероятно, не удастся поехать, простуда еще слишком сильно дает себя чувствовать, но Юля с детьми, вероятно, поедет....

---

* любовницу
** ложу бенуара

Предполагаю 2 или 3 января уехать уже из Браилова.... Жму Вам руку. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Третьего дня я играла в четыре руки Вашу «Снегурочку», Петр Ильич. Что за прелестная вещь! В особенности как поэтична, очаровательна п е с н ь Л е л я, как оригинально-восхитителен хор птиц, как характерно-красива п л я с к а с к о м о р о х о в. Я до этого номера и доиграла, дальше еще не играла. Скажите, милый друг, ведь это одно из первых Ваших сочинений, потому что я видела это на сцене в Москве лет восемь тому назад?

Есть что-нибудь в Ваших п е р в ы х попытках, чего бы совсем и не напечатали?

180. Чайковский—Мекк.

1879 г. ноября 24—25. Париж.

Париж.
24 ноября.

Близких именинниц у меня сегодня нет. Но как мне памятен этот день по училищному празднику! Не знаю, как теперь, а в мое время в Екатерининском институте день у нас служил литургию ежегодно митрополит. С самого начала учебного курса мы готовились к торжественному дню. Певчие в мое время были очень хорошие. Когда я был мальчиком, у меня был великолепный голос—сопрано, и я несколько лет сряду пел первый голос в трио, которое на архиерейской службе поется тремя мальчиками в алтаре при начале и конце службы. Литургия, особенно при архиерейском служении, производила на меня тогда (а отчасти и теперь еще) глубочайшее поэтическое впечатление. И в самом деле, если внимательно следить за служением, то нельзя не быть тронутым и потрясенным этим великолепным священнодействием. Как я гордился тогда, что пением своим принимал участие в службе! Как я бывал счастлив, когда митрополит благодарил и благословлял нас за это пение! Потом нас обыкновенно сажали за один стол с митрополитом и принцем Ольденбургским. Затем отпускали домой, и что за наслаждение было притти домой и гордиться перед домашними своими певческими подвигами и благосклонным вниманием митрополита! Потом целый год вспоминался чудный день и желалось скорейшее повторение его[1].

«С н е г у р о ч к а»—не из первых моих сочинений. Она была написана по заказу дирекции театров и по просьбе Островского в 1873 г. весной, и тогда же была дана. Это одно из любимых моих детищ. Весна стояла чудная; у меня на душе было хорошо, как и всегда при приближении лета и трехмесячной свободы. Пьеса

Островского мне нравилась, и я в три недели без всякого усилия написал музыку. Мне кажется, что в этой музыке должно быть заметно радостное весеннее настроение, которым я был тогда проникнут [2].

Вы спрашиваете, милый друг, есть ли у меня ненапечатанные первые опыты. Есть и даже очень много [3]. И как я благословляю свою судьбу, что не нашлось тогда охотника печатать этот ребяческий музыкальный лепет, который тогда я принимал за серьезные произведения. Как я бы теперь раскаивался в этих грехах юности! Большинство авторов, которым удалось с самого начала печататься, впоследствии сожалеют о том, что их незрелые попытки преданы публичности. Я этой удачи не имел и теперь очень этому радуюсь. Некоторые из моих первых писаний сохранились, большая же часть истреблена мною посредством огня и в том числе две оперы: «В о е в о д а» (из коей сохранились танцы) и «У н д и н а». Последнюю я представлял в 1868 г. в дирекцию петербургских театров, которая ее забраковала. Я тогда был страшно огорчен и оскорблен этим отказом, а впоследствии радовался, что дирекция оказала мне эту услугу. Опера была в самом деле очень плоха, и я без всякого сожаления бросил ее в огонь [4].

Как интересны воспоминания Пассек, и как я благодарен Вам за эту книгу! Мне нравится теплота, живость изложения и меткость, а также полное беспристрастие, с которым она характеризует молодых людей своего времени и в особенности Герцена. Это был поразительно умный и талантливый человек, но сколько и в нем было мелочности, тщеславия! Вообще великие люди, являясь в интимном своем chez soi*, сходят с пьедестала, на который наше воображение возводит их, и оказываются совершенно такими же простыми смертными, как и мы, грешные. Единственное исключение (по крайней мере, между музыкантами)—М о ц а р т. Это была великая и чистая, как голубь, душа во всех случаях и при всех обстоятельствах. В нем не было феноменального ума, но в его сердце ни разу не закралось ни одно из тех чувств, которые постоянно терзают людей известной профессии в их соприкосновении с обществом вообще и с людьми одной с ними профессии в особенности. Чудная была эта личность.

Спасибо Вам за билет, дорогой и милый друг мой.

Погода сегодня великолепная. Я сделал огромную прогулку, а именно: из дому через R u e d e l a P a i x вышел на бульвары и прошел их вплоть до B a s t i l l e, а оттуда через R u e

---

* дома

St. Antoine и бесконечную Rue de Rivoli возвратился домой. Мне кажется, что на-днях должна быть оттепель, а движение на железных дорогах едва ли не восстановилось уже теперь в своем нормальном порядке.

Воскресенье.

Как холодно! Мое предсказанье относительно оттепели, кажется, не сбывается.

Возвращаю с благодарностью книги и ноты.

Не будет ли Вам интересно посмотреть на новые романсы Кюи, присланные мне Бесселем?

Будьте здоровы, дорогая моя.

П. Чайковский.

181. Мекк—Чайковскому

Париж.
25 ноября 1879 г.

Очень, очень Вам благодарна, милый, дорогой друг, за присланные мне романсы Кюи. Я их просмотрела и скажу Вам свое отношение к этому автору. Во-первых, он очень плодовит, а во-вторых, я терпеть не могу таких господ, как этот Кюи. Меня сердит эта дутая оригинальность или, вернее, оригинальничанье. Она напоминает мне лягушку Крылова, которая хотела быть похожей на вола. Этот господин, il ne compose pas la musique, mais il l'invente*. Его дикие гармонии, якобы смелые последования измышлены, придуманы, и этим меня никогда нельзя обмануть. Автор может сам надуваться, но меня этим не надует. Я люблю и чудаков, и грубиянов, и мечтателей, и неспокойных, но лишь тогда, когда они натуральны, искренны. Мне только потому и нравится А. Рубинштейн, что он в музыке верен своей натуре. Мне нравится эта беспокойность, эта страстность, потому что ведь, говоря с научной стороны об искусстве, он (т. е. А. Рубинштейн) ничего в нем не открыл, а он нравится мне только по своей неподдельной нервности.

Об Вас уже я не говорю, несравненный друг. В Вас я всему поклоняюсь, меня удивляет и научная сторона, восхищает художественность, чувство, поэзия, изящество—все, что, по-моему, высоко и прекрасно, ну да ведь Вас я и не подумаю ни с кем сравнивать. В Вашей музыке все велико и прекрасно и все искренно и правдиво. Вы—композитор по вдохновению, другие бывают композиторами по уму и при этом всегда с расчетом. Таким я могу удивляться, могу даже по временам восхищаться, но никогда не буду ими увлекаться, ни им поклоняться. Но к этим последним г. Кюи не относится. К этой категории я отношу Вагнера, из наших русских композиторов—Римского-Корсакова, потом Листа. Листа было и забыла; в этом также я не могу не удивляться таланту, но не люблю шарлатанства, не люблю пусканья пыли в глаза....

Но темно писать, уж пятый час. До свидания, мой дорогой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

---

* он не сочиняет музыку, а выдумывает ее

182. Чайковский—Мекк

1879 г. ноября 26—27. Париж.

26 ноября/8 декабря 1879 г.
Понедельник.

С Вашим мнением о К ю и, мой милый друг, я не вполне согласен. Я не признаю в нем большой творческой силы, но у него есть изящество, красивость в гармониях и вкус, чем он и отличается от других представителей этого кружка музыкантов и в особенности от М у с о р г с к о г о, у которого больше природного дарования, но зато испорченного грубостью приемов, склонностью к музыкальному безобразию. Известна ли Вам опера К ю и «Р а т к л и ф»? В ней есть прелестные вещи, но, к сожалению, страдающие некоторою приторностью и п р и л и з а н и о с т ь ю в голосоведении. Видно, что автор долго высиживал над каждым тактиком и с любовью его отделывал, вследствие чего рисунок не достаточно свободен, штрихи слишком искусственны, придуманы. Кроме того, его губит то, что Вы называете о р и г и н а л ь н и ч а н и е м. По натуре своего таланта К ю и склонен к легкой, пикантно ритмизированной на французской лад музыке, но требования к р у ж к а, к которому он принадлежит [1], заставляют его насиловать свой талант и навязывать себе такие псевдооригинальные гармонические выходки, которые делают его стиль искусственным, натянутым. Вы не совсем правы, называя его п л о д о в и т ы м. Кюи теперь сорок четыре года, а написал он всего две оперы и десятка четыре романсов. «Р а т к л и ф» он писал десять лет! Очевидно, опера сочинялась кусочками, очень старательно отделанными, но в целом чувствуется от этого недостаток единства и невыдержанность стиля.

Был вчера в Châtelet и прежде всего был поражен бесконечным различием в достоинстве исполнения между Pasdeloup и Colonn'ом. У первого исполнение было менее чем посредственное, у второго о ч е н ь х о р о ш е е. Самое сочинение, как всегда при ближайшем знакомстве и при лучшем исполнении, значительно более мне понравилось, хотя все-таки я считаю эту оперу слабым произведением, а в сравнении с c h e f d'o e u v r'ами Берлиоза, т. е. «Ф а у с т о м» и «Р о м е о», даже очень слабым.

Юлия Карловна, вероятно, Вам рассказала про овацию, сделанную Греви, когда он вошел в свою ложу, а также про энтузиазм, с которым публика относилась к музыке Берлиоза. Сидел я как раз против Ваших и мог вволю любоваться симпатичной физиономией Милочки, которая, как мне показалось,

больше смотрела и интересовалась публикой, чем эстрадой и музыкой. Певица, певшая партию Кассандры, мне понравилась. У нее есть теплота в исполнении, и голос был бы очень недурен, если б она не имела слабости детонировать, а именно, высокие ноты понижать на четверть тона. Остальные исполнители недурны,—не более того. У меня сильно разболелась голова, и после второго действия я ушел гулять.

Вечером вчера же был в театре и много смеялся. Это было в Variété. Давали очень забавную пьесу: «La femme à Papa».

От Модеста все еще не имею никаких известий.

Мороз сделал то, что Вы, подобно кораблю, затертому льдами, должны волей-неволей дожидаться оттепели. Боюсь, что Вас все это беспокоит и раздражает. Но мне все кажется, что все это не надолго и что оттепель скоро должна притти.

27 ноября.

Влад[ислав] Альберт[ович] сказал мне, что день вашего отъезда назначен на четверг. Между тем мороз сегодня сильнее, чем вчера. Уж не лучше ли, милый друг, еще немножко подождать? Ведь долго продлиться это не может, оттепель должна наступить очень скоро.

Хочу сегодня пойти в Opéra Comique, где дают «Волшебную флейту» Моцарта.

Письма от Модеста все еще нет, и я начинаю сильно беспокоиться. Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

183. Мекк—Чайковскому

1879 г. ноября 26—27? Париж.

Что это творится в атмосфере и что замышляется в природе? Холодно до того, что я с трудом пишу Вам, милый друг мой. Все окна у нас покрыты льдом, в комнате всего девять градусов тепла, несмотря на то, что топится камин. У меня выходит дров от пятидесяти до шестидесяти франков в день, и мы все дрожим. Когда я попаду домой и попаду ли?...

Вчера получила письмо от Коли. Он присылает мне телеграмму о московском покушении и пишет при этом, что они были собравшись в Училище для обедни, так как это был праздник 21 ноября, когда пришло известие об этом злодеянии. Тогда они всей гурьбою отправились к священнику и попросили его отслужить благодарственный молебен. Мне это очень понравилось, и я его очень похвалила за это.

Вчера вечером я опять играла Вашу «Снегурочку», милый друг. Как это прелестно и совершенно верно, что во всем сочинении слышно самое радужное и поэтическое настроение. Скажите, Петр Ильич, может ли это быть, чтобы «Воевода» была дурная опера? Я вчера же играла танцы из «Воеводы»,—это такая очаровательная вещь, что я никогда не могу спокойно играть ее. Как же могла быть опера плоха? Петр Ильич, какое с а-

м о е п е р в о е сочинение Вы напечатали? Извините, дорогой мой, что я так надоедаю Вам расспросами, но мне так хочется в с е знать, что Вас касается. Я жалею, что я не знаю Вас от самой колыбели, что Вы не на глазах у меня выросли, развивались. Это было бы для меня в высшей степени интересный музыкально-психологический s t u d i u m* (как говорит Пахульский). Что об и з в е с т н о й о с о б е нет никаких сведений?

Через 2 часа.

Только что окончила свое письмо, как получила Ваше, дорогой друг. Вы говорите, что не совсем согласны с моим мнением, а между тем ведь и я то же в нем нахожу, что̀ Вы и говорите. Я не отрицаю, что у него есть красивые гармонии, вкус и изящество, но я называю это д у т ы м , в ы д у м а н н ы м. Вы называете в ы с и ж е н н ы м,—в сущности это одно и то же. Конечно, в к у с а и и з я щ е с т в а нельзя в ы д у м а т ь, и это у него есть от природы, но к музыке он прилагает эти два свойства для того, чтобы, так сказать, в ы б р а т ь то, что у других хорошо. Именно и я нахожу, что у него нет с в о б о д ы мысли, а желанье оригинальничать, от этого его сочинения тяжелы. Он, кажется, читает ф о р т и ф и к а ц и ю, и это слышно в его музыке. Я его не сравниваю с Мусоргским, тот а к р о б а т в искусстве, кувыркается так, что только и глядишь, когда ж он себе шею сломает. Кюи в музыке est un homme comme il faut. П л о д о в и т ы м я его назвала т о л ь к о относительно присланных Вами романсов, потому что их было очень много. Оперы Кюи «Ратклиф» я не знаю.

Я очень рада, милый друг, что Вам понравилось исполнение Colonn'a, это меня успокаивает и за исполнение и а ш е й симфонии.

Мне приходят напоминать о завтраке.

Ваша П. ф.-Мекк.

184. Чайковский—Мекк

27 ноября/9 декабря 1879 г.

1879 г. ноября 27—28. Париж.

Благодарю Вас, дорогой друг, за уплаченный счет. При этом скажу только, что в другой раз я остановлюсь в отеле менее дорогом, чем этот. Меня ужасает дороговизна этой гостиницы. Относительно некоторых подробностей я должен буду отправиться в b u r e a u и объясниться, ибо там обозначены цены некоторых потреблений, которых я вовсе не помню и которых не было. Еще раз от души благодарю Вас!

Теперь отвечу на вопросы Ваши. «В о е в о д а» без всякого сомнения очень плохая опера. Я беру при этом в соображение не только достоинства музыки, взятой отдельно, но общую совокупность условий, соблюдение которых составляет большее или меньшее достоинство оперы. Во-первых, сюжет никуда не

* предмет изучения

годен, т. е. лишен драматического интереса и движения. Во-вторых, опера была написана слишком спешно и легкомысленно, вследствие чего формы вышли не оперные, не подходящие к условиям сцены. Я просто писал музыку на данный текст, нисколько не имея в виду бесконечное различие между оперным и симфоническим стилем. Сочиняя оперу, автор должен непрерывно иметь в виду сцену, т. е. помнить, что в театре требуются не только мелодии и гармонии, но также д е й с т в и е, что нельзя злоупотреблять вниманием оперного слушателя, который пришел не только с л у ш а т ь, н о и с м о т р е т ь, и, наконец, что стиль театральной музыки должен соответствовать стилю декоративной живописи, следовательно быть п р о с т ы м, я с н ы м, к о л о р и т н ы м. Как картина Meissonier будет лишена всякой прелести и не получит надлежащей оценки, если ее выставят на театральной эстраде, вследствие чего утратятся и стушуются все прелестные детали этого рода живописи, так точно музыка, изобилующая гармоническими тонкостями, пропадает в театре, где слушателю нужны ясно очерченные мелодии и прозрачный гармонический рисунок. Я же в «В о е в о д е» хлопотал именно об этой филигранной разработке тем, совершенно забыв сцену и все ее условия. Условия эти в значительной степени парализуют чисто музыкальное вдохновение автора, и вот почему симфонический и камерный род музыки стоят гораздо выше оперного. В симфонии или сонате я с в о б о д е н, нет для меня никаких ограничений и никаких стеснений, но зато о п е р а имеет то преимущество, что дает возможность говорить музыкальным языком м а с с е. Уже одно то, что опера может играться хоть сорок раз в течение сезона, дает ей преимущество над симфонией, которая будет исполнена раз в десять лет!!!

Предубежденный слушатель может примириться с оперой после нескольких виденных представлений, но сколько нужно времени, чтобы хорошая симфония могла быть оценена массой публики по достоинству? Однакож, несмотря на весь соблази оперы, я с бесконечно бо́льшим удовольствием и наслаждением пишу симфонию или сонату и квартет. Но я отклонился от критики «В о е в о д ы». Третий его недостаток—слишком массивный оркестр и преобладание последнего над голосами. Все это недостатки, происходящие от неопытности. Необходимо пройти через ряд неудавшихся опытов, чтобы дойти до возможной степени совершенства, и я нисколько не стыжусь своих оперных неудач. Они послужили мне полезными уроками и указаниями. И Вы видите, милый друг, до чего я упорно отказывался понять свои заблуждения и непонимание оперных потребностей:

ведь и «У и д и н а» (сожженная опера), и «О п р и ч н и к», и «В а к у л а»—все еще не то, что нужно. Удивительно туго мне дается эта наука. Мне кажется, что «О р л е а н с к а я д е в а» написана, наконец, как следует, но, может быть, я ошибаюсь. Если так, если окажется, что «Д е в а» все-таки не соответствует требованиям оперного стиля, тогда для меня будет ясно, что те, которые утверждают, что я по натуре исключительно симфонист, которому не нужно забираться на сцену,— правы; тогда я уже навеки откажусь от новых попыток писать оперы.

Первая напечатанная моя пьеса была «Scherzo à la Russe», op. 1.

Кстати о печатании моих сочинений. Вчера я получил от берлинского издателя Ф ю р с т н е р а предложение отдать ему право собственности для Германии на все будущие еще не напечатанные мои сочинения. Он спрашивает меня при этом мои условия. Это уже не первое предложение, делаемое мне со стороны немецких издателей. Они для меня очень лестны, но я принужден отказывать и вот почему. Юргенсон охотно брался печатать мои сочинения еще тогда, когда я не пользовался никакой репутацией, сначала даром, а потом за совершенно достаточный гонорарий. Впоследствии он печатал все, что я ни писал, а пишу я, как Вам известно, так много, всякое новое сочинение расходится в публике так туго, что до сих пор он на всей массе моих сочинений ничего не выиграл, ибо если некоторые из них имеют уже хороший сбыт, то другие покоятся пока на полках его магазина. Весь его расчет основан на том, что когда-нибудь моя репутация перешагнет через границу и сочинения мои с тесного русского рынка перейдут на общеевропейский. Не правда ли, что именно теперь, когда моя заграничная известность начинает распространяться в Европе, было бы несправедливо и оскорбительно для Юргенсона, если б я ограничил его одной Россией? Кроме того, мне кажется, что не следует потакать предубеждению немцев против русской музыки. Они до такой степени привыкли только о т п у с к а т ь в Россию свой музыкальный товар, отказываясь что-либо вывозить из нее, что предпочитают скорее печатать контрафакции (как это они сделали с моими фортепианными пьесами и романсами), чем выписывать от русского издателя. Юргенсон едва ли не первый русский издатель, добившийся того, чтобы у него выписывали его издания. Мне кажется, что мой долг русского и честного человека требует безжалостно отказывать немцам в подобных просьбах. Вот почему я и написал вчера г. Фюрстнеру учтивый, но решительный отказ [1].

Об известной особе я имел в Петербурге довольно утешительные сведения. Она наконец поняла, что улучшения своего материального благосостояния может добиться не своими феноменально глупыми приставаниями, а добропорядочным поведением. Я объяснил ей в письме, посланном из Каменки, что уж если она решительно отказывается от развода и подчинения себя его формальностям, то, по крайней мере, старалась бы заслужить мое сожаление и благорасположение, отказавшись раз навсегда от надежды жить со мной, и перестала бы посредством дерзких писем требовать денег. Я постарался объяснить ей, что ни на какие требования она никакого права не имеет и что если еще раз она позволит себе обратиться письменно ко мне или к кому-нибудь из моих родных, то будет наказана лишением части своей пенсии, а в крайнем случае даже и всей. Я советовал ей не вести праздную жизнь и чем-нибудь заняться, стараться, чтобы я об ней ничего не слышал, и пытаться заслужить мое сожаление, а не внушать мне ненависть. Я дал ей понять, что только этим путем она может добиться увеличения своей пенсии. Все это она, повидимому, поняла, ибо отправилась к Гензельту и просила у него уроков музыки в одном из московских институтов, на что Гензельт отвечал, что во внимание к имени, которое она носит, он постарается исполнить ее просьбу. Сообщил мне это Юргенсон. С тех пор никаких сведений я об ней не имел. Мне кажется, что она сообразила наконец, что для нее выгоднее держать себя так, чтобы я не имел основания быть недовольным. Мне так мало нужно от нее! Лишь бы только я никогда не встречался с ней и не видел ее почерка—вот все, что я требую. Можно надеяться, что она, наконец, угомонится.

28 ноября/10 декабря 1879 г.

Вчера я был очень расстроен. Перед обедом пришло письмо от брата Анатолия. Более чем когда-либо он жалуется на судьбу, проклинает ведомство, в котором служит, и свою прокурорскую службу. Всего неприятнее то, что чувствуешь себя совершенно бессильным не только помочь, но и посоветовать ему что-либо предпринять. Тщетно старается он изобразить мне службу товарища прокурора каким-то мученичеством, точно будто все товарищи прокурора точно так же несчастны, как он. Для меня ясно, что причины его недовольства лежат не в окружающей его обстановке, а в нем самом. Вот уже года полтора, что он все жалуется. То ему хочется заниматься следствиями по политическим делам, то он только и мечтает, как бы от них отделаться, а возвратившись к прежним делам, чего ему так хотелось, жалуется и на них. Для меня несомненно, что,

как бы его положение ни изменилось, он все будет недоволен. Он сделался каким-то капризным ребенком, которому ничем не угодишь. Меня очень огорчает и затрудняет это! Написал ему письмо с пространными наставлениями и просьбами быть менее малодушным, более философом.

А другой брат беспокоит меня своим молчанием. Нет ни слуху, ни духу об нем.

Мне как-то не верится, что Вы уедете завтра, хотя я очень бы желал, чтобы Ваше желание поскорей попасть в Россию совершилось именно в тот срок, как Вы этого желаете. Я понимаю, как сильны бывают эти стремления к возвращению в о с в о я с и. Судя по письмам, которые доходят ко мне очень скоро из России, я думаю, что пути свободны и что не следует преувеличивать затруднительность переездов.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Ваш П. Чайковский.

Сейчас читал в афише, что какое-то квартетное общество посвятит целый свой второй сеанс исключительно моим сочинениям. Это состоится через две недели.

185. Мекк—Чайковскому

Париж,
30 ноября 1879 г.

Бесценный друг мой! Вчера у меня болела голова, и я не могла писать Вам и была за это наказана, потому что и от Вас не получила ни одной весточки.

Как я рада, как рада, дорогой мой, что в квартетном собрании будут играть только Вашу музыку. Меня приводит в восторг видеть, что Ваша музыка не только распространяется за границею, но ею с о п е р н и ч а ю т наперерыв друг перед другом. Кстати при этом скажу, что бывшая ученица Московской консерватории класса Ник[олая] Григ[орьевича] Фриденталь, которая окончила прошлою весною, теперь концертирует за границею и в Дрездене играла Ваши вариации. Это пишут в варшавских газетах.

В Вашем отказе Фюрстнеру я узнаю В а с, мой милый друг, узнаю эту безграничную деликатность, заботливость о других и полнейшее равнодушие к своим интересам. Н а в е р н о Вам было бы гораздо выгоднее продать Фюрстнеру свои сочинения, но Вы отказали п о т а к и м м о т и в а м, что я могу только восхищаться....

Что это от Модеста Ильича нет известий, это удивительно. Мне кажется, что этот серьезнее, глубже и аккуратнее Анатоля, так что нельзя думать, чтобы он заветренничался. Кстати, говоря о нем, я вспомнила о Конради. Что их девочка здорова и без всяких недостатков? Скажите, друг мой, когда Александра Ильинишна переедет в Петербург, и остается ли это, что мои мальчики могут бывать у них? Как здоровье Александры Ильинишны? Вернулась ли M-elle Таня из Крыма и в каком расположении духа?...

До свидания, несравненный, дорогой мой. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

186. Чайковский—Мекк

Париж,
30 ноября/12 декабря 1879 г.

Милый и дорогой друг! Еще вчера я получил известие от Модеста. Он в Риме. Ехал очень долго и вследствие крайнего утомления Коли должен был несколько раз останавливаться, именно в Вене, Венеции и Флоренции. Теперь он поселился пока в гостинице и ждет меня, чтобы решиться остаться в Риме на всю зиму или вместе со мной куда-нибудь переехать. Я хочу выехать в среду вечером и вчера взял уж билеты в спальном вагоне, идущем прямо до Рима. Таким образом на другой день после Вашего отъезда и я уеду из Парижа. Обо всем этом мне очень хотелось сообщить Вам еще вчера, но, пославши Вам накануне длинное письмо, я потом раскаивался, что столь подробной перепиской как бы вызываю Вас на ответы, а я ведь знаю, дорогая моя, как Вам теперь трудно и неудобно писать. Пожалуйста, умоляю Вас эти последние дни перед отъездом всячески покоить себя и беречь. Если Вы не напишете мне больше ни одной строчки, то я и не подумаю сетовать на Ваше молчание. Температура постепенно понижается, и я надеюсь, что ко дню Вашего отъезда будет тепло.

Сестра моя переезжает в Петербург перед рождеством и останется два месяца. Будьте уверены, милый друг, что она будет в высшей степени рада познакомиться с Вашими милыми и симпатичными мальчиками. Таня вернулась из Крыма, и мне описали, до чего трогательно было ее свидание с матерью. Они в первый раз в жизни расставались друг с другом. Таня очень довольна своей поездкой, но весьма сконфужена предложением, которое ей сделал какой-то г. Кошкаров, как говорят, хороший и весьма состоятельный человек лет тридцати пяти. Я не знаю никаких подробностей этого дела, так как длинное письмо сестры с подробностями об этом происшествии пропало на почте. Знаю только, что решено подождать год и держать дело в величайшем секрете.

Модест пишет, что в Риме солнце и чистое небо, хотя температура все-таки низкая.

Моя работа в последние дни идет отлично. Кажется, мне очень удалось Andante.

Будьте здоровы.

Безгранично любящий
П. Чайковский.

Девочка Конради—здоровый, прелестный ребенок с нормальным слухом.

187. Мекк—Чайковскому

Париж,
2 декабря 1879 г.

Милый, несравненный друг! Пишу Вам, быть может, в последний раз в Париже, поэтому прошу Вас, мой добрый, дорогой, простить мне всю несостоятельность нынешнего путешествия. Я манила Вас Неаполем, Италиею, которую Вы любите и которая действительно прелестна, и обманула Вас, потом подносила Вам Arcachon, также очаровательная местность, и опять обманула и привела все к одному знаменателю, этому гадкому Парижу, в котором, как и Вы замечаете, можно пробыть с удовольствием одну неделю, но жить т р и недели это уж несносно. Простите мне, мой дорогой, эти обманутые ожидания, эти несоответственные замены, и скуку, и холод, и проч., и проч., простите потому, что ведь я и сама страдаю от всего этого....

Если у меня будет время, я напишу Вам на этих днях еще, мой милый, друг. Газет Вам не посылаю, потому что они теперь идут уже в Вену для нас, и мы здесь сидим без газет. Читали Вы, друг мой, во французских газетах прокламацию, вывешенную в Петербурге в день возвращения государя? Каково нахальство и какова наша полиция—у себя под носом ничего не видит. Но что меня особенно бесит в этой прокламации, это то, что эти негодяи говорят от и м е н и н а ц и и, точно вся русская нация состоит из мошенников, убийц, коммунистов и негодяев; они от л и ц а н а р о д а хотят убить государя, которого народ очень любит, и есть з а ч т о любить. Как бы я хотела, чтобы этих и н ж е н е р о в, которые устраивали мину в Москве, поскорее изловили, но я боюсь, что их с о в с е м не найдут, по обычаям нашей полиции.

Слава богу, теплеет, но снег все лежит. Это страшно.

Счастливого Вам пути, мой милый, бесценный друг, дай бог Вам доехать здоровому, без неудач и неприятностей, а т а м уж Вам будет весело. Сердечно жму Вам руку, благодарю безгранично Вас, мой добрый гений, за все наслаждение пребывания вблизи Вас и за все счастье, которое Вы мне доставляете, пусть Вас наградит святое провидение. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

188. Чайковский—Мекк

Париж,
2/14 декабря 1879 г.

Напрасно, милый и добрый друг мой, Вы думаете, что я здесь скучал, томился и ждал, как бы скорее уехать. Скажу Вам с полнейшею искренностью, что эти три недели я провел бы в высшей степени приятно, если б меня постоянно не угнетала мысль, что Вы были нездоровы, что Вам было нехорошо и беспокойно. В жизни, которую я вел здесь, нет ничего особенно поэтического, и смешно было бы сравнивать ее с теми незабвенными периодами времени, которые я пережил в прошлом году во Флоренции и в особенности в Симаках, но тем не менее я ничуть не прочь проводить по нескольку недель в Париже,

который для здорового и свободного человека, как я, имеет тысячу привлекательных сторон. Холод меня нисколько не беспокоил, ибо я один из людей, чувствующих себя здоровее и бодрее в холодную погоду, чем в теплую. В отеле у меня было отлично. Музыки я слышал не особенно много, но все же слышал. Занятия были и приятны и успешны. Никто меня не беспокоил. Ну, словом, я пользовался всеми условиями, требуемыми для моего благополучия. Я, следовательно, ни одной минуты не скучал, и, повторяю, если б только Вы были здоровы и счастливы, то был бы безусловно счастлив и доволен. Конечно, я жалею, что ни Вам, ни мне не удалось на этот раз пожить в Неаполе, но ведь что же делать? Будем утешать себя тем, что нам еще остается желать и мечтать об этой поездке. Для меня теперь всего нужнее и желательнее, чтобы Вы поскорее оправились вполне, а так как для этого Вам нужно почувствовать себя дома, то я и желаю, чтобы путешествие Ваше совершилось по возможности скоро и удобно. Итак, дорогая моя, отгоните от себя мысль о том, что я проскучал три недели, и примите мою бесконечную благодарность за все блага, которыми я пользуюсь. Если бы Вы знали, какое для меня неизмеримое счастье, что, благодаря Вашей дружбе, я могу укрываться от невыносимых для меня тягостей жизни в обществе! Было бы преступно и просто бессовестно, если б я еще позволял себе претендовать на то, что не устроилась желанная поездка в Неаполь!

Что касается Рима, то он меня не прельщает нисколько, и, если б не Модест, я бы, конечно, не поехал туда иначе, как на несколько дней. Жить в Риме мне положительно не хочется. Этот город оставил во мне очень мучительные и мрачные воспоминания et il me fait l'effet d'un lieu sombre et lugubre*. Разумеется, это может пройти. Увидим! Во всяком случае, в обществе Модеста и Коли мне не будет нехорошо.

Прокламацию, о которой Вы упоминаете, я читал. Возмутительнее и циничнее этого ничего нельзя выдумать. И как подобные революционные проявления отдаляют те реформы, которыми государь наверно рано или поздно увенчал бы свою карьеру. Какую сильную реакцию они возбуждают! Что социалисты говорят от имени всей России, это глупо и нагло, но не менее противна и ложь их, заключающаяся в том, что они как бы протягивают руку всем умеренным либералам всяких оттенков, говоря, что оставят в покое государя, если он созовет парламент. Ведь им не этого нужно: они идут гораздо дальше и хотели бы социалистической республики и даже анархии. Но никто на эту

* и он производит на меня впечатление темного и мрачного места

удочку не поддастся, и если в отдаленном будущем в России устроится представительная форма правления, то первым делом будущей земской думы будет искоренение той отвратительной кучки убийц, которая воображает, что ведет за собой Россию. Эти господа не понимают, что мы все точно так же и даже, быть может, больше ненавидим их, чем государь, который олицетворяет Россию и в лице которого они оскорбляют и весь русский народ. Конечно, они—сила, но ведь только потому, что бьют из-за угла. Ах, как все это отвратительно, и как сердце ожесточается против подобных соотечественников! Приходится радоваться, когда правительство принуждено прибегать за крутые меры.

Вчера я был в театре и видел устаревшую мелодраму «Paillasse». Меня заинтересовал актер Gil-Naza, про которого теперь много кричат. Он оказался в самом деле отличным актером, но пьеса ниже всякой критики.

Влад[ислав] Альберт[ович] приносил мне сегодня маленькую пьеску, которая далеко не лишена достоинств. Чем больше он будет писать, тем лучше. Он начинает осваиваться с формой, которая дается только ценой большого количества опытов.

Я еще не совсем прощаюсь с Вами, милый друг, и во вторник надеюсь еще раз написать Вам. А затем скажу Вам: до свиданья в Браилове, ибо я надеюсь, что и в этом году удастся погостить у Вас в деревне.

Бесконечно любящий и благодарный
П. Чайковский.

189. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 3—4. Париж.

Париж,
3/15 декабря 1879 г.

Сегодня ночью проснулся от невыносимой боли в зубе и промучился часа три, пока боль не утихла и я снова не заснул. Теперь как будто ничего и не было. Боль была невыносимая, ужасная, une vraie rage de dents*, и, что всего страннее, болел совершенно здоровый цельный зуб. Полагаю, что это явление невралгическое.

На дворе теплеет. Уедете ли Вы завтра?

У меня к Вам просьба, милый друг. Мне бы хотелось оставить еще у себя воспоминания Пассек. Когда Вы

* бешеная зубная боль

мне их прислали, я прочел только вторую половину второго тома, и лишь вчера принялся за первый, который нахожу удивительно интересным. Не позволите ли мне эти книги оставить до России?

Концерт мой готов вчерне, и я им очень доволен, особенно второй частью Andante. Теперь примусь за переделку Второй симфонии, в которой нетронутой оставлю лишь только одну последнюю часть. С симфонией этой вышел следующий казус. Я отдал ее в 1872 г. Бесселю и в вознаграждение за его хлопоты по постановке «Опричника» не взял с него никакого гонорария, но было условлено, что он напечатает партитуру симфонии. В течение семи лет он меня обманывал и, постоянно утверждая, что партитура скоро будет готова, даже не приступал к гравировке. Я очень сердился,—но какую услугу он оказал мне своей недобросовестностью! Принявшись теперь за пересмотр симфонии, я нашел, что в ней рядом с удавшимися вещами имеются такие слабые части, что принял решение первую и третью части написать вновь, вторую переделать, а последнюю только сократить. Таким образом, если мне удастся поработать в Риме хорошо, у меня выйдет вместо незрелой и посредственной симфонии—хорошая. Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь [1].

4/16 декабря 1879 г.

Получил Ваше письмо и бесконечно благодарю Вас, мой милый друг, за все!

Сегодня мороз! В самом деле, на этот раз судьба неумолима к Вам! По крайней мере, можно надеяться, что поезд нигде не будет задержан снегом. Как я буду рад, когда узнаю, что Вы у себя в Браилове.

От всей души желаю Вам хорошо доехать, мой дорогой друг! Из Рима напишу Вам в Браилов, а Вашего письма буду ожидать уже из России. На всякий случай посылаю Вам адрес моего первоначального помещения в Риме: Via Babuino, Hôtel de Russie.

Ваш П. Чайковский.

Еще раз благодарю Вас за все, за все!..

190. Мекк—Чайковскому

Париж,
4 декабря 1879 г.

Нашла минутку, чтобы написать Вам еще несколько прощальных слов, еще раз поблагодарить Вас, мой милый, обожаемый друг, за приезд в Париж и за всю доброту и деликатность, с которою Вы делаете мне вели-

чайшие удовольствия. Дай Вам бог хорошо доехать и как можно лучше устроиться за границею на зиму. А сегодня как нарочно сильный мороз. Я и приехала сюда больная и уезжаю такою же; вчера у меня ужасно болела голова и сегодня хотя лучше, но все еще не совсем хорошо. Я боюсь этого путешествия ужасно. Я столько времени воздуха и не нюхала. В это время сделалось так холодно, зима установилась, так что я боюсь, как мне это обойдется. У меня все готово к отъезду, но я все еще не верю, чтобы мы сегодня уехали.

Прощайте еще раз, но до свидания, мой дорогой, безгранично любимый Петр Ильич. Будьте здоровы, веселы, спокойны, пошли Вам бог всего, всего хорошего. Не забывайте всею душою всегда и везде горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

191. Чайковский—Мекк

Рим,
9/21 декабря 1879 г.
Roma. Hôtel Costanzi. Via S. Niccolo di Tolentino.

После путешествия, преисполненного всевозможных неприятностей и приключений, начавшихся с того, что спального вагона, в котором я вперед взял два места, в о в с е н е б ы л о в п о е з д е, я, наконец, приехал сюда вчера. Боже мой! что за благодать этот чудный итальянский климат! Представьте себе, мой дорогой друг, что после всех ужасов парижской зимы я очутился здесь под темноголубым ясным небом, на котором во всем своем величии блистает яркое и горячее солнце. Об дожде, снеге нет и помину, по улицам ходят в одних сюртуках, через свое окно я вижу зеленеющее M o n t e P i n c i o,—ну, словом, есть что-то волшебное в этом переходе. И если б Вы знали, до чего болит мое сердце, когда я подумаю, что Вы, которая так любите тепло, солнце, Италию, должны от французского снега перенестись в русский!

Вы знаете, друг мой, что я с неохотой ехал в Рим, который видел в последний раз при самой неблагоприятной погоде и при самом тяжелом нравственном состоянии. Но зато совершенно неописанно то чарующее впечатление, которое производит на меня Рим теперь. Никогда я так сильно не чувствовал всего обаяния Италии, как вчера и сегодня. Что за чудная погода! Что за роскошь это горячее солнце, эта кипучая жизнь людей, не скованных холодом!

Я застал Модеста и Колю совершенно очарованных Римом. Для обоих их было бы величайшим горем теперь куда бы то ни было переехать. Итак, мы остаемся здесь, но так как в H ô t e l d e R u s s i e очень неудобно и очень дорого, да притом нет такого помещения, где бы мы могли быть все вместе, то сегодня мы отправились искать или меблированную комнату

или другого хорошего отеля. Старания наши увенчались успехом. Мы нашли в Hôtel Costanzi очень красивые комнаты с великолепным видом на Рим, в углу, так что соседей не будет, и за цену относительно умеренную. Завтра мы переезжаем, и адрес мой теперь будет: Hôtel Costanzi, Via S. Niccolo di Tolentino.

Я получил Вашу телеграмму и премного Вам за нее благодарен, мой добрый и милый друг. Так как я не могу желать Вам тех благ, которыми пользуюсь благодаря Вам здесь, то, по крайней мере, желаю бесконечно, чтобы в Браилове ли, в Москве ли Вы, наконец, успокоились и отдохнули от всех Ваших тревог и утомительных переездов в теплом родном уголке.

Будьте здоровы, моя дорогая и несравненная!

Ваш П. Чайковский.

192. Чайковский---Мекк

Рим.
12/24 [декабря] 1879 г.

Вот уже пятый день я в Риме. В новом своем помещении мы устроились очень хорошо, хотя и немножко дорого. Вид из окон великолепный: весь Рим виден как на ладони. Главное достоинство наших комнат то, что они составляют угол дома, и таким образом у нас нет соседей. Завтра или послезавтра у меня будет инструмент, на котором могу хоть целый день играть, будучи совершенно уверен, что никто меня не услышит. Сначала я занял комнату, выходившую на север, довольствуясь тем, что у Модеста вид на Рим и солнце с утра до захода. Но потом оказалось, что окна мои выходят на двор казармы, в котором целый день производятся упражнения солдат, пальба, сигналы и т. п. беспокойный шум. Кроме того, в комнате не было камина: отсутствие солнца и камина причиняло холод. Теперь моя стена рядом с Модестом, и окна на солнце; есть и камин. Гостиница оказалась во всех отношениях превосходной, и на случай, если Вы будете в Риме, очень рекомендую Вам ее, дорогой друг мой!

Все последние дни прошли в хлопотах по устройству, и поэтому жизнь еще не вошла в правильную колею. Однакож я сделал много очаровательных прогулок. Погода стоит до того чудная, что нельзя выразить никакими словами. На небе ни единого облачка; солнце ярко сияет на синем небе; ветра никакого. Гулять нужно в одном сюртуке. Вечером всходит луна,

и из наших окон открывается чудесная картина Рима при лунном освещении.

Вчера мы ходили пешком на S. P i e t r o i n M o n t o r i o. Вы, вероятно, бывали на этом месте, и я не буду описывать прелесть вида, открывающегося с террасы под церковью. Сегодня я ходил в S. G i o v a n n o L a t e r a n o и испытал глубокое художественное наслаждение, смотря на грандиозный фасад этой церкви; видел также S c a l a S a n t a. В церкви шла служба. Служил кардинал, и была исполнена месса хором à c a p e l l a с органом. Музыка современная и ни мало не подходящая к церковнослужению, но исполнено было великолепно. Что за голоса в Италии! Солист т е н о р спел совершенно оперную плохую арию, но таким чудным голосом, что я был совершенно восхищен. Самая служба далеко не имеет того торжественно поэтического обаяния, которым проникнута православная.

Ничего еще покамест не делаю. При этой изумительной погоде занятия плохо даются. Впрочем, ленюсь также и оттого, что еще не вполне устроился.

Получил сегодня письмо Влад[ислава] Альберт[овича], за которое прошу Вас очень поблагодарить его. А Вам, бесконечно любимый и дорогой друг, посылаю тысячу пожеланий всякого счастия и, главное, здоровья. Дай Вам бог хорошо провести время в Браилове.

Ваш П. Чайковский.

193. Мекк—Чайковскому

[Браилов]
14 декабря 1879 г.

Дорогой, несравненный друг! Я в восторге, в упоении, что нахожусь наконец в Браилове. Вы себе представить не можете, как здесь хорошо. Тут есть все, чего мне надо от жизни: с в е т, т е п л о т а и у е д и н е н и е....

Ах, как хорошо, когда б Вы знали; для полного моего блаженства не достает только В а с, мой бесценный, дорогой. Что-то Вы поделываете в Риме? Я очень люблю Италию, но в данную минуту я не завидую Вам, милый друг, и не поменялась бы с Вами резиденциею....

Как Вы доехали, мой милый друг, не сидели ли где-нибудь в поле? Нет дня, чтобы я не думала о Вас, нет минуты, чтобы я не любила Вас, в Вас для меня и с в е т и т е п л о т а. Будем ли мы еще когда-нибудь близко друг от друга и когда и где? Но что бы и как бы ни было, Вы милы и дороги мне всегда и везде, мой незабвенный друг.

До свидания, до лучших времен, будьте здоровы и веселы, мой дорогой, горячо любимый друг. Всем сердцем беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Долго ли Вы пробудете в Риме и куда оттуда направитесь? Примирились ли Вы с Римом?

194. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 13—15. Рим.

Рим,
13/25 декабря 1879 г.

Сегодня здесь рождество. Утром мы ходили в собор Петра и слышали торжественную мессу. Что за колоссальное величие этот собор! Народу было очень много, но в сравнении с огромными размерами этого дивного храма толпа казалась все-таки ничтожной двигающейся кучкой. Во всех бесчисленных приделах служились глухие мессы; священники с дарами, сопровождаемые небольшой процессией, беспрестанно переходили по разным направлениям. Все это полно движения, живописно, красиво. Но я все-таки в тысячу раз больше люблю нашу православную литургию, где все присутствующие в храме видят и слышат одно и то же, где весь приход предстоит, а не снует из угла в угол. Это менее живописно, но трогательнее и торжественнее.

Что за погода! Что за солнце! Что за вид из наших окон! Ах, милый, бесконечно любимый друг мой, как мне хорошо здесь, и как часто я переношусь мысленно к той, которой я обязан всеми счастливыми моими минутами. Каково-то Вам! Сегодня Вы должны быть уже в Браилове. Хорошо ли доехали, здоровы ли, тепло ли Вам, наконец? Чего бы я ни дал, чтобы Вы были здесь и чтобы я мог согреваться теми же лучами итальянского солнца, которые светили бы и в Ваши окна! Авось, когда-нибудь это случится опять. Говорят, что во Флоренции очень холодно и Арно замерз, как Сена. В Париже восемнадцать градусов мороза, а в Риме тепло, как летом!!!

15/27. Суббота.

Вчера мы были на Monte Testaccio, с которого открывается великолепный вид на Рим и на Campagna di Roma. Оттуда ходили в S. Paolo fuor di muri, великих размеров и огромного богатства базилику, находящуюся за городом. Это поразительно красивая зала, но именно зала, совсем не похожая на храм. Сегодня я в первый раз подробно осматривал Forum Romanum. Для меня это имело утроенный интерес, так как я теперь читаю превосходную книгу Ampère'a: «L'histoire romaine à Rome», где излагается с величайшею подробностью история всего, что происходило именно на этом месте.

У меня есть фортепиано, довольно изрядное. В музыкальном магазине Рикорди я запасся несколькими тетрадками

Б а х а, несколькими переложениями на четыре руки (для игры с Модестом) и очень много играю один и с братом, но занятия решительно не идут в голову. Рим и римская жизнь слишком характерны, полны разнообразия и шума, чтобы привлекать меня к письменному столу. Впрочем я надеюсь, что мало-по-малу я обживусь, и тогда работа у меня пойдет хорошо. Вчера слышал на улице прелестную народную песнь, которой непременно воспользуюсь [1].

Погода все так же великолепна, а по газетам видно, что в Париже все еще мороз.

Будьте здоровы, дорогой и милый друг.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский

195. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 16—18. Рим.

Рим.
16/28 декабря 1879 г.

Сегодня ездили на V i a A p p i a. Были ли Вы, милый друг, на этой древней дороге в Неаполь, усеянной по обеим сторонам пути саркофагами, мавзолеями, надгробными плитами всевозможных форм? Она производит впечатление, родственное с тем, которое испытываешь в Помпее. Когда-то тут кипела жизнь, двигались толпы людей, богатые колесницы с римскими патрициями, носилки, пешеходы; теперь дорога пустынна и безмолвна, как те могилы, которыми она усыпана. Даже туристов-англичан почему-то не было, и мы версты три прошли не встретив ни одного живого существа. По временам с левой стороны открывался превосходный пейзаж Албанских гор, Тиволи, Фраскати. День был чудный, но мы слишком долго загулялись. Перемена температуры после захода солнца бывает поразительная, а нам всю дорогу назад пришлось сделать, уже когда начало темнеть. Я насилу отогрелся дома у камина.

18/30 декабря.
Вторник.

Сегодня я принялся за пересочинение Второй симфонии, в которой первую часть хочу написать вновь, и работа шла у меня так хорошо, что до завтрака я успел написать начерно почти половину первой части. Как я благодарю судьбу, надоумившую моего издателя Бесселя в течение многих лет обманывать меня и не печатать партитуры. Если б это было сделано, то уже нельзя было бы переиздать партитуры, и бед-

ная моя симфония осталась бы в своем первобытном виде. Как много значит семь лет в жизни трудящегося и совершенствующегося человека. Неужели через семь лет я буду смотреть на свои теперешние работы теми же глазами, какими смотрю в эту минуту на произведение, написанное в 1872 году! Очень может быть, так как нет предела на пути к идеалу, а через семь лет я буду еще не стар.

Музыки в Риме нет никакой. В театре Apollo даются «Гугеноты» с Станио в главной роли, но говорят, что опера до того плохо идет, что, за исключением утратившего голос Станио, все остальное никуда не годится. Поэтому приходится довольствоваться своей собственной музыкой, и я довольно много играю, как один, так и в четыре руки с братом, разбирающим очень сносно. Вчера вечером мы с ним с величайшим увлечением играли очень хорошее переложение Es-dur'ного квартета Бетховена, как вдруг снизу пришли сказать, что какой-то старый генерал не может заснуть и просит умолкнуть. Пришлось остановиться. Что делать! Это одна из дурных сторон жизни в отеле. Впрочем я продолжаю быть совершенно довольным нашим помещением. Погода несколько изменилась; небо серенькое, и стало тепло. Говорят, что приближается ш и р о к к о. Вот чего я не желаю и боюсь.

Сегодня в первый раз был на вилле Б о р г е з е. Это чудесная прогулка и, главное, совершенно пустынная. Были блестящие экипажи с богато одетыми дамами, но есть аллейки для пешеходов, где очень легко уединиться.

А в Париже все еще морозы.

До свиданья, милый, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

Юлье Карловне низкий поклон, приветствие Пахульскому и поцелуй Милочке, если можно.

196. Мекк—Чайковскому

Браилов,
19 декабря 1879 г.

Милый, драгоценный друг! Вчера получила разом Ваши два письма из Рима, за которые бесконечно благодарю Вас. Я очень рада, что Рим Вам нравится и что там тепло и светло. Жалею очень, что я не попала туда в свое время, но нет худа без добра: тогда я не заехала бы в Браилов, а здесь все-таки мне лучше всего. Радуюсь также и тому, что Вы пока ничего не делаете и таким образом даете себе отдых, милый друг, а то я всегда боюсь за Вас при усиленной работе....

Скажите, милый друг мой, отчего так отложено надолго решение участи M-elle Тани и как она относится к своему prétendant? Нравится он ей, или

выйти за него будет acte de raison*? Что поделывает Наташа? Когда Александра Ильинишна едет в Петербург? В каком положении повесть Модеста Ильича? Меня она очень интересует.

Я теперь читаю «Воспоминания» Пассек, это очень интересно. Хотя она немножко многословит по-бабьему, но все-таки отличается живостью представления и легкостью изложения.

«Русская старина» Вам послана, милый друг мой. В ней я читаю «Польское восстание 1863 г.» Берга. Это интересно как исторический эпизод, но вот уж автор отличается полным отсутствием литературного таланта. Его изложение до того неуклюже, аляповато, что утомительно читать.

В Вене я купила танцы Goldmark'a из «La Reine de Saba» в четыре руки для фортепиано; они очень красивы. Потом купила также в четыре руки несколько сочинений двух Scharwenka, Xaver'a и Philipp'a. Это прелестные писатели, только я ничего не встречала крупного в их сочинениях, все мелкие пьесы, но такие свежие, жизненные.

Владислав Альб[ертович] просил меня передать Вам его нижайшее почтение. Он все пописывает, сочиняет и фантазирует на фортепиано. От Вашего письма был в неописанном восторге.

До свидания, мой дорогой, бесподобный друг. Дай Вам бог всего приятного и хорошего. Поздравляю Вас с наступающим праздником рождества, желаю Вам от всего сердца провести этот и многие будущие в полном здоровье и радости. Всем сердцем всегда Вас любящая горячо

Н. ф.-Мекк.

197. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 20—21. Рим.

Рим,
20 декабря 1879 г./1 января 1880 г.

Сейчас получил Ваше письмо, дорогой друг мой! Как я рад и счастлив, что Вы наконец добрались благополучно до милого Браилова. Вы пишете, что не завидуете мне. Как я это хорошо понимаю, и если б Вы знали, как я, наоборот, позавидовал Вам, читая про чувство полного довольства и покоя, которое Вы испытываете. Не то чтоб мне Рим был неприятен,— я вовсе не скучаю здесь и каждый день испытываю приятные впечатления,—но все-таки полноту счастья можно испытать только в деревне, тишине и одиночестве. Радуюсь, что у Вас стоят ясные дни. Здесь солнце все так же ярко, а греть стало еще больше. Должно быть, до Рима доходят дуновения широкко, потому что стало тепло, как летом, однакож не душно, как это бывает, когда этот ветер дует настоящим образом. Сегодня празднуется Новый год. Сейчас я был в вилле Боргезе и на Monte Pincio. Народу, экипажей множество, так что мне даже немножко жутко стало.

---

* поступком по разуму

Вчера я получил от Юргенсона письмо. Оказывается, что с ю и т а наша исполнялась уже две недели тому назад, и никто из моих друзей не догадался уведомить меня по телеграфу о том, что она имела успех. Всего больше понравился маленький маршик, который я сначала хотел выкинуть из сюиты, но оставил по совету Танеева, предсказывавшего мне, что он будет нравиться более всего остального благодаря эффектной инструментовке. Из письма Юргенсона я вижу, что Руб[инштейн] жаловался на страшную трудность сюиты. Меня это изумило, огорчило и раздражило. Нет никакого сомнения, что она легче, чем множество прежних моих вещей. Почему Руб[инштейн] нашел особенные трудности? Я написал к Танееву, чтобы он разузнал все подробности исполнения и сообщил мне, в чем встретились затруднения [1]. Милый друг! Сюита уже напечатана. Я очень желал бы, чтобы Вы остались довольны переложением на четыре руки, хотя я заранее предупреждаю Вас, что оно не так мастерски сделано, как переложение Четвертой симфонии. С ю и т а посвящена Вам, но пусть на этот раз посвящение это будет известно только Вам и мне. Я не поставил посвящения на заглавном листе, подобного тому, который стоит на нашей симфонии. Так ли я сделал? Мне не хотелось употребить те же слова: М о е м у л у ч ш е м у д р у г у, дабы досужим людям не вздумалось допскиваться о том, кто этот лучший друг.

Но что меня приводит в совершенное отчаяние, так это то, что сюиту Вы не услышите в оркестре. Я надеялся, что она будет исполнена уже по Вашем возвращении в Москву. И, конечно, мне следовало посредством разных хитростей устроить, чтобы до Вашего приезда ее не играли. Вчера я целый день чуть не плакал от этой мысли.

21 декабря 1879 г./2 января 1880 г.

Сейчас вернулся с большой прогулки. Был в S. Maria Maggiore и в S. Pietro in Vincolo (где «Моисей» Микель-Анджело) и в Колизее. В последнем любовался с верхней площадки на чудный заход солнца. Вообще мы в Риме счастливым образом попали на такую чудную погоду, какой давно не запомнят в это время. В прошлом году в это же время здесь шли бесконечные дожди. В понедельник двадцать четвертого мы хотим устроить маленькую елку для Коли.

Воображаю, как у Вас будет хорошо и весело!

Безгранично преданный

П. Чайковский.

198. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 22—24. Рим.

Рим.
22 декабря 1879 г./3 января 1880 г.

Сегодня опять получил Ваше милое, дорогое письмо, а также «Русскую старину». Премного благодарю Вас за то и за другое, милый друг мой. Только, пожалуйста, очень не балуйте меня и позвольте мне писать Вам чаще, чем Вы мне. Вам теперь совсем не до того: приедут Ваши мальчики, начнутся всякого рода домашние празднества, и я очень хорошо понимаю, что времени для писем у Вас остается немного.

Мы совершенно сошлись с Вами относительно фонтана Т р е в и [1]. Я тоже нахожу его в целом поразительно изящным. Мне каждый день приходится раза два проходить мимо него, и каждый раз я восхищаюсь им. Но Модест, большой любитель чистоты и классичности стиля, не особенно любит этот фонтан; он находит, что у Б е р н и н и фигуры всегда изломаны, неестественны, жеманны и что в целом это только эффектно, но не особенно изящно.

В S. Paolo fuor di muri я был. Мне он очень нравится, но только это скорее казино, театральное foyer *, бальная зала, чем храм. Кроме того, контраст между древними мозаиками и современною живописью неприятно на меня действует,—нет единства и цельности. Тем не менее все это очень красиво.

Повесть Модеста подвигается, но очень, очень туго. Он задался очень большой задачей, а времени у него мало. Посудите сами, милый друг, когда ему писать. Утром до завтрака он учит Колю, после того до обеда мы гуляем, и перед самым обедом еще раз он дает Коле часовой урок. После обеда он чувствует себя так усталым, что даже, когда Коля уляжется, он уже не в состоянии работать как следует. Не забудьте, что его ученик глухонемой, что хотя Коля теперь свободно может говорить и со мной и с Алешей, но наши разговоры ограничиваются только вопросами и ответами, имеющими непосредственное отношение к нашей жизни. Как только ему хочется узнать что-нибудь выходящее из этих границ, то только один Модест во всем мире может удовлетворить его любознательность. А любознательность эта необыкновенная; все интересует этого мальчика, способности которого поистине необыкновенны. Выходит, что брату приходится учить его не только на уроке, но и весь остальной день: и во время прогулки, и за

---

* фойе

столом, и всегда. До творческой ли работы при такого рода тяжелой обязанности? Тем не менее повесть все-таки подвигается, и можно надеяться, что летом он уже ее кончит.

Про сестру и ее семейство я пока знаю только, что они в Петербурге, но до сих пор я еще не имею решительно никаких известий о том, что они там делают. Что касается Тани, то мне известно следующее. Человек, который просил ее руки, некто г. К о ш к а р о в, человек далеко не первой молодости, очень некрасивый, н о о ч е н ь у м н ы й и сумевший заинтересовать Таню своей оригинальностью и самобытностью. Это тем более удивительно, что она у нас в семействе пользуется репутацией большой любительницы всего блестящего, светского, элегантного и что в Крыму ей пришлось вращаться в сферах, близких к двору, причем многие изящные молодые люди ухаживали за ней. Однакож на нее серьезное впечатление произвел г. К о ш к а р о в, человек вовсе не светский и не блестящий. Решение отложено на год, оттого что родители Тани несколько предубеждены против претендента и находят его лета неподходящими к Тане. Они хотят узнать его, узнать, прочно ли чувство симпатии, которое Таня питает к нему, вообще хотят, чтобы совершенно ясно определился как несколько загадочный характер его, так и степень его любви к Тане.

Сегодня мы с Модестом ходили в Капитолий и провели не менее полутора часа в комнате, где стоят бюсты императоров. Так как я теперь читаю книгу A m p è r'a об императорских временах Рима, то зала эта имела для меня высочайший интерес. Как характерны эти бюсты! Какое противное, животно-чувственное, тупое лицо у Нерона! Как обаятелен Марк Аврелий! Как хороша Агриппина старшая! Как омерзительно противен Каракалла! Некоторые лица совсем не соответствуют тому представлению, которое составляешь о них по книге. Например, лицо Юлия Цезаря лишено величия, силы; это какой-то статский советник русской службы. Или Траян? Кто бы подумал, смотря на этот узенький лоб, на этот выдвинутый подбородок и общий отпечаток ничтожества, что оригинал портрета был великий человек! Как всегда после внимательного осмотра музея, я испытывал весь день и испытываю еще теперь бесконечное утомление. Странное дело! я могу ходить пешком несколько часов сряду, не чувствуя усталости. Но стоит провести один час в каком-нибудь музее, чтобы утомиться до последней крайности.

Начал переписку исправленной и видоизмененной Второй симфонии.

24 декабря.
10 часов вечера.

Только что уложили спать торжествующего Колю. Мы устроили ему очень миленькую елку; целый день был посвящен ее убранству, и в результате вышла очень миленькая картина. Он остался весьма доволен своими подарками, но в особенный восторг пришел от подаренных ему часов. Алеша, которому в первый раз в жизни случилось видеть елку и который тоже получил хорошенькие подарочки, был счастлив не менее Коли. Вообще этот вечер был бы для меня в высшей степени приятен, если б не случилось так, что к самой елке я получил письмо от Анатолия с очень грустными известиями. Оказывается, что племянница Таня очень серьезно нездорова. Уже давно она страдает совершенно непонятной в такой молодой девушке болезнью—катаром желудка. Болезнь эта выражалась полнейшим отсутствием аппетита, частыми коликами, дурнотами, малокровием, преждевременною и нездоровою тучностью. Теперь ей стало так худо, что ей запрещено совершенно выезжать и предписано строжайшее леченье. Конечно, болезнь не заключает в себе ничего особенно опасного, но из письма брата видно, что сестра моя впала в глубокую тоску и чувствует себя опять очень худо. Что из всего этого выйдет, не знаю.

Живо представляю себе веселье и радость, царящие в эту минуту в милом и столь хорошо знакомом мне доме в Браилове!

Поздравляю Вас с праздниками и с Новым годом, дорогой друг мой. Дай Вам бог всякого счастья и благополучия.

Безгранично благодарный, любящий и преданный Вам

П. Чайковский.

Приношу мои поздравления с Новым годом Юлье Карловне и всему Вашему семейству, а также Влад[иславу] Альбертовичу.

Брат Модест, узнав, что я пишу Вам, просит меня передать Вам его поздравления и желания счастья.

199. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 27—29. Рим. 27 декабря 1879 г./8 января 1880 г.

Все эти дни мы проводим праздничным образом, т. е. целый день гуляем. Вчера мы были в музеях Капитолия и потом в Палатинском саду на развалинах дворца цезарей. Это чрезвычай-

но интересная прогулка, особенно когда у Ampère'а я только что прочел подробную историю этих грандиозных развалин. Сегодня мы с Модестом были в Ватикане и видели разом Пинакотеку, Ложи Станцы и Сикстинскую капеллу. Фрески Микель-Анджело перестали казаться мне непонятными, хотя я очень еще далек от того энтузиазма, которым в отношении их преисполнен Модест. Атлетические мускулы фигур Микель-Анджело, мрачное величие его живописи перестают быть для меня чем-то загадочным; это меня интересует, даже поражает, но еще не восхищает, не волнует и не трогает. Моим любимцем остается все-таки Рафаэль, этот Моцарт живописи. Еще мне в высшей степени симпатичны картины Гверчино «Флорентинский Эндимион»; некоторые его мадонны до того ангельски прекрасны, что наполняют всю мою душу каким-то чувством тихого восторга. Впрочем, я должен признаться, что вообще я от природы лишен чуткости в отношении пластических искусств, и только очень немногие картины и статуи производят на меня действительное впечатление. В музеях я больше устаю, чем наслаждаюсь. Я нахожу, что вообще музеи убийственны для ознакомления с искусством, ибо они дают столько пищи, сколько не может поглотить человек одним разом. Чтобы должным образом изучить все художественные сокровища Рима, например,— мало целой жизни. Следовало бы для каждой картины, по крайней мере, один день. Еще сегодня я испытал, до какой степени важно долго и пристально всматриваться в картину. Я сидел перед «Преображением» Рафаэля, и сначала мне казалось, что в этой картине нет ничего особенного, но мало-по-малу я стал понимать выражения лиц каждого из апостолов и других фигур и чем больше вглядывался, тем больше проникался прелестью общего и деталей. Увы, только что я начал наслаждаться, как Модест напомнил мне, что скоро три часа, а нам еще нужно зайти в Сикстинскую капеллу. Таким образом, я еще только предвкусил прелесть художественного произведения Рафаэля, а когда я его оценю надлежащим образом? Нельзя же каждый день ходить в Ватикан, когда есть столько других интересных предметов для осмотра? А ведь я еще должен каждый день поработать, почитать, погулять. Мне кажется, что я не мог бы долго жить в Риме. В нем с л и ш к о м м н о г о интереса. Некогда помечтать, некогда углубиться в самого себя и, в конце концов, чувствуешь себя вечно усталым. Для постоянного жительства я бы предпочел Флоренцию, если б пришлось выбирать. Там покойнее, тише, меньше разнообразия. Рим величественнее, богаче, но Флоренция милее и симпатичнее.

Погода продолжает быть превосходной.

10 часов вечера.

Я сию минуту прочел в мемуарах Гете очень характеристический отзыв его о Риме, который весьма близко выражает мысль мою, изложенную на предыдущих страницах. Вот его слова во французском переводе: «Partout ailleurs on est obligé de chercher ce qui vaut la peine d'être vu,—ici on est o b s e d é, s u r c h a r g é. A chaque pas un palais, une ruine, un jardin, un désert, une maisonnette, une étable, un arc de triomphe, une colonnade et tout cela si prés à prés, qu'on pourrait le dessiner sur une feuille de papier. A quoi sert une plume quand il faudrait avoir des milliers de styles à sa disposition et que le soir on se sent épuisé de fatigue, de surprise et d'admiration? Rome est une grande école où chaque jour dit tant de choses, qu'on n'ose en parler. On ferait bien de séjourner ici pendant plusieurs siècles dans un silence pythagorien»*.

28 декабря 1879 г./9 января 1880 г.

Гулял сегодня один и провел около двух часов в св. Петре. Больше всего меня поражает величие и красота архитектуры. Из могильных памятников удивительно хорош мавзолей Стюфтов[?] Кановы. Большинство других мне не особенно нравится. Но что совсем не хорошо, так это знаменитая бронзовая статуя Петра; она похожа на языческий идол.

Сегодня я собирался пойти в оперу, но по случаю годовщины смерти короля все театры закрыты.

29 декабря 1879 г./10 января 1880 г.

Каких трудов мне стоит отделываться от разных господ, которые делают мне честь желать моего знакомства. Нашлись у меня тут два старых знакомых, встречи с которыми я не мог избегнуть. Вероятно, от них многие узнали, что я здесь. Посланница, г-жа Икскуль, пожелала непременно, чтоб я у нее был. Когда я изъявил решительный отказ, то она просила моего знакомого, по крайней мере, устроить у него вечер, на коем она могла бы меня видеть. Я сказал, что если еще раз об этом со

* «Всюду в других местах нужно искать достопримечательности, здесь же ими п о д а в л е н ы, п е р е г р у ж е н ы. На каждом шагу дворец, развалина, сад, пустошь, домик, хлев, триумфальная арка, колоннада, и все так близко друг к другу, что можно зарисовать это на одном листе бумаги. Но что может сделать одно перо, когда нужны миллионы грифелей, и к вечеру чувствуешь себя изнуренным от усталости, удивления и восхищения? Рим—это великая школа, где каждый день говорит столь много, что не осмеливаешься об этом и сказать. Хорошо бы пробыть здесь многие века в пифагорейском безмолвии» (Гете, «Путешествие по Италии», запись 7 ноября 1786 г.).

мной заговорят, то я тотчас же уеду. Здешний пианист С г а м б а т и тоже пристает с знакомством. Но музыканты для меня хуже всего. В прежнее время, года четыре тому назад, я бы, вероятно, сделал над собой усилие, пошел бы и к Сгамбати и даже, может быть, к г-же Икскуль. Я считал своим долгом бороться с болезненною нелюдимостью; теперь я даже не могу бороться, да и нисколько не стыжусь этого. Опыт научил меня, что это совершенно излишнее и [ни] к чему не пригодное самотерзание.

Это письмо я адресую в Браилов, а следующее куда? Полагаю, что около шестого, тотчас по отъезде Ваших мальчиков, Вы уедете.

Сегодня был вдвоем с Колей в Casino виллы Боргезе. Там имеются хорошие вещи Кановы.

Будьте здоровы, милый, несравненный друг. Дай Вам бог всякого счастья на Новый год.

Ваш П. Чайковский.

200. Чайковский—Мекк

1879 г. декабря 31—1880 г. января 3. Рим.

Рим.
31 декабря 1879/12 января 1880 г.

Сегодня погода неважная; дует холодный, северный ветер. Может быть, поэтому я в очень тоскливом расположении духа. Ходил в Ватикан смотреть внимательно на некоторые из виденных в прошлый раз картин, но остался совершенно холоден и менее, чем когда-либо, чувствовал себя способным воспринимать художественные красоты Рафаэля или Доменикино.

Думаю о России, о разных дорогих мне личностях, разделенных от меня таким дальним расстоянием, и испытываю желание перелететь туда. Отчего нашла на меня именно сегодня эта ностальгия * по отечеству? Думаю, что это потому, что сегодня канун нового года и что хотелось бы встретить его в кружке ближайших родных, собравшихся в Петербурге. Я имею об них грустные известия. Танина болезнь, необходимость отказаться от всяких предположенных удовольствий, перспектива поездки за границу (куда весной сестра хочет ехать с Таней) и разлуки с младшими детьми, все это действует на сестру очень неблагоприятно.

---

* Nostalgie (*фр.*)—тоска по родине.

Вечером

Сейчас получил от брата Анатолия очень грустные известия. И Таня и сестра очень серьезно больны. Дошло до того, что пришлось созывать целый консилиум из трех очень знаменитых докторов. Эти господа решили, что страдания сестры происходят от оторвавшихся почек (что уже и прежде было констатировано, но не достаточно определенно), которые производят давление на различные внутренние органы, вследствие чего крайнее раздражение последних, боли в боку, расстройство нервной системы. Кроме того, они признали сестру отравленной неумеренным употреблением морфина. Ее заперли, никого к ней не пускают. Совершенно запрещены всякие выезды, предписан безусловный покой и энергическое лечение. У Тани катиталь ный катарр желудка. А тут еще замешалась романическая история. Сестра надеялась, что выезды в свет заставят Таню охладеть в ее увлечении. Теперь уж на это нечего рассчитывать. Она страшно упала духом. Я просто трепещу за будущее!

Ваш. П. Чайковский.

2/14 января 1880 г.

Мы встретили новый год с книгами в руках. Мысленно я пожелал вам, дорогой мой друг, всяких земных благ: во-первых, конечно, здоровья; во-вторых, успеха в Ваших делах и в особенности, чтобы Ваше брайловское хозяйство, наконец, стало на твердую ногу; в-третьих, в случае путешествия за границу, чтобы на сей раз Вы избегли всяких неприятностей и невзгод; в-четвертых, чтобы были счастливы и довольны все близкие Вашему сердцу. Озираясь на протекший год, я должен спеть гимн благодарности судьбе за множество хороших дней, прожитых и в России и за границей. Я могу сказать, что за весь этот год я пользовался ничем не смущаемым благополучием и был счастлив, насколько счастье возможно. Конечно, были и горькие минуты, но именно минуты, да и то на мне только отражались невзгоды близких мне людей, а собственно я лично был безусловно доволен и счастлив. Это был первый год моей жизни, в течение которого я был все время свободным человеком. И всем этим я обязан никому иному, как Вам, Надежда Филаретовна! Призываю на Вас всю полноту благ, какие только возможны на земле.

Сегодня с Модестом смотрел статуи в Ватикане. Их так много, что я очень утомился.

3/15 января 1880 г.

Милый друг! Позвольте мне обратиться к вам с нижеследующей убедительной просьбой; она касается моих финансов. Я бы попросил Вас, если это Вам не причинит никакого беспокойства, распределить следующим образом мои бюджетные суммы: 1) февральскую сумму я бы хотел получить в самом близком будущем, приблизительно около 15 января, 2) апрельскую сумму—1 марта, 3) июньскую—1 апреля и 4) августовскую—1 мая. Или же не угодно ли Вам будет теперь прислать мне разом февральскую и апрельскую, а 1 апреля—июньскую и августовскую. Решаюсь беспокоить Вас этой просьбой на том основании, что теперь я в деньгах буду нуждаться, летом же они мне вовсе не нужны. Затем с 1 октября распределение бюджетной суммы пойдет по-старому. Ради бога, извините меня; мне очень досадно и совестно, что я не умею справляться со своими столь значительными средствами, не беспокоя Вас. На этот раз я даже не имею того оправдания, что пребывание со мной Модеста влечет меня к увеличению расходов; напротив, его сообщество способствует скорее к сокращению моих трат, это просто неисправимая и постыдная в мои годы безалаберность. Как бы то ни было, но я прошу у Вас убедительно извинить меня и, если возможно, исполнить мою просьбу.

Пишу Вам с несносною зубною болью, которая уже несколько дней сряду меня понемножку беспокоила, но сегодня напала с большей силой и на минуту не прекращается. Вероятно, я простудился. Погода в последние дни испортилась. Депешу Вашу получил сегодня утром и премного Вам за нее благодарен. Я никак не предполагал, что Вы так скоро уедете. Одно мое письмо Вас не застанет уже в Браилове, и надеюсь, что Вам перешлют его.

Я имею известие, что сюита моя будет играться еще раз в концерте в пользу фонда. Таким образом Вы услышите ее. Бесконечно радуюсь этому. Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг!

Ваш П. Чайковский.

1880 год

201. Мекк—Чайковскому

Москва,
7 января 1880 г.

Милый, дорогой, несравненный друг! Наконец я добралась до Москвы, и здесь мне очень, очень грустно. Во-первых, на другой день приезда я должна была расстаться с своими мальчиками; во-вторых, на днях отправляю в Петербург и маленьких мальчиков, и, наконец, во всех отношениях мне в Москве неуютно, непривольно, и т е п е р ь я Вам о ч е н ь завидую, милый друг мой....

Дорогой мой, я еще Вас не поблагодарила за моего приемыша Пахульского, за рекомендательные письма, которые Вы ему дали, и вообще за всю Вашу доброту и милость к нему; от всего сердца благодарю Вас, мой несравненный, за все эти доказательства Вашей дружбы ко мне. Я не надеюсь, чтобы я могла Вам чем-нибудь отслужить за это, но благодарность моя глубока и искренна.

Теперь скажу Вам о его похождениях в Москве. Прежде всего надо сказать Вам, что мы совместно решили только в самом крайнем случае воспользоваться Вашими письмами, поэтому вчера он поехал (без письма) к Рубинштейну и, к великому счастью, нашел его в таком милостивом расположении духа, что он сам ему посоветовал заниматься частным образом у Гржимали и у Губерта, не поступая в консерваторию, а в августе держать экзамен. Это я нахожу отличным, чтобы н е поступать в консерваторию, потому что она ни для кого не привлекательна, а для человека, более или менее развитого и вкусившего сладость свободы, с о в с е м н е в о з м о ж н а, и я для Пахульского очень не желаю этого поступления. Таким образом теперь пока все устроилось очень хорошо. От Рубинштейна он был у Гржимали, который также был очень любезен, сегодня поедет к Губерту; тот, говорят, болен. Конечно, Пахульскому будут стоить довольно дорого эти частные уроки, но так как он живет у меня, то он почти все свое жалованье может употребить на это дело, и лучше, чтобы оно шло на полезное занятие.

Теперь еще благодарю Вас бесконечно, безгранично, мой милый горячо любимый друг, за новый дар, за посвящение мне сюиты. Говорить Вам, как приятна, как дорога мне эта ласка от Вас, я думаю, излишне. Вы знаете и, конечно, не сомневаетесь, мой дорогой, я о ч е н ь довольна тем, что Вы не выставили этого на сочинении, потому что, конечно, это обратило бы на себя внимание, а Вы знаете, как я не люблю обращать н а с е б я и в особенности на нас чье-нибудь внимание. Благодарю еще, благодарю за все, мой прелестный, бесподобный друг....

Прошу Вас, милый друг мой, передать Модесту Ильичу, что я его очень, очень благодарю за поздравление и доброе желание. Меня очень тронуло его внимание, от души желаю ему также в этом новом году всего хорошего и скорого окончания его труда, который меня очень интересует. До свидания, дорогой мой, бесценный. Всем сердцем всегда Вас любящая

П. ф.-Мекк.

Юля искренно благодарит Вас за память об ней и шлет Вам сердечный привет. Влад[ислав] Альб[ертович] сам будет Вам писать.

202. Чайковский—Мекк

1880 г. января 7—8. Рим.

Рим.
7/19 января 1880 г.

Милый и дорогой мой друг! Провожу очень грустные дни; чувствую себя нехорошо и в физическом и в нравственном отношении. Во-первых, я, должно быть, порядком простудился, ибо вот уже несколько дней не могу поправиться. У меня несносная зубная боль, боль головы, ревматическая боль в ноге, бессонница и общее ненормальное состояние здоровья. Во-вторых, я получил самые грустные известия из Петербурга. И Таня и сестра больны. Обе они до того слабы, что доктора не находят возможным, чтобы они могли поправиться в скором времени. Их посылают на юг, по всей вероятности, в Ниццу, как только состояние здоровья позволит им пуститься в путь. Лев Васильевич провожает их. Меня и Модеста они убедительно просят соединиться с ними, что мы, конечно, и сделаем. Теперь я жду телеграммы, которая должна меня известить о дне их выезда и о месте, в котором они будут жить. Я поеду приготовить им помещение. Разумеется, я буду рад их видеть, но при каких грустных обстоятельствах!

8/20 января 1880 г.

Боже мой! Что может быть справедливее той истины, что неприятные вести всегда приходят вереницей. Сейчас получил письмо от брата Анатолия, из коего узнаю, что мой отец очень болен. В течение трех дней он был безнадежен: лежал в сильнейшем жару, метался, никого не узнавал, не мог говорить, и, по выражению брата, на лице его выражалось сильное страдание. Его считали столь близким к концу, что даже решились не телеграфировать нам о болезни, так как рассчитывали, что мы все равно его не застанем. Но, повидимому, его удивительно здоровая натура берет и на этот раз свое. В день письма Анатолия отцу было лучше, а так как с тех пор никакой

телеграммы мы не получили, то, значит, он выздоравливает. Но можно себе представить, какие следы оставит эта болезнь в его годы! А какие страдания испытывала бедная моя сестра с больной дочерью на руках и видя отца опасно больным. Анатолий пишет, что Тане лучше, но она до того слаба, что об отъезде еще и думать нечего. Теперь, милый друг, скажу Вам, что и я все еще не могу поправиться, никуда не хожу, ничего не делаю и хандрю. Модест тоже нездоров и тоже простудился. Коля сильно кашляет, и завтра мы хотим посылать за доктором. Словом, переживаю невеселые дни.

Дай бог получить от Вас добрые вести, а главное, что Вы здоровы и твердо переносите предстоящую или уже совершившуюся разлуку с младшими детьми. Поступили ли они уже в Училище?

До свиданья, дорогой друг. Авось следующее мое письмо будет повеселее.

Ваш П. Чайковский.

203. Чайковский—Мекк

Рим.
11/23 января 1880 г.

Третьего дня вечером я получил известие, что отцу моему очень худо. Мне показалось очень эгоистичным и бессердечным наслаждаться спокойною жизнью здесь, когда все мои близкие и родные в такой тревоге в Петербурге. Кроме того мне о ч е н ь, о ч е н ь хотелось застать еще в живых отца. Чтобы уяснить все это, я телеграфировал в Петербург к зятю, Льву Васильевичу, чтобы он решил, ехать ли мне сейчас же в Петербург. На всякий случай я известил и Вас, мой дорогой друг, о возможности моего отъезда. Но вчера утром пришла депеша, извещавшая меня о смерти отца, и тут же в ответ на мою телеграмму было сказано, что ехать в Петербург меня не просят. Таким образом я решился оставаться покамест здесь. Но так как меня очень преследует мысль, что я своим появлением в Петербурге могу принести некоторое утешение и радость всем моим близким, то предполагаю возвратиться в Россию раньше, чем думал, т. е. в феврале. В этом смысле я вчера и телеграфировал Вам. Прошу Вас извинить меня, мой дорогой друг, за то, что своими телеграммами я, может быть, обеспокоил Вас в такое время, когда у Вас самих новая забота и разлука с младшими сыновьями.

Здоровье мое все нехорошо. Неотступно преследующую меня зубную боль невралгического характера и непостижимую ревматическую боль в ступне ноги, мешающую мне сво-

бодно ходить, я не могу объяснить иначе, как сильной простудой, соединенной с нервным расстройством.

Будьте здоровы, мой милый друг.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

204. Мекк—Чайковскому

Москва,
11 января 1880 г.

Дорогой, несравненный друг! Как мне жаль Вас, как искренно я сочувствую Вашему горю. Конечно, Ваш отец был в таких летах, что потеря его не явилась неожиданностью, но я знаю, как Вы его любили, и знаю, что вам очень горько его потерять. Дай бог, чтобы Ваше здоровье нисколько не пострадало от этих волнений....

С каким страстным энтузиазмом вспоминает об Вас Пахульский здесь, после своих свиданий с здешними тузами, в особенности после Губерта, который встретил его, конечно, с большою важностью и при первых словах объявил ему, что он так занят, что ни за какую цену не может давать уроков, что если бы ему предлагали сто рублей (!!!) за урок, то он и тогда не поехал бы, но в конце концов смягчился и сказал, что он согласен давать Пахульскому один урок в неделю, но даром этого делать не будет и меньше пяти рублей взять не может, а вчера при первом уроке объяснил ему, что недурно было бы, если бы Пахульский на первое время брал два урока в неделю, и на ответ того, что он очень этому рад, спросил не трудно ли ему платить за два урока, на что тот ему ответил, что он получает довольно большое жалованье и может все его употребить на уроки. Принимая все эти впечатления, вспоминая о Вас и сравнивая всех этих тузов с Вами, он заканчивает свои восторги словами: «Боже мой, что это за человек! Вся здешняя ватага его пальца не стоит, и как он деликатен, человечен!». Да, это так человек.

Вчера я пробовала с Данильченко в четыре руки нашу сюиту, милый друг мой. То, что мы сыграли, восхитительно, но трудно очень, но я, конечно, все-таки буду работать над нею. У меня только для Ваших сочинений и есть терпение, потому что оно вполне вознаграждается. Моя жизнь здесь еще не вошла в свою обычную колею....

Милочка начинает учиться на фортепиано. Вообразите, какая романическая у нее любовь к Вам, Петр Ильич. Она хранит конверты от Ваших писем на память. До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы и спокойны. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

205. Чайковский—Мекк

Рим,
1880 г. января 12—13. Рим. 12/24 января 1880 г.

Сегодня утром я получил письмо от Colonn'a. Письмо очень любезное и милое, но в нем он извещает меня, что за в-

т р а, 13/25 идет в Châtelet моя симфония. Меня это до-нельзя, до крайности огорчило. Если б хоть одним днем раньше он мне написал, то я бы поспел еще отправиться и во-время приехать в Париж. Конечно, C o l o n n'a я винить не могу, ибо, желая обеспечить за собой инкогнито, я ему писал, что здоровье мне мешает присутствовать при исполнении моей симфонии, и он не обязан был хлопотать, чтобы письмо его пришло во-время. Но мне так досадно, что от меня ускользнул единственный случай прослушать мою симфонию. Я так радовался этому случаю, обещал себе такое наслаждение присутствовать при исполнении ее никем не знаемый и не замеченный! Полагаю, дорогой друг, что он и Вас известил не во-время, ибо Вы, наверное, предупредили бы меня. Нечего делать. Во всяком случае, я очень тронут сочувственными словами C o l o n n'a и рад, что симфония пойдет. Как мне благодарить Вас, мой милый друг, за это благодеяние. Я знаю, что симфония большого успеха иметь не будет, но она заинтересует многих, а это очень важно для распространения моей музыки, которого я не могу не желать всеми силами души.

Получил два часа тому назад Вашу телеграмму. Благодарю Вас!

Погода стоит скверная и очень холодная. Вчера выпал снег и пролежал всю ночь. Я уже имею некоторые известия о болезни отца. У него был сильный припадок лихорадки, после которой рассудок его помрачился, и доктор подозревал разжижение мозга. Последние известия от 6 января. В этот день он хотя почти всех узнавал, но говорил несвязные речи и все ловил что-то руками.

13/25 января 1880 г.

Сейчас получил разом и Ваше письмо, и «Русскую старину», и телеграмму от C o l o n n'a. Последняя гласит следующее: «S y m p h o n i e t r è s b i e n a c q u e i l l i e, g r a n d s u c c è s p o u r A n d a n t e e t s u r t o u t p o u r S c h e r z o. S u i s h e u r e u x v o u s a n n o n c e r c e t t e b o n n e n o u v e l l e. E c r i r a i d e m a i n»*.

Это, разумеется, мне очень приятно, и я опять благодарю Вас, Надежда Филаретовна, за все, за все.

Я живо представлял себе и до Вашего письма грустные чувства, которые Вы должны были испытать по поводу разлуки с милыми Вашими сыновьями. Но это горе, которое носит в за-

* «Симфония очень хорошо принята, большой успех имели Анданте и в особенности Скерцо. Счастлив сообщить Вам эту хорошую весть. Напишу завтра».

родыше и много радостей. Сколько счастья принесет Вам их приезд на страстной и на каникулы.

Радуюсь успешному устройству уроков Владислава Альбертовича. Дай бог ему всякого успеха. Будьте здоровы, дорогой друг!

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

206. Мекк—Чайковскому

1880 г. января 14—15. Москва.

Москва.
14 января 1880 г.

Милый, бесценный друг! Вообразите, что я Ваше письмо от 3 января получила только двенадцатого, в субботу, и поэтому никак не могла получить денег из банка раньше вторника, 15 января. Из этого Вы видите, мой дорогой, что я не виновата за просрочку присылки перевода. Я не понимаю, где пропадают письма; в девять дней можно из Бразилии получить письмо, а тут получаешь из Рима, да и то еще вечером. Я была в затруднении, послать ли всю сумму в лирах, или частию и в рублях, так как Вы в феврале предполагаете приехать в Россию, но я все-таки решилась послать все в лирах; не знаю, угадала ли я.

Как Вы счастливы, что находитесь в тепле, милый друг. Здесь так холодно, что тоска берет.

В воскресенье мы слушали «Лебединое озеро». Что за прелесть эта музыка, но постановка балета очень плоха. Я уже видела его и раньше, но теперь было сказано в афише, что он вновь поставлен с у л у ч ш е н и я м и и у к р а ш е н и я м и, и между тем все так бедно, сумрачно. То ли дело в Вене, прелестно, роскошно: освещение сцены великолепно, костюмы блестящи, декорации, машины, все отлично. Здесь же, наоборот, все дурно, и в хореографическом отношении очень плох этот балет. Прелестная музыка русского танца совсем пропадает в этой смеси французского с нижегородским самого танца, который есть просто балетный solo с русскими ухватками в иных местах. Лучше всего сочинен венгерский танец, и публика потребовала повторения. Театр был совсем полон, хотя шло на бенефис балетмейстера Ганзена и были полуторные цены.

Как я рада известию, что н а ш а сюита будет еще исполняться. Как мне хочется ее слышать. Сейчас прочла в афише о восьмом симфоническом собрании, в котором будет играть Auer и петь какая-то Альбини. Оркестр будет исполнять Моцарта и Шуберта [1].

Сейчас Пахульский поехал к Юпитеру Григорьевичу просить его позволения представиться его брату и взять его в свой класс*. Быть может, и согласится. Говорят, что громовержец стал теперь несколько тише, даже решился Устав издать [2]. Губерт с своею супругою был в балете «Лебединое озеро».

15 января.

Поздравляю Вас, милый, бесценный друг, с успехом н а ш е й симфонии в Париже. Как я рада, как я счастлива! Какой молодец этот Colonne,

* Смысл фразы: В. А. Пахульский просил Н. Г. Рубинштейна принять Г. А. Пахульского в свой класс.

что так скоро ее исполнил. Все это время с нашего отъезда и до сих пор в Париже, в Châtelet играли только «Damnation de Faust», и это, вероятно, для того, чтобы иметь время приготовить нашу симфонию.

Не знаю, верно ли Вам передал телеграф депешу Colonn'a ко мне, поэтому повторяю ее еще здесь. Он пишет: «Symphonie très bien acqueillie, grand succés pour Andante et surtout Scherzo. Suis heureux vous annoncer cette bonne nouvelle. Ecrirai demain. Colonne»*. Письма я еще не получила. Кроме нашей симфонии, исполнялись в Париже Ваш квартет и «Sérénade Melancolique» для скрипки. Это исполнялось в Société Sainte-Cecile, устроенном парижскою скрипачкою M-lle Marie Tayan, которая постоянно в этих концертах выставляет Ваши сочинения, и рецензент, разбирая их, заканчивает статью следующею фразою: «Tout cela, du reste, est le fait d'un musicien de haute valeur mais qui semble encore chercher sa voie»**. Потешные эти французы: ни в одном из Ваших оркестровых, ни камерных сочинений не слышно ни малейшего колебания, ни шаткости, ни неуверенности, все они вполне самостоятельны, определенны, самобытны.

Только в Ваших первых фортепианных сочинениях слышен еще неустановившийся характер и то в очень немногих и не в хронологическом порядке; так, например, Valse, посвященный Доору, кажется, одно из первых сочинений, а как оригинален, самобытен. А эти французы все, чего они сами еще не понимают, приписывают неустановившемуся направлению.

До свидания, мой милый, несравненный друг. Всею душой неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

207. Чайковский—Мекк

1880 г. января 16—17. Рим.

Рим.
16/28 января 1880 г.

Милый и дорогой друг! Благодарю Вас за сообщение мне депеши Colonn'a. Вы увидите из моего письма, что она есть дословное повторение той, которую он послал мне. Мне не нужно Вам говорить, до какой степени меня радует, что симфония понравилась. Мне было бы так неприятно, если б Ваши заботы о парижском ее исполнении увенчались неуспехом! Впрочем не нужно вполне доверяться словам Colonn'a. Мне кажется, что по свойственной ему деликатности он несколько преувеличил успех, т. е. написал об нем не совсем так, как было, а так, как ему хотелось, чтобы было. Но и то хорошо, если симфония имела некоторый успех. Для французов и это очень много. Я думаю, что из письма, которое я теперь жду от Colonn'a, мы увидим настоящую степень успеха. Вы спросите, друг мой, почему я пессимистически отношусь к известию

* «Симфония очень хорошо принята. Большой успех имели Анданте и в особенности Скерцо. Счастлив сообщить Вам это хорошее известие. Напишу завтра. Колонн».

** «В конце концов, все это произведения большого музыканта, но он как будто еще отыскивает свой путь».

о б о л ь ш о м успехе?—Потому, что я решительно не могу себе представить, чтобы масса французской публики, которая и к своим композиторам (например Сен-Сансу) недоброжелательна, как ко всему новому, могла остаться довольной моей симфонией. Мне кажется, что первая часть должна была их привести в некоторый ужас; Andante могло быть принято без знаков неодобрения, финал должен был показаться пошлым и плоским (такое впечатление на них всегда производят сочинения, основанные на русской песне, например, «К а м а р и н с к а я»), и только Скерцо, благодаря эффектному звуку оркестра, могло действительно понравиться [1]. Но в чем я нисколько не сомневаюсь, так это в том, что симфония моя должна была заронить в избранные души искру симпатии к моей музыке. Этого мне только и нужно. Я не могу и не умею нравиться массам. Я замечал, что те из моих сочинений, которые я писал с наибольшей любовью и старанием, обречены сначала на неуспех или на полууспех и только понемножку о т и з б р а н н ы х д у ш они переходят в понимание масс.

Вы пишете мне о Микель-Анджело, Рафаэле и других свое мнение и подозреваете, что в некоторых своих частях оно покажется мне странным и возбудит неудовольствие [2]. Милый друг! Мне нужно только одно—чтобы Вы всегда и обо всем высказывали мне свои мысли, нисколько не стесняясь тем, что они могут быть не по вкусу. Во-первых, я вовсе не авторитет в деле пластических искусств, напротив, я довольно туп на усвоение красот живописи и скульптуры, а во-вторых, мне, напротив, всегда удивительно приятно читать в Ваших отзывах об искусстве Ваше д е й с т в и т е л ь н о е мнение. Вы один из немногих людей, имеющих смелость высказывать во всей своей искренности именно то, что Вы думаете, а не то, что п р и н я т о думать. Vous avez le courage de vos opinions*, и вот почему я никогда не оскорблюсь ни тем, что Вы неодобрительно отзоветесь о Моцарте, ни тем, что Рафаэль, которого я так люблю, Вам вовсе не нравится. Невозможно, чтобы два человека, как бы ни были родственны их натуры, смотрели на все явления из мира искусств одними глазами. Есть тысяча других точек, на которых наши с Вами симпатии и антипатии соприкасаются так близко!

Что за грандиозное произведение Микель-Анджеловский «М о и с е й»! Я уже несколько раз подолгу засматривался на эту статую и каждый раз проникаюсь все большим и большим благоговением к ней. Это, в самом деле, задумано и исполнено гением первого разряда. Говорят, что в ней есть кое-какие

---

* У вас есть мужество отстаивать свои взгляды

неправильности! Это мне напоминает старика Фетиса, который отыскивал у Бетховена неправильности и с торжеством объявляет, что он нашел в Героической симфонии обращение аккорда, которое le bon goût* не дозволяет.

А не правда ли, что Бетховен и Микель-Анджело очень родственные натуры?

Здоровье мое теперь хорошо. Я начал делать эскизы итальянской фантазии на народные темы [3]. Хочу написать что-нибудь вроде испанских фантазий Глинки [4].

17/29 января 1880 г.

Испытал сейчас величайшее удовольствие. Был в вилле Ludovisi. Не знаю ничего прелестнее этой виллы. В ней (если помните) есть замечательный павильон с статуями, из коих многие очень замечательны, кроме того казино с знаменитыми плафонами Гвидо («Аврора», и «La Renommée»), с чудным видом на Рим и все окрестности, но, главное, при этой вилле есть сад удивительно роскошный, обширный, живописный и пустынный. В виллу пускают раз в неделю, и англичане толпятся в тех местах, на которые указывает Бедекер, т. е. в казино и в павильоне, в саду же никого нет, и я совершенно одиноко провел два часа среди тенистых аллей сада. Ввиду всех испытанных мною в последнее время треволнений, я ни в чем так не нуждался, как в восприятии наслаждений, доставляемых природой. Эта прогулка имела на меня в высшей степени благодетельное влияние.

Не попалась ли Вам на глаза некрологическая заметка о моем отце, помещенная в «Голосе»? [5] Она мне понравилась тем, что в ней упомянута характеристическая черта его, т. е. доброта души его, которую без преувеличения можно назвать ангельской.

Будьте здоровы, дорогой и милый друг мой.

Ваш П. Чайковский.

17/29 января 1880 г.

Получил сейчас дорогое письмо Ваше от одиннадцатого, и мне хочется прибавить к моему письму следующее.

Вы пишете мне про устройство занятий Влад[ислава] Альберт[овича]. Я очень рад, что дело это приведено в порядок. Что касается Губерта, то мне бы хотелось, мой милый друг, чтобы Вы изменили свой взгляд на него. Я его знаю еще с Петерб[ург-

---

* хороший вкус

ской] консерватории, где мы вместе учились, и могу Вам сказать с полным убеждением, что он о ч е н ь д о б р ы й, у м н ы й, з н а ю щ и й и ч е с т н ы й ч е л о в е к. Его недостаток: б е с х а р а к т е р н о с т ь и о т с у т с т в и е в с я к о й э н е р г и и. Как преподаватель, он немножко педант, немножко скучен, но в высшей степени добросовестен, и поверьте, что он может быть в высшей степени полезен Влад[ославу] Альб[ертовичу], если только последний сумеет сквозь многословную и подчас убийственно скучную речь Губерта оценить его действительные достоинства. Губерт очень выигрывает от ближайшего знакомства. Для меня очень понятно, почему он сначала так неохотно отнесся к предложению Пахульского давать ему уроки. Когда, как у Губерта, имеется более тридцати часов теоретических занятий в консерватории, то поневоле на человека, пришедшего просить уроков, смотришь как на недруга и прежде всего хочешь от него отделаться. Потом ему стало совестно отказывать в своей помощи человеку, стремящемуся серьезно учиться, и он смягчился. А после ему Н[иколай] Гр[игорьевич], вероятно, посоветовал давать В[ладиславу] А[льбертовичу] два урока в неделю, не стесняясь требовать пятирублевой платы, так как он живет в Вашем доме и пользуется Вашим покровительством. Я уверен, что это так было.

Мне бы хотелось, чтобы Пахульский имел д о в е р и е к Губерту; без д о в е р и я к учителю не может быть успеха. Между тем Губерт и как учитель и как человек достоин всякого уважения. Я всегда очень уважал его з н а н и я и нередко советовался с ним по поводу моих сочинений.

До свиданья, мой дорогой друг.

Ваш П. Чайковский.

208. Чайковский—Мекк

1880 г. января 19—21. Рим.

Рим,
19/31 января 1880 г.

Провел сегодня ужасную ночь. Нервы мои оказываются опять очень плохи. Мне казалось, что я умираю,—до такой степени были ужасны ощущения, которые я испытывал. К утру заснул, но тревожным и не восстановляющим сном. Весь день чувствую себя очень нехорошо.

Сегодня начался карнавал. Я нанял места на балконе на Корсо, в особенности для Коли. Мне это беснование мало понравилось, может быть, оттого, что я сегодня нездоров и все меня

раздражает. Мне бы хотелось очутиться где-нибудь в совершенной пустыне.

Сейчас получил, наконец, письмо от Анатолия с подробной историей болезни и смерти отца. Рассказ этот очень трогателен. Я много плакал, читая его, и мне кажется, что эти слезы, пролитые по поводу исчезновения из этого мира чистого и одаренного ангельской душой человека, имели на меня благодетельное влияние. Я чувствую в душе просветление и примирение [1]. По выражению брата, «у н е г о б ы л о с о з н а н и е с м е р т и, н о п о к о й н о е и с в е т л о е».

21 января/2 февраля 1880 г.

Сегодня утром я получил Ваше письмо со вложением перевода, за что приношу Вам, бесценный друг мой, бесконечную благодарность. Не беспокойтесь насчет того, что в случае раннего моего выезда в Россию у меня останутся лиры. Мне указали здесь очень хорошего менялу, у которого я могу без всякого затруднения купить русские бумажки, причем заплачу за промен очень [не] много.

Я еще ничего не знаю насчет того, сколько останусь. Жду письма из Петербурга с ответом на мой вопрос: нужно ли и приятно ли моим близким, чтобы я сейчас приехал? Дело в том, что для моего здоровья было бы хорошо провести несколько времени в совершенно тихой местности, и меня начинает сильно тянуть в C l a r e n s, где я бы охотно провел недельки три. Впрочем и в Петербург мне хочется. Я нахожусь в каком-то состоянии нерешительности и довольно тяжком нервном расстройстве, хотя сон возвратился.

Обещанного Colonn'ом письма я еще не получил.

Погода сегодня великолепная, и я много думал о том, как бы хорошо и здорово Вам было здесь находиться.

До свиданья, милый друг мой!

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

209. Мекк—Чайковскому

Москва,
21 января 1880 г.

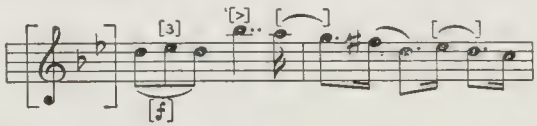
Милый, бесценный друг! Мне также о ч е н ь жаль, что Вы не присутствовали в Châtelet при исполнении н а ш е й симфонии, и говорить, конечно, нечего, как мне жаль, что я не могла быть там при этом случае. Я узнала об исполнении симфонии на другой день после того, как это произошло, т. е. играли ее в воскресенье 13 января, а в понедельник я получила телеграмму от Colonn'а точно такую, как и Вы, и уже несколько

дней спустя пришло письмо от 20/8-го от Colonn'a, извещающее меня, что симфония имеет быть исполнена 25/13-го в Châtelet. Виною здесь всему—почты и железные дороги, которые творят непостижимые вещи, почему я получаю из Парижа письма на восьмой и девятый день только, а от Вас милый друг, на девятый и десятый. Colonne в своем говорит, между прочим: «Je puis vous dire, Madame, que les artistes de l'orchestre en (de la symphonie) sont très satisfaits et qu'ils ont apportés aux études de cette oeuvre difficile tous le soin et toute la patience imaginable»*. Он пишет мне также, что он писал и Вам, и в заключение своего письма говорит: «Ie regrette, Madame, que vous ne puissiez assister à ce concert où il m'eut été si agréable de vous prouver par notre éxécution en quel estime nous tenons la musique du Maître Russe»**.

Все такие выражения на меня действуют, как м а с л о м п о с е р д ц у. Я так счастлива, что моего дорогого друга и нашего великого русского творца умеют оценить и иностранцы, к тому же весьма неподатливые на всякий прогресс в музыке и весьма завистливые ко всему русскому.

Я никак не ожидала, чтобы Colonne так скоро дошел до исполнения симфонии. Когда я уезжала из Парижа, он говорил, что, вероятно, не ранее февраля возможно будет сыграть ее, хотя он будет стараться сделать это как можно скорее.

Вчера было симфоническое собрание[1]. Я не была в нем. Особенного ничего не было, и я хочу поберечь себя для того концерта, в котором будет играться и а ш а сюита. Я играю ее в четыре руки с двумя музыкантами: Пахульским (Генрихом) и Данильченко. С первым играю secondo, со вторым primo и все не могу хорошенько вслушаться. Она очень трудна и все внимание поглощается разбиранием. Моему ч у в с т в у ужасно нравится Divertimento, в особенности.



Боже мой, какою тоскою охватывает сердце, сколько здесь прожитого, потерянного, похороненного безвозвратно; какой горький вопль души, как много перечувствованного для меня повторяется в этом взрыве и во всей повести дивертисмента. В первом его мотиве слышится какое-то благоразумие, примирение, потом некоторый протест сердца, сожаление и, наконец, неудержимое отчаяние, тоска прорываются сквозь все это. Что за высокое искусство музыка! Какие больно-сладкие минуты оно доставляет человеку, когда в ней он слышит свою жизнь, свои страдания, свои радости и потери. Нет еще искусства, которое доставляло бы человеку такие дорогие слезы, такие несравненные ощущения, как музыка, и в ней нет композитора, который доставлял бы мне так много этих ощущений, как Вы, мой обожаемый друг. В Ваших сочинениях я прохожу в с ю с в о ю ж и з н ь, в с е с в о и ч у в с т в а. Когда я играю или слушаю Вашу музыку, я в с я прихожу в волнение, я всем своим существом участвую в ней, н е п о н я т н о г о для меня нет ничего, не производящего впечат-

* «Я могу Вам сказать, милостивая государыня, что артисты оркестра очень довольны ею (симфонией) и разучивали это трудное произведение весьма тщательно и терпеливо».

** «Я сожалею, милостивая государыня, что Вы не смогли присутствовать на этом концерте, где мне было бы столь приятно доказать Вам, как мы почитаем музыку русского мастера».

ления также ничего, и как я благословляю Вас за эти впечатления. Если за них надо отдать полжизни, я с радостью отдам, потому что в них единственное счастье.

Как меня огорчает Ваше нездоровье, дорогой мой. Зачем Вы мало бережете себя; эта зубная боль способна доводить человека до исступления.... Дай бог, чтобы это письмо нашло Вас совсем здоровым....

Знаете, милый друг, что бедный Венявский (Генрих) лежит здесь в Мариинской больнице? Я хотела его взять к себе, но теперь он так тяжело болен, что его перевозить нельзя. Его болезнь (водяная) вступила в свой последний фазис, но сколько времени он проживет, доктора решить не могут, говорят что, быть может, и года два, а может быть, и очень скоро умрет. Жаль его, и семейство у него—пять детей и жена. До свидания, мой милый, несравненный друг. Всем сердцем всегда Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

210. Чайковский—Мекк

Рим.
23 января/4 февраля 1880 г.

Мы переживаем теперь здесь самый разгар карнавала. Я уже писал Вам, милый друг мой, что в первый раз мне очень не по вкусу пришлось это дикое беснование. Теперь я несколько примирился с ним. Конечно, характерность здешнего празднования карнавала обусловлена климатом и древностью обычая; по всей вероятности, римлянину, перенесенному во время масленицы на наши балаганы, еще более дикою показалась бы наша пьяная толпа, катающаяся с гор или вертящаяся на качелях. Когда хорошенько вглядишься в публику, беснующуюся на C o r s o, то убеждаешься, что как бы ни странно проявлялось веселие здешней толпы, но оно искренно и непринужденно. Оно не нуждается в водке или вине, оно вдыхается в здешнем воздухе, теплом, ласкающем. Что за дни стоят чудные! Я беспрестанно мысленно переношусь к Вам и думаю: как бы хорошо Вам было здесь! Не могу себе представить, какое бы впечатление на Вас произвел карнавал. Понравилось ли бы Вам это?

До сих пор увеселения состояли в том, что, начиная с двух часов, на C o r s o начинает двигаться несметная толпа людей, вооруженных мучнистыми шариками (c o r i a n d o l i), которыми друг в друга кидают. Все балконы унизаны людьми, со своей стороны осыпающими проходящих и проезжающих этим шариками. Стоит пройти по C o r s o несколько шагов, чтобы получить со всех сторон такое количество ударов, что все платье делается белым. Иные бьют больно, и единственное средство—проволочная маска, да и то она оберегает одно лицо. Крик, хохот, шум при этом неописанные. Так продолжается до пяти часов. Тут

раздаются пушечные выстрелы, возвещающие Corso dei Barberi. Публика расстанавливается по обеим сторонам улицы, и через несколько времени пробегает несколько взбешенных искусственным образом лошадей, причем нередко случаются несчастья. Не далее, как вчера, на наших глазах первая лошадь свалила с ног полицейского и расшибла, но, к счастию, не убила его. Этим заканчивается празднество.

Сегодня будут по Corso ходить маски, и город выдает лучшим маскам премии. Бросать coriandoli уже запрещается, но можно кидать цветы и конфетти.

По вечерам устраиваются маскарады, иллюминации. Вчера вечером я ходил на Piazza Navona, которая вся была разукрашена великолепными гирляндами из цветов и разноцветных фонарей. Это показалось мне очень красиво.

Я все еще нахожусь в том нервном и раздражительном состоянии духа, о котором писал Вам. Сплю нехорошо и вообще расклеился. Однакож я все-таки успешно работал в последние дни, и у меня вчерне уже готова итальянская фантазия на народные темы, которой, мне кажется, можно предсказать хорошую будущность. Она будет эффектна благодаря прелестным темам, которые мне удалось набрать частью из сборников, частью собственным ухом на улицах.

Очень хочется мне побывать перед отъездом в Россию в Неаполе, но не знаю, удастся ли это. С другой стороны, в Петербурге больная сестра, больная Таня, расстроенный и тоскующий Анатоль. Сердце мое стремится и к ним.

Будьте здоровы, мой несравненный и дорогой друг.

Ваш П. Чайковский.

211. Чайковский—Мекк

Рим.
27 января/8 февраля 1880 г.

Дорогой и милый друг мой!

Вчера я получил от Давыдова (директора консерватории) письмо, в коем он сообщает мне, что к 19 февраля готовится большое представление из живых картин с музыкой. Все русские композиторы принимают участие в сочинении этой музыки и меня убедительно просят написать музыку к седьмой картине. Отказаться нет никакой возможности, и я, согласно просьбе Давыдова, телеграфировал ему, что приму желаемое участие. Партитура должна быть в Петербурге непременно в начале февраля. Музыка возложенной на меня картины должна изобразить «Ч е р-

ногорию в момент появления русского манифеста о войне»!!!! Представьте, как приятно приниматься за сочинение подобного рода музыки! Конечно, скрепя сердце, я свое дело сделаю и сегодня весь день просидел над работой. Но само собою разумеется, что ничего хорошего не может выйти из этого. Досаднее и затруднительнее всего то, что я решительно не знаю, что и как пишут другие. Подозреваю, что все выбрали то, что им больше нравится, а мне прислали то, чего не захотели другие. Но сноситься с Петербургом некогда, и я принялся энергически за дело. Пусть не сетуют, если не угожу [1].

Ваше письмо получил вчера. Премного благодарен за сообщение сведений о симфонии. Радуюсь бесконечно, что сюита начинает Вам нравиться. Мне кажется, милый друг, что когда Вы с ней хорошо познакомитесь, то больше всего Вам понравится Andante, которое я писал с наибольшею любовью.

До свиданья, милый друг!

Безгранично Вас любящий и благодарный

П. Чайковский.

212. Чайковский—Мекк

1880 г. января 31—февраля 2. Рим.

Рим,
31 января/12 февраля 1880 г.

Слава богу, карнавал кончился. В последний день беснование превзошло всякие границы. Общее впечатление карнавала самое для меня неблагоприятное. На меня вся эта суета производила впечатление удручающее, утомляющее и раздражающее. Но я не мог не оценить искреннюю веселость, которая проявляется во всем туземном населении во время карнавала. Заметьте, что я не видел ни одного п ь я н о г о, вообще никаких скандалов, ссор, драк. Шутки бывают иногда сопряжены с болью или с порчею вещей, но я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь рассердился. Во всем этом, как я замечал всегда и прежде, дает себя чувствовать необыкновенно добродушная, кроткая натура итальянца. Погода стояла все время чудная. Весна положительно дает себя чувствовать. Я могу сказать без преувеличения, что каждый светлый согревающий луч солнца напоминает мне Вас, друг мой. Я постоянно переношусь мысленно к Вам и сожалею, что обстоятельства мешают Вам пользоваться благорастворением итальянского климата.

Здоровье мое опять отлично, но только сплю я еще не хорошо. Последнее происходит от утомленных и напряженных нервов.

Я так упорно сидел за работой, чтобы успеть к сроку кончить обещанную Давыдову музыку, что устал невообразимо.

От Анатолия получил письмо. Он просит меня приехать к 1 марта. Я так и сделаю, т. е. останусь пока в Риме, а если получу во-время известие от Colonn'a о вторичном исполнении симфонии (которое он имеет в виду), то съезжу в Париж. В Неаполь вряд ли придется съездить. Во время карнавала Модест запустил свои занятия с Колей, и теперь ему нужно засадить Колю за тетради, а в Неаполе это было бы невозможно. Весьма может статься, что они съездят в Неаполь уже после моего отъезда.

Сестра с мужем, с Верой и Тасей уже уехала в Каменку. Сведения об ее здоровье очень, очень неутешительны. Мне пишут, что она так страшно слаба, худа и бледна, что ее едва узнать можно. Тасю она взяла до осени домой, так как в ее классе ей делать нечего: она перегнала своих подруг. Таня, еще далеко не оправившаяся, осталась лечиться в Петербурге, и сестра рассчитывает, что к началу апреля я отвезу ее в Каменку. Так я и сделаю.

2 февраля 1880 г.

Удивительнейшая погода, совершенно такая, как у нас бывает в мае. Мы ходили сегодня гулять в виллу кн. Волконского, пользующуюся большой известностью. Сад разбит на развалинах древних водопроводов; из него открываются чудные виды на окрестности. Завтра собираюсь в Тиволи.

Сегодня утром находился в большом затруднении. Дело в том, что я собираюсь купить для всего женского персонала семейства сестры подарки. Вам известно, мой друг, что я живу около полутода у них с человеком, что они не настолько богаты, чтобы это им ничего не стоило. Платы с меня брать за содержание они не хотят, следовательно, я могу только ограничиваться хорошенькими подарками. В Риме чудесные ювелирные вещи, вот я и решился выбрать что-нибудь из них. Но так как пришлось мне едва ли не в первый раз в жизни покупать вещи этого рода, то затруднение было бесконечное. Что выбрать? Дорого или дешево просят за такую или другую вещь? Глаза разбегались, но так как вкусу своему не доверяюсь, то ни на что не решился. Послезавтра пойду вместе с Модестом.

Бедный Венявский! Как меня тронуло Ваше внимание к нему, и как Вы добры, мой милый друг! Потрудитесь поблагодарить от меня Пахульского за милое письмо.

Безгранично преданный Вам
П. Чайковский.

Я начал переписывать начисто свой новый фортепианный концерт.

213. Мекк—Чайковскому

[Москва]
2 февраля 1880 г.

Милый мой, бесценный друг! Моя голова опять меня мучила три дня сряду. Сегодня мне немножко лучше, и я спешу написать Вам хоть несколько слов. Посылаю Вам, милый друг, несколько вырезок из газеты «Голос», где Вы найдете достойную, хотя и далеко не полную оценку Ваших бесподобных произведений[1]. Получила я также и письмо от Colonn'a, которое он обещал в телеграмме и с которым он так запоздал, потому что был нездоров. Письмо его, как всегда, мило и симпатично. Он опять говорит qu'il est heureux denotre succès*, и пишет, что в следующей программе он назначит опять Andante и Scherzo, «qui ont obtenu le plus les suffrages du public»**, как он выражается.

В Париже восхищаются симфонией, в Москве и Петербурге—сюитою. Как много человечество Вам обязано за столько наслаждения, дорогой друг мой. А Вы хвораете, как это печально и как это не соответствует тем впечатлениям, которые Вы доставляете другим, и тому блику, которым Вас окружает все расширяющаяся слава. Дай бог, чтобы это письмо нашло Вас совсем оправившимся....

Как меня интересует Ваша итальянская фантазия, милый друг мой. Я ожидаю, что она будет очаровательна, потому что и мотивы итальянские прелестны, и фантазия будет такова, как умеет фантазировать только г-н Чайковский, как говорит рецензент «Голоса». Но вы не пишете, друг мой, в каком виде исполнения будет Ваша фантазия—оркестром или фортепиано, или еще как-нибудь?

То, что Вы мне пишете о Губерте, Петр Ильич, по поводу Пахульского, меня весьма радует. Гораздо приятнее думать о человеке хорошо, чем дурно....

Посылаю Вам, друг мой, концерт и сонату Брамса для скрипки с фортепиано. О концерте уже я Вам писала прошлую зиму из Вены после исполнения его Иоахимом, что он мне не понравился [2]. О сонате я бы сказала то же самое, если бы имела терпение играть ее дальше первой страницы, но у меня не хватает на это желания, поэтому я скажу, что первая страница сонаты мне не нравится. Вообще я ужасно не люблю Брамса, мне даже физиономия его сочинений не нравится; только и люблю его венгерские танцы. Из немцев я очень люблю Гольдмарка. Знаете ли Вы, Петр Ильич, его квинтет? Я привезла его теперь из Вены; прелестная вещь, хотя не везде самостоятельна. Вообще в нем всегда слышны старые классики, как грунт, на котором вырос этот талант, но и в этой школе у него самобытность, собственная характерная черта, т. е. не музыкально-характерная, а умственно-характерная черта. Есть у него какая-то отвлеченная мечта, какой-то мистицизм, которым он увлекает своего слушателя в этот заоблачный мир, неосязаемый, неопределенный, в котором надо что-то найти, чего человек и сам

---

* что он счастлив нашим успехом
** «которые больше всего имели успех»

еще себе не выяснил. Это есть его свойство, по которому его всегда узнаешь.

В эту субботу назначен ученический вечер в пользу бедных учеников консерватории в зале Благородного собрания [3]. Будут играть все лучшие ученики. Если я буду здорова, то поеду. Собираюсь также съездить в Петербург посмотреть хозяйство моих мальчиков, вероятно, к 19 февраля, потому что тогда их отпустят на три дня.

До свидания, мой милый, дорогой сердцу друг мой, будьте здоровы. Все сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P.S. Сейчас мне Юля сказала, что Ларош начал опять писать в «Русском вестнике» и в номере, который сейчас принесли, он говорит о Вашей литургии [4].

Прошу Вас, Петр Ильич, передать мой искренний поклон Модесту Ильичу.

214. Чайковский—Мекк

1880 г. февраля 4—6. Рим.

Рим.
4/16 февраля 1880 г.

Мы воспользовались вчера чудеснейшей погодой, чтобы съездить в Тиволи. Это одно из восхитительнейших мест, когда-либо мной виденных. Приехавши, мы отправились в A l b e r g o d e l l a S i b i l l a, чтобы позавтракать. Стол был накрыт над крутым обрывом, внизу которого шумел водопад. Со всех сторон виднелись скалы и горы, поросшие оливковым лесом и пиниями. Солнце грело, как в июне. Потом совершили большую прогулку и, наконец, посетили знаменитую виллу d'E s t e, где Лист ежегодно проводит три месяца. Она великолепна, и из парка открываются величественные виды на C a m p a g n a d i R o m a. Вот,—думал я,—если б Надежда Филаретовна могла обладать подобной виллой и часть зимы ежегодно проводить в ней, как бы это было для нее хорошо! Сколь много это укрепляло бы Ваше здоровье, милый друг мой! Возвратились вечером. Все путешествие обходится недорого и очень удобно благодаря недавно открывшейся конно-железной дороге.

Сегодня я посетил галлерею палаццо B o r g e s e, в которой есть несколько c h e f d'o e u v r'o в. Наибольшее впечатление произвела на меня роскошная картина Корреджио «Д а н а я» и некоторые вещи Рафаэля.

Не правда ли, друг мой, что, казалось бы, при таком образе жизни, при стольких чудных впечатлениях и от природы и от искусства нужно было бы блаженствовать? Между тем какой-то таинственный червь почти постоянно грызет мое сердце. Совер-

шенно недоумеваю, что со мной делается, но только я решительно не в своей тарелке и хотя совершенно здоров, но сплю нехорошо и не ощущаю в себе той бодрости и свежести, каких бы следовало ожидать при той обстановке, в которой я живу. Только минутами мне удается отделаться от этого тяжелого нравственного состояния и настоящим образом ценить все неизмеримые блага, которыми я в настоящее время пользуюсь. Боже мой! какая непостижимая и сложная машина человеческий организм! Как ни вглядываешься в себя, а никогда все-таки не разгадаешь всех причин тех разнообразных явлений духовной и материальной жизни, которые следуют друг за другом и беспрестанно меняются. И как провести границу между духовными и физиологическими явлениями нашей жизни? Иногда мне кажется, что я страдаю какой-нибудь таинственной и чисто физической болезнью, которая и обусловливает различные настроения моей души. В последнее время мне все казалось, что у меня сердце не в порядке, но я припоминаю, что не далее, как в последнее лето доктор слушал мое сердце и нашел его а б с о л ю т н о з д о р о в ы м. Приходится все сваливать на н е р в ы, а что такое нервы? И почему в один и тот же день без всякой видимой причины то им угодно действовать правильно и нормально, то размягчаться, терять упругость и энергию и отзываться общим состоянием вялости и нерасположения к труду и к восприятию художественных впечатлений! Все это загадка.

Пишу Вам, имея перед собой великолепный букет фиалок. Их появилось много. Весна понемножку вступает в свои права.

6/18 февраля 1880 г.

Чем более я смотрю на МикельАнджело, тем более удивляюсь ему. Я был сейчас в S. P i e t r o i n V i n c o l i и долго смотрел на «Моисея». Церковь была пуста, ничто мне не мешало погрузиться в глубокое созерцание. Я Вас уверяю, милый друг мой, что мне сделалось страшно. Моисей, если помните, изображен встающим и обратившим голову в ту сторону, где приносится жертва Ваала. Лицо его гневно, грозно; фигура величественна и повелительна. Чувствуешь, что стоит ему встать и произнести слово, и заблуждающаяся толпа станет перед ним на колена. Ничего нельзя себе представить более совершенного, как эта грандиозная статуя. Видно, что у гениального художника форма выразила в с ю его мысль,—нет нигде усилия, нет того и о з и р о в а н и я, которое замечается, например, во всех статуях Бернини, а их в Риме, к сожалению, так много. Сначала я не понимал, почему говорят, что Бернини испортил так много памятников древнего искусства и эпохи возрождения. Сначала

я довольствовался эффективностью поз его фигур. Только мало-по-малу для меня открылось, что даже такая эффектная вещь, как фонтан Т р е в и, грешит изысканностью формы, недостатком простоты и правды. Да! Рим—хорошая школа для развития вкуса к пластическим искусствам, и я в этом отношении сделал огромный шаг вперед.

Я очень доволен книгой, которая попала мне в руки и с которой вот уже второй день я не могу расстаться. Это не что иное, как превосходный французский перевод Т а ц и т а. До сих пор я имел понятие о Таците только по выдержкам из него других писателей; впервые пришлось читать его. Это большой и сильный художник. Еще позвольте Вам рекомендовать мемуары Меттерниха, если их еще не было в Ваших руках.

К о н ц е р т мой понемножку подвигается. Для меня так же непостижима та апатия и неохота к труду, которыми я страдаю в эту минуту, как легкость, с которой я написал эту вещь в Каменке и Париже. Тогда я был нравственно здоров, теперь не совсем. Я думаю, что для меня хорошо будет проехаться, но по разным причинам я еще не могу теперь оставить Модеста и раньше двадцатого не выеду.

До свиданья, дорогой и милый друг.

Ваш П. Чайковский.

Как здоровье Юлии Карловны? Что делает Милочка? Кланяюсь им, а также Пахульскому.

215. Чайковский—Мекк

1880 г. февраля 8—10. Рим.

Рим,
8/20 февраля 1880

Вчера получил Ваше дорогое письмо, дорогой и милый друг. Премного благодарен Вам за вырезки из газет. Знаете ли, что я решительно ничего не знал о том, что делается в музыкальном русском мире, и все это было мне в высшей степени интересно. История с «О п р и ч н и к о м» очень курьезна. Его запретили, ибо находят, что сюжет по теперешнему времени революционный. J e n'ai qu'à m'en féliciter*, ибо я рад всякому случаю, мешающему этой неудачной опере вылезать на свет божий. Но мне жаль бедного Бевиньяни, который, наверное, очень старался и которого за это бранят в газетах [1]. Я тотчас же написал ему письмецо с выражением благодарности.

* Мне остается только поздравить самого себя

Он очень порядочный и честный человек, а главное, большой и искренний поклонник нашей начинающейся школы, а это в иностранце большая редкость. Я радуюсь, что сюита моя понравилась.

Но все эти музыкальные и всякие другие интересы дня теперь стушевались перед картиной грандиозного безобразия, которое представляет в эту минуту наше бедное отечество. Руки опускаются, и уста немеют! Я чуть с ума не сошел от злобы и бешенства по получении известия о новом покушении на жизнь государя [2]. Не знаешь, чему более удивляться: наглости и силе омерзительной шайки убийц или тому бессилию, которое обнаруживает полиция и все, на ком лежит обязанность ограждать и оберегать государя. Спрашиваешь себя: чем это все кончится?—и теряешься. Но только все это нестерпимо больно и горько. С нетерпением жду подробностей.

10/22 февраля 1880 г.

Я начинаю с некоторым страхом помышлять о том контрасте между чудесной весной, которой я наслаждаюсь здесь, и зимой, которую еще застану в Петербурге. Ах, что за божественные дни стоят, мой милый друг, и как бы Вам было теперь хорошо здесь! Целый день и весь вечер я сижу у открытого окна, на улицах появились в продаже в огромной массе фиалки, ходить даже вечером нельзя иначе, как в легком сюртуке. А там еще зима! Но все-таки около двадцатого выезжаю.

У Анатолия опять служебные неприятности, и он поскорее зовет меня в Петербург. Следующее письмо Вы потрудитесь адресовать мне уже в Петербург. До свиданья, друг мой.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Брат Модест глубоко благодарен Вам за то, что вспомнили его.

Итальянская фантазия написана для оркестра.

216. Мекк—Чайковскому

[Москва]
11 февраля 1880 г.

Мой милый, дорогой друг! Благодарю Вас безгранично за Ваши письма, которые я получаю каждые четыре дня. Вы так балуете меня, что мне даже страшно. Спасибо Вам, спасибо, мой бесценный.

Меня очень беспокоило предложенное Вам сочинение к картине для 19 февраля. Успели ли Вы окончить? Довольны ли Вы им? Не слишком ли утомились? Вот вопросы, которые у меня все это время вертятся в голове.

Теперь из вчерашнего Вашего письма я вижу, что Вы устали, но что все-таки здоровье Ваше, слава богу, лучше. Так теперь скажите мне еще, друг мой, отослали ли Вы пьесу уже в Петербург и довольны ли Вы ею?

Рядом с готовящимися торжествами на 19 февраля ожидают и чего-нибудь ужасного. Революция действует все настойчивее, и замечательно, что чем больше их забирают, тем нахальнее они делаются. Теперь Вы, вероятно, уже знаете,что они забрались в самый Зимний дворец, но как бог хранит своего помазанника, так это просто поразительно. Слава богу, что на этот раз злодейство не удалось, но на душе от этого не веселее, не спокойнее, напротив, все ждешь еще худшего; дня 19 февраля все ждут со страхом.

«Glucho wszędzie ciemno wszędzie:
Coto będzie, coto będzie?»*

как начинает Мицкевич одно из своих стихотворений....

От Colonn'a я получила третьего дня, т. е. в субботу, письмо о том, что Andante и Scherzo из нашей симфонии будут исполняться вчера, в воскресенье. Успели ли Вы, друг мой, приехать в Париж к этому дню? Как я жалею, что не могу быть там.

Andante в Вашей сюите прелестно. Скажите, Петр Ильич, отчего Вы назвали вторую часть Дивертисментом? В ней есть такие драматические порывы, от которых, мне кажется, у каждого человека сожмется сердце. Правда, дальше это впечатление рассеивается игривым воздушным мотивом в ré majeur'e, но тем не менее оно было сильно и не может представляться шуточным (divertissant). Я еще до сих пор не вполне ознакомилась с нашею сюитою, потому что редко играю.

Я написала Colonn'у об этом сочинении и также об «Janne d'Arc». Ничего это? Я хочу, чтобы он исполнял и другие Ваши сочинения в будущих сезонах.

Третьего дня мы были на ученическом концерте в зале Дворянского собрания. Это был очень миленький вечер, на котором мне больше всех понравился совсем юный пианист лет пятнадцати или шестнадцати, Зилоти, ученик Ник[олая] Гр[игорьевича]. Он играл марш Шуберта C-dur, знаете, переложенный Листом, и играл великолепно и с такою легкостью, с таким спокойствием, с каким только и может играть р е б е н о к, так богато одаренный природою. На эстраде перебывало очень много учениц и учеников, и, конечно, в с е свое дело исполнили очень хорошо. Из артистов на [*конец письма не сохранился*].

217. Чайковский—Мекк

1880 г. февраля 12—14. Рим.

Рим,
12/24 февраля 1880 г.

Вот уже второй день, что идет нескончаемый дождь. Говорят, что в это время всегда так бывает. Мы так избалованы солнцем и ясными днями, что это производит несколько грустное впечатление. Состоянием здоровья или, лучше сказать, нервов не могу похвалиться: сплю нехорошо и страдаю каждую ночь замираниями. Впрочем попрежнему много хожу и в свои часы зани-

* «Глухо всюду, темно всюду,
Что-то будет, что-то будет?»
(А. Мицкевич. «Dziady»).

маюсь; тороплюсь окончить до отъезда концерт. К прежним занятиям прибавилось уже около месяца новое. Алеша должен летом держать экзамен на льготу, и хотя он знает все, что нужно, но я ежедневно два раза занимаюсь с ним всеми предметами программы.

В доме родителей Модестиного воспитанника в настоящее время разыгрывается очень грустная драма. Колина мать (женщина очень пустая и лишенная сильных материнских инстинктов) еще в прошлом году влюбилась в одного петербургского молодого человека. Все это замечали, все подозревали эту связь, кроме мужа. Недавно муж узнал в чем дело и потребовал развода. Она испугалась, ей страшно стало лишиться своего положения, да и материнское сердце все-таки заговорило. Ей стало казаться возможным все устроить, но муж остался непреклонным, и так как у лютеран бракоразводный процесс очень прост и быстр, то скоро М-me Конради будет разведена с мужем и выйдет замуж за виновника этой семейной драмы. Муж поступил очень сдержанно, просто, благородно и снисходительно. Все это могло бы разрешиться впоследствии всеобщим благополучием, но есть одна темная сторона этого дела. Коля питает горячую привязанность к своей не особенно любящей матери, и Модест решительно недоумевает, как его приготовить к роковому известию. При его нервности и сердечности можно предвидеть, что ему тяжело будет перенести семейный переворот. Модест сильно смущен этой историей. По выражению его, «Коля родился сиротой», т. е. М-me Конради никогда не была для сына любящей и нежной матерью, и в этом отношении Коля ничего не теряет. Но он любит мать, как олицетворение всего прекрасного, он питает к ней какое-то робкое обожание, и страшно подумать, как эта история может поразить его.

14/26 февраля 1880 г.

Сегодня погода опять поправилась, и солнце роскошно сияет на небе. Деревья зеленеют, на Пинчио появляются цветы, словом, опять чудесно. Получил вчера два сочинения Брамса и «Русскую старину». За все это премного благодарю Вас, добрый и милый друг мой. Я очень небольшой охотник до Брамса, но меня обе эти вещи, особенно концерт, очень интересуют, и когда я проиграю их, то выскажу Вам свое мнение. День своего выезда отсюда я назначил на 24 февраля по нашему стилю и 9 марта по здешнему. По дороге остановлюсь в Венеции и в Вене.

Будьте здоровы, друг мой.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

218. Чайковский—Мекк

1880 г. февраля 16—18. Рим.

Рим,
16/28 февраля 1880 г.

Сейчас получил Ваше письмо, мой милый друг! Спешу ответить на него. Заказанную мне Давыдовым музыку я давно написал и отослал. Писал я ее с отвращением, и, разумеется, ничего хорошего не могло выйти, но нельзя и требовать, чтобы самый благонамеренный композитор мог найти что-нибудь заманчивого в таком сюжете, как «Впечатление, произведенное в Черногории русским манифестом». Я очень нашумел барабанами, трombонами—и только. Впрочем, вряд ли предположенное представление при теперешних обстоятельствах состоится.

Вы спрашиваете меня, друг мой, отчего вторую часть сюиты я назвал Divertimento. Вопрос этот живо переносит меня к незабвенным, ни с чем несравнимым блаженным дням, проведенным в Симаках. Вы помните, что я был тогда занят инструментовкой оперы. Однажды после обеда, сидя на балкончике и упиваясь своим счастием и чудными впечатлениями при виде густо заросшего уютного садика, я вспомнил о своей сюите и вдруг сообразил, что в ней все пять частей в двухдольном ритме. Это привело меня в ужас. Что было делать? Я решился тотчас же прибавить небольшую шестую часть в ритме тихого вальса, и так как расположение было самое подходящее, то весьма быстро намерение было приведено в исполнение, и партитура вновь прибавленного номера тотчас отослана к Юргенсону. Я не знал, как назвать новую часть, и выбрал Divertimento, как первое попавшееся название. Мне казалось, что она не имеет большого значения среди других частей и только вклеена в сюиту для того, чтобы спасти ее от монотонности ритма. Я положительно написал ее в один присест и несравненно менее обдумывал и отделывал, чем остальные. Оказывается, что это не мешает ей нравиться больше всего остального, и мнение это я слышу не только от Вас, но и от других. Это только в тысячный раз доказывает мне, что автор никогда не судья своих творений.

Милый, добрый и благодетельный друг мой! Я несказанно благодарен Вам за то, что Вы писали Colonn'у о новых моих вещах, но скажу Вам откровенно: для меня будет в высшей степени обидно и неприятно, если Вы снова материальным образом будете благодарить его за внимание к моим сочинениям. При подобных условиях исполнение моих сочине-

ний, хотя бы и у такого хорошего артиста, как Colonne, не имеет для меня ничего лестного и даже полезного. Поверьте, что та щедрость Ваша, благодаря которой моя симфония была сыграна, не останется в тайне, если будет повторяться то щекотливое соглашение Ваше с Colonn'ом, которое состоялось нынче. Представьте себе, какой благодарный материал для фельетонистов русских газет, охотников до сплетен и личностей, если до них дойдет слух о том, что мои симфонии играются в Париже с усердием, не вполне бескорыстным!? Мне кажется, что Colonne вполне порядочный человек и что он не злоупотребит Вашей бесконечной щедростью и пристрастием Вашим к моей музыке. Но ведь ни за что поручиться нельзя. И на всякий случай я решаюсь просить Вас, чтобы Вы на этот раз рекомендовали ему мои сочинения без поддержки этой рекомендации материальным вознаграждением. В первый раз, как мне ни совестно было, что из-за моей симфонии Вы истратили значительную сумму, я все-таки радовался, что благодаря Вашей дорогой дружбе наша симфония будет известна музыкальной публике Парижа, и был Вам бесконечно благодарен за новое проявление Вашей симпатии к моим сочинениям. Теперь, если б повторилось такое же соглашение, мне было бы только совестно перед Вами и обидно думать, что Colonne лишь при свете кучки золота умеет ценить мои авторские достоинства. А за рекомендацию все-таки благодарю и опять благодарю Вас, милый и бесценный друг!

Я купил из предположенных подарков только браслет для Тани, и мы оба с Модестом трепещем, что он окажется не достаточно изящным. На остальные подарки все еще не могу решиться. Иногда подолгу стою перед окнами магазинов на Condotti или Corso и собираюсь купить чуть не весь магазин, ибо мне все нравится, или, лучше сказать, ничего не нравится в особенности. Мне кажется, друг мой, что Вы напрасно говорите, что ювелирные вещи здесь дороги. Можно купить, как говорят, очень красивые вещицы за не особенно большую плату. Впрочем, я ничего в этом не смыслю и положусь на добросовестность купцов.

У меня замирает сердце при мысли о 19 феврале, но не преувеличены ли страшные слухи о готовящихся ужасах? Льщу себя надеждой, что да! Должен же быть когда-нибудь положен предел этим ужасам! Нельзя же, наконец, взорвать всю Россию?

Таня должна была остаться у тетки своей, сестры Льва Васильевича, но потом и ей и сестре стало так тяжело расставаться, что и она уехала в Каменку. Сестра приехала домой

б о л ь н а я и несколько дней опять пролежала. Теперь пишут, что ей лучше.

18 февраля/1 марта 1880 г.

Концерт Брамса мне точно так же мало нравится, как и все остальное, им написанное. Он, конечно, большой музыкант и даже мастер, но мастерства больше, чем вдохновения. Много каких-то приготовлений к чему-то, много намеков на что-то долженствующее сейчас явиться и очаровать, но ничего из этого не выходит, кроме скуки. Его музыка не согрета истинным чувством, в ней нет поэзии, но зато громадная претензия на г л у б и н у. Однакож в глубине этой нет ничего—пустое пространство. Например, возьмем начало концерта. Оно красиво как вступление к чему-то, это отличный пьедестал для колонны, но самой колонны нет, а тотчас за одним пьедесталом следует другой. Не знаю, хорошо ли я выражаю свою мысль или, лучше сказать, чувство, которое мне внушает музыка Брамса. Мне хочется сказать, что он никогда ничего не в ы с к а з ы в а е т, а если высказывает, то не д о с к а з ы в а е т; искусно склеенные между собою кусочки ч е г о-т о составляют его музыку. Рисунок лишен определенности, колорита, жизни.

Но мне кажется, что независимо от всяких определительных обвинений я бы прежде всего должен был сказать, что Брамс, как музыкальная личность, мне просто а н т и п а т и ч е н; я не могу его переварить. Как бы он ни старался, я остаюсь холоден и враждебен. Это чисто инстинктивное ощущение.

Если б Вы знали, милый друг, что за божественная погода; и как меня пробирает мороз при мысли, что я еду в Петербург, этот ненавистнейший из всех городов мира, что мне предстоит еще очутиться среди зимы после той чудесной, волшебной весны, которою я здесь наслаждаюсь.

Буду завтра думать о Вас и о всех дорогих людях, живущих в Петербурге. Но хотя душа моя тревожна, а ум говорит мне, что распространяемые о предстоящих ужасах слухи преувеличены. Здесь в газетах уверяют, что будут взорваны на воздух три улицы в Петербурге! Это уж слишком.

До свиданья, дорогой друг!

Бесконечно любящий Вас

П. Чайковский.

Радуюсь, что занятия Пахульского идут хорошо.

219. Чайковский — Мекк

Рим.
25 февраля/8 марта 1880 г.

Я ленился на письма в последнее время и даже Вам, милый и дорогой друг мой, не писал так долго! Причины тому: спешность моих работ, которые хотелось отвезти в Россию уже вполне оконченными, торопливое осматривание некоторых римских памятников, еще не виданных мной, а главное, ни с чем не сравнимая божественная погода, заставлявшая предпринимать большие прогулки, что сопряжено с большой усталостью. Мы опять провели целый день в Тиволи, в этом чудном уголке, где прелести горной природы соединяются так удачно с красотой древних развалин, водопадов и удивительным видом на Campagna Romana. Завтра мы уезжаем, и я Вас сейчас очень удивлю, мой друг, сказавши, что я возвращаюсь в Россию через Париж. Это решение я предпринял по следующей причине. Дело в том, что я поеду один, ибо Алеша необходим для Модеста, которому невозможно одному усмотреть за Колей. Между тем я так привык путешествовать с Алешей, что на меня находил какой-то ужас при мысли о предстоявшей поездке. Кроме того, я заранее знаю, как буду тосковать от разлуки с моими милыми сожителями, и в виду этого меня пугала мрачная, тоскливая Венеция, напоминающая тяжелую эпоху моей жизни, и Вена, которую я тоже не люблю и, вероятно, по той же причине [1]. Ну, словом, я чувствую, что поездка в Париж, где я всегда люблю бывать, а особенно после двукратного пребывания рядом с Вами, может меня развлечь от давления тоскливых ощущений, которыми я буду полон, оставшись один и имея перед собой длинное путешествие из царства весны в мрачный, ужасный Петербург! Чувствую, что это неблагоразумно, что это сопряжено с излишней тратой денег, и все-таки не могу не сделать так, как подсказывает мне чувство страха в виду далекого и одинокого путешествия.

Уезжаю из Рима с сознанием, что это город, который не вполне подходит к моим требованиям, но город, имеющий свойство привязывать к себе понемногу. Я начинаю понимать, почему многие, приехавшие сюда не надолго, остаются на всю жизнь.

Как долго я буду без известий о Вас, бесценный друг! Но зато надеюсь, что по приезде в Петербург тотчас же распечатаю письмо от Вас с известием, что Вы здоровы и покойны. Из Парижа напишу Вам. Я останусь там дня два.

Ваш безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

Если при моем проезде через Москву Вы будете там, то я пришлю Вам посмотреть хорошенькие подарочки, купленные для сестры и племянниц. Я очень горжусь своим выбором.

220. Чайковский—Мекк

Париж.
29 февраля/12 марта 1880 г.

Три дня тому назад я расстался с братом, его воспитанником и моим Алешей. Они уехали в Неаполь, а после них я в Париж. Совершил очень благополучное путешествие, но, как и следовало ожидать, значительно страдал от разлуки с моими сожителями. Погода совсем летняя и не только в Италии, но и везде во Франции. Тем не менее разница большая между совершенно весенним видом итальянской природы и здешними еще не зеленеющими полями и оголенными деревьями. Вообще я никогда так живо не ощущал всю прелесть Италии, как теперь. Уже теперь я начинаю мечтать о поездке в Италию в будущем году. Здесь парижский шум и блеск имеют то хорошее влияние, что они рассеивают меня от грустных мыслей. Но настроение мое все-таки невеселое. Мне жаль Италии, меня страшит наша милая и дорогая родина, где все теперь так грустно, где так тяжело и жутко жить в наше ужасное время.

Сегодня вечером буду слушать оперу «Jean de Nivelle» Leo Deslibe'a—композитора, талант которого мне очень симпатичен. Опера имела огромный успех, и я не без труда достал место.

Уезжаю отсюда в воскресенье вечером. Проведу день в Берлине и шестого числа надеюсь быть в Петербурге, где меня с нетерпением ожидают.

Будьте здоровы, дорогой, бесконечно любимый друг. Как давно я не имел известий о Вас и как рад буду получить об Вас известия в Петербурге.

Ваш П. Чайковский

221. Мекк—Чайковскому

1880 г. февраля 29—марта 1. Москва.

Москва.
29 февраля 1880 г.

Милый, дорогой друг! Ваше последнее письмо меня о ч е н ь, о ч е н ь огорчило. Ваше н е о д о б р е н и е моим желаниям и действиям мне чрезвычайно больно. Я говорю по поводу исполнения Ваших сочинений в Париже. Я вижу, что в этом деле наши взгляды совершенно расходятся. Я, как Вам известно, обращаю внимание т о л ь к о на д е й с т в и т е-

л ь н у ю, а не на к а ж у щ у ю с я сторону дела, поэтому для меня имеет значение только с у щ н о с т ь дела, а в н е ш н о с т ь ю его я совершенно пренебрегаю. С у щ н о с т ь же дела здесь такова: я, как страстная поклонница Вашей музыки, желаю искренно доставить человечеству, так сказать, разделить с ним то наслаждение, которым пользуюсь сама, слушая Ваши сочинения, но, не обладая сама ни оркестром, ни капельмейстерским даром, я нуждаюсь в исполнителе моего задушевного желания. Случай указывает мне человека, который так же горячо и искренно поклоняется Вашему таланту и к тому же владеет всеми средствами привести мою мечту в исполнение; qui se ressemble s'assemble*. Я в восторге, что встретила знатока и ценителя дорогого мне предмета и спешу воспользоваться этим, для чего и обращаюсь приблизительно с этими словами: «Cher Monsieur Colonne, je vois que vous estimez beaucoup le talent de notre éminent compositeur Monsieur Tschaikowsky**. Я также его страстная поклонница и з а н е г о чувствую и к Вам большую симпатию, почему и обращаюсь к Вам с следующим предложением: сойдемтесь, внесем каждый то, что имеем, и будем доставлять публике наслаждение слушать хорошую музыку». Monsieur Colonne, конечно, в восторге и очень благодарен за такое предложение т о л ь к о потому, что он сам высоко чтит Ваш талант, иначе он не взялся бы н и з а к а к и е д е н ь г и исполнять предложенного ему сочинения. Он слишком уважает свое искусство, слишком дорожит своею репутациею и слишком порядочный человек для этого и п о д к у п и т ь его нельзя. В этом убежден весь Париж, за то его и уважают, а публику и подавно подкупить нельзя. Следовательно, какое же значение имеют здесь деньги о т н о с и т е л ь н о В а с, мой милый друг? Никакого. Они служат только к тому, чтобы уплатить за переписку оркестровых партий и на оставшиеся деньги, быть может, дать поужинать бедным музыкантам оркестра, которые трудились над разучиваньем пьесы. Но ведь для достоинства сочинения это нисколько не унизительно.

Я уверена вполне, что Colonne не будет разглашать о моей солидарности с ним, а если бы каким-нибудь необыкновенным способом это и узналось, то ведь только и могли бы написать, что «у г-на Чайковского есть такие поклонники или поклонницы, которые на свой счет ставят на оркестр его сочинения», а ведь не могут же сказать, что это сочинение имеет д о с т о и н и с т в о з а д е н ь г и. Это был бы даже хронологический абсурд. Если же каким-нибудь г а з е т н ы м или о б щ е с т в е н н ы м сплетникам вздумалось сказать или написать что-нибудь иное, то я могу только презирать это. И вот в этом-то мы и не сходимся, почему я прошу у Вас извинения, мой дорогой друг, за то, что я уже сделала, и больше я делать не буду того, что Вам неприятно. Я написала так много об этом предмете для того, чтобы дать Вам понять, что я, п о с в о и м п о н я т и я м, не только не роняла Вашего достоинства, но заботилась об нем больше, чем о своем собственном. Я забыла только, что бывают разные взгляды и разные отношения к одному и тому же предмету.

Это письмо Вас, вероятно, будет ждать в Петербурге.

1 марта, суббота.

Вчера я очень устала и поэтому кончаю свое письмо сегодня. После моего последнего письма к Вам, мой милый друг, мы были в опере «Опричник»,

---

* сходные друг с другом объединяются *(фр. посл)*.

** «Дорогой г. Колонн, я вижу, что вы очень цените талант нашего выдающегося композитора г. Чайковского.

и скажу Вам, что мне ужасно обидно, что Вы называете эту оперу н е у д а в ш е ю с я. При этом мне приходится думать, что я самый крайний профан в музыке, потому что для меня эта опера восхитительна. Несмотря на весьма слабый персонал, я с восторгом слушала ее. Публике, как мне кажется, также нравится музыка оперы, а не исполнители. Бевиньяни отлично дирижировал, и ему много аплодировали.

Недавно шел опять балет «Лебединое озеро». Также после моего последнего письма был ученический вечер в зале Собрания в пользу бедных учеников. Это был очень миленький вечер вообще и выдающимся солистом на нем явился мальчик лет шестнадцати, Зилоти, пианист, ученик Николая Григорьевича. Замечательна также была другая ученица Ник[олая] Григ[орьевича], Бертенсон, вышедшая недавно замуж за двоюродного брата моей belle soeur, Воронец. Играла она Scherzo из концерта Литольфа, знаете, Петр Ильич, тот, который играет сам Рубинштейн. Сыграла она его очень хорошо, но, как личность, сама она мне очень не понравилась своею самонадеянностью и выражением непроходимой глупости на лице. Все явившиеся исполнители на этом вечере, конечно, справились с своими номерами очень хорошо.

С неделю назад был концерт Ауэра в Большом театре [1]. Мы были в нем. Мне не понравилась программа его концерта. Главною пьесою был концерт Раффа H-moll, которого я не люблю, и к тому же слышала, как этот же самый Ауэр играл его года три назад в Петербурге. А я надеялась, что он сыграет Ваш концерт. Потом играл вторую и третью части концерта Vieuxtemps. Это очень красиво,но уже слишком прислушались. Он играл, конечно, все очень хорошо, хотя, по обыкновению, не увлекательно. Но что меня возмутило в этом концерте, так это восторги и овация, которую публика сделала этому пианисту-скомороху Декресченцо. Я не знаю, друг мой, имеете ли Вы какое-нибудь понятие об этом субъекте? Мне он противен за свое нахальство и глупость, соединенные с полнейшею бездарностью, а московские дамы ему очень протежируют, потому что, как они говорят, он очень красив. И вот этот-то Signor имел нахальство играть фантазию Листа на венгерские мотивы, ту же самую, которую также играет Рубинштейн и играет бесподобно. И этот обиженный природою артист пустился исполнять ее перед глазами Рубинштейна, который дирижировал оркестром, и публика пришла в восторг и поднесла ему венок!? Меня бросало в жар от этой, по меньшей мере, бестактности со стороны публики, а они изо всех сил кричали bis. Тогда он вышел и сыграл им какую-то польку; тогда утихли.

Ах, я было и забыла сказать Вам, друг мой, что Венявский находится у меня в доме с 14 февраля. Ему вначале как будто стало лучше, а потом остановилось в одном положении и не двигается ни в одну сторону. Вообще его болезнь находится в последнем периоде, и никакой надежды на выздоровление нет. Им занимаются три доктора и стараются теперь только о том, чтобы поддержать его силы до апреля, чтобы тогда перевезти его на юг, и при этом условии он может протянуть год-другой. Бедный человек, как мне его жаль, лишен и музыки, которая есть главный интерес его жизни, и семейства, которое он любит. При нем есть только один сын, девятнадцати лет, очень мало развитой юноша, который даже за отцом не может ухаживать. Главный попечитель и ухаживатель за больным есть Владислав Альбертович, и от этого он очень много теряет в своих занятиях, но как отказать больному? Он очень полюбил его и никем не хочет заменить...

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Будьте здоровы и веселы. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

222. *Чайковский — Мекк*

Берлин,
4/16 марта 1880 г.

Милый и дорогой друг! Вчера вечером я приехал сюда. Истинная цена вещей познается по сравнению, и если б Вы только знали, до чего лучезарно прекрасна мне кажется Италия, когда я сравню ее с серенькой, жалкой природой, окружающей меня в эту минуту. Я застал здесь настоящий мороз. Пришлось вынимать пролежавшее три месяца в сундуке теплое пальто, да и оно едва защищает от холодного северного ветра, дувшего вчера и сегодня. А что еще меня ожидает в Петербурге!

Меня ожидало здесь коротенькое письмо от брата Анатолия. Он пишет, что шестого числа будет вне Петербурга по службе и поэтому предлагает мне остаться лишний день в Берлине. Так как сегодня в опере идет «Der fliegende Holländer» Вагнера, которого я никогда не слышал, то я и решился воспользоваться предложением Анатоля. Ведь мне нет надобности торопиться в Петербург, чтобы не застать там брата, для которого единственно я еду в этот ненавистный город. Итак, я лишь седьмого числа вечером буду в Петербурге. Одно только досадно — я совсем стосковался, не имея так долго известий о Вас.

В Париже я, как и всегда, был несчастлив по части музыки. В прошлом письме я, кажется, писал Вам, что обещал себе много удовольствия от оперы Deslib'a, которую должен был услышать на другой день моего пребывания в Париже. В этот самый день заболела примадонна, исполняющая главную роль, и когда я вошел в театр, то узнал, что спектакль отменен. Впрочем, дирекция театра поступила честно и отдала всем запасшимся билетами раньше, а в том числе и мне, деньги. Но это слабое утешение. Я почти уверен, что сегодня вместо «Голландца» по чьей-нибудь болезни дадут другую оперу.

В Париже я имел известия от Модеста. Он отлично устроился в скромном пансионе близ Santa Lucia и в совершенном восторге от Неаполя, точно так же, как Коля и мой Алексей. Оттуда Модест хочет ехать в конце апреля морем через Мессину, Пирей, Константинополь и Одессу.

Будьте здоровы, милый друг!

Бесконечно Вам преданный
П. Чайковский.

223. Мекк—Чайковскому

Москва.
6 марта 1880 г.

....Вчера я получила Ваше письмецо из Парижа, за которое премного благодарю Вас.... У меня, слава богу, все здоровы кроме несчастного больного Венявского, который раздирает мне душу. Я не хожу к нему, но знаю каждый день во всех подробностях ход его болезни. Положение его отчаянное. Доктора сомневаются, чтобы он мог прожить март, и при этом еще страдает ужасно. Довольно бы, кажется, того, что у м е р е т ь надо, за что же еще страдать? Природа не добра к человеку.

Как мне жаль Вас, милый друг мой, что Вам пришлось расстаться с Алешей. Надолго ли это? Я очень была рада, что Вы поехали на Париж, в него особенно приятно заглянуть на короткое время.

У нас объявлены концерты Николая и Антона Рубинштейнов. Не будет ли Николай Григорьевич играть Ваш новый концерт, Петр Ильич? Я с нетерпением жду исполнения и а ш е й сюиты, это будет 23 марта. Боюсь только быть больною. На четвертой неделе я собираюсь в Петербург. До свидания, милый, драгоценный друг мой. Всегда везде всем сердцем безгранично любящая Вас.

Н. ф.-Мекк.

224. Чайковский—Мекк

С. Петербург,
8 марта [1880 г.]

Вчера вечером я приехал сюда и нашел Ваше милое и крайне обрадовавшее меня письмо, добрый друг мой! Все, что Вы пишете мне насчет C o l o n n'a, в тысячный раз доказывает мне, как Вы бесконечно добры, великодушны, идеально деликатны. Но я позволю себе заметить, что только тогда соглашусь с Вами насчет благородных свойств C o l o n n'a, когда он ответит Вам, что и без вознаграждения готов исполнить рекомендованные Вами вещи. Что-нибудь одно: или он действительно находит мою музыку достойною своих программ—и тогда он должен отказаться от каких бы то ни было уплат, кроме тех, которые получаются сбором с публики, или же он неискренно говорит Вам, что любит мою музыку. Впрочем, милый друг, у меня никогда и в мыслях не было бояться, чтобы Вы, по Вашему выражению, «р о н я л и м о е д о с т о и н с т в о» своими хлопотами об исполнении моих вещей в Париже. Совершенно наоборот, я считаю себя в высшей степени польщенным в глазах Colonn'a тем, что есть в мире такой друг моей музыки, как Вы. Мне кажется только, что C o l o n n e у р о н и т м о е и с в о е д о с т о и н с т в о, если злоупотребит Вашей щедростью и симпатией к моим творениям. Как бы то ни было, забудьте, ради бога, те, может быть, резкие выражения, которые я употребил, говоря об этом, и поступайте так, как Вам советует Ваш ум и Ваше

сердце, в непогрешимости которых, в конце концов, я всегда уверен.

Я уже начал свое периодическое м у ч е н и ч е с т в о. Брата Анатолия я нашел расстроенным, недовольным своей службой и о ч е н ь похудевшим и побледневшим. Решительно становлюсь втупик, как помочь ему и вырвать его из этого положения. Да и кто поручится, что во всяком другом положении при его раздражительном характере он везде не найдет себе недоброжелателей?

Погода зимняя, и переход от Рима к Петербургу действует на меня убийственно.

Был сегодня у моей мачехи. Невыразимо грустно было видеть эту столь знакомую квартирку без ее главного жильца. Что за чудные женщины бывают на свете! Мачеха моя, жизнь которой с восьмидесятичетырехлетним стариком была сопряжена с большим утомлением, погружена в безысходное горе! Только женщины умеют так любить. Я вынес из посещения много грустных, но и отрадных ощущений.

Бесконечно преданный
П. Чайковский.

Завтра буду опять писать Вам.

225. Чайковский—Мекк

С. Петербург,
10 марта [1880 г.]

Меня глубоко трогает призрение, которое Вы оказали бедному умирающему Венявскому. Последние дни его будут скрашены Вашими заботами о нем. Очень жаль его. Мы потеряем в нем неподражаемого в своем роде скрипача и очень даровитого композитора. В этом последнем отношении я считаю Венявского очень богато одаренным, и, если б судьба продлила его жизнь, он мог бы сделаться для скрипки тем же, чем был Вьетан. Его прелестная л е г е н д а и некоторые части d - m o l l ' н о г о концерта свидетельствуют о серьезном творческом таланте.

Вчера я был в первый раз на могиле отца. Покамест на ней только скромный деревянный крест. В скором времени мы поставим на ней уже заказанный памятник. Погода была светлая и солнечная, но мороз очень сильный. Я никак не ожидал, что могу так сильно страдать от холода. Три зимы, проведенные в теплых странах, избаловали меня. В общем Петербург производит на меня убийственно тяжелое и мрачное впечатление. Бедная Россия!

Завтра хочу попытаться поработать здесь. Мне бы хотелось перед окончательным отъездом в Каменку кончить концерт, т. е. оркестровать его. По всей вероятности, 22 марта (к репетиции концерта с сюитой) я съезжу в Москву и потом опять вернусь сюда. Как я буду счастлив, когда попаду в Каменку, и с каким нетерпением меня там ожидают!

Вы спрашиваете, друг мой, будет ли Ник[олай] Григ[орьевич] играть концерт. Нет, ибо он еще не готов и не снабжен оркестровкой. Но зато он будет играть мою сонату и две фантазии на темы из «Онегина»: одну Листа, другую Пабста. То же самое исполнит он и в своем петербургском концерте, и я во всяком случае там или здесь услышу его.

Имею известия от Модеста. Красоты Неаполя произвели на него поразительное впечатление. Но он жалуется, что не может заниматься, да и, в самом деле, какая возможность отвлечь свое внимание от Везувия, от моря, от синего неба, от всей этой роскоши, которая видится в его открытое окно. Счастливый Модест!

Коля еще ничего не знает о драме, разыгравшейся в его семействе, и Модест сильно обеспокоен вопросом, как это сообщить ему так, чтобы ослабить подавляющее впечатление, которое неминуемо он должен будет пережить.

Брат Анатолий наводит на меня уныние, тоску и убийственное сознание моего бессилия помочь ему вырваться из столь опротивевшей ему служебной сферы.

Будьте здоровы, мой милый и бесконечно дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

226. Мекк—Чайковскому

Москва.
15 марта 1880 г.

Милый, несравненный друг! Вчера я была в концерте Николая Григорьевича и имела наслаждение слушать Ваши сочинения [1]. Что за роскошь Ваша соната, в особенности первая и вторая части, это целая поэма, чудно! Полонез из «Евгения Онегина» (transcription de Liszt) весьма эффектен, а Paraphrase de Pabst блестящ до-нельзя. Мне только жаль, что он не взял для него также письма Татьяны, эту очаровательную вещь. Парафраз сделан на три мотива: первый—специальный мотив Татьяны, которым начинается интродукция и который везде обозначает ее появление, второй—вальс и третий—ария Ленского, первая, потом опять вальс.

Г-н Пабст, должно быть, очень способный музыкант и вполне достойный ученик своего учителя Листа, блестящ и изобретателен до nec plus ultra*, конечно, с большим вкусом, с большим изяществом, ну, словом,

* высшей степени

молодец. А больше всего он мне нравится за то, что он взял В а ш е сочинение для парафраза. Играл Ник[олай] Гр[игорьевич], по обыкновению, так, что наконец теряешь сознание, играет ли это о д и н человек д в у м я руками, или все силы небесные составили с ним оркестр. Эта титаническая сила, это могущество в с е п о н я т ь и все передать б е с п о д о б н о имеют равных себе только в таком же Рубинштейне. Все залы Собрания были переполнены публикою, и, конечно, являлись овации в разных видах, но это все ничто в сравнении с его талантом.

А Вы знаете, милый друг мой, что в концерте Фонда не будут играть Вашу сюиту, и это я приписываю Антону Рубинштейну, так как он будет дирижировать оркестром и играть сам и так как назначены почти все его только сочинения для исполнения, и меня это ужасно бесит [2]. Я с таким восторгом ждала Вашу сюиту, и вдруг такое разочарование. Гадкие люди бывают на свете.

Сегодня мы едем в театр, в концерт M-me Папендик [3]. На двадцать первое назначен концерт Ант[она] Рубинштейна. Программа его мне не нравится [4].

У меня, слава богу, все благополучно, но только хворают понемногу простудами. Венявскому это время опять лучше. Это все перемежается— то лучше, то хуже. Пахульский ухаживает за ним до самоотвержения, и Венявский его ужасно любит, не хочет отпускать от себя, когда он приходит....

До свидания, мой милый, безмерно любимый друг. Будьте здоровы, берегитесь, пожалуйста, о ч е н ь, о ч е н ь, от простуды. Март ужасный месяц для здоровья. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

227. Чайковский—Мекк

Петербург,
16 марта [1880 г.]

Сейчас получил письмо Ваше, милый и дорогой друг мой! Мне о ч е н ь, о ч е н ь досадно, что не придется услышать сюиту. Я рассчитывал отправиться двадцать второго в Москву и очень ласкал себя надеждой насладиться слушанием своей музыки. Что делать! На Муз[ыкальное] общество сетовать нельзя; ведь концерт дается в пользу Фонда, а нет сомнения, что Антон Рубинштейн привлечет много денег.

В настоящее время у меня кроме разных других забот появилась еще одна, требующая очень напряженного внимания. Юргенсон доставил в дирекцию театров клавираусцуг моей оперы. Оказывается, что копия сделана крайне небрежно и переполнена безобразными ошибками. Направник просил меня заняться ее пересмотром. Целый день сегодня я просидел над этой ужасной и утомительной работой. Скоро должен решиться вопрос, пойдет ли моя опера в будущем сезоне, и меня разрешение его приводит просто в ужас. Я далеко не уверен, что решение вопроса будет для меня благоприятное. А сколько мне ради этого дела придется прожить тяжелых минут. В будущую пятницу я должен обедать у вел. кн. Конст[антина] Николаевича,

который всегда протежировал мою музыку и влияние которого мне может оказаться весьма нужным. Вы можете себе представить, до чего мне, привыкшему теперь быть избавленным от всяких тягостей в сношениях с людьми, тяжела будет подобного рода высокая честь. Кроме того, нужно (как говорят) делать визиты разным влиятельным в театральной сфере лицам. Сколько жертв я принесу своей опере и, кто знает, плодотворны ли они будут! Вообще никакими словами не могу изобразить, до чего мне здесь тяжко и как я рвусь отсюда!

Надежда Филаретовна, простите, ради бога, за назойливость, но обстоятельства так сложились, что мне ужасно нужны деньги, и я осмелюсь попросить Вас по возможности в скором времени снабдить меня июньской и августовской бюджетной суммой разом. Не сетуйте на меня, мой друг, за беспорядок в распределении моих средств. Скажу Вам только одно: я подчиняюсь силе обстоятельств, и мне невозможно было не принести жертв для очень близких людей. Впрочем, ведь я зато могу обойтись до октября без всяких денежных получений, ибо в деревне мне деньги вовсе не нужны, а я хочу нынче подольше насладиться деревней и удалением от русских столиц. Еще раз прошу у Вас прощения за расточительность, впрочем невольную.

Сегодня я узнал, что здесь проектируется концерт с благотворительной целью, составленный исключительно из моих сочинений. Говорил мне об этом Направник, оркестр которого будет участвовать в этом концерте. Программа еще неизвестна, но, может быть, будет исполнена сюита. Это вознаградит меня за московскую неудачу. Если на четвертой неделе Вы будете здесь, то очень может статься, что и Вы, друг мой, услышите сюиту. Дай Бог!

Простите, что пишу мало и небрежно. Я устал, расстроен, и голова кругом ходит.

Ваш бесконечно Вам преданный

П. Чайковский.

228. Мекк—Чайковскому

Москва.
19 марта 1880 г.

Милый, бесценный друг! Как мне Вас жаль, как я мучусь при мысли, что Вам тяжело, что Вы [должны?] истязать себя. Как я понимаю, каково должно быть Вам после столького времени абсолютной свободы в очаровательной Италии попасть в холод и быть вынужденным обращаться к людям, вести с ними бессодержательные разговоры, приятно улыбаться

им в то время, когда желал бы лучше провалиться сквозь землю, чем любоваться на них. А этот обед у великого князя, где ни одного слова, ни одного жеста не может [быть] свободного, боже мой, чего бы я не дала, чтобы освободить вас от такой пытки. Я готова была бы вытерпеть за Вас все, кроме того, что Вам предстоит терпеть: c'est plus fort que moi*. Утешайтесь, мой милый, бедный друг, только мыслью о том времени, когда все это кончится и Вы сделаетесь свободным гражданином мира на дороге в Каменку.

Скажу Вам, друг мой, что я так же, как и Вы, но хронически страдаю от своего пребывания в Москве и вижу и убеждаюсь с каждым днем, что я не должна жить в ней, что люди и природа здесь уморят меня, сократят мне жизнь наполовину....

Вот у меня еще теперь горе: бедный мой больной Венявский совсем плох, и это меня тем более огорчает, что это случилось после нескольких дней, в которых он был в двух шагах от выздоровления. Доктора изумлялись такому исцелению, а тут опять же люди и бессердечие вновь повергли его в прежнее безнадежное состояние. У него случилась неприятность с сыном, при которой он пришел в исступление, потом весь омертвел, и хотя на другой день сын пришел просить прощения, ухаживал за отцом, примирились вполне, но ночью ему сделалось так дурно, что послали за доктором. На утро он просил священника, и все хорошее пропало; теперь при смерти. Мне ужасно это больно....

До свидания, мой милый, дорогой друг. Дай Вам бог скорее и с успехом покончить Ваши терзания и выйти из них здоровым и бодрым. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Бюджетную сумму посылаю завтра без письма, так как конверт нельзя запечатать.

229. Чайковский—Мекк

1880 г. марта 20—24. Петербург.

Петербург,
20 марта.

Сейчас вернулся домой из поездки с официальными визитами!!! Это жертва, которую я должен принести ради постановки оперы. Направник (человек очень хорошо ко мне расположенный) прямо сказал мне, что это необходимо, и пришлось подчиниться. Я посетил нескольких тузов театрального мира. Из всего, что они говорили, я выношу впечатление, что в мою пользу веет откуда-то благоприятный ветер и что оперу, кажется, дадут. Возвратившись, чтобы заняться исправлением переполненного копиистскими ошибками клавираусцуга оперы, нашел письмо Ваше от девятнадцатого. Читая его, мне сделалось совестно! Я в моих письмах к Вам отсюда всегда так жалуюсь на свои здешние страдания, забывая, что Вы, мой бедный друг, имея возможность по своим средствам жить как

---

* это сильнее меня

и где угодно, не менее меня, если не более, страдаете от прикосновений с людьми. Я в самом деле малодушен, и не мне бы жаловаться! Сколько счастливых дней я провожу в уединении! Нельзя, чтобы розы были без шипов.

Вчера мне пришлось порядочно пострадать. У вел. кн. Константина Николаевича есть сын Конст[антин] Константинович. Это молодой человек двадцати двух лет, страстно любящий музыку и очень расположенный к моей. Он желал со мной познакомиться и просил мою родственницу, жену адмирала Бутакова, устроить вечер, на котором бы мы могли встретиться. Зная мою нелюдимость и несветскость, он пожелал, чтобы вечер был интимный, без фраков и белых галстухов. Не было никакой возможности отказаться. Впрочем, юноша оказался чрезвычайно симпатичным и очень хорошо одаренным к музыке. Мы просидели от девяти часов до двух ночи в разговорах о музыке. Он очень мило сочиняет, но, к сожалению, не имеет времени заниматься усидчиво. Завтра мне предстоит обед у его отца.

Дела брата Анатолия получают хороший оборот. Есть надежда, что он перейдет в Москву, где его прямым начальником будет близкий друг его гр. Капнист. Авось, наконец, ему там повезет больше здешнего.

Бедный Венявский!

Понедельник.

С самого четверга я все ждал свободной минутки, чтобы докончить это письмо, и только сегодня снова пишу Вам, мой друг. Жизнь моя здесь положительно ужасна. Нет никакой возможности хоть на полчаса быть одному, иметь возможность по душе побеседовать с Вами или с братом Модестом, или с самим собой...

В пятницу обедал у вел. кн. Конст[антина] Никол[аевича]. Он, как и всегда, был ко мне до крайности внимателен и любезен.

Дело брата Анатолия состоялось. Он переводится в Москву, а на праздники едет в Каменку. Следует радоваться этой перемене по службе, но... и тут я боюсь за Анатолия. Боюсь, чтобы и там не случилось того же, что здесь.

Сейчас иду на репетицию так называемого м о е г о к о н ц е р т а. Мне очень досадно, что концерт этот случился, когда я здесь. Все п о л а г а ю т, что устроил его я сам, и очень многие, даже газеты упрекают меня за высоко назначенные м н о й цены!!!! Тем не менее я доволен, что услышу сюиту.

Сегодня буду телеграфировать Вам. Ведь Вы сбирались на четвертой неделе в Петербург,—не приедете ли Вы завтра? Направник прислал за мной, прося тотчас ехать на репетицию. Не имею возможности сказать Вам многого...

Бедный, бедный Венявский! Какие тяжелые дни Вы пережили теперь, мой бедный друг....

Получил повестку на бюджетную сумму. Благодарю Вас бессчетно.

Бесконечно любящий Вас

П. Чайковский.

230. Мекк — Чайковскому

Москва.
26 марта 1880 г.

Вы совершенно угадали, мой милый, дорогой друг, что я пережила о ч е н ь тяжелое время. Три дня я была совсем больна, так что, думая постоянно о Вас, я не могла написать Вам ни двух строчек. Смерть моего бедного больного расстроила меня ужасно, тем более, что она явилась непосредственно за периодом такого улучшения здоровья, что доктора изумлялись, но тут, на несчастье, он за какой-то вздор рассердился так, что с ним сделался обморок, и через день уж он пришел в состояние умирающего и в два дня рассчитался окончательно с жизнью. Я хотя не находилась при нем и не посещала его, но во все время его пребывания у меня я знала о каждом часе, им проведенном, о всяком явлении его болезни, о каждой его вспышке, о всех его желаниях, вкусах и пережила столько ощущений, столько колебаний, переходов от радости к горю и обратно, что мне казалось справедливым в награду за это получить его выздоровление, но провидение рассудило иначе. Но кто еще в десять раз больше заслуживал такой награды, чем я, так это Пахульский. Этот человек выказал такое редкое, бесподобное сердце, что при всей его молодости его нельзя не уважать. Он больше месяца ухаживал за больным с таким терпением, с такою любовью, что трогательно было видеть, а терпения надо было много, потому что больной, по свойству своей болезни, был чрезвычайно раздражителен, и хотя это раздражение н и к о г д а не являлось относительно Пахульского, его больной ужасно любил, как ребенок без няньки, так он без него не мог обходиться, но П[ахульско]му постоянно приходилось улаживать то его ссоры с сыном, то с прислугою, то с докторами, и, главное, он, т. е. Пах[ульский], при этом всегда приходил в отчаяние за его же, больного, здоровье. Одним словом, это б е с к о н е ч н о д о б р а я н а т у р а....

В прошлое воскресенье я была в концерте Фонда и наслаждалась игрою Ан[тона] Рубинштейна. Многие находят, что он стал играть х у ж е прежнего, что Николай играет л у ч ш е. Я готова согласиться, что в общем понимании Николай играет л у ч ш е, но для меня у Антона именно то и обаятельно, что другим кажется упадком таланта. Я скажу Вам, какую я нахожу разницу в их игре. Николай играет с бо́льшим блеском, avec plus de verve, d'entraînement*, в его игре слышен человек, вполне верующий в свое искусство и в особенности вполне преданный ж и з н и и ее ш и р о к о м у р а з д о л ь ю. Сыграть блестящим образом свой концерт, после его задать широкую выпивку, на утро принимать дамские и всякие визиты и ухаживанья—это его стихия, он в ней, как рыба в воде, и поэтому он весел, не с т а р е е т с я нисколько и не спускается с апогея своего таланта, изящен, увлекателен, блестящ до-нельзя. Антон же в своей игре очарователен, как поэтическая натура, но в каждой ноте его слышно такое утомление жизнью, такое охлаждение ко всему, что у меня выступали

---

* с бо́льшим жаром, увлечением

слезы на глаза, слушая его и глядя на него. Он состарился невообразимо, так что из прежнего своего вида сохранил только свои необыкновенные волосы, вообще же имеет вид семидесятилетнего старика, и на меня эта-то с т а р о с т ь, эта у т о м л е н н а я игра и действовали чарующим образом. Я не могла н а с л у ш а т ь с я ею, н а л ю б о в а т ь с я на него, а люди находят, что он стал х у ж е играть; н о-с в о е м у они правы.

На субботу был назначен концерт Лавровской, но почему-то отменен[1].

Скажите, Петр Ильич, знает ли Коля об истории с его матерью или еще нет? Долго ли они пробудут за границею?

А когда Вы обрадуете меня посещением Браилова, мой дорогой друг?

Я сама очень бы хотела попасть туда на первой половине мая, и если мне это удастся, то я была бы в восторге, если бы Вы согласились, мой дорогой, в то же время погостить в Сиамаках....

До свидания, мой милый, несравненный друг. Горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

231. Чайковский—Мекк

1880 г. марта 27—28. Петербург.

С. Петербург,
27 марта.

Чем дальше, тем сильнее идет круговорот моей невольной с в е т с к о й жизни. Дошло до того, что я даже Вам, даже Модесту не нахожу времени писать. Расскажу Вам вкратце главнейшие обстоятельства.

Во вторник был концерт, о котором я Вам писал. Кстати только накануне мне пришло в голову телеграфировать Вам в том предположении, что Вы, быть, может, могли бы быть к этому вечеру здесь. Но когда я вырвался из дому, то сообразил, что моя телеграмма пришла бы лишь к 6 часам, а так как поезд идет в 8, то, конечно, милый друг, Вы не успели бы собраться. Простите, что я раньше не догадался. Впрочем, правда и то, что до самого понедельника не было известно наверное, состоится ли концерт. Прошел он хорошо и даже очень хорошо. Публики было много и вся аристократическая. Было несколько лиц из царской фамилии. Был ли сбор достаточен для основания стипендии, этого я еще не знаю. Кажется, что да[1].

Я еду во вторник вечером и хочу остаться в Москве два дня и и к о г и и т о, дабы успеть там сделать инструментовку концерта, а после того повидаться со всеми тамошними приятелями.

Дело брата Анатолия решено. Он страстную и пасхальную неделю проведет в Каменке.

Где Вы, милый и дорогой друг? Не решаюсь письмо это отсылать в Москву, так как Вы сбирались сюда. Подожду.

Пятница.

Вчера получил Ваше письмо, милый друг. Можете ли Вы сомневаться в том, что я с неописанным наслаждением поживу в Симаках? Я уже много и много мечтал об этом. Лишь бы дождаться мне своего Алешу, без которого мне очень неловко и непривычно жить. Но что делать? Модесту он покамест необходим. Я надеюсь, что Модест к маю приедет в Каменку и привезет с собой Алешу. Коля еще ничего не знает о разрыве между родителями.

С Вашим мнением об Антоне Рубинштейне я не вполне согласен. Когда-нибудь поговорю об этом подробнее.

По приезде в Москву я извещу Вас, милый друг, и попрошу Влад[ислава] Альберт[овича] побывать у меня.

Всею душой Ваш
П. Чайковский.

232. Чайковский—Мекк

Москва.
2 апреля [1880 г.]

Приехал сегодня и намерен, как сообщал Вам из Петербурга, провести по крайней мере три дня инкогнито, дабы кончить свою работу. Кстати мне и отдохнуть нужно. Представьте, милый и дорогой друг мой, что в последние дни я не выходил из фрака и белого галстуха и проводил время с различными высокими и даже августейшими персонажами. Все это очень лестно, подчас трогательно, но утомительно до последней крайности! Я так хорошо себя чувствую в своем нумере К о к о р е в с к о й г о с т и н и ц ы, так счастлив при мысли, что я один, что не нужно никуда итти и ехать!!! А как приятно мне думать, что Вы здесь, что я сегодня же получу известия о Вашем здоровье! Не правда ли, милый друг, Вы напишете мне д в а с л о в а о Вашем здоровье? Сейчас пойду побродить по Замоскворечью, пообедаю, а часа в три вернусь и до позднего вечера буду работать. Если сегодня или завтра состоится консерваторский спектакль[1], то я н а н е г о н е п о й д у, до такой степени сильна во мне жажда одиночества и отдохновения. Я попрошу Влад[ислава] Альбертовича навестить меня в субботу около одиннадцати часов утра.

До свиданья, милый, бесконечно дорогой друг.

Ваш П. Чайковский.

К о к о р е в с к а я г о с т и н и ц а, № 15.

233. Мекк — Чайковскому

[Москва]
2 апреля [1880 г.]
Среда.

Как я рада, дорогой мой, бесценный друг, что Вы приехали в Москву, хотя и находитесь очень далеко от меня, но все же мы дышим одним и тем же м о с к о в с к и м воздухом, едим, быть может, одни и те же калачи и любуемся на одну и ту же грязь. Я жду не дождусь той минуты, когда можно будет покинуть эту вечно милую для меня Москву, но где, в особенности нынешнюю зиму, мне пришлось вытерпеть столько тяжелого, что я намерена оставить Москву навсегда, если все мои планы осуществятся. Иначе меня здесь добьют несколькими годами раньше положенного срока. Очень, очень благодарю Вас, мой дорогой, за участие к моему здоровью. Оно хорошо в том смысле, что я не простужена, но ведь я не выхожу на воздух, а нервы мои в ужаснейшем, угрожающем состоянии.

Консерваторский спектакль для великого князя был именно сегодня в половине второго дня. Я не была и предполагаю быть в субботу на представлении для публики, вечером.

Когда отдохнете, милый друг мой, напишите мне, пожалуйста, с кем из царской фамилии Вы имели свидания и что они Вам говорили. Мне это очень интересно знать, потому что это относится к В а м. Вы, вероятно, виделись с наследницею, потому что она была в Вашем концерте.

Если буду здорова, то завтра напишу Вам пространнее, а сегодня желаю хорошенько отдохнуть, быть здоровым и веселым. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Пахульский безмерно благодарит Вас за позволение приехать.

234. Мекк — Чайковскому

Москва.
3 апреля [1880 г.]

Доброго утра, дорогой друг мой, хорошо ли спали, отдохнули ли от петербургских треволнений, успешно ли работали? Я теперь встаю в половине седьмого и очень довольна таким ранним вставаньем. Мои дела идут успешнее от этого, а к тому же я обещаю себе много удовольствия летом такою раннею порою....

У меня теперь большая работа—делать заказ мебели в Париже в сгоревшие комнаты. Затруднений особенно много потому, что так как стены должны быть шелковые, то требуются очень точные размеры, к тому же должна быть сделана и дверь, для которой требуются еще точнейшие размеры, и я целый день вожусь с аршином в руках. Кроме этого много и других дел, из которых самые тяжелые есть дела по опеке....

Как надолго однако Вы уступили Вашего Алешу, милый друг мой, мне ужасно жаль Вас в этом лишении. А как же его учение продолжается и без Вас? Какая будет служба у Анатолия Ильича в Москве, как называется место, которое он будет занимать—помощник прокурора или какое-нибудь другое?

В концерте Лавровской я опять наслаждалась слушаньем Русско-сербского марша. Как я его люблю! Как мне жаль, что я не могла быть в Вашем концерте в Петербурге, но я не имела никакой возможности....

Во время смерти и похорон Венявского у меня был Н[иколай] Г[ригорьевич]. Разговор, конечно, касался и Вас. Мы оба восхищались Вашими сочинениями, и он сказал мне, как новость для меня, что Вы написали сюиту и что она очень хороша, но говорил мне, что он имеет программу Вашего петербургского концерта и что сюита не будет исполняться. Вероятно, после ее назначили к исполнению.

Однако я всегда с Вами заговариваюсь, мой милый друг, а пора кофе пить. Когда я думаю, что мы опять будем вместе в Браилове и в Симаках, у меня сердце запрыгает так радостно в груди, что надо придержать его, чтобы не выпрыгнуло совсем. До свидания, мой бесценный. Горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

235. Чайковский—Мекк

Москва,
3 апреля 1880 г.

Мои планы провести вчерашний день в одиночестве расстроились самым странным образом. Пообедавши в два часа, я предпринял прогулку по Замоскворечью в той надежде, что никого не встречу. Когда я шел по набережной, вдруг показалась коляска, и в ней ласково приветствующий меня адмирал, в котором я тотчас же узнал вел. кн. Конст[антина] Ник[олаевича]. Оказалось, что после консерваторского спектакля он поехал кататься, и судьба, как нарочно, столкнула меня с ним. Подозвав меня, он выразил изумление, что встречает меня за Москвой-рекой, удивился, что я не был на спектакле, и предупредил, что на обеде у генерал-губернатора расскажет Рубинштейну про нашу странную встречу. Таким образом, инкогнито мое было нарушено, и, скрепя сердце, я поехал тотчас же отыскивать Рубинштейна, дабы предупредить его обидчивость и объясниться. В театре его уже не было. Мне сказали, что он в Эрмитаже, но там вместо него я нашел все общество консерваторских преподавателей. Удивлению и расспросам не было конца. В восемь часов от меня потребовали, чтобы я поехал провожать великого князя, где много смеялись все при нем находившиеся, в том числе и Рубинштейн, моему неудавшемуся инкогнито. В результате вышел совершенно потерянный для работы день и скверное расположение духа. Сегодня утром пришлось принять несколько посещений, а потом я занимался. Теперь только что воротился с прогулки. Проходил, между прочим, мимо Вашего дома.

Относительно поручения Вашего поговорить с Ник[олаем] Григ[орьевичем] об экзамене В л а д[и с л а в а] А л ь б е р т[о в и ч а] само собою разумеется, что оно будет исполнено [1]. Но не ручаюсь за то, что Руб[инштейн] снизойдет на эту просьбу. Я предвижу, что он встретит затруднение в том, что для выпускных экзаменов требуется присутствие депутата от правитель-

ства, которого нельзя будет пригласить ради одного Пахульского. Впрочем, очень может быть, что он согласится превозмочь это затруднение. Во всяком случае сегодня я с ним поговорю.

Мне действительно довольно тяжко без Алеши, но что делать! Еще тяжелее было бы для меня, если б я оставил Модеста одного с Колей. Модест аккуратно занимается с Алешей, и в этом отношении последний очень много выиграл, ибо я никуда не годный, нетерпеливый и несносный учитель.

Вы спрашиваете, милый друг, кто высокие особы, с коими пришлось сталкиваться. Расскажу Вам, как я провел последние два дня, чтобы дать Вам понять, как много я вытерпел в Петербурге. В воскресенье от двух часов до пяти был у г-жи Абаза, где находилось все семейство вел. кн. Екатер[ины] Михайловны, которым пришлось сыграть отрывки из новой оперы. Дочь ее — очень способная певица и очень мило поет мои романсы. Оттуда отправился на обед к Исакову, главному начальнику военных заведений. Начало вечера провел у гр. Литке, а от одиннадцати часов вечера до трех просидел у симпатичного и очень музыкального вел. кн. Конст[антина] Конст[антиновича]. Он очень уговаривает меня предпринять вместе с ним осенью кругосветное плавание. Предложение не лишено соблазнительности, но ехать на три года, лишиться своей свободы, заключить себя, как в темницу, в каюту корабля, нет, на это я не решусь. В понедельник присутствовал на большом обеде у кн. Васильчиковой, где я был, так сказать, виновником торжества и где находилось большое общество из всевозможных титулованных особ, в числе коих был принц Евг[ений] Максимил[ианович] Лейхтенбергский, жена коего отличная певица и делает мне честь называть себя моей поклонницей. Повторяю: все это служит мне утешительным доказательством моего возрастающего успеха, но единый бог знает и из всех людей Вы один можете понять, чего мне все эти посещения аристократических и всяких других обществ стоили.

Анатолий переходит сюда на то же место, т. е. товарищем прокурора, так что повышения по службе нет. Но здешний его начальник, гр. Каннист, очень к нему благоволит, и есть надежда, что он пойдет в гору.

Какова погода! Как у меня хорошо в гостинице. Я отворяю балкон и беспрестанно выхожу любоваться видом на Кремль. Вероятно, мне придется остаться почти всю будущую неделю.

До свиданья, дорогой и милый друг.

Ваш П. Чайковский.

236. Мекк — Чайковскому.

Москва,
5 апреля 1880 г.

Тысячу раз благодарю Вас, мой милый, несравненный друг, за Вашу готовность помочь мне в деле, связанном с экзаменом Влад[ислава] Аль-[бертовича], но, подумавши и поговоривши с ним об этом, я пришла к тому решению, чтобы н е п р о с и т ь об ускорении экзамена, и поэтому мне, вероятно, придется пробыть май в Москве, т. е. в Сокольниках, и поехать в Браилов на одну только неделю....

Как мне Вас жаль, мой бедный, милый друг, что Вам не удалось и отдохнуть после петербургских мытарств. Эта судьба, она бывает очень злая и в особенности любит указывать людям, что все их планы и проекты ничего не значат против ее каприза. Ведь придумала же наслать на Вас великого князя. А как я рада, что Вас в Петербурге так чествовали. Пора нам ценить с в о е великое, хотя, я думаю, этого свойства нельзя будет найти в театральной дирекции; это такое богопротивное учреждение, которое не умеет, да и не хочет ценить ничего хорошего.

Как идет предмет постановки к будущему сезону Вашей «Jeanne d'Arc», Петр Ильич, обещают ее поставить или сперва еще какую-нибудь Г р о с с м а н о в с к у ю «Т е н ь» будут показывать публике? Вот эти-то всякие китайские тени и заслоняют д е й с т в и т е л ь н ы х т а л а н т о в русских. Дай бог, чтобы общественное мнение пришло на помощь «Jeanne d'Arc» и защитило бы ее против этой возмутительной дирекции....

Пожалуйста, милый друг мой, не отвечайте мне з д е с ь на мои письма и не пишите мне их. Я понимаю, что Вам и времени мало и расположение духа дурное, и потому убедительно повторяю свою просьбу не писать мне совсем, пока Вы в Москве.

До свидания, милый, дорогой друг. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

237. Мекк — Чайковскому

Москва,
8 апреля 1880 г.
7 часов утра.

Очень, очень благодарю Вас, мой милый, дорогой друг, за присылку мне вещей, купленных Вами для родных. Все эти вещи очень хорошенькие, но это не та работа, о которой я говорила, что она очень дорога. Я подразумевала mosaïque и образцы такой работы я пришлю Вам показать через Пахульского. Теперь попытаюсь угадать цены вещей: 1) браслет с cornaline стоит 200 L[ires], 2) крест с сапфирами—также около 200 L, 3) крест с голубою mosaïque и жемчугом—150 L, 4) золотой pendent ouvrage filigrané—60 L, 5) колечки с бирюзою и жемчугом—по 40 L и 6) самые маленькие колечки, одно из них—15 и другое (с висюльками)—10 L. Близко ли я угадала или нет? Если я дурно оценила, то простите мне, друг мой. В е р н о я знаю только то, что эти вещи очень, очень миленькие, не знаешь, которой отдать предпочтение, которую смотришь, та и лучше.

А у меня все дела, расчеты, разговоры. Вчера я должна была говорить и делать самые сложные расчеты ч е т ы р е ч а с а сряду и хотя я устала ужасно, но так как этот разговор шел с Володею, то я вынесла из него самое [*конец письма не сохранился*].

238. Мекк — Чайковскому

Москва,
8 апреля 1880 г.

Петр Ильич! Я в отчаянии от своей неудачной оценки [1], но скажу в свое оправдание вот что. Во-первых, Вы сами поставили меня на такую почву, на которой я тщательно старалась держаться: Вы мне писали, что такие вещи, как Вы купили, о ч е н ь д е ш е в ы в Риме, и это было моим point de départ* при оценке вещей; во-вторых, скажу Вам, что я н и к а к о г о толка не знаю в к а м е я х и не отличу никак a n t i q u e** от самой и о в е й ш е й, тем более, что в Париже теперь так велико́лепно работают всякие antiquités***, что надо изучать предмет специально для того, чтобы распознавать с т а р ы е камеи. Я к тому же их и не люблю. У меня есть парюра из четырех камей, стоящая шесть тысяч франков, и я никакой прелести в них не нахожу, а купила только для коллекции. По всем этим причинам Вы извините меня, милый друг мой, что я так неумело оценила Ваши покупки, но они во всяком случае очень хороши.

Мне сказал Пахульский, что Вы хотите завтра ехать. Неужели уж так скоро? Как я завидую Вам, что Вы можете ехать, да еще и в Киевскую губернию. Как бы я полетела туда. Сегодня, должно быть, очень тепло, но я простужена и опять не могу выходить.

Петр Ильич, не прислать ли Вам человека, чтобы уложить вещи в дорогу, а то ведь без Алеши Вам трудно с этим справиться, а я бы вам прислала Ивана Васильева; он сумеет уложить и отправить багаж. У меня же так много народа, что я не нахожу, что им давать делать. Пожалуйста, не церемоньтесь в этом случае, право, не к чему.

У меня идет отделка комнат, которые сгорели, а также и убранство Браилова. На-днях должен приехать из Парижа поверенный того дома, которому я заказала мебель, чтобы взять размеры стен, окон и дверей. Они очень педантичны, французы....

До свидания, милый друг мой. Всем сердцем горячо Вас любящая
Н. ф.-Мекк.

239. Чайковский—Мекк

Москва,
9 апреля [1880 г.]

Милый друг! Ваша ошибка в оценке вещей совсем не так велика, как Вам кажется, ибо если она и есть действительно ошибка (в чем еще можно будет усумниться), то это потому, что Вы не знали, что к а м е античное! Почему знать, впрочем! Может быть, с меня взяли за все это дороже, как с человека, очевидно, не знакомого с ценами. А главное, милый друг, мне хотелось Вашей апробации хорошего качества вещей и м о е г о в к у с а, а раз что Вы их хвалите, мое самолюбие совершенно польщено, и я очень доволен.

Я решительно еду послезавтра и, как Вы легко можете понять, жду не дождусь счастливой минуты приезда в Каменку.

---

* точкой отправления
** старинной
*** старинные вещи

Как бы мне хотелось, чтобы Вы как можно скорее могли тоже отлучиться из Москвы, которая, как по всему видно, причиняет Вам много забот и горестных минут.

Завтра напишу Вам, милый друг мой, подробнее. За предложение Ваше прислать мне Ив[ана] Вас[ильева] очень, очень благодарен, но не воспользуюсь им, ибо я велел притти брату Алексея, Михайле (который также у меня прежде служил), именно с целью уложить мои вещи.

Будьте здоровы и, главное, по возможности покойны душой, милый и дорогой друг мой.

Ваш бесконечно Вам преданный
П. Чайковский.

240. Чайковский—Мекк

Москва,
10 апреля [1880 г.]

Хотелось написать Вам сегодня по душе, т. е. свести итоги всего мною пережитого за последнее время, но суета последнего дня пребывания в Москве такова, что приходится ограничиться сухим изложением фактов. Я очень устал от Петербурга и Москвы. Много было тяжелых и неприятных минут, но в результате я, кажется, не должен жаловаться. Хорошо, если человек исключительно занятый одним предметом и вечно готовый работать в одной и той же сфере, иногда невольно выведен из своей колеи. Как ни странно это, но я начинаю думать, что меня освежит и придаст новые силы мое петербургское и московское пленение. Как обоятельна мне теперь покажется моя деревенская свобода! С каким рвением я буду теперь работать!

Думаю прожить в Каменке до 1 декабря. Милый друг! скажите мне откровенно: в случае, если Вы лишь на неделю поедете в Браилов или даже решитесь вовсе миновать его, можно мне будет провести недели две-три в Симаках? Признаюсь Вам, что отказаться от счастья пожить в этом милом уголке было бы для меня большим лишением. Не скрою от Вас, что хотя и в Браилове мне было бы до-нельзя приятно, но Симаки более удовлетворяют всем условиям для моего полнейшего благополучия. Возможно ли исполнение моей просьбы?

Теперь позвольте мне вмешаться в Вашу жизнь и предстать пред Вами в качестве советчика. Уж если решено, что Вы едете за границу в начале июня и что ранее конца мая уехать не можете, то мне кажется, что поездка в Браилов лишь на одну неделю не принесет Вам ничего, кроме утомления. Как ни

грустно мне подумать, что если я и буду наслаждаться Симаками, то без Вашего соседства, но я все-таки посоветовал бы Вам приехать в Браилов лучше осенью месяца на два. От души желаю, чтоб так или иначе Вы поскорее освободились бы от всех Ваших московских забот и огорчений. Счастие мое и спокойствие никогда не может быть полно, когда я знаю, что человек, которому я обязан всеми благами жизни и свободой, страдает и томится! Дай бог Вам найти поскорей отдохновение и ничем не смущаемое счастье тихой и светлой жизни вне утомляющей Вас среды деловых и всяческих столкновений с людьми Вам чуждыми или не безусловно Вам преданными.

Я получил известие, что сестра с двумя старшими дочерьми на Фоминой неделе едет за границу. Это довольно грустно, но я рад, что она начинает серьезно заботиться о своем здоровье.

Вы не забыли каменский адрес? Фастовская ж. д., ст. Кам[енка], П. И. Ч.

Я и забыл поблагодарить Вас за «Русскую старину».

Желаю Вам приятно провести праздники.

Безгранично любящий, преданный и благодарный

П. Чайковский.

Юлье Карловне, Милочке приношу заранее мои поздравительные приветствия по случаю праздников.

241. Мекк — Чайковскому

Москва,
11 апреля 1880 г.

Милый, бесценный друг мой! Как Вы можете спрашивать, можно ли Вам будет пожить в Симаках. Вы знаете, как я счастлива иметь Вас своим гостем в езде, где бы Вы ни выбрали себе резиденцию. Симаки же я нарочно взяла в аренду сама для того, чтобы иметь наслаждение принимать Вас гостем у себя. Если я предлагала Вам по нашем отъезде переехать в Браилов, то потому, что, я думала, Вам там просторнее. Ужасно мне хочется побыть хоть несколько деньков вместе с Вами, мой милый друг, в Браилове, и потому я бы Вас убедительно просила приехать в Симаки именно в то время, которое я Вам укажу. Мне необходимо надо дня два раньше Вас приехать в Браилов, чтобы приготовить Симаки, но так как я только самое короткое время могу пробыть в Браилове, то я Вас усердно прошу, мой дорогой, приехать в Симаки точно в то время, как я Вас буду просить....

Юля очень благодарит Вас за память, также поздравляет с наступающим праздником и желает доброго и всех возможных благ. Милочка продолжает каждое утро целовать Ваш портрет. В четверг приедут мои мальчики.

Как это Вы сидели в театре, Петр Ильич, что мы Вас не видели? Соне поручено было Вас искать, когда мы приехали, потому что из нас трех она одна не близорука, но и она не видела Вас нигде. А потом я узнала от

Пахульского, что Вы были. Как я рада, что Ваш Сербский марш в я й т четыре руки. У меня лежат на рояле два экземпляра.

До свидания, мой милый, бесценный. Дай Вам бог здоровья, полного отдыха после утомительного времени и ничем не нарушаемого удовольствия. Всем сердцем всегда и горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

242. Чайковский—Мекк

Каменка,
15 апреля [1880 г.]

Мне хотелось, милый и дорогой друг, написать Вам тогда, когда уже весь порядок моей жизни войдет в свою колею. Но кажется, что это случится еще нескоро. Во-первых, благодаря отсутствию Алеши, в моих вещах происходит немалый хаос, и я ежеминутно вспоминаю о своем верном, умном и столь привычном мне слуге, тщетно дожидаясь известий о Модесте и о том, когда их можно будет ожидать. Во-вторых, в доме идет суета по случаю приближающихся праздников и ожидаемых гостей. Приедет брат мой Ипполит с женой и дочерью. Приедет также двоюродный брат Льва Васильевича, Давыдов, очень почтенный и милый старичок, но очень избалованный роскошью, вследствие чего ему приходится отводить чуть не половину дома, и, следовательно, весь дом вверх дном идет. Наконец, я еще не достаточно осмотрелся, чтобы установить определенный порядок дня.

Я нашел всех своих п о ч т и здоровыми. Говорю п о ч т и, потому что сестра все-таки не совсем здорова и лежит в постели: у нее легкие не в порядке, кашель и хрипота. Племянница Таня очень похудела и очень бледна (она вынесла нынче зимой серьезную болезнь), но очень похорошела. Вера прелестна, Тася веселее, чем когда-либо. Племянники выросли и возмужали. Мой любимец Володя сделал большие успехи в музыке, а маленький Юрий успел выучиться говорить свободно по-английски. Господи, что за чудное и за очаровательное все это семейство, и как я счастлив, находясь в среде их!

После Фоминой недели сестра с двумя старшими девочками отправляется за границу, а именно в Франценсбад и, вероятно, на морское купанье. Отсутствовать они будут месяца три. Это очень грустно!

Я буду до-нельзя счастлив, если моя поездка в Симаки совершится в начале июня, так, как Вы писали мне. Лишь бы только до тех пор успел вернуться мой Алеша, который еще до того должен здесь в уездном городе Чигирине выдержать экзамен на льготу четвертого разряда для отбывания воинской повинности. Надеюсь, что к тому времени он успеет покончить с сво-

им экзаменом. Во всяком случае, с Алешей или без Алеши, но буду.

Поздравляю Вас и всех Ваших с праздником! Будьте здоровы, друг мой!

Безгранично преданный.

П. Чайковский.

243. Чайковский—Мекк

Каменка,
18 апреля 1880 г.

Сегодня холодный с северным ветром день. Вообще весна еще не вполне вступила в свои права, и соловьи еще до сих пор не слышны. Но в лесу все-таки хорошо. К сожалению, лес так далек, и так трудно здесь им наслаждаться. Это не то, что Браилов! Моя жизнь все еще не установилась по старому заведенному порядку, и я еще не могу в определенные часы заниматься, гулять и т. д.

У нас тут набралось несметное количество гостей, и в доме суеты гораздо более, чем было бы желательно. Сегодня я дебютировал в качестве церковного регента. Сестра непременно хотела, чтобы мы сегодня пели при выносе плащаницы «Благообразный Иосиф». Достали ноты, образовали квартет из сестры, Тани, Анатолия и меня и приготовили этот тропарь, переложенный Бортнянским. Дома пение шло хорошо, но в церкви Таня спуталась, а за ней и все. Несмотря на тщетные мои усилия восстановить порядок, пришлось остановиться, не докончив. Сестра и Таня безмерно огорчены этим эпизодом, но в воскресенье представится случай загладить наш позор во время обедни. Я взялся разучить с ними седьмой номер «Иже херувимы» Бортнянского и «Отче наш» из моей литургии.

Получил письмо от Модеста из Сорренто. Оно преисполнено восторга перед красотами тамошней природы. Он описывает свою поездку в Капри и в Лазурный грот. Это, должно быть, что-то в самом деле волшебное. Из Модестиного письма усматриваю, что Алеша во всяком случае в понедельник четырнадцатого числа должен был выехать пароходом из Неаполя. Сам Модест, в ожидании писем от Конради, еще не решил, поедет ли тоже на этом пароходе. С нетерпением ожидаю своего Алексея.

В последние дни я изучал в одно и то же время две новых оперы: «Калашникова» Рубинштейна и «Jean de Nivelle» Leo Deslibes. Первая из них необычайно слабое произведение. Вообще Рубинштейн поступает совершенно так же, как певица, уже утратившая голос, но все еще претендующая

очаровывать слух публики. Это талант уже давно выдохшийся и утративший всякое обаяние. Ему бы следовало остановиться и довольствоваться уже сделанным прежде. Молю бога, чтобы мне со временем не впасть в ту же ошибку! Совершенно другое впечатление производит опера Deslibes'a. Свежо, изящно, талантливо в высшей степени. Не просмотрите ли Вы, милый друг, эту оперу?

Желаю Вам как можно приятнее встретить и провести праздники, мой добрый, дорогой, милый друг! Решено ли дело Влад[ислава] Альберт[овича] и когда Вы рассчитываете попасть в Браилов? А я только об том и мечтаю, как бы дожить до водворения в Симаках!!!

Бесконечно любящий Вас

П. Чайковский.

244. Мекк — Чайковскому

Москва,
21 апреля 1880 г.

Христос воскресе! Поздравляю Вас с праздником, мой милый, бесценный друг, и желаю от души как можно скорее успокоиться от всех неурядиц, происходивших в Вашей жизни за последнее время....

Что касается времени Вашего приезда в Симаки, Петр Ильич, то, пожалуйста, не стесняйтесь нисколько моим желанием и моим пребыванием в Браилове в этом случае. Вам, конечно, опять-таки будет очень неудобно приехать без Алеши, то прошу Вас и приглашаю приехать тогда, когда он окончит вполне свои экзамены и может ехать за Вами всюду. Скажите, друг мой, в чем состоит эта льгота, которую он может получить, если выдержит экзамен?...

Вы писали, что Александра Ильинишна после вод поедет к морским купаньям. Посоветуйте ей, друг мой, поехать в Arcachon. Мы будем также там приблизительно с 20 июля. Там я бы могла послать своих мальчиков к Александре Ильинишне засвидетельствовать свое почтение и просить позволения бывать, а за границею гораздо легче людям сходиться. Надо еще Вам сказать, милый друг мой, что во мне произошла маленькая перемена в деле будущей судьбы наших детей, а именно: я давно уже сделала такое наблюдение в жизни, результатом которого явилось убеждение, что в супружестве женщина должна быть старше мужчины, а в последнее время я еще больше и окончательно убедилась в этом. Вследствие того я нахожу, что гораздо было бы лучше, если бы нам удалось соединить Колю с Верою, а не с Тасею, тем более, что в нее влюбиться он может сейчас, так как она взрослая барышня. Я думаю, они оба будут одних лет: Коле 16 апреля кончилось семнадцать лет. А для меня очень желательно, чтобы он как можно скорее попал на мысль заслуживать себе жену в семействе Александры Ильинишны, для того чтобы не влюбился ни в кого в Петербурге, так как он бывает у товарищей, где у всех есть сестры. Основанием к такому страху служит то, что, вообразите, друг мой, этот Сашок, такой тихоня, философ, от которого я этого никак не ожидала, проговаривается уже о том, что он нашел себе невесту, сестру своего товарища и друга. Вот об этом семействе мне бы хотелось что-нибудь узнать. Это семейство Астафьевых, состоящее из

матери-вдовы, двух сыновей и двух дочерей. Так вот одну из них, четырнадцатилетнюю, которая, как говорит Сашок, очень похожа на Милочку, он выбирает себе в невесты. Не знаете ли Вы, Петр Ильич, чего-нибудь об этом семействе?... Так вот, милый друг, по всем этим причинам и соображениям мне бы ужасно хотелось, чтобы Александра Ильинишна приехала в Arcachon и мои сыновья могли бы с нею познакомиться. Что касается климата, местности и пользы купаний, то лучше ничего быть не может. Это восхитительное место....

Прошу Вас, Петр Ильич, передать мое поздравление с праздником Александре Ильинишне и Льву Васильевичу и искреннее желание здоровья и всякого благополучия. Дай бог Александре Ильинишне скорее поправиться.

У меня, слава богу, все здоровы. Юля благодарит Вас очень за память об ней. Она и все мое семейство поздравляют Вас с праздником и желают всего хорошего.

Каковы всходы пшеницы у Льва Васильевича?

Будьте здоровы, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

245. Чайковский—Мекк

[Каменка]
24 апреля 1880 г.

Получил сегодня дорогое письмо Ваше, милый друг мой, и поспешаю ответить. Относительно наших планов соединить Колю с одною из племянниц моих скажу Вам, что для меня одинаково желательно, чтобы он избрал ту или другую, ибо я одинаково сильно люблю (хотя и каждую по-своему) всех четырех. Определить же, которая из них лучше всего будет соответствовать условиям их обоюдного счастия, я в настоящую минуту не могу. Только время может уяснить мои сомнения и колебания в разрешении этого вопроса. А покамест мне остается только от души сожалеть, что до сих пор еще не состоялось ознакомление Ваших юношей с семейством сестры, и желать, чтобы это как можно скорее случилось. Я надеюсь, что поездка сестры в Аркашон будет возможна. Если здесь летом все будет благополучно, т. е. младшие дети будут здоровы, то, по всей вероятности, она поедет на морские купанья, и в таком случае отчего бы ей не ехать в Аркашон? Буду надеяться, что это так и будет.

Дня три тому назад я получил письмо от Модеста, извещающего меня, что он с Колей и Алешей в день написания письма (14 апреля) выезжают пароходом из Неаполя. Сегодня они должны быть в Одессе, а завтра или послезавтра я надеюсь увидеть их здесь. Вы можете себе представить, милый друг, до чего мне это приятно. К сожалению, по крайней тесноте помещения в нашем доме, Модесту придется жить довольно далеко от нас, в доме матери Льва Васильевича, и за неимением у него собственной прислуги придется еще на время мне уступить ему Алешу. Впро-

чем, это не надолго. На-днях уедет двоюродный брат Льва Васильевича и Анатолий, и тогда Модеста можно будет поместить у нас.

Вы спрашиваете, в чем состоит льгота, которую Алеша может заслужить, выдержав экзамен? Она состоит в том, что вместо шести лет он прослужит три. Со страхом думаю я о ноябре месяце, когда Алеша подлежит призыву и когда должна разрешиться его участь. Нужно большое счастье, чтобы вытянуть счастливый жребий и быть освобожденным от отбывания военной повинности.

В хозяйстве каменском неладно. Всходы пшеницы великолепны, бураки посеяны, но фатальная засуха портит все дело. Вот уже недели три, как не было дождя, а его именно теперь и нужно, больше чем когда-либо. Барометр все поднимается, и нет никакой надежды, чтобы в скором времени пролился на землю благодатный дождь. Для прогулок погода стоит отличная, но грустно смотреть на томящуюся от бездождия зелень полей и леса. Ландыши тоже туго подвигаются.

Сестра и зять премного благодарны Вам, милый друг мой, за пожелания Ваши. Они с своей стороны поручают мне передать Вам их поздравления и желания всякого благополучия Вам и всем Вашим.

Несмотря на все мое желание, ничего не могу сказать Вам о семействе О с т а ф ь е в ы х.

Если позволите, Надежда Филаретовна, я установлю в правильном порядке мою корреспонденцию Вам, т. е. по примеру прошлого года буду писать Вам раз в неделю, а именно, по средам.

Будьте здоровы, покойны, счастливы.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

Если б Вы только знали, как я мечтаю о Симаках!!!

246. Чайковский—Мекк

1880 г. апреля 27—30. Каменка.

27 апреля 1880 г.
Понедельник.

Модест с Колей и Алешей вернулись уже четыре дня тому назад. Не стану Вам описывать, милый друг, сколько мне доставило радости свиданье с ними. Модест удивительно приятный сожи-

тель, и все наши совместные сожительства за границей оставили во мне самое приятное воспоминание. Его ровный нрав, его философски спокойное отношение к явлениям жизни, его замечательный ум и необычайно доброе сердце делают из него очень драгоценного для меня друга. Я люблю Анатолия нисколько не меньше, но характер последнего представляет много препятствий для спокойствия. Он вечно волнуется, кипятится, суетится и часто без особенного основания. Он слишком нервен, чтобы служить опорой для такого тоже нервно-раздраженного человека, как я.

Возвращение Алеши преисполнило меня очень радостными чувствами. Это тоже верный, преданный и прочный друг. К сожалению, мне приходится покамест поневоле обходиться без его услуг. Модесту не нашлось места в нашем доме. Его поместили у матери Льва Васильевича, и обстоятельства сложились так, что ему Алеша еще несколько дней более нужен, чем мне. Но скоро все придет к нормальному порядку.

Засуха наводит на всех уныние. Бедный Лев Васильевич совсем упал духом, да и есть отчего. На поля жалко смотреть: все сохнет и чахнет. Уже четыре недели не было ни единой капли дождя. Если и на-днях его не будет, дело примет серьезный и опасный поворот. Это тем более досадно, что и прошлый год был неудачен как для Каменки, так и для Вербовки. Но зато ландыши, несмотря на засуху, уже распустились, соловьи поют неумолкаемо, и, когда нет ветру, весна дает себя чувствовать во всей своей прелести.

29 апреля.

Какое чудное путешествие сделал Модест! Он из Неаполя ехал пароходом, останавливался в Мессине, в Афинах и в Константинополе. В последнем городе пароход стоял трое суток, и наши туристы успели его хорошо осмотреть. Алеше и Коле турецкая столица не понравилась. Модест остался в совершенном восторге от с в. С о ф и и. Я непременно хочу когда-нибудь совершить такой же переезд, но в обратном направлении, т. е. из Одессы в Неаполь.

Сегодня день положительно ужасный, т. е. страшный порывистый ветер, и весь горизонт обложен облаками, но только не дождевыми, а пыльными. Солнца не видно, окна нельзя отворить, чтобы не быть тотчас же обложенным густым слоем пыли. Для каменского хозяйства наступает критический момент, и просто страшно становится, когда подумаешь, что̀ может случиться, если, наконец, не польет дождь.

Я выписал новый журнал: «Исторический вестник» и очень им доволен. Знаком ли он Вам? Если нет, то советую Вам его приобрести.

30 апреля 1880 г.

Третьего дня я получил письмо от какого-то директора Киевского отделения Музык[ального] общ[ества], предлагающего мне стать во главе музыкальных дел этого Общества, т. е. быть директором имеющегося там училища и распорядителем концертов. Не задумываясь ни единой минуты, я написал решительный отказ, несмотря даже на то, что Киев, как город, имеет для меня много привлекательных сторон. Вкусив сладкого плода свободы, я утратил теперь всякую способность переносить какое бы то ни было ярмо. Но не скрою от Вас, что немножко совесть меня упрекает в том, что я эгоистически отстранил себя от деятельности на пользу учащейся молодежи. Что же мне делать, если от природы я лишен таланта к педагогической деятельности и если я могу жить спокойно и счастливо только под условием не иметь никакого обязательного местопребывания и вообще никаких цепей, приковывающих к чему бы то ни было?

Имею довольно утешительные известия об «и з в е с т н о й о с о б е». Она хлопочет о получении места м у з ы к а л ь н о й д а м ы в одном из московских институтов. Хотя я предпочел бы, чтобы она поселилась где-нибудь в провинции, но дай бог, чтоб и хоть в Москве получила желаемое место. Письмо, которое я ей написал осенью, имело на нее хорошее влияние. Она наконец поняла, что чем менее будет мечтать о восстановлении своих отношений ко мне, чем менее будет напоминать мне о себе, тем для нее выгоднее. В течение этой зимы в награду за то, что она игнорировала меня, я дважды посылал ей экстраординарные вознаграждения. Послушавшись моего совета, она хочет теперь получить место в институте, и, кажется, ей это удастся.

Алеша при мне. Наконец я чувствую себя вполне дома; в моих вещах и во всем образе жизни восстановляется порядок. Я надеюсь, что экзамен свой Алексей сдаст в течение мая и что в начале июня мне можно будет отправиться к Вам, под Ваше теплое крылышко в столь любимый мной Симацкий домик. Я мечтаю об этом ежечасно, ежеминутно.

Будьте здоровы, бесценный друг.

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

247. Чайковский—Мекк

1880 г. мая 3—7. Каменка.

Каменка,
3 мая.

Вы спрашиваете, милый друг, что за человек Римский-Корсаков?[1] Я его порядочно знаю и до прошлого года считал его человеком, вполне достойным всякого уважения. Но с того вечера, когда в прошлом 1879 г. я видел его на концерте того же г. Шостаковского распорядителем и дирижером, поднесшим от публики лавровые венки концертанту, мое хорошее мнение о нем поколебалось. Шостаковский—совершеннейший нуль, ничтожество, случайными обстоятельствами возведенное на высоту выдающегося таланта. Его заставили разыграть роль жертвы деспотизма Рубинштейна. Что Рубинштейн деспот и подчас очень самодурный и очень взбалмошный, это мы все хорошо знаем, но именно по отношению к Шостаковскому он не оказал никакой особенной несправедливости, так как в самом деле эта знаменитость очень бездарна и недостойна появляться на эстраде в Муз[ыкальном]обществе. Ошибка Руб[инштейна] состоит в том, что ему не следовало вовсе приглашать его преподавателем в консерваторию. Как бы то ни было, но поддержка, оказываемая кружком Римского-Корсакова г. Шостаковскому, основана на том, что Корсаков был сердит на Рубинштейна, который, взявшись руководить парижскими концертами во время выставки, помешал кружку выставить одного из своих и иметь исключительное влияние на составление программ. Это очень мелочно, пошло и недостойно честного и серьезного артиста, каким я воображал прежде Корсакова. Положим даже, что Рубинштейн, не испещрив программы концертов творениями Мусоргского, Корсакова, Кюи и Бородина, совершил художественную ошибку, но из этого не следует, что в отмщение ему нужно поддерживать и увенчивать лаврами такое абсолютное ничтожество, претендующее на серьезное значение, как Шостаковский[2].

Погода несколько изменилась, но Каменка как будто заколдована, и дождя все-таки нет. Кругом везде ходят тучи, и в окрестностях перепадают хорошие дожди, но бедную Каменку они минуют. По крайней мере, теперь есть надежда, что очарование скоро кончится и что несчастные каменские поля дождутся влаги с облаков. До чего они в ней нуждаются! Нельзя без слез смотреть на истощенную жаждой растительность!

Вчера уехал брат Анатолий. Он начинает свою службу в Москве с большой неосторожности. Вместо того, чтобы остаться здесь полторы недели, на что имел законное право, он остался

целых три, и я очень боюсь, что его дебют в Москве будет служебною неприятностью за произвольное продление отпуска. Дай бог, чтобы его служба пошла успешнее. Анатолий вообще меня очень беспокоит.

Как я рад, милый друг, что Вы часто видите таких милых детей, как те, про которых Вы мне пишете! Нет в мире ничего более отрадного, как созерцание детских милых лиц, и я здесь постоянно ими наслаждаюсь, так как маленький Ю р и й и его старшие братья—восхитительные дети! Мой любимец Володя, вероятно, будет артистом; он беспрестанно обнаруживает признаки очень богатой артистической фантазии. Собственно к музыке у него больших способностей нет, хотя и по этой части он делает успехи. Вероятно, из него выйдет или живописец или поэт.

6 мая.

Слава богу, засуха кончилась. Вот уже несколько дней сряду периодически падает дождь. Зато началось другое бедствие—ж у ч к и. Об этом ужасном насекомом, пожирающем, как саранча, свекловичные плантации, у Вас в Подольской губернии еще не имеют понятия, и дай бог, чтобы он не дошел до Вас. Здесь с каждым годом они плодятся все более, несмотря на все предпринимаемые меры. Приходится все свекловичные поля пересевать. Можете себе представить, милый друг, сколько страдает от этого свекловица!

У меня теперь две работы и обе спешные: 1) инструментую фантазию на итальянские темы, которая непременно должна быть окончена в самом непродолжительном времени, чтобы быть напечатанной к будущему сезону, и 2) делаю корректуру первого акта «О р л е а н с к о й д е в ы», которую тоже хочу непременно приготовить к августу, хотя я до сих пор еще не имею положительных сведений о том, пойдет ли она в Петербурге.

Алешу я устроил очень хорошо. Здесь есть двухклассная школа, в которой экзамены на льготное свидетельство происходят в конце мая или начале июня. Чтобы иметь право держать в ней испытания, он должен был поступить в списки учеников, в противном случае ему пришлось бы ехать в июле в уездный город и экзаменоваться там. Теперь он каждое утро отправляется в школу и возвращается лишь к обеду. Я надеюсь, что экзамен состоится никак не позже 1 или 2 июня, и тогда по окончании его я тотчас же, если позволите, отправлюсь в Симаки.

Сестра в последние дни опять нехорошо себя чувствует. За границу она думает выехать между пятнадцатым и двадцатым числом.

7 мая.

День невеселый. Дождь льет, не останавливаясь ни на минуту, но так как для хозяйства это хорошо, то нужно утешаться этой мыслью. Для ж у ч к о в дождь, к сожалению, не вреден. Они только прячутся, но, как только выглянет солнце, принимаются есть с удвоенной прожорливостью.

Сирень теперь в полном цвету, и, смотря на кусты ее, я беспрестанно вспоминаю Браилов, где два года сряду мне приходилось быть как раз во время расцвета сирени. Как там должно быть хорошо теперь!

Полагаю, что Вы уже в Сокольниках. Дай Вам бог хорошей погоды. Сокольники с их чудным лесом могли бы быть прелестным местом, если бы были подальше от Москвы. Я очень хорошо знаю место, где Ваша дача.

Будьте здоровы, милый, дорогой друг.

Безгранично преданный Вам
П. Чайковский.

Юлье Карловне, Пахульскому и Милочке поклон.

248. Мекк—Чайковскому

[Москва]
10 мая 1880 г.
7 часов утра.

Милый, дорогой друг! Пишу Вам сегодня только несколько слов, потому что уже написала два деловые письма. У нас холод ужасный, несколько раз шел снег. Я совсем была готова переехать на дачу в Сокольники. Все было уложено, и в доме все убрано и приведено в положение отсутвующих хозяев, как в тот же день, когда я должна была переехать, пошел снег, термометр упал на четыре градуса, и мне пришлось сидеть в комнатах, где вся мебель, люстры, часы находятся под чехлами, где нет даже достаточного количества пепельниц, и ждать погоды....

Владислав Альбертович занимается усердно к экзамену. Вчера он, бедный, был огорчен: получил известие, что отец болен, а он ужасно привязан к своему отцу, и тем более огорчен этим, что не может и поехать к отцу по случаю экзамена. Поэтому послал вчера туда своего брата. Его отец служит на нашей железной дороге помощником начальника участка и живет в Либаве.

В Браилов хочется мне выехать двадцать восьмого, не знаю, как удастся. Послала туда Ивана Васильева приготовить что можно. До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

249. Чайковский — Мекк

1880 г. мая 12—14. Каменка.

Каменка.
12 мая.

Только что окончил инструментовку итальянской фантазии. Не знаю, какую собственно музыкальную ценность будет иметь это произведение, но заранее уверен в том, что оно будет хорошо звучать, т. е. что оркестр эффектен и блестящ. Теперь примусь за переложение его в четыре руки и постараюсь, чтобы оно было как можно легче.

В последнее время чувствую себя нехорошо: дурно сплю, без всякой причины ежеминутно раздражаюсь, о чем-то неопределенном беспокоюсь, чего-то неопределенного же страшусь, ну, словом, нервничаю, но воли себе не даю и в борьбе с своей нервностью остаюсь победителем. Вообще же у нас здесь все благополучно, и все здоровы. Погода стоит невеселая, холодная и хмурая.

14 мая.

Мое неопределенное состояние нездоровья разрешилось очень пустяшной, но весьма скучной болезнью, т. е. крапивной лихорадкой, замечательно назойливой и мешающей мне спать.

Сегодня я получил письмо Ваше, милый друг. Радуюсь от всего сердца, что экзамены сыновей Ваших идут благополучно. Меня очень трогает милое внимание Сони или, вернее, Софьи Карловны, ибо она уже почти взрослая барышня. Потрудитесь ей передать, что в pendant к Сербскому маршу, при звуках которого она хочет умирать, я написал теперь веселую и светлую итальянскую пьесу и весьма желал бы, чтобы эта последняя, наоборот, возбуждала бы в ней жажду жизни, охоту танцовать, веселиться. Все это гораздо больше идет к ее хорошенькой молодой особе, чем мысль о смерти, связанная с Сербским маршем.

Как мне благодарить Вас, милый, лучший друг, за Ваше предложение содействовать освобождению Алексея от военной повинности?[1] Увы, об этом, кажется, нельзя мечтать. Сколько мне известно, п о д к у п при приеме невозможен, и попытки к нему в случае неудачи (что почти неизбежно) могут повлечь за собой большие неприятности. Ваш швейцар призывался на вторичную службу, это—совсем другое дело! Единственная надежда, это что Алексей вытянет счастливый жребий. В домике Романовых я был несколько раз. Всякая с т а р и н а меня всегда интересует. Но как, к сожалению, в Москве мало сохранилось памятников старинного быта! И как мало у нас заботятся об этом!

Жуки продолжают приводить в отчаяние всех хозяев здешних местностей. Все свекловичные поля приходится пересевать, но и пересеву угрожают эти отвратительные насекомые. У графа Бобринского теперь находится профессор Одесского университета, занимающийся изысканием средств к истреблению их будущих поколений. На него надежд возлагают мало.

Мне прислали корректуру второго действия оперы. Какая невыносимо скучная работа! Какое несчастье, что Юргенсон, несмотря на все свои старания, не может найти такого корректора, на которого можно было бы положиться. Сколько это сберегло [бы] мне времени и запасов терпения!

От бессонницы чувствую себя усталым и слабым.

Будьте здоровы, милый друг мой! Всем Вашим усердный поклон. Я и забыл поблагодарить Вас и Юлью Карловну за «Р у с к у ю с т а р и н у»!

П. Ч.

Пахульскому от души желаю получить утешительные известия от отца и успешных экзаменов.

250. Чайковский—Мекк

1880 г. мая 19—21. Каменка.

Каменка,
19 мая 1880 г.

Милый, дорогой друг! Пишу Вам ранним утром. Солнце еще невысоко, в отворенное окно ко мне доносится запах белой акации, распустившейся в нынешнем году в невероятном изобилии. Вчера был дождь, и воздух, который в Каменке всегда заражен близостью жидов и завода, еще сохранил свою чистоту и свежесть, воробьи весело и громко чирикают,—какая все это прелесть! Если Вы уже, наконец, на даче, то очень может быть, что и Вы в эту минуту испытываете приятное впечатление тишины и утренней свежести воздуха. Но я от всей души желаю, чтобы поскорее Вы могли очутиться у себя в Браилове, ибо, как ни хорош лес, близ которого Вы живете, а все же это д а ч а, Вы там не вполне у себя! Дай бог, чтобы все экзамены, от окончания которых зависит Ваш отъезд, были выдержаны благополучно и чтобы Вы с легким сердцем могли покинуть Москву как можно скорее.

Вы писали мне, что зиму хотите провести в Киеве. Позвольте мне по этому поводу сказать Вам следующее. Я очень хорошо понимаю причины, по которым жизнь в Москве тяготит Вас.

Дом Давыдовых в Каменке

Но приняли ли Вы, милый друг, в соображение, что Киев все-таки м а л е н ь к и й город, что людям, ищущим быть в стороне от света и его суеты, менее всего подходят условия городской провинциальной жизни, где все на виду и где Вы своим появлением сосредоточите на себе упорное внимание всего общества гораздо больше, чем в любом большом столичном городе? А музыка? Известно ли Вам, что в Киеве нет порядочного оркестра, что Вы обречены там никогда не услышать хорошего симфонического или квартетного исполнения? Что вообще умственные и художественные ресурсы общественной жизни даже в Киеве сводятся к нулю, хотя он и претендует на значение большого города? Простите, что я, быть может , некстати разочаровываю Вас, когда уже Ваше переселение в Киев решено. Но, по-моему, Вам, с Вашими привычками и требованиями, подобает жить и л и в деревне, и л и в очень большом городе, и я очень боюсь, что Вы не найдете в Киеве тех условий, от исполнения которых зависит Ваше спокойствие. Если Вы покидаете Москву, чтобы удалиться от некоторых тягостей и докучных обстоятельств, то уверены ли Вы, что в Киеве Вы будете от них свободны? Достаточно ли это далеко от Москвы? Не лучше ли, одним словом, чтобы Вы, положим, две трети года проживали у себя в Браилове, а остальную треть в Италии? Еще раз прошу извинить за то, что вмешиваюсь в разрешение вопроса о Вашем будущем образе жизни. Но мне так бы хотелось, чтобы Вы нашли, наконец, д е й с т в и т е л ь н ы й способ жить спокойно и с в о б о д н о!

Здоровье мое в хорошем состоянии. От крапивной лихорадки наконец отделался. Работаю все еще до утомления и, пока корректуры оперы не будут кончены, я не буду чувствовать себя облегченным.

21 мая.

И з в е с т н а я о с о б а напомнила о себе. Юргенсон пишет мне, что была у него ее мать (женщина столь же взбалмошная, сколько и ее дочь, но более злая) и просила его уговорить меня согласиться на развод, точно будто я когда-нибудь в принципе был против этого. Это напоминание не заставит меня ни на шаг отступиться от принятой прошлой осенью программы действий. Если Вы помните, милый друг, я дал п з в е с т н о й о с о б е год сроку, в течение коего посоветовал ей постараться, наконец, понять, в чем заключаются ее интересы и ч т о т а к о е бракоразводный процесс. Если осенью я увижу из письма ее, что на сей раз она серьезно понимает, в чем дело, или если от имени ее явится ко мне деловой человек, облеченный ее полною доверенностью, тогда я только начну, может быть, помышлять о начатии дела. Судя по ее хорошему поведению в этом году (она ни

разу не писала ни мне, ни родным моим), она, кажется, начинает одумываться.

Будьте здоровы, бесконечно любимый и дорогой друг!

Ваш П. Чайковский.

251. Мекк—Чайковскому

[Москва]
22 мая 1880 г.

Милый, бесценный друг! Как Ваше здоровье, прошла ли крапивная лихорадка? Дай бог, чтобы это письмо нашло Вас совсем здоровым и веселым. С каким нетерпением я жду нашего общего приезда в Браилов. Хотя и очень мало придется пробыть вместе, но все-таки это такое счастье, которое надолго оставляет мне радость в сердце....

Соня в восторге от Вашего внимания и просила меня всегда посылать Вам ее поклоны, но, пожалуйста, Петр Ильич, не производите ее так рано в чин С о ф ь и К а р л о в н ы; она не только просто С о н я, но еще и самая взбалмошная, какую когда-либо бог создавал. Я желала бы, чтобы Вы считали ее себе настолько близкою, чтобы она всегда была для Вас С о н е ю....

Как меня интересует Ваша Итальянская фантазия, милый друг мой. Как я буду рада, когда она выйдет в четыре руки....

Мои проекты на нынешний год таковы. Летом с мальчиками побывать в Швейцарии на Lac des quatre Cantons, в Berner Oberland и в Chamonix, проехаться на Lago di Como и в Милан, оттуда в Arcachon, где остаться и после их отъезда до 1 октября, потом в Рим на одну неделю и в Неаполь месяца на два. К рождеству вернуться в Браилов и остаток затем зимы прожить в Киеве, где для меня приискивают уже квартиру. Я знаю, милый друг, Вы найдете неблагоразумным в декабре перенестись из Н е а п о л я в Россию, но что делать: у кого есть одиннадцать человек детей, тот не может делать только то, что полезно для его здоровья. Мне слишком жаль лишить этих бедных мальчиков удовольствия провести праздники в своем семействе, а там уж пусть, что бог даст, то и будет....

Я Вам, кажется, писала, милый друг, что хочу произвести раздел состояния моего мужа, потому что существующий порядок вещей становится невозможным, я не хочу отдавать никому отчетов, не хочу подвергаться ничьей критике. Дело это мало подвинулось вперед, потому что мало есть людей на свете, которые умели бы с к о р о делать дела. Если это дело устроится, напишу Вам, каким образом. До свидания, милый несравненный друг. Всем сердцем Вас любящая [*подписи нет*].

P. S. Все мои барышни Вам сердечно кланяются.

252. Чайковский—Мекк

1880 г. мая 24—28. Каменка.

24 мая 1880 г.

Расскажу Вам, дорогой друг, про маленький роман, происходящий у нас в доме. Вы, вероятно, помните, что прошлою

осенью племянница Таня жила у тетки в Крыму, что там в нее влюбился некто г. Кошкаров, человек очень умный, но уже очень немолодой и много ж и в ш и й. Таня была тронута и несколько увлечена им, но так как родители ее отнеслись очень несочувственно к этому браку (на что, узнав различные подробности про Кошкарова, они имели достаточные основания) и так как в течение зимы этот странный претендент на ее руку не сделал никакого шага, чтобы познакомиться с моей сестрой и зятем, то мало-по-малу дело это кануло в воду. Между тем нынче зимой хорошенькая Таня успела полонить еще несколько сердец. Между ними особенно горячим поклонником явился некто кн. Трубецкой, молодой человек двадцати четырех лет, офицер с георгиевским крестом, чрезвычайно симпатичный, добрый и милый. Он гостил у нас здесь на пасхе, и всем было ясно, что он увлечен Таней. На-днях он снова явился и, наконец, третьего дня сделал Тане формальное предложение. Она ответила ему, что питает к нему искреннее сочувствие и если его родители с своей стороны не воспротивятся этому браку, то она охотно сделается его женой. Никаким с л о в о м она себя не связала и его просила считать себя свободным до тех пор, пока он не получит разрешения родителей. Теперь Трубецкой отправляется сначала хлопотать об отпуске, потом едет к отцу и матери, живущим постоянно в В е в е, и к концу лета будет решено, соединятся ли наши молодые люди узами брака. Есть основание предполагать, что родители отнесутся к его просьбе несочувственно. Дело в том, что они небогаты и мечтали о богатой невесте для своего сына и даже имели какую-то в виду.

Нельзя не удивляться, как умно, деликатно и благоразумно поступила Таня. Она нисколько не влюблена в своего нового претендента, но видит в нем отличного человека, могущего составить ее счастье, и поэтому не отказала ему, но и не связала ни себя, ни его.

Отъезд сестры за границу отложен по случаю нездоровья маленького Юрия. Сегодня ему лучше, и по всей вероятности на-днях они уедут.

Погода у нас стоит удивительная.

25 мая.

В то время, как происходит симпатичный роман наших молодых людей, в комнате у Модеста идет д р а м а. Развод Колиных родителей состоялся, и по зрелом рассуждении Модест решился, наконец, разъяснить Коле предстоящую перемену. Хотя бедный мальчик был постепенно приготовляем к роковому известию, но оно имело на него подавляющее действие. Он совершенно убит горем. Мы надеемся, что мало-по-малу он свыкнется

с мыслью, что навек лишился матери, хотя можно предположить, что катастрофа оставит на всю жизнь неизгладимый след на его душе. Будь он мальчик нормальный, ему бы это досталось легче. При его естественной изолированности от людей ему труднее будет воспринять мысль, что м а т ь по доброй воле может оставить дом и детей.

Меня очень беспокоит здоровье Модеста. В последнее время он стал страшно худеть и чувствовать непомерную слабость. Лицо у него бледное, щеки впалые, глаза желтые. Он страдает каким-то странным, упорным катаральным состоянием кишек, и физический недуг отражается убийственным образом на моральной и умственной деятельности. Ему трудно думать, трудно работать, никакого напряжения он не переносит. И так как все это продолжается уже довольно долго, то я начинаю серьезно беспокоиться. Мне приходится теперь взять на себя половину его трудов по части надзора за Колей.

Это обстоятельство, а также то, что через два дня сестра с старшими племянницами уезжает за границу, а Лев Васильевич—ненадолго по делам, и для них было бы большим успокоением, уезжая, знать, что я до некоторой степени заменю их в надзоре за младшими детьми,—повлияют, к сожалению, на осуществление моих планов. Я п о ч т и уверен, что ранее 15 июня мне нельзя будет уехать в Симаки с спокойным сердцем. Жить там, оставив здесь больного брата (он собирается около пятнадцатого числа в деревню Конради) и тоскующих по родителям племянников, не будет для меня удовлетворением той потребности к уединенному отдыху, который я только и испытываю в такой полной мере в гостях у Вас. Таким образом, дорогой друг, я буду лишен счастия побыть в Симаках в то время, как Вы будете в Браилове. Вы поверите мне, если я скажу Вам, что это повергает меня в величайшее сокрушение, но не правда ли, что в Симаках нужно жить с сердцем, облегченным от всяких забот. Пусть вернется из своей поездки Лев Васильевич, пусть дети попривыкнут к отсутствию матери, ласки которой мне хочется отчасти заменить в первое время после отъезда, пусть Модест несколько оправится и уедет к себе, и тогда только я поеду наслаждаться неисчислимыми благами моего уединения в Симаках.

Не причиняет ли это какого-нибудь затруднения? Можно ли мне будет между пятнадцатым и двадцатым числами июня водвориться в Симаках? Надеюсь, что можно, но если бы почему-либо Вы бы нашли нужным, чтобы я приехал позднее или даже оказалось бы вообще неудобным в нынешнее лето дать мне у Вас столь желанное убежище, то надеюсь, Надежда Филаретовна, что Вы не стеснитесь откровенно отклонить на нынешний

раз мое посещение Симаков. Впрочем, скажу откровенно, что это будет для меня невыразимо тяжелым лишением.

Корректуры свои я окончил и отослал вместе с итальянской фантазией в Москву. Теперь, покамест, никакой спешной работы у меня нет, и это очень кстати, так как мне приходится помогать Модесту в занятиях с Колей. Есть еще одна причина, почему мне нельзя будет на-днях уехать отсюда. Сестра взяла для своих мальчиков на лето студента из Киева. Он приедет в конце будущей недели, и мне хотелось бы заменить отсутствующих родителей при первом знакомстве его с детьми и руководить его первыми шагами в надзоре за ними. И сестра и зять о ч е н ь бы желали этого. Здесь живут бабушка и тетки племянников, которые на время отсутствия сестры берут на себя высший надзор за ними, но они живут в другом доме, а нужно, чтобы и поближе было кому посмотреть, как молодой человек примется за свои обязанности и способен ли он оказать детям пользу.

Итак, милый друг, простите и пожалейте меня, но, ради бога, напишите мне несколько успокоительных слов, дабы я не мучился мыслью, что Вы недовольны изменчивостью моих планов.

Маленькому Юрпю, слава богу, совсем хорошо. Оказывается, что у него было нечто вроде c o u p d e s o l e i l*, т. е. прилив крови к голове, к счастью, во-время захваченный.

Таня, кажется, питает серьезную симпатию к своему претенденту. Я это заключаю из того чудного выражения молодого счастия, которым озарено ее красивое личико.

26 мая.

Экзамен Алексея должен состояться через три дня, т. е. тридцатого числа, и я почти уверен, что он его выдержит. Что касается я к р е б и я, то он будет тянуть его лишь в ноябре у себя в Клинском уезде, так что нужно еще ждать несколько месяцев, пока окончательно определится его судьба. Вообще близкое будущее меня пугает: будет ли поставлена моя опера, где я буду зимой, все это вопросы, меня беспокоящие!..

Программа Вашей заграничной поездки превосходна, но переезд из Неаполя в Россию действительно пугает меня. Впрочем, кто знает! быть может, на этот раз и погода и состояние Вашего здоровья будут благоприятнее для переезда, чем в прошлом году. Я не могу вспомнить без ужаса, в какой ужасный мороз Вам пришлось в прошлом году выехать из Парижа.

---

* солнечного удара

28 мая.

Вчера старшие представители семейства сестры уехали. Я остался на время чем-то вроде главы оставшейся части семьи. К счастью, можно быть покойным; во-первых, они все здоровы, во-вторых, можно положиться на почтенную англичанку и ее помощницу, приставленных к детям. Но как пусто и грустно в доме!

Получил Вашу телеграмму. Я радуюсь от всей души при мысли, что Вы едете в Браилов, в свое любимое и уютное гнездышко, но, вместе и сокрушаюсь, что придется попасть к Вам, когда милой хозяйки моей уже не будет поблизости!

Модест сегодня бодрее. Коля начинает свыкаться с мыслью об утрате матери!

Будьте здоровы, дорогой друг!

Безгранично преданный

П. Чайковский.

От души поздравляю Влад[ислава] Альбертовича с окончанием экзамена.

253. Чайковский—Мекк

Каменка,
2 июня [1880 г.]

Тридцать первого числа в здешней школе состоялся экзамен в присутствии инспектора народных училищ и ассистента. Алексей отвечал хорошо, но, увы, инспектор сказал, что по закону аттестаты из народного училища могут выдаваться только мальчикам не старше восемнадцати лет, проведшим не менее трех лет в школе. Лица же более зрелого возраста должны держать экзамен в уездном городе перед нарочно назначенной для того экзаменационной комиссией. Таким образом, Алексей должен ехать в уездный город Чигирин и там держать экзамен двадцать четвертого и двадцать пятого числа нынешнего месяца, причем инспектор, который будет там присутствовать, обещал, ввиду его хороших здешних ответов, поддержать и облегчить ему экзамен. Но, несмотря на все мои просьбы, он решительно отказался выдать ему аттестат теперь. Приходится подчиниться и еще на несколько дней отложить поездку в Симаки. Лишь двадцать шестого или двадцать седьмого числа мне можно будет выехать отсюда. Позволите ли Вы мне, милый, дорогой друг, это невольное уклонение от назначенного срока? Думаю, что да, но все-таки мне совестно перед Вами за то, что так часто меняю свои решения.

У нас, слава богу, все благополучно. Только Володя сильно напугал нас. После одной большой поездки в дальний лес он вернулся домой страшно утомленный обилием впечатлений (он страстный любитель природы) и слег в сильном жару, целую ночь бредил и метался. Тотчас явились тетушки, доктор, были приняты все меры, и теперь уж он здоров. Нужна большая осторожность с этим чудным ребенком: он болезненно впечатлителен и нервен. Мне кажется, что из него выйдет артист.

Модест стал принимать железо и чувствует себя лучше, но все еще слаб. Если не ошибаюсь, он, подобно сестре, страдает малокровием, и ему тоже следовало бы полечиться железистыми водами. От наших заграничных путешественниц мы не имеем еще никаких известий.

Думаю, что Ваши правоведы уже в Браилове. Воображаю, сколько у Вас теперь веселья и от присутствия в Браилове и от предстоящей поездки за границу. Дай бог только, чтобы ко дню Вашего выезда не было так мучительно жарко, как теперь. У нас страшно жаркие дни с перемежающимися грозами.

Мне так много приходится теперь бывать с детьми, что мои собственные музыкальные занятия приходится откладывать. Думаю заняться после корректур вокальной музыкой.

Будьте здоровы, друг мой, и счастливого пути Вам.

Безгранично преданный
П. Чайковский.

254. Чайковский—Мекк

Каменка.
5 июня [1880 г.]

Вы пишете, дорогой мой друг, что разрешаете мне свободный выбор времени для приезда в Симаки и Браилов[1]. Мне хочется спросить Вас по этому поводу, какое из этих двух мест Вы находите более удобным для моего пребывания? Хотя в Симаках мне как-то уютнее, но и Браилов имеет для меня бесконечно много соблазнительных сторон. Быть может, менее хлопотливо будет для Вашей прислуги, если я поселюсь в Браилове? В таком случае я бы мог частенько навещать Симацкий домик и таким образом соединил бы оба удовольствия. Попрошу Вас, милый друг, разрешить этот вопрос согласно Вашему взгляду и имея в виду, что мне одинаково хорошо будет в обоих местах.

Лев Васильевич вернулся, и у меня на душе покойно. Без него у нас была все-таки маленькая анархия. От сестры мы получили письмо из Вены. Она очень утомилась от пути и

у ж а с н о тоскует об оставленных младших детях, особенно о маленьком Юрии, которому действительно еще очень нужны постоянные материнские заботы. Поедет ли она на морские купанья и куда именно, это еще вопрос. Аркашон ее очень соблазняет, но разные обстоятельства мешают ей теперь же принять определенное решение. Курс во Франценсбадене продолжается шесть недель, и только к концу его, смотря по тому, насколько она будет здорова и в какой мере нужно будет младшим детям ее возвращение, она решит вопрос о купанье в море, которое было бы и ей и дочерям чрезвычайно полезно.

Я вчера приступил к сочинению маленьких вокальных пьес и начал с дуэта на слова Толстого: «Минула страсть» [2]. Толстой—неисчерпаемый источник для текстов под музыку; это один из самых симпатичных мне поэтов. Известен ли Вам московский поэт С у р и к о в, умерший нынче весной от чахотки? Это был поэт-самоучка; настоящая его профессия было сидеть в дрянной железной лавчонке и продавать гвозди и подковы. Так до конца жизни он и остался с и д е л ь ц е м, но талант у него был серьезный, и пьесы его проникнуты неподдельным чувством. Я хочу воспользоваться некоторыми из его стихотворений для своих будущих работ...

Итак, через два дня по получении этого письма Вы пуститесь в свое дальнее странствие. Желаю Вам от глубины души всяких благ и, главное, вполне удовлетворительного состояния здоровья. Всем милым Вашим спутникам шлю приветствия и пожелания хорошего путешествия.

Буду ждать указаний Ваших, куда писать.

Безгранично преданный и любящий

П. Чайковский.

255. Мекк—Чайковскому

Браилов.
6 июня 1880 г.

Милый, дорогой друг мой! Очень мне жаль, что экзамен Алексея, хотя и удачный, не достиг желанного результата, тем более, что слишком долгое ожидание подрывает энергию, и я боюсь, чтобы ему не надоело это долгое приготовление. Дай бог, чтобы мое опасение было напрасно и все кончилось бы с полным успехом. Что касается Симаков, то они в полном Вашем распоряжении, милый друг мой, и будут готовы принять Вас во всякое время....

Посылаю Вам, милый друг, мой, marche-route для соображения при переписке нашей. Из Ваших московских друзей Н. Г. Рубинштейн и Н. А. Губерт тоже собирались ехать за границу, первый не знаю куда, а второй—где-то пить воды и потом куда-то к морю; хотя не ясно, но последовательно. Если ничто мне не помешает, то я выеду отсюда десятого

во вторник и тогда напишу Вам уже из заграницы, из первого города, где будет возможно....

Как свекловица у Льва Васильевича? Исправилась ли, пропал ли жучок? От души желаю ему хорошего урожая; для меня самой это теперь такой живой вопрос.

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Будьте здоровы, веселы, спокойны и не забывайте всем сердцем горячо Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

256. Мекк—Чайковскому

Браилов,
8 июня 1880 г.

Есть у меня к Вам огромнейшая просьба, мой милый, несравненный друг,—не откажите принять от меня прилагаемые здесь часы на память обо мне. Часто попадая мыслью на то, что меня скоро не будет в здешнем мире, я при этом всегда чувствовала желание оставить Вам какую-нибудь вещь, которая бы постоянно напоминала Вам обо мне, а так как часы есть вещь, которая всегда находится при себе, то в них и достигалась бы цель моего желания, почему и прошу Вас, дорогой друг, еще раз убедительно принять их от меня. Я заказала их в Париже прошлою зимою и только теперь, перед отъездом из Москвы, получила. На одной стороне их изображена Jeanne d'Arc, предмет Вашего великого произведения, а на другой Аполлон и музы, общие спутники Ваших вдохновений, а во всем этом безлично и невидимо будет таиться моя душа, потому что если она есть у человека, то м о я будет всегда с Вами.

У меня уже все готово к отъезду, и в Симаках все готово к Вашему приезду, мой милый, бесценный друг. Как я завидую этим Симакам!...

До свидания, милый, дорогой. Всем сердцем всегда и горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

257. Мекк—Чайковскому

Люцерн,
19 июня 1880 г.

Милый, бесценный друг! Как давно я не получала от Вас ни одной строчки, а так хотелось бы увидеть милый почерк, приносящий мне всегда радость и успокоение, а их так надо, потому что ведь жизненные неприятности не покидают человека нигде, от них не убежишь никуда, найдут и на краю света.

Путешествие мое идет по маршруту. В настоящее время, как в нем и сказано, мы находимся в Люцерне, а завтра предполагаем выехать через St. Gothard в долину Роны, Canton Valais. На маршруте это место обозначено Vernayax или Женевское озеро,—то ни то, ни другое, а в тех же местах Aigle. Вы, вероятно, знаете эту станцию, милый друг мой, так как Вы жили на Женевском озере,—то мы проживем некоторое время (дней десять) близ этой станции в горах в....*, куда и прошу адресовать, если бы была спешная надобность, а далее пойдет по маршруту.

В Мюнхене нам была ясная, но очень холодная погода. Здесь же, в Люцерне, очень тепло и хорошо. Мальчики мои, т. е. Коля и Сашок, ходили пешком на Риги, а мы поднимались по железной дороге и потом вместе с ними спустились тем же способом. Lac des quatre Cantons—пре-

---

* В подлиннике оставлено место для адреса.

лестнейшее озеро. Я давно не была на нем и теперь с новым удовольствием любуюсь очаровательною местностью.

Я надеюсь, что это письмо найдет Вас в Браилове, мой дорогой друг. Счастливый Браилов!...

Здесь, как вообще в Швейцарии, играют очень часто оркестры музыки, но, конечно, сочинения легкого содержания. Вчера мы и на пароходе ездили с музыкою.

До свидания, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы, спокойны и веселы, поживите подольше, подольше в Браилове. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

258. Мекк—Чайковскому

Aigle. Suisse. Canton de Vaud.
26 июня 1880 г.
Grand Hôtel des Bains.

В моем marche-rout'е произошла маленькая перемена, о которой я и спешу уведомить Вас, мой милый, несравненный друг. В Италию, т. е. в Милан и Lago di Como, я совсем не поеду, потому что такие частые переезды совсем не полезны для здоровья, к тому же, я для детей очень дорожу купаньями вообще, здесь же совсем купаться негде.... Поэтому прошу Вас, милый друг, адресовать мне всякую корреспонденцию до 17 июня в Интерлакен, а с 17-го в Arcachon, до нового моего уведомления. В оба места адресовать надо poste restante....

А я в прошлом своем письме какую сделала ветреность: оставила место, чтобы вписать название гостиницы, переспросив об этом, да и забыла вписать. Извините, дорогой мой, за такую неаккуратность, но я здесь бываю иногда как в тумане от усталости и частой перемены места: нигде не успеваешь освоиться. Завтра мы, вероятно, отправимся в Chamonix горами. Отсюда предполагается выезд 2 или 3 июля.

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Будьте здоровы и веселы. Всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

259. Чайковский—Мекк

1880 г. июня 14—28. Каменка.

Каменка.
14 июня 1880 г.

По предположенному маршруту Вы должны быть теперь уже в Мюнхене, дорогой друг мой! Надеюсь, что путешествие Ваше началось при самых лучших условиях и что Вы совершенно здоровы.

Мы имеем теперь уже очень подробные известия от наших путешественниц. Франценсбад им очень нравится, все они принялись за правильное лечение, но сестра жалуется на хроническое удушье (нервное явление), мешающее ей вполне отдаться лечебным предписаниям. Так, например, ей доктор не позволил брать ванны, содействие которых так важно в лечении водами. Племянница Таня немножко грустит о своем претенденте и смущается неизвестностью. Осуществление мечты молодых людей этих

зависит в настоящее время от родителей его, живущих в Веве. Нужно, чтобы они не только дали свое согласие, но и средства к жизни, так как в этом отношении он не самостоятелен, а еще бог знает, как эти люди отнесутся к женитьбе сына (коему они прочили какую-то богачку) на небогатой девушке.

Каменское и вербовское хозяйство почти в отчаянном положении. Свекловица, сильно пострадавшая от жуков, кое-как выдержала, оправилась и произрастает довольно сносно своими объеденными и искалеченными листьями. Но вдруг два дня тому назад появился новый враг в виде червя, подтачивающего корень. Червь этот произвел большое опустошение в 1864 г. и с тех пор, кроме прошлого года, не являлся ни разу. В прошлом году он наделал бед только в одной экономии, теперь он появился разом на всех, и можно ожидать, что все погибнет. Положение хозяев чрезвычайно трудное. Теперь идет прорывка свекловицы, требующая большого числа рабочих и расходов. Между тем, если свекловице суждено пропасть, стоит ли затрачивать даром деньги? С другой стороны, нельзя еще решительно сказать, в какой степени велико угрожающее бедствие и можно ли, махнув окончательно рукой, бросить все работы!

Положение дела становится очень опасным и трудным.

16 июня 1880 г.

Получил сегодня письмо от Анатолия с утешительным для меня известием. Вы знаете, милый друг, что я был в сомнении от того, пойдет или не пойдет моя опера в будущем сезоне в Петербурге. Теперь можно быть уверенным, что д а. На праздник Пушкина приезжали в Москву артисты Мариинского театра, сообщившие Анатолию, что роли розданы, что спевки хора начнутся летом, одним словом, что постановка решена. Это меня радует. Брат пишет мне, что на пушкинских вечерах Климентова два раза исполняла в костюме и при декорациях сцену письма Татьяны и с большим успехом [1]. Писал ли я Вам, что Анатолий принял предложение Рубинштейна жить у него до тех пор, пока не определится, прочно ли его положение в Москве или это только переход к провинции. Анатоль доволен этим сожительством, но жалуется, что по окончании экзаменов у Ник[олая] Гр[игорьевича] с утра до вечера были постоянные гости, мешавшие ему заниматься как следует. Впрочем теперь Ник[олай] Гр[игорьевич] уже уехал, вероятно, за границу.

Получаете ли Вы «Отечествен[ные] записки»? Если да, то весьма рекомендую Вам помещенную в апрельской книжке повесть К р е с т о в с к о г о (псевдоним) «С е м ь я и ш к о л а». Крестовский этот (если Вам еще не известно) есть не кто иной,

как г-жа Хвощинская, очень талантливая женщина, автор известных романов: «В ожидании лучшего», «Большая Медведица» и т. п. Я очень люблю эту писательницу, несмотря на болезненную нотку, звучащую во всех ее произведениях. У нее большая тонкость психологического анализа и подчас глубина понимания человеческого духа поистине замечательная. Особенно удаются ей женские типы и преимущественно отрицательные. В повести, о которой я говорю, есть поразительно верно выхваченные из жизни явления. Это очень безотрадная и грустная картинка, но намеченная мастерской рукою.

Известия о наших больных не вполне утешительные. Сестра нехорошо себя чувствует: страдает удушьем, слабостью и тоскует о детях. Хозяйство идет в Каменке отвратительно; свекловице грозит конечная погибель от червяка. Нет! я начинаю разочаровываться в прелести и поэтичности обрабатывания земли. Сколько опасностей, сколько врагов, неожиданно являющихся, чтобы погубить результат стольких забот! Радуюсь, что Браилов почти весь в аренде и что Вы обеспечены от постоянных треволнений хозяйки...

18 июня.

По присланному Вами маршруту я рассчитываю, что Вы теперь в Люцерне, а от двадцать третьего до третьего будете у берегов Женевского озера, или в Vernayax. Так как оба эти указания, т. е. Женевское озеро и Vernayax (где находится этот последний?) очень неопределенны, то адресовать к Вам это письмо придется мне в Интерлакен, где (по маршруту) Вы будете около третьего и останетесь до тринадцатого. Хотя это будет отступление от трехлетней привычки писать Вам по меньшей мере раз в неделю, но я думаю, милый друг мой, что не мешает мне несколько реже писать Вам за границу. Своими письмами я вызываю Вас на ответы, а Вам нужно во время Ваших поездок быть по возможности свободной от Вашей сложной переписки. Прошу Вас только не оставлять меня слишком долго без известий о Вас; я ужасно грущу, когда надолго теряю Вас из виду. Быть в постоянном общении с Вами для меня необходимость, и Вы, может быть, даже и не представляете себе, до чего для моего нравственного благосостояния важно и ценно получение строчек, написанных милым, столь родным мне почерком. Но поверьте, что и нескольких строчек, нескольких слов достаточно, лишь бы мне знать, что Вы здоровы и помните меня.

Не следует ли под Vernayax понимать Vernayaz, в долине Роны, около gorges de Trient? Но не могу вообразить себе, чтобы Вы захотели десять дней прожить в столь

скучном и мрачном месте, где солнце вечно за горами и горизонт со всех сторон заперт.

28 июня.

Целых десять дней я ничего не писал Вам. Это произошло оттого, что мне не хотелось разразиться к Вам сразу слишком большим письмом. За этот промежуток времени произошло несколько перемен. Модест уже неделю тому назад уехал, и я еще до сих пор не могу привыкнуть к его отсутствию. Здоровье его к концу пребывания в Каменке значительно поправилось. От сестры известия посредственно благоприятные. Только что она стала поправляться и как будто ощущать целебную силу вод, как получила известие о смерти старшего сына нашей кузины, с которой она с детства находится в отношениях самой близкой дружбы. Это ее до крайности расстроило. Мать покойного юноши повержена в глубокую горесть, и сестра всей душой стремится к ней и теперь только об том и думает, как бы по миновании срока лечения прямо проехать к кузине, живущей в Эстляндии в деревне. С другой стороны, она мучится тоской по детям, и хочется скорей вернуться домой. Удивительно, как иногда люди, имеющие, казалось бы, все условия для счастья, вечно обречены страдать и томиться. Сестра моя принадлежит к числу этих людей...

Алексей ездил в уездный город и вернулся с торжеством: экзамен выдержан. Я выезжаю отсюда в Браилов 1 июля вечером, о чем уже известил письменно Марселя Карловича. Признаюсь Вам, Надежда Филаретовна, что для меня высочайшее и неоцененное благо возможность уединяться под кровом Вашего дома.

Я считаю часы и минуты, остающиеся мне до водворения в Браилове! У меня не совсем в порядке нервы, мне хочется успокоиться и отдохнуть...

Дела здесь грустны до последней степени. В Каменке еще кое-что сохранилось, но в Вербовке свекловица пропала благодаря упорной засухе, жукам и червям. Дождей там не было ровно два месяца. Наконец три дня тому назад дождь был, но уже поздно; он поправит немногое. Бедный Лев Васильевич с большим самообладанием переносит бедствие...

По всей вероятности, до Браилова я не буду иметь известий о Вас, милый друг мой. Как я буду рад, если узнаю, что Вы здоровы, что Вам весело и хорошо!

Потрудитесь передать мои приветствия всем милым членам Вашего семейства. Пахульскому поклон.

Бесконечно преданный Вам

П. Чайковский.

260. Чайковский—Мекк

Браилов,
2 июля [1880 г.]
10 часов вечера.

Три часа тому назад приехал в Браилов. Ехал сюда с волнением и некоторым замиранием сердца. Во-первых, я нетерпеливо желал иметь сведения о Вас, дорогой друг мой; во-вторых, воспоминания о всех счастливых днях, проведенных в Браилове, и надежда или, лучше, уверенность, что и в этот раз я найду здесь все условия для абсолютного счастия, заставляли сильно биться мое сердце. А кроме того еще невообразимо сильное желание найти здесь все по-старому. Тут ли Марсель, Ефим, Леон? Этот вопрос был для меня весьма важен, ибо я по природе маниак, быстро свыкающийся с той или другой обстановкой и страдающий от всякой перемены. Я был встречен Марселем Карловичем и Ефимом, и не могу Вам передать, как мне приятно было их обоих увидать. Если б на кучерском месте восседал не Ефим, значительная доля наслаждения была бы утрачена. Затем я увидел знакомые места, с удовольствием констатировал окончание достройки костела, с умилением приветствовал милый Марпенгай и, наконец, въехал в дом Ваш... Все по-старому, все дышит Вашим невидимым присутствием. Нового только несколько молодых деревьев, подсаженных вдоль некоторых дорожек сада, попугай (я очень люблю их) у главного входа и несколько новых картин в самом доме. Прежде всего я спросил письма от Вас и нашел их два. Радуюсь, что Вы здоровы, но не могу не заметить несколько грустного тона писем. Если не ошибаюсь, милый друг, предшествовавшие Вашему путешествию ожидания не вполне соответствуют осуществлению Ваших планов. Увы! почти всегда так бывает. Только мои посещения Браилова и Симаков всегда превосходят по силе наслажденья мои мечтания.

Затем Марсель подал мне запечатанный сверток, в коем я нашел драгоценный подарок Ваш. Я был столь же поражен изумительной красотой этого поистине художественного произведения, сколько тронут теми мыслями и чувствами, которые внушили Вам идею этого чудного подарка. Но позвольте мне решительно протестовать против предположения, что я могу пережить Вас. Давайте жить вместе и подольше, друг мой! Ведь, несмотря на частые горечи и разочарования, у обоих нас есть все-таки много пут, связывающихся с жизнью. Часы эти я буду отныне неизменно носить при себе до конца дней моих, но не для того, чтобы я нуждался в вещественном напоминании о Вас— я никогда и ни на единую минуту не забываю Вас и никогда не

забуду, хотя бы мне прожить еще тысячу лет,—но потому, что мне сладко иметь на себе вещь, н е в ы р а з и м о е изящество которой достойным образом выражает н е в ы р а з и м у ю доброту Вашу и неоцененную нравственную красоту того дружеского чувства, которое я вместе с моей музыкой имел счастие внушить Вам. Бесконечно благодарю Вас, дорогой друг мой![1]

Ваш П. Чайковский.

Завтра еще напишу.

261. Мекк—Чайковскому

Интерлакен,
3 июля 1880 г.

Милый, бесценный дру́г! От всего сердца поздравляю Вас с прошедшим днем Вашего ангела и искренно, горячо желаю Вам всего, всего самого лучшего в жизни... День Вашего ангела мы отметили тем, чем все наши семейные праздники: утром пили шоколад, за обедом шампанское, после обеда поехали на Женевское озеро в Hôtel Byron, который я очень люблю, там переночевали, на утро съездили в Vevey, обратно опять в Byron, позавтракали там и вернулись домой в очень хорошем расположении духа....

Меня начинает очень беспокоить, что я так долго не получаю от Вас ни одного словечка, милый друг мой. Здоровы ли Вы, все ли у Вас благополучно? Я пишу Вам третье письмо из-за границы. Если Вы в Браилове, то что Вы поделываете, дорогой мой? Я еще до сих пор не извинилась перед Вами, что заняла все комоды в Вашей спальне, но у меня в комнате их слишком мало, поэтому я всегда пользуюсь теми, которые находятся в Вашей комнате, и так как я только перед самым отъездом узнала, что Вы будете в Браилове, друг мой, а не в Симаках, то и не имела времени переместить свои вещи, за что и прошу Вас очень извинить меня. Сегодня у меня голова болит от дороги, поэтому я должна кончить мое письмо. До свидания, милый мой, несравненный друг. Пошли Вам бог здоровья, спокойствия, радости. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. фон-Мекк.

262. Чайковский—Мекк

Браилов.
3 июля [1880 г.]

Чем более я рассматриваю Ваш чудный подарок, тем более восхищаюсь им. Нельзя придумать ничего более прелестного, изящного, красивого, и что за тонкая, восхитительная работа! Сегодня я уже ношу эти часы и ежеминутно засматриваюсь на них. Дай бог, чтобы в словах Ваших, так высоко ставящих мою «Д е в у», оказалась хоть наполовину верная оценка. Пусть

опера будет если не великим, то по крайней мере несколько выходящим из ряду произведением,—и я буду совершенно счастлив.

Aigle, в котором Вы прожили несколько дней, я знаю очень хорошо и очень люблю. В большом отеле, где Вы квартировали, я был два раза зимой, когда он закрыт, но помню, что мне дали там отличный завтрак и чудное вино. Отель стоит на возвышении, и помню, что вправо от него тянется тропинка, ведущая в лес и горы, по которой я гулял. Очень рад, что не ошибся в предположении, что Вы не отважитесь поселиться хотя бы на несколько дней в Vernayaz; это такое мрачное и невеселое место! Как я завидовал Вам, читая про Ваше пребывание в Люцерне и поездку на Риги!

Мало есть мест, столь восхитительно прекрасных, как это озеро и окружающие его горы! Мысленно я решился в будущем году в конце лета побывать и в Люцерне и в Интерлакене, который я ужасно люблю.

Весьма радуюсь, что Вы отменили поездку в Милан и Комо. В такую жару действительно трудно путешествовать много. Получили ли Вы мое каменское письмо, адресованное в Интерлакен? Надеюсь, что да, так же, как и вчерашнее, которое я писал невыразимо утомленный и дорогой и впечатлениями приезда в Браилов, и потому боюсь, не напутал ли чего в адресе.

Я провел ночь великолепно и встал бодрый, счастливый сознанием, что нахожусь в Браилове. Ночью шел дождь, было не особенно жарко, а сегодня день пасмурный и сырой, так что вряд ли придется ехать в лес, но едва ли я утерплю, чтобы не съездить в Симаки. Если позволите, я намерен пробыть в Браилове дней пять, а потом переехать в Симаки. Боюсь только мысли, что это сопряжено с хлопотами для Марселя и других. Но Марсель на мой вопрос, удобно ли будет совершить переезд, отвечал утвердительно. Он вообще предупредителен и мил, как и прежде. Попугай Ваш мне нравится безмерно; я просидел с ним сегодня утром очень долго, и он с величайшей готовностью уже успел проговорить значительную часть своего репертуара.

Я решил здесь заниматься как можно меньше и в ожидании последней корректуры оперы, которую мне должны на-днях выслать, вероятно, буду праздным. Начиная с завтрашнего дня, начну писать к Вам, как всегда отсюда, в форме дневника и посылать письма два раза в неделю. Будьте здоровы, дорогой, лучший друг!

Бесконечно благодарный и любящий

П. Чайковский.

263. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 4—7. Браилов.

Браилов,
4 июля.
Пятница.

Я не решился вчера вечером ехать в Симаки. По зрелом рассуждении я решил, что лучше будет отправиться туда уже несколько позднее, чтобы там и остаться совсем. Таким образом, я удвою себе удовольствие переезда, ибо удовлетворю за один раз и мое желание попасть в знакомый, милый уголок, и крайне возбужденное любопытство, ибо я слышал, что в Симаках кое-какие перемены. Там и без того уж все так безусловно хорошо было, что ж будет теперь?

Был я вчера зато на с к а л е и на противоположной стороне. Вы не можете себе представить, мой друг, какое обаятельное впечатление производят на меня эти прогулки после тощих и жидких красот каменской природы.

Мне очень нравятся все перемены в доме и в особенности в Вашей спальне. Радуюсь также увеличению материала для чтения (например, «Русск[ий] вестн[ик]» и «Вестник Евр[опы]» за многие годы) и обогащению нотной библиотеки, переехавшей с этажерки в великолепный шкап.

Всю ночь лил сильный дождь. Теперь погода серая, ветряная, и по опустившемуся сильно барометру заключаю, что нужно ждать еще дождя.

5 июля.

Погода была вчера самая ужасная; дождь лил нескончаемо целый день, так что приходилось удивляться, откуда берется столь много воды. Тем не менее я ни мало не скучал: читал, играл, просматривал всю Вашу музыкальную библиотеку. Между прочим, я нашел у Вас отдельную переплетенную нотную книгу, состоящую из танцев Глинки. Почти все эти полки, вальсы и полонезы были мне неизвестны, и меня это очень заинтересовало. Какое исключительное явление Глинка! Когда читаешь его мемуары, обнаруживающие в нем человека доброго и милого, но пустого и даже пошлого; когда проигрываешь его мелкие пьесы, никак нельзя поверить, что то и другое написано тем же человеком, который создал, например, а р х и г е н и а л ь н о е, с т о я щ е е н а р я д у с в ы с о ч а й ш и м и п р о я в л е н и я м и т в о р ч е с к о г о д у х а в е л и к и х г е н и е в, «С л а в ь с я»! А сколько других удивительных красот в его операх, увертюрах! Какая поразительно оригинальная вещь «К а м а р и н с к а я», из которой все русские позднейшие ком-

и озиторы (и я, конечно, в том числе) до сих пор черпают самым явным образом контрапунктические и гармонические комбинации, как только им приходится обрабатывать русскую тему плясового характера. Это делается, конечно, без намерения, но оттого, что Глинка сумел в небольшом произведении сконцентрировать все, что целые десятки второстепенных талантов могут в ы д у м а т ь и в ы с и д е т ь ценою сильного напряжения.

И вдруг тот же человек, уже в пору полной зрелости, сочиняет такую плоскую, позорную пошлость, как п о л о н е з и а к о р о н а ц и ю (это написано за год до смерти его), или детскую п о л ь к у, о которой он в своих записках так самодовольно и обстоятельно говорит, как будто это какой-то chef d'oeuvre. Моцарт в своих письмах к отцу и во всей своей жизни проявляет тоже наивность, но это нечто совсем другое. Моцарт—детски чистое, с голубиной кротостью и с девической скромностью гениальное существо, бывшее как бы не от мира сего. У него никогда не наткнешься на самодовольство, самовосхваление; он как будто и не подозревает всей великости своего гения. Г л и н к а, напротив, преисполнен обожания к себе; о каждом ничтожнейшем обстоятельстве своей жизни или появлении того или другого мелкого сочинения подробно рассказывает, думая, что это и с т о р и я. Глинка—гениальный русский барич своего времени, мелочно самолюбивый, мало развитый, преисполненный тщеславия и самообожания, нетерпимый и болезненно-обидчивый, как только дело коснется оценки его произведений. Все эти качества обыкновенно бывают уделом посредственности, но каким образом они могли вместиться в человеке, который, казалось бы, должен был спокойно и с горделивою скромностью сознавать свою силу, этого я решительно не понимаю! В одном месте своих записок Глинка рассказывает, что у него была б у л ь д о ж к а, которая н е х о р о ш о с е б я в е л а, и слуге его приходилось вычищать от нечистот комнату. К у к о л ь н и к, которому он давал на просмотр свои записки, сделал на полях примечание: «З а ч е м э т о?» Глинка тут же карандашом отвечал: «А п о ч е м у и н е т?» Не правда ли, что это очень характеристично?[1]

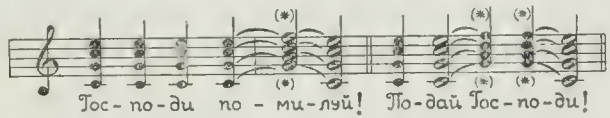
А все-таки он написал «С л а в ь с я»!

6 июля, Воскресенье.

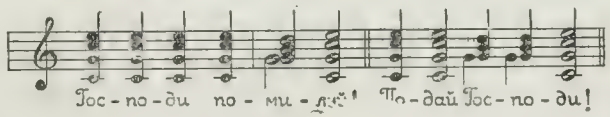
Мы были вчера в п а с е к е, и случилось происшествие, которое могло бы кончиться тем, что я бы лишь сегодня попал в Браилов. Мы вместе с Алексеем заблудились и плутали по лесу три часа; сначала попали в Демидовский лес, потом в казенный и, наконец, набрели на мужика, который дал точные указания,

как возвратиться. Если б не он, то пришлось бы итти еще дальше в противоположную сторону; потом наступила бы темнота, и мы бы волей-неволей проночевали в лесу.

Был сегодня и в монастырской православной и в новой католической церкви. Есть в пении здешних монашенок одна вещь, которая меня, как впрочем и во всех других русских церквах, раздражает до крайности. Это доминантсептаккорд в положении сентимы, которым у нас до крайности злоупотребляют. Нет ничего более антимузыкального, менее подходящего к православной церкви, как этот пошлый аккорд, введенный в прошлом столетии разными гг. Галуппи, Сарти, Бортнянским и до того въевшийся в наше церковное пение, что без него не споют ни одного «Господи помилуй». Аккорд этот напоминает ручную гармонику, в которой кроме его и тоники никаких других гармоний нет. Он искожает естественность голосоведения, он расслабляет, впошливает церковное пение. Чтобы Вам вполне было понятно, что именно мне не нравится, напишу нотный пример:



вместо того, чтобы петь так:



Новый костел производит благоприятное впечатление. Но насколько я предпочитаю православную литургию католической мессе, особенно так называемой messe basse, лишенной торжественности, не приобщающей предстоящих к собеседованию ксендза с богом!.. И потом немножко смешна эта чудотворная кукла в нише, увешанной бесчисленными ex-voto*.

7 июля.

Ездил вчера вечером в Владимирский лес. На грибы в нынешнем году несчастье: до сих пор не нашел ни одного.

---

* Предметы, пожертвованные по обету.

Я необыкновенно быстро вошел в тесную дружбу с Вашим попугаем. Он охотно идет ко мне на руки и обнаруживает радость, когда я вхожу к нему.

Я здоров, покоен, вполне счастлив и бесконечно за все это благодарен Вам, друг мой.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

264. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 8. Браилов—Симаки. Браилов.

Вчера ездил в лес, где были прежде дикие козы, из коих теперь осталась одна только. Говорят, что зимой волки подкопались и съели остальных. Очень жалко! Но зато что за чудный вечер, что за восхитительная прогулка! Когда солнце уже садилось, я, уже напившись чаю, бродил один по яру за зверинцем и, испытывая всю глубину наслаждения, доставляемого красотой леса, заходящего солнца и прохладой наступающего вечера, думал, что такие минуты достаточны, чтобы ради их с терпением переносить маленькие невзгоды, коими переполнена жизнь...

Они достаточны, чтобы любить жизнь. Нам сулят вечные радости посмертного бытия, но мы их не знаем и не постигаем. К тому же если мы достойны их и если они вечны, то успеем насладиться ими. А пока хочется жить, чтобы повторялись минуты, подобные тем, которые были прожиты мною вчера!..

Сегодня я собираюсь перебраться в Симаки. Но в ту минуту, как пишу Вам, разразилась страшная гроза, и день обещает быть дождливым; может быть, сегодня я еще останусь здесь. И в Симаки очень хочется и с Браиловом жалко расстаться!

Милый друг! Я совершил в Вашем доме нечто вроде в з л о м а и приношу Вам повинную. При книжных шкапиках в гостиной рядом с Вашей спальней не оказалось ключа; между тем я увидел там несколько новых книг, из коих многие заинтересовали меня. У Марселя ключа не оказалось, и вот мне пришло в голову попробовать отворить их тем ключом, коим отпирается один из шкафов, находящихся в гостиной, рядом со мной, и ключ этот пришелся как раз. Я взял Б а й р о н а и «М о с к в у» Мартынова. Будьте покойны! все Ваши книги и ноты останутся в целости. Для успокоения совести Марселя я дам ему, переезжая в Симаки, список всего, что возьму с собой, а при отъезде возвращу ему книги и ноты и при нем поставлю их на прежние места. Простите, пожалуйста, самоуправство мое!

Симаки.
8 часов вечера.

Я много наслаждения ожидал от Симаков, но действительность оставила далеко за собой самые пылкие мечтания. Сколько благ, сколько счастливых дней приносит мне Ваша дружба! Нет возможности передать словами то, что я ощущаю в эту минуту. Это такая полнота счастья, что становится даже страшно! Точно будто сон, от которого скоро придется пробудиться. Приехав сюда и осмотревши каждый угол дома и сада (тысячу благодарностей за массу великолепных цветов, за новые обои и все устройство!), я спустился из сада по знакомой тропинке в яр, идущий параллельно с селом, потом поднялся на гору и остановился, чтобы посмотреть на общий вид милой, знакомой местности. Солнце великолепно заходило, а на востоке уже красовалась полная луна. Вдали леса, Браилов, поля, зелень... Была минута, когда я не мог удержать восторженных слез!

Оно понятно. Я так непзбалован в Каменке прелестями природы!

Теперь только что вернулся и спешу выразить свежие впечатления и б е е к о н е ч н у ю, б е с к о н е ч н у ю благодарность!!![1]

П. Чайковский.

265. Мекк—Чайковскому

Интерлакен,
10 июля 1880 г.

Дорогой, несравненный друг! Как я обрадовалась Вашим письмам! В эти дни я получила их три: одно из Каменки и два из Браилова. Теперь опять я счастлива, а то уже становилось жутко, все неприятное чувствовалось сильнее, все приятное было неполно. Благодарю Вас, мой дорогой, за радости, которые Вы мне доставляете. Вчера мы вернулись из Гриндельвальда, и мне подали Ваше письмо. Я с восторгом его распечатала и мысленно благодарила бога, что оно было е д и н с т в е н н о е, как через пять минут мне подали другое письмо, из Москвы, ну, и, конечно, самого гадкого свойства, но мне уже оно было не так тяжело. Я скоро могла оторваться от скверного впечатления, потому что у меня в кармане было д р у г о е письмо, свойства, вознаграждающего за все человеческие гадости.

Не могу Вам выразить, как меня утешило Ваше намерение носить мои часы постоянно. Это именно то, чего мне и хотелось сильно. Благодарю Вас за это из глубины сердца, мой добрый, бесценный друг. Никто не умеет так тонко понять самые глубокие, задушевные желания другого человека и никто не умеет так деликатно исполнять их.

Как я рада, что «Jeanne d'Arc» пойдет эту зиму в Петербурге, и как в то же время мне жаль, что я, вероятно, ее не услышу еще. Если бы это было летом, то я бы нарочно приехала к которому-нибудь представлению ее, но зимою для меня путешествие ужасно. Скажите, Петр Ильич, не выйдет ли «Jeanne d'Arc» для фортепиано в четыре руки? Это самый

удобный способ ознакомляться с разными сочинениями, а я так мало времени имела в руках эту оперу и притом в рукописи, что мое желание познакомиться с нею только раздразнено до высшей степени и не удовлетворено нисколько. Какой персонал предполагается для оперы? Кто будет исполнять партию Жанны?

Два дня назад ко мне приехал молодой пианист из Парижа, только что окончивший курс консерватории avec le 1-r prix*, класса M. Marmontel'я [1]. Я его выписала для летних занятий с детьми, для аккомпанирования Юле для пения и для игры со мною в четыре руки. Этот юноша играет хорошо со стороны виртуозности, техника у него блестящая, но выражения собственного участия в том, что исполняет, нет нисколько, но он еще и слишком мало жил для этого; он говорит, что ему двадцать лет, но на вид не более шестнадцати....

Я очень жду времени, когда можно будет отдохнуть от странствований. Сашонка, того, по его мечтательному характеру, все тянет в снега, в ледники, так что уже вчера я ему позволила из Гриндельвальда сходить в Zäsenberg и была в ужаснейшем беспокойстве. Экскурсия эта продолжалась десять часов, но, главное, из них четыре часа они находились на леднике и должны были спускаться по отвесно ледяной скале, перевязанные все (Сашок, его постоянный товарищ Пахульский и два guid'a**) веревками, прорубая ступени во льду для каждого шага. Я так рада, что эта прогулка кончилась, но его, т. е. Сашонка, это не удовлетворяет. Ему хочется все больше и больше, все покупает себе книги—описания Швейцарии, и все глаза разгораются у него сильнее....

Поживите, дорогой мой, подольше в Браилове, а потом подольше в Симаках, как я буду рада. А Вы, как кажется, Петр Ильич не заметили новой омеблировки в моих трех комнатах? Пожалуйста, друг мой, обратите внимание, это все парижская мебель. Возят ли Вас, на московских рысаках? Обратите также, пожалуйста, внимание на маленького пуделя Croquet. Это Милочкина собачка, и они любят друг друга самым трогательным образом, и эта собачка действительно замечательно умное и благородное создание.

Об авторе Крестовском я знаю, что это женщина, г-жа Хвощинская, и «Отечественные записки» мы получаем, но этого сочинения («Семья и школа») я, к сожалению, не читала, а теперь нет этих книг с собою....

С нами в Hôtel'е живет музыкант и композитор, о котором Вы, вероятно, имеете понятие, Петр Ильич, потому что последнее время он очень в ход пошел, и Есипова в своих концертах по Европе много играла его сочинения,—это поляк Мошковский (Moszkowsky). Он много раз играл на фортепиано в общих залах и играет великолепно; Листовской школы пианист. Он живет здесь вместе с г-ном Витковским, это музыкант-дилетант, сын одного генерала в Варшаве. Обратите внимание, Петр Ильич, еще на одного композитора, поляка Носковского (Noskowsky). У меня в Браилове лежат его сочинения и между прочим его Cracoviennis. Он пишет очень мило, свежо, selon moi***, но я, конечно, не компетентна в этом деле и говорю только свое личное впечатление.

До свидания, дорогой мой, бесценный друг. Будьте здоровы, погостите у меня подольше, пожалуйста. Всем сердцем горячо и неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* с первой наградой
** проводника
*** по-моему

266. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 9—11. Симаки.

Симаки,
9 июля 1880 г.

Получил сегодня первое письмо Ваше из Интерлакена, милый друг мой, и чрезвычайно рад был узнать, что Вы благополучно доехали до этого милого места. Благодарю несказанно за то, что Вы вспомнили меня двадцать девятого числа. Надеюсь, что теперь как мое каменское, так и брайловские письма уже получены Вами.

Какая ночь была сегодня, я насилу в два часа пополуночи мог оторваться от окна своего! Луна сияла во всем блеске, а тишина, а ароматы от цветов, а эти чудные, неопределенные звуки ночи, боже мой, как все это хорошо! Милый друг мой! я рад, что Вы в Интерлакене, который я очень люблю, но все-таки не завидую Вам. Едва ли могут где бы то ни было существовать условия жизни, более подходящие к моему идеалу, как Симаки. Сегодня целый день я чувствую себя как среди фантастически чудного сновидения!

10 июля.
2 часа дня.

После великолепнейшей лунной ночи, которою я долго, долго любовался, наступило холодное, с северным ветром утро, и это внезапное сильное охлаждение продолжается до сих пор.

Получил письмо из Франценсбадена от сестры. Оно написано почти накануне отъезда в Россию. Известия сообщает она невеселые. Ей самой нисколько не лучше, даже хуже в физическом отношении, а в нравственном она истерзалась от тоски по детям, оставшимся в Каменке. Таким образом, поездка эта, повидимому, не привела ни к чему! Таня тоже не поправилась и попрежнему страдает головными болями, бледна, слаба. Правда, что тут примешался сердечный элемент: она очень увлечена своим новым претендентом и смущается неизвестностью. Дело в том, что раньше осени он не может явиться с официальным предложением руки и сердца. Ему необходимо сначала кончить свои офицерские экзамены, а потом поехать в Вевеи испросить благословения своих родителей.

Получил сегодня утром третью и последнюю корректуру оперы, которой и начну теперь заниматься. Переписываю начисто написанные в Каменке двухголосные романсы, а также приступил к сочинению кое-чего новенького[1].

Я осмотрел сегодня Ваше свекловичное поле. Бураки весьма порядочные, хотя, судя по количеству дождей, можно было бы

ожидать еще лучшего. Обработка поля (я в этом кое-что смыслю) поистине великолепная. Это скорее огород, чем поле. Так как буракам предстоит сидеть в земле еще три месяца, то нужно ожидать превосходного урожая.

11 июля.

Я получил сейчас депешу от Льва Васильевича, сообщающую, что сестра проедет сегодня через Жмеринку и желала бы меня видеть. Она пробудет на станции от семи до десяти часов, так что я буду иметь достаточно времени, чтобы с ними повидаться и услышать обстоятельные рассказы об их жизни за границей.

Получил сегодня также пересланное мне из Каменки письмо известной особы. Увы, оно свидетельствует, что вместо того, чтобы делать успехи в понимании своего положения и своих интересов, она делается все безумнее и злее; и все дальше уходит моя надежда на полное освобождение [2]...

Следующее письмо буду писать Вам в Аркашон!

Бесконечно любящий и благодарный

П. Чайковский.

Потрудитесь поблагодарить Юлию Карловну за надписание адресов, а также попросить принять от меня мое почтение. Всем Вашим поклон!!!

267. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 12—15. Симаки.

Симаки,
12 июля 1880 г.

Вчера ездил в Жмеринку и провел три часа с сестрой и племянницами. Оттого ли, что сестре весело возвращаться домой, оттого ли, что она была рада меня видеть, но только она произвела на меня благоприятное впечатление. Мне показалось, что она возвращается все-таки более здоровая, чем уехала. Таня слегка пополнела, чему нельзя радоваться, так как у нее это всегда признак, что ей становится хуже. Вера одна вполне поправилась, на нее воды, очевидно, имели самое благодетельное влияние. Мне чрезвычайно отрадно было провести несколько часов с этими милыми моему сердцу особами. Свиданье с ними рассеяло отчасти отвратительное состояние духа, навеянное письмом известной особы и ее маменьки! Если б Вы только знали, милый друг, до чего может

дойти безумие, соединенное с абсолютным бессердечием и отсутствием чувства человеческого достоинства!

Получил корректуру и занимался. Погода сегодня холодная, дождливая и ветряная, но мне здесь все-таки так хорошо, так хорошо, что нельзя и выразить. Дни, проводимые мною здесь, — сущее благодеяние для меня.

13 июля.

Погода чудная! Я вполне уже оправился от маленькой неприятности и теперь стыжусь, что из пустяка, подобного письму и з в[е с т и о й] о с[о б ы], находил возможным испытывать тоску и расстройство. В этой личности, даже в почерке руки ее, есть какой-то убийственно действующий на меня я д! От одного вида адреса, надписанного ее рукой, я тотчас же чувствую себя больным и не только морально, но и физически. Вчера, например, у меня так болели ноги, что я едва двигался и чувствовал целый день невыносимую хандру и слабость, в которой совестно было признаться Вам. Но С и м а к и, со всей моей милой здешней обстановкой, очень быстро исцелили меня от болезненного припадка. Сегодня я опять вполне и безусловно здоров, счастлив, доволен и покоен. Сейчас отправляюсь пешком в Тартаки. Получили ли Вы, друг мой, все мои письма как каменские, так и брапловские?

14 июля.

Вчерашняя прогулка в Тартаки была в высшей степени удачна. Я туда и назад ходил пешком и лишь через реку против купальни переезжал в лодке. По части грибов меня преследует упорная неудача; их, несмотря на дожди, нет нигде. Почему это? Какое таинственное произрастание—гриб! Возвращался при непостижимо чудном закате солнца.

Сейчас проигрывал уже окончательно приготовленные к печати первые два действия «Орлеанской девы». Или я очень ошибаюсь или Вы не напрасно, милый друг мой, на подаренных мне часах велели изобразить героиню моего последнего оперного произведения. Я не думаю, чтобы «Д е в а» была лучшим и наиболее прочувствованным из всех моих писаний, но м н е к а ж е т с я, что это именно та вещь, которая может сделать меня популярным. Я чувствую, что «О н е г и н» и некоторые мои инструментальные вещи суть более близкие мне чада всей моей нравственной индивидуальности. Я написал «Д е в у» с меньшим самозабвением, чем, например, нашу симфонию или Второй квартет, но зато с большим расчетом на сценические и звуковые эффекты, а ведь для оперы это главное!

Адресую это письмо уже в Аркашон.

Что делает Влад[ислав] Альб[ертович]? Занимается ли композиторскими опытами? Как его глаза? Если он когда-нибудь в свободную минутку вздумает написать мне,—доставит большое удовольствие.

Я имею сведения, что Н[иколай] Гр[игорьевич] проездом через Берлин был много раз у Иоахима и играл в тамошних музыкальных кружках, причем успех его был о г р о м н ы й. Будьте здоровы и покойны, дорогая моя! Юлье Карловне, Соне и Милочке (которая, вероятно, быстро растет и уж скоро превратится в Людмилу Карловну), а также мужскому поколению желаю всяких благ и удовольствий в дальнейшем путешествии.

Безгранично преданный

П. Чайковский.

Ваша спиацкая свекловица удивительно растет в последние дни. Мне кажется, что урожай будет отличный.

15 июля.

У меня был уже запечатан предыдущий лист и адресован в A r c a c h o n на p o s t e r e s t a n t e, как вдруг получаю большое, крайне заинтересовавшее и много порадовавшее меня письмо Ваше из Интерлакена. Поспешаю ответить на вопросы Ваши, милый, дорогой друг!

1) Достаточно того, что Вам хочется, чтобы «О р л е а н с к а я д е в а» была издана в четыре руки, чтобы я озаботился об этом. Только прошу Вас, друг мой, извинить меня, если я не буду иметь возможность устроить это в ближайшем будущем. Во-первых, ее нужно аранжировать, на что потребуется время; во-вторых, Юргенсон так завален работой по одновременному печатанию нескольких больших моих сочинений (о п е р а, к о н ц е р т, и т а л ь я н с к а я ф а н т а з и я), что в настоящее время мне нужно подождать, дабы он мог сначала справиться с теперешней работой. Во всяком случае, позвольте Вам торжественно и положительно обещать, что я почту своим сладким и необычайно приятным долгом как можно скорее удовлетворить Ваше желание. Вы не знаете, какую услугу Вы мне оказываете, выражая такое желание, которое я могу удовлетворить! Мне так всегда хочется сделать что-нибудь угодное и приятное Вам, и так редко я нахожу к тому повод!

2) О композиторе Мошковском я имею понятие по его симфонической поэме «И о а н н а д'А р к» (мы сошлись с ним в выборе героини), слышанной мною нынешней весной в Берлине у Б и л ь з е. Сочинение это показалось мне абсолютно бездарным, но исполненным претензии. Впрочем, по одному разу нель-

зя никогда составить вполне верного суждения. Может быть, я ошибаюсь, но таково было испытанное мной впечатление. Как пианиста, я его совсем не знаю.

3) Вещи Noskowsk'ого* я видел у Вас в Браилове, заинтересовался ими и привез их с собой сюда, но еще не проигрывал. Когда познакомлюсь с ними, напишу Вам свое впечатление.

На рысаках Ваших я не ездил еще, но непременно хочу познакомиться с ними и в первый раз, как попаду в Браилов, если и не поезжу на них, то по крайней мере посмотрю их. Признаться сказать (по свойственному мне м а н ь я ч е с т в у), я так привык, так люблю ту гнедую четверочку, которая находится в моем распоряжении, что мне и не хочется никаких других лошадей. Однакож, так или иначе, с рысаками Вашими непременно ознакомлюсь.

Что касается М и л о ч к и н о г о пуделя, то я во время пребывания моего в Браилове находился с ним в самых интимных, дружеских отношениях и только по рассеянности забыл Вам написать про это милое, симпатичное создание. Впрочем, я был так увлечен Вашим попугаем, что C r o q u e t оставался у меня на втором плане. Нужно Вам сказать, друг мой, что попугай, и именно серый попугай (которого Брем называет самым умным животным после человека и слона), всегда внушал мне страстную симпатию, а так как я редко имел случай их видеть, то, живя в Браилове, я иногда целые часы проводил в болтовне с попугаем. Иногда я садился на террасу у главного входа, ставил клетку на стол и до бесконечности наслаждался милой болтовней его. Если я не ошибаюсь, попугай этот отличается замечательной кротостью. Переезжая в Симаки, я хотел взять его с собой, и у нас с Марселем был разговор об этом, но потом я убоялся, что лишу его той М а т р е н ы, которую он беспрестанно поминает, и не решился разлучить его с ней.

Письмо Ваше пришло вчера как раз в ту минуту, когда я усаживался в фаэтон, чтобы ехать в Браилов, так что читал я его дорогой. В Браилове провел время очень приятно. Был встречен прежде всего C r o q u e t'o м, которого после Вашего письма мне вдвойне приятно было видеть. Долго беседовал с попугаем и ласкал его; виделся с Марселем, который, бедный, всю эту неделю проболел, очень похудел и едва еще волочит ноги; у него какая-то острая боль в пояснице. Обошел все комнаты и любовался новою мебелью Вашею; положил на место некоторые нотные книги и вместо них взял другие. Потом пил чай в М а-

* *В подлиннике:* Poskowsk'ого

р и е н г а й, заезжал в монастырь ко всенощной и воротился домой, когда уже совсем стемнело.

Как мне нравится Ваш милый Саша с его страстью к горам, ледникам и восхождениям, и как я понимаю это! Мне кажется, что Z ä s e n b e r g, на который он всходил с Пахульским, есть высшая точка верхнего Гринденвальденского ледника, называемого M e r d e g l a c e. Прав ли я? Как жаль, что я не посоветовал во-время Саше сделать пешую экскурсию из Гринденвальда на F a u l h o r n. Был ли он там? Грандиознее вида, открывающегося с F a u l h o r n ‘a, нельзя себе ничего представить. Р и г и ничто в сравнении с этим. Радуюсь, что Вы побываете в M ü r r e n. Говорят, что он теперь неузнаваем, что там выстроили огромный великолепный отель, что там живет много англичан. В мое время там была жалкая лачужка, где едва-едва можно было утолить жажду и голод. Не правда ли, как англичане и американцы отравляют удовольствие делать экскурсии по Швейцарии! Я теряю всякую способность наслаждаться природой, когда рядом с собой вижу всех этих м и с т е р о в, м и с т р и с с и м и с с, снующихся повсюду в Швейцарии не ради удовлетворения естественной потребности в впечатлениях от грандиозной природы, а как бы исполняя какую-то обязанность, какую-то п о в и н н о с т ь, наложенную приличием и обычаем на всякого благовоспитанного островитянина!

До свиданья! Дай бог Вам, дорогой друг, благополучно совершить переезд в Аркашон и найти в нем отдых!

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

Поздравляю Вас, друг мой, с днем именин Владимира Карловича.

268. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 16—19. Симаки. 16 июля 1880 г.

Вчера я ездил с чаем в Симацкий лес, против Тартаков. И погода сначала была чудная, и множество грибов мы нашли, ну, словом, прогулка была бы идеальной, если б под конец не разыгралась совершенно неожиданно сильнейшая гроза. Пришлось возвращаться домой под страшным ливнем. Затем лошади в гору не могли вывезти экипажа по причине скользкости, так что пришлось выходить и помогать Ефиму втаскивать фаэтон. В конце концов, я приехал домой промоченный насквозь. Когда

уж мы были дома, раздался необычайно сильный треск, вследствие упавшей в землю где-то очень близко молнии. Удар был так страшен, что дом весь затрясся, и в первую минуту я думал, что молния упала в противоположную сторону дома. Оказалось однако, что в усадьбе и в экономии все благополучно. Засим гроза гремела еще долго...

Мы привезли домой целое ведро, с верху донизу наполненное превосходнейшими молодыми свежими грибами.

Сегодня погода совершенно осенняя. Мрачно, холодно, ветрено. Я воспользовался этим, чтобы просидеть за корректурой, и достиг конца. Теперь мне остается только проиграть всю оперу от начала до конца, а засим отослать ее к Юргенсону, который должен торопиться отпечатать несколько экземпляров для дирекции театров, где она в начале августа по уговору должна находиться в нескольких экземплярах. Но выпускать в свет оперу я не хочу до первого представления. Я нахожу, что всякое большое произведение очень выигрывает, когда его изучаешь или проигрываешь уже после исполнения. Опыт показал мне, что не только публика, но и артисты, даже самые первостепенные, не составляют себе о новом произведении точного понятия до тех пор, пока оно не исполнено. Сколько раз у меня бывали подобные случаи с моими московскими друзьями! Сколько раз принимали они очень холодно сочинение мое, знакомясь с ним по рукописи, а потом находили в нем достоинства! Вообще в этом случае я хочу следовать примеру Мейербера, который требовал, чтобы до первого представления публике не было ничего известно о новой опере, дабы она восприимчивее была к тем впечатлениям и эффектам, на которые он рассчитывал. Нет никакого сомнения, что если выпустить оперу до исполнения, то найдутся люди, которые печатно раскритикуют ее, а это охлаждает интерес значительной части публики. Другое дело — печатные отзывы после исполнения. Тут критикуй, сколько хочешь, на успех или неуспех это уже не может иметь влияния.

Я и забыл вчера, милый друг, ответить Вам на вопрос, кто будет петь роль И о а н н ы. Увы! вполне подходящей артистки на эту роль у меня нет. Но явились три претендентки: Р а а б, М а к а р о в а и К а м е н с к а я. Они все три будут учить роль, а затем Направник, посоветовавшись со мной, решит, кому из трех она будет принадлежать. Для партии И о а н н ы нужна певица с громадным голосом, с сильным драматическим талантом и опытностью. Где и когда я найду сочетание этих трех требований в одном лице?..

17 июля.
8 часов вечера.

День совсем осенний, но без дождя. Я только что возвратился из пешего гулянья в лес. Между прочим, испытал неприятное впечатление, наткнувшись среди леса на мертвого вола. Говорят, что здесь довольно сильный падеж скота; как это жаль Слышал я, что принимаются энергические меры против него Если не ошибаюсь, холодная погода нехорошо действует на бураки, они слегка пожелтели и немножко вялы. Но, разумеется, при первом тепле это пройдет, и они опять начнут хорошо расти. Сегодня опять целый день просидел за корректурой, т. е. проигрывал всю оперу от начала до конца. Сегодня отсылаю ее в Москву.

18 июля.

Вчера вечером я, дабы отдохнуть от своей собственной музыки (вследствие корректур, наконец, мне несколько прискучившей), проиграл от начала до конца «Carmen» Bizet. Помоему, это в полном смысле chef d'oeuvre, т. е. одна из тех немногих вещей, которым суждено отразить в себе в сильнейшей степени музыкальные стремления целой эпохи. Мне кажется, что переживаемая нами эпоха отличается от предыдущих той характеристической чертой, что композиторы гоняются (во-первых, они гоняются, чего не делали ни Моцарт, ни Бетховен, ни Шуберт, ни Шуман) за хорошенькими и пикантными эффектами. Что такое так называемая новая русская школа[1], как не культ разных пряных гармонизаций, оригинальных оркестровых комбинаций и всякого рода чисто внешних эффектов. Музыкальная идея ушла на задний план. Она сделалась не целью, а средством, поводом к изобретению того или другого сочетания звуков. Прежде сочиняли, творили, теперь (за очень немногими исключениями) подбирают, изобретают. Такой процесс музыкального измышления, разумеется, чисто рассудочный, и поэтому современная музыка, будучи очень остроумна, пикантна и курьезна,—холодна, не согрета чувством. И вот является француз, у которого все эти пикантности и пряности являются не результатом выдумания, а льются свободным потоком, льстя слуху, но в то же время трогают и волнуют. Он как бы говорит нам: «Вы не хотите ничего величавого, сильного и грандиозного; вы хотите хорошенького, вот вам хорошенькая опера». И действительно, я не знаю в музыке ничего, что бы имело большее право представлять собой элемент, который я называю хорошеньким, le joli. Это обаятельно прелестно от начала до конца. Пикантных гармоний,

совершенно новых звуковых комбинаций множество, но все это не исключительная цель. Bizet—художник, отдающий дань веку и современности, но согретый истинным вдохновением. И что за чудный сюжет оперы! Я не могу без слез играть последнюю сцену. С одной стороны, народное ликование и грубое веселье толпы, смотрящей на бой быков, с другой стороны, страшная трагедия и смерть двух главных действующих лиц, которых злой рок, fatum, столкнул и через целый ряд страданий привел к неизбежному концу.

Я убежден, что лет через десять «Кармен» будет самой популярной оперой в мире. Но «несть пророка в отечестве своем». «Кармен» в Париже настоящего успеха не имела. Bizet умер вскоре после ее постановки, бывши еще молодым и в цвете сил и здоровья. Кто знает, не неуспех ли так подействовал на него?

19 июля.

Вчера утром я Вам выражал свою любовь к «Carmen», а вечером познакомился с новым для меня произведением Massenet «Marie Magdeleine». Я приступил к нему с некоторым предубеждением. Мне казалось слишком смелым заставлять Христа распевать арии и дуэты, но оказалось, что вещь преисполнена достоинств, изящества и прелести. Дуэт между Иисусом и Магдалиной затронул меня за живое и заставил пролить даже слезы. Хвала тому художнику, который доставляет такие минуты! Отныне Massenet будет одним из моих любимцев, почти наравне с Bizet[2]. Вообще французы все более и более привлекают мои симпатии.

Ездили вечером в Симацкий лес и возвратились с громадным запасом грибов. Сегодня погода серенькая, но приятная. Я сейчас только воротился с трехчасовой пешей прогулки. Вообще я так счастлив, так благодарен Вам, о, благодетельный друг мой, за чудные дни, проводимые здесь. Мне страшно подумать о том, что нужно будет уехать. А, увы! скоро придется заговорить и об отъезде. Отпуск Анатолия начинается, и я дал ему слово к 1 августа быть в Каменке.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

269. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 21—24. Симаки.

Симаки,
21 июля.

Вчера не успел ничего написать вследствие очень суетливого дня. Утром я ездил в Браилов и был на двух обеднях: в рус-

ском монастыре и в костеле. После обеда пришлось отвечать на несколько пересланных мне из Каменки писем. Меня усиленно приглашают приехать: 1) Кондратьев, продающий свое имение и дающий двадцать девятого числа прощальный обед, на котором желал бы очень видеть меня; 2) Жедринские, семейство, к которому принадлежит товарищ, друг и сожитель Анатолия, который и сам проведет там в конце месяца несколько дней, и 3) брат Николай, купивший себе имение в Курской губернии и сгорающий желанием показать мне его. По разным причинам я решился уклониться от всех трех приглашений и поспешил учтивым образом предупредить, чтобы меня не ждали. Едва успел написать эти три письма, как пришли сказать, что пора отправляться в Тартаки, куда, перебравшись на тот берег в лодке, я ходил пешком. Прогулка была чудная. Вместе с моей обыкновенной свитой приезжал туда же в лодке М а р с е л ь, которого я утром в Браилове пригласил подышать вместе с нами лесным воздухом. Он, бедный, вечно сидит в Браилове, и я нахожу, что ему, дабы окрепнуть, необходимо как можно чаще бывать в лесу и в поле. Возвратился домой пешком и опять наслаждался ни с чем не сравнимой красотой заходящего солнца и видом, открывающимся с полей, прилегающих к Тартацкому лесу. Дома почувствовал себя столь усталым, что тотчас после ужина лег спать. Эту неделю я во всяком случае остаюсь еще здесь. Попрошу Вас, милый друг мой, следующее Ваше письмо адресовать в Каменку.

22 июля.

Вчерашний [день] ознаменовался тремя сильными грозами. Из них вторая была особенно замечательная. В шестом часу я пил чай на балконе. Небо было почти чисто, но откуда-то издалека доносился непрерывный гул, который я вместе с Алексеем и Леоном не мог иначе объяснить, как быстрым ходом какого-нибудь особенно большого поезда железной дороги. Гул этот становился все ближе и ближе. Вдруг с юга, из-за горизонта, начала с невероятной быстротой ползти туча. Она состояла из лохматого, темного, с бело-красной каймой авангарда, за которым виднелась плотная одноцветная серая масса. Авангард этот стремился прямо на нас, гремя все сильнее и ужаснее. Замечательно то, что ни отдельных ударов грома, ни отдельных молний не было. Но он трепетал и мерцал бесчисленным количеством молний и при этом гремел грозно, страшно, но совершенно ровно, как бой какого-то колоссального барабана. Это было поистине страшно, но нельзя было оторваться от окна, до того зрелище было грандиозно, дико, чудовищно-красиво. Как только авангард очутился над нашими головами, поднялась

еще никогда невиданная мною буря с градом. Деревья ложились на землю. Поминутно был слышен треск ломающихся сучьев, слабо долетавший до слуха сквозь рев невероятного урагана. В воздухе носились листья, ветви; все стонало, выло, рвалось! Я не понимаю, как наш дом остался на месте! Градом разбило стекло в столовой, но других повреждений, кажется, не было. Едва утихла эта буря, и я, открывши окно, наслаждался чудным очищенным воздухом, как начала с запада ползти другая туча. Эта разразилась тоже сильной, но менее сильной бурей, хотя град был крупнее. Зато удары молнии на сей раз ежеминутно падали в землю, и дом наш дрожал от треска. Я поддался чувству непобедимого страха, который иногда находит на меня вследствие грозы. Только к часу ночи все утихло, хотя молнии еще долго мерцали издали и откуда-то доносился гул уходившей тучи. Зато что за день сегодня! Ясно, светло, весело. Но в саду остались следы бури. Множество деревьев поломано, дорожки усыпаны сучьями и ветвями. Громадная ива внизу, за садом, повалилась. Думаю, что хлеб на полях повалило, но в настоящее время это уже небольшое несчастие.

23 июля.

Наступили африканские жары при совершенно чистом небе и сильном южном ветре, разогнавшем все тучи и уже высушившем поля. На свекловице заметны следы града; все листья продырявлены. Я думаю, что теплота хорошо на них подействует; вследствие холодной погоды они начали было желтеть. Вчера я никуда не ездил, так как дороги были сильно испорчены ливнем и бурей. Сегодня хочу поехать в наш милый Симацкий лес. Написал два романса. Много играл. Между прочим проиграл и сочинения Носковского*. Я нахожу их не выходящими из границ посредственности, но не плохими.

24 июля.

Кажется, соединились все условия, чтобы последние дни, проводимые мною здесь, были безусловно счастливые. Никаких беспокоящих известий не получаю, с оперой покончил, чувствую большой прилив вдохновения и пишу романсы, которыми остаюсь доволен, погода стоит чудесная, наконец, и здоровье мое не оставляет желать ничего лучшего. Теперь мне остается только получить известие из Arcachon, что переезд совершился благополучно, что Вы здоровы и веселы, для того, чтобы я был вполне доволен и счастлив. Сейчас, несмотря на жар, совершил

* *В подлиннике:* Ношковского

прогулку по полям и с удовольствием заметил, что свекловица Ваша смотрит бодрее, веселее, чем это было до наступления жаров. О, если б у моего зятя хоть наполовину была такая свекловица, как здесь! Увы! на это нельзя надеяться.

Писал ли я Вам, милый друг, что занимаюсь понемножку английским языком? Здесь мои занятия по этой части идут очень правильно и успешно. Я надеюсь, что месяцев через шесть буду свободно читать по-английски. Это и есть моя единственная цель. Я знаю, что в мои годы уже нельзя выучиться бойко говорить. Но прочесть Шекспира, Диккенса, Теккерея в подлиннике—это будет услада моей стареющейся жизни.

Сейчас отправляюсь на с к а л у и хочу от мельницы пройти пешком.

Будьте здоровы, дорогой друг!

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

270. Чайковский—Мекк

Симаки.

1880 г. июля 25—29. Симаки. 25 июля.

Странное лето! Жара внезапно прекратилась, и совершенно неожиданно наступила совсем осенняя, холодная погода. Но ветра нет, небо покрыто легкими тучками, и для прогулки нельзя придумать ничего лучшего. Я сейчас только вернулся из леса, куда ходил пешком. Много наслаждался, но сильно устал. Теперь я сижу в саду и пишу Вам, мой дорогой и милый друг. Как хорошо! Тишина удивительная, деревья не шелохнутся. Цветы около меня испускают благоухание; издали слышу деревенские звуки и какие-то милые, веселые детские голоса; птички задают мне концерт. На душе покойно и легко. Ах, какие чудные часы, подобные этому!..

Вчера ездили на скалу, т. е. я от мельницы шел пешком по берегу. Посылал Ефима привезти Марселя с его двумя милыми дочками. Они приехали, и мне в высшей степени приятно было видеть, как радовались девочки, что попали в лес и на скалу, про которую много слышали, но никогда не видали. Марсель поправляется. Кстати скажу Вам, друг мой, что я не могу достаточно нахвалиться заботливостью, которую мне здесь оказывают все Ваши слуги. Для моего благосостояния необходимо, чтобы люди, живущие около меня, оказывали мне свои услуги не только по обязанности, но и с дружелюбием, и я всегда ста-

раюсь заслужить со стороны слуг симпатическое к себе отношение. Здесь я вполне достиг этого. Я вижу, что они служат мне не только по долгу, но и по дружбе, и это мне в высшей степени приятно. Они все такие добрые, внимательные! Мой Алексей особенно полюбил Ефима; они почти неразлучны. И в самом деле, Ефим и хороший и умный человек.

27 июля.

Как быстро пролетел этот месяц! Вот уже наступают последние дни моего пребывания в гостях у Вас. Может быть, мне бы не следовало признаваться Вам, друг мой, что, несмотря на всю любовь, которую я питаю к моим милым каменским родным, я с крайней неохотой и грустью отрываюсь от чудной жизни, которую веду здесь, и от этого милого уголка мира, в котором соединились для меня все условия полнейшего благоденствия. Но такова истина. Мне мысленно совестно перед каменскими. Они так много делают, чтобы мне было хорошо у них, они такие сердечные, добрые, хорошие люди, я так их люблю! Но что же мне делать, когда каменская природа и вся обстановка жизни такие неприглядные. Подумайте, милый друг, что мы живем там не среди зелени и не на лоне природы, а рядом с жидовскими жилищами, что воздух там всегда отравлен испарениями из местечка и из завода, что под боком у нас центр местечка, с лавками, с шумом и жидовской суетней. Пожив в Каменке несколько времени, я свыкаюсь обыкновенно с ее неприглядностью и ради любви к окружающим меня людям забываю недостатки местные и в особенности отдаление от природы, но первые дни мне будут неприятны. С другой стороны, быть может, для меня и хорошо устраивается, что обстоятельства мешают мне подолгу оставаться здесь. Постоянный экстаз, в котором я нахожусь здесь, должен в конце концов отразиться на нервах. Я сделался крайне восприимчив ко всякого рода впечатлениям; я сделался слезоточив, беспрестанно и без всякой надобности плачу: то по поводу книги, то по поводу музыки, то просто под влиянием красоты природы. Я живу здесь какой-то ненормальной, учетверенной жизненной силой. Иногда я так далеко и высоко заношусь мысленно и душевно, что почти не чувствую себя на земле. В такие минуты всякое явственное напоминание о принадлежности к реальному миру меня раздражает и оскорбляет. Особенно появление газет (которые граф Сципио очень аккуратно и любезно доставляет мне, иногда завозя их даже сам), этого зеркала будничной жизни, со всей ее прозаичностью, имеет свойство заставлять меня быстро и стремительно падать с моих заоблачных высот на землю. Состояние это очень приятно, но оно во всяком случае ненормально, и если проведенный таким образом месяц

должен иметь на меня благодетельное и живительное действие, то более продолжительное пребывание среди всего, что здесь меня приводит в постоянное восторженное состояние духа, быть может, было бы для меня слишком много! Как бы то ни было, но факт тот, что мне тяжело будет уехать отсюда [1].

Вчера ездил в Людавский лес. Какая красота!

29 июля.

Недавно воротился из Браилова, куда ездил прощаться. Все книги и ноты возвращены в целости и поставлены на место. Прошелся по саду, обошел весь дом. Мне вообще грустно уезжать, но в Браилове это чувствовалось как-то сильнее. Там как-то живее чувствуешь, что Вы где-то очень далеко! А я, как нарочно, уезжаю от Вас, не получивши еще известий из Arcachon. Это усугубляет грусть расставания с Симаками и Браиловом. Но не оттого ли это происходит, что Вы адресовали мне письмо в Каменку? Утешаю себя этой мыслью. Я хотел выехать завтра, тридцатого, в одиннадцать часов утра, но, уже возвратившись из Браилова и посмотревши в путеводитель, сообразил, что если выеду ночью с курьерским поездом, то отделаюсь от бесконечно скучного шестичасового ожидания в Фастове. Решился выехать ночью или, лучше сказать, ранним утром, ибо поезд выходит из Жмеринки в пять с половиной часов.

Нужно теперь проститься с хозяйкой и поблагодарить ее. Мне так часто приходится благодарить Вас, милый друг, за все бесконечные и бесчисленные радости, которыми я Вам обязан! Очень не хочется употребить избитой фразы, что «слов нет». Но именно слов нет. Я был здесь счастлив и ежеминутно мысленно благословлял ту, которой этими счастливыми днями я обязан. Будьте здоровы, милый, добрый, благодетельный друг!

Ваш П. Чайковский.

Всем Вашим приветствия!

271. Мекк—Чайковскому

1880 г. июля 27—29. Аркашон.

Arcachon,
27 июля 1880 г.

Дорогой, несравненный друг! Не знаю, как и благодарить Вас за то, что вы не считаетесь со мною письмами. Я такой несчастный человек в нынешнем году, что никак не могу делать того, что мне хочется. Вообще нынешнее путешествие у меня наполнено неудачами, в особенности этот переезд от Interlaken до Arcachon и пребывание здесь [1]...

Можно было думать, что бедствия кончились,—не тут-то было. Заболевает Юля сильнейшею крапивною лихорадкою, за нею заболеваю я

холериною с ужасно тяжелыми припадками, так что дохожу до бреда, подняться с кровати не могу. Пришлось обращаться к доктору....

29 июля.

Не могла окончить своего письма, потому что устала ужасно....

Как я невыразимо счастлива, что Вам нравится в Симаках, дорогой мой друг, и как еще более я жалею, что меня нет в Браилове. Благодарю Вас от всей глубины сердца за те счастливые минуты, которые мне доставляет Ваше пребывание в Симаках и Ваше милое и доброе отношение к Браилову. Вы делаете мне его еще более дорогим. А мне очень досадно, я должна извиниться перед Вами, милый друг мой, в том, что имели une contrarité* однажды, когда хотели поехать на лодке и ее не оказалось на месте, но зато же этого дерзновенного, который позволил себе взять ее, граф Сципио очень хорошо и эффектно вознаградил: тотчас же уволил его без всяких разговоров. Это был один из служащих на фольварке.

Как интересно мне было читать Ваши заметки о Глинке. У меня из разных отрывочных данных составилось об нем понятие, как о пошлом человеке, и о записках его я знала, но не читала их. Скажите, Петр Ильич, они есть в печати? Их можно достать без затруднения?

Как мне совестно, милый друг, за мою ветреность относительно Вас, вследствие которой Вам пришлось подбирать ключ к моим библиотекам, и, главное, мы именно специально говорили о том, чтобы все библиотечные шкапы оставить не замкнутыми для Вас, а я вдруг засуетилась перед отъездом, да и замкнула. Тысячу раз прошу извинения.

Не знаю, как и благодарить Вас, мой бесценный, за обещание аранжировать «Орлеанскую деву» в четыре руки. Это будет огромное наслаждение для меня играть ее, но прошу Вас убедительно, друг мой, никак не торопиться с этим. Уж когда я знаю, что это будет непременно, так буду терпелива. Очень, очень жаль, что для «Орлеанской девы» нет подходящей primadonn'ы. Мне Рааб очень не нравится, у нее в с е г о н е д о с т а е т; я не понимаю, отчего с нею так носятся. Каменская мне больше нравилась, Макаровой я совсем не слышала.

Я сама не проигрывала ни «Marie Magdeleine» Massenet, ни «Carmen» Bizet, но в настоящее время, сколько я могу судить по словам музикуса Bussy, который у меня теперь живет, Bizet ставят очень высоко в музыкальном мире в Париже. По этому экземпляру, т. е. M. de Bussy, моему пианисту из Парижа, я окончательно убедилась, что никакой и параллели проводить нельзя между парижскими и нашими русскими пианистами, настолько наши неизмеримо выше как музыканты и как техники, а ведь мой est un Laureat**, получил premier prix*** при окончании в нынешнем году. Работает теперь на prix de Rome****, но это все дребедень, ничего не стоящая.

Какая у Вас удивительная память, Петр Ильич, как Вы детально верно определили, где находится Zäsenberg; это именно то место. Здесь мой Саша увлекается морем, у него вообще страсть к мореплаванию.

Мое здоровье и Юлино лучше; я думаю, что нам полезнее в лесу жить. Юля, Соня, Милочка, Коля, Саша и Влад[ислав] Альб[ертович] все шлют

---

* неприятность, досаду.

** Лауреат—ученик консерватории, получивший при выпуске лучший отзыв.

*** первую награду

**** Стипендия, командировка в Рим на один год для усовершенствования.

Вам их задушевные поклоны и глубочайшее почтение. Влад[ислав] Альб[ертович] в восторге от Вашего позволения писать Вам. До свидания, милый, несравненный друг. Не забывайте всегда и везде горячо и неизменно Вас любящую

Н. ф.-Мекк.

272. Мекк—Чайковскому

Arcachon,
31 июля 1880 г.

Милый, бесценный друг! Только что два часа сряду писала письма и телеграммы, но все-таки хочу написать Вам хотя два слова, чтобы еще повторить мою безграничную благодарность за дорогие письма Ваши, которыми Вы так балуете меня это время. Невозможно и передать Вам, как я счастлива, получая их. Вчера опять получила Ваше письмо с последнею отметкою 24 июля. Очень мне грустно думать, что Вы уже больше не в Симаках, что любимец мой Браилов не освещен более Вашим присутствием....

Какою поразительною жаждою познаний обладаете Вы, Петр Ильич. Я, право, преклоняюсь, уничтожаюсь перед этим. Вы учитесь по-английски, чтобы читать в оригинале Шекспира и прочих авторов. Владея так многими языками, обладая таким многосторонним образованием, Вам все еще мало, Вы хотите знать еще больше, и все Вам дается. Что за богатая натура у Вас, и при этом что за богатое сердце! Я знавала в своей жизни людей весьма способных и деятельных, но все они были люди б е з с е р д ц а, влюбленные только в себя, заносчивые эгоисты.... А Вы, мой бесподобный друг, такого человека, как Вы, я знаю только одного и то Вас.

У нас стоит великолепная погода уже несколько дней сряду. На днях мы прокатимся в Биариц. До свидания, мой несравненный. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

273. Чайковский—Мекк

1880 г. июля 31—августа—2. Каменка.

Каменка.
31 июля.

Милый, дорогой друг! Невесело провожу я первые часы по возвращении из Симаков в Каменку. Мне приятно было увидеться со своими. Я не мог не быть тронутым радостью, которую им доставило мое возвращение. Но как мне грустно, как мне тяжело зато ощущать себя в жидовском местечке, вдыхать отравленный и распаленный жарою воздух, быть лишенным купанья и всего того, что в таком изобилии давали мне Симаки! Мне грустно до слез, и хуже всего, что нужно скрывать это, дабы не было заметно моим милым сожителям. Конечно, через несколько дней привычка возьмет свое, и слишком еще живое воспоминание о Симаках побледнеет, но мне грустно, грустно, грустно. Вы, может быть, спросите меня, друг мой, что заставляет меня добровольно лишать себя нескольких дней или недель наслаждения? Но, во-первых, Анатолия здесь ожидают с часу на час, и я не

могу быть причиной тяжелого огорчения, которое он испытал бы, если б, приехавши, не нашел меня здесь. Во-вторых, Вы и представить себе не можете, с каким нетерпением меня здесь ожидали и как я был нужен. Племянницы затеяли спектакль. Они без меня не хотели ни выбирать пьес, ни вообще чего-либо предпринимать к устройству его, да и кроме того я сделался какою-то необходимостью для их летней жизни. Без меня они и в лес не ездят и музыкой не занимаются, ну, словом, скучают, и уж как они меня ждали, как торопили скорее возвратиться.

Я страдаю не только за себя, но и за них. Они обречены на постоянную жизнь в глуши, и нужно же было судьбе устроить, чтобы эта глушь была до такой степени лишена всякой прелести. Жаль мне их!

Алексей мой впал в уныние и чуть не плачет.

Нужно потерпеть и забыть немножко Симаки, а там опять привыкнешь к здешней грустной обстановке и найдешь средство даже и в Каменке найти природу и возможность наслаждаться ею.

2 августа.

Жары стоят нестерпимые. Все сухо, дыханье стеснено, даже ночью нельзя освежиться. У нас, несмотря на это, идут деятельные совещания насчет пьес для предполагаемого спектакля. Остановились на трехактной комедии «Л а к о м ы й к у с о ч е к» и тотчас же принялись за переписку ролей и распределение их.

Покаюсь Вам, что мне очень грустно так долго не иметь об Вас известий. Объясняю себе отсутствие писем тем, что Вы мне написали в Симаки, что письмо Ваше препровождено уже сюда, но еще не дошло до меня.

Начал заниматься перепиской дуэтов и романсов, но все еще не могу войти в колею своей обычной каменской жизни.

Будьте здоровы, милый, добрый друг!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

Не могу понять, отчего я в Симаках нисколько не страдал от зноя и духоты.

274. Чайковский—Мекк

[Каменка],
7 августа [1880 г.]

Вы, вероятно, очень удивитесь, милый друг мой, узнавши, что я ездил в Киев и лишь вчера вернулся. Вся моя поездка продолжалась двое суток. Причина ее та, что нужно было оты-

скать пьесу для нашего спектакля и что ради скорости требовалось кому-нибудь из нас туда съездить, а так как я свободнее всех, то на меня и возложено было это поручение, да, кстати, и множество других. Если б не сильнейшая жара, то поездка эта была бы очень приятна. Я очень люблю Киев и хотя не желал бы жить в нем, но всегда с удовольствием готов там провести два-три дня. Есть там места в Царском саду, где можно проспиживать с невыразимым наслаждением целые часы, любуясь красотою видов. А какая прелесть Ботанический сад, Выдубецкий монастырь (близ Лавры), Кинь-грусть и множество других мест! К сожалению, я должен был целые дни бегать по магазинам и поэтому успел быть только в Царском саду и в Ботаническом. Вечера проводил в Ш а т о-д е-Ф л е р и н а с л а ж д а л с я м у з ы к о й!!! Положим, оркестр там маленький и по составу не первоклассный, но что значит быть надолго лишенным удовольствия слушать музыку! Когда я услышал, войдя в сад, звуки знаменитой интродукции к «Р о б е р т у», то чуть не лишился чувств от силы впечатления, которое испытал. Впрочем, я вообще нахожусь теперь в периоде какой-то особенной восприимчивости к музыкальным впечатлениям. Пребывание в Симаках и преизобилие чудных, счастливых минут собеседования с матерью-природой наполнило все мое нравственное существо каким-то неопределенным и неодолимым влечением к к р а с о т е. И при всяком ощущении красоты в области искусства я едва в состоянии совладать с собой, чтобы не разрыдаться. О, милый симацкий уголок! Сколько радостей и восторгов я испытывал в нем! Как я люблю его!

Возвратившись в Каменку, нашел два письма Ваших и прочел их с невыразимым интересом и наслаждением. Переезд Ваш из Швейцарии во Францию—целая эпопея, составленная из всякого рода неожиданных приключений. Живо воображаю, как Вы измучились нравственно и физически от всего этого! Крапивную лихорадку Юлии Карловны я прямо приписываю испытанным ее треволнениям. У меня она часто бывала после сильных беспокойств и потрясений. Надеюсь, что в своей новой вилле Вы наконец найдете отдых и покой.

М е м у а р ы Г л и н к и изданы «Русской старины»[1] и достать их очень легко во всяком порядочном книжном магазине.

Позвольте Вам сказать откровенно, милый друг мой, что мне о ч е н ь н е п р и я т н а излишняя строгость, с которой отнесся гр. Сципио к очень невинной выходке юноши, вероятно, и не знавшего, что исключительное право на лодку принадлежало мне. Уверяю Вас, что я ни минуты не сердился и что всю эту неприятную кашу заварил мой Алексей Иванович от изли-

шнего усердия. Выговора за произвол и самовольничание было бы достаточно. Хорошо, если выгнанный из фольварка не особенно нуждался в месте, а что если это был для него к у с о к х л е б а?

Будьте здоровы, милый, беспредельно любимый друг!

Ваш П. Чайковский.

Всем Вашим кланяюсь и благодарю за память. Отныне буду снова писать Вам каждую среду.

275. Мекк—Чайковскому

Arcachon,
7/19 августа 1880 г.

Дорогой, милый друг мой! Я надеюсь, что теперь Вы получили все мои письма, адресованные в Каменку. Теперь пишу Вам накануне отъезда из Arcachon, который покидаю совсем вследствие преследующего меня в нынешнее путешествие обстоятельства—недостатка помещения. В настоящее время я занимаю две виллы, но одну из них, и именно ту, которая больше, Villa Bellegarde, я около двадцатого числа обязана сдать обратно, потому что на сентябрь по новому стилю она была уже нанята раньше меня, и наниматель не соглашается мне ее уступить. А так как я все равно должна ехать в Париж проводить своих мальчиков, то я уже и решила из Парижа ехать прямо в Италию через Marseille и Riviera Ponenta и буду останавливаться по дороге в Ницце, в Генуе, чтобы не приехать слишком рано в Рим, так как там летом бывают эти malaria, которых я очень боюсь. По всему этому прошу Вас, дорогой мой, употребить следующие адресы: до 18 августа в Париж, после того в Рим, poste restante. Второе, прошу Вас очень, очень, не оставляйте меня долго без Ваших дорогих писем. Они составляют мою единственную радость и поддержку в жизни. Тяжелых минут у меня так много, что я постоянно нуждаюсь в добром слове, в облегчении, и т о л ь к о в Ваших письмах я нахожу их вполне и без примеси чего-нибудь горького, отравляющего. Боже мой, когда бы Вы знали, какое великое благодетельное значение Вы имеете в моей жизни. Никакой Bremontier, благодетель Arcachon, ни Napoléon III, благодетель Биариц, не сделали для человечества того, что Вы делаете для меня, потому что то, что они сделали и за что им ставят памятники в разных видах, было бы сделано и без них, силою местных требований, прогрессом науки и прочими и прочими рычагами. То же, что Вы делаете для меня, не может сделать н и к т о кроме Вас, потому что надо быть В а м и, для того чтобы это делать. По поводу памятников, так как у нас здесь стоит памятник Bremontier, мне пришел в голову вопрос: Вам, Петр Ильич, что, Вам хотелось бы, чтобы Вам памятник поставили? Делая Вам этот вопрос, я заглянула в себя и спросила себя о том же, хотя я вполне ограждена от такого величия, но тем не менее я почувствовала такое неудовольствие, такое отвращение, представив себе свою собственную фигуру или свой бюст, торчащий на каком-нибудь пьедестале с непрошенною надписью о таких-то деяниях, что обрадовалась ужасно сознанию того, что ведь мне такая опасность никогда не угрожает. Мне очень хочется знать, какое впечатление на Вас производит такая картина....

В каком я восторге, что Вы неохотно уехали из Браилова, мой бесценный, добрый друг. Меня доводит до слез Ваше доброе отношение к месту, которое становится мне все дороже вследствие этого отношения. Для меня Браилов теперь неразлучен с мыслью о Вас, с ощущением моего чувства к Вам. Сколько времени Вы предполагаете пробыть в Каменке, Петр Ильич, и куда потом? Как мне жаль, что Александра Ильинишна не приехала в Arcachon и наши молодые люди не могли познакомиться, а как мне хочется, чтобы моя мечта осуществилась. Из всех моих детей я именно намечаю Колю заниматься Браиловом, и как бы это было славно; Лев Васильевич научил бы своего зятя хозяйничать. Меня беспокоит в Коле его излишняя снисходительность к людям; Лев Васильевич научил бы его быть строгим, и я была бы спокойна за их участь, зная, что они находятся в отличных руках. Дай бог, чтобы это все так сделалось к их счастью.

Вчера я в первый раз решилась играть н а ш у симфонию с своим французиком и поэтому сегодня нахожусь в ужасно нервном состоянии. Я не могу ее играть без лихорадки во всех фибрах, не могу оправиться от впечатления целые сутки. Исполнял ее мой partner не хорошо, но разыгрывал великолепно. Это его единственное, но очень обширное достоинство; читает сочинения, даже Ваши, à livre ouvert*. Второе его достоинство, так сказать, рефлективное, это то, что он в восторге от Вашей музыки. По теории он ученик Massenet, и, конечно, в его глазах Massenet есть великое светило, но вчера я играла с ним также Вашу сюиту, и он был в совершенном восторге от фуги и выразился так: «Dans les fugues modernes je n'ai jamais rien vu de si beau. Monsieur Massenet ne pourrait jamais faire rien de pareil»**. А немцы ему не нравятся, он говорит: «Ils ne sont pas de notre tempérament, ils sont si lourds, pas clair»***. Вообще он есть чистейшее парижское, так сказать, б у л ь в а р н о е создание. Ему, оказывается, восемнадцать лет, и он уже окончил консерваторию avec premier prix. Блаженны те, которые учатся в Парижской консерватории. Сочиняет он, впрочем, очень мило, но и тут чистый француз.

До свидания, мой милый, несравненный друг. Не забывайте меня, всем сердцем неизменно Вас любящую [*подписи нет*].

276. Мекк—Чайковскому

Париж,
11/23 августа 1880 г.

Милый, несравненный друг! Получила здесь уже и Ваше письмо из Каменки и совсем обескуражена тем, что Вы еще не получили моих писем, а я их послала три в Каменку. Хочу надеяться, что они хотя теперь дошли до Вас.

Вот я и в Париже и с большим удовольствием вошла в свои привычные просторные красивые комнаты. В Arcachon природа прелестна, но помещения могут привести в отчаяние, и вот от этой-то последней статьи я вполне отдыхаю в Париже. Здесь у меня очень большая спальня и еще большой salon и маленькая туалетная с роскошною мебелью....

Здесь температура гораздо ниже, чем в Arcachon. Проходя и проезжая мимо Meurice, я с особенным чувством заглядывала в него, с не-

---

* с листа

** «Из современных фуг я красивей не встречал. Г. Массне никогда бы не создал чего-либо подобного»

*** «Они не нашего темперамента, они такие тяжелые, неясные»

изъяснимым удовольствием вспоминала то недавнее время, когда мы жили на Rivoli, так близко друг от друга. Повторится ли это еще когда-нибудь? Как было хорошо! А я замышляю опять пожить на Villa Oppenheim в ноябре, вероятно, если не найду подходящей дачи в Неаполе, на что я мало надеюсь, так как не помню там ни одной большой виллы.

Доктора не советуют мне ехать в Рим раньше октября, поэтому я предполагаю из Парижа поехать сперва в Неаполь и возвращаясь оттуда, остановиться в Риме и потому прошу Вас, дорогой мой друг, адресовать пока после Парижа, т. е. после восемнадцатого, письма в Неаполь poste restante....

Я должна оторваться от своего письма, потому что мне пришли говорить о делах, и я должна за них приниматься, так как сегодня понедельник, а у меня здесь большой заказ мебели для сгоревших комнат в Москве. Поэтому пока до свидания, дорогой мой, бесподобный друг. Будьт здоровы, веселы. Безгранично, неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. К какому времени у Вас готовится спектакль?

Извините, пожалуйста, что письмо так перепачкано. Не понимаю, как это случилось.

277. Мекк—Чайковскому

Париж,
17/29 августа 1880 г.

Вчера уехали мои мальчики, и мне очень, очень скучно, поэтому я сажусь писать к Вам, мой милый, дорогой друг, так как в общении с Вами я всегда нахожу отраду и успокоение. Лето прошло так скоро, что теперь мне кажется, что его совсем не было. Правда, по погоде оно еще есть и теперь в полных своих свойствах, но дети-то мои уехали, и теперь я жалею, что мы не в Браилове провели лето с ними, там как-то ощутительнее бывает их пребывание....

Вчера мы были в Buttes Chaumont; также красивое место и также в запустении и беспорядке. На Père-Lachaise я ходила на могилу Chopin и нашла его памятник свежим, чистым, как будто только что поставленным, и сторож рассказал, что год назад приезжала какая-то польская графиня и приказала вычистить памятник, а то он был черный, как мостовая....

Вы напрасно, милый друг, так сожалеете об отпущенном служащем в Симаках, во-первых, потому, что выходка его вовсе не невинная, а крайне дерзкая, потому что он, конечно, очень хорошо знал, что лодка принадлежит в л а д е л ь ц а м и что она поставлена там т о л ь к о для Вас, так же, как и очень хорошо знал, как я забочусь о том, чтобы Вам было удобно и покойно,—то, если он позволил себе такое полнейшее пренебрежение к желаниям м о и м, первого лица в Браилове, то что же он позволил [бы] себе относительно своего ближайшего начальника, экономa и т. д. А без дисциплины никакое дело не может итти, к тому же надо знать, какая невообразимая распущенность царствует в Браилове, для того чтобы понять, что строгость там необходима, и я очень довольна поступком графа Сципио. Его не любят в Браилове, потому что он, по моему же требованию, строже своих предшественников, которые на мой счет и в ущерб моим интересам делали всем милости, снисхождения и любезности и привели Браилов к такой деморализации, что я в отчаянии прихожу....

В среду я хочу выехать отсюда вечером, проехать, не останавливаясь, Marseille и прямо в Ниццу, где остановлюсь на один или два дня; по-

том в Геную также на два, потом в Неаполь, где поищу дачи. Если найду вполне хорошую, останусь там, если нет, пробуду две недели и поеду в Рим на одну неделю и оттуда на Viale dei Colli на все остальное время, на Villa Oppenheim до половины декабря, тогда в Браилов к рождеству. Если я попаду на Villa Oppenheim или найду хорошую виллу в Неаполе, приезжайте туда же, милый друг, ко мне в гости. Поживем опять вместе в прелестной Италии. Ведь там хорошо, не правда ли, друг мой?

До свидания, дорогой, несравненный. Всею душою всегда Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Прошу Вас адресовать все в Неаполь. Поклонитесь от меня, пожалуйста, Петр Ильич, Вашему Алеше.

278. Чайковский—Мекк

1880 г. августа 9—18. Каменка.

Каменка.
9 августа.

Анатолий приехал. Он очень доволен Москвой и московской жизнью. Не знаю, надолго ли это будет так. Рассказывал очень много интересного для меня про Рубинштейна и всех моих московских приятелей. Ларош, который в последнее время все глубже и глубже падал в пучину ничегонеделания и самой пустой жизни, в настоящее время попал в Париж вместе с той женщиной, которая явилась жалкой героиней его последнего романа. Они уехали навсегда. Очень интересно теперь знать, будет ли Ларош погрязать все больше и больше в праздности или воспрянет духом и займет подобающее ему место между музыкантами вообще и рецензентами в особенности.

У нас здесь погода стоит хотя недурная, но осенняя. Я очень много хожу и начинаю примиряться с обнаженной здешней природой. Спектакль наш подвигается туго. Племянница Таня уже несколько дней больна, а без нее ничего не клеится. Здоровье сестры как будто несколько лучше, чем до поездки в Франценсбад, но его нельзя назвать вполне хорошим, и мне кажется, что оно никогда не восстановится в полной мере.

10 августа.

Быть может, Вам интересно будет узнать, в каком положении дело по сватовству племянницы Тани. Родители ки. Трубецкого весьма сочувствуют его матримониальным намерениям и очень симпатично относятся к этому браку, но ничего не могут прибавить к тому, что давали сыну до сих пор, а так как давали они очень мало, то сам претендент согласился, что нужно подождать, пока определится его служебное положение; весьма возможно, что при его родственных связях ему удастся сделать

карьеру по службе. Кроме того, у него какие-то неопределенные надежды на каких-то богатых тетушек. Таня очень благоразумно подчинилась необходимости дожидаться. Поведение кн. Трубецкого в отношении ее, его такт, искренность, прямота—все доказывает, что брак этот будет счастливый, если только в материальном отношении они будут обеспечены от лишений. А на это можно надеяться.

13 августа.

Сегодня получил Ваше письмо. Боюсь, что если сегодня отправлю к Вам свое, то до восемнадцатого оно не поспеет в Париж, а потому придется адресовать через несколько дней в Рим. Как я рад, что Вы будете в Риме! Я убежден, что Вы найдете там отдых и успокоение. Ах, Надежда Филаретовна, как бы мне хотелось, чтобы Вы жили там в Hôtel Costanzi! Ваш Hôtel de Rome великолепен, но шумен и слишком централен. В случае, если Вы решитесь поселиться в Hôtel Costanzi, я очень рекомендую Пахульскому № 105. Там великолепный вид на Рим. Правда, что этот номер на солнечной стороне, а теперь в Риме еще очень жарко, но зато вечером какая красота во время захода солнца и в лунную ночь!

Письмо Ваше проникнуто грустью, милый друг мой. Оно и на меня навеяло грусть! Бог свидетель, что я готов бы был принести всякие жертвы, дабы ограждать Вас от всяких невзгод и огорчений, но в моей власти только одно и есть: я могу только просить Вас помнить, что сердце беспредельно преданного и благодарного Вам друга преисполнено сочувствия к Вам и что ему сладко разделять и Ваши радости и Ваши горести. Вовсе без последних, увы, обойтись нельзя. Но, дай бог, чтобы первых было гораздо больше.

Вы спрашиваете меня, разделяю ли я Ваше чувство по поводу предположения о возможности п а м я т н и к а? Само собой разумеется, что я смотрю на это так же, как Вы. С л а в а! Какие противоположные чувства она заставляет переживать меня! С одной стороны, я ее желаю, я к ней стремлюсь, добиваюсь ее, с другой, она мне ненавистна. Если весь смысл моей жизни заключается в моем авторстве, то я не могу не желать славы. Ведь если я постоянно нахожу нужным говорить музыкальным языком, то, разумеется, нужно, чтобы меня слушали, и чем больше, чем сочувственнее круг моих слушателей, тем лучше. Я желал бы всеми силами души, чтобы музыка моя распространялась, чтобы увеличивалось число людей, любящих ее, находящих в ней утешение и подпору. В этом смысле я не только люблю с л а в у, но она составляет цель всей серьезной стороны моей деятельности. Но, увы! стоит мне подумать, что парал-

лельно с увеличением моей авторской известности увеличивается и интерес к моей личности в приватном смысле, что я на виду у публики, что найдутся всегда праздно-любопытствующие люди, готовые приподнять завесу, которой я стараюсь заслонить свою интимную жизнь, и меня тотчас берет тоска, отвращение и желание даже замолчать навсегда или надолго, чтобы меня оставили в покое. Мысль, что когда-нибудь я и в самом деле добьюсь частички славы и что интерес к моей музыке возбудит и интерес к моей персоне, очень тягостна для меня. Не оттого, что я боялся бы света. Я могу, положа руку на сердце, сказать, что совесть моя чиста и что мне нечего стыдиться. Но думать, что когда-нибудь будут стараться проникнуть в интимный мир моих чувств, мыслей, во все то, что в течение жизни я так бережливо таил от соприкосновения с толпой, очень тяжело и грустно. Если хотите, милый друг, в этой борьбе между стремлением к славе и отвращением к ее последствиям заключается даже трагический элемент. Подобно бабочке, я стремлюсь в огонь и беспрестанно обжигаю себе крылья. Иногда меня охватывает безумное желание навсегда куда-нибудь скрыться, заживо умереть, дабы не видеть всего, что делается, и дабы другие, чуждые мне люди, забыли обо мне... Но, увы! является порыв к творчеству... и я опять лечу на огонь и снова обжигаю крылья. А знаете, крыльям моим придется порядочно пострадать по поводу постановки оперы. Придется по горло окунуться в море театральных и чиновнических дрязг, до тошноты надышаться этой гнилой атмосферы мелких интрижек, микроскопических, но ядовитых амбиций, всякого рода каверз и проявлений грубого самодурства. Что делать! Или не пиши опер или будь готов ко всему этому. Но я и в самом деле думаю, что никогда не напишу больше оперы и останусь исключительно в сфере камерной и симфонической музыки. Право, когда я вспомню все, что я выстрадал нынче весной, когда х л о п о т а л о постановке оперы, у меня проходит всякая охота писать для театра. Х л о п о т а т ь!—это ужасно.

Мне очень жаль, что Вы так мало отдохнули в Аркашоне, но зато в высшей степени приятно будет воображать Вас в милой Италии, в милом Риме!

Я все эти дни усиленно занимался корректурой концерта и Итальянского каприччио. И то и другое будет напечатано хорошо и, надеюсь, без ошибок. Каприччио играется без труда.

18 августа.

Получил сегодня Ваше парижское письмо. Не могу удержаться, чтобы не сделать Вам следующего вопроса. Скажите,

милый друг, отчего, если Париж в настоящую минуту Вам приятен, если Вы в Вашем помещении чувствуете себя привольно, если погода хороша, отчего Вы тем не менее как бы по обязанности спешите уехать в Неаполь? Отчего вообще Вы слишком строго придерживаетесь раз составленного плана путешествия? Мне кажется, что отчасти от этого Вы в Ваших путешествиях часто терпите разочарования и неприятности. По-моему, раз что Вам в Париже на этот раз совсем хорошо, следовало бы в нем остаться подольше. Ведь Неаполь можно было бы отложить до более холодной погоды. Простите, ради бога, за это замечание. Мне бы хотелось хоть немножко содействовать предупреждению всех тех маленьких невзгод, которые Вы часто переносили и которые в сумме портили для Вас прелесть путешествия.

У меня забилось сердце, когда я прочитал, что Вы будете, может быть, в вилле Oppenheim. А меня у Bonciani не будет! Ужасно как хотелось бы, но тысяча препятствий.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Безгранично преданный

П. Чайковский.

Кланяюсь Юлье Карловне и всем Вашим.

Наш спектакль состоится двадцать первого числа.

279. Чайковский—Мекк

Каменка,
24 августа.

Милый, дорогой друг! Получил вчера Ваше второе парижское письмо. План Вашего путешествия мне чрезвычайно нравится, но признаюсь Вам, что я предпочел бы, чтобы Вы после Неаполя и Рима поселились бы в вилле Oppenheim, чем чтобы Вы остались в Неаполе. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что Флоренция более Неаполя удовлетворяет Вашим требованиям. В Неаполе хорошо побывать; жить там слишком шумно, природа слишком ослепительна и на утомленного человека должна действовать раздражающим образом. То ли дело благословенная Viale dei Colli, с ее улыбающимися пейзажами, с ее тишиной и отдаленностью от центра городской жизни! Очутиться на вилле Bonciani в то время, когда Вы будете на вилле Oppenheim, было бы осуществлением самого пламенного моего желания. Прожить вблизи Вас несколько времени в Неаполе в случае, если Вы там останетесь, я бы тоже почел величайшим счастием. Благодарю Вас, дорогая моя, за приглашение воспользоваться Вашим гостеприимством в этих милых местах.

Но, увы! чуть не со слезами на глазах я должен сознаться, что вряд ли то или другое возможно. Есть несколько обстоятельств, которые, вероятно, воспрепятствуют мне попасть за границу в то время, как Вы там будете. Из них главные два следующие: 1) постановка оперы, которая, вероятно, состоится до рождества и которая необходимо потребует моего присутствия для разъяснения всяких недоумений, для всяческих указаний и распоряжений; все это будет мне тяжело и трудно, но ради успеха постановки необходимо; 2) А л е ш а. Его судьба должна разрешиться около 15 ноября. Пока я не узнаю, будет ли он солдатом или по какому-нибудь счастливому стечению обстоятельств освободится от повинности, мне трудно предпринять что-нибудь решительное. Так как я очень привык и очень люблю его, так как я до сих пор еще не могу себе представить себя где-нибудь за границей без его услуг и присутствия около меня, то мне трудно в настоящую минуту проектировать какое бы то ни было отдаленное путешествие.

Итак, тысячу раз благодаря Вас, милый друг, за предложение пожить в Италии у Вас, я могу покамест лишь сказать, что я не теряю надежды на осуществление моего горячего желания. Если Алеша будет освобожден от военной службы, если опера будет поставлена лишь после Нового года, тогда я с невообразимым наслаждением поеду к Вам. Если же нет, то придется ограничиться мысленным присутствием на милой и незабвенной V i a l e d e i C o l l i в то время, как Вы там будете.

Спектакль наш состоялся три дня тому назад. От утомления, волнения и суетни, сопряженной с этим спектаклем, я на другой день заболел сильнейшей нервной лихорадкой и только сегодня чувствую себя оправившимся. Нелегко мне даются всякие уклонения от ровной и тихой жизни, от моих определенных порядков и от соприкосновения с наплывом большого множества чужих людей, как это случилось в день нашего спектакля. Посылаю Вам нашу афишу с некоторыми разъяснениями.

Сегодня Лев Вас[ильевич], сестра и старшие племянницы уезжают в Гродненскую губернию к старику-холостяку Давыдову, кузену Льва Вас[ильевича], который все свое состояние завещал моим племянницам и пожелал, чтобы Л[ев] В[асильевич] с семейством побывал у него в деревне. Анатолий уезжает на этой неделе, а вслед за ним приедет Модест.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Беспредельно любящий Вас П. Чайковский.

А л е ш а просит меня выразить Вам глубочайшую благодарность за память о нем.

КАМЕНКА.

Въ Четвергъ 21 Августа 1880 года

СПЕКТАКЛЬ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

1.

„ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕКЪ“

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ. В. Александрова.

Дѣйствующія лица:

Олимпіада Алексѣевна Дамьянова, молодая вдова Т. Л. Давыдова. (1)
Осипъ Никифоровичъ Накатовъ, богатый комерсантъ Ф. К. Бистерфельдъ.
Ульяна Егоровна, его жена . . . . . Н. А. Плесская. (2)
Ксенія Осиповна, ихъ дочь . . . . . В. Н. Давыдова. (3)
Александръ Ивановичъ Палицынъ, адвокатъ . С. А. Бернатовичъ. (4)
Сергѣй Семеновичъ Бардинъ, помѣщикъ . . А. И. Бирюковъ (5)
Иванъ Прокофьевичъ Жилкинъ, дальній родственникъ Накатовыхъ . . . . . В. А. Плесскій. (6)
Горничная Дамьяновыхъ . . . . . Н. Л. Давыдова.

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Дамьяновой подъ Москвой.

2.

„ХОТЬ ТРЕСНИ А ЖЕНИСЬ“

Комедія въ одномъ дѣйствіи. Мольера.

Дѣйствующія лица:

Сганарель . . . . . В. А. Плесскій.
Жеронимо . . . . . Ф. К. Бистерфельдъ.
Альканторъ . . . . . Л. В. Давыдовъ.
Алкидъ, Доримена } его дѣти . . . . . А. И. Чайковскій. В. Н. Давыдова.
Панкрасъ, Марфурій } философы . . . . . В. В. Переслени. (7)
Пажъ . . . . . Н. Л. Давыдова.

Дѣйствіе происходитъ во Франціи въ XVII вѣкѣ.

(1) Учитель дѣтей племянниц. Режиссеръ П. И. Чайковскій.
(2) Старая сѣятельница, сидящая у сестры въ гостяхъ племянниц. —
(3) Дѣти ея тетки: племянницы. 6) Каменецъ на Подолѣ.
(4) Знакомый изъ Сѣятельницы. Тип. Г. Госпиталь для Собственныхъ Его Вел.
(5) Знакомый сос. помѣщ.
(7) Вас.

Программа любительского спектакля в Каменке

(С пометками П. И. Чайковского)

280. Мекк—Чайковскому

Неаполь,
29 августа 1880 г.

Дорогой, несравненный друг! Вчера мы приехали в Неаполь, где я нашла уже на почте Ваше дорогое для меня письмо. Благодарю Вас очень, очень за него. Но только зачем же Вы не хотите пожить вместе на Viale dei Colli. Я так мечтала об этом. Подумайте, мой дорогой, быть может, в октябре или даже в начале ноября Вам можно будет приехать.

Как мне Вас жаль и как меня возмущает то, что Вы должны хлопотать о своей опере. Это ни на что не похоже и тем не менее оно так есть: везде самовластье и самодурство. Не дирекция заботится доставлять публике хорошие оперы, а композитор хорошей оперы должен п р о с и т ь, чтобы ее поставили. Ох, как надо ограничение произвола; у нас к а ж д а я к а з е н н а я дрянь хочет быть н е о г р а н и ч е н н ы м правителем.

Как я жду концерта и Итальянского каприччио. А мы здесь уже слушаем уличных певцов. Вчера, когда мы подъехали, они встретили нас с хором и оркестриком. Сегодня также пел один певец, прелестный баритон.

Сегодня мы едем на Везувий, и я едва могла ухватить несколько минут, чтобы написать Вам. Вообще мы ужасно много ездим и смотрим. Я очень утомлена, с нетерпением жду Villa Oppenheim, если она удастся; я нахожусь в pourparlers*.

Вы делаете мне вопрос, милый друг мой, и тут же извиняетесь за него. Зачем же это, когда для меня в в ы с ш е й с т е п е н и приятны все Ваши вопросы, и понятно: вопрос выражает интерес, участие, а что же может быть для меня дороже их от Вас? Поэтому прошу Вас, дорогой мой друг, не стесняйтесь и н и к о г д а и н и к а к и м и вопросами, они могут быть мне только чрезвычайно приятны и дороги. Теперь Вы спрашиваете, почему я так держусь за программу путешествия. Напротив, я не довольно точно исполняю ее и очень себя за это упрекаю и вот почему. Я ничего так на свете не боюсь в себе, и ничто мне так не антипатично в других, как распущенность, а в данном случае могло бы дойти и до нее. Если приехать по программе в какое-нибудь место и найти против ожидания какие-нибудь неудобства и лишения, то вместо того, чтобы стараться мириться с неудобствами и привыкнуть к ним, сейчас бросать то место и искать нового, есть уже самодурство, а я это делаю. А так как я езжу в е с ь м а не одна, то и упрекаю себя за свои действия. Если бы я также, приехавши в город по программе на неделю, прожила бы там три недели, потому что мне покойно и хорошо, было бы также непозволительно, потому что а другие, быть может, ждут с нетерпением последующего места и вовсе не сочувствуют моему вкусу к настоящему. Вот Юля, например, терпеть не может Парижа, так разве я могла бы спокойно в нем жить?

Между Вами и мною, милый друг мой, есть разница только в том, что Вы в п о л н е свободны, потому что одиноки, а я в п о л н е не свободна, потому что далеко не одинока, и то, что Вы можете сделать не задумаясь, я думаю, думаю и все-таки не сделаю, а если что сделаю по своему л и ч н о м у желанию, за то упрекаю себя нестерпимо. Вот Вам и происхождение моего упорства в соблюдении программы. Я т а к с к а з а л а и относительно других, т а к д о л ж н а и и с п о л н и т ь.

Жара здесь ужаснейшая, москиты кусают безжалостно. Извините, милый друг мой, что письмо это скорее и з м а з а н о, чем написано, но

---

* переговорах

я пишу его здешним пером, своего некогда было вынуть, а это отвратительно. До свидания, бесценный, дорогой мой. Всем сердцем безгранично Вас любящая

П. ф.-Мекк.

P. S. Следующие письма покорнейше прошу адресовать во Флоренцию, poste restante.

281. Чайковский—Мекк

Каменка,
26 августа.
2 часа ночи.

1880 г. августа 26—31. Каменка.

Мне что-то не спится, и я сажусь писать Вам, милый, дорогой друг! Где-то Вы теперь? Конечно, уже в Неаполе. Стараюсь мысленно перенестись в Ваше соседство и не могу. Я был только раз в жизни в Неаполе, очень давно и очень не надолго[1]. Воспоминание о нем точно сонная греза. Какие-то фантастические переливы роскошных и ослепительно блестящих красок, страшный шум и суета, несносный дождь, преследовавший меня во все время пребывания в Неаполе. Сильное утомление от массы впечатлений и по временам, когда солнце показывалось на небе, ощущение безумного восторга перед красотой всей этой совокупности синего моря с синим небом, дальних островов, с раскинувшимися по берегу частями города. Мне как-то не верится, что я там был и все это видел. Я и завидую Вам и радуюсь за Вас, и в то же время мне жаль Вас, милый друг. Находясь в Неаполе, нужно все куда-то итти или ехать и смотреть. В результате для Вас все-таки получается утомление, а между тем Вы так страстно, повидимому, ищите тихого уголка, где бы можно было отдохнуть физически и морально. Мне кажется, что Вам очень хорошо и полезно будет пожить во Флоренции на Viale dei Colli.

У нас здесь республика. Оба хозяина в отсутствии, вследствие чего царит несколько хаотический беспорядок во всем, а главное, дети шалят гораздо более обыкновенного, и я ежеминутно трепещу при мысли, что в отсутствие отца и матери что-нибудь может случиться. Вчера Володя два раза упал с лошади и только благодаря счастливому стечению обстоятельств остался цел. Но больше всего меня беспокоит Митя, ужаснейший шалун, на каждом шагу заставляющий меня страшиться за него. Брат Анатолий еще здесь. Он уезжает в субботу тридцатого

Воскресенье, 31-го.

В прошлом году я еще был в Симаках в это время. Живо вспоминаю все подробности последних дней, прожитых там.

Между прочим, было гораздо теплее. У нас здесь совершенная осень: лес уже желтеет, дорожки и тропинки усыпаны листьями. В осени есть какая-то особенная прелесть. Я люблю ее не менее весны. Воображаю, как теперь хорошо в Симаках! В эти последние дни мне так иногда хотелось перенестись туда, что была минута, когда я чуть было не телеграфировал Вам просьбу о дозволении съездить туда на несколько дней. Увы! это невозможно

Я очень устал за последнее время. Независимо от спектакля, который очень утомил меня, здесь был целый ряд именин и рождений, и по этому случаю приходилось беспрестанно нарушать мой обычный порядок дня, а это для меня ненавистно. Анатолий уехал вчера в Москву, и, к величайшему моему удовольствию, он отправляется туда с большой охотой. Вообще он в последнее время стал покойнее и довольнее. Москва пришлась ему по сердцу, и это меня несказанно радует. Послезавтра на два месяца приезжает Модест. Сестры и зятя все еще нет, а также старших племянниц. Я сделался на время главой дома, и меня тяготит ответственность за здоровье детей. Оказывается, что я решительно неспособен к педагогии. Мальчики расшалились ужасно, и я с нетерпением ожидаю возвращения их родителей.

Окончил переписку моих новых вокальных сочинений и уже отослал их к Юргенсону. Кроме того сделал капитальную переделку моей увертюры «Р о м е о и Ю л и я», которая будет вновь издана. «О р л е а н с к а я д е в а» совершенно готова для печати, но я не хочу, чтобы она вышла в свет ранее первого представления. Если позволите, милый друг, я распоряжусь о высылке Вам одного экземпляра, но сделаю это, когда определится точнее Ваш адрес. Издание вышло очень хорошо.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

282. Мекк—Чайковскому

Неаполь,
5 сентября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Получила Ваше письмо от 24 августа, за которое премного Вас благодарю, дорогой мой. Мне было очень интересно прочитать афишу о Вашем спектакле. Для Вашего здоровья я рада, что он уже отбыл.

Благодарю Вас также, милый друг мой, за рассказ о положении дела по предмету выхода замуж M-elle Тани. Скажу Вам откровенно, милый друг мой, что я не люблю таких положений, во-первых, потому, что я по своему характеру не люблю ничего неясного и неопределенного, а к тому же я из опыта вывела, что какие бы х о р о ш и е л ю д и ни находились в таком положении, оно все-таки шатко и может доставить весьма тяжелые

минуты, если не хуже того. Поэтому я в настоящем случае отдала бы Таню замуж сейчас, пока живы родители у обоих молодых людей: детям будет чем жить....

Как мне грустно, милый мой друг, что Вы не можете приехать ко мне в Италию. Как я мечтала об этом, как мне хотелось этого, но, конечно, причины, мешающие этому, слишком непреоборимы, дай бог только, чтобы в этих делах был успех, чтобы «Jeanne d'Arc» была поставлена хорошо (в успехе я не сомневаюсь) и чтобы Алеша совсем освободился от военной службы.

А я окончательно наняла Vill'y Oppenheim и послала туда M-me Dauvergne приготовить все к моему приезду и в воскресенье предполагаю выехать сама. Вы совершенно вёрно определяете, милый друг мой, мой вкус и мое отношение к разным местностям. Я действительно не могла бы жить в Неаполе, и вообще изо всей Италии я могу жить только во Флоренции, потому что она менее других имеет этих особенностей итальянских нравов, она более европейский город. Vill'y Oppenheim я жду с большим нетерпением, потому что мне надоела эта бивачная жизнь; нельзя даже вещей вынуть из кофров. Здесь нам уже совсем нечего делать, но нельзя уехать, потому что там дача не готова еще....

Теперь срок бюджетной посылки, Петр Ильич, то скажите, как я могу ее сделать, можно ли взять перевод на Киев или это будет неудобно для Вас, быть может, для Вас удобнее будет, чтобы я приказала послать из Браилова следуемую сумму, конечно, в изобретенной форме. Отсюда я боюсь посылать русские деньги, потому что, когда я это делала из-за границы, то деньги пропадали. Самое верное, это перевод, но скучно для этого ехать в Киев. Пожалуйста, дорогой мой, не откажите мне написать об этом. До свидания, мой милый, бесценный. Будьте здоровы и веселы. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

283. Чайковский—Мекк

1880 г. сентября 1—6. Каменка.

1 сентября 1880 г.
Понедельник.

Ночью сегодня у нас был сильнейший переполох. В два часа был услышан крик и плач маленького Юрия, прерываемый кашлем и хрипом. Оказалось, что совершенно неожиданно у него сделался круп. Как нарочно случилось, что доктора в эту ночь не было дома. Тем не менее во-время были приняты все меры, дано (через силу) сильное рвотное, и к утру наш бедненький больной был вне опасности. В семь часов утра явился доктор и одобрил все, что было сделано. Теперь он уже спит здоровым сном, и хотя при дыхании слышится в груди хрипота, но это уже неопасно. Мы просили однакож доктора в наступающую ночь остаться на всякий случай у нас, вблизи нашего дорогого мальчика. Какой он чудный ребенок, сколько в нем сердечности и доброты! Это просто непостижимо в его возрасте. Он в последнее время привык посредством какого-то щелкания языком изображать кваканье лягушки. Сегодня ночью в самые тяжелые ми-

нуты, когда он чуть не задыхался, то, чтобы нас успокоить, пытался, с улыбкой на милом личике, развлекать нас своим лягушачьим кваканьем. Все время он посылал всем окружающим воздушные поцелуи и улыбки. Отвратительное рвотное лекарство, которое заставляли его принимать, проглатывал без всяких возражений. Это замечательно милый ребенок!

4 сентября.
Четверг.

Все наши вернулись. Юрий совершенно здоров. Модест с Колей тоже уже приехал и проведет здесь два месяца. Сестра и зять в совершенном восторге от имения их кузена, которое когда-нибудь будет принадлежать их сыновьям. Дом, сад, красота местоположения, обилие лесов—все это заставляет их теперь, подобно мне, когда я возвращаюсь из Симаков, с грустью сознавать, что Каменка—один из скучнейших пунктов на всем земном шаре.

Тем не менее я даже в Каменке умею наслаждаться прелестью осени. Прогулки мои теперь тем более длинны, что я решительно ничего не делаю и почти целый день брожу по полям и лесам. Мне хочется удержаться от занятий на некоторое время, дабы отдохнуть от собственной музыки, с которой вследствие бесконечных корректур мне приходилось так долго возиться. Буду как можно больше играть чужой музыки и начал с того, что стал прилежно изучать «Z a u b e r f l ö t e», оперу Моцарта. Никогда более бессмысленно глупый сюжет не сопровождался более пленительной музыкой. Как я благодарен обстоятельствам моей жизни и музыкальной карьеры, которым я обязан тем, что М о ц а р т для меня ни на волос не утратил своей безыскусственной, обаятельной прелести. Вы не поверите, дорогой друг, что за чудные ощущения я испытываю, когда погружаюсь в его музыку! Это не имеет ничего общего с теми мучительными восторгами, которые причиняет Бетховен, Шуман, Шопен и вообще бетховенская и послебетховенская музыка. Последняя нас тревожит, волнует, восхищает, но не ласкает, не убаюкивает, как музыка Моцарта. Свою способность восхищаться Моцартом я приписываю тому обстоятельству, что до семнадцати лет я, можно сказать, не знал музыки и что только вследствие одного представления «Д о н - Ж у а н а» я узнал и полюбил ее. Люди моего поколения, с детства уже пропитанные духом современной музыки, знакомились с Моцартом, уже привыкши, например, к Шопену, в котором так сильно сказался и отразился байронический дух отчаяния и разочарования. Меня, к моему счастью, судьба возрастила в семействе мало музыкальном, и

вследствие того я в детстве не был отравлен тем ядом, коим пропитана послебетховенская музыка. Так же судьба натолкнула меня в юношеском возрасте на Моцарта и через него открыла мне неведомые горизонты бесконечной музыкальной красоты. И эти юношеские впечатления уже никогда не изгладятся. Знаете ли, что, играя и читая Моцарта, я чувствую себя моложе, бодрее, почти юношей!

Впрочем останавливаюсь. Знаю, что мы с Вами не сходимся в оценке Моцарта и что Вам ничуть не интересно читать мои дифирамбы ему [1].

5 сентября.
Пятница.

Получил Ваше письмо из Неаполя. Как я угадал, милый друг, как я верно предчувствовал, что Неаполь Вас утомит и что Вам захочется поскорее отдохнуть в милой Villa Oppenheim. Вы пишете, друг мой, что я не хочу приехать на Viale dei Colli в то время, как Вы там будете. Нет! не только хочу, но мечтаю об этом, как об самом желанном и счастливом осуществлении моих стремлений, но только сомневаюсь, что это будет возможно. И неизвестность относительно времени постановки оперы и Алешина участь, решение которой воспоследует лишь в ноябре, стесняют меня. Но позвольте мне не произносить еще решительного да или нет! Быть может, обстоятельства сложатся для меня настолько благоприятно, что я или в конце октября или в начале ноября все-таки полечу к Вам и буду в Вашем соседстве дожидаться решения Алешиной участи, а также известий о постановке оперы. Если опера пойдет лишь в конце сезона, например, в феврале, то я не вижу, почему бы мне ноябрь, декабрь и январь не провести в Италии. Мне только трудно будет с непривычки обходиться без Алексея, но ведь раз что я должен буду на время его лишиться, то не все ли равно, в России или за границей мне придется привыкать к его отсутствию? Ну, словом, дорогой друг, не могу скрыть, что мне смертельно хочется воспользоваться Вашим приглашением и что я начинаю мечтать об поездке в Италию в конце октября или начале ноября.

Погода у нас стоит чудная; сегодня мы едем в лес чай пить.

Модест вчера читал мне свою комедию [2]. Она написана покамест только в виде подробного сценария, и лишь некоторые, немногие сцены уже исполнены! Прошу Вас, друг мой, не заподозрить во мне братского пристрастия, если я скажу Вам, что комедия эта будет превосходной. К сожалению, Модест, отчасти по сложности своих занятий с Колей, отчасти вследствие свойств самой своей природы, не так быстро умеет выполнять

свои эскизы, как я бы этого желал. Роман свой он пишет уже три года и все не решается приступить к окончательной отделке. Боюсь, что и комедия пролежит очень долго в его портфеле. Но я буду здесь, в Каменке, всячески поощрять и понукать к скорейшему окончанию комедии. Я надеюсь, что в конце концов Модест составит себе имя в русской литературе. У него много ума, вкуса, наблюдательности и недостает только свободного времени, чтобы все это произвело несколько крупных произведений.

6 сентября.

Сейчас получено известие, что у Льва Вас[ильевича] в Вербовке сгорело две скирды. Его преследуют неудачи. Бураки пропали, озимь едят какие-то новые черви. А погода стоит чудная.

Будьте здоровы, дорогой и милый друг!

Безгранично преданный

П. Чайковский.

284. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
8 сентября 1880 г.
Villa Oppenheim.

1880 г. сентября 8—9. Флоренция.

Вот я и во Флоренции, в своей просторной Villa Oppenheim, но, боже мой, как скучно, как обидно, что нет здесь Вас, мой дорогой, несравненный друг. Мы приехали вчера в семь часов утра и сейчас же напившись кофею, я поехала по Viale dei Colli, что[бы] взглянуть на милый для меня домик Bonciani, полный такими дорогими воспоминаниями, когда я чувствовала в нем Вас, невидимо видела дорогой образ Ваш, слышала звуки, вылетающие из-под Ваших пальцев, и была так счастлива. Теперь же, проезжая около этого незабвенного места, мне стало так больно, что слезы у меня выступили на глазах, сердце сжалось тоскою, которая мгновенно сменилась каким-то озлоблением от мысли, что теперь там живет кто-нибудь другой, и этот другой показался мне таким гадким, противным, что мне захотелось выгнать его сейчас оттуда и нанять эту дачу для того, чтобы на ней никто не жил, но я удержалась от этого, потому что меня и так уже считают чудачкою. Вечером, когда взошла луна, я опять отправилась к Villa Bonciani. Она сияла огнями, и из нее летели звуки фортепиано. Мне стало еще больнее, еще досаднее. Зачем же Вас нет здесь, мой бесподобный друг! А как здесь хорошо, если бы Вы видели: зелень такая свежая, картины вокруг такие прелестные, тихо, славно так.

Я так рада, что добралась сюда, хотя погода ужасно дурная. Холодно, сегодня дождь льет целое утро, но тем не менее я не нарадуюсь, мне просторно, привольно, я как будто у себя дома, никого чужого нигде не вижу. В то время, как я пишу это письмо, мне подали Ваше, пересланное из Неаполя. Мне стало так невыразимо хорошо, когда я его прочла, что и сказать Вам не могу, мой бесценный друг. И что это за натура у Вас, Петр Ильич, Вас, кажется, и бог создал для того, чтобы людям было легче жить на свете. Кто умеет так приласкать о д н о ю фразою, сам не думая о том,

как Вы, мой чудный друг? Что может быть милее, проще и прелестнее этой фразы, которою начинается письмо: «Мне что-то не спится, и я сажусь писать Вам, милый друг». О, как это восхитительно! Нет человека, у которого было бы такое соответствие, такая безукоризненная гармония внутренних свойств со внешними выражениями. Вы—это Ваша музыка, Ваша музыка—это Вы, и то и другое так благородно и так прекрасно, что нельзя не обожать одного и не восхищаться другим. Я поклоняюсь Вашей музыке, потому что я ей верю.

Благодарю Вас бессчетно раз, дорогой мой, за обещание прислать мне экземпляр «Орлеанской девы», буду с нетерпением ждать его. Сегодня буду играть в четыре руки Ваши сочинения, буду восхищаться и возбуждаться; я становлюсь точно наэлектризована после этих звуков.

У меня лежит на столе новая опера «La Gioconda» какого-то Ponchielli, о которой много кричат французские журналы. Я пришлю Вам ее, милый друг, просмотреть, когда нечего будет делать. Я ее еще не пробовала, мне только что привезли. Пришлю Вам также на Ваш суд маленькое сочиненьице, но одно из многих моего пианистика Bussy. Этот юноша готовится быть композитором и пишет очень миленькие вещи, но только это все отголосок его профессора Massenet. Теперь он пишет Trio, также очень мило и также пахнет Massenet [1]. Читает он ноты и аккомпанирует для пения отлично. Все мои дети во всех концах России, слава богу, здоровы, Левисы также купили именье. Как мне жаль Вас, мой милый друг, что Вам приходится хлопотать с Вашими маленькими домашними революционерами. Эти мальчишки всегда бедовый народ. Я уже этого много испытала. Дай бог Вам их сдать целыми, невредимыми и в добром здоровье их родителям. Скажите, Петр Ильич, что Александра Ильинишна строгая мать?

9 сентября.

Вчера не могла кончить моего письма, поэтому заканчиваю сегодня, но сделавши сперва все вопросы. Что Лев Васильевич строгий хозяин? Хозяйство у него в порядке? И что он сам смотрит за сахарным заводом? Большой ли он доход получает с имения и сахарного завода? У меня нынче свекла мелка, хотя довольно урожайна.

До свидания, мой милый, бесценный друг. От души желаю Вам скорее отдохнуть и оправиться от забот. Всегда всем сердцем неизменно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

285. Чайковский—Мекк

Каменка,
9 сентября.
Вторник.

1880 г. сентября 9—12. Каменка.

Как непрочны всегда бывают все мои предположения посвятить продолжительное время отдыху! Едва я начал проводить ряд совершенно праздных дней, как почувствовал какое-то неопределенное состояние тоски и даже нездоровья, т. е. перестал хорошо спать, ощущал утомление и слабость. Сегодня я не выдержал и немножко позанялся проектированием будущей симфонии [1], и что ж?—Тотчас же я очутился и здоровым, и бодрым, и покойным. Оказывается, что, за исключением путеше-

ствия, я не в состоянии и двух дней прожить без дела. Конечно, это имеет и свою хорошую и дурную сторону. Я ужасно боюсь сделаться таким писакой, как, например, Антон Рубинштейн, который считает как бы обязанностью потчивать публику ежедневно новыми творениями. В результате оказалось, что свой огромный творческий талант он разменял на мелкую монету и что большинство его последних произведений суть медные пятаки, а не то чистое золото, которое он мог бы производить, если б писал умереннее. В последние дни я все придумывал какую-нибудь работу, которая бы отвлекла меня на время совсем от музыки и вместе с тем серьезно бы интересовала меня. Увы! не мог остановиться ни на чем. В русской литературе вовсе нет руководства к истории музыки, и было бы очень хорошо, если б я занялся составлением такой книги; я и подумываю иногда об этом. Но ведь тогда года на два нужно вовсе отказаться от сочинения, а это уж слишком. Заняться переводом? Это недостаточно интересная работа. Написать монографию о каком-нибудь художнике? Но об великих западных музыкантах было уже так много писано, а об Глинке, Даргомыжском, Серове писать с увлечением не могу, ибо я столь же ценю их произведения, сколь мало ценю их личности. Я Вам писал о Глинке. Даргомыжский был еще менее развитая и интересная личность, чем он. Что касается Серова, то он был необычайно умный и энциклопедически образованный человек, но зато я, знавши его лично, никогда не любил его как нравственную личность. Он и е был добр, насколько я понимал его, и этого достаточно, чтобы мне не хотелось посвятить ему мои досуги. Зато с каким наслаждением я бы мог заняться монографией о Моцарте, но после О т т о Я н а, посвятившего всю свою долголетнюю жизнь биографии и характеристике Моцарта, об нем писать нечего.

Таким образом, не оказывается никакого способа занять свое время и удовлетворить внутреннюю потребность к работе, к р о м е с о ч и н е н и я. И вот я уж проектирую симфонию или струнный квинтет. Еще не знаю, на чем остановлюсь.

12 сентября.

Я получил сейчас известие, что опера моя пойдет в Петербурге в январе. Заключаю из этого, что ноябрь и декабрь мне очень удобно будет провести за границей, и скажу Вам прямо, милый друг, что мне этого очень хочется, даже несмотря на то, что я буду, по всей вероятности, лишен Алешиных услуг и привычного его сообщества. Я люблю жить в Каменке, но знаю, что, как только наступит непогода, меня потянет куда-нибудь вдаль.

Да и вообще засиживаться здесь мне не хочется. Ну, словом, если известие об опере подтвердится, в конце октября желал бы уехать за границу, и если Вы будете во Флоренции, то именно туда.

Дождь льет целый день безостановочно. Невесело.

12 сентября.

Решаюсь обратиться к Вам, дорогой друг, с нижеследующей просьбой. Здесь, в Каменке, у одного из служащих в конторе оказался сын, мальчик лет пятнадцати, с замечательным дарованием к живописи [2]. Я решил, что было бы жестоко не дать ему средств учиться, и поэтому отправил в Москву и поручил Анатолию поместить его в Училище живописи и ваяния. Все это уже устроено, но, признаться сказать, содержание мальчика оказалось гораздо дороже, чем я думал. И вот мне пришло в голову просить Вас о следующем. Не найдется ли в Вашем доме какой-нибудь уголок, где бы мальчик этот м о г ж и т ь, но, разумеется, так, чтобы за ним мог быть какой-нибудь присмотр. Нет ли какой-нибудь маленькой комнатки с кроватью, комодом и стулом, где бы он мог спать и заниматься, но так, чтобы, например, Ив[ан] Васильев хотя немножко следил бы за ним и руководил бы его? Мальчик нравственности самой безупречной, прилежен, добр, послушен, чистоплотен, ну, словом, действительно хороший мальчик, и я могу ручаться, что никогда никто на него не пожалуется. Что касается его прокормления, то это мне очень легко и удобно устроить.

Т р у т о в с к и й (директор училища) нашел в нем большие способности, и в самом деле они кидаются в глаза. Я почти не сомневаюсь, что при его пламенном рвении к учению из него выйдет толк. Ради бога, простите за смелость. Вас оттого совестно просить, ч т о В ы н е у м е е т е о т к а з ы в а т ь, и мне очень хорошо известно, сколько тысяч подобных просьб к Вам постоянно обращается. И все-таки решаюсь беспокоить Вас. Я также открыл здесь музыкальный талант в дочке здешнего священника и очень удачно поместил ее в консерваторию. Ее бесплатно приняли в приют, устроенный некоей М-me Бернард для бедных учениц консерватории.

Еще сообщу Вам по этому поводу, что, по слухам, в Смеле, у директора сахарного завода Шестоперова, есть восьмилетний сын, который обнаруживает положительно г е н и а л ь н ы й талант к музыке. Это в полном смысле ein Wunderkind. Он великолепно импровизирует, играет с листа все, что угодно, и обнаруживает непостижимое для его лет понимание музыки [3]. Его учитель (живущий в здешних странах, некий Блуменфельд,

очень хороший музыкант) просил меня повидать этого мальчика, и я на-днях отправляюсь для этой цели в Смелу. О результате посещения сообщу Вам.

Будьте здоровы, милый, добрый, благодетельный друг! Всем Вашим сердечные приветствия.

Безгранично преданный
П. Чайковский.

286. Чайковский—Мекк

Каменка,
13 сентября [1880 г.]

Только что отправил вчера письмо к Вам, как получил Ваше. Так как в настоящее время в бюджетной сумме я нуждаюсь, то, дабы не терять времени, поспешаю ответить на вопрос Ваш по поводу ее доставления мне. Мне нисколько не неудобно получить перевод и съездить в Киев, и, по правде говоря, я так люблю Киев, что даже рад буду случаю побывать там. Но, впрочем, предоставляю вполне Вашему выбору тот или другой способ присылки денег. Убедительно прошу Вас, дорогой друг мой, поступить так, как для Вас более удобно. Считаю только долгом предупредить Вас, что в случае, если Вам угодно будет приказать выслать мне бюджетную сумму из Браилова, то надо адресовать не в Каменку, а в Смелу: К и е в с к о й г у б е р н и и, Ч е р к а с с к о г о у е з д а, в м е с т е ч к о С м е л у, о т т у д а в К а м е н к у, П. И. Ч. Если же Вы пришлете мне перевод, то, вероятно, прикажете страховать письмо, и в таком случае нужно опять-таки адресовать в Смелу, ибо все денежные и страховые письма до нас могут доходить только через Смелянскую почтовую контору.

Как я рад, что Вы наняли Villa Oppenheim!

До свиданья, бесценный и милый друг! Дай Вам бог отдохнуть хорошенько и испытать вообще полное удовлетворение от пребывания на вилле Oppenheim, в чем я впрочем и не сомневаюсь.

Простите за вчерашнюю просьбу об моем protégé. Меня немножко мучит совесть за то, что беспокою Вас моими просьбами.

Ваш П. Чайковский.

Сестра и зять от всей души благодарят за память.

Дабы меня в Киеве не заставили ждать в случае перевода, прошу Вас сделать его à v u e, по п р е д ъ я в л е н и и.

287. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
12 сентября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Получила вчера Ваше письмо от последнего числа шестого. Бедненький крошка Юрий! Какую страшную болезнь он выдержал. Слава богу, что все кончилось хорошо. Что за милый детеныш он должен быть.

Бедный Лев Васильевич, что у него все неудачи в хозяйстве. Это очень тяжелая сторона поземельной собственности; как видно, эти жуки и червяки сделались хроническим злом в Каменке. Скажите, Петр Ильич, что они есть в Вербовке? Изыскивают ли средства к уничтожению их? Я ужасно боюсь, чтобы они не перебрались к нам в Подолию.

Надежда, которую Вы мне подаете на Ваш приезд сюда, до крайности меня восхитила. Дай бог, чтобы все сложилось так, чтобы Вы вполне спокойно могли оставить Россию и подышать благодатным воздухом Viale dei Colli. А как тут хорошо, просто не налюбуешься, не нарадуешься. А что если бы, Вы, наоборот, приехали с е й ч а с сюда, Петр Ильич, а в ноябре уехали обратно в Россию. Теперь здесь ужасно хорошо....

Как я рада за Вас приезду Модеста Ильича. Что Коля совсем успокоился о разлуке с матерью или иногда скучает? Подталкивайте, Петр Ильич, Модеста Ильича закончить и выпустить в люди свои сочинения. Скажите ему, что нехорошо будет, когда потом в его биографии напишут, что он десять лет сидел над первым сочинением. Хотя это будет и неправда, потому что он не работает его, а держит в портфеле три года, но не все это могут знать, и биографы будут иметь основание к своей ошибке. К тому же попросите его л и ч н о о т м е н я, чтобы он скорее выпустил свой роман. Мне очень хочется познакомиться с ним, а я боюсь н е д о ж и т ь до этого, если он нескоро выйдет.... Что Модест Ильич также воспитывался в Училище правоведения?

От своих мальчиков я имею письма очень часто, и это время они были в некотором унынии. Макса отдали в училище полным пансионером, и он, бедняжка, так скучал, что всех их привел в уныние. Саша написал сюда очень трогательное письмо о плачевной судьбе Макса. Бедный Миша совсем стал не слышен в доме с горя о своем товарище и друге. Все это, конечно, так взволновало меня, что я сейчас телеграммою послала им распоряжение выручить Макса из пансионеров и превратить его в экстерны, и, судя по ответу, надеюсь, что это устроится....

Ваши восторги к Моцарту я вполне понимаю, милый друг мой. Когда я смотрю на портрет Моцарта, я сама умиляюсь этою безграничною кротостью и неведением зла. Он был н е о т м и р а с е г о, и его музыка вполне соответствует его натуре, она, как Вы и говорите совершенно верно, у с п о к а и в а е т, п р и м и р я е т, а я предпочитаю музыку, которая в о л н у е т, п р о т е с т у е т. Вы скажете, быть может, что у нас и так в жизни много волнений, но те волнения диаметрально противоположны музыкальным: в жизни человек — с о в е р ш а ю щ и м с я з л о м, в музыке — с т р е м л е н и е м к д о б р у. Насколько первое непроизводительно, настолько второе—полезно, благотворно для нравственности. Если бы люди побольше волновались музыкою — меньше приходилось бы волноваться жизнью, люди были бы человечнее, возвышеннее. Опять под ч е л о в е ч н о с т ь ю я не понимаю в с е п р о щ е н и е, р а в н о д у ш и е к злу, нет, его я не уважаю, я не хочу примириться со злом, не хочу прощать его, и вот почему я люблю и в музыке п р о т е с т и не преклоняюсь перед в с е прощающими элементами. Я люблю в Моцарте выражения его с о б с т в е н н о й г о л у б и н о й натуры, но относительно

мировых вопросов я в нем не нахожу ничего: тот, кто прощает зло, не приведет человека к добру....

Надеюсь, милый друг мой, что Вы написали мне ответ насчет бюджетной суммы. К этому еще один вопрос: быть может, опять удобнее соединить присылку за четыре месяца? До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всегда везде горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

288. Чайковский—Мекк

Каменка,
15 сентября 1880 г.

Сейчас получил дорогое письмо Ваше из Флоренции. Итак, Вы на Viale dei Colli, в милой вилле Oppenheim! Как я радуюсь этому, как понимаю чувство удовлетворенной потребности в отдыхе, которое Вы должны теперь испытывать, милый друг мой! И вместе с тем, если бы Вы только знали, до чего мне хочется очутиться там около Вас! Знаете ли, что я все более и более увлекаюсь мыслью в конце октября уехать во Флоренцию, даже без Алеши. Подобно Вам, я не люблю долго заживаться на одном месте, и теперь меня так и тянет туда, «wo die Citronen blühen», особенно потому именно, что, часто думая о Вас и воображая Вас на вилле Oppenheim, у меня просто сердце ноет при мысли, что не повторится теперь то, что оставило во мне такое чудное и поэтическое воспоминание и что я не буду гулять по Viale dei Colli в одно время с Вами. Конечно, без Алеши мне трудно представить себя на вилле Bonciani, но если б, по крайней мере, я бы мог пожить в каком-нибудь из флорентийских отелей и оттуда предпринимать прогулки на Viale dei Colli, San Miniato и все те места, где ежедневно бывал приблизительно в то же время два года назад! Я еще не получил решительного известия о том, что моя опера пойдет не ранее января. Если известие, которое сообщил мне Анатолий со слов одного из певцов русской оперы, подтвердится, то я не удержусь и уеду во Флоренцию, а оттуда после Вашего отъезда съезжу в Рим с тем, чтобы уже потом отправиться в Петербург прямо к постановке оперы. Не правда ли, милый, добрый друг, Вы одобряете проект мой! Нет никакого сомнения, что отсутствие Алексея будет для меня очень чувствительно, но ведь уж если ему суждено попасть в солдаты, то нужно же свыкаться с этим. К тому же, я лелею все-таки надежду, что он освободится от повинности, и в таком случае я тотчас же выпишу его к себе.

Вы спрашиваете, милый друг, каков Лев Вас[ильевич] как хозяин? Для этого расскажу Вам вкратце историю каменского хозяйства. Каменка принадлежала отцу Льва Вас[ильевича], декабристу Василию Львовичу, лишенному в 1826 г. всех прав

состояния и сосланному в Сибирь на каторгу. У него в то время уже было два сына, Петр и Николай, к которым за политической смертью отца и перешло имение. Катастрофа эта и затем плохое управление опекунов довело Каменку до полнейшего расстройства. Когда второму из двух собственников Каменки, Ник[олаю] Вас[ильевичу], минул двадцать один год, он приехал сюда для поправления дел и, несмотря на молодость, мало-помалу, благодаря руководству соседа графа Бобринского, поставил каменское хозяйство настолько хорошо, что через десять лет, когда его матери и остальному семейству было дозволено возвратиться в Россию (в 1856 г.), они все могли уже жить безбедно. Но тем не менее Ник[олай] Вас[ильевич] не сознавал в себе сил и способностей довести хозяйство Каменки до возможного совершенства и вот, заметив в одном из младших братьев способности к делу, он вызвал его из Петерб[урга] (где Лев Вас[ильевич] начинал тогда службу в гвардии), стал его знакомить с делом и, наконец, через три года дал ему полную доверенность на управление Каменкой в качестве главного управляющего и сдал ему все хозяйство, назначив жалование в четыре тысячи рублей, которые долгое время составляли весь доход Льва Вас[ильевича]. Этот последний в короткое время поставил каменское хозяйство в образцовое положение. Вы спрашиваете, строг ли он? Да, строг, но в высшей степени гуманен и справедлив.

Его здесь очень боятся, но и очень любят и уважают. Каменка приносит в год около ста тысяч дохода (экономия и завод), но нужно, впрочем, заметить, что в последние годы на завод было положено много денег, а, с другой стороны, качество бураков ухудшилось, так что доход несколько уменьшился, но нужно надеяться, что зато в следующие годы дело пойдет лучше прежнего, так что в среднем результате доход Каменки можно все-таки считать в сто тысяч. Быть может, Вам интересно знать, кто пользуется этим доходом? Каменка принадлежит попрежнему двум старшим братьям, П е т р у и Н и к [о л а ю], и каждый из них берет себе одну треть дохода, а остальную треть они отдают старушке-матери, которая в свою очередь делится со своими другими детьми (их у нее всех в живых десять человек). Не правда ли, как странно, что в одном и том же семействе два старшие сына богаты, остальные же неимущие? Не берусь объяснять, каким образом произошло то, что старшие сыновья не захотели п о с п р а в е д л и в о с т и разделить свое имение с теми братьями и сестрами, которые родились уже после ссылки отца на каторгу, но таков факт. Все семейство давно к нему привыкло и считает чем-то нормальным,

хотя я в глубине души тайно возмущаюсь этим. Впрочем, справедливость требует сказать, что старшие братья еще лет пятнадцать тому назад образовали капитал и обеспечили своих сестер и братьев, а именно дали каждому по двадцать тысяч.

Что касается собственного состояния Льва Васильевича, то вот его краткая история. Сначала, как я говорил выше, он не имел ничего, кроме жалованья от старших братьев. Потом наравне с другими он получил капитал в двадцать тысяч, а в 1870 г. в вознаграждение за приведение каменского хозяйства в превосходное состояние, братья подарили ему пятьдесят тысяч, и вот на эти семьдесят тысяч Лев Вас[ильевич] купил имение В е р б о в к у, которое благодаря своему умению и знанию дела из небольшого имения превратил в очень доходное (разумеется, относительно). Оно приносит ему средним числом двенадцать тысяч в год. Таким образом, доход Льва Вас[ильевича] вместе с жалованьем составляет шестнадцать тысяч, которых ему вполне хватает для того почти роскошного существования, которое мы здесь ведем. К сожалению, в этом году ему придется потерпеть у б ы т о к, ибо бураки пропали совершенно, пшеница частью сгорела, частью плоха, ну, словом, придется вынести бедственный год, утешаясь надеждами на будущий.

Вы видите, милый друг, что занятия Льва Вас[ильевича] очень сложны. Он управляет и экономиями и заводом каменским, да кроме того Вербовкой.

Кстати о Каменке. Получаете ли Вы за границей «Р у с с к у ю с т а р и н у»? В одной из последних книжек ее напечатаны некоторые письма Пушкина и в числе их одно к Гнедичу и з К а м е н к и[1]. Пушкин здесь писал «К а в к а з с к о г о п л е н н и к а». Старушка Александра Ивановна Давыдова, мать Льва Вас[ильевича], его отлично помнит.

Вы спрашиваете, дорогой друг, строгая ли мать моя сестра? По существу своего характера она очень мягка и потому никогда не употребляла в воспитании детей никаких строгих мер в смысле наказаний, т. е. никто из них н и к о г д а не был ни высечен, ни оставлен без обеда, ни поставлен на колени и т. п., и тем не менее все они всегда были в отношении ее удивительно послушны и покорны. Она обладает способностью поддерживать в глазах детей свой материнский авторитет без всяких наказаний. Но зато не могу скрыть, что она немножко слаба в отношении старших детей и что, например, постоянное нездоровье племянницы Тани я приписываю тому, что сестра никогда не могла добиться от нее подчинения тем гигиеническим условиям, которых от нее требуют доктора.

С большим интересом просмотрю оперу P o n c h i e l l i и сочи-

нение Bussy. А что поделывает Владислав Альбертович? Теперь у него будет время заняться музыкой, и я весьма советую ему поработать.

Будьте здоровы, дорогой и милый друг!

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

289. Чайковский—Мекк

Каменка,
19 сентября [1880 г.]

Надежда Филаретовна, дорогая моя! Простите мне мое невнимание. Я только в день Ваших именин догадался, что мне следовало в одном из предыдущих писем поздравить Вас! Хотел было телеграфировать, но для этого пришлось бы посылать в Смелу, и телеграмма все равно пришла бы не во-время.

Вчера я получил от дирекции императорских театров официальное извещение, что моя опера принята и будет поставлена в январе. При этом мне выслали экземпляр либретто, пропущенного Цензурным управлением, но с ограничениями, а именно: «чтобы архиепископ был назван странником (?) и чтобы были устранены всякие разговоры о кресте, а также чтобы на сцене этих крестов не было». Как это глупо! Дело в том, что в конце оперы, когда Иоанну ведут на костер, она просит крест, и один из солдат связывает из двух обломков палки крест, который и дает ей. Вся эта сцена запрещена. Пришлось и в некоторых других местах изменить слова и сцены. Но нелепее всего, что архиепископа мне приказано назвать странником, что не имеет ни малейшего смысла. Кто подумает, что такие распоряжения исходят из центрального учреждения, надзирающего за всем печатающимся в России и, следовательно, долженствующего состоять из людей просвещенных! Нечего делать, пришлось подчиниться.

Сегодня утром пришло Ваше второе письмо из Флоренции. Вы зовете меня сейчас же приехать к Вам. Увы, милый и дорогой друг, этого нельзя сделать. Дело в том, что Алеше теперь ни под каким видом не выдадут паспорта, так что все равно мне пришлось бы ехать одному, и я предпочитаю предпринять поездку уже тогда, когда он уедет в свою деревню. Кроме того, мне в эту минуту оттого не приходится уехать из Каменки, что здесь живет Модест, приехавший главнейшим образом для того, чтобы пожить со мной. И Модест и Алеша уедут в конце октября, и вот тогда-то я мечтаю совершить свою поездку. Без Алеши я не решусь отправиться куда-нибудь надолго в одно место.

Поэтому мне хочется сделать настоящее путешествие, т. е. побывать в некоторых городах Германии, где я еще не бывал или бывал только проездом, например, в Мюнхене, в Лейпциге, в Дрездене и т. п. Потом я через Бреннер направился бы в Италию, остановился бы между прочим недели на две во Флоренции, посетил бы Рим, который я с прошлого года очень полюбил, побывал бы и в Неаполе и уже оттуда к январю месяцу проехал бы в Петербург для присутствования на постановке «Орлеанской девы». Мысль об этом путешествии очень увлекает и прельщает меня, и я ежеминутно об этом думаю. Само собою разумеется, что всего обольстительнее в этом проекте—Флоренция вообще и Viale dei Colli в особенности. Конечно, на сей раз я уже не буду просить Вас приютить меня в вилле Bonciani. Без Алеши мне можно жить только в отеле, но, разумеется, ежедневная моя прогулка будет направлена к той местности. Не правда ли, милый друг, Вы одобряете этот проект путешествия? Я по свойству своей натуры турист, ибо только любитель одиночества может настоящим образом наслаждаться путешествием. Жду величайшего удовольствия от этой поездки, и мне кажется, что только подобная перегринация из города в город может меня развлечь от той грусти, которую мне придется испытать, лишившись Алеши, с которым меня так освоила десятилетняя привычка.

Я передал Модесту то, что Вы пишете по поводу медлительности его. Он поручает передать Вам, что до крайности благодарен за участие Ваше, что единственное его оправдание то, что занятия с Колей мешают ему работать поспешнее. Он почти уверен, что окончит свою комедию к ноябрю, а повесть к будущему лету.

На вопрос о бюджетной сумме скажу, что совершенно подчиняюсь Вашим распоряжениям. Прошу Вас, друг мой, сделать, как Вам удобнее.

На некоторые другие Ваши вопросы отвечу в следующем письме.

Модест воспитывался в Училище правоведения и вышел в 1870 г.

Как я рад, что бедненького Макса Вы обратили в экстерна!!!

Безгранично преданный и любящий

П. Чайковский.

Мне кажется, что письмо мое к Влад[ославу] Альберт[овичу], адресованное в Неаполь, не дошло до него. Так ли это?

290. Мекк—Чайковскому

[Флоренция]
20 сентября 1880 г.
Villa Oppenheim.

Милый, дорогой друг! Вчера получила Ваше письмо с ответом насчет присылки бюджетной суммы, но уже раньше того я сама отменила способ присылки через Браилов, потому что нахожу его для себя совсем неудобным, и потому сейчас же послала взять перевод на Киев, но оказалось, что здесь нельзя получить его на этот город, потому что у них нет там корреспондентов, поэтому и решилась послать прямо русскими бумажками. Прошу Вас, милый друг, не отказать уведомить меня о получении их, если они дойдут благополучно.

Надежда, которую Вы мне подаете на Ваш приезд в конце октября ко мне, приводит меня в восторг. Неужели это сбудется? Неужели опять повторятся эти счастливые дни, когда я с таким наслаждением ходила гулять к Villa Bonciani, где я слышала, где чувствовала Вас, мой несравненный, бесконечно милый друг! А Вас только и недостает здесь. Тут так хорошо, что, несмотря на массу самых тяжелых ощущений, которые мне приходится испытывать, я не налюбуюсь на здешнюю природу, ничто меня не раздражает против нее, напротив, чем тяжелее мне на душе, тем с большею любовью я обращаюсь к ней и в ней ищу п о к о я и з а б в е н ь я. Приезжайте, милый друг!

Вот еще что мне пришло в голову. Мне бы очень не хотелось, чтобы Вы были здесь без Алеши, и вот я вспомнила, что ведь за него может вынуть жребий кто-нибудь из его близких родных, в особенности, если у него есть мать, и ему нет надобности находиться при этом лично, и если бы жребий был вынут неудачно, ему, конечно, об этом сообщат.... Подумайте об этом, милый друг мой, проверьте у сведущих людей то, что я Вам здесь говорю, и возьмите Алексея с собою на Villa Bonciani.

Что касается второго дела, о котором Вы пишете, друг мой, т. е. помещения юноши у меня в доме, я очень жалею, что не могу и м е н н о т а к исполнить этот проект, и скажу Вам почему. У меня в доме идут большие каменные работы по ремонту дома, присмотрщиком за ними кроме инженера поставлен Ив[ан] Вас[ильев], и ему поэтому невозможно уделить время на присмотр за мальчиком. Насчет самого помещения скажу Вам, что я сделала окончательное распоряжение, чтобы в доме н и к т о не жил, и на это я была вынуждена тем, что когда я позволяла кому-нибудь занимать комнаты без меня, то, возвращаясь, я находила беспорядок, недочет каких-нибудь вещей, порчу их, и на все вопросы об этом всегда оказывалось, что это, в е р о я т н о, с д е л а л т о т и л и т а, которым я позволила жить в доме, так что подобные вещи валили даже на моего брата Владимира и на мою belle soeur*.... По всем этим причинам я надеюсь, милый друг мой, что Вы не упрекнете меня в эгоизме, если я не помещу у себя в доме молодого человека, а попрошу Вас усердно позволить мне принять участие в Вашем добром деле и дать квартиру юноше в виде тридцати рублей в месяц. Таким образом его можно поместить в семейство и поручить присматривать за ним. Я надеюсь, что Вы не откажете мне в этом желании, милый друг мой. Я в таком случае напишу брату, чтобы он выдавал такую сумму ежемесячно или за два месяца, как Вы найдете лучше, и попрошу Вас указать мне, к о м у выдавать эту стипендию.

---

* жену брата

Institution de M-me Bernard* мне известно, и я очень ему сочувствую, так же как и личность M-me Bernard мне кажется очень симпатичною и мне часто бывает очень грустно за нее. Вы, вероятно, знаете, Петр Ильич, те слухи, которые о ней распространяют в Москве по отношению к Ник[олаю] Григ[орьевичу]. Я ни минуты не сомневаюсь в справедливости этих слухов и потому принимаю искреннее участие в этой женщине. Мне жаль ее, мне грустно за нее.

Видели ли Вы мальчика, Петр Ильич, о котором мне писали, сына Шестоперова? Меня очень интересует этот микроскопический гений.

Что касается какого-нибудь занятия для Вас, кроме музыкальных сочинений, я могу только сказать, что, прочевши Вашу мысль—составить историю музыки, я только вздохнула и мысленно проговорила: «Ах, если бы он это исполнил!» Это было бы такое благо для учащейся молодежи-музыкантов, потому что у нас действительно нет никаких средств для самообразования. Можно только слушать то, что рассказывают профессора, и того даже нечем в памяти укрепить....

Но однако пора и кончить. Сейчас мне привезут вещи для выбора к Юлиному рожденью. Да, кстати скажу Вам, что в день моих именин, семнадцатого, для меня прелестно убрали всю залу зеленью и цветами. Вообще в этот день я была завалена букетами и корзинами цветов. Аромат распространялся по всему дому. Кроме этого я, конечно, получила кучу подарков, самых изящных.

До свидания, мой милый, несравненный друг. Приезжайте скорее. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Я решила послать деньги отдельно и письмо отдельно для того, чтобы Вы знали, милый друг, что я послала их, и, в случае они не дойдут до Вас, Вы бы могли меня уведомить об этом. Еще раз до свидания. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

291. Чайковский—Мекк

1880 г. сентября 21—25. Каменка.

Каменка,
21 сентября 1880 г.

Вы спрашиваете, милый друг мой, есть ли в Вербовке жуки и имеются ли против них какие-либо средства? В Вербовке жуки не только были, но уничтожили в нынешнем году почти сплошь все посевы, так что в нынешнем году бедный мой зять потерпит убыток в своем хозяйстве. Правда, что он к этому был приготовлен, так как уж не в первый раз жуки уничтожают в здешней местности плантации, но все же это очень тяжело. Средств против жуков, т. е. радикальных средств, нет, но есть паллиативы, а именно, окапывание плантаций рвом (жуки эти по отвесной стене не могут подниматься) и, главное, собирание жуков детьми. Последнее средство иногда помогает, и не будь его, то пришлось бы в здешней местности вовсе отказаться от свеклосахарного производства. Но, повторяю, оба эти средства не радикальны, потому что жуки летают, и, следовательно,

* Учреждение г-жи Бернар

ни канавки, ни собирание не могут их истребить вполне. Говорят, что о б е з л е с е н и е всего края мешает истреблению жуков, так как при недостатке леса мало птиц, а птицы поедают личинки, и, следовательно, нужно заботиться об сохранении старых и насаждении новых лесов. Теперь идет речь об насаждении кругом всех полей белых акаций, но когда-то это еще будет? Кроме того, есть еще одна надежда. Какой-то профессор Новороссийского университета открыл средство уничтожать жуков посредством привития к ним яда, состоящего из микроскопического грибка-паразита. Он занимался опытом нынче летом в Смеле у гр. Бобринского, и говорят, что опыты были успешны, но только профессор этот все-таки еще не знает, как сообщить яд, им открытый, всей массе жуков. Итак, средство это еще недействительное. Живучесть этих насекомых изумительна. После сбора их детьми собираются целые кучи и сжигаются, причем оказывается ужасно трудным их сжечь и задушить. По большей части целая масса их на другой день после сжигания куч оживает и расползается.

25 сентября.

Несколько дней сряду не совсем хорошо себя чувствую и плохо сплю. Решительно не знаю, чему приписать это маленькое расстройство, и в особенности не понимаю, почему у меня так плохо состояние нервов, когда никакого к тому повода нет. Все вполне благополучно. Впрочем, это пустяки, о которых не стоит говорить. Погода у нас стоит чудная, совсем летняя, так что мы по-летнему ездим в лес с чаем.

Я написал три части из моего будущего сочинения, которое будет называться с ю и т о й д л я с т р у н н о г о о р к е с т р а. Получил сведение, что в то время, как в Петербурге будет поставлена моя «Д е в а», в Москве будет итти в Большом театре «Е в г е н и й О н е г и н». Как я несчастлив по части исполнения моих опер! Насколько я уверен, что в «Деве» не будет достойной исполнительницы на роль И о а н н ы, настолько же уверен, что в Москве не найдется ни Татьяны, ни Ленского. Надеюсь, что Модест, которого комедия подвигается, будет более счастлив, и пьеса его найдет хороших исполнителей. Позволяю себе, милый друг мой, послать Вам новые карточки моих старших племянниц.

Надеюсь, что Вы здоровы, дорогой друг! Воображаю, как у Вас хорошо на Viale dei Colli!

Безгранично Вам преданный

П. Чайковский.

292. Мекк—Чайковскому.

Флоренция,
29 сентября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Благодарю Вас очень, очень за память о моих именинах, а извиняться, право, не в чем: это совсем не в свойствах мужчин помнить своевременно о всяких именинах или рожденьях.

Как меня бесит эта возмутительная цензура. Такого произвола и такого идиотизма на всем свете не сыщешь! Архиепископа превратить в с т р а н н и к а?! Да лучше бы они Иоанну д'Арк превратили в странника, это было бы более подходяще, ну, а с историею ведь они не церемонятся. Хорошо также запрещать людям у в а ж а т ь к р е с т. Эти башибузуки в состоянии были бы обасурманить все человечество, если бы они писали оперы....

Насчет Вашего проекта путешествия, дорогой мой Петр Ильич, не скажу, чтобы он вполне воспроизводил мою мечту, но тем не менее я буду ужасно рада, если Вы приедете хотя на две недели, хотя в город. Прошу Вас в таком случае, милый друг мой, сообщить мне несколько заранее о Вашем приезде для того, чтобы можно было приготовить для вас помещение в том Hôtel'e, в котором Вы захотите, вероятно, в Hôtel de Milan.

Ко мне приехал еще музыкант Данильченко. Он нынешнею весною окончил курс в консерватории и предположил себе ехать за границу, а так как у меня теперь кончается срок ангажемента моего французика, то, чтобы не брать опять нового,—это так скучно все новые лица в семействе,—я написала в Москву, что если он еще собирается за границу, то чтобы приехал ко мне для занятий. Мое письмо застало его накануне выезда в Берлин, так он повернул оглобли и приехал ко мне во Флоренцию. Но так как Bussy еще здесь, и Данильченко нечего делать, то они каждый вечер играют нам trios. Мой французик также написал Trio очень мило. Я жалею, что не могу Вам его послать на Вашу критику, милый друг, потому что нельзя успеть переписать, так как он на-днях уезжает. Мне жаль его отъезда, потому что он очень хороший компаньон для игры в четыре руки, замечательно хорошо читает ноты, а так как я постоянно играю что-нибудь новое, и во всяком случае для него н о в о все, что я играю, то это свойство очень дорого.

Владислав Альбертович письмо Ваше, Петр Ильич, получил уже здесь, его переслали из Неаполя. Он в восторге от этого получения, но говорит, что не смел писать Вам еще потому, что Вы в Вашем письме сказали: «до свидания», и он понял это так, что значит п и с а т ь д о в о л ь н о. Музыкою занимается, но не всецело, много времени у него выходит и на живопись, к которой оказалась у него огромная способность....

В здешних и французских газетах писали и повторяли, что наш государь сочетался морганатическим браком с Долгоруковой. Что говорят об этом в России?

Скажите, Петр Ильич, нельзя ли теперь адресовать письма прямо на В а ш е и м я в Каменку для того, чтобы короче адрес писать? Надеюсь, что Вы получили lettre chargée с двумя тысячами рублей....

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всем сердцем и душою любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

293. Чайковский—Мекк

1880 г. сентября 27—30. Каменка.

Каменка,
27 сентября 1880 г.

Мне очень совестно перед Вами, милый друг мой! Зачем я просил Вас о моем протеже? Как я не догадался, что Вам неудобно будет поместить его в Вашем доме? Между тем чувствую, что Вам все-таки неприятно было отказывать в просьбе. Что касается субсидии, которую Вы ему предлагаете, то благодарю Вас от глубины души. Я очень тронут Вашей бесконечной добротой и щедростью, но на сей раз не злоупотреблю готовностью, с которой Вы приходите на помощь всем нуждающимся. Дело в том, что мне удалось пристроить теперь мальчика в очень хорошем семействе и за столь дешевую плату, что это меня ни мало не тяготит. Еще раз благодарю Вас!

Бюджетную сумму я еще не получил. Как жаль, что я не предупредил Вас, что Вы могли сделать перевод на любой из московских или петербургских банков, а в Киеве мне его бы дисконтировали. Это было бы, вероятно, для Вас удобнее. Помню, что когда однажды Вы прислали мне бюджетную сумму из Флоренции в Москву, то мне выдали ее в московской таможне не без соблюдения некоторых формальностей. Недоумеваю, из какой таможни теперь она дойдет до меня? Господи, как у нас все эти пустяки осложнены бесчисленными и подчас бессмысленными формальностями! Во всяком случае будьте покойны, дорогой друг! Деньги дойдут до меня так или иначе.

По поводу страховой и денежной корреспонденции расскажу Вам странное стечение обстоятельств, вследствие которого я недавно получил не ко мне адресованное письмо. На Фастовской железной дороге служит машинистом некто г. П е т р Ч а й к о в с к и й, и на-днях брат его адресовал ему длиннейшее письмо со вложением метрики и одного рубля серебром. Представьте себе, что письмо это принесли ко мне и что, только прочтя несколько первых строчек, я наконец понял разгадку энигмы *. На другой день письмо было возвращено по принадлежности.

Насчет того, чтобы взять с собой Алешу, то скажу Вам, дорогой друг, что это невозможно. Во-первых, за неделю до призыва ни в каком случае заграничного паспорта не дадут. Во-вторых, дабы получить его, нужно сначала побывать в волости и достать увольнительное свидетельство взамен прошлогоднего, которое он просрочил. В-третьих, так как он ни в каком учебном заведении не находится, то ему не будет можно пору-

* Énigme *(фр.)*—загадка.

чить вынутие жребия другому. В-четвертых, ему во всяком случае по своим домашним делам надо быть у себя в деревне. А главное, нет никакой надежды, чтобы ему дали паспорт теперь, когда даже в прошлом году, за год до призыва, получение паспорта не обошлось без хлопот, и если б не один знакомый в канцелярии губернатора, то пришлось бы получить решительный отказ.

Итак, если я поеду, как предполагаю и надеюсь, за границу в конце октября или начале ноября, то один. Разумеется, об жизни в вилле Bonciani мне нечего и мечтать. Но и то будет для меня величайшим наслаждением, если я попаду во Флоренцию. хотя бы и не на Viale dei Colli, пока Вы там!

28 сентября.

Н. Гр. Рубинштейн обратился ко мне с просьбой написать к московской выставке, в которой он будет участвовать как глава художественного отдела, какое-нибудь большое сочинение для хора с оркестром или просто для оркестра. Он предлагает мне иллюстрировать музыкой одну из следующих трех тем: 1) открытие выставки, 2) 25-летие коронации и 3) освящение храма спасителя [1]. Для меня нет ничего антипатичнее, как сочинять ради каких-нибудь т о р ж е с т в. Подумайте, милый друг! что, например, можно написать п о с л у ч а ю о т к р ы т и я в ы с т а в к и, кроме банальностей и шумных общих мест? Однакож отказать в просьбе я не имею духа и придется волей-неволей приняться за несимпатичную задачу. Про мой концерт Н[иколай] Гр[игорьевич] сообщает мне свое мнение, что будто бы фортепианная партия слишком эпизодична и недостаточно выделяется из оркестра [2]. Мне кажется, что он ошибается. Впрочем, он знает его только по одному поверхностному просмотру, и я надеюсь, что по мере ближайшего знакомства мнение его изменится. Вообще Рубинштейн очень часто бывает несправедлив при оценке новой, еще неусвоенной вещи. Припоминаю множество случаев, когда он глубоко уязвлял меня враждебным своим отношением к той или другой новой вещи, а потом, через год-два, радикально изменял свое суждение [3]. Надеюсь, что и на сей раз так будет, а если он прав, то это очень досадно, ибо я как раз заботился о том, чтобы на фоне оркестра инструмент s o l o выделялся как можно рельефнее.

30 сентября.

Несмотря на некоторое отвращение к выставочной музыке, я довольно прилежно за нее принялся, чтобы скорее сбыть с плеч

довольно сильно тяготящую меня обузу. Погода у нас стоит чудная, хотя и не теплая. Нет ничего более великолепного, как эти яркие, светлые осенние дни, с воздухом, до того упоительно чистым и прозрачным, что видно на целые десятки верст кругом.

Бюджетной суммы до сих пор еще не получил, но нет сомнения, что она скоро придет. Ведь в России без проволочек ничего не бывает.

Надеюсь, что Вы здоровы и веселы, дорогой друг мой! До свиданья!

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

294. Чайковский—Мекк

Каменка,
3 октября [1880 г.]

Спешу уведомить Вас, дорогой и милый друг мой, что бюджетную сумму я получил. Приношу Вам за нее мою глубокую благодарность!

Сестра моя отчаянно больна. Мы переживаем очень тяжелые дни. Уже давно, с месяц тому назад, она начала чувствовать себя дурно: худела, бледнела, теряла силы. Наконец в день покрова все это разразилось страшнейшим кризисом. Она потеряла сознание, не переставая бредит, страдает от ужаснейших болей в голове и во всем теле. Это не что иное, как страшнейшее нервное расстройство, которого причину трудно понять. Весьма вероятно, что причиною тому отъезд любимой ее дочери Тани, а также разные материальные неудачи и потери, которые бедному Льву Васильевичу пришлось в последнее время понести. Единственное средство помочь ее невыносимым страданиям в с п р ы с к и в а н и е м о р ф и н о м, к которому приходится прибегать по нескольку раз в сутки. Морфин, конечно, временно успокаивает ее, но Вы знаете, какое это страшное по своим последствиям средство. Она и без того уже злоупотребляет им в течение нескольких лет, и очень может быть, что совершенное расстройство всей ее нервной системы есть следствие морфина. Страшно и подумать, чем все это может кончиться.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Беспредельно Вас любящий и благодарный

П. Чайковский.

295. *Чайковский — Мекк*

Каменка,
5 октября 1880 г.

Начиная со вчерашнего дня, сестра моя почувствовала облегчение, и хотя без морфина еще обойтись не может, но стала гораздо покойнее, свободно говорит, не впадает больше в забытье, всех узнает и вообще находится вне опасности. Тем не менее нельзя без содрогания подумать о том количестве морфина, которое она поглощает. Доктор говорит, что ее теперешняя болезнь есть результат морфинной отравы. Она обещается понемногу отвыкать от него, но можно предвидеть, что это обойдется ей очень дорого.

Я сам что-то недомогаю все это время. Погода у нас стоит скверная, т. е. дует беспощадный холодный, северный ветер, отравляющий все мои прогулки.

Получил сегодня письмо Ваше. Надеюсь, что до Вас уже дошло, милый друг мой, мое коротенькое письмецо, в коем извещаю Вас о получении мной бюджетной суммы. На всякий случай еще раз сообщаю Вам о том и приношу бесконечную благодарность.

Планы мои все те же, т. е. в конце этого месяца или в самом начале будущего собираюсь уехать из Каменки, но не прямо за границу, а через Москву, где хочу, во-первых, повидаться с братом и моими музыкальными приятелями; во-вторых, устроить судьбу пьесы Модеста, которая на-днях будет совсем готова. По знакомству с московским театральным миром я хочу взять на себя роль посредника между им и братом. Скажу Вам без всякого преувеличения, дорогой друг мой, что комедия Модеста будет настоящим п е р л о м в нашем нищенском репертуаре, но я очень боюсь, что постановка ее встретит препятствия. Ведь у нас везде препятствия, и, чтобы достигнуть своих целей, хотя бы и самых чистых и честных, нужно искать боковых дорожек, а я и Модест находить их не умеем. Буду надеяться однакоже, что бьющие в глаза достоинства его чудесной пьесы в конце концов поборят всякие препятствия.

Известие о супружестве государя с княжной Долгоруковой, возведенной в достоинство светлейшей княгини Ю р ь е в [с к]о й, совершенно справедливо. Венчание состоялось месяц тому назад.

Но я отвлекся в сторону. Итак, в начале ноября буду в Москве и, проведя там несколько дней, поеду за границу. Я действительно желал бы отстановиться в Hôtel de Milan, но так как нет сомнения, что помещение мне там найдется, то не буду

беспокоить Вас просьбой заранее о том позаботиться. Очень радуюсь, что Вы здоровы, что жизнь Ваша течет светло и покойно, что все у Вас благополучно. Мне приятно думать, что милый Данильченко у Вас. Этот хохол был мне всегда чрезвычайно симпатичен.

Будьте здоровы, дорогая моя! Всем Вашим шлю поклоны и сердечные пожелания.

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

Желаю Влад[иславу] Альберт[овичу] успеха в его новых занятиях, но пусть не забывает и музыку.

Само собою разумеется, что письма можно адресовать прямо на мое имя, и нужна вся моя непростительная недогадливость, чтобы раньше не сказать Вам этого.

296. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
8 октября 1880 г.

Пять дней головная боль не давала мне писать Вам, мой милый, бесценный друг, и это мне тем более неприятно, что я должна бесчисленное множество раз благодарить Вас. Во-первых, за прелестные фотографии Татьяны и Веры Львовной; это такие красавицы, перед которыми потеряли бы все лица в Schönheiten Gallerie в Мюнхене, во дворце короля. Я говорю это основательно, потому что у меня на столе лежат фотографии с портретов женщин, наполняющих эту галлерею, и я могу делать сравнение самое близкое. Скажите, Петр Ильич, что Вера не кокетка? Она так хороша, что это было бы возможно, но было бы очень жаль.

Второе, за что я должна благодарить Вас, мой дорогой друг, это Clavierauszug «Орлеанской девы», который я получила пять дней назад и которую я, несмотря на головную боль, прослушала всю, по одному акту каждый день. Как это хорошо, что она пришла теперь, когда мой французик еще здесь, и я могла воспользоваться его замечательным даром читать музыку. Он сыграл мне «Орлеанскую деву» превосходно. Слушая ее, я приходила в восторг, до какого-то экстаза. Признаюсь Вам, мой милый друг, что я немножко боялась за эту оперу, и скажу Вам почему. Преобладающее свойство в Ваших сочинениях есть р у с с к и й х а р а к т е р, и я боялась, что если как-нибудь, незаметно для Вас самого, такая черта попадет в французскую оперу, то эти подлецы французы обрадуются, чтобы прокричать об этом и осмеять, а я ужасно чувствительна к каждому отзыву о Вас, ужасно ревнива к Вашему renommée. Но как бы ни знать всю широту и всеобъемлемость Вашего творчества, это знание окажется всегда ниже действительности. Как бы ни ожидать много от какого-нибудь Вашего произведения, Вы всегда превзойдете ожидание. Ваше творчество не имеет границ, для Вас нет определенной области, Вы везде хозяин, везде творец всемогущий. Я буду слушать еще несколько раз, теперь же скажу, что она вся и каждый номер, каждый такт, каждая нота восхищали, поражали меня, но самое глубокое впечатление на меня произвела сцена Дюнуа с королем и ария

Дюнуа. Это до того хорошо, что у меня сделались какие-то конвульсии в сердце и на лице. Как хороши все сцены любви, в них Вы всегда в ы ш е сюжета. Какой восхитительный марш в третьем действии, как очаровательны танцы, как характерен танец шутов и скоморохов, да всего не перечтешь, что там хорошо, потому что в с е приводит в восторг. Скажите, Петр Ильич, могу ли я дать своему французику один экземпляр «Орлеанской девы» (я написала в Москву, чтобы мне прислали), или Вы еще не желаете, чтобы расходилось в публике?

Второй вопрос музыкальный еще вот какой. Я заказала M. de Bussy сделать переложение для фортепиано в четыре руки трех танцев из «Лебединого озера»—испанского, итальянского и русского (у меня с собою есть оркестровая партитура этого действия из балета),—то могу ли я их напечатать, Петр Ильич, и в е з д е ли могу напечатать?[1]

Есть у меня к Вам просьба, мой милый друг. Пожалуйста, напишите мне ц в е т а к о ж и, в о л о с и г л а з Татьяны и Веры Львовней. Мне хочется заказать здесь акварельные их портреты по фотографии. Я недавно поручила Коле достать мне в Петербурге и прислать сюда хорошие Ваши фотографии, и он мне пишет, что послал их, но я еще не получила. Я также хочу иметь Ваш портрет в красках, мой дорогой друг, и потому не откажите сообщить мне также т о ч н ы й цвет Ваших глаз и волос, а когда Вы приедете во Флоренцию, мой дорогой, то я не отступлю от Вас, чтобы Вы снялись здесь. Последняя Ваша фотография не хороша.

А Вам н е п р е м е н н о надо проехаться за границу. Я о ч е н ь боюсь за Ваше здоровье, мой милый, бесценный друг. Вы с л и ш к о м много работаете, слишком много живете воображением, нервами, чудными фантазиями, которые восхищают других и услаждают им жизнь, но для Вас они разрушительны. Пожалуйста, милый мой, отдохните, поберегите себя для всего человечества. Приезжайте н е п р е м е н н о за границу и на то время откиньте всякую работу.

Мне очень, очень жаль, милый друг, что Вы не захотели дать мне участие в добром деле Вашем для мальчика-художника. Мне было бы очень приятно участвовать в этом.

На-днях мы очень много забавлялись в фотографии, и между прочим я заказала сделать группу моего trio и посылаю Вам один такой экземпляр, Петр Ильич, под названием «trio de M-me de Meck». Ведь есть же в Ницце l'orchestre de M. de Derwis[2], отчего же не быть и моему trio. Есть также флорентийский квартет (Беккера), также квартет Helmesberger'a в Вене. Это все меня и навело на мысль сделать м о й «t r i o».

Вчера нам играли второй trio Mendelsohn'a. Я ужасно люблю этого автора. До свидания, мой милый, божественный друг. Всегда и везде Вас любящая безмерно

Н. ф.-Мекк.

297. Чайковский—Мекк

1880 г. октября 8—10. Каменка.

Каменка,
8 октября.

У нас здесь очень невесело. Сестре лучше, но она очень слаба, и ее исхудалый, изнеможенный вид внушает грустные мысли. Вряд ли здоровье ее вполне когда-нибудь восстановится. А между тем с ее благосостоянием связано и благополучие всего семейства. Когда она нездорова, все остальные члены

семьи—несчастные люди, так как она внушает им всем какое-то фанатическое чувство любви и привязанности. Непостижимая вещь! В семействе этом есть все элементы для абсолютного всеобщего счастья: все они такие хорошие, все друг друга любят, нет ни в чем недостатка, а между тем какой-то злой демон преследует их, и почти нет таких периодов времени, чтобы все были покойны и счастливы. Так, например, в настоящую минуту, за исключением хозяйственных неудач, которые вполне поправимы, нет никакого бедствия, которое бы угрожало семье. Между тем сестра больна и больна, очевидно, душой, а не телом; слабость последнего есть только отражение ее нравственного состояния. Отчего она страдает, чего боится, что ее беспокоит? Совершенно непонятно. Старшая племянница, Таня, чудесная, умная, добрая девушка, страстно привязанная к родителям и страстно ими любимая, казалось бы, должна быть совсем счастливой девушкой. А между тем она вечно тоскует, вечно предвидит какие-то бедствия, вечно измучена ощущением какой-то неудовлетворенности и смутной тоски. Достаточно этих двух надломленных нравственно лиц в семье, чтобы и все другие страдали какой-то неопределенной тоской. Отчего все это происходит? Я часто задумываюсь над этим вопросом и мучусь сознанием своего бессилия помочь им.

Виноват, дорогой и милый друг, что изливаю перед Вами мою грусть и навожу на Вас уныние, но я так привык говорить с Вами обо всем, что меня волнует и занимает! А погода вполне соответствует моему грустному настроению: дождь льет без конца, сыро и туманно в воздухе, и не предвидится скорой перемены.

10 октября.

Кажется, мы теперь знаем причину того страшного состояния нервной системы, в коем находится сестра. Третьего дня, как раз после того, как я написал Вам предыдущие строки, ей опять сделалось хуже, и только тут она решилась сказать, что уже более месяца тому назад у нее начались сильные боли в матке, о которых она не решалась говорить доктору, дабы избавиться от тяжкого докторского осмотра, а также чтобы не испугать мужа и детей. С свойственною подобным натурам впечатлительностью она решила тотчас же, что у нее начало смертельной болезни и что нужно терпеть и скрывать это. Отсюда произошло расстройство нервной системы. Теперь она слегла в постель, и хотя боли ее не покидают, но зато, не будучи принуждена скрывать свои страдания, она переносит их гораздо легче. Доктор полагает, что в воображении своем она крайне преувеличила силу болезни, что ничего особенно ужасного в

этом нет и что боли происходят от опухоли, которую он и лечит теперь притираниями иода.

Но довольно об этом грустном предмете. Перейду к более приятным предметам, а именно, к своим новым музыкальным трудам.

Представьте, дорогой друг мой, что муза моя была так благосклонна ко мне в последнее время (до болезни сестры), что я с большой быстротой написал две вещи, а именно: 1) большую торжественную увертюру для выставки, по просьбе Ник[олая] Гр[игорьевича], и 2) серенаду для струнного оркестра в четырех частях. То и другое я теперь понемножку оркеструю. Увертюра будет очень громка, шумна, но я писал ее без теплого чувства любви, и поэтому художественных достоинств в ней, вероятно, не будет. Серенаду же, напротив, я сочинил по внутреннему побуждению. Это вещь прочувствованная, и потому, смею думать, не лишенная настоящих достоинств. Как это всегда со мной бывает, в тех местах, которые наиболее мне удались, я думал о Вас, и мне приятно было предвидеть, что они отзовутся в Вас теми же чувствами, которыми и я был полон, когда писал их. Говорят, что хорошие актеры никогда не играют для публики, а всегда избирают одного из зрителей, в котором почему-либо угадывают сочувственную душу, и затем весь вечер играют для него и стараются понравиться ему. Я, когда сочиняю и именно в тех местах, которые выливаются прямо из живого источника согретого чувством вдохновения, непременно всегда обращаюсь мысленно к Вам и предвижу, что никто так чутко не отзовется на них, как Вы!

Получил «Жоконду» и «Danse bohemienne». За то и другое благодарю душевно Вас и Юлию Карловну, которая так обязательно упаковала их и надписала мой сложный адрес. Я проиграл «Жоконду» не без удовольствия. Если не ошибаюсь, в Ponchielli нет истинного творческого дарования, но это музыкант с чутьем, не рутинер и не безвкусен, как большинство его собратий. Есть места довольно красивые и эффектные, хотя лишенные всякой оригинальности. Заметно сильное влияние Верди (последнего периода, т. е. автора «Аиды» и «Реквиема»), а также французской оперной школы. Опера эта написана на тот же сюжет, который взял Кюи для своей оперы «Анджело». Если сравнить обе оперы, то нельзя не отдать преимущества русскому композитору. У Кюи во всяком случае несравненно больше таланта и вкуса. «Danse bohemienne»—очень миленькая вещица, но уж слишком коротка. Ни одна мысль не высказана до конца, форма крайне скомкана и лишена цельности.

Погода у нас стоит ужасная, приводящая в отчаяние и наводящая хандру. Сегодня идет снег пополам с дождем.

Будьте здоровы, дорогой друг мой!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

298. Мекк—Чайковскому

1880 г. октября 13—14. Флоренция.

Флоренция,
13 октября 1880 г.

Милый, несравненный друг! Как я рада, что Александре Ильинишне лучше, я очень испугалась за ее здоровье. Сохрани ее господь от всякого зла. Надо непременно ей отвыкнуть от морфина—это ужасное вещество. Я видала людей, питающихся им, и страшно сказать, до чего они довели себя. А куда уехала Татьяна Львовна?

Что же это Вы также хвораете, мой дорогой? Отдохнуть, отдохнуть Вам необходимо и именно теперь. Каждому человеку переход от лета к осени тяжел, а нервным в особенности. Вот тут-то и надо дать себе свободу, заняться, так сказать, этим переходом. Поезжайте скорее, мой милый друг, и не слишком мешкайте в Москве.

А какой молодец Модест Ильич, что кончил свою комедию. От души желаю ему полного успеха на литературном поприще, на которое он теперь вступает. Пусть только он не смущается никакими критиками, замечаниями, наставлениями этой своры театральных рецензентов, которые ведь для того и на свете живут, чтобы критиковать. Как мне жаль, что меня не будет эту зиму в Москве, чтобы увидеть представление произведения Модеста Ильича. Как называется его комедия? А скоро ли он примется за роман? Это меня еще больше интересует, и мне кажется, по свойствам натуры Модеста Ильича, так как он не умеет кланяться и просить, что и для него такое поле деятельности, а не театральное, будет удобнее. Его комедия есть бытовое изображение или проводит какую-нибудь идею, или порицает нравы общества, в каком роде?

Я очень рада, что Анатолий Ильич в Москве. Вы теперь будете охотнее туда заглядывать.

А что Ваше сочинение, Петр Ильич, к открытию храма спасителя, подвинулось?

Какое печальное событие брак нашего государя, в особенности, если вспомнить, что бедного Алексея Александровича развели с его женою, потому что он женился на подданной (Жуковской), хотя уже был и сын от этого брака, и теперь этот мальчик при живом отце не имеет отца, да и самому отцу его жизнь растрепали. В здешних газетах пишут, что будущие дети от совершенного брака будут именоваться в е л и к и м и к н я з ь я м и, неужели это правда?....

Мой французик уезжает через неделю, потому что я удержала его еще на две недели. Мне очень жаль, что он уезжает, потому что по части музыки он доставлял мне много удовольствия, да и вообще он оказывается мальчиком с хорошим сердцем, и, как видно, на него дурно действовала дружба с русским студентом, который был у меня. Тот почему-то из себя корчил а р и с т о к р а т а, а этот, так как он еще совсем ребенок, заражался его примером и только смешил нас. Теперь же вот месяц, что студент уехал и Bussy стал совсем другой.

Ну, Петр Ильич, уж теперь, когда приедете сюда, пожалуйста н е п р е м е н н о посмотрите нашу дачу. Мне очень хочется показать Вам то жилище, которое мне так нравится и в котором мне так хорошо живется.

14 октября.

....Теперь так как Bussy скоро уезжает, то у нас особенно много делается музыки. Вчера вечером я заставила играть для меня в четыре руки Bussy'ка, как я его называю, и Данильченко, которого научили Bussy называть П е т р у ш к а, и он пресерьезно говорит ему по вечерам: «Петрушка, jouez quelque chose»*. Ну так вот вчера играли мне suit'у для оркестра Bizet «L'Arlesienne». Это прелестное сочинение. Потом играли много Глинки, и особенно меня восхищала его «Hota Aragonesa». Эта музыка совсем переносила меня в Москву, в залу Дворянского собрания, в это море света, в шум толпы, в которых я, впрочем, была всегда только лицом пассивным. Но тем не менее при звуках этой увертюры у меня сердце билось сильнее и от музыки и от дорогих воспоминаний. Все свое делается вдвое дороже, когда находишься от него далеко. До свидания, мой милый, горячо любимый друг. Всем сердцем всегда и везде Ваша

Н. ф.-Мекк.

P. S. Все мои очень Вас ждут сюда. Вл[адислав] Альб[ертович] от всей души благодарен за память об нем и свидетельствует свое нижайшее почтение. Он теперь в полосе к о м п о з и т о р с т в а.

299. Чайковский — Мекк

1880 г. октября 14—16. Каменка.

Каменка,
14 октября 1880 г.

Сестре, слава богу, гораздо лучше. Все ожили и сделались веселее. Но у меня на душе все-таки кошки скребут. Завтра или послезавтра уезжает Алексей, и мне разлука с ним не легко дастся. Трудно лишиться (может быть, надолго) человека, с которым связывает десятилетнее сожительство. Мне и себя жаль, а главное, его жалко. Ему придется перестрадать очень много, пока не свыкнется с новым положением. Чтобы заглушить свое грустное чувство, я усиленно работаю. Струнная серенада готова или почти готова. Переложу ее для фортепиано в четыре руки и потом примусь за увертюру.

Получил сегодня дорогое письмо Ваше со вложением портрета d u t r i o d e M-me d e M e c k[1]. Влад[ислав]Альберт [ович] не удался, зато Данильченко очень похож. У Б ю с с и есть в лице и в руках какое-то неопределенное сходство с Ант[оном] Рубинштейном в молодости. Дай бог, чтоб и судьба его была такая же счастливая, как у «ц а р я п и а н и с т о в». Вы спрашиваете, дорогой друг, можете ли отдать аранжировки Бюсси любому издателю? Должен ответить Вам отрицательно. Я от-

* «сыграйте что-нибудь»

дал на весь балет право издательской собственности Юргенсону, и только он один имеет законное право печатать всякие аранжировки. Правда, что за неимением между Россией и западными государствами литературно-музыкальной конвенции ничто не мешает печатать за границей вещи, принадлежащие русским издателям, точно так же, как Юргенсон не церемонился печатать Мендельсона, Шумана и Шопена, на которых никаких прав не имеет. Но тогда аранжировка Бюсси не может быть продаваема в пределах России, и если Юргенсон не может мешать распространению их за границей, то он имеет законное право преследовать продажу всяких перепечаток его собственности в своем отечестве. Так, например, все мои сочинения (фортепианные и романсы, а также квартеты) перепечатаны в Лейпциге, и их можно в Германии достать без затруднения, но Юргенсон строго следит за тем, чтобы они не переходили через русскую границу, и может подвергнуть судебному преследованию лиц, продающих заграничные перепечатки. Итак, милый друг, законного права отдавать аранжировку юргенсоновской собственности другим издателям за границей я не имею и, следовательно, не могу Вам передать его, но, как объяснено выше, возможно нарушение его права вследствие отсутствия конвенции, и потому ни один заграничный издатель за известное вознаграждение не откажется напечатать Ваш заказ. Я, с своей стороны, попросил бы Вас, в случае если Вы захотите, чтобы аранжировки Бюсси были напечатаны, отдать их Юргенсону, который примет их с радостью и с величайшей готовностью.

Как я рад, что моя опера понравилась Вам! Мне в высшей степени приятно, что Вы не заметили в ней никаких «р у с с и з м о в», а я боялся этого и очень старался быть в этой опере как можно более о б ъ е к т и в н ы м.

До крайности радуюсь также всему, что Вы говорите о моих племянницах. Спешу сказать Вам в ответ на вопрос, кокетка ли Вера. Нет, нет, нет! Этим грешком немножко страдает старшая, Таня, т. е., по крайней мере, в том смысле, что о ч е н ь ценит свою красивую наружность, всячески заботится о ней и дорожит внешним впечатлением, производимым ей. Этот недостаток однакож в ней оттого не опасен и непротивен, что она сама его отлично сознает, и он наверное никогда не обратится у нее в болезненную слабость. Но что касается Веры, то это олицетворение простоты, скромности и самой милой застенчивости. Касательно цвета их волос и глаз, то у обеих глаза голубые, а по волосам они блондинки, однакож не самого светлого оттенка. Я же имею волоса почти совсем седые (я начал седеть очень рано) и глаза серые. Цвет лица у обеих племянниц блед-

ный, при малейшем возбуждении обращающийся в яркий румянец на щеках, как это вообще бывает с девушками, страдающими малокровием.

Я просил Юргенсона не пускать в продажу мою оперу до представления ее на театре. Я сделал это, дабы предотвратить всякие суждения о ней в печати как хвалебные, так и бранные. Кто еще знает, какова она будет на сцене? Преждевременные похвалы, в случае несценичности, могут содействовать разочарованию, а несправедливая брань—породить предубеждение. И то и другое невыгодно для меня. За границей же прошу Вас, милый друг, распоряжаться ею совершенно свободно, и мне будет чрезвычайно приятно, если Ваш француз будет иметь «Орлеанскую деву».

Погода у нас улучшается.

16 октября.

Алексей мой сейчас уехал. Мне очень грустно! Воспитанник Модеста, Коля, вот уж несколько дней постоянно нездоров. У него то, что было в прошлом году в начале зимы и что было причиной отправления его за границу, т. е. ежедневные головные боли, слабость, отсутствие аппетита. Как это ни грустно, но зато для меня теперь ясно, что этот мальчик решительно не может переносить отсутствия солнца и что ему нужно будет провести зиму в Италии. Если скупость господина Конради не превозможет его отцовских чувств, то я начинаю надеяться, что Модест с Колей проведут зиму в Неаполе. Это было бы отлично и для здоровья Коли и для Модеста, который любит Рим больше всего на свете, и, наконец, для меня, ибо в этом случае и я бы поселился на зиму в Риме и только на несколько дней съездил бы в январе ради оперы в Петербург.

А покамест я остаюсь все при прежнем решении, т. е., побывавши в начале ноября в Москве, поеду за границу по направлению к Флоренции. Будьте так добры, милый и дорогой мой друг, напишите мне, сколько времени Вы еще остаетесь во Флоренции—до половины декабря или дольше? Мне нужно это знать для моих путевых планов, ибо мне хочется проехать во Флоренцию каким-нибудь окольным путем, а между тем боюсь не застать Вас там.

Вчера Модест окончил вполне свою комедию или, лучше, драму и вечером читал ее нам. Впечатление на всех она произвела очень сильное. Эта вещь, наверное, заставит говорить про себя.

Будьте здоровы, дорогой, добрый друг! Дай бог Вам всякого благополучия.

Беспредельно Вас любящий
П. Чайковский.

300. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
18 октября 1880 г.

Милый несравненный друг! Вчера я получила Ваше дорогое письмо, в котором Вы выражаете мне Вашу дружбу по поводу музыкальных занятий Ваших. Невозможно передать словами той глубокой благодарности, той безграничной любви к Вам, которые я ощущаю при чтении таких выражений. Да, мой бесценный друг, это верно, что я всем сердцем, всем умом, всем организмом чувствую Вашу музыку и боготворю ее творца. Нельзя найти лучшего воспроизведения в искусстве, лучшего произведения природы, как Вы с Вашею музыкою. Ваши творения—это авто-психо-биография и, боже мой, как она прекрасна, благородна, возвышенна. Я в Вашей музыке слышу не одни только прелестные звуки, я слышу в ней душу, какой еще нет на свете. Я подразделяю музыку на и с к р е н н ю ю и ф а л ь ш и в у ю. И с к р е н н е ю я называю ту, в которой человек изображает те чувства, на которые он с а м способен, и ф а л ь ш и в о ю ту, в которой он представляет то, что ему несвойственно. Я не знаю, быть может, кто-нибудь найдет, que c'est trop de présuomption de ma part*, но мне кажется, что я всегда в музыке отличу искренность от фальши и что всегда можно узнать характер человека по его музыке. Я сравниваю музыку с ораторством, в котором один говорит с искренним убеждением и увлечением, а другой хотя и подносит платок к глазам, но так и слышишь, что надувает, но, конечно, как и относительно музыки, находится много таких, которые восхищаются последнею категориею, я же скажу, что у таких натур есть, конечно, дар, талант, но меня они не восхищают. Часто я заставляю Bussy играть мне «Орлеанскую деву» и каждый раз испытываю новый восторг, и попрежнему сцена Дюнуа с королем me met au comble de l'exstase**, а из танцев меня безмерно восхищает танец шутов и скоморохов. Это изумительно хорошо. Какая прелесть гимн в первом акте, какой великолепный марш в третьем действии. Как оригинально эффектны в нем эти гаммы и маленькие ноты в верхних регистрах. В сцены любви я еще не довольно вслушалась.

Петр Ильич, отчего Вы не написали ни одного trio? Я каждый день здесь жалею об этом, потому что каждый день мне играют trio, и я все охаю, зачем Вы не сделали ни одного. Здесь очень трудно найти какие-нибудь музыкальные сочинения, так например, trio Шумана и достать нельзя. Я много выписываю нот из Вены....

Скоро ли Вы приедете сюда, мой дорогой? Очень хочется мне этого....

Я выписала из Москвы еще два экземпляра «Орленской девы»,—то скажите, милый друг мой, могу я подарить один экземпляр моему французику? Или нельзя давать до первого представления, так как Вы не желали делать публике известною оперу до ее исполнения,—то относится ли это также и к французской или, вернее сказать, парижской публике? Прошу только очень, мой дорогой, сказать мне без м а л е й ш е й церемонии....

До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. До какого времени Вам можно адресовать в Каменку?

---

* что это слишком нескромно с моей стороны
** погружает меня в беспредельный экстаз

301. Чайковский—Мекк.

Каменка,
22 октября [1880 г.]

Только что начинаю поправляться после пятидневной довольно мучительной болезни. Я вероятно сильно простудился; у меня была жестокая зубная боль, при этом жар, бред, неспосная тоска, отвращение к пище и т. д. Теперь уже быстро выздоравливаю, хотя чувствую слабость. Не странно ли, что Алеша уехал именно в такую минуту, когда он был мне так нужен?

Получил дорогое письмо Ваше. Вы спрашиваете, милый друг, про комедию Модеста. Она стоит того, чтобы я несколько с нею познакомил Вас. Если Вы хотите, чтобы я сказал Вам, какую идею она имеет в своем основании, то скажу Вам, что в смысле комедии, долженствующей д о к а з а т ь какой-нибудь тезис нравственной философии или бичом сатиры нанести удар какому-нибудь общественному пороку, она не может уложиться в сжато и отчетливо высказанный афоризм. Ничего определенного она не обличает и не бичует. Но комедия эта с большой силой и глубиной представляет совершенно объективное изображение нескольких сторон русской и преимущественно петербургской общественной жизни. Называется она «Б л а г о д е т е л ь»; он и есть герой пьесы. Это человек скромного происхождения, но составивший себе блестящее положение в свете своими способностями и умом. Ум этот чисто практический. Он умеет приноровиться к людям, умеет кстати потакнуть их слабостям, нисколько не унижаясь при этом, умеет из всего извлечь для себя пользу, считает себя выше общего уровня и поэтому не находит нужным пресмыкаться, а, напротив, обращается даже с высшими высокомерно и грубо, вследствие чего приобрел репутацию человека правдивого и честного. В сущности ни того, ни другого нет. Он и не правдив и не честен, а представляет себя таким, когда находит нужным. Любит иметь около себя преданных креатур и ради этого принял в дом сироту, дальнюю родственницу, и воспитал нескольких крестьян на свой счет. Но требует от них абсолютного обожания и поклонения, а при малейшем протесте выходит из себя и разражается упреками в неблагодарности. Нравственности никакой и ради удовлетворения сильной чувственности не погнушается никакими низостями и не остановится ни перед какими препятствиями. Полнейшее отсутствие доброты и мягкости, но при этом он не скареден и ради эффекта и поддержания своей репутации человека с щедрой натурой готов приносить жертвы. Эгоизм его колоссален. В его глазах весь мир и все люди суть только

пьедестал для его изуродованной самообожанием личности. Характер этот очень сложен и разъясняется в комедии скорее его действиями, чем словами, и мне трудно дать Вам о нем вполне точное понятие в краткой характеристике. Другое главное лицо комедии—дочь его, девушка, блестящая красотой и в сущности хорошая и честная, но испорченная отвратительной средой и воспитанием, в котором все внимание было обращено на внешность. Она страдает болезнью века, т. е. неопределенным исканием чего-то, неудовлетворенностью, неуменьем просто и прямо итти к возможному идеалу счастья. Драматичность ее положения в том, что единственный предмет ее поклонения, окруженный для нее ореолом непогрешимости и высшей нравственной красоты, есть ее отец. Между тем, вследствие стечения различных роковых обстоятельств, она вдруг прозревает и узнает, что̀ такое ее отец и что̀ была вся прежняя ее жизнь среди всякого рода лжи и пошлости. Другой женский характер, именно сирота, воспитанная отцом ее, натура чисто пассивная, не умеющая вовсе протестовать и бороться и вследствие этого погибающая. Что касается j e u n e p r e m i e r*, то в этой пьесе это медицинский студент (воспитанник б л а г о д е т е л я), простая, прямая, здравая, честная русская душа.

Не буду рассказавать Вам фабулы, ибо, во-первых, не сумею рассказать Вам ее хорошо в коротком размере письма, а во-вторых, не хочу портить Вам удовольствие узнать ее из чтения самой пьесы. Дело в том, что как только поправки и небольшие переделки, которым Модест теперь подвергнул пьесу, будут готовы, я постараюсь распорядиться о снятии копии и пришлю Вам пьесу.

Пожалуйста, дорогой друг мой, напишите мне, какие Ваши планы и долго ли еще Вы пробудете во Флоренции. Я до первых чисел ноября остаюсь здесь, а с конца октября попрошу Вас адресовать мне письма в Москву, в магазин Ю р г е н с о н а (Н е г л и н н ы й п р о е з д, № 10).

Еще не могу в точности определить, когда удастся выехать за границу, а очень мне этого хочется!

Прошу Вас, милый друг, передать мое нижайшее почтение Юлии Карловне, приветствия ее младшим сестрам (что поделывает Милочка, сильно ли она выросла?), а также дружеские поклоны Вл[адиславу] Альб[ертовичу] и Петру (?) Данильченке.

Ваш безгранично Вам преданный

П. Чайковский.

---

* первого любовника

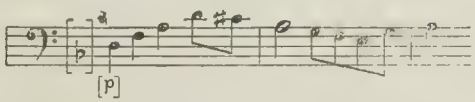
302. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
24 октября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Спешу написать Вам несколько слов для того, чтобы мое письмо застало Вас еще в Каменке и мой ответ и мои просьбы пришли во-время. В ответ на Ваш вопрос: долго ли я пробуду во Флоренции? —я скажу, что, к сожалению, не дольше 6 декабря, потому что на обратном пути мне надо остановиться на несколько дней в Вене....

Просьба же моя убедительная состоит в том, чтобы Вы были так добры, мой дорогой друг, выпросили для меня у Александры Ильинишны еще по одному экземпляру фотографий ее и всего ее семейства. Мне ужасно хочется иметь их и в Москве и в Браилове, так как я живу и там и там, и, пожалуйста, нельзя ли и фотографию Льва Васильевича. И если Александра Ильинишна будет так милостива, что даст мне их все, то будьте так добры, дорогой мой, привезите мне их во Флоренцию, если приедете еще при мне, в противном случае убедительно прошу послать мне их в Браилов. Тысячу раз благодарю Вас, милый друг мой, за сообщение мне цветов Ваших прелестных племянниц и Ваших. Портреты барышень я уже заказала, но с Вашим для меня случилось большое горе. Я поручила Коле прислать мне из Петербурга несколько Ваших фотографий, из которых и хотела заказать раскрашенный портрет. От Коли получила уведомление, что он выслал фотографии, но вот целый месяц я их жду и не могу дождаться. Очевидно, они пропали. Я написала Коле, чтобы он послал вторично, но надо очень долго ждать. Если у Вас есть Ваша фотография, Петр Ильич, поделитесь со мною. А вот я была бы Вам безгранично благодарна, если бы Вы снялись теперь в Москве и уделили бы мне несколько экземпляров; qu'en pensez-vous, mon adorable ami?* Я все у Вас что-нибудь выпрашиваю, простите, видно уж мне так на роду написано.

Слушала вчера Вашу «Орлеанскую деву», милый друг мой. Как хорош последний дуэт Иоанны и Лионеля, восхитителен, но все-таки наибольшее, потрясающее впечатление на меня производит сцена Дюнуа с королем. Это неподражаемо, убийственно хорошо! Как великолепно, поразительно хорошо музыка изображает непоколебимость натуры, глубину отношений, силу убеждения одного и мечтательную, женственную нежность и слабость другого, потом разбуженное достоинство и мужество, в котором сливаются обе натуры в воинственных выражениях и т. д., и т. д. Я не могу слушать без нервной дрожи эту сцену. От этой фразы:



у меня повертывается вся внутренность,—так слышишь в ней эту горячую просьбу, это пламенное желание разбудить спящую натуру. Боже мой, чего Вы не умеете изобразить! Сам бог не наделил человека такою способностью чувствовать, какую Вы ему даете! Но однако довольно, Вы человек поэтически-набожный, я не хочу Вас скандализировать....

Ах, да, было и забыла сказать, что, по зрелом размышлении, я еще не дам своему французику «Орлеанской девы». Я очень боюсь, что эти шарлатаны французские композиторы, как Massenet, Deslibes, Godard и проч., и проч., наворуют из Вашей оперы полные карманы и потом будут восхищать

* что Вы об этом думаете, мой обожаемый друг?

парижскую публику, как своим собственным. Уверяю Вас, Петр Ильич, что они постоянно воруют у Вас. На-днях мы играли в четыре руки Вашу Первую симфонию. Я в первый раз слышала это сочинение и уверяю Вас, что они и оттуда накрали себе надолго материалов.

Сходство Bussy с Ант[оном] Рубинштейном я также уже раньше заметила. Я думаю, что ему предстоит хорошая будущность, потому что он предан своему делу всем существом и только им и интересуется в жизни, хотя натуры очень ветреной, вполне французской, но сердце очень доброе. Танцы его аранжировки я и сама хотела послать Юргенсону, но предварительно, если позволите, милый друг, покажу Вам....

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. От души желаю Вам успеха в Москве с постановкою произведения Модеста Ильича. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Фотография, которую Вы увидите у меня в руке, есть портрет моего любимца Волички.

303. Чайковский—Мекк

1880 г. октября 24—27. Каменка.

Каменка,
24 октября 1880 г.

Еще два дня тому назад получил дорогое письмо Ваше, но принимаюсь за перо лишь сегодня, чтобы поблагодарить Вас, милый и добрый мой друг, за все теплые слова Ваши, относящиеся к моей музыке и ко мне. Не мне, конечно, определять достоинства моих писаний, но могу, положа руку на сердце, сказать, что они все (за немногими исключениями) пережиты и прочувствованы мной и исходят непосредственно из души моей. И для меня величайшее благо, что есть на свете другая родственная мне душа, которая так чутко отзывается на мою музыку. Мысль, что она прочувствует все, чем я был полон, когда писал то или другое сочинение, всегда воодушевляет и согревает меня, и Вы не думайте, что таких душ много у меня. Даже среди людей, между которыми я живу, лишь только в братьях и особенно в Модесте я имею человека, связанного со мной близким духовным родством. Что касается музыкантов по профессии, то в них всего менее я встречал живого сочувствия.

Мне до крайности приятно, что Вы оценили в «Орлеанской деве» те места, которые и я больше всего люблю. Но позвольте Вас попросить, друг мой, оказать такое же сочувствие еще одной очень прочувствованной сцене, а именно, рассказу Иоанны и следующему за ним финалу. Обратите, пожалуйста, внимание на видоизменение темы хора ангелов в устах Иоанны. Может быть, я ошибаюсь, но мне

кажется, что тема эта, перенесенная с небес на землю и вещаемая уже не ангелами, а человеком, т. е. сосудом страдания, должна в этом месте трогать сердце. Разумеется, клавираусцуг дает обо всем этом лишь очень поверхностное понятие.

Вы спрашиваете, отчего не пишу трио? Простите, друг мой! Безмерно хотел бы угодить вам, но это свыше моих сил. Дело в том, что, по устройству своего акустического аппарата, я совершенно не переношу комбинации фортепиано со скрипкой или виолончелем solo. Эти звучности кажутся мне взаимно отталкивающими друг друга, и я уверяю Вас, что для меня чистая мука прослушать какое-нибудь трио или сонату со скрипкой или виолончелем. Объяснять этот физиологический факт не берусь и лишь констатирую его. Совсем другое дело фортепиано с оркестром: тут тоже нет слияния звучностей да, фортепиано и не может слиться ни с чем, имея звук эластический, как бы отскакивающий от всякой другой звуковой массы, но тут две равноправные силы, т. е. могучий, неисчерпаемо богатый красками оркестр, с которым борется и которого побеждает (при условии талантливости исполнения) маленький, невзрачный, но сильный духом соперник. В борьбе этой много поэзии и бездна соблазнительных для композитора комбинаций. Но что такое за неестественное сочетание таких трех индивидуумов, как скрипка, виолончель и фортепиано? Тут достоинства каждого из них теряются. Певучий и согретый чудным тембром звук скрипки и виолончели представляется односторонним достоинством рядом с царем инструментов, а этот последний тщетно старается показать, что и он может петь, как его соперники. По-моему, фортепиано может являться только при трех условиях: 1) один, 2) в борьбе с оркестром и 3) как аккомпанимент, т. е. фон для картины. Но трио ведь подразумевает равноправность и однородность, а где же она между смычковыми инструментами solo, с одной стороны, и фортепиано, с другой? Ее нет. И вот почему в фортепианных трио есть всегда какая-то искусственность, и каждый из трех беспрестанно играет не то, что действительно свойственно инструменту, а что навязано ему автором, ибо часто последний встречает затруднения, как распределить голоса и составные части своей музыкальной мысли. Я отдаю полную справедливость искусству и гениальному умению побеждать эти трудности таких композиторов, как Бетховен, Шуман, Мендельсон. Я знаю, что есть множество трио с превосходной по качеству музыкой, но, как форму, я трио не люблю и поэтому ничего согретого истинным чувством для этой звуковой комбинации написать не могу. Знаю, милый друг,

что мы в этом с Вами расходимся и что Вы, наоборот, любите т р и о, но, несмотря на всю родственность наших музыкальных натур, мы все-таки два отдельных нравственных индивидуума, и поэтому неудивительно, что в подробностях расходимся!

А как бы мне хотелось угодить Вам и написать т р и о! Разумеется, дабы сделать Вам угодное, я готов хоть сию же минуту приняться за работу, но ведь Вам не может понравиться мой труд, если в нем не будет искреннего вдохновения! А последнее невозможно, когда при одном воспоминании о звучности т р и о я испытываю просто физическое неприятное ощущение [1].

27-го, понедельник.

Я никак не могу вполне оправиться от болезни и страдаю ежедневно жестокими, никогда не бывалыми головными болями. Болит все одно и то же место внутри головы, как будто в мозг вонзилась какая-то иголка. При малейшем умственном напряжении боль является тотчас же, и никакие средства не помогают. Проходит мгновенно сама собой, когда этого менее всего ожидаешь. Я не в состоянии заниматься совершенно, даже простое письмо мне трудно написать. Неожиданное это маленькое бедствие очень тяготит и беспокоит меня, так как у меня едва начата инструментовка увертюры для выставки. Тем не менее придется, вероятно, несколько дней провести в совершенном бездействии.

Я остаюсь здесь до 6 ноября. В этот день празднуется годовщина свадьбы сестры и зятя. Предполагается маленький праздник, и у меня не хватает духа отказать в просьбе остаться. Как жаль, что я просил Вас адресовать письма в Москву. Уеду седьмого или восьмого. Многое хотел еще сказать, но отлагаю до другого раза. Голова болит нестерпимо.

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

304. Мекк — Чайковскому

Флоренция,
31 октября 1880 г.

Милый мой, несравненный друг! Теперь Вы уже в Москве. Как я завидую всегда и каждому, кто находится в этом дорогом для меня городе, и чем дольше je suis expatri e*, тем сильнее я люблю свою Москву. Теперь же я даже больше, чем expatriée, je suis b a n n i e de ma patrie**. Добрые люди делают мне жизнь в Москве невозможною. Мне тяжело это положение тем

* я удалена от родины
** удалена, я и з г н а н а из моей родины

Н. Ф. фон-Мекк

С фотографии 1880 г.

более, что т а м за собою я оставила одиноким другого бойца с людскою злобою, завистью и клеветою, это моего бедного Володю. И уж накинулись же теперь на него эти паразиты, загребающие всякий жар его руками и в благодарность дарящие его ненавистью и клеветою. Нам обоим, т. е. мне и Володе, досталась такая доля со смерти моего мужа, но я могу хотя убежать от этих радостей на такое расстояние, что они не скоро до меня доходят, а он, бедный, и уйти никуда не может, потому что дела не отпускают.

Боже мой, как мне грустно, что Вы хвораете, мой бесценный друг. И в самом деле, как это жестоко, что Алеша должен был уехать как раз во время Вашей болезни. Дай бог, чтобы это нездоровье прошло без всяких дурных последствий.

Тысячу раз благодарю Вас, милый мой, дорогой, за обещание прислать мне комедию Модеста Ильича. Ужасно интересно будет мне прочитать ее. Как я буду рада, когда увижу в «Московских ведомостях», что такого-то числа пойдет в первый раз комедия г-на М. Чайковского «Благодетель». Как интересно мне будет прочитать рецензию. Как было бы хорошо, если бы ее давали в апреле еще,—тогда я предполагаю проехаться в Москву и могла бы увидеть.

Вчера я получила раскрашенные фотографии Татьяны и Веры Львовней—что за красотки, хотя и раскраска не вполне хорошо сделана! Когда приедете, дорогой мой, я Вам покажу. Ваш портрет еще не готов. Ах, да, я и забыла Вам сказать, что я все-таки получила Ваши фотографии из Петербурга и так обрадовалась увидеть Ваше изображение, что у меня закапали [слезы] из глаз. О, как Вы мне дороги!

Сейчас мне пришло в голову, милый друг мой, воспользоваться Вашим пребыванием в Москве, чтобы ускорить напечатание танцев из «Лебединого озера». Для этого я посылаю их Вам с этою же почтою и усердно прошу просмотреть их, и если найдете переложение хорошим, то будьте так добры, потрудитесь поручить Юргенсону напечатать их, на каких он хочет условиях; я на всякие согласна. Имя Monsieur de Bussy я попрошу н е в ы с т а в л я т ь, потому что может как-нибудь попасть в руки Jules Massenet. и моего юношу, пожалуй, распекут. Вообразите, Петр Ильич, что этот мальчик с г о р ь к и м и с л е з а м и уезжал от меня. Меня, конечно, это очень тронуло; у него очень привязчивое сердце. Он бы совсем не уехал отсюда, да консерваторское начальство уже морщилось и на ту отсрочку, которую он выпросил. Во французской музыкальной газете была программа концертов Pasdeloup, в которую входили и Ваши сочинения. Как мне жаль, что для меня загражден путь пропагандировать Вашу музыку и просвещать ею парижан посредством моего любимца Colonn'а. Теперь я представляюсь перед ним у м е р ш е ю, потому что для меня другого выхода нет из того положения, в какое я попала. До Вашего запрещения давать Colonn'у субсидию на постановку Ваших симфоний в Париже я в своей переписке с ним сказала, что буду присылать ему Ваши оркестровые сочинения в четырехручном переложении, для выбора тех пьес, которые он захочет исполнять в данный сезон, и получила от него ответ, что он очень благодарен и ждет присылки их. А в этот промежуток времени я получила Ваше запрещение способствовать исполнению Вашей музыки в Париже, так я и з а м о л к л а и готовлюсь, в случае надобности, заявить Colonn'у, что я божьею милостью умре. А все-таки жаль.

Погода у нас хотя и часто дождливая, но все-таки очень теплая, на солнце тридцать градусов. Я опять гуляю и катаюсь.

Дорогой мой, как мне хочется emprocher Vera dans ma famille*. Какое

---

* прикарманить Веру в свою семью

милое, детское выражение у нее в личике. Я думаю, что от нее я никогда не имела бы тяжелых минут. Сколько ей лет?...

Петру Антоновичу я не передала Вашего поклона, милый друг мой, потому что он не знает о моей дружбе с Вами. До свидания, бесценный мой. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

305. Чайковский—Мекк

Каменка,
31 октября [1880 г.]

Спешу поблагодарить Вас, милый, добрый, бесконечно любимый друг, за чудную карточку Вашу, только что мной полученную. Это положительно лучшая карточка Ваша из всех мной виденных. Она доставила мне безмерное удовольствие!!

Здоровье мое улучшается. Боли головы, доходившие до того, что я плакал, как ребенок, почти прошли благодаря мушкам, к которым пришлось прибегнуть. Но доктор велит еще довольно долго воздерживаться от всяких занятий и даже по возможности сократить мою переписку. Вот почему, дорогая моя, я буду некоторое время писать Вам лишь короткие письма. Когда-то я попаду за границу! Ощущаю бесконечно сильное стремление рассеяться и развлечь себя путешествием. С другой стороны, в Москве мне предстоит много дела, а Направник пишет мне, что я понадоблюсь для постановки оперы в самом начале января и, может быть, даже раньше. Меня начинает смущать мысль, что путешествие мое будет отравлено сознанием его неизбежной краткости и тем, что я буду связан необходимостью явиться в Петербург тотчас после уведомления Направника, которое может состояться, когда я его буду ожидать всего менее. Посоветуйте мне, дорогая моя, как поступить. Не благоразумнее ли будет отложить путешествие за границу до постановки оперы? Тогда я съездил бы в Москву и Петербург, а на декабрь вернулся бы в Каменку с тем, чтобы в январе уехать в Петербург и за границу. При свойственной моему характеру нерешительности я буду очень счастлив получить от Вас в Москве какой-нибудь совет.

Здоровье сестры, слава богу, очень хорошо. Она осчастливлена приездом своей кузины, своего ближайшего друга, с которым она провела все детство и первую молодость. Кузина эта, муж которой директор Балтийской дороги, приехала с мужем и сыном в собственном вагоне, и они предлагают на возвратном пути довезти Модеста с Колей и меня до Москвы. Предложение это столь соблазнительно, а, с другой стороны, здоровье мое еще так не упрочилось, что я, быть может, решусь остаться в

Каменке до их отъезда, который состоится после двенадцатого числа.

Все Ваши поручения исполню непременно, т. е. 1) доставлю Вам или во Флоренцию или в Браилов портреты всего семейства сестры и 2) непременно снимусь в Москве или в Петербурге специально для Вас.

Мне очень хочется распространиться по поводу одного места Вашего письма, касающегося моей религиозности, но я принужден отложить это до полного выздоровления, ибо голова моя действительно требует, чтобы я остерегался от всяких напряжений.

Желаю Вам всяких благ и, главное, здоровья и спокойствия. Еще раз бесконечно благодарю за карточку. В виду неизвестности дня моего отъезда, прошу Вас, дорогой друг, адресовать мне в Москву, где во всяком случае буду около 12—14 ноября.

Ваш П. Чайковский.

306. Мекк—Чайковскому

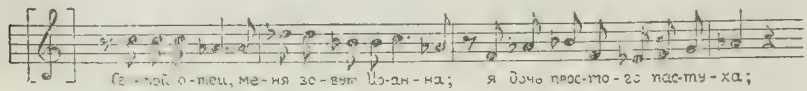
Флоренция,
3 ноября 1880 г.

Дорогой мой, милый друг! Мне всегда и постоянно приходится выражать Вам мою безграничную и бесконечную благодарность, вот и теперь я и пересказать не могу, как я Вам благодарна за Ваше желание сделать мне удовольствие сочинением trio, но, конечно, и говорить нечего, что я ни за что в мире не захочу, чтобы Вы Ваше творчество эксплоатировали против собственных симпатий, а к тому же скажу Вам, милый друг мой, что Вы очень ошиблись, думая, что я люблю именно trio. Нет, я люблю в них музыку, как люблю ее везде, в каких бы видах она ни являлась, но со стороны замысла, обстановки, набора, так сказать, персонажей и распределения им ролей я решительно не понимаю, для чего пишут trio, так что у меня сложилась стереотипная фраза, когда заговорят об trio: «Ну, trio пишутся для фортепиано». С механической стороны в них постоянно нарушается закон равновесия, с математической выходит, что 3:3 не дадут 1 на каждого. А я человек аккуратный, люблю везде равновесие, симметрию, математическую точность и ясность, а, слушая trio, я всегда спрашиваю себя, за что в нем таким прелестным инструментам, как скрипка и виолончель, даны роли людей, сующих нос не в свое дело, хотя бы и умно, но там, где и без них могут обойтись очень хорошо. Сочинением же, по его внутреннему содержанию, независимо от группировки инструментов и звукового подбора, я восхищаюсь ужасно и жалела теперь очень, очень, что Вы не сочинили ни одного trio, потому только, что я в данных обстоятельствах имела бы возможность слушать Вашу музыку.

Вообще в моих вкусах к разным видам музыкальных сочинений есть такая градация: больше всего я люблю оркестровые сочинения, затем из камерной музыки больше всего квартеты (струнные), потом квинтеты. Септуоры и октеты мне как-то подозрительны, и меньше всего в этой области люблю trios, хотя, повторяю, они

трогают мне сердце глубоко. Я не чувствую физического отвращения к их звуковому сочетанию, но у м о м не понимаю, для чего их сочиняют.

Теперь перейду ко второму предмету, еще более для меня интересному, к «О р л е а н с к о й д е в е». После Вашего указания, дорогой друг мой, я еще перечитала р а с с к а з И о а н н ы и Ф и н а л и была изумлена, поражена, до того это хорошо. Р а с с к а з И о а н н ы—верх совершенства по своей естественности и искусству воспроизвести музыкою текст. Это начало рассказа:



бесподобно, неподражаемо! Как натурально: она не поет, а именно рассказывает. Мысль вложить в уста Иоанны музыку ангелов и тем указать ее наитие свыше—гениальна. Финал превосходен! Что за прелестные модуляции в нем. А знаете, Петр Ильич, что над одним тактом я просидела и старалась понять его с час времени. В одном месте, где поют поочередно король и Иоанна, в партии оркестра сделана модуляция посредством энгармонизма в диезный тон, а в том же такте, в голосе короля, остается♯ бемольный тон, так что в голосе короля получается La ♭, а в оркестре Sol♯*. Я и стала думать, отчего же Вы не сделали одинаковой метаморфозы в обеих партиях? Соображала, соображала и должно быть догадалась, почему это так. Не смейтесь, мой милый друг, что я задумываюсь над такими недоступными для меня вопросами, но ведь это только в Ваших сочинениях.

Все, о чем я говорила, т. е. рассказ Иоанны и Финал, изумительно хорошо. Но тем не менее мою душу трогает глубже всего м о л ь б а Д ю н у а, и я Вам расскажу, мой милый друг, почему. Вообще везде меня трогают и волнуют выражения, конечно, тех чувств, которые я п о н и м а ю и п р и з н а ю. Понимаю же я чувства патриотизма, материнской любви и того чувства, которое люди зовут вообще л ю б о в ь ю, а я называю д р у ж б о ю. Не понимаю и не признаю любви ю н ы х в л ю б л е н н ы х существ. По моим понятиям, любовь н а ч и н а е т с я там, где она обыкновенно к о н ч а е т с я, а именно, с близких отношений. Влюбленность же есть мечта, игра воображения, раздражение внешних чувств, вследствие которого является возбуждение совсем не почтенного свойства—чувственное, тогда как между людьми близкими чувственная сторона отодвигается совсем на задний план и действует только настолько, насколько природа наделила животным свойством человека, но тем не менее между ними устанавливается связь неразрывная.... Вот почему, мой милый друг, я в операх, в литературе и в жизни никогда не трогаюсь страданиями ю н ы х в л ю б л е н н ы х с е р д е ц и остаюсь равнодушною при таких любовных сценах. Вот почему я и говорю Вам всегда, что Ваша музыка в ы ш е сюжета; я отношу это к любовным сценам. Поэтому и сцены любви в «Орлеанской деве» меня трогают меньше чего другого.

Второе. Сюжет рассказа Иоанны и Финал принадлежит также к области моих скептических отношений. В п о с л а н и я х с в ы ш е я не верю, даже

---

* Энгармонизм—отношение между звуками, различными по высоте и письму, но одинаковыми по музыкальному значению, например, La ♭= Sol ♯. Энгармоническая модуляция—переход из одного строя в другой, основанный на замене звуков аккорда предыдущего строя энгармонически равными ему звуками, принадлежащими последующему строю.

о сошествии св. духа на апостолов стараюсь не думать. Недавно еще здесь, в картинной галлерее, выставлена была большая картина «Les tentations de St. Antoine»*. Вы понимаете, конечно, что этим «tentations» были женщины, окружающие его в соблазнительной наготе и дразнящих позах, и он, скорченный, дрожащий и бледный, как мертвец, возбуждал во мне и смех и отвращение: сам вследствие пошлости и гадких мыслей додумался до привидений и возводит в добродетель свое целомудрие. Я скажу, что выпороть бы его надо за то, что ему представлялись такие мерзости, а не в святые производить. Извините, милый друг, за крупные выражения, но я не могу мириться с людскою пошлостью. Но, боже мой, куда я залетела—от Jeanne d'Arc к св. Антонию. Я надеюсь, впрочем, что этот святой католический, а не наш.

Итак, милый друг, музыка рассказа Иоанны и финал восхитительны, несравненны, но видениям ее я все-таки не верю, потому что я реалистка и поклоняюсь возвышенным, но реальным чувствам,—поэтому патриотизм Дюнуа меня пробирает насквозь, трогает сильнее всего другого...

Слышали ли Вы, друг мой, что представительница Вашей Татьяны, Климентова, сошла с ума, и доброжелатели Ник[олая] Григ[орьевича] сейчас валят на него вину за это, говорят, что он давно с нею в близких отношениях. Правда ли это? Мне что-то не верится [1]...

Мой французик уехал, и мне очень скучно, что я не могу слушать ни Вашей фортепианной сонаты, ни прелестных мелких сочинений, из которых я особенно обожаю вальс fis-moll, который Bussy играл очень хорошо. Trios мои также прекратились.

Время летит беспощадно быстро, вот уже мне остается пробыть здесь один только месяц. Жаль, здесь так хорошо. Если бы не дети в России, я бы не уехала отсюда до весны. Мы ни разу не были ни в театре, ни в каком концерте, потому что и нет ничего, хотя в опере участвует Данджери, наша знакомка по России, но состав труппы все-таки плохой.

До свидания, милый, дорогой друг. Жду Вас с нетерпением. Всем сердцем беспредельно Вас любящая

Надежда фон-Мекк.

307. Чайковский—Мекк.

Каменка,
7 ноября 1880 г.

Милый, дорогой друг! Здоровье мое гораздо лучше, и та упорная невралгическая головная боль, которою я так упорно страдал, осталась теперь лишь как воспоминание. Но до сих пор еще я принужден воздерживаться от занятий и от всяких умственных напряжений. С одной стороны, это, как и следовало ожидать, меня несколько тяготит, а с другой, оно оказалось очень хорошо для моего здоровья и состояния нервов. Думаю, что еще лучше будет мне, когда я попутешествую, и мне очень хочется исполнить мой проект поездки за границу, но меня смущают различные обстоятельства, о коих я писал Вам в моем преды-

* «Искушение св. Антония»

дущем письме. Откладываю решение этого вопроса до Москвы. Я выезжаю завтра вечером и в понедельник десятого числа надеюсь быть в Москве, где меня ожидает целая масса всякого рода корректур и дел. Меня несколько волнует состояние моего влюбчивого брата Анатолия. Вот уже несколько времени, что я получаю от него письма, преисполненные излияниями любви к одной богатой молодой девушке (Мазуриной), которая, по его словам, преисполнена бесконечным количеством всякого рода достоинств, но которая, увы, кажется, вовсе не расположена увенчать его желания согласием выйти за него замуж. При его нервной натуре я боюсь, чтобы эта новая страсть не подействовала неблагоприятным образом на его здоровье. Какое странное создание человек! Есть много девушек, выказывавших к моему симпатичному брату искреннее расположение и способных сделать его счастливым, но он, как нарочно, всегда влюбляется в тех, кто ни мало не интересуется им.

Будьте здоровы, дорогая моя. Как давно, по моей вине, я лишен известий об Вас. С нетерпением жду письма Вашего в Москве.

Бесконечно любящий Вас
П. Чайковский.

308. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
8 ноября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Спешу написать Вам только несколько слов для того, чтобы сказать, что мой положительный совет Вам есть отложить поездку за границу до января или февраля. Конечно, не стоит ехать на короткое время и никому, а в особенности нервному человеку, я это очень хорошо знаю. Если я имею ограниченный срок один месяц, то меня с первого числа этого месяца уже давит мысль об этом стеснении, и все этим портится. Я, с своей стороны, буду очень счастлива, если Вы декабрь и рождество пробудете в Каменке, потому что и я приеду в Браилов, и мы будем близко друг от друга.

Прошу Вас также убедительно, дорогой мой, не только писать мне короткие письма, но и редкие. Я буду вполне довольна, если Вы будете писать мне один раз в месяц. Здоровье Ваше для меня дороже всего.

Я эти дни ужасно утомлена, во-первых, разными неприятностями, а во-вторых, вследствие их, такою усиленною перепискою, что я пишу каждое утро по шести, семи листов и все весьма неприятных писем.

Итак, мой дорогой, проведем мы рождество вместе на Украине, на что лучше этого! «И дым отечества нам сладок и приятен»! До свидания, несравненный, милый друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

309. Чайковский—Мекк

Москва,
12 ноября 1880 г.

Милый и дорогой друг мой! Вчера вечером приехал сюда очень усталый и смущенный заранее всеми треволнениями, которые мне неизбежно приходится переносить в Москве и в Петербурге. Прежде всего меня расстроил брат Анатолий. С свойственною ему способностью увлекаться хотя не надолго, но очень сильно, он влюблен теперь без памяти в некую M-elle Мазурину, которой сделал на-днях предложение и получил отказ. Это его очень огорчило и поразило. Хотя я заранее знаю, что страсть эта не так глубока, как кажется, но теперь жалко смотреть на его огорченное, убитое лицо и слушать его жалобы на несчастную судьбу.

Был сегодня в консерватории, видел всех *ex*-товарищей, получил массу приглашений на всякого рода обеды и ужины, вел беседу с несколькими десятками людей, и все это меня до крайности утомило. Пришел домой (я остановился с Модестом в «Славянском базаре») и отдыхаю душевно, обращая к Вам эти несколько строк.

Я выразил Вам в свое время мои чувства насчет субсидий, ценою которых C o l o n n e выказывает готовность играть мои сочинения, но я никогда не хотел позволить себе стеснить в этом отношении свободу Ваших действий и тогда же написал Вам, что, в конце концов, совершенно полагаюсь на Ваше решение. Очень может быть, что я преувеличенно отнесся к и н т е р е с а н т с т в у Colonn'a. Прошу Вас, милый друг, если Вам этого угодно, посылать Colonn'у все, что хотите, и вообще поступить в этом отношении сообразно Вашим желаниям, нисколько не стесняясь моим взглядом на это обстоятельство. Я только и мечтаю о том, как бы уехать из Москвы. Мучительно тоскливое чувство какой-то неопределенной грусти преследует меня постоянно. Я люблю, очень люблю этот родной мне город, но оставаться долго здесь для меня невыносимо.

За дорогое письмо Ваше горячо благодарю. Думаю, что что̀ бы ни случилось, попаду во Флоренцию. Ах, как мне жутко и грустно здесь! Простите за краткость и необстоятельность письма.

Бесконечно преданный
П. Чайковский.

310. Чайковский—Мекк

Москва,
17 ноября [1880 г.]

Мою здешнюю жизнь можно описать в немногих словах. Целое утро до самого обеда утомительная корректурная работа, потом обеды и вечера у разных приятелей, а затем бессонная и мучительная ночь. Получил ваше письмо с советом не ехать за границу до конца января. Признаться сказать, очень хотелось бы поступить иначе, т. е. сейчас же устремиться куда-нибудь как можно дальше, но я поневоле должен остаться. Теперь начнутся на-днях репетиции «О н е г и н а», который пойдет в начале декабря в бенефис Бевиньяни, коему я обещал присутствовать при этом, а затем уж недалеко и до января. На-днях съезжу в Петербург, куда меня приглашает Направник, дабы разъяснить разные цензурные и другого рода недоумения. Потом вернусь сюда, и что дальше будет, не знаю. Одно знаю, что у меня на душе очень скверно. Последнему не мало способствует известие, что мой Алексей попал в солдаты.

Благодарю Вас тысячу раз, бесценный друг, за милую аранжировку, которую Вы мне прислали. Как только освобожусь от корректур, просмотрю ее и отдам напечатать Юргенсону, изъявившему большую готовность издать эту вещь.

Мне грустно и больно читать в Вашем письме, что у Вас так часто бывают тяжелые и неприятные переписки. Когда же это кончится?

Через две недели будет играться мое Итальянское каприччио, а затем, вскоре, новая Струнная серенада, очень всем понравившаяся по фортепианному переложению. Как обидно, что ни того, ни другого не услышит мой дорогой, бесценный друг!

Будьте здоровы, покойны и счастливы.

О, Италия! как невыразимо она влечет меня к себе!

П. Чайковский.

311. Чайковский—Мекк

Москва,
21 ноября [1880 г.]
4 часа ночи.

Как утомительна эта жизнь! Как я был бы бесконечно, неизмеримо счастлив, очутившись вдруг где-нибудь около Вас, на Viale dei Colli, или хотя бы в том же Hôtel de Milan, где когда-то я жил! А между тем жаловаться не имею права, ибо еще никогда я не испытывал таких всесторонних и многоразличных изъявле-

ний сочувствия, какие испытываю теперь здесь. На будущей неделе в одном и том же концерте Музык[ального] общ[ества] будут исполнены две мои вещи: Итальянское каприччио и Струнная серенада. Четырнадцатого числа состоится экстренный концерт, на коем будет исполнена моя литургия. В Большом театре сегодня идет «Опричник», а к постановке приготовляется «Евгений Онегин», который хотят дать в самой лучшей обстановке. Вообще со всех сторон я получаю изъявление теплого сочувствия к моей музыке, а между тем... меня тянет отсюда куда-нибудь как можно дальше. Целое утро и до самого обеда я просиживаю над корректурами нескольких моих партитур, печатающихся разом. Обедаю и вечер провожу в гостях. Возвращаюсь домой усталый до изнеможения, плохо сплю и тоскую невыразимо. Отчего? Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Жизнь в деревне и за границей приучила меня быть свободным, здесь я раб, ибо должен подчиняться различным тягостям, сопряженным с сочувствием, выражения которого повсюду встречаю.

Алексей окончательно принят на военную службу.

Если б Вы знали, друг мой, до чего я Вас люблю и как часто о Вас думаю.

Ваш П. Чайковский.

Простите краткость и безалаберность моих корреспонденций.

312. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
24 ноября 1880 г.

Милый, бесценный друг! Я долго не писала Вам, потому что не знала, куда адресовать, а из письма Вашего, которое получила вчера, думаю, что если адресую в Москву, то мое письмо дойдет до Вас рано или поздно. Вообще же прошу Вас, милый друг, сообщить мне, куда вернее можно адресовать корреспонденцию.

Как мне жаль бедного Алешу. Для него солдатская служба будет тяжелее, чем для кого-либо другого, но значит уж так на роду написано.

Как идет дело постановки комедии Модеста Ильича? Дай бог успеха. Ужасно мне жаль, что я не услышу Ваших сочинений, дорогой мой. Меня чрезвычайно интересуют и Итальянская фантазия и Струнная серенада. Скоро ли напечатается четырехручное переложение? Из последнего рода сочинений я знаю серенады Фолькманна (für Streichorchester)*, и они мне очень нравятся, в особенности одна, d-moll'ная.

Кто же будет петь за Татьяну в Вашем «Евгении Онегине», Петр Ильич, так как Климентова больна?

---

* (для струнного оркестра)

Насчет Анатолия Ильича я не могу сказать, что мне его жаль, потому что Вы знаете, друг мой, что я довольно бесчувственна к такого рода страданиям, но скажу, что меня чрезвычайно удивляет отказ M-elle Мазуриной. Я нахожу, что Анатолий Ильич для нее великолепная партия, как человек во всех отношениях в ы с ш е й с ф е р ы, чем она, но, видно, именно этого-то она и не умеет понять. Это должно быть та Мазурина, которая выступала на эстраде в светских концертах и была ученицею Шостаковского, а когда я уезжала из Москвы, то она перешла в науку к Николаю Григорьевичу. У нее в позапрошлом году умер отец и оставил состояние четырнадцать миллионов, из коих, по завещанию, назначил жене двести тысяч, двум дочерям по сто тысяч, а все остальное единственному сыну. А дал так мало жене и дочерям потому, что при жизни был ими очень недоволен.

Петр Ильич, отчего Вы не посоветуете Анатолию Ильичу жениться на M-elle Кондратьевой? Я слышала, что она о д н а дочь у родителей, следовательно, имеет хорошее состояние, а это, конечно, важная статья, а еще важнее то, что она воспитанием, развитием, нравственными традициями уж, конечно, более равная партия для Анат[олия] Иль[ича], а этот, знаете, буржуазный мир, monde bourgeois, я не люблю его, он неблагонадежен. Но Вы меня не выдавайте, милый друг, перед братом.

Если Вы захотите меня обрадовать н е с к о л ь к и м и с т р о ч к а м и после этого моего письма, то прошу Вас, друг мой, адресовать в Вену, Hôtel Metropole.

У нас сделалось холодно, я жмусь и страдаю, только на солнце еще и можно отогреваться. Хочу выехать 2 декабря, в Вене должна быть пятого и пробуду до девятого, а затем в Браилов, куда и прошу Вас, милый друг, адресовать письма. До свидания, мой бесценный. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

313. Чайковский—Мекк

Петербург,
27 ноября 1880 г.

Сегодня утром приехал в Петербург и спешу хотя немножко побеседовать с Вами, милый, дорогой, лучший друг! Ради бога, не сетуйте на меня, что из Москвы я так мало писал Вам. Жизнь моя там была сущей каторгой. Дошло до того, что от чрезмерного напряжения над своими корректурами у меня опять начались те головные невралгические боли, от которых я так страдал в Каменке. Я уехал, еще далеко не окончивши всего, что должен был сделать. Уехал, чтобы хоть немного отдохнуть и переменить образ жизни. Хочу здесь соблюдать строжайшее инкогнито и кроме самых близких не видать никого. Странное ощущение испытывал я в Москве. Моя любовь к этому старому, милому, несмотря на все недостатки, городу нисколько не уменьшилась, напротив, сделалась острее и сильнее, но приняла какой-то болезненный характер. Мне казалось, что я давно уже умер, что все то, что было прежде, кануло в бездну забвения, что я какой-то совсем другой человек из другого мира и другого времени. Мне трудно словами выразить это ощущение, крайне болез-

ненное и мучительное. Приходилось заглушать эту нравственную боль или усиленной работой или усиленными возлияниями Бахусу. Я прибегал очень широко к этим двум средствам, и в результате крайнее утомление.

Но было несколько отрадных минут. Об одной из них расскажу Вам. Московские директора Муз[ыкального] общ[ества] очень заинтересованы моей литургией, и один из них (Алексеев) дал ее изучить лучшему московскому хору, разумеется, за хорошее вознаграждение. Результатом этого изучения было исполнение моей литургии в зале консерватории на прошлой неделе в пятницу. Хор пел превосходно, и я испытал одну из самых сладких минут моей композиторской карьеры. Все присутствовавшие остались не менее меня довольны, и теперь решено публичное исполнение этой музыки в экстренном концерте М[узыкального] о[бщества]. Таким образом, моя литургия, перенесшая столько гонений, делается, наконец, достоянием публики. Кроме того в этот вечер была сыграна, в виде сюрприза для меня, только что написанная мной в Каменке серенада для струнных инструментов. Эта вещь, которую в настоящее время я считаю лучшим из всего мною написанного, была сыграна профессорами и учениками консерватории очень удовлетворительно и доставила мне тоже немалое удовольствие.

Роман моего брата Анатолия развивается и принимает серьезный характер. Предмет его любви все более и более начинает, повидимому, склоняться на мольбы и желания его. Я видел эту девушку и действительно нахожу ее очень симпатичной.

Писал ли я Вам, дорогая моя, что «Е в г е н и й О н е г и н» пойдет в Москве при очень хорошей обстановке на Большом театре? Его ставит в свой бенефис Бевиньяни и очень хлопочет, чтобы исполнение было во всех отношениях хорошее. Я радуюсь этому, ибо для меня очень важно разрешение вопроса: может или не может эта опера сделаться репертуарной, т. е. удержаться на сцене? Так как я писал ее не для сцены, то никогда не предпринимал ничего для ее постановки на казенном театре, решивши однакож не препятствовать ее исполнению, если инициативу возьмут на себя лица из театрального мира. Теперь, следовательно, решится, перейдет ли «Онегин» из частных домов на подмостки театра или останется безраздельным достоянием приватных обществ.

Я остановился здесь в гостинице «Европа», достал очень тихую и изолированную комнатку и намерен провести в Петербурге пять дней. В четверг утром (4 декабря) хочу быть в Москве, чтобы присутствовать на репетиции концерта, в коем будет играться в первый раз И т а л ь я н с к а я ф а н т а з и я.

Довольно давно я не имел о Вас известий, дорогой друг мой, и немножко начинаю беспокоиться насчет Вашего здоровья. Буду телеграфировать Вам. В половине декабря надеюсь быть в Каменке. Мне очень бы хотелось проехаться куда-нибудь, но благоразумие заставляет отложить заграничное путешествие до января.

Бесконечно Вас любящий
П. Чайковский.

314. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
30 ноября 1880 г.

Милый, дорогой друг! Очень, очень благодарю Вас за внимание к моему здоровью и очень извиняюсь, если причиною предположения о неисправности моего здоровья было мое долгое молчание, но я уже объясняла Вам, милый друг мой, что не знала, куда адресовать, так как долго не знала, отмените ли Вы Ваше намерение теперь ехать за границу.

Я совсем на-чеку оставить Флоренцию, и как мне ни было здесь хорошо, но я все-таки всегда рада возвращению на милую родину, в дорогой мне Браилов, хотя теперь мне предстоят там весьма неприятные действия. Мой брапловский г р а ф слишком увлекся высоким положением своим в Браилове и зарвался за данное ему мною право, так мне предстоит обуздать его и усадить на свое место, а это очень тяжело и как периодическое состояние и как постоянное оскорбление моего идеала—человека.... Одним словом, я мечтаю найти человека, которого нельзя было бы и з б а л о в а т ь, и, боже мой, как это трудно найти. Вот так-то и гр. Сципио избаловался, а мне от этого тяжело.

Послезавтра я уезжаю и, если время и здоровье позволят, напишу Вам с дороги, мой несравненный друг, не то уже из Браилова.

Где находится на службе Ваш Алексей, Петр Ильич, и как его адрес?

Как мне жаль, что Вы так тоскуете, мой бесценный. Поезжайте скорее в Каменку, соберемтесь поближе вместе в нашей милой Украине.

Это письмо я опять адресую в Москву, надеюсь, что там оно вернее Вас найдет.... До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте спокойны, веселы, здоровы. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

315. Чайковский—Мекк

1880 г. декабря начало. Петербург. С. Петербург.

Милый, дорогой, бесценный друг! Мое пребывание в Петербурге оказалось еще гораздо бедственнее, чем в Москве. Только первые два дня я провел довольно покойно. Затем, побывавши у Направника, я узнал, что по поводу постановки «Орлеанской девы» в театральном мире происходит страшная суматоха. Весной при распределении ролей я назначил партию Иоанны, за

неименем других певиц, г-жам Рааб и Макаровой. Между тем явилась новая претендентка на эту роль, а именно, г-жа Каменская, у которой голос хотя и m e z z o - s o p r a n o, но такого громадного объема, что она оказалась способною петь и сопранную партию Иоанны. Так как по красоте своего голоса и по фигуре она гораздо более подходит под мои требования, чем две других певицы, то я, конечно, должен был сделать все возможное, чтобы ее назначили главной исполнительницей. Направник посоветовал мне во что бы то ни стало устроить это дело. Между тем г-жи Рааб и Макарова, узнав, что идет речь об отнятии у них роли, уже успели вооружить против меня и Каменской главное театральное начальство. Не буду Вам рассказывать всего, что мне пришлось вытерпеть в улажении этого дела и сколько неприятностей и тяжелых минут я испытал в сношениях с этими людьми. В результате вышло, что я все-таки воспользовался своим законным авторским правом назначать роли, и Каменскую допустили в число исполнительниц Иоанны, однакож с тем условием, чтобы она не пела на первом представлении. Другое же последствие моих хлопот и бегания по Петербургу было то, что я сильно расстроил себе нервы и вдобавок простудился, вследствие чего вот уже третий день сижу безвыходно в своей комнате и принужден отложить отъезд в Москву, куда я стремился всей душой, чтобы присутствовать на репетициях моей И т а л ь я н с к о й ф а н т а з и и. Вообще могу смело сказать, что давно я не чувствовал себя таким несчастным человеком, как все это время. Я дал себе слово никогда больше не писать опер для петербургской сцены. Какой ужасный этот город! Уж один вечный туман и отсутствие солнца чего стоит! В ту минуту, как я Вам пишу (одиннадцать часов утра), у меня на столе стоят две свечи, несмотря на находящееся вблизи меня окно. Припоминая себя в прошлом году в это самое время в Риме, я чуть не плачу от горя! Не малое значение в моем грустном состоянии, нравственном и физическом, имеет отсутствие моего бедного Алеши!

Надеюсь, что дня через два здоровье позволит мне уехать в Москву и оттуда через несколько дней в Каменку, где надеюсь отдохнуть от всех моих треволнений.

К опере моей все относятся в театре с большим сочувствием, и Направник (дружбе которого я вообще очень много обязан) предсказывает большой успех. Уж самый спор нескольких примадонн есть доказательство интереса к моей опере. Все они находят эту партию очень благодарной и эффектной. Репетиции начнутся на будущей неделе, а постановка состоится в конце января или даже в начале февраля.

Модест читал свою комедию актрисе Савиной и возбудил в слушателях настоящий восторг. Теперь нужно будет представить ее в театральную цензуру и хлопотать о принятии на сцену. Ему, как и мне, предстоит много тяжелых минут в сношениях с театральным начальством. Я надеюсь в скором времени иметь возможность прислать Вам для прочтения эту пьесу.

Простите, дорогой друг, что до сих пор еще не исполнил своего обещания снять с себя портрет для Вас. Я просто не имел для этого ни здесь, ни в Москве ни одной свободной минуты.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай Вам бог благополучно доехать до Вашего милого Браилова!

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

316. Мекк—Чайковскому

Вена,
9 декабря 1880 г.

Только сейчас, т. е. 9 декабря, в Вене получила ваше письмо, несравненный, дорогой друг, писанное 27 ноября в Петербурге. Не понимаю, где оно пропадало, сюда мне переслали его из Флоренции. Я послала Вам в Москву два письма после Вашей телеграммы из Петербурга, надеюсь, что Вы их получили, милый друг мой!

Из Вашего письма я вижу, что я немножко поторопилась сказать свое мнение по части ухаживанья Анатолия Ильича, что я, как говорится, носом в чернильницу попала, mais bien entendu* ведь Вы меня не выдадите перед ним, тем более, что я совсем искренно скажу, что, конечно, брак есть такое дело, в котором никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Пусть себе с богом женится, все равно скверно будет.

Завтра мы уезжаем из Вены. Я устала ужасно, потому что все время вожусь с покупками, так как возвращаюсь к рождеству, к елке, а в Браилове достать ничего нельзя, зато я надеюсь там отдохнуть....

Не знаю, застанет ли еще мое письмо Вас в Москве, милый друг, потому и не буду распространяться.

Как меня печалят Ваши головные боли. В Москве уж это Бахус виноват в них больше всего. До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

317. Чайковский—Мекк

Москва,
9 декабря 1880 г.

Милый и дорогой друг! Я приехал сюда вчера и нашел здесь два письма Ваши, за которые премного благодарю Вас. Едва я

* но, конечно,

приехал, как мне принесли опять целую кипу корректур. Но прежде того я намерен сделать несколько переделок в партитуре «Орлеанской девы», на которые заставил меня согласиться Направник. Мне очень это тяжело, но я не могу не внять советам такого честного, правдивого, опытного и очень расположенного ко мне и к моей музыке человека, как Направник. Оба эти дни я просидел прикованный к столу, за работой. До чего устала моя бедная голова, об этом я не могу дать Вам и приблизительного понятия. Остаюсь я здесь до двадцать первого числа. На будущей неделе в понедельник играется мой Второй квартет, в четверг—экстренный концерт Муз[ыкального] общ[ества], на коем будет исполнена моя литургия, а в субботу восьмой концерт Муз[ыкального] общ[ества], в коем Ник[олай] Григ[орьевич] хочет еще раз исполнить мою Итальянскую фантазию, имевшую в последнюю субботу большой успех [1]. Все это меня интересует, да и дел своих я до того времени не успею докончить, так что выеду из Москвы двадцать первого числа и к самой елке приеду в Каменку.

Роман моего брата Анатолия кончается, кажется, неблагополучно. Девица Мазурина (про которую Вы имеете не совсем верные сведения: отец ее питал к ней нежнейшую любовь, но оставил ей всего двести тысяч оттого, что мать ее, в зависимости которой она находится, очень алчная женщина, и Мазурин боялся, что, получив большой капитал, она бросит детей и исчезнет) опасно больна, и говорят, что у ней чахотка. Если б не это обстоятельство, то, вероятно, дело кончилось бы согласно желаниям Анатолия, к которому она начинала сильно привязываться. Жаль, что эта бедная девушка, очень несчастная в своей домашней обстановке, должна будет теперь проводить ряд тяжелых дней в исключительном сообществе матери, про которую все отзываются как об ужасно дурной женщине. Однакож надежда на то, что чахотка в ней не разовьется, еще есть, и в таком случае весьма возможно, что она будет женой брата. Девушка она, судя по всему, что я слышал, замечательно симпатичная, умная и развитая.

Модест читал свою комедию актрисе Савиной и еще нескольким лицам в Петербурге, и все находят ее замечательным произведением. Распоряжение о переписке экземпляра для Вас уже сделано.

Об Алексее не имею никаких сведений. Он обещал написать мне, как только его положение несколько определится, но до сих пор тщетно жду письма от него.

Поздравляю Вас, дорогой друг, с возвращением в Ваш милый Браилов. Если б Вы знали, как я завидую Вам!

Будьте здоровы. Простите, ради бога, за безалаберное писание. У меня голова не на месте.

Безгранично любящий Вас

П. Чайковский.

318. Чайковский — Мекк

1880 г. декабря 14—17. Москва.

Москва,
14 декабря.

Чем долее я здесь остаюсь, милый друг мой, тем отдаленнее все уходит срок моего здешнего томительного пребывания. Вчера Бевиньяни убедительно просил меня быть в Москве в начале января, когда начнутся оркестровые репетиции «О н е г и н а». Так как этот милый итальянец прилагает к постановке моей оперы замечательное усердие и так как действительно мое присутствие во многих отношениях может быть полезно и нужно для успеха оперы, то я не решился отказать ему в его просьбе. Теперь спрашивается, стоит ли мне на такой короткий срок ехать в Каменку? Боюсь, что эта поездка не принесет мне того отдыха, в котором я так нуждаюсь. Мне нужна теперь будничная, а не праздничная обстановка Каменки. Впрочем, я еще не предпринял в этом отношении окончательного решения.

По просьбе Бевиньяни я был вчера на фортепианной репетиции «Онегина» и остался очень доволен. Первый акт солисты уже отлично разучили. Можно надеяться, что опера будет поставлена хорошо. Я радуюсь при мысли, что Вы услышите «Онегина»! Но, боже мой, до чего я устал и как бы я рад был очутиться где-нибудь подальше. Благодаря стечению различных обстоятельств и, главное, двум операм, разом ставящимся в Петербурге и Москве, я в эту минуту очень на виду; обо мне много говорят и пишут, и бог один знает, до чего это мне не по нутру. Но что делать? Любишь кататься, люби и саночки возить. Даже кое-где в газетах меня побранивают заранее. Вчера в одной из них я прочел обвинение меня в том, что я посвятил свою оперу Направнику, и намекают на то, что это с моей стороны неблаговидный способ заманивания на свою сторону Направника. При этом и Направнику (единственному безусловно честному человеку и артисту в петербургском театральном мире) сильно достается. Бранят меня также за то, что я не пускаю в продажу свою оперу.

Все это мало оскорбляет меня, но зато до крайности огорчает и тяготит. Внутренно даю себе клятву как можно решительнее впредь избегать Петербурга и Москвы.

Алеша мой, благодаря участию некоего генерала Клемма, командующего московскими войсками, которому мне случалось в прежнее время оказывать услуги в виде исправления сочиняемых им романсов, переведен в Москву и должен быть здесь если не сегодня, так завтра. Он будет зачислен в Екатеринославский гренадерский полк и потом прикомандирован к писарскому классу. Это для него большое облегчение, так как всего больше он боялся, что его уплют куда-нибудь далеко.

17 декабря.

Я был эти дни в большой тревоге по следующему случаю. Год тому назад я получил письмо от неизвестного мне молодого человека по фамилии Ткаченко, который обратился ко мне с очень странным предложением поступить ко мне в лакеи с тем только, чтобы я не отказался руководить хоть понемножку его музыкальным обучением. Письмо было написано так умно, оригинально и было полно такой беззаветной любви к музыке, что я отнесся к нему очень сочувственно. У нас завязалась переписка, из которой я узнал, что ему уже двадцать три года, а музыкальных сведений никаких. Тогда я откровенно написал ему, что время его уже прошло и что ввиду этого ему следует оставить манию свою к музыке. Месяцев девять я не имел о нем никаких сведений. Третьего дня получаю от него письмо. Он возвращает мне мои письма, дабы после смерти они не попали в чужие руки, прощается со мной и говорит, что решился на самоубийство, так как борьба с невзгодами жизни и безнадежность выйти когда-нибудь из положения человека, работающего только из-за куска хлеба, внушили ему отвращение к жизни. Письмо дышало такою искренностью, таким глубоким отчаянием, что я был очень потрясен. Из штемпеля на конверте я узнал, что письмо написано в Воронеже (прежде он жил в Полтаве), и я тотчас же решился телеграфически просить кого-нибудь из жителей Воронежа отыскать Ткаченко через полицию и сказать ему, если еще не поздно, чтобы ждал письма от меня. К счастью, у Анатолия нашелся хороший знакомый, некто Стопков, которому я немедленно телеграфировал. Вчера ночью я получил ответ, что Ткаченко найден вовремя. Он был в ужасном положении. Теперь я послал ему денег на дорогу и приглашаю его приехать в Москву к 10 января, т. е. к дню, когда я сам должен буду вернуться из Каменки. Что из всего этого выйдет, не знаю, но я счастлив, что удержал его от гибели. Судя по письмам, это молодой человек странный, сумасбродный, но умный и очень честный и хороший[1].

Бедный, бедный мой Алеша! Вчера я был у него в Покровских казармах. На меня эта душная, грязная казарма, убитый

и тоскующий вид Алеши, уже одетого по-солдатски, лишенного свободы и обязанного с раннего утра до вечера быть на ученье,— все это произвело тяжелое и удручающее впечатление!

До свиданья, дорогой друг! Дай Вам бог хорошо провести праздники. Будьте здоровы и покойны.

Ваш П. Чайковский.

319. Мекк—Чайковскому

Браилов,
19 декабря 1880 г.

Милый, бесценный друг! Едва, едва явилась свободная минута и возможность, по состоянию здоровья, написать Вам несколько строк. Вот уже неделя, что мы в Браилове, и я еще не только не почувствовала того удовольствия, которое он обыкновенно доставляет мне, но даже не пришла еще к ясному сознанию о том, где нахожусь. С первого же дня приезда моего в Браилов у меня от дурного способа отопления австрийских вагонов начала болеть голова, болела четыре дня день и ночь. В это же время я вышла на воздух, чтобы облегчить головную боль, и, как водится со мною всегда в России, простудилась и до сих пор не могу поправиться.

Вас очень удивит, милый друг мой, приложенная здесь тетрадь, но вот в чем дело. Не найдете ли Вы возможным бить от меня челом низко, низко Льву Васильевичу и попросить его, если у него будет время, в которое ему совсем нечего будет делать, пробежать этот отчет моего сахарного завода и сказать мне, нет ли в нем каких-нибудь к р а й н и х нелепостей. Я не сомневаюсь, конечно, что там не все безукоризненно, но мне не хочется, чтобы это выходило из границ. Если же Вы найдете, дорогой мой, что нельзя об этом беспокоить Льва Васильевича, то Вы, конечно, не сомневайтесь, что я ни малейшей претензии за это иметь не буду и вполне признаю. При этом я очень попрошу у Вас и у Льва Васильевича некоторой скромности относительно моего брайловского графа. Я не хочу обижать его, ни портить ему репутацию, тем более, что я все-таки больше довольна им, чем недовольна, и лишиться его никак не хочу, а хочу только проверять в том, чего я сама не понимаю.

Как Ваше здоровье, милый друг мой, Ваши силы? Несказанно меня радует, что Вашу музыку так хорошо умеют ценить и музыканты и общество. Очень бы мне было интересно слышать Вашу Литургию, да трудно иметь и надежду на это [1]. Я читала в «Московских ведомостях» рецензию одного из концертов М[узыкального] о[бщества], где исполнялась Ваша Итальянская фантазия, и мне было чрезвычайно приятно читать восторженный отзыв рецензента....

Я привезла еще много картин, и в эту минуту их развешивают и этим стуком очень мешают писать. До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Всегда, везде всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

320. Чайковский—Мекк

Киев,
23 декабря [1880 г.]

Милый, дорогой друг! Я остался на один день в Киеве, дабы продлить несколько одиночество, в коем в настоящую минуту

очень нуждаюсь. В пятницу вечером со мной совершенно неожиданно случился страшный нервный припадок, какого еще никогда не было. Это был исход и разрешение всех тех тайных терзаний, которые я претерпел в Москве и Петербурге. Всю субботу я почти сплошь проспал. В воскресенье выехал из Москвы и дорогой спал тоже очень много. Вследствие этого чувствую себя теперь освеженным, бодрым и совершенно здоровым.

Простите, ради бога, за то, что вследствие отвратительного состояния духа, в каком я находился в последние дни в Москве, я не исполнил данного Вам обещания снять с себя фотографию. Я сделаю это в январе в Москве или Петербурге. Комедию Модеста я тоже еще не мог выслать Вам. Бегичев потребовал у меня для представления в литературно-драматический комитет два экземпляра, и я должен был отдать ему экземпляр, приготовленный для Вас.

Не помню, писал ли я Вам на прошлой неделе о духовном концерте Р[усского] муз[ыкального]общ[ества], на коем исполнялась моя обедня. Концерт состоялся при большом стечении публики и с успехом. Исполнение было отличное. А накануне отъезда я слышал очень хорошо исполненную Итальянскую фантазию мою.

Представьте, дорогой друг мой, что я ехал от Москвы до Киева не только в одном поезде, но даже в одном вагоне с Вашими милыми и симпатичными мальчиками! Мне было это чрезвычайно приятно!

Сегодня вечером еду в Каменку, к сожалению очень не надолго. 5 января я уже должен быть в Москве, на первой оркестровой репетиции «Онегина». Ах, боже мой, как я хотел бы теперь уехать за границу, в Италию! Волосы становятся дыбом, когда вспомню, что̀ еще мне придется испытать в Москве и Петербурге!

Желаю Вам приятно встретить и проводить праздники. Юлье Карловне и всем Вашим желаю по этому случаю всякого благополучия.

Будьте здоровы и счастливы!

Ваш П. Чайковский.

321. Мекк—Чайковскому

Браилов,
27 декабря 1880 г.

Милый, бесценный друг! Поздравляю Вас с наступившим праздником и от̀ души желаю здоровья, спокойствия и удовлетворения всех Ваших душевных потребностей. Вчера я получила Ваше дорогое письмо из Каменки* и потому теперь могу с уверенностью адресовать туда. Мой Саша мне

* Из Киева. *Ред.*

говорил, что, кажется, Вы ехали на одном поезде с ними, что ему казалось, что он видел В а с, хотя, говорит, из-за шубы он видел только один глаза, но что слышал также, что одна дама говорила кому-то, что Вы едете в поезде.

Как меня беспокоит Ваше нездоровье, мой милый друг, и эти непрестанные волнения, от которых Вы так долго не можете отдохнуть. Дай бог, чтобы Ваши силы выдержали эти испытания до той вожделенной минуты, когда Вам можно будет улететь в благословенную Италию, где ни земля, ни реки не замерзают, где трава всегда зеленая, где счастливые люди не обязаны таскать на плечах пудовую тяжесть шубы, — счастливая страна!

Какое на меня грустное и тяжелое впечатление производит настоящее положение Вашего бедного Алеши. Ему, скорее товарищу, чем слуге такого барина, как Вы, развитому и понимающему неизмеримо больше той среды, в которой он теперь находится, так много и так полезно видевшему, наконец, избалованному даже материальным комфортом, настоящая его обстановка должна быть невыносима, потому что ведь это на несколько лет. Ужасно жаль мне его, просто у меня слезы выступают, когда я углубляюсь мыслью в его положение.

Что же касается другого юноши, которому Вы спасли жизнь, мой милый друг, то при всем умилении, какое я чувствую, думая о Вашем поступке, я тем не менее очень боюсь, чтобы Вам не досталась тяжелая обуза в лице этого молодого человека. Очевидно, это натура экзальтированная, нервная, а с такими субъектами бывает ужасно трудно няньчиться. Простите, дорогой мой, что я как будто хочу охладить Ваше беззаветно доброе и сострадательное отношение к каждому страждущему, но Вы мне ближе, чем этот юноша, и я боюсь за Вас. Спасти его от смерти и дать ему средства к жизни очень хорошо, но брать на свое попечение опасно.

Я читала об исполнении Вашей Литургии, милый друг мой, и о восторге публики, радовалась этому безгранично и сожалела несказанно, что не могла присутствовать при этих овациях Вам, так дорогому мне человеку. Что делать, человек—игрушка обстоятельств. Два года назад я бы никому не поверила, кто бы сказал мне, что я буду з и м о ю жить в Браилове, а вот пришлось.

Скажите, Петр Ильич, кто будет петь Татьяну в «Онегине» и вообще какой весь персонал?

Скажу Вам мою радость, мой милый друг: у меня к празднику, кроме моих мальчиков, приехал мой Володя с женою и с дорогим моим Воличкою. Володя всегда своею необыкновенною добротою и лаской вознаграждает меня за те неприятности, которых я имею так много в своем же семействе, и теперь я отдыхаю и душою и сердцем с этим нежным, почтительным сыном. Пошли ему бог все радости на земле и награди его за меня! Маленький Воличка—это продолжение своего отца, такое же горячее, любящее сердце, та же деликатность чувства, но он пугает меня очень своим необыкновенным умом и развитием.... Но надо кончить, а то у меня это предмет эластичный.

До свидания, мой милый, дорогой друг. Прошу Вас поздравить от меня с праздником уважаемых мною Льва Васильевича и Александру Ильиничну и пожелать им всего самого лучшего. Юля и все мои также поздравляют Вас с праздником и искренно желают всего хорошего. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Влад[ислав] Альб[ертович] просил меня передать Вам его поздравление с праздником и глубочайшее почтение. Он очень много теперь занимается музыкою и живописью, все время делит пополам и делает большие успехи в обоих искусствах.

322. Чайковский—Мекк

Каменка,
28 декабря [1880 г.]

Милый, добрый друг! Только что получил сейчас Ваше заказное письмо со вложением отчета Брайловского завода. Позвольте по поводу этого напомнить Вам, друг мой, что когда я нахожусь в Каменке, всякие заказные письма следует адресовать так: Киевской губернии, местечко Смела (станция Бобринская, Фаст[овской] жел. дор.), оттуда в Каменку. При несоблюдении этого условия письма, за неимением почтовой конторы в Каменке, попадают в местечко Александровку, с которым у нас нет постоянных почтовых сношений. Отчет я сейчас же отнес к зятю, и он, само собой разумеется, с величайшим удовольствием взялся прочесть его и высказать свое откровенное мнение.

Я нахожусь здесь уже пятый день. На душе у меня легче и отраднее. Все перенесенное мной в наших столицах представляется мне тяжким сновидением. Меня находят очень похудевшим и состарившимся. Но будет достаточно несколько дней покойной жизни, чтобы оправиться, и уже теперь я чувствую себя гораздо лучше.

Как мне грустно было читать, что возвращение в отечество не принесло Вам на этот раз никакой радости и что Вы нездоровы. Надеюсь, что свидание с Вашими милыми мальчиками имело на Вас благотворное влияние.

У нас здесь не совсем благополучно—много больных. Лев Васильевич уже несколько недель страдает ревматизмом, племянница Таня невралгическими головными болями, Вера простудными болями головы, да и сестра не совсем здорова. Впрочем, во всем этом ничего серьезного, слава богу, нет! Дело по сватовству кн. Трубецкого за Таней подвинулось немножко вперед. Родители его вошли в переписку с родителями Тани и выражают живейшее желание, чтобы она вошла в их семейство. Вообще оказывается, что это очень милые и любящие своего сына люди, но, увы, в пух и прах разоренные и не имеющие никакой возможности обеспечить сына. Они надеются, что через два года обстоятельства поправятся, а пока хлопочут об устройстве для сына хорошего служебного положения. Во всяком случае осуществление желаний наших молодых людей еще далеко. В настоящее время соединить их узами брака невозможно главнейшим образом потому, что Таня из таких девушек, которые, будучи очень хорошими, лишены однакож способности довольствоваться одним сердечным счастьем и ради него переносить

лишения. А последнее было бы при настоящем положении вещей неизбежным.

Я получаю здесь от Алеши невеселые письма, и это обстоятельство значительно отравляет удовольствие, испытываемое мною в моем здешнем тепленьком уголке. Кроме трудностей и лишений, сопряженных с его новым положением, судьба натолкнула его на сурового и несправедливого непосредственного начальника. Ф е л ь д ф е б е л ь роты, в которой он находится, оказывается притеснителем. Не взлюбил он за что-то моего бедного юношу и всячески обижает его. Но я надеюсь, что скоро этому будет положен предел. Полковой командир оказывается, к счастью, любителем моей музыки, и я имею сведения, что он выразил желание оказать Алеше свое покровительство. Не знаю, в какой форме проявится эта протекция, но известие это очень ободрило меня.

И здесь я не вполне свободен от дела. Пришлось привезти с собой кое-какие корректуры.

По поводу предстоящего Нового года призываю на Вас всякие благополучия. Будьте счастливы, милый и бесконечно дорогой друг. Поздравляю и всех Ваших с этим праздником.

Ваш П. Чайковский.

323. Чайковский—Мекк

1880 г. декабря 30—1881 г. января 5. Каменка.

Каменка.
30 декабря 1880 г.

Милый, дорогой друг! Невеселые праздники провожу я. У нас половина дома больная, а Юрий в эту ночь так напугал нас, что никто и спать не ложился. Совершенно неожиданно у него сделался круп; это уже второй раз в этом году. Вовремя были приняты меры, и, кажется, сегодня он вне опасности. Зять страдает ревматизмом и вот две недели не выходит из комнаты. Таню преследуют головные боли. Вера простудилась. Целый лазарет больных, и среди них я с здоровым телом, но с больной душой. И все-таки я рад, что нахожусь здесь. Мне грустно и тяжело без Алеши, мне горько видеть, как истомлена бедная сестра вечными заботами и тревогами, но мне отрадно быть среди этих милых сердцу людей; я здесь д о м а, а мне в настоящую минуту это-то и нужно.

Возвращаюсь к Алеше. Я получаю от него очень невеселые письма, и это удваивает мое сокрушение по нем. Бедный мальчик! нелегко ему достается служба на пользу государства.

И ведь это на много еще лет! Мне кажется, что я никогда не привыкну к его отсутствию; ежеминутно мне приходится вспоминать его и чувствовать, какого необходимого друга я потерял в нем. Он так хорошо знал все мои привычки, он так умел в каждый момент моей жизни быть мне нужным и полезным, что никакой другой хотя бы самый усердный слуга не может мне заменить его. А между тем у меня теперь такой хаос в моем маленьком хозяйстве, что я недоумеваю, как суметь обойтись без слуги. При Алеше я знал, что каждая нужная мне бумажка, каждый предмет, в котором во время занятий встретится надобность, систематически расположены каждый в своем месте. Будучи страшно рассеян и вечно погружен в свои музыкальные комбинации, я нуждаюсь, чтобы около меня был кто-нибудь пекущийся обо мне и обо всем моем достоянии. Теперь я совершенно потерялся. Из увезенного мной из Каменки платья и белья полтора месяца тому назад теперь оказывается только половина. Куда девалось все остальное, не знаю и не понимаю. Приходится сделать над собой усилие и обратить на все это внимание, но, к сожалению, мне легче написать сорок симфоний, чем соблюсти порядок в моем крошечном достоянии.

Я получил вчера письмо от г. Ткаченко, того самого неизвестного мне лично молодого человека, в жизнь которого так странно и неожиданно мне роковым образом пришлось вмешаться. Письмо мне очень не понравилось и внушает мне опасение за будущее. Признаться сказать, я ожидал, что он мне скажет спасибо за руку помощи, которую я ему подал. Нисколько. Он поспешает меня уверить, что напрасно я берусь уверить его в существовании добродетели (хотя я и не думал ни о чем подобном говорить), что мне не удастся доказать ему, что стоит жить на свете, что в деньгах, которые я ему послал, он не нуждается и обойдется без них, но, впрочем, обещает десятого числа приехать в Москву и выслушать меня. Странно и непонятно все это! Казалось, что юноша гибнет от того, что ни в ком не встретил опоры и сочувствия. Является человек, который предлагает ему то и другое, но в ответ получает пошлые фразы о том, что добродетель в людях иссякла, и как будто из милости соглашается принять искренно протянутую руку помощи. Если г. Ткаченко окажется пустым сумасбродом, мне будет очень досадно на себя. Но что было делать? Как было не попытаться спасти человека от гибели?

Вы просите, друг мой, сказать Вам, как распределены роли в «Онегине». Вот оно: Татьяна—г-жа Верни, Ольга—г-жа Крутикова, Ларина—г-жа Юневич, няня—г-жа

Винчи; Онегин — г-н Хохлов, Ленский — г-н Усатов, князь Гремин — Абрамов, Трике — г-н Барцал, а затем маленькие роли поручены неизвестным мне второстепенным артистам.

Мне чрезвычайно отрадно было читать в Вашем письме то, что Вы пишете о Владимире Карловиче и маленьком Воличке. Все те, кто украшает и услаждает Вашу жизнь, близки и дороги моему сердцу.

Дай Вам бог всякого счастья и побольше всяких радостей и удач в наступающем году.

2 января 1881 г.

Я собрался ехать сегодня, дабы к четвертому числу вечером уже быть в Москве, но ночью поднялась такая мятель, снегу навалило так много, что мне страшно выехать; боюсь, как бы не случилось задержки в дороге. Не дай бог просидеть где-нибудь несколько дней на станции, как это бывает в России зимой. Может быть, решусь еще подождать и пропустить первые репетиции «Онегина».

Наш лазарет здешний увеличивается жертвами всяких болезней. Юрию лучше, он вне всякой опасности, но заболел Володя, Тане хуже, Л[ев] Вас[ильевич] страдает ревматизмом больше чем когда-либо, Вера слегла, сестра вчера вследствие забот и утомления слегла тоже, страдая мигренью, ну, словом, чуть не весь дом болен. Да и я опять начинаю страдать все той же невралгической головной болью, от которой претерпел так много в ноябре. Боюсь, как бы это не повторилось, как тогда.

Милый друг! Я просил Льва Вас[ильевича] письменно изложить его мнение о присланном Вами отчете и вложу его в настоящее письмо вместе с портретами семейства сестры, которые Вы желали иметь в Браилове.

Получил вчера письмо от Алеши. Страшно тоскует и жалуется на испытываемые им страдания от общества пьяных по случаю праздников товарищей. Повидимому вся казарма обратилась на время в кабак и в грязный вертеп всевозможных безобразий.

5 января.

Только сегодня я уезжаю. Получил депешу, в которой меня уведомляют, что репетиции «Онегина» состоятся восьмого, девятого, генеральная десятого, а представление одиннадцатого.

К величайшему моему сожалению, я не могу сегодня выслать Вам полной коллекции портретов семейства сестры. Впоследствии я дополню ее.

Больные наши понемножку поправляются, но очень туго. Бедная Таня должна лежать в постели, в ожидании, что безусловный покой утишит ее головные боли.

Вероятно и у Вас выпала масса снегу; здесь его так много, что я все последние дни должен был довольствоваться самыми маленькими прогулками около дома. Сегодня мятет, и я почти уверен, что дорогой будут задержки.

Здоровы ли Вы? Хорошо ли переносите резкий переход от благословенной Италии к нашей зиме? Опасаюсь, что вьюги и снега надолго Вас задержат безвыходно в доме.

Будьте здоровы, милый, дорогой, неоцененный друг! Адрес мой покамест: Москва, Консерватория, или Москва, Неглинный проезд, 10, Юргенсону.

П. Чайковский.

Всем Вашим шлю сердечные приветы. Сестра и зять поручают благодарить за память о них.

Как мне жаль, что Вы не будете слышать ни «Онегина», ни «Девы»!!!

1881 год

324. Чайковский—Мекк

Москва,
12 января 1881 г.

Вчера состоялось первое представление «О н е г и н а» [1]. Я выдержал сильный напор самых разнообразных эмоций как на всех предшествовавших репетициях, так и в этот вечер. Сначала публика отнеслась к опере очень холодно, но чем дальше, тем более возрастал успех, и кончилось все более чем благополучно. Разумеется, успех оперы сказывается не в первый вечер, а впоследствии, когда определится, насколько она имеет притягательной силы. Но, как бы то ни было, я имею полнейшее основание быть вполне довольным знаками одобрения, которыми был приветствован вчера. Исполнением и постановкой оперы я весьма доволен. Особенно же хороши были: О н е г и н (Хохлов) и В е р н и (Татьяна). Бевиньяни вел оперу очень ловко, и ему я более всех обязан ее вчерашним успехом.

Т к а ч е н к о (молодой человек, собиравшийся лишить себя жизни) приехал. Я его видел и познакомился с ним. Вот впечатление, которое я вынес из свидания и беседы с ним. В общем он симпатичен. Страдания его происходили от несоответствия его стремлений и порывов с суровой действительностью. Он умен, развит, а между тем, ради куска хлеба приходилось служить кондуктором при железной дороге. Ему страстно хочется отдаться музыке. Он очень первен, робок, болезненно застенчив и вообще это нравственно больной и надломленный юноша. Бедность, одиночество и обстоятельства жизни развили в нем мизантропию и ипохондрическое состояние духа. Суждения его немножко странны, но, повторяю, он очень неглуп. Мне его до крайности жалко, и я решился взять его на свое попечение. Теперь я решил на это полугодие отдать его в консервато-

рию, а затем увижу, нужно ли будет удержать его в ней или обратить к другой деятельности. Дурное впечатление, навеянное мне письмом его, полученным мною в Каменке, совершенно изглажено. Для меня теперь ясно, что это честная, искренняя и благородная душа, но больная. Излечить его и сделать из него полезного и примиренного с жизнью человека будет мне не тяжело, так как он внушает мне искреннюю симпатию.

Видел много раз своего бедного А л е ш у. Он уже облекся в мундир и начинает понемножку привыкать к тяжелому своему положению. Вчера его пустили ко мне на несколько часов, и бедный мальчик был невыразимо счастлив, что мог провести со мной значительную часть дня. Полковой командир нашел его очень симпатичным и заявил свое непременное желание оказывать ему свое покровительство.

Анатолий все продолжает увлекаться известною Вам девицей, но до сих пор еще решительно нельзя разобрать, кончится ли все это браком или нет. Модест здесь; он приехал, чтобы услышать «Онегина», и завтра уезжает. Ник. Гр. Рубинш[тейн] был весьма серьезно болен. Теперь ему лучше, и он уже появляется в консерватории, но мне кажется, что у него начало какой-нибудь органической и сложной болезни, которую ему следует лечить энергическим образом. Он очень худ, бледен и слаб. Я остаюсь здесь еще две недели. «Орлеанская дева» пойдет не ранее 10 февраля.

Будьте здоровы, дорогая моя! Простите необстоятельность этого письма. Я очень устал.

Ваш П. Чайковский.

325. Чайковский—Мекк

1881 г. января 19—21. Москва.

Москва.
19 января 1881 г.

Дорогой, милый друг! Я до того дошел, что даже Вам сажусь писать неохотно, ибо как только берусь за перо, чтобы беседовать с Вами, как тотчас же является неимоверное желание изливать массу накопившейся в душе моей тоски и горечи. Вас удивляет, что человек, пользующийся успехом в своем деле, находит нужным жаловаться на судьбу? Но, во-первых, мой успех совсем не так серьезен, как, может быть, кажется, а во-вторых, успех не вознаграждает меня за те невыносимые страдания, которые я испытываю, сталкиваясь с людским обществом, будучи принужден постоянно парадировать на показ перед ним, будучи лишен возможности жить так, как я хочу

и как привык, не имея времени ни читать, ни писать и вечно, как мячик, бессмысленно толкаясь в круговороте с т о л и ч н о й жизни. А ведь мне предстоит еще целый месяц такой жизни! С ужасом помышляю об этом и недоумеваю, откуда наберутся силы все это выдержать.

«Е в г е н и й О н е г и н» не двигается с места. Примадонна серьезно заболела, и давать оперу еще долго не будут. П р е с с а отнеслась к опере очень странно. Гораздо больше бранят, чем хвалят. Это бы ничего, но грустно то, что и те, которые хвалят, говорят, в сущности, обидные вещи. Одна газета сказала, что лучшая вещь в опере—к у п л е т ы Т р и к е и что партия Татьяны бледна и суха. Другая находит, что у меня нет вдохновения, но зато много учености и т. д. Петербургские газеты хором бранят меня самым площадным образом за И т а л ь я н с к о е к а п р и ч ч и о, говоря, что это—непозволительная пошлость, а г. К ю и предсказывает, что и «О р л е а н с к а я д е в а» окажется сплошною банальностью [1]. Меня поражает тот непостижимый факт, что большинство органов печати, служащих отражением общественного мнения, как-то раздражительно и недоброжелательно относятся ко мне. Отчего это происходит? Чем я заслужил это?

Впрочем, самое тяжелое в этом не то, что меня ругают так единодушно, а то, что мной занимаются, на меня указывают пальцем и что в эту минуту я вообще на виду.

Но довольно об этом.

А л е ш у вяку часто. Ради обеспечения за ним протекции высшего начальства я познакомился с полковым командиром и, согласно желанию его супруги, бываю там и целые вечера принужден аккомпанировать ее пению и вести салонные разговоры. Это с моей стороны тяжелая жертва. Но зато вчера, благодаря протекции, его отпустили ко мне на весь почти день. Прощаясь со мной, бедный мальчик не выдержал и залился слезами. Это была для меня тяжелая минута. Он немножко привыкает к новому положению и обстановке, но ужасно то, что он отлучен от меня на целые четыре года! Ведь это целая вечность!

Вы спрашиваете, друг мой, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы освободить его? Я много об этом думал и со многими советовался. Н е л ь з я, н и ч е г о н е л ь з я! Если он смертельно заболеет, например, получит чахотку, то его отпустят. Но не могу же я желать этого!

21 января.

Третьего дня я жаловался Вам на недоброжелательность печати ко мне, а вчера была в «Моск[овских] вед[омостях]» тепло,

хотя и не с большим пониманием написанная статейка. Это все-таки меня утешило.

Из Каменки имею все только невеселые известия. Весь дом болен, и у Тани не перестает болеть голова.

Я стал неимоверно раздражителен. Начинаю помышлять о том, не уехать ли мне, миновав Петербург. Во всяком случае долее двадцать шестого здесь не останусь.

Здоровы ли Вы, друг мой? Дай Вам бог всякого благополучия!!!

Ваш П. Чайковский.

326. Чайковский—Мекк

Москва.
22 января 1881 г.

Милый, дорогой друг! Я получил сегодня письмо Ваше [1]. Вы не можете себе и приблизительного понятия составить о том, какая для меня м а н и а н е б е с н а я все Ваши бесконечно теплые выражения дружеского участия! Нечего греха таить! Давно я не был в таком убийственном состоянии духа, как в эту минуту. Если б можно было, я бы с ничем не сравнимою радостью, забыв интересы моих сочинений, тотчас же уехал бы куда-нибудь как можно дальше. Увы! э т о н е в о з м о ж н о, и не только потому, что я должен выдержать характер, но и по другим причинам. Брат Анатолий нуждается в моем присутствии здесь, и я должен принести для него маленькую жертву. Дело в том, что его отношения к M-elle Мазуриной, вероятно, по собственной его вине, представляют нечто до того сумбурное и странное, что я окончательно ничего не понимаю. Но он очень расстроен, дорожит моим присутствием, хочет вместе со мной поехать в Петербург и, одним словом, был бы несчастлив, если б я сейчас же уехал. Итак, мне предстоит выдержать еще много тяжелых минут. Уезжаю отсюда 25 февраля в Петербург.

Попрошу Вас, друг мой, послать мне бюджетную сумму по следующему адресу: С.-П е т е р б у р г, Б о л ь ш а я М о р с к а я, н а у г л у Н е в с к о г о п р о с п е к т а, в м у з ы к а л ь н ы й м а г а з и н. О с и п у И в а н о в и ч у Ю р г е н с о н у. Я принужден дать Вам этот адрес, а не мой собственный, так как, будучи в зависимости от Анатолия, я еще не знаю, где придется там остановиться. Но будьте уверены, милый друг, что петербургский Юргенсон ничего не знает и не будет знать про мои отношения к Вам.

Если это не затруднит Вас, то я бы попросил прислать мне

разом февральскую и апрельскую бюджетную сумму. Простите мне мою безалаберность, но я признаюсь Вам, что сильно нуждаюсь в деньгах, и поэтому решаюсь просить Вас прислать мне такую большую сумму разом. Зато летом опять буду поневоле бережлив и экономен, ибо в Каменке некуда девать деньги.

Я сейчас же напишу Льву Васильевичу насчет места директора завода и ради скорости попрошу его ответить Вам непосредственно. Более подробно буду писать Вам завтра!

Спасибо Вам, дорогая моя, за все, за все. Господи! что бы я был за несчастный человек, если б Вы не оказывали мне и нравственную и материальную поддержку!

Ваш бесконечно благодарный
П. Чайковский.

327. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
26 января 1881 г.
Понедельник.

Дорогой, милый, единственный друг! Хотел написать Вам перед отъездом из Москвы, но накануне отъезда был не совсем здоров, а на следующий день, получивши телеграмму, приглашавшую меня приехать поскорее, засуетился и едва успел попасть на железную дорогу.

Путешествие, как и всегда, имело на меня благотворное влияние. Я все время проспал и приехал сюда в очень бодром состоянии души и тела. Сегодня еще никуда не показывался; ходил только смотреть картину Куинджи, о которой теперь много говорят и пишут. Действительно, это поразительно искусное произведение в сфере пейзажной живописи; безусловно верное воспроизведение природы итти дальше не может![1]

Дела Модеста идут хорошо. Сначала п ь е с у его театрально-литературный комитет не пропустил, и бедный мой брат был очень огорчен этой неудачей, но актриса С а в и н а так энергически хлопотала о пропуске пьесы, что теперь дело слажено. Пьеса его пойдет в бенефис С а в и н о й около 10 февраля, т. е. почти в одно время с первым представлением моей оперы.

Что касается последней, то завтра начинаются оркестровые репетиции, и я получил уже от Направника приглашение явиться завтра в двенадцать часов. Это меня приятно волнует, но, увы, нет никакого сомнения, что удовольствие слышать в первый раз реальное воспроизведение задуманной мной музыки будет отравлено театральными дрязгами!

Из Каменки имею нехорошие известия. Племянница Таня продолжает быть опасно больна. Между тем, дело о замужестве ее сделало шаг вперед. Кн. Трубецкой вышел в отставку и по протекции тетки, княгини Воронцовой, получил хорошее место. Таким образом, материальные препятствия устранены, но, увы! здоровье ее так плохо, что теперь еще о свадьбе думать нечего! Лев Васильевич тоже все хворает. Я написал ему касательно рекомендации директора завода и просил по собрании нужных сведений отвечать Вам непосредственно.

Меня в высшей степени заинтересовала история Вашего француза! Какая странная судьба этого человека!

Как мне горько думать, что Вы не услышите в этом году ни «Онегина» ни «Девы»!!!

Потрудитесь, друг мой, передать мое нижайшее почтение Юлье Карловне и всем остальным членам Вашего семейства, а также кланяйтесь от меня, прошу Вас, Влад[ославу] Альбертовичу!

Беспредельно любящий Вас
П. Чайковский.

А бедный мой Алеша очень плакал, прощаясь со мной!!! В следующем письме расскажу Вам кое-что про Ткаченко.

328. Чайковский—Мекк

С.-Петерург,
27 января 1881 г.

1881 г. января 27—февраля 1. Петербург.

Расскажу Вам, дорогой друг, кое-что про Ткаченко. Престранный человек! Я устроил его во всех отношениях очень хорошо, и, нужно отдать ему справедливость, он принялся за занятия с большим усердием. Накануне отъезда он явился ко мне и предварил, что ему нужно говорить со мной серьезно. Я принялся слушать и, по мере того, как он развивал свои мысли, я все более и более убеждался, что это натура больная нравственно и умственно. Сущность его речей следующая. Ему пришла в голову мысль, что я оказал ему содействие и помощь не для его блага, а для того, чтобы заслужить репутацию благотворителя. Он сравнил меня с дамами, занимающимися благотворительностью ради моды и чтобы о них много говорили. При этом он объявил, что не желает быть жертвой моей слабости к популярничанию, что решительно отказы-

вается считать меня своим благодетелем, и предварил, чтобы я не рассчитывал с его стороны на благодарность. Говорил он очень много и пространно все на ту же тему, что не намерен быть жертвой.

Я отвечал ему очень холодно, что предлагаю ему учиться, как он того хотел, как можно усерднее и вовсе не думать о том, зачем и как я взялся помочь ему в этом деле. Что касается его подозрений, то сказал ему, что мне совершенно все равно, чем он объясняет мои поступки и что разуверять его я не имею ни времени, ни охоты; что же касается того, что он не считает себя обязанным быть мне благодарным, то даю ему полную свободу и в этом отношении. Затем сказал ему, что уезжаю, что видеться с ним не буду, и просил его вообще обо мне не думать, а думать лишь единственно о своем учении. Наблюдение за ним я поручил инспектору Альбрехту.

Не правда ли, странная личность? Что он честен, не глуп и, главное, искренен, в этом нет сомнения. Но что это больной человек и, может быть, очень близкий к полному сумасшествию, это для меня тоже ясно! А каково его подозрение, что я хлопочу об репутации благотворителя!

Слышали ли Вы, дорогой друг, о болезни Ник[олая] Григорьевича? Он серьезно болен, хотя через силу и продолжает исправлять все свои обязанности. Он лечится, но доктора требуют, чтобы он на время предался отдыху и куда-нибудь уехал, а он отказывается, ибо считает себя совершенно неспособным жить без своей обычной суеты. Я много его уговаривал уехать и отдохнуть, но убедился, что это тщетно. Дело в том, что Ник[олай] Григ[орьевич] совершенная противоположность нас с Вами. Насколько мы любим удаляться и прятаться, настолько ему необходимо быть вечно среди людей и шума. Читать он не любит, прогулка для него—тоска, заниматься музыкой для собственного удовольствия он тоже не может. Что же, в самом деле, кроме тоски, может принести такому человеку отдых и покой?

Доктора не согласны в определении его болезни. Боткин находит у него расстроенную печень, а московские доктора—почки. Кто из них прав, неизвестно, но Ник[олай] Григ[орьевич] худ, бледен, слаб до того, что жаль и тяжело смотреть на него.

1 февраля.

Вот уже почти неделя, что я здесь, мой милый, дорогой друг! Начиная с вторника, я ежедневно бывал на репетициях оперы. Нужно отдать справедливость Направнику, музыка моя разучена превосходно, и я могу быть уверенным, что в этом

отношении будет сделано все, что можно. Зато постановка нищенская. Дирекция театров, истратившая теперь десятки тысяч на постановку нового балета[1], отказалась дать хотя бы одну копейку для новой оперы. Все декорации и костюмы приказано набрать из старья. Что прикажете делать? Остается надеяться, что хорошее исполнение музыки вывезет оперу. Что меня очень радует, так это то, что все артисты, исполняющие оперу, полюбили ее и делают свое дело не только по долгу, но с любовью и искренним усердием. Теперь успех оперы будет также зависеть от следующего обстоятельства. Роль Иоанны поручена двум исполнительницам: г-жам Каменской и Макаровой. Первая из них и по голосу, и по фигуре, и по игре гораздо ближе к моему идеалу, чем Макарова, у которой есть талант, но нет голоса, и силы которой не соответствуют требованиям партии. Я, Направник и режиссер хотим, чтобы в первое представление пела Каменская, начальство же, т. е. некто г. Лукашевич, по личным своим отношениям хочет, чтобы пела Макарова. Этот господин вообще есть величайшее бедствие для театрального дела! Эта бездушная, ограниченная и даже подлая личность заправляет без всякого контроля всеми императорскими театрами и, ни мало не заботясь о преследовании серьезных художественных целей, распоряжается в театре, как китайский богдыхан или шах персидский, повинуясь только своим сумасшедшим капризам или поползновениям подслужиться тому или другому важному и сановному лицу. Чем кончится наше несогласие, не трудно предвидеть. Желание г. Лукашевича будет исполнено, ибо, к сожалению, раз отдавши свою оперу дирекции, я не имею никакого законного права предъявлять к ней какие бы то ни было требования. Ах, господи, как это гадко, и как я рад буду убежать из этого мира дрязг, мелочных придирок и чиновнической тупости!

Комедия Модеста благодаря энергии актрисы Савиной, имеющей большую протекцию, идет в пятницу 6 февраля. Как странно устроила судьба, что оба наши произведения пойдут на сцене в одно и то же время!

Ради бога, простите, дорогая моя, что до сих пор обстоятельства мешали мне послать Вам комедию брата! Я надеюсь исполнить это в скором времени.

Вчера шла в концерте Муз[ыкального] общ[ества] моя Вторая симфония. Я не был. Говорят, что она понравилась[2].

До свиданья. Беспредельно преданный

П. Чайковский.

329. Мекк—Чайковскому

Браилов,
7 февраля 1881 г.

Несравненный друг мой! Тысячу раз благодарю Вас за Ваши милые, дорогие письма, которых я получила из Петербурга два, и две тысячи раз прошу простить мне, что сама давно не писала Вам, но у меня здесь столько деловой, насильной переписки, что не остается ни времени, ни возможности для писем по собственному желанию.

Вчера я получила письмо от Коли, в котором он пишет, что они были в последнем симфоническом собрании, где исполняли Вашу Вторую симфонию, милый друг мой, и говорит, что публика настойчиво вызывала Вас, пока кто-то вышел и объявил, что Вы не находитесь в собрании. Тогда вызвали Направника. От себя Коля говорит, что ему в этой симфонии особенно понравилось Andantino marziale, Scherzo и Finale, а говорит, что все другие пьесы в этом собрании были нехороши, что только Стравинский пел хорошо, но и то не хорошие вещи. Я думаю, что это при Второй симфонии ему все другое показалось нехорошо. А я нашла в нем большие успехи в пении. Он только этою осенью начал брать уроки и на рождестве уже очень мило пел некоторые романсы и даже несколько разученных самим одним, без учителя. У него очень недурной баритон и слух отличный. Уроки ему [дает] какой-то ученик консерватории с последнего курса, имени его не помню. Я теперь очень мало занимаюсь музыкою, во-первых, потому, что некогда, а во-вторых, потому, что партнер мой (Данильченко) так плох, как пианист, что играть не аппетитно. На-днях однако играли *нашу* симфонию и часто ли, редко ли я ее слышу, восторг мой не имеет границ. Не вышли ли в четыре руки Ваши Итальянская фантазия и Струнная серенада? Как мне хочется с ними познакомиться.

Пьеса Модеста Ильича теперь уже прошла. Как ее приняли? Как он доволен сам? Как возмутительно слушать все то, что выделывают у нас театральные дирекции. Это хуже, чем в какой-нибудь Турции, потому что и там теперь *произвол* не допускается, так что не *Турцию*, а Россию надо отмежевать в Азию. Бедное наше отечество!...

Просто житья нет в нашей бедной России,—счастлив тот, кто может убежать куда-нибудь подальше от нее. Как я понимаю и Вашу жажду, мой бедный друг; дай Вам бог скорее осуществить ее. Насчет Вашего protégé Ткаченко, простите меня, милый друг мой, скажу Вам, что он мне *очень, очень* не нравится и что я бы ему дала *совсем другой ответ*. Ваш слишком возвышен, слишком великодушен для такой дрянной натуры, а я бы ему дала ответ *самый логичный*: он не хочет *быть жертвой*, я не считала бы себя вправе навязывать ему такое положение и предоставила бы ему *самому заботиться о себе*. Это, во-первых, человек *без сердца*, потому что, если бы оно у него было, он бы не мог, если бы даже и хотел, *не быть благодарным*. Во-вторых, человек, должно быть, без всякого образования и нравственных понятий, а начитавшийся всяких книжек и наслушавшийся учения нигилистов. Самолюбие и желание отличаться непомерные, вот он и кувыркается, чтобы обратить на себя внимание и удивлять, по его мнению, *отсталые понятия*. Такие натуры, на мой вкус, отвратительны, они гроша не стоят,. и их, *как дурную траву*, следует вырывать из полей. Извините, милый друг, за немножко горячую выходку, но это предмет, к которому я неравнодушна, а кто из нас вернее понимает этого субъекта, покажет время.

Очень мне жаль бедного Ник[олая] Григорьевича. Но, конечно, где ж ему выжить без людей, пусть судьба делает для него, что может, а о ч е н ь было бы жаль потерять его.

У нас второй день опять холодно, девять и десять градусов мороза. Посылаю Вам, милый друг мой, группу моих четырех молодцов, которую они сделали в прошлом месяце. Макс держит фуражку в руках, чтобы показать, что она правоведская.... До свидания, милый, дорогой мой. С нетерпением жду известий о представлении «Орлеанской девы». Всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

330. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
7 февраля 1881 г.

Милый и дорогой друг! Я получил сегодня бюджетную сумму по июнь и приношу Вам за нее глубочайшую благодарность.

Наступает последняя неделя моего пребывания здесь. Опера отложена до пятницы 13 февраля. На другой день я, без всякого сомнения, уезжаю. План моего путешествия следующий: я хочу ехать на Вену и Венецию в Рим, куда и прошу Вас, дорогая моя, адресовать Ваши письма (в H ô t e l C o s t a n z i).

Грустно мне читать, что Вы и здоровьем не можете в настоящую минуту похвалиться и что неприятности преследуют Вас![1] Дай бог, чтобы то и другое было скоропреходящим эпизодом Вашей жизни и чтобы поскорее наступила полоса ничем не нарушимого нравственного и физического благополучия.

Репетиции оперы продолжаются. Я нахожу со стороны большинства артистов такое сочувствие к моей музыке, которым горжусь. Но зато н а ч а л ь с т в о, ч и н о в н и к и делают все, чтобы помешать успеху оперы. Я уже говорил Вам, что дирекция не дала ни одного гроша на постановку оперы. Теперь некто г. Л у к а ш е в и ч, невежественная и жалкая креатура знаменитого барона Кюстера, выдумывает всяческие придирки, чтобы помешать певице К а м е н с к о й явиться в роли И о а н н ы, а между тем она необходима для успеха оперы. До чего доходят эти придирки, трудно себе и представить. Вчера на репетиции, узнавши случайно, что в одном месте оперы я ради условий сценических и вокальных перенес одну мелодию из партии Иоанны в партию Агнесы, он заявил мне, что я н а э т о н е и м е ю п р а в а и д о л ж е н и с п р а ш и в а т ь у к о г о-т о н а т о р а з р е ш е н и я!!! Была минута, когда я хотел взять назад свою партитуру и уйти из театра. Направник уговорил меня этого не делать!

Возмутительно, гадко! Хочется бежать куда-нибудь подальше из этого проклятого города, где царит чиновническое самоуправство!

Комедия Модеста пойдет в понедельник девятого. Он тоже вкушает теперь прелесть столкновений с театральной администрацией.

Пошли Вам бог здоровья и спокойствия!

Бесконечно Вас любящий

П. Чайковский.

331. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
11 февраля 1881 г.

Милый, бесконечно дорогой друг! Ради бога, простите, если в эти последние дни моего петербургского пребывания я могу написать Вам лишь краткое уведомление о всем происходящем. Дошло до того, что у меня уже нет в течение всего дня ни единой минуты, в которую я мог бы уединиться и заняться чем бы то ни было. Кроме ежедневных репетиций, бесконечно долго продолжающихся, у меня бесчисленная масса родных и так называемых коротких знакомых, раздирающих меня буквально на части. Я устал и утомился до полнейшей п р о с т р а ц и и. Но уверенность в том, что, если останусь жив, буду через неделю уже в В е н е ц и и и вообще далеко отсюда, поддерживает меня. Большое удовольствие доставило мне свидание с Львом Васильевичем и Верой, приехавшими сюда третьего дня. Лев Васильевич просит меня передать Вам, дорогая моя, что в настоящую минуту он не знает никого, кого бы смело мог рекомендовать Вам в директоры. Но он скоро возвратится в Киев, а оттуда в Каменку и будет видеться с людьми, которые могут дать ему указания на нужного Вам человека. Письмо, в котором я передал ему Ваше поручение, застало его в Киеве, когда Т а н я была опасно больна, вследствие чего он не имел времени обстоятельно переговорить с кем-нибудь. Во всяком случае он даст Вам ответ, когда найдется человек, пригодный для Вас.

Комедия Модеста имела успех, но в газетах его больше бранят, чем хвалят, хотя никто не отрицает в нем таланта. Его много раз вызывали и очень дружно приветствовали [1].

Опера идет послезавтра, в пятницу, а в субботу утром я уезжаю!!! О судьбе моего произведения на первом представлении я буду Вам в субботу телеграфировать.

Бесконечно благодарю Вас, дорогой друг мой, за карточку Ваших симпатичных сыновей. Как они все симпатичны!

Вероятно, следующее мое письмо будет из Вены!

Ваш П. Чайковский.

Еще раз благодарю Вас за все!!!

332. Чайковский—Мекк

Телеграмма

1881 г. февраля 15. Вильна.

Опера моя имела большой успех, вызвали двадцать четыре раза. Каменская превосходна, исполнение вообще отлично[1]. Еду в Виницу, Венецию, Рим. Прошу адресовать письмо в Рим. Здоров, счастлив и покоен, желаю Вам того.

Чайковский.

333. Мекк—Чайковскому

Браилов,
16 февраля 1881 г.

Поздравляю, от всей души поздравляю Вас, мой милый, бесподобный друг, с успехом Вашей несравненной оперы. Я в восторге и восхищаюсь вдвойне: во-первых, тем, что публика сумела понять и оценить Ваше превосходное произведение, а во-вторых, тем, что правда и достоинство взяли верх, а подлость и деспотизм остались в дураках. Я так рада и хорошему известию от Вас и тому, что Вы спокойны и довольны. Дай бог, чтобы это состояние продолжалось как можно дольше, и я надеюсь, что под благословенным небом Италии Вам будет долго хорошо. Теперь в особенности и время года самое восхитительное там. Как должно быть хорошо в нашей милой Флоренции, а в Риме еще лучше. Я буду сердцем там вместе с Вами....

Скажу Вам большое горе, милый друг мой, и при этом попрошу у Вас усердно прощения. Мне приходится отдать Спамаки в аренду, потому что опыт этого года доказал, что меня там так обкрадывают, что самой невозможно продолжать дело, и я приказала искать арендатора и хотя поставила первым условием, что домик и сад оставляются мне но сомневаюсь, чтобы удалось это отстоять, потому что уже несколько человек, желающих взять, заявляют, что не могут брать без дома и сада. Простите, милый друг мой, но что мне делать, когда меня кругом обкрадывают, и нет человека, которому бы я могла что-нибудь доверить.

Скажите мне, дорогой мой, не захотели ли бы Вы в случае желания погостить у меня в Браилове заменить Спамаки лесничеством, знаете, где был звериец с козами? Если бы это было подходяще для Вас, то будьте так добры, сообщите мне об этом, и я займусь устройством этого уголка. Вообще прошу Вас, дорогой мой, расскажите мне Ваши проекты на это лето и осень.

Мое намерение есть поселиться совсем в Браилове, чтобы хозяйничать и добывать доходы, а почему мне особенно нужны эти доходы, объясню позже, когда дело больше выяснится.

Из Москвы очень печальные вести о здоровье Ник[олая] Григорье-

вича, так что уж он даже решился уехать за границу. Быть может, Вы там где-нибудь столкнетесь с ним. Я думаю, он был бы рад.

Сегодня ночью я жду приезда Володи, вероятно, на один день, потому что по делам. У меня такое множество дела это время и весьма тяжелого свойства. Для меня этот год—високосный: на меня столько обрушивается самых тяжелых ударов, что отдохнуть и опомниться некогда. Дай бог, чтобы я за Вас могла быть спокойна....

Я жду не дождусь лета. Без воздуха и без природы мне тяжело жить. Да, хохла Данильченко я отпустила, потому что по фортепианной части уж больно schwach* он был, а приедет на-днях брат Влад[ислава] Альб[ертовича], пианист. Он может приехать потому, что Ник[олай] Григ[орьевич] уезжает за границу, а он его класса. До свидания, мой милый, бесценный друг. Не забывайте всем сердцем любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

Получили ли Вы группу моих мальчиков?

334. Чайковский—Мекк

Вена,
16/28 февраля 1881 г.

Наконец я свободен и покоен, милый, дорогой друг! Все было бы хорошо, если бы только со мной был Алеша! Он очень, очень недостает мне. Чувствую себя с л и ш к о м о д и н о к и м без него. Еще мешают моему полному благополучию тревожные мысли о близких: о Модесте, отношения которого к г. Конради все более и более делаются враждебными, об Анатолии, который все еще влюблен и все еще ничего решительного не добился, об сестре и племяннице Тане, которые больны! Да и Ваши все последние письма такие грустные, что когда думаю о Вас, у меня сердце сжимается! О, если б все вы, столь дорогие мне люди, были счастливы! Чего бы я ни пожертвовал ради этого!

Тяжелый день прожил я тринадцатого числа. С утра я уже начал волноваться и терзаться страхом, а к вечеру я был просто подавлен тяжелым чувством тревоги и беспокойства. Но с первого же действия успех оперы определился. Каменская пропела всю сцену с ангелами великолепно, и меня вызвали после первого акта восемь раз. Второе действие тоже очень понравилось. Первая картина третьего [действия] вызвала бурю рукоплесканий. Гораздо меньше имела успех вторая картина; марш и вообще вся эта сцена была обставлена так мизерно; грязно и жалко, что другого и нельзя было ожидать. Зато четвертое действие опять очень понравилось. Всего я был вызван двадцать четыре раза. К а м е н с к а я была превосходна; она

---

* слаб

и играла даже отлично, чего прежде с ней не бывало. Из остальных лучше всех был Пряниш ников. Затем я провел бессонную ночь и на другой день утром уехал.

Дорогая моя! Лев Васильевич оттого ничего еще не отвечал Вам по поводу директорства в Браилове, что получил мое письмо с просьбой об этом в Киеве, а потом уехал в Петербург. По возвращении он будет стараться найти подходящего для Вас человека.

Простите, что пишу Вам так небрежно. Я приехал в пять часов. Одевшись, пообедал и побежал в Opern-haus, где в первый раз в жизни слышал «Оберона» Вебера. Теперь пришел домой, пишу Вам и братьям и сейчас лягу спать. Уеду завтра вечером, вероятно, прямо в Рим.

Будьте здоровы, дорогая моя!

335. Чайковский—Мекк

Флоренция,
19 февраля/3 марта 1881 г.

Я остановился на сутки во Флоренции вместо Венеции, куда сначала предполагал заехать по дороге в Рим. Мне хотелось поскорее очутиться в настоящей Италии, увидеть зеленеющую траву и, главное, теплое весеннее солнце. В Вене на второй день моего пребывания поднялась снежная мятель, сделалось холодно, как в Петербурге, и я поспешил уехать. Через Земмеринг мы насилу переехали, и я очень боялся где-нибудь в мрачном Тироле застрять надолго. К счастью, все совершилось благополучно, и в шесть [часов] вечера я уже переехал итальянскую границу. Уже тут, как только послышались итальянские звуки и в глаза бросились типические черты милого народа, я почувствовал, как сильно успел полюбить Италию. Но Вы можете себе представить, дорогой друг, каков был мой восторг, когда, уже подъезжая к Флоренции, рано утром я увидел ярко освещенную солнцем весеннюю картину милой итальянской природы! После вчерашней снежной мятели мне показалось все это каким-то волшебным сном! Наконец мы приехали в милую, чудную Флоренцию. Я успел покамест только умыться и напиться кофе. Сейчас иду побродить по городу, побываю в соборе, в St. Lorenzo, в Uffizi, а после завтрака хочу пешком пойти на Viale dei Colli и через St. Miniato вернуться к обеду. А сегодня вечером, в десять часов, или, если очень устану, завтра утром, еду в Рим.

Мне грустно думать, что когда я здесь буду упиваться весенним солнцем, Вы еще окружены зимними картинами.

Будьте здоровы, покойны и счастливы, друг мой!

Бесконечно Вам преданный

П. Чайковский.

336. Чайковский—Мекк

Флоренция,
19 февраля/3 марта [1881 г.]

Не могу удержаться, милый и бесконечно дорогой друг, чтобы не поделиться чудным впечатлением! Как я писал Вам утром, после завтрака я отправился на Viale dei Colli и прошел ее всю, т. е. от Porta Romana до St. Miniato и дальше до самого отеля. Проходил мимо Oppenheim'a и даже пытался войти, но привратник, отворивший мне ворота, сказал, что того, кто может показать виллу, нету дома. Заходил к Bonciani и посидел там. Боже мой, как мне сладки воспоминания об осени 1878 года! Да! именно: и сладко и больно. Ведь это уже не вернется! Или если вернется, то все же при другой обстановке, да и два с половиной года с тех пор прошло! Мы старше стали!

Да! и больно и сладко!

Что за свет! что за роскошное солнце! что за наслаждение сидеть, как в эту минуту я, у отворенного окна, имея перед собой букет фиалок, вдыхать свежий весенний воздух! О, чудная, благословенная страна!

Я переполнен ощущениями! Мне так хорошо, но и так грустно почему-то! Хочется плакать, и не знаешь, что это за слезы: в них есть и умиление, и благодарность, и сожаление. Ну, словом, это разве только музыка может выразить!

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

337. Чайковский—Мекк

Рим.

1881 г. февраля 21—23. Рим. 21 февраля /5 марта 1881 г.

Милый, дорогой друг! Вчера я приехал в Рим в шесть часов утра и остановился в Hôtel Costanzi. Мне очень приятно и отрадно было увидеть милый город, в котором так приятно провел несколько месяцев в прошлом году. Правду говорят, что в Риме есть что-то втягивающее; чем больше его узнаешь, тем больше к нему привязываешься. Тем не менее, я бы, вероятно, значительно страдал теперь от отсутствия Модеста, Коли и Але-

ши, которые составляли в прошлом году мое постоянное общество, если бы не то благоприятное обстоятельство, что я нашел здесь моего старого приятеля Кондратьева, который и в прошлом году один месяц провел вместе с нами. Полное одиночество было бы для меня в эту минуту тягостно. Я испытал это третьего дня во Флоренции: к вечеру на меня напало мало-помалу невыносимо мучительное состояние тоски, причиненное утренней прогулкой на Viale dei Colli, столь живо воскресившей во мне воспоминания о прошлом. Как чувствительна для меня утрата Алеши!

Погода вчера и сегодня стоит серенькая, но очень теплая, так что я хожу по улицам без пальто. Успел уже сделать множество прогулок и побывать на всех наиболее любимых местах.

Планы мои следующие. Через неделю, 1/13 марта, еду на восемь дней в Неаполь, оттуда прямо в Ниццу, где останусь дня три или четыре; оттуда в Париж, где буду, следовательно, около 20 марта/1 апреля; потом на несколько дней в Швейцарию, а засим в Россию, где хочу быть в половине апреля. Я осмелюсь просить Вас, дорогой друг, написать мне или в Ниццу или если Вам не будет времени раньше, то в Париж; в оба эти города прошу Вас адресовать p o s t e r e s t a n t e.

Мне, кажется, не придется сохранить здесь свое инкогнито и свою свободу, и это, вероятно, испортит мое пребывание в Риме. Здесь находится вел. кн. Конст[антин] Конст[антинович], уже узнавший, что я здесь, и изъявивший желание меня видеть. Придется ехать к нему, а кроме того я неожиданно получил приглашение обедать в будущий вторник у гр. Б о б р и н с к о г о. Обед этот дается в честь вел[икого] кн[язя], желавшего, чтобы меня пригласили, и отказаться не будет никакой возможности. А очень жаль! В Риме хорошо жить, когда никому до тебя дела нет.

22 февраля/6 марта 1881 г.

Я только что возвратился с завтрака у великих князей Сергия и Павла Александровичей. Приглашение получил сегодня утром, и прежде всего мне пришлось отыскать фрак. Это представило большие затруднения, так как сегодня воскресный день и почти все магазины закрыты. Я едва успел во-время поспеть на виллу S c i a r r a. Вилла эта находится около St. P i e t r o in M o n t o r i o, по дороге к вилле Памфили, на чудном месте, с великолепным видом на Рим. Вел. кн. Конст[антин] Конст[антинович] представил меня братьям, которые обошлись со мной в высшей степени мило, ласково и внимательно. Все три вел[ких] кн[язя] очень вообще симпатичны, но Вы можете себе представить, милый друг, до чего при моей застен-

чивости и дикости для меня тяжелы всякие пребывания в среде чужих людей, а особенно великих мира сего. Я просидел у вел[икого] кн[язя] до трех часов, а засим возвратился домой пешком, наслаждаясь великолепной весенней погодой. Во вторник мне предстоит парадный обед у графа Бобринского, а затем я еще имею приглашение от графини Соллогуб на вечер. Как я мало ожидал, что в Риме буду вести светскую жизнь. Придется, кажется, скоро уехать, ибо мне достоверно известно, что меня ожидают еще приглашения, а между тем, из чувства какого-то ложного страха как бы не обидеть отказом, я имею слабость принимать приглашения и не нахожу в себе достаточно твердости духа, чтобы без всякой церемонии отказывать.

23 февраля/7 марта 1881 г.

Был сегодня утром обрадован письмом Вашим. Но меня печалит то, что Вы пишете о трудности переживаемой Вами эпохи. Не забудьте, дорогой друг, что Вы в этом письме обещаете мне выяснить, почему Вы нуждаетесь в увеличении доходов. Меня это живо интересует. Я слышал в Москве, что Влад[имир] Карл[ович] потерпел большие потери и что Вы пришли к нему на помощь, вследствие чего будто бы состояние Ваше сильно пострадало. Я до сих пор боялся быть i n d i s c r e t* и потому не решался просить Вас разъяснить это обстоятельство. Но теперь, так как очевидно, что Вы находите нужным заключить себя в Браилове не без серьезных оснований, то вопрос этот начинает смущать меня. Если Вы принуждены жить безвыездно в деревне, то само собой разумеется, что сознание своего долга велит мне тоже основаться где-нибудь на одном месте. Ради бога, не забывайте, друг мой, что для меня открыты широко двери обеих консерваторий и что в этом смысле я человек вполне обеспеченный. Та свобода и то роскошное в материальном отношении существование, которое я веду, составляют драгоценные блага. Но они тотчас обратятся для меня в тягость, если я буду знать, что пользуюсь ими в ущерб слишком деликатного, слишком щедрого друга! Ради бога, будьте со мной в этом отношении совсем откровенны и знайте, лучший друг мой, что для меня будет в е л и ч а й ш и м с ч а с т ь е м отказаться от самых драгоценных материальных благ, если благодаря этому хоть на волос улучшится Ваше положение. Вы уже и без того с л и ш к о м много для меня сделали. Говоря без всякого преувеличения, я считаю себя обязанным Вам ж и з н ь ю. Если б Вас не было, если б Вы не явились моим ангелом-хра-

* нескромным

нителем в страшную эпоху моей жизни, то я уверен, что у меня не хватило бы сил побороть душевную болезнь, которая начинала было увлекать меня к гибели.

Итак, друг мой, ради бога, не скрывайте от меня правды, и если в самом деле Вы принуждены уменьшить свои расходы, то позвольте и мне переменить образ жизни и снова пристроиться к одной из консерваторий, где меня примут с радостью.

Благодарю Вас, дорогая моя, за предложение устроить мне уголок в лесничестве, но позвольте покамест отклонить это новое проявление Вашей бесконечной доброты и заботливости в отношении меня. Во-первых, отсутствие Алеши портит вообще жизнь мою, а в таких случаях, как пребывание у Вас в гостях, оно составляет для меня чистейшее бедствие. Для такой жизни, какую я вел в Симаках, или мог бы вести в лесничестве, он мне совершенно необходим. Без него это будет т о, д а н е т о. Пусть уж лучше эти поездки в Браилов и Симаки останутся в моей памяти лучезарными воспоминаниями о самых поэтических эпизодах моей жизни. Во-вторых, я боюсь, что пребывание в лесу покажется мне несколько грустным после идеальной обстановки симацкого домика с его уютным садиком и чудесным купаньем. От всей души желаю, чтобы Вы принесли мое наслаждение в жертву серьезным интересам всего Вашего хозяйства. Господи! до чего Вы добры! Вы даже извиняетесь передо мной в том, что отдаете Симаки в аренду!

Я желаю прежде всего, чтобы Вам было хорошо. Всякое наслаждение для меня отравлено, если оно приносит ущерб Вашим интересам.

Вы спрашиваете, дорогой друг, про мои планы. Они следующие: в половине апреля я желал бы быть в Каменке и затем все лето и всю осень останусь там. А затем, что бог даст!

Меня одолевают приглашения, и я решился поскорее уехать. Сейчас получил приглашение к посланнице, баронессе Икскуль, и к одной леди Гамильтон (по рождению русской). Внимание этих аристократок мне лестно, но я принужден бежать отсюда как можно скорее. Постараюсь во всяком случае не позже пятницы 27 февраля переехать в Неаполь.

Прошу Вас, дорогой друг, адресовать мне в Париж, но не на p o s t e r e s t a n t e, как я Вам писал на-днях, а в H ô t e l C o n t i n e n t a l, где я хочу остановиться, ибо говорят, что там есть недорогие хорошие помещения.

До свиданья, милый друг мой!

Ваш П. Чайковский.

Если почему-либо Вы захотите написать мне ранее половины марта, то потрудитесь адресовать в Ниццу, poste restante.

338. Чайковский—Мекк

Неаполь,
3/15 марта 1881 г.

Милый, дорогой друг! Вчера я собрался написать Вам и только что сел, как ко мне явился один русский знакомый моряк, сообщивший страшное известие о трагической смерти государя[1]. Известие это так поразило меня, что я едва не заболел. В такие ужасные минуты всенародного бедствия, при таких позорящих Россию случаях тяжело находиться на чужбине. Хотелось перелететь в Россию, узнать подробности, быть в среде своих, принять участие в сочувственных демонстрациях новому государю и вместе с другими вопить о мщении. Неужели и на этот раз не будет вырвана с корнем отвратительная язва нашей политической жизни? Ужасно подумать, что, быть может, последняя катастрофа еще не эпилог всей этой трагедии.

Я уже четвертый день в Неаполе. Мне приятно было уехать из Рима, где капризная судьба заставила меня целых восемь дней играть столь несвойственную мне роль светского человека. Зато здесь я живу настоящим туристом и никого не вижу, кроме двух-трех моряков наших, обедающих в моем отеле.

Вчера ездил на самую вершину Везувия. От Резины до Обсерватории я шел пешком; затем по фуникулярной железной дороге взобрался на вершину и затем, сопровождаемый двумя гидами, всходил на самый кратер. Везувий в настоящую минуту не совсем покоен, и восхождение это, по обилию серных испарений, мешающих свободно дышать, довольно трудно, но зато зрелище кратера адски величественно, и я рад, что видел его.

Сегодня собирался ехать в Сорренто, но в такую ужасную минуту не до partie de plaisir*, и поэтому я ограничился лишь посещением музея, который очень интересен.

Погода мне не особенно благоприятствует. С моря дует сильный ветер, в воздухе носится пыль, но Неаполь все-таки божественно хорош, и я очень счастлив, что попал сюда.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

---

* увеселительной прогулки

339. *Мекк—Чайковскому.*

1881 г. февраля 28—марта 6. Браилов.

Браилов,
28 февраля 1881 г.

Милый бесценный друг! Сию минуту получила Ваше письмо и сию же минуту сажусь отвечать на него, потому что оно коснулось самого б о л ь н о г о, самого ч у в с т в и т е л ь н о г о места моего сердца—моего бедного Володи. Я вижу, что злоба, зависть и клевета, которые преследуют моего бедного сына, довели и до Ваших ушей свое шипенье, поэтому скажу Вам, милый друг мой, что да, я действительно нахожусь в отчаянном положении, но не только не Володя довел меня до него, но, напротив, Володя о д и н старается меня извлечь из этого положения, помочь мне выпутаться из него. Он бьется, как рыба об лед, в то время, когда другие, говорящие много о своей заботливости обо мне, о своей готовности много делать для меня, не только дают мне тонуть, не протягивая мне ни одного пальца в помощь, но еще с возмутительною черствостью и бессовестностью стараются вооружить меня против моего бедного Володи и клевещут на него самым низким образом. Во мне возмущается не одно чувство матери, но прежде того ч у в с т в о с п р а в е д л и в о с т и, когда кидают камнями в человека, который кроме д о б р а никому на свете ничего не сделал и который один работает и трудится, как вол, тогда как критики его, будучи о б я з а н ы работать в моих делах, сторонятся от них и сваливают их на Володю для того, чтобы легче было критиковать его[1].

6 марта.

Масса самых тяжелых ощущений во все эти дни не давала мне продолжать мое письмо к Вам, милый друг мой. Постараюсь, если это возможно при моем душевном состоянии, объяснить Вам по порядку, почему я доведена до того бедственного состояния, в каком нахожусь теперь. Первая и единственная причина есть то положение дел, какое досталось мне после смерти моего мужа. Совершенно для меня неожиданно, как гром в ясную погоду, грянули на меня такие долги, о которых мне и не снилось. Были из них такие, которые я знала, но которыми не беспокоилась нисколько, потому что мне говорили, что их уничтожить очень легко. Это были железнодорожные долги, под залог наших с о б с т в е н н ы х бумаг, акций разных железных дорог, на сумму четыре с половиной миллиона рублей. Но сверх этих после смерти моего мужа мне объявили, что осталось по Браилову полтора миллиона долга, о которых я никогда ничего не слышала. Сверх того, Браилов находился в таком положении, что приносил каждый год дефицита двести тысяч рублей. Прежде чем я могла приняться за устройство дел, долги потребовали немедленной уплаты. А надо Вам сказать, что все процентные бумаги, которые были свободны, мой муж еще за несколько лет до своей смерти передал мне и положил их в банк на мое имя. Я взяла эти бумаги, заложила часть их и уплатила все полтора миллиона долга. Принялись сейчас я и Володя искать покупателя на Браилов, но Вы знаете, легко ли найти такого капиталиста, он и не находился. А по двести тысяч я все приплачивала к Браилову. Параллельно с этим за дела железной дороги принялся Володя. Там также оказалось кроме долгов, о которых я Вам помянула, масса долгов правительству, другим железным дорогам, частным лицам и проч. и проч. Эти долги составляли также несколько миллионов, и бедный Володя мой, в двадцать один год, должен был распутывать все это и оберегать свое семейство от разорения.

Теперь отчасти приподниму перед Вами занавес на самое тяжелое,

безысходное горе моей жизни. Против меня и Володи поднялись интриги, с которыми, конечно, неизбежно соединены клевета, искажение истины, распространение самой возмутительной лжи, и вот тут-то, когда я Вам скажу, что во главе такой шайки стояли люди, мне близкие, из которых один всем своим благосостоянием обязан мне, тогда Вы поймете, почему мне так тяжело жить на свете.... И то не за себя, ведь мне недолго мучиться, а за моего бедного Володю, которого с самого начала его жизни стала уже преследовать людская злоба, зависть и клевета. И если бы Вы знали, как бессердечно, как подло преследуют его. И если бы Вы к этому знали, что за ангельскую душу имеет этот человек; он все прощает и везде, где только может, делает им же добро. Их подлости относительно его его огорчают, у него выступают слезы на глазах при оскорблениях, но никогда не раздражается, никогда не способен ненавидеть, как могу я за него. Пусть бог судит и прощает этих людей, но я... я не в силах им прощать.

Вы спросите, быть может, почему же явились эти интриги, то я Вам скажу. Все они знали Володю, как сами выражаются, когда он в русской рубашке бегал десятилетним ребенком, и не могут простить ему, что он вырос. Когда умер мой муж, они мечтали, что захватят в руки все дела и капиталы и будут всем ворочать, и вдруг я не захотела отдать себя в распоряжение этих непрошенных благодетелей, и когда увидела это стремление, то взяла к себе в помощь только того, кого и естественно взять— своего сына. Это их обозлило до того, что они вышли из всяких границ, даже приличий и с тех пор неустанно преследуют и меня и Володю. Если бы Вы знали, что выделывает в настоящее время один из этих добрых людей, тот, которому наиболее добра сделано, Вы бы поняли мои невыносимо тяжелые минуты. Все эти преследования, все клеветы довели до того, что Володя две недели как вышел из правления Либаво-Роменской дороги, где был председателем. Ведь это из своей собственной дороги, Петр Ильич, дороги, которая принадлежит семейству фон-Мекк. Он бросил ее потому, что уже сил не хватало выносить эти окончательные преследования упомянутого лица. Что же касается того, что Володя имел какие-то потери и я к нему пришла на помощь, то в этом нет ни слова правды. Из всех моих взрослых детей Володя меньше всех от меня получает, а именно: замужние дочери получили наделы, с которых имеют от пятнадцати до двадцати тысяч в год дохода: Юля, которая живет у меня на всем готовом, получает на туалет пять тысяч рублей [в год], а Володя, который имеет семейство, получает только семь тысяч в год и не получил никакого еще надела. Вы спросите, вероятно, почему же он получает меньше, то я скажу, что потому, что он сам много зарабатывает, так как он директором в трех правлениях и получает до пятидесяти тысяч рублей в год. Но ведь этим он себе обязан. Я же даю ему так мало потому, что у него есть чем жить, а мои дела постоянно затруднительны, и он постоянно просит меня совсем ничего ему не давать.

Теперь же в моих делах что дальше, то больше и больше раскрывалось и дурное положение. Я бумаги все закладывала и все вносила по разным требованиям. Наконец, нынешнею весною вследствие все тех же преследований я решила произвести раздел между нами, а так как на покупку Браилова являлся один только охотник, который предлагал девятьсот тысяч за него, то я предложила своим детям, что я оставлю его за собою за полтора миллиона рублей. И вот на этот предмет я должна заложить последние бумаги и платить процентов на все долги, которые у меня сформировались уплатою долгов за моего мужа и уплатою за Браилов, от трехсот пятидесяти до четырехсот тысяч

рублей. Такую сумму мой бюджет не может выдержать, вот почему мое положение в настоящее время более чем критическое.

Что же касается Вас, мой милый, дорогой друг, то прошу Вас не беспокоиться ни сколько моим положением и понять, что та сумма, о которой Вы говорите, так ничтожна в моем миллионном разорении, что она не может быть чувствительна ни на одной стороне весов, и потому прошу Вас, если Вы не хотите огорчать меня, ничего и не помнить об этом. Я же, с своей стороны, обещаю Вам, дорогой мой, сказать Вам с а м о й, если придет для меня такое положение, что и эта сумма будет иметь значение.

Ко всему тяжелому лично явилось еще это ужасное событие с нашим бедным государем, которое потрясло меня так, что я еще опомниться не могу. Вот как стоит делать добро людям. Бедный, бедный, такой добрый был!

Я не в состоянии ни о чем еще писать, дорогой друг мой. Я думаю, это письмо написано так, что Вы не все в нем ясно поймете, но уже и перечитывать я не в состоянии.

Прощайте, милый, бесценный мой, да сохранит Вас бог от всякого горя. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

340. Чайковский—Мекк

Ницца,
10/22 марта 1881 г.

Милый, дорогой друг мой! Пробыв в Неаполе восемь дней, я приехал в Ниццу. Насколько эта последняя кажется мне скучна, бледна, неинтересна после Неаполя! Я дал себе слово в будущем году, если будет возможно, пожить в этом чудном городе побольше. Из всего виденного наибольшее впечатление оставил во мне С о р р е н т о. Если есть место на земном шаре, которое можно назвать р а й с к и м, то это именно этот чудный уголок мира.

В Неаполе стоят три русских судна: «Эриклик», «Светлана» и «Герцог Эдинбургский», на котором должны были итти в Афины и Иерусалим великие князья. Офицеры этого фрегата, с которыми я познакомился еще в прошлом году у вел. кн. Конст[антина] Конст[антиновича], просили меня побывать на фрегате, что я и сделал накануне отъезда, и посещение это во всех отношениях оставило во мне приятное воспоминание. Пока я был там, вдруг является офицер со «С в е т л а н ы» пригласить меня немедленно прибыть туда. Картина, которую я застал в кают-компании, поразила меня. За столом сидел капитан С к р ы д л о в (знаменитый герой), окруженный пустыми бутылками и совершенно п ь я н ы й. Рядом с ним сидело несколько офицеров, очевидно, против воли пивших вместе с разгулявшимся начальником. С к р ы д л о в, бросившись в мои объятия и говоря, что он мой пламенный поклонник, стал

приставать и ко мне с вином. Мне стоило больших усилий, чтобы скрыть свое отвращение к этому герою, празднующему бешеным разгулом то, что случилось теперь в Петербурге. Я вырвался оттуда через час и буквально до слез был потрясен столь недостойным поведением русского офицера в такое время, когда на родине мученической смертью умер государь, во всяком случае даровавший нам много всякого рода благодеяний.

Я имею известие от Анатолия, что 28 февраля Ник[олай] Григ[орьевич] выехал из Москвы по направлению к Ницце. Здесь однакоже о нем ничего не знают. Я боюсь, что он не выдержал утомительности пути и слег где-нибудь! Состояние его, как пишет брат, очень серьезно! Страшно и подумать об том, что будет, если консерватория его лишится!

Уезжаю отсюда послезавтра, в четверг, в Париж и, по всей вероятности, очень скоро вернусь в Россию.

Будьте здоровы, дорогой друг мой! Думаю, что весна уже дает себя чувствовать в Браилове, и радуюсь этой мысли!

Ваш П. Чайковский.

341. Мекк—Чайковскому

1881 г. марта 11—12. Браилов.

Браилов,
11 марта 1881 г.

Милый, бесценный друг! Хотела бы я очень поправить свою ошибку, вернуть первое мое письмо к Вам в Париж, но, увы, это уже слишком поздно, оно, вероятно, давно покоится в bureau Hôtel Continental. А хотела бы я его уничтожить потому, что оно написано в состоянии самого крайнего раздражения. Во мне было взволновано и оскорблено чувство матери за несправедливость к ее сыну, и Вы, друг мой, который способен понимать все самые чувства, хотя бы и не испытуемые Вами, Вы поймете, что, когда я узнала, что клевета и злоба проложили себе дорогу к Вам, единственному человеку, мнением которого я дорожу для себя и дорогих мне людей, я вышла из себя и утрировала свое отношение к клеветникам. Я сказала, что не могу простить им. Нет, это неправда, я прощаю им, я желаю им всякого добра, я готова делать все для этого добра.

Затем теперь я хочу подумать о чем-нибудь более приятном, освежающем, облегчающем. Я представляю себе Вас, мой милый друг, на Rivoli или Castiglione, в Hôtel Continental, который я очень люблю с тех пор, как Вы жили в Meurice. Ах, как это было хорошо! Боже мой, теперь уже никогда не вернется такое счастливое время.

Ко мне вчера приехал один из дорогих мне гостей, но я рада ему с болью в сердце,—это мой Сашок. Его доктора выслали из Петербурга, потому что он так стал хворать, что уже невозможно было его там оставлять... Как Вы думаете, было ли бы хорошо и может ли удасться такой

проект: просить начальство, чтобы ему разрешили жить, где надо для его здоровья, а каждый год приезжать в мае в Петербург сдавать экзамены?...

Как мне жаль Вас, мой дорогой друг, за те терзания, которые Вы выдержали в Риме. Хорошо, что Вы оттуда уехали, а то бы Вас замучили. Вы, конечно, теперь знаете о том ужасном злодействе, которое поразило всю Россию, да, я думаю, и весь цивилизованный мир.

12 марта.

Вчера получила Ваше письмо из Неаполя, дорогой друг мой, из которого вижу, что̀ Вы знаете и что̀ ощущаете по поводу злодейства, о котором я только что сказала. Если бы побольше людей т а к ж е относились к этому предмету, история России не была бы запятнана таким фактом, а то, к сожалению, в нашем обществе с а м о е л у ч ш е е отношение к злодеям, совершившим это адское дело, есть р а в н о д у ш и е.

Я очень рада, дорогой мой, что Вы отдыхаете в Неаполе, что Вам там хорошо, а у меня здесь все беспорядки. Мой снятельный[1] окончательно вышел из всякого порядка, заявил мне, что с сахарного завода он мне не даст дохода ни гроша и что в экономии денег тоже нет ни гроша. Он хочет таким средством меня в ы ж и т ь из Браилова и не соображает в своей умственной простоте, что я тем более буду жить в Б р а и л о в е. Так как уж мне самой с ним никак не справиться, то я вызываю Володю на помощь....

Коля и Саша ужасно добивались в Петербурге слышать «О р л е а н с к у ю д е в у» и едва только на третье представление достали билеты. Оба они были в восторге от этой музыки раньше представления по Clavierauszug'у, и Сашонку она и теперь нравится больше на фортепиано, чем на сцене. Колю на сцене о п е р а в о с х и т и л а, но не понравился ему только марш. Имеют ли какое-нибудь основание или нет их определения, я довольна тем, что они имеют с в о е с о б с т в е н н о е отношение к предмету, не основанное на вычитанных рецензиях или слышанных определениях, а вытекающее из собственного инстинкта. До свидания, дорогой, несравненный друг мой. Безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк

342. Чайковский—Мекк

Париж,
15/27 марта 1881 г.

Дорогой, милый друг! В Ницце я получил телеграфическое известие от Юргенсона, что положение Ник[олая] Гр[игорьевича] настолько ухудшилось, что опасаются за его жизнь. Я тотчас же собрался ехать в Париж, где находился больной, но предварительно телеграфировал в Grand Hôtel, в котором жил Н[иколай] Гр[игорьевич], прося уведомить меня об его положении. Через три часа я получил ответ: «S a n s a u c u n e s p o i r»*, а несколько позднее еще одну телеграмму, состоявшую всего из трех слов: «R u b i n s t e i n e s t m o r t»**.

---

* «Безнадежен»
** «Рубинштейн скончался»

Вы можете себе представить, что̀ я испытал, прочтя три роковых слова! Утром 13/25 я выехал с курьерским поездом в Париж и здесь, в G r a n d H ô t e l'e, уже не застал покойника: он был еще в шесть часов утра перевезен в церковь. Г-жа Третьякова, которая присутствовала при последних минутах Ник[олая] Григ[орьевича], сообщила мне все подробности его мучительной многодневной агонии. Оказывается, что у него была не п о д а г р а, как говорил Захарьин, посылая его на два месяца в Ниццу и предсказывая полное выздоровление, а т у б е р к у л ы в кишках. Мучения, испытанные Ник[олаем] Григ[орьевичем] во время пути и затем в Париже, где он прожил шесть дней, превышают всякое вероятие. Нельзя не возмущаться и не проклинать невежество московского с в е т и л ы Захарьина, заставившего обреченного смерти человека предпринять далекое, мучительное путешествие! Ник[олай] Гр[игорьевич] оставался до последних часов агонии в п о л н о м с о з н а н и и и, повидимому, не сознавал близости смерти. Все время он старался быть бодрым духом и даже в е с е л ы м, хотя в последнее время слабость дошла до того, что он едва говорил и двигал руками. В среду двенадцатого утром он еще ел устрицы (хотя большинство внутренностей у него уже было парализовано), но тотчас после того у него сделалась рвота, а за нею предсмертный упадок сил. Он потерял сознание и умер тихо, около трех часов дня.

Вчера был[и] похороны. Церковь была полна. Потом гроб отнесли в нижнюю часовню, и здесь я увидел его в последний раз. Он изменился до неузнаваемости! Боже мой, боже мой, до чего ужасны подобные минуты жизни! Простите, дорогая моя, что пишу Вам необстоятельно; я страшно подавлен горестью.

А сегодня я получил Ваше письмо, в коем Вы объясняете мне положение дел Ваших. Оно произвело на меня у б и й с т в е н н о е впечатление! Бедный и милый друг! Мне несказанно тяжело и горько и страшно за будущее! Слезы душат меня[1].

Бесконечно преданный Вам

П. Чайковский.

Я наскоро набросал сегодня для «Моск[овских] вед[омостей]» сведения о последних днях жизни Н[иколая] Гр[игорьевича][2].

343. Чайковский—Мекк

Париж,
16/28 марта 1881 г.

Утром я послал Вам письмо, милый и дорогой друг, а через два часа получил Ваше второе. Вы раскаиваетесь, что послали мне первое, в котором изливаете свое негодование против людей, отравляющих Вам жизнь. Но ведь я ни единого мгновения и не представлял себе, что Вы в самом деле можете н е н а в и д е т ь и н е п р о щ а т ь кого бы то ни было. Можно быть христианином в жизни и делах и не придерживаясь слепо догматов, и мне слишком хорошо известно, что нехристианские чувства могут явиться в Вас лишь как минутная вспышка, как невольный протест против человеческой злобы, проявляющийся всегда резко в первую минуту раздражения. Таким редким, исключительно добрым людям, как Вы, н е н а в и с т ь в смысле деятельного чувства недоступна. Да и что может быть бесплоднее, бесцельнее, как ненависть! Ведь враги наши, по словам Христа, наносят нам обиды, в конце концов, п о н е в е д е н и ю и только по н е в е д е н и ю. О, если б люди могли быть христианами не только по форме, а и по сущности, если б всё были проникнуты теми простыми истинами христианской морали, в которых заключается вся правда жизни! Увы, этого никогда не будет, ибо тогда наступило бы царство вечного и с о в е р ш е н н о г о добра, а мы по самой организации своей существа н е с о в е р ш е н н ы е, для которых понимание д о б р а возможно только в смысле изнанки зла. Мы как бы специально для того только и созданы, чтобы вечно бороться со злом, искать идеалов, добиваться вечной правды, но никогда не достигать цели. По крайней мере, будем снисходительны к тем, которые в слепоте своей любят з л о по врожденному инстинкту. Виноваты ли они в том, что существуют только для оттенка людей избранных? Имеем ли мы право отвечать им злом за зло? Нет! мы можем только повторять вместе с Христом: «Г о с п о д и! п р о с т и и м, н е в е д а ю т б о, ч т о т в о р я т!»

Чувствую, что с м у т н о выражаю с м у т н ы е мысли, бродящие в голове моей по поводу исчезновения с лица земли близкого и хорошего человека. Но если я смутно мыслю и говорю, то я с н о чувствую. В голове темно, да иначе и быть не может, ввиду таких неразрешимых для слабого ума вопросов, как с м е р т ь, ц е л ь и с м ы с л ж и з н и, б е с к о н е ч н о с т ь и л и к о н е ч н о с т ь е е; но зато в душу мою все больше и больше проникает свет в е р ы. Да, милый друг, я чувствую, что все более и более склоняюсь к этому единствен-

ному оплоту нашему против всяких бедствий. Я чувствую, что начинаю у м е т ь л ю б и т ь б о г а, чего прежде я не умел. Сомнения еще посещают меня; я все еще пытаюсь иногда своим слабым и жалким умом постигнуть непостижимое, но все громче и громче начинает доходить до меня голос божественной правды. Я уже часто нахожу непзъяснимое наслаждение в том, что преклоняюсь пред неисповедимою, но несомненною для меня премудростью божьею. Я часто со слезами молюсь ему (где о н, кто о н?—я не знаю, но знаю, что о н есть) и прошу его дать мне смирение и любовь, прошу его простить меня и вразумить меня, а главное, мне сладко говорить ему: г о с п о д и, д а б у д е т в о л я т в о я, ибо я знаю, что воля его с в я т а я. Еще скажу Вам, милый друг, что часто, вдумываясь в свою жизнь, я начинаю видеть перст божий, явно указывающий мне путь мой и оберегающий меня от бедствий. Почему вышней воле нужно оберегать именно м е н я, этого я не знаю. Хочу быть с м и р е н н ы м и не считать себя избранником, ибо бог все свои творения любит одинаково, но я знаю только, что бог хранит меня, и нередко я проливаю слезы благодарности за все его бесконечные милости. Но этого мало. Я хочу приучить себя думать, что если наступают бедствия, то и они в сущности ведут к благу. Я хочу любить бога всегда: и тогда, когда он посылает мне счастье, и когда наступят испытания. Ибо где-нибудь да должно быть то царство вечного счастья, к которому мы тщетно стремимся на земле. Наступит час, когда разрешатся все недоступные нашему уму вопросы и когда мы поймем, почему бог находит нужным посылать нам испытания. Мне хочется верить, что есть будущая жизнь. Когда хотение обратится в факт, тогда я буду счастлив, насколько счастье на земле возможно.

Милый друг! Вы спрашиваете меня, может ли Саша, не учась в училище, кончить курс посредством явки на экзамены? Так как никаких на моей памяти подобных прецедентов не было, то скорее я склонен думать, что это не допускается. Всего лучше, если Коля прямо спросит у директора, возможно ли это. Но я надеюсь, что Сашино здоровье поправится, что, живя вдали от училища, он будет продолжать свои занятия, и тогда, может быть, через год или два он в состоянии будет снова поступить в училище в соответствующий класс и докончить свой курс на общем основании. Бедный Саша! Дай бог ему скорей поправиться! Осмелюсь обратиться к Вам с следующею просьбою, милый друг мой. Вы очень обстоятельно и очень ясно изложили мне состояние дел Ваших. Нельзя ли Вам будет, дорогая моя, в одном из следующих Ваших писем объяснить: к а к о й и м е е т с я в в и д у с п о с о б п о й р а в л е н и я В а ш и х

дел, надеетесь ли Вы на это и в какой мере это возможно.

Простите, что этою просьбой я растревеливаю Ваши раны, но мне страстно хочется знать это, и я не успокоюсь, пока не узнаю Ваш взгляд на будущность Вашего состояния.

Я был сегодня в церкви на панихиде и отправлении гроба с телом Н[иколая] Гр[игорьевича] на станцию железной дороги. Оттуда я поехал на Gare du Nord и был свидетелем, как свинцовый гроб заколачивали в деревянный ящик и ставили в багажный вагон. Было страшно больно и жутко сознавать, что бедный наш Ник[олай] Григ[орьевич] лежит в этом деревянном ящике и в багажном вагоне поедет в Москву. Да, это было именно больно. Но, к счастью, у меня есть зачатки веры, и я нахожу утешение в мысли, что такова непзъяснимая, но святая воля бога.

По поводу молитвы к богу, скажу Вам, дорогая, несравненная моя, что для меня величайшее счастье и наслаждение молиться за Вас богу и призывать на Вас благословение его.

Ваш. П. Чайковский.

344. Чайковский—Мекк

Париж,
20 марта/1 апреля 1881 г.

Дорогой, милый друг! Завтра я еду в Петербург и попрошу Вас, если будет время и здоровье позволит, написать мне туда, адресуя: Фонтанка, 28, Модесту Ильичу Чайк[овскому], для передачи П. И. Ч.

Я останусь в Петербурге несколько дней и потом, по мере возможности миновав Москву, которая в грустное настоящее время представляется мне какой-то мрачной могилой,—в Каменку и, вероятно, надолго. Я решился, дорогой, милый, добрый друг, вступить опять на службу профессором и непременно в Москву, но у меня не хватает мужества сделать это теперь, когда еще так свежа память о невознаградимой утрате. Мне хочется будущий сезон еще прожить на свободе, а через год, когда определится положение консерватории, лишенной с в о е й д у ш и и долженствующей отыскать способы чем-нибудь заменить эту душу, я или поступлю туда или же в Петербург, куда меня звали еще два года тому назад. А покамест поживу еще без определенной деятельности.

Вас, может быть, удивляет, почему я не поехал в Москву к погребению Н[иколая] Гр[игорьевича]? На это есть две при-

чины: 1) более, чем когда-либо, хочется одиночества, и 2) мне пришлось бы быть постоянным свидетелем странного, непонятного и оскорбляющего мое чувство поведения Ант[она] Руб[инштейна] по отношению к потере брата. Не хочу бросать в него камнем, ибо как войти в душу человека, как объяснить, насколько внутреннее душевное состояние соответствует внешним его проявлениям, но скажу Вам только, что здесь он держал себя так, как будто не только не сокрушен смертью брата, а радуется ей. Непонятно, непостижимо, но тяжело было это видеть. Простите, что не рассказываю Вам по этому поводу разных подробностей; мне больно вспоминать это.

Будьте здоровы, покойны, и дай Вам бог успеха в делах Ваших!

Бесконечно Вас любящий

П. Чайковский [1].

345. Мекк—Чайковскому.

1881 г. марта 22—25. Браилов.

Браилов,
22 марта 1881 г.

Благодарю Вас горячо и безгранично, дорогой, добрый, несравненный друг мой, за Ваше теплое участие в моем положении. Вы молитесь за меня. Боже мой, да ведь этого одного достаточно, чтобы дать мне силы переносить все гонения, все удары, которые не перестают сыпаться на меня. Знаете ли, милый друг мой, что̀ придумали теперь добрые люди на меня и моего бедного Володю? Вы не догадаетесь, сколько бы ни думали,—что мы нигилисты и дали миллион рублей на взрыв, которым убило государя???! что Володю засадили в Петропавловскую крепость, и он там отравился, что жену его арестовали на границе, а я теперь все продаю и с горя уезжаю за границу навсегда. Об этом говорит теперь вся Москва до такой степени, что Володя, приехавши из Петербурга, должен был прямо со станции поехать к обер-полицеймейстеру и просить его защиты против такой возмутительной клеветы. Но до чего же доходит людская злоба! Я не знаю, есть ли еще человек на всей Руси, который бы столько возмущался этим злодеянием и питал бы такое отвращение ко всей касте нигилистов, как я, и человек, который бы так чуждался всякой политической деятельности, как Володя. Ему некогда даже следить за политикою, не только вести се. Плюс всего этого, за что это такая злоба? Володя, это такой человек, который в своей жизни мухи не обидел, как говорится. Я также никого не трогаю. За что же это озлобление? И какая правильная логика у людей: вывели это из того, что Володя вышел из правления Либаво-Роменской дороги, а я вследствие своего стесненного положения продаю свои бумаги! Не правда ли, что честный человек если бы целый год думал, то не придумал бы таких выводов.

А тут в Браилове также неприятности от честных людей. Снятельный управляющий не выдержал контроля и попросил вчера увольнения.

Я очень рада избавиться от него, но у меня все-таки нет никого, кому бы я могла поручить дело.

Но это все ничего, и Вы не беспокойтесь обо мне, мой милый, бесценный друг. Я сама в своем теперешнем положении мучусь не о себе. Я-то ведь как-нибудь доживу, но меня убивает, не дает покоя страх, что дети останутся ни с чем. Я всю свою жизнь, всю себя кладу на то, чтобы обеспечить им средства к жизни, и не достигнуть этого ужасно, нельзя умереть спокойно. Но, конечно, никто, как бог,—на него одного вся надежда! Люди или, вернее сказать, человек, на которого я надеялась, как на каменную стену, оказался гнилым плетнем из хвороста, который повалился без всякого сопротивления от первого прикосновения к нему. Остался у меня как живой деятель один мой бедный, дорогой Володя, но и он не многого может достигать, потому что ему не только не помогают, но подставляют ногу на каждом шагу, стараются вооружить меня против него.... А делает это человек, который и сам себя и другие люди считают честным человеком, но вся его честность сводится к тому только, что он чужого не положит себе в карман, но чужое погубить, разорить ему ничего не значит из-за самых мелких побуждений.... И в руках такого человека находится все мое состояние потому только, что он себе в карман не положит. И вот эта-то зависимость приводит и меня в отчаяние и дела в безвыходное положение. Володе я не могу отдать в руки все состояние, он слишком доверчив, его просто могут обобрать, поэтому он только хлопочет изо всех сил сделать то, что надо для моего спасения, а этот—все, что надо для того, чтобы мешать Володе в этом. А тут еще и судьба меня не щадит. Накануне 1 марта решалось мое дело, которое вполовину меня спасало, а тут грянул этот роковой удар для всей России, все оцепенело, застыло, дела все прекратились, и неизвестно теперь, когда войдут в свое нормальное течение, а благодетель мой этим воспользовался; чтобы закрепить опять надолго мое бедственное положение.

Вы желаете знать, милый друг мой, о средствах спасения для меня и при этом извиняетесь за Ваше желание. Да мне невыразимо приятно Ваше участие и интерес к моим делам, для меня служит облегчением говорить с Вами об них.

Средства к моему спасению есть реализация капиталов, которые у меня находятся в разных акциях, Бранлове и доме в Москве. Путь к этому—продажа этого имущества. Вот об этом-то Володя и хлопочет изо всех сил, а мой благодетель мешает ему в этом, а я тем временем разоряюсь на уплате процентов на мои громадные долги. Мешает же он таким постоянным фортелем. Как только Володя находит покупателя на какие-нибудь бумаги по цене, которою я вполне довольна, так он поднимает шум, что это слишком дешево и что он дороже продаст, тормозит дело, заводит бесконечную переписку со мною, со всевозможными выдумками и доносами на Володю и на тех людей, с которыми он предпринимает дело, отталкивает их от меня, а сам ничего не делает.

Если бы мне удалось продать два рода моих бумаг, Моршанские акции и Либаво-Роменские, то я была бы вполне спасена, но, к несчастью, первые из этих бумаг дают очень малый доход, а вторые совсем никакого, хотя доставляют большие и вполне осуществимые надежды на большие заработки, но мне некогда ждать этого. Поэтому я готова дешево отдать эти бумаги, чтобы спасти другие, которые дают хороший доход. Сказать Вам, какие есть надежды на осуществление средств моего спасения, как Вы видите, милый друг мой, я не могу, потому что вся завишу от произвола другого человека, и это есть самое ужасное в моем положении, а вырваться из него я не могу, потому что не имею никого

кому бы могла отдать в руки все состояние. Я задыхаюсь в этом бесчеловечном деспотизме и бессильно опускаю руки. Но бог есть милосердный бог, который сжалится над моими детьми, в нем одном вся надежда.

Я продаю и Браилов и московский дом, т. е., вернее сказать, я заявила, что желаю продать их, но это все также находится в руках моего благодетеля.

Но бог с ним, хочется отдохнуть.

Знаете, милый друг мой, что мне удалось отдать Сиамаки в аренду с сохранением для себя домика, всей при нем усадьбы, сада и купальни, всего, чем Вы пользовались там, дорогой мой, и поэтому я опять могу пригласить Вас этим летом приехать погостить, осветить любимый мною уголок. Я очень рада, что мне удалось удержать это местечко.

24 марта.

У меня с каждым днем открываются все новые и новые безобразия моего сиятельного управляющего. Я не могу указать ни на какое к р у п н о е его деяние, но это есть м е л к и й мошенник, который, конечно, в общей сложности своих великих дел доставлял нам крупные потери и тем более зловредные, что их и преследовать не стоит, так как каждое в отдельности не есть крупное. Он уволен от экономии, но состоит директором завода, и это меня очень беспокоит, но для этого места у меня уж решительно никого нет, и теперь я жду приезда Володи, чтобы хлопотать отдать в аренду сахарный завод. У меня уж есть несколько предложений, но я еще не знаю, что дадут. Что бы Льву Васильевичу взять у меня в аренду сахарный завод, а еще бы лучше и весь Браилов, только я оставила бы для себя главную усадьбу при дворце и Симацкую, а если бы он нашел нужным поселиться в Браилове, то есть дом огромный, бывшая контора, где теперь помещается полковой штаб. Хотела бы я получить за сахарный завод и экономию чистых сто двадцать тысяч рублей, но не знаю, удастся ли это. Вот Вам, милый друг мой, мои проекты, желания и соображения о моих делах.

Кончивши это письмо и собираясь писать адрес, я стала втупик, куда адресовать Вам, друг мой. Поэтому подожду еще посылать это письмо до Вашего уведомления.... До свидания, дорогой, безгранично любимый друг. Всем сердцем Ваша

Н. ф.-Мекк.

Бедный, бедный Ник[олай] Гр[игорьевич] или, вернее сказать, бедные, бедные мы, что потеряли его. Кто теперь будет так хорошо исполнять Вашу симфонию? Напишите мне, друг мой, про его брата Антона, как на него подействовала эта потеря; ведь они были очень дружны.

25 марта.

Хорошо, что я не послала своего письма, потому что получила Ваше, из которого вижу, что Вы уже в Петербурге, милый друг мой.

Замечательно, как у нас мысли сходятся. В этом письме я Вас спрашиваю об Ан[тоне] Рубинштейне, и в то же время Вы мне пишете об нем. Да, очень больно и обидно видеть такую несостоятельность чувства, а ведь Николай его ужасно любил, гордился, хвастался им. Эх, люди, люди, эгоисты бездушные!

Милый, дорогой мой, зачем Вы хотите поступить опять в консерваторию? Зачем налагать на себя опять это тяжелое ярмо? Только что, быть может, нервы и здоровье начинают успокаиваться, укрепляться, а тут опять все испортится, пропадет. Вы выражали такие хорошие ре-

лигиозные чувства, веру в милость божью и покорность воле его. Зачем же Вы теперь хотите бороться с промыслом божьим? В с е Ваше теперешнее положение устроено провидением. Вы, я и всякий другой есть только орудия в руках его, на исполнение его воли и начертаний, так не искушайте бога, не старайтесь и с п р а в л я т ь то, что он сделал. Верно, что «судьбы божии неисповедимы», и ни с какими соображениями мы не должны в них вмешиваться, а воля божья творится сама,—нам не надо ее угадывать. Но, впрочем, простите, друг мой, мою тираду. Я скажу только одно, что что̀ бы Вы ни предприняли и как бы ни поступили, я н е о т д а м с в о е г о п р а в а з а б о т и т ь с я о В а с, и Вы не имеете права взять его от меня до тех пор, пока я в состоянии пользоваться им, а эту-то черту бог и укажет нам обоим....

Еще раз до свидания, бесценный мой.

346. Чайковский—Мекк.

Петербург,
30 марта 1881 г.

Вот уже пятый день, что я в Петербурге, дорогой, милый друг мой! Все впечатления в высшей степени грустные, начиная с погоды, которая страшно холодна и еще вовсе не весенняя. Общее настроение жителей какое-то подавленное; у всех на лицах написан страх и беспокойство за будущее. Я испытываю ежеминутно такое чувство, как будто мы ходим по вулкану, который вот-вот развергнется и поглотит все существующее. Испытываю также страстное стремление уехать поскорей куда-нибудь подальше.

Я нашел здесь сестру и старшую племянницу Таню. Обе они больны, и еще бог знает, когда им можно будет тронуться в путь, а я не уеду, пока они совсем не поправятся. Сестра решается послать Таню за границу, так как врачи находят, что ей необходимо рассеяться и на время изменить образ жизни. От брата Анатолия невеселые известия. У него произошел разрыв с его странной, загадочной невестой. Судя по всему, следует скорее радоваться, что он не связал себя вечными узами с этой полусумасшедшей девочкой, но ему весь этот длинный роман стоил больших нравственных терзаний, и здоровье его пошатнулось. Смерть Н[иколая] Гр[игорьевича], с которым он вместе жил, произвела на него убийственное впечатление. Ну, словом, куда ни посмотришь, везде грустно, а тут еще от меня ни на минуту не отлетает мысль о Вашем затруднительном положении. Мне так жаль Вас, милый друг! Я не могу без слез подумать о том, что Вы теперь лишены того блага, которым дорожили больше всего, т. е. свободы, и что обстоятельства приковали Вас к Браилову надолго. Я так понимаю всю массу тягостных ощущений, которые Вы должны испытывать! Надеюсь, что к свя-

той неделе я попаду в Каменку. Прошу Вас, дорогой друг, писать мне туда. Я проживу в Каменке, вероятно, очень долго.

Будьте здоровы, бесконечно любимый мною друг! Пошли Вам бог всяких благ!

Ваш П. Чайковский.

347. Чайковский—Мекк

Петербург,
31 марта 1881 г.

Дорогой, милый друг! Со вчерашнего утра я все пишу случая написать Вам хоть несколько слов, чтобы поблагодарить за чудное письмо Ваше, полученное мною тотчас после отсылки моего. Но обстоятельства складываются так, что я даже дома вовсе не бываю. Болезнь сестры осложнилась двумя нарывами, столь серьезными, что вчера ее хлороформировали и сделали надрез. Теперь она страшно слаба, едва говорит и двигает руками. Все в тревоге, и так как Льва Васильевича нет, то я своим присутствием около больной стараюсь отчасти заменить его. Пишу Вам, друг мой, из дома моей кузины, где сестра и племянницы остановились.

Благодарю Вас, дорогой друг, за сообщаемые Вами в ответ на мой вопрос сведения о возможном улучшении Ваших дел. Как я рад, что граф Сципио лишился Вашей доверенности! Я давно уже с разных сторон слышал, что этот ловкий поляк неспособен быть для Вас полезным, но не решался писать Вам о том, боясь, что ходящие о нем слухи неосновательны. Теперь я верю им!

Дорогой друг! Я тотчас же пишу Льву Васильевичу, прося его ответить на Ваш вопрос об аренде. Помню, что года два тому назад он при мне говорил, что, если б Вы отдали ему Браилов в аренду, он мог бы дать Вам хороший доход. С тех пор его обстоятельства переменились, и я не знаю, как он отнесется к этому вопросу. В одном я уверен, это, что он счастлив будет услужить Вам.

Более обстоятельно буду писать Вам завтра!

Будьте здоровы, дорогая моя!

П. Чайковский.

348. Чайковский—Мекк

Петербург,
2 апреля 1881 г.

Милый, дорогой друг! Пишу Вам в самом тревожном состоянии духа. Вчера сестра моя была так сильно больна, что при-

шлось созвать консилиум. Врачи пришли к заключению, что опасности для жизни нет; у нее образовались камни в печени, и, пока они не пройдут, она будет страдать сильно, но болезнь эта не представляет большой опасности. Как бы то ни было, но она так слаба, так упала духом, что тяжело смотреть на нее. А тут еще рядом с нею приходится ухаживать за племянницей Таней, которая, как Вам известно, больна с ноября и теперь от волнения и страха за мать, того и смотри, сляжет надолго. Врачи требуют, чтобы при первой возможности Таня уехала за границу главнейшим образом для того, чтобы на время разлучить мать с дочерью. Каждая из них (будучи болезненно нервными натурами) вздохнет несколько свободнее, когда предмет вечного беспокойства и тревоги будет вдали. Так как Тане нужен провожатый, то очень может быть, что мне придется ехать с нею. Мне, стремившемуся отдохнуть в деревне от пережитых тревог, очень не улыбается поездка, но что делать!

Льва Васильевича по телеграфу мы вытребовали сюда и ждем его с величайшим нетерпением. Тяжелый год досталось нам всем пережить!

Я жду с нетерпением зятя, чтобы поговорить с ним о Ваших делах. Я уверен, что он здраво и практично отнесется к делу и даст хороший совет.

Как мне благодарить Вас, дорогая моя, за то, что, мучимая тревогой за участь Вашего состояния, за обеспеченность детей Ваших, Вы еще и обо мне заботитесь! Я до слез тронут Вашей бесконечной добротой, но, признаюсь, мысль, что я злоупотребляю ею, нередко терзает меня. Мне как-то совестно пользоваться попрежнему всеми благами свободы, которою Вы меня наделили, когда Вы сами принуждены себя во всем ограничивать! Впрочем, повинуясь Вам, не буду покамест затрагивать этого вопроса. Прошу Вас только, друг мой, не забывать, что я совершенно о б е с п е ч е н не только от нужды, но даже от ограниченности средств, в том смысле, что мне стоит сказать слово, и меня возьмут в ту или другую консерваторию за отличное вознаграждение. А что я приму профессорское место лишь по необходимости, без удовольствия, так мало ли что!

А в заключение скажу, как Вы: будем надеяться на бога! Да сбудется его воля!

О многом еще хотел бы поговорить с Вами, но отлагаю до следующих писем. Я очень измучен беспокойством и тревогой.

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

349. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
8 апреля [1881 г.]

Милый, дорогой друг! Судьба, которая вообще в последнее время любит устраивать мне маленькие неприятные сюрпризы и помехи, держит меня, как нарочно, в ненавистном Петербурге. Уже давно душа моя стремится на юг, в деревню, в мой насиженный каменский уголок—и вот мне приходится дышать отвратительными петербургскими миазмами, созерцать здешнюю жалкую чухонскую природу, страдать от столичного шума и суеты! И бог знает, когда это кончится. Бедная сестра до сих пор лежит и страдает, хотя и несколько меньше. Ее лечат три превосходных доктора, из коих один—Боткин. В этом отношении я спокоен: все, что можно было и будет, сделано. По их диагнозу, болезнь ее не грозит опасностью для жизни, но тяжела и продолжительна. У сестры образовался в желчном пузыре камень; камень этот стремится выйти и на пути своем где-то застрял, причиняя ей страшную боль и, вследствие своего положения, задерживая естественное излияние желчи. Последнее обстоятельство причинило так называемую ж е л т у х у; она вся с ног до головы окрашена теперь в резкий желтый цвет, производящий на взгляд очень тяжелое впечатление. Мы ожидаем теперь Льва Васильевича. Анатолий, собиравшийся в Каменку на праздники, тоже приехал сюда. Свадьба его расстроилась. Я считаю это для него большим счастием, ибо по всему видно, что M-elle Мазурина—девушка безнравственная, неразвитая, взбалмошная и капризная, словом, неспособная составить чье-либо счастие. Представьте, милый друг, что в течение этой зимы она несколько раз соглашалась сделаться его невестой и потом снова отказывалась, не отказывая ему однакож при этом в таких проявлениях чувства, которые порядочная девушка может расточать только своему настоящему или, по крайней мере, будущему супругу. Впоследствии он от нее дважды отказывался, но, по ее настоянию, снова к ней возвращался. Теперь канитель эта, кажется, кончилась совсем.

Я еще решительно не знаю, когда мне можно будет отсюда уехать. Пока сестра не поправится совсем, я останусь здесь.

Как-то Вы живете, моя дорогая? Надеюсь, что у Вас уж теперь настоящая весна и что ни с чем не сравнимые радости, приносимые нам этой волшебницей, уже приносят и Вам утешение в Ваших горестях и заботах. Ваши петербургские юноши уже, вероятно, в Браилове. Молю бога, чтобы здоровье симпатичного Сани поправилось поскорее и вполне. Поздравляю Вас, друг

мой, с светлым праздником и посылаю Вам тысячи пожеланий.
Ваш бесконечно Вас любящий и благодарный

П. Чайковский.

350. Мекк—Чайковскому

1881 г. апреля 10—11. Браилов.

Браилов,
10 апреля 1881 г.

Милый, бесценный друг! Давно я Вам не писала, но у меня это время голова идет кругом, не только нет времени отвести душу в беседе с Вами, но нет времени отдохнуть хоть полчаса сряду, собраться с мыслями. Суматоха и хаос такой, что нервы чуть не рвутся от напряжения, а все это потому, что я окончательно увольняю графа Сципио со всех должностей, и теперь идет приемка и экономии и сахарного завода, а дела у него и счетоводство велись так, что теперь три специально образованные бухгалтера сидят две недели за разборкою счетов и не могут разобрать их, да не только они, но сам бухгалтер, который вел эти книги, entre parenthèses: cousin germain de Monsieur le Comte*, не может разобрать и выпутаться из них. Для этой приемки Володя привез мне трех бухгалтеров, двух юристов и одного техника, и вот они почти две недели возятся с этим делом....

11 апреля.

Каждую минуту ко мне приходят то техник, то бухгалтер, то юрист из членов той комиссии, которую Володя мне оставил, у всех их есть или вопросы или сообщения мне сделать. Недобросовестность графа Сципио все ярче и ярче выступает с каждым днем. Мы окончательно решили сдать сахарный завод в аренду. Это дело также надо строго обдумать. Охотников взять в аренду очень много. Как только заслышали, так и посыпались, но я очень боюсь в чем-нибудь ошибиться, так как аренда будет очень надолго, от десяти до двенадцати лет. Поэтому я опять обращаюсь к Вашей дружбе, дорогой мой Петр Ильич, не откажите показать Льву Васильевичу условия аренды, которые я состряпала сама одна, и скажите ему, пожалуйста, что я ему низко кланяюсь и усердно прошу пробежать эти условия и сказать об них свое мнение....

Пахульский также так занят теперь и письменною частию и отдельными поручениями по брайловским делам, что и скрипку в руки не берет. Вчера вернулся из Киева, куда я его посылала по делам. Музыка все-таки у нас слышна постоянно. Соня и Милочка забастовали с своими уроками уже на праздничные ваканции.

Поздравляю Вас, милый, добрый друг, с наступающим торжественным праздником. Желаю Вам от души провести его в полном спокойствии, здоровье и удовольствиях. Прошу Вас также поздравить от меня Александру Ильиншну и Льва Васильевича с праздником и пожелать им всего самого лучшего. Что это бедная Александра Ильиншна все хворает и хворает, пошли ей бог скорейшего выздоровления. До свидания, мой бесценный друг. Всею душою всегда Вас безгранично любящая

Н. ф.-Мекк.

---

* в скобках: двоюродный брат графа

351. Чайковский—Мекк

С.-Петербург,
18 апреля 1881 г.

Милый, дорогой друг! Едва ли не более недели уже прошло с тех пор, как я в последний раз писал Вам. Уж если я даже Вам так долго не посылал о себе известий, то это признак глубоко возмущенного состояния духа, в коем я действительно и обретаюсь. Положение дел все то же: грустное и неопределенное. Сестра лежит все еще в постели, и выздоровление ее не может наступить скоро. Кроме главной болезни (камня в печени и разлития желчи) она страдает периодическими повторениями громадных нарывов на животе. Два раза ее оперировали с хлороформом. Врачи посылают ее в Карлсбад и говорят, что это единственное средство излечения. Но как тронуться в путь, когда она так слаба, что не может даже сидеть? Затем представляется вопрос: как и с кем ей ехать? Лев Васильевич, вызванный сюда по телеграмме, оставил все хозяйство в такую горячую пору, не успев никому дать определенной инструкции, как действовать в случае его продолжительного отсутствия; да без него и не может оно итти как следует. Следовательно, ради общей пользы ему нужно как можно скорее ехать в Каменку. Сопровождать сестру придется одному из нас, братьев, и требуется разрешить, кому именно. Модест связан Колей, Анатолий службой, я один свободен, но зато не гожусь быть покровителем для больной, ибо сам нахожусь, вследствие всего испытанного мною в течение последних месяцев, в состоянии далеко не нормальном. Таким образом, мы все еще не можем притти ни к какому положительному решению и ждем, чтобы, по крайней мере, определилось в более прочных и верных признаках выздоровление сестры.

Уверяю Вас, дорогой друг мой, что давно уже я не был так расстроен и жалок, как теперь. Кроме семейных огорчений и тревог, куда ни взглянешь—везде мрак, уныние, горе.

О московских музыкальных делах я не могу думать без слез; чем дальше, тем больше и живее чувствуется вся невознаградимость утраты, понесенной нами. Про Вас и Ваши дела я тоже постоянно помышляю с болью сердца. Кроме того, так долго не имея об Вас известий, я беспокоюсь и грущу. Впрочем, я сам виноват. Вероятно, я оттого так долго не получаю от Вас писем, что Вы не знаете наверное, где я нахожусь.

Возвращаюсь к моим семейным делам. Претендент на руку племянницы Тани, Трубецкой, находится здесь. Он вышел в отставку и перешел на гражданскую службу пока еще с ничтож-

ным жалованьем. Отец его умер, оставив дела в невыразимом расстройстве. Оказывается, что у него нет ничего, кроме неопределенных надежд на будущее. Между тем, взаимная любовь наших молодых людей после годового испытания оказалась твердой и прочной. Очевидно, нужно сделать все, чтобы ускорить их соединение, и Лев Васильевич, кажется, решается дать свое согласие на брак. Завтра Т а н я будет объявлена, вероятно, невестой. Это было бы очень радостно, если бы всех нас не тревожила мысль об угрожающей им бедности. Представьте себе, друг мой, что у Трубецкого нет ничего, кроме шестисот рублей жалования, а Таня может получить от отца никак не более трех тысяч. Между тем, она очень непрактична, очень избалована. Страшно за них, но не правда ли, что нельзя из денежных соображений препятствовать молодым людям соединиться браком?

Если бы Вы знали, дорогая моя, до чего мне здесь тяжело, убийственно грустно и тошно жить. Меня манит деревня, зелень, солнце,—и между тем я все еще не смею надеяться, что скоро попаду в Каменку. Однакоже весьма вероятно, что в скором времени я уже не буду иметь сил совладать с собою, и окажется просто необходимым, чтобы я уехал.

Милый друг! Сегодня я буду телеграфировать Вам и просить известий о Вас. Что касается писем, то прошу Вас не давать себе труда писать мне до тех пор, пока не разрешится моя участь и пока я не извещу Вас о том, куда еду: в Каменку или за границу с сестрой.

Простите небрежность писания.

Безгранично Вас любящий

П. Чайковский.

352. Мекк—Чайковскому

Браилов,
22 апреля 1881 г.

Вчера получила телеграмму Вашу, мой милый, несравненный друг, и мне очень совестно,что я доставила Вам беспокойство, но я не писала в Петербург потому, что не знала, сколько времени Вы там пробудете, и считала вернее написать Вам в Каменку и туда послала длинное письмо с просьбою о своих делах.

Судьба не перестает быть жестокою ко мне. Вчера получила очень горькое для меня известие о смерти единственной сестры моей [1]. Вы, кажется, знаете, милый друг мой, что мы с нею давно уже перестали видеться вследствие разных столкновений, но тем не менее эта смерть глубоко огорчила меня, тем более, что она явилась совсем неожиданно. Я ничего не слыхала даже, чтобы она была нездорова, и вдруг вчера несколько телеграмм о смерти. Это очень тяжело.

Мне необходимо съездить в Москву по моим делам, но ужасно не хочется. У меня там столько неприятного теперь, что дрожь пробегает по телу, когда я думаю об этой поездке, а все-таки придется ехать, хотя и здесь очень боюсь оставить без себя.

Приемка сахарного завода сделана, но директор еще не уехал. Я бы очень хотела скорее избавиться от него....

Пишу Вам немного, дорогой мой, потому что думаю, что письмо мое не застанет Вас уже в Петербурге и пропадет [2].

Как здоровье Александры Ильинишны? Поправляется ли она? Поедет ли за границу Татьяна Ильинишна?* До свидания, мой милый, бесценный друг. Я бы очень хотела, чтобы Вы скорее приехали в Каменку. Будьте здоровы и веселы. Всем сердцем безмерно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

353. Чайковский—Мекк

Каменка,
29 апреля 1881 г.

Наконец я в Каменке! Вот как это случилось. Я, кажется, писал Вам, дорогой, милый друг мой, о том, что в конце святой недели в Петербург явился Трубецкой (претендент на руку Тани) и возобновил свое сватовство. После некоторых довольно тяжелых колебаний дело разрешилось помолвкой, состоявшейся на Фоминой неделе. На Т а н ю это имело превосходное влияние: она сделалась здорова, весела, счастлива. Но на бедной сестре моей вся эта суета отозвалась новыми ужасными припадками и столь сильными болями в печени, что она кричала и просила у б и т ь е е!!! Не буду описывать Вам всех ужасных тревог и нравственных страданий, которые нам всем пришлось испытать. Когда ей стало лучше, она начала так сильно тосковать о детях, оставшихся в Каменке, что проектированная поездка в Карлсбад отменена. Доктора советуют при первой возможности отвезти ее в Каменку и уже потом, е с л и х в а т и т с и л ы, за границу. А покамест она непременно желала, чтобы я поспешил в Каменку к детям, которые тоскуют, скучают и хотят, чтобы я хоть отчасти заменил им отсутствующих родителей. Я тотчас же собрался, остановился сутки в Москве (где мне пришлось с большим усилием, но самым решительным образом отклонить энергические требования дирекции Муз[ыкального] общ[ества] о принятии места директора) [1] и сегодня утром приехал сюда. Нельзя выразить никакими словами радость, которую мой приезд доставил детям. Целый день я провел с ними, очень устал и имею силы лишь вкратце известить Вас обо всем происшедшем.

---

* *Описка. Следует:* Львовна

Дорогое письмо Ваше прочитал с величайшим интересом. Дай бог, чтобы аренда удалась!!! Проект условия я, к сожалению, не могу тотчас же сообщить Льву Васильевичу, ибо он в Петербурге, а посылать боюсь, ибо весьма может статься, что в случае улучшения здоровья сестры он тотчас же приедет сюда, и тогда письмо мое придет в Петербург после его отъезда. Итак, буду ждать его здесь. Простите, ради бога, дорогая моя, за небрежность писания.

Весь Ваш П. Чайковский.

354. Чайковский—Мекк

Каменка,
30 апреля 1881 г.

Дорогая моя! Сегодня я в первый раз после долгого промежутка времени могу написать Вам с несколько более спокойным духом. Как много я пережил в эту зиму! Сначала утрата Алеши, к которой я до сих пор не привык и никогда не привыкну, потом постановка двух опер, поездка за границу, не принесшая ничего, кроме горестных впечатлений, жизнь в Петербурге около больной сестры, возвращение в Каменку— какая огромная масса всякого рода тревог, волнений и страхов! Я долго не опомнюсь от этих шести месяцев, а охота писать у меня прошла на многие дни. В настоящую минуту я даже не могу представить себя пишущим музыку, да и не до того. Невыразимо грустное впечатление производит на меня опустелый каменский дом. Если б еще можно было надеяться на скорое возвращение хозяев, но, увы! из вчерашней депеши видно, что выздоровление сестры если и предвидится, то в отдаленном будущем. Здесь хозяйство очень страдает вследствие отсутствия Льва Васильевича. Но до чего мне жаль бедных деток, лишенных так надолго родительских ласк; особенно маленького Юрия я не могу видеть без желания прослезиться. Старшие дети стали как-то серьезны и задумчивы; видно, что они понимают, какая страшная опасность угрожала и до сих пор еще угрожает им. Большую перемену я нахожу в Тасе. Она сделалась солиднее, более ровна характером; роль старшей в доме она поддерживает с величайшим достоинством и чрезвычайно заботлива относительно меньших братьев. Все ее добрые качества выступают теперь рельефнее; можно надеяться, что со временем она совсем исправится от своих маленьких недостатков. Я хорошо сделал, что приехал сюда; для детей это все-таки некоторая замена родителей. Целый день я провожу

с ними, и мне трудно передать словами, до чего трогательны их ласки и благодарность за то, что я приехал.

Чрезвычайно грустно мне было видеть ослепшую старушку А. И. Давыдову, мать моего зятя, последнюю из декабристок, последовавших за мужьями в Сибирь. Один глаз она потеряла еще в прошлом году; теперь от множества слез, пролитых по случаю смерти государя и разных семейных тревог, она лишилась и второго глаза. Но такова в ней сила религиозного чувства, что бедствие это она переносит с полным спокойствием и смирением перед божьей волей.

Читали ли Вы, милый друг, в журнале «Русская мысль» за этот год повесть Данилевского, называемую «Каменка»? [1] В повести этой описывается именно наша Каменка в последние годы Александра I. Действующими лицами являются отец, дяди, бабушка моего зятя, Пушкин, живший здесь долго, Раевские и т. д. Повесть написана с знанием дела, но не особенно даровито.

Мне чрезвычайно досадно, что обстоятельства мешают мне поскорее сообщить Вам, дорогой друг, мнение Льва Вас[ильевича] о проекте арендного условия на завод Ваш. Я вижу однако же, что ранее недель двух мне не придется увидеть его здесь, и потому посылаю условие это сегодня же в Петербург. Молю бога, чтобы аренда эта состоялась на выгодных для Вас условиях. Несказанно радуюсь, что у Вас в доме все благополучно. Вряд ли мне придется погостить это лето в Симаках. Я виделся с Алешей в Москве и чувствую, что горе, причиняемое мне разлукой с ним, не только не улеглось, но еще сделалось живее и острее. Он очень огрубел физически, т. е. стал грязен (ибо иначе и быть не может в казарменной жизни), но в особенности морально. Мысль, что четыре года пребывания в солдатчине совершенно исказят все его нравственное существо, просто убивает меня. Через три с половиной года он вернется ко мне, но, увы, уже совсем другим Алешей! Между тем, более чем когда-либо я чувствую, до чего он бы мне был нужен именно теперь, когда у меня накопилось в сердце так много горечи и когда прочные привязанности и привычная обстановка так успокоительно бы могли на меня действовать. Я знаю, что одно присутствие его около меня, сознание, что у меня под рукой существо, безгранично мне преданное и много лет бывшее моим постоянным спутником, придало бы мне много нравственной силы для побеждения грызущей меня тайной тоски и отвращения к делу. Признаюсь Вам, что я боюсь этой тоски, боюсь упасть духом и сломиться. Очень может быть, что болезненное состояние моей души кратковременно, но во всяком случае Алеша был бы мне теперь

страшно нужен. Все, что мне напоминает его, действует на меня болезненно тяжело, ибо раскрывает все значение понесенной утраты. Вот почему я боюсь ехать в Симаки, где каждая минута жизни, каждый уголок дома будут постоянно растравлять мою рану.

Воображаю, как бы засмеялся какой-нибудь чужой мне человек, читая эти строки, как бы удивился он, что можно тосковать и страдать п о л а к е е. Но что же делать, если этот л а к е й был в то же время моим другом и притом столь преданным и любящим![2] Я поддался хандре, хотя, садясь писать Вам, хотел быть бодрым и спокойным. Может быть, скверная погода увеличивает мою тоску. Как бы то ни было, но я рад, что нахожусь в Каменке. Здесь я чувствую себя ближе к Вам и д о м а, а это для меня главное. По крайней мере, я имею теперь возможность сбираться с мыслями и отдыхать от суеты и толпы городской.

До свиданья, дорогая моя! Желаю Вам успеха в делах Ваших и здоровья. Поклонитесь, пожалуйста, Юлье Карловне, Пахульскому, Милочке, Саше,—всем Вашим милым сожителям.

Безгранично Вам преданный
П. Чайковский.

355. Мекк—Чайковскому

1881 г. мая 4—6. Браилов.

Браилов,
4 мая 1881 г.

Как я рада, что Вы наконец приехали в Каменку, мой милый, несравненный друг. Я даже в делах как-то стала смелее; мне кажется, что уж если станет очень плохо, так Вы меня порадуете. А дела меня совсем придавили. Я не ощущаю ни обновления природы, которое всегда так люблю, ни удовольствия жизни в Браилове, который Вы знаете, как я люблю, ни наслаждения музыкою, которую я боготворю. Все мои личные, индивидуальные потребности придавлены делами, материальными заботами, волнениями от людской недобросовестности и т. п. нерадостного свойства предметами. Утомлена я так, что потеряла аппетит, и даже сон не доставляет мне отдыха. Хотелось бы ужасно вздохнуть свободнее, насладиться сколько-нибудь тем, что мне самой необходимо: природою, музыкою, спокойною беседою с Вами, мой дорогой друг, но не вижу еще и конца этого хаоса. Теперь предстоит поездка в Москву, где меня ожидают весьма тяжелые свидания и объяснения, от которых, конечно, пользы не будет никакой, а расстройство здоровья огромное. Но что делать; у кого есть одиннадцать человек детей, тому надо все терпеть и выносить на своих плечах. В моих делах ничего еще не совершилось, я все жду и надеюсь на милосердие свыше....

Вы, вероятно, знаете из газет, друг мой, о тех безобразиях, какие происходят в наших местах насчет евреев. У нас в Жмеринке это буйство происходило относительно в весьма широких размерах. Забрали

пятьдесят человек и разграбили все еврейские дома, так что со второго этажа выкидывали рояль на улицу. Наши бедные брайловские евреи в большой тревоге и страхе, тем более, что власти никаких мер ограждения не принимают[1]. Какое ужасное, тяжелое время. Счастлив тот, кто может удалиться как можно дальше от всех этих возмутительных событий....

Виновата, милый друг, я и забыла Вас поздравить с помолвкою Татьяны Львовны. Я очень сочувствую такому решению, дай бог им прожить жизнь без особенного горя, дай бог никогда не разочароваться друг в друге.

А мои проекты относительно породнения с Вами все сидят у меня в голове и составляют предмет моих желаний, и потому еще более огорчает меня дурное состояние моих дел, потому что, конечно, Лев Васильевич совершенно вправе требовать от будущего зятя, чтобы он гарантировал ему благосостояние его дочери, а я теперь не знаю, будет ли что-нибудь у моих детей, хотя это странно сказать тому, кто владеет тысячеверстною дорогою, ведущею к одному из лучших портов России, поместьем в девять тысяч десятин земли в Каменец-Подольской губернии, роскошнейшим из всех домов Москвы, миллионною коллекциею бриллиантов и всевозможных objets d'art* и проч. и проч., но тем не менее моим детям могут остаться все эти прелести, и жить будет нечем, потому что нет у меня людей, которые даже сумели бы реализовать эти капиталы, а между тем каждый из этих предметов превосходный и в хороших руках должен быть очень выгодным. Но, например, Володя не может вести этих дел, потому что он носит имя Мекк, и его эксплоатируют, как и меня, и во всех делах не только не помогают, но подкидывают камни на каждый его шаг, потому что зависть и злоба людей невообразимы.

Ко мне пристают теперь, чтобы я не отдавала сахарный завод в аренду, представляют мне, что завод превосходный и что я могу иметь с него огромный доход, если буду вести дело сама, и тут сейчас продают меня каждому плантатору, каждому жиду,—вот и извольте вести с ними дело.

6 мая.

Вчера я целый день не могла и дотронуться до письма к Вам, милый друг мой, так много было дела. Вчера же получила Ваше дорогое письмо. Боже мой, как мне больно, что и Вам также тяжело, Вам даже не хочется в музыке излить свое состояние! Сохрани боже, чтобы это продолжалось, пошли Вам господь успокоение, отдохновение и возможность опять творить на наслаждение и облегчение других страдальцев.

Как мне печально было читать о Вашем Алеше, я именно этого больше всего боялась для него. Но будем надеяться, милый друг мой, что это внешняя, временная огрубелость, что хорошие семена да и на хорошей почве не пропадут, что, как только он очутится опять под Вашим влиянием, все прежнее хорошее заговорит с новою силою, и Алеша превратится опять в Вашего прежнего воспитанника, с мундиром сбросится и весь наплыв грязи.

У нас погода бесчеловечная. Все дожди и нет надежды ни на что лучшее.

Я предполагаю выехать отсюда четырнадцатого в Москву и так прошу Вас рассчитывать Ваши письма, милый друг мой. После четырнадцатого прошу адресовать в Москву до 10 июня. Мне, вероятно, придется пробыть столько времени в Москве и во всех разъездах.

---

* предметов искусства

Будьте здоровы, дорогой мой. Пошли господь успокоение Вашей расстроенной душе, да снизойдет на Вас вдохновение, мечты и наслаждение. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

356. Чайковский—Мекк

Каменка,
8 мая 1881 г.

Мы получили утешительные известия из Петербурга. Сестре гораздо лучше, и скоро она в состоянии будет предпринять поездку в Каменку.

Был обрадован бесконечно Вашим письмом, дорогая моя. Но меня беспокоит продолжающееся расстройство дел Ваших, и я спешу сообщить Вам одну идею. Имеете ли Вы понятие об Конради, отце воспитанника Модеста? Я его не люблю как человека, но он обладает положительно гениальною способностью приводить в порядок большие хозяйства. Знаете ли Вы, что на его руках находятся имения великих князей Мих[аила] Ник[олаевича], Влад[имира] Алекс[андровича], Екат[ерины] Мих[айловны], принцессы Евгении Ольденбургской, а кроме того имения князя Лопухина-Демидова, князя Васильчикова, принца Мюрата и свои собственные. Очень часто его за известное вознаграждение приглашают осмотреть хозяйство, направить и дать совет, как вести дело. Не обратитесь ли Вы к нему? Я бы очень советовал Вам это. Адрес его: Петербург, Фонтанка, 28, Герману Карловичу Конради. Сколько помнится, он не долго останется в Петербурге, но если Вы на конверте надпишете, чтобы в случае отсутствия письмо отправили по назначению, то оно, во всяком случае, дойдет до него. Я знаю, что летом он объезжает все находящиеся под его властью имения и может очень удобно побывать и в Браилове. Мне кажется, что этот человек способен оказать Вам большие услуги, но, разумеется, не даром.

Господи, чего бы я ни дал, чтобы Вы могли успокоиться, насладиться сознанием, что дела Ваши в хороших, верных руках, и быть уверенной в обеспеченности детей Ваших!

Я, кажется, нашел подходящее себе занятие. При том религиозном настроении, в котором я нахожусь, мне приятно будет углубиться в русскую церковную музыку. Я начал изучать «Обиход», т. е. коренные наши церковные напевы, и хочу попытаться гармонизировать их[1].

Ежедневно и горячо молю о Вас бога и надеюсь на него. Он обережет и сохранит Вас для счастия многих людей.

Ваш П. Чайковский.

357. Мекк—Чайковскому

Браилов,
12 мая 1881 г.

Вчера я получила Ваше дорогое письмо, мой милый, бесценный друг, и до крайности обрадована известием, что Александре Ильинишне лучше и что, бог даст, они скоро вернутся в Каменку. Глубоко и горячо благодарю Вас, мой несравненный друг, за Ваше бесконечно доброе участие к моим делам; всякий Ваш совет для меня невыразимо дорог, как выражение Вашей дружбы ко мне. Что касается г-на Конради, то очень вероятно, что он был бы полезен и в Браилове, если бы мог заниматься им, собственно же совета здесь не надо, потому что дело мне вполне знакомо, и ясно, что надо делать, только у меня нет людей, которые бы делали то, что надо.... Я никак не могу встретить человека неуклонно с п р а в е д л и в о г о, т. е. с п р а в е д л и в о г о во все стороны, во всех применениях, одинаково независимо своих мелких побуждений или расчетов. Я сама н и к о г д а не воспользуюсь ни одной ниткою ч у ж о ю, но требую того же и относительно себя; не могу выносить, когда люди для того, чтобы им к л а н я л и с ь и восхваляли их доброту, сорят моею собственностью вправо и влево. Мне чрезвычайно бывает трудно отказывать людям, когда дело идет о м о и х интересах, но я всегда и неуклонно откажу, когда дело идет о защите ч у ж и х интересов. У меня много перебывало на руках чужой собственности, и я всегда, как лев, защищала ее. И теперь не могу равнодушно слышать, когда мне говорят: «Н у, ч т о В а м э т о с т о и т». Для меня всегда дело не в том, чего м н е э т о с т о и т, а в справедливости. Я отдам свое последнее состояние, если с п р а в е д л и в о с т ь этого потребует, но не хочу дать рубля, если его требуют с меня несправедливо. А мне все приходится натыкаться на людей, у которых чувство справедливости совсем не развито. Вот почему мне и для своих дел трудно найти человека.

Вот уже несколько [дней], что я все хвораю, и боюсь, чтобы это не помешало моему выезду, так как надо уже отделаться от этой поездки. А как не хочется ехать....

Как меня радует, милый друг мой, что Вы принялись опять за музыку. Дай господи, чтобы Ваша душа опять обрела свои высокие порывы, свои гениальные полеты на благо человечеству.

Моему французику Bussy'ку очень хочется ко мне в Браилов. У меня не хватит духа ему отказать, хотя у меня уже и есть пианист, старший Пахульский.

Владислав Пахульский едет со мною в Москву, так как он состоит при мне в должности секретаря, то мне без него обойтись нельзя. Музыкою он занимается очень мало, и теперь уже это лежит на моей совести, потому что он постоянно занят моими делами.

Очень много мне помогает мой Сашок, но ему необходимо заниматься самому, чтобы в августе сдавать экзамен. Все мои и Влад[ислав] Альб[ертович] свидетельствуют Вам свое нижайшее почтение. Ваша музыка не сходит с пюпитров. До свидания, милый, бесценный друг.

Всем сердцем безгранично Вас любящая Н. ф.-Мекк.

Из Москвы пошлю Вам бюджетную сумму, так как оттуда удобнее посылать.

358. Чайковский—Мекк

1881 г. мая 10—13. Каменка.

Каменка,
10 мая.

Милый, дорогой друг! Сестре моей внезапно сделалось настолько лучше, что доктора решились пустить ее в деревню, имея в виду, что благодаря И. Г. фон-Дервизу она от Петербурга до самой Каменки могла проехать в своем вагоне. Сегодня и она и Лев Васильевич приехали. Сестра еще очень желта, очень слаба и худа, но, видимо, поправляется; у ней появился аппетит и возвратилась бодрость! Слава богу.

Лев Васильевич вполне одобряет проект условия на сдачу завода в аренду. Он слышал от И. Гр. Дервиза, что Владимир Карлович хотел поговорить и посоветоваться с ним о делах, и ему весьма жаль, что свиданье это не состоялось. Он очень желал бы содействовать приведению в порядок дел Ваших и готов, если Вам этого угодно, приехать в Браилов в июне, когда Вы вернетесь из Москвы. Не решитесь ли Вы в самом деле обратиться к его помощи? В последнем письме я указал Вам на знаменитого дельца Конради, но не лучше ли было бы еще, если б Вы вполне довериться такому человеку, как мой зять, который вследствие своего дружества ко мне уже любит, уважает Вас и искренно расположен быть Вам полезным. Не обладая столь громкой репутацией, как Конради, он однакоже пользуется в здешних местах славой отличного хозяина, а что касается нравственной стороны, то, конечно, он неизмеримо выше Конради. Мне кажется, что в Вашем положении приятно иметь дело не только с знающим, но и с хорошим человеком. Подумайте об этом, дорогая моя. Кто знает? Быть может, Льву Васильевичу суждено быть виновником полного поправления Ваших дел? С другой стороны, не следует забывать, что Лев Вас[ильевич] человек, крепко привязанный к месту, тогда как Конради всю жизнь проводит в разъездах. Итак, обстоятельно взвесивши все эти обстоятельства, выберите одного из этих двух людей, и да поможет Вам бог при их содействии привести дела к желанному порядку.

13 мая.

Новое бедствие! Трубецкой совершенно неожиданно оказался человеком дрянью, и Таня отказала ему. Мне тяжело теперь входить в подробности этого неожиданного разоблачения; достаточно сказать, что он явился к ней в Москве пьяным и наговорил много оскорбительных слов. Случай

этот убийственно подействовал на бедную сестру, и выздоровление ее затянется надолго. Весь год этот есть бесконечная цепь всякого рода бедствий и неприятностей для всех, кто мне дорог. Я повергнут в жестокое уныние. Все противно; хочется умереть. В будущем ничего утешительного. Меня поддерживает только вера в божие милосердие и безропотное подчинение воле его.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

359. Чайковский—Мекк

[Каменка],
15 мая 1881 г.

Дорогой друг мой! Получил сегодня драгоценное письмо Ваше. Не знаю почему, но мне показалось, что в общем тоне его несколько более бодрости и спокойствия духа, чем в предыдущих, несмотря даже на то, что предстоявшая поездка в Москву несколько пугала Вас. Поспешаю сказать Вам, что среди моих горестей мне несказанно приятно было почувствовать или, по крайней мере, вообразить себе, что у Вас как будто несколько веселее и покойнее расположение духа. Письмо Ваше напомнило мне почему-то Ваши п р е ж н и е письма, и мне было так отрадно, так приятно! В последние месяцы я привык читать у Вас между строками много горечи, много страдания и утомления от огорчений и всякого рода невзгод.

Еще я хотел сказать Вам, что мне несколько совестно указывать Вам чуть не в каждом письме то на одного спасителя, то на другого, точно будто Вы сами не знаете, когда и к кому обратиться. Очень может быть, что в настоящую минуту Вы уже предприняли какой-нибудь решительный шаг и дело Ваше идет, как следует. Но все-таки не забывайте, дорогая моя, что в случае нужды в сведущем и добросовестном советчике зять мой к Вашим услугам.

Дай Вам господи успеха во всяких Ваших делах и предприятиях!

Более обстоятельно напишу на-днях.

Ваш до гроба
П. Чайковский.

360. Чайковский—Мекк

Каменка,
17 мая 1881 г.

Дорогой, милый, несравненный друг! Я перечитывал письмо Ваше и удивлялся, почему после первого его прочтения

мне вообразилось, что в нем отражается более покойное состояние души Вашей. Мне так хочется, чтобы для Вас прошли тяжелые времена и наступило прежнее мирное течение жизни, что я поторопился усмотреть признаки перемены. В сущности же вижу теперь, что заботы Ваши и тревоги только усложняются все более и более. Молю бога, чтобы он дал Вам силы побороть все затруднения и чтобы все желания Ваши исполнились.

Я продолжаю хандрить и грустить. Сестра поправляется, но очень туго и медленно. Непостижимо странная и столь неожиданная развязка Танина романа произвела и на нее и на всех нас подавляющее впечатление. Так тяжело ошибиться в человеке и снабдить его всевозможными добродетелями в своем воображении, тогда как в действительности он оказался невероятно дрянною и гаденькою личностью. С другой стороны, разум говорит, что следует радоваться тому, что глаза наши открылись до свадьбы. Было бы без сравнения хуже, если б они обвенчались и разочарование последовало бы, когда дело было бы непоправимо.

Я влачу теперь жизнь серенькую, без вдохновений, без радостей, но физически здоров совершенно и даже принялся за работу. Я перекладываю теперь с «О б и х о д а» коренное пение в с е н о щ н о й службы на полный хор. Работа эта довольно интересна и трудна. Хочется сохранить во всей неприкосновенности древние церковные напевы, а между тем, будучи построены на гаммах совершенно особенного свойства, они плохо поддаются новейшей гармонизации. Зато, если удастся выйти победителем из всех затруднений, я буду гордиться, что первый из современных русских музыкантов потрудился для восстановления первобытного характера и строя нашей церковной музыки.

Пока еще не чувствую ни малейшего поползновения написать что-нибудь своего собственного. Иногда мне приходит на мысль, что п е с е н к а м о я с п е т а, что источник вдохновений иссяк. Но припоминаю, что и прежде мне приходилось переживать периоды полного отсутствия творческих порывов. Вероятно, когда мой нравственный горизонт просветлеет, явится и охота писать. Но просветлеет ли он? Мне в эту минуту чудятся со всех сторон угрожающие и мне самому и всем, кто мне дорог, несчастия.

О, если возможно было теперь хоть один или два дня насладиться тем невыразимым счастием, которое я испытывал, живя у Вас в Симаках, или на вилле Bonciani! Увы! Это невозможно! Все изменилось. Умоляю Вас, дорогой друг, не

отвечать мне теперь на мои письма. Я знаю, что вам не до того.

Безгранично Вас любящий
П. Чайковский.

361. Мекк—Чайковскому

[Москва]
18 мая 1881 г.

Милый, бесценный друг! Имею время только для того, чтобы очень, очень поблагодарить Вас за Ваше дорогое письмо, которое, как всегда, освежило мне душу, ободрило ум. Мне здесь ужасно тяжело за себя, за моего бедного Володю, за человечество, за нравственность. Мне все время приходится выносить такой черствый, непробудный эгоизм, такой бесцеремонный, хотя под самыми гвардейскими приемами, захват моей собственности, моих прав, такую торговлю самыми святыми, по моим понятиям, узами, что во мне совершается какой-то странный переворот. Я как-то одеревенела и чувствую только желание вырваться отсюда, убежать подальше. К большей моей неудаче еще, я приехала слишком рано, раздел наш может окончательно совершиться не ранее как через месяц, и я не могу сделать многого, для чего приехала....

Не знаю, как и благодарить Льва Васильевича за его милую, добрую готовность помочь мне в моих делах. Собственно ответ на это я напишу Вам, милый друг мой, из Браилова, а теперь попрошу Вас только передать мою горячую благодарность достойнейшему Льву Васильевичу за его участие ко мне. Скажите, друг мой, получили ли Вы мое письмо, давно уже, в котором я писала о том, что была бы рада, если бы Лев Васильевич взял у меня в аренду и сахарный завод и экономию, кроме лесов? Я не получила никакого ответа, ни выражения какого-нибудь мнения или замечания на это, поэтому думаю, что это письмо мое не дошло до Вас. Не откажите уведомить меня, друг мой.

Очень меня обрадовало улучшение в здоровье Александры Ильинишны и очень огорчило, что ее встревожил этот случай с Трубецким. Конечно, это очень неприятно, но я все же нахожу, что лучше, что это теперь все открылось, чем бы позже, когда было бы уже слишком поздно. Ах, эти браки, такое несчастье!

Что слышно про и з в е с т н у ю о с о б у? Чем она занимается и вполне ли оставила Вас в покое?

До свидания в н а ш и х к р а я х, дорогой, несравненный друг мой. Всем сердцем горячо и беспредельно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

362. Мекк—Чайковскому

Т е л е г р а м м а

1881 г. мая 18. Москва.

Как адресовать денежную корреспонденцию? Забыла адрес.

Мекк.

363. Чайковский—Мекк

Каменка,
21 мая 1881 г.

Дорогой, милый друг мой! Сейчас получил письмо Ваше и спешу на него ответить. Вы спрашиваете, дошло ли до

меня письмо, в коем Вы предлагали Л[ьву] В[асильевичу] арендовать Браилов? Я получил это письмо еще в Петербурге и тогда же отвечал Вам, что сообщу об этом деле Л[ьву] В[асильевичу] в Каменку, что я и сделал, но, если помните, письмо мое разъехалось с ним. Он по случаю болезни сестры поехал в Петербург, где я лично передал ему о Вашем предложении. Сколько мне помнится, я сообщил Вам в свое время ответ его, и очень может статься, что одно из моих писем не дошло до Вас. Или же вследствие тревог и беспокойств о больной сестре я забыл передать ответ его, и в таком случае прошу Вас убедительно, дорогой друг мой, простить мне мою рассеянность. Ответ его следующий: он бы с величайшею готовностью взял на себя аренду Браилова, если бы у него были капиталы; а таковых у него нет ни для внесения залога, ни для оборота. Состояние Л[ьва] В[асильевича] очень небольшое. Правда, что он не далее, как в эту зиму купил еще пятьсот десятин земли, но все это в долг, который он, конечно, со временем выплатит, как выплатил уже почти весь долг, сделанный для покупки Вербовки десять лет тому назад. Но, повторяю, ему недостает капитала для аренды такого крупного имения, как Браилов. А как мне жаль, что этот план неосуществим! Какое было бы счастие для меня знать, что имение Ваше в руках близкого мне человека, да тогда бы и жил Л[ев] В[асильевич] в Браилове, следовательно, и я с ними!

Известная особа, про которую Вы спрашиваете, держит себя в последнее время тихо и смирно и вот отчего. Она перед прошлой зимой сошлась с каким-то господином и произвела на свет ребенка, отданного в Воспитательный дом. Все это дело случайно узнал во всех подробностях Юргенсон и на всякий случай очень ловко и дипломатически достал неопровержимые доказательства истинности происшествия. Если не ошибаюсь, она и теперь в Москве и живет вместе с отцом своего ребенка.

Милый друг! мне очень жаль, что я не успел ранее Вас предупредить о следующем обстоятельстве. Получение здесь денег с почты, т. е. из Смелянской почтовой конторы, сопряжено с разными проволочками и длинными формальностями, неприятными для меня в том отношении, что тут является бездна посредников, которым вовсе обо всем этом знать не нужно. Вот почему я хотел просить Вас в случае присылки мне бюджетной суммы во время пребывания моего в Каменке делать это посредством перевода на какой-нибудь киевский банк, а перевод посылать в страховом письме все-таки в Смелу. В Киев отсюда съездить недалеко,

да кстати все летом получаемые мной деньги я рассылаю, и опять-таки эту рассылку мне приятнее делать из Киева, чем из Каменки, где неизбежны многие посредники. По получении Вашей телеграммы я хотел Вам об этом написать сейчас же, но боялся как-нибудь напутать, да не знал еще тогда, сколько времени Вы останетесь в Москве. Простите, дорогая моя благодетельница, что я не только не умею достаточно высказать Вам всю благодарность мою, но еще, быть может, беспокою Вас указанием формы, в которой мне удобнее пользоваться Вашими неоцененными заботами. Но, если не ошибаюсь, посылка денег через банк не представляет никаких особенных затруднений сравнительно с посылкой через почту, и вот отчего я решаюсь просить Вас о том.

Беспредельно Вас любящий и благодарный

П. Чайковский.

364. Мекк—Чайковскому

Телеграмма

1881 г. мая 27. Москва.

Дела задерживают меня в Москве, поэтому покорнейше прошу Льва Васильевича приехать Браилов, если возможно, двадцатого.

Мекк.

365. Чайковский—Мекк

Каменка,

1881 г. мая 24—27. Каменка. 24 мая 1881 г.

Дорогой, милый друг! Вчера вечером получил письмо Ваше[1] и передал все, что Вы поручаете мне сказать Льву Васильевичу. Он сам даст Вам обстоятельный ответ, а 10 июня хочет быть в Браилове, чтобы познакомиться с делом. Дай бог, чтобы все это устроилось наилучшим образом!

Благодарю Вас, дорогая моя, за бюджетную сумму, которую я еще не получил, но получу в среду. Радуюсь безмерно некоторому улучшению дел Ваших, о коем Вы пишете.

Вы спрашиваете, друг мой, можно ли будет Коле и Саше приехать этим летом сюда. Разумеется, да, но теперь старших трех барышень здесь еще нет, и поэтому им скучно будет. Затем в июне сестра едет в Карлсбад, так что лучше всего было бы, если бы они побывали здесь в конце июля, когда все будут в сборе. Я ужасно боюсь только, что после Браилова им покажется здесь очень скучно. Я понемножку занимаюсь переложением с «Обихода» песнопений, употребляемых на всенощной службе.

Это дело трудное, но, если удастся, оно, может быть, окажет услугу нашей церковной музыке.

27 мая.

Сейчас получил Вашу телеграмму. Лев Васильевич уехал вчера по делам в Киев и вернется дней через пять; я передам ему, что Вы задержаны в Москве, и заранее могу Вам обещать, дорогой друг, что он приедет двадцатого числа. Вчера получил повестку на бюджетную сумму, за которую премного благодарю Вас!

Приехала племянница Таня, больная, с страшным нервным расстройством, беспрестанными обмороками, слабостью и наводящею тяжелое уныние разочарованностью и преждевременным отвращением к жизни. Сестра, которая начинала понемножку поправляться, сегодня уже едва двигает ногами. Уверяю Вас, друг мой, что, несмотря на всю мою любовь к этому семейству, мне хочется иногда убежать от них куда-нибудь подальше. Какой-то злой рок не дает им счастия, а между тем, казалось бы, есть все для него условия! Но более, чем когда-либо, я им нужен, и останусь.

Работа моя понемножку подвигается, т. е. все больше и больше накопляется у меня переложенных на четыре голоса напевов из «Обихода». Надеюсь летом кончить всенощную.

Погода стоит отвратительная, т. е. засуха с ветром, и бедная, едва прорытая свекловица вянет и сохнет.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Безгранично Вам благодарный

П. Чайковский.

366. Чайковский—Мекк

Каменка,
2 июня 1881 г.

Милый, дорогой друг! Надписывая число на письме этом, я вспомнил, что сегодня день рождения покойного Николая Григорьевича. Ему минуло бы сорок шесть лет. Как рано подкосила его смерть!

Лев Васильевич вернулся из Киева. Ему очень удобно будет прибыть в Браилов около двадцатого числа. Вероятно, к тому времени сестра моя будет в силах пуститься в заграничный путь, и он проводит ее до Жмеринки.

Погода у нас стоит дождливая и холодная. Для свекловицы это хорошо, ибо сильно вредящий ей серый жучок в непогоду зарывается, но для хлебов нехорошо, ибо пшеницу повалило дождем. В общем однакож нынешний год обещает быть урожайным.

Моя серенькая, лишенная всяких светлых радостей жизнь идет по-старому. Обе наши больные, т. е. сестра и племянница Таня, поочередно одна за другой повергают всех окружающих в уныние и тревожное состояние духа. Ночей они обе не спят и вследствие того слабы, грустны и беспрестанно страдают нервными припадками. Впрочем, ничего серьезного в болезненном их состоянии нет. Но только это окрашивает всю нашу жизнь какой-то унылой окраской.

Я погрузился в наши церковные песнопения. Читаю «Историю русск[ой] церк[овной] музыки», изучаю обиходные напевы, знакомлюсь с порядками богослужения и гармонизирую некоторые древние мелодии. Результатом всего этого будет «В с е н о щ н о е б д е н и е», положенное мною на четырехголосный хор.

Не испытываю никаких поползновений к писанию. Давно уже я не находился так долго в периоде охлаждения к сочинительству. Мне бы полезно было теперь отсюда уехать, но это невозможно. Я положительно необходим в настоящую минуту для наших больных, особенно для Тани, которую я занимаю музыкой (игрой в четыре руки), чтением и вообще всячески отвлекаю от предмета ее грустных мыслей, а это для нее теперь очень важно. Я очень бы огорчил ее, если б уехал, и поэтому остаюсь.

Здоровы ли Вы, дорогая моя? Призываю на Вас божие благословение.

Ваш П. Чайковский.

367. Мекк—Чайковскому

Гурьево,
6 июня 1881 г.

Милый, несравненный друг! Простите великодушно, что так долго не писала и не благодарила еще за протекцию Вашу у достойнейшего Льва Васильевича и обещание его приехать в Браилов. Но Вы не можете себе представить, в какой горячечной суете я нахожусь все это время. Трудно мысли сосредоточить на чем-нибудь, что у меня не перед глазами в настоящее время.

Я не помню, писала ли я Вам, что заявила, что продаю Браилов. Из Киева мне указывают многих претендентов на покупку, но до дела ничего еще не доходит. Я не хотела бы отдать его дешевле того, сколько я сама плачу своим детям (полтора миллиона рублей), но сомневаюсь, чтобы нашелся кто-нибудь на эту цену, потому что сумма очень велика, то для того, чтобы облегчить возможность продажи, я поручила в Москве хлопотать о залоге Браилова, еще более впрочем потому, что этот вид долга удобнее, чем под залог процентных бумаг, так как на те, во-первых, процент меняется, во-вторых, при малейшем колебании бумаг на бирже требуют дополнительных взносов, чего нет при залоге имения. То, если я заложу, то мне тем более необходимо выручать доход из имения для уплаты процентов на долг, поэтому я еще более возлагаю надежд на Льва

Васильевича. На продажу я очень мало надеюсь, хотя, конечно, она бы больше всего меня устроила, так как на полтора миллиона рублей я бы получала без всяких хлопот сто пять тысяч рублей. В Москве я почти ничего не сделала для своих дел в финансовом отношении, но в политическом кой-кого подтянула, хотя боюсь, что не надолго, по поговорке: кот из дома—мышам приволье. Вчера я получила тяжелое известие, что Павел Дервиз умер и должно быть разом, неожиданно. Когда я уезжала из Москвы, Иван Григорьевич получил известие, что у Павла Григ[орьевича] умерла дочь (единственная) шестнадцати лет и что ее везут в Москву хоронить, и Ив[ан] Гр[игорьевич] поехал встречать тело, и все семейство при нем, в Вержболово, а вчера Володя мне телеграфирует, что и сам Пав[ел] Гр[игорьевич] скончался. Какой ужасный этот год!

Пишу Вам, милый друг, от моей Саши, к которой я заехала в гости посмотреть ее имение, знать, где она живет.... Завтра я уезжаю отсюда теперь уже прямо в Браилов....

До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

Пошлю Вам это письмо из Тулы.

P. S. Забыла Вам сказать, что Коля в Москве у Ив. Гр. Дервиза познакомился с Анатолием Ильичем.

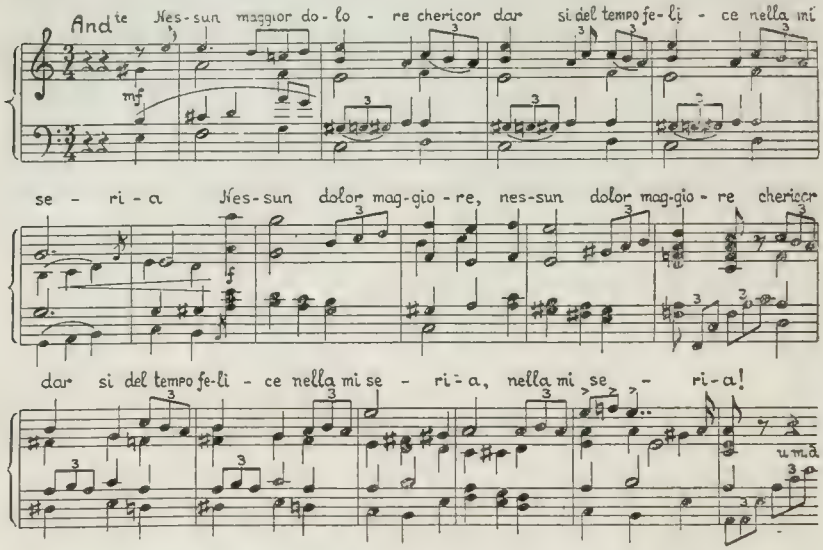
368. Чайковский—Мекк.

1881 г. июня 6—11. Каменка.

Каменка,
6 июня 1881 г.

Дорогой, милый друг! Здоровы ли Вы? Благополучны ли дела Ваши? Давно не имею о Вас известий и немножко беспокоюсь. А у меня здесь все те же тревоги, та же тоска и беспокойство. Уже самым регулярным образом началось чередование болезней сестры и племянницы, а иногда, как например сегодня, больны обе. Разница между ими двумя только та, что бедная сестра действительно больна и страдает очень сложным органическим расстройством, тогда как у Тани одна нервность или, лучше сказать, и е р в н и ч а н и е. Часто сержусь я на бедную девочку, ибо очень хорошо сознаю, что если бы немножко более силы воли, немножко более заботливости о матери, то нередко она могла бы побеждать свои нервные страдания. Увы! девушка эта слишком избалована обожанием матери и всех окружающих, слишком привыкла видеть приносимые ради нее жертвы и считать их чем-то себе должным. Но, сердясь на нее, я в то же время сознаю, что все это результат многих педагогических ошибок со стороны слишком добрых родителей. Как бы то ни было, но в настоящую минуту жить в Каменке есть для меня чистейшее и жесточайшее мученье, главнейшим образом оттого, что приходится только ограни-

чиваться желанием быть им полезным и ежедневно убеждаться в своем бессилии содействовать нравственному и физическому выздоровлению обеих больных. Как часто я переношусь мысленно в Симаки, в невозвратно промелькнувшие дни безмятежного счастия, которым я там пользовался! [1]



10 июня. 2 часа ночи.

Очень беспокоюсь о Вас. Уже более двух недель не имею о Вас никаких известий. Хотел бы телеграфировать Вам, но не знаю, в Москве ли Вы или в Браилове.

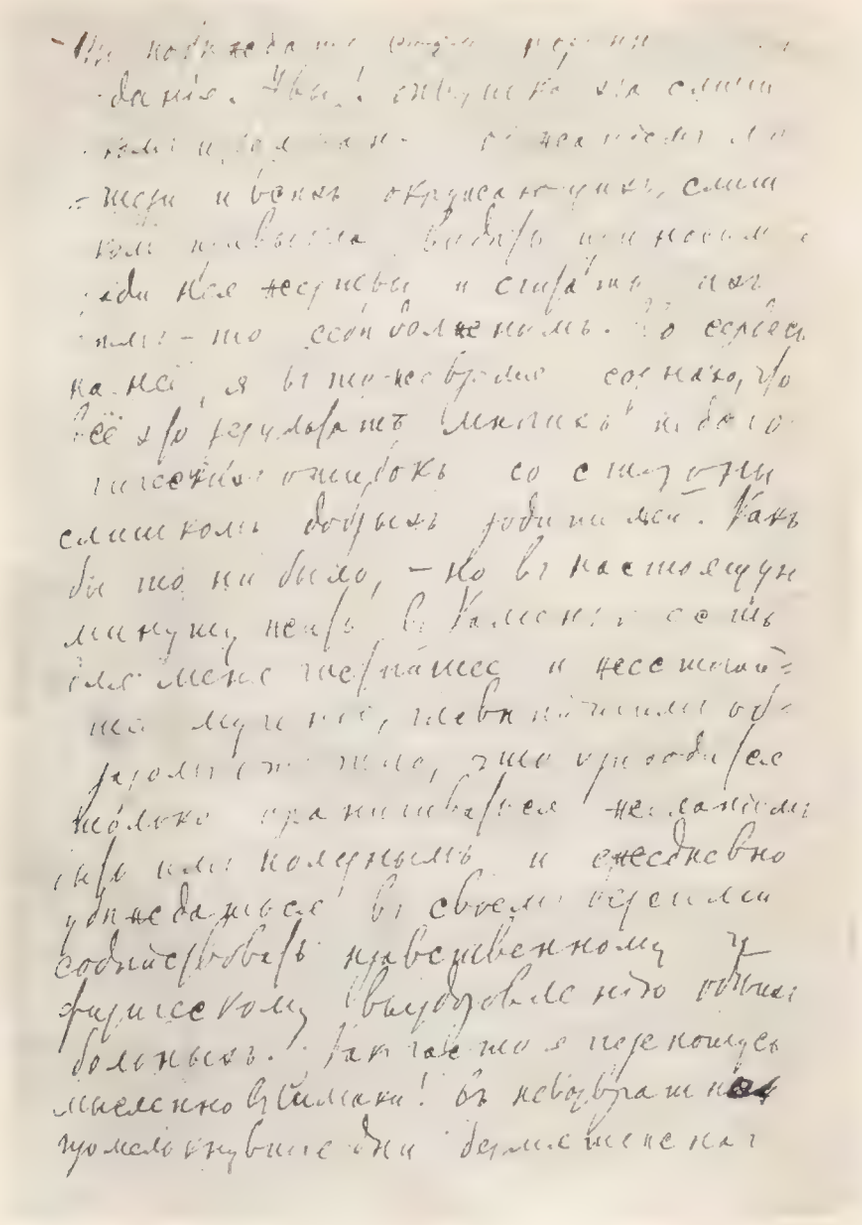
Сестра была три дня очень больна. Сегодня ей лучше, но зато слегла племянница Таня.

Приехала племянница Анна, кончившая курс в Патриотическом институте и получившая шифр.

11 июня.

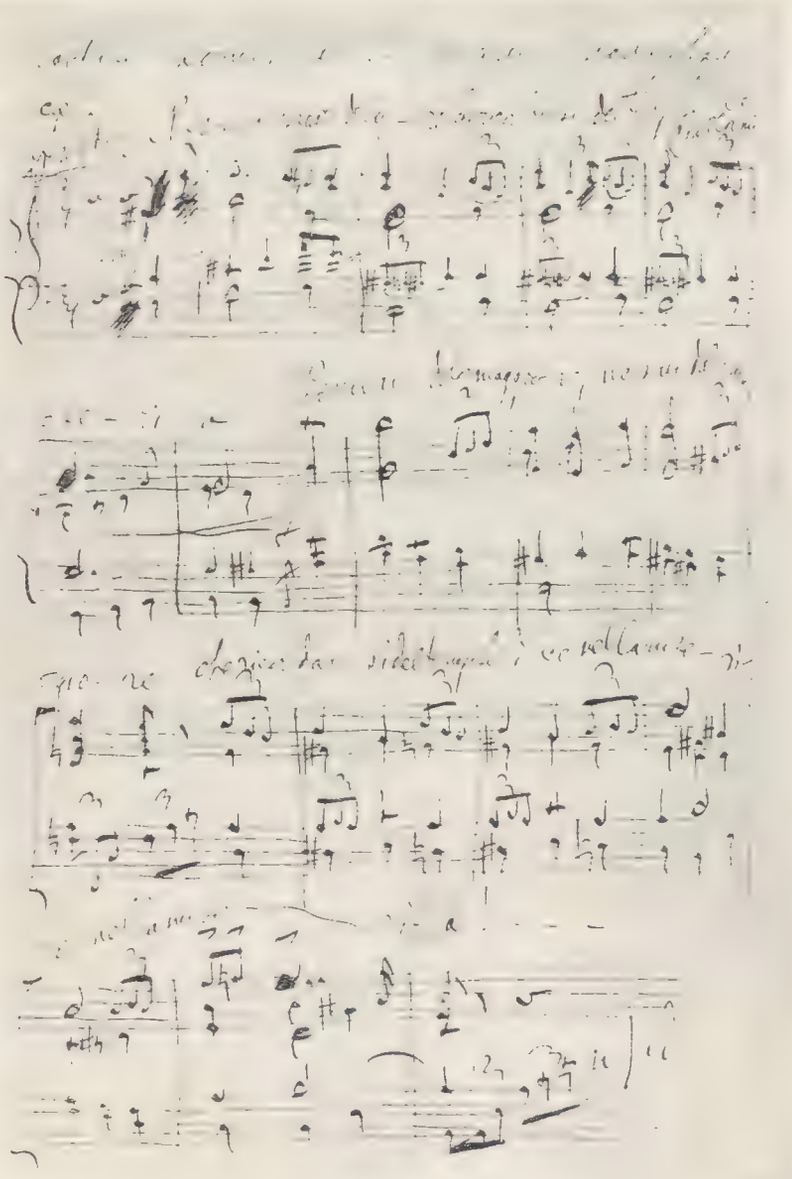
Милый друг! В пятницу я должен ехать в Москву. Юргенсон поручает мне сложное редактирование Бортнянского (полного собрания), а так как он шестнадцатого едет за границу, то необходимо, как он пишет мне, побывать в Москве. Итак прошу Вас непосредственно Льву Вас[ильевичу] написать, может ли он и когда к Вам приехать. Сегодня утром получил Ваше письмо.

Безгранично преданный
П. Чайковский.



Автограф письма П. И. Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк от 6 июня 1881 г.

(Конец письма)



Автограф письма П. И. Чайковского к Н. Ф. фон-Мекк от 6 июня 1881 г.

(Конец письма)

369. Мекк—Чайковскому

Браилов,
12 июня 1881 г.

Милый мой, бесценный друг! Хочу Вам написать только два слова о том, что что́ бы Вам приехать погостить в Симаки? Не теперь, конечно, а когда Александра Ильинишна уедет за границу.

А там попрежнему очень мило, в Симаках. Я ужасно рада, что нахожусь опять в Браилове. Хотела сделать себе праздник, три дня не заниматься еще делами, но не удалось, на другой день уж начали приставать, так что все утро голова шла кругом. Боже мой! как бы я была счастлива, если бы нашелся человек, который бы взял Браилов в распоряжение так, чтобы мне уж ни о чем не надо было бы хлопотать, а только получать то, что необходимо, т. е. доходы, и наслаждаться браиловскою природою. Как бы хорошо было, если бы таким человеком был Лев Васильевич! Есть у меня здесь теперь вместо управляющего А. С. Воронец, присяжный поверенный, и хотя он совсем не подходящ для своего места, но я и его боюсь отпустить, потому что совсем без никого невозможно.

Жду Льва Васильевича около двадцатого. Прошу Вас, мой дорогой, написать мне или телеграфировать о точном дне его приезда в Браилов.

До свидания, мой несравненный. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

370. Чайковский—Мекк

Каменка.
14 июня 1881 г.

Милый, дорогой друг! Я в последнем моем письме возвестил Вам свой отъезд в Москву, но он не состоялся по разным причинам, из коих главная, что мне слишком жалко оставить здесь двух больных и вообще весь дом, погруженный в уныние. Все последние дни и сестра и Таня лежат обе больные. У последней возобновились ее страшные головные боли, доходящие до криков бешенства. Подожду, пока она оправится. Тогда сестра, наконец, уедет за границу. Вероятно, это состоится в конце этой недели; по крайней мере, мы на это надеемся. Лев Вас[ильевич] хочет проводить ее до Жмеринки и потом приехать в Браилов. Когда все это будет решено окончательно, я буду Вам телеграфировать.

Дорогая моя! Я получил сегодня утром Ваше письмецо, в коем Вы, между прочим, приглашаете меня в Симаки. Бесконечно благодарю Вас, друг мой, но, несмотря на все пламенное желание пожить в очаровательном симацком домике, вблизи от Вас, я принужден лишить себя этого наслаждения. Увы! я слишком сильно сознаю, до чего оно будет отравлено отсутствием моего Алеши. Заранее знаю, что буду там слишком живо чувствовать мою утрату, буду грустить и даже стесняться его отсутствием, ибо он был ведь посредником между мной и моим обычным штатом. Ну, словом, дорогая моя, я слиш-

ком мало еще привык к разлуке с Алешей, чтобы в Симаках, где все мне будет напоминать его, не страдать от этой разлуки. Ради бога, простите, что не принимаю Вашего приглашения! Если б Вы знали, как мне тяжело отказаться от него! И какое было бы для меня благодеяние побывка в Симаках, если б Алеша был со мной. По правде сказать, нервы мои сильно расстроены, и отдохнуть нужно бы было.

До следующего письма. Простите, что так небрежно писал сегодня.

Бесконечно преданный
П. Чайковский.

371. Мекк—Чайковскому

Браилов,
19 июня 1881 г.

Милый, бесценный друг! Получила письмо Ваше и до крайности рада, что Вы не уехали в Москву, так мне этого не хотелось. Как Вы можете извиняться, дорогой мой, за то, что не приедете в Симаки. Ведь я совершенно понимаю и Вашу тоску об Алеше и неудобство жизни без него. Ведь я сама никогда не бываю в прямых сношениях даже с своими людьми, всегда посредством Юли, Коли и других, так уж мне все Ваши ощущения вполне понятны, потому [что] они есть и мои. К тому же, Вы теперь находитесь настолько близко ко мне, что я счастлива и этим.

По Вашему указанию, милый друг мой, я написала Льву Васильевичу дня три назад. Я думаю, что теперь он уже получил мое письмо, и я с трепетом ожидаю его решения,—приедет он к такой чудачке, как я, или не захочет. Я бы желала, чтобы он считал меня в законе невменяемости, потому что и в самом деле будет правильно. Ведь я не то, чтобы хотела п о п и р а т ь то, что люди называют приличиями, обычаями света, а они просто мне не по натуре, н е в о з м о ж н ы для меня[1]. Не может ведь человек постоянно делать то, что он находит совсем нелепым, ни к чему не нужным, даже вредным для хороших отношений, для сбережения своего идеала, для сохранения себя нравственно. Разыграть какую-нибудь комедию, сделать действие, которое находишь глупым, можно ведь только изредка, в отдельном случае, а нельзя же делать постоянно, жить глупостями, вот потому и я не могу так жить. Вы, мой дорогой, понимаете,—потому-то Вы мне так и необходимы в моей жизни.

Боже мой, как это печально, что у Вас все больные в доме. Бедная Александра Ильинишна, как ей должно быть тяжело: и сама страдает, и смотреть еще на страдающую дочь. Пошли им, господи, облегчение.

Пожалуйста, дорогой мой, телеграфируйте мне, к о г д а Александра Ильинишна проедет в Жмеринке. Я бы хотела, чтобы мои мальчики могли представиться ей хотя на станции. У нас очень хорошо теперь в Браилове, и если бы не надо было заниматься делами, то я была бы в восторге от своего пребывания здесь, но эти дела, дела жизнь отравляют. Ах, если бы Лев Васильевич избавил меня от этих дел! Мои силы viennent à bout*.

Должна кончить письмо, потому что пристают с завтраком. До свидания, мой милый, дорогой, будьте здоровы. Об отсутствии вдохновения,

---

* подходят к концу

пожалуйста, не говорите мне, я этому не верю, не признаю, не согласна на это. За что же отнимать у человечества его высшее наслаждение. Это невозможно, это было бы несправедливо.

Мы прочли недавно «Каменку» в «Русской мысли». Как мне было интересно это слушать, и как мои симпатии еще более усилились к сыну и внукам такого человека, как был Василий Львович Давыдов.

Правда ли это, друг мой, существование и поступок этого англичанина Шервуда?

Какую прелестную вещь Вы мне прислали в предпоследнем письме (Nessun maggior dolore), и Вы еще говорите о потере вдохновения! Зачем грешить?

372. Чайковский—Мекк

[Каменка]
20 июня 1881 г.

Милый, дорогой друг! Я надеюсь, что двадцать третьего, во вторник, сестра моя выедет за границу в сопровождении Льва Васильевича, который, проводив ее до Жмеринки, отправится в Браилов. Племяннице Тане лучше. У нее образовались на боку (там, где происходят спрыскиванья морфина, и вследствие этого ужасного яда) два нарыва, которые пришлось разрезать. Зато она теперь имеет такой бодрый и свежий вид, какого давно не имела. Сестра тоже чувствует себя лучше, и, бог даст, отъезд ее за границу наконец осуществится.

Про себя не имею сказать решительно ничего ни дурного, ни хорошего. Живу помаленьку, очень мало работаю, не испытываю никаких творческих вожделений, скорее, даже борюсь с некоторым отвращением от всяких занятий и если немножко занимаюсь церковными переложениями, то без всякого удовольствия. Давно я не находился в таком странном состоянии апатии. Чувствую, что мне нужно будет непременно уехать отсюда хоть на время, а между тем, по правде сказать, и ехать не хочется. Куда я мог бы отправиться для возбуждения потухшего творческого огня? Конечно, если б можно было очутиться в Симаках, но с прежней обстановкой, я бы воскрес духом. Увы! Несмотря на Ваше приглашение, я туда не могу отправиться. Без Алеши это будет для меня только повод от апатии перейти к тоске о невозвратности прошлого, я бы только ежедневно наводил на Вас уныние своими письмами, в коих неминуемо стал бы изливать грустные ощущения.

По всей вероятности, я ограничусь поездкой в Москву, где мне хочется повидаться с братом, с Алешей и переговорить о некоторых делах с Юргенсоном.

Милый друг! Напишите мне, пожалуйста, при случае: 1) Какова теперь Милочка? Очень ли она изменилась? Совсем ли

утратила уже свою детскую прелесть и сделалась барышней, или все еще утешает Вас своими прелестными детскими выходками? 2) Что делает Влад[ислав] Альберт[ович] и что превозмогло: музыка или живопись? 3) Как здоровье Саши? Разумеется, желательно было бы, чтобы Вы не утруждали себя пространным ответом. Я совершенно буду доволен, если получу от Вас хотя бы один маленький листочек!

Будьте здоровы, бесценный друг!

Бесконечно Вас любящий
П. Чайковский.

373. Мекк—Чайковскому

Браилов,
24 июня 1881 г.

Милый, несравненный друг! Вчера получила Ваше письмо, в котором Вы говорите, что Александра Ильинишна выезжает двадцать третьего и Лев Васильевич из Жмеринки приедет в Браилов. Я обрадовалась и подняла суету готовить комнаты для Льва Васильевича. Между тем двадцать третье прошло, и я опять в неизвестности, приедет ли Лев Васильевич и когда. Я не получила от него письма, о котором было сказано в его телеграмме....

Как Вы добры, мой милый друг, и как мне дорого, что Вы не забываете мою Милочку. Она т о л ь к о в ы р о с л а, но осталась таким же наивным ребенком, как была в пятилетнем возрасте. Все вкусы ее, все игры и симпатии совершенно ребяческие, хотя умом она, конечно, развивается, но по своим наклонностям остается такою же bébé, как была прежде и как и продолжают называть ее в семействе и теперь. Вашу музыку очень любит, напевает все Ваши прежние романсы и чаще других колыбельную песню, и совершенно верно.

Но Соня совсем другое дело. Эта так б а р ы ш н я вполне, имеет свои определенные взрослые вкусы, привычки и кокетка, как в восемнадцать лет. Не помню, говорила ли я Вам, что она между прочим занимается поэзиею, кропает стихи и в январе месяце на мое рожденье поднесла мне очень миленькое, конечно относительно, стихотворение на французском языке. Музыкою занимается очень охотно, страстная поклонница Ваших сочинений, играет очень часто с Сашонком в четыре руки «Опричника» и другие аранжировки. Сашок очень часто играет Ваш Andante из Первого квартета, и тогда уж я всегда сажусь в той комнате слушать эту восхитительную вещь, которая надолго производит такой boulevercement* во всем моем организме, что мне надо искусственно успокаивать себя. Теперь Сашок разучивает Ваш вальс, посвященный Artôt[1]; я ужасно люблю также и это сочинение.

Что Вы говорите, дорогой мой, о потере вдохновения. Как можно допускать такую мысль. Вы тоскуете и потому Вы в апатии. Пусть только успокоится тоска, и вдохновение вспыхнет еще ярче, еще роскошнее. Я вполне понимаю Вашу тоску об Алеше, милый друг мой, Вы тоскуете не об одной только разлуке, но Вам больно, тяжело от той п е р е м е н ы, которую Вы заметили в нем. Вы не можете помириться с тем, чтобы в этом, так сказать, создании Вашем разрушилось то, что взлеле-

---

* потрясение

нно Вами, что его возвышало над другими и тешило Вас. Это, действительно, так жаль и больно, что у меня вчуже сердце сжимается, и слезы выступают на глаза, когда я думаю об этом. Было бы очень хорошо его вырвать из этой растлевающей среды, и я опять возвращусь к тому же убеждению, что можно выхлопотать ему по болезни, за которую надо заплатить, увольнение вчистую. Это убеждение во мне еще укрепила моя Саша, которая говорила мне, что даже очень легко избавиться от военной службы и что очень многие и пользуются этим, и между прочим приводит мне в пример своего beau-frère*, графа Бенигсена, который два года [назад] окончил курс в петербургском лицее и поступил на военную службу отбывать повинность в гвардейскую кавалерию, но через месяц ему надоела дрессировка, которой подвергают кавалеристов; он говорит, что их учили, как будто для цирка готовили, и при этом арапником по ногам хлестали. Поэтому он без большого затруднения достал себе свидетельство о сильной близорукости и был освобожден совершенно от военной службы. Что бы Вам, дорогой мой, похлопотать теперь в Москве устроить такую же вещь для Алеши,— это бы его спасло.

Вы спрашивали, милый друг мой, о здоровье Саши. Слава богу, он теперь совсем здоров, но я все-таки хочу его послать в начале июля в Либаву на морские купанья. Это посоветовал доктор в Москве, и, конечно, это несомненно полезно. Владислав Альбертович в настоящее время не занимается ни музыкою, ни живописью, потому что с увольнением графа Сципио он так занят моими делами, что совсем не имеет времени для искусства, хотя постоянно его тянет к сочинительству и теперь стряпает marche funèbre, и, конечно, музыка вполне перетянула живопись; музыка—его жизнь, а живопись была забавою....

А Вы знаете, милый друг мой, что ко мне опять приедет мой французик Бюссик. Ему очень хотелось, и мне было жаль отказать ему; в начале июля он должен приехать.

Пожалуйста, дорогой мой, телеграфируйте мне, когда Лев Васильевич решит день приезда.

До свидания, мой бесценный друг, будьте здоровы и спокойны. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

374. Чайковский—Мекк

1881 г. июня 23—26. Каменка. 23 июня 1881 г.

Получил сегодня письмо Ваше, дорогая моя! Лев Вас[ильевич] собирается с сестрой выехать завтра; кажется, один день они хотят остаться в Киеве, так что, вероятно, двадцать шестого или двадцать седьмого Л[ев] В[асильевич] приедет к Вам. Впрочем, я в свое время буду телеграфировать Вам, дабы согласно желанию Вашему Коля и Саша могли познакомиться с сестрой моей.

Вы спрашиваете, дорогой друг, существовал ли Шервуд-доносчик? Да. Вся эта история очень подробно рассказана Б о г-

---

* зятя

д а н о в и ч е м в «Истории царствования Алекс[андра] I». Старушка Алекс. Ив. Давыдова очень живо еще помнит и Шервуда и все подробности его поведения.

Каменка,
24. 1881.

Здесь между рабочими в некоторых экономиях происходят бунты. Сегодня ночью Льва Вас[ильевича] будили, и ему пришлось усмирять недовольных. Конечно, б у н т ы эти довольно невинного свойства, но уже повторяются настолько часто, что вся Каменка находится в некоторого рода волнении. Вследствие этого Лев Вас[ильевич] говорил мне сейчас, что, может быть, присутствие его здесь окажется необходимым, и он принужден будет отложить свою поездку в Браилов. Мне очень было неприятно услышать это, но я надеюсь, что в течение дня водворится спокойствие, и он решится уехать.

26. 1881.

Третьего дня вечером сестра с мужем уехали. Они должны были провести в Киеве лишь несколько часов, но вчера ночью получена депеша, что сестра заболела, и теперь, вероятно, прибытие Льва Вас[ильевича] в Браилов состоится не сегодня, как я предполагал, а завтра или послезавтра и то лишь в том случае, если болезненный припадок сестры не серьезный. Ах, как все это грустно! И когда же, наконец, она будет здорова.

А я, милый друг, вчера видел, наконец, того необычайно даровитого к музыке мальчика, о котором писал Вам еще прошлою осенью. Я ездил нарочно для этого в Смелу. Действительно, способности этого девятилетнего ребенка просто изумительны. Он разбирает с листа что угодно, импровизирует прелестно, играл со мной в четыре руки несколько трудных увертюр и симфонических частей и совершенно восхитил меня. Мать переезжает с ним на зиму в Москву, и я хочу поручить всецело музыкальное его образование Т а н е е в у. Если никакие сюрпризы ф а т у м а не поставят ему преград в его развитии, из него наверное выйдет крупный деятель.

С большим волнением и тревогой ожидаю я депеши от Льва Вас[ильевича], из которой узнаю, каково здоровье сестры и едут ли они сегодня или завтра из Киева.

Будьте здоровы, дорогая моя! Дай бог, чтобы дела Ваши устроились.

Бесконечно Вас любящий

П. Чайковский.

375. Мекк—Чайковскому

Браилов,
28 июня 1881 г.

Дорогой, несравненный друг мой! Сейчас получила телеграмму Льва Васильевича из Киева и спешу поэтому написать Вам несколько слов. Из письма Льва Васильевича я увидела, что он не может заняться Браиловом в с е ц е л о, так как он пишет, что не может оставить своего хозяйства, а так как Браиловом иначе нельзя, как е д и н с т в е н н о им, то я и вижу, что мне придется отказаться от мечты отдать все в руки Льва Васильевича и самой отдыхать. К тому же насчет продажи также все шевелится дело. В виду всего этого я и думаю, что бесполезно будет Льву Васильевичу беспокоить себя приездом в Браилов, о чем и прошу Вас, дорогой мой, сообщить на решение Льва Васильевича.

Боже мой, как это ужасно, что Александра Ильинишна все больна. Сохрани ее господи от всякого зла.

На этих днях у меня был Володя и пробыл только два дня всего, но все-таки у меня на сердце мягче стало. Коля и Сашок поехали проводить Володю до Киева; должно быть вернулись этою ночью, но я их еще не видела.

До свидания, мой милый, бесценный друг. Всегда всею душою безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк

376. Мекк—Чайковскому.

Т е л е г р а м м а

1881 г. июня 29. Браилов

От души поздравляю с днем ангела, желаю искренно всех возможных благ в жизни.

Мекк.

377. Чайковский—Мекк

Каменка,
30 июня [1881 г.]

Я только что собрался написать Вам, дорогой друг, о том, как мне грустно, что болезнь задержала Льва Вас[ильевича] в Киеве, как получил сейчас письмо Ваше, в коем Вы сообщаете, что, ввиду возможности продажи Браилова и обстоятельств, приковывающих Л[ьва] В[асильевича] к здешней местности, Вы находите излишним ему отправляться к Вам.

Это, конечно, совершенно верно, но мне все-таки жаль, что Л[ев] В[асильевич] не побывал у Вас, ибо мне кажется, что он бы верно понял положение дел Ваших и дал бы Вам хороший совет. Кто знает, быть может, тогда он решился бы даже и совсем посвятить себя браиловскому делу, а здешнее поручил бы кому-нибудь другому. Но, впрочем, если Вы не отказались от мысли продавать Браилов, то действительно ему нет причины теперь к Вам отправляться. Как бы то ни было, но, повторяю, мне очень жаль, что дело это не состоялось. Со всей горячностью

беспредельно преданного Вам сердца желаю, чтобы и помимо содействия Л[ьва] В[асильевича] устроились дела Ваши тем или другим путем.

Вчера утром Л[ев] В[асильевич] вернулся сюда из Киева, а сегодня вечером опять уезжает в Киев и почти наверное поедет до Карлсбада вместе с сестрой. У нее в Киеве сделался новый припадок ее болезни с разлитием желчи и всеми другими атрибутами этого тяжелого недуга. Один только Карлсбад может принести ей облегчение, и вот ей все не удается до него добраться.

Благодарю Вас, дорогая моя, за телеграмму. Я довольно невесело провел свой праздник; все это время как-то тяжело у меня на сердце.

Я получил вчера письмо от Алеши с одним очень утешившим меня известием. Он пишет, что их после лагеря отпустят на работы на два месяца от 15 августа до 15 октября. Сначала он поедет к матери своей на несколько дней, а потом приедет ко мне! И вот я возгорелся страстным желанием воспользоваться его отпуском, чтобы сентябрь провести в Симаках, и хочу просить у Вас позволения это сделать. Возможно ли это? Будет ли еще в Вашем распоряжении симацкая усадьба? Если бы мечта эта была осуществима, я бы был до-нельзя счастлив. Это было бы для меня безмерным благодеянием и самым целительным средством для расстроенного моего духа. Потрудитесь, дорогая моя, ответить мне на этот вопрос. От души благодарю Влад[ислава] Альберт[овича] за память обо мне и прошу Вас передать ему дружеский поклон.

Беспредельно любящий Вас

П. Чайковский.

Ради бога, простите небрежность писания.

Я передал Л[ьву] В[асильевичу] содержание письма Вашего. Он говорит, что ввиду продажи Браилова ему действительно нет надобности туда ехать. Он поручает мне передать искреннейшее сожаление, что не удалось быть для Вас полезным.

378. Мекк—Чайковскому

Браилов,
1 июля 1881 г.

Милый, бесценный друг! Мне вернули одно из моих писем к Вам в Петербург. Я совершенно не помню, что в нем написано, но так как это было предназначено для Вас, то я и посылаю Вам, как получила его.

Вчера я наслаждалась Вашею музыкою, дорогой мой, слушала дуэты и романсы solo. Что за прелесть, что за божественная музыка! Из

дуэтов пели Шотландскую балладу; какая оригинальная, восхитительная вещь! Потом дуэт... дуэт... на слова Сурикова, не помню, какие,—также бесподобно. А романс на слова из поэмы «Иоанн Дамаскин» Толстого: «Благословляю вас, леса»; ах, какая очаровательная вещь, и поет ее Коля премило. Я не помню, говорила ли я Вам, что он учится петь, у него бас прелестного timbr'a, и он делает необыкновенные успехи в пении. Дуэты поют Коля и Юля, а иногда Коля и Влад[ислав] Альберт[ович]—это именно дуэт на слова Сурикова, и очень выходит красиво: бас с тенором.

Но, боже мой, как Вы можете говорить о потере вдохновения, божественный друг мой! Слушая Вашу музыку, изумляешься этой роскоши, богатству, неиссякаемости вдохновения. Откуда берется столько разнообразия, столько мыслей; слушаешь и приходишь в такой восторг, что мысленно становишься на колена перед божественным творцом этих умилительных звуков, и слезы благодарности подступают к горлу, и хотелось бы так и замереть на всю жизнь в этом сладком состоянии! Боже мой, как человечество должно быть Вам благодарно за Вашу музыку! Что была бы жизнь без нее! У нас опять стало много музыки слышно, и это так хорошо.

Мне опять предстоит тяжелая поездка в Москву. Да, я было и забыла сказать Вам, мой милый друг, что раздел наш утвержден окончательно, и теперь *я* состою владелицею Браилова. Меня это теперь меньше радует, так как я пришла к убеждению, что необходимо продать Браилов. По случаю же утверждения раздела мне и в Москву надо ехать, чтобы расплатиться со всеми своими детьми за Браилов.

Как тяжело на меня подействовало сообщение из Вашего письма о бунтах рабочих. А еще поджоги... Вы читали вероятно, друг мой, что выгорел Минск и в нем наше управление железнодорожное? [2] Нам все убытки, но хуже всего то, что, говорят, подожгли. Очень, очень не хорошо у нас теперь в России, враги нашего бедного отечества неустанно действуют. Вспоминаются при этом стихи Мицкевича:

Ciemno wszędzie, glucho wszedzie,
Coto będzie, coto będzie!

Хорошего что-то ничего не видно.... До свидания, мой милый, бесценный друг. Будьте здоровы, бодры духом, покойны и не забывайте всем сердцем горячо любящую Вас

Н. ф-Мекк.

379. Чайковский—Мекк

1881 г. июля 3—4. Каменка.

Каменка,
3 июля.

Милый, дорогой друг! Получил Ваше письмо со вложением прежнего, апрельского, письма, а также телеграмму Вашу. Из старого, не дошедшего до меня своевременно письма я узнал, что Вы потеряли сестру Вашу. Искренно сожалею, что не мог в свое время выразить Вам участие мое в этом горе Вашем. Телеграфировать о проезде сестры моей непременно буду. Мы имеем известия, что ей лучше и что скоро она в состоянии будет пуститься в путь.

Очень радуюсь, дорогая моя, что мои романсы и дуэты понравились Вам. Пользуюсь этим случаем, чтобы указать Вам, что в этих вокальных пьесах мне самому более всего по сердцу и на что я бы хотел всего более обратить Ваше внимание. Из дуэтов я более всего люблю: «С л е з ы л ю д с к и е», а из романсов: 1) тот, что поет Коля (на слова Толстого из «Дамаскина»), 2) романс на слова Мицкевича и 3) на слова Сурикова (из Шевченки, кажется): «Я л и в п о л е д а н е т р а в у ш к а б ы л а». Что касается Шотландской баллады, то она тоже принадлежит к числу любимых детищ, но я совершенно уверен, к сожалению, что никогда никто не исполнит ее так, как я ее себе воображаю. Ее нужно не петь, а, скорее, декламировать и с величайшею горячностью.

Все последние дни я очень дурно себя чувствую: голова тяжелая, по ночам сплю нехорошо, вижу какие-то невероятно странные сновидения.

С нетерпением жду ответа от Вас на мой вопрос о возможности провести в Симаках сентябрь. Дай бог, чтобы это счастие было возможно!

4 июля:

У нас здесь уже начали жать рожь. Урожай вообще великолепный, но пшеница во многих местах лежит вследствие того, что слишком густо была посеяна. В новом хуторке Льва Вас[льевича], где всего около четырехсот десятин из-под леса, сплошь посеянных пшеницей, урожай небывалый. Я очень радуюсь этому, так как вследствие бесчисленных переездов и болезней членов своего семейства, а также прошлогодних неудач, дела его довольно плохи.

Итак, Вы теперь—утвержденная во всех правах владетельница Браилова! Дай господи, чтобы Ваша поездка в Москву принесла бы Вам успокоение и устройство дел Ваших.

Какое счастье, что у Коли хороший голос! Ш у м а н называет это драгоценнейшим даром природы и советует всячески беречь и лелеять его.

Будьте здоровы, моя дорогая!

Беспредельно преданный Вам

П. Чайковский.

380. Мекк—Чайковскому

Браилов,
7 июля 1881 г.

Как я Вам благодарна, мой милый, бесценный друг, за телеграмму, которую Вы мне прислали и которая дала возможность, наконец, моим мальчикам представиться Александре Ильиничне и Льву Васильевичу.

Они в восторге от них обоих, об Льве Васильевиче они относятся с большим почтением, говорят, что он очень серьезный, но Александра Ильинишна до того симпатична, что, как Коля выражается, на него никогда никто такого прелестного впечатления не производил. Им очень хочется съездить в Каменку, и я думаю, если Лев Васильевич позволит, я отпущу их к нему; когда мы будем возвращаться из Москвы, то я пошлю их прямо из Киева....

Я боюсь, что Александра Ильинишна проедет в Жмеринке без нас, и если ей понадобится отдых в Браилове, то не сумеют его устроить. Впрочем я буду всячески стараться вернуться к ее проезду и прошу Вас, мой милый друг, держать меня au courant* о времени ее пребывания в Карлсбаде и возвращения домой.

Письма прошу Вас адресовать в Москву до нового уведомления от меня....

До свидания, мой милый, несравненный друг. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

381. Чайковский—Мекк

1881 г. июля 7—11. Каменка.

Каменка,
7 июля.

Сейчас только Лев Васил[ьевич] вернулся из Волочиска. Он решился оставить сестру одну (с сопровождающей ее приятельницей), так как она чувствовала себя хорошо. Л[ев] В[асильевич] рассказывал мне про свиданье свое с сыновьями Вашими, которые произвели на него самое симпатичное впечатление. Я рад, что он приехал, главнейшим образом потому, что без него чувствую на себе какую-то тяжелую ответственность по отношению к племяннице Тане. Престранная эта девушка! Она больна постоянно; состояние ее наводит безысходную тоску и уныние на всех окружающих ее. И между тем, представьте, дорогой друг мой, что в сущности у нее нет никакого серьезного расстройства. Все врачи, которым случается видеть ее, говорят про ее болезнь с улыбкой неверия. Да и действительно, кроме малокровия и нервности, у нее не замечается никакого органического повреждения, никакой действительной болезни. Ей стоило бы только, чтобы быть здоровой, хоть несколько дней повести правильную жизнь, т. е. вставать рано, есть во-время, ходить хоть сколько-нибудь, и нет никакой возможности заставить ее подчиниться этой гигиене. Она встает, когда уже мы кончаем обедать, пьет и принимает в пищу или ничего или то, что ей вредно, никогда не ходит, читает слишком много, и в результате получается головная боль, тошнота, истерическое

* в курсе

состояние, затем морфинное впрыскивание, от которого получается обманчивое облегчение, и т. д., и т. д. Я начинаю теперь уже больше сердиться на нее, чем жалеть. Ей просто х о ч е т с я быть больной. А между тем, мать ее (действительно больная) погибает и, быть может, в самом деле не выдержит вечной тревоги и нравственных страданий! Что это такое? Эгоизм, бессердечие, слабость характера? А между тем я знаю, что она по-своему страстно любит мать и одарена добрым сердцем и большим умом.

Решительно теряюсь и в отчаянии прихожу от мыслей о будущем и ее и всего семейства! Конечно, она выдержала недавно большое нравственное потрясение, и можно этим отчасти объяснять ее болезненное состояние, но ведь и до того то же самое было!

10 июля. Утро.

Сейчас за мной прибежали, чтобы сказать, что с Таней дурно. Льва Вас[ильевича] не было. Я тотчас же отправился к ней. Здоровая, красивая молодая девушка, смотря на которую трудно и поверить, что она б о л ь н а я, металась по постели, испуская какие-то дикие крики: «умираю! грех! спасите!» и т. д., и т. д. Оказалось, что она просто впустила себе в жилы морфину больше, чем обыкновенно. Скоро она успокоилась и теперь будет часов восемь сряду спать. Проснется к вечеру с головной болью, ночь проведет мучительную, а завтра опять морфин, и опять с некоторыми вариациями та же история. И вот каждый день так! Говорят, что морфинистам нельзя отказывать сразу в этом яде и что нужно отучать понемножку. А по-моему, нужно, чтобы сам человек, имеющий слабость отравлять себя этим ядом, понял весь ужас своего положения и хотя бы из любви к близким победил бы волею свою слабость. Я извиняю сестру, когда после нескольких часов мучительных болей она прибегает к морфину. Но когда с о в е р ш е н н о здоровая девушка из бесхарактерности, из каприза, на зло себе и окружающим добровольно губит себя, подобно пьянице, пьющему запоем, я этого не понимаю и возмущаюсь. Ни убеждения, ни просьбы — ничто не действует на Таню. Когда после ее криков и нервничаний я посмотрю на убитое лицо отца, ломающего в отчаянии руки, когда я вспомню, что вся болезнь моей бедной сестры происходит от беспокойств и тревог, Таней причиняемых, я негодую на нее и тщетно стараюсь подавить чувство злобы к ней. Еще вчера я говорил с доктором. Он, как и все другие доктора, лечившие ее в Петербурге, Киеве и т. д., повторяет одно и то же: стоит ей сегодня захотеть, и завтра она будет совершенно здорова. И вот з а х о т е т ь она не то что не может,

а н е х о ч е т. Она любит быть больной, любит мучить других больше, чем себя, любит, чтобы около нее убивались.

Ради бога, простите мне, друг мой, за то, что утомляю Вас этими излияниями по поводу Тани. Но у меня очень много наболело на сердце. Я много м о л ч а страдал нравственно за нее и за близких ей. Откровенно говоря, я давно уже убежал бы куда-нибудь от безотрадной картины, представляемой этой несчастной семьей, имеющей все условия счастья, но не могущей им наслаждаться и повергнутой в постоянное горе капризом и слабохарактерностью одного из членов. Но как-то жалко было оставлять их, когда я знал, что присутствие мое не бесполезно для них. Но я начинаю терять терпение. Нервы мои страшно потрясены, и я просто принужден буду скоро хоть на-время уйти отсюда, чтобы самому не заболеть и не быть им в тягость. А это возможно.

11 июля.

В понедельник тринадцатого или во вторник четырнадцатого числа я решился предпринять поездку в Москву. Алеша просит меня приехать похлопотать, чтобы его на полтора месяца отпустили ко мне. После лагеря солдат о т п у с к а ю т н а р а б о т у; тот, кто желает уехать далеко, должен внести какие-то деньги, но во всяком случае необходимо, чтобы кто-нибудь просил начальство дать дальний отпуск. И вот для того, чтобы все это привести в известность и решить, я поеду в Москву. По дороге я заеду в Орловскую губернию, в деревню, где живет Т а н е е в. По поводу моих переложений из церковного «Обихода» у нас завязалась с ним переписка и спор, который мне очень хочется разрешить личным свиданием, а так как он очень зовет меня заехать в деревню, то я и намерен это сделать [1]. Около двадцатого числа, вероятно, буду в Москве и оттуда вместе с Анатолием возвращусь в Каменку или с ним же ненадолго поеду к брату Модесту. Ввиду неизвестности и неопределенности моих переездов, попрошу Вас, дорогой друг, не писать мне до тех пор, пока я не извещу Вас о каком-нибудь определенном местопребывании. Всего вероятнее, что я попаду в Москву, когда еще и Вы там будете находиться. Во всяком случае, я с своей стороны во время поездки буду писать Вам по-всегдашнему.

Лев Вас[ильевич] говорил мне, что он и сестра приглашали Ваших мальчиков, в высшей степени понравившихся им, сюда. Нечего и говорить, что все будут чрезвычайно рады их посещению. Я боюсь только, что после прелестей Браилова им покажется здесь очень скучно! Но будем надеяться, что сестра к тому времени вернется здоровая и Таня поправится.

Будьте здоровы и покойны, дорогая моя! От всей глубины любящей Вас души моей желаю Вам успеха в делах Ваших!

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

382. Чайковский—Мекк

Каменка.
17 июля [1881 г.]

Милый, дорогой друг мой! Я все еще в Каменке. В самый день, когда я должен был выехать, у меня проявились болезненные признаки, т. е. сильный жар, отвращение к пище и т. д., а на другой день оказалось, что у меня дифтерит. Все меры были тотчас же приняты, и теперь я уже выздоравливаю, но еще чувствую слабость, легкую головную боль, а главное, не могу дождаться хоть двух часов здорового, крепительного сна. Должно быть, здесь носится какое-нибудь дифтеритическое поветрие, ибо кроме меня был нездоров Лев Вас[ильевич] тоже горлом, племянница Тася и Митя, племянник, также отдали дань этому поветрию. Решительно не знаю теперь, когда мне можно будет выехать в Москву, но, кажется, ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

В Каменке жатва была великолепна. Лев Вас[ильевич] говорит, что за все двадцать лет своего управления не помнит подобного урожая пшеницы. Зато вследствие чрезвычайных жаров свекловица начала было вянуть и желтеть, но, к счастию, вчера вечером ее оросил хороший дождь, и опасность миновала.

Об сестре мы имеем хорошие известия. Она чувствует себя хорошо; на другой же день по приезде начала свое леченье, нашла многих хороших знакомых. Увы! если б она знала все подробности того, что здесь делается с Таней, то воды бы не оказывали ей пользы. Приходится скрывать от нее, что дочь ее продолжает отравлять себя морфином, что никакие мольбы, увещания, устрашения не могут заставить ее хоть сколько-нибудь подчиниться предписываемой ей гигиене. Она продолжает х о т е т ь быть больной. Итак, в наших письмах мы скрываем от сестры правду. Но сердце матери не обманешь; если она не знает, то догадывается из наших умалчиваний о Тане о настоящем ее положении, и я сильно боюсь, что лечение водами, в конце концов, не принесет никакой пользы.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Безмерно преданный

П. Чайковский.

383. Чайковский—Мекк

Киев,
22 июля [1881 г.]

Дорогой, милый друг мой! Так как болезнь помешала мне привести в исполнение мой план поездки в Москву, то я приехал в Киев, чтобы сделать несколько необходимых мне закупок и воротиться в Каменку, куда должен на-днях приехать брат мой Анатолий. Последний взялся вместо меня похлопотать об Алешином отпуске. Надеюсь, что моя мечта побывать в сентябре в Спмаках осуществится. Представьте себе, милый друг мой, что я пишу к Вам, будучи нездоров. Не знаю, по какой причине, но по дороге между Каменкой и Киевом я разболелся и едва имел сил добраться до гостиницы. Теперь мне немного лучше, но состояние духа ужасное. Опять по этому случаю проливаю слезы об Алеше. Будь он со мной, как бы мне легко было перенести это маленькое нездоровье. Но в городе, среди шума, в одиночестве мне тяжело.

В Каменке попрежнему мучительно грустно жить, смотря на больную Таню. Я оставил ее уже два дня лежавшею в постели с страшной головной болью, тошнотой и т. д. И решительно не предвидится никакого луча надежды на что-нибудь лучшее. Чем ей хуже, тем более она прибегает к морфину, а чем больше она им отравляется, тем менее надежды, что она в состоянии будет побороть убийственную привычку к яду.

Попрошу Вас, дорогая моя, написать мне в Каменку. Я по собственной вине очень долго остаюсь и еще останусь без известий о Вас.

Дай Вам бог здоровья и всякого благополучия.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

384. Мекк—Чайковскому

Москва.
23 июля 1881 г.

Милый, бесценный друг! Вчера я получила Ваше дорогое письмо из Каменки и спешу написать Вам несколько слов о себе, хотя боюсь, что мое письмо уже не захватит Вас на месте. Я все сижу у моря и жду погоды. Надоело и утомило меня это нескончаемое ожидание невыносимо, в особенности, когда надо сидеть в городе, в душных раскаленных комнатах, при отвратительной, зловонной атмосфере, окружающей вас в то время, когда в Браилове так хорошо!

Нынешнее лето для меня совершенно испорчено этими несносными поездками в Москву, где я страдаю и физически и нравственно, потому что каждый день имею перед глазами такой черствый, бессердечный эгоизм, отсутствие всех благородных чувств и только личный и главным образом материальный расчет, а там хоть вся вселенная провались, не

пожалеют никого. Боже мой, как тяжело так ошибаться в людях! Правда, что в беде да в горе друзья познаются, и немного их тогда оказывается. Простите, милый друг, что я томлю Вас своими жалобами, но мне так больно, так гадко, так хотелось бы вырваться из этой испорченной атмосферы, да дела держат,—невозможно.

От Вас также ужасные известия. Что с собою делает, к чему себя ведет Татьяна Львовна своим морфином, так с т р а ш н о подумать; ведь она себя с ума сведет, ведь это хуже, чем убить себя. Вот тоже эгоизм жестокий, неумолимый, распущенность страшная. Это век ужасный!... Конечно, у Татьяны Львовны это все бы исправилось, если бы она вышла замуж, но ведь что же делать, женихи—не блины, которые можно испечь, к о г д а захочешь и к а к и е захочешь. Надо иметь терпение и нельзя мучить других за то, что они не могут для них хватать звезды с неба.... Бедная, бедная Александра Ильинишна, как мне ее жаль, она тоже ничего не может сделать против уже совершающегося зла....

До свидания, мой дорогой, несравненный друг. Дай бог, чтобы мое письмо нашло Вас совершенно оправившимся от гадкой болезни и в самом хорошем нравственном расположении. Всем сердцем беспредельно любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Мой французик приехал из Парижа, и я опять испытываю наслаждение слушать «Jeanne d'Arc».

385. Чайковский—Мекк

Каменка,
30 июля [1881 г.]

Дорогой и милый друг! Я получил сегодня оба письма Ваши. Радуюсь безмерно улучшению дел Ваших и благополучной продаже акций Л[андварово]-Р[оменской] * железной дороги [1]. Что касается поручения Вашего к Льву Вас[ильевичу], то я передал ему то, что Вы пишете. Он будет отвечать Вам сам. Поверьте, дорогой друг, что если он принужден будет отклонить от себя Ваше предложение, то это не потому, чтобы он не желал быть для Вас полезным. Его смущает следующая а л ь т е р н а т и в а: необходимо нужно избрать одно из двух: или бросить все здешние дела и отдаться всецело Браилову, или же отказаться от Вашего предложения. Соединить то и другое действительно трудно и невозможно, как Вы и сами мне писали. Но подумайте, дорогой друг, легко ли ему бросить здесь громадно-сложные обязанности главноуправляющего Каменки, которая кормит все семейство Давыдовых, т. е. его мать, его сестер и братьев с многочисленными детьми, бросить хозяйство своих собственных имений, усложнившееся покупкой нового хутора с пятьюстами десятин земли. Каменское хозяйство уже

* Устаревшее название Либаво-Роменской железной дороги.

двадцать один год находится в руках Л[ьва] В[асильевича], и для имения будет страшным переворотом уход его. Ввиду семейных отношений ему даже, сколько мне кажется, невозможно будет решиться передать управление Каменки в чужие руки.

Ввиду всего этого я предвижу, дорогая моя, что едва ли возможно будет осуществление мысли Вашей отдать Браилов в распоряжение Л[ьва] В[асильевича]. Мне очень грустно сознавать это, очень тяжело разочаровывать Вас в надежде Вашей успокоиться, отдав Браилов в распоряжение честного и знающего человека. Но что же делать, когда обстоятельства складываются так, что Л[ев] В[асильевич] не может совместить дела Каменки с делами Браилова, для которых Вы нуждаетесь в человеке, исключительно ими занимающемся.

Впрочем, повторяю, Л[ев] В[асильевич] будет сам отвечать Вам на предложение Ваше.

Сегодня приехал Анатолий и сообщил мне известие, глубоко огорчившее меня. Положим, что отпуск Алеша получит в сентябре, и моя мечта пожить в Симаках с ним осуществится, но полковой командир, у которого Анатолий испрашивал отпуск для Алеши, сказал ему, что государь, бывши в Москве, выразился, что срок солдатской службы слишком короток и что он будет продолжен до шести лет. Итак, еще целых пять лет мне придется ждать освобождения от обязательной службы человека, утрату которого я чувствую все больше и живее, а пять лет—ведь это целая вечность!

Про сестру мы имеем сведения довольно утешительные. Хотя она очень слаба, очень еще страдает от ослабляющего действия вод, но по всему видно, что лечение идет нормальным путем и что в конце концов предвидится выздоровление. Но как только с радостью остановишься на этой мысли, как сейчас же вспомнишь состояние Тани, попрежнему отравляющей себя морфином и, следовательно, долженствующей вновь быть источником горя для бедной сестры моей! Теперь мы всячески скрываем от сестры правду, но это очень трудно, и я боюсь, что материнским чутьем сестра догадывается об истине. В таком случае и Карлсбад не поможет. Да, наконец, положим, она вернется здоровая. А дальше! Я склонен думать, что новые огорчения, новые заботы о дочери очень скоро разрушат пользу лечения.

Я продолжаю писать аккомпанименты к концертам Бортнянского и пересмотр его многочисленных сочинений. Работа эта заказана мне Юргенсоном. Она так скучна, что иногда раскаиваюсь, что взял ее, но теперь уже не могу взять назад данного слова.

Вечером.

Я очень много говорил с Л[ьвом] В[асильевичем] про дела Ваши, дорогой друг мой! Ему очень трудно решиться отклонить от себя окончательно Ваше предложение. Но необходимость ради Браилова бросить Каменку смущает его. Впрочем, он хочет подробно ознакомиться с присланными Вами сметами и, хорошенько обдумав дело, обстоятельно отвечать Вам.

Будьте здоровы, дорогая моя! Призываю на Вас божие благословение.

Бесконечно любящий Вас
П. Чайковский.

386. Чайковский—Мекк

Каменка,
¼ августа [1881 г.]

Дорогой и милый друг мой! Вчера Лев Вас[ильевич] именно собирался писать Вам, когда пришла Ваша телеграмма. Он поручает мне передать Вам свое искреннейшее сожаление, что не удалось принести Вам тех услуг, о которых между Вами шла речь. Я с своей стороны тоже глубоко об этом сожалею, но, убежденный в том, что Браилов требовал бы, чтобы он посвятил ему себя всецело, и зная, до какой степени ему трудно сложить с себя все заботы о здешнем хозяйстве, я прихожу к заключению, что действительно приходится отказаться от мысли поставить его во главе браиловского хозяйства. Будем надеяться, что вопрос о Браилове будет разрешен самым благоприятным для Вас образом. Удивляюсь, как между богачами не найдется охотника купить это чудное имение, хотя бы ради благоприятных условий красоты местности, чудного дома, парка, лесов.

Сегодня часть семейства Льва Вас[ильевича] уже переезжает в Киев. Они зиму эту проведут там и уже наняли квартиру. Сегодня Лев Вас[ильевич] везет туда двух старших мальчиков, поступающих в гимназию, а через несколько дней увезут Тасю, которая отдана уже в гимназию женскую. Все эти дети будут покамест жить под наблюдением своей старой гувернантки и сестер, которые поочередно будут ездить в Киев. 1 октября все семейство окончательно водворится там на всю зиму. Милый друг! Так как желательно, чтобы милые сыновья Ваши явились к нам в Каменку, когда сестра уже вернется из Карлсбада и когда все будут в сборе, то я думаю, что лучше всего, если они приедут сюда в конце августа. Теперь Л[ев] В[асиль-

свич] уезжает на неделю, потом вернется лишь на несколько дней, снова увезет Тасю и будет приводить в устройство квартиру, так что и он и старшие племянницы будут почти весь месяц отсутствовать и только к концу августа, когда ожидается возвращение сестры, все будут в сборе.

Я с радостью думаю о предстоящем в начале сентября приезде ко мне Алеши и о посещении Симаков. Занятия редакцией сочинений Бортнянского очень утомляют меня. Оказывается, что работа эта будет очень продолжительна, т. е. потребует нескольких месяцев усидчивого труда. Бортнянский был человек с маленьким талантиком и очень плодовит. Он оставил массу произведений, из которых лишь очень немногие заслуживают внимания. Все остальное или посредственно или совсем плохо и пошло. Таким образом, взятая мной на себя по просьбе Юргенсона работа не заключает в себе ничего приятного, и минутами я так утомляюсь, что мечтаю отказаться от труда, не докончив его. Но это бывает только минутами. И на этот раз я не отступлю от принципа кончать все, что начинаю. Весьма может статься, что вызываемое сложностью этой работы решительное отвлечение от сочинительства в сущности полезно для меня. Не будь этой работы, я бы поневоле задавался бы тем или другим сочинением, а между тем чувствую, что пришлось бы напрягать себя и утомлять свою усталую голову творческой работой. Мне полезно отдохнуть от сочинительства; если творческая искра во мне не угасла, то она со временем запылает снова и лучше прежнего.

Милый друг! Я еще, кажется, не рекомендовал Вам одного моего произведения, изданного недавно Юргенсоном. Я говорю о с е р е н а д е для струнных инструментов в четырех частях, изданной в переложении на четыре руки. Мне очень хотелось бы, чтобы вещь эта была Вам известна. Если когда-нибудь на-днях у Вас выдастся свободная минутка, которую Вы захотите посвятить музыке, то пропграйте, пожалуйста, эту вещь с Бюсси.

Напишите мне, дорогая моя, где Вы предполагаете провести зиму. Я мечтаю пожить нынешней зимой в Италии.

Брат Модест тоже собирается в Рим на зиму. Вероятно, я буду жить с ним и его воспитанником.

Будьте здоровы, дорогая моя, и пошли Вам бог успеха в делах Ваших.

Ваш П. Чайковский.

387. Мекк—Чайковскому

Телеграмма

1881 г. августа 8. Москва.

Сейчас получила Ваше письмо. Очень благодарю за него. Сама вторую неделю сильно хвораю и потому не пишу.

Надежда фон-Мекк.

388. Чайковский—Мекк

Каменка.
10 августа [1881 г.]

Милый, дорогой друг! Невыносимо грустно думать, что Вы нездоровы. А еще грустнее воображать Вас в Москве, в городской духоте и, вероятно, даже среди болезни, беспокоимой д е л а м и. Как мне ни жаль Браилова, но я об [том] только и мечтаю, чтобы Вам удалось хорошо продать его и затем, имея в руках определенную и точную сумму хотя бы и уменьшившихся сравнительно с прежним доходов, уехать куда-нибудь подальше, например, в Италию. С нетерпением жду известий об улучшившемся здоровье Вашем.

Мы имеем известия, что племянники мои удачно выдержали экзамен и поступают в гимназию, что было довольно трудно, так как вакансий мало. Еще неизвестно, когда вернется Лев Вас[ильевич], но, впрочем, если и вернется, то дня на два или на три, потому что вслед за тем придется отвозить Тасю в пансион, да кроме того устраивать квартиру. Л[ев] В[асильевич] хочет, чтобы к приезду сестры в конце августа все было бы готово, т. е. и дети помещены и квартира устроена. От сестры известия хорошие, т. е. лечение действует. У нее вышли из печени два огромных камня, причем она так страдала, что, как пишет, кричала целые ночи и к у с а л а с т е н у с отчаяния. И все-таки хорошо, что ценою этих страданий камни вышли благодаря Карлсбаду.

Вчера я испытал большое треволнение. Сюда, в Каменку, на станцию п е ш к о м явился молодой человек в рубище, истомленный болезнью и голодом, отказавшийся назвать себя, но требовавший меня. Оказалось, что это мой протеже Т к а ч е н к о, тот, который хотел лишить себя жизни и которого я поместил в консерваторию. Оказалось, что этот странный, близкий к сумасшествию человек, несмотря на благополучно выдержанный экзамен, решил, что он э к с п л у а т и р у е т меня, и, мучимый этой мыслью, целое лето предавался пьянству, отравлению себя посредством разных кислот и, наконец, побуждаемый желанием меня видеть и затем умереть, дотащился сюда

п е ш к о м!!! Хорошая, но больная натура. Я успокоил его, приласкал, и теперь он уже уехал в Москву, где я устроил ему спокойную жизнь на целый год.

Будьте здоровы, дорогая моя! Ради бога, не тоскуйте и надейтесь на бога, который поможет Вам!

Ваш П. Ч.

389. Мекк—Чайковскому

Москва,
14 августа 1881 г.

Дорогой, бесценный, хороший друг мой! Как я давно Вам не писала! Теперь пользуюсь наступившим облегчением, чтобы сказать Вам хоть несколько слов. Вы можете видеть по почерку, что я почти разучилась писать: рука дрожит, голова в тумане, но все же я теперь вижу свет божий, а то две недели я с ума сходила от головной боли. Но Вы совершенно угадали, мой милый друг, что дела не оставляли меня н и н а м и н у т у, и это, конечно, в значительной степени поддерживало головную боль.

Слава богу, что Александре Ильиничне лучше. Я думаю, если бы она имела терпение три года сряду ездить в Карлсбад, она бы совсем излечилась от своего недуга.

Прошу Вас, дорогой мой, еще раз передать Льву Васильевичу мою глубочайшую благодарность за его желание помочь мне в моих делах. Искренно извиняюсь перед ним, что так докучливо приставала к нему с своими просьбами. Но что мне делать, бедному человеку, когда я вижу, что такое превосходное именье, как Браилов, должно совсем пропасть, потому что у меня нет человека, которому бы я могла поручить его, и Лев Васильевич был моею единственною мечтою, хотя я ни единой минуты не переставала сознавать вполне ясно, что он н е м о ж е т бросить интересов близких ему людей, что он не такой человек, чтобы это сделать, но в минуты отчаяния я опять простирала руки к нему. Теперь дело с Браиловом стоит так: у меня торгует его князь Горчаков, сын канцлера, дает цену ничтожную—один миллион четыреста тысяч рублей, но я соглашаюсь на нее. Но он торгуется еще из-за разных мелочей, что мне в высшей степени неприятно, чтобы, получая так дешево такое превосходное имение и к тому же сахарный завод, в котором он получает тысяч на триста заготовленных материалов к сахарному производству, т. е. свекловица почти вся уже оплачена, дров очень много заготовлено, химические и всякие другие материалы заготовлены и оплачены, по экономии через месяц получает годовой доход, и при всем этом старается вытянуть каждую мелочь. Мне непонятны и не симпатичны такие свойства. В настоящее время я послала Володю в Киев кончать это дело с князем Горчаковым. Желание Ваше, дорогой мой друг, насчет моей поездки за границу, вероятно, осуществится, если я буду жива, потому что я все готовлю к тому, чтобы выехать 1 сентября. Доктора посылают моего Сашонка купаться в южных морях, так вот мы с ним также собираемся в Биарриц, а оттуда я мечтаю переехать на Viale dei Colli, на милую виллу Оппенгейм на всю зиму, если будет возможно. Мои дела, благодарю бога, настолько поправились, что я теперь опять могу подумать о своем здоровье и пользоваться лучшим климатом.

Завтра Коля и Сашок едут в Петербург: Коля держать переэкзаменовку, а Сашок все экзамены; что-то бог даст ему, занимается он очень усердно. К 1 сентября и младших отошлю в Петербург, а Сашок и Коля вернутся сюда....

Благодарю Вас очень, мой дорогой, за указание мне Вашей Струнной серенады. Она у меня уже была, и я до болезни один раз пробовала ее с Debussy, но так как она очень трудна, то я еще ничего не поняла, а потом заболела. Теперь еще не могу играть, но как только поправлюсь, примусь за нее самым тщательным образом. До свидания, мой милый, несравненный друг. Беспредельно, горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

390. Чайковский—Мекк

[Каменка]
19 августа [1881 г.]

Милый, дорогой друг! Величайшую радость доставило мне письмо Ваше, полученное мною вчера. А я начинал серьезно беспокоиться о Вас и решился послать телеграмму на имя Влад[ислава] Альберт[овича] с целью узнать о состоянии Вашего здоровья как раз в минуту, когда принесли письмо Ваше. Радуюсь, что Вы лучше себя чувствуете, радуюсь, что дела Ваши поправляются, безмерно радуюсь также Вашей поездке за границу. Мне кажется, что после всех перенесенных Вами беспокойств и треволнений несколько месяцев тихой, покойной жизни на Viale dei Colli будут весьма благодетельным отдыхом для усталой души Вашей. Одно меня только немножко огорчает, это то, что с Браиловом Вам приходится расстаться, а также то, что Вы так дешево его продаете. Я все мечтал, что уж если суждено Вам лишиться этого чудного имения, то, по крайней мере, ценою нескольких миллионов. Удивляюсь чрезмерно, что не нашлось покупщика более выгодного, чем князь Горчаков. Мне кажется, что известный землевладелец Терещенко или кто-нибудь в этом роде охотно бы дали бо́льшую цену. Впрочем, пусть будет так, как Вы решите, лишь бы поскорее Вы успокоились.

Вчера я был приятно изумлен приездом брата Модеста. Он явился, чтобы сказать мне, что г. Конра́ди отпускает его с Колей на зиму за границу. Они будут жить в Риме, и Модест очень уговаривает меня поселиться с ним вместе. Быть может, я так и сделаю.

Я полагаю, дорогой друг мой, что ввиду вероятной продажи Браилова мне уж не подобает отправляться, как я предполагал это сделать, в Симаки. С той минуты, как Браилов перестанет быть Вашим, хотя бы Вы и были так добры, чтобы выговорить для меня право прожить там несколько недель, вся прелесть бывших Ваших имений для меня исчезнет. По всей вероятности, в случае продажи Браилова я проведу с Алешей сентябрь частию в Каменке, частию у Модеста в Екатеринославской гу-

бернии. У меня есть план поездки в Москву и Петербург на одну неделю в конце августа. В Москве мне нужны личные объяснения с Юргенсоном по поводу издания Бортнянского, а в Петербурге с Направником по поводу «Орлеанской девы».

Вы пишете, друг мой, что Коля и Саша приедут к Вам 1 сентября. Значит и Коля едет с Вами за границу? Вероятно, дней через десять сестра моя возвратится из Карлсбада.

Потрудитесь, дорогая моя, уведомить меня, когда именно Вы уезжаете и как мне поступить относительно С и м а к о в.

Безгранично преданный Вам

П. Чайковский.

391. Мекк—Чайковскому

[Москва]
21 августа 1881 г.

Милый, безгранично любимый друг! Как мне жаль и как мне совестно сообщать Вам, что Браилов я продала, а следовательно, и счастье иметь Вас своим гостем для меня более невозможно. Я пережила ужасно тяжелый, мучительный период, пока решилась продать, но, раз решившись, я уже не даю воли своему воображению вспоминать о том, что я там потеряла и что вызывает жгучую, несносную боль в сердце. Для этого я всеми силами стараюсь думать о Браилове как о чужой собственности, представлять себе его не иначе, как в соединении с теми личностями, которые теперь царят в моем милом Браилове, и это много способствует охлаждению и успокоению.

Я продала Браилов о ч е н ь дешево, взяла меньше того, что сама заплатила своим детям, а именно, один миллион четыреста тысяч рублей, но что делать, другие покупатели все вертелись около Браилова, не выговаривая никакой [цены], и теперь продолжают суетиться, когда уже и продан. Купил у меня князь Горчаков, о котором я Вам уже писала. Я получила задаток и посылаю сегодня поверенного делать купчую. По продаже роменских акций я еще далеко не успокоилась и имею кучу неприятностей. Меня хотят эксплоатировать и обирать без всякой совести, и что, конечно, больнее всего, так это видеть все эти проявления самых гадких, продажных свойств человеческой натуры, при которых те же люди, которые месяц назад ходили на задних лапках передо мною и старались снискать мои милости, теперь делают мне самые величайшие гадости, чтобы снискать милости своих н о в ы х г о с п о д. Иначе я выразиться не могу, потому что ведь это чисто л а к е й с к и е свойства, хотя и обладают ими тайные советники! Все это меня до глубины души расстраивает и заставляет желать как можно скорее уйти на край света от людской подлости и продажности, а между тем эти же самые дела удерживают меня здесь, и я не знаю, удастся ли мне уехать после 1 сентября.

Я нахожусь теперь в лихорадочном желании приобрести другое имение и непременно на юге, потому, знаете, милый друг, очутиться так мгновенно между небом и землею, без всякой оседлости, с такою семьею, как у меня, очень тяжело, и мне ужасно хочется приобрести небольшое имение тысяч в двести, но с роскошною усадьбою, так как для меня это необходимо.

Коля сдал свою передержку из латыни хорошо и перешел в третий класс, так что уже щеголяет с золотым погоном. Сашок еще в Петербурге,

держит экзамены; из латыни выдержал, а о других я еще не знаю. Коля мечтает в начале сентября попасть в Каменку, так как он собирается прогулять до 15 сентября; тогда, если мы уедем после первого, он может поехать в Каменку, если милые хозяева позволят на это.

На-днях я играла с Bussy Вашу Струнную серенаду, дорогой друг мой. Простите мне, если я буду говорить Вам, нисколько не стесняясь, всякий вздор своих собственных ощущений, отношений и определений, не смейтесь над ними, ни над языком, которым я буду выражаться, ведь я профан в этом предмете и буду Вам говорить только о своих бессознательных чувствах. Я подразделяю музыку на три рода: 1) чистая музыка, 2) музыка, передающая известные чувства, положения, ощущения, часто картины,—это, так сказать, относительная музыка, и 3) музыка на данный сюжет, программная музыка.

Вот на этих-то определениях, сложившихся у меня из моих собственных ощущений, я и скажу, что Струнная серенада Ваша, это—чистая музыка. Она превосходная музыка, но производит впечатление только на ум человека, не затрагивая ни сердца, ни нервов, тогда как, например, н а ш а симфония, она все время действует на сердце и нервы до того, что, кончивши ее, надо сказать: «je n'en peux plus»*, и целый день не можешь образумиться, оторваться от этого впечатления. Так же на меня действуют Ваши Andante из Первого квартета, Andante из Второго квартета, дуэт короля и Дюнуа из «Jeanne d'Arc», моя любимая ария из «Опричника», письмо Татьяны, да, боже мой, и не перечтешь, сколько еще превосходных, буквально п о т р я с а ю щ и х вещей, потому что после них я вся дрожу.

Простите, милый, дорогой мой, за то, что я Вам говорю, но ведь я знаю, что никто не умеет быть так снисходителен к неучам, которые умеют чувствовать. Из того, что я говорила о действии на меня любимых пьес Вашего произведения, Петр Ильич, не следует, чтобы они действовали т о л ь к о на сердце и первы, чтобы музыка эта была только ч у в с т в е н н а я;—о, нет, там и ум восхищается, поражается неожиданностью, прелестью, логичностью, богатством мыслей и знания дела, и потому человеку так и жутко, что он в е с ь приходит в возбуждение.

Вот Вам, мой милый, всегда добрый и снисходительный друг, весь мой вздор, от которого я однако отрешиться не могу, потому что это мои в п е ч а т л е н и я.

Милый друг, знаете ли Вы романсы Балакирева?[1] Я недавно с ними познакомилась, и они мне ужасно понравились. Я в них нахожу какую-то к а р т и н и о с т ь, которая действует на воображение. Вы не только там слышите мелодию, но Вы слышите ее в какой-то обстановке, в воображении подымается что-то, о чем человек себе хотя и не дает прямого отчета, хотя и не укладывает в определенный вид, но перед ним рисуется туманная картина, он не только слушает, но и видит что-то. Скажите мне, дорогой, Ваше мнение об этих романсах. А теперь надо кончить, ко мне приехали по делу. До свидания, бесценный мой. Будьте здоровы и не забывайте безгранично любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

---

* «мне больше невмоготу»

392. Чайковский—Мекк

Каменка,
24 августа [1881 г.]

Не хочу растравлять Вашей раны, милый, дорогой друг мой, и потому не скажу ничего относительно чувств, испытанных мной, когда я прочел известие о продаже Браилова. Дай бог Вам поскорее свыкнуться с мыслью об этой утрате. Мне кажется, что, дабы забыть это, если возможно, и вообще успокоиться, Вам необходимо как можно скорее уехать за границу. Пока Вы находитесь в центре Вашей деловой сферы, сожаление об утрате Браилова будет, мне кажется, брать верх над сознанием освобождения от главного источника забот Ваших. Но итальянское солнце, свобода и тишина заставят Вас сильнее ценить тот результат продажи Браилова, что большая обуза свалилась с плеч Ваших.

Я решительно не знаю теперь, где проведу сентябрь. Здесь оставаться мне бы не хотелось, ибо, во-первых, никого не будет, а, во-вторых, дом будет постепенно разоряться по случаю перевозки всей обстановки в Киев, а это совсем не веселая картина для моего бедного Алеши, которого мне хотелось бы повеселить в те три недели, которые он проведет со мной. Очень вероятно, что в начале сентября я попаду в Москву и Петербург и затем куда-нибудь уеду с Алешей, может быть, в деревню к Модесту.

Дорогой друг мой! Я боюсь, что каменские жители будут лишены удовольствия увидеть в среде своей милых сыновей Ваших. Сестра моя едет прямо в Киев для свидания с своими мальчиками и двумя дочерьми. Оттуда она проедет прямо в Одессу, где должна по требованию карлсбадского доктора купаться в море. Доктор этот не хотел ее пустить из Карлсбада прежде, чем она не дала слова провести несколько дней на берегу моря. Так как она очень стосковалась, прожив два месяца без детей, то берет с собой в Одессу маленького Юрия и двух дочерей, Веру и Анну, старшая же, Таня, вместе с отцом будут жить в Киеве для надзора за мальчиками и Тасей, а также для приготовления к концу сентября квартиры, в которой все семейство водворится на зиму. Таким образом, в Каменке в начале сентября никого не будет. Не найдете ли Вы возможным отпустить сыновей Ваших или, по крайней мере, Колю в Одессу? Мне очень досадно и грустно, что Каменке не удалось эти летом залучить Колю и Сашу, жаль будет, если придется еще на один год отложить знакомство их с семейством Льва Вас[ильевича]!

Мне невыразимо хотелось бы, чтобы судьба поставила Вас когда-нибудь в возможность услышать мою Серенаду в настоящем исполнении. Она много теряет на фортепиано, и мне кажется, что две средние части, будучи исполнены скрипками, заслужили бы с Вашей стороны симпатию. Но мнение Ваше совершенно справедливо относительно первой части и финала. Тут действительно только и г р а звуков, не способная задеть сердечные струнки. В первой части я заплатил дань моему поклонению Моцарту; это намеренное подражание его манере, и я был бы счастлив, если бы нашли, что я не слишком далек от взятого образца. Не смейтесь, дорогая моя, что я так заступаюсь за свое последнее детище. Мои отцовские чувства к нему, вероятно, еще оттого так пылки, что с тех пор я ничего не написал. Никогда не извиняйтесь передо мной, дорогая моя, если не вполне одобряете то или другое из моих писаний. Мне и в голову не приходит никогда сетовать за откровенное изложение мнений. Неужели же я могу хотеть, чтоб Вы всегда безусловно хвалили меня? Напротив, чем откровеннее Вы будете всегда мне высказывать Ваши впечатления от моей музыки, тем отраднее мне будет принимать Ваши одобрительные отзывы. Впрочем, я все-таки льщу себя надеждой, что если не вся серенада, то некоторые части ее попадут в число Ваших любимцев. Мне очень, очень хотелось бы этого!

Вы спрашиваете меня о романсах Б а л а к и р е в а. Я совершенно разделяю Ваше мнение относительно их. Это, положительно, маленькие chef d'oeuvr'ы, и некоторые из них я люблю до страсти. Было время, когда я не мог без слез слушать «П е с н ь С е л и м а», и еще я высоко ставлю его «П е с н ь з о л о т о й р ы б к и». В хорошем исполнении этот последний романс производит обаятельное впечатление.

Я ничего не буду писать Вам о состоянии моего духа, ибо боюсь увлечься и впасть в жалобный тон. Одно только скажу: мне просто н е о б х о д и м отдых и одиночество, и я мечтаю об Италии, о каком-нибудь уголке Рима или Флоренции, где бы можно было спрятаться. Я много рассчитывал на прелести С и м а к о в; теперь, когда это оказалось неосуществимо, буду лелеять мечту об Италии, которую приведу в исполнение, если останусь жив и здоров, в начале октября.

Предстоящий приезд Алеши не только не утешит и не уврачует мои сердечные раны, но, скорее, растравит их. Сознавать, что он вернулся ко мне д р у г и м и притом только для того, чтобы снова оставить меня, это будет очень горько и отравит удовольствие свидания.

Будьте здоровы, дорогая моя. Дай вам бог поскорее устро-

иться с делами и уехать подальше! Кто знает, быть может, где-нибудь в Италии придется нам пожить в одно и то же время!

Безгранично Вам преданный

П. Чайковский.

393. Мекк—Чайковскому

1881 г. августа 28. Москва.

[Телеграмма]

Покорнейше прошу сообщить мне в свое время адрес Александры Ильинишны в Одессе.

Надежда фон-Мекк.

394. Чайковский—Мекк

Каменка,
29 августа [1881 г.]

Милый, дорогой друг! В ответ на полученную мною телеграмму поспешаю ответить, что сестра моя из Киева приехала на несколько дней сюда, а 1 сентября отправляется, но не в О д е с с у, а только ч е р е з О д е с с у, где она остановится лишь на один или два дня у моего брата Ипполита. Цель ее поездки не морские купанья, как я писал Вам в прошлом письме, а виноградное леченье. Для этого она один месяц проведет в Я л т е. Итак, дорогая моя, если возможно, чтобы сыновья Ваши или, по крайней мере, Коля провели несколько дней в Крыму, то это было бы отлично. Когда я сообщил сестре о том, что Вам угодно, чтобы они ближе познакомились с ней, то она чрезвычайно этому обрадовалась и поручает мне передать Вам ее горячую благодарность. Сыновья Ваши (особенно Коля) произвели на нее обаятельно-симпатичное впечатление.

Через несколько дней дом наш совершенно опустеет. Одни едут в Ялту, другие в Киев; Лев Вас[ильевич] будет странствовать между этими двумя городами и Каменкой, а я решился дождаться здесь приезда Алеши, с которым куда-нибудь уеду, вероятно, к Модесту. Брат Анатолий уехал вчера в Москву.

Сестра поселится в Ялте или в гостинице «Россия», если там найдется место, или же на даче Никол[ая] Вас[ильевича] Давыдова. Во всяком случае, Коле, если он туда отправится, не трудно будет найти ее.

Жду с нетерпением письма Вашего, чтобы узнать, едете ли Вы в Италию и когда именно.

Скажите, дорогая моя, огорчает Вас или нет, шум, производимый газетами по поводу продажи ландв[арово]-ром[енских]

акций? Как жаль, что правительство отклонило Ваше предложение купить эти акции!

Я все сижу над бесконечно пустым, скучным и не в меру производительным Бортнянским. Придется еще месяца три просидеть над этой работой.

До свиданья, дорогая моя!

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

P. S. Сестра привезла вышедшие из ее печени камни. Они необыкновенно велики и причинили ей страшные страдания, но слава богу, что вышли.

395. Мекк—Чайковскому

[Москва]
2 сентября 1881 г.

Милый, бесценный друг мой! Как мне жаль, как жаль, что мои сыновья никак не могут познакомиться с семейством Александры Ильинишны. Теперь, когда я узнала от Вас, что она будет в Одессе, я сейчас решила послать их обоих туда с тем, что[бы] Саша поехал сейчас, чтобы купаться в море, а Коля должен был поехать по получении адреса Александры Ильинишны в Одессе. И теперь это опять все расстроилось....

Мне очень печально также, мой милый друг, что Вы не можете провести сентябрь в Сиамаках, но если бы я даже могла выговорить для Вас такое право приехать туда, то уже никаким образом не могла бы доставить Вам никакого комфорта и выговорить того, чтобы Вас н е б е с п о к о и л и. Этот князь несноснейший человек: скуп, мелочен, подозрителен, тянет с меня и вещами и деньгами невыносимо. Я с нетерпением [жду], когда кончится дело с ним, и боюсь ужасно, что буду иметь еще много возни с ним при получении денег, потому что он уже имел намерение уплатить мне н и ч е г о н е с т о я щ и м и процентными бумагами, но я на это ни за что не согласилась. Но боюсь, что по совершении купчей он опять вернется к той же великой идее, и хотя я опять не соглашусь, но это будет проволочка времени и может повести к процессу.

Когда бы Вы знали, мой милый друг, что̀ я выношу в Москве при этих делах. Сколько подлостей, гадостей, какое продажничество я вижу вокруг себя. Мне здесь невыносимо, я задыхаюсь в этой тлетворной атмосфере. В обоих делах, продаже Роменской дороги и продаже Брайлова, я прохожу одни и те же ощущения, одно гаже другого, и, знаете, чем дольше это тянется, тем невыносимее становится любоваться на то, как люди, которые два месяца назад гнули спину передо мною, угождали и уверяли в преданности и уважении, теперь придумывают мне всевозможные гадости, чтобы вытянуть из моего кармана и поднести своим новым милостивцам, и доходят в этом до геркулесовых столбов, ну, и, конечно, достигают цели, общипывают, обирают нас невообразимо.

Вы спрашиваете, друг мой, как на меня действуют газетные статьи? Отвратительно! Они так волновали и возмущали меня, что Володя взял с меня слово, что я не буду читать их. Главное, возмущает то, что ведь на каждом слове ложь, извращение или полнейшее незнание дела, а бе-

рутся судить, рядить печатно и так авторитетно класть свои санкции, а у самих, как у «Московских ведомостей», например, ни одного верного сведения нет. Ну, другие, те совсем подлые, и только «Русь» написала все верно, ну, это потому, что там редактор порядочный человек, Аксаков[1]. Я не только предлагала правительству купить у меня эти акции, но пять лет твердила ему, что я не в состоянии выдерживать такого положения, что оно ведет меня к разорению и что я прошу правительство взять у меня дорогу. Мне в ответ на это посмеивались и отвечали: «Выдержите, ничего» и в то же время жидам раздавали субсидии на все стороны. И когда я, наконец, доведенная уже до последней крайности, полгода назад написала сама министру финансов, что я окончательно доведена до крайней и неотложной необходимости продать л[ибаво]-роменские акции, но прежде, чем предлагать кому-либо другому, я обращаюсь с предложением к нему, не угодно ли ему приобрести мои акции для правительства, причем намекала, что ведь они легко могут попасть в руки иностранцев. На это я не удостоилась ни-к а к и м ответом, хотя частным образом мне передавали, что министру понравилось мое письмо; он выразился об нем, что оно «так деликатно написано».

Теперь же этих покупателей н е м ы нашли, а они сами явились к нам с предложением по семьдесят два рубля за акцию на чистые деньги, а потом начали тянуть, тянуть и в конце концов объявили, что так как они покупают на чистые деньги, то не могут дать по семьдесят два рубля, а по шестьдесят два. Мое положение было таково, что надо было и на это согласиться. Тогда эта баранья пресса, по поговорке: «русский человек задним умом крепок», вдруг спохватилась, что дорога попала в немецкие руки, и принялась разбирать значение нашей дороги, а мы-то сами и всегда это знали, потому и обращались к правительству....

Я ищу себе купить имение небольшое, но с в е л и к о л е п н о ю у с а д ь б о ю, ценою от двухсот до трехсот тысяч рублей, непременно в южных губерниях. Не знает ли Лев Васильевич такого имения в Киевской губернии? Если знает, то не откажите, дорогой друг, сообщить мне об этом....

До свидания, мой милый, несравненный друг. Будьте здоровы, веселы, спокойны и не забывайте горячо всем сердцем любящую Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Как я рада, что Алеша к Вам приедет.

Я бы очень хотела выехать пятнадцатого за границу, но меня держит купчая на Браилов. Не знаю, успеет ли она быть сделана к этому времени, и, главное, будут ли деньги получены.

396. Чайковский—Мекк

1881 г. сентября 2—3. Каменка.

Каменка,
2 сентября.

Прошло несколько грустных дней. Племянница моя Татьяна, как будто нарочно ради приезда матери, начала снова чрезмерно отравлять себя морфином, лежать целые дни с адской головною болью, терзать бедную мою сестру жалобами на судьбу и на

свою безотрадную жизнь. Точно будто родители, принесшие множество тяжелых жертв ради ее увеселения, виноваты в том, что ей нельзя блистать красотой в более людном месте и полонять сердца блестящих кавалеров. Увы! я склонен думать, что эта девушка, роскошнейшим образом одаренная природой, в сущности эгоистка и пустая кокетка. Мне смертельно больно сознавать эту истину, но, кажется, она непреложна. Она говорит очень много про свою любовь к матери, но действует по отношению к ней как самый жестокий палач. Бедная сестра, приехавшая с значительно поправившимся здоровьем, теперь опять чувствует себя очень нехорошо, целые дни плачет и тоскует. Я ежедневно прошу бога вразумить мою племянницу и не допустить ее до собственной гибели и до погубления семейного счастия целого дома. Сегодня сестра уехала в Одессу и Крым. Конечно, это принесет ей пользу и доставит отдохновение, но как только мать с дочерью соединятся 1 октября, я боюсь, что начнется опять та же канитель...

Я, кажется, писал Вам, милый друг, о моем протеже Т к а ч е н к о, собиравшемся нынче летом опять лишить себя жизни и очутившемся недели три тому назад в Каменке в рубище, в состоянии почти полного безумия. Не без труда я успокоил его и отправил в Москву. Недавно он прислал мне дневник свой за несколько месяцев, и, только прочтя эту рукопись, я знаю, с кем имею дело. Оказывается, что Ткаченко—молодой человек с хорошо устроенной головой, с необыкновенно горячим и благородным сердцем, но вследствие стечения многих неблагоприятных условий до сих пор не испытавший ничего, кроме самых лютых нравственных мучений. Он родился тем, что называется а р т и с т и ч е с к о й н а т у р о й, с раннего детства жадно искавшей и бессознательно стремившейся к художественной красоте. Между тем семейная обстановка самая ужасная: отец—сумасшедший, грубый самодур, мать—забитая до отупения женщина, сестры и братья—люди без образования, без высоких стремлений. Все они вечно между собою ссорятся, и в семье царит невообразимая нравственная распущенность с одной стороны и жестокое самодурство—с другой. Бедный мой Т к а ч е н к о все детство невыразимо пострадал, не находя никакого ответа и удовлетворения своим чистым и высоким стремлениям. Потом его то учили в какой-то эриванской армяно-русской школе, то отдавали в полк, то на службу в консисторию; затем, испытав везде неудачи и горести, он пропадал, несколько раз покушался на самоубийство, научился в своих странствованиях бешеному разврату, и, наконец, когда он уже совсем погибал, судьба его столкнула со мной. Вы помните,

как странно и непостижимо он относился ко мне после того, как, вызванный им же, я принял в нем деятельное участие. Теперь я понимаю странность его поступков. Перенесенные им бесчисленные невзгоды породили в нем страшную недоверчивость к людям, болезненное самолюбие, вследствие которого он в одно и то же время взывал ко мне о помощи, а потом мучительно тяготился моими заботами о нем, старался объяснить их себе желанием моим заслужить репутацию «б л а г о д е т е л я» и т. д. Из дневника этого я узнал, что бедный юноша совершенно одинок в этом мире, ибо связи с семейством порваны, и что я единственная его поддержка и опора. Оказывается, что он горячо меня любит, хотя по странности болезненной своей натуры не только никогда не мог этого выразить, но, напротив, почти оскорблял меня своими письмами и обращениями. Теперь я знаю, что имею дело с больной, но необычайно благородной и честной натурой. Нынешнее лето он оттого упал духом и искал смерти, что решил, что музыканта из него не выйдет и что, оставаясь в консерватории, он только злоупотребляет моей готовностью помогать ему. Пришлось разуверять и успокаивать его, но в сущности я и сам не думаю, что он может достигнуть чего-либо в музыке. Он пристрастился к ней потому, что в один прекрасный день испытал сильное музыкальное впечатление. Однакож выдающихся способностей в нем нет. Судя по дневнику его, я скорее склонен думать, что у него есть литературный талант, но боюсь сказать ему это, чтобы не смутить его. Для того, чтобы сделаться литератором, ему недостает образования. Много и много я думаю об этом несчастном симпатичном молодом человеке и решительно теряюсь, не знаю, как вывести его на настоящий путь. Он работает как вол, целый день сидит за инструментом, стараясь выработать технику, но что можно сделать, начав с азбуки в двадцать четыре года! И не напрасно ли он тратит свои и без того слабые физические силы на бесплодное дело?

Простите, что утомляю Вас беседой о Ткаченке. Но я очень много о нем теперь думаю, а я привык говорить с Вами обо всем меня занимающем и заботящем.

3 сентября.

Дорогая моя! Сегодня утром я получил от моего А л е ш и отчаянное письмо: его не пускают дальше Москвы и окрестностей, и приехать сюда он не может. Покамест он отправился в деревню к своей матери под Москвой, а десятого вернется и умоляет меня приехать в Москву к этому дню. Разумеется, я поеду. Увы! все мечты мои рушились. Каким образом бедный Алеша отдохнет от службы, когда принужден оставаться в месте

своего служения, где ему вечно будут мерещиться унтер-офицеры, фельдфебели, ротные командиры и прочее начальство!!!

Боясь, как бы не разъехаться с письмом Вашим, я телеграфировал Вам.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

397. Чайковский—Мекк

Москва,
11 сентября [1881 г.]

Дорогой и милый друг! Мне хочется известить Вас, что я здесь со вчерашнего вечера. Видел моего Алешу, которого дальше Москвы не пускают, так что, если бы даже и не случилось продажи Симаков, мы бы все-таки с ним туда не попали.

Я спрашивал у Льва Вас[ильевича] и других, нет ли в продаже подходящего к Вашим требованиям имения. Покамест еще нет. Но Л[ев] В[асильевич] обещался следить за этим и если о чем-нибудь услышит, то сообщит Вам.

Пишу это письмо не для того, чтобы вызвать ответ; я даже прошу Вас, дорогая моя, ничего мне не писать, кроме разве самого краткого извещения о Вашем здоровье.

Сейчас еду на заупокойную обедню по Н. Г. Рубинштейне.

Беспредельно преданный

П. Чайковский.

398. Мекк—Чайковскому

[Москва]
11 сентября 1881 г.

Как я рада, милый, бесценный друг, что Вы приехали в Москву. Хотя это и не то, что находишься вместе под небом Флоренции, потому что и небо-то не то, но я все-таки чувствую необыкновенное удовольствие, когда знаю, что Вы вблизи меня.

Только что сегодня я получила письмо от дочери Саши, в котором говорится об Вас и которое доставило мне большое удовольствие, а это по такому случаю. Она очень любит музыку и очень способна к ней, сама хорошо играла на фортепиано и очень впечатлительна к хорошей музыке. Недавно она была у меня, и так как она мало знакома с Вашею музыкою, я старалась ее ознакомить и играла ей нашу симфонию. Она отнеслась к ней довольно равнодушно и в ответ на мои восторги отвечала: «Да, хорошо, но только что-то я не совсем ее понимаю». Теперь к ней поехали Коля и Debussy, и она просила прислать ей Четвертую симфонию, говоря, что ей хотелось бы понять ее, и сегодня я получила от нее письмо, в котором она говорит: «что же касается Четвертой симфонии, то еще свет не видал такой глубины чувств, и я не понимаю, где были мои уши, слушая ее в Москве; такой музыки я еще не слышала, и навряд ли сам Чайковский напишет

что-нибудь лучше ее». Это ее точные слова, и меня радует, что она сумела оценить такой дорогой для меня предмет.

Очень, очень благодарю Льва Васильевича за обещание указать мне имение. Мне отрекомендовали одно, Волынской губернии, около станции Ровны, Киево-Брестской железной дороги, и я послала Влад[ислава] Альб[ертовича] осмотреть у с а д ь б у, так как это главный предмет в моих требованиях. Это маленькое имение, две тысячи четыреста десятин всего, но, говорят, великолепный дворец, парк и местность.

Уезжая, Владислав Альбертович просил меня, когда Вы приедете, дорогой друг мой, препроводить к Вам его произведения на суд. Конечно, Вы не будете себя беспокоить их просмотром, если Вам не будет времени, но если выпадут совсем свободные часы, то, быть может, Вы будете так добры заглянуть в эти труды и сообщить мне Ваше мнение о них....

Я предполагаю выехать двадцатого. Долго ли Вы здесь пробудете, дорогой мой, и что намерены делать дальше?...

До свидания, дорогой, несравненный друг мой. Всем сердцем безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Где Вы остановились?

399. Чайковский—Мекк

Москва,
13 сентября 1881 г.

Милый и дорогой друг! Невеселые впечатления испытываю я в Москве. Брат мой Анатолий как всегда хандрит и жалуется на судьбу. Все мои консерваторские приятели со смерти Ник[олая] Григ[орьевича] как-то опустились и упали духом. Наконец, Алеша глубоко сокрушен новым распоряжением, по которому солдат велено держать на службе пять лет. Кроме того, он весьма огорчен, что не сбылись его планы куда-нибудь из Москвы уехать; дальше Московского уезда его никуда не пускают и требуют,чтобы от времени до времени он являлся в казармы. Думал я съездить с ним в Петербург, но в таком случае нужно ему снять солдатский мундир и как бы скрываться, а этого мне как-то не хочется. Таким образом, вероятно, я останусь весь этот месяц здесь, а уж как этого мне бы не хотелось! Кроме того, что вообще, находясь в Москве, я страдаю каким-то жутким чувством тоски, мне невозможно здесь заниматься и приходится проводить время в бессмысленной праздности и в столкновениях с людьми, бо́льшая часть которых наводит на меня только тяжелое уныние.

Думаю отсюда все-таки вернуться в Каменку, забрать там все свои работы и нужные мне вещи и засим (чем скорее, тем лучше) уехать надолго в Италию.

Я уже слегка просмотрел рукописи Владислава Альбертовича, но более подробно рассмотрю их потом. Покамест могу сказать, что в отношении ф о р м ы он сделал успехи; в этих

сочинениях уже гораздо более зрелости, чем в прежних. Менее всего мне понравилась сцена из «Демона»; в ней очень много ошибок против законов сочетания слова с музыкой. Более же всего мне нравится с к е р ц о для фортепиано, скрипки и виолончели. Я сделаю карандашом свои замечания на полях, а если он скоро вернется и будет иметь время зайти ко мне, то буду рад сообщить ему устно мое мнение и вообще с ним повидаться.

Мне очень приятно было прочесть в письме Вашем слова дочери Вашей, касающиеся н а ш е й симфонии. Удастся ли мне когда-нибудь написать еще вещь, столь же прочувствованную, как эта симфония! Давно уже отлетела от меня моя муза и не хочет возвратиться. Не случится ли это в Италии? Я надеюсь, что да.

Желаю Вам, дорогая моя, скорейшего благополучного окончания всех дел Ваших и счастливого путешествия. Алеша несказанно тронут и благодарит Вас, милый друг, за внимание и щедрость Вашу!

На этой неделе, до отъезда Вашего, еще буду писать Вам.

Ваш навеки П. Чайковский.

Живу я у брата Анатолия на Садовой, близ Кудрина, в доме Быкова.

400. Мекк—Чайковскому

[Москва]
14 сентября 1881 г.

Милый, бесценный друг! Как мне жаль Вас, что Вы должны томиться в Москве, да еще в самое дурное в России время года. Дай бог, чтобы это обошлось благополучно для Вашего здоровья, а муза, она, конечно, вернется к Вам в Италии. В последнее время Вы находились в такой обстановке и подвергались таким впечатлениям, при которых невозможны никакие вдохновения. Достаточно было Вам только видеть припадки Вашей племянницы, для того чтобы стать неспособным к божественным порывам. Видеть, как люди безжалостно убивают в себе то хорошее, чем их одарила природа, мучат других, портят жизнь себе, и все это из-за пустого тщеславия и крайней распущенности. Но как Вы верно определяете свойства барышень, так это просто удивительно. Обыкновенно мужчины придумывают там совсем не то, что есть на самом деле, а на самом деле есть именно то, как несчастная эпидемия у всех барышень, в особенности красивых, на что Вы и указываете, это—непременное желание п л е н я т ь, в л ю б л я т ь в себя, быть окруженной вздыхателями и обожателями, одним словом, пустота, суета сует и всяческая суета! К этому еще прибавляется полнейшее отсутствие в о л и, разбалованность, несдержанность; «х о ч у—и п о д а в а й»—вот бессознательный девиз нового поколения женщин. Ужасно печально и страшно смотреть на это....

Скажу я Вам еще, мой милый друг, по поводу барышень такую вещь, которую не повторю никому, а Вас хочу спросить, неужели правда то, что я скажу. Вы, вероятно, через Анатолия Ильича слыхали что-нибудь об этом. На-днях у меня был знакомый из Петербурга по делам, и в разговоре я его расспрашивала о Панаевых, так как их всех знаю и считаю хорошими людьми. Когда я спросила об А[лександре] В[алерьяновне], певице, то он отвечал мне: «Ну, эта нехорошо идет, ведь она явно и открыто любовницею у старого Адлерберга». Меня это поразило, и я сделала восклицание: «Это не может быть!» Он отвечал мне: «Помилуйте, да весь Петербург это знает, и она сама вовсе не скрывает даже, выезжает с ним одна и нисколько не конфузится». Скажите, неужели это правда, и зачем же это? Полюбить его ведь она не могла, потому что и не за что; для карьеры ей не нужно его покровительство, ведь она же не профессиональная певица, для богатства тоже она не нуждается. Из-за чего же это? Боже мой, какие ужасные времена пришли!

Я все собираюсь выехать двадцатого. Влад[ислав] Альб[ертович] сегодня вернется и, конечно, с восторгом явится к Вам. Кажется, судя по его телеграмме, из этого имения не выйдет ничего, что-то он там нашел нехорошо....

До свидания, мой милый, бесценный друг. Постараюсь до отъезда еще написать Вам несколько слов. Будьте здоровы, дорогой мой. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Прилагаю здесь бюджетную сумму по сроку 1 октября.

401. Чайковский—Мекк

[Москва]
15 сентября [1881 г.]

Пишу Вам, дорогой друг, лишь несколько слов, чтобы сказать, что бюджетную сумму я получил. Бесконечно Вам за нее благодарен. Более обстоятельно буду писать Вам на-днях. Если Влад[ислав] Альберт[ович] может посетить меня в четверг в десять часов утра, то буду весьма рад его видеть.

Беспредельно преданный и благодарный
П. Чайковский.

402. Чайковский—Мекк

[Москва]
17 сентября 1881 г.

Ради бога, простите, дорогой друг мой, что так несвоевременно посылаю Вам свое поздравление с днем именин. Желаю Вам от глубины души моей всякого счастья и благополучия. Как я буду радоваться за Вас, когда в воскресенье буду воображать Вас в вагоне!

Беспредельно любящий
П. Чайковский.

403. Мекк—Чайковскому

[Москва]
19 сентября 1881 г.

Несравненный друг мой! Хочу перед отъездом сказать Вам еще несколько слов и пожелать также как можно скорее очутиться в вагоне. У меня был составлен маршрут на Париж в Биарриц, где Сашок должен был купаться, и во Флоренцию на всю зиму. Но теперь эти ужасные дела так задержали меня в Москве, что о морских купаньях и думать нечего, а следовательно, и в Париж мне ехать совсем нечего. Поэтому я меняю маршрут и направляюсь на Вену, Трнест, Венецию, оттуда, быть может, в Милан, быть может, в Рим, так как дача во Флоренции будет готова только к 28 октября. Очень неприятны и неудобны эти перемены маршрутов; так например, у меня взят перевод на Париж, а теперь я должна буду выдержать некоторое неудобство, учитывая его в другом каком-либо городе. Потом с корреспонденциями трудно, а при моих делах я всегда могу понадобиться для разрешения каких-нибудь вопросов, и необходимо надо, чтобы знали мой адрес. Вас, милый друг мой, я попрошу не писать мне до тех пор, пока я установлюсь на одном месте на более продолжительное время, только я прошу Вас очень теперь написать мне приблизительно, где и сколько времени Вы намерены пробыть, чтобы я знала, куда адресовать Вам.

Итак, до свидания, мой дорогой, несравненный друг. От души желаю Вам как можно скорее устроиться так, как Вам необходимо для отдыха и здоровья. Всем сердцем безгранично любящий Вас друг

Н. ф.-Мекк.

Не откажите, друг мой, сообщить мне Ваше мнение о произведениях Влад[ислава] Альб[ертовича].

404. Чайковский—Мекк

Москва,
19 сентября 1881 г.

Милый, дорогой друг! Вы спрашиваете, какие мои планы? Я отсюда около 1 октября поеду в Каменку, чтобы до некоторой степени, хоть временно, усладить одиночество Льва Вас[ильевича], принужденного теперь жить в опустелом доме спротою. Там хочу я остаться недели две и хорошенько поработать над Бортнянским. А затем мечтаю уехать за границу и быть приблизительно к 1 ноября в Италии. Поеду я не прямо, а остановлюсь хоть на несколько дней в Швейцарии, в моем милом Clarens. Одним словом, во Флоренции, где я остановлюсь на несколько дней, я буду, когда уже и Вы там поселитесь, и мысль, что опять ненадолго буду находиться там в одно время с Вами, невыразимо пленяет меня. Итак, дорогая моя, если на одной из остановок Вам вздумается написать мне словечка два, то потрудитесь иметь в виду, что до 15 октября приблизительно я буду находиться в Каменке, а затем точного адреса моего указать не могу, и потому, в случае если захотите что-нибудь

сказать мне, потрудитесь адресовать Юргенсону, которому мое местопребывание будет всегда известно. А главное, как можно больше теперь отдыхайте, и прошу Вас на время вовсе не думать о корреспонденции со мной! Я отлично понимаю, что до тех пор, пока Вы не устроитесь прочно, Вам не до писем. Мне бы тяжело было только целый месяц быть вовсе без известий об Вас, и потому попрошу хоть один раз вкратце известить меня в Каменку о Вашем здоровье, и всего лучше, если Вы потрудитесь поручить это Влад[иславу] Альб[ертовичу].

Мне ужасно досадно, что я сегодня забыл указать Влад[иславу] Альб[ертовичу] на те ошибки в сочетаниях слов с музыкой, которые я нашел в его сцене «Д е м о н». Ну, бог даст, во Флоренции поговорим об этом. Если б Вы только знали, дорогая моя, до чего меня радует и пленяет мысль об Италии, о Флоренции и Риме.

Дай господи, чтобы путешествие Ваше совершилось как можно благополучнее, чтобы Вы хорошенько отдохнули от Ваших московских тревог и забот! Как я радуюсь, что Саша с Вами.

Милый друг! сестра пишет мне, что она глубоко огорчена тем, что не осуществилось ее ближайшее знакомство с сыновьями Вашими. Она надеется, что, быть может, Коля навестит их на праздниках в Киеве. Как хорошо бы было, если б это состоялось.

То, что Вам сказали о Панаевой, есть п о л о ж и т е л ь н а я н е п р а в д а. Верно во всем этом только то, что Адлерберг ее большой поклонник.

Как любопытен эпизод романической любви г. Гретенера![1] А какая теперь должна быть хорошенькая Софья Карловна! Я еще в 1878 г. во Флоренции восхищался ею.

Будьте здоровы и счастливы, дорогая моя, и дай Вам бог счастливого пути.

Ваш навеки П. Чайковский.

P. S. Я не знаю, что бы теперь со мной было, если б не было в виду Италии! Вам, дорогая моя, я обязан всеми счастливыми минутами моей жизни.

405. Мекк—Чайковскому

Трнест,
26 сентября 1881 г.

Дорогой, несравненный друг! Мне не хотелось писать Вам, не переехавши границу. К тому же, и теперь Вы можете видеть по почерку, как я истомлена дорогою, но тем не менее, находясь на пороге Италии, я чувствую желание сказать Вам, как я довольна, что приближаюсь к этой

благословенной стране, и уже ощущаю в атмосфере эту громадную разницу с нашим несчастным отечеством. Вообразите, милый друг, что сегодня здесь очень ненастная погода, пасмурно, идет дождь, ветер, как буря, и, несмотря на это, на воздухе двенадцать градусов тепла и в нетопленных комнатах пятнадцать. Жаль только, что я вследствие этого страшного ветра все-таки не могу выходить на воздух и только вдыхаю его, подходя к открытому окну. Вообще я вижу, что этот год окончательно убил мое здоровье и, вероятно, отнял половину оставшейся жизни. И неудивительно,—никто не знает, что̀ я вытерпела с тех пор, как увидела настоящее положение своих дел; от постоянного беспокойства, мучительных дум и крайне напряженного состояния нервов я дошла до такого положения, что даже ночью не отдыхала, потому что не спала, а бредила своими делами, и несколько раз ночью на меня находили вдохновения, которые я днем приводила в исполнение, и каждый раз была довольна, но для здоровья это было разрушительно. И теперь еще я в большом беспокойстве. В среду должно быть акционерное собрание нового Л[ибаво]-Роменского общества, на котором должен был решиться вопрос обоюдных счетов между нами и новым обществом. По условию между мною и покупателем, ни они, ни мы не должны поднимать никаких претензий друг к другу, но ведь разве можно положиться на продов. Я просила в Москве уведомить меня сейчас, как собрание состоится, но до сих пор не имею никакого известия и нахожусь в смертельном беспокойстве. Но все-таки я рада, что вырвалась из России....

Сегодня ночью Сашок едет на пароходе в Венецию, а мы завтра вечером по железной дороге. В Венеции мы пробудем два дня и потом в Рим, где останемся до 19 октября. Поэтому, дорогой мой, если Вы захотите обрадовать меня Вашими письмами, то прошу Вас адресовать их в Рим Hôtel de Rome. Я не следую Вашему совету остановиться в Hotel Costanzi, потому что я привычлива, как кошка, и знаю, что если я остановлюсь не там, где всегда (а Hôtel de Rome я уже посещаю двенадцать лет), то мне будет все не по себе, я не буду чувствовать себя в Риме в этой новой обстановке.

Мы все простужены,—вывезли это благо из Москвы.

До свидания, мой милый, горячо любимый друг. Хотелось бы мне очень в Риме найти письмецо от Вас. Фу, какие глупости я говорю. Разве может поспеть Ваше письмо дойти к моему приезду в Рим. Мое нетерпение превышает возможность, но на ж е л а н и е не может быть критики. Всею душою беспредельно Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

406. Мекк—Чайковскому

Рим,
1/13 октября 1881 г.

Вот я и в Риме, мой милый, бесконечно дорогой друг. Солнце и его теплота божественны, и я рада ужасно, что добралась сюда, но одно только тяжело, что здоровье мое уж очень дурно; грудь расстроена ужасно, я кашляю, кашляю до изнеможения, аппетит совсем пропал, и какое-то томление, тяжесть во всем теле не дают мне отдыха. Боюсь, что уже и Италия мне не поможет, слишком усердно Россия надо мною поработала. Я вам писала, милый друг, что я ждала с беспокойством собрания акционеров нового Л[ибаво]-Роменского общества. Теперь получила известие, что опять отложено до 5 октября. Еще ожидание и томление.

Мы приехали в Рим вчера. Погода была великолепная, на солнце

двадцать семь градусов. Сегодня опять такая же. Мы еще никуда не выезжали, но после завтрака собираемся сделать тур в городе. Вчера, ехавши со станции, мы проезжали Hôtel Costanzi. Я с особенным удовольствием осматривала его, мне очень понравился садик, который там есть....

Оказалось, что дача наша во Флоренции будет готова к 1 ноября н. ст., а это наши милые телеграфы вместо первого хватили десятого. Я говорю утвердительно н а ш и, потому что за границею этого никогда не бывает, здесь понимают, что телеграммы н е л ь з я перевирать. Вследствие всего этого я пробуду здесь до девятнадцатого. Я с нетерпением жду Флоренцию, хотя очень люблю и Рим, но здесь все еще бивачная и в особенности Hôtel'ная жизнь, а это очень неприятно. Собираюсь заниматься музыкою, если хватит на то сил. Сейчас для меня достали ноты, где, конечно, в самом большем количестве фигурируют Ваши сочинения, мой милый друг.

До свидания, мой милый, драгоценный, будьте здоровы и напишите мне словечко. Всем сердцем безгранично любящая Вас

Н. ф.-Мекк.

P. S. Вернулась ли Александра Ильинишна из Ялты и куда—в Киев или в Каменку? Как ее здоровье? Как идет с Татьяною Львовною?

407. Чайковский—Мекк

Каменка,
5 октября 1881 г.
9 часов вечера.

Сегодня утром я приехал в Каменку и нашел здесь письмо Ваше из Триеста, дорогой, лучший друг мой! Как тяжело, как обидно мне было читать те строки, из которых я впервые узнал всю жгучесть испытанных Вами нравственных терзаний. Но, ради бога, не говорите, друг мой, что они вконец расстроили Ваше здоровье. Я не хочу верить Вам; я убежден, что отдых и пребывание вдали от мест, где Вы страдали, принесет Вам полное восстановление сил. Но только, ради бога, так или иначе, хотя бы и с некоторой потерей, покончите раз навсегда все дела Ваши. Я думал и утешал себя тем, что Вы сели в Москве в вагон с тем, чтобы на время, по крайней мере, вовсе и забыть о делах. Оказывается, что и в Триесте Вы тревожитесь и беспокоитесь. Господи! когда же это кончится?

Я выехал из Москвы 1 октября в довольно подавленном настроении духа. Кроме грустных чувств от разлуки, я был чрезвычайно огорчен дурными известиями о моей «Орлеанской деве» в Петербурге. Оказывается, что Каменской запрещено под страхом близкого разрушения голоса петь слишком высокую партию Иоанны. Другая «Иоанна», Макарова, так плоха, что ее не решаются выпускать в капитальной роли. И вот теперь уже три недели, что опера ни разу не шла, да и всю зиму будет, вероятно, влачить жалкое существование. Это меня страшно огорчает.

В Киеве я провел два дня. Квартира зятя почти совсем готова, и в ней уже живут племянницы Таня, Анна, Тася и племянники-гимназисты. Сам Лев Вас[ильевич] был в Каменке, а сестра с Верой и Юрием в Крыму. Сестра чувствует себя хорошо и совершенно восхищена красотами Крыма. Недавно она с обоими детьми ездила в Орианду, и вел. кн. Конст[антин] Ник[олаевич], увидев их и узнав, что это близкие мне родственники, вышел к ним, сидел с ними в парке и обласкал Веру и Юрия. Сестра от него в восторге.

Приехавши сюда, я прежде всего уговорил зятя ехать сегодня же в Киев, чтобы распутать всевозможные затруднения, встреченные неопытной и нервной Таней в управлении всего дома. Кроме того случилось обстоятельство, необходимо требующее его присутствия в семье. Один господин, впрочем, очень порядочный и уважаемый, вздумал в отсутствии родителей сделать Тане формальное предложение. Она не желает этого замужества, но у нее не хватило духа отказать решительно, и теперь без отца она не знает, как поступить в отношении своего претендента и продолжать ли принимать его. Увы! я с грустью сознаю, что она преднамеренно, кокетством довела его до того, что он решился сделать это предложение, а теперь и не хочет итти за него и б о и т с я отказать решительно, ибо совесть не совсем чиста. До слез обидно видеть, как эта девушка потеряла всякое сознание бесчестности, бессердечности своего отношения к разным вздыхателям. Это совершенное подобие той истории с Вашей Соней, о которой Вы писали мне. Но ведь Соня еще девочка, и ей простительно шалить и легкомысленно поражать сердца; Таня—уже зрелая и много испытавшая девушка. Увы! опыт ничему не научил ее.

Брат Модест уже в Риме, в Hôtel C o s t a n z i. Я же должен непременно прожить здесь, по меньшей мере, месяц, чтобы несколько исправить пошатнувшийся вследствие поездки в Москву бюджет, чтобы отработать всего Бортнянского, да, наконец, чтобы усладить одиночество Льва Вас[ильевича], до слез обрадовавшегося моему приезду. Он очень тоскует здесь, вдали от семьи, и теперь, уехавши в Киев на несколько дней, счастлив при мысли, что по возвращении найдет меня здесь.

В настоящую минуту (девять с половиной часов вечера) я сижу один в доме, где прежде было всегда столько движения и суеты. Тишина вокруг меня абсолютная, так что даже немножко жутко и грустно. Но я нуждался после Москвы и Киева в этом отдохновении и спокойствии. Завтра начну занятия, и грустить будет некогда. Ах! если б только мой бедный Алеша мог быть здесь со мной!

Как я радуюсь за Вас, дорогая моя, думая, что Вы в милом Риме! Но только, ради бога, забудьте дела, если можно.

Не буду ждать от Вас писем до того, как Вы поселитесь во Флоренции. Ради бога, не утомляйте себя.

Ваш П. Чайковский.

Поклон Юлье Карловне, Влад[ославу] Альберт[овичу], Саше и всем Вашим. Воображаю, как милый Саша рад, что он не в училище!

408. Чайковский—Мекк

Каменка,
9 октября [1881 г].

Дорогой, милый, бесценный друг! Как меня огорчает и расстраивает Ваше нездоровье! Как я глубоко ненавижу Ландв[арово]-Ром[енскую] железную дорогу, которая еще до сих пор продолжает смущать Ваше спокойствие и мешает Вам набираться новых сил и отдыхать как следует. Но 5 октября прошло. Так или иначе, но надеюсь, что д е л а навсегда кончены и что наступил новый фазис Вашей жизни, когда Вы можете сказать себе, что свои обязанности главы семейства Вы исполнили и пора подумать о самой себе! Я убежден, что Италия восстановит совершенно Ваши силы, но только да будут всякие д е л а навсегда забыты!

Я живу совершенно одинокий, работаю, как ломовая лошадь, немножко грущу, немножко скучаю и сержусь на свои скучные занятия (все тот же Бортнянский!), но мысль, что через месяц можно будет попасть в ту же Италию, где и Вам, надеюсь, скоро будет хорошо и покойно, ободряет меня и придает силы. О своих киевских родных никаких подробностей не знаю. Сегодня сестра должна приехать в Киев; вероятно, Лев Вас[ильевич] будет мне о том телеграфировать.

Мне очень сладко думать, что Вы именно в Риме, который я так люблю, но все-таки, дорогая моя, я жалею, что Вы живете не в H ô t e l C o s t a n z i. Там Вам было бы гораздо покойнее, да и воздух гораздо лучше. Модест в Риме, и не могу Вам сказать, до какой степени мне приятно думать, что оба Вы там в одно время; как будто Рим мне стал р о д н е е оттого, что это случилось. Я еще не имею от него известий, но знаю наверное, что он должен быть уже в Риме.

Погода стоит здесь необычайно скверная, мрачная, холодная, ветряная. Рабочие неохотно идут копать свекловицу, и это очень заботит здешних хозяев; еще и половина плантаций стоит нетронутая.

Будьте, ради бога, здоровы, друг мой. Молю бога за Вас постоянно и надеюсь на него; он наверно пошлет Вам успокоение и здоровье!

Беспредельно любящий Вас
П. Чайковский.

409. Мекк—Чайковскому

Рим,
12 октября 1881 г.

Милый, несравненный друг! Вчера я получила Ваше дорогое письмо и особенно обрадовалась ему, потому что очень начинала беспокоиться от Вашего долгого молчания. Вчера был хороший день: я очень беспокоилась о двух особах, о Вас и о моей Саше, потому что очень долго не получала известий, и вчера получила от обоих, и все, слава богу, благополучно.

О приезде Модеста Ильича в Рим я сейчас узнала из газет, где было сказано в «liste des étrangers»*, что приехал M. Modeste de Schaixowsky avec famille, Russie. Hôtel Costanzi**; трудно они соображают наши русские имена....

Через неделю я должна уехать во Флоренцию. Дача готовится, и мне кажется, что будет недурно, хотя, наверно, не так великолепно, как на villa Oppenheim.

Адрес мой: Villa Fenzi a Ruschiano, barriera St. Nicolo. Знаете, милый друг, это с противоположной стороны Viale dei Colli; помните, там есть застава, вот она-то и есть barriera St. Nicolo. Дача немножко в сторону от Viale.

Не знаю, как и благодарить Вас, бесценный мой, за Ваше участие к моему здоровью. Желала бы я очень Вашими устами мед пить.

Сашок Вам глубоко благодарен за Ваше внимание к нему, дорогой друг мой. Теперь он очень доволен, что находится здесь, но вообще он очень любит свое училище и неохотно надолго расстается с ним.

Простите мне, бесценный друг мой, то, что я позволила себе здесь сделать, но я не могу вынести мысли, чтобы Вы, творец Четвертой симфонии, должны были корпеть над переложениями Бортнянского, и из-за чего же, — из-за материального стеснения. Чтобы человек, который доставляет такое божественное наслаждение другим, сам был вынужден притуплять свои вдохновения над скучнейшею томительною работою. Это невозможно, это несправедливо, и я не в состоянии платить здесь по несколько тысяч по счетам гостиницы в то время, когда я знаю, что Вы мучитесь за Бортнянским. Конечно, уж если Вы завязались с Юргенсоном на эту работу, то уже поневоле ее кончить надо, но делайте это, по крайней мере, с большими интервалами времени, дайте себе освежаться, подумать о чем-нибудь другом, поберечь себя для многого лучшего. Знаете, милый друг, что мне даже немножко обидно, что Вы, нуждаясь в деньгах, не обратились ко

* «списке иностранцев»
** г. Модест Шайковский с семьей, Россия. Отель Костанци.

мне, а приняли эту работу от Юргенсона. Ну, да бог с Вами, только Вы уже не имеете никакого права претендовать на меня за то, что я позволяю себе приложить здесь сверхсметный чек. Если Вы и останетесь еще месяц в Каменке, но я буду знать, что это для Льва Васильевича, то я не буду и мучиться.

Прошу Вас, дорогой мой, передать мое искреннее уважение Александре Ильинишне и Льву Васильевичу и самый дружеский привет милым барышням. Всегда, везде и безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

410. Чайковский — Мекк

Каменка,
14 октября 1881 г.

Милый, дорогой друг! Прежде всего сообщу Вам семейное приятное известие: племянница моя Вера выходит замуж. Случилось это довольно неожиданно. Еще весной в Петербурге за ней ухаживал и выражал нежные чувства некто Римский-Корсаков, адъютант вел. кн. Конст[антина] Николаевича, но он ей не нравился. Теперь они встретились в Ялте, он возобновил свое ухаживанье, и Вера на этот раз приняла его предложение. Вел. кн. Конст[антин] Ник[олаевич] принимал в этом деле большое участие. Сестра вместе с Верой и женихом приехали в Киев десятого числа. Свадьба назначена 4 ноября. После того они едут поспешно в Ореанду и тотчас же вместе с великим князем в Париж на всю зиму. Завтра Лев Вас[ильевич] привозит помолвленных сюда, в Каменку, для того, чтобы их благословила бабушка, почтенная Ал. Ив. Давыдова, мать Льва Вас[ильевича]. Сестра пишет мне, что совершенно покойно вверяет будущему зятю судьбу своей дочери. Он не блестящий, очень застенчивый, но серьезный и хороший человек, без ума любящий Веру. Все бы это было бы хорошо, если бы не грустная мысль, что Вера выходит замуж раньше старшей сестры. Вера еще такой милый ребенок и так мало стремилась к замужеству, придавала столько прелести семейной жизни нашей, что можно было надеяться, что мы не так скоро ее лишимся. Таня, напротив, только посредством счастливого замужества может (мне кажется) спастись от гнетущей ее нравственной болезни. Только серьезные обязанности в отношении мужа и детей могут возбудить в ней охоту беречь свое здоровье. Как быть? Судьба!

Получил я письмо от Модеста. Он в восторге, что находится в Италии, в милом своем Риме. Читая в его письме, как теперь у Вас там хорошо, мне так захотелось уйти отсюда! У нас тут настоящая унылая осень с дико ревущим ветром, с совершенно

оголенными деревьями. Увы! не скоро еще мне можно будет уехать. К 4 ноября поеду в Киев, и если к тому времени успею кончить Бортнянского, поеду прямо за границу. Если же нет, вернусь еще в Каменку. Утомляюсь я от работы очень сильно и от напряжения сил чувствую себя очень не по себе.

Беспредельно любящий Вас
П. Чайковский.

411. Мекк—Чайковскому

Рим,
17 октября 1881 г.

У меня есть несколько минут свободных, и я не нахожу для них лучшего употребления, как написать Вам несколько слов, мой несравненный, милый друг. Вы жалеете, что я не живу в Hôtel Costanzi, я также теперь очень жалею об этом, потому что мой старик-хозяин в Hôtel de Rome до того исскряжничался, что у него, наконец, жить невозможно. Комнаты, в которых я останавливаюсь двенадцать лет, он не реставрирует нисколько, так что ковры превратились в одни нитки, а обивка на мебели до того засалилась, что из нее суп сварить можно. Кухня отвратительная, прислуга неисправная, а берет он за все непомерно дорого и выезжает только на сладких улыбочках и целовании ручек. Я ужасно зла на него....

На-днях мы, кажется, встретили Модеста Ильича, по дороге в S. Pietro in Montorio. Мы ехали туда, а он гулял пешком. Какая прелестная эта дорога.

Скоро, должно быть, и моя Саша приедет за границу, но она в Ниццу, так что я не знаю даже, увижусь ли я с нею. Она приедет для своего мужа, который все хандрит, и для рассеяния она везет его за границу. Бедная женщина, всю жизнь обречена няньчиться с ипохондриком-мужем.

Подан завтрак, и потому до свидания, дорогой мой, хороший. Всею душою всегда Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. Коля все ждет представления «Орлеанской девы», чтобы пойти в театр. Петр Ильич, отчего Вы так против Макаровой? А я и слышала и читала в газетах, что многим она нравится в «Орлеанской деве» гораздо больше Каменской.

412. Чайковский—Мекк

Каменка,
20 октября 1881 г.

Друг мой! милый, лучший друг! Как мне выразить Вам чувства, возбужденные письмом Вашим! Я был так тронут, что долго не мог притти в себя и плакал от умиления. И вместе с тем я досадовал на себя. Зная всю безграничность доброты Вашей, я не должен был своими жалобами на скучную работу и вынуж-

денное сидение в Каменке возбуждать в Вас сожаление к себе и желание тотчас же притти ко мне на помощь. В сущности, никто менее меня не имеет права жаловаться на судьбу; если часто я не пользуюсь свободой и не нахожу возможности жить так, как хочу, то в этом виноват никто иной, как я сам. Единственное оправдание мое только в том, что, подобно Вам, я не могу быть покоен, не могу пользоваться и наслаждаться материальными и моральными благами, когда мне известно, что тот или другой близкий или случайно столкнувшийся со мной человек н у ж д а е т с я. Я трачу свои относительно большие средства больше на других, чем на себя. Не для того, чтобы похвалиться перед Вами добротою своего сердца, я говорю это, но я д о л ж е н сказать это Вам, чтобы объяснить, почему, несмотря на обеспеченность, граничащую с богатством, я часто бываю стеснен до того, что принимаю на себя такую действительно отупляющую меня работу, как редакция Бортнянского. Все мои близкие упрекают меня в расточительности, т. е. в том, что я беру на себя роль благотворителя в таких размерах, на какие не имею достаточно данных. Но что же мне делать, если я беспрестанно натыкаюсь на действительные нужды, когда ко мне беспрестанно обращаются за помощью люди, действительно нуждающиеся и действительно достойные помощи и участия? Впрочем, мне нечего объяснять это Вам. Именно Вы, милый друг мой, но только в еще гораздо большей степени, страдаете тем недостатком, что не умеете отказывать и не можете ради собственного интереса равнодушно смотреть на чужую нужду.

Но я умоляю Вас, дорогая моя, впредь никогда больше не нарушать мой бюджет. Пожалуйста, никогда не забывайте, что благодаря Вам вот уже четыре года я достиг такого материального благополучия, о котором никогда прежде и мечтать не мог, что у меня средств не только много, но очень много, слишком много, так как они далеко превышают мои действительные потребности.

Я не могу лгать перед Вами и потому не скажу, что посланная Вами сумма для меня излишня. Нет, она возвращает мне на время стесненную свободу, выручает из многих затруднений, одним словом, это для меня была бы большая радость, если б радость эта не омрачалась несколько мыслью, что Вы теперь уже не так богаты, как прежде, что Вы во всяком случае в ущерб себе приходите ко мне на помощь и что я, хотя и невольно, но все-таки злоупотребил Вашей бесконечной добротою.

Работу, взятую на себя, я не могу бросить, но я теперь более чем наполовину облегчу себя, во-первых, тем, что закажу

какому-нибудь московскому музыканту все еще не сделанные переложения; во-вторых, что не буду так лихорадочно торопиться и с совершенно спокойным духом уеду за границу и там вперемежку с другими более приятными занятиями буду понемножку доканчивать эту р е д а к ц и ю.

Свадьба племянницы Веры назначена на 4 ноября. До первого числа я останусь здесь, а после свадьбы тотчас уеду в Ваши страны.

Милый друг, я всегда подозревал, что мысль Ваша и моя мечта соединить судьбу этой чудесной девушки с судьбою Коли трудно осуществима ввиду того, что ей уже девятнадцать лет, а Коле нужно еще три года оставаться в училище. И вот подозрение мое оправдалось. Но мне тяжело отказаться от надежды породниться с Вами, и я осмелюсь выставить новую кандидатку—Анну. Этой милейшей девочке только что минуло шестнадцать лет; она не так красива, как ее две старшие сестры, но очень симпатична и замечательно умна. Итак, дорогая моя, было бы весьма желательно, чтобы Коля мог зимою побывать в Киеве и познакомиться с семейством сестры.

Нет! право, Вы какою-то сверхъестественною силой всегда являетесь для облегчения моих трудов и забот как раз, когда я начинаю теряться и падать духом. Вчера я чувствовал такое утомление и отвращение к работе, что вечером был просто б о л е н, и сегодня, когда после большого усилия над собой я сел за работу и чувствовал себя очень несчастливым, мне принесли письмо Ваше. Я получил вместе с Вашим письмо от Модеста. Вот что, между прочим, он мне пишет:

«Н а-д н я х, и д я с К о н д р а т ь е в ы м, я в с т р е т и л с я с Н. Ф. и т а к о б р а д о в а л с я у в и д е т ь е е, ч т о в с к р и к н у л. О н а ш л а п е ш к о м в б о л ь ш о м о б щ е с т в е. С п р о с и п р и с л у ч а е, н е у з н а л а л и о н а м е н я и н е з а м е т и л а л и, ч т о к а к о й-т о г о с п о д и н, в с т р е т и в ш и с ь с н е й, в с к р и к н у л»[1].

Что у нас здесь за ужасная погода! Выпал снег, стоят морозы, и недокопанные бураки еще лежат под землею, возбуждая опасение, что зима установилась окончательно и что они вследствие этого пропадут. А со вчерашнего вечера дует страшный ветер с вьюгой и с чем-то средним между снегом и градом, производящим раздражающий нервы шум. Ночью я был перепуган внезапно отворившейся форточкой, из которой вьюга влетела в мою комнату, вздула штору, которая уронила стоявшие около подсвечники, растворила мои двери и в первую минуту навела на меня (со сна) невыразимый ужас.

10 часов вечера.

Племянница Вера с женихом провели здесь полтора суток. Они производят очень приятное впечатление. До чего он любит ее! Взирая на него, насквозь проникнутого и переполненного чувством, я думал: неужели и этому горячему чувству придет конец? неужели и тут будет охлаждение, взаимное разочарование? По крайней мере, знаю, что Вера не будет виновата в этом. Это девушка, могущая дать счастие достойному человеку.

Будьте здоровы и счастливы, друг мой!

Беспредельно преданный и благодарный

П. Чайковский.

413. Чайковский—Мекк

1881 г. октября 22—24. Каменка.

Каменка,
22 октября 1881 г.
11 часов вечера.

Милый, дорогой друг! В ту минуту, как сажусь писать Вам, слышу отчаянные завывания ветра; на дворе шесть градусов мороза, и луна освещает совершенно зимний пейзаж, т. е. поверхность земли, покрытую густым слоем снега, лежащего уже несколько дней. Это очень грустно и дурно в хозяйственном отношении. И в Каменке и в Вербовке, но особенно в Вербовке осталось еще много невыкопанных бураков, которым грозит совершенная погибель. Вот хорошая сторона того, что Вы уже более не хозяйка обширного имения. Сюрпризы, которые природа устраивает самому предусмотрительному хозяину, уж не могут более приносить Вам неожиданных забот, огорчений и разочарований.

Милый друг! Позвольте Вам сделать откровенно одно маленькое признание. Вчера и сегодня я неспокоен духом; мне как-то неловко и немножко совестно перед Вами, как будто я чем-то провинился, и единственным разрешением этого беспокойного состояния души будет то, что я выскажусь. Мне никогда не совестно принимать все, что Вы мне даете; в отношении Вас у меня никогда не было, нет и не будет тени того болезненно-щекотливого чувства, которым страдают люди в отношении тех, кому они чрез меру обязаны. Это происходит оттого, что Вы в моих глазах выше общечеловеческого уровня; Вы мое провидение, моя опора, мой д р у г в высшем, идеальном значении слова. Но мне стыдно за свое малодушие, за то, что Вами же наделенный свыше меры всеми благами вполне сво-

бодного человека, я Вам же так долго и упорно жаловался на тягость труда, предпринятого из нужды (которой быть не может и не должно), что Вы захотели даже и от этой, в сущности, совершенно мной заслуженной неприятности меня избавить. Выходит, что как бы то ни было, но я злоупотребил Вашей дружбой и добротой. Итак, во-первых, простите меня, во-вторых, мне хочется сказать Вам, что я неуклонно и твердо решил перестать, наконец, ребячески нерасчетливо расточать деньги; в-третьих, хочу просить Вас впредь тогда только переходить за пределы моего бюджета, когда я Вас о том попрошу. Поверьте, что, если действительно будет нужда, нисколько не стеснюсь просить Вашей помощи, но надеюсь, что нужды больше не будет, ибо ни в каком случае не должно ее быть. В-четвертых же, еще, еще и еще хочется сказать Вам спасибо, родная моя, за все, за все!

Вот я и облегчил свою душу. Я остаюсь еще неделю в Каменке, т. е. до конца месяца. Буду до отъезда просматривать некоторые корректуры, а засим решительно расстаюсь с Бортнянским. Знаете ли, друг мой, что, если б не Вы, мне пришлось бы еще несколько месяцев напрягать свои силы над этой работой. Конечно, сил у меня бы хватило, но чего бы мне это стоило! Теперь я уже сделал распоряженье, чтобы по моим указаниям было сделано все, что остается сделать.

24 октября.

У нас здесь продолжается зима. Сегодня приехал Лев Васильевич и рассказывает, что в Киеве установился превосходный санный путь. Там, в семействе их, происходят спешные приготовления к свадьбе, которая состоится четвертого числа. Жених Веры уехал в Петербург по делам вел. кн. Конст[антина] Ник[олаевича]. За два дня до свадьбы он вернется, а четвертого вечером молодые уезжают в Орианду, откуда на другой же день с великим князем отправляются за границу. Здоровье сестры моей порядочно. Ее поглощают теперь заботы о приданом, и возбужденное состояние нервов заставляет забывать болезнь или, по крайней мере, мало обращать на нее вниманья. Но мы боимся, чтобы по завершении всех этих хлопот свадьбой она бы не разболелась. Племянница Таня тоже на ногах. Увы, обе они все-таки не обходятся без морфина!

Я все еще не могу решительно сказать, когда попаду в Италию, т. е. прямо ли из Киева поеду за границу, или придется все-таки заехать в Москву. Во всяком случае, скоро буду в Ваших странах. По получении этого письма прошу Вас, милый друг, не писать мне, пока не уведомлю Вас. Очень

желал бы следующее письмо Ваше получить, находясь уже в одном с Вами городе. Из Киева, повидавшись с своими и с братом Анатолием, который собирается быть на свадьбе, я напишу Вам о дне моего выезда и о том, когда буду во Флоренции, где хочу несколько остановиться. Отсюда я выезжаю тридцать первого числа, дабы несколько дней до свадьбы провести в семье сестры. Желаю Вам, дорогой друг, всевозможных благополучий и здоровья прежде всего. Надеюсь, что Вы хорошо себя чувствуете во Флоренции. Я довольно живо представляю себе место, в котором находится Ваша вилла.

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

414. Чайковский—Мекк

Киев,
3 ноября 1881 г.

Милый, дорогой друг! Вот уже несколько дней, что я в Киеве. Живу среди невообразимой суеты, происходящей у нас вследствие приближающегося дня свадьбы Веры. Отовсюду стекаются родственники как наши, так и жениха. У сестры моей, бедной, голова кругом ходит от усложнившихся хозяйских обязанностей. И мне приходится помогать им в хлопотах. Свадьба состоится завтра, и молодая чета останется еще два дня здесь, а затем они едут прямо в Париж. Вера любит своего жениха и счастлива, но в последние дни немножко смущена и грустна. Ее начинает пугать разлука с родителями. Кроме того, она призналась мне, что ее больно затронуло одно маленькое обстоятельство, которое я хочу сообщить Вам, милый друг, чтобы показать, как сильна в этом семействе любовь между родителями и детьми. Вере пришлось написать письмо матери жениха. В ответ она получила письмо, очень ласковое и милое, в котором будущая belle mère* называет ее *своей милой дочкой*. Мысль, что теперь есть некто, кто имеет право называть ее *дочкой*, когда у нее до сих пор была только одна настоящая мать, до того расстроила бедную мою милую племянницу, что она проплакала целую ночь и до сих пор без слез об этом не может вспомнить.

Приехал брат Анатолий. Он рассказывал мне подробности про свое знакомство с Влад[имиром] Карл[овичем] и про Колю, который совершенно пленил и очаровал его. Коля говорил,

---

* свекровь

что на масленице он будет в Киеве. Сестра моя горячо этого желает, и я надеюсь, что это состоится. Не правда ли, дорогой друг?

Я все-таки еще не могу назначить дня моего отъезда. Анатолий имеет отпуск до десятого числа. Шестого Лев Вас[ильевич] с Анатолием и другими приехавшими родственниками собирается на о х о т у в Каменку, и меня очень зовут с ними ехать. Мне этого весьма не хочется, но жаль брата, который очень ценит немногие дни, которые я провожу с ним. Поэтому я нахожусь еще в нерешимости относительно дня выезда. Во всяком случае, надеюсь, что это будет скоро, и в тайне души своей с нетерпением ожидаю дня, когда понесусь по направлению к Италии.

Мне грустно, что так долго придется оставаться без известий о Вас, моя дорогая. Надеюсь, что Вы здоровы и покойны. От брата Модеста имею довольно грустные известия. Он чувствует себя нехорошо и жалуется на какую-то апатию, ослабление энергии и слабость.

Будьте здоровы, милый друг!

Беспредельно Вас любящий

П. Чайковский.

415. Чайковский—Мекк

1881 г. ноября 8—9. Киев.

Киев.
8 ноября 1881 г.

Дорогой, милый друг! Как я неосмотрительно поступил, не попросив Вас дать мне о себе известий в Киев. Я думал, что останусь здесь всего дней пять, а вот приходится уже почти две недели жить в Киеве, не зная, как Ваше здоровье и что Вы делаете. Я уеду или десятого или одиннадцатого, остановлюсь на один день в Вене, на один в Венеции и, следовательно, ранее двадцатого числа буду уже во Флоренции, где хочу остаться двое суток. Знаете ли, дорогая моя, что у меня в душе начинает просыпаться потребность к сочинительству, которой я давно уже не ощущал. Мне хотелось бы в Риме тотчас же приняться за какую-нибудь большую работу, и мне кажется, что муза моя снова станет ко мне благосклонна и что источники вдохновений еще не вполне угасли... Они только временно осушились вследствие неблагоприятных обстоятельств семейных, а главное, от столь долго томившей меня редакции Бортнянского.

9 ноября.

Так как меня вообще очень интересует церковное пение, то я посещал здесь очень усердно церкви и в особенности Л а в р у. По воскресеньям в Михайловском и Братском монастырях происходят торжественные архиерейские служения. Пение в этих двух монастырях славится, но я нашел его непозволительно скверным, с претензиями, с репертуаром каких-то концертных пьес, столь же банальных, сколько и неизящных. Другое дело—в Л а в р е; там поют на свой древний лад, с соблюдением тысячелетних традиций, без нот и, следовательно, без претензий на концертность, но зато что это за самобытное, оригинальное и иногда величественно прекрасное богослужебное пение. Между тем, в публике считают лаврскую духовную музыку скверной и восхищаются сладкогласием других певческих хоровых песнопений. Меня это оскорбляет и раздражает до последней степени. Тяжело сознавать свое бессилие помочь горю. Мои попытки поработать на пользу русской церковной музыки вызвали гонение. Моя обедня находится под запрещением. Когда два месяца тому назад в Москве совершена была заупокойная обедня по Ник[олае] Григ[орьевиче], то распорядители хотели, чтобы исполнена была моя обедня. Увы! я был лишен удовольствия услышать свою обедню, исполненную в церкви, ибо московское епархиальное начальство решительно воспротивилось этому. Архиерей Амвросий назвал ее к а т о л и ч е с к о ю, он же в прошлом году в журнале «Р у с ь» писал статьи о неприличии петь мою обедню в концертах, как это сделало Муз[ыкальное] общество [1]. И вот я бессилен бороться против этих диких и бессмысленных гонений! Против меня люди, власть имеющие, упорно не хотящие допустить, чтобы луч света проник в эту сферу невежества и мракобесия.

В опере я слышал «Р у с л а н а», очень порядочно исполненного.

Смею надеяться, что завтра выеду.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Ваш П. Чайковский.

416. Чайковский—Мекк

Венеция,
16/28 ноября 1881 г.

Милый, дорогой друг! Я уже в Венеции. Хотел писать Вам из Вены, но так как провел в этом городе лишь несколько часов, то просто не успел. Совершенно благополучно и в самом

лучшем расположении духа совершил я свое путешествие, но очень утомился вчера. Пришлось встать в пять часов, чтобы попасть на семичасовой поезд, и просидеть в тесноте почти без остановок до одиннадцати с половиной часов вечера. Зато какое было наслаждение сесть в гондолу, очутиться в теплой комнате и наслаждаться этой чудной, своеобразной венецианской тишиной. Сегодня такая чудная погода, воздух так ласкающе мягок, что немножко мрачная Венеция показалось мне очаровательна, и я решился остаться здесь еще сутки. Приеду во Флоренцию в среду и тотчас же пришлю к Вам комиссионера с просьбой сообщить мне сведения о Вашем здоровье. Я страшно давно не имел от Вас известий и сильно стосковался, так долго не видав Вашего столь милого мне почерка! Ласкаю себя надеждой, что все у Вас благополучно!

Венеция производит на меня какое-то совершенно особенное впечатление. Независимо от того, что она сама по себе поэтична, прекрасна и в то же время как-то печальна, она еще возбуждает во мне воспоминания и грустные и в то же время милые. Четыре года тому назад, если помните, я прожил здесь около месяца с Алешей в это же время года. Это было то время, когда в усиленной работе (я инструментовал тогда нашу симфонию) и в тишине я искал забвения перенесенных горестных дней. Работа, присутствие Алеши и, наконец, Ваши письма услаждали мое тогдашнее одиночество и принесли облегчение моей душе. И жутко и приятно вспоминать эти дни. Италия так хороша, мне так покойно и легко на душе! Жаль только, что приходится с грустью думать об оставленных в Киеве близких моих. В день, когда я уезжал, сестра была очень нездорова, Тася лежала в сильном жару и с нарывом в горле. Митя и Володя тоже были больны, и в доме царствовало чувство пустоты вследствие отсутствия племянницы Веры. Повидимому, она будет счастлива, и следует радоваться этому браку, но она придавала столько прелести всему дому, так жаль ее лишиться!

Я думаю, что письмецо это немногими часами опередит меня во Флоренцию.

Будьте здоровы, дорогая моя! Надеюсь, что Влад[ислав] Альб[ертович] навестит меня и сообщит мне о Вас подробные сведения.

Ваш П. Чайковский.

417. Чайковский—Мекк

1881 г. ноября 18. Флоренция.

Милый друг мой! Я приехал и жажду иметь от Вас известия. Если Влад[ислав] Альберт[ович] может посетить меня сегодня в два часа, я буду очень счастлив.

Ваш П. Чайковский.

418. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
18 ноября 1881 г.

Милый, дорогой друг мой! Как я счастлива Вашим приездом, но как в то же время меня огорчает мысль, что это так не надолго. Знаете, дорогой мой, что я Вам скажу, но только, пожалуйста, не примите это за эгоистичное выражение. Уверяю Вас, что я говорю с полным убеждением, и если Вы сами б е с п р и с т р а с т н о исследуете это, то согласитесь со мною. В Р и м е к л и м а т о ч е н ь в р е д е н д л я л ю д е й. Припадки, которые испытывал Модест Ильич, есть т о ч ь - в - т о ч ь то же самое, что переносила и я в Риме. Я впала в такую апатию и слабость, что испугалась; я думала, что у меня окончательно чахотка начинается. Ночью сильнейшие поты, днем слабость до изнеможения. Я думала, что это было мое личное состояние, но, когда я прочла в Вашем письме, что Модест Ильич, человек молодой, конечно, не разбитый, как я, с запасом сил и здоровья, ощущал в Риме то же, что и я, я убедилась окончательно, что это было действие римского климата. Да и в самом деле, Вы подумайте, милый друг, ведь никогда никого не посылают для здоровья в Рим, в особенности в с а м ы й город. Меня мой доктор в Риме гнал из города вон, предписывал побольше быть за городом. Посылают же для здоровья во Флоренцию и на Riviere ponente и levante. Одним словом, все это клонится к тому, чтобы Вы, поживши с месяц в Риме, решили переехать вместе с Модестом Ильичем и с Колею во Флоренцию на Villa Bonciani, где было [бы] совершенно достаточно места для Вас всех троих; со столом, прислугою и всем хозяйством там ведь никакого затруднения не было бы. Когда поживете некоторое время в Риме, то подумайте об этом, милый друг мой....

Поздравляю Вас, мой милый друг, с новым родственником. Хотя мне очень жаль, что моя мечта не осуществилась, но я все-таки очень буду [рада], если милая Ваша Вера найдет счастье с избранным ею человеком. Что же касается моих планов, то я все еще не теряю надежды на возможность осуществления их в другой форме. Есть еще Анна, есть Наташа, авось и мне с моим кандидатом посчастливится. А он ужасно мечтает о том, чтобы на масленице поехать в Киев к Александре Ильинишне, и я очень бы желала, чтобы это исполнилось. Милый друг мой, напишите мне, пожалуйста, поподробнее, кто такой муж Веры, где он служит, имеет ли состояние, каких лет, давно ли знаком Вашим. Я и имя его узнала только из письма Коли, которому сказал Анатолий Ильич.

Влад[ислав] Альб[ертович] в настоящую минуту находится в городе, на гимнастике, но я нисколько не сомневаюсь, что он будет счастлив Вашим позволением приехать к Вам и, конечно, воспользуется им в назначенный час.

У нас очень хорошо, милый друг мой, я ужасно довольна своим пребыванием здесь, и здоровье мое и сравнивать нельзя с тем, как оно было не только в Риме, но даже и в Москве....

А что, дорогой мой, не правда ли моя, что вдохновение Ваше, эта божественная сила, конечно, не иссякла в Вас, а была только придавлена тяжелыми ощущениями и Бортнянским, а как только этот гнет свалился с Вас, и вдохновение и муза встрепенулись, ожили и требуют удовлетворения. Если Вы проживете до ста лет, мой милый друг, то и тогда Ваши вдохновения не пропадут, они, быть может, изменят несколько свой характер, но все будут бить ключом, потому что это Ваша натура, Ваша собственная потребность, по поговорке: «С чем из колыбельки, с тем и в могилку». Вы потому и владеете сердцами, что В ы это—В ы с а м в е з д е.

Однако я держу человека. Дорогой мой, не беспокойтесь писать на адресе: «Barriere St. Nicolo», а просто Villa Fenzi a Ruschiano; ее теперь хорошо знают. До свидания, мой милый, бесценный друг. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

419. Чайковский—Мекк

Флоренция,
19 ноября/1 декабря 1881 г.

Дорогой, милый мой друг! Получивши вчера Ваше письмо и узнав, что Вы поправляетесь и хорошо себя здесь чувствуете, я так обрадовался, что Флоренция показалась мне вдвойне прекрасна. И действительно, до чего было хорошо вчера, пока не шел дождь! Как я радуюсь, что Вы надолго поселились в этом крае, как я желал бы для Вас, чтобы проект покупки виллы, о котором говорил мне Вл[адислав] А[льбертович], осуществился. Чем крепче Вы будете привязаны к стране, которая возвращает Вам здоровье и силы, тем счастливее и покойнее все те, которым дорого Ваше благополучие, а так как в их ряду я не последний, то понятно, что от всей души я желаю, чтобы вышеупомянутый проект осуществился.

Весьма может статься, милый друг мой, что я последую Вашему совету и переселюсь с Модестом сюда. Никогда Флоренция не казалась мне так очаровательна, как вчера. Но боюсь, что мне трудно будет побороть страсть Модеста к Риму, которую, впрочем, я очень понимаю, ибо Рим во многих отношениях мил и моему сердцу. Но как бы то ни было, а я если не зимой, то весной (в феврале), в крайнем случае, один приеду пожить во Флоренцию.

По поводу Вашего вопроса о новом моем родственнике я прежде всего скажу, что для меня теперь очевидно, что, по крайней мере, одно или два из моих каменских писем не дошли

до Вас. Как это обидно! Я Вам во всей подробности рассказал в своих письмах, как случилась вся история замужества Веры. Модест тоже не получил одного очень важного моего письма. Меня ужасно это сердит.

Вера гостила прошедшей зимой у тетки своей, гр. Литке, и там пленила сердца многих молодых людей, из коих самым пламенным был Римский-Корсаков, молодой человек двадцати восьми лет, с очень симпатичной наружностью, с весьма небольшими, ничтожными собственными средствами, но находящийся на отличной служебной дороге и только что перед тем избранный вел. кн. Конст[антином] Ник[олаевичем] из всех флотских офицеров к себе в адъютанты. Вере он почему-то не нравился. Когда я, быв в Петербурге, спросил ее: почему?— то она отвечала, что ей еще вовсе не хочется выходить замуж и что между молодыми людьми ей всегда не нравятся те, которые ухаживают за ней, имея серьезные намерения жениться. Бедный Р[имский]-К[орсаков] был в отчаянии. Затем он по поручению великого князя уехал в апреле в Испанию, в Ферроль, для исправления знаменитой неудавшейся яхты «Ливадия», и с тех пор мы потеряли его из виду. Нынче осенью, когда сестра с Верой приехали в Ялту, первое лицо, которое они встретили на бульваре, был Р[имский]-К[орсаков]. Уж не знаю, как и почему, да, кажется, и сама Вера не умеет себе объяснить этого, но только на этот раз она почувствовала к нему симпатию. В дело это вмешался великий князь, несколько раз приглашавший сестру и Веру к себе в Орианду, и не прошло месяца, как Вера сознала, что любит своего претендента, и охотно отдала ему свою руку. Служебное положение Р[имского]-К[орсакова] утратило часть своего блеска вследствие и е м и л о с т и, в которую впал протежирующий его великий князь но, во всяком случае, это очень дельный и пользующийся отличной репутацией молодой моряк, который наверное будет хорошо итти по службе. Теперь великий князь поехал на всю зиму в Париж, куда и молодые наши отправились тотчас после свадьбы.

Я полон разных проектов и расположен в высшей степени к писанию, но ни на чем покамест еще не остановился. Мне кажется, друг мой, что теперь одно из двух: или я буду писать лучше прежнего, или же окажется, что хотя заряд мой и велик, но пороху больше нет. Я очень охладел ко всему, прежде мной написанному; все это (теперь уж без исключений) кажется мне незрелым, несовершенным по форме, пустым. Знаю рассудком, что недостатки мои кажутся мне в эту минуту преувеличенными, но не могу заставить себя хоть об одном из них думать

с удовольствием. Одним словом, или песенка моя спета, или запою лучше прежнего.

Теперь уже напишу Вам из Рима. Ради бога, будьте здоровы, дорогая, несравненная!

Ваш П. Чайковский.

Я сходил гулять в Ваши страны и был на Вашей вилле, т. е. даже вошел в ворота. Какая большая она!

420. Чайковский—Мекк

Рим,
23 ноября /5 декабря 1881 г.

Милый, дорогой друг! Вот уже четвертый день, что я в Риме. Очень приятно было мне свидание с братом Модестом, да и самый Рим мне очень симпатичен. Неприятно только то, что я до сих пор не могу получить подходящего помещения в нашей гостинице. Есть комната, вполне подходящая к моим требованиям, такая, где ничто не будет препятствовать моим занятиям, но получу я ее не раньше, как через неделю, а до тех пор временно живу в очень беспокойном помещении и вследствие того не могу еще начать правильный образ жизни и своих занятий. Брат Модест очень симпатизирует мысли пожить во Флоренции, но покамест этого еще нельзя сделать. Его воспитанник Коля все это время очень дурно себя чувствовал, и пришлось обратиться к врачу-американцу, пользующемуся здесь большим авторитетом. Доктор этот нашел состояние Коли очень серьезным (у него слабость спинного хребта и вследствие того страшная нервность и неспособность к умственным занятиям) и предпринял систематическое лечение: втирание солей, принимание пилюль, верховая езда и целая гигиеническая система, требующая его надзора. Таким образом, еще несколько времени Модест прикован к Риму, но мы надеемся, что в начале весны можно будет уехать во Флоренцию, оставившую во мне самое приятное впечатление. Я уже успел здесь совершить несколько великолепных прогулок. Вчера мы ездили на Via Appia, которую я люблю едва ли не больше всего из ближайших окрестностей. И что за чудная погода стояла вчера, несколько холодная, но ясная и тихая, и в довершение всего полная луна, при свете которой Рим вообще и Колизей в особенности так удивительно прекрасны.

Получил вчера известие по телеграфу из Москвы, что там имела большой успех моя Вторая симфония, исполненная под

управлением нового капельмейстера Зике [1]. Убийственно грустно думать, что другие деятели уже появились на месте Ник[олая] Григ[орьевича]. Меня уведомляют, что в Праге ставят мою «О р л е а н с к у ю д е в у» [2]. Известие это приятно мне.

Будьте здоровы, дорогая моя! Мне очень понравилась Ваша вилла; место чудно, внешность не изящная, но внушительно величавая. Мне кажется, что внутри должно быть очень уютно.

До свиданья!

Беспредельно преданный
П. Чайковский.

421. Мекк—Чайковскому

1881 г. ноября 24—25. Флоренция.

Флоренция,
24 ноября 1881 г.

Сейчас получила Ваше дорогое письмо из Рима, милый, бесценный друг мой, и очень благодарю Вас за него. Первым делом спешу извиниться перед Вами за то, что ввожу Вас в ошибки с названием нашей дачи. Я написала Вам и повторяла это название Ruschiano (т. е. Рускиано), между тем, как она называется, и я сама ее так называю, Рушпано (Russiano). Простите за мою нелепость, по милости которой я заставляю и Вас делать ошибки....

Сегодня мы ждали приезда Лизы (Володиной жены) с Воличкою. Мои барышни из-за этого встали в шесть часов утра, чтобы ехать ее встретить на станции, а она и не приехала. Не знаю, что ее остановило; она уже с неделю в Париже и телеграфировала, что приедет во вторник, а между тем и не приехала.

Как я рада, что Вашу «Орлеанскую деву» ставят в Праге, и я думаю, что т а м сумеют оценить ее. Знаете, милый друг мой, если бы Вы приказали Юргенсону издавать Clavierauszug Ваших опер также с ф р а н ц у з с к и м и названиями всех номеров оперы. Я думаю, что это было бы хорошо и способствовало бы распространению если не оперы на сцене, то, по крайней мере, в Clavierauszug'е, а то, знаете, вид этого н е е в р о п е й с к о г о языка, как наш русский, может отталкивать, да и неприятно блуждать в темноте: играть дуэт и не знать, кто его поет и какой его смысл. Когда у меня был Бюссик, я ему постоянно переводила, чтобы лучше дать понять значение и смысл музыки. Я подарила ему одну книгу Вашей «Орлеанской девы», и еще он выпросил у меня Вашу увертюру «Ромео и Джульетта».

Мне очень скучно без него, он так много играл мне Ваших сочинений, а теперь у нас почти совсем нет музыки. Здешних пианистов мне ужасно не хочется брать, а в России никого не знаю подходящего для занятий у меня.

25 ноября.

Сегодня опять ясная и холодная погода, но я уже погуляла по своей благодатной террасе. Это такое благо у меня эта терраса, сорок два метра длиною и вся на юг, так что и все шесть комнат на этой стороне, также на юг. Ваше выражение, друг мой, о нашей даче, что она должна быть у ю т н а, не совсем к ней подходит, потому что она состоит из огромных комнат, при высоте в восемь аршин, а обыкновенно уютны бывают маленькие комнаты, но я предпочитаю большие.

Читали ли Вы, друг мой, что известная и Вам и мне московская певица Кадмина отравилась в Харькове и с какою твердостью воли: принявши отраву, она пела в опере весь первый акт, во втором почувствовала себя дурно, ее увезли домой, и она умерла [1]. Не знаете ли Вы, друг мой, что могло быть этому причиною?

А Лиза все-таки вчера приехала с другим поездом, я так рада им. Воличка, это удивительный ребенок, что за необыкновенное сердце, как он чувствует, кто его любит, и как умеет отвечать на это. Из всех моих внуков он больше всех меня любит; то он мне приносит цветы, то он хочет с бабушкою обедать, то не отпускает меня кататься! Удивительно любящее сердце....

Какая досада, что Ваши письма ко мне пропали, Петр Ильич. Меня из себя выводит то, что творится у нас в России. Это несчастная страна по цивилизации, благоустройству в культурном отношении вообще далеко н е д о ш л а до Запада, а развратилась, растлела далеко д а л ь ш е Запада. Первые буквы в азбуке цивилизации, эти альфа и омега, как п у т и с о о б щ е н и й, п о ч т ы и т е л е г р а ф ы, у нас в таком состоянии, что надо в отчаяние приходить, а нигилизм в таком развитии, как нигде. Как это противно, невыносимо.... До свидания, милый, бесценный друг, будьте здоровы. Всею душою безгранично Вам преданная

Н. ф.-Мекк.

422. Чайковский — Мекк

1881 г. ноября 26—27. Рим.

Рим,
26 ноября/8 декабря 1881 г.

Дорогой, милый друг мой! Я пока еще пребываю в праздности. Только десятого, т. е. послезавтра, обещают мне дать такое помещение, в котором можно будет поставить стол, фортепиано, одним словом, все, что нужно для того, чтобы можно было чувствовать себя дома. Теперь покамест у меня места как раз настолько, что повернуться можно. Зато новое помещение мое будет чрезвычайно удобно, на солнце, с самой комфортабельной обстановкой.

Третьего дня был я на торжественном концерте в честь семидесятилетнего Листа. Программа составлена была исключительно из его сочинений. Исполнение было ниже посредственности. Сам Лист присутствовал на этом концерте. Нельзя было не чувствовать некоторого умиления при виде гениального старца, тронутого и потрясенного овациями восторженных итальянцев. Но самые сочинения Листа оставляют меня холодным: в них более поэтических намерений, чем действительной творческой силы, более красок, чем рисунка, одним словом, творения его при самой эффектной внешности грешат пустотой внутреннего содержания. Это совершенная противуположность Шумана, у которого страшная, могучая творческая сила

не соответствовала серенькому, бесцветному изложению мыслей. Играл в этом концерте итальянская знаменитость Сгамбатти, пианист очень хороший, но холодный в высшей степени.

Сегодня в соборе Петра, в зале над портиком, происходит канонизация четырех новых католических святых. Церемония эта, случающаяся чрезвычайно редко, представляла большой интерес, и Модесту посчастливилось достать себе место. Рано утром пришлось ему встать, чтобы поспеть к восьми часам,— срок, после которого не пускали никого. Вся церемония должна продолжаться шесть часов, причем присутствующие должны неподвижно оставаться на месте. Я бы не мог этого выдержать.

27 ноября/9 декабря.

Бедный Модест просидел в месте торжества от восьми часов утра до трех часов пополудни и вернулся с страшной головной болью, но не раскаивается, что видел столь редкую и красивую церемонию. Место его было великолепное, всего в нескольких шагах от папского трона. Лицо папы ему понравилось своим добродушием. Некоторые обряды величественны, другие курьезны и странны, например причащение папы не прямо из чаши, а через соломенки, поднесение ему жертв в виде голубей, горлиц и других птичек. Инструментальной музыки не было, пела Сикстинская капелла и все вещи, Модесту не понравившиеся. Роскошь облачений, в особенности папы, необыкновенная. Я нисколько не раскаиваюсь, что не был, ибо буквально не перенес бы семичасового сидения на одном месте.

Сегодня получил письмо Ваше, дорогой друг мой. Я назвал Вашу виллу у ю т н о й в том смысле, что в ней хочется жить,—видно, что она представляет много удобств и комфорта.

О смерти Кадминой я знал уже в Киеве из газет. Скажу Вам, что это известие меня страшно огорчило, ибо жаль талантливой, красивой, молодой женщины, но удивлен я не был. Я хорошо знал эту странную, беспокойную, болезненно самолюбивую натуру, и мне всегда казалось, что она не добром кончит. Подробностей никаких не знаю, кроме сообщенных Вами.

Я не совсем согласен с Вами, милый друг, насчет Вашего совета печатать мои оперы с французскими заголовками. Всякое ухаживание за з а г р а н и ц е й мне не нравится. Пусть они идут за нами, а не мы к ним. Придет время, и захотят они наших опер, тогда мы не только заголовки, но и весь текст переведем, как теперь сделан уже перевод немецкий по случаю требования из Праги. А покамест опера из России не вышла, мне кажется, незачем переводить ее на язык людей, ею не интересующихся.

Мне чрезвычайно всегда приятно читать в Ваших письмах выражение любви Вашей к внуку. Тяжело жить, не имея в своей близости милого ребенка. Ничто так не красит существование, как лицезрение милых детских лиц, как общение с таким ребенком, как Ваш Воличка. Я чрезвычайно люблю детей и понимаю чувства, которые внушает Вам это очаровательное существо. Милый друг, пришлите мне его карточку, если можно!

Будьте здоровы, дорогая моя! У нас сегодня дождь и непогода, вероятно, и у Вас тоже.

Беспредельно Вам преданный
П. Чайковский.

423. Чайковский—Мекк

1881 г. декабря 1—4. Рим.

Рим,
1/13 декабря 1881 г.

Милый, дорогой друг мой! Какая невеселая у нас погода стоит; вероятно, и у Вас то же самое, и мне грустно воображать Вас безвыходно сидящей дома. А я, несмотря на потоки дождя, все-таки совершаю ежедневные большие прогулки и в промежутках между дождями наслаждаюсь красотами города, к которому все больше и больше привязываюсь. В первую минуту Рим не так восхищает, как Флоренция, но в нем есть свойство, подобное московскому, мало-по-малу привязывать к себе и постепенно производить очарование. Теперь оно у меня полное, даже несмотря на дурную погоду. Скажите, друг мой, где, кроме Рима, можно совершить такую прогулку, как наша вчерашняя. Мимо St. Maria Maggiore мы прошли к Pietro in Vinculi, оттуда прелестной тропинкой к Колизею, потом в бесподобные Термы Каракаллы, потом в Латеранский собор и, наконец, домой по новым улицам, близ железной дороги. И каждый день можно до бесконечности разнообразить выбор прогулок.

В воскресенье мне вместе с Модестом удалось попасть на торжественную мессу, которую папа служил в св. Петре (над портиком, где совершился обряд канонизации). Это было чрезвычайно интересно. Ничего нельзя себе представить более грандиозного, как шествие папы, предшествуемого епископами, кардиналами, камергерами в средневековых костюмах, и все это при пении музыки Палестрины, a c a p e l l o, т. е. без органа. Минута входа балдахина, на котором восседал папа, была чрезвычайно грандиозна. Но самое служение не представило ничего особенно интересного, и жара сделалась так невыносима, что я даже не мог достоять до конца.

Мы теперь устроились не только хорошо, но почти роскошно. Моя комната в высшей степени удобна и комфортабельна. Я тотчас же по переезде принялся за сочинение. Не знаю, что из этого выйдет, но начал я с музыки к сцене Марии и Мазепы из пушкинской «Полтавы». Если увлекусь, то, может быть, и всю оперу на этот сюжет напишу [1].

4/16 декабря 1881 г.

Я получил вчера известие из Каменки, которое очень огорчило меня. Вблизи Каменки есть небольшой лесок, называемый Тростянка, который представлял обычную цель моих прогулок. Там живет среди леса семейство карбовничего *, очень многочисленное и очень симпатичное. Редко видал я таких прелестных детей, как у этого крестьянина, но особенно любил я одну маленькую девочку четырех лет, которая сначала дичилась меня, а потом привыкла и сделалась моим другом. Когда я приходил, она бежала ко мне и ласкалась так мило, лепетала какой-то такой милый вздор, что для меня это было большим удовольствием, и я очень любил этого ребенка. Теперь к ним забралась дифтеритная зараза, и зять мой пишет, что и эта девочка и еще другой ребенок умерли от нее, а других всех Лев Вас[ильевич] велел перевести в село, но прибавляет: «Боюсь, что поздно». Бедная наша Русь! Так все в ней безотрадно, а тут еще этот ужасный бич, губящий детей целыми тысячами. Дифтерит в Каменке было совсем исчез, а теперь свирепствует опять с ужасной силой.

Из Киева зато я имею довольно утешительные известия. Сестра и племянница Таня здоровы. Только надолго ли? Сара Бернар дала в Киеве три представления, но большого успеха не имела [2]. Сестре моей она даже совсем не понравилась.

Мне стоит величайших усилий отбиваться здесь, в Риме, от возобновления старых и заключения новых знакомств. Дня три сряду ко мне являлся какой-то русский чиновник Симанский с поручением от какой-то кн. Барятинской во что бы то ни стало привести меня к ней. И что им от меня нужно? Я не пианист, забавлять их не могу, беседовать с приятностью не умею! Но характер выдержу и не пойду ни к кому.

Мы очень, очень хорошо устроились в своем новом помещении, и жизнь приняла ровное и правильное течение.

Будьте здоровы, дорогая моя!

Беспредельно Вам преданный

П. Чайковский.

---

* лесника

424. Мекк—Чайковскому

1881 г. декабря 4—5. Флоренция.

Флоренция,
4 декабря 1881 г.

Вот уже несколько дней, что я получила Ваше письмо, мой милый, несравненный друг, и каждый день собиралась писать Вам, но до сей минуты не могла дойти до этого, потому что здесь была Лиза, на обратном пути из Рима и Неаполя, и это отнимало у меня время. Вчера она уехала и увезла моего дорогого Воличку. Этот ребенок все время не переставал поражать своим любящим сердцем....

Много бы я могла еще рассказывать Вам, милый друг мой, об этом необыкновенном ребенке, да уж боюсь и надоесть. Мне очень дорого, мой бесценный, что Вы хотите иметь его фотографию, и я, конечно, с удовольствием ее Вам пришлю; кстати, я его здесь и снимала.

Вообразите, милый друг, что я на-днях получила Ваше письмо от 14 октября, в котором именно Вы писали мне о женихе Веры Львовны. Оно пришло в Рим после моего отъезда, и его держали в гостинице до приезда теперь Лизы, которая и привезла мне это письмо и много других очень давних.

По поводу смерти Кадминой Лиза говорила здесь, что она в кого-то влюбилась и неудачно, без сочувствия, поэтому и отравилась. Это жаль, из-за этого не стоило отнимать у себя жизнь.

Как Вы себя чувствуете, мой милый друг? Какое действие на Вас оказывает воздух Рима? Дай бог, чтобы хорошее, укрепляющее. А каково теперь Модесту Ильичу? Отрепался ли он? Ах, я вспомнила его вопрос, на который я в свое время не могла ответить, потому что не знала тогда, где Вы находились; это вопрос о нашей встрече в Риме. К большому моему сожалению, я тогда не видала Модеста Ильича, и мне это очень жаль, потому что, конечно, мне было бы чрезвычайно приятно увидеть его воочию; до сих пор я знаю его только по фотографии.

Я жду Вас во Флоренцию, мой милый друг, и уверяю Вас, что Вы не будете жалеть этого обмена. Здесь так хорошо, что и сказать нельзя, а для здоровья как будет Вам полезно. Сегодня у нас пасмурно, но это ничего не значит,—все-таки хорошо.

5 декабря.

Сейчас я получила еще Ваше дорогое письмо, милый друг мой. Вы ошибаетесь, думая, чтобы я здесь когда-нибудь сидела безвыходно в комнате. Нет, дорогой мой, я бываю на воздухе во всякую погоду. В прошлые дожди я пользовалась каждою минутою, когда утихал, чтобы бежать на свою террасу, которую я очень люблю. Я не совсем сочувствую, милый друг, Вашему восторгу тою прогулкою, которую Вы недавно сделали в Риме; ведь это почти в городе, и я предпочитаю ей нашу прогулку недавно по долине между наших гор. Мы хотя и часто проезжали селения, но это были д е р е в н и настоящие, а я их всегда предпочитаю городам. Сознайтесь беспристрастно, милый друг, что в Риме, как и во всех городах, воздух отвратительный, в иных местах приходится нос затыкать. Да, впрочем, я Вас как-то ревную к Риму за Флоренцию.

Как меня безгранично радует, что Вы принялись опять за композицию, что Ваше всегда чудное вдохновение опять вернулось к Вам. Какой роскошный сюжет Вы выбрали для Вашего сочинения. Коля и Сашок пишут мне, что они были в «Орлеанской деве» и возмущены ужасно, что был выпущен дуэт короля с Дюнуа, этот несравненный дуэт, который я так обожаю.

Коля очень интересуется знать, с Вашего ли это согласия сделано. Не слыхали ли Вы, друг мой, и правда ли это, что Направник ссорится с Давыдовым и вследствие этого, вероятно, оставит свое капельмейстерское место? Это пишет Сашок как петербургский слух.

Об Саре Бернар я знаю от киевского корреспондента «Московских ведомостей» и нахожу, что в Киеве правильнее всего к ней отнеслись. Она просто хорошая актриса, а уже никак не гений, и те поклонения, которые ей делали в Вене, ничем не оправдываются. А какой ужас случился в Вене; теперь просто в театры опасно ездить[1].

Какие известия от Ваших молодых? Слава богу, что Александра Ильинишна и Таня здоровы, сохрани их господь и на будущее время. Как бы я желала Татьяне Львовне скорее хорошего жениха. До свидания, мой милый, бесценный друг. Всею душою горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

425. Чайковский—Мекк

1881 г. декабря 6—9. Рим.

Рим,
6/18 декабря 1881 г.

Сегодня утром получил Ваше письмо, дорогой и милый друг. Вы спрашиваете, как я себя чувствую в Риме? В общем превосходно. Ежедневно, просыпаясь, благодарю судьбу за то, что нахожусь здесь. Температура римского климата совершенно та, которая нужна моему организму, и не оттого, что здесь тепло, а, наоборот, потому, что в Риме я наслаждаюсь постоянной прохладой. Я ненавижу спертый воздух сильно натопленных комнат, как это делается у нас в России, не люблю также и другой крайности—сильного мороза, мешающего дышать всей грудью. И этот контраст между тропической жарой комнат и холодом улицы для меня чрезвычайно неприятен. Здесь, имея постоянно отворенные окна, я целый день чувствую себя в приятной прохладе, освежительно действующей на голову и на нервы. С другой стороны, я должен признаться, что здешняя природа, здешнее яркое солнце производят на меня иногда слишком возбудительное действие. Мне довольно трудно найти в здешней жизни такие часы дня, в которые, отрешившись совершенно от действительности, можно углубиться в свое дело, не замечая, как идет время. Все хочется быть вне дома, на что-то смотреть, даже бесцельно фланировать, утром ища солнца, а после полудня—тени. Мне кажется, что, несмотря на вернувшуюся охоту писать и на то, что ежедневно я посвящаю делу несколько часов, я не напишу здесь много. Впрочем, зачем много? Нужно, чтобы х о р о ш о писалось, и я надеюсь, что так и будет. Что касается Модеста,

то он теперь совершенно здоров. Я ему сообщил, что Вы осведомляетесь о нем, и он просит передать Вам, дорогая моя, чувствительнейшую благодарность. Во Флоренцию мы собираемся, но позднее. Я убежден, милый друг мой, что буду очень хорошо себя там чувствовать, и готов был бы даже хоть сейчас туда переехать, хотя бы потому только, что Вы меня приглашаете, но мне жалко оставить брата, который кроме того, что любит очень Рим, связан еще состоянием здоровья своего воспитанника. Последнему предписан именно Рим, и теперь его здесь лечит американский доктор Томсен (очень известный в Риме), и, пока лечение не будет кончено, им нужно здесь оставаться.

Мать Коли, г-жа Конради, писала вчера Модесту, что Направник оставил свое дирижерство в Муз[ыкальном] об[ществе] вследствие каких-то интриг. Вместо него концертами будет управлять Давыдов, которому этого давно хотелось. Мне очень жаль, если Направник ушел действительно вследствие интриг и неприятностей. Это безусловно честный человек, а как дирижер, несмотря на некоторую холодность, имеет огромные достоинства. Сомнительно, чтобы Давыдов мог с успехом заменить его.

Племянница Вера наслаждается полнейшим счастием. Она пишет мне, что оба они так заняты друг другом и своей взаимной любовью, что даже забыли о Париже, и кроме обязательных посещений великого князя нигде не бывают. Дай бог, чтоб счастье это было прочно.

9/21 декабря 1881 г.

Милый друг! Два дня я порядочно сильно проболел; сегодня лучше, и я даже вместе с своими сожителями совершил сейчас великолепную прогулку. Причина болезни легкая простуда. Я как-то зачитался ночью при отворенном окне и продрог. Должен прибавить, ради справедливости, что римский климат не виноват в этом; ведь и у нас даже летом можно таким образом простудиться.

Рим делается положительно музыкальным городом. На-днях я присутствовал на очень интересном симфоническом концерте, в программу которого вошли увертюра «Л е о н о р а» Бетховена, итальянская симфония Мендельсона, «Carnaval Romain» Берлиоза и т. д. Исполнение очень хорошее. Есть здесь также и абонементные симфонические концерты, которые очень хвалят, и, наконец, несколько обществ квартетной музыки. В одном из них Модест бывает и отзывается с величайшей похвалой об исполнении.

Какова теплота эти дни. Просто невероятно, что в декабре даже по заходе солнца бывает жарко, если идешь в пальто. Впрочем, предпочитаю, чтобы северный ветер принес в Рим несколько свежести. Широкко как-то нехорошо влияет на нервы.

Будьте здоровы, дорогой, бесценный друг! Мне так радостно читать в Вашем письме, что Вам хорошо живется в милой Флоренции, в симпатичной Вашей вилле.

Безгранично преданный

П. Чайковский.

Я не знаю, почему в «О р л [е а н с к о й] д е в е» пропускают дуэт.

426. Чайковский—Мекк

1881 г. декабря 14—15. Рим.

Рим,
14/26 декабря 1881 г.

Милый, дорогой друг мой! Сейчас, возвратившись домой, нашел у себя карточку гр. Строганова. Не могу отделаться от этих аристократов, пониманию которых недоступна мысль, что человек может не считать для себя величайшим счастием знакомство с ними. Этот гр. Строганов приглашал меня к себе через моего приятеля Кондратьева, находящегося здесь, и я отвечал, что занятия мои решительно не дозволяют мне посещение кого бы то ни было. И вот он не угомонился и наносит мне визит. Что теперь делать? Не отдавать визита—грубо, а отдавать, значит выразить желание быть знакомым. Нет! никуда не убежишь от этих господ!

Была сегодня торжественная служба в Латеранском соборе, служил кардинал К и д ж и, большой любитель музыки, имеющий в своем распоряжении прекрасную капеллу, в коей партии сопрано соло поет молодой кастрат с великолепным голосом, слава которого уже давно донеслась до меня [1]. Впечатление я вынес двоякое: с одной стороны, я не мог не восхищаться изумительно чудным тембром этого голоса, с другой стороны, вид его внушает и жалость и в то же время некоторое отвращение. Утром видел другой курьез. Начиная от 25 декабря до Нового года, в церкви A r a C o e l i, на Капитолии, согласно очень древнему обычаю, с кафедры, окруженной толпой народа, маленькие дети поочередно декламируют стихи. Это чрезвычайно мило и забавно; особенно комична их бойкая жестикуляция. Некоторые из них обнаружили большую способность

к декламации, другие, совсем маленькие, всходили на кафедру, говорили один или два стиха, конфузились, терялись и со слезами бросались в объятия матерей.

Погода стоит очень холодная. Здоровье мое все это время не хорошо, и нездоровье это совершенно неопределенного свойства. Чувствую какой-то внутренний жар, причем руки холодны, как лед, иногда отсутствие аппетита и как бы лихорадочное состояние. Стал принимать хинину и, кажется, весьма скоро возвращусь к нормальному состоянию.

15/27 декабря.

Сегодня здоровье мое совсем хорошо, а погода у нас стоит великолепная. Хочу Вам сообщить, милый друг, про отзыв знаменитейшего немецкого музыкального критика Ганслика о моей музыке. Случайно в читальне отеля мне попался номер газеты «Neue Freie Presse», где музыкальную хронику ведет этот Ганслик. По поводу Скрипичного концерта моего он пишет, что вообще, насколько ему известны мои сочинения, они отличаются неровностью, полным отсутствием вкуса, грубостью, дикостью. Что касается Скрипичного концерта, то начало его сносно, но чем далее, тем хуже. В конце первой части, говорит он, скрипка не играет, а ревет, кричит, рыкает. Andante тоже начинается удачно, но скоро переходит в изображение какого-то дикого русского праздника, где все пьяны, у всех лица грубые, отвратительные. «Какой-то писатель,—продолжает Ганслик,—выразился про одну картину, что она так реально отвратительна, что от нее воняет; слушая музыку г. Чайковского, мне пришло в голову, что бывает и вонючая музыка (stinkende Musik)» [2].

Не правда ли, курьезный отзыв? Не везет мне с критиками. В России, с тех пор как ушел Ларош, нет ни одного рецензента, который писал бы обо мне тепло и дружелюбно. В Европе мою музыку называют «вонючей»!!!

Знаете ли, дорогая моя, что я начал писать? Вы очень удивитесь. Помните ли, Вы однажды посоветовали мне написать trio для фортепиано, скрипки и виолончели, и помните ли мой ответ, в котором я высказал Вам откровенно мою антипатию к этой комбинации инструментов? И вдруг теперь, несмотря на эту антипатию, я задумал испытать себя в этом еще не затронутом мной роде музыки. У меня уже написано начало трио; кончу ли его, удачно ли выйдет, не знаю, но мне очень хотелось бы удачно окончить начатое. Надеюсь, что поверите мне, когда скажу, что главная или, лучше, единственная причина того, что я примирился с столь нелюбимой мною комбинацией

фортепиано с струнными есть та мысль, что этим трио я доставлю Вам удовольствие. Не скрою от Вас, что мне приходится делать над собой усилие, чтобы укладывать свои музыкальные мысли в новую, непривычную форму. Но хочу выйти победителем из всех трудностей, и постоянная мысль, что Вы будете довольны, ободряет и вдохновляет меня [3].

Будьте здоровы, дорогой, милый друг!

Безгранично преданный

П. Чайковский.

427. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
21 декабря 1881 г.

Милый, несравненный друг! Пишу Вам в весьма тяжелом настроении духа. Газеты наполнены такими грозными признаками и предзнаменованиями нашему бедному отечеству, что не только нельзя думать о приобретении оседлости в России, но даже сомнительно, чтобы можно было скоро попасть туда, а у меня там дети, страшно за них, а между тем я своим присутствием ни от чего не охраню их, а буду подвергать и других детей, которые находятся при мне, опасности. Чем все это кончится и когда кончится, и предвидеть нельзя. Курс наш падает с каждым днем, по этой причине я вышлю Вам на-днях, милый друг мой, бюджетную сумму переводом, пока курс не совсем упал. Да, впрочем, зачем я говорю н а - д н я х—я пошлю с этим же письмом.

У меня в настоящее время находятся дети Саши Беннигсен, а она сама с мужем живут в Hôtel'e. Мои мальчики, Макс и Миша, также уже несколько дней как приехали, а послезавтра приедут и Коля с Сашею.

Какая отвратительная тварь этот Ганслик. Я знаю его критики и вообще терпеть не могу его. Мне кажется, что он только за взятки хвалит. А я очень рада все-таки, что Бродский играл Ваш Скрипичный концерт, ведь не все же Гансликн в Вене, и этот ведь от зависти шипит. А я посылаю Вам, милый друг мой, маленькую вырезку из «Московских ведомостей». Я не знаю, читали ли Вы эту заметку по поводу исполнения Вашей «Бури» в Берлине? [1] Как меня радует, что Ваша музыка так распространяется. Недавно в Праге исполняли, кажется, Ваши квартеты.

Я не знаю, как мне и благодарить Вас, мой бесценный друг, за Ваше внимание к моим желаниям, но мне несказанно совестно, что Вы насилуете себя несимпатичною Вам работою. Trio, конечно, будет бесподобный, но зачем же утомляться его дорогому автору. Безмерно благодарю Вас, мой несравненный, единственный друг.

Я теперь совсем без музыки. Здесь бывают симфонические концерты, но они так неудобно обставлены для моей дикости, что я не решаюсь поехать. Здесь невозможно з а м е ш а т ь с я в т о л п е. Зала маленькая, концерты утром, вся публика друг друга знает и сейчас видит чужого человека, все это не по мне. А скучно ужасно без музыки. Я только в ней и отдыхала от душевной тоски....

Надеюсь, что Вы теперь совершенно здоровы, мой дорогой. Скоро наш праздник, Новый год. Дай Вам бог встретить все эти дни в полном здоровье и неомрачимом спокойствии. До свидания, бесценный друг. Всею душою безгранично Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

428. Чайковский—Мекк

1881 г. декабря 22—23. Рим.

Рим,
22 декабря 1881 г./3 января 1882 г.

Дорогой, милый друг! Я соскучился по Вас: что-то давно не имел известий. Здоровы ли Вы, все ли благополучно? Надеюсь, что сегодня будет от Вас письмо.

Я благоденствую в полном смысле слова. Ценою хитрейшей политики завоевал себе здесь полную свободу, никого не вижу, кроме своего интимного кружка, работаю успешно и нахожусь в самом лучшем расположении духа. Если б в России все было хорошо и оттуда получались бы хорошие известия, то лучшей жизни и представить себе невозможно. К сожалению, там не совсем ладно. Для нашего милого сердцу, хотя и печального отечества настала очень мрачная пора. Все ощущают неопределенное беспокойство и недовольство; все ходят там как бы на вулкане, который вот-вот раскроется и забушует; все чувствуют, что положение дел не прочно и должны произойти перемены, но ничего предвидеть нельзя. О, как было бы хорошо, если б на русском престоле сидел бы теперь сильный умом и духом царь, с определенными стремлениями, с твердо начерченным планом! Увы! нами управляет добрый, симпатичный человек, мало одаренный от природы умом, плохо образованный, одним словом, не могущий взять в свои слабые руки расшатанный механизм государства. Собственно говоря, над нами нет теперь никакого правительства. Государь скрывается в Гатчине, от него исходят меры и распоряжения противоречивые. Говорят, что он повинуется внушениям Каткова; по крайней мере, все иностранные газеты много толкуют о сильном влиянии Каткова на дела, но вместе с тем известно, что и Победоносцев играет роль ближайшего советника, а там Игнатьев, и даже про какую-то придворную даму пишут, что она решительно влияет на дела. Но все это: «d e s o n d i t» *, а ясного представления о духе и стремлениях наших правителей никто не знает.

По-моему (теперь или никогда), ввиду отсутствия выдающихся людей, следовало бы искать указаний и поддержки в народе; призвать нас всех на совет и помощь было бы единственным средством обновить и усилить власть. З е м с к и й с о б о р—вот, мне кажется, что теперь нужно русской земле. Царь от нас может узнать правду; мы можем помочь ему иско-

* «г о в о р я т»

ренить крамолу и сообща решить, что нужно, дабы Россия была сильной и счастливой.

Весьма вероятно, что я очень плохой политикан. Быть может, все, что я говорю, очень наивно и неосновательно, но только, когда случается думать о всем у нас происходящем, я не нахожу никакого другого исхода, и для меня просто кажется непостижимо, как эта мысль недоступна тем, от кого наши судьбы зависят. Катков, называющий парламенты г о в о р и л ь н я м и и так ненавидящий слова: н а р о д н о е п р е д с т а в и т е л ь с т в о, к о н с т и т у ц и я, напрасно, мне кажется, смешивает идею з е м с к о г о с о б о р а, который и встарину собирался в случаях, когда царь нуждался в совете, с европейскими палатами, парламентами и т. д. Земский собор, может быть, именно отвергнет конституцию в европейском смысле; не в том дело, чтобы нам непременно сейчас же дали ответственных министров и всю процедуру английских учреждений, а в том, чтобы раскрыть истину, чтобы облечь правительство доверием народа и дать ему указания, как и куда нас вести.

Никак не ожидал, что пущусь в политические рассуждения в письме к Вам, дорогая моя, и, если они покажутся Вам скучными и неосновательными, простите меня. Я хотел только сказать, что как ни чудно итальянское солнце, как ни наслаждаешься здесь роскошными дарами юга, а все-таки живешь жизнью общею с своим отечеством, и когда там неладно, то и мы здесь не можем быть вполне покойны.

Семейные известия, из России получаемые, тоже не особенно радостны. В семействе сестры все болезни, Анатолий хандрит и недоволен своей участью...

23 декабря 1881 г./4 января 1882 г.

Как мы сошлись с Вами, милый друг! Вчера я Вам писал по поводу грустных известий из России и безотрадного положения тамошних дел, а сегодня получаю Ваше письмо и вижу, что и Вы захотели поделиться со мной этими же чувствами.

Не думайте, милый друг, что я у т о м л я ю себя сочинением трио. Сначала мне нужно было сделать над собой некоторое усилие, чтобы примириться с комбинацией инструментов, претящей моему слуху. Но теперь меня работа эта интересует и забавляет, а мысль, что трио доставит Вам удовольствие, придает этому занятию большую прелесть.

Получил перевод и приношу Вам бесконечную за него благодарность. Благодарю Вас, милый друг мой, и за вырезку «Моск[овских] вед[омостей]», из коей я узнал, что «Буря» исполнялась в Берлине. Мне это известие очень приятно.

По поводу моего Скрипичного концерта я должен сообщить Вам очень странное известие, сообщенное мне Юргенсоном. Концерт этот хотели играть в Петербурге сначала К о т е к, а потом С о р е, и оба не могли исполнить своего намерения, потому что А у э р и Д а в ы д о в восстали против этого несчастного концерта, говоря, что его невозможно играть, что это насмешка над публикой и т. д. Странно в этом то, что Ауэр и Давыдов—мои т а к н а з ы в а е м ы е друзья, что Ауэру, который всегда выставлялся горячим любителем моей музыки, я в благодарность даже посвятил концерт. Меня ужасно трогает смелость Б р о д с к о г о, решившегося дебютировать в Вене с произведением трудным, новым и притом р у с с к и м, чего в Вене не любят [1].

Как я радуюсь, дорогая моя, что все четыре Ваших мальчика собрались к Вам провести праздники.

Желаю Вам встретить их как можно радостнее.

Благодарю Вас еще раз, милый друг, за бюджетную сумму.

Ваш П. Чайковский.

Приношу мои поздравления с праздником Юлье Карловне и всем Вашим, а также Вл[адиславу] Альб[ертовичу].

429. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
24 декабря 1881 г.

Милый, дорогой друг мой! Поздравляю Вас с наступающим праздником рождества Христова и от всей души желаю Вам здоровья, спокойствия и всего, всего самого лучшего в жизни.

Посылаю Вам здесь, дорогой мой, вырезку из газет с отзывом венской критики о Вашем концерте. Вы увидите из него, что мое определение верно, что не все же Ганслики в Вене. Да вообще эти Ганслики ничего не значат; пусть себе кто-нибудь и ругает Ваши сочинения, но только бы они исполнялись, и ценителей найдется больше, чем ругателей.

Вчера приехали мои мальчики Коля и Саша, и весь [дом] вмиг оживился.... Вот что мне очень жаль, милый друг мой, это что Коле и Саше едва ли удастся на масленице поехать к Александре Ильинишне, потому что распускают их всего на четыре дня,—а быть может, на святую, если отпустят подольше. Ужасно мне жаль, что все не удается мое желание. До свидания, дорогой, бесценный друг, будьте здоровы. Всем сердцем горячо Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. У нас вчера и сегодня дождь льет, и, конечно, тепло.

430. Мекк—Чайковскому

Флоренция,
27 декабря 1881 г.

Бесценный друг мой! Пишу вам два слова, чтобы послать еще вырезку из газеты, в которой говорится о Вашем Скрипичном концерте. Меня это ужасно радует. Какой молодец этот Бродский. Я бы очень хотела ему сказать «hübschdank»*, как говорят немцы, да не знаю, где его найти, а все мы, русские, должны быть ему признательны. Но как приятно удивило меня то, что уже два года назад играл Ваш концерт Дамрош в Нью-Йорке; вот так молодец![1] Дай бог побольше таких. Завтра здесь опять симфонический концерт и опять будут играть симфонию Goldmark'a «Ländliche Hochzeit».

Будьте здоровы, мой дорогой. Скоро буду вам писать опять. Всем сердцем Вас любящая

Н. ф.-Мекк.

P. S. У нас готовятся к карнавалу большие увеселения.

---

* «благодарствуйте»

ПРИМЕЧАНИЯ

К письму № 1

[1] Во Флоренции, на Viale dei Colli, фон-Мекк и Чайковский жили в конце 1878 года. См. т. I.

[2] Рукопись первой сюиты Чайковского, посланная ему из Петербурга за границу, задержалась в пути. Чайковский думал, что она пропала. См. в т. I прим. к письму № 182.

[3] М. И. Чайковский писал повесть «Трутни», оставшуюся незаконченной. См. в т. I прим. 2 к письму № 97.

К письму № 2

[1] Чайковский писал оперу «Орлеанская дева». См. в т. I прим. 1 к письму № 253.

[2] См. в т. I письмо № 271.

К письму № 3

[1] В стихотворении «Ландыши», незадолго до этого письма отправленном фон-Мекк, Чайковский писал:

Не радуют меня ни книга, ни беседа,
Ни быстрый бег саней, ни бала шумный блеск,
Ни Патти, ни театр, ни тонкости обеда,
Ни тлеющих полен в камине тихий треск.
Я жду весны.

См. в т. I прим. к письму № 276.

[2] А. В. Панаева рассказывала Н. Т. Жегину, что Ю. Ф. Абаза, до своего замужества жившая при дворе вел. кн. Елены Павловны, приглашала себе в качестве аккомпаниатора ученика Петербургской консерватории П. И. Чайковского. Иногда она делала ему замечания, касавшиеся исполнения. Когда у нее была поставлена опера «Евгений Онегин», она была будто бы очень смущена, узнав, что автор оперы—ее бывший аккомпаниатор.

[3] В Московской консерватории была генеральная репетиция первого действия оперы «Евгений Онегин».

К письму № 4

[1] См. в т. I письмо № 83.

[2] Речь идет о предполагавшемся разводе Чайковского с его женой, А. И. Чайковской («известной особой»). См. в т. I прим. к письму № 269.

[3] Гавот из Второй скрипичной сонаты Баха.

[4] Ларош, «Музыкальные очерки»—«Голос» 1878, № 360 от 31 декабря. Половина фельетона посвящена опере «Евгений Онегин» (по поводу готовившегося спектакля Московской консерватории,—после генеральной репетиции первого акта). Ларош писал: «Никогда еще композитор не был в такой мере самим собою, как в этих лирических сценах... Г. Чайковский—несравненный элегический поэт в звуках. Настроение г. Чайковского (я беру музыканта как нечто целое) есть в значительной мере настроение той пушкинской поэмы, которую он теперь взял себе канвою... Имеют ли его лирические сцены будущность для театральных подмостков, я не берусь пока судить. Если бы у нас наряду с большой Мариинскою оперою существовала маленькая, с залою, вдвое или втрое меньшею, то я, конечно, пожелал бы, чтобы «Онегина» дали в этой маленькой, а отнюдь не в Мариинской зале. Новое произведение г. Чайковского не имеет характера тех пышных и громоздких произведений с массивными эффектами и колоссальною звучностью, которые, строго говоря, только и годны для Мариинского театра. «Онегин»—произведение интимное: чем больше зала, тем больше оно потеряет, какова бы ни была виртуозность передачи».

К письму № 7

[1] Речь идет о статье Ганса фон-Бюлова об его путешествии в Англию: «Autokratisches von einer Reise in dem Nebolii», опубликованной в лейпцигском журнале «Signale für die Musikalische Welt» 36, 69. Выдержки из нее напечатаны в газете «Голос» 1879, № 72 от 13 марта. О Чайковском Бюлов писал: «Еще более радушный прием вызвал [в Лондоне] ряд вариаций Чайковского (ор. 19, № 6). Этот молодой мастер, знание которого возрастает с каждым новым произведением,—истинный поэт в звуках. Его новый струнный квартет (es-moll), его Вторая симфония, его оркестровая фантазия «Франческа да-Римини» поистине восхитили, даже упоили мои порядком-таки притупленные уши своею свежестью, силою, глубиною и оригинальностью. Четыре года назад по случаю исполнения «Жизни за царя» Глинки в Милане я высказал в «Allgemeine Zeitung» (май 1874 г.) мое убеждение об агонии итальянской и о рождении русской или, если хотите, славянской музыки, которая призвана в истории музыки восполнить тот пробел, который образовался от падения первой, и тогда же я упомянул о надежде, ожидаемой от развития таланта Чайковского. Она исполнилась, и я могу с радостью указать на другого гениального новичка, который находится к Чайковскому в таком же отношении, как Чайковский к Глинке, отцу русской музыки. Это г. Римский-Корсаков» (цит. по «Голосу»).

К письму № 8

[1] О «Крошке Доррит» Чайковский писал брату Анатолию 7 января 1879 г.: «Читал ли ты эту архигениальную вещь? Диккенс и Теккерей вообще единственные люди, которым я прощаю, что они англичане. Следовало бы прибавить Шекспира, да он был в то время, когда еще эта поганания не была так подла».

[2] Содержание «Русской старины» за январь 1879 г.: 1. В. И. Семевский, «Казенные крестьяне при Екатерине II, в 1762—1796 годах». Очерк из исторического исследования. Гл. I—III. 2. Воспоминания Л. И. Рикорд, и др.

[3] См. прим. 3 к письму № 4.

К письму № 10

[1] На вилле Бончиани во Флоренции Чайковский жил в конце 1878 года. См. т. I.

[2] Накануне, 14 января 1879 г., Чайковский писал П.И. Юргенсону:«Сейчас произошло очень интересное событие. Существуют, как тебе известно, три замечательные личности, хорошо тебе знакомые: 1) довольно плохой стихоплет г. NN [псевдоним Чайковского], написавший всего несколько текстов к некоторым русским романсам твоего издания; 2) г. Л. Б.[Б. Л.; псевдоним Чайковского], бывший музыкальным рецензентом в «Русских ведомостях», и 3) композитор и экс-профессор г. Чайковский. Час тому назад г. Чайковский пригласил двух живущих вместе с ним сограждан, гг. NN и Б. Л., к фортепиано и исполнил им второе действие сочиняемой им оперы «Орлеанская дева». Г. Чайковский, находящийся с NN и Б. Л. в самых интимных отношениях, победив без труда свойственную ему застенчивость, с большим искусством, увлечением и вдохновением сыграл перед ними свое новое произведение. Нужно было видеть восторг этих двух господ! Можно было подумать, что они сами принимали участие в сочинении этой оперы (г. NN действительно составлял либретто, однакож это не значит, что он—автор оперы), до того они горделиво стали расхаживать по комнате, важничать и умиляться перед красотой исполненной музыки! Кончилось тем, что автор, долго старавшийся выдерживать роль скромника, вдруг тоже пришел в азарт, и в заключение все трое стали, как угорелые, бегать вместе по балкону, ища в чистом воздухе успокоения для потрясенных нервов и для сдержания нетерпеливого чувства как можно скорее услышать и остальные действия (первое уже было исполняемо целиком). Тщетно гг. NN и Б. Л. ставили на вид г. Чайковскому, что нельзя оперы как блины печь,—тот приходил в отчаяние от бессилия человеческой натуры, неспособной в одну неделю выложить на бумагу все, что уже накопилось в голове. Наконец, эти добрые люди кое-как успокоили бесновавшегося композитора, и тот пошел писать письмо какому-то купчишке московскому».

О том же Чайковский писал брату Модесту 16 января: „Первыми двумя актами я до того доволен, что, сыгравши их третьего дня вечером, пришел в совершенно неописанное нервное раздражение от мысли, что, может быть, оперу никогда не поставят, никогда не сыграют ее как следует, что нет подходящей Иоанны и т. д., и т. д. Если эта опера не будет chef d'oeuvr'ом вообще, то она будет наверное моим chef d'oeuvr'ом. Простота стиля безусловная. Формы удобопонятны. Одним словом, это будет самая резкая противоположность «Вакулы»".

К письму № 11

[1] В «Голосе» 1879, № 9 от 9 января («Московские заметки») сообщалось, что первое представление отрывков из «Евгения Онегина», назначенное на день именин Н. Г. Рубинштейна (декабрь 1878 г.), не состоялось. Автор корреспонденции негодовал по поводу резких нападок на Н. Г. Рубинштейна фельетониста «одной большой петербургской газеты» [«Нового времени»] за якобы грубое его обращение с публикой, присутствовавшей на репетиции концерта (угроза вывести из зала). В действительности же, по утверждению автора, Рубинштейн лишь предупредил шумевшую и мешавшую занятиям публику, что впредь на репетиции будут допускаться слушатели только с контрамарками. «Названный фельетонист не ограничивается, впрочем, безусловным вкривь и вкось порицанием публичной деятельности человека, которого артистическую и всякую другую репутацию он тщится пошатнуть с смешною самонадеянностью. Нет, эта состоящая при газете унтер-офицерша Пошлепкина, собирая по московским углам всякие сплетни, сваливает их еженедельно в подвал петербургской газеты, откуда они и разносят свой специфический запах всюду, куда успеют проникнуть». См. прим. 2 к письму № 12.

[1] См. в т. I прим. 1 к письму № 57.

[2] В 1879 г. продолжались резкие нападки на Н. Г. Рубинштейна части петербургской прессы: «Нового времени», «Биржевых ведомостей», «Молвы» [*см. в т. I прим. 1 к письму № 214*]. Рубинштейну ставились в вину уход из консерватории Шостаковского и увольнение ученика Зильберштейна, «уличенного в посещении Шостаковского для пробы голоса». Московские корреспонденты этих газет негодовали по поводу произвола и деспотизма Рубинштейна, заставлявшего раболепно преклоняться перед ним профессоров и студентов, распространявшего свою грубость даже на публику. Это привело к тому,—заявляли они,—что в консерватории остались лишь посредственности, «консерваторские опричники». Отдавая должное Рубинштейну-артисту, газеты решительно требовали изменения ненормального порядка вещей. Писали в очень резком тоне.

В письме от 10 января 1879 г. Юргенсон сообщал Чайковскому: «Этими штуками [посещением Зильберштейном «вражеского лагеря»] и упорными нападками в газетах он, Рубинштейн, ужасно раздражается, и я это весьма понимаю. Возможная ли вещь, чтобы так нахально, единодушно лаяли и обливали человека помоями и не только его, но все его окружающее, и никто ни гу-гу! Господи! если бы я владел письмом, я бы сумел дать достойный ответ, не ругаясь». Чайковский ответил Юргенсону 19 января: «То, что ты мне пишешь о преследованиях и травле газет на Николая Григорьевича, невыразимо взволновало меня. Я не раз уже волновался и думал об этой мерзости, ища способа с своей стороны что-либо предпринять, чтоб содействовать к прекращению возмутительного фельетонного преследования, но затруднялся в выборе средств. Может быть, никому другому, как мне, не приличествовало бы написать по поводу этого громоносную статью, и я бы это сделал и охотно и хорошо, но есть п р и ч и н а, по которой полемика, особенно с анонимными фельетонистами, для меня навсегда невозможна. Тебе известна тактика этих гадин. Они сплетничают и бьют противника и н с и н у а ц и е й, а ты знаешь, как я, к несчастию, уязвим с этой стороны. Опыт доказал, что меня может заставить замолчать всякий паршивый писака намеком на известное обстоятельство [*см. в т. I прим. к письмам №№ 24 и 189*]. И если я р а д и с е б я готов был бы плюнуть на подобные намеки, то ради очень близких и горячо любимых людей, носящих мою фамилию, я поставлен в необходимость бояться этого больше всего на свете. Таким образом, писать я ничего не могу в этом случае. Конечно, можно было бы не подписаться, но, во-первых, эти пронырливые гадины узнают, кто автор бьющей их статьи, а во-вторых, моя печатная защита Рубинштейна только тогда имела бы цену, когда бы я подписался. Я пришел вчера к тому выводу, что мне остается одно средство [написать Стасову]». Стасову Чайковский написал 18 января. Приводим письмо в выдержках: «Нужно ли мне говорить Вам о значении Рубинштейна для Москвы? Известна ли Вам вся неизмеримость услуг, оказанных им Москве? Если нет, то скажу Вам, Владимир Васильевич, что двадцать лет тому назад Москва была в музыкальном отношении то же самое, что теперь какой-нибудь С а м а р к а н д. Если она теперь не сделалась одним из главных центров музыки, то все-таки это город, в котором есть музыкальное общество в две тысячи человек, консерватория, которая если не дает первоклассных дарований, то снабжает всю Москву учителями, популяризирующими хорошую музыку и здоровый вкус, проливающую истинный свет там, где еще недавно царствовал непроницаемый мрак. И все это сделал о д и н Рубинштейн, и если б он теперь ушел, то все это блестящее здание музыкальности рухнуло бы безвозвратно, потому что заменить его некем. Вы скажете, что не стоит поддер-

живать вещь, которая держится только одним человеком. Нет, именно теперь-то и нужно поддержать этого человека, пока еще фундамент не вполне упрочен, когда болота только что начинают сохнуть и почва крепнуть. Что Рубинштейн д е с п о т, это правда. Что характер его вследствие всеобщего поклонения и вообще тех обстоятельств, среди которых ему пришлось действовать, сделался несколько крут, это тоже правда. Но правда и то, что он человек безусловно честный, безгранично преданный своему делу, далекий от преследования узких эгоистических целей, готовый всегда помочь и материально и нравственно всякому светлому проявлению, наконец, человек, бескорыстие которого доходит до того, что в с е, получаемое им из консерватории, тратится им на учеников, за которых газеты заступаются как за жертв его тирании, тогда как они питают к нему безграничное обожание и охотно прощают ему его оглушительный начальнический крик, его деспотические выходки за то, что он отечески заботится о них. А между тем он н е з а м е н и м. Кругом него сущие н у л и и в числе этих н у л е й состоял и я двенадцать лет сряду. Это с моей стороны не ложная скромность. Я знаю, что в своем деле я не совсем лишен значения. Но в деле Рубинштейна, т. е. в администрации, в популяризовании музыки, в пропагандировании ее я—нуль, ибо природа сделала меня неспособным ни к чему, кроме своего дела, и лишила таланта чем-нибудь управлять (начиная с оркестра), что-либо устраивать, применяясь к обстоятельствам. Такие же н у л и все остальные окружающие его. К чему же клонится травля? К тому, чтоб он ушел? Но торжествовать от этого будет только сам Рубинштейн, усталый и неоцененный, который благодаря своему виртуозному таланту, конечно, процветет лично. Будут торжествовать гг. фельетонисты, а музыкальное дело в Москве погибнет безвозвратно. Итак, Владимир Васильевич, вот в чем моя просьба. Нельзя ли попросить Суворина, чтобы он умерил усердие своего московского фельетониста. Дело в том, что имеют значение именно нападки «Нового времени», как газеты, дающей тон остальным».—Переписка Чайковского со Стасовым опубликована в «Русской мысли» 1909, март (цит. по этой публикации). Ответ Стасова см. в прим. к письму № 18. Статьи о Рубинштейне см. в «Новом времени» 1879, №№ 1033, 1081; «Биржевых ведомостях» № 12; «Молве» № 46; «Голосе» № 9; «Московских ведомостях» №№ 27, 48.

К письму № 13

[1] Гольдмарк, опера «Die Königin von Saba» («Царица Савская»).
[2] См. т. I по указателю.

К письму № 14

[1] В подлиннике вырезана виньетка и несколько слов утрачено (в тексте пропуски обозначены тремя точками).
[2] Дальше подлинник не сохранился. Печатается по копии.

К письму № 15

[1] В. Буренин, «Литературные очерки» — «Новое время» 1879, № 1032 от 12 января. Буренин в крайне резких выражениях протестовал против попыток ограничения пределов литературной полемики путем организации совета литературных посредников и суда чести—«какой-то литературно-полицейской управы благочиния». Это дело рук литературных посредственностей. Под видом борьбы с непристойным поведением малой прессы они хотят ограничить неприятную им критику. «Они назойливо хлопочут об ограждении своих кропаний от назиданий критики, от смеха сатиры, от удара памфлета».

К письму № 16

[1] Среди сохранившихся писем Чайковского к Юргенсону нет письма с этой просьбой.

[2] См. об этом Ж. Ч., т. II, стр. 209—211.

К письму № 17

[1] Чайковский отвечает на письмо фон-Мекк от 24 января 1879 года. Подлинник его не сохранился. Письмо опубликовано в первом томе Переписки под № 88, с ошибочной датой 24 января 1878 г. (в первом томе письма печатались по копиям М. И. Чайковского).

[2] См. Ж. Ч., т. I, стр. 441, 458, 472.

[3] Ганс фон-Бюлов писал об этом из Бостона в письме от 13 января н. ст. 1876 года. Письмо хранится в Музее Чайковского в Клину.

К письму № 18

[1] На письмо Чайковского (см. прим. к письму № 12) Стасов ответил 24 января 1879 г.:«... Ив этом [Вашем] письме, как всегда, еще раз проявилась прекрасная, добрая, светлая Ваша натура, и я могу только лишний раз на Вас полюбоваться. Вы вступаетесь за близкого человека. Вы хотите ему помочь, стараетесь, хлопочете о нем, боитесь за прекращение его деятельности, в самом ярком свете видите значение этой деятельности,—что может быть изящнее, красивее, симпатичнее всего этого!!! Но казните меня, как хотите, делайте со мной, что вздумаете,—я н е м о г у переменить своего образа мыслей о Ник. Рубинштейне. Я вполне готов верить Вам, что он человек ч е с т н ы й, д о б р о с о в е с т н ы й, б е с к о р ы с т н ы й, делящий свои деньги между учениками. Вполне верю Вам, что он омузыкалил Москву, до известной степени сумел расшевелить ее, но из-за этих прекрасных качеств и дел н е в о з м о ж н о и не д о л ж н о забывать целый ряд других качеств и дел, вовсе не прекрасных. Деспотизма и высокомерия, нахальства и давления многого, что не должно быть давимо, я не в состоянии прощать не только Ник. Рубинштейну, но и Антону, а этот своему брату не чета и как исполнитель истинно г е н и а л е н. Наверное никто во всей Европе не ценит более меня талант (исполнительский) Антона Рубинштейна, но я твердо убежден, что очень хорошо устроилось дело, когда он покинул директорство консерватории: польза, им приносимая, там, покупалась с л и ш к о м дорогою ценою. Вы говорите про крик, аррогантность [вызывающую высокомерность], деспотизм Николая, находите, что можно это все простить за то или другое. По-моему, н е л ь з я и н е д о л ж н о!! Дело в том, что обращение обоих Рубинштейнов унизительно для подведомственных им личностей, портит и обезображивает их характер, приучает к х о л о п с т в у, у н и ж е н и ю, л а с к а т е л ь с т в у, з а и с к и в а н и ю, п е р е н о ш е н и ю б е з р о п о т н о о с к о р б л е н и й с о с т о р о н ы б ь ю щ е й р у к и и т. д. Пускай заглохнут все концерты и музыка в Москве, но пусть никто не портит молодежь, не развращает ее—это ведь не безделица! Ведь это даром не обходится. Но это далеко не все. Гонение на талантливых и независимых людей, поощрение посредственностей, полное непонимание новой музыки и гоненье ее сквозь строй—это ряд новых преступлений или, по крайней мере, нехваток и проступков, которых нельзя ни прощать, ни терпеть. Это все прямой в р е д русской музыке, публике и музыкантам!!! Действовать против Николая Рубинштейна я не стану, но помогать ему—н и з а ч т о! Я готов исполнить для Вас, что хотите, и буду считать для себя превосходным тот день, когда в состоянии буду сделать Вам что-нибудь

приятное или полезное, но только не требуйте с меня того, что противно моей совести и убеждению. Суворина я готов предупредить и просить, чтобы он не печатал «лишнего» или к л е в е т н и ч е с к о г о против Николая Рубинштейна, все равно как ни против кого бы то ни было на свете. Но у Рубинштейна и у всех его приятелей есть всегда с и л ь н о е оружие против всякой клеветы и неправды—печатные ответы! И я даю Вам честное слово, пусть возражают на каждое фальшивое и клеветническое известие (если такие бывали или бывают), и я тотчас их напечатаю. Сильнее этого ничего нет. Будете ли Вы мне писать? Сильно надеюсь на это и столько же сильно желаю» (цит. по публикации в «Русской мысли»).

Из письма Чайковского к Юргенсону от 27 января: «Я потерпел fiasco. Письмо С т а с о в а до крайности меня растревожило, и, чтоб не написать ему глупостей, я отложил ответ... Ты не поверишь, до какой степени после всех этих огорчений Николая Григорьевича я позабыл все маленькие кошечки, пробегавшие между нами, до какой степени все его достоинства затмили теперь в моих глазах его некоторые слабости, и как я горячо желаю, чтоб он остался в Москве по-старому. Ведь страшно подумать, что будет, если он совсем бросит дело! Только теперь, когда Москве грозит на сей раз весьма серьезно его отставка, можно вполне оценить всю бесконечную пользу и важность его для музыки в России». Из писем к брату Анатолию: «Я сам себе удивляюсь, до чего теперь, когда бедный Николай Григорьевич возбуждает против себя столько гонений, я забыл все мои маленькие [*1 неразобр.*] против него и стал ценить его хорошие качества». «Вообще после всей травли на Рубинштейна... я ужасно за [него] и совершенно освободился от того тайного чувства враждебности, которое давно питал к нему» (29 января и 8 февраля 1879 г.). Ответное письмо Чайковского к Стасову от 29 января 1879 г. см. в «Русской мысли» 1909, март, стр. 135 и сл. Лично Рубинштейну Чайковский в эти месяцы ничего не писал.

[2] В одном из «Писем из чужих краев» (отчет о русских концертах на Всемирной выставке в Париже), напечатанном в «Новом времени» 1878, № 908, по поводу выступления Н. Г. Рубинштейна Стасов писал: «...а перед тем исполнил еще «Романс без слов» Чайковского—жиденькое, золотушное подражание Шопену». Перепечатано без изменений и оговорок в «Собрании сочинений В. В. Стасова», т. III, Спб. 1894, столб. 337—338.

К письму № 20

[1] 27 января 1879 г. был подписан Русско-турецкий мирный договор.

[2] Пабло Сарасате впервые был в России в январе 1879 года. Первое его выступление в Москве было на восьмом симфоническом собрании (исполнял скрипичный концерт g-moll Бруха). Все газеты поместили сочувственные отзывы.

К письму № 21

[1] О предстоявшем переезде в Париж Чайковский писал П. И. Юргенсону 27 января 1879 г.: «Как и почему [я уезжаю], долго было бы рассказывать. Но вся суть в том, что я д о л ж е н это сделать, хотя, по правде, с бо́льшим удовольствием остался бы здесь. Впрочем, я и там буду так же безусловно одинок, как здесь. Жизнь там мне будет обеспечена на весь февраль, а в начале марта я намерен быть уже в России. Пожалуйста, обо всех сих подробностях никому ни слова. Коли спросят, где я, говори: в Париже, а зачем, почему—не знаешь. Даже мне приятно было бы, чтобы кроме самых близких (т. е. наших, в случае, если захотят писать мне) не знали, что я в Париже, ибо в самом деле оно несколько странно: курс все падает и падает, а я в Париж. Когда-нибудь обо всем этом поговорим с тобой конфиденциально». См. прим. к письму № 127.

К письмам №№ 22 и 23

Основание датировки: оба письма написаны в день приезда Чайковского в Париж, во вторник, 6 февраля.

К письму № 25

Датируется по письму № 22.

К письму № 27

[1] См. Ж. Ч., т. I, стр. 142 и сл.

[2] В тот же день, 10 февраля 1879 г., Чайковский писал брату Модесту: «С Н. Ф. у меня какие-то совсем новые отношения. В последнее время она совсем перестала мне писать под предлогом, что у нее так болят голова и глаза, что она не может писать. Чтобы не терзаться, получая мои письма и сознавая себя неспособной отвечать, она просила меня писать не более раза в неделю. Во Флоренции было как раз наоборот. Она мне писала каждый день, и я тоже. Мне кажется, что просто ей надоело вести переписку. Как бы то ни было, но оно выходит очень странно. На что ей понадобилось, чтобы я жил в Париже в одно время с нею? Во Флоренции мы ежедневно виделись [издали] и переписывались,—здесь если б не Пахульский, который приходит брать уроки, то между нами решительно ничего не было бы общего. К сожалению, нужно сознаться, что отношения наши ненормальны и что от времени до времени ненормальность эта сказывается».

К письму № 29

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 12 февраля 1879 г.: «Вчера я пережил большое художественное наслажденье. Я слышал весь целиком «La Damnation de Faust» Берлиоза—одно из чудес искусства. Были моменты, когда я через силу сдерживал подступ душивших меня слез. Чорт знает, что за странный человек был этот Берлиоз. Вообще его музыкальная натура мне скорее антипатична, и я не могу никак примириться с некоторым уродством его гармонии и модуляций, но иногда он достигает невероятных высот».

[2] К. Никулина, «Специалист (страница из женской жизни)»—«Вестник Европы» 1879, февраль. Специалист—влиятельный чиновник консистории, за крупные взятки устраивающий бракоразводные дела. Рассказ посвящен описанию неприятных и сложных формальностей бракоразводного процесса.

К письму № 31

[1] 26 февраля 1879 г. в Москве, в зале Благородного собрания, состоялся концерт В. В. Безекирского, с участием Кочетовой, Хохлова, Луи Брассен, Сарасате и оркестра императорских театров под управлением Н. Г. Рубинштейна. Сарасате выступал также в Большом театре 23, 25 и 26 января, на квартетном собрании Р. М. О. 25 февраля и в своих концертах 27 февраля и 1 марта.

К письму № 32

[1] См. С. С. Попов, «Пребывание Рихарда Вагнера в Москве и его московские концерты в 1863 г.» в сборнике «История русской музыки», I, под ред. проф. К. А. Кузнецова, изд. Музсектора Госиздата, М. 1924. Об отношении Чайковского к Вагнеру см. т. I по указателю и Ж. Ч., т. I, стр. 170, 174, 178 и 179.

[2] О Каменке см. в т. I прим. к письму № 25.

[3] «Братья Карамазовы» печатались в «Русском вестнике» 1879, №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 11 (публикация закончилась в 1880 г.). О своем впечатлении

Чайковский писал братьям: «Я расплакался так, как давно от чтения не плакал» (А. И. Чайковскому, 15 февраля 1879 г.). «Прочел продолжение «Карамазовых». Это начинает быть невыносимо. Все до одного действующего лица сумасшедшие. Вообще Достоевский возможен только на одну часть романа. Дальше всегда идет сумбур» (М. И. Чайковскому, 20 июня 1879 г.). «Читаю «Карамазовых» и жажду поскорей кончить. Достоевский гениальный, но антипатичный писатель. Чем больше читаю, тем больше он тяготит меня» (ему же, 23 августа 1881 г.).

К письму № 33

[1] 19 февраля 1878 г. был заключен мирный договор с Турцией в Сан-Стефано.

К письму № 34

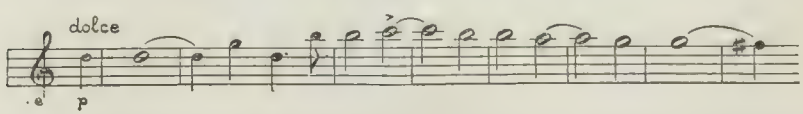
[1] О знакомстве Чайковского с Толстым см. в т. I прим. к письму № 31.

[2] Сен-Санс приезжал в Москву на гастроли в ноябре 1875 года. За время его пребывания Чайковский близко сошелся с ним. См. Ж. Ч., т. I, стр. 473.

[3] Тургенев и Чайковский лично никогда не встретились и не переписывались. С давних пор Тургенев стал интересоваться творчеством Чайковского и сочувственно относился к его музыке. В 1871 г. он посетил в Москве концерт, на котором впервые исполнялся Первый квартет Чайковского, 25 марта 1880 г. присутствовал на концерте из его произведений в Петропавловском училище в Петербурге. По поводу «Евгения Онегина» он написал Л. Н. Толстому из Парижа 15 ноября 1878 г. (о фортепианном переложении): «Несомненно замечательная музыка. Особенно хороши лирические, мелодические места. Но что за либретто!» П. И. Юргенсон по поводу встречи его жены с Тургеневым писал Чайковскому 2 марта 1879 г.: ..Он оказывается твоим пламенным поклонником, знает и имеет все твои вещи, все решительно. Расспрашивал о неизданных, не готова ли соната. Наконец, просил, ввиду болезни ноги, прислать ему «Литургию», последние романсы, скрипичные вещи. Говорил много про «Онегина», восторгался музыкой и смеялся добродушно над либретто, называя оное «чимборассо»''.

[4] Из письма к А. И. Чайковскому от 20 февраля 1879 г.: «Злился на Надежду Филаретовну. Да, на нее! Вот уж правда, что у бабы волос долог, а ум короток. Уж, кажется, умная и тонкая женщина, кажется, я достаточно ей себя описывал. Представь же, что она в своем последнем письме спрашивает меня: «Отчего Вы не бываете у Тургенева и Виардо?». Меня это очень разозлило, ибо нужно снова в ответ на это изобразить ей мою нелюдимость, мою ненависть к знакомствам».

[5] Ноты из Фантастической симфонии Берлиоза Чайковский привел не совсем правильно. Должно быть:



В письме речь идет о второй части («Un bal») и пятой части («Songe d'une nuit de Sabbat»).

К письму № 35

[1] В парижском театре «Ambigu» в январе 1879 г. была поставлена драма «L'Assomoir» [«Западня»], являющаяся инсценировкой романа

Эмиля Золя того же названия (авторы инсценировки—Вильям Бюснак и Октав Гатино). Драма имела в Париже большой успех.

Чайковский имел в виду корреспонденцию Золя в февральском номере «Вестника Европы» 1879 г. («Парижские письма». стр. 869 и сл.). Золя с большим одобрением отзывался об инсценировке, выполненной с «необыкновенной простотой и отчетливостью». Чтобы придать связь десяти картинам, авторы вынуждены были усилить драматическую ноту, отчего само произведение, «разумеется, утратило через это свою правду». «Но не следует забывать, что драма предназначается для бульварного театра и, следовательно, некоторые условия были неизбежны. Приняв в соображение необходимость таких перемен, я должен был согласиться, что авторы, по крайней мере, весьма ловко выпутались из своей трудной задачи».

Чайковский писал брату Анатолию 21 февраля 1879 г: «Zola давно уж мне стал противен. Но с тех пор, как я увидел торчащую во всех магазинах его карточку, изображающую необыкновенно противную, нахальную и самодовольную физиономию его, и с тех пор, как я увидел эту пьесу, где сей жрец реализма допустил совершенно нереальные добавления ради большего эффекта к своему сюжету, он мне стал просто гадок, и отныне уж, конечно, ни единой минуты своей жизни я не посвящу на чтение его паршивых мерзостей».

К письму № 37

[1] Из письма к М. И. Чайковскому от 26 февраля 1879 г.: «Вчера был день сильнейших волнений. Утром был концерт в Châtelet и исполнение «Бури». Испытанные мною терзания служат сильнейшим доказательством того, что мне не следует жить иначе, как в деревне. Даже то, что прежде было сильнейшим для меня наслаждением, т. е. слушание своих сочинений, сделалось источником лишь одних мучений. Условия, при которых я слушал «Бурю», казалось бы, обеспечивали мне совершенное спокойствие. Не тут-то было. Уже накануне вечером у меня начался понос и тошнота. Вплоть до самых первых аккордов волнение мое шло с утра все с г е с е n d o, а когда играли, то мне казалось, что я сейчас, сию минуту умру, до того у меня болело сердце. И волнение было совсем не от того, что я боялся неуспеха, а потому, что с некоторых пор каждое новое слушание какого бы то ни было моего сочинения сопровождается сильнейшим разочарованием в самом себе. Как нарочно, перед «Бурей» играли «Реформационную симфонию» Мендельсона, и я все время, несмотря на страшную эмоцию, удивлялся чудному мастерству его. У меня нет м а с т е р с т в а. Я до сих пор пишу как не лишенный дарования ю н о ш а, от которого можно многое ожидать, но который дает очень мало. Всего более меня удивляет, что мой оркестр так плохо звучит! Конечно, мой разум говорит мне, что я несколько преувеличиваю свои недостатки, но это меня плохо утешает. Исполняли «Бурю» весьма недурно, хотя и не первостатейно. Темпы были безусловно правильны. Мне казалось, что музыканты играли старательно, но без увлечения и любви. Один из них (виолончелист), с которого я почему-то ни на минуту не отводил глаза, улыбался и с кем-то как будто переглядывался, как бы говоря: «Извините, что мы Вам преподносим столь странное блюдо, но мы не виноваты: велят играть—и играем!». Когда кончились последние аккорды, раздались довольно тщедушные аплодисменты, потом как будто собрался новый залп, но тут раздались три или четыре весьма громких свистка, и за сим зала огласилась криками: «Oh! Oh!», имевшими значение благосклонного протеста против шикания, и потом все замолкло. Все это я выдержал без особенного огорчения. Но меня убивала мысль, что «Б у р я», которую я привык считать блестящим моим произведением, в сущности так ничтожна. Я тотчас же вышел. Погода была чудная,

и я ходил безостановочно часа два, после чего пришел домой и написал Colonn'у записочку, в коей наврал, что был всего один день в Париже и потому не мог быть лично. Записочка изъявляет искреннюю благодарность. И в самом деле, он разучил «Б у р ю» очень хорошо... Что касается н е у с п е х а «Б у р и», то это [теперь] у меня ушло на задний план и уже сегодня мало сокрушает. Т. е. я говорю о том неуспехе, который она произвела в о м н е. Я помирился с этим обстоятельством на том, что после оперы и сюиты я, наконец, напишу образцовое симфоническое сочинение. Итак, до последнего моего издыхания я буду, должно быть, только стремиться к мастерству и никогда его не достигну. Чего-то мне недостает, я это чувствую, но делать нечего». Из письма к П. И. Юргенсону от 27 февраля:„ Сегодня я узнаю из газет, что шикал «Буре» в сущности только один человек. Он же шикал и Сен-Сансу... Вообще с свойственной мне способностью всякие свои маленькие невзгоды видеть в очень преувеличенном свете, я преувеличил и неуспех «Бури»".

Лишь несколько парижских газет отметили этот концерт. Самый резкий отзыв был в «Paris-Journal» 1879 от 9 марта (нов. ст.). Заметка в этой газете кончалась решительным определением: «Музыка г. Чайковского не поддается никакой критике. Это правильное последование нот. На этот раз г. Колонн случайно ошибся. Вот и все». Наоборот, в «L'Art musical» 1879, № 20, от 20 марта констатировалось, что, «несмотря на беспокойные гармонии, монотонность, увлечение излишней изысканностью в звучности, произведение носит печать высокого вдохновения и большой мощи в изобразительности». В «Revue et Gasette musicale» 1879 от 16 марта было опубликовано письмо Чайковского к Колонну. См. Ж. Ч., т. II, стр. 272 и сл. и прим. 3 к письму № 83.

К письмам №№ 38 и 39

Датируется в соответствии с письмом № 40. Оба эти письма также написаны во вторник, 27 февраля.

[1] Чайковский получил телеграмму с приглашением приехать в Москву на представление «Евгения Онегина».

К письмам №№ 42 и 43

Датируется в соответствии с письмом № 41. Оба эти письма также написаны в среду, 28 февраля.

К письму № 44

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от 21 февраля 1879 г. из Парижа: «Ты бы очень смеялся, увидев меня здесь. Я хожу по улицам в новом сером пальто (demi-saison), в изящнейшем цилиндре. На шее красуется шелковый plastron с коралловой булавкой, на руках лиловые перчатки. Проходя мимо зеркальных простенков на Rue de la Paix или на бульварах, я непременно остановлюсь и полюбуюсь собой. В стеклах магазинов также наблюдаю отражение своей изящной особы. Вообще на меня нашла (что со мной и прежде бывало) теперь мания кокетства. Лелею сладкую мечту купить себе хорошую золотую цепочку и таковую же булавку. Сделал себе новую пару платья и заказал дюжину рубашек. Деньги летят, и через несколько дней у меня не будет ни одного франка в кармане. Но это ничего не значит, ибо меня ожидает получение от Н. Ф.».

К письму № 45

[1] На 10 марта 1879 г. в петербургском Большом театре был назначен концерт Ауэра. Предполагалось первое исполнение скрипичного кон-

церта Чайковского, вначале посвященного Ауэру. Концерт по болезни Ауэра не состоялся. Начав разучивать скрипичный концерт, Ауэр его не одобрил и отказался от публичного исполнения. См. прим. к письму № 428.

К письму № 48

[1] Чайковский приехал в Москву перед самым началом генеральной репетиции «Евгения Онегина» в Малом театре. Н. Д. Кашкин вспоминает: «Набрался полный партер так называемых своих людей, а композитора все еще не было. Наконец все уселись на места, я ушел в кресла амфитеатра, и когда перед самым началом в зале наступила полная тьма, только виднелись свечи у оркестровых пультов, я услышал, что сзади меня кто-то пробирается и отыскивает свободного местечка. По шопоту я узнал Чайковского, окликнул его тоже шопотом, и потом мы так звучно расцеловались, что возбудили в темной зале даже некоторый соблазн. Я усадил Чайковского рядом со мной, и мы начали слушать оперу. Все шло отлично, а чудная стройность и свежая звучность голосов молодого многочисленного хора производила просто чарующее впечатление. В сцене письма, когда на тремоло оркестра в виолончелях появляется в C-dur тема любви Татьяны, Чайковский прошептал мне на ухо: «Какое счастье, что здесь темно! Мне это так нравится, что я не могу удержаться от слез». Но и со мной было то же самое. Очень много раз приходилось мне слышать оперу после, но все-таки более сильного впечатления, нежели на этой репетиции, я, кажется, не получал» («Воспоминания о П. И. Чайковском», М. 1896, стр. 122—123).

Первое представление «Евгения Онегина» силами учеников Московской консерватории под управлением Н. Г. Рубинштейна состоялось 17 марта 1879 года. Исполнители: Климентова-Муромцева (Татьяна), Левицкая (Ольга), Зильберштейн (Ленский), Гилев (Онегин), Махалов (Гремин), Райнер (Ларина) и др. По словам присутствовавшего в театре М. И. Чайковского, «успех оперы был очень бледный, и овации, с которыми встречалось появление автора на сцене, имели характер выражения сочувствия за его прежние заслуги». Смущал новый, необычный для оперы, сюжет, многих оскорбили допущенные искажения пушкинского текста (в заключительной сцене Татьяна падает в объятия Онегина; при постановке оперы на императорской сцене Чайковский восстановил это место по Пушкину). Антон Рубинштейн, вернувшись в Петербург, резко критиковал оперу, оставшись недовольным «будничностью либретто и отсутствием грандиозного оперного стиля в музыке» (впоследствии он изменил свое мнение). Рецензенты одобрительно отозвались об исполнителях, но к самому произведению пресса отнеслась различно. Были сочувственные отзывы (восторженных не было), были и просто ругательные. «Антон Григорьевич, нарочито приезжавший из Петербурга послушать новую оперу, поступил предусмотрительно: самая опера несомненно не доедет и до Петербурга... Громадный материал поэмы не может быть умещен в трех действиях, хотя бы и разбитых на семь коротеньких картин. Действующим лицам некогда п е т ь, а речитатив почти всегда усыпляющим образом действует на публику. [Хор, куплеты Трике и несколько арий]—музыкальные оазисы среди целой пустыни речитатива» («Будильник» 1879, № 13). «Настроение было самое торжественное; все ожидали чего-то необыкновенного. Сбылись ли ожидания? Да, сбылись, но только отчасти... Прекрасных отдельных частей в опере много, а между тем в слушателе, в конце концов, остается какое-то тяжелое чувство неудовлетворенности. Дело в том, что реализм еще раз сослужил плохую службу искусству вообще и самому композитору в част-

ности. Какую, в самом деле, музыку можно написать на такие слова: «Здравствуйте, как ваше здоровье?—Очень хорошо, покорно вас благодарю»... Слушать пустопорожние диалоги довольно скучно, но если они еще к тому курьезны, тогда скучнее вдвое. Потом все длинные семь картин почти сплошь написаны одним и тем же размером (четырехстопным ямбом). Это последнее обстоятельство придает томительно однообразный колорит всей опере. Потому не удивительно, что она не электризовала слушателей, не возбуждала энтузиазма, в чем с прискорбием сознавались горячие приверженцы композитора и, как люди, сведущие в деле успеха, не обманутые казенными криками и вызовами по окончании представления... Два слова в заключение. Quousque tandem Catilina!.. До которых пор, о, музыканты, будете вы превращать музыку в какую-то математику и заставлять это фантастичнейшее, антиреальнейшее из всех искусств служить вашим реальным, антихудожественным теориям? Пусть это делают разные музыкальные Тредьяковские, у которых в голове нет ни одной благозвучной мысли, ничего кроме охоты смертельной быть композиторами. Господь с ними! лучшего от них ждать нечего. Но П. И. Чайковский не из их числа; у него, помимо умения, есть талант, есть музыкальные мысли. Зачем же и он?» («Современные известия» 1879, № 78). «[«Евгений Онегин»] не может быть назван вполне удачной попыткой ввести новую струю в жизнь русской оперы. Г. Чайковский дурной вещи написать не мог и сделал все возможное из своего материала, но «возможного» в этом материале было так немного. «Очень милая вещь и—только»,—вот самый преобладающий отзыв о «Евгении Онегине». Но, разумеется, эта опера, как и всякая новаторская попытка, нашла себе кучки крайних порицателей и хвалителей» («Новое время» 1879, № 1102). «Благодаря доступности своей музыки, опера всем понравилась. Знакомые мотивы, потерявшие свою банальность в умной музыкальной организации и оркестровке, и прекрасные стихи Пушкина, во многих местах сохраненные, способствовали успеху. Но зато самое неприятное впечатление произвело искажение сюжета поэмы Пушкина—искажение совершенно произвольное и лишающее всякого смысла и Татьяну и Евгения» («Голос» 1879, № 86). «День 17 марта вполне оправдал ожидания. Он еще раз подтвердил тот громадный, колоссальный талант, которым так богато и счастливо одарен П. И. Чайковский... Из краткого обзора можно видеть, насколько верно и характерно Чайковский-музыкант иллюстрировал главных действующих лиц поэмы Пушкина. Для этого, видится, не нужно прибегать к тому грубому средству индивидуализировать характеры, к которому прибегает Вагнер, когда снабжает каждое лицо при его появлении особою мелодиею в оркестре» («Современные известия» 1879, № 82). «В редком из прежних своих произведений П. И. Чайковский был до такой степени самим собой, как в «Евгении Онегине»... Богатая мелодическая струя бьет ключом из каждой страницы партитуры. Весь стиль проникнут единством и самобытностью... Какая-то особенная бархатная мягкость, какой-то вечерний свет элегического настроения разлит надо всем произведением, не мешая однако пластической характерности отдельных партий и моментов... В целом преобладает та светотень элегической грусти и мечтательности, которую так изящно и благородно умеет передавать г. Чайковский. Венцом оперы в этом смысле мне кажется длинная сцена письма Татьяны. Трудно представить себе более целомудренную грацию, более увлекательную задушевность. Прелесть музыкального вымысла ни на миг не нарушает поэтической правды, и служение правде ни на миг не оковывает свободного полета музыкального вдохновения» (Ларош. «Московские ведомости» 1879, № 72). «Произведение г. Чайковского, несмотря на отсутствие драматической жизни, сделается, вероятно, одной из популярнейших пьес нашего опер-

ного репертуара, благодаря национальному сюжету и прелестной музыке» («Русские ведомости» 1879, № 78).

Кроме указанных выше статей см. «Петербургская газета» 1879, № 57; «С.-Петербургские ведомости» 1879, № 93; Ж. Ч., т. II, стр. 280 и сл., 686 и сл.; воспоминания П. Кашкина, С. В. Гилева, А. Н. Амфитеатровой-Левицкой в «Русском слове» 1914, № 63; воспоминания Амфитеатровой-Левицкой и Гилева в журнале «Рабис» 1929, № 15; «Ежегодник императорских театров» 1892/93 г., стр. 182 и сл.; „«Двадцатипятилетие оперы Чайковского «Евгений Онегин»"—«Сцена и музыка» 1903, № 25; Spectator, «Чем объяснить, что «мертворожденная опера» сделалась самой любимой оперой» [беседа с видными композиторами]—«Петербургская газета» 1913, № 292.

К письмам №№ 49 и 50

Основание датировки: оба письма написаны в период между письмами Чайковского от 13—19 марта и 22 марта. В эти дни Н. Ф. фон-Мекк жила в Петербурге.

К письму № 52

Датируется в соответствии с предыдущими и следующими письмами. Написано оно в с у б б о т у, 24 марта.

[1] См. в т. I письмо № 269.

К письму № 53

[1] Текст этого письма А. И. Чайковской от 28 марта 1879 г.: «Дорогой мой Петичка! Что с тобой, что ни тебя, ни какой весточки от тебя нет? Уж не нездоров ли ты? Я сию минуту перебираюсь в отдельную комнату, тут же, а то дочь г-жи Штери очень непокойная. Приходи же, мой хороший, навести меня. Мне, впрочем, было бы очень грустно, если бы ты пришел только для того, чтобы отделаться от меня, сделав бы как будто церемонный визит. Я знаю, что ты меня не любишь, что̀ меня мучает, терзает и не дает покоя никогда. Так ты, по крайней мере, убедись твердо в том, что ты для меня составляешь все в мире. Никакие силы не заставят меня разлюбить тебя; относись же ко мне хотя с сожалением. Я принадлежу тебе и душой и телом,—делай со мной, что хочешь. После свидания с тобой никак не могу привести в порядок свои нервы и принимаюсь плакать по нескольку раз в день. Боюсь уж теперь и просить тебя о себе, а между тем я прихожу в ужас, что мне придется снова волочить такую жизнь, какова была в продолжение всего этого времени. Ты умнее меня бессчетное множество раз. Обдумай же все хорошенько, и поговорим хоть как настоящие муж и жена. До сих же пор бог знает, какие у нас были отношения. Я знаю и чувствую, что ты и сам непокоен, и, вероятно, свидание со мной тебя мучает. Успокойся же, мой дорогой, и помни только одно, что ты пойдешь к женщине, которая желает тебе всеми силами своей души как спокойствия, так и всего, всего хорошего. Все мои мысли переполнены только тобой... Прошу тебя, мой бесценный, дорогой Петя, будь совершенно покоен, не тревожься ничем, ничем. Целую тебя бессчетное множество раз, хотя заочно. Я знаю, что ты не очень-то любишь, когда это делается на самом деле. Ну, я постараюсь не быть тебе неприятной, а за прошлый раз прости. Преданная тебе всеми силами своей души Антонина. Пишу впотьмах и оттого так гадко. В Знаменской гостинице очень дорого, и потому мы переехали в тот же дом, где и ты, но совершенно нечаянно. Не пугайся же, что я тебя преследую».

Карикатура на П. И. Чайковского из журнала «Будильник» 1879 г.

К письму № 55

[1] 3 апреля в московских газетах было опубликовано сообщение о неудачном покушении на Александра II, произведенном накануне в Петербурге А. К. Соловьевым.

К письму № 57

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 9 апреля 1879 г.: «Вот точное описание всего бывшего в последнее время. В Москве скучал, томился, бесился. Накануне отъезда ко мне ворвалась совершенно неожиданно гадина вместе со своей сестрицей и просидела часа два. На этот раз я был менее умен, чем в Питере, горячился и раздражался, но все-таки ни разу не вышел из себя. Когда я ей сказал и несколько раз повторил: «Никогда, никогда и ни за что на свете», то вместо слез и истерик она перешла совершенно неожиданно к вопросу об обеспечении. Я выразил удовольствие, что дело перешло к цифрам, и после разных ее намеков на М-me Мекк (которая, по ее словам, подсылала к ней с предложением больших денег), спросил решительно, сколько ей нужно. Ответ: пятнадцать тысяч. По ее словам, эти деньги ей нужны, чтоб навсегда покинуть Россию, где на нее все странно смотрят и где поэтому она не может работать. Она желает переехать за границу, дабы предаться музыке. Я отвечал, что денег этих у меня нет, но что я рад узнать, чего она желает. Она пробовала опять возвращаться к прошлому, говорила, что один камень мог не быть тронутым ее петербургскими сценами, но встретила с моей стороны энергический отпор и совершенное нежелание выходить из области цифр. Я имел неосторожность сказать, что кроме пенсии буду иногда выдавать экстраординарные субсидии и позволил в случае особенной нужды обращаться ко мне. Наконец она ушла. Я был довольно расстроен, но за обедом с Кондратьевым хорошо ел и пил и возвратился часов в девять домой совершенно спокойный. Здесь я нашел записочку гадины, в которой она говорит, что истратилась в Петербурге и что ей нужно пятьдесят рублей. Имел слабость послать ей двадцать пять. На другой день уехал».

К письму № 58

[1] На вилле Оппенгейм во Флоренции фон-Мекк жила в конце 1878 г., в то время, когда жил там Чайковский на вилле Бончиани. См. т. I.

[2] А. С. Пушкин, «Братья-разбойники».

К письму № 60

[1] 7 апреля 1879 г. был опубликован указ Правительствующему сенату об учреждении должностей трех новых генерал-губернаторств с правами главнокомандующих (в Петербурге, Харькове, Одессе) и об объявлении ряда районов на военном положении—«для примерного наказания виновных, так и для предоставления лицам, облеченным правительственною властью, особых прав в видах охранения общественного порядка». В следующие дни газеты сообщали о персональном назначении генерал-губернаторов и о предпринимаемых в осуществление указа мерах.

К письму № 63

[1]. По поводу отправки сюиты в Москву Чайковский писал Юргенсону 22 апреля 1879 г.: «Пожалуйста, дружище, если возможно, устрой, чтоб можно было в будущем сезоне исполнять мою сюиту. Полагаю, что лучше всего было бы, если бы репетиции того концерта Музыкального общества, на котором Николай Григорьевич ее исполнит, послужили бы третьей корректурой для голосов и для партитуры. Я начинаю ужасно гордиться сим своим творением, ибо вижу, как здесь некоторые части оного сильно

нравятся. Все мои сожители сходят с ума от Andante, а с одной девицей, после того как мы с братом в четыре руки сыграли Andante, сделалась истерика (factisch!!!). Доводить прекрасный пол до истерики, ведь это верх авторского торжества!!!»

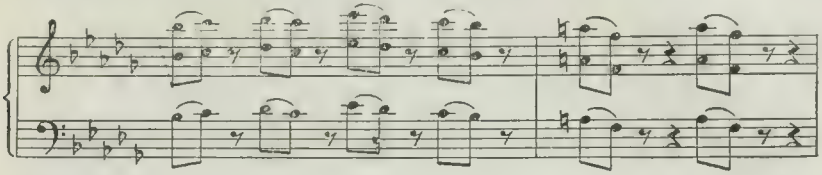
К письму № 67

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 4 мая 1879 г.: «Последние дни в Каменке я был немножко расстроен, и это было весьма замечено. Причина—письмо гадины. Только теперь, приехавши сюда и предаваясь отдохновительному бездействию, я понял, что в сущности следует скорей радоваться. Но представь, что я до сих пор еще имею слабость злиться и бесноваться по поводу безумия гадины, тогда как отлично знаю, что она вполне невменяема и что мне следует только добиваться свободы, не обращая ни малейшего внимания на все ее пакости. Вот еще что я скажу тебе по этому поводу. Развод, несмотря на всю тягость процедуры, вещь столь желательная, что я даю тебе полномочие, в случае, если ты это найдешь нужным, даже отступиться от моего решения не давать ей денег. Итак, если ее поверенный явится и ты заметишь из хода переговоров, что нужно дать денег, то давай их, но только торгуйся. Нет сомнения, что Н. Ф. даст мне сколько нужно, но я хотел бы не злоупотреблять ее бесконечной щедростью. Поэтому уж если давать деньги, то следовало бы дать то, что остается из десяти тысяч, если вычесть из этого расходы. В крайнем же случае не больше. Если он произнесет имя М-me Мекк, то засмейся и скажи, что М-me Мекк мне делала иногда заказы и хорошо платила, но из сего не следует, что она может давать мне взаймы по несколько тысяч, а что деньги дает мне тот же Лев Васильевич. Здесь я нашел все на своем месте. Странное дело! мне на этот раз очень не хотелось сюда ехать, хотя я в душе и сознавал, что несколько дней одиночества среди чудной здешней обстановки будут для меня очень полезны. Но, приехавши сюда, ощутивши, войдя в дом, характеристический его запах, увидевши все знакомые предметы и лица, бывшие в прошлом году свидетелями чудного состояния духа, в коем я находился в оба мои посещения Браилова, я тотчас почувствовал себя хорошо».

К письму № 70

[1] Из письма к М. И. Чайковскому от 9 мая 1879 г.: «Историческая достоверность требует, чтоб я прибавил, что только через несколько часов по получении письма я нашел в предложении Н. Ф. соблазнительные стороны. В первую же минуту я рассердился. Мне не понравилось, что она вовсе не принимает в расчет, что я люблю своих родных и что мне приятно с ними жить. Во-вторых, мне показалось, что хотя нас будут разделять четыре версты, но все-таки будут говорить чорт знает что, и ее же дети (старшие) начнут коситься на наши отношения и распространять про меня всякий вздор, подобно тому, как это было с Котеком. Вообще я увидел почему-то в этом предложении маленькое насилие и стеснение моей свободы. Но само собой разумеется, что она-то предлагает это исключительно, дабы доставить мне случай пожить в прелестной местности и одиноко. Как ты смотришь на это? Знаешь, Модя, что я в этот раз уже совсем не испытываю того удовольствия, которое Браилов доставил мне в прошлом году. В сущности я с грустью сознаю, что на этот раз я здесь у б и в а ю в р е м я. Убиваю я его хорошо, т. е. читаю, гуляю, ем, играю и во всяком случае не скучаю и не тоскую нимало. Но в тайне души ожидаю не без некоторого нетерпения дня отъезда. Причин множество. Но все они соединяются в одной: я н е в д у х е и почему-то все время мало восприимчив к наслаждению природой. Кажется, что я сделал глупость, не взяв с собой партитуры,

и что в глубине моего и е в д у х и я лежит недовольство собой за то, что партитура бездействует».

[2] В разработанном виде эта тема проходит в первой части Первого фортепианного концерта в фортепианной партии:

К письму № 75

[1] «Подозрение в польском происхождении его раздражало и сердило»,— отметил биограф М. И. Чайковский. См. Ж. Ч., т. I, стр. 10.

[2] В то время в нескольких газетах печаталось рекламное объявление провизора В. Чайковского об изобретенном им «верном средстве от мозолей».

К письму № 77

[1] Аграрный кризис (падение цен на хлеб в связи с импортом из Америки и России), падение цен на чугун, а также численный рост рабочего класса и развитие его классового и политического самосознания привели к тесному контакту крупного землевладения с промышленностью, что побудило германское правительство в отмену своей прежней политики стать на путь протекционизма, выразившийся в таможенном тарифе 1879 года. Тариф установил пошлины на продукцию черной металлургии и сельскохозяйственные продукты. При Бисмарке аграрные пошлины с каждым годом увеличивались (в 1880 г. две марки на 100 кг. мучных продуктов, в 1887 г. десять с половиной марок).

Бисмарк проводил новый законопроект в рейхстаге, левое крыло которого высказывалось решительно против нового тарифа.

[2] Повторение «Евгения Онегина» для вел. кн. Константина Николаевича состоялось 12 июня 1879 года.

К письму № 79

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от 1 июня 1879 г.: «Насчет гадины я не согласен с тобой, что мне следует исполнить ее просьбу относительно прибавления пенсии. Мне не хочется баловать ее,—нужно быть кремнем, дабы она не вообразила, что внушает мне страх. Поверь, что в сущности во всех ее действиях кроется неопределенное, но несомненное стремление к шантажу. Притом я тебе скажу, что денег у меня нет ни копейки, и бог знает, скоро ли будут. Н. Ф. спрашивала меня, как ей поступить с июньской бюджетной суммой, и вместо того, чтобы написать ей: «Душечка, ради бога пришлите скорей!», я разыграл джентльмена, сказал, что мне все равно, что могу ждать и т. д. И вот 1 июня уже наступило, о деньгах ни слуху ни духу».

[2] Из письма к М. И. Чайковскому от 9 июня 1879 г.:« ...Письмо от Н. Ф. на восьми листах, в коем она попрежнему все толкует о том, чтоб я приехал жить на ее фольварк. Ну, как не злиться на столь прекрасную, умную женщину, когда она упорно отказывается понять, несмотря на все мои намеки, что мне не хочется жить почти рядом с ней таинственным незнакомцем? У нее, как нарочно, несколько консерватористов, которые очень

бы стесняли меня, и в полном сборе все семейство. Как ей не понять, что все это неловко, стеснительно? Я написал ей в ответ длинное письмо, в коем прихожу к заключению, что могу приехать только осенью, а так как осенью она уезжает за границу, то, надеюсь, она, наконец, поймет».

К письму № 81

[1] См. в т. I прим. 2 к письму № 151.

[2] См. Ж. Ч., т. I, стр 79.

[3] Речь идет о Наполеоне-Евгении-Людовике-Жане-Жозефе (1856—1879), сыне французского императора Наполеона III, известном под кличкой «принц Лулу». После падения Наполеона принц воспитывался в Англии. Бонапартистская партия возлагала на него большие надежды, провозгласив принца при его совершеннолетии Наполеоном IV. В 1879 г., чтобы обратить на себя внимание французов, принц Лулу принял участие в войне англичан с зулусами и был убит во время рекогносцировки.

К письму № 83

[1] Письмо Бюлова в архиве Чайковского не сохранилось.

[2] Фитценгаген исполнял виолончельные вариации на тему рококо (ор. 33). Он сообщал Чайковскому 13 июня 1879 г.: «Вашими вариациями я произвел фурор. Я так понравился, что меня три раза вызывали, а после вариации Andante (d-moll) бурно аплодировали. Лист сказал мне: «Я вами восхищаюсь, вы превосходно сыграли», а по поводу Вашего произведения он заметил: «Ну, вот, это, наконец, опять музыка». Я передал ему клавир «Евгения Онегина», и он хочет аранжировать из Вашей оперы фантазии или парафразы для фортепиано... О Вас много говорят; это Вы можете себе представить. Всем виртуозам, скрипачам и пианистам я указал на Ваши произведения, и, самой собой разумеется, в Германии Вас очень любят» (перевод с немецкого).

[3] В ответ на письмо Чайковского по поводу «Бури» (см. прим. к письму № 37) Колонн писал ему: «Верьте уважению, с которым я отношусь к Вашему таланту, и будьте уверены, что холодное отношение и равнодушие публики не смогут изменить мои художественные убеждения. Скажу Вам, что я предполагаю в скором времени поместить Ваши произведения в программу концертов Шателе» (без даты, перевод с французского).

[4] Сообщение напечатано в газете «Киевлянин» 1879, № 58 от 17 мая.

К письму № 84

[1] См. в т. I письмо № 62.

[2] 25 мая 1879 г. К. Х. фон-Ландсберг (р. 1854 г.), прапорщик лейб-гвардии саперного батальона, ножом в спину убил своего знакомого Е. А. Власова и его служанку А. М. Семенидову. Жизнь гвардейского офицера на широкую ногу повлекла Ландсберга к растрате всех сбережений и к долгам. Власов одолжил ему без процентов пять тысяч рублей, в надежде, что тот сможет благодаря этому выйти из тяжелого положения. Предполагавшаяся женитьба Ландсберга расстроилась, и он, не имея никаких надежд на будущее, не имея денег, накануне срока платежа Власову, придя к нему, убил его и похитил долговую расписку. Чтобы скрыть следы, убил также пришедшую в квартиру служанку. Суд состоялся 5 июля 1879 г., под председательством А. Ф. Кони. Ландсберг был осужден к ссылке в каторжные работы на пятнадцать лет. Приговор вызвал большое негодование со стороны «Московских ведомостей», требовавших более строгого наказания. См. столичные газеты за май 1879 г. и А. Ф. Кони, «На жизненном пути», т. I, гл. XV.

К письму № 85

[1] См. Ж. Ч., т. I, стр. 439.

К письму № 86

[1] Николай Львович Бочечкаров.

К письму № 87

[1] С. Васильев, «Литургия св. Иоанна Златоуста в музыкальном переложении г. Чайковского»—«Московские ведомости» 1879, № 158 от 22 июня. Статья посвящена конфискации издания Юргенсона. Признавая заранее, что сочинение это, вероятно, «поразительно противоречит основным понятиям о достоинстве, серьезности и стройности церковной музыки» (иначе оно и не было бы запрещено), автор однако сожалеет, что запрещение распространилось даже и на фортепианное переложение. В этой части решение вынесено явно по недоразумению. «Заслуги, оказанные г. Чайковским русской музыке, и надежды, которые мы вправе возлагать на него в будущем, дают нам основание и право для такого предположения».

К письму № 88

[1] С. Васильев — псевдоним С. В. Флерова. В 1881 г. Чайковский был с ним в переписке. Два письма Чайковского к нему хранятся в Литературном музее в Москве.

К письму № 92

[1] См. в т. I письмо № 178.

К письму № 95

[1] В этом письме Чайковский ответил на второе письмо Мекк, несохранившееся. На другой день, 21 июля 1879 г., он писал брату Модесту: «Удивила меня Надежда Филаретовна. Узнав, что Саше полезно было бы съездить за границу или в Крым и что встречаются к тому многочисленные препятствия, она загорелась желанием помочь этому, и как ты думаешь, что она предложила? Сначала она написала мне, чтобы я привез, когда поеду к ней, Митю, Володю и Юрия и сдал их бы ей под надзор гувернеров и гувернанток, причем я бы жил в своем фольварке, а они в Браилове, и она бы раз в неделю посылала их ко мне. На другой день пришло новое письмо, где она развивает ту же тему, воображая, что вся трудность в том, что Саше некуда сунуть детей на время отъезда, и кроме того просит меня самым деликатным образом предложить Саше на поездку три тысячи рублей!!! Непостижимо странная женщина! Как много раз я описывал ей обстановку, семейные отношения и характеры всех членов семьи, как часто в последнее время я объяснял причину затруднений к Сашиному отъезду, и как странно она себе все это представляет. Конечно, нельзя не быть тронутым ее участием, но мысль, что она Бобика считает каким-то жалким ребенком, которого не знают куда деть, и что Юрию она предлагает быть маленьким своим приживальщиком, меня сердит».

К письму № 99

[1] Перевод: «Туда, где лимоны цветут». Перефразированное начало популярного стихотворения Гете «Миньона» из «Вильгельма Мейстера»: «Kennst du das Land, wo die Citronen blühn» (есть много переводов на русский язык). Чайковский несколько раз употреблял в письмах это выражение.

К письму № 102

[1] Из писем к братьям Анатолию и Модесту от того же числа, 9 августа 1879 г.: «Спешу тебе сообщить о первых здешних впечатлениях. Они удивительно приятны. Домик старый-престарый, густой сад с вековыми дубами и липами, очень запущенный, и именно поэтому-то и восхитительный, река в конце сада, удаление от завода и местечка, абсолютная тишина, необыкновенно комфортабельно устроенное помещение, состоящее из залы, огромного кабинета, столовой, спальни и Алешиной комнаты. Все это как нельзя более соответствует моим вкусам и наклонностям. Кругом усадьбы поля, перелески, где можно бродить, никого не встречая, что я сейчас и сделал с невыразимым удовольствием. Наконец, в довершение всего, при мне состоит старый лакешка Леон, с которым нечего церемониться, повар, которого я не вижу, и кучер при фаэтоне с четверкой, которою могу пользоваться сколько угодно. Не правда ли, чудно? Но, увы! нет такой бочки меду, куда бы не затесалась ложка дегтю! Роль дегтя играет близость Н. Ф. с ее семейством и свитой. Хотя я совершенно убежден, что никто беспокоить меня не будет, но все-таки эта близость несколько смущает меня». «Я просто привык относиться к Н. Ф., как к какому-то отдаленному и невидимому доброму гению, и видимость его, т. е. сознание, что она живет в трех верстах и как простая смертная, меня беспокоит».

К письму № 106

1. Чайковский и дети Мекк были воспитанниками Училища правоведения.

К письму № 107

1. Из письма к А. П. Чайковскому от 15 августа 1879 г.: «Вчера случился пренеловкий казус. Я поехал в лес около четырех часов в полной уверенности, что не встречусь с Н. Ф., которая в это время обедает. Случилось же как нарочно, что я выехал несколько раньше, а она опоздала, и я встретился с ней нос с носом. Это было ужасно неловко. Хотя мы лицом к лицу были на одно мгновенье, но я все-таки жестоко сконфузился, однако ж учтиво снял шляпу. Она же, как мне показалось, совсем растерялась и не знала, что делать. И мало того, что она ехала в коляске с Милочкой, но сзади еще ехало два экипажа со всем семейством... Вниманиям нет предела. Что это за чудный для меня человек! Страшно иногда подумать, до чего я обязан ей и как бесконечна должна быть моя благодарность».

К письму № 108

Основание датировки: письмо написано по получении письма Чайковского от 13—15 августа, на другой день, в ч е т в е р г, 16 августа.

К письму № 110

[1] Первая сюита для оркестра сначала предполагалась в пяти частях: Интродукция и фуга, Скерцо, Анданте, Интермеццо и Рондо. В августе 1879 г. Чайковский написал Дивертименто (в ритме менуэта). В окончательном виде сюита составлена из шести следующих частей: Интродукция и фуга, Дивертименто, Интермеццо, Миниатюрный марш, Скерцо, Гавот. См. в т. I прим. к письму № 182.

К письму № 116

[1] См. в т. I письмо № 99.

[2] Это были первые переговоры о сватовстве Н. К. фон-Мекк и одной из племянниц Чайковского. Через несколько лет они привели к женитьбе

Николая Карловича на Анне Львовне Давыдовой. Интересно отметить, что Н. Ф. фон-Мекк лично с родителями А. Л. Давыдовой никогда не встречалась, поддерживая с ними отношения только письменно.

К письму № 117

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от 28 августа 1879 г.: «По поводу Таси я имею рассказать тебе очень много. Она и не подозревает, что по поводу ее у меня целая переписка с Н. Ф. Подробности после. Дело в том, что эта удивительная, эта чудная Н. Ф. возгорелась мыслью женить своего сына Колю (правоведа пятого класса) на Тасе, конечно, не теперь, а через пять лет. Нельзя передать тебе всю прелесть писем, которые Н. Ф. писала мне по этому поводу. Она совершенно серьезно мечтает об этом, и, мало того, видно, что это ужасно занимает ее. Не говори этого Саше. Я лучше сам после скажу. Дело в том, что Саше, да и всякому, не прочтя писем Н. Ф., может показаться просто смешно, что строят планы о женитьбе шестнадцатилетнего мальчика на одиннадцатилетней девчонке. А мне неприятно думать, что будут смеяться. Притом я ни за что в мире не хотел бы, чтоб об этом узнали посторонние».

К письму № 119

Основание датировки: письмо написано в день поездки Чайковского из Симаков в Браилов—25 августа.

К письму № 120

Датируется в соответствии с письмами №№ 119 и 123.

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 26 августа 1879 г.: «Вчера был в Браилове в доме Н. Ф. по ее просьбе. Они все уехали обедать в лес, и вот на это-то время она пригласила меня. Было очень приятно. Вообще мне кажется, что, несмотря на некоторые обстоятельства, мешавшие мне вполне наслаждаться здешней жизнью, пребывание в Симаках оставит во мне очень поэтическое воспоминание».

К письму № 125

[1] В тот же день, 27 августа 1879 г., Чайковский писал П. И. Юргенсону: «Есть у Мессера мать? Если есть, то узнай, здорова ли бедная старуха? О, как она часто поминалась в последние дни. Я только что кончил исправление мессеровской работы. Душа моя, когда я тебе писал три недели тому назад мои критические замечания о его клавираусцуге, то как далек я был от настоящей оценки этого труда! Только взявшись за исправление, я уразумел, что это такое... Никогда я не мог себе представить такой абсолютной бездарности, такого феноменального непонимания и тупости... Я хочу тебя просить, нельзя ли учтивым образом отнять от него все, что не готово? Если да, то потрудись тотчас же отослать партитуру в Берлин к Котеку». В одном из следующих писем (недатированном) Чайковский писал ему же: «Мессер премилый, предобрый малый. Я очень раскаиваюсь в резких отзывах о нем. Пожалуйста, чтобы это не дошло до него! В сущности, я сильно преувеличил недостатки его».

К письму № 127

[1] В мае 1879 г. в письмах к П. И. Юргенсону из Браилова Чайковский сообщал о своем местопребывании в Тартаках (окрестности Браилова)—«имении зятя», а в начале августа писал ему, что уезжает к брату Модесту, в Симаки. Но уже в июне 1880 г. Чайковский открыто сообщал ему о поездке к фон-Мекк в Браилов, в июле же писал о субсидиях, которые получал от фон-Мекк. См. прим. к письму № 260.

К письму № 131

[1] Это письмо Мекк не сохранилось. В ее письме № 129 о посылке речи нет (на него Чайковский ответил письмом № 130).

К письму № 140

[2] См. в т. I прим. к письму № 99.

К письму № 142

[1] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 30 сентября 1879 г.: «Прости, что пишу безалаберно. Очень устал: нужно было написать труднейший ответ Надежде Филаретовне, которая опять мне пишет про Тасю и собирается уже теперь начать знакомство будущих супругов».

К письму № 146

Основание датировки: предыдущее письмо Чайковского (с упоминанием телеграммы Мекк по поводу Колонна) написано во вторник 9 октября; в тот же день, во в т о р н и к начато комментируемое письмо.

К письму № 147

[1] Чайковский начал Второй концерт для фортепиано (ор. 44). К 20 октября были закончены эскизы первой части, к 3 декабря вчерне написаны вторая и третья часть. Работа закончена в начале февраля 1880 года. Оркестрован концерт был в мае и июне. Посвящен Н. Г. Рубинштейну. Впервые исполнен С. И. Танеевым 22 мая 1882 г. в Москве.

[2] В «Русском вестнике» в январе, июне, июле, августе, ноябре 1879 г. печатались главы XVI—XL «Критики отвлеченных начал» В. С. Соловьева.

К письму № 149

[1] У декабриста В. Л. Давыдова было десять человек детей. Пятеро родились еще до ссылки, остальные в Сибири.

К письму № 152

[1] Большая соната для фортепиано (ор. 37) была впервые исполнена Н. Г. Рубинштейном на квартетном собрании Р. М. О. 21 октября 1879 года. Н. Д. Кашкин вспоминает: «Соната была исполнена с таким недосягаемым совершенством, что я не мог ничего слушать дальше, ушел из залы совершенно отуманенный от восторга и тотчас же телеграфировал Чайковскому, кажется, в Киевскую губернию, известил об успехе и прибавил, что такой фортепианной игры никогда в жизни не слыхивал».

В первый же приезд Чайковского в Москву Рубинштейн сыграл для него сонату. Исполнение произвело огромное впечатление. 8 ноября 1879 г. Чайковский писал ему: «Позволь поблагодарить тебя за в ы с о ч а й ш е е н а с л а ж д е н и е, которое ты дал мне испытать во время исполнения моей сонаты. Это одна из чудных минут моей жизни». См. Н. Д. Кашкин, «Воспоминания о П. И. Чайковском», М. 1896, стр. 126—128.

К письму № 153

[1] См. Ж. Ч., т. I, стр. 63 и сл.

К письму № 154

[1] См. прим. к письму № 152.

К письму № 163

Основание датировки: письмо написано в день приезда Чайковского в Париж, во вторник, 13 ноября.

[1] Чайковский отвечает на несохранившуюся часть письма фон-Мекк от 8—11 ноября.

К письму № 169

Датируется в соответствии с письмом № 170.

[1] А. Бородин, Ц. Кюи, А. Лядов, Н. Римский-Корсаков, П. Щербачев, «Парафразы» («Paraphrases sur un thème obligé»). 24 вариации и 15 маленьких пьес для фортепиано. Посвящены маленьким пианистам. Авторы вариаций: Лядов, Кюи, Римский-Корсаков.

[2] Письмо Листа на имя авторов «Парафраз» от 15 июня 1879 г. перепечатано в книге: «Franz Listz's Briefe gesammelt von La Mara». Band II, Leipzig, Breitkopf u. Hertel, 1893, стр. 285. Эти «Парафразы» побудили Листа написать свою парафразу, изданную вместе с ними.

К письму № 170

[1] Фокус заключается в том, что в строгом грегорианском стиле проводится тема реквиема с применением двойного контрапункта в октавах, на выдержанной теме так называемой «собачьей польки». Упоминаемый «Реквием» помещен в «Парафразах». См. предыдущее примечание.

К письмам №№ 171 и 172

Датируются оба в соответствии с письмами №№ 170 и 175.

К письму № 176

[1] По постановлению Исполнительного комитета «Народной воли» в ноябре 1879 г. к моменту возвращения Александра II из Крыма в Петербург были организованы покушения на него в нескольких местах по пути следования царского поезда. В двух верстах от Москвы был проведен минированный подкоп, и 19 ноября взрывом был поврежден свитский поезд, пущенный по расписанию царского. При катастрофе никто не пострадал. В организации московского покушения принимали участие Л. Н. Гартман и С. Л. Перовская.

[2] После неудачной попытки взрыва императорского поезда Александр II сказал на приеме московской депутации: «Этот случай еще более доказывает необходимость искоренить крамолу и упрочить внутреннее спокойствие. Обращаюсь при этом ко всем благомыслящим и в особенности к отцам семейств, чтобы своим влиянием на увлекающуюся молодежь они старались направлять ее на путь истины и сделать из нее полезных для России деятелей».

К письму № 177

[1] См. в т. I письма №№ 44 и сл.

К письму № 178

[1] Л. Ф. Мирский 13 марта 1879 г. неудачно стрелял в шефа жандармов Дрентельна. Скрылся. 6 июля был арестован и петербургским военным судом (15—17 ноября) приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой (подавал прошение о помиловании «на высочайшее имя»). Библиографию см. в «Био-библиографическом словаре», изд. Всесоюзного О-ва политкаторжан, т. II, вып. 3, стр. 935.

К письму № 180

[1] См. Ж. Ч., т. I, стр. 119 и сл.
[2] См. Ж. Ч., т. I, стр. 405 и сл.
[3] См. в т. I, прим. 2 к письму № 253.
[4] См. Ж. Ч., т. I, стр. 294 и сл., 325 и сл.

К письму № 182

[1] Кружок, вошедший в историю под названием «Могучая кучка». См. в т. I прим. 2 к письму № 71.

К письму № 184

[1] Посылая Юргенсону копию своего письма к Фюрстнеру, Чайковский писал 26 ноября 1879 г: «Я начинаю бояться, что я напрасно рисовался перед Фюрстнером своим благородством. Кажется, я с тобой заключил какое-то условие, которое в прошлом году подписывал у нотариуса, и просто не имел права отдавать мои вещи Фюрстнеру. Как бы то ни было, но не скрою, что предложение Фюрстнера доставило мне удовольствие. В прошлом году подобное же предложение делал мне (кажется, по секрету от тебя, поэтому ты меня не выдай) Бок. Ведь это все-таки служит доказательством, что мы с тобой можем надеяться серьезно перешагнуть через русскую границу». Письмо Чайковского к Фюрстнеру опубликовано в Ж. Ч., т. II, стр. 339—340.

Несмотря на отказ Чайковского, Фюрстнер перепечатал большое количество его сочинений.

К письму № 189

[1] См. Ж. Ч., т. I, стр. 401—403, 415—416; т. II, стр. 418.

К письму № 194

[1] Вероятно, Чайковский воспользовался этой темой в «Итальянском каприччио». См. прим. 3 к письму № 207.

К письму № 197

[1] Первая сюита для оркестра впервые была исполнена в Москве на шестом Симфоническом собрании 8 декабря 1879 года. Переписку Чайковского с Танеевым о сюите см. в книге «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», изд. Юргенсона, М. [1916], стр. 35 и сл. См. прим. к письму № 213.

К письму № 198

[1] В письме от 19 декабря фон-Мекк писала о достопримечательностях Рима. Эта пространная часть ее письма редакцией выпущена.

К письму № 206

[1] 19 января 1880 г. в Москве, в зале Благородного собрания, состоялось восьмое Симфоническое собрание Р. М. О. при участии скрипача Ауэра и певицы Альбини. В программе: Моцарт, Гуно, Лало, Бетховен, Шуман, Вьетан, Паганини и Шуберт.

[2] «Устав Императорского Русского Музыкального общества», [М.] s. a., 18 стр.

[3] В парижском обществе св. Цецилии исполнялся Третий квартет (ор. 30) и Меланхолическая серенада для скрипки с оркестром (ор. 26). Концерт имел большой успех, в газетах появились восторженные отзывы. Чайковский в то время не имел точных сведений об этом успехе. См. Ж. Ч., т. II, стр. 367—368.

К письму № 207

[1] В отчетах парижских газет точно так же отмечался успех лишь двух частей симфонии. В «La Gasette musicale» от 1 февраля (нов. ст.) 1880 г. сообщалось, что первая часть и финал были приняты «ледяным образом». «Первая часть начинается красивой фразой медных инструментов, но она теряется потом в вымученной разработке среди ритмов, прерываемых беспрестанно синкопами, которые утомляют, не интересуя». О финале, глав-

ная тема которого русская песня «Во поле березынька стояла», газета заметила, что он «поражает у композитора со столь передовыми тенденциями своим итальянским пошибом. Он шумен, не будучи блестящ, более заносчив, чем изящен, его горячность более искусственная, чем настоящая» (цит. по Ж. Ч., т. II, стр. 366).

[2] Об этом фон-Мекк писала в письме от 7 января. Ее рассуждения, очень пространные, выпущены редакцией.

[3] Чайковский начал писать «Итальянское каприччио» для большого оркестра. Закончено около 5 февраля. Инструментовано в начале мая. Закончено 12 мая. Посвящено К. Ю. Давыдову. «Первая фанфара композиции есть итальянский военно-кавалерийский сигнал, раздававшийся ежедневно вечером в отеле Костанци, выходившем одной стороной окнами во двор казарм королевских кирасиров» (Ж. Ч., т. II, стр. 418).

[4] Чайковский имел в виду увертюры Глинки: «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде», написанные на испанские народные темы («Итальянское каприччио» написано на итальянские народные темы).

[5] Некролог отца Чайковского напечатан в «Голосе» 1880, № 11 от 11 января. В некрологе отмечено его родство с «известным композитором».

К письму № 208

[1] Из письма к Юргенсону от 24 января 1880 г.: «Мое семейное горе я перенес без сильного потресения. Жизнь закаляет людей и приучает к утратам. Но мне смертельно грустно подумать, что я уж больше не увижу моего дорогого, милого старика-отца!»

К письму № 209

[1] Восьмое Симфоническое собрание состоялось не 20, а 19 января (см. прим. 1 к письму № 206). 20 января было третье Квартетное собрание.

К письму № 211

[1] На 19 февраля 1880 г. в петербургском Большом театре было назначено представление из живых картин, долженствовавших изображать главные моменты истории России за последние двадцать пять лет. Текст музыкального сопровождения был поручен А. Рубинштейну, Кюи, Направнику, Римскому-Корсакову, Бородину и др. Чайковскому предложили иллюстрировать десятую картину: «Черногория» («Момент получения в Черногории известия об объявлении войны Турции со стороны России. Главарь читает черногорцам манифест»). Продолжительность музыки—пять-семь минут. Представление не состоялось. Партитура музыки Чайковского пропала. Письмо К. Ю. Давыдова к Чайковскому опубликовано в Ж. Ч., т. II, стр. 372—373.

К письму № 213

[1] В фельетоне «Музыкальные заметки»—«Голос» 1880, № 31 от 31 января—по поводу сюиты Чайковского сказано: «Новое произведение это уже далеко не в первый раз доказало, что автор его принадлежит к числу первоклассных симфонистов нынешнего времени, один из редких непосредственных, богатых композиторских талантов. Солидно образованный музыкант, в совершенстве владеющий техникою своего дела, г. Чайковский заявил себя и остается совершенно оригинальным, самобытным в сфере музыкального творчества... В его оркестре видна рука мастера-художника, которому равно доступны и изящная отделка деталей, и всякие технические трудности, и уменье распоряжаться всею массою инструментов». В том же номере в другой заметке по поводу исполнения на Симфоническом собрании отрывков из «Евгения Онегина» автор рецензии отметил: «Нам особенно понравился вальс—удивительно изящный, элегантный и написан-

ный для оркестра так, как умеет писать только г. Чайковский. По свежести впечатления, грации и своеобразности этот вальс в нашей небогатой музыкальной литературе может занять место непосредственно за известным вальс-фантазия Глинки».

[2] См. письмо № 4.

[3] 9 февраля 1880 г. в Москве состоялось в пользу недостаточных учеников консерватории экстренное собрание, на котором выступали только ученики, в их числе Зилоти, Климентова, Данильченко и др. См. письмо № 216.

[4] Ларош, «Музыкальные очерки. Литургия св. Иоанна Златоуста для четырехголосного смешанного хора, сочинение П. Чайковского, ор.—41» «Русский вестник», 1880, январь. Ларош писал в этой статье: «Между художниками, которыми может гордиться современная Россия перед Западною Европой, одно из первых мест принадлежит композитору, имя которого поставлено у нас в заголовке». Рассказав дальше об успехе, который быстро приобретает Чайковский в России и за границей, остановившись на цензурных запрещениях «Литургии» и подвергнув краткому разбору само произведение, автор резюмирует: «В общем итоге мы имеем дело с работой добросовестного художника, высокое дарование которого призвало его, судя по совокупности его творений, к иной сфере деятельности и который вследствие этого принес в свою «Литургию» скорее опытную набитую руку, вкус и чувство приличия, чем могучее вдохновение. Вполне удовлетворительная и почтенная сама по себе композиция г. Чайковского занимает лишь второстепенное место между другими его произведениями. Физиономию композитора она не обогащает ни одною характерною чертой; в нашу духовную музыку она не вносит ни раскола, ни попытки реформы, ни тем менее революции».

К письму № 215

[1] Первое представление «Опричника» по его возобновлении в московском Большом театре назначено было на 28 декабря 1879 года. После генеральной репетиции получилось официальное распоряжение отложить постановку на неопределенное время. Некоторые газеты обвиняли дирижера Бевиньяни, не знавшего русского языка, в неумелой работе над оперой, «сильно окрашенной в национальные краски». Письмом в редакцию Бевиньяни отводил эти обвинения: «Мною были приложены все старания, чтоб действительно грандиозное и вдохновенное произведение П. И. Чайковского предстало на суд публики в возможно совершеннейшем исполнении,—писал он.—Насколько мне это удалось, свидетельствуют самые лестные отзывы лиц вполне компетентных, присутствовавших на генеральной репетиции». См. «Голос», 1880, №№ 8 и 22.

[2] 5 февраля 1880 г. был взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным.

К письму № 219

[1] В Венеции и в Вене Чайковский жил в ноябре 1877 г., вскоре после разрыва с женой. См. в т. I письмо № 46 и сл.

К письму № 221

[1] 23 февраля 1880 г. в московском Большом театре состоялся вокальный и инструментальный концерт Ауэра, с участием Верни, Барцала, Хохлова, Декресценцо и оркестра императорских театров под управлением Н. Г. Рубинштейна.

К письму № 226

[1] 14 марта 1880 г. в зале Благородного собрания состоялся концерт Н. Г. Рубинштейна (экстренное собрание Р. М. О.). Программа была соста-

влена из произведений Бетховена, Вебера, А. Рубинштейна, Шопена, Чайковского (соната для ф.-п., ор. 37), Листа (ф.-п. транскрипция полонеза из оп. «Евгений Онегин»), Пабста (Парафраз из «Евгения Онегина»). Оркестром управлял Э. Л. Лангер. Вскоре в газетах появилось объявление Юргенсона, что в его магазинах «продаются пьесы, которые Н. Г. Рубинштейн с большим успехом исполнил в концерте 14 марта».

[2] 23 марта состоялось экстренное собрание Р. М. О., с участием А. Г. Рубинштейна, в пользу фонда, учрежденного при московском отделении Общества для вспомоществования вдовам и сиротам артистов. Кроме произведений А. Рубинштейна, были исполнены увертюра «Леонора» (C-dur) Бетховена и концерт для фортепиано (a-moll) Шумана. Оркестром дирижировал Н. Г. Рубинштейн.

[3] 15 марта в Большом театре состоялся «большой вокальный и инструментальный концерт» Папендик-Эйхенвальд.

[4] 15 марта в московских газетах появилось объявление о концерте А. Г. Рубинштейна, назначенном на 21 марта. В программе—произведения А. Рубинштейна, Моцарта, Бетховена, Шопена, Шумана, Фильда, Гензельта, Тальберга, Листа.

К письму № 230

[1] Концерт Лавровской состоялся 31 марта 1880 г. в зале Благородного собрания, с участием М. В. Терминской и оркестра императорских театров под управлением Н. Г. Рубинштейна. В программе—произведения Глинки, Генделя, Шопена, Даргомыжского, А. Рубинштейна, Чайковского (Русско-сербский марш, Ноктюрн) и др.

К письму № 231

[1] Концерт был устроен по инициативе А. В. Панаевой в зале Петропавловского училища в Петербурге 25 марта 1880 года. Чистый сбор предназначался на учреждение стипендии при Петербургской консерватории. Программа состояла исключительно из произведений Чайковского. Участвовали: Панаева (ария Татьяны из «Евгения Онегина» и романсы), В. Н. Исаков (ария Ленского и романсы), Алфераки (Анданте для скрипки из Первого квартета) и оркестр русской оперы под управлением Направника (Первая сюита и увертюра «Ромео и Джульетта»). Успех концерта был исключительный, особенно понравились оркестровые номера (в сюите «Marche miniature»). Газеты дали восторженные отзывы. «Отрадно было видеть увенчавшееся успехом чествование русского композитора в такой прекрасной, деликатной форме» («Голос» 1880, № 89). «Наши слабые восхваления едва ли в силах что-либо прибавить к степени почитания, распространившегося во всех кружках русского интеллигентного общества к автору увертюры «Ромео и Джульетта» и других выдающихся произведений» («Петербургская газета» 1880, № 62). См. также «С.-Петербургские ведомости» 1880, № 86.

К письму № 232

[1] 2 апреля 1880 г. состоялась генеральная репетиция спектакля учеников Московской консерватории в Большом театре. 5 апреля был самый спектакль. Была представлена под управлением Н. Г. Рубинштейна опера Бетховена «Фиделио».

К письму № 235

[1] В письме от 3 апреля фон-Мекк просила Чайковского ходатайствовать перед Н. Г. Рубинштейном о разрешении В. А. Пахульскому держать в консерватории экзамен раньше срока, ввиду необходимости его отъезда

с семейством Мекк в Браилов. Эта пространная часть ее письма редакцией выпущена.

К письму № 238

[1] Фон-Мекк отвечала не на письмо Чайковского, а на устное его сообщение, сделанное через Пахульского.

К письму № 247

[1] Ответ на несохранившееся письмо фон-Мекк.
[2] См. в т. I прим. к письмам №№ 214 и 247.

К письму № 249

[1] Ответ на несохранившееся письмо фон-Мекк.

К письму № 254

[1] Ответ на несохранившееся письмо фон-Мекк.
[2] В период между 5 июня и 10 июля 1880 г. Чайковский написал шесть дуэтов для пения с фортепиано, составивших ор. 46 (посвящены Т. Л. Давыдовой): 1. «Вечер», слова Сурикова, 2. «Шотландская баллада», слова гр. А. К. Толстого, 3. «Слезы», слова Тютчева, 4. «В огороде, возле броду», слова Сурикова, 5. «Минула страсть», слова гр. А. К. Толстого, 6. «Рассвет», слова Сурикова.
[3] Из письма к А. И. Чайковскому от того же числа, 5 июня 1880 г.: «От М-me Мекк получаю письма и приглашение, но об каких-нибудь экстраординарных выдачах нет и помину, а между тем я прихожу в ужас, когда вспомню о своих долгах и что до 1 октября у меня не будет ни копейки. Ах, как я избаловался и как отвыкаю ценить все, чем я обязан этой чудной женщине... Мне никуда отсюда не хочется и даже в Браилов поеду скорее для удовлетворения желания Н. Ф.». См. прим. к письму № 260.

К письму № 259

[1] В дни Пушкинских торжеств по случаю открытия ему памятника в Москве Общество любителей российской словесности устроило 6 июня 1880 г. в Благородном собрании литературно-музыкальный и драматический вечер. Программа: I отделение. Глинка, увертюра «Руслан и Людмила», исп. оркестр под управлением Н. Г. Рубинштейна; Пушкин, «Скупой рыцарь» (вторая сцена), чит. П. В. Самарин; Пушкин, «Борис Годунов» (монолог Пимена), чит. Ф. М. Достоевский; Глинка, ария из оп. «Руслан и Людмила» («О, поле, поле»), исп. П. А. Мельников; Пушкин, «Гусар», чит. А. Ф. Писемский; Даргомыжский, «Вакхическая песня», слова Пушкина, исп. хор под управл. Н. Г. Рубинштейна; Пушкин, «Русалка» (сцена), чит. А. Н. Островский; романсы на слова Пушкина, исп. М. Д. Каменская. II отделение. Даргомыжский, увертюра оп. «Русалка», исп. оркестр под управл. Н. Г. Рубинштейна; Чайковский, оп. «Евгений Онегин» (письмо Татьяны), исп. М. Н. Климентова; Пушкин, «Опять на родине», чит. И. С. Тургенев; романсы на слова Пушкина, исп. П. А. Мельников; Пушкин, «Анчар», чит. П. В. Анненков; Пушкин, «Полтава» (сцена), чит. А. А. Потехин; Пушкин, «Кирджали», чит. Д. В. Григорович; романсы на слова Пушкина, исп. М. Д. Каменская. Апофеоз.

К письму № 260

[1] Из писем к братьям: «До Браилова я страдал от жары, а также от волнения: приедут ли лошади, не сделала ли Н. Ф. распоряжения, когда я явлюсь, прогнать меня,—и т. п. глупости лезли в голову. Я помешался в последнее время на мысли, что Н. Ф. или изменила мне, или же, напротив,

усугубила свою заботливость, и между прочим в тайне души я надеялся на оставленный для меня запечатанный ящичек с ... несколькими тысячами, в коих чертовски нуждаюсь. Приезжаю торжественно, вхожу, спрашиваю: есть ли письма?—Есть. Иду в свой кабинет и нахожу два письма и запечатанный ящичек!.. В волнении распечатываю, раскрываю... но вместо тысяч ч а с ы и просьба принять их в подарок. Они были еще зимой заказаны в Париже, и только недавно их прислали. Часы наверное стоят несколько тысяч франков. С одной стороны Иоанна д'Арк на коне, с другой Аполлон и две музы. И то и другое на фоне черной эмали с золотыми звездочками. Работа тончайшая, необыкновенно изящная. Господи, какая милая эта Н. Ф.! Но, между нами будь сказано, я предпочел бы получить не часы, а их стоимость». «Н. Ф. так избаловала меня предупреждением моих нужд и желаний, что я почему-то рассчитывал, что она по инстинкту узнает, чего мне теперь нужно. Но я ошибся и теперь вижу, что до осени у меня ни копейки не будет» (М. И. Чайковскому 4 июля, А. И. Чайковскому 3 июля 1880 г.).

Тогда же, в письме от 3 июля 1880 г., Чайковский просил у Юргенсона или в виде займа, или в виде аванса в счет будущего гонорара четыре тысячи рублей. Он писал: «В течение прошлой зимы я сильно зарвался, т. е. не только забрал вперед за много месяцев определенную месячную сумму, получаемую мной от M-me M***, но сделал множество долгов! Кроме того, я уже три года должен зятю тысячу рублей... Сделанный мною долг у тебя мне тоже хотелось бы узаконить, а еще лучше отдать. Всего я должен около четырех тысяч. Конечно, стоило бы только написать той же M-me Мекк, и она не задумываясь сделала бы это. Но я н е м о г у, н е м о г у, ибо есть всему границы. Она бы дала мне эти деньги без о т д а ч и. Иначе она никогда не делает, а я ни за что в мире не хочу злоупотреблять ее чрезмерной добротой и деликатностью. Она подарила мне недавно ч а с ы, которые по заказу целый год делали в Париже и которые обошлись ей в тысяч десять франков. О! как я бы предпочел получить эти деньги вместо часов, но что делать,—превратить это поистине художественное произведение в деньги я не могу и не хочу. Это было бы слишком бессовестно».

Часы были украдены у Чайковского в 1891 году.

К письму № 263

[1] См. М. И. Глинка, «Записки», изд. «Academia», М.—Л. 1930, стр. 71, 242, 387—388 и 424.

К письму № 264

Датируется в соответствии с письмами №№ 263 и 266. Дата подтверждается письмом к М. И. Чайковскому от 8 июля.

[1] Из писем к М. И. Чайковскому от 8 и 10 июля 1880 г.: «Я много ожидал от Симаков, но действительность далеко превзошла мои ожидания. Что это за чудный уголок, и как Браилов мне кажется жалок с той минуты, как я здесь. Домик в том же виде, как и в прошлом году, но слегка обновлен, т. е. мебель новая и обои другие; все устройство—идеал комфорта. Но местность, ах, что за прелесть! В саду масса цветов. Я просто плаваю в каком-то океане счастливых ощущений. Была минута, час тому назад, когда я среди прилегающего к саду поля пшеницы был так подавлен восторгом, что пал на колени и благодарил бога за всю глубину испытанного блаженства. Я был на относительном возвышении. Невдалеке виднелся выглядывающий из густой зелени домик мой; вдали со всех сторон леса, расположенные на холмиках. За рекой село, откуда долетали милые деревенские звуки, состоящие из детских голосов, блеяния овец и мычания возвратившегося скота. На западе великолепно заходило солнце, а на

противоположной стороне красовалась уже полная луна. Повсюду красота и простор! Ай, ай, ай, что за минуты бывают в жизни, ради них можно позабыть все». «Я плаваю в волнах непрерывного наслаждения».

К письму № 265

[1] Клод Дебюсси.

К письму № 266

[1] О дуэтах см. прим. 2 к письму № 254. В середине июля—начале августа 1880 г. Чайковский написал семь романсов для пения и фортепиано, составивших ор. 47 (посвящены А. В. Панаевой): 1. «Кабы знала я, кабы ведала», слова гр. А. К. Толстого, 2. «Горними тихо летела», слова гр. А. К. Толстого, 3. «На землю сумрак пал», слова Мицкевича, 4. «Усни, печальный друг», слова гр. А. К. Толстого, 5. «Благословляю вас, леса», слова гр. А. К. Толстого, 6. «День ли царит», слова Апухтина, 7. «Я ли в поле да не травушка», слова Сурикова.

[2] Письмо жены Чайковского от 25 июня 1880 г.: «Милостивый государь Петр Ильич! В письме Вашем последнем, полученном мною в прошлом году, Вы мне дали сроку год, по прошествии которого я могла изъявить свое согласие на Ваше предложение развестись, прибавив при этом, что Вы мне позволяете написать Вам через год. Да кто же и спрашивал у Вас это позволение? Чести в переписке с Вами ведь я никакой не вижу, милостивый государь, и потому не имела никакого желания пользоваться этим позволением. Но так как г. Юргенсон заявил мне Вашу просьбу о том, чтобы я сама написала Вам о моем согласии на Ваше предложение развестись, с известной долей обеспечения, которая будет Вами положена в один из московских банков, я решилась написать Вам в последний раз. Я согласна на Ваше предложение. Я не хочу быть даже номинально женой человека, который так низко клевещет женщину, не сделавшую ему никакого зла. Как же Вы и Ваши братья решаетесь рассказывать всевозможные небылицы родственнице Вашей Литке? Да и она-то подтверждает свою благовоспитанность, распуская эти сплетни по Петербургу. Отчего же Вы не начали с себя, не сказав ей про Ваш собственный ужасный порок, а потом судили бы и меня. После всего этого Вы налегаете в своих письмах на свою доброту и благородство. Да где же эти качества и чем они подтверждаются? Не трудитесь, пожалуйста, отвечать мне. Maman была так добра, что приняла на себя переговоры с Вашим поверенным способствовать исходу этого дела. Между нами все кончено, и потому попрошу Вас, милостивый государь, не вдаваться в длинные переписки, а касаться только этого дела. Но повторяю Вам еще раз, что грязных и неправдоподобных бумаг подписывать не буду. Если же Вы найдете необходимым писать мне еще, то прошу не позволять себе никаких едкостей и резкостей в выражениях. Предоставляю вполне свое дело Maman и буду вполне довольна ее решением во всем. А. Чайковская». Одновременно писала и ее мать, О. Милюкова. Она предлагала «во избежание издержек на скандальное бракоразводное дело» выдать жене постоянный паспорт и единовременное полное обеспечение. В свою очередь А. И. Чайковская должна была оставить навсегда Москву и ничем не напоминать о себе. «Вы человек гениальный, Вам дорого Ваше доброе имя. Поверьте, мы не наложим на него пятна и исполним данное Вам честное слово, как следует честному дворянскому семейству».

К письму № 268

[1] Кружок «Могучая кучка». См. прим. к письму № 182.

[2] Из письма к М. И. Чайковскому от 18—19 июля 1880 г.: «Как мне надоела моя «Орлеанская дева», и как я рад, что наконец спустил ее! Теперь

она уже летит в Москву, и затем до самой постановки мне беспокоиться о ней нечего. Дабы освежиться, я проиграл вчера «Carmen» всю от начала до конца и воспламенился снова любовью и удивлением к этой чудной опере. У меня даже в голове явился план статьи, в которой должна была бы быть проведена та мысль, что «Carmen», несмотря на скромные свои претензии попасть лишь в репертуар Opéra Comique, а не Grand Opéra, едва ли не самое выдающееся лирико-драматическое произведение нашей эпохи. Под впечатлением этой идеи я даже написал в письме к Н. Ф. несколько слов, составляющих сущность в о о б р а ж а е м о й с т а т ь и, и намерен тебе переписать это место из неотправленного еще письма, дабы не затруднять себя новой редакцией моих мыслей, что мне весьма трудно. А хочется, чтобы ты знал эти мысли. Статьи же, конечно, я никогда не напишу, ибо не хватает умения, сведений, одним словом, всего того, что есть у Ларош а. А жаль! ибо я готов присягнуть, что через десять лет «C a r m e n» будет считаться абсолютным chef d'oeuvr'ом». Следует выписка из письма к фон-Мекк и затем: «Вот фельетонная болтовня, в которой ты видишь мою мысль. Но у меня для с т а т ь и не хватает пороху; ведь нужно доказать, что не только русская новая школа, но и В а г н е р и Л и с т в сущности гоняются за хорошеньким и вкусным, что последними могиканами золотого века музыки были Мендельсон, Шопен, Шуман и Глинка, в коих однако уже заметен переход к в к у с н о м у от в е л и к о г о и п р е к р а с н о г о (Даргомыжский же исключительно только в к у с е н). Нужно, одним словом, очень многое, чего я не могу. А все-таки «Carmen» стоит того, чтобы по поводу ее распространиться, и, если хочешь, я даю тебе право воспользоваться моей мыслью и написать статью... Вчера я восхвалял тебе Biset, а сегодня буду восторгаться тоже французом—M a s s e n e t. У Н. Ф. я нашел его ораторию «Marie Magdeleine». Прочитав текст, в коем изображены не только отношения Христа к Магдалине, к Иуде, но также и Голгофа и Воскресение, я проникся предубеждением к этому сочинению, ибо мне казалось, что это слишком смело. Но, принявшись за проигрывание, тотчас же убедился, что вещь далеко не дюжинная, а дуэт между Христом и Магдалиной есть, по-моему, chef d'oeuvre. Я был до того потрясен глубоко прочувствованной музыкой, в которой Massenet удалось выразить в звуках бесконечную благость Иисуса, что пролил целые потоки слез. Чудные слезы!! Хвала французу, который сумел их вызвать. Как мне жаль, что я не могу тебе сейчас же проиграть и пропеть эту повидимому незатейливую, но удивительно талантливую вещицу. Нет, решительно французы стали во главе музыки. Сегодня целый день я ношусь с этим дуэтом и под влиянием его написал романс на слова Толстого: «Горними тихо летела душа небесами», в коем мелодия оказывается навеянной Massenet».

Об отношении Чайковского к «Кармен» см. также т. I, по указателю, и письмо к С. И. Танееву от 21 июля 1880 г. (указанное выше изд., стр. 45).

К письму № 270

[1] Из письма к М. И. Чайковскому от 26 июля 1880 г.: «Признаюсь, уезжаю отсюда неохотно. С другой же стороны, может быть, мне даже вредно здесь засиживаться. Я замечаю, что постоянный экстаз, в котором я здесь нахожусь, отзывается на нервах. Я стал болезненно воспримчив ко всякого рода впечатлениям; часто плачу от сущей безделицы, но особенно по поводу того или другого воспоминания из невозвратного былого, и именно о н е в о з в р а т н о с т и. Написал несколько романсов. Один из них на ч у д н ы е с л о в а М и ц к е в и ч а [«На землю сумрак пал»]

мне безмерно нравится, и иначе, как расточая слезы, не могу его играть».

К письму № 271

[1] Дальше подробно описывается переезд из Интерлакена в Аркашон. Ехавшая в том же поезде горничная Мекк попала в вагон, дорогой отцепленный и направленный по другому маршруту. Денег у нее с собой не было, иностранных языков не знала. Отправившийся на розыски гувернер с большим трудом нашел ее в Лионе. Были и другие неудачи в пути.

К письму № 274

[1] «Записки» Глинки печатались в «Русской старине» 1870, тт. I и II; отдельно изданы «Русской стариной» в 1871 г. и А. С. Сувориным под ред. В. В. Стасова в 1887 году. Последнее издание «Academia», 1930.

К письму № 281

[1] Чайковский был в Неаполе в 1874 году. См. Ж. Ч., т. I, стр. 433 и сл.

К письму № 283

[1] См. в т. I письма №№ 105 и 117.

[2] М. И. Чайковский написал комедию «Благодетель», поставленную на петербургской сцене в феврале 1881 года. См. прим. к письму № 331.

К письму № 284

[1] Это трио Дебюсси не сохранилось.

К письму № 285

[1] Новое произведение было задумано Чайковским в форме симфонии или струнного квинтета. Написал же он Серенаду для смычкового оркестра, в четырех частях. Черновые эскизы закончены в начале октября. Инструментовано сочинение и переложено автором для фортепиано в четыре руки около 27 октября. Посвящено К. К. Альбрехту. Впервые исполнено в Москве 16 января 1882 года. Серенада относится к числу наиболее любимых Чайковским его произведений.

[2] Бонифаций Сангурский.

[3] Шестоперовым заинтересовался также Танеев и взял к себе в ученики. Впоследствии Шестоперов бросил заниматься музыкой. См. «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 66 и сл.

К письму № 288

[1] В «Русской старине» 1880 г., т. XXVIII напечатаны два письма Пушкина к А. И. Тургеневу и П. Б. Мансурову и девять писем к Н. И. Гнедичу (двадцатые и тридцатые годы). Одно из них, 1820 г., написано в Каменке.

К письму № 293

[1] «Без всяких комплиментов, ты понимаешь, что твое сочинение мне было бы дороже и милее всяких других,—писал Рубинштейн Чайковскому.—Это не заказ, но большое одолжение для меня, во-первых, для дела, во-вторых, и еще раз для меня. Ни форму, ни тему не назначаю. Прошу, чтобы сочинение продолжалось от пятнадцати до двадцати пяти минут, с хором или без него, но, конечно, без соло» (письмо от 18 сентября 1880 г.).

Торжественная увертюра для большого оркестра «1812 год» (ор. 49) сочинена по случаю освящения храма спасителя в Москве. Черновые

эскизы были закончены к 10 октября, оркестрована к первым числам ноября 1880 года. Увертюра пользовалась большой популярностью. Впоследствии Чайковский включал ее в свои концерты.

[2] В том же письме Н. Г. Рубинштейн писал: «[О концерте] я еще ничего не могу сказать; мы его проиграем на-днях с Танеевым. Мне показалось по первому просмотру только странно, что фортепианная партия идет слишком эпизодически и большей частью в диалоге с оркестром и слишком мало на первом плане с аккомпанементом оркестра. Но все это я говорю, сыгравши едва один раз концерт. Может быть, я ошибаюсь».

[3] Так было, например, с первым фортепианным концертом. См. в т. I письмо № 86.

К письму № 296

[1] Танцы Испанский и Итальянский (Неаполитанский) помещены в третьем действии балета «Лебединое озеро». Русский танец—дополнительный номер (без обозначения действия). Аранжировка Дебюсси была издана (название издательства установить не удалось).

[2] П. Г. фон-Дервиз, живший за границей, содержал там собственный оркестр, концерты которого имели большой успех.

К письму № 299

[1] Фотография хранится в Музее Чайковского в Клину.

К письму № 303

[1] См. прим. 3 к письму № 426.

К письму № 306

[1] Слухи о сумасшествии М. Н. Климентовой были ложны. Не соответствовали действительности и слухи об ее близких отношениях с Н. Г. Рубинштейном.

К письму № 315

Датируется в соответствии с письмом № 317.

К письму № 317

«Итальянское каприччио» было исполнено в Москве на седьмом и восьмом Симфонических собраниях под управлением Н. Г. Рубинштейна 6 и 20 декабря 1880 года. На обоих концертах произведение имело у публики огромный успех. Пресса отнеслась различно. «Любя русскую песню, г. Чайковский имеет прискорбную манеру, мешая стили, противопоставлять ей в одном и том же сочинении темы или прямо итальянские, или итальянизированные... Последнее лучше всего доказало его «Итальянское каприччио», исполненное в последнем симфоническом собрании. Темы очень плохи; ординарна и их разработка, фактура груба, неизящна, аляповата... Продолжая свою деятельность в этом направлении, г. Чайковский наложит не одно темное пятно на свою яркую славу и не снимет их ни усердными захваливаниями друзей, ни громкими рукоплесканиями всегда податливых профанов» («Современные известия» 1880, № 350). «Новое произведение Чайковского должно быть поставлено далеко ниже его капитальных вещей» («Голос» 1880, № 347). «Мы вовсе не против подобного рода сочинений; они имеют свой raison d'être» («Русские ведомости» 1880, № 324). «[Новое произведение] привело в восторг публику, которая громко и упорно принялась вызывать автора... Действительно, «Итальянское каприччио» прелестная композиция, все очарование которой откры-

вается лишь по выслушании ее в исполнении оркестра. Горячая жизнь сверкает и бьется здесь, образуя, как в картине, так называемый «теплый» фон, на котором искрятся и блещут «le dolce canzone» [«нежные мелодии»] Италии» («Московские ведомости» 1880, № 342). См. также «Петербургская газета» 1880, № 245; «Русский курьер» 1880, № 346.

К письму № 318

[1] Письма Ткаченко к Чайковскому хранятся в Клинском музее. Письмо Чайковского к нему от 16 декабря 1880 г. опубликовано в Ж. Ч., т. II, стр. 435—436.

К письму № 319

[1] «Литургия» (в афише сказано: «Одиннадцать номеров из литургических песнопений») Чайковского была исполнена в Москве на экстренном собрании Р. М. О. хором Сахарова 18 декабря 1880 года. Публики было очень много. Этому способствовали и имя Чайковского, и необычная для него форма нового произведения, и, главное, тот шум, который возник в связи с конфискацией издания «Литургии». Было много духовных. Так как аплодисменты были запрещены, то нельзя было точно определить, какой номер получил наибольшее одобрение. Лишь по окончании концерта композитору сделали бурную овацию и преподнесли лиру из лавровых листьев. Рецензенты дали в газетах подробные отчеты. Расходясь в вопросе о церковности или нецерковности стиля, в вопросе о следовании Чайковского древнецерковным напевам или образцам новейшей духовной музыки, все единодушно одобрили «Литургию», находя в ней «высокие духовно-музыкальные красоты», «отпечаток тихого молитвенного настроения», «небывалую для церковной музыки пластичность». Особое место заняла рецензия «Старого московского священнослужителя» [епископа Амвросия] в «Руси» 1881, № 8. Автор негодовал по поводу публичного исполнения такого рода произведения. Литургия совершается только в храме, ее песнопения не могут быть предметом развлечения, овации оскорбительны. Литургия послужила Чайковскому либретто для духовной оперы, наравне с историческими событиями и легендами, «высокое достоинство песнопений и уважение к ним нашего народа были для него только поводом приложить к ним свой талант». «Православные, будьте довольны тем, что песнопения литургии на этот раз попали в руки талантливого композитора и исполнителей и заслужили рукоплескания и овации, а могут попасть и людям менее даровитым. Явится о б е д н я какого-нибудь Розенталя или Розенблюма, и ваши священнейшие песнопения будут ошиканы и освистаны». См. «Московские ведомости» 1880, № 351 и 1881, № 3; «Русские ведомости» 1880, № 324 и 1881, № 8; «Голос» 1880, № 359; «Современные известия» 1881, № 21.

К письму № 324

[1] Первое представление «Евгения Онегина» в московском Большом театре состоялось 11 января 1881 г. в бенефис дирижера Бевиньяни. Исполнители: Юневич (Ларина), Верни (Татьяна), Крутикова (Ольга), Винчи (няня), Хохлов (Онегин), Усатов (Ленский), Абрамов (кн. Гремин), Фюрер (Зарецкий), Барцал (Трике). «Зала, несмотря на очень повышенные цены, была переполнена. В первой картине вызвало рукоплескания, но и то самые жидкие, только «Я люблю вас» Ленского, и занавес опустился при безмолвии публики. После сцены письма г-жа Верни два раза выходила на авансцену. В третьей картине очень понравился женский хор, но после объяснения Онегина с Татьяной не раздалось ни хлопка. С этого антракта однако начались вызовы автора и бенефицианта. Картина бала очень по-

нравилась, и целую бурю восторгов произвели куплеты Трике. Это был единственный момент настоящего колоссального успеха, так что шутники могли говорить потом, что оперу следовало назвать не «Евгений Онегин», а «M. Triquet». Затем вся вторая половина оперы была принимаема публикой несравненно горячее, чем первая. Много аплодировали г-ну Усатову за предсмертную арию Ленского, больше еще Абрамову за арию Гремина. Много шумели также после заключительного дуэта Онегина с Татьяной и по окончании без конца вызывали композитора и дирижера... Лучшие моменты оперы прошли неоцененными; их не подчеркнули аплодисментами» (Ж. Ч., т. II, стр. 442—443).

Отзывы прессы: «Милые, грациозные отрывочные кусочки, прекрасная инструментовка, интерес: как это пушкинские герои петь будут, прелесть пушкинского стиха, а, в конце концов, все-таки это вещь, сделанная совсем не для рамок сцены нашей оперы. Тут подавай размах, широкую кисть, а не мозаично-миниатюрную работу, могущую пленить в салоне или доставить даже грандиозный успех, когда на сцене поет половина консерватории, а другая аплодирует в зале» («Петербургская газета» 1881, № 13). „Особых задатков в репертуарности «Евгений Онегин» в себе не имеет уже потому, что пушкинский «Онегин» именно оперного материала собой не дает... Опера положительно поражает красотой и элегантностью инструментальных номеров и достоинствами инструментовки во всех почти сопровождениях, а между тем именно это-то в произведении Чайковского, взятое вместе с сравнительною бесцветностью некоторых партий и некоторых мелодий, делает то, что голоса в смысле оперных персонажей часто являются в «Онегине» сравнительно ничтожными, мало что дающими рядом с прекрасным оркестровым сопровождением. Оригинально выразил один из публики свои впечатления от оперы Чайковского: «Видите ли, опера мне нравится, только, если б играл один оркестр, она понравилась бы много, много больше»“ («Голос» 1881, № 27). «Опера имела положительный, хотя и не громадный успех. Отсутствие сценичности, отсутствие эффектных музыкальных мест, растянутость и вообще неблагодарность композиции по отношению к певцам, все это выкупается несколькими действительно красивыми нумерами (куплеты Трике, ария Ленского перед дуэлью, вальс второго и полонез третьего актов) и общей оригинальной, благородно оркестровкой» («Новое время» 1881, № 1756). «Опера «Евгений Онегин» не может вызывать энтузиазма, не может овладеть публикой и электризовать ее, как это делают многие другие оперы, представляющие гораздо менее заслуг в музыкальном отношении. «Евгений Онегин» не может иметь блестящего внешнего успеха, и не следует стараться искусственно создавать такой успех. Мы не окажем никакого неуважения, никакой несправедливости к таланту г. Чайковского, если опера его встретит с нашей стороны простой succès d'estime [успех из уважения, т. е. посредственный успех]. Именно по отношению к талантам, стоящим уже вне всякого сомнения, должны мы быть откровенно честны. Такое отношение есть лучшее выражение нашего уважения... Прелестная музыка г. Чайковского достойна прелестных стихов Пушкина. Она вся держится на высоте пушкинского созданья. Она вьется такими же прелестными арабесками, каковы пушкинские... Музыка г. Чайковского написана под непосредственным влиянием пушкинского творения. Либретто было необходимым, если хотите, неизбежным злом. Чтоб оказаться справедливым к композитору, нужно оставить в стороне либретто, слушать музыку и, по возможности, закрывать глаза». «С акварелями нельзя обращаться как с масляными картинами; со сценами г. Чайковского нельзя обращаться как с оперой. Исполнение требует нюансировки гораздо более тонкой, нежели какая бывает нужна обыкновенно... Вследствие необыкновенной тонкости

и изящности музыки любопытство зрителя берет перевес над вниманием слушателя у тех, кто слышит композицию в первый раз. Поэтому лица, не знакомые с партитурой, окажутся справедливыми в своем суждении о музыке, лишь несколько раз прослушав «Евгения Онегина», в музыкальной части которого они каждый раз будут открывать незамеченные прежде достоинства» («Московские ведомости» 1881, №№ 15 и 20). См. также «Русские ведомости» 1881, № 39, и «Молва» 1881, № 20.

За период 1883—1913 гг. в московском Большом театре «Евгений Онегин» был поставлен 310 раз. В Мариинском театре за период 1890—1913 гг.— 242 раза. (Установлено по «Ежегоднику императорских театров» и по записям скрипача оркестра Большого театра на нотах скрипичной оркестровой партии, хранящейся в Музее Чайковского.)

К письму № 325

[1] «Итальянское каприччио» исполнялось в Петербурге в концерте артистов оркестра русской оперы в Мариинском театре под управлением Направника 26 декабря 1880 г. и в седьмом Симфоническом собрании Р.М.О. 3 января 1881 года. Отзывы прессы были суровые. По поводу обоих концертов Ц. Кюи писал в «Голосе»: «Это «Каприччио» имеет блестящую внешность, но бедно внутренним содержанием. Выбор тем из народных песен, за исключением первой, милой и симпатичной,—самый неудачный. Особенно неприятно поражает своею тривиальностью вторая тема терциями; когда же она исполняется медными инструментами, она производит отталкивающее впечатление... Развития тем у г. Чайковского нет, но их гармоническая, контрапунктическая и оркестровая обработка—превосходны. Эта сторона композиторской техники развита у г. Чайковского до замечательной виртуозности. Краски оркестра ярки, хотя несколько грубы, штрихи различных инструментов эффектны, контрасты между тембрами красивы,—словом, во всем «Каприччио» видно стремление к внешнему, декоративному, блестящему эффекту и никакой заботы о порядочности внутреннего содержания. Оно способно увлечь лишь тех, кто под покровом громких, звучных и красивых фраз неспособен или не хочет заметить все ничтожество основной мысли. К художественным произведениям это «Каприччио» причислить невозможно, но для садовых оркестров это дорогой подарок. Г-н Чайковский начал свою композиторскую деятельность с произведений серьезных, во многом превосходных... потом он спустился до милого... теперь он доходит до тривиального. Не дай бог, чтобы такой крупный талант, как г-н Чайковский, когда-нибудь забыл свое священное призвание всегда стоять во главе массы публики, руководить ее вкусом, увлекая ее за собою, а не спускаться до нее, плестись в ее хвосте и льстить ее часто грубым инстинктам ради успеха во что бы то ни стало». «К сказанному [в первой статье] добавлю только, что в зале дворянского собрания резко раздававшаяся ее грубая «садовая» оркестровка производила еще более неприятное впечатление. Скучно также было слушать во второй раз тривиальности, составляющие почти без исключения всю сущность этого произведения г-на Чайковского. Впечатление на публику оно произвело совершенно обратное, чем в концерте артистов оркестра русской оперы. Там оно имело громадный успех, здесь—никакого: послушали, едва похлопали и разошлись... Дело в том, что, спускаясь до вкуса публики, в стремлении ему польстить, надо знать, где остановиться и не опуститься ниже, как это случилось с г. Чайковским в его «Каприччио». Эта неудача талантливого композитора в небольшом симфоническом произведении меня не смущает, но что, если и его «Орлеанская дева» написана

так же плоско, грубо и тривиально?» («Голос» 1880, № 360, 1881, № 14). См. также «Новое время» 1881, № 1746; «Биржевые ведомости» 1881, № 101.

К письму № 326

[1] Это письмо фон-Мекк не сохранилось.

К письму № 327

[1] В январе 1881 г. Куинджи выставил в Петербурге (отдельно, не на выставке) свою новую картину «Березовая роща», находящуюся теперь в Третьяковской галлерее.

К письму № 328

[1] В Мариинском театре был поставлен балет «Зорайя, или Мавританка в Испании», музыка Л. Минкуса. Первое представление состоялось 1 февраля 1881 г. (в Москве балет был поставлен в 1883 г.).

[2] Вторая симфония Чайковского после переработки впервые была исполнена в Петербурге 31 января 1881 г. на десятом Симфоническом собрании. Симфония имела большой успех, в газетах появились сочувственные, но сдержанные отзывы. Почти никто из рецензентов не отметил переделок (первая часть симфонии была совершенно новая). Кюи писал в «Голосе» 1881, № 42: «В целом, симфония произведение даровитое. Ее достоинства: несколько красивых тем, контрапунктов, гармонизаций (подчас насильственных), а в финале—жизнь, эффект, сила. Ее недостатки: длинноты, нередко безвкусие, неприятная смесь во всех частях симфонии, кроме скерцо, русского народного с западно-европейским, а главное, неудовлетворительная техника, чуждая тематического развития». См. также «Новости» 1881, № 32; «Голос» 1881, № 33.

К письму № 330

[1] Письмо фон-Мекк не сохранилось.

К письму № 331

[1] Комедия М. И. Чайковского «Благодетель» шла в Мариинском театре в бенефис Савиной 9 февраля 1881 года. «Очень верно задуманная, но недоделанная комедия» («Голос» 1881, № 42). «Она слаба, ее драматические положения случайны, ее характеры не развиты и потому кажутся неестественными... Две сцены остаются от целой пьесы. Обе сильны, обе новы, жизненны и обе говорят, что автор—человек с дарованием. На остальное—занавес» («Новое время» 1881, № 1781). „Архивный вклад и больше ничего!.. Архивные шкафы с нетерпением ждут к себе этого «благодетеля»“ («Петербургская газета» 1881, № 35). Впоследствии комедия была переделана и получила новое название «Борцы». Несколько лет была на столичной и провинциальной сценах. Выдержки из письма Чайковского к брату Модесту по поводу постановки его пьесы напечатаны в Ж. Ч., т. II, стр. 458.

К письму № 332

[1] Первое представление «Орлеанской девы» состоялось в Мариинском театре в Петербурге 13 февраля 1881 г. в бенефис Направника, которому опера посвящена. Исполнители: Каменская (Иоанна д'Арк), Васильев (король), Рааб (Агнеса Сорель), Стравинский (Дюнуа), Прянишников (Лионель), Майборода (архиепископ), Карякин (Тибо), Соколов (Раймонд). Первый акт был принят с шумными овациями. Менее восторженно отнеслась публика ко второму и еще менее к остальным. По окончании каждого акта композитора вызывали на сцену и бурно аплодировали ему. Однако

ни один номер по требованию публики повторен не был. Вполне одобрительных отзывов прессы не было. Отмечалась хорошая игра артистов (Каменской, Прянишникова, Стравинского), единодушно было негодование по поводу старых затасканных декораций, а о самой опере, вернее о первых двух действиях, в нескольких газетах раздались слабые комплименты («Московские ведомости» 1881, № 50; «Петербургская газета» № 39; «Молва» № 46; «С.-Петербургские ведомости» № 44; «Новое время» № 1784; «Петербургский листок» № 33), в других же были произнесены суровые приговоры. «Как оперное произведение, «Орлеанская дева» только недурна, так как нового слова в ней не сказано» («Биржевые ведомости» 1881, № 123). «Новая опера будет иметь большой и продолжительный успех, но истинные ценители его таланта столь же долгое время будут сожалеть о его измене высоким идеалам искусства» («Русские ведомости» 1881, № 52). «Всякий знает, что нет совершенства на земле, как не может быть и оперы абсолютно прекрасной с начала до конца, с первого до последнего акта, однакоже можно сказать, что талант г. Чайковского во второй половине оперы не удержался на высоте ее начала. Этому обстоятельству порадуются недоброжелатели г. Чайковского, которые со злорадством начнут печаловаться о том, что г. Чайковский исписался, что он слишком много пишет, впадает в банальность, как это уже неоднократно и теперь приходится читать и слышать, но с таким мнением нельзя согласиться... Слабость последних ее актов обусловливается, на мой взгляд, прежде всего разладом между выбранным сюжетом и натурой таланта композитора [лирик не овладел драматическим сюжетом]. Затем можно считаться, если хотите, со спешностью работы, с утомлением (в данную минуту, конечно!) творчества г. Чайковского» («Новое время» 1881, № 1786). «В тематическом отношении последнее произведение г. Чайковского—его слабейшее произведение... В этом отношении трудно узнать в авторе «Орлеанской девы» автора музыки многих красивых и певучих романсов и роскошной увертюры «Ромео и Джульетта». В отношении гармонизации «Орлеанская дева» представляет тоже значительное оскудение фантазии. Г. Чайковский отличный музыкант, и потому все его гармонии в его последней опере приличны и благообразны, но не представляют ни интереса, ни новизны... В оперных формах «Орлеанской девы» видна неуверенность и отсутствие убеждения... Однохарактерность сцен и монотонность музыки позволяют мне быть кратким относительно деталей этой оперы, изумительно выдержанной в своей однообразной посредственности. [Следует резкая оценка деталей и в заключение:] В целом «Орлеанская дева» слабое произведение способного и хорошего музыканта, ординарное, монотонное, скучное, длинное (тянется за полночь), с редкими проблесками более яркой, рельефной музыки, и то представляющей воспоминания из других опер. В нем нового нет ничего, а красивого, производящего впечатление,—мало... Читатели уже знают, что первое представление «Орлеанской девы» сопровождалось небывалым еще у нас успехом. Пусть этот успех продолжается, пусть под его влиянием г. Чайковский воспрянет, пусть он отдохнет от своего торопливого, ремесленного, неустанного творчества, пусть отдых освежит его истощенную фантазию, и тогда, собравшись с новыми силами, пусть он обогатит искусство произведениями, более достойными его таланта» (Ц. Кюи. «Голос» 1881, № 50).

Следующие представления «Орлеанской девы» большим успехом у публики не пользовались. До окончания сезона опера ставилась несколько раз. О постановке «Орлеанской девы» в Мариинском театре см. Ж. Ч., т. II, стр. 451 и сл. и переписку Чайковского с Направником в сборнике «Чайковский». Воспоминания и письма, под редакцией Игоря Глебова. Изд. Госуд. Академич. Филармонии, П. 1924, стр. 123 и сл.

К письму № 338

[1] Убийство Александра II 1 марта в Петербурге.

К письму № 339

[1] Здесь и дальше фон-Мекк, очевидно, имела в виду С. П. фон-Дервиза. Что касается роли В. К. фон-Мекк, то есть основания допустить, что в оценке его действий она не была объективной. По крайней мере, в следующие годы семья Мекк терпела большие убытки именно вследствие его расточительности.

К письму № 341 .

[1] Управляющий имением фон-Мекк в Браилове граф Сципио.

К письму № 342

[1] Из письма к М. И. Чайковскому от 13 марта 1881 г.: «На другой день я выехал из Ниццы... Дорога была для меня адским нравственным мучением. К стыду моему, я должен признаться, что страдал не столько от сознания страшной, невознаградимой потери, сколько от страха увидеть в Париже, в гостинице, да еще в Grand-Hôtel'e, искаженный мучительной болезнью труп бедного Рубинштейна. Я боялся, что не выдержу этого потрясения и что со мной что-нибудь случится, несмотря на усилия воли победить постыдный страх. Как бы то ни было, но в этом отношении страхи мои были напрасны... Одно утешительно, это то, что Н. Гр. ни единого раза не выразил опасения умереть и почти до последней минуты все говорил о будущих своих планах. Он потерял сознание за три часа до смерти и умер без агонии, до того незаметно, что Е. А. Третьякова, руку которой он судорожно хватал, долго не знала, жив он или уж умер. Болезнь его была: т у б е р к у л ы в к и ш к а х. По уверению здешних докторов, посылать его за границу было безумием».

[2] Письмо Чайковского «О последних днях жизни Н. Г. Рубинштейна» напечатано в «Московских ведомостях» № 82. Перепечатано в Ж. Ч., т. II, стр. 463—465.

К письму № 344

[1] Из писем к М. И. и А. И. Чайковским от 17 марта 1881 г.: «В моей жизни происходит теперь крутой переворот, который будет иметь влияние на всю дальнейшую жизнь. Во-первых, смерть Н. Г. имеет для меня большое значение, а во-вторых, Н. Ф. ф о н-М е к к п о ч т и р а з о р е н а. Я слышал об этом еще в Москве и просил ее отвечать откровенно, правда ли это. Из полученного ответа вижу, что правда. Она пишет мне, что получаемая мною сумма н и ч т о ж н а в с р а в н е н и и с е е м и л л и о н н ы м р а з о р е н и е м, и желает продолжать уплату попрежнему, просит, чтобы я и не упоминал об этом, но ты понимаешь, что пенсия эта перестала быть для меня чем-нибудь прочным и верным, и по всей вероятности если не в следующем, то в предбудущем сезоне придется опять потянуть лямку где-нибудь на службе. Все это не весело... При свидании расскажу тебе подробности про мои последние впечатления и в особенности про Ант. Рубинштейна, которого отныне я уже совершенно законно и основательно имею право презирать. Дрянная и пошлая душонка!» «Антон Рубинштейн отныне окончательно потерял в моих глазах всякое право не только на любовь, но и уважение. Трудно передать омерзительное впечатление, произведенное им на меня в течение этих дней. Он не только не убит смертью брата, но как будто очень доволен. Юргенсон, с которым мы по этому поводу говорили, объясняет этот непостижимый факт тем, что Антон всегда завидовал Николаю. В чем? за что? почему? — не

понимаю. Да если и так, то что может быть отвратительнее, как подобная зависть! Ты знаешь, что я всегда высоко ценил Ник. Григ. как деятеля, но не питал к нему (особенно в последнее время) нежной любви как к человеку. Теперь, разумеется, все забыто, кроме его хороших сторон, а их было больше, чем слабых. Я уж и не говорю про его гражданское значение. Просто ужас охватывает при мысли о незаменимости его».

К письму № 352

[1] Александра Филаретовна Воронец.

[2] Письмо это Чайковский получил только в июле. См. письма №№ 378 и 379.

К письму № 353

[1] После смерти Н. Г. Рубинштейна директором Московской консерватории был избран Н. А. Губерт. У многих кандидатура эта вызвала возражения. Некоторые профессора вышли из состава преподавателей (например, Клиндворт), и вообще некоторое время в консерватории чувствовалась большая растерянность. «Господи! один человек сошел с арены, и сколько вместе с ним рушилось», писал Юргенсон Чайковскому. «Губерт, с е в с о в е р ш е н и о н е в с в о и с а н и, и себя уронит, ибо выкажет (несмотря на многие симпатичные качества) всю тряпичность своей натуры, да и консерваторию несомненно уронит!—писал Чайковский Юргенсону.—«Клиндворта нет, и это, что ни говори, о г р о м н а я п о т е р я! Только на одном Т а н е е в е с удовольствием отдыхает моя мысль. Вот в ком вся будущность консерватории» (письма от 5 июня и 10 августа 1881 г.). По поводу предложения вернуться Чайковскому в консерваторию см. «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 70 и сл.

К письму № 354

[1] Г. П. Данилевский, «Каменка» (1821—1825. Эпизод из времен Александра I)—«Русская мысль» 1881, № 1.

[2] Грусть Чайковского по поводу разлуки со слугой А. И. Софроновым выходила за пределы обычного. Тоска, отразившаяся даже на творчестве, достигавшая степени неистового отчаяния, находилась, очевидно, в прямой зависимости от тех особенностей конституции Чайковского, которых мы коснулись в примечаниях к первому тому. Душевное состояние Чайковского того времени особенно ярко отразилось в его письмах к братьям. Он писал Модесту: «Побывав в ресторане Bonciani, я был охвачен такой грустью об Алеше и таким жгучим сознанием о невозвратности прошлого, что уж весь остальной день я промучился нравственно, вечером напился пьян». «С т р а ш н о т о с к у ю п о А л е ш е. Ежедневно плачу вечером. Это обратилось у меня в привычку». «Аккуратно каждый вечер, т. е. в начале ночи, думаю об Алеше, о невозвратности прошлого, и плачу. Это вошло у меня в обычай (сплю отлично)». «Весь сентябрь Алеша будет свободен, и мы с ним съездим пожить в Браилов. Я не могу без слез думать о том, что подобное счастие может осуществиться... Всего более мне бы хотелось пожить у тебя после Браилова, когда Леня уедет опять в Москву и когда наверное я буду погибать от тоски. Вообще Алеша теперь мое больное место. Нисколько не преувеличу, если скажу, что нет секунды дня, когда я бы о нем не думал и не страдал. Даже ночью я только и вижу его во сне и недавно видел умершим» (письма от 20 февраля, 7 мая, 16 мая и 5 июля 1881 г.). В Музее Чайковского сохранилось его письмо к Софронову от 10 мая 1881 г.: «Голубчик мой Леня! Получил сегодня утром твое письмо. Мне и радостно

и грустно было читать его. Радостно потому, что хочу иметь часто известия о тебе, а грустно потому, что письмо твое растравляет мою рану. Если б ты мог знать и видеть, как я тоскую и страдаю оттого, что тебя нет! Вчера ездили в лес, и там нас смочила гроза. Когда я вернулся и вошел переодеться в твою комнату, мне вдруг так живо вспомнилось, как бывало я радовался, возвратившись домой, что вижу твое милое для меня лицо. Мне вспомнилось, как ты бывало бранил меня за то, что испачкаю платье, и так грустно, так грустно стало, что я заплакал как ребенок! Ах, милый, дорогой Леня! Знай, что, если б ты и сто лет остался на службе, я никогда от тебя не отвыкну и всегда буду ждать с нетерпением того счастливого дня, когда ты ко мне вернешься. Ежечасно я об этом думаю! А покамест, голубчик мой, буду ждать сентября, а уж если очень соскучусь, так хоть в Москву приеду. Погода стоит теплая. Но у меня на душе ужасно мрачно и скучно. Поверишь ли, что я даже писать ничего не могу. Все мне постыло, потому что тебя, моего дорогого, нет со мной!»—Из письма к А. И. Чайковскому от 13 мая: «Я очень доволен своим новым слугой Борисом. Он чистоплотен, аккуратен и внимателен. Разумом своим я отдаю ему справедливость, но не могу победить в себе какой-то инстинктивной антипатии к нему, быть может, основанной на том, что он занял Алешино место и ежеминутно невольно растравляет мою рану».

К письму № 355

[1] В 1881 г. еврейские погромы в России впервые приняли массовый характер. Реакционные круги, пользуясь поддержкой царизма, возбуждали русское население против евреев. Начался погром 15 апреля в Елисаветграде, оттуда перекинулся в Одессу, Киевскую, Волынскую, Подольскую губернии и при попустительстве власти продолжался в разных местах до июля. В Жмеринке погром происходил 27 апреля, в Смеле—3 мая. Даже по отчету реакционных «Московских ведомостей» (1881, № 121), пострадали главным образом «бедняки-ремесленники, мелкие торговцы, отставные солдаты».

К письму № 356

[1] Чайковский начал писать «Всенощное бдение». Опыт гармонизации богослужебных песнопений для смешанного хора. Семнадцать песнопений составили ор. 52. В июле 1881 г. работа вчерне была закончена. После перерыва, в январе 1882 г. Чайковский начал переписывать и закончил 7 марта, затем подвергнул исправлению и рукопись подписал 25 ноября 1882 г.

К письму № 362

Основание датировки: дата телеграфного бланка.

К письму № 364

Основание датировки: дата телеграфного бланка.

К письму № 365

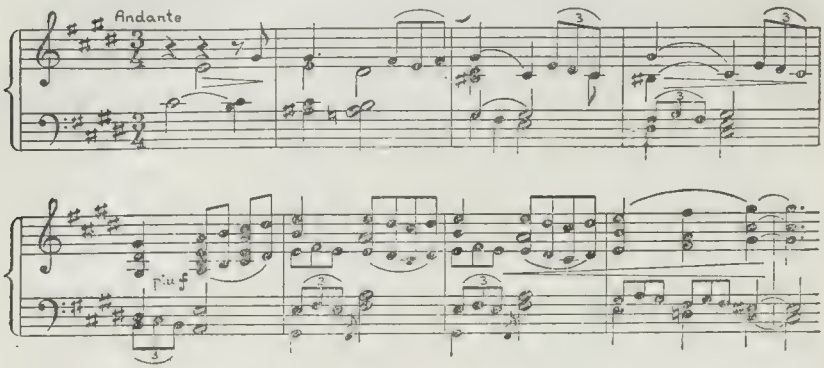
[1] Это письмо фон-Мекк не сохранилось.

К письму № 368

[1] Ниже Чайковский привел текст из Данте, «Божественная комедия» («Ад», песня V):

Nessun maggior dolore che ricordarsi
Del tempo felice nella miseria. *

* Нет большей скорби, чем в нищете
Вспоминать счастливое время.

Этим мотивом Чайковский воспользовался в опере «Мазепа» (третье действие, сцена шестнадцатая, ария Андрея):

К письму № 371

[1] Вероятно, приглашая Л. В. Давыдова в Браилов, фон-Мекк сообщила ему, что видеться с ним лично не будет. См. прим. 2 к письму № 116.

К письму № 373

[1] Никакого вальса, посвященного Artôt, нет. Очевидно, имеется в виду романс f-moll, op. 5.

К письму № 376

Основание датировки: дата телеграфного бланка.

К письму № 378

[1] Opp. 46 и 47. См. прим. 2 к письму № 254 и прим. 1 к письму № 266.

[2] Пожар в Минске был 21 июня 1881 г., продолжался сутки. Выгорело около трети города, главным образом центральные улицы. См. «Новое время» 1881, № 1914 от 28 июня.

К письму № 381

[1] Чайковский предполагал встретиться с Танеевым у Ф. И. Маслова в Селище, Орловской губернии. Встреча не состоялась. Обширная их переписка того времени опубликована в книге «Письма П. И. Чайковского и С. И. Танеева», стр. 66 и сл.

К письму № 385

[1] Второе письмо фон-Мекк (об акциях) не сохранилось.

К письму № 387

Основание датировки: дата телеграфного бланка.

К письму № 391

[1] В то время были изданы первые двадцать «Романсов и песен» Балакирева, изд. Денотkина и Стелловского, Спб. 1858—1865. 1. «Песня разбойника», слова Кольцова; 2. Романс «Обойми, поцелуй», слова Коль-

цова; 3. Баркаролла, слова А. Арсеньева; 4. Колыбельная песня, слова Арсеньева; 5. Романс «Взошел на небо месяц ясный», слова М. Яцевича; 6. Мазурка «Когда беззаботно, дитя, ты резвишься», слова К. В.; 7. Баллада «Рыцарь», слова К. В.; 8. Песня «Мне ли, молодцу разудалому», слова Кольцова; 9. Романс «Так и рвется душа», слова Кольцова; 10. Романс «Приди ко мне», слова Кольцова; 11. «Песня Селима», слова Лермонтова; 12. Романс «Введи меня, о ночь, тайком», слова А. Майкова; 13. «Еврейская мелодия», из Байрона, перев. Лермонтова; 14. Романс «Исступление», слова Кольцова; 15. Романс «Отчего», слова Лермонтова; 16. «Песня золотой рыбки», из поэмы Лермонтова «Мцыри»; 17. «Песня старика», слова Кольцова; 18. Романс «Слышу ли голос твой», слова Лермонтова; 19. «Грузинская песня», слова Пушкина; 20. «Сон», из Гейне, слова М. Михайлова.

К письму № 393

Основание датировки: дата телеграфного бланка.

К письму № 395

Столичные газеты уделяли много места продаже акций Либаво-Роменской железной дороги. В газете «Русь» 1881, № 41 от 22 августа была напечатана статья, посвященная этому вопросу—«совершившемуся, хотя и невероятному факту» продажи акций «синдикату иностранных, собственно еврейских кенигсбергских и берлинских банкиров». Газета упрекала правительство за отказ купить у фон-Мекк эти акции, заявляя, что, передав дорогу немцам, русское правительство собственными руками убивало значение Либавы как порта и подчиняло Россию торговой политике Германии. «Покупка германским правительством Либаво-Роменской дороги это хуже и бесславней для нас всякого поражения на поле битвы».

К письму № 404

[1] В письме от 14 сентября фон-Мекк подробно описывала, как гувернер Гретенер принял кокетство с ним ее дочери Сони за серьезное чувство и «сам влюбился по уши». «Соне это все как с гуся вода, как говорится, а тому, бедному, тоскуется там, в Петербурге».

К письму № 412

[1] Чайковский цитировал письмо к нему брата Модеста от 11 октября 1881 года. М. И. Чайковский писал в этом письме несколько иначе: «На днях я встретился с Надеждой Филаретовной и так обрадовался увидеть ее, что даже вскрикнул (мы шли с Н. Д. [Кондратьевым]). Какая она сделалась старенькая и что за смешной туалет имела! Она шла пешком в большом обществе. Спроси ее, не узнала ли она меня».

К письму № 415

[1] См. прим. к письму № 319.

К письму № 417

Основание датировки: письмо написано в день приезда Чайковского во Флоренцию; дата подтверждается письмом № 418.

К письму № 420

[1] Вторая симфония Чайковского была исполнена в Москве 21 ноября 1881 г. на четвертом Симфоническом собрании. Отзывы см. в «Русские ведомости» 1881, № 315; «Московские ведомости» № 326 и «Современные известия» № 326.

[2] Сведения о предполагавшейся постановке «Орлеанской девы» в Пражском национальном театре Чайковский получил от Направника. См. их переписку в сборнике «Чайковский», II. 1924, стр. 132—137.

К письму № 421

[1] Артистка Кадмина 4 ноября 1881 г. за час до спектакля приняла фосфор. Во время действия почувствовала себя дурно и была отвезена домой. Больше суток продолжалась агония. Под влиянием известия об ее трагической смерти Тургенев написал повесть «Клара Милич». Черты Кадминой нашли отражение в комедии А. С. Суворина «Татьяна Репина». Н. Н. Соловцов-Федоров написал пьесу «Евлалия Рамина».

К письму № 423

[1] См. прим. к письму № 368.

[2] Сарра Бернар выступала в Киеве 20—23 ноября 1881 г. в трех пьесах: «Дама с камелиями» Дюма, «Адриенна Лекуврер» О. Скриба и Э. Легуве и «Фру-Фру» А. Мельяка и М. Галеви. Отзывы «Киевлянина»: «Хорошая актриса, но до гениальности очень далеко... В игре более искусной декламации, нежели действительного чувства... Нет недостатка в шаблонных актерских гримасах, а глаза Сарра Бернар так выворачивает, что видны одни белки... Первый акт кончается, слабые аплодисменты, а из одной ложи летят на сцену заранее приготовленные венки... Если б нам пришлось дать отзыв не о «знаменитости», то мы прямо сказали бы, что артистка «провалила» три акта [в «Адриенне Лекуврер»] и только в последнем произвела впечатление» («Киевлянин» 1881, №№ 256 и 257). После Киева Сарра Бернар гастролировала в Москве и в Петербурге, где имела огромный успех.

К письму № 424

[1] 26 ноября 1881 г. в Венском театре Ringtheater, построенном в 1874 г., перед самым началом действия загорелся занавес. Тотчас же были охвачены пламенем сцена и зрительный зал, свет погас (причина пожара: небрежное обращение с огнем лиц, ведавших освещением). Погибло в огне и давке около девятисот человек. См. «Русские ведомости» 1881, №№ 326 и 327.

К письму № 426

[1] Марески, солист капеллы св. Петра в Риме.

[2] Статья Ганслика в «Neue Freie Presse» 1881, № 6224, написана по поводу исполнения Адольфом Бродским Скрипичного концерта Чайковского 4 декабря/22 ноября 1881 г. в Вене на симфоническом собрании под управлением Ганса Рихтера. Об этом исполнении М. И. Чайковский писал: «По окончании концерта поднялся в зале, по описанию рецензентов и самого Бродского, невероятный шум от энергических одобрений и столь же энергических протестов. Тем не менее, первые одолели, и исполнитель был вызван три раза. Из этого факта было ясно, что шиканье относилось не к нему, а к произведению. И действительно, отзывы прессы оказались крайне неприветливы к последнему. Из десяти рецензий, имеющихся у меня, только две, да и то второстепенных, отнеслись к концерту вполне сочувственно, одна довольно снисходительно и остальные семь, пером самых выдающихся из музыкальных рецензентов,—крайне неодобрительно» (Ж. Ч., т. II, стр. 502). Ганслик писал в своей статье: «Скрипачу А. Бродскому дали плохой совет выступить с этим концертом перед венской публикой. Русский композитор Чайковский, конечно, необычный талант, но форсированный, производящий неудобоваримые, безразборные, безвкусные вещи. Все, что мне из них известно (пожалуй, за исклю-

чением D-dur'ного квартета), есть странная смесь оригинальности и грубости, счастливых мыслей и безотрадной утонченности. Таков же его новейший длинный, претенциозный Скрипичный концерт. Некоторое время он течет музыкально и не без вдохновения, но грубость скоро врывается и не покидает первой части до конца. Скрипка уже не играет, но скребет, дерет, ревет. Можно ли вообще чисто передать эти страшные трудности, не знаю, но, конечно, г. Бродский, пробуя воспроизвести их, замучил нас не менее, чем самого себя. Adagio со своей мягкой славянской тоской снова нас примиряет, покоряет, но оно скоро кончается, уступая место финалу, который нас переносит в грубое, мрачное веселье русского церковно-престольного праздника. Мы видим ясно дикие, пошлые рожи, слышим грубые ругательства и обоняем сивуху. Фридрих Фишер однажды, говоря о чувственной живописи, выразился, что бывают картины, которые «видишь, как воняют». Скрипичный концерт Чайковского приводит нас в первый раз к ужасной мысли: не бывают ли и музыкальные пьесы, которые слышишь, как воняют» (цит. в переводе М. И. Чайковского). Только этот отзыв был известен композитору. По словам М. Чайковского, он всю жизнь его помнил дословно и цитировал наизусть. Сводку других рецензий см. в Ж. Ч., т. II., стр. 503 и сл.

[3] Чайковский начал писать трио для фортепиано, скрипки и виолончели в трех частях. К 6 января 1882 г. были написаны вчерне эскизы, а к 30 января произведение было готово. Летом внесены были некоторые исправления. Посвящено «Памяти великого артиста» [Н. Г. Рубинштейна]. Впервые исполнено в неофициальной обстановке в Московской консерватории в день годовщины смерти Рубинштейна, 2 марта 1882 г., Танеевым, Фитценгагеном и Гржимали. Публично исполнено теми же артистами 18 октября 1882 года. Это единственное трио Чайковского. Об его отношении к этой форме музыкального произведения см. письмо № 303. См. также Н. Д. Кашкин, «Воспоминания о П. И. Чайковском», стр. 131; Ж. Ч., т. II, стр. 548—549.

К письму № 427

[1] В «Московских ведомостях» 1881, № 335 от 3 декабря, приведена выдержка из «Musikalisches Centralblatt» 1881, № 46, по поводу исполнения в Берлине под управлением Бильзе «Бури» Чайковского. Рецензент немецкого журнала писал: «Если музыкальному господству Германии может в области инструментальной музыки угрожать кто-либо, то это будет только Россия. Против ее соперничества необходимо собрать все свои силы».

К письму № 428

[1] Скрипичный концерт был первоначально посвящен Ауэру и с этим посвящением издан. Ауэр не оценил произведения и отказался от своего намерения впервые исполнить его в Петербурге. Впоследствии, в 1881 г., предполагали исполнить его скрипачи Соре и Котек, но по совету Ауэра отказались от этой мысли. Впервые исполнен был концерт Бродским в Вене. Через П. И. Юргенсона Чайковский благодарил Бродского, а со своим приятелем Котеком за его отказ на некоторое время порвал личные отношения. Второе издание концерта вышло с посвящением Бродскому. Впоследствии Ауэр изменил свое мнение о концерте и часто исполнял его. Письма к Юргенсону и А. И Чайковскому о Бродском и Котеке см. в Ж. Ч., т. II, стр. 504—505.

К письму № 430

[1] Вероятно, фон-Мекк ошиблась. Насколько известно, Скрипичный концерт Чайковского был впервые исполнен Бродским в Вене.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Кроме имен, в список включены названия всех упоминаемых музыкальных произведений, а также книг и статей о музыке—под фамилией автора. Имена, упоминаемые только при их произведениях, не аннотированы. Имена, встречающиеся в первом томе, отмечены звездочкой и также не аннотированы. В иностранном указателе сделаны ссылки на русский указатель у тех имен, которые в письмах встречаются на русском и иностранном языках.

Абаза Юлия Федоровна (ум. 1915)—жена министра А. А. Абаза, певица.—17, 65, 336, 595.

Абрамов Абрум—певец (бас), в 1877—1882 гг. артист московского Большого театра.—464, 628—629.

Агриппина Старшая—жена римского императора.—286.

Адлерберг Александр Владимирович (1818—1888)—министр императорского двора.—555, 557.

* *Аксаков* Иван Сергеевич.—549.

Александр I (1777—1825).—506, 526, 634.

* *Александр II*.—90, 259, 273—275, 313, 421, 425, 430, 484, 487—489, 494—495, 506, 609, 617, 633.

* *Александр III*.—537, 588.

Алексеев Николай Александрович (1848—1893)—директор моск. отд. Р.М.О., впоследствии московский городской голова.—451.

Алексей Александрович, вел. кн. (1850—1908)—сын Александра II.—141, 430.

Алопеус Иван Самойлович (1824—1904)—директор Училища правоведения, впоследствии сенатор.—198.

Алфераки Ахиллес Николаевич (р. 1846 г.)—скрипач, композитор-дилетант.—621.

Альбини—псевдоним певицы Любови Ивановны Челюскиной, выступавшей на итальянской сцене.—298, 618.

* *Альбрехт* Константин (Карл) Карлович.—472, 626.

Амвросий (Ключарев) (1821—1901)—епископ дмитровский, викарий московский (1878—1882), впоследствии архиепископ харьковский.—573,

Анненков Павел Васильевич (1812—1887)—историк литературы, редактор сочинений Пушкина.—622.
* *Апраксина* гр. Александра Васильевна.—160, 208.
* *Апухтин* Алексей Николаевич.—624.
Арсеньев—поэт.—637.
Астафьевы—см. Остафьевы.
* *Ауэр* Леопольд Семенович.—79, 298, 322, 590, 605—606, 618, 620, 639.

Байрон лорд Джордж-Ноэль Гордон (1788—1824)—поэт. На его сюжет Чайковский сочинил симфоническую поэму «Манфред» (ор. 58).—372, 637.
* *Балакирев* Милий Алексеевич.—544, 546, 636.
— 20 романсов и песен.—636.
— Романс «Песнь Селима».—546.
— » «Песня золотой рыбки».—546.
* *Барбье* Жюль.—24.
Барцал Антон Иванович (1847—1927)—певец (тенор), в 1878—1903 гг. артист московского Большого театра.—464, 620, 628.
Барятинская кн. Мария Аполлинарьевна (1835—1906), жена отставного капитана кн. В. П. Барятинского.—581.
* *Бах* Иоганн-Христиан.—18, 280—281, 596.
— Gavotte (h-moll) для скрипки.—18, 596.
— Sarabande et bourrée для скрипки.—18.
* *Бахметев* Николай Иванович.—139—140, 142.
Бевиньяни Энрико-Модесто (ум. 1903 г.)—оперный капельмейстер. Много лет управлял итальянской оперой в Петербурге, в 1874—1881 гг. дирижер московского Большого театра.—312—313, 322, 448, 451, 456, 466, 620, 628.
Бегичев Владимир Петрович (1838—1891)—драматург, начальник репертуара московских императорских театров.—459.
* *Бедекер* Карл.—301.
* *Безекирский* Василий Васильевич.—56, 602.
Беккер Жан (1833—1884)—немецкий скрипач. В 1866 г. основал во Флоренции так называемый «Флорентийский квартет», пользовавшийся всемирной известностью (существовал до 1881 г.).—19, 24, 26, 31, 427.
Беннигсен Александр-Левин (1809—1873)—ганноверский министр-президент, двоюродный дед (а не дядя) гр. Н. А. Беннигсена (см.).—131—132.
* *Беннигсен* гр. Александра Карловна—см. Мекк А. К.
Беннигсен гр. Георгий Павлович (Georgy) (р. 1879 г.)—впоследствии офицер л.-гв. Гусарского полка, член Орловской губернской земской управы.—133, 137—138, 587.
Беннигсен гр. Иосиф Карлович (р. 1856 г.)—брат гр. П. А. Беннигсена (см.) от второго брака его матери.—131.
Беннигсен гр. Леонтий Леонтьевич (1745—1826)—генерал от инфантерии, участник войны 1812 года. Происходил из древней ганноверской фамилии. В 1773 г. перешел на русскую службу, в 1813 г. получил графский титул.—132, 137.
Беннигсен гр. Леонтий Павлович (1881—1905)—впоследствии офицер л.-гв. Гусарского полка, внук Н. Ф. фон Мекк. Убит в Цусимском бою. 587.
* *Беннигсен* гр. Павел Александрович —131—132, 137—138, 183—184, 525, 564, 587.

Беннигсен Рудольф (1824—1902)—ганноверский и германский политический деятель, один из видных вождей национал-либеральной партии рейхстага. В Ганновере в 1907 г. ему воздвигнут памятник.—131.

* *Беннигсен* гр. Эммануил Павлович (Манюша).—160, 587.

Берг Н. В., «Польское восстание в 1863—1864 гг.»—«Русская старина» 1879, тт. XXIV—XXVI.—283.

* *Берлиоз* Гектор.—27, 48, 51—52, 54—55, 57, 60—61, 65, 68—69, 248, 250, 253, 255, 257, 261, 265, 299, 584, 602—603.

— Опера «La prise de Troie» (1863).—248, 250, 255, 257, 261.

— Драматическая легенда «Гибель Фауста» («La Damnation de Faust») (1846).—48, 51—52, 54—55, 57, 265, 299, 602.

— Симфония-кантата «Ромео и Юлия» (1839).—265.

— Фантастическая симфония, ор. 14.—60—61, 65, 603.

— Увертюра «Римский карнавал» («Carnaval Romain»), ор. 9 (1843).—27, 584.

Бернар Сарра (1844—1923)—французская трагическая артистка, пользовавшаяся мировой известностью.—581, 583, 638.

* *Бернар* Софья Алексеевна.—410, 419.

Бернини Джованни-Лоренцо (1598—1680)—итальянский архитектор и скульптор.—285, 311—312.

Бертенсон—пианистка.—322.

* *Бессель* Василий Васильевич.—264, 276, 281.

* *Бетховен* ван Людвиг.—18, 57, 63, 76, 160, 169, 171, 173, 282, 301, 382, 405, 439, 584, 618, 621.

— Опера «Фиделио».—621.

— 3-я (героическая) симфония (Es-dur), ор. 55 (1804).—301.

— Увертюра «Леонора».—584, 621.

— Квинтет (C-dur), ор. 29.—18.

— Квартет (Es-dur).—282.

— Трио.—160.

* *Биконсфильд* гр. Бенджамен.—29.

Бильзе—дирижер. Имел в Берлине свой концертный зал, где во время исполнения публика могла пользоваться буфетом (пиво и проч.).—38, 76, 378, 639.

Бисмарк кн. Отто (1815—1898)—германский канцлер.—127—128, 131—132, 177, 611.

Блуменфельд Станислав Михайлович (1850—1897)—пианист. Впоследствии открыл музыкальную школу в Киеве.—410—411.

Бобринский гр. Лев Алексеевич (1831—1915).—481—482.

Бобринский гр. Александр Алексеевич (1823—1903)—помещик, владелец Смелы, Киевской губ., с 1896 г. член Государственного совета.—123, 125, 352, 414, 420.

Богарнэ гр. Зинаида Дмитриевна, рожд. Скобелева (ум. 1899 г.)—жена герцога Е. М. Лейхтенбергского. В 1889 г. получила титул герцогини Лейхтенбергской.—336.

Богданович М. И., «История царствования имп. Александра I и России в его время».—525—526.

Бойков Иван Васильевич.—30, 41, 50, 124, 127, 171, 201, 338—339, 350, 410, 418.

* *Бончиани*.—72, 596, 634.

Бок Густав—владелец музыкально-издательской фирмы, совместно с Эдуардом Боте.—618.

Борис—слуга Чайковского (после призыва на военную службу Софронова).—635.

* *Бородин* Александр Порфирьевич.—252—253, 348, 617, 619.
Бородин А., Кюи Ц., Лядов А., Римский-Корсаков Н., Щербачев Н., «Парафразы» для ф.-п.—252—253, 255, 617.
* *Бортнянский* Дмитрий Степанович.—139, 342, 371, 520, 537, 539, 543, 548, 556, 560—566, 568, 570, 573.
— Хор «Благообразный Иосиф».—342.
— «Херувимская».—342.
Боткин Сергей Петрович (1832—1889)—лейб-медик.—472, 500.
Бочечкаров Николай Львович (ум. 1879 г.)—близкий знакомый Чайковского.—148, 151—152, 173—174, 613.
* *Брамс* Иоганнес.—18, 37, 39—40, 309, 315, 318.
— Венгерские танцы для ф.-п.—309.
— Концерт для скрипки (D-dur), ор. 77.—18, 309, 315, 318.
— Соната для скрипки и ф.-п.—309, 315.
Браницкий гр. Владислав Александрович—помещик Киевской губернии (Белая Церковь), с 1896 г. егермейстер.—124, 128.
* *Брассен* Луи.—602.
* *Брем* Альфред-Эдмунд.—379.
* *Бродский* Адольф.—587, 590—591, 638—639.
* *Брух* Макс, 1-й концерт для скрипки (g-moll), ор. 26.—601.
Брюллов Владимир Александрович (1846—1918)—сын известного архитектора, второй муж А. И. Конради.—315, 326, 332, 355.
Бунге Николай Христианович (1823—1895)—министр финансов.—549.
Буренин Виктор Петрович (1841—1926)—поэт и критик, с конца семидесятых годов влиятельный сотрудник «Нового времени».—36, 599.
Бутаков Иван Иванович (1822—1882)—генерал-адъютант, вице-адмирал.—330.
Бутакова Вера Васильевна (1840—1920)—сестра Л. В. Давыдова, жена И. И. Бутакова. Чайковский посвятил ей ф.-п. пьесы «Воспоминания о Гапсале» (ор. 2) и романс «Усни!» (ор. 57).—81, 133—134, 225, 237, 317, 330.
* *Буш* Мориц, «Граф Бисмарк и его приближенные за время войны с Францией».—127, 177.
* *Бюлов* барон фон Ганс-Гвидо.—24, 35, 38—40, 107, 144—145.
Бюснак В. и *Гастино* О., «L'Assomoir» [по Золя].—50, 67—68, 603—604.
Бюсси—см. Debussy.
Бюссик—см. Debussy.

* *Вагнер* Рихард.—34, 35, 37, 57, 111, 253, 264, 323, 602, 607, 625.
— Опера «Der Fliegende Holländer» [«Летучий Голландец»] (1843).—323.
— «Зигфрид» (1876).—35.
— «Лоэнгрин» (1847).—111.
Васильев Владимир Иванович (1828—1900)—певец (бас), в 1857—1881 гг. артист Мариинского театра.—631.
Васильев Сергей (псевдоним)—см. Флеров С. В.
Васильчиков кн. Борис Александрович (1818—октябрь 1881)—общественный деятель, землевладелец Новгородской губернии.—509.
Васильчикова кн. Мария Николаевна—жена генерал-адъютанта, в то время полковника.—336.
* *Вебер* Карл-Мария.—31, 43, 50, 479, 621.
— Опера «Оберон» (1826).—479.
— » «Фрейшюц» [ор. 77] (1821).—43, 50.

— Опера «Эвриантa» (1823).—31.
* *Велинская* Феодосья Никитишна.—17.
* *Венявский* Генрих Иосифович.—305, 308, 322, 324—325, 327, 329—331, 335.
— Концерт для скрипки (d-moll), ор. 22.—325.
— «Легенда» для скрипки, ор. 17.—325.
Верди Джузеппе.—429.
— Опера «Аида» (1871).—429.
— «Реквием» (1874).—429.
Верни Августа—певица (сопрано), в 1879—1883 гг. артистка московского Большого театра.—463, 466, 620, 628.
Виардо Марианна—дочь Полины Виардо, концертная певица.—62, 66, 69.
Виардо Полина (1821—1910)—певица (меццо-сопрано), пользовавшаяся европейской известностью. Близкий друг И. С. Тургенева.—62, 64—65, 603.
Винчи Матильда—певица (меццо-сопрано), в 1879—1881 гг. артистка московского Большого театра.—463—464, 628.
Виотти Джованни-Батиста (1753—1824)—композитор, автор скрипичных произведений.—18.
— Концерт для скрипки.—18.
Витковский—музыкант-дилетант.—374.
Владимир Александрович вел. кн. (1847—1909)—сын Александра II.—509.
Власов Егор Алексеевич—надворный советник. Убит Ландсбергом (см.).—145, 612.
«*Военные рассказы*»—см. Мещерский.
Волконский кн. Александр Никитич (ум. 1878 г.)—русский посланник в Мадриде.—308.
Воронец А. С.—присяжный поверенный.—527.
* *Воронец* Александра Филаретовна.—322, 503, 529, 634.
Воронцова светл. кн. Мария Васильевна (1819—1895)—жена светл. кн. С. М. Воронцова, сестра кн. А. В. Трубецкого (см.), великосветская «львица», выведенная в «Хаджи Мурате» Толстого.—471.
* *Вьетан* Анри.—322, 618.
— Концерт для скрипки.—322.
Вячеслав Константинович вел. кн. (р. 1862 г., ум. 15 февраля 1879 г.)—младший сын вел. кн. Константина Николаевича.—58, 61.

* *Галли* Анатолий Иванович.—198—199.
Галуппи Вальтазар, по прозвищу Буранелло (1706—1784)—итальянский оперный композитор. В течение нескольких лет жил в Петербурге в качестве придворного композитора и капельмейстера и директора Певческой капеллы. Первый из европейских композиторов, писавших музыку на православные богослужебные тексты.—371.
* *Гамбетта* Леон-Мишель.—142.
* *Гамильтон* леди Евдокия Гавриловна.—483.
Ганзен—балетмейстер Большого театра.—298.
Ганслик Эдуард (1825—1904)—выдающийся немецкий музыкальный критик, профессор Венского университета, руководитель музыкального отдела газеты «Neue Freie Presse», автор многих сочинений по музыке.—586—587, 590, 638—639.
Гартман Лев Николаевич (1850—1913)—народоволец, террорист.—259, 617.

Гверчино Джованни-Франческо (1591—1666)—итальянский живописец.—288.
Гвидо—см. Рени Гвидо.
* *Гейне* Генрих.—637.
* *Гендель* Георг-Фридрих.—621.
Гензельт фон Адольф Львович (1814—1889)—пианист, ф.-п. композитор, педагог. Преподавал в Училище правоведения и в других учебных заведениях.—270, 621.
Герцен Александр Иванович (1812—1870).—263.
* *Гете* Иоганн-Вольфганг.—66, 289, 613.
* *Гилев* Сергей Васильевич.—83, 606, 608.
* *Глинка* Михаил Иванович.—40, 42, 54, 300—301, 369—370, 389, 392, 409, 431, 571, 596, 620—623, 625—626.
— Опера «Жизнь за царя» (1836).—40, 54, 369—370, 596.
— » «Руслан и Людмила» (1842).—571, 622.
— Фантазия «Камаринская», для оркестра (1848).—42, 300, 369—370.
— Испанская увертюра № 1 «Арагонская хота», для оркестра (1845).—301, 431, 620.
— Испанская увертюра № 2 «Ночь в Мадриде», для оркестра (1851).—301, 620.
— «Торжественный польский» [для коронации имп. Александра II], для оркестра (1855).—370.
— «Valse-Fantaisie», для оркестра (1836).—620.
— «Детская полька» для ф.-п. (1854).—370.
— «Записки».—369—370, 389, 392, 623, 626.
Гнедич Николай Иванович (1784—1833)—поэт.—415, 626.
* *Гольдмарк* Карл.—27, 31—34, 36—37, 51, 112, 283, 308—310, 591, 599.
— Опера «La reine de Saba» [«Die Königin von Saba»] (1875).—27, 32—34, 36—37, 51, 283, 599.
— Симфония «Ländliche Hochzeit» (Es-dur), op. 26.—27, 31—32, 591.
— Квинтет.—309.
— 1-й концерт для скрипки (a-moll), op. 28.—112.
Горчаков кн. Александр Михайлович (1798—1883)—государственный канцлер.—541.
Горчаков кн. Константин Александрович (р. 1841 г.)—шталмейстер, сын кн. А. М. Горчакова (см.).—541—543, 548.
Гофман Генрих (1842—1902)—немецкий композитор. Имеется в виду его опера «Арминий» (1877).—51.
Греви Жюль (1807—1891)—французский государственный деятель, в 1879 г. президент республики.—265.
Гретенер Ксаверий—гувернер детей Мекк.—557, 637.
* *Грэзимали* Иван Войцехович.—93, 293, 639.
Григ Эдвард (1843—1907)—норвежский композитор. Чайковский посвятил ему увертюру-фантазию для оркестра «Гамлет» (ор. 67).—27, 32—34.
Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899)—писатель.—622.
Гроссман Людвиг, опера «Тень воеводы» (шла в Мариинском театре в 1877—1878 гг.).—337.
* *Губерт* Александра Ивановна.—298.
* *Губерт* Николай Альбертович.—293, 296, 301—302, 309, 360, 634.
«*Гугеноты*» опера—см. Мейербер.
* *Гуно* Шарль.—13, 34, 55, 618.

— Опера «Фауст» (1859).—13, 55.
* *Давыдов* Василий Львович.—234, 413—414, 506, 523, 616.
* *Давыдов* Владимир Львович.—59—60, 105, 157, 172, 175, 341, 349, 359, 402—403, 408, 464—465, 560, 572, 613.
* *Давыдов* Дмитрий Львович.—124—126, 163, 172, 175, 402—403, 408, 534, 538, 540, 545, 560, 572, 613.
* *Давыдов* (Давидов) Карл Юльевич.—32, 306, 308, 316, 583—584, 590, 619.
* *Давыдов* Лев Васильевич.—81, 93, 98—100, 102—103, 110, 113, 120—121, 123—126, 130, 138—139, 141, 145—146, 155—159, 185, 216, 222, 230, 232—233, 286, 294—295, 308, 344—346, 355—357, 359—361, 365, 376, 386, 394, 400, 402—406, 408, 411—415, 419, 424, 428, 437, 440, 458, 460—462, 464—465, 470—471, 476, 479, 496—499, 501—503, 505—506, 508, 511—512, 514—527, 531—534, 536—541, 544—545, 547, 549, 552—553, 556, 560—561, 563, 568—570, 581, 610, 615, 623, 636.
Давыдов Лев Петрович—сын Петра Львовича Давыдова, гофмейстер, двоюродный брат Л. В. Давыдова.—341, 345, 400, 405.
* *Давыдов* Николай Васильевич.—414—415, 547.
Давыдов Петр Васильевич (1825—1912)—брат Л. В. Давыдова, отставной гвардии поручик.—414—415.
* *Давыдов* Юрий Львович.—58—60, 104—105, 121, 157, 162—165, 182, 226, 235, 341, 349, 355, 357, 360, 404—405, 412, 462, 464—465, 505, 545, 560, 613.
* *Давыдова* Александра Ивановна.—100, 157—158, 233—234, 344, 346, 357, 414—415, 506, 526, 536, 563.
* *Давыдова* Александра Ильинишна.—14, 16, 58, 61, 81—82, 93, 95, 98—101, 103, 113—114, 121—122, 125, 133—135, 138, 145—148, 151—153, 155—160, 162—166, 170, 172, 175, 182, 184—189, 200, 206, 209, 211, 216—218, 223, 225, 230, 238—239, 241, 249—250, 271—272, 283, 286—287, 290—291, 294—295, 306, 308, 317—318, 320, 340—345, 349, 355—360, 362, 364—365, 375—376, 394, 396, 400, 402—405, 408, 411, 415, 424—425, 427—431, 437, 440, 442—443, 460—462, 464—465, 478, 497—502, 504—505, 509—534, 536—541, 543—550, 557, 559—561, 563, 568—570, 572—573, 575, 581, 583, 589—590, 613, 615.
* *Давыдова* Анна Львовна.—88, 125, 153, 158—159, 161—162, 172, 211, 520, 545, 560, 566, 573, 615.
* *Давыдова* Вера Львовна.—16, 58, 60—61, 98, 124, 125—126, 159, 235, 308, 341, 343, 426—427, 432—433, 437, 441—442, 461—462, 464—465, 476, 545, 560, 563, 566—569, 572—573, 575, 582, 584.
* *Давыдова* Наталья Львовна.—124—126, 153, 155, 158, 163—164, 170, 172, 179, 183—191, 195, 200, 206—207, 209—211, 214, 216—218, 221—222, 230, 235—236, 241, 249, 283, 308, 341, 343, 394, 505, 508, 534, 538—540, 545, 560, 572—573, 615—616.
* *Давыдова* Татьяна Львовна.—14, 16, 58, 60—61, 98—99, 175, 182, 225, 230, 235, 250, 271—272, 282—283, 286—287, 290—291, 294—295, 306, 308, 317, 341—342, 355, 357, 362—363, 375—376, 396—397, 403—404, 415, 424, 426—428, 430, 432—433, 437, 441, 461—462, 464—465, 469, 471, 476, 478, 497, 499, 502—504, 508, 511—514, 517—523, 531—537, 545, 549—550, 554, 559—560, 563, 568, 581, 583, 622.
Дамрош Леопольд (1832—1885)—скрипач и дирижер, основатель Нью-йоркского симфонического общества.—591.
Данджери—итальянская оперная певица; гастролировала в России.—445.

Данилевский Григорий Петрович (1829—1890)—беллетрист, автор многих исторических романов.—141, 506, 523, 634.

* *Данильченко* Петр Антонович.—93, 124, 130, 133, 138, 142, 145, 149, 152, 304, 421, 426—427, 431, 436, 442, 474, 478, 620.

* *Данте* Алигьери.—635.

* *Даргомыжский* Александр Сергеевич.—409, 621—622, 625.

— Опера «Русалка» (1855).—622.

— «Вакхическая песня».—622.

Декресченцо—пианист.—322, 620.

Деннери и *Фурнье*, мелодрама «Paillasse».—275.

Деноткин Василий—музыкальный издатель, имевший фирму в 1850 гг. Его преемник Стелловский (см.).—636.

Дервиз фон Варвара Павловна (1865—1881)—дочь П. Г. фон Дервиза (см.). В память ее в Москве была учреждена родителями женская гимназия.—519.

Дервиз фон Иван Григорьевич (1839—1891)—председатель правления Рязано-Уральской железной дороги.—58, 163, 175, 511, 519.

* *Дервиз* фон Павел Григорьевич.—426, 519, 627.

Дервиз фон Сергей Павлович—сын П. Г. фон Дервиза (см.)—крупный капиталист, владелец железнодорожных акций.—485—488, 495—496, 633.

Диккенс Чарльз (1812—1870).—26, 177, 386, 596.

Долгорукова кн. Екатерина Михайловна (1847—1922)—фрейлина, с 6 июля 1880 г. морганатическая жена Александра II, 5 декабря 1880 г. получившая титул светл. кн. Юрьевской (в память предков Романовых Юрьевых).—421, 425, 430.

* *Доменикино.*—290.

«*Дон-Жуан*», опера—см. Моцарт.

* *Доор* Антон.—15.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881).—59, 61—62, 177, 602—603, 622.

Дрентельн Александр Романович (1820—1888)—в 1878—1888 гг. шеф жандармов, начальник III отделения.—617.

Дьяговченко—фотограф в Москве.—140.

Дюма Александр (сын) (1824—1895).—54, 638.

Екатерина Михайловна вел. кн. (1827—1894)—дочь вел. кн. Михаила Павловича. Ее дочь принцесса Мекленбург-Стрелицкая (см.).—336, 509.

* *Елена Павловна* вел. кн.—595.

Есипова Анна Николаевна (1851—1914)—выдающаяся пианистка, с 1893 г. профессор Петербургской консерватории.—374.

* *Ефим*—кучер Мекк.—107, 114, 116—118, 168, 171—172, 174, 181—183, 186, 201, 205, 366, 380, 386—387.

Жегин Николай Тимофеевич (р. 1873 г.)—директор Дома-музея Чайковского, соредактор настоящего издания.—595.

Жедринский Владимир Александрович (1851—1892)—товарищ прокурора Петербургского окружного суда.—384.

«*Жизнь за царя*», опера—см. Глинка.

«*Жоконда*» [«Джиоконда»], опера—см. Ponchielli.

Жуковская Александра Васильевна (1842—1899)—дочь поэта. Будучи фрейлиной, вышла замуж за вел. кн. Алексея Александровича, но брак был признан незаконным. В 1875 г. вторым браком вышла за бар.

Генриха фон Вёрман (р. 1849 г.). Сын ее бар. Седжиани (см.).—141, 144, 430.

* *Жуковский* Василий Андреевич.—141.

Зак А.—директор Петербургского учетного и ссудного банка.—549.

Захарьин Григорий Антонович (1829—1897)—врач, известный терапевт.—490.

Зике Карл Карлович (1850—1890)—профессор теории в Московской и Петербургской консерваториях, дирижер.—577.

Зилоти Александр Ильич (р. 1863 г.).—пианист, дирижер. В 1881 г. окончил Московскую консерваторию с золотой медалью (ученик Н. Г. Рубинштейна, Танеева, Чайковского). В течение нескольких лет совершенствовался под руководством Листа. С большим успехом выступал на концертах в Европе и в Америке, где пропагандировал русскую музыку, особенно произведения Чайковского. Впоследствии был близко знаком с Чайковским, который посвятил ему ф.-п. пьесу «Скерцо-фантазия» (ор. 72).—314, 322, 620.

* *Зильберштейн* Моисей Иоакимович.—32—33, 598, 606.

* *Зола* Эмиль.—67—69, 184, 603—604.

Иван—кучер Мекк.—186.

Иван Васильев—см. Бойков П. В.

* *Иван Иванович*—слуга Мекк.—117—118, 120, 141, 207—216.

* *Игнатьев* гр. Николай Павлович—с мая 1881 г. по май 1882 г. министр внутренних дел.—588.

Икскуль бар. Варвара Ивановна (р. 1850 г.)—жена русского посла в Риме.—289—290, 483.

* *Иоахим* Иосиф.—14, 18, 309, 378.

Иолшин Александр Александрович (ум. 1929 г.)—муж дочери Н. Ф. фон Мекк.—183—184.

Иолшина Елизавета Карловна—см. Мекк Е. К.

Иолшина—мать зятя Н. Ф. фон Мекк.—184.

Исаков Василий Николаевич (ум. 1912 г.)—певец-дилетант, сын Н. В. Исакова (см.).—621.

Исаков Николай Васильевич (1821—1891)—генерал-адъютант, главный начальник военно-учебных заведений.—336.

Истуд—гувернантка детей Давыдовых.—157—158, 187, 358.

«*История русской церковной музыки*»—см. Разумовский Д.

К. В.—поэт.—637.

Кадмина Евлалия Павловна (1853—1881)—певица (контральто), в 1875—1876 гг. артистка Мариинского театра, в 1880 г. перешла в драматическую труппу в Харьков. Чайковский посвятил ей романс «Страшная минута» (ор. 28).—578—579, 582, 638.

«*Камаринская*»—см. Глинка.

Каменская Мария Даниловна (1852—1925)—оперная певица (меццо-сопрано), в 1874—1886 и 1891—1906 гг. артистка Мариинского театра (исполняла роли Жанны д'Арк в «Орлеанской деве», Морозовой в «Опричнике» и Няни в «Евгении Онегине»). Чайковский посвятил ей романс «Песнь Миньоны» (ор. 25).—381, 389, 453, 473, 475, 477—479, 559, 564, 622, 631—632.

* *Канова* Антонио.—289—290.

Капнист гр. Павел Алексеевич (1842—1904)—сначала чиновник судебного ведомства, в 1880—1895 гг. попечитель Московского учебного округа, потом сенатор.—330, 336.

Каракалла (186—217)—римский император.—286.

Карнович Е. П., «Очерки и рассказы из старинного быта Польши», Спб. 1873.—111—112.

Карякин Михаил Михайлович (1850—1897)—певец, с 1878 г. артист Мариинского театра.—631.

Кассаньяк Бернар (1806—1880)—член французского парламента, бонапартист, издатель реакционных газет.—142.

* *Катков* Михаил Никифорович.—588—589.

* *Кашкин* Николай Дмитриевич.—135, 606, 608, 616, 639.

Киджи дон Флавио (1810—?)—католический архиепископ, с 1873 г. кардинал.—585.

Клемм—генерал, дилетант-музыкант.—457.

* *Климентова-Муромцева* Мария Николаевна.—83—84, 363, 445, 449, 606, 620, 622, 627.

* *Клиндворт* Карл.—634.

Кокорев Василий Алексеевич (1817—1889)—крупный капиталист, (владелец гостиницы в Москве).—217.

* *Колонн* Эдуард.—56—57, 70, 144—145, 216, 222—223, 226—229, 233, 235, 238, 243, 248, 253—255, 258—259, 267, 296—299, 303—304, 308—309, 314, 316—317, 320—321, 324, 441, 447, 605, 612, 616.

Кольцов Алексей Васильевич (1808—1842)—поэт.—637—638.

* *Кондратьев* Николай Дмитриевич.—114, 142—143, 145—150, 173—174, 180, 384, 481, 566, 585, 637.

* *Кони* Анатолий Федорович.—612.

* *Конради* Алина Ивановна.—20, 143, 145, 242, 315, 326, 332—333, 355—356, 412, 584.

* *Конради* Вера Германовна.—271—272.

* *Конради* Герман Карлович.—20, 142—143, 145, 200, 219, 315, 326, 333, 342, 355, 433, 478, 509—511, 542.

* *Конради* Николай Германович.—20, 88, 90, 96, 142—143, 151, 219—220, 223, 240—243, 247, 256—257, 272, 274, 277, 284—286, 290, 295, 298, 301—302, 308—309, 312, 315, 319—320, 323, 326, 332—333, 336, 344—346, 355—358, 405—406, 412, 417, 433, 442, 480—481, 502, 509, 539, 542, 573, 576, 584.

Константин Константинович вел. кн. (1858—1915)—поэт (К. Р.), пианист-дилетант, с 1889 г. президент Академии наук. Был в переписке с Чайковским.—17, 330, 336, 481—482, 487.

* *Константин Николаевич* вел. кн.—129, 133, 145, 211, 327—330, 334—335, 337, 560, 563, 568, 575, 584, 611.

* *Корреджио* (Антонио Аллегри).—310.

* *Котек* Иосиф Иосифович.—182, 196, 590, 610, 639.

Кочетова Зоя Разумниковна (1857—1892)—певица (сопрано), в 1879—1883 гг. артистка московского Большого театра.—602.

Кочубей кн. Михаил Викторович (1816—1874)—подольский губернский предводитель дворянства. После его смерти имениями владели трое его сыновей.—141.

Кошкаров—помещик Орловской (?) губернии.—272, 283, 286, 355.

Краусс Габриела (1842—1906)—оперная певица (сопрано), примадонна парижской Большой оперы.—50.

Крестовский В.—см. Хвощинская-Заионч ковская.

Крутикова Александра Павловна (1851—1919)—певица (меццо-сопрано), в 1872—1876 и 1880—1901 гг. артистка московского Большого театра. Чайковский посвятил ей два романса: «Примирение» (ор. 25) и «Лишь ты один» (ор. 57).—463, 628.

Крылов Иван Андреевич (1768—1844)—баснописец.—264.
Куинджи Архип Иванович (1842—1910)—художник-пейзажист.—470, 631.
Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868)—драматург и беллетрист.—370.
* *Кюи* Цезарь Антонович.—252, 264—265, 267, 348, 429, 468, 617, 619, 630—631.
— Опера «Анджело» (1876).—429.
— » «Вильям Ратклиф» (1868).—265, 267.
Кюстер (Кистер) бар. Карл Карлович—статс-секретарь, управляющий контролем и кассой министерства императорского двора. Заведывал также императорскими театрами.—475.

* *Лавровская* Елизавета Андреевна.—17, 332, 334, 621.
«Лакомый кусочек», комедия (автор не установлен).—391.
* *Лало* Эдуард.—618.
* *Лангер* Эдуард Леонтьевич.—621.
Ландсберг фон Карл Христофорович—гвардейский офицер, убийца Е. А. Власова (см.).—145, 612.
* *Ларош* Александра Федоровна.—396.
* *Ларош* Герман Августович.—19, 27, 310, 396, 586, 596, 607, 620, 625.
* *Лахнер* Франц.—61, 66.
— Сюита.—61, 66.
* *Лев XIII* (Джоакино Печчи).—579—580.
Левис Лидия Карловна—см. Мекк Л. К.
Левис Максимилиан Федорович.—138.
* *Левис* Фредерик (Федор).—141, 183—184, 408.
Левис—мать Ф. Левиса.—184.
Левицкая Александра Николаевна (р. 1858 г.)—певица (меццо-сопрано), по окончании Московской консерватории (1880), в 1883—1884 гг. артистка частной оперы, впоследствии преподавательница пения. С 1885 г. жена писателя Амфитеатрова.—606, 608.
Лейхтенбергский герцог Евгений Максимилианович (1847—1901). Жена его имела титул гр. Богарнэ (см.).—336.
* *Леон*—слуга Мекк в Браилове.—118, 166, 172, 174, 176, 178, 182—183, 200—201, 205, 366, 384, 614.
Леонтий—см. Леон.
* *Лермонтов* Михаил Юрьевич.—637.
* *Лист* Франц.—71, 180, 252—253, 264, 310, 314, 322, 326, 374, 578, 612, 617, 621, 625.
—Фантазия на венгерские народные мотивы, для ф.-п. с оркестром.—322.
— Полонез из оперы «Евгений Онегин» Чайковского. Транскрипция для ф.-п. (1879).—326, 621.
— Этюд, для ф.-п.—180.
— Книга «Frédéric Chopin».—71.
Литке гр. Амалия Васильевна, рожд. Шоберт (ум. 1912 г.)—жена гр. Н. Ф. Литке, двоюродная сестра П. И. Чайковского.—336, 575, 624.
Литке гр. Николай Федорович (ум. 1887 г.)—чиновник особых поручений департамента уделов, муж гр. А. В. Литке (см.).—336.
Литке гр. Федор Петрович (1797—1882)—генерал-адъютант, адмирал, президент Академии наук, отец гр. Н. Ф. Литке (см.).—336.

Литольф Генри, концерт для ф.-п. с оркестром (d-moll) (отзыв Чайковского 1874 г. см. в его «Музыкальных фельетонах и заметках», М. 1898, стр. 222—224).—322.

Личков—управляющий имением фон Мекк.—110, 112.

Лодий Петр Андреевич (1852—1921)—певец (лирический тенор), в 1878—1880 гг. артист петербургской оперы, впоследствии педагог.—17.

Лопухин-Демидов светл. кн. Николай Петрович (1836—1910)—свитский генерал, землевладелец Киевской губернии.—509.

Лукашевич Николай Александрович—член дирекции императорских театров, начальник репертуара, гардеробной и декораций.—473, 475.

* *Лукка* Паулина.—19.

Львов Алексей Федорович (1798—1870)—в 1837—1861 гг. директор придворной Певческой капеллы, автор ряда духовных произведений для православного богослужения.—140.

Мазурин Митрофан Сергеевич (1834—1880)—фабрикант, директор Реутовской мануфактуры.—450, 455.

Мазурина Надежда Митрофановна (ум. 1911 г.)—пианистка, впоследствии жена А. А. Брандукова.—446—447, 450—451, 454—455, 467, 469, 478, 497, 500.

Майборода Владимир Яковлевич (1854—1917)—певец (бас), с 1880 г. артист Мариинского театра.—631.

Майков Аполлон Николаевич (1821—1897)—поэт. На его слова Чайковский сочинил кантату «Москва» и три романса: «Колыбельная песня», «Пойми хоть раз» и «Новогреческая песня» (ор. 16).—637.

Макарова Мария Александровна—певица (сопрано), в 1879—1882 гг. артистка Мариинского театра.—381, 389, 453, 473, 559, 564.

Мансуров Павел Борисович (1795—188?)—гвардейский офицер, представитель петербургской «золотой» молодежи, приятель Пушкина.—415, 626.

Маресски—солист Капеллы св. Петра в Риме.—585, 638.

* *Мария Федоровна*, жена Александра III.—334.

Марк Аврелий (121—180)—римский император.—286.

* *Марсель Карлович*.—95, 104, 107—108, 110, 113—115, 117, 122, 129, 166, 177—178, 205, 365—366, 368, 372, 379, 384, 386—387.

«*Марта*» опера—см. Флотов Ф.

Мартынов А. А., «Москва». Подробное историческое и археологическое описание города. М. 1865, 2-е изд. 1875.—372.

Маслов Федор Иванович (1840—1915)—товарищ Чайковского по Училищу правоведения, судебный деятель, помещик Орловской губернии.—533, 636.

Махалов Василий Васильевич—певец (бас), в 1885—1886 гг. артист Мариинского театра.—606.

Медведев—певец.—83.

* *Мейербер* Джакомо.—282, 381, 392.

— Опера «Гугеноты» (1836).—282.

— » «Роберт-дьявол» (1831).—392.

* *Мекк* Александр Карлович.—13, 17, 20, 82, 130, 138, 170—171, 173, 179—180, 185—186, 188—190, 194, 197, 200, 214, 217, 222, 244—245, 247—248, 261, 271—272, 285, 293, 310, 340, 343—344, 361, 374, 380, 389, 412, 459—460, 488—489, 492, 500, 507, 510, 518, 522, 524—525, 527, 531, 533, 541, 543—545, 547—548, 556—558, 561—562, 582—583, 587, 590.

* *Мекк* Александра Карловна, в замужестве гр. Беннигсен.—109, 114, 130, 133, 138, 160, 183—184, 519, 527, 552—554, 562, 564, 587.

* *Мекк* Владимир Владимирович (Воличка).—56, 438, 460, 464, 577—578, 580, 582.

* *Мекк* Владимир Карлович.—56, 137—138, 145, 184—185, 244—245, 248, 337, 380, 460, 464, 478, 482, 485—486, 488—489, 494—496, 501, 508, 511, 519, 527, 541, 548, 569, 577, 633.

* *Мекк* Елизавета Карловна, в замужестве Иолшина.—183—184.

Мекк Елизавета Михайловна, рожд. Попова (1861—1892)—жена В. К. Мекк.—56, 184, 244, 246, 460, 577—578, 582.

* *Мекк* Карл Оттонович (Федорович).—30, 129, 131, 184, 354, 441, 485—486.

* *Мекк* Лидия Карловна, в замужестве Левис.—37, 100, 133, 138, 141, 183—185, 408.

* *Мекк* Людмила Карловна.—14, 17, 30, 34, 55, 60, 74—75, 90, 96, 101, 105, 111, 119—120, 122, 127, 130, 141—142, 151, 160, 169—171, 174—176, 181, 185—186, 193—194, 205, 211, 227, 265, 282, 296, 312, 340, 343, 350, 374, 378—379, 389, 436, 501, 507, 523, 524, 614.

* *Мекк* Максимилиан Карлович.—170, 412, 417, 475, 587, 590.

* *Мекк* Михаил Карлович.—412, 587, 590.

* *Мекк* Николай Карлович.—13, 17, 20, 82, 130, 138, 173, 179—180, 184—186, 188, 190, 194—195, 197, 214, 216—217, 221—222, 230, 235—236, 244—245, 247—248, 261, 266, 271—272, 285, 293, 310, 340, 343—344, 361, 389, 394, 427, 437, 474, 489, 492, 500, 508, 516, 519, 522, 525, 527, 529—531, 533, 541, 543—544, 547—548, 552, 559, 564, 566, 569—570, 573, 582—583, 587, 590, 615—616.

* *Мекк* Софья Карловна.—120, 170, 185, 194, 230, 340, 351, 354, 378, 389, 501, 524, 557, 560, 637.

* *Мекк* Юлия Карловна.—25, 27, 30, 34, 74—75, 90, 96, 101, 119, 122, 124, 127, 130, 138, 141, 144, 149, 151—152, 154, 160, 170—171, 177, 185, 189, 194, 198—199, 205, 211, 224, 227, 230, 232, 241, 245, 251, 254, 257, 261, 265, 282, 287, 294, 310, 312, 340, 344, 350, 352, 374, 376, 378, 389, 392, 399, 401, 419, 429, 436, 459—460, 471, 488, 507, 522, 529, 561, 590.

Мекленбург-Стрелицкая принцесса Елена Георгиевна (р. 1857 г.)—жена принца Саксен-Альтенбургского, впоследствии председательница Р. М. О.—336.

Мельников Иван Александрович (1832—1906)—певец (баритон), в 1867—1891 гг. артист Мариинского театра. Чайковский посвятил ему романс «Я с нею никогда не говорил» (ор. 25) и Три хора (a capella)—бесплатному хоровому классу И. А. Мельникова.—622.

Мельяк А. и *Галеви* М., пьеса «Фру-Фру».—638.

— Пьеса «La femme à Papa».—266.

Мендельсон—банкирский дом.—80—81.

* *Мендельсон-Бартольди* Феликс.—427, 432, 439, 584, 604, 625,

— 4-я (итальянская) симфония (A-dur), ор. 90.—584.

— 5-я (реформационная) симфония (d-moll), ор. 107.—604.

— 2-е ф.-п. трио (c-moll), ор. 66.—427.

Мержеевский Иван Павлович (1838—1908)—психиатр, директор клиники душевных болезней в Петербурге.—240—242, 256.

Мессер Юрий — преподаватель Московской консерватории, автор нескольких ф.-п. произведений и автор транскрипций арии и ариозо Ленского из «Евгения Онегина» для скрипки с ф.-п.—147, 181—182, 196, 198, 211, 218, 615.

Меттерних кн. Клемент-Венцель (1773—1859)—австрийский государственный деятель, реакционер. Его автобиография издана на французском языке в 1879 г.—312.

Мещерский, «Сборник военных рассказов, составленных офицерами—участниками войны 1877—1878», тт. I—II. Изд. кн. В. Мещерского, Спб, 1878, 1879. «Посвящается славным мертвым и славным живым христолюбивого воинства».—24—25, 28—29, 152—153.

* *Микель Анджело.*—284, 288, 300—301, 311.

Милюкова—сестра жены Чайковского.—609.

Милюкова Ольга—мать жены Чайковского.—353, 376, 624.

Минкус Людвиг, балет «Зорайя, или Мавританка в Испании».—473, 631.

Мирский Леон Филиппович (1858—1919?)—террорист.—261, 617.

Михаил—слуга Мекк в Симаках.—205.

* *Михаил Николаевич* вел. кн.—509.

Михайлов Михаил Ларионович (1826—1865)—писатель.—637.

* *Мицкевич* Адам.—314, 529—530, 624—625.

Моисей—легендарный вождь еврейского народа.—311.

Мольер Жан-Батист, комедия «Le mariage forcé».—53.

* *Моцарт* Вольфганг-Амедей.—66, 263, 266, 288, 298, 300, 370, 382, 405—406, 409, 412—413, 546, 618, 621.

— Опера «Волшебная флейта» («Zauberflöte») (1791).—266, 405.

— «Дон-Жуан» (1787).—54, 405.

Моцарт Леопольд (1719—1787)—немецкий композитор, скрипач и педагог, отец В.-А. Моцарта.—570.

Мошковский Мориц (1854—1925)—польский композитор, пианист. Концертировал в Варшаве, в Германии и Франции.—374, 378—379.

— Симфоническая поэма «Иоанна д'Арк», ор. 19.—378—379.

Муравьев Николай Валерианович (1850—1908)—в то время товарищ прокурора Петербургской судебной палаты, с 1894 г. министр юстиции.—204.

Мурильо Бартоломе-Эстебан (1617—1682)—испанский живописец, глава севильской школы.—191.

* *Мусоргский* Модест Петрович.—265, 267, 348.

Мюрат принц Ахилл (1847—1895).—509.

* *Наполеон I.*—137.

Наполеон-Евгений-Людовик-Жан-Жозеф (принц Лулу) (1856—1879)—сын императора Наполеона III.—141—142, 612.

* *Направник* Эдуард Францевич.—211, 327—330, 442, 448, 452—453, 455—456, 470, 472—475, 543, 583—584, 619, 621, 630—632, 638.

Нерон (37—68)—римский император.—286.

Николай Николаевич вел. кн. (1831—1891)—сын Николая I.—258.

Никулина К., «Специалист».—53, 55, 602.

Норова Ольга Николаевна—дочь кн. Н. Д. Волконского (1801—1864), жена рязанского предводителя дворянства камер-юнкера Д. П. Норова.—209, 241, 249—250.

Носковский Сигизмунд (1846—1909)—польский композитор, дирижер Варшавского музыкального общества.—374, 379, 385.

— «Cracoviennes» для ф.-п. (1877).—374.

Ожье Эмиль, комедии «Les Fourchambault», «Le gendre de Mr. Poirier».—53, 55, 65, 255.

Оллендорф, «Самоучитель французского языка».—26, 57.

Ольденбургская принцесса Евгения Максимилиановна (1845—1925)—жена принца А. П. Ольденбургского.—509.

Ольденбургский принц Петр Георгиевич (1812—1881)—попечитель Училища правоведения.—262.

Ольховская Евгения Евгеньевна—племянница Чайковского.—223, 230.
Ольховская Зинаида Ильинишна—см. Чайковская З. И.
Ольховская Мария Евгеньевна—племянница Чайковского.—223, 230.
Остафьевы—нижегородские помещики.—343—345.
* *Островский* Александр Николаевич.—262—263, 622.

Пабст Павел Августович (1854—1897)—пианист, композитор, профессор Московской консерватории. Чайковский посвятил ему «Pollaca de Concert» для ф.-п. (ор. 72).—326, 621.
—«Paraphrase de Concert sur l'opéra „Eugen Onegin"», op. 81.—326, 621.
Павел Александрович вел. кн. (1860—1919)—младший сын Александра II.—481.
Паганини Никколо (1782—1840)—скрипач-виртуоз, композитор.—618.
* *Паделу* (Падлу) Жюль-Этьен.—42, 56, 60—61, 65—66, 243, 248, 250, 255, 257, 265, 441.
Палестрина Джованни Пьерлуиджи (1515 ?—1594)—католический церковный композитор.—580.
* *Панаева* Александра Валерьяновна.—17, 24, 84, 555, 557, 595, 621, 624.
* *Папендик-Эйхенвальд* Ида Ивановна.—327, 621.
Пассек Т. П., «Из дальних лет», Спб. 1878 (последнее изд. «Academie» 1931).—254, 256, 258, 263, 275—276, 283.
* *Патти* Аделина.—595.
Пахульский Альберт—лесничий, помощник начальника участка Либаво-Роменской железной дороги, впоследствии управляющий имением Мекк, Плещеево, Московской губернии; отец В. А. Пахульского.—350, 352.
* *Пахульский* Владислав Альбертович.—14—15, 19, 30, 34—35, 39, 42, 44—45, 47—49, 51, 54, 56—57, 60, 66, 68, 73, 87, 90, 93, 96, 101, 119, 121—122, 124, 126—127, 130, 138, 141—142, 144—145, 149—152, 160, 165—166, 169, 171, 175—176, 179—180, 192, 198—200, 202—205, 207, 211—212, 227—229, 232—233, 235, 238, 241, 243, 246—247, 251, 253—255, 257, 259, 261, 266—267, 275, 279, 282—283, 287, 293—294, 296, 298, 301—302, 308—309, 312, 318, 322, 327, 331, 333—335, 337—338, 341, 343, 350, 352, 358, 365, 374, 378, 380, 389—390, 397, 416—417, 421, 427, 431, 436, 459, 471, 478, 501, 507, 510, 524—525, 528—529, 542, 553—557, 561, 572—573, 602, 621—622.
— Соната.—257, 259.
— Marche funèbre.—525.
— Сцена из «Демона».—553—554, 556—557.
— Скерцо для ф.-п., скрипки и виолончели.—553—554, 556.
Пахульский Генрих Альбертович (1857—1921)—пианист, композитор. В 1876 г. окончил Варшавский музыкальный институт, в 1885 г. окончил Московскую консерваторию, впоследствии преподаватель и затем профессор ее. Автор ряда переложений оркестровых произведений Чайковского для ф.-п.—175—176, 179—180, 199, 202, 208, 304, 350, 478, 510.
Перовская София Львовна (1854—1881)—член партии «Народная воля», казненная за участие в убийстве Александра II.—259, 617.
* *Писемский* Алексей Феофилактович.—69, 184, 622.
Плеве Вячеслав Константинович (1846—1904)—в то время прокурор Петербургской судебной палаты, впоследствии министр внутренних дел.—206.
Победоносцев Константин Петрович (1827—1906)—обер-прокурор Синода.—588.

* *Полонский* Яков Петрович.—28.
Попов С. С., «Пребывание Рихарда Вагнера в Москве и его московские концерты в 1863 году».—602.
Попова—владелица водочного завода в Москве, мать Е. М. фон Мекк (см.).—184.
Посьет Константин Николаевич (1819—1899)—генерал-адъютант, адмирал, в 1874—1887 гг. министр путей сообщения.—132—133.
Потехин Алексей Антипович (1829—1908)—беллетрист, драматург.—622.
Пряшишников Ипполит Петрович (1847—1921)—певец (баритон), преподаватель пения, в 1878—1885 гг. артист Мариинского театра, учредитель первого русского оперного товарищества.—17, 479, 631—632.
* *Пушкин* Александр Сергеевич.—64, 363, 415, 506, 581, 596, 606—607, 609, 622, 626, 629, 637.

Рааб Вильгельмина Ивановна—певица, артистка Мариинского театра, впоследствии профессор Петербургской консерватории. Чайковский посвятил ей романс «Канарейка» (ор. 25).—381, 389, 458, 631.
Разумовский Дим., «Церковное пение в России». Опыт историко-технического изложения. Посвящ. моск. отд. Р. М. О. Вып. I—III. М. 1867—1869.—419.
Ратынский—торговец в Фастове.—102.
* *Рафаэль* Санти.—288, 290, 300, 310.
* *Рафф* Иосиф.—35, 39, 112—113, 322.
— Симфония «Im Walde» (F-dur), ор. 153.—112—113.
— Концерт для скрипки (h-moll), ор. 161.—35, 322.
Рейнбергер Иосиф-Габриель (1839—1901)—немецкий композитор, с 1877 г. придворный капельмейстер в Мюнхене.—39—40.
* *Рейнер* Мария Федоровна.—606.
Рени Гвидо (1575—1642)—итальянский живописец.—301.
Рикорд Л. И., «Воспоминания».—26, 596.
* *Рикорди* Джованни.—280.
Римская-Корсакова Анастасия Яковлевна (ум. 1896 г.)—мать Н. А. Римского-Корсакова (не композитора).—569.
Римский-Корсаков Николай Александрович (р. 1852 г.)—адъютант вел. кн. Константина Николаевича, впоследствии архангельский губернатор, товарищ морского министра. Первым браком женат на В. Л. Давыдовой, вторым на ее сестре, Н. Л. Давыдовой.—563, 566—569, 573—575, 582, 584.
* *Римский-Корсаков* Николай Андреевич.—252—254, 264, 348, 596, 617, 619.
Риттер Теодор (1841—1886)—французский пианист (ученик Листа), композитор.—62.
* *Рихтер* Ганс.—27, 31, 57, 638.
«*Роберт* [-*дьявол*]», опера—см. Мейербер.
* *Рубинштейн* Антон Григорьевич.—26—27, 40, 76, 84—85, 160, 193, 208, 253, 264, 324, 327, 331—333, 342—343, 409, 436, 438, 494, 496, 600, 606, 619, 621, 633—634.
— Опера «Фераморс» (1863).—76.
— » «Купец Калашников» (1880).—342—343.
— 2-я симфония («Океан») (C-dur), ор. 42.—27.
— 2-е ф.-п. трио (g-moll), ор. 15.—208.
— Трио ф.-п. (B-dur), ор. 52.—160.
— Соната для виолончели и ф.-п.—26—27, 208.

Рубинштейн Николай Григорьевич.—30, 32—33, 40—41, 54—58, 63, 84, 95, 129, 191, 193, 218—219, 237, 239—240, 246, 249, 257, 271, 284, 293, 298, 302, 314, 322, 324, 326—327, 331, 335, 348, 360, 363, 378, 396, 419, 423, 429, 445, 450, 467, 472, 475, 477—478, 488—490, 493—494, 496—497, 517, 552—553, 571, 577, 597—602, 606, 609, 616, 620—622, 626—627, 633—634, 639.

«*Руслан* [*и Людмила*]», опера—см. Глинка.

Руссо Жан-Жак (1712—1778).—73, 76, 79, 81, 92.

Сабуров Андрей Александрович (1838—1916)—прокурор, товарищ председателя петербургского окружного суда, впоследствии министр народного просвещения, сенатор.—164.

Савина Мария Гавриловна (1854—1916)—выдающаяся драматическая артистка Александринского театра в Петербурге.—17, 454—455, 470, 473, 631.

* *Самарин* Иван Васильевич.—622.

Сангурский Бонифаций (р. 1865 г.)—учился в московской Школе живописи и ваяния, впоследствии учитель рисования.—410—411, 418, 422, 427, 626.

* *Саразате* Пабло—43, 56, 238, 601—602.

Сарти Джузеппе (1729—1802)—итальянский оперный композитор, в 1784 г. по приглашению Екатерины II переехавший в Петербург. Написал несколько композиций на православные богослужебные тексты.—371.

Сахаров—хормейстер.—628.

Свендсен Иоганн-Северин (1840—1911)—норвежский композитор.—27, 31—32, 208.

— Эпизод для оркестра «Carnaval in Paris», ор. 9.—27, 31—32, 208.

Сгамбати Джованни (1843—1914)—итальянский пианист, инструментальный композитор, дирижер, с 1877 г. профессор музыкального лицея в Риме.—290, 579.

Седжиани бар. Алексей Алексеевич (р. 1867 г.)—сын А. В. Жуковской (см.) от брака с вел. кн. Алексеем Александровичем. Впоследствии получил титул графа Белевского и затем Белевского-Жуковского. Офицер Сумского полка, позднее шталмейстер.—430.

Семевский В. И., «Казенные крестьяне при Екатерине II, в 1762—1796 годах».—26, 591.

Семенидова Александра Михайловна—служанка Е. А. Власова. Убита Ландсбергом (см.).—145, 612.

* *Сен-Санс* Камилл.—38—40, 54, 60, 64, 300, 603, 605.

— Опера «Etienne Marcel» (1879).—54, 60.

— Симфоническая поэма «La jeunesse de Hercule» (1877).—38.

Сергей Александрович вел. кн. (1857—1905),—481.

Серов Александр Николаевич.—156. 409.

— Опера «Юдифь» (1863).—156.

Симанский—чиновник русского посольства в Риме.—581.

Скриб О. и *Легуве Э.*, пьеса «Адриенна Лекуврер».—638.

Скрыдлов Николай Илларионович (р. 1844 г.)—адмирал, участник турецкой и японской войн.—487—488.

Соколов Федор Федорович—певец, в 1880—1883 гг. артист Мариинского театра.—631.

Соллогуб гр. Наталия Михайловна (1851—1916), рожд. бар. Боде-Колычева, жена художника-дилетанта гр. Ф. Л. Соллогуба.—482.

Соловцов-Федоров Н. П., «Евлалия Радмина».—638.

Соловьев Александр Константинович (1846—1879)—революционер.—90, 609.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900)—философ-идеалист, поэт и публицист.—231, 616.

Сорé Эмиль (1852—1920)—французский скрипач-виртуоз.—590, 639.

* *Софронов* Алексей Иванович.—20, 26, 30, 56—57, 72, 93, 97, 100, 107, 109, 116—118, 120, 130, 136, 138, 141, 166, 171—172, 174, 176, 181—183, 185, 192, 194, 199, 204, 220, 240, 246—247, 250—251, 254, 258, 285, 287, 308, 315, 319—320, 323—324, 333—334, 336, 338—339, 341—347, 349, 351, 357—358, 360, 365, 370, 384, 387, 391—392, 396, 400, 406, 409, 413, 416—418, 422—423, 431, 433, 435, 441, 448—449, 452—453, 455, 457—458, 460, 462—463, 464, 467—468, 471, 478, 480—481, 483, 505—507, 521—525, 528, 533, 535, 537, 539, 542, 545—547, 549, 551—554, 560, 572, 614, 634—635.

Софронов Михаил Иванович (1848—1932)—крестьянин, брат А. И. Софронова (см.).—339.

Софронова Пелагея—крестьянка Клинского уезда, мать А. И. Софронова (см.).—418, 528, 551.

Спонтини Гаспаро (1774—1851)—итальянский оперный композитор.—31.

Станио Роберто (1836—1897)—итальянский популярный в свое время оперный и концертный певец (тенор).—282.

* *Стасов* Владимир Васильевич.—32—33, 41, 49, 598—601, 628.

Стелловский Федор Тимофеевич (ум. 1875 г.)—музыкальный издатель.—636.

Стоиков—знакомый А. И. Чайковского.—457.

Стравинский Федор Игнатьевич (1843—1902)—певец (бас), с 1876 г. артист Мариинского театра.—474, 631—632.

Строганов гр. Григорий Сергеевич (1823—1910)—шталмейстер, крупный землевладелец Подольской и Херсонской губерний.—585.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1911)—редактор-издатель официозно-консервативной газеты «Новое время».—32—33, 599, 601, 626, 638.

Суриков Иван Захарович (1842—1880)—поэт-крестьянин. На его слова Чайковский написал три дуэта: «Вечер», «В огороде возле броду» и «Рассвет» (ор. 46) и романс «Я ли в поле да не травушка была» (ор. 47).—360, 529—530, 622, 624.

* *Сципио* гр.—155, 189, 387, 389, 392, 395, 452, 458, 489, 494—496, 498, 501—504, 525, 633.

Тальберт Сигизмунд (1812—1871)—пианист, композитор.—621.

* *Танеев* Сергей Иванович.—84, 95, 134—135, 212, 284, 526, 533, 616, 618, 625—627, 634, 636, 639.

Тарашкевич—управляющий имением Мекк в Браилове.—74, 109—110, 113, 116, 119, 131, 136, 141, 144—145, 154.

Тацит Публий-Корнелий (ок. 54—ок. 120)—римский историк.—312.

Теккерей Вильям (1811—1863)—английский писатель юморист и романист, публицист.—386, 596.

Терещенко Николай Артемьевич (1819—1903)—сахарозаводчик, крупный землевладелец—542.

Термянская Моника Викентьевна (р. 1850 г.)—пианистка, ученица А. Рубинштейна. Чайковский посвятил ей Ноктюрн для ф.-п. (ор. 19).—621.

Ткаченко Леонтий Григорьевич (р. 1857 г.)—окончил пятигорскую прогимназию, по болезни ушел со службы.—237—238, 457, 460, 463, 466—467, 471—472, 474, 540—541, 550—551, 628.

* *Толстой* гр. Алексей Константинович.—360, 529—530, 622, 624—625.
* *Толстой* Лев Николаевич.—63, 177, 603.
Томсен—врач в Риме.—576, 584.
Траян (53—117)—римский император.—286.
Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1769)—поэт.—607.
Третьякова Елена Андреевна—жена С. М. Третьякова, директора Р. М. О., мецената, впоследствии московского городского головы.—490, 633.
Трубечкой кн. Андрей Васильевич (1822—1881)—церемониймейстер, отец. кн. В. А. Трубецкого (см.).—355—356, 363, 375, 396, 404, 461, 503.
Трубецкой кн. Василий Андреевич (1856—1920)—офицер Нижегородского полка, сын кн. А. В. Трубецкого, брата светл. кн. Марии Васильевны Воронцовой (см.). 7 января 1881 г. уволен в чине прапорщика.—355, 357, 362—363, 375, 396—397, 403—404, 461, 471, 502—504, 511—514.
Тутовский Константин Александрович (1826—1893)—живописец-жанрист, в 1871—1880 гг. инспектор (а не директор) московского Училища живописи и ваяния.—410.
Тургенев Александр Иванович (1785—1846)—историк, общественный деятель.—415, 626.
Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883).—62—65, 202, 603, 622, 638.
* *Тютчев* Федор Иванович.—622.

Ульман—импрессарио.—54.
* *Ульрих* Юлия Францевна.—194.
Усатов Дмитрий Андреевич—певец (тенор), в 1880—1889 гг. артист московского Большого театра. Чайковский посвятил ему романс «Смерть» (ор. 57).—464, 628—629.
Уэльский принц Альберт-Эдуард (1841—1910)—сын королевы Виктории, с 1901 г. Эдуард VII, король Великобритании.—142.

«*Фауст*», опера—см. Гуно.
* *Фетис* Франсуа-Жозеф.—301.
Фильд Джон (1782—1837)—пианист, композитор.—621.
* *Фитценгаген* Вильгельм Федорович.—144, 612, 639.
Фишер Фридрих-Теодор (1807—1888)—немецкий писатель, эстетик.—639.
Флеров Сергей Васильевич (псевдоним: Сергей Васильев) (1841—1901)—педагог и журналист, театральный и музыкальный рецензент, сотрудник «Московских ведомостей».—149—150, 613.
Флотов фон Фридрих, опера «Марта» (1847).—76.
* *Фолькман* Фридрих-Роберт, Серенады для струнного оркестра (C-dur, F-dur и d-moll; opp. 62, 63, 69).—449.
Франк—пианистка.—26—27.
«*Фрейшюц*», опера—см. Вебер.
Фриденталь Ф.—пианистка, окончившая Московскую консерваторию в 1880 г., по классу ф.-п. у Н. Г. Рубинштейна.—271.
Фроловский Александр Александрович (1859—1928)—племянник Н. Ф. фон Мекк, инженер путей сообщения.—207, 244.
* *Фроловский* Александр Филаретович.—154, 207.
* *Фроловский* Владимир Филаретович.—418, 441.
Фроловский Сергей Александрович—племянник Н. Ф. фон Мекк, юрист.—207, 244.
Фюрер Отто Р. (ум. 1906 г.)—певец (бас), в 1876—1889 гг. артист московского Большого театра.—628.

Фюрстнер Адольф (1833—1908)—берлинский музыкальный издатель (фирма основана в 1868 г.).—269, 271, 618.

Халтурин Степан Николаевич (1856—1882)—народоволец.—313—314, 620.

Хвощинская-Зайчковская Надежда Дмитриевна (1825—1889)—популярная в свое время беллетристка, писавшая под псевдонимом В. Крестовский.—364, 374.

Хохлов Павел Акинфиевич (1854—1919)—певец (баритон), в 1879—1900 гг. артист московского Большого театра.—464, 466, 602, 620, 628.

* *Чайковская* Александра Андреевна (мать).—140, 239.

Чайковская Александра Ильинишна—см. Давыдова А. И.

* *Чайковская* Антонина Ивановна (жена).—17, 25, 86—88, 91, 97, 105—106, 108—109, 134, 138, 150, 193, 195, 197, 209, 213, 267, 270, 347, 353—354, 376—377, 514—515, 595, 608—611, 620, 624.

* *Чайковская* Зинаида Ильинишна, в замужестве Ольховская.—223.

Чайковская Мария Карловна, первая жена И. И. Чайковского, отца композитора.—223, 249, 325.

Чайковская Наталья Ипполитовна, в замужестве Алексеева (р. 1876 г.)—приемная дочь И. И. Чайковского.—136, 341.

* *Чайковская* Софья Петровна.—136, 341.

* *Чайковский* Анатолий Ильич.—13—14, 16—17, 25, 29, 65—67, 72, 78, 81—82, 84, 86—87, 105, 111, 113—114, 120, 122, 134—135, 142, 146, 148—151, 154—157, 159, 161—164, 166—167, 173—174, 179—180, 182, 187, 197, 200, 202—204, 206, 208—209, 213—214, 218, 220, 232, 236, 240, 244, 249, 255, 260, 270—271, 287, 291, 294—295, 303, 306, 308, 313, 323, 325—326, 330, 332, 334, 336, 342, 345—346, 348—349, 363, 383, 390—391, 396, 400, 402—403, 410, 413, 425, 430, 446—447, 450—451, 454—455, 457, 467, 469, 478, 488, 497, 500, 502, 519, 523, 533, 535, 537, 547, 553—555, 569, 570, 573, 589, 602—605, 609—611, 614—616, 622—623, 633, 635, 639.

Чайковский Виктор (однофамилец).—126, 131.

Чайковский В. (однофамилец)—провизор.—126, 611.

* *Чайковский* Илья Петрович (отец).—16, 67, 82—83, 88, 161—163, 167, 172, 208—209, 214, 218, 236, 238, 240, 294—297, 301, 303, 325, 619.

* *Чайковский* Ипполит Ильич.—124, 126, 131, 136, 341, 547.

* *Чайковский* Модест Ильич.—13—14, 16—17, 20, 65—67, 78, 81—82, 84, 87—88, 90, 92, 95—96, 99, 104, 136, 142—143, 145—146, 148—149, 151, 182, 193, 197, 199—200, 209—210, 219—220, 223, 226, 240—243, 245, 247, 252, 256—257, 260, 266, 271—272, 277—278, 281—288, 291—292, 294—295, 308, 310, 312—313, 315, 317, 319—320, 323, 326, 330, 332—333, 336, 341—342, 344—346, 355—359, 365, 400, 403, 405—407, 412, 416—417, 420, 425, 430, 433, 435—436, 438, 441—442, 447—449, 454—455, 459, 467, 470, 473—474, 476, 478, 480—481, 493, 502, 509, 533, 539, 542, 545, 547, 560—564, 566, 570, 573—576, 579—580, 582—584, 595, 597, 602—604, 610—611, 613—615, 622—626, 631, 633—634, 637—639.

* *Чайковский* Николай Ильич.—384.

Чайковский Петр (однофамилец)—машинист Фастовской железной дороги.—422.

* *Чернышевский* Николай Гаврилович.—184.

Чихачев Николай Матвеевич (1830—1917)—генерал-адъютант, адмирал, директор-распорядитель Русского общества пароходства и торговли, в 1888—1895 гг. морской министр.—136.

Чичерин Б. Н., «Наука и религия», М. 1879 (1-е изд.).—231.

Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861)—украинский поэт. На его слова Чайковский написал романс «Вечер» (ор. 27).—530.
* *Шекспир* Вильям.—386, 390, 596.
Шервуд Иван Васильевич (1798—1867)—первый доносчик по делу декабристов. Служил в полку, стоявшем близ Каменки. В 1826 г. «в ознаменование отличного подвига» стал именоваться Шервуд-Верный. — 523, 525—526.
Шестоперов—директор сахарного завода гр. Бобринского в Смеле, Киевской губ.—410, 419.
Шестоперов—сын, музыкант.—410—411, 419, 526, 626.
* *Шиллер* Иоганн-Фридрих.—22—23.
* *Шопен* Фредерик.—41, 395, 405, 432, 601, 621, 625.
— Ноктюрн (Des-dur) для ф.-п., ор. 27, № 2.—41.
* *Шостаковский* Петр Адамович.—32, 348, 450, 598.
Шпор Людвиг (1784—1859)—немецкий композитор, скрипач-виртуоз, дирижер.—31.
— Симфония.—31.
Штерн—знакомая А. И. Чайковской.—608.
* *Шуберт* Франц.—298, 314, 382, 618.
— Марш для ф.-п. (C-dur).—314.
* *Шуман* Роберт.—18, 112—113, 180, 382, 405, 432, 434, 439, 530, 578—579, 618, 621, 625.
— Трио ф.-п. —434.
— Концерт для ф.-п. (a-moll), ор. 54.—621.
— 2-я соната для ф.-п. (g-moll), ор. 22.—113.
— Фантазия «Kreisleriana» для ф.-п., ор. 16.—180.
— Фантазия для скрипки с оркестром, ор. 131.—18.

«*Эвриантa*», опера—см. Вебер.
«*Эллинор*», балет (автор не установлен).—75.
* *Эрар* Себастьен.—252.

Юлий Цезарь (100—44 до н. э.)—римский император.—286.
Юлия Сергеевна—знакомая Чайковского.—154.
Юлия Францевна—см. Ульрих Ю. Ф.
* *Юневич* Мария Павловна.—463, 628.
* *Юргенсон* Осип Иванович.—468.
* *Юргенсон* Петр Иванович.—16, 24, 32, 38, 54, 74, 75, 78—81, 83, 95, 121, 129, 135, 139—140, 142, 146, 151—152, 178, 182, 199—200, 211, 218—219, 238, 246, 269—270, 284, 316, 327, 352, 378, 381, 403, 432—433, 436, 438, 441, 448, 465, 489, 515, 520, 537, 539, 543, 557, 562—563, 577, 590, 597—598, 600—601, 603, 605, 609, 613, 615, 618—619, 621, 623—624, 633—634, 636, 639.

* *Ян* Отто.—409.
Яцевич М.—поэт.—637.

«Album de Jeanne d'Arc»—см. Wallon.
Ampére J.-J., «L'Histoire romaine à Rome» (2-е изд. 1872 г.).—280, 286 288.
* Artôt (Дезире Арто Маргарита).—524.
«Assomoir»—см. Бюснах В. и Гастино О.
Auer—см. Ауэр.

Bazzini (Бацини Антонио) (1818—1897)—итальянский композитор скрипач.—24.
— Струнный квартет.—24.
Becker—см. Беккер Жан.
Beethoven—см. Бетховен.
Bernard—см. Бернар С. А.
Beyer (Бейер)—композитор.—69.
* Biset (Бизе Жорж).—382—383, 389, 431, 625.
— Опера «Carmen» (1875).—382—383, 389, 625.
— Сюита «L'Arlessienne», для оркестра (1872).—431.
* Bonciani—см. Бончиани.
Boucheron (Бушрон)—парижский ювелир.—56.
Brahms—см. Брамс.
Breetner (Бретнер)—парижский пианист.—243.
Bremontier (Бремонтье Никола-Томас) (1738—1809)—инженер, путем зеленых насаждений остановивший движение дюн, за что в Аркашоне ему поставлен памятник.—393.
Bussy—см. Debussy.

Chopin—см. Шопен.
Colonne—см. Колонн.

«La Damnation de Faust»—см. Берлиоз.
Dauvergne (Довери)—гувернантка детей Мекк.—404.
Debussy (Дебюсси Клод) (1862—1918)—французский композитор. В 1873—1880 гг. учился в Парижской консерватории.—374, 389, 394, 408, 415—416, 421, 426—427, 430—434, 437—438, 441, 445, 448, 510, 525, 536, 542, 544, 552, 577, 624, 626—627
* Deslibes (Делиб Лео).—320, 323, 342—343, 437—438.
— Трио.—408, 421, 626.
— Опера «Jean de Nivelle» (впервые представлена в Opéra Comique в Париже 8 марта н. ст. 1880 г.).—320, 323, 342—343, 437—438.
Dieudonné (Дьедонне)—актер.—55.
Dubois (Дюбуа)—француз, садовник в Браилове.—160.
Duchenne (Дюшен)—зубной врач в Париже.—243.

«Etienne Marcel», опера—см. Сен-Санс.

Fouranchet (Фуранше)—фотограф (художник?) в Париже.—170.
«La femme à Papa», пьеса—см. Мельяк и Галеви.
«Le gendre de Mr. Poirier», комедия—см. Ожье.

«Les Fourchambault», комедия—см. Ожье.
Gil-Naza (Жиль-Наза)—актер.—275.
* Godard (Годар Бенжамен).—437—438.
Goldmark—см. Гольдмарк.
Got (Гот Франсуа-Жюль) (1882—1901)—комический актер. Играл в Comédie Française в Париже.—53—54.
Gretener—см. Гретенер.
Grieg—см. Григ.

* Helmesberger (Гельмесбергер Иосиф)—с 1849 г. стоял во главе пользовавшегося известностью венского струнного квартета.—18, 427.

Helmesberger (Гельмесбергер Иосиф) (1855—1907)—сын предыдущего, скрипач, член квартета, с 1878 г. солист придворной капеллы и оперы.—18.

«Jean de Nivelle», опера—см. Deslibes.
«Jeanne d'Arc»—см. Wallon.

Lachner—см. Лахнер.
Liszt—см. Лист.
Loulou—см. Наполеон-Евгений-Людовик-Жан-Жозеф.
«Le mari de la débutante», пьеса.—250.
Marmontel (Мармонтель Антуан-Франсуа) (1816—1898)—пианист, выдающийся педагог, профессор Парижской консерватории. Чайковский посвятил ему ф.-п. пьесу «Думка» (ор. 59).—374.
* Massenet (Массне Жюль).—34, 36, 43, 56, 255, 383, 389, 394, 408, 437—438, 441, 625.
— Опера «Le roi de Lahore» (1877).—34, 36, 43, 56.
— Музыкальная драма «Marie-Magdeleine» (1873).—383, 389, 625.
— Увертюра «Phèdre», для оркестра (1873).—255.
Meck Alexandre—см. Мекк Александр Карлович.
Meissonier (Мейсонье Эрнест) (1815—1891)—французский живописец, жанрист и баталист.—268.
«Mémoires de Madame de Rémusat (1802—1808)», publiés par son petit-fils Paul de Rémusat, 3 vol. Paris 1880 (т. I вышел в 1879 г., отрывки печатались в «Revue des Deux Mondes» 1879, июнь, июль, октябрь).—257.
Mendelsohn—см. Мендельсон-Бартольди.
Michel Angelo—см. Микель-Анджело.
Moszkowsky—см. Мошковский.

Napoléon III (Наполеон III) (1808—1873)—французский император.—393.
Noskowsky—см. Носковский.

Pabst—см. Пабст.
«Paillasse», мелодрама—см. Деннери и Фурнье.
Pahulsky Henri—см. Пахульский Г. А.
Pasca (Паскà) (1835 — 1914) — французская комическая актриса. В 1870—1874 гг. играла в Михайловском театре в Петербурге.—51, 53, 55.
Pasdeloup—см. Паделу.
Ponchielli (Понкиелли Амилькаре) (1834—1884)—итальянский оперный композитор.—408, 415, 429.
— Опера «La Gioconda» [«Джиоконда»] (1876).—408, 415, 429.
— Богемский танец.—429.

Rauchenecker (Рауxенекер Георг) (1844—1906)—немецкий композитор, скрипач. Флорентинский квартет с большим успехом исполнял его квартеты.—26.
— Квартет.—26.
Richter—см. Рихтер.
Rieman H., Струнный квартет.—24.
«Le roi de Lahore», опера—см. Massenet.

* Scharwenka (Шарвенка Людвиг-Филипп).—283.
* Scharwenka (Шарвенка Франц-Ксаверий).—283.

Schlözer (Шлецер)—профессор Варшавской консерватории.—245.
Sprino (Сприно)—художник.—185.
St.-Saëns—см. Сен-Санс.
Svendsen—см. Свендсен.

Tayan (Таиан Мари)—парижская скрипачка.—299.
Tonranchy—фотограф в Париже.—120.

Viardot-Garcia—см. Виардо Полина.
Viardot Louis (Виардо Луи) (1800—1883)—историк и критик искусства, переводчик. Муж Полины Виардо (см.).—64.
Vieuxtemps—см. Вьетан.

* Wallon H.-A., «Jeanne d'Arc».—142.
Worms (Вормс Густав) (1836—1910)—французский драматический актер. В 1874—1875 гг. играл в Михайловском театре в Петербурге, по возвращении в Париж—в Gymnase.—55.

Zola—см. Зола.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЧАЙКОВСКОГО

(упоминаемых в т. II переписки)

Для сцены (оперы, балет, музыка к драматическим произведениям):

«Воевода», оп. в 3-х действиях (4 картины) (1868).—211, 252, 263, 266—268.

«Евгений Онегин», оп. (лирические сцены) в 3-х действиях (7 картин), ор. 24 (1878).—17, 19, 24, 26, 30, 35, 38, 61, 65, 71—72., 82—86, 106—107, 129—130, 133, 140, 145, 152, 232, 309, 312, 326, 363, 377, 420, 445, 448—449, 451, 456, 459—460, 463—464, 466—469, 471, 505, 544, 595—597, 603, 605—608, 611—612, 619—622, 628—630.

«Кузнец Вакула», оп. в 3-х действиях (7 картин), ор. 14 (1874), посвящена памяти вел. кн. Елены Павловны.—37, 146, 232, 269, 597.

«Мазепа», оп. в 3-х действиях (6 картин) (1881—1883).—581—582, 636.

«Опричник», оп. в 4-х действиях (1872), посвящена вел. кн. Константину Николаевичу.—211, 229, 269, 276, 312, 321—322, 449, 524, 544, 620.

«Орлеанская дева», оп. в 4-х действиях (6 картин) (1879), посвящена Э. Ф. Направнику.—14, 16, 19, 21—24, 26—29, 31, 37, 40—43, 50—51, 60—61, 65—66, 69, 74, 92, 95, 121—122, 125, 129—130, 139, 142—143, 146—147, 149, 156, 160—161, 164, 166, 168, 172, 178, 181—182, 196—198, 200, 211, 217—218, 232, 236, 269, 314, 316, 327—329, 337, 349, 352—353, 357, 359, 361, 363, 367—368, 373—375, 377—378, 381—382, 385, 389, 398, 400—401, 403—404, 406, 408—410, 413, 416—417, 420—421, 426—427, 432—434, 437—439, 442, 444—445, 452—453, 455—456, 465, 467—468, 470—473, 475—479, 489, 505, 536, 543—544, 559, 564, 577, 582, 585, 595, 605, 624—625, 630—632, 638.

«Ундина», оп. в 3-х действиях (1869).—263, 269.

«Лебединое озеро», бал. в 4-х действиях, ор. 20 (1876).—298, 322, 427, 431—432, 438, 441, 448, 627.

«Снегурочка», музыка к весенней сказке Островского, ор. 12 (1873).—255, 262—263, 266.

«Черногория в момент получения известия об объявлении войны Турции со стороны России. Главарь читает черногорцам манифест», музыка к живой картине (1880).—306—308, 313—314, 316, 619.

Для оркестра:

1-я симфония «Зимние грезы» (g-moll), ор. 13 (1866), посвящена Н. Г. Рубинштейну.—438.

2-я симфония (c-moll), ор. 17 (1872), посвящена московскому отделению Р. М. О.—261, 276, 281—282, 286, 474—475, 576—577, 596, 631, 637.

3-я симфония (D-dur), ор. 29 (1875).—31.

4-я симфония (f-moll), ор. 36 (1877), посвящена «Моему лучшему другу» [Н. Ф. фон Мекк].—134—135, 138, 209, 212, 215—216, 219—222 224, 226—229, 232—235, 238, 243, 248, 253—254, 257—258, 267, 284, 297—300, 303—304, 307—309, 314, 317, 377, 394, 474, 496, 544, 552—554, 562, 572, 618—619.

1-я сюита, ор. 43 (1879), посвящена негласно Н. Ф. фон Мекк.—13, 16, 19, 24, 28, 31, 38, 60—61, 66, 76, 85—86, 92, 94—97, 100—103, 106, 135, 138, 178, 181—182, 225, 236, 246, 249, 284, 292—293, 296, 298, 304, 307, 309, 312—314, 316, 324, 326—328, 330, 335, 394, 595, 605, 609—610, 614, 618—619, 621.

«Буря», фантазия по Шекспиру, ор. 18 (1873), посвящена В. В. Стасову.—67, 69—70, 144, 223, 587, 589, 604—605, 612, 639.

«Итальянское каприччио», ор. 45 (1880), посвящено К. Ю. Давыдову.—281, 301, 306, 309, 313, 349, 351, 354, 357, 378, 398, 401, 448—449, 451, 453, 455, 458—459, 468, 474, 618—619, 627—628, 630—631.

«Ромео и Джульетта», увертюра-фантазия по Шекспиру (1870), посвящена М. А. Балакиреву.—31, 403, 577, 621, 632.

Серенада, для струнного оркестра, ор. 48 (1880), посвящена К. К. Альбрехту.—408—409, 420, 429, 431, 448—449, 451, 474, 539, 542, 544, 546, 626.

Славянский марш, ор. 31 (1876). (В письмах называется Русско-Сербский марш).—200, 334, 341, 351, 621.

«1812 год», торжественная увертюра, ор. 49 (1880).—423, 429—431, 626—627.

«Франческа да Римини», фантазия по Данте, ор. 32 (1876), посвящена С. И. Танееву.—38, 596.

Для камерного ансамбля:

1-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (D-dur), ор. 11 (1871), посвящен С. А. Рачинскому.—63, 76, 149, 524, 544, 587, 603, 621.

2-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (F-dur), ор. 22 (1874), посвящен вел. кн. Константину Николаевичу.—232—233, 377, 455, 544, 587.

3-й квартет, для 2-х скрипок, альта и виолончели (es-moll), ор. 30 (1876), посвящен памяти Ф. Лауба.—299, 587, 596, 618.

Трио, для ф.-п., скрипки и виолончели (a-moll), ор. 50 (1882), посвящено «Памяти великого артиста» [Н. Г. Рубинштейна].—586—587, 589, 639.

Для отдельных инструментов (ф.-п., скрипка, виолончель):

1-й концерт, для ф.-п. с оркестром (b-moll), ор. 23 (1875), посвящен Гансу фон Бюлову.—39, 116, 144—145, 243, 245, 249, 423, 611, 627.

2-й концерт, для ф.-п. с оркестром (G-dur), ор. 44 (1880), посвящен Н. Г. Рубинштейну.—231, 233, 238, 246, 249, 254, 260—261, 272, 276, 309, 312, 314—315, 324, 326, 332, 378, 398, 401, 423, 616.

Баркарола, для ф.-п., № 6 из «Времена года», ор. 37 bis (1876).—180.

Вальс, для ф.-п., ор. 40, № 9 (1878), посвящен М. И. Чайковскому.—445.

Вальс-каприз (Valse-caprice), для ф.-п., ор. 4 (1868), посвящен А. Дорру.—299.

Вариации (Théme original et variations), для ф.-п., ор. 19, № 6 (1873), посвящены Г. А. Ларошу.—271, 596.
Детский альбом (24 детских пьесы), для ф.-п., ор. 39 (1878), посвящен Володе Давыдову.—105.
Ноктюрн, для ф.-п., ор. 19, № 4 (1873), посв. М. В. Терминской.—621.
Песня без слов (Chant sans paroles), для ф.-п., ор. 2, № 3 (1867), посвящена В. В. Давыдовой.—601.
Романс, для ф.-п., ор. 5 (1868), посвящен Дезире Арто.—525, 636.
«Русское скерцо» («Scherzo à la Russe»), для ф.-п., ор. 1, № 1 (1867), посвящено Н. Г. Рубинштейну.—269.
Скерцо (Scherzo) для ф.-п., № 2 из «Воспоминания о Гапсале», ор. 2 (1867), посвящено В. В. Давыдовой.—199.
Соната (Grande sonate), для ф.-п. (G-dur), ор. 37 (1878), посвящена К. Клиндворту.—237, 239—240, 249, 254—255, 257, 326, 445, 603, 616, 621.
«Воспоминания о дорогом месте» («Souvenir d'un lieu cher»), 3 пьесы для скрипки с сопровождением ф.-п., ор. 42 (1878), посвящены Б[райлову].—134, 137.
Концерт для скрипки с оркестром (D-dur), ор. 35 (1878), посвящен первоначально Л. Ауэру, а потом А. Бродскому.—79, 322, 586—587, 590—591, 605—606, 638—639.
Серенада, для скрипки с сопровождением оркестра («Sérénade mélancolique»), ор. 26 (1875), посвящена Л. Ауэру.—238, 299, 618.
Вариации на тему рококо, для виолончели с сопровождением оркестра, ор. 33 (1876), посвящен В. Ф. Фитценгагену.—144, 612.

Для пения (хор, дуэты, романсы):

«Всенощное бдение», для четырехголосного хора, ор. 52 (1881—1882).—509, 513, 516—518, 523, 533, 635.
«Литургия св. Иоанна Златоуста», для четырехголосного хора, ор. 41 (1878).—139—140, 142, 144, 149, 310, 342, 449, 451, 455, 458—460, 571, 603, 613, 620, 628.
Шесть дуэтов, для 2-х голосов и ф.-п., ор. 46 (1880), посвящены Т. Л. Давыдовой.—375, 391, 403, 528—530, 622, 624, 636.
— № 1. «Вечер», слова Сурикова.—622.
— № 2. «Шотландская баллада», слова А. Толстого.—529—530, 622.
— № 3. «Слезы», слова Тютчева.—530, 622.
— № 4. «В огороде возле броду», слова Сурикова.—622.
— № 5. «Минула страсть», слова А. Толстого.—360, 622.
— № 6. «Рассвет», слова Сурикова.—622.
Колыбельная песня, для голоса и ф.-п., слова Майкова, ор. 16, № 1 (1872), посвящена Н. Н. Римской-Корсаковой,—524.
«Любовь мертвеца», романс для голоса и ф.-п., слова Лермонтова, ор. 38, № 5 (1878), посвящен А. И. Чайковскому.—56.
Семь романсов для голоса и ф.-п., ор. 47 (1880), посвящены А. В. Панаевой.—385, 391, 403, 528—530, 624, 636.
— № 1. «Кабы знала я, кабы ведала», слова А. Толстого.—624.
— № 2. «Горними тихо летела», слова А. Толстого.—624—625.
— № 3. «На землю сумрак пал», слова Мицкевича.—530, 624—626.
— № 4. «Усни, печальный друг», слова А. Толстого.—624.
— № 5. «Благословляю вас, леса», слова А. Толстого.—529—530, 624.
— № 6. «День ли царит», слова Апухтина.—624.
— № 7. «Я ли в поле да не травушка была», слова Сурикова.—530, 624.
Редактирование духовно-музыкальных сочинений Бортнянского (1881).—520, 537, 539, 543, 548, 556, 560—566, 568, 570, 574.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. П. И. Чайковский. С фотографии 1879 г. 7
2. Первое представление оперы «Евгений Онегин» в 1879 г. в исполнении учеников Московской консерватории. 2-е действие, 4-я картина. Ссора Ленского с Онегиным. 80
3. Семья Давыдовых. 1-й ряд, слева направо: Владимир Львович, Юрий Львович, Дмитрий Львович; 2-й ряд: Вера Львовна, Александра Ильинишна, Лев Васильевич, Анна Львовна; 3-й ряд: Татьяна Львовна, Наталья Львовна. С фотографии 104
4. Дом Давыдовых в Каменке 352
5. Программа любительского спектакля в Каменке (с пометками П. И. Чайковского) 400
6. Н. Ф. фон Мекк. С фотографии 1880 г. 440
7. Автограф письма П. И. Чайковского к Н. Ф. фон Мекк от 6 июня 1884 г. (конец письма) . . . . . 520—521
8. Карикатура на П. И. Чайковского из журнала «Будильник» 1879 г. 608

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

ПИСЬМА

(указаны даты старого стиля)

1. Мекк—Чайковскому 1879 г. января 2 13
2. Чайковский—Мекк » » 3 14
3. » » » » 5 15
4. Мекк—Чайковскому » » 7 17
5. Чайковский—Мекк » » 8 19
6. « » » » 10 20
7. Мекк—Чайковскому » » 12 24
8. Чайковский—Мекк » » 13 25
9. Мекк—Чайковскому » » 15 26
10. Чайковский—Мекк » » 15 28
11. Мекк—Чайковскому » » 17 30
12. Чайковский—Мекк » » 18 . . . . . —
13. » » » » 20 32
14. Мекк—Чайковскому » » 21 34
15. Чайковский—Мекк » » 23 35
16. » » » » 25 37
17. » » » » 26 39
18. » » » » 30 40
19. Мекк—Чайковскому » февраля 2 41
20. Чайковский—Мекк » » 2 42
21. » » » » 4 43
22. » » » » 6 44
23. Мекк—Чайковскому » » 6 45
24. Чайковский—Мекк » » 7 46
25. Мекк—Чайковскому » » 7 49
26. Чайковский—Мекк » » 8 . . . . . —
27. » » » » 10 . . . . . —

28.	Мекк—Чайковскому	1879 г.	февраля	11	51
29.	Чайковский—Мекк	»	»	12	52
30.	» »	»	»	13	53
31.	Мекк—Чайковскому	»	»	15	55
32.	Чайковский—Мекк	»	»	16—17	56
33.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	60
34.	Чайковский—Мекк	»	»	19—20	62
35.	» »	»	»	24	66
36.	Мекк—Чайковскому	»	»	25	68
37.	Чайковский—Мекк	»	»	25	70
38.	» »	»	»	27	71
39.	Мекк—Чайковскому	»	»	27	—
40.	Чайковский—Мекк	»	»	27	—
41.	Мекк—Чайковскому	»	»	28	73
42.	» »	»	»	28	74
43.	Чайковский—Мекк	»	»	28	—
44.	» »	»	марта	4	75
45.	» »	»	»	6	78
46.	Мекк—Чайковскому	»	»	7	79
47.	Чайковский—Мекк	»	»	7	80
48.	» »	»	»	13—19	81
49.	» »	»	»	20—21?	85
50.	» »	»	»	20—21?	—
51.	» »	»	»	22	—
52.	» »	»	»	24	86
53.	» »	»	»	31	88
54.	Мекк—Чайковскому	»	апреля	2	89
55.	Чайковский—Мекк	»	»	3	—
56.	» »	»	»	6	90
57.	» »	»	»	9	—
58.	Мекк—Чайковскому	»	»	11	92
59.	Чайковский—Мекк	»	»	12	93
60.	» »	»	»	14	94
61.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	97
62.	Чайковский—Мекк	»	»	21	98
63.	» »	»	»	23	101
64.	» »	»	»	26	102
65.	» »	»	»	29—30	104
66.	Мекк—Чайковскому	»	»	30	106
67.	Чайковский—Мекк	»	мая	4	107
68.	Мекк—Чайковскому	»	»	5	109
69.	Чайковский—Мекк	»	»	5	110
70.	» »	»	»	6—13	112
71.	Мекк—Чайковскому	»	»	15	119
72.	Чайковский—Мекк	»	»	16	120
73.	» »	»	»	17—18	122
74.	Мекк—Чайковскому	»	»	21	123
75.	Чайковский—Мекк	»	»	22—23	124
76.	Мекк—Чайковскому	»	»	23	127
77.	Чайковский—Мекк	»	»	29—30	128
78.	Мекк—Чайковскому	»	июня	3	130
79.	Чайковский—Мекк	»	»	2—6	133
80.	Мекк—Чайковскому	»	»	10	137
81.	Чайковский—Мекк	»	»	12—13	139

82.	Мекк—Чайковскому	1879 г.	июня	17	141
83.	Чайковский—Мекк	»	»	20	142
84.	Мекк—Чайковскому	»	»	24	145
85.	Чайковский—Мекк	»	»	27	146
86.	» »	»	»	30	147
87.	Мекк—Чайковскому	»	»	30	148
88.	Чайковский—Мекк	»	июля	3	149
89.	» »	»	»	8	151
90.	Мекк—Чайковскому	»	»	8	152
91.	Чайковский—Мекк	»	»	10—11	153
92.	Мекк—Чайковскому	»	»	17	154
93.	Чайковский—Мекк	»	»	17	155
94.	» »	»	»	19	157
95.	» »	»	»	20	158
96.	Мекк—Чайковскому	»	»	22	160
97.	Чайковский—Мекк	»	»	24—25	161
98.	Мекк—Чайковскому	»	»	29	162
99.	Чайковский—Мекк	»	»	30—31	—
100.	Мекк—Чайковскому	»	августа	7	165
101.	Чайковский—Мекк	»	»	8—9	166
102.	» »	»	»	9—11	167
103.	Мекк—Чайковскому	»	»	12	170
104.	» »	»	»	12	171
105.	Чайковский—Мекк	»	»	12	—
106.	» »	»	»	12	172
107.	» »	»	»	13—15	173
108.	Мекк—Чайковскому	»	»	16	175
109.	Чайковский—Мекк	»	»	16	176
110.	« »	»	»	16—17	177
111.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	179
112.	Чайковский—Мекк	»	»	18—19	—
113.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	180
114.	» »	»	»	19	181
115.	Чайковский—Мекк	»	»	21—23	—
116.	Мекк—Чайковскому	»	»	21—23	183
117.	Чайковский—Мекк	»	»	24	186
118.	Мекк—Чайковскому	»	»	24	188
119.	Чайковский—Мекк	»	»	25	189
120.	» »	»	»	26	—
121.	Мекк—Чайковскому	»	»	26	190
122.	Чайковский—Мекк	»	»	27	191
123.	» »	»	»	25—27	—
124.	Мекк—Чайковскому	»	»	28	194
125.	Чайковский—Мекк	»	»	27—28	196
126.	Мекк—Чайковскому	»	»	30	198
127.	Чайковский—Мекк	»	»	30	199
128.	» »	»	»	29—31	200
129.	Мекк—Чайковскому	»	»	31	203
130.	Чайковский—Мекк	»	»	31	—
131.	» »	»	»	31	205
132.	» »	»	»	31	—
133.	» »	»	сентября	4	206
134.	Мекк—Чайковскому	»	»	8	207
135.	Чайковский—Мекк	»	»	8	208

136.	Чайковский—Мекк	1879 г.	сентябрь	13	210
137.	Мекк—Чайковскому	»	»	14	212
138.	Чайковский—Мекк	»	»	15	213
139.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	214
140.	» »	»	»	24	215
141.	Чайковский—Мекк	»	»	17—25	217
142.	Чайковский—Мекк	»	»	30	221
143.	Мекк—Чайковскому	»	октября	1	224
144.	Чайковский—Мекк	»	»	5—7	—
145.	» »	»	»	9	226
146.	Мекк—Чайковскому	»	»	9—10	227
147.	Чайковский—Мекк	»	»	12	230
148.	Мекк—Чайковскому	»	»	15	233
149.	Чайковский—Мекк	»	»	15—16	—
150.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	234
151.	Чайковский—Мекк	»	»	18	235
152.	» »	»	»	21—22	237
153.	» »	»	»	24	238
154.	» »	»	»	29	239
155.	» »	»	ноября	1	240
156.	Мекк—Чайковскому	»	»	2	241
157.	Чайковский—Мекк	»	»	3	—
158.	Мекк—Чайковскому	»	»	3	242
159.	» »	»	»	3	—
160.	Чайковский—Мекк	»	»	4	243
161.	Мекк—Чайковскому	»	»	8—11	245
162.	» »	»	»	13	246
163.	Чайковский—Мекк	»	»	13	—
164.	Мекк—Чайковскому	»	»	14	248
165.	Чайковский—Мекк	»	»	14—15	249
166.	Мекк—Чайковскому	»	«	15	251
167.	» »	»	»	16	—
168.	Чайковский—Мекк	»	»	16	252
169.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	—
170.	Чайковский—Мекк	»	»	18	253
171.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	254
172.	Чайковский—Мекк	»	»	19	—
173.	Мекк—Чайковскому	»	»	20	—
174.	Чайковский—Мекк	»	»	19—20	255
175.	Мекк—Чайковскому	»	»	21	258
176.	Чайковский—Мекк	»	»	21	—
177.	» »	»	»	22—23	259
178.	Мекк—Чайковскому	»	»	23	261
179.	» »	»	»	24	—
180.	Чайковский—Мекк	»	»	24—25	262
181.	Мекк—Чайковскому	»	»	25	264
182.	Чайковский—Мекк	»	»	26—27	265
183.	Мекк—Чайковскому	»	»	26—27?	266
184.	Чайковский—Мекк	»	»	27—28	267
185.	Мекк—Чайковскому	»	»	30	271
186.	Чайковский—Мекк	»	»	30	272
187.	Мекк—Чайковскому	»	декабря	2	273
188.	Чайковский—Мекк	»	»	2	—
189.	» »	»	»	3—4	275

190.	Мекк—Чайковскому	1879 г.	декабря	4	276
191.	Чайковский—Мекк	»	»	9	277
192.	» »	»	»	12	278
193.	Мекк—Чайковскому	»	»	14	279
194.	Чайковский—Мекк	»	»	13—15	280
195.	» »	»	»	16—18	281
196.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	282
197.	Чайковский—Мекк	»	»	20—21	283
198.	» »	»	»	22—24	285
199.	» »	»	»	27—29	287
200.	» »	»	декабря	31—1880 г. января 3	290
201.	Мекк—Чайковскому	1880 г.	января	7	293
202.	Чайковский—Мекк	»	»	7—8	294
203.	» »	»	»	11	295
204.	Мекк—Чайковскому	»	»	11	296
205.	Чайковский—Мекк	»	»	12—13	—
206.	Мекк—Чайковскому	»	»	14—15	298
207.	Чайковский—Мекк	»	»	16—17	299
208.	» »	»	»	19—21	302
209.	Мекк—Чайковскому	»	»	21	303
210.	Чайковский—Мекк	»	»	23	305
211.	» »	»	»	27	306
212.	» »	»	января	31—февраля 2	307
213.	Мекк—Чайковскому	»	февраля	2	309
214.	Чайковский—Мекк	»	»	4—6	310
215.	» »	»	»	8—10	312
216.	Мекк—Чайковскому	»	»	11	313
217.	Чайковский—Мекк	»	»	12—14	314
218.	» »	»	»	16—18	316
219.	» »	»	»	25	319
220.	» »	»	»	29	320
221.	Мекк—Чайковскому	»	февраля	29—марта 1	—
222.	Чайковский—Мекк	»	марта	4	323
223.	Мекк—Чайковскому	»	»	6	324
224.	Чайковский—Мекк	»	»	8	—
225.	» »	»	»	10	325
226.	Мекк—Чайковскому	»	»	15	326
227.	Чайковский—Мекк	»	»	16	327
228.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	328
229.	Чайковский—Мекк	»	»	20—24	329
230.	Мекк—Чайковскому	»	»	26	331
231.	Чайковский—Мекк	»	»	27—28	332
232.	» »	»	апреля	2	333
233.	Мекк—Чайковскому	»	»	2	334
234.	» »	»	»	3	—
235.	Чайковский—Мекк	»	»	3	335
236.	Мекк—Чайковскому	»	»	5	337
237.	» »	»	»	8	—
238.	» »	»	»	8	338
239.	Чайковский—Мекк	»	»	9	—
240.	» »	»	»	10	339
241.	Мекк—Чайковскому	»	»	11	340
242.	Чайковский—Мекк	»	»	15	341
243.	» »	»	»	18	342

244.	Мекк—Чайковскому	1880 г.	апреля	21	343
245.	Чайковский—Мекк	»	»	24	344
246.	» »	»	»	27—30	345
247.	» »	»	мая	3—7	348
248.	Мекк—Чайковскому	»	»	10	350
249.	Чайковский—Мекк	»	»	12—14	351
250.	» »	»	»	19—21	352
251.	Мекк—Чайковскому	»	»	22	354
252.	Чайковский—Мекк	»	»	24—28	—
253.	» »	»	июня	2	358
254.	» »	»	»	5	359
255.	Мекк—Чайковскому	»	»	6	360
256.	» »	»	»	8	361
257.	» »	»	»	19	—
258.	» »	»	»	26	362
259.	Чайковский—Мекк	»	»	14—28	—
260.	» »	»	июля	2	366
261.	Мекк—Чайковскому	»	»	3	367
262.	Чайковский—Мекк	»	»	3	—
263.	» »	»	»	4—7	369
264.	» »	»	»	8	372
265.	Мекк—Чайковскому	»	»	10	373
266.	Чайковский—Мекк	»	»	9—11	375
267.	» »	»	»	12—15	376
268.	» »	»	»	16—19	380
269.	» »	»	»	21—24	383
270.	» »	»	»	25—29	386
271.	Мекк—Чайковскому	»	»	27—29	388
272.	» »	»	»	31	390
273.	Чайковский—Мекк	»	июля	31—августа 2	—
274.	» »	»	августа	7	391
275.	Мекк—Чайковскому	»	»	7	393
276.	» »	»	»	11	394
277.	» »	»	»	17	395
278.	Чайковский—Мекк	»	»	9—18	396
279.	» »	»	»	24	399
280.	Мекк—Чайковскому	»	»	29	401
281.	Чайковский—Мекк	»	»	26—31	402
282.	Мекк—Чайковскому	»	сентября	5	403
283.	Чайковский—Мекк	»	»	1—6	404
284.	Мекк—Чайковскому	»	»	8—9	407
285.	Чайковский—Мекк	»	»	9—12	408
286.	» »	»	»	13	411
287.	Мекк—Чайковскому	»	»	13	412
288.	Чайковский—Мекк	»	»	15	413
289.	» »	»	»	19	416
290.	Мекк—Чайковскому	»	»	20	418
291.	Чайковский—Мекк	»	»	21—25	419
292.	Мекк—Чайковскому	»	»	29	421
293.	Чайковский—Мекк	»	»	27—30	422
294.	» »	»	октября	3	424
295.	» »	»	»	5	425
296.	Мекк—Чайковскому	»	»	8	426
297.	Чайковский—Мекк	»	»	8—10	427

298.	Мекк—Чайковскому	1880	г. октября	13—14	430
299.	Чайковский—Мекк	»	»	14—16	431
300.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	434
301.	Чайковский—Мекк	»	»	22	435
302.	Мекк—Чайковскому	»	»	24	437
303.	Чайковский—Мекк	»	»	24—27	438
304.	Мекк—Чайковскому	»	»	31	440
305.	Чайковский—Мекк	»	»	31	442
306.	Мекк—Чайковскому	»	ноября	3	443
307.	Чайковский—Мекк	»	»	7	445
308.	Мекк—Чайковскому	»	»	8	446
309.	Чайковский—Мекк	»	»	12	447
310.	»	»	»	17	448
311.	»	»	»	21	—
312.	Мекк—Чайковскому	»	»	24	449
313.	Чайковский—Мекк	»	»	27	450
314.	Мекк—Чайковскому	»	»	30	452
315.	Чайковский—Мекк	»	декабря	начало	—
316.	Мекк—Чайковскому	»	»	9	454
317.	Чайковский—Мекк	»	»	9	—
318.	»	»	»	14—17	456
319.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	458
320.	Чайковский—Мекк	»	»	23	—
321.	Мекк—Чайковскому	»	»	27	459
322.	Чайковский—Мекк	»	»	28	461
323.	»	»	» декабря	30—1881 г. января 5	462
324.	»	»	1881 г. января	12	466
325.	»	»	»	19—21	467
326.	»	»	»	22	469
327.	»	»	»	26	470
328.	»	»	»	27—февраля 1	471
329.	Мекк—Чайковскому	»	февраля	7	474
330.	Чайковский—Мекк	»	»	7	475
331.	»	»	»	11	476
332.	»	»	»	15	477
333.	Мекк—Чайковскому	»	»	16	—
334.	Чайковский—Мекк	»	»	16	478
335.	»	»	»	19	479
336.	»	»	»	19	480
337.	»	»	»	21—23	—
338.	»	»	» марта	3	484
339.	Мекк—Чайковскому	»	февраля	28—марта 6	485
340.	Чайковский—Мекк	»	марта	10	487
341.	Мекк—Чайковскому	»	»	11—12	488
342.	Чайковский—Мекк	»	»	15	489
343.	»	»	»	16	491
344.	»	»	»	20	493
345.	Мекк—Чайковскому	»	»	22—25	494
346.	Чайковский—Мекк	»	»	30	497
347.	»	»	»	31	498
348.	»	»	» апреля	2	—
349.	»	»	»	8	500
350.	Мекк—Чайковскому	»	»	10—11	501
351.	Чайковский—Мекк	»	»	18	502

352.	Мекк—Чайковскому	1881 г.	апреля	22	503
353.	Чайковский—Мекк	»	»	29	504
354.	» »	»	»	30	505
355.	Мекк—Чайковскому	»	мая	4—6	507
356.	Чайковский—Мекк	»	»	8	509
357.	Мекк—Чайковскому	»	»	12	510
358.	Чайковский—Мекк	»	»	10—13	511
359.	» »	»	»	15	512
360.	» »	»	»	17	—
361.	Мекк—Чайковскому	»	»	18	514
362.	» »	»	»	18	—
363.	Чайковский—Мекк	»	»	21	—
364.	Мекк—Чайковскому	»	»	27	516
365.	Чайковский—Мекк	»	»	24—27	—
366.	» »	»	июня	2	517
367.	Мекк—Чайковскому	»	»	6	518
368.	Чайковский—Мекк	»	»	6—11	519
369.	Мекк—Чайковскому	»	»	12	521
370.	Чайковский—Мекк	»	»	14	—
371.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	522
372.	Чайковский—Мекк	»	»	20	523
373.	Мекк—Чайковскому	»	»	24	524
374.	Чайковский—Мекк	»	»	23—26	525
375.	Мекк—Чайковскому	»	»	28	527
376.	» »	»	»	29	—
377.	Чайковский—Мекк	»	»	30	—
378.	Мекк—Чайковскому	»	июля	1	528
379.	Чайковский—Мекк	»	»	3—4	529
380.	Мекк—Чайковскому	»	»	7	530
381.	Чайковский—Мекк	»	»	7—11	531
382.	» »	»	»	17	534
383.	» »	»	»	22	535
384.	Мекк—Чайковскому	»	»	23	—
385.	Чайковский—Мекк	»	»	30	536
386.	» »	»	августа	4	538
387.	Мекк—Чайковскому	»	»	8	540
388.	Чайковский—Мекк	»	»	10	—
389.	Мекк—Чайковскому	»	»	14	541
390.	Чайковский—Мекк	»	»	19	542
391.	Мекк—Чайковскому	»	»	21	543
392.	Чайковский—Мекк	»	»	24	545
393.	Мекк—Чайковскому	»	»	28	547
394.	Чайковский—Мекк	»	»	29	—
395.	Мекк—Чайковскому	»	сентября	2	548
396.	Чайковский—Мекк	»	»	2—3	549
397.	» »	»	»	11	552
398.	Мекк—Чайковскому	»	»	11	—
399.	Чайковский—Мекк	»	»	13	553
400.	Мекк—Чайковскому	»	»	14	554
401.	Чайковский—Мекк	»	»	15	555
402.	» »	»	»	17	—
403.	Мекк—Чайковскому	»	»	19	556
404.	Чайковский—Мекк	»	»	19	—
405.	Мекк—Чайковскому	»	»	26	557

406. Мекк—Чайковскому 1881 г. октября 1 558
407. Чайковский—Мекк » » 5 559
408. » » » » 9 561
409. Мекк—Чайковскому » » 12 562
410. Чайковский—Мекк » » 14 563
411. Мекк—Чайковскому » » 17 564
412. Чайковский—Мекк » » 20 . . . . . —
413. » » » » 22—24 567
414. » » » ноября 3 569
415. » » » » 8—9 570
416. » » » » 16 571
417. » » » » 18 573
418. Мекк—Чайковскому » » 18 . . . . . —
419. Чайковский—Мекк » » 19 574
420. » » » » 23 576
421. Мекк—Чайковскому » » 24—25 577
422. Чайковский—Мекк » » 26—27 578
423. » » » декабря 1—4 580
424. Мекк—Чайковскому » » 4—5 582
425. Чайковский—Мекк » » 6—9 583
426. » » » » 14—15 585
427. Мекк—Чайковскому » » 21 587
428. Чайковский—Мекк » » 22—23 588
429. Мекк—Чайковскому » » 24 590
430. » » » » 27 591

Примечания 593

Указатель собственных имен 641

Указатель произведений Чайковского 665

Перечень иллюстраций 668

Ред. А. К. Дживелегов
Художествени. редакция
М. П. Сокольников
Лит.-технич. наблюдение
А. Н. Плавильщиков
Техред. Л. А. Фрязинова
Наблюдение на произв.
М. И. Козлов

Сдано в набор 27.II. 34
Подп. в печать 23. IX.34
Тир. 5.300. Уполн. Главл.
Б 37906. Зак. тип. № 188
«Ас.» 127 Инд. А—2 Бум.
62×94—1/16. Печ. лист.
42,5+8 вкл. Авт. лист.
43, 16. Т. зн. на 1 бум. л.
75.056

Отпечатано в 16-й типографии тр. «Полиграфкнига», Трехпрудный, 9.

Цена Р. 13.50
Переплет Р. 2.50